ГОДЪ ПЯТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

7. ПРИ 1867

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Милаковой.

1867.

ЦѢНА РУССКОМУ АРХИВУ ЗА 1866 СЪ ПОРТРЕТОМЪ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й И СЪ ПОЛНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ КЪ ПОВРЕМЕННЫМЪ ИЗДАНІЯМЪ МОСКОВСК. ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ. XXVI, 1777, XII И 134 СТР. 5 Р. СЪ ДОСТАВКОЮ 6 Р.

Вторыя изданія Русскаго Архива большими томами, въ которыхъ статьи размѣщены по порядку времени. **1863** года VI и 1066 стр. (**4** р., съ пер. **5** р.) **1864** года 154 и 1182 стр. съ рисунк. (**4** р., съ пер. **5** р.) **1865** года 1550 стр. (**5** р., съ пер. **6** р.) Иногородные за Русскимъ Архивомъ обращаются исключительно въ Москву, въ Чертковскую библіотеку. Выписывающіе въ города *всѣ четыре года вмѣстѣ* прилагаютъ съ перес. **20** рублей.

Тамъ же изданея „Русскаго Архива":

I. IЕЗУИТЫ

И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ.

(ПИСЬМА Ю. Ѳ. САМАРИНА. КЪ ОТЦУ МАРТЫНОВУ).

Изложено ученіе Іезуитовъ и разсказаны ихъ дѣйствія въ Россіи.

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 рубля (8°. 304 стр.)

II. НОВИКОВЪ И МОСКОВСКІЕ МАРТИНИСТЫ.

Изслѣдованіе М. Н. Лонгинова. М. 1867. 8°. IV, 384 и 176 стр. Цѣна 3 р., и съ пересылкою.

Тамъ же стихотворенія **КН. П. А. ВЯЗЕМСКАГО:**

ВЪ ДОРОГѢ И ДОМА.

М. 1862. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. (8°. 420 стр.)

ЖИЗНЬ И ДѢЯНІЯ

генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго.

СОЧИНЕНІЕ ГР. А. Н. САМОЙЛОВА (*).

ГЛАВА III-я.

Первая война съ Турками, открывшаяся въ царствованіе Екатерины Великія: въ продолженіе оной Григорій Александровичъ изъ камергеровъ перемѣщенъ въ генералъ-маіоры и потомъ произведенъ въ генералъ-порутчики. Заслуги его въ оныхъ чинахъ.

Оттоманская Порта, не столько по собственному побужденію, колико подстрекаемая Европейскими державами, желавшими испытать и всемѣрно привесть въ ослабленіе силы Россіи, подъ управленіемъ такой государыни, коея первые годы царствованія уже наводили тѣнь на всѣ прочія государства (ея императорское величество послѣ окончанія высочайшаго коронованія въ Москвѣ повелѣть соизволила графу Никитѣ Ивановичу Панину, управляющему тогда иностраннымъ департаментомъ, чтобы онъ объявилъ всѣмъ иностраннымъ министрамъ, при дворѣ ея находящимся, что ежели который изъ Европейскихъ дворовъ не согласится въ томъ, что титулъ императорской принадлежитъ монархіи Россійской, то съ тѣмъ дворомъ всякое сношеніе прерывается. Прусскій и Датскій министры тотчасъ на это согласились, прочіе просили, чтобы позволено было имъ отправить къ своимъ дворамъ курьеровъ; Французскій дворъ былъ послѣдній, который на вышеозначенное согласился; и такъ съ тѣхъ поръ только императорской титулъ къ Россіи началъ быть неоспоримымъ, до тѣхъ же поръ отъ временъ Петра Великаго вступавшій на Россійскій престолъ долженъ былъ сноситься о семъ съ другими дворами и такъ сказать императорской титулъ выпрашивать), — Порта, надменная прежними своими военными преимуществами надъ Европейцами, нарушила миръ и объявя войну ознаменовала разрывъ тишины вторженіемъ 60 т. Татаръ, подъ предводительствомъ Калги-султана, въ южные предѣлы Россіи. Сіе послѣдовало въ исходѣ 1768-го года.

Тогда полуденная страна во всемъ протяженіи своемъ отъ запада на востокъ граничила съ Крымскою и Бессарабскою степями, имѣя порубежною землею степь Запорожскую и въ вершинахъ рѣкъ Ингула и Ингульца поселенія Сербовъ и Булгаръ, подъ названіемъ Новосербіи, въ коей крѣпость Святыя Елисаветы имѣла гарнизонъ, изъ 3-хъ баталіоновъ состоявшій и почиталась *запасомъ военнымъ* (35) того края; а шанцы Орлинской, Новомир-

(*) См. выше стр. 575—606.

(35) Поправка сдѣланная рукою гр. Самойлова; прежде было написано: „забраломъ". *П. Б.*

городской, Бутавской, Крыловской и Крюковской составляли слабую линію, простиравшуюся отъ Буга до Днѣпра, не снабженную для защиты ни артиллеріею, ни войсками достаточными. По правому берегу Днѣпра, на пространствѣ 300 верстъ, были крѣпостцы: Старой Кайдакъ, Сѣча и (Кизикермень) Бериславль, въ коихъ Запорожцы, не всегда Россіи послушные, господствовали, не имѣя ни достаточныхъ силъ, ни потребностей военныхъ къ содержанію тѣхъ предѣловъ отъ набѣговъ Татарскихъ. На восточномъ же берегу Днѣпра существовала старая линія, протяженная отъ Днѣпра до Донца, охраняемая какъ бывшими ландмилицкими полками, такъ и Малороссійскими козаками отъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ; но и по той линіи шанцы и редуты были запущены, не довольно снабжены артиллеріею и снарядами и на пространствѣ 500 верстъ войскомъ (слабымъ и не дисциплинированнымъ отъ 10-ти до 15 т. пѣхоты и кавалеріи составляющимъ) защищаемы.

При толь слабомъ состояніи тѣхъ предѣловъ, набѣгъ Татаръ, произведенный внезапно изъ Буджака и Крыма, нанесъ государству немалый вредъ и сильную тревогу. Главныя Татарскія силы, подъ начальствомъ Калги-Салтана, напали на Новосербію, разорили нѣкоторые шанцы, подступили подъ крѣпость Святыя Елисаветы, сожгли форштатъ оныя и многія въ околичности только что обселившіяся слободы, простирая ужасъ и опустошенія до Крюковскаго шанца, разоряли и полонили тамошнихъ поселенцовъ, похищали ихъ скотъ и истребили новоустроенныя ихъ заведенія. Едва не вторгнулись они черезъ Днѣпръ въ Малороссію, для отвращенія чего правительство принужденнымъ нашлось согнать поселянъ и въ низъ и въ верхъ отъ Кременчуга, на нѣкоторое пространство, прополонивать въ продолженіи зимы ледъ на Днѣпрѣ и тѣмъ не перепустить Татаръ. На восточной сторонѣ береговъ Днѣпра, толпы многочисленныя Крымскихъ и Нагайскихъ Татаръ, перешедъ Молочныя и Конскія воды, учинили набѣгъ на старую линію, прорывались за оную до рѣки Ворсклы, разорили Нихворощь, что̀ нынѣ Алексополь и восточнѣе оттуда лежащее мѣстечко Котыльву, въ 30-ти верстахъ отъ Ахтырки отстоящее, чиня вдоль всей старой линіи разоренія и опустошенія, подобно какъ и на западной сторонѣ той рѣки.

Сіи для Россіи непріятныя воспоминанія, хотя не входили бы въ составъ исторіи князя Потемкина Таврическаго; но прискорбное воспоминаніе оныхъ доказываетъ, что Крымъ, гнѣздилище неспокойныхъ и хищныхъ Татаръ, былъ для Россіи вреденъ и опасенъ, а силы Татарскія служили для Порты Оттоманской бичемъ, который она свободно употребляла, всегда угрожая прекраснымъ и плодоноснымъ полуденнымъ предѣламъ Россіи опустошеніемъ и разореніемъ. Но нынѣ сей преизобилующій всѣми благами щедрой природы край огражденъ и успокоенъ отъ внѣшнихъ враговъ и обязанъ симъ благоденствіемъ покорителю Тавриды, достойно такъ проименованному, который, завоевавъ отъ Порты свободное плаваніе по Черному морю, устроя гавани и крѣпости, открылъ для жителей полуденной Россіи и для всего государства неисчерпаемые источники обогащенія и промышленности и тѣмъ оставилъ навѣки живущій памятникъ своихъ великихъ заслугъ.

Въ 1769-мъ году выступили двѣ Россійскія арміи въ походъ; первая подъ командою князя Александра Михайловича Голицина, а вторая подъ

командою графа Петра Александровича Румянцова, какъ для отраженія сего внезапно произведеннаго набѣга, такъ и для низложенія гордости Оттоманской.

Григорій Александровичъ Потемкинъ, не оставлявшій мысли о своемъ возвышеніи черезъ заслуги и приготовляя самъ себя къ знаменитости, будучи въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, при открывшемся въ семъ случаѣ служить престолу и отечеству, не помышлялъ болѣе о томъ, чтобы неотлучнымъ приближеніемъ у трона достигать своего счастія, но, имѣя рвеніе къ воинской славѣ, изъ всѣхъ первый всеподданнѣйше просилъ у императрицы позволенія служить волонтеромъ въ 1-й арміи, бывшей, какъ уже сказано, подъ командою генерала князя Александра Михайловича Голицына. Оная армія черезъ Польшу шла *для сдѣланія поиска* надъ городомъ Хотиномъ, чтобъ потомъ войдти въ Молдавію. Кампанія того года происходила у Днѣстра. Въ продолженіе оной Григорій Александровичъ находился всегда въ передовомъ корпусѣ арміи, отличалъ себя во всѣхъ случаяхъ и встрѣчалъ непріятеля съ отважностію и личною неустрашимостію, черезъ что имѣлъ поводъ просить у двора о переименованіи его изъ камергеровъ въ генералъ-маіоры. Всѣмъ извѣстно, что тогда сіи два класса имѣли одинакое чиновъ преимущество, а потому просьба его была удовлетворена, и онъ переименованъ въ генералъ-маіоры съ старшинствомъ чина камергерскаго. Сіе ознаменовало особенную высочайшую милость; но враги его, у двора бывшіе, допустили исполненіе оной единственно потому, чтобы переименованіемъ въ чинъ воинской навсегда удалить его отъ дворской службы. За симъ вскорѣ воспослѣдовало генеральное сраженіе, называемое Лѣснымъ; въ ономъ Григорій Александровичъ командовалъ бригадою конныхъ полковъ, и въ семъ дѣлѣ показалъ искусство генерала и личную храбрость, такъ что главнокомандующій, представляя о немъ, изъяснялъ слѣдующимъ образомъ: «Что онъ непосред«ственно рекомендуетъ мужество и ис«кусство, которое оказалъ въ семъ дѣлѣ «генералъ-маіоръ Потемкинъ; ибо ка«валерія наша до сего времени еще не «дѣйствовала съ такою стройностію и «мужествомъ, какъ въ сей разъ подъ «командою вышеозначеннаго генералъ«маіора». Григорій Александровичъ, при толь отличной отъ главнокомандующаго похвалѣ и дѣйствительной заслугѣ, не остался бы не награжденнымъ отъ монархини; но враги, ему завидующіе, обнесли его предъ государынею, будто онъ осмѣивалъ главноначальствующаго; а склонный къ сатирѣ умъ Григорія Александровича былъ причиною, что и государыня, тому повѣря, тѣмъ паче поступкомъ его была не довольна, что главнокомандующій писалъ о немъ съ толь великою похвалою.

По занятіи Хотина и по окончаніи той кампаніи, на слѣдующую (36) принялъ начальство надъ первою арміею графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, переименованный въ послѣдствіи Задунайскимъ, великій и знаменитый полководецъ, который первый далъ тактику какъ побѣждать Турокъ, и низвергнулъ гордость и буйство ихъ, толико бывшія для всей Европы страшными, поколебавъ могущество Оттоманское въ самомъ основаніи. Григорій Александровичъ просилъ сего предводителя арміи, чтобы ему служить подъ командою генералъ порутчика Штофельна, откомандированнаго въ Молдавію.

(36) 1770 года.

Тогда получилъ онъ подъ начальство свое небольшой отрядъ пѣхоты и конницы, разбилъ при Фокшанахъ корпусъ Турецкихъ войскъ, въ 12-т. состоящій. Сраженіе сіе, въ тогдашней реляціи описанное, ознаменовало въ немъ способности военачальства; за сей подвигъ получилъ онъ орденъ Святыя Анны. На случай сей Василій Петровичъ Петровъ, извѣстный въ стихотворствѣ сочинитель, сочинилъ Григорью Александровичу Эпистолу, въ которой онъ его уподобилъ Ахиллесу слѣдующими стихами:

Онъ жилъ среди красотъ и аки Ахиллесъ,
На ратномъ полѣ вдругъ онъ мужество изнесъ:
Впервый пріялъ онъ громъ, — и громъ ему послушенъ,
Впервыя встрѣтилъ смерть — и встрѣтилъ равнодушенъ!

Послѣ сего Григорій Александровичъ, продолжая быть въ корпусѣ генералъ-поручика Штофельна, находился во всѣхъ сраженіяхъ, которыя съ Турками подъ начальствомъ сего генерала происходили; равномѣрно и въ тѣхъ, которыя имѣлъ съ Турками генералъ-поручикъ князь Репнинъ, принявшій по смерти Штофельна надъ онымъ корпусомъ начальство, и во всѣхъ случаяхъ Григорій Александровичъ отличалъ себя мужествомъ и искусствомъ.

Между тѣмъ главная армія, выступившая въ походъ, двинулась къ рѣкѣ Пруту, корпусъ князя Репнина соединился съ арміею, и произошло первое и важное сраженіе при Ларгѣ (подъ предводительствомъ главнокомандующаго) съ Крымскимъ ханомъ, который, командуя стами тысячами Татаръ, подкрѣпленный Турецкою пѣхотою, шелъ противу Россійской первой арміи. Григорій Александровичъ, въ семъ сраженіи находился, какъ выше объявлено, въ корпусѣ князя Репнина, былъ въ самомъ переди и содѣйствуя одержанію сей знаменитой побѣды, весьма отличилъ себя въ сей день, за что въ награду заслуги своей получилъ орденъ С-го Георгія 3-го класса, а главнокомандующій за побѣду сію получилъ перваго класса С-го Георгія. По одержаніи сей побѣды армія двинулась къ Кагулу, чтобы встрѣтить главныя силы Турецкія, подъ начальствомъ самаго верховнаго визиря бывшія. Между тѣмъ ханъ, по разбитіи своемъ, собравши опять всѣ свои силы, угрожалъ отрѣзаніемъ подвижнаго магазейна и истребленіемъ онаго, и предъ самымъ вступленіемъ въ дѣло съ визиремъ, въ арміи нашей не оставалось болѣе какъ на одни сутки продовольствія. Тогда главнокомандующій, препоручивъ Григорью Александровичу ускорить къ защищенію подвижнаго магазейна, и отдѣляя его въ сію экспедицію отъ арміи съ отрядомъ, возложа на его обезпеченіе продовольствіе цѣлой арміи, сказалъ сіе: „Григорій Александро„вичъ, доставьте намъ пропитаніе на„ше на концѣ шпаги вашей“, что онъ благополучно выполнилъ, и подвижной магазейнъ былъ отъ Татаръ спасенъ. Между тѣмъ главнокомандующій атаковалъ *верховнаго* визиря, выигралъ славное Кагульское сраженіе, за которое получилъ чинъ фельдмаршала, но наономъ Григорій Александровичъ не былъ по причинѣ вышеобъявленнаго препорученія. По разсѣяніи и истребленіи главныхъ силъ непріятельскихъ, фельдмаршалъ командировалъ опять корпусы и отряды для обезпокоиванія Турокъ въ ихъ крѣпостяхъ и для пресѣченія онымъ средствъ къ подкрѣпленію крѣпости Бендерской, которая крѣпость осаждаема еще была второю арміею, подъ командою генерала графа Петра Ивановича Панина, почему и

Григорій Александровичъ Потемкинъ былъ откомандированъ опять къ корпусу князя Репнина для поисковъ на Измаилъ и Килію, и тѣмъ кончились главныя дѣйствія кампаніи 1770 года. Зимою же, когда большая часть арміи стала на зимнія квартиры, испросилъ онъ отъ фельдмаршала позволеніе отправиться къ высочайшему двору и получилъ отъ него для поднесенія государынѣ письмо, въ коемъ, донося ея величеству о заслугѣ его, присовокупляетъ: «Сей чиновникъ, имѣющій большія способности, можетъ сдѣлать о «землѣ, гдѣ театръ войны состоялъ, обширныя и дальновидныя замѣчанія, «которыя по свойствамъ своимъ заслуживаютъ быть удостоенными высочайшаго вниманія и уваженія, а посему «онъ и ввѣрилъ ему для донесенія ея «императорскому величеству многія «обстоятельства, къ пользѣ службы и «славѣ имперіи относящіяся.»

Григорій Александровичъ, съ начала прибытія въ Петербургъ, былъ принятъ у двора отмѣнно благосклонно, но завистники его, всегда ему враждовавшіе, не терпя появленія его, предуспѣли наклонить сильную у двора сторону, чтобы неудерживая его обратно отправить; почему онъ не умедливая и возвратился къ арміи.

По прибытіи въ главную квартиру, находившуюся въ Яссахъ (37), получилъ онъ въ командованіе корпусъ, бывшій въ Краіовскомъ банатѣ къ границамъ Венгріи. Сей корпусъ назывался корволантъ, или летучій корпусъ. Начальствуя онымъ, перешелъ онъ на правый берегъ Дуная, гдѣ при городѣ Цимбрѣ атаковалъ и разбилъ знатный корпусъ непріятельскихъ войскъ; а по разбитіи онаго избавилъ изъ подъ ига Турецкаго нѣсколько сотъ семействъ христіанскихъ, которыхъ подъ защитою своею и перевелъ на лѣвый берегъ Дуная. Послѣ сего, извѣстясь, что генералъ-маіоръ Гудовичъ (38) приближается съ отрядомъ войскъ къ крѣпости Турнѣ, противулежащей городу Никополю на Дунаѣ, находясь въ двухъ токмо маршахъ отъ оной крѣпости, ускорилъ къ оной для содѣйствія генералъ-маіору Гудовичу. Между тѣмъ генералъ-поручикъ князь Репнинъ, которому отъ фельдмаршала тогда поручена была подъ команду 2-я дивизія первой арміи, сдѣлался начальникомъ и корволанта, прибылъ къ Турнѣ, и по замѣчаніямъ его не нашедъ овладѣніе сею крѣпостію прочнымъ, съ корпусомъ генерала Гудовича отошелъ отъ сего города и генералъ-маіору Потемкину повелѣлъ отъ крѣпости отступить. Тогда Турки, усмотря, что знатная часть силъ Россійскихъ уже отдѣлилась, неукоснительно сдѣлали сильное нападеніе на корпусъ Григорія Александровича. Сраженія происходили два дни сряду, въ послѣдній день силы непріятельскія простирались за 20-т.; но Григорій Александровичъ съ числомъ, и четвертой доли не составлявшимъ, сдѣлалъ славное сопротивленіе, торжествовалъ надъ Турками, и наконецъ поразя ихъ, одержавъ побѣду, произвелъ среди дня отступленіе въ виду непріятеля, не осмѣливавшагося безпокоить его болѣе.

Предъ окончаніемъ кампаніи 1771 года Григорій Александровичъ занемогъ жестокою горячкою, и какъ онъ не соглашался принимать помощи отъ врачей, и въ болѣзни ни мало себя не берегъ, то и выздоровленію своему обязанъ единственно крѣпкому своему сложенію. Въ сей трудной болѣзни смо-

---

(37) 1771 года.

(38) Который нынѣ генералъ-фельдмаршалъ графъ Гудовичъ.

трѣніе за собою поручилъ онъ двумъ бывшимъ у него Запорожцамъ, которымъ во время зноя, въ томъ климатѣ нестерпимаго, приказывалъ окроплять себя самою холодною водою, и симъ придуманнымъ имъ средствомъ освободился отъ горячки и возвратилъ прежнія свои силы.

Въ 1772-го году фельдмаршалъ поручилъ ему резервный корпусъ, бывшій предъ тѣмъ подъ командою генералъ-квартермистра Боура, который расположенъ былъ при рѣкѣ Яломицѣ, и потомъ поставленъ противу крѣпости города Силистріи, лежащаго на правомъ берегу Дуная. А какъ между лѣвымъ берегомъ оной рѣки и городомъ находится большой островъ, рукавомъ Дуная обтекаемый, то Турки имѣли удобство подъ пушками своей крѣпости переправляться на островъ въ большихъ и малыхъ силахъ, покушаясь произвесть диверсію на лѣвомъ берегу Дуная. Съ нашей же стороны наблюденіе Силистріи резервнымъ корпусомъ необходимо было для удержанія въ страхѣ многочисленнаго гарнизона сей крѣпости, по соображенію операцій всѣхъ дѣйствующихъ силъ нашихъ.

Въ семъ году начался близъ Фокшанъ конгрессъ. Первый онаго полномочный былъ князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, а вторый тайный совѣтникъ Алексѣй Михайловичь Обрѣзковъ. Князь Григорій Александровичъ, во все пребываніе князя Григорья Григорьевича, былъ на ономъ конгрессѣ, послѣ отъѣзда же его князь Григорій Александровичъ отправился къ своему корпусу, а какъ въ томъ же году установленъ былъ новый конгрессъ въ Бухарестѣ при одномъ тайномъ совѣтникѣ Обрѣзковѣ, то во все теченіе года сего первая армія наблюдала съ Турками перемиріе.

И такъ въ теченіи слѣдующей кампаніи долженъ онъ былъ удерживать сію позицію и, всѣ покушенія Турокъ на островъ уничтожая, не допускать имъ на ономъ укрѣпиться; что и исполнялъ онъ неупустительно, ибо коликократно гарнизонъ Силистріи переправлялся на островъ, но всегда непріятель былъ отражаемъ и прогоняемъ съ большимъ урономъ. Въ теченіе сего года Григорій Александровичъ получилъ по старшинству чинъ генералъ-порутчика.

Въ началѣ кампаніи 1773-го года произвелъ Григорій Александровичъ надъ Турками сильное пораженіе, которые изъ Силистріи въ нѣсколькихъ тысячахъ переправились на сей островъ и съ значительнымъ урономъ отражены и прогнаны были въ крѣпость, причемъ нѣсколько ихъ лодокъ и шаекъ въ плѣнъ взято и потоплено. Вскорѣ за симъ предписано было Григорью Александровичу отъ фельдмаршала атаковать съ рѣки укрѣпленіе Турецкое на правомъ берегу Дуная, въ урочищѣ Гуробалы; а съ другой стороны долженъ былъ въ тоже время генералъ маіоръ фонъ Вейсманъ, переправясь въ Измаилѣ чрезъ Дунай, атаковать Турецкія силы, въ семъ укрѣпленномъ мѣстѣ бывшія, что совокупными силами было произведено въ дѣйство, и непріятель изъ укрѣпленій его былъ выбитъ и прогнанъ. Между тѣмъ главная армія, подъ личнымъ предводительствомъ самаго фельдмаршала, приближась лѣвымъ берегомъ Дуная къ реченному урочищу, перешедъ въ ономъ чрезъ Дунай, двинулась на Силистрію. Распоряженіе въ семъ движеніи было слѣдующее: правый флангъ состоялъ подъ командою старшаго генералъ-порутчика *Алексѣя Алексѣевича* Ступишина, а лѣвый подъ командою Григорья Александровича, въ центрѣ же

присутствовалъ фельдмаршалъ. Дефилея, ведущая къ Силистріи, называемая Дервентъ, занята была егерскими баталіонами; послѣ чего правый флангъ долженъ былъ, пройдя дефилею Дервентъ, занять подлежащую позицію. Генералъ-порутчикъ Потемкинъ, чувствителенъ будучи къ славѣ, съ прискорбіемъ видя себя не въ передовыхъ войскахъ, упросилъ фельдмаршала, дабы позволено и ему было итти впередъ и получа на сіе приказаніе, оставя пѣхоту свою подъ командою старшаго генералъ-маіора, поскакалъ съ кавалеріею въ передъ, настигъ передовое войско тогда, когда первый гренадерскій полкъ (что нынѣ лейбъ-гренадерскій) выстроенный не кареемъ, а въ линію, подъ командою своего храбраго полковника графа Воронцова ([39]), сражаясь отчаянно противъ нѣсколькихъ тысячь Турецкой кавалеріи, былъ тѣснимъ съ фрунта, съ фланговъ и съ тыла, такъ что долженъ былъ заднюю шеренгу поворотить и приходилъ въ изнеможеніе: — Григорій Александровичъ стремительно ударилъ на Турецкую конницу, смялъ ее, опрокинулъ, обратилъ въ бѣгство и поражая гналъ подъ самыя картечныя выстрѣлы Силистрійскаго ретрашамента. Симъ подвигомъ знаменитымъ спасъ отъ пораженія и гибели 1-й гренадерскій полкъ, который, противъ силъ нѣсколькихъ тысячь Турокъ сражаясь, безъ благоуспѣшнаго нападенія на непріятеля кавалеріи нашей, предводимой Григоріемъ Александровичемъ, былъ бы совершенно разбитъ.

([39]) *Таковое построеніе сдѣлалъ онъ потому, что съ правой своей стороны (имѣлъ), не въ отдаленности, егерскій баталіонъ, а съ лѣвой Харьковской гусарскій полкъ.* Приписка рукою гр Самойлова. Упоминаемый здѣсь гр. Воронцовъ есть гр. Семенъ Романовичъ, отецъ свѣтлѣйшаго князя Михаила Семеновича. *П. Б.*

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего сраженія произведенъ былъ приступъ къ Силистрійскому крѣпкому ретраншаменту съ двухъ сторонъ: съ одной подъ командою генералъ-маіора барона Игельстрома, а съ другой подъ начальствомъ генералъ-маіора Каковинскаго. Всѣмъ извѣстна неудача сего предпріятія ([40]), которое и потому было оставлено, что въ самое время какъ штурмовыя обѣ колонны были отражены отъ ретраншамента, фельдмаршалъ получилъ извѣстіе, что Черкесъ-паша, извѣстный Турецкій наѣздникъ съ семью тысячами конницы приближается, дабы подкрѣпить гарнизонъ Силистріи и Россійскую армію безпокоить. Въ слѣдствіе чего Григорій Александровичъ откомандированъ былъ фельдмаршаломъ для отраженія сей Турецкой конницы, что̀ онъ исполнилъ съ успѣхомъ, опрокинувъ оную и разсѣявъ. Вслѣдъ за симъ фельдмаршалъ извѣщенъ былъ, что Нюманъ-паша съ 20-ю тысячами отборнаго войска отряженъ отъ верховнаго визиря для занятія той дефилеи, чрезъ которую армія наша должна возвращаться. Онъ повелѣлъ генералъ-маіору барону Вейсману идти противъ Нюманъ-паши, который при Кучукъ-Кайнарджи остановился. Между тѣмъ главный корпусъ вступилъ въ дефилею, а Григорью Александровичу Потемкину велѣно было, остановясь у отверстія дефилеи, прикрывать отступленіе главнаго корпуса арміи и препятствовать гарнизону Силистрійскому, равно и другимъ отрядамъ Турецкимъ, тревожить армію въ обратномъ ея походѣ чрезъ дефилею. Сію важную довѣренность къ себѣ

([40]) *Сочинитель исторіи (сей) имѣлъ счастіе въ сей день получить первое военное награжденіе: орденъ святаго Георгія 4-го класса.* Приписка рукою гр. Самойлова. *П. Б.*

фельдмаршала оправдалъ Григорій Александровичъ въ полной мѣрѣ, и уже по благополучномъ прошествіи чрезъ дефилею главнаго корпуса вступилъ и онъ съ своимъ корпусомъ въ оную дефилею. Но въ сіе самое время генералъ квартермистеръ Муромцовъ(41),бывшій при баронѣ ф. Вейсманѣ, прислалъ къ фельдмаршалу донесеніе, что сей знаменитый и незабвенный генералъ одержалъ совершенную побѣду надъ Нюманъ-пашею, но въ тоже время самъ заплатилъ сей подвигъ жизнію своею, и палъ на полѣ славы отъ пули ворвавшихся въ каре Турковъ, которыхъ прежде полученія удара опрокинулъ онъ однакожъ и выгналъ изъ карея. По сему столь радостному, но не менѣе того болѣзненному извѣстію, фельдмаршалъ, опасаясь, чтобы смерть генерала, столь любимаго подчиненными своими, на храбрость коего и искусство они совершенно надѣялись, не лишила бы ихъ бодрости, и чтобы сія важная побѣда не осталась безуспѣшною, для предотвращенія чего откомандировалъ онъ генералъ-порутчика Потемкина съ кавалеріею его корпуса, чтобы онъ корпусъ Вейсмановъ, естьли бы Турки вздумали оный вновь атаковать, подкрѣпилъ бы и непріятеля отразилъ, а естьли бы Турки не осмѣлились дѣлать покушеній, то привелъ бы тотъ корпусъ въ соединеніе съ арміею.

Въ слѣдствіе чего Григорій Александровичъ, обезпечивая соединеніе онаго корпуса съ главною арміею, послалъ подъ начальствомъ генералъ-квартермистра Муромцова, обѣихъ оныхъ корпусовъ кавалерію, для поисковъ и надзираній за движеніями непріятеля; и когда генералъ-квартермистръ изъ экспедиціи сей возвратился, то Григорій Александровичъ выступилъ со всѣми войсками въ соединеніе съ арміей въ урочище Гуробалы, куда и прибылъ поутру рано. Фельдмаршалъ изъявилъ за толь исправное исполненіе препорученія большую признательность; ибо весьма безпокоился, чтобы смерть Вейсмана не произвела какихъ непріятныхъ послѣдствій.

Послѣ сей экспедиціи вся армія перешла на лѣвый берегъ Дуная, кромѣ побѣдоноснаго Вейсманова корпуса, который, подъ начальствомъ барона фонъ Унгерна отправился правымъ берегомъ Дуная къ сторонѣ Измаила, гдѣ также чрезъ сію рѣку переправился. Григорій же Александровичъ Потемкинъ съ своимъ корпусомъ возвратился къ прежней позиціи у Ликорешты, въ коей до окончанія сей кампаніи пробылъ; а въ продолженіи глубокой осени повелѣно было отъ фельдмаршала на островѣ, противулежащемъ Силистріи, устроить нѣсколько батарей и производить по крѣпости и городу пальбу, дабы скопившіяся въ семъ городѣ непріятельскія силы держать въ опасеніи и чрезъ то дать средство корпусамъ барона Унгерна и князя Долгорукова производить операціи имъ назначенныя безъ препятствія. Сіе съ желаемымъ успѣхомъ было имъ исполнено, и по окончаніи кампаніи, въ декабрѣ мѣсяцѣ, Григорій Александровичъ получилъ увольненіе отъ фельдмаршала для отбытія въ Петербургъ, куда и прибылъ въ началѣ 1774 года, окончивъ тѣмъ первоначальное служеніе свое въ войнѣ противу Турокъ, и почерпнувъ, такъ сказать, первыя свѣденія для сооруженія и исполненія тѣхъ великихъ плановъ, которые онъ имѣлъ славу произвести ко благу государственному.

(41) См. любопытное дружеское письмо его къ Потемкину, въ книжкѣ Лебедева: „Графы Панины", Спб. 1863, стр. 110. *П. Б.*

ГЛАВА IV-я.

Григорій Александровичъ Потемкинъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ ея величества, подполковникомъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта, получилъ орденъ Бѣлаго Орла и С-го Александра Невскаго, пожалованъ вицепрезидентомъ военной коллегіи съ чиномъ генералъ-аншефа, получилъ орденъ С-го Андрея, возводится въ достоинство графа и награждается портретомъ императрицы, украшеннымъ бриліантами.

Въ предъидущихъ главахъ объяснено было, какъ Григорій Александровичъ Потемкинъ, еще достигая возмужалости, строилъ мысленно чертежи о вызвышеніи своемъ чрезъ заслуги отечеству и для того, чтобъ нѣкогда быть способнымъ къ дѣламъ государственнымъ, прилагалъ великое прилежаніе, обогащая обширный умъ свой познаніями и свѣдѣніями всякаго рода. Судьба и счастіе благопріятствовали его предположеніямъ. Государыня великая усмотрѣла въ немъ приверженнѣйшаго вѣрноподданнаго, обрѣла человѣка по сердцу своему.

Краткое время служенія его на полѣ браней, подъ начальствомъ знаменитаго героя Задунайскаго, раскрыло въ немъ способности къ военачальству и духъ великій, который въ ремеслѣ военномъ есть первѣйшее дарованіе. Мужество, твердость, предпріимчивость, бдительность и предъусмотрѣніе, означенуясь въ характерѣ Григорія Александровича въ теченіе протекшихъ четырехъ кампаній противъ Турокъ, отверзли ему путь свободный въ то поприще славы, къ коему онъ стремился.

Многіе скажутъ, что для достиженія вышней степени военнаго начальника въ семъ великомъ ремеслѣ потребно время и разительные опыты, чтобы доказать способность и пріобрѣсть общее довѣріе. Справедливо сіе; но развѣ четыре кампаніи, имъ сдѣланныя и служеніе въ офицерскомъ чинѣ, не могли доставить ему все вышеозначенное? Сверхъ сего могу однакожъ показать примѣры изъ древней и новѣйшихъ временъ исторіи ([42]), сколь нерѣдко и безъ дальнихъ испытаній природныя дарованія открывали искусныхъ и великихъ полководцевъ, и Григорій Александровичъ по всей справедливости принадлежитъ къ числу оныхъ.

Четыре года, проведенные имъ въ званіи частнаго генерала въ арміи, углубили его въ изслѣдованіяхъ о средствахъ къ сокрушенію Оттоманскаго могущества. Свободные отъ подвиговъ военныхъ часы, среди стана на театрѣ военномъ, употребилъ онъ, дабы обдумать великій планъ о обезпеченіи границъ полуденной Россіи и о возведеніи имперіи на высочайшую степень величія. Изъ опытовъ позналъ онъ, что многосложныя полчища Татаръ и самыхъ Турокъ ничтожны противу войскъ, устроенныхъ правилами истинной тактики, что соображаемый имъ планъ есть вѣрный способъ къ потрясенію и къ самому сокрушенію коллоса Оттоманскаго, простершагося основаніемъ на лучшихъ предѣлахъ трехъ частей стараго свѣта. Онъ не могъ безболѣзненно взирать, что варвары сіи, поработя новый Римъ, древнюю Грецію, Ахаію, Іонію, всю Малую Азію, Египетъ и разширя господство свое на Африканскихъ берегахъ Средиземнаго мо-

([42]) Изъ древнихъ Ѳемистоклъ, Алцибіадъ, Сципіонъ, Октавій, не служа въ малыхъ чинахъ, явились великими полководцами, такъ какъ изъ новыхъ принцъ Конде, Дюкъ де Вандомъ, Моро и многіе другіе.

ря, повергнувъ Грековъ и другихъ Христіанъ въ поносное рабство, вмѣняли въ достоинство величія своего искорененіе просвѣщенія и причиненныя ними разрушенія. Онъ зналъ, что, раздѣленіе Христіанской церкви, ослабленіе въ военной системѣ и принятая въ то время политика Махіавелева были причинами допущенія Турокъ къ сему владычеству. Постигая совершенно образъ мыслей великой монархини, проницая высокія понятія ея о истинномъ величіи, употребилъ онъ случай и время обдумать великій планъ такъ названной восточной системы ([43]). Будучи на берегахъ Дуная, по свѣдѣніямъ его въ отечественной исторіи, съ любопытствомъ отыскивалъ онъ тѣ мѣста, гдѣ Святославъ пожиналъ лавры побѣдъ, строилъ города и утверждалъ свое владычество ([44]), и взиралъ на оныя какъ на достояніе трона Россійскаго. Мысленно переходя къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, воображалъ, съ какою безпрепятственностію Олегъ и Ярославъ, изъ Днѣпра отправясь въ ладьяхъ, появились предъ стѣнами Царя Града и предписывали ему законы; искалъ въ душѣ своей того Херсона, предъ коимъ Св. Владиміръ пріемлетъ просвѣщеніе Россіи вѣрою Христовою, и великая душа князя Потемкина не могла успокоиться, познавая въ Татарахъ тѣхъ Половцовъ, кои чрезъ многія столѣтія блаженство Россіи потрясали. При сихъ то воспоминаніяхъ мысли его обращены были къ изысканію вѣрныхъ средствъ, чтобъ разрушить силу азіатскихъ пришельцовъ, осквернившихъ, такъ сказать, благословенные предѣлы Европы.

Но Григорій Александровичь постигалъ, что производимая тогда съ Портою война, сколь ни благоуспѣшна была, поелику Россія побѣждала на Дунаѣ и въ Архипелагѣ, однакожъ не могла доведена быть къ совершенію той великой цѣли, а служила токмо къ началу онаго предпріятія, которое чтобъ исполнить потребны были слѣдующія средства.

1-е. Надлежало отдѣлить Татаръ отъ Турковъ и сдѣлавъ ихъ независимыми отъ вліяній Порты, привесть неукоснительно Крымъ подъ скипетръ Россійскій.

2-е. Потребно было устье Днѣпра очистить отъ Турокъ и укрѣпленный ими съ великимъ тщаніемъ и искусствомъ Очаковъ ([45]), яко ключь въ Черное море, сокрушить.

3-е. Для сего надлежало прежде близъ онаго на Днѣпрѣ воздвигнуть городъ и верфь, чтобъ имѣть военное сухопутное и морское депо безопасное, и тогда съ моря и съ суши имѣть способъ ополчиться для господства на Черномъ морѣ.

4-е. Чтобъ обуздать Кавказскіе народы, подобострастные Туркамъ и всегда готовые имъ содѣйствовать во время войны набѣгами къ Азову и къ Дону, необходимо нужно было провесть линію укрѣпленій отъ перелома рѣки

([43]) Сколь желала великая Екатерина привесть оную въ исполненіе, въ томъ свѣтъ увѣренъ; первые успѣхи князя Потемкина Таврическаго оправдываютъ ея соображенія. Смерть, пресѣкшая нить жизни сего славнаго мужа, остановила существованіе Оттоманской имперіи до настоящихъ событій; но основаніе великаго плана твердо и понынѣ, и Россія всегда имѣть можетъ средство оный совершить.

([44]) Изъ исторіи Святослава Игоревича извѣстно, что на Дунаѣ основалъ онъ городъ Переславъ, гдѣ нынѣ полагается быть Рущуку; также построеніе Бѣлгорода на Днѣстрѣ, что нынѣ Акерманъ, ему приписуютъ.

([45]) Очаковъ укрѣпленъ былъ инженеръ-полковникомъ французской службы, по фамиліи Лафитъ.

Кубани через Моздокъ до Кизляра, дабы при войнѣ съ Турками имѣть удобность послать ополченіе чрезъ Кавказъ къ Понтійскимъ берегамъ для потрясенія азіатскихъ силъ въ самой Азіи, гдѣ каждый сераскиръ и паша ищетъ случая сдѣлаться отъ султана независимымъ.

5-е. Пріуготовить Грековъ и другихъ единовѣрцовъ, Турками порабощенныхъ, къ упованію ихъ освобожденія, и произвесть въ нихъ нетерпѣніе въ ожиданіи времени къ поднятію оружія противу угнетателей своихъ ([16]).

Такимъ то образомъ все пріуготовя, можно было достигнуть исполненія оной восточной системы; но первоначально надлежало прекратить продолжавшуюся брань и ускорить заключеніе мира, который и по внутреннимъ безпокойствамъ, возникнувшимъ въ Россіи, былъ необходимъ. О вѣрныхъ къ тому средствахъ фельдмаршалъ сообщилъ свои мысли Григорью Александровичу, препоруча ему ходатайствовать у монархини объ оныхъ что̀ исполнено было по желанію его, какъ то въ последствіи увидимъ.

Планъ свой восточной системы когда сообщилъ Григорій Александровичъ великой Екатеринѣ, то государыня, усмотря вѣрность его соображеній и обширность намѣреній, постепенно доводила его до возвышенія, ввѣряя власть, непреткновенно простиравшуся къ достиженію исполненія того предпріятія Послѣдствія оправдали приверженность его къ государынѣ и любовь къ отечеству. Онъ имѣлъ полное довѣріе императрицы и безпрерывно блисталъ успѣхами дѣлъ, имъ производимыхъ.

По его представленіямъ у трона, великій полководецъ арміи удовлетворенъ былъ во всѣхъ требованіяхъ; *а именно получилъ онъ полномочіе вести войну по своему благоразсужденію, производить негоціаціи и самый миръ заключить; и для усиленія арміи, подъ начальствомъ его состоящей, отвезено было на почтовыхъ 6000 человѣкъ старыхъ солдатъ, выбранныхъ изъ оставшихъ внутри государства полковъ, и сверхъ того изъ Польши вступило подъ его же начальство четыре пѣхотныхъ полка, одинъ гусарскій и одинъ казачій, которые замѣнены были въ Польшѣ другими войсками изъ Россіи отряженными; а по таковымъ средствамъ фельдмаршалъ приведенъ былъ въ состояніе и вожделѣнный миръ заключить.* Средства же, предложенныя имъ для искорененія Пугачова, истребили внутренній ужасный мятежъ. Для обузданія Татаръ довершена новая линія, такъ какъ и противъ Черкесовъ, Моздоцкая. Въ предзнаменованіе сокрушенія Очакова и владычества на Понтѣ Евксинскомъ, воздвигнутъ городъ Херсонъ съ крѣпостью и верфью, и началось кораблестроеніе. За симъ неукоснительно Крымъ съ Таманомъ и облежащими ихъ пространными степями порабощенъ Россіи, и Татарская сила изчезла. Между тѣмъ и въ тоже самое время степи отъ Буга чрезъ Днѣпръ до Донца населяются, возникли новыя жилища, построились города коихъ метрополь Екатеринославъ — вѣчный памятникъ великія Екатерины и возведеннаго ею наперсника, который въ мѣстахъ, забвенныхъ чрезъ нѣсколько столѣтій человѣками, произвелъ въ 10-ть лѣтъ населеніе разныхъ народовъ, возродилъ земледѣліе, судоход-

---

([16]) Съ такимъ намѣреніемъ великая Екатерина вызвала нѣсколько сотъ Маиновъ и Албанцевъ, поселя ихъ въ Таганрогѣ, устроила учебный корпусъ единовѣрцовъ въ столицѣ, и втораго внука своего нарекла Константиномъ, окружа его благородными юношами изъ Грековъ съ колыбели и обучая Еллиногреческому языку.

ство, промышленность и торговлю въ устроенномъ имъ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ.

Но чтобъ болѣе поразить умы блистательностію дѣяній великія Екатерины. чтобъ отрясть и истребить воспоминаніе о варварахъ, обладавшихъ древнимъ заведеніемъ просвѣщенныхъ народовъ, въ покоренномъ полуостровѣ возобновлены древнія именованія: *Крымъ* нареченъ Тавридою; близъ развалинъ, гдѣ существовалъ древній Херсонъ, изъ самыхъ тѣхъ грудъ камней, при Ахтіярской гавани, возникъ Севастополь съ обширнѣйшимъ портомъ для военнаго флота; *Ахтъ Мечеть* названъ Симферополь, *Кефа* Ѳеодосіей, *Козловъ* Евпаторіей, *Еникаль* Пентикапеумъ, *Таманъ* Фанагоріей и проч. Открыто Таврическое областное правленіе; законы Екатерины, преложенные на Татарской языкъ и напечатанные, поражаютъ умы покоренныхъ Татаръ; открыты для нихъ народныя училища, и преподаны всѣ средства къ общему благосостоянію; симъ нравственно побѣжденные содѣлываются вѣрными подданными ([47]). Словомъ, новый свѣтъ просіялъ въ древнемъ Понтійскомъ царствѣ подъ руководствомъ завоевателя Тавриды, и безпрепятственно первый шагъ сдѣланъ къ очищенію Европы отъ Магометанъ и къ покоренію Стамбула.

Къ сему знаменитому поприщу служенія Григорій Александровичъ въ продолженіе бытія своего въ Молдавіи при I-й арміи предъуготовя себя, какъ выше сказано, отправился въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы не чрезъ чье ли бо посредство, но прямымъ путемъ представить монархинѣ основательныя и великія соображенія свои.

1774-го года въ генварѣ мѣсяцѣ онъ, пріѣхавъ въ столицу, остановился въ домѣ зятя своего, Николая Борисовича Самойлова въ особенномъ домикѣ на томъ дворѣ, бывшемъ занимаемымъ обыкновенно *сыномъ Николая Борисовича, а княземъ роднымъ племянникомъ* ([48]): и онъ остался на сей квартирѣ до того времени, доколѣ въ послѣдствіи занялъ назначенные ему покои во дворцѣ.

Въ сіе время прибытія его изъ арміи, высочайшій дворъ сверхъ обыкновенія находился въ Царскомъ Селѣ и во оный общественный пріѣздъ не былъ свободенъ; почему Григорій Александровичъ отозвался къ князю Орлову, прося его доложить императрицѣ о прибытіи его изъ арміи, на что въ тотъ же день получилъ отвѣтъ съ извѣщеніемъ, что ея величеству угодно его видѣть. Вслѣдствіе чего на другой день отправился онъ туда; въ пять часовъ по полудни позванъ былъ во внутренніе покои и принятъ былъ съ изъявленіемъ особенной монаршей милости. Послѣ сего перваго по возвращеніи изъ арміи представленія своего у двора, онъ не успѣлъ уже вторично быть въ Царскомъ Селѣ, потому что чрезъ нѣсколько дней дворъ возвратился въ Петербургъ.

Первой опытъ высочайшей милости своей государыня ознаменовала Григорію Александровичу, позволя ему написать къ ея величеству просительное письмо о произвожденіи его въ генералъ-адъютанты ([49]). Сіе письмо изго-

---

([47]) Во время путешествія великія Екатерины въ полуденные края никто не конвоировалъ ея величество въ Тавридѣ окромѣ природныхъ Татаровъ, чему императоръ Іосифъ 2 й, бывъ очевиднымъ свидѣтелемъ, крайне удивлялся.

([48]) *Сочинителемъ исторіи сей.*

([49]) Письмо это, отъ 27 Февраля 1774 года, приведено у Бантыша-Каменскаго въ его Словарѣ изд. 1836 г. ч. 4, стр. 201. «Всемилостивѣйшая государыня! Опредѣлилъ я жизнь мою

товя, онъ отправилъ къ статсъ секретарю Козмину ([50]) и въ тотъ же самый день получилъ высочайшій собственноручный рескриптъ, въ коемъ между прочимъ государыня во изъявленіе высочайшаго благоволенія объяснять изволила: „Что прошеніе его считаетъ „справедливымъ, а потому и жалуетъ „ему чинъ генералъ-адъютанта; что она „тѣмъ паче съ большимъ благоволені- „емъ просьбу его принять изволила, что „онъ ни чрезъ какія посторонніе пути, „а прямо къ ней самой отнесся". За симъ вскорѣ пожалованъ онъ былъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка подполковникомъ; на канунѣ свѣтлаго праздника получилъ онъ отъ Польскаго короля Станислава Августа, чрезъ великаго гетмана графа Браницкаго, орденъ Бѣлаго Орла; на другой же день свѣтлаго праздника, 21-го Апрѣля, въ день рожденія ея величества, пожалованъ орденомъ Александра Невскаго.

Въ сію эпоху толь явственныхъ знаковъ высочайшей милости и возвышенія своего, Григорій Александровичъ пріобрѣтая всю довѣренность императрицы, представилъ на благоразсмотрѣніе мудрой монархини соображенія свои *о восточной системѣ*, и средства, предполагаемыя имъ къ исполненію оной. Тогда то необиновенно могъ онъ открыть государынѣ, что фельдмаршалъ графъ Румянцовъ при великомъ искусствѣ своемъ въ дѣлѣ военномъ дотолѣ не можетъ принудить Турковъ къ желаемому миру, доколѣ вопервыхъ не будетъ преткновенъ въ операціяхъ военныхъ предписаніями, не рѣдко противоположными настоящему положенію его арміи, во вторыхъ нужно снабдить его средствами, чтобы по всему разширенію занимаемой 1-ю арміею операціонной линіи могъ онъ произво-

---

для службы вашей; не щадилъ ся отнюдь, гдѣ только былъ случай къ прославленію высочайшаго имени. Сіе поставя себѣ простымъ долгомъ, не мыслилъ никогда о своемъ состояніи, и если видѣлъ, что мое усердіе соотвѣтствовало вашего императорскаго величества волѣ, почиталъ уже себя награжденнымъ. Находясь почти съ самаго вступленія въ армію командиромъ отдѣльныхъ и къ непріятелю всегда близкихъ войскъ, не упустилъ я наносить оному всевозможнаго вреда, въ чемъ ссылаюсь на командующаго арміею и на самыхъ Турковъ. Отнюдь не побуждаемъ я завистью къ тѣмъ, кои моложе меня, но получили лишніе знаки высочайшей милости, а тѣмъ единственно оскорбляюсь, что не заключаюсь ли я въ мысляхъ вашего величества меньше противъ прочихъ достоинъ? Симъ будучи терзаемъ принялъ дерзновеніе, павъ ко священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, просить, ежели служба моя достойна вашего благоволенія и когда щедрота и высокомонаршая милость ко мнѣ не оскудѣваютъ, разрѣшить сіе сомнѣніе мое пожалованіемъ меня въ генералъ-адъютанты вашего императорскаго величества. Сіе не будетъ никому въ обиду, а я приму за верхъ моего счастія, тѣмъ паче, что, находясь подъ особливымъ покровительствомъ вашего императорскаго величества, удостоюсь принимать премудрыя ваши повелѣнія и, вникая въ оныя, сдѣлаюсь вяще способнымъ къ службѣ вашего императорскаго величества и отечества". — Б. Каменскій приводитъ и отвѣтъ императрицы: „Господинъ генералъ-поручикъ! Письмо ваше г. Стрекаловъ мнѣ сего утра вручилъ, и я просьбу вашу нашла столь умѣренною, въ разсужденіи заслугъ вашихъ, мнѣ и отечеству учиненныхъ, что я приказала изготовить указъ о пожалованіи васъ генералъ-адъютантомъ. Признаюсь, что и сіе мнѣ весьма пріятно, что довѣренность ваша ко мнѣ была такова, что вы просьбу вашу адресовали прямо письмомъ ко мнѣ, а не искали побочными дорогами". — Потемкинъ получилъ генералъ-адъютанское званіе Марта 1-го 1774, какъ видно изъ письма о томъ императрицы къ А. И. Бибикову: „А я, глядя на него, веселюсь, что хотя одного человѣка совершенно довольнаго около себя вижу". (См. Р. Архивъ 1866, стр. 396) Пугачевщина свирѣпствовала. *П. Б.*

([50]) Сіе письмо и отвѣтъ переписаны были для доставленія сочинителемъ сей исторіи.

дить наступательныя дѣйствія, для каковыхъ онъ не снабженъ ни достаточнымъ количествомъ войскъ, ни прочими военными потребностями. Сверхъ того, хотя для укомплектованія арміи рекруты и доставляются, но люди новонабранные, не обыкнувшіе къ понесенію трудовъ военныхъ, коихъ прежде употребленія въ дѣло должно пріучать къ употребленію оружія, прежде нежели приготовлены будутъ къ бою, подвергаются неестественной смертности отъ вліянія самаго жаркаго климата для нихъ несроднаго, столько какъ и отъ новаго рода трудовъ, ихъ истощающихъ. Въ третьихъ, что такой знаменитый полководецъ, для соображенія дѣйствій его съ общимъ планомъ достиженія мира, долженъ имѣть и въ заключеніи онаго совершенную отъ ея величества довѣренность и уполномочіе.

Таковымъ убѣдительнымъ опытомъ глубокомысленности своей и безпристрастнымъ усердіемъ къ общему благу, пріобрѣлъ Григорій Александровичъ довѣренность къ себѣ отъ монархини. Вслѣдствіе представленій его немедленно было отправлено къ фельдмаршалу высочайшее уполномочіе въ военныхъ операціяхъ и въ заключеніи мира. Между тѣмъ для подкрѣпленія арміи отправлено изъ Польши неукоснительно 4 полка пѣхотныхъ, 1 баталіонъ егерей и 1 полкъ гусарской, кои замѣнены въ Польшѣ отправленными туда другими на мѣсто ихъ войсками; да сверхъ назначеннаго для укомплектованія арміи числа рекрутъ, отправлены на почтовыхъ 6000 старыхъ солдатъ, выбранные изъ *полковъ, внутри государства находившихся что исполнено было рекрутами.* Все оное произведено было по распоряженію Григорія Александровича, подъ его руководствомъ; такъ что къ открытію кампаніи фельдмаршалъ, получа въ подкрѣпленіе 1-й арміи 15.000 стараго войска, пошелъ наступательно чрезъ Дунай, и оставя истощевающія войска для занятія крѣпостей, тѣснилъ Турецкую армію всемѣстно, простеръ побѣдоносное оружіе до Романіи, загналъ самаго визиря въ Шумлу, и появленіемъ отрядовъ Россійскихъ въ Балканскихъ горахъ угрожалъ Адріанополю. Чрезъ каковые успѣхи возмогъ предназначить прелиминарные пункты мира, требуя утвержденія оныхъ, которые чрезъ генерала князя Репнина и были кончены при Кучукъ Кайнарджи въ 10-й день Іюля 1774-го года (51), а отправленный для конгресса какъ въ 3-й главѣ сказано, отъ иностранныхъ дѣлъ министра графа Панина тайный совѣтникъ Обрѣзковъ при подписаніи онаго не участвовалъ: *по причинѣ сильнаго разлитія рѣкъ не могъ поспѣть ко времени.* По сему то миру ознаменовалось предъ цѣлою Европою преимущество Россіи надъ Портою, которая отказалась отъ господства надъ Крымомъ, ибо ханы онаго дѣлались независимы отъ утвержденія султановъ и крѣпости очищены отъ Турецкихъ гарнизоновъ; напротивъ того Керчь и Ениколь, ключь — пролива Еникольскаго т. е. Босфора Таврическаго, и сношенія ордъ Ногайскихъ съ Крымомъ, остались во власти Россіи. Равномѣрно Кинбурнъ, пунктъ соединенія Крыма съ Очаковомъ, уступленъ Россіи. Сіи то казавшіяся маловажныя выгоды были по плану восточной системы необходимы для приведенія въ исполненіе великихъ намѣреній, кои имѣлъ славу совершить въ царствованіе великія Екатерины Григорій Александровичъ Потемкинъ, парившій умомъ къ покоренію Тавриды, къ ко-

(51) Сей славный миръ подписанъ 10-го Іюля какъ въ тотъ же день, въ который заключенъ былъ необходимый миръ при Прутѣ 1711 года.

раблестроенію на Днѣпрѣ и къ владычеству на Понтѣ, чрезъ который привлеченная восточная торговля въ южные предѣлы Россіи обѣщевала скорое обселеніе и обогащеніе ихъ.

О истребленіи мятежа, въ государствѣ произведеннаго злодѣемъ Пугачовымъ, Григорій Александровичъ употребилъ всѣ способности проницательнаго ума и довѣренности монархини. Принятыя прежде противъ мятежниковъ всѣ благонадежныя средства ослабли со смертію генерала Бибикова; злодѣй Пугачовъ подступилъ къ Казани, съ овладѣніемъ коей помышлялъ явиться вѣнценоснымъ въ самой Москвѣ, послѣ заразы прекращенной едва начавшей наслаждаться благоденствіемъ; возникли между чернью нѣкоторыя боязни и колебимость къ событіямъ, предвѣщаемымъ неблагомысленными людьми.

Григорій Александровичъ, въ отвращеніе толикихъ опасеній, учреждалъ всѣ нужныя распоряженія, отправлялъ на почтовыхъ противу сего злодѣя полки и команды; между тѣмъ, дабы пресѣчь ему средства распространить пагубныя его обольщенія въ Донскихъ станицахъ, онъ нарядилъ и отправилъ противъ его съ Дону войска десять полковъ, чѣмъ и лишилъ его надежды на подкрѣпленіе его въ той странѣ. Такимъ образомъ, обратя противу Пугачова всѣ необходимыя усилія и зная, что успѣхи дѣлъ наипаче зависятъ отъ вождей, коимъ оныя поручаются, которыхъ заслуги и дарованія производятъ, какъ на подчиненныхъ такъ и на публику, сильное въ умахъ впечатлѣніе и увѣренность; почему, яко беспристрастный патріотъ, онъ ходатайствовалъ у императрицы о препорученіи истребленія мятежа извѣстному мужу отличному по заслугамъ и твердости духа, графу Петру Ивановичу Панину, который, по нѣкоторымъ причинамъ взявъ отставку, жилъ тогда не занятый никакою службою государственною. Но чтобъ и монархиня не вынуждена была вызовомъ его на служеніе отечеству, то Григорій Александровичъ, соглася графа Никиту Ивановича Панина писать о томъ къ его реченному брату, отправилъ съ тѣмъ нарочнаго чиновника и съ своимъ словеснымъ препорученіемъ и убѣжденіемъ, чтобы онъ, яко ревностный сынъ отечества, просилъ государыню всеподданнѣйшимъ отзывомъ о желаніи его служить и быть полезнымъ государству для укрощенія тѣхъ безпокойствъ и имѣть высочайшую довѣренность, дабы сіе важное дѣло на него было возложено ([52]), что онъ безъ отлагательства исполнилъ, отправя къ государынѣ письмо просительное. Государыня съ особеннымъ благоволеніемъ ввѣрила ему начальство по сей части. Вскорѣ, подполковникомъ тогда служившій Иванъ Ивановичъ Михельсонъ отразилъ злодѣя отъ Казани, неоднократно разбилъ его и пораженіемъ 20 тысячной его шайки подъ Чернымъ Яромъ довершилъ разсѣяніе мятежничьихъ силъ; такъ что самозванецъ, обращенный съ малымъ числомъ прилѣпленныхъ къ нему въ бѣгство, гонимый неослабно, наконецъ самими его товарищами отданъ въ Уральской крѣпости и преданъ съ собщниками своими смертной казни въ Москвѣ. Сей злодѣй нанесъ Волжскимъ предѣламъ много бѣдствій и разореній. Заслуга же Михельсона ([53]), оставшись у императрицы во

([52]) Съ симъ препорученіемъ отправленъ былъ къ графу Панину сочинитель сей исторіи, служившій тогда гвардіи поручикомъ.

([53]) Сочинитель, имѣвъ удовольствіе тогда отправленъ быть къ г. Михельсону съ рескриптомъ на чинъ полковника, пріобрѣлъ его дружество, которое до конца жизни его сохранилъ.

всегдашнемъ уваженіи, открыла ему путь къ возвышенію и оставила имя его въ исторіи между тѣми мужами, которые въ блистательное царствованіе великія Екатерины пріобрѣли вѣнцы славы.

Оказанное рвеніе Григорія Александровича къ достиженію мира и къ истребленію мятежа, было награждено отъ государыни. Онъ въ теченіи лѣта пожалованъ былъ генералъ-аншефомъ и вице-президентомъ государственной военной коллегіи; шефомъ всей легкой конницы и всѣхъ иррегулярныхъ войскъ; и по соображеніямъ его о устроеніяхъ и заведеніяхъ, предполагаемыхъ на Югѣ, получилъ въ управленіе Новороссійскую губернію, простиравшуюся по рубежу отъ Турціи и Крыма между Бугомъ, Днѣпромъ и Дономъ, состоящую въ необъятныхъ дикопорожнихъ степяхъ.

Коль скоро всемѣстное спокойствіе чрезъ утвержденіе мира и сокрушеніе мятежа возстановилось, государыня положила торжествовать миръ со всею приличною пышностію въ Москвѣ, куда высочайшій дворъ въ началѣ 1775-го года отправился. Предъ выѣздомъ изъ С.-П.-бурга Григорій Александровичъ пожалованъ былъ орденомъ С-го Андрея Первозваннаго и въ свитѣ ея императорскаго величества отправился къ торжеству, при которомъ императрица готовила ему новыя награды и новые знаки высочайшаго благоволенія.

Торжество мира, празднованное въ древней столицѣ, въ ознаменованіе побѣдъ, одержанныхъ надъ Турками на сушѣ и на морѣ, уподоблялось древнимъ Римскимъ тріумфамъ, которыми почтены были Помпей и Траянъ. Герой Задунайскій въѣхалъ въ столицу торжественно и увѣнчанъ вѣнцемъ побѣдъ. Онъ при семъ случаѣ изъявилъ Григорію Александровичу всѣ знаки признательности за ревностное содѣйствіе въ доставленіи ему средствъ къ вожделѣнному окончанію войны и совершенію славнаго мира. Государыня императрица, награждая при семъ случаѣ фельдмаршала и всѣхъ сподвижниковъ его высочайшими своими милостями, въ ознаменованіе заслугъ Григорія Александровича Потемкина, возвела его въ достоинство графа Россійской имперіи и пожаловала его своимъ портретомъ миніятюрной работы, осыпаннымъ бриліянтами, для ношенія на лѣвой сторонѣ персей съ голубымъ бантомъ.

Въ продолженіе пребыванія двора въ Москвѣ, по соображеніямъ Григорія Александровича, произведено было въ дѣйство истребленіе Запорожскихъ казаковъ и разрушеніе Сѣчи, слѣдующимъ образомъ.

Запорожскіе казаки, такъ названные по пребыванію ихъ ниже Днѣпровскихъ пороговъ, по обѣ стороны рѣки Днѣпра, учредили, такъ сказать, гнѣздо свое неизвѣстно въ какое время, но существованіе ихъ подъ симъ именемъ извѣстно стало болѣе какъ за 200 лѣтъ назадъ. По исторіи видимъ, что еще подъ Польскимъ владѣніемъ они дѣлали набѣги въ лодкахъ къ берегамъ Турецкимъ и были причиною войны между Польшею и Турціею. Наконецъ съ гетманомъ Хмельницкимъ подошли они въ подданство Россіи, и сей гетманъ, великій своими воинскими дарованіями и приверженностію къ Россійскому престолу, имѣлъ титулъ гетмана войскъ Запорожскихъ козацкихъ обѣихъ странъ Днѣпра. Съ того времени Запорожцы, сдѣлавшись Россійскими подданными, составляли какъ и прежде родъ войска, подобнаго Египетскимъ Мамелюкамъ: не имѣли никакихъ положительныхъ законовъ, но общее ихъ

правило состояло въ холостой воинской жизни; упражненія же главныя разбойничество и скотоводство, которое по пространству занятыхъ ими преизобильныхъ степей имѣть имъ удобно было. Главное ихъ сборное мѣсто называлось Сѣча Запорожская или Кошъ. Старшій между ими атаманъ, ими избираемый, назывался кошевымъ; протчіе отдѣлы сего общества назывались курени; ихъ было до 40 куреней и простирались большею частію по правому берегу Днѣпра отъ самой Переволочны до Кизикермена; на семъ пространствѣ были торговыя и укрѣпленныя мѣстечки Новый и Старый Кайдакъ, Кизикерменъ, Мишуринъ Рогъ, Терны и столица ихъ Сѣча, гдѣ было ихъ судилище, пребываніе кошеваго и другихъ трехъ старшинъ. Войско сіе состояло изъ пѣхоты, которая не инако какъ на судахъ спускалась въ низъ по Днѣпру, дѣлая набѣги на берега Чернаго моря, и изъ конницы, довольно изрядной, но неустроенной и непокорной, коей главныя занятія, во время мира, состояли въ набѣгахъ на Крымскую степь для отогнанія табуновъ Татарскихъ, и въ грабленіи отправляющихся въ Крымъ промышленниковъ за солью изъ Малороссіи и Польши, и наконецъ въ чиненіи разбоевъ въ Малороссіи, а наипаче въ южной части Польши, гдѣ они почитали себѣ заслугою грабить пановъ, разорять и умерщвлять Жидовъ, во множествѣ въ Польшѣ поселившихся. Словомъ, сіе нестройное, составленное изъ бродягъ всего свѣта общество, въ которое всякой преступникъ, всякой распутной преслѣдуемый законами принимался, не могло быть полезно для благоустроеннаго государства. Холостая жизнь ихъ содѣлывала ихъ праздными и развращенными; ихъ обольщала личная свобода, связей общественныхъ никакихъ между ими не было, и отъ такого общества, толь удобно усилиться могущаго, всего можно было опасаться. Сложность ихъ вообще простиралась до 30,000; но для службы они не высылали никогда болѣе 10-ти. Старшина ихъ кошевой, ими избираемый, утверждался государынею, и имъ производилось при томъ жалованье на все общество, по существу маловажное, но за оное они всегда простирали требованія свои съ дерзостію. Въ первые годы царствованія Екатерины великія, по предусмотрѣнію войны съ Портою, старались ихъ обласкивать, и для усыпленія ихъ буйства многіе изъ вельможъ записались въ ихъ курени подъ именами собственными, безъ всякихъ титловъ, къ числу рядовыхъ казаковъ. Въ бытность Григорія Александровича въ Молдавіи онъ имѣлъ ихъ отдѣленіе подъ начальствомъ при Силистріи, и обласкивая ихъ старшинъ сколь возможно, онъ проникъ всю систему и духъ непреклонный сего нестройнаго общества, извѣдалъ тайныя ихъ правила, и положилъ въ мысляхъ истребить сіе гнѣздо, могущее, при допущеніи времени, сдѣлаться страшнымъ для государства.

Онъ совершилъ сіе съ непроницаемою скрытностію, и коль скоро имѣлъ на то высочайшее повелѣніе, тогда секретно препоручилъ исполнить оное гусарскому генералу Петру Аврамовичу Текеллію, который съ ввѣренными ему конными и пѣхотными полками главными силами атаковалъ Сѣчу и требовалъ отъ казаковъ оставленія ихъ ремесла и принятія образа жизни, приличнаго вѣрноподданному и гражданину. Сначала они хотѣли сопротивляться, но мѣры взяты были вѣрныя, старшины сдались и согласились жениться; много изъ козаковъ обезоруженные поселились по слободамъ на Днѣпрѣ,

но большая часть разбѣжались и разбрелись въ Польшу и въ Молдавію, и такимъ образомъ Новороссійская губернія очищена отъ опасныхъ сихъ обитателей, что наипаче необходимо было для предполагаемыхъ въ томъ краю благоустроеній и заведеній, и для успокоенія тѣхъ предѣловъ отъ безпрерывнаго хищенія. Впослѣдствіи мы увидимъ, что Григорій Александровичъ съ необыкновенною удобностію и скоростію при войнѣ съ Турками собралъ *болѣе* 10 т. сихъ казаковъ, назвалъ ихъ вѣрными Черноморскими казаками, употребилъ ихъ съ пользою противъ Турокъ, былъ ихъ великимъ гетманомъ и упросилъ государыню о отданіи имъ острова Тамани, которые тамъ поселясь сдѣлались полезными государству и понынѣ существуютъ съ лучшимъ прежняго достоинствомъ.

Въ бытность двора въ Москвѣ, при приближеніи дня Военнаго Ордена, графъ Петръ Александровичъ, якостаршій кавалеръ ордена С-го Георгія, поднесъ государынѣ объясненіе о службѣ графа Григорія Александровича Потемкина, удостоивая его въ 1-й классъ Военнаго Ордена; но онъ сего отличія принять отказался, представляя, что оный принадлежитъ заслугамъ начальствующихъ арміею, почему и принялъ знаки втораго класса сего ордена по волѣ всемилостивѣйшей государыни. С толь великія монаршія милости получа, графъ Григорій Александровичъ Потемкинъ отъ императрицы въ бытность его въ Москвѣ, при обратномъ возвращеніи двора въ Петербургъ въ исходѣ 1775-го года отправился съ онымъ въ свитѣ императрицы.

(Продолженіе будетъ)

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА. (*)

1. Письмо А. И. Архаровой (¹) къ М. И. Посниковой (²), изъ С.-Петербурга въ Москву.

. . . . Le bal masqué du 13 septembre (³) etait charmant; je m'y suis amu-

(*) Обязательно сообщено Александромъ Алексѣевичемъ Васильчиковымъ, которому принадлежатъ какъ послѣдующія объяснительныя замѣчанія, такъ и Русскій переводъ печатаемыхъ писемъ. *П. Б*

(¹) Александра Ивановна Архарова (род. 2 февраля 1795, скончалась 2 іюля 1855 г.) дочь ген. отъ инф. Ивана Петровича и Екатерины Александровны Архаровыхъ и супруга д. т. с. Алексѣя Васильевича Васильчикова. Некрологъ ея былъ помѣщенъ въ Москов. Вѣд 1855 г. № 53 См. о ней Русскій Архивъ, за 1865 г. стр. 1208 и 1224.

(²) Марія Ивановна Посникова, единокровная сестра Александры Ивановны отъ перваго брака И. П. Архарова съ Щепотьевою, женщина большаго ума и высокой добродѣтели. Будучи многимъ старѣе своей сестры, М. И. сдѣлалась ея первою воспитательницею и до смерти питала къ ней самую безпредѣльную любовь. Она была въ замужествѣ за сенаторомъ т. сов. Захаромъ Николаевичемъ Посниковымъ, котораго Жихаревъ въ «Дневникѣ студента» называетъ «умнымъ циникомъ». Скончалась въ Петербургѣ въ 1834 году.

(³) Маскарадъ этотъ былъ данъ въ 1817 г. въ Аничковскомъ дворцѣ, за пять дней до отъѣзда двора въ Москву, гдѣ все августѣйшее семейство провело зиму съ 1817 на 1818 г. Не задолго передъ тѣмъ женился вел. князь Николай Павловичъ. Гриммъ, въ своей біографіи императрицы Александры Ѳеодоровны, говоритъ: «Не одни приготовленія къ отъѣзду привлекли великаго князя и великую княгиню изъ Павловска въ Аничковскій дворецъ. Они хотѣли еще разъ проститься съ Петербургскими жителями. Устроенъ былъ большой (?) маскарадъ, въ которомъ императрица Марія Ѳеодоровна явилась въ костюмѣ волшебницы (?), императрица Елизавета Алексѣевна—въ костюмѣ летучей мыши, а великая княгиня Александра Ѳеодоровна Индѣйскимъ принцемъ" (Grimm, Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland т. 1. стр. 104; см. Русскій переводъ этого мѣста изъ книги Гримма въ Соврем. Лѣтописи, 1866, № 25).

sée bien plus encore que je n'aurais cru, et, malgré le petit nombre de convives, on a été fort intrigué par les masques.

Devinez la personne qui a fait le plus de frais et qui a joué le rôle de masque à ravir. Je vous le donne en mille que vous ne le devinerez pas. C'est l'impératrice Elisabeth ([4]). Mais il faut vous conter tous les détails. Je commencerai par vous dire qu'étant venues les prèmieres, nous avons passé chez m-me Narishkine ([5]), qui étant malade n'a point monté. Nous trouvons chez elle la p-sse Wolhonsky ([6]) en pélerine; jamais maman ([7]) n'a pu la reconnaitre. Tantot elle la prenait pour la p-sse Tourchistanoff ([8]), tantôt pour m-lle Kotchetoff ([9]). Cela nous a fort amusé. Kologrivoff ([10]) habillé en vieillard ridicule était là aussi, ainsi que Sophie Nélédinsky ([11]) avec un costume de paysanne qui lui allait fort bien. Nous sommes montées ensemble. Il y avait déjà quelques masques. Alexandre ([12]) en abbesse intriguait tout le monde, personne ne pouvait le reconnaitre. Narishkine ([13]) qui est toujours sur le qui vive, s'imaginait que c'était quelqu'un qui était venu sans être invité; il allait le faire renvoyer, si je ne l'avois pas prévenu. Ce qu'il y a de singulier, c'est que de toute la soirée il n'a pas été reconnu. Il a si bien joué son rôle que le Grand Duc ([14]) et l'impératrice Elisabeth, qu'il a beaucoup intrigués, l'ont pris pour l'Impératrice-Mère ([15]). Mais je reprends mon récit.

([4]) Императрица Елизавета Алексѣевна рѣдко являлась въ обществѣ. Фрейлины Стурдза и Валуева, англичанка Питтъ, а впослѣдствіи и Н. М. Карамзинъ были ея ежедневными, но за то почти единственными собесѣдниками. Въ большемъ свѣтѣ ее мало знали и не могли цѣнить ея высокихъ достоинствъ. Въ 1817 г., послѣ свадьбы великаго князя Николая Павловича, въ Петербургѣ стали съ радостью замѣчать, что государыня часто является на прогулкахъ по городу съ августѣйшимъ супругомъ.

([5]) Марія Яковлевна Нарышкина, дочь оберъ-камергера князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго и жена оберъ-гофмаршала Кирила Александровича Нарышкина (см. ниже) скон. въ 1854 г.

([6]) Княгиня Александра Николаевна Волконская (р. 1757, скон. 1834), статсъ-дама, состоявшая при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Она была дочерью фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина и супругою князя Григорія Семеновича Волконскаго, роднаго дяди Екатерины Александровны Архаровой.

([7]) Екатерина Александровна Архарова, рожд. Римская-Корсакова, тогда уже вдова И.П. Архарова, женщина рѣдкаго ума и высокихъ нравственныхъ правилъ, постоянно пользовавшаяся особенною благосклоностію императора Александра Павловича и императрицы Маріи Ѳеодоровны. Скончалась въ глубокой старости въ Петербургѣ 1836 г. Некрологъ ея помѣщенъ въ Сѣверной пчелѣ 1836 № 123 (2 іюня).

([8]) Княжна Варвара Ильинишна Туркистанова, фрейлина.

([9]) Екатерина Николаевна Кочетова, фрейлина и ордена св. Екатерины меньшаго креста кавалерственная дама, скончалась въ глубокой старости въ Москвѣ въ Мартѣ 1867 г.

([10]) Оберъ-церемоніймейстеръ т. сов. Дмитрій Михайловичъ Кологривовъ, сводный братъ князя Александра Николаевича Голицына, извѣстный шутникъ.

([11]) Софья Юрьевна Нелединская-Мелецкая, фрейлина, дочь Юрія Александровича Нелединскаго (см. Р. Архивъ за 1866 г. стр. 226, 233, 240, 761, 885—95, 1348, 1775). Она вышла замужъ за т. сов. Ѳедора Васильевича Самарина, высокія нравственныя качества котораго еще живо памятны Москвичамъ.

([12]) Графъ Александръ Ивановичъ Сологубъ, камергеръ, мужъ старшей сестры А. И. Васильчиковой Софіи Ивановны (см. прим.31) скончю 1844 г.

([13]) Кирила Александровичъ Нарышкинъ находился въ то время въ должности гофмаршала при дворѣ великаго князя Николая Павловича, но вскорѣ оставилъ это мѣсто. Онъ умеръ оберъ-гофмаршаломъ въ 1838 г.

([14]) Императоръ Николай Павловичъ

([15]) Императрица Марія Ѳеодоровна.

Le Grand Duc et le prince Guillaume ([16]) étaient en costumes de vieux militaires allemands. Le Grand Duc avait une masque avec une grande verrue, il menait une dame ([17]) en costume ancien fort ridicule, le prince de même. Ils se sont reconnus comme de vieux camarades, qui avaient fait la guerre de sept ans ensemble. La Grande Duchesse ([18]) apparait habillée en prince Indien avec un costume charmant. Sur ces entrefaites arrive la c-sse Lieven ([19]), dit à l'oreille de maman que l'Impératrice ([20]) m'attend dans l'appartement de la p-sse Wolhonsky et qu'elle veut entrer avec moi. A l'instant même je descends le grand escalier et me fais conduire dans les chambres de la princesse. Je trouve l'Impératrice debout avec m-lle Nelidoff ([21]) et m-lle Яковлевъ ([22]), sa femme de chambre. Elle avait un costume de magicien et etait masquée jusqu'aux dents. M-lle Nelidoff etait en «сарафанъ». J'avais mon masque; l'Impératrice me nomme et me demande si je suis m-lle Archaroff; je réponds que oui et que je suis venue par ordre de la c-sse Lieven. Alors elle demande si je la reconnais et trouve mon costume charmant, vraiment il avait trés bien réussi. Elle renvoie m-lle Nelidoff par une autre entrée et me dit qu'elle montera seule avec moi. Je lui présente le bras, et nous montons, passons le vestibule et traversons plusieurs salles sans que personne la reconnaisse. Elle me demande en chemin si l'Impératrice ([23]) est déjà venue, si la Grande Duchesse est entrée, elle veut savoir le costume du Grand Duc etc. Après l'avoir amené là où etait toute la société, elle quitte mon bras et va faire des conjurations et intriguer les masques ([24]). Il y en avait de fort drôles: le prince Radziwill ([25]) et la p-sse Tourchistanoff, d'un côté en abbé et abbesse, de l'autre en chevalier et dame élégante. C'était fort drôle; le visage était aussi en deux,—une moitié enduite de rouge et l'autre couverte de poudre; d'un côte une moustache et une mouche, de l'autre pas. Enfin arrive l'Impératrice Elisabeth en domino blanc, un capuchon sur la tête, un coussin par devant, masquée jusqu'aux dents et tellement causante et de belle humeur que je ne pouvais me décider à croire que ce fut elle, malgré que je devais en être sûre, car toute la société était rassemblée et que ses demoiselles d'honneur l'avaient précédée. Elle s'approchait de

---

([16]) Принцъ Вильгельмъ Прусскій, теперешній король. Онъ провожалъ августѣйшую сестру свою до Петербурга и тамъ оставался нѣсколько мѣсяцевъ.

([17]) Графъ Владиміръ Өедоровичь Адлербергъ, въ то время адъютантъ великаго князя.

([18]) Императрица Александра Өеодоровна.

([19]) Княгиня Шарлота Карловна Ливенъ (тогда еще графиня) рожд. Поссе, статсъ-дама и орд Св. Екатерины большаго креста кав. дама. Скон. въ глубокой старости въ 1828 г.

([20]) Императрица Марія Өеодоровна.

([21]) Екатерина Ивановна Нелидова, другъ императрицы-матери, камеръ-фрейлька и орд Св. Екатерины меньшаго креста кавал. дама. Скончь въ 1839 г

([22]) Варвара Александровна Яковлева, камеръюнгфера.

([23]) Елизавета Алексѣевна.

([24]) Государыню сейчасъ же всѣ узнали. Держась строго придворнаго этикета, она и здѣсь осталась ему вѣрна и подходила къ чинамъ двора по старшинству.

([25]) Князь Антонъ Радзивилъ (1775+1833) намѣстникъ великаго герцогства Познаньскаго, женатый на принцессѣ Луизѣ Прусской, двоюродной сестрѣ Фридриха Вильгельма III (письмо къ ней Жуковскаго помѣщено въ Рус. Архивѣ 1866 стр. 339), посланъ былъ королемъ Прусскимъ, чтобы поздравить великую княгиню по случаю ея бракосочетанія. Онъ былъ извѣстенъ своею любезностью и вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ успѣлъ обворожить все высшее общество.

nous, parlait en changeant sa voix; elle a surtout beaucoup intrigué Sophie Samoyloff ([26]) en lui racontant tout plein de détails sur l'Institut. Radziwill l'engagea à faire un tour de valse, elle répondit: «je le voudrais bien, mais je suis trop vieille pour cela». Ce qu'il y a de surprenant, c'est qu'on voyait qu'elle s'amusait de bonne foi. Enfin les dames quittant les masques, elle va mettre un domino et un capuchon noir. Quant à moi je commence le bal par une valse avec le Grand Duc. Il avait changé de costume et était habillé en circassien avec une barbe, sans masque. Il etait superbe et il me disait: «что онъ обновляетъ со мною домъ и эту залу, въ которой еще никто не танцовалъ». Il y avait beaucoup de masques dont je ne vous ai pas parlé et qui étaient fort drôles, entre autres m-lle Kotchetoff avec la camisole et la jupe de satin «стёганная» de maman, avec une coiffure antique et des talons rouges. J'avais aussi apporté avec moi la *самара* ([27]), j'ai voulu aussi m'habiller dans un costume ridicule, mais je ne l'ai pas fait par paresse et j'ai cédé le costume à m-lle Oushakoff ([28]). Après avoir dansé et fait beaucoup de folies on est allé souper. Après souper les Impératrices sont parties, mais la Grande Duchesse a encore voulu qu'on dansa....

([26]) Графиня Софія Александровна Самойлова, фрейлина, дочь генералъ-прокурора графа Александра Николаевича, въ замужествѣ была за графомъ А. А. Бобринскимъ, скonч. въ 1866 г., въ Парижѣ.

([27]) Особеннаго рода женское платье, упоминаемое не разъ въ Запискахъ Порошина.

([28]) Варвара Павловна Ушакова, въ то время фрейлина великой княгини Александры Θеодоровны, впослѣдствіи была замужемъ за Барыковымъ и находилась наставницею при княжнѣ Маріи Максиміліановнѣ Лейхтенбергской, сконч. въ 1861 году.

Переводъ.... Маскарадъ 13 Сентября былъ восхитителенъ; я на немъ веселилась гораздо болѣе чѣмъ ожидала и, не смотря на малое число приглашенныхъ, многимъ чрезвычайно удалось замаскированіе. Отгадай, кто былъ любезнѣе всѣхъ и кто отлично разыгрывалъ роль свою подъ маской? Увѣрена, что никогда не отгадаешь.—Императрица Елизавета Алексѣевна! Она была просто прелестна. Но разскажу тебѣ все подробно. Начну съ того, что такъ какъ мы съ маменькою пріѣхали первыя, то и зашли къ Нарышкиной, которая по нездоровью не была на балѣ. Тамъ мы застали княгиню Волконскую, одѣтую пилигримкою. Маменька никакъ не могла узнать ее и принимала ее то за княжну Туркистанову, то за Кочетову. Это насъ крайне забавляло. Кологривовъ—шутовскимъ старикомъ и Софія Нелединская въ Русскомъ костюмѣ, который ей былъ очень къ лицу, также тамъ находились. Мы всѣ вмѣстѣ пошли наверхъ. Мы уже застали многихъ масокъ. Александръ въ костюмѣ монахини сбивалъ всѣхъ съ толку, никто не могъ узнать его. Нарышкинъ, который вѣчно какъ будто на сторожѣ, вообразилъ, что это было незванная маска. Онъ уже собирался ее выпроводить, но я успѣла его успокоить. Всего удивительнѣе, что во весь вечеръ никто такъ и не узналъ его: онъ до такой степени измѣнилъ свой голосъ и такъ вошелъ въ роль свою, что великій князь и императрица Елизавета, съ которыми онъ долго говорилъ, приняли его за вдовствующую императрицу. Но возвращаюсь къ своему разсказу. Великій князь и принцъ Вильгельмъ наряжены были старыми Нѣмецкими солдатами. На великомъ князѣ была маска съ огромною бородавкою. Онъ велъ подъ руку даму въ пресмѣшномъ костюмѣ, принцъ также. Они подошли другъ къ другу, какъ старые товарищи, принимавшіе участіе въ семилѣтней войнѣ. Великая княгиня явилась въ прелестномъ нарядѣ Индѣйскаго принца. Въ это время графиня Ливенъ подходитъ къ маменькѣ и говоритъ ей на

ухо, что государыня ожидаетъ меня въ комнатахъ княгини Волконской и что она хочетъ войти вмѣстѣ со мною. Я немедля сошла по большой лѣстницѣ и велѣла проводить себя до комнатъ княгини. Государыня стояла съ Нелидовой и Яковлевою, ея камеръ-юнгферою. Она была въ маскѣ и костюмѣ волшебника. Нелидова была въ сарафанѣ. На мнѣ была моя маска. Государыня спрашиваетъ, я ли Архарова; я отвѣчаю, что да и что я пришла по приказанію графини Ливенъ. Тогда государыня спрашиваетъ, можно ли ее узнать и очень любуется моимъ нарядомъ, который въ самомъ дѣлѣ очень удался. Она приказываетъ Нелидовой войти въ залу черезъ другія двери и объявляетъ мнѣ, что пойдетъ на верхъ одна со мною. Я ей предлагаю руку; мы всходимъ по лѣстницѣ, проходимъ черезъ аванзалу и нѣсколько пріемныхъ, никѣмъ неузнанныя. Государыня между тѣмъ меня распрашиваетъ о томъ, пріѣхала ли императрица, вошла ли великая княгиня, въ какомъ костюмѣ великій князь и т. под. Когда мы дошли до того мѣста, гдѣ собрано было все общество, государыня покинула мою руку и стала дѣлать волшебные знаки и запутывать встрѣченныхъ вопросами. Было много весьма смѣшныхъ масокъ — напр. князь Радзивилъ и княжна Туркистанова, съ одной стороны монахомъ и монахинею, съ другой расфранченными кавалеромъ и дамою. Это было крайне смѣшно. Лица ихъ были также раздѣлены пополамъ: съ одной стороны нарумяненныя, съ другой покрытыя пудрой, съ одной—усы и мушка, съ другой—нѣтъ. Наконецъ явилась императрица Елизавета Алексѣевна въ бѣломъ домино, въ капюшонѣ съ подушкою напереди, совершенно замаскированная и до того разговорчивая, до того веселая, что я съ трудомъ могла убѣдиться, что это она, хотя сомнѣваться нельзя было: всѣ были уже въ сборѣ, и ея фрейлины ей предшествовали. Она къ намъ подходила, перемѣняла голосъ и особенно озадачила Софію Самойлову, сообщая ей всякія подробности касательно Института. Радзивилъ пригласилъ ее вальсировать; она отвѣчала, что охотно бы пошла, но что уже слишкомъ стара для этого. Особенно замѣчательно было то, что она несомнѣнно и отъ души веселилась. Наконецъ, когда дамы сняли маски, она явилась въ черномъ домино съ капюшономъ. Что касается до меня, то я открыла балъ, вальсируя съ великимъ княземъ. Онъ перемѣнилъ костюмъ, и былъ въ черкескомъ платьѣ, безъ маски, но съ бородою. Онъ былъ очень красивъ и сказалъ мнѣ: „что онъ обновляетъ со мной этотъ домъ и эту залу, въ которой еще никто не танцовалъ". — Были еще весьма смѣшныя маски, о которыхъ я тебѣ не говорила. Кочетова въ кацавеѣ и атласной „стеганной" маменькиной юпкѣ, въ старинной прическѣ съ красными каблуками: костюмъ очень удачный. Я тоже привезла съ собою „самару", думая передѣться въ шутовской костюмъ, но изъ лѣности этого не сдѣлала и уступила нарядъ Ушаковой. Послѣ многихъ дурачествъ, когда танцы кончились, сѣли за ужинъ. Императрицы уѣхали послѣ ужина, но по желанію великой княгини, танцы продолжались....

II. Письмо М. И. Посниковой къ А. И. Архаровой въ С.-Петербургъ.

Moscou ce 10 janvier, 1818.

Enfin, chère et bonne Alexandrine, vous allez la lire, cette rélation et si intéressante et si désirée! Vous allez connaitre la moindre sensation nerveuse que j'ai éprouvée, en abordant le plus grand prince du monde (29). Prévenue au bal d'Apraxine(30) sur l'auguste visite,

---

(29) Императоръ Александръ Павловичь.

(30) Степанъ Степановичь Апраксинъ сынъ фельдмаршала Степана Өеодоровича, ген. отъ кав., бывшій Смоленскій военный губернаторъ (1756—1827); женатъ былъ на княжнѣ Екатеринѣ Владиміровнѣ Голицыной (1767 + 1854). Онъ славился своимъ хлѣбосольствомъ; при домѣ его (у Арбатскихъ по-

Sophie ([31]) me signifie qu'elle ne me présente qu'à la fin de la soireé. Je rassemble toutes mes forces morales et physiques; j'endosse une capotte ([32]) gris-modeste, je me retrécis ([33]) la figure tant que je puis avec un bonnet et une fraise ([34]), et j'attends le moment si craint et si désiré, non sans émotion. Enfin neuf heures sonnent. L'Autocrate parait dans le salon; je recueuille toutes les phrases galantes et aimables qui se débitent dans le premier quart d'heure; colleé derrière une porte, je ne perds pas une parole, mais puis raisonnablement je me retire, pour ne pas être indiscrète. Cependant le malin esprit me ramène plusieurs fois derrière la porte magique et comme la séance dura plus de deux heures et demie, j'eus le temps d'entendre et de méditer à loisir tout ce que je pouvais entendre à travers la porte. Tout le dialogue dont je puis vous rendre compte n'est que le résumé de la morale la plus sublime et la plus pure. «C'est en m'élevant vers Dieu», disait ce moderne David, que je me suis détaché de toutes les jouissances terrestres. C'est en appelant la religion à mon aide, que j'ai acquis cette tranquillité, cette paix de l'âme, que je n'échangerai pas contre toutes les félicités d'ici bas. Si ce n'était cette religion si sainte, si simple, si pure, qui seule me dédommage des peines de ma vocation, qu'est ce qui pourrait me donner la force d'en supporter le poids? Et combien elle est simple cette religion si sublime»,—ajoute ce prince *non assez admiré*,—«combien ses préceptes sont à la portée des plus simples et des plus eclairés!» La dessus il s'éleve avec force contre la mysticité. «Ce ne sont que des esprits inquiets», dit-il, «qui se complaisent dans des subtilités qu'eux mêmes n'entendent guère. M-me Krudener ([35]) par exemple a peut être de

---

ротъ, нынѣшняя военная гимназія) находился театръ, на которомъ давались италіянскія оперы.

([31]) Графиня Софія Ивановна Сологубъ, родная сестра А. И. Васильчиковой. Женщина замѣчательнаго ума род. 1792, ск. 1854. Императоръ Александръ къ ней особенно благоволилъ. Замужемъ была за графомъ А. И. Сологубомъ (см. выше примѣч 12). Сынъ ея гр. В. А. Сологубъ—извѣстный писатель.

([32]) *Capotte* вмѣсто *robe*, руссицизмъ.

([33]) М. И. Посникова была весьма некрасива, лице ея было особенно очень широко. Она сама остроумно смѣялась надъ своею невзрачностью.

([34]) *Фреза* — воротникъ въ сборкахъ, бывшій въ модѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

([35]) Баронеса Юлія Крюднеръ рожд. Фитингофъ, внучка по матери фельдмаршала Миниха и жена посланника нашего въ Венеціи, Даніи, а наконецъ въ Берлинѣ, родилась 1764 г. Послѣ жизни довольно бурной, проведенной частью въ Италіи, частью въ Даніи, Швейцаріи и Франціи, г-жа Крюднеръ, сблизившаяся со всѣми литтературными знаменитостями Франціи, съ г-жею Сталь, Шатобріаномъ, Бернарденъ де Сен-Піеромъ, Констаномъ и пр., напечатала въ Парижѣ романъ Валерію (Valérie), который, благодаря всякимъ продѣлкамъ, имѣлъ невѣроятный успѣхъ. Съ этихъ поръ, въ жизнѣ г-жѣ Крюднеръ дѣлается переломъ. Знакомство со многими гернгутерами, дружба съ Юнгомъ Штиллингомъ, близкія отношенія къ королевѣ Луизѣ Прусской, горестная судьба которой сдѣлала на нее глубокое впечатлѣніе, произвели нравственную перемѣну. Она страстно предалась мистицизму и сдѣлалась его горячею проповѣдницею, сохраняя впрочемъ въ сердцѣ своемъ немалую долю свѣтской закваски. Черезъ Роксану Скарлатовну Стурдзу, Крюднеръ стала извѣстна Александру Павловичу. Пророческія слова ея въ 1814 г. о возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы поразили государя. Онъ съ нею познакомился въ 1815 г. въ Гейльбронѣ. Въ томъ же году она послѣдовала за государемъ въ Парижъ и поселилась возлѣ самаго Елисейскаго дворца (l'Elysée). Государь посѣщалъ ее ежедневно. Примѣръ Александра Павловича привлекъ къ Крюднеръ цѣлыя толпы неофитовъ. Осенью того же года она явилась въ лагерѣ при Вертю въ Шампаніи, гдѣ Государь производилъ смотръ войскамъ. Вскорѣ за этимъ, подъ вліяніемъ мистическаго настроенія, осуществленъ былъ въ Парижѣ проектъ тройствен-

bonnes intentions, mais elle a causé des maux irréparables. Il faut remplir simplement», ajouta-t-il, «les obligations que la religion nous impose, être bons practiciens et non se perdre dans des recherches subtiles, qui ne nous sont nullement prescrites».—Voila, chère et bonne Alexandrine, à quelque chose près, ce que j'ai recueilli d'édifiant. Passez moi une petite digression qui flatte mon amour-propre,—n'est ce pas à peu près la même chose que je vous écrivais ce printemps, en réponse à certaine lettre qui m'avait fort effrayée à votre égard? Passez moi cette petite vanité, mon ange, mais je ne suis pas fâchée de me voir une logique pareille à celle du *plus grand logicien du siècle.* Je ne vous repéterai pas tout ce qui s'est dit sur la maladie de la petite Narishkine ([36]) sur le déplorable état de madame Démidoff ([37]), sur Pétersbourg et la province, sur la très gracieuse intention qui me concernait—cela ne serait guère intéressant. Qu'il vous suffise de savoir qu'au bout de deux heures et demie, j'entends la sonnette et ces paroles si agréables et en même temps si attérantes: «Позови Марью Ивановну», dit Sophie, et M. И. plus morte que vive s'enfuit le plus loin qu'elle peut. Elle avait beau appeler la raison à son aide—pas moyen, sa raison avait cédé à ses nerfs. Enfin après un gros quart d'heure d'hésitation, de signes de croix, j'ouvre la porte et ne pouvant physiquement avancer je m'adosse toute tremblante à la «*притолка*». Le bruit que je fais en entrant, attire l'attention suprême. Le héros du XIX siècle m'aborde. Je veux répondre aux choses aimables qu'il daigne m'adresser, je ne le puis, mon spasme m'étouffe, ma voix s'éteint et je ne puis prononcer une parole. Des inclinations sons mes uniques réponses. Par pitié apparement, le Pacificateur de l'Europe m'engage à m'asseoir; je n'ose me placer à coté de Sophie, je m'assieds modestement aussi

---

наго священнаго союза, первая мысль котораго принадлежала королю Прусскому. Самый актъ, написанный собственноручно императоромъ Александромъ, былъ исправленъ Александромъ Скарлатовичемъ Стурдзою, а потомъ пересмотренъ г-жею Крюднеръ. Государь, передъ отъѣздомъ изъ Парижа, звалъ Крюднеръ въ Петербургъ. Она было туда отправилась, но по дорогѣ остановилась погостить у сына, бывшаго посланникомъ нашимъ въ Берлинѣ. Между тѣмъ во всей Европѣ возникла сильная реакція противъ мистицизма. Крюднеръ запрещенъ былъ въѣздъ въ Виртембергъ, Баденъ, Баварію и даже Базель. Реакція имѣла отголосокъ и въ Россіи. Мысли и убѣжденія Александра Павловича во многихъ отношеніяхъ измѣнились. Доѣхавшая до Лифляндскаго имѣнія своего, Крюднеръ получила приказаніе тамъ оставаться. Только въ 1821 г. разрѣшенъ былъ ей въѣздъ въ Петербургъ, но и тутъ слишкомъ живое участіе, принятое въ дѣлѣ освобожденія Грековъ, навлекло на нее высочайшее нареканіе. Аскетическая жизнь разрушила здоровье г-жи Крюднеръ, уже и безъ того потрясенное непрестаннымъ нравственнымъ возбужденіемъ. Она рѣшилась ѣхать въ Крымъ вмѣстѣ съ дочерью своею г-жею фонъ Беркгеймъ и княгинею Анною Сергѣевною Голицыною, рожд. Всеволожскою. Рѣшеніе это было ускорено, если вѣрить Вигелю, совѣтомъ, даннымъ небольшому обществу мечтательницъ, окружавшихъ Крюднеръ, выѣхать изъ столицы. Крюднеръ прожила въ Крыму только нѣсколько мѣсяцевъ и умерла въ маленькомъ городкѣ Эски-Кримѣ въ 1824 г. За нѣсколько часовъ до смерти она начертала слѣдующія строки: «Все, что я совершила добраго останется, все же зло мною содѣянное (а какъ часто принимала я за пути Господни, то что было плодомъ воображенія и гордости) будетъ сглажено благостью Господнею».

([36]) Софья Дмитріевна Нарышкина, дочь знаменитой Маріи Антоновны и оберъ-егермейстера Дмитрія Львовича Нарышкина, который приходился дядею по матери графу А. И. Сологубу. Умерла въ дѣвицахъ.

([37]) Елизавета Александровна Демидова, рожд. баронесса Строгонова.

loin que je puis, mais forcée par une invitation reitérée, je me place sur le bord du divan. La conversation s'anime, Sophie s'en empare heureusement. J'ai le temps de me remettre physiquement au moins. «Que pensez vous de Pétersbourg et de Moscou, madame», me dit l'auguste Hôte. «Je pense, sire», repondis-je en tremblant, «qu'on peut construire un autre Pétersbourg, mais qu'il est impossible de créer un autre Moscou». Sophie apprecevant (à ce qu'elle m'a avoué en suite) quelques phrases historiques qui erraient sur mes lévres, m'a encore coupé la parole, et je n'ai plus eu que le temps de répondre à l'Autocrate, qui entre autres questions me demande où je préférais vivre. Je répondis que le genre de vie que je menais me rendait indifférante aux lieux que j'habitais. Enfin, après une conversation d'une demi heure assez insignifiante, le Souverain s'arme et se prépare à partir. Il s'approche de moi, me baise la main (ne vous en déplaise), me dit qu'il est enchanté d'avoir fait ma connaissance et me demande mes commissions pour maman. «Daignez, Sire, lui dire que j'ai eu enfin le bonheur et le courage de vous être présentée.» Il me demande ensuite si je ne le craignais plus. «Infiniment, Sire» ai-je répondu. «Mais vous n'étes plus embarassée?» — «Extrémement», fût ma dernière réponse.—Par calcul d'ésprit je ne vais pas le reconduire. Sophie l'accompagne jusqu'à la porte et moi je reste dans le salon. Je ne puis encore revenir de mon étonnement. Moi, j'ai été présentée à l'Empereur Alexandre et où? dans mon salon. Voilà ce que c'est de ne pas trop s'avancer.—J'ai eu pour sept roubles et demie que m'a coutée une livre de thé *boux* ([38]) la jouissance que m-r Apraxine a payée 15,000.... Farces de côté, je ne reviens pas de mon enchantement. Je ne m'abuse pas, je sais que cette connaissance n'avancera pas mon mari ([39]), — mais l'admiration, l'édification que j'éprouve, je ne les échangerais pas contre toutes les vanités d'ici bas. Je pleurais, en l'écoutant derrière la porte comme on pleure en lisant quelque récit sublime et touchant. S'il était question de moi dans l'auguste visite que vous devez recevoir, au mon du Ciel parlez de la faiblesse de mes nerfs et de l'état spasmodique dans lequel je me suis trouvée pendant toute la présentation. Une remarque que j'ai encore oubliée de vous faire, c'est que l'Empereur que j'ai vu dans mon salon est tout autre que celui que j'ai tant de fois admiré au club et à la promenade. C'est une expression que je n'ai jamais rencontrée nulle part, une physionomie angélique que jamais *mon beau* idéal ne m'a représentée..... A propos, je l'oublIais, toutes les commères de la ville sont sur le comte de la chère Sophie. — Adieu mon ange, mon incomparable Alexandrine. L'Empereur avait raison l'autre jour, quand il disait qu'il ne connaissait pas d'être digne de vous. Que le Sauveur vous conserve.....

Переводъ. Наконецъ, милый и добрый другъ Саша, ты получишь столь любопытное и тобой давно ожидаемое описаніе. Я передамъ тебѣ всѣ оттѣнки ощущеній, испытанныхъ мною при свиданіи съ величайшимъ монархомъ въ мірѣ. Софья была предувѣдомлена на балѣ у Апраксиныхъ о высочайшемъ посѣщеніи. Она мнѣ объявила, что представитъ меня только къ концу вечера. Я старалась собраться съ силами нравственными и физическими, облеклась въ

([38]) The boux—зеленый чай.

([39]) Захаръ Николаевичъ Посниковъ былъ въ то время оберъ-прокуроромъ въ Московскомъ Сенатѣ.

капотъ скромно-сѣраго цвѣта, съузила сколько могла лице мое посредствомъ чепчика и фрезы и съ волненіемъ ожидала страшной и вмѣстѣ столь желанной минуты. Наконецъ бьетъ 9 часовъ. Самодержецъ является въ гостинную. Я подслушиваю всѣ учтивыя и любезныя фразы, которыми сестра и гость обмѣниваются въ первые четверть часа. Стоя за дверью, я не проронила ни однаго слова, но потомъ конечно я отошла, чтобы не быть нескромною. Однако духъ-искуситель притягиваетъ меня неоднократно къ завлекательному порогу и такъ какъ посѣщеніе продолжалось болѣе двухъ съ половиною часовъ, времени было достаточно, чтобы разслышать и обдумать на досугѣ все то, что доходило до меня изъ за двери. Весь разговоръ, который теперь передаю тебѣ, ничто иное какъ сокращенное изложеніе самыхъ чистыхъ и самыхъ возвышенныхъ нравственныхъ правилъ. „Возвышаясь духомъ къ Богу" говорилъ сей Давидъ новѣйшихъ дней, „я распростился со всѣми земными наслажденіями. Вспомоществуемый религіею, я дошелъ до того спокойствія, до того мира душевнаго, которыхъ не промѣняю ни на какое земное блаженство. Если бы не эта святая, чистая, простая вѣра, которая заставляетъ меня забывать всѣ тернія моего званія, могъ ли бы я вынести всю тягость онаго? И какъ проста эта вѣра при всей своей возвышенности, продолжалъ сей *недовольно оцѣняемый монархъ*, какъ правила ея легко усвоиваются и самыми обыкновенными и самыми просвѣщенными людьми!" Вслѣдъ за этимъ онъ горячо сталъ говорить противъ мистицизма. „Одни только безпокойные умы" продолжалъ онъ, „охотно предаются тонкостямъ, которыхъ сами не понимаютъ. Г-жа Крюднеръ, напримѣръ, быть можетъ съ хорошими намѣреніями, была виновницею неисправимаго вреда". „Надо просто исполнять" прибавилъ онъ „обязанности, налагаемыя на насъ религіею, быть вѣрными послѣдователями ея, а не теряться въ утонченныхъ разысканіяхъ, которыя намъ вовсе не предписаны". Вотъ приблизительно, милая и добрая Саша, то что я могла извлечь назидательнаго изъ этого разговора. Извини меня за маленькое отступленіе, которое льститъ моему самолюбію. Не то ли почти писала я нынѣшнею весною въ отвѣтъ на одно изъ твоихъ писемъ, меня очень напугавшее? Прости за это мелочное тщеславіе, мой ангелъ, но признаюсь я рада, что мысли мои сошлись съ мыслями *величайшаго мудреца нашего вѣка*. Я не повторю всего того, о чемъ еще шла рѣчь—о болѣзни молодой Нарышкиной, о грустномъ состояніи г-жи Демидовой, о Петербургѣ и о провинціи, объ милостивомъ намѣреніи до меня касающемся — все это не можетъ быть занимательно. Довольно съ тебя узнать, что послѣ двухъ съ пололовиною часовъ раздается звонокъ, и я слышу слова столь пріятныя и въ тоже самое время столь потрясающія: «Позови Марью Ивановну», говоритъ Софія, и Марья Ивановна, полуживая, опрометью бѣжитъ прочь. Тщетно пытается она вооружиться здравымъ смысломъ. Нервная тревога беретъ верхъ надъ разсудкомъ. Около четверти часа продолжается нерѣшительность; наконецъ послѣ многихъ крестныхъ знаменій, я отворяю дверь, но будучи въ физической невозможности подвинуться впередъ и дрожа всѣмъ тѣломъ становлюсь у притолки. Шумъ, произведенный моимъ входомъ, обращаетъ на себя высочайшее вниманіе. Герой XIX вѣка подходитъ ко мнѣ. Я хочу отвѣчать на всѣ любезности, коими монархъ меня удостоиваетъ и не могу выговорить слова: дыханіе судорожно сжалось. Вмѣсто отвѣта я только кланяюсь. Изъ состраданія, вѣроятно, миротворецъ Европы проситъ меня сѣсть, я не рѣшаюсь подойти къ Софьи и смиренно сажусь какъ можно далѣе, но, принужденная новымъ приглашеніемъ, опускаюсь на самый кончикъ дивана. Разговоръ завязывается, Софья имъ къ счастью завладѣваетъ, и я успѣваю нѣсколько успокоиться, по крайней мѣрѣ физически. „Что

думаете вы, сударыня", спросилъ у меня августѣйшій гость, „про Петербургъ и про Москву?"—„Я думаю, в. величество", отвѣчала я, дрожа всѣмъ тѣломъ, „что можно построить новый Петербургъ, но что невозможно создать новую Москву." Софья, замѣчая (какъ она мнѣ въ томъ призналась послѣ) что нѣсколько историческихъ фразъ дрожали на моихъ губахъ, перебила мою рѣчь, и я только успѣла отвѣчать самодержцу на его вопросы. Между прочимъ онъ спросилъ, какое мѣсто жительства, я предпочитаю. Я отвѣчала, что, благодаря образу моей жизни, я стала равнодушна къ мѣстамъ, гдѣ живу. Наконецъ послѣ получасоваго разговора, довольно незначительнаго, монархъ сталъ прицѣплять свою шпагу и готовиться къ отъѣзду. Онъ подходитъ ко мнѣ, цѣлуетъ мою руку (прошу примѣтить), говоритъ, что очень радъ былъ со мною познакомиться и спрашиваетъ, какія будутъ мои порученія къ маменькѣ. «Благоволите сказать ей, государь, что я наконецъ имѣла счастье и смѣлость быть вамъ представленной.» Потомъ онъ спросилъ меня, боюсь ли я его еще. «Чрезвычайно, государь» отвѣтила я. „По крайней мѣрѣ вы уже не смущаетесь?» — «Безмѣрно», было моимъ послѣднимъ отвѣтомъ. Я разочла, что мнѣ не слѣдуетъ его провожать. Софья идетъ съ нимъ до дверей, а я остаюсь въ гостинной. Я еще никакъ не могу придти въ себя отъ удивленія. Какъ, я была представлена императору Александру и гдѣ же— въ моей гостинной! Вотъ что значитъ не соваться впередъ. За семь рублей съ полтиной, заплаченныхъ за фунтъ зеленаго чая, я имѣла тоже наслажденіе, которое стоило Апраксину 15,000 рублей. Шутки въ сторону, я не могу изобразить своего восхищенія. Я не обольщаюсь, я знаю, что это знакомство не послужитъ къ служебному возвышенію моего мужа, но мой восторгъ и назидательный характеръ этого свиданія для меня выше всякой мірской суеты. Я плакала за дверью, какъ плачутъ, читая трогательную и возвышенную книгу. Ежели рѣчь зайдетъ обо мнѣ во время высочайшаго посѣщенія, которое вамъ предстоитъ, ради Бога замолвьте слово о слабости моихъ нервовъ и о судорожномъ состояніи, въ которомъ я находилась во все время представленія. — Я забыла еще сказать: государь, котораго я видѣла у себя въ гостинной, еще лучше того, которымъ такъ часто любовалась я въ собраніи и на прогулкахъ. Такого выраженія я нигдѣ и никогда не встрѣчала, а ангельскія черты его превосходятъ самыя лучшія мои идеальныя представленія.... Кстати, всѣ Московскія кумушки вооружились противъ нашей милой Софьи. Прощай, мой ангелъ, моя неоцѣненная сестра. Государь правду говорилъ намедни, увѣряя, что не знаетъ существа тебя достойнаго. Да хранитъ тебя Господь Богъ!...

ДВА ПИСЬМА (гр.) Д. Н. БЛУДОВА КЪ СУПРУГѢ ЕГО.

1.

Москва, 26 Іюля 1826 г.

Вчера мы были свидѣтелями зрѣлища равно величественнаго и трогательнаго; вчера мы видѣли нашего монарха, успѣвшаго въ столь короткое время возбудить столько надеждъ, въѣзжающаго въ древнюю столицу отечества, чтобы, принятіемъ вѣнца и скиптра прародителей, вполнѣ утвердить союзъ свой съ народомъ. Мы видѣли, какъ онъ съ благоговѣніемъ искренней вѣры распростерся передъ Иверской иконой Богоматери, съ коей соединяются воспоминанія столь дорогія, и славной старины и незабвеннаго 1812 года. Съ нимъ была обожаемая всѣми Русскими, но еще болѣе бѣдными, Матерь двухъ Царей; а цвѣтущая юностію и красотою супруга вела прелестнаго Младенца, будущаго Наслѣдника великихъ правъ и обязанностей престола: можно сказать,

что они украшали другъ друга тѣмъ, что были вмѣстѣ. За симъ послѣдовала другая, истинно торжественная минута, когда императорская фамилія выѣхала на обширную, великолѣпно убранную, Красную площадь: тутъ стояли въ ружьѣ пѣхотные полки гвардіи, а по мѣстамъ, между рядами воиновъ, духовенство съ хоругвями, крестами и кадилами. Съ одной стороны намъ былъ видѣнъ памятникъ Минина и Пожарскаго, съ другой Кремль, который сильнѣе всякихъ монументовъ говоритъ воображенію. Военная музыка играла *God save the King*, и съ сей несравненною мелодіею мѣшался, не портя ея, звонъ всѣхъ колоколовъ Москвы; а громче колоколовъ и пушекъ раздавался радостный крикъ: ура! съ площади, съ окрестныхъ улицъ, съ кровлей и стѣнъ Кремля, усыпанныхъ народомъ. Дѣйствіе было неописанное; казалось, что слова „Боже Царя спаси" отзывались во всѣхъ сердцахъ. Увѣряю, что по моему, по крайней мѣрѣ, сердцу и нервамъ пробѣжало что то похожее на лихорадку, но пріятную лихорадку надежды. Я какъ будто живѣе прежняго повѣрилъ благости Промысла и будущему счастію Россіи.

2.

Москва, 22 Августа 1826 г.

Извѣщаю тебя, мой милый другъ, что сегодня поутру совершенъ священный обрядъ коронаціи и помазанія нашего молодаго императора и супруги его. Все въ этомъ торжествѣ было прекрасно, отъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ до погоды. Вообрази себѣ, если можешь, взявъ церемоніалъ въ руки: великолѣпіе шествія въ соборы и изъ соборовъ посреди нашего великолѣпнаго Кремля, еще украшеннаго и разставленными войсками, и рядами хорошо одѣтыхъ зрителей, какъ будто развѣшанными по стѣнамъ, и толпами народа на кровляхъ, на самыхъ куполахъ церквей; вообрази также и чудесную гармонію колоколовъ Ивана Великаго, которые подобраны одинъ къ другому, какъ трубы органа, и прекраснѣйшій въ мірѣ хоръ радостныхъ восклицаній, и надъ всѣмъ этимъ голубое, совершенно ясное небо, по коему летали только свѣтлыя облака дыма отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Ты представишь себѣ не все и не лучшее, потому что лучшее происходило въ церкви. Тамъ, во время священнаго дѣйствія, были минуты истинно-умилительныя: я чувствовалъ слезы въ глазахъ и даже безъ стыда отиралъ ихъ, когда императрица Марія Ѳеодоровна приходила поздравлять и благословлять своего вѣнчаннаго сына; когда онъ, въ свою очередь, коронуя преклоненную передъ нимъ царственную подругу, цѣловалъ ее, такъ сказать, съ видимою нѣжностію; наконецъ, когда братья, равно доказавшіе, что они братство и долгъ предпочитаютъ престолу, долго обнимали другъ друга съ чувствомъ, въ коемъ смѣшивалось столько разныхъ чувствъ. И какъ величественны, какъ трогательны обряды, установленные нашею церковью для сихъ торжественныхъ случаевъ! Читанныя императоромъ и митрополитомъ молитвы исполнены глубокаго смысла: слушая и повторяя ихъ въ душѣ, я снова увѣрялся въ сладости, въ необходимости Вѣры, въ томъ, что всякая страсть, и самая благородная, любовь къ отечеству, не очищенная религіей, ведетъ къ однимъ заблужденіямъ, слѣдственно къ несчастію. Но ты знаешь мои правила, мысли и сердце; знаешь, что они не мѣняются ни отъ времени ни отъ перемѣны царствованій, и можешь отгадать, какъ я молился!

АННА ГРИГОРЬЕВНА ХОМУТОВА.

(Біографическій очеркъ.)

Анна Григорьевна Хомутова родилась въ Москвѣ въ 1784 году. Она была дочь генералъ-лейтенанта и сенатора Григорія Аполлоновича Хомутова, потомка графовъ Гамильтоновъ, вышедшихъ изъ Шотландіи во время смутъ при Стюартахъ и принявшихъ русское подданство, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Мать ея была Екатерина Михайловна Нохвиснева, дочь генералъ-аншефа. Два ея брата, старшій Сергѣй Григорьевичъ Хомутовъ дѣлалъ кампаніи 1812 13 и 14-го г. г. подъ начальствомъ полковника Толя (состоявшаго при фельдмаршалѣ Кутузовѣ и, по смерти его, при князѣ Шварценбергѣ); меньшій Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ тоже дѣлалъ кампаніи и въ послѣдствіи былъ командиромъ лейбъ-гусарскаго полка, потомъ наказнымъ атаманомъ Войска Донскаго. Анна Григорьевна родилась въ богатствѣ и получила отличное воспитаніе; французскій языкъ она знала въ совершенствѣ и по обычаю того времени всегда на немъ изъяснялась. Рукодѣліемъ мало занималась, а съ любовью и увлеченіемъ слѣдила за литературой. Имѣя свѣтлый умъ, прекрасную память и удивительную, щеголеватую легкость выражать свои мысли, она писала большую часть времени, записывала все, что видѣла и слышала и излагала въ видѣ повѣстей произшествія, случавшіяся въ большомъ свѣтѣ, поэтизируя и конечно мѣняя имена и названія мѣстности.

Отецъ Анны Григорьевны былъ богатъ и большой хлѣбосолъ. Собственные дома его, сперва на Басманной, потомъ на Мясницкой, уцѣлѣвшій отъ пожара 1812 г., всегда были полны гостей. На балы ихъ и обѣды съѣзжались вся московская знать, литераторы и поэты и всѣ извѣстные посѣтители столицы. Анна Григорьевна была въ короткихъ сношеніяхъ съ Раевскими, Ермоловымъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ, княземъ Вяземскимъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. Всѣ знали ее, а за необыкновенный умъ, пріятность характера, доброту, кротость услужливость и любезность, всѣ любили и старались сблизиться съ нею, наперерывъ приглашая ее къ себѣ, и она часто гащивала, по нѣскольким недѣлямъ, въ Петербургѣ у Марьи Никит. Дурновой и гр. Анны Владим. Бобринской. Съ первой Анна Григорьевна участвовала во всѣхъ придворныхъ празднествахъ, даваемыхъ во время ея пребыванія въ столицѣ; у второй оживляла обѣды и вечера завлекательнымъ, умнымъ разговоромъ и готовностью, во всякое время, сочинять комедіи, сюрпризы и куплеты, на всякій сюжетъ и на всякій случай.

Душа ея была пылкая, поэтическая, сердце самое любящее; для родныхъ, для друзей, она забывала себя и отдавалась имъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Одна изъ самыхъ сильныхъ ея привязанностей, въ первой молодости, была къ двоюродному брату, поэту-слѣпцу Козлову. Сходство въ пылкости характеровъ, въ любви къ поэзіи, въ сочувствіи ко всему высокому, ихъ тѣсно связывало. Они оба были молоды, счастливы и часто вмѣстѣ увлекались свѣтскими веселостями; но когда страстная любовь запала въ душу Козлова (¹) и долго, отчаянно его волновала, Анна

(¹) Къ Софьѣ Андр. Давыдовой, въ послѣдствіи его женѣ.

Григорьевна сдѣлалась ему постояннымъ, неизмѣннымъ другомъ-утѣшителемъ, со всею женственною преданностію. Послѣ 1812 года они разстались и свидѣлись уже въ тридцатыхъ годахъ въ Петербургѣ, почти стариками, но съ живымъ чувствомъ постоянной дружбы и яркимъ воспоминаніемъ молодости, неувядающей въ такихъ сердцахъ. Козловъ давно уже лежалъ тогда на одрѣ болѣзни, разбитый параличемъ въ ногахъ и лишенный зрѣнія. Сильное это сердечное потрясеніе вылилось у него въ прекрасныхъ стихахъ подъ названіемъ „Къ другу весны моей послѣ долгой, долгой разлуки".

Въ это же время Лермонтовъ, узнавъ случайно, изъ оживленнаго разсказа самаго поэта Козлова, сколько былаго счастья шевельнулось въ его душѣ при этой неожиданной встрѣчѣ въ тогдашней его грустной жизни, написалъ слѣдующіе стихи:

А. Г. Хомутовой.

Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный,
Вамъ строки чудныя писалъ,
И прежнихъ лѣтъ восторгъ священный
Воспоминаньемъ оживленный,
Онъ передъ вами изливалъ.
Онъ васъ не зрѣлъ; но ваши рѣчи,
Какъ отголосокъ юныхъ дней,
При первомъ звукѣ новой встрѣчи,
Его встревожили сильнѣй.
Тогда признательную руку,
Въ отвѣтъ на вашъ привѣтный взоръ,
На встрѣчу радостному звуку,
Онъ въ упоеніи простеръ.
И я повѣренный случайный
Надеждъ и думъ его живыхъ,
Я буду дорожить какъ тайной,
Печальнымъ выраженіемъ ихъ.
Я вѣрю, годы не убили,
Изгладить даже не могли
Все, что̀ вы прежде возбудили
Въ его возвышенной груди;
Но да сойдетъ благословенье
На вашу жизнь за то, что вы
Хоть на единое мгновенье,
Умѣли снять вѣнецъ мученья
Съ его преклонной головы.

Память Анны Григорьевны была удивительная: она помнила рѣшительно все, что читала, могла сказать наизусть цѣлыя поэмы и запоминала цѣликомъ разговоры. Она знала дни рожденья и имянинъ всѣхъ знакомыхъ и напоминала имъ всѣ эпохи ихъ жизни. Въ тысяча восемь сотъ сороковыхъ годахъ, она жила въ Ярославлѣ со старшимъ своимъ братомъ, Сергѣемъ Григорьевичемъ, и учила исторіи дѣтей его, двухъ племянниковъ, племянницу и сиротку (²), воспитанную и любимую ими наравнѣ съ собственнымъ семействомъ, не употребляя на то книгъ, но диктуя имъ изъ памяти исторію каждаго государства особенно, и никогда не сбиваясь въ хронологическомъ порядкѣ.

Послѣ смерти С. Г. Хомутова, Анна Григорьевна переѣхала съ дочерью его въ Петербургъ, гдѣ опять свидѣлась со многими своими старинными знакомыми, но уже была больна и не вставала съ кресла. Она дожила до 72 лѣтъ. Смерть ея была самая тихая. Богъ сподобилъ ее пріобщиться Святыхъ Таинъ, и она угасла безъ страданій. Всѣ знавшіе оплакивали ее, какъ вѣрнаго друга, рѣдкую родную, умную собесѣдницу, услужливую, добрую знакомую. Память о ней съ любовью сохранится у всѣхъ, кто зналъ ее. Тѣло ея покоится на семейномъ кладбищѣ Ярославской деревни Хомутовыхъ.

Она оставила нѣсколько повѣстей, нѣсколько стиховъ, на которые тогда же ей отвѣчали извѣстные поэты, и нѣсколько лѣтъ журнала, интереснаго описаніемъ славной эпохи французской войны и знакомящаго насъ съ жизнью высшаго общества тогдашняго времени.

Екатерина Розе.

(²) Составительницу этого біографическаго очерка, Екатерину Ивановну Розе, отъ которой и получены, при посредствѣ кн. П. А. Вяземскаго, какъ этотъ очеркъ, такъ и нижеслѣдующія выдержки изъ записокъ А. Г. Хомутовой. *П. Б.*

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. Г. ХОМУТОВОЙ.

1814-й годъ. 8-го Апрѣля. День былъ пасмуренъ, воздухъ тепелъ и сыръ, Нева покрыта льдомъ, адмиралтейскій бульваръ почти пустъ. Марья Никитична Дурново и я, укутанныя въ шали, ходили по немъ взадъ и впередъ, недовольныя нашей прогулкой. Вдругъ Свѣчинъ догналъ насъ, и съ выраженіемъ радости и сомнѣнія на лицѣ, сказалъ: «Увѣряютъ, что Парижъ взятъ». Нѣсколько человѣкъ повторили счастливую новость, не смѣя утверждать ее. Путятинъ, играя своимъ лорнетомъ, вскричалъ: „Вотъ князь Куракинъ выходитъ изъ дворца, онъ долженъ знать истину!" Князь Куракинъ, въ шитомъ фіолетовомъ кафтанѣ съ брильянтовыми пуговицами и жемчужными эполетами, важно выступалъ, сопровождаемый двумя лакеями, облитыми золотомъ. Мы бросились къ нему на встрѣчу, и Марья Никит. спросила: «Князь, правда?» — «Истинная правда «сударыня, и я поздравляю васъ, сказалъ онъ, весело кланяясь намъ всѣмъ. „Ея величество государыня удостоила „меня сообщить, что государь импера-„торъ, во главѣ союзныхъ войскъ, „вступилъ въ Парижъ 19-го марта. Ге-„нералъ Кутузовъ, посланный изъ са-„маго Парижа, былъ задержанъ доро-„гой и отправилъ курьера императри-„цѣ, чтобъ не замедлить сообщить эту „счастливую новость."

Во время этой рѣчи толпа собралась на бульварѣ, окружила насъ и заставила повторить двадцать разъ, что сказалъ князь Куракинъ. Всѣ поздравляли, обнимали другъ друга, изъявляя живѣйшую радость, и солнце, соучастникъ всеобщаго восторга, освѣтило всѣхъ праздничными своими лучами. Императрица, въ открытой коляскѣ проѣхала мимо бульвара въ церковь Всѣхъ Скорбящихъ. Толпа бросилась за ней, бросая вверхъ свои шляпы съ криками: ура! За обѣдомъ у графини Бобринской добрый господинъ Л. сочинилъ предурное четверостишіе на взятіе Парижа. Ни объ чемъ больше не говорили, какъ объ этомъ великомъ событіи, и каждый, кто приходилъ, разсказывалъ, какимъ образомъ онъ узналъ объ немъ.

Вечеромъ мы поѣхали въ театръ. Вязмитинову, который сидѣлъ въ креслахъ, подали печатанный листъ. Видя наше любопытство, онъ намъ тотчасъ же его прислалъ. Это былъ бюллетень сраженія 18-го марта, выиграннаго на высотахъ Бельвиля и Монмартра, послѣ котораго Парижъ сдался. Этотъ бюллетень разсказывалъ великіе подвиги Барклая, Ермолова, Раевскаго, славныя имена, блестящія какъ маяки посреди бурь 1812-го года и освѣтившіяся новымъ блескомъ въ день тріумфа.

13-го Апрѣля. Пушечные выстрѣлы возвѣстили намъ пріѣздъ Кутузова. Онъ прямо отправился къ императрицѣ и оттуда долженъ былъ ѣхать къ канцлеру мимо дома М. Н. Дурново. Я вышла на балконъ и, не смотря на мелкій дождь, нѣсколько часовъ ждала, чтобъ увидѣть его одну минуту. Я сравнивала это время славы и радости со временемъ того страха, когда князь Трубецкой пріѣхалъ въ Москву съ печальными извѣстіями; также какъ и его карета, карета Кутузова остановилась у нашихъ дверей, и онъ прислалъ намъ пакетъ съ письмами, письмами изъ Парижа! Намъ писали, что Наполеонъ лишенъ всѣхъ правъ, что статуты его уничтожены и что Людовикъ XVIII объявленъ королемъ. Намъ писали, какъ великодушенъ былъ нашъ императоръ, какъ обожаемъ.

15-го Апрѣля. Дворъ и весь городъ были въ Казанскомъ соборѣ. Императрица, великолѣпно одѣтая, сіяла счастіемъ. Духовенство, блистая золотомъ, пѣло благодарственный молебенъ при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Вечеромъ театръ былъ полонъ народа, встрѣтившаго Кутузова кликами радости. Зловъ прервалъ свою роль, чтобъ спѣть ему приготовленный куплетъ, а когда онъ пропѣлъ:

„Ликуй Москва! Въ Парижѣ Россъ."

театръ задрожалъ отъ рукоплесканій и радостныхъ криковъ. О, то была дивная минута! Возвратясь домой, мы нашли въ гостиной Волынскаго, разсуждавшаго, какъ истый гастрономъ, о томъ обѣдѣ, который купцы намѣревались дать Кутузову; стараго князя Циціанова, вспоминавшаго праздники кн. Потемкина и лгавшаго безъ мѣры; Демидова въ орденѣ св. Анны, котораго онъ такъ ждалъ, ходившаго по комнатамъ, предаваясь мечтамъ возвратиться въ Парижъ, и Ивана Нарышкина, говорящаго про хорошенькихъ актрисъ, которыхъ онъ опять увидитъ. Я вышла на балконъ, видъ съ котораго былъ восхитителенъ. Академія, биржа и крѣпость сіяли огнями, отражавшимися въ гладкой поверхности Невы. Мы сѣли въ открытую коляску и проѣхали по всему городу. Двѣ тысячи экипажей проѣзжали посреди великолѣпной иллюминаціи и подъ звуки громкой музыки, вездѣ игравшей: «Хвала!» Иллюминація возобновлялась два слѣдудующіе дня; самая красивая была у кн. Горчакова, гр. Шереметева, Нарышкина и у иностранныхъ пословъ. Башня, воздвигнутая Вальполемъ, возвышалась какъ маякъ; она будто касалась облаковъ. Министерство, сенатъ, гостинный дворъ были великолѣпно освѣщены; на послѣднемъ красовался огромный огненный щитъ.

18-го Апрѣля. Купцы дали великолѣпный обѣдъ Кутузову и поднесли ему богатое золотое блюдо. Графъ Васильевъ получилъ такой же подарокъ въ Москвѣ, куда онъ былъ посланъ съ извѣстіемъ о взятіи Парижа.

21-го Апрѣля. Тургеневъ (1) подошелъ къ намъ на набережной и сказалъ: „Великая Европейская драма разыграна, Наполеонъ отказался отъ престола, онъ на островѣ Эльбѣ. Нашъ Императоръ во всемъ блескѣ своего величія". Пока мы разговаривали, къ намъ присоединился Сергѣй Уваровъ (2) и вмѣшался въ разговоръ. Делиль, сказалъ онъ, угадалъ эту славную будущность въ своихъ двухъ стихахъ, адресованныхъ Александру:

Sur le front de Louis tu mettras la couronne
Le sceptre le plus beau est celui que l'on donne (3).

Графиня Бобринская, проѣзжавшая въ эту минуту въ каретѣ, остановилась и показала намъ портретъ генерала Сакена, назначеннаго губернаторомъ Парижа. Въ честь этого стараго друга ихъ дома, она затащила насъ въ кондитерскую Молинари, гдѣ до нельзя угостила бисквитами и конфектами.

10-го Мая. Императрица пріѣхала въ театръ на представленіе „Праздника въ союзномъ лагерѣ на высотахъ Монмартра".

Первый, возвратившійся изъ Парижа былъ Сергѣй Волконскій (4), обвѣшанный крестами и звѣздами, которые

---

(1) Александръ Ивановичъ.

(2) Впослѣдствіи графъ Сергѣй Семеновичъ, тогда попечитель С.-Петербурскаго учебнаго округа.

(3) Т. е. ты возложишь корону на чело Людовика; изъ всѣхъ скипетровъ наилучшій есть тотъ, который вручаешь другому.

(4) Князь Сергѣй Григорьевичь, впослѣдствіи декабристъ, получившій въ 1856 г. прощеніе и умершій въ 1866 году.

послѣ.... но тогда онъ былъ во всемъ блескѣ. Волконской первый разъ пріѣхалъ въ театръ и, скромно закутываясь въ плащъ, смѣясь говорилъ намъ: солнце прячетъ въ облака лучи свои. Князь Гагаринъ [5]), во время оно, такой же блестящій, былъ подавленъ великими событіями, въ которыхъ не могъ принимать участія. Онъ вспоминалъ Итальянскія войны, вспоминалъ, какъ Суворовъ прислалъ его со знаменами Нови и часто говорилъ съ горечью: «чтобъ увѣнчать такую блестящую карьеру, я бы долженъ былъ быть посланникомъ Монмартрскимъ, побѣды и взятія Парижа.“ Вслѣдъ за кн. Волконскимъ возвратились многіе военные и разсказывали чудеса о Парижѣ и объ энтузіазмѣ возбуждаемомъ нашимъ Государемъ. Объ немъ только и было рѣчи, и объ его возвращеніи въ великолѣпныя аллеи дворцоваго сада. Каждое утро тамъ сходилось все общество: князь Юсуповъ всегда былъ подлѣ Полины Щербатовой, для которой мечтали о замужествѣ, но увы оно не долго продолжалось. Княгиня Салтыкова [6]) гуляла, сопровождаемая большой свитой, опираясь на руку Сафоновой, какъ Калипсо съ Евхарисъ; княгиня Долгорукая [7]), во всемъ блескѣ красоты и счастія, подъ руку съ мужемъ, не замѣчая всѣхъ своихъ поклонниковъ; княжна Лопухина, блѣдная, граціозная, скользила между деревьевъ, какъ очаровательное видѣніе; красавица Нарышкина скрывала подъ улыбкой свое безпокойство: вѣтка полыни, которую она хотѣла вплести въ вѣнокъ изъ лавровъ, дрожала въ ея рукѣ; Лунина и Демидова, всегда пестро одѣтыя; князь Гагаринъ, вѣчно озабоченный, скрестивъ руки; Тургеневъ, исправлявшій тогда важныя должности, приходилъ въ садъ поздно. Тутъ же гуляли всѣ русскіе и иностранные военные, возвратившіеся изъ арміи и старые эмигранты, опять пришпилившіе въ петлицы свои кресты святаго Лудовика.

По вечерамъ ѣздили въ театръ, гдѣ всякій намекъ на славную эпоху, вызывалъ рукоплесканія. Бывали собранія во многихъ домахъ, и дамы щеголяли новыми нарядами, привезенными или присланными изъ Парижа; дѣлали лотереи и иногда танцовали; нѣсколько эполетъ оживляли однообразность фраковъ. То были предшественники всѣхъ тѣхъ, кого мы ожидали: братьевъ, супруговъ и въ тайнѣ предпочитаемыхъ. Еще не оправившаяся Москва тоже праздновала взятіе Парижа и давала пиры, которымъ способствовали красота, грація, умъ и таланты. Пріятно было слышать изъ среды развалинъ пѣніе:

Знамена — мстители Москвы
Шумятъ надъ Сеной горделивой.

9 Іюня вел. князь Константинъ Павловичь привезъ извѣстіе объ общемъ мирѣ, подписанномъ въ Парижѣ 18-го Мая. Загремѣли пушки, зазвонили колокола, въ церквахъ запѣли благодарственные молебны, и городъ опять зажегъ увеселительные огни. 17-го Іюня императрица дала великому князю великолѣпный праздникъ въ Павловскѣ. Онъ начался полдникомъ въ цвѣтникѣ, потомъ пошли въ театръ, устроенный изъ зелени, гдѣ играли Казака-Стихотворца и дивертисментъ, состоявшій изъ танцевъ съ лавровыми гирляндами, окончившійся явленіемъ Славы, державшей въ одной рукѣ Россійскаго орла, а въ другой вензель

(5) Вѣроятно Павелъ Гавриловичь, генералъ-адъютантъ императора Павла.
(6) Урожденная Долгорукая, нынѣ статсъ-дама.
(7) Урожденная княжна Гагарина.

великаго князя. Онъ былъ не въ духѣ и хмурилъ брови, когда ему пѣли хвалебныя пѣсни. Балетъ Амуровъ данъ былъ на лугу. Танцовали въ розовомъ, а ужинали въ новомъ павильонѣ, который съ тѣхъ поръ назывался павильономъ мира. Фрейлины, украшавшія тогда дворъ императрицы, были: любезная моя Софья Нелединская, княжна Луиза Биронъ, хорошенькая и интересная своей романической страстью, княжна Щербатова тогда весьма пріятная, и Самарина, красивая блондинка, которой приписывали побѣду надъ однимъ изъ любезнѣйшихъ придворныхъ.

Лѣто проходило въ надеждѣ скоро увидѣть императора, и мы пользовались всевозможными удовольствіями, предлагаемыми временемъ года. Острова были очень часто посѣщаемы. Демидовы, жившіе на дачѣ графини Лаваль, давали всякій четвергъ веселые балы. На одномъ изъ этихъ баловъ поднялся необыкновенный шумъ и дошелъ до террасы, гдѣ я отдыхала послѣ нѣсколькихъ кадрилей. Всѣ кричали. „Вотъ Чернышевъ, вотъ Чернышевъ!“ и онъ взошелъ, блистая своими побѣдами и орденами. Многія дамы покраснѣли и поблѣднѣли, но онъ не польстилъ вниманіемъ ни одну изъ тѣхъ, которымъ прежде поклонялся.

13-го Іюля флагъ развѣялся на зимнемъ дворцѣ, императоръ пріѣхалъ, императоръ возвратился въ Петербургъ. Надо вставить себя въ рамку тогдашняго времени, чтобъ понять все волшебство этихъ словъ и весь энтузіазмъ, который онѣ возбуждали. Императоръ отказался отъ пышнаго пріема, приготовленнаго для него и отъ названія: благословеннаго, предложеннаго ему въ краснорѣчивомъ адресѣ, сочиненномъ Нелединскимъ и переведенномъ на французскій языкъ Уваровымъ.

14-го Іюля толпа ожидала императора въ Казанскомъ соборѣ и встрѣтила его громкимъ ура, заставившимъ биться всѣ сердца. Императоръ взошелъ, и всѣ глаза устремились на него; слава, которая отъ него сіяла, прибавляла еще новое очарованіе къ его красотѣ. Какъ блестящее солнце, онъ превосходилъ все что его окружало, и мы забыли искать въ его свитѣ тѣхъ, кто были близки нашимъ сердцамъ. Когда молебенъ кончился, графъ Толстой подошелъ къ нашей группѣ и объявилъ намъ, что 22-е будетъ праздникъ въ Петергофѣ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ и опять представилъ намъ три волшебныя ночи. Адмиралтейство со своими якорями изъ плошекъ было великолѣпно.

20-го Іюля мы пріѣхали въ Петергофъ довольно поздно и сейчасъ отправились въ садъ, гдѣ было много гуляющихъ. Всѣ фонтаны были спущены, и около нихъ приготовлялась иллюминація. Всѣ останавливались смотрѣть, слушать, удивляться. Мы встрѣтили Кирилу Нарышкина и графа Сологуба, которые и провожали насъ домой, посреди всеобщей суматохи: экипажи пріѣзжали со всѣхъ сторонъ, дома освѣщались и наполнялись, окошки отворялись, и смѣшанныя слова перекрещивались въ воздухѣ. Когда мы шли мимо гауптвахты, солдаты, опершись на ружья, пѣли вполголоса пѣснь Генриха IV.

21-го Іюля мы поѣхали на парадъ, который былъ въ саду подъ окнами дворца. Солнце ярко сіяло, всѣ фонтаны играли и освѣжали аллеи, гдѣ была толпа гуляющихъ. Семеновцы, два мѣсяца тому назадъ державшіе караулъ въ Парижѣ, стояли теперь

подъ ружьемъ. Музыка возвѣстила императора. „Какъ онъ хорошъ! какъ онъ великъ!“ слышалось со всѣхъ сторонъ. Парадъ кончился, и множество военныхъ пришли къ Дурновой, между прочими Чернышевъ и Потемкинъ. Они смѣшили насъ, разсказывая разные анекдоты, какъ генералъ Уваровъ изъяснялся на французскомъ языкѣ за границей, какъ вдругъ онъ самъ всунулъ свою черную, кудрявую голову въ окошко, подлѣ котораго мы сидѣли, говоря: le temps est bel! Хотя и перемѣнили разговоръ, но оба наши генерала были болѣе смущены этимъ явленіемъ, чѣмъ непріятельскими ядрами. Вечеромъ собрались на Монплезирѣ. Императрица пріѣхала туда съ молодымъ великимъ княземъ, который только что возвратился. Весь дворъ сопровождалъ ихъ. Всѣ прочіе гуляли около Монплезира и тѣснились у оконъ и дверей. Въ Монплезирѣ долго жилъ Петръ Великій, и тамъ показываютъ еще его столъ, его картины, кровать, посуду и многія другія вещи, которыя тщательно берегутся. Монплезиръ не дворецъ, но домикъ съ терассой, окруженной вѣковыми деревьями. Сколько лѣтъ, сколько поколѣній пережили они, не утративъ своей свѣжести! Съ терассы можно видѣть Петербургъ съ его златоглавыми церквами и Кронштадтъ съ цѣлымъ строемъ мачтъ. 22-го Іюля во время парада и представленія мы отправились въ Марли, построенный на берегу пруда; рыбы, по звуку колокольчика, приплывали къ берегу клевать крошки хлѣба. Маскарадъ былъ очень многочисленъ и душенъ, но иллюминація сада истинно волшебна. Въ каналѣ отражались блестящія декораціи, фонтаны подымались и ниспадали серебряннымъ дождемъ, водяныя горы катили струи золота черезъ фонарики. Самсонъ, казалось, сыпалъ рубины, изумруды и брильянты. Гирлянды фонарей и плошекъ освѣщали аллеи; огненная стѣна окружала драконовъ, и ослѣпляющія пирамиды отражались въ прудѣ Марли. Нѣсколько хоровъ музыки были разставлены въ различныхъ мѣстахъ сада. Придворныя линеики проѣзжали мимо группъ гуляющихъ; вездѣ былъ народъ, вездѣ радость и восторгъ. На другой день гуляли между фонтанами, цвѣтами, воспоминаніями, и покинули Петергофъ.

Праздникъ въ Павловскѣ назначенъ былъ 26-го Іюля; мы пріѣхали туда наканунѣ и пошли ко дворцу, гдѣ разыгрывали вечернюю зорю; потомъ ужинали у графа Головкина, который былъ заваленъ дѣлами и хлопотами: его безпрестанно звали къ императрицѣ. Принужденный оставлять насъ всякую минуту, онъ поручилъ графу Моденъ насъ занимать и угощать. Провожая насъ домой, онъ съ отчаяніемъ показалъ намъ тучи, потемняющія горизонтъ, и въ самомъ дѣлѣ на другой день утромъ шелъ проливной дождь. Когда онъ пересталъ, мы пошли въ розовый павильонъ, гдѣ были приготовленія и репетиція вечерняго спектакля и ужасныя хлопоты съ музыкой и декораціями.

Небо было покрыто тучами. Головкинъ и Нелединскій были въ отчаяніи; всѣ говорили, что праздникъ придется отложить. Въ эту минуту подъѣхала въ маленькой колясочкѣ императрица. Она не хотѣла и слушать этихъ господъ, чтобъ отложить праздникъ, отдала свои приказанія и уѣхала, оставивъ ихъ ужасно не въ духѣ; они спорили, ссорились и чтобъ помирить ихъ, дождь пошелъ съ новой силой. Не смотря на него, императрица опять пріѣхала въ розовый павильонъ, велѣла позвать господъ учредителей и

спросила ихъ: думаютъ ли они, что праздникъ не возможенъ. Нелединскій отвѣчалъ за всѣхъ и представилъ всѣ причины, мѣшавшія ему. Императрица удалилась въ амбразуру окна и, посовѣтовавшись съ Головкинымъ, приказала ему объявить, что праздникъ отложенъ на слѣдующій день, а на сегодняшній вечеръ пригласить всѣхъ танцовать во дворецъ. Этотъ импровизованный балъ, въ греческой залѣ, продолжался не долго и былъ скученъ, потому что императоръ не приходилъ На другой день утро было пасмурно, но день разгулялся, и въ 6 часовъ всѣ собрались въ розовомъ павильонѣ, къ которому пристроили танцовальную залу, украшенную гирляндами и люстрами изъ розъ. Праздникъ начался театромъ, раздѣленнымъ на четыре части. Въ 1-й дѣти играли, плясали, бросали цвѣты и радовались скорому возвращенію своихъ отцевъ и императора. Во 2-й юноши занимались различными работами, которыя хотѣли поднести царю-побѣдителю. Въ 3-й жены воиновъ благословляли примирителя Европы и поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что скоро увидятъ мужей своихъ, послѣ великихъ подвиговъ. Въ 4-й отцы и матери возсылали молитвы за монарха и за своихъ дѣтей—воиновъ и благодарили Бога за то, что Онъ привелъ ихъ видѣть эти славные дни. При появленіи воиновъ на сценѣ, всѣ обнимались, поздравлялись и изъявляли радость, что императоръ возвратился въ Россію. Самойловъ выступилъ впередъ и когда онъ, очаровательнымъ своимъ голосомъ, запѣлъ:

„Ты возвратился, благодатный!“

всѣ сердца были въ умиленіи, всѣ глаза наполнились слезами. Начался балъ, прерванный прекраснымъ фейерверкомъ. Шифръ императора горѣлъ въ золотомъ храмѣ. Пошли опять танцовать. Императоръ пригласилъ на экосезъ графиню Пушкину, а на кадриль Софью Саблукову. Ужинали въ павильонѣ мира, а всѣ военные въ палаткѣ, украшенной трофеями. Когда императоръ взошелъ туда и выпилъ за здоровье своихъ товарищей, воздухъ огласился радостными криками.

Возвратившись въ городъ, мы только и слышали разговоры объ вступленіи гвардіи и о трудности достать окошки. Волынскій нанялъ цѣлую комнату и пригласилъ насъ. Онъ далъ намъ великолѣпный завтракъ, но всѣ мало дѣлали чести его фазанамъ и изысканнымъ кушаньямъ; всѣ безпрестанно подбѣгали къ окошкамъ и смотрѣли на взволнованную улицу. Императоръ, съ многочисленной, блестящей свитой, проѣхалъ верхомъ на встрѣчу гвардіи. Онъ прискакалъ назадъ галопомъ и остановился у кареты, въ которой сидѣли императрица и великія княжны. Гвардія, предшествуемая музыкой, съ тріумфомъ взошла въ столицу и преклонила свое побѣдоносное оружіе предъ августѣйшей Маріей. Гвардейцы, побѣдившіе при Кульмѣ, парадировавшіе на площади Лудовика XVI, возбуждали всеобщее любопытство и удивленіе. На слѣдующій день, имъ въ честь, данъ былъ спектакль и имъ пѣли:

„Вамъ, вѣрна рать царя,
Ура! Ура!

Послѣ всѣхъ этихъ праздниковъ я возвратилась въ Москву, которая обстроивалась и оживлялась. Были улицы, гдѣ уже нельзя было замѣтить слѣдовъ пожара; мало по малу начались и разныя увеселенія.

Собранія открылись 12-го Декабря великолѣпнымъ баломъ. Гр. Орловы дали прекрасный праздникъ Персидскому посланнику, ѣхавшему въ Петербургъ съ поздравленіями императору. Обще-

ство, по неволѣ разстроенное, опять собиралось, возобновляло старинныя связи и дѣлало новыя. На Рождество многіе военные пріѣхали въ отпускъ и привезли радость въ семейства и интересы въ гостинныя. Начались собранія всякій вечеръ; 1814-й годъ, полный великихъ событій канулъ, въ вѣчность, и начался новый годъ, торжественный, шумный, оживленный. Начались новые праздники, новыя удовольствія для Москвы.

Но не та Москва, что нынѣ,
А пятнадцатаго года:
Въ шумныхъ кликахъ торжества
Свой пожаръ и блескъ похода
Запивавшая Москва!

ВОСПОМИНАНІЕ О ПУШКИНѢ.

Еще отрывокъ

изъ неизданныхъ Записокъ Анны Григорьевны Хомутовой.

26 Octobre 1826. Madame Korsakoff m'ecrit le matin: Venez absolument ce soir chez moi, j'aurai Pouchkinn. Pouchkinn, qui venait d'étre rappelé de l'exil, par l'emp. Nicolas; Pouchkinn dont nous avions lu avec enthousiasme les vers permis, et impermis excitaient une curiosité générale. A huit heures donc j'entre dans le salon de M-me Korsakoff, qui etait déjà rempli de monde. Toutes les femmes étaient parées et visaient à la conquête de Pouchkinn; aussi, quand il entra, toutes se precepitèrent vers lui, toutes l'entouraient. Chacune d'elles briguait un mot de sa part. Comme je n'étais ni jeune, ni jolie, comme j'ai toujours été d'une timidité souffrante, qui n'est point le partage des heureux de la terre, je me tenais à l'ecart, sans chercher à me faire remarquer, et j'examinais de loin cette physionomie africaine, qui portait le cachet de son origine; cette physionomie etincellante d'esprit. Je l'ecoutais sans m'avancer ou lui parler. Ainsi s'écoula la soirée. A souper quelqu' un me nomma. Ce nom, comme une etincelle electrique, agit sur Pouchkinn. Il se leva et accourut à moi en me disant:

«Vous étes la soeur de Михаилъ Григорьевичь, je l'estime, je l'aime et je réclame votre bienveillance. Il me parla du régiment de hussard, qui, disait il, avait été son berceau et mon frère souvent son mentor. Dès lors nous fumes intimement connus et depuis, dans nos frequentes rencontres avec Pouchkinn, il me temoigna toujours beaucoup d'amitié. L'eté 1836, qui précéda sa mort, je l'ai vu très souvent et nous passames beaucoup de jours ensemble chez Raievsky.

Raconté par Pouchkinn.

Un Feldjeger m'arracha à ma retraite forcée, m'amena en poste à Moskou, tout droit au Kremlin et encore tout couvert de boue, on m'introduisit dans le cabinet de l'Empereur, qui me dit:

«A, bonjour Pouchkinn, étes vous bien «aise d'être rappelé?

Je lui fis une reponse convénable. L'Empereur causa longtemps avec moi et me demanda:

«Pouchkinn, auriez vous pris part au «14, si vous étiez à Pétersbourg?

«Absolument, Sire, tous mes amis «étaient du complot et je n'aurais pas pu «n'en pas être aussi. L'absence seule m'a «sauvé et j'en remercie le Ciel».

«Vous avez fait assez de bêtises, reprit L'Empereur, j'espere, qu' à présent, vous «serez raisonable et que nous ne nous «brouillerons plus. C'est à moi, que vous «enverrez tout ce que vous composerez; «desormais c'est moi qui sera votre cen-«seur.

Raconté par le même.

Un gros allemand entra chez moi et me dit en s'inclinant:

«J'ai une grâce à vous demander».

— «Je vous l'accorde avec plaisir, si «elle est en mon pouvoir.

«Permettez moi de parer mon ouvrage «d'un de vos vers.

«C'est beaucoup d'honneur pour moi, «mais quel ouvrage et quels vers?

«Je prépare le meilleur vernis pour «les bottes, et si vous le permettez, je met-«trai sur les boites:

Свѣтлѣе дня, чернѣе ночи.»

Переводъ. 26 Октября 1826. По утру получаю записку отъ Корсаковой ([8]): „Пріѣзжайте непремѣнно, нынче вечеромъ у меня будетъ Пушкинъ",—Пушкинъ, возвращенный изъ ссылки императоромъ Николаемъ, Пушкинъ, коего дозволенные стихи приводили насъ въ восторгъ, а недозволенные имѣли въ себѣ такую всеобщую завлекательность. Въ 8 часовъ я въ гостиной у Корсаковой; тамъ собралось уже множество гостей. Дамы разодѣлись и разсчитывали привлечь вниманіе Пушкина, такъ что когда онъ взошелъ, всѣ онѣ устремились къ нему и окружили его. Каждой хотѣлось, чтобы онъ сказалъ ей хоть слово. Не будучи ни молода, ни красива собою, и по обыкновенію одержимая несчастною застѣнчивостью, я не совалась впередъ и непримѣтно для другихъ, издали наблюдала это африканское лицо, на которомъ отпечатлѣлось его происхожденіе, это лицо, по которому такъ и сверкаетъ умъ. Я слушала его безъ предупредительности и молча. Такъ прошелъ вечеръ. За ужиномъ кто то назвалъ меня, и Пушкинъ вдругъ встрепенулся, точно въ него ударила электрическая искра. Онъ всталъ и поспѣшно подойдя ко мнѣ, сказалъ: „Вы сестра Михаила Григорьевича; я уважаю, люблю его и прошу вашей благосклонности". Онъ сталъ говорить о лейбъ-гусарскомъ полкѣ, который, по словамъ его, былъ его колыбелью, а братъ мой былъ для него не рѣдко менторомъ ([9]). Съ этого времени мы весьма сблизились; я послѣ встрѣчалась часто съ Пушкинымъ, и онъ всегда мнѣ оказывалъ много дружбы. Лѣтомъ 1836 года, передъ его смертью, я безпрестанно видала его, и мы провели много дней вмѣстѣ у Раевскихъ.

Разсказано Пушкинымъ.

Фельдъегерь внезапно извлекъ меня изъ моего непроизвольнаго уединенія, привезя по почтѣ въ Москву, прямо въ Кремль, и всего въ пыли ввелъ меня въ кабинетъ императора, который сказалъ мнѣ: „А здравствуй, Пушкинъ, доволенъ ли ты, что возвращенъ?" Я отвѣчалъ, какъ слѣдовало въ подобномъ случаѣ. Императоръ долго бесѣдовалъ со мною и спросилъ меня: „Пушкинъ, если бы ты былъ въ Петербургѣ, принялъ ли бы ты участіе въ 14-мъ декабрѣ?" — „Неизбѣжно, государь; всѣ мои друзья были въ заговорѣ, и я былъ бы въ невозможности отстать отъ нихъ. Одно отсутствіе спасло меня, и я благодарю за то Небо". — „Ты довольно шалилъ, возразилъ императоръ; надѣюсь, что теперь ты образумишься, и что размолвки у насъ впередъ не будетъ. Присылай все, что напишешь, ко мнѣ; отнынѣ я буду твоимъ цензоромъ.

Разсказано имъ же.

Ко мнѣ приходитъ толстый нѣмецъ и кланяясь говоритъ: „У меня къ вамъ просьба, сдѣлайте милость, не откажите!" — „Охотно исполню, если только могу". — „Позвольте мнѣ украсить мое издѣліе вашими стихами". — „Много для меня чести; но что за издѣліе и какіе стихи"? — „У меня приготовляется превосходная вакса для сапоговъ, и если позволите, на баночкахъ я поставлю:

Свѣтлѣе дня, чернѣе ночи ([10]).

([8]) О М. И. Корсаковой см. слѣдующую за симъ «Замѣтку изъ воспоминаній кн. П. А. Вяземскаго». *П. Б.*

([9]) Въ Царскомъ Селѣ, гдѣ стояли лейбъ-гусары, къ которымъ Пушкинъ убѣгалъ изъ Лицея. *П. Б.*

([10]) Стихъ изъ Кавказскаго Плѣнника. *П. Б.*

Замѣтка изъ воспоминаній кн П. А. Вяземскаго.

Марія Ивановна Римская Корсакова (о которой упоминаетъ здѣсь А. Г. Хомутова) должна имѣть почетное мѣсто въ преданіяхъ хлѣбосольной и гостепріимной Москвы. Она жила, что называется, открытымъ домомъ, давала часто обѣды, вечера, балы, маскарады, разныя увеселенія, зимою санныя катанья за городомъ, импровизированные завтраки, на которыхъ сенаторъ Башиловъ, другъ дома, въ качествѣ ресторатора, съ колпакомъ на головѣ и фартукомъ, угощалъ по картѣ, блюдами, имъ самимъ изготовленными, и должно отдать справедливость памяти его, съ большимъ кухоннымъ искусствомъ. Красавицы-дочери ея, и особенно одна изъ нихъ, намеками воспѣтая Пушкинымъ въ Онѣгинѣ, были душою и прелестью этихъ собраній. Сама Марія Ивановна была типъ Московской барыни въ хорошемъ и лучшемъ значеніи этого слова. Въ ней отзывались и Русскія преданія Екатерининскихъ временъ и выражались понятія и обычаи новаго общежитія. Въ старыхъ, очень старыхъ, воспоминаніяхъ Москвы долго хранилась молва о мастерской игрѣ ея въ ролѣ Еремѣевны въ комедіи Ф. Визина, которую любители играли гдѣ то на домашнемъ театрѣ. Позднѣе мама Митрофанушки любовалась въ Парижѣ игрою m-elle Mars. Всѣ эти разнородныя впечатлѣнія, старый вѣкъ и новый вѣкъ, сливались въ ней въ разнообразной стройности и придавали личности ея особенное и привлекательное значеніе. Сынъ ея, Григорій Александровичъ, былъ замѣчательный человѣкъ по многимъ нравственнымъ качествамъ и по благородству характера. Знавшіе его коротко и пользовавшіеся дружбою его (въ числѣ ихъ можно именовать Тучкова, бывшаго послѣ Московскимъ генералъ-губернаторомъ) искренно оплакали преждевременную кончину его. Онъ тоже въ своемъ родѣ былъ Русскій и особенно Московскій типъ, отличающійся оттѣнками, которые вынесъ онъ изъ довольно долгаго пребыванія своего въ Парижѣ и въ Италіи. Многіе годы, особенно между предшествовавшими 30-му году и вскорѣ на нимъ слѣдовавшими, былъ онъ на виду у Московскаго общества. Всѣ знали его, вездѣ его встрѣчали. Тогда еще не существовало общественнаго званія: свѣтскаго льва. Но по нынѣшнимъ понятіямъ и по новѣйшей табели о рангахъ, можно сказать, что онъ былъ однимъ изъ первозванныхъ Московскихъ львовъ. Видный собою мущина, рослый, плечистый, съ частымъ подергиваніемъ плеча, онъ уже и по этимъ наружнымъ и физическимъ отмѣткамъ, былъ на примѣтѣ вездѣ, куда ни являлся. Умственная физіономія его была также рѣзко очерчена. Онъ былъ задорный, ярый спорщикъ, нѣсколько властолюбивый въ обращеніи и мнѣніяхъ своихъ. Въ Англійскомъ клубѣ часто раздавался его сильный и повелительный голосъ. Старшины побаивались его. Взыскательный гастрономъ, онъ не спускалъ имъ, когда за обѣдомъ подавали худо изготовленное блюдо, или вино, которое достоинствомъ не отвѣчало цѣнѣ ему назначенной. Помню забавный случай. Вечеромъ въ газетную комнату вбѣжалъ съ тарелкою въ рукѣ одинъ изъ старшинъ и представилъ на судъ Ив. Ив. Дмитріева котлету, которую Корсаковъ опорочивалъ. Можно представить себѣ удивленіе Дмитріева, когда былъ призванъ онъ на третейскій судъ по этому вопросу и общій смѣхъ насъ, зрителей этой комической сцены. Особенно памятна мнѣ одна зима или двѣ, когда не было бала въ Москвѣ, на который не приглашали бы его и меня. Послѣ присталъ къ намъ и Пушкинъ. Знакомые и незнакомые зазывали насъ и въ Нѣмецкую Слободу и въ Замоскворѣчье. Нашъ тріумвиратъ въ отношеніи къ баламъ отслуживалъ службу свою, на

подобіе бригадировъ и кавалеровъ св. Анны, непремѣнныхъ почетныхъ гостей, безъ коихъ обойтиться не могла ни одна купеческая свадьба, ни одинъ именинный купеческій обѣдъ. Скажу о себѣ безъ особеннаго самолюбія и честолюбія, но и не безъ чувства благодарности, что репутація моя по сей части была безпрекословно и подачею общихъ голосовъ утверждена. Вотъ этому доказательство. На одномъ балѣ, не помню по какому случаю устроенномъ въ Благородномъ Собраніи, одинъ изъ старшинъ, именемъ собратій своихъ, просилъ меня руководствовать или скорѣе *ноговодствовать* танцами, прибавляя безъ всякаго лукаваго и насмѣшливаго умысла: „мы всѣ на васъ надѣемся: вѣдь вы наша примадонна."

Чистосердечіе и смиреніе вынуждаютъ меня сознаться, что тогда было насъ три примадонны.

Заключимъ еще однимъ воспоминаніемъ о Корсаковѣ. Это уже по части литтературной. Корсаковъ вызвалъ на поединокъ кн. Шаликова. Сей послѣдній, въ Дамскомъ журналѣ, или въ Москов. Вѣдомостяхъ, въ точности не упомню, зацѣпилъ личность его намеками, впрочемъ довольно явственными. Ссора, съ помощью миротворцевъ, была улажена безъ дальнѣйшаго кровопролитія.

Дѣла давноминувшихъ лѣтъ,
Преданья старины глубокой!

Воспоминая васъ, какъ удержаться отъ добродушной улыбки и отъ невольнаго грустнаго вздоха? Улыбка тому что̀ было, вздохъ тѣмъ, которыхъ уже нѣтъ.

ПИСЬМА

1806 — 1823 ГОДОВЪ ИВАНА ИВАНОВИЧА ДМИТРІЕВА (1760—1837) КЪ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ (1784—1845).

Письма эти получены нами изъ Парижа отъ Н. И. Тургенева, въ спискахъ, снятыхъ В. С. Порошинымъ. Многія изъ нихъ безъ означенія времени; но здѣсь они приведены въ хронологическій порядокъ и частію объяснены неутомимымъ изыскателемъ и знатокомъ нашей словесности С. Д. Полторацкимъ. Конечно, многое въ нихъ остается непонятнымъ, какъ часто бываетъ съ подобнаго рода литературными матеріалами; но мы не рѣшились откладывать изданіе этихъ письмъ, предоставляя разъяснять ихъ другимъ изслѣдователямъ. Письма слѣдуетъ сопоставить съ тѣми, которые писалъ Тургеневъ къ Дмитріеву и которые напечатаны у насъ выше, стр. 639—670. Примѣчанія, означенныя буквами *В. П.*, принадлежатъ В. С. Порошину, а буквами *М. Л.*—М. Н. Лонгинову. *П. Б.*

1.

Милостивый государь мой Александръ Ивановичь! Вы дивитесь, что господинъ магистръ Каченовской перемѣнилъ ко мнѣ свое высокоблаговоленіе. Чему дивиться? Онъ узналъ меня короче, узналъ болѣе мои недостатки и увѣрился, наконецъ, что въ Русской литературѣ два только свѣтила: онъ со стороны вкуса, а Мерзляковъ въ поэзіи. Но тонкой вкусъ его не уважаетъ даже и въ Мерзляковѣ лирическаго таланта, а восхищается отъ его элегіаческихъ выраженій: *горемышно ретиво сердце*; *кто размыкаетъ мою тоску*; *горючи слезы глаза выплакали*, *проточили стѣну каменну* и пр. Къ тому же онъ запасся твореніями нашихъ знаменитыхъ поэтовъ Державина и Хераскова; къ тому же онъ увѣренъ, что мнѣ защищать себя не прилично, а другіе за меня не

вступятся: всякъ стоитъ за себя только. Правда, я не слѣдовалъ сему правилу, пиша *Орелъ и Змѣя, Оселъ и Кабанъ* и другія подобныя піесы. Но, можетъ быть, поступокъ мой отнесутъ болѣе къ моей простотѣ и неосторожности.

Иные хотятъ увѣрить меня, будто и Мерзляковъ участвовалъ въ этой критикѣ: я и самъ подозрѣваю тираду о характерѣ Гор: соч: быть его произведеніемъ, ибо слогъ этой тирады совершенно отличенъ отъ слога всей критики. Впрочемъ я не досадую на него, естьли онъ и внушилъ Каченовскаго: онъ другъ ему, а мнѣ ничего. Теперь остается мнѣ ожидать заключительнаго проклятія отъ Петербургскихъ журналистовъ и потомъ отдать пальму ([1]), посвятить себѣ служенію одной Ѳемидѣ и забыть навсегда милую двадцатилѣтнюю привычку къ стихокропанію и лестное ободреніе публики. Вотъ какія чудеса можетъ настроить одинъ магистръ!

Плюгавый выползокъ изъ ...де Фонтена([2])!

Но я съ лишкомъ предался горячности оскорбленнаго поэта; важность судьи полагаетъ предѣлъ ей, а сердце велитъ васъ обнять и увѣрить въ искреннемъ почтеніи къ вамъ покорнѣйшаго слуги.

Дмитріевъ.

Любезному Дмитрію Николаевичу ([3]) скажите искреннее мое почтеніе и благодарность.

Москва
1806
Мая 18 дня.

Непонятна въ этомъ письмѣ взыскательность Дмитріева. Онъ недоволенъ критическимъ разборомъ третьей части его „Сочиненій и Переводовъ", вышедшей въ Москвѣ въ 1805 г. Каченовскій помѣстилъ этотъ разборъ въ Вѣстникѣ Европы 1806, № 8, ч. 26, стр. 278—300, и № 9, ч. 27, стр. 42—54 (апрѣль и май). Критикъ съ полнымъ уваженіемъ воздаетъ похвалу дарованіямъ Дмитріева и нѣкоторыя критическія замѣчанія, выраженныя вѣжливо и почтительно, не могли бы, кажется, возбудить гнѣвъ Дмитріева. *С. П—кій.*

([1]) Зачеркнуто въ оригиналѣ: *Хвостову.* В. П.

([2]) Здѣсь Дмитріевъ разумѣетъ іезуита аббата Дефонтена (l'abbé Desfontaines), извѣстнаго желчнаго критика (1685—1745), писавшаго ругательства, пасквили и клеветы на Вольтера. *С. П—кій.*

([3]) Блудову.

2.

Любезный Александръ Ивановичъ. Безъ сомнѣнія вы уже видѣли строгую рецензію великаго Каченовскаго на мои бездѣлки. Что теперь вы скажите о связяхъ, надеждахъ, любомудріи и счастіи сыновъ человѣческихъ? Давно ли этотъ мужъ дедиковалъ мнѣ свои переводы? Давно ли признавалъ меня достойнымъ своего одобренія? А теперь вознесъ на меня грозный бичь критики и желалъ бы въ одинъ мигъ уничтожить бѣдную мою славишку. Этого еще мало: хотѣлъ бы даже больно угрызть меня; вы это сами примѣтите. Я нимало не огорчаюсь тѣмъ, что онъ замѣчаетъ мои погрѣшности въ слогѣ, въ языкѣ, въ приличности и пр. Это взаимность: я и самъ, хотя не печатаю, но одинъ на одинъ говаривалъ ему, что нельзя писать, какъ онъ пишетъ: *заложить* вмѣсто завести фабрику, *ѣхать* на кораблѣ и пр., что не должно въ Рускомъ журналѣ нападать на галлицизмы малороссійзмами. Замѣчать погрѣшности въ соч., еще повторю, не только позволительно, но и полезно, и добросовѣстный писатель никогда не долженъ сердиться въ такомъ случаѣ на добросовѣстнаго своего критика. Но къ чему вводить въ критику личности, какъ напримѣръ о *спѣси сенаторской?* Къ чему постороннія злыя намѣренія? Есть ли все такимъ образомъ будутъ журна-

листы наши писать, то нашъ литтературный журналъ будетъ не иное что какъ котомка, висящая на Пасквиновой статуѣ. Это все я говорю между нами: лишась, по несчастію способа изъясняться съ милымъ *Иваномъ Петровичемъ* (въ разсужденіи языка его), мнѣ отрадно по крайней мѣрѣ вмѣсто его говорить хотя съ милымъ сыномъ его ([1]). Господину же критику отвѣчать не намѣренъ. Пусть онъ остается въ сладкой увѣренности, что властенъ управлять вкусомъ публики и раздавать свои вѣнцы или отнимать ихъ когда захочетъ. Я уже давно уволенъ съ Парнаса: топчи онъ, сколько хочетъ, мою книгу, лишь не мни подсолнечника въ огородѣ моемъ. Право, я говорю это отъ всего добраго сердца съ такою же искренностью, съ какою любилъ и всегда будетъ любить васъ покорнѣйшій слуга

Иванъ Дмитріевъ.

Письмо это безъ означенія времени; но должно относиться къ 1806 году, какъ и предъидущее, ибо въ немъ говорится о критикѣ, помѣщенной въ Вѣстникѣ Европы 1806 г., который тогда былъ издаваемъ Каченовскимъ. И. И. Дмитріевъ вспомнилъ объ этой критикѣ и въ своихъ Запискахъ, стр. 103 и 104 Каченовскій намекалъ на то, что Дмитріевъ, сдѣлавшись сенаторомъ (6 февр. 1806) перемѣнилъ съ нимъ тонъ обращенія.

3.

Милостивый государь Александръ Ивановичь! За пріятное письмо ваше и сообщеніе книгъ, которыхъ я еще не получилъ, спѣшу принести вамъ искреннюю благодарность мою. Сдѣлайте милость не замедлите доставленіемъ и стихотворнаго посланія къ Саратовцу, также и другой піесы *при случаѣ*. Я совсѣмъ не знаю новаго библіографическаго опыта; вы одолжите меня, есть ли и его пришлете ([1]). Да покорнѣйше васъ прошу еще увѣдомить меня, есть ли у П. Б. книгопродавцевъ Les oeuvres de M-r Le Brun стихотворца ([2]) и Recueil des meilleurs plaidoyers, и что они стоятъ. Я уже давно читалъ объ нихъ въ фр. журналахъ, но здѣсь еще не продаются. Что мнѣ сообщить вамъ, въ отплату, о здѣшней словесности, упражняющей большею частію безсловесныхъ? Въ стихахъ: читалъ нѣсколько риѳмъ на случай поднесенія П. С. Валуеву отъ подчиненныхъ златаго кубка съ изображеніемъ на немъ пеликана ([3]). Въ прозѣ: вышло „Ложный Петръ III или исторія Пугачева"; первый томъ переведенъ съ французскаго, и наполненъ небылицами, а второй для вѣсу составленъ изъ манифеста и списка всѣхъ погибшихъ отъ него дворянъ. Вы тутъ найдете *сострадательный поступокъ Пугачева*, *несчастный Пугачевъ* и пр. и пр. ([4]) Издатель, увидя большой расходъ на эту книгу, тотчасъ вслѣдъ за нею выдалъ еще и другую подъ именемъ *Анекдоты* того же героя, помѣстя въ нихъ сказанія изъ новѣйшихъ ф. ром.: La Chaumière russe, Alexandra и пр., и черезъ 50 лѣтъ сіи двѣ книги пойдутъ за историческіе документы. И ихъ печатаютъ къ стыду націи, съ дозволенія невинныхъ цензоровъ, которые, хотя и профессоры или кандидаты, но можетъ быть еще въ первый разъ и сами узнали о всемъ отъ чужестранныхъ писателей! Я уже

([1]) И. П. Тургеневъ скончался въ 1808 г.

([1]) Вѣроятно Опытъ новаго библіогр. порядка въ импер публ. библіотекѣ, соч. Оленина С.-П. 1809

([2]) Лебренъ (1729—1807), извѣстный франц. поэтъ. Дмитріевъ заимствовалъ у него эпиграмму: „Я разорился отъ воровъ". *М. Д*

([3]) Петръ Степан. Валуевъ, дѣдъ нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуева, былъ начальникомъ Кремлевской экспедиціи.

([4]) См. объ этой книгѣ Р. Арх. 1866, стр. 205.

ничего не говорю со стороны нравственной и политической. Но какъ я самъ бывалъ въ цехѣ литт., то не могу не вздыхать, что такъ безславится наша литтература. Простите, любезный Александръ Ивановичь, вѣрьте душевному почтенію къ вамъ и привязанности.

И. Дмитріевъ.

Москва
1809
Іюля 21 го дня.

P. S. Вотъ еще черта о тѣхъ же цензорахъ: недавно они не пропустили хронол. табл. подполковника Свѣчина, бывшаго въ послѣдней компаніи нашей войны съ Ф., за то, что онъ помѣстилъ въ нихъ выигранными нами баталіи при Пултускѣ и Прейсишъ Эйлау и проч (5)

4.

Милостивый государь мой Александръ Ивановичь!

Чувствительно благодарю васъ за дружеское обѣщаніе ваше выписать для меня Лебрюна и изданіе лучшихъ Plaid. (1), равно какъ и за сообщеніе предъ симъ двухъ Русскихъ произведеній. Одно изъ нихъ я отошлю къ Карамзину, который конечно признателенъ будетъ къ автору, что онъ *пріурочилъ* его къ Яз. (2), а другое погрузилъ въ бюро. Мнѣ совѣстно было съ строгостію разбирать его. Дойдя до авторскихъ упрековъ молодымъ людямъ, что они вмѣсто того, чтобъ волочиться за женщинами и быть любезными, хотятъ мыслить, и встрѣтя между тѣмъ нѣсколько *улыбокъ дарованію*, я увѣрился, что это писано еще очень молодымъ человѣкомъ, который можетъ со временемъ и зрѣлѣе мыслить и правильнѣе выражать свои мысли на отечественномъ языкѣ, естьли это писалъ Русской. Отрывки изъ поэмы к. Шихматова (3) я уже давно читалъ въ Р. Вѣстникѣ; желалъ бы видѣть произведенія и другаго князя, также и г. Истомина, только съ тѣмъ, чтобъ не платить вамъ за нихъ вѣсовыхъ, а прислать съ какимъ-нибудь обозомъ; такимъ образомъ я могу вѣрнѣе получить, нежели посредствомъ г. Боголюбова (4). Этотъ, по словамъ Пушкина, любезный человѣкъ, недавно бывшій въ Парижѣ, обѣдавъ у знакомой мнѣ дамы, сказывалъ самъ ей, что у него въ карманѣ письмо ко мнѣ; чрезъ нѣсколько дней, встрѣтясь съ тою же дамою, повторилъ ей опять тоже; прошло еще нѣсколько дней, и я слышу, что онъ уже ускакалъ въ Орелъ, и пакетъ вашъ туда же. Это ли Парижская вѣжливость? Горе наслѣднику, къ которому пошлетъ съ нимъ дѣдушка свою духовную!

Любезный, но крайне увалчивой (?) Жуковской, собирая года три свою христоматію, обѣщая къ каждому роду стихотворенія написать краткое наставленіе, которое могъ бы онъ, не ломая головы своей, перевести изъ Petite En-

(5) Въ цензурныхъ архивахъ сохранилось не мало бумагъ, изъ которыхъ видно, что послѣ Тильзитскаго мира нѣкоторыя высшія правительственныя лица запрещали пропускать въ Русской печати малѣйшіе намеки о дурныхъ поступкахъ и даже объ явныхъ неудачахъ Наполеона I. Особенно доставалось при этомъ пылкому издателю Русскаго Вѣстника, С. Н. Глинкѣ. Между тѣмъ сами Французы не рѣшаются приписывать себѣ побѣды при Прейсишъ-Эйлау (26 янв. 1807).

(1) Playdoyers, адвокатовъ. Дмитріевъ тогда служилъ въ Москвѣ сенаторомъ.

(2) Д. Н. Языкову, переводившему тогда Шлецерова Нестора?

(3) Поэма кн. С. А. Ширинскаго Шихматова «Петръ Великій», была напечатана отдѣльною книжкою въ 1810 г. *М. Л.*

(4) Боголюбовъ, состоявшій въ министерствѣ иностр. дѣлъ и при кн. Александрѣ Бор. Куракинѣ, впослѣдствіи домашній человѣкъ у гр. С. С. Уварова. См. о немъ Р. Ар. 1864, стр. 1081.

cyclopédie Poétique, кончилъ все это тѣмъ, что печатаетъ сборъ всякой всячины ([5]). Тутъ вы найдете и пѣвцовъ и птенцовъ. Даже есть притча моего пюпиля, который сочинилъ ее по заказу, будучи еще въ Езуитскомъ пансіонѣ, и которая конечно не можетъ быть въ числѣ образцовыхъ ([6]). Согласенъ съ вами, что трудно набрать много примѣровъ; естьли бы кто вздумалъ, подражая Попу, написать l'art de ramper, это было бы другое дѣло. На нашемъ языкѣ я только и знаю одну оригинальную дидактическую поэму *Притчи*, которую сочинилъ графъ Хвостовъ, а перевелъ на фр. учитель его сына. Она расхвалена и учителемъ и издателемъ Цвѣтника ([7]) и хранится у всѣхъ книгопродавцевъ.

Здѣсь еще нѣтъ сочиненія Герена „О вліяніи крестовыхъ походовъ" и пр. Очень одолжите, естьли пришлете ее, увѣдомя притомъ, что она стоитъ.

Наконецъ искренно обнимаю васъ, любезный Александръ Ивановичь и съ душевнымъ почтеніемъ и пріязнію есмь и буду навсегда вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Иванъ Дмитріевъ.

Москва
1809
Августа 12 дня.

5.

Милостивый государь Александръ Ивановичь. Чувствительно благодарю васъ за дружеское и пріятное ваше письмо, равно и за двѣ книги: за одну препровождаю при семъ къ вамъ деньги, а за другую письмо, которое покорнѣйше прошу васъ доставить князь Павлу Гавриловичу, и взять на себя трудъ увѣрить его, сколько я тронутъ его вниманіемъ.

Николай Михайловичь получилъ ваши книги. Пожалѣйте объ немъ: онъ возвратился изъ подмосковной съ лихорадкою и теперь еще отъ нея не освободился.

И такъ ваши Невскіе поэты на перерывъ стремятся къ храму безсмертія! Сколько явилось трагиковъ, и все незнакомцы! Какое отважное предпріятіе! Бывало я дивился, какъ можно, подобно великому Роде, писать самъ-пятъ или самъ-шостъ водвили, а наши земляки съ такою же легкостію научились писать и самыя трагедіи! Не презирайте, однакожъ, и нашихъ стихотворцевъ: Алексѣй Пушкинъ перевелъ въ одно лѣто „Федру" и „Тартюфа", а Кокошкинъ доканчиваетъ „Мизантропа". Но лирики наши молчатъ; вѣроятно Пегасъ еще не отдохнулъ отъ вашего витязя. Жадничаю читать оду его. Для меня нѣтъ посредственности: давай мнѣ или самое прекрасное или самую пакость, и въ послѣднемъ случаѣ этотъ риѳмачь всегда меня интересуетъ.

Вы обрадовали меня, что и при послѣднемъ мирѣ будетъ намъ доля ([1]). У насъ уже давно вся публика въ ожиданіи торжествъ и праздниковъ, а между тѣмъ забавляется вашими актерами и дансіорами. Жоржъ будетъ въ первый разъ играть въ слѣдующую пятницу. Вотъ всѣ наши новости. Оканчиваю стариною: что я душевно васъ люблю и съ совершеннымъ почтеніемъ пребуду къ вамъ навсегда покорнѣйшимъ слугою.

Иванъ Дмитріевъ.

Москва
1809
Октября 24 дня.

([5]) Собраніе Руских стихотвореній, изд. В. А. Жуковскаго, М. 1810—1815. 8°.

([6]) Не говорится ли здѣсь о юношескомъ произведеніи Д. П. Сѣверина (1791—1865), который состоялъ подъ покровительствомъ Дмитріева и учился у патера Чижа? Въ сборникѣ Жуковскаго помѣщена басня Сѣверина «Мышь». *М. Л.*

([7]) Журналъ 1809 и 1810 г. изд. Беницкаго, Измаилова и Никольскаго.

([1]) Съ Швеціею.

Перерывъ въ перепискѣ въ теченіи 1810, 1811, 1812 и большей половины 1813 годовъ объясняется тѣмъ, что и Тургеневъ и Дмитріевъ въ эти года жили въ Петербургѣ, послѣдній министромъ юстиціи (съ января 1810).

6.

Милостивый государь мой Александръ Ивановичь. На сей почтѣ отправится отсюда въ Благотворительную Коммисію свидѣтельство о раззореніи здѣшняго почтамтскаго доктора Фейлера. Онъ мнѣ давно знакомъ, и я дѣйствительно увѣренъ въ томъ, что онъ потерялъ почти все свое имущество, доведенъ содержать жену, тещу, своячину и дочь однимъ только жалованьемъ, котораго получаетъ не болѣе 600 рублей. Прибавьте къ тому, что пятидесятилѣтняя старость уже не позволяетъ ему имѣть большой практики, въ которой онъ по искусству своему не имѣлъ недостатка. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, любезный Александръ Ивановичь, объясните когда надобно будетъ о всѣхъ обстоятельствахъ этого почтеннаго человѣка князь Александру Николаевичу (1). Зная расположеніе его къ христіанскимъ добродѣтелямъ, я почти увѣренъ въ успѣхѣ моего ходатайства, естьли вы, по свойственной вамъ чувствительности и по пріязни вашей ко мнѣ, возьмете на себя быть моимъ органомъ.

Я хотя и въ Москвѣ, но вижусь съ Карамзинымъ не часто, ибо онъ живетъ еще въ деревнѣ.

На сихъ дняхъ получилъ я довольно новостей П. Б. словесности: отъ двухъ сенаторовъ по одѣ; отъ одного изъ двухъ еще и переводъ Горація и Буало *о стихотворствѣ*, да отъ преосвященнаго и прелюбезнаго Феофилакта *эстетическія разсужденія* Ансильона. Разумѣется, что я началъ чтеніе мое съ послѣдней, дабы она вразумила меня лучше почувствовать изящность первыхъ.

Прошу васъ сказать мое почтеніе Алексѣю Николаевичу Оленину, и попросить его, не можно ли поскорѣе доставить ко мнѣ виньеты къ моимъ сочиненіямъ. Между тѣмъ, желая вамъ возможныхъ благъ, съ нельстивымъ почтеніемъ имѣю честь быть покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

7.

Милостивой государь мой Александръ Ивановичь! Чувствительно благодарю васъ за письмо и за присылку надгробнаго слова несчастному Моро. Въ тоже время получилъ его и отъ самаго автора (1). Сдѣлайте мнѣ одолженіе, увѣрьте его въ моей признательности, равно какъ и въ почтеніи къ его таланту. Я читалъ съ большимъ удовольствіемъ его произведеніе. Естьли можно чего пожелать къ большему его совершенству, такъ развѣ только подробнѣйшаго изложенія воинскихъ подвиговъ прославленнаго полководца; впрочемъ всѣ условія оратора исполнены.

Поздравляю васъ не съ однимъ новымъ годомъ, но и съ концомъ минувшаго: я очень порадовался, увидя въ газетахъ о пожалованіи васъ статскимъ совѣтникомъ; не меньше взялъ участіе и въ Николаѣ Ивановичѣ (2). Дай Богъ и ему ваше счастіе.

Между тѣмъ съ совершеннымъ моимъ

---

(1) Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (1773—1844) былъ тогда главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій. А. И. Тургеневъ служилъ подъ его начальствомъ и пользовался полнымъ его довѣріемъ. Въ то время учреждалось Императорское Человѣколюбивое Общество, поступившее въ управленіе кн. Голицына. *М. Л.*

(1) С. С. Уварова, напечатавшаго отдѣльною книжкою: Eloge funèbre de Moreau. St. Pétersb. Pluchart. 1813. 4°. 44 стр.

(2) Младшемъ братѣ Тургенева (род. 1789).

почтеніемъ и привязанностію имѣю честь быть вашего высокородія покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Милостивой государынѣ Катеринѣ Семеновнѣ ([3]) прошу васъ засвидѣтельствовать искреннее мое почтеніе.

Москва
1814
Января 11-го

8.

Милостивый государь Александръ Ивановичъ! Чувствительно благодарю васъ за доставленіе третьяго отчета библейскаго общества и стиховъ Жуковскаго. Оба гостинцы, хотя и въ разныхъ отношеніяхъ, но равно для меня интересны, всегоже болѣе тѣмъ, что увѣряютъ меня въ вашей ко мнѣ пріязни. Знаете ли вы послѣдніе стихи Батюшкова, достойнаго собрата любезнаго Жуковскаго? Это *Переходъ за Реинъ*, напечатанный въ послѣдней книжкѣ *Р. Вѣстника*: прекрасные и прямо иноземной отдѣлки; нѣтъ ни лишка, ни недостатка: все впору, стройно и мило. По крайней мѣрѣ я читалъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ.

Простите любезный А. И. Будьте здоровы и продолжайте любить пребывающаго къ вамъ съ душевнымъ почтеніемъ, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшаго слугу И. Дмит.

9.

Милостивый государь мой Александръ Ивановичь. Надѣюсь, что вы и по пріязни вашей ко мнѣ и по чувствительности вашего сердца не поставите мнѣ въ докучливость ходатайство мое объ Аннѣ Львовнѣ Пушкиной, сестрѣ Василья Львовича. Она сегодня послала въ Благотворительное Общество просьбу объ оказаніи ей вспоможенія за потерю дома и всего, что́ въ немъ было. Сдѣлайте милость, помогите ей: состояніе ея право заслуживаетъ состраданія. Возвратясь по неволѣ на пепелище, должна была двѣ зимы дрогнуть въ пакостномъ домишкѣ за дорогую цѣну, строиться снова, и для того входить въ долги, и разстроиваться на всю жизнь. Какъ все это тяжело, по себѣ знаю и тѣмъ убѣдительнѣе прошу объ облегченіи участи Анны Львовны ([1]). Съ совершеннымъ почтеніемъ моимъ имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Москва
1814
Декабря 24.

10.

Искренно благодарю васъ, милостивый государь любезный Александръ Ивановичь, за доставленіе копіи съ высочайшаго указа о изданіи Библіи на славянскомъ и русскомъ языкахъ. Таковое изданіе будетъ полезнѣйшимъ подаркомъ и не въ одномъ отношеніи, не только для простолюдиновъ, но и для высшаго класса, и даже для нашей братьи, хотящихъ называться писателями.

Благодарю васъ не меньше и за то, что вспомнили отшельника, дремлющаго на пепелищѣ, въ ожиданіи долгой почи. Онъ совершенно сиротствуетъ. Петербургъ завладѣлъ и друзьями его и московскими сладкопѣвцами. Отдайте намъ хотя Василья Львовича ([1]).

Между тѣмъ искренне васъ обнимаю, поручая себѣ въ продолженіе вашей пріязни и свидѣтельствуя душевное почтеніе, съ которымъ навсегда пребудетъ искренно васъ любящій покорнѣйшій слуга И. Дмитріевъ.

Марта 16
1816
Москва.

([3]) Матери Тургенева.

([1]) Это ходатайство не имѣло желаемаго успѣха. В. П.

([1]) Пушкина, бывшаго тогда вмѣстѣ съ Карамзинымъ и кн. Вяземскимъ въ Петербургѣ.

11.

Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь Александръ Ивановичь, за дружеское ваше письмо и сообщеніе мнѣ вашего отчета (¹). Требуя отъ меня критики, вы конечно предполагаете во мнѣ самую холодную душу: можно ли искать недостатковъ въ слогѣ въ такомъ родѣ сочиненія, которое дышетъ человѣколюбіемъ, милостынею и пользою? Я читалъ его съ большимъ участіемъ отъ первой до послѣдней страницы, и заключеніе ваше называю, безъ всякой лести, прекраснымъ произведеніемъ искуснаго литератора.

Искренно раздѣляю съ вами чувство о потерѣ И. В. (²) и всегда съ уваженіемъ вспомню имя его; а о кончинѣ Державина всегда вздохну отъ сердца. Онъ былъ Геній, благонамѣренный гражданинъ, и нѣкогда любилъ меня. Наконецъ заключаю сердечнымъ желаніемъ, чтобъ и вы не переставали любить искренняго вашего почитателя и покорнѣйшаго вашего слугу

Ивана Дмитріева.

Москва
1816
Іюля 10-го.

12.

Милостивый государь Александръ Ивановичь. Князь Петръ Ивановичь Шаликовъ отправляетъ сегодня къ князь Александру Николаевичу экземпляры жизни Генриха IV съ покорнѣйшею его просьбою представить одинъ изъ нихъ Государю Императору. Отдавая справедливость заслугамъ его на словесномъ поприщѣ, и принимая живое участіе въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ домашней его жизни, я покорнѣйше прошу васъ замолвить за него ваше словцо и постараться, чтобъ на приношеніе его обращено было милостивое вниманіе. Подкрѣпить силы нуждающагося автора есть право дѣло самое доброе: онъ по званію своему обязанъ всегда воскрплятся духомъ, питать въ себѣ возвышенныя чувства и скрывать свою бѣдность... Но чтобъ не повредить и ему и себѣ дальнѣйшими фразами, полагаюсь лучше на ваше доброе сердце и заключаю искреннимъ увѣреніемъ васъ въ душевномъ моемъ почтеніи, съ которымъ навсегда имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга.

Иванъ Дмитріевъ.

1816
Декабря 13-го

13.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичь, за оба ваши письма, которыя вчера имѣлъ удовольствіе получить. Порученіе ваше непремѣнно исполню и перескажу Пушкину. Вѣроятно онъ уже все получилъ исправно; ибо княгиня В. при мнѣ показывала ему принадлежности къ туалету г-жи Поповой: вязаныя сѣточки и пр; сказывая, что все это отъ васъ прислано. Увѣренъ, что вы по добротѣ вашего сердца не упустите ничего, что отъ васъ будетъ зависѣть въ пользу кн. Ш. Онъ вѣрно не меньше нуждается Пушкиной дамы.

Какъ я радъ, что описанный вами случай прошелъ безъ вредныхъ послѣдствій; однакоже все не буду совсѣмъ покоенъ, пока вы еще не увѣдомите меня, что далѣе. Бѣдная наша участь! Здѣсь

Слѣпыя курицы межъ вѣчности и тлѣнья,
Увы! должны скользить и на пути спасенья!

Ужасная бѣдность въ магазинахъ М. книгопродавцевъ! Вы очень одолжите меня, естьли купите мелкія сочиненія

(¹) Библейскаго общества.

(²) Ивана Владиміровича Лопухина.

Шатобріана. Прошу только васъ, увѣдомите меня и о цѣнѣ, дабы я могъ быть исправнымъ вашимъ плательщикомъ, и не въ накладъ тѣмъ, которые любятъ меня.

Наконецъ чистосердечно увѣряю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичь, что я назвалъ васъ состязателямъ, и пр. отнюдь не въ предосужденіе вашему сердцу, котораго цѣну я очень знаю. Я и самъ былъ состязателемъ пока служилъ. Таковыми почитаю и всѣхъ служащихъ. Впрочемъ съ душевнымъ почтеніемъ и привязанностію былъ и всегда пребуду вашего превосходительства покорный слуга Ив. Дмитріевъ.

Москва Февраля 22-го
1817.

14.

Милостивый государь Александръ Ивановичь ([1]). Какой-то Петербургской авторъ Карлевичь прислалъ мнѣ переводъ свой сочиненія г-на Перро „Объ основаніяхъ естественнаго законодательства" ([2]) и еще предначертаніе дневника *Отчелюбца*, по *объему* (системѣ) собственнаго Генія, въ которомъ онъ обѣщаетъ утвердить Руской языкъ, очистя его отъ всего ему несвойственнаго ([3]). Я долженъ былъ благодарить его за оказанное мнѣ вниманіе; но не знаю, ни какъ его зовутъ ни куда надписать. По сей причинѣ рѣшился обратиться къ вашей дружбѣ съ покорнѣйшею моею просьбою: не можете ли вы узнать отъ Гераковa или другаго словесника о семъ незнаемомъ рыцарѣ, и доставить ему

([1]) Такъ какъ слова эти, равно и обычное окончаніе писемъ, вездѣ повторяются, то мы для краткости означаемъ ихъ начальными буквами, а окончаніе иногда опускаемъ. *П. Б.*

([2]) Спб. 1815—1819. 8⁰. 2 ч.

([3]) Этотъ Отчелюбецъ (1816) имѣется въ Чертковской библіотекѣ А XII. 7. 4.

прилагаемое при семъ мое посланіе, за что буду весьма вамъ благодаренъ.

Москва наша день отъ дня болѣе пустѣетъ: всѣ скачутъ въ подмосковныя; даже и стихотворцевъ нигдѣ не видать. Батюшковъ давно въ отлучкѣ; кн. Вяземской у васъ; Староста ([1]) уже съ мѣсяцъ въ подагрѣ, однакожъ посѣщающимъ его неутомимо читаетъ переводимую имъ басню: какую-то Смоковницу. Хочетъ подарить ею Общество Люб. Словесности, которое готовится праздновать день своего основанія. Вѣроятно этотъ день будетъ кризомъ его подагры. Подобные случаи всегда облегчали болѣзнь его.

Простите, что праздный человѣкъ занялъ васъ на нѣсколько минутъ симъ лепетаньемъ. Мнѣ совѣстно было наполнить письмо однимъ Карлевичемъ. Будьте здоровы и всегда увѣрены въ душевномъ къ вамъ почтеніи вашего превосходительства покорнѣйшаго слуги

Ивана Дмитріева.

Москва 1817 Іюня 6-го.

15.

Примите, милостивой государь Александръ Ивановичь, искреннюю благодарность мою за исполненіе моего порученія и доставленіе ко мнѣ новыхъ прозябеній съ вашей нивы. Я обязанъ вамъ удовольствіемъ, что въ другой разъ насладился чтеніемъ вашей рѣчи, по истиннѣ прекрасной. Другіе, можетъ быть, скажутъ, что она сбивается на французской манеръ, отзывается еще земною мудростью. Но я нахожу, что она плѣняетъ, и безъ набора словъ, обиліемъ мыслей, кроткими, благочестивыми чувствами и живымъ выраженіемъ оныхъ. Сейчасъ разстался со мною добрый В. А. Я прочиталъ ему заключеніе вашей рѣчи, и онъ восхищался до умиленія.

([1]) Т. е. В. Л Пушкинъ.

Напрасно К. В. хлопочетъ и безпокоится: я слышалъ, что несчастный Карденіо ([1]) уже лишенъ способовъ къ новымъ проказамъ. И такъ пускай онъ лучше потрудится съ Арзамасцами въ обработаніи плана предполагаемому журналу. Хорошо, естьли они устоятъ въ своемъ намѣреніи и сдѣлаютъ свой журналъ неумытнымъ судилищемъ для авторовъ, переводчиковъ и журналистовъ. Съ нѣкоторыхъ лѣтъ завелась и у послѣднихъ политика: они сдѣлали между собой тѣсный союзъ, и бѣдный авторъ или переводчикъ, притѣсненный однимъ журналистомъ, уже не можетъ обратиться съ оправданіемъ своимъ къ другому: никто не приметъ отъ него аппеляціи.

Но я, какъ праздный человѣкъ, разболтался: извините въ томъ вашего замляка, которому пріятно говорить съ вами хоть въ письмахъ, и который на всегда сохранитъ къ вамъ искреннюю привязанность и душевное почтеніе.

NB Лучше бы ничего не говорить мнѣ чѣмъ раздразнить любопытство и скромничать. Не прогнѣвайтесь. Это тиранія любослова.

Іюня 22 го
1817
Москва.

16.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за ваши гостинцы. Прошу и впредь не оставлять, по мѣрѣ вашей щедрости. Записку Давида сей же часъ посылаю къ к. Юсупову, и между тѣмъ предваряю васъ увѣдомлѣніемъ, что ни одна изъ картинъ его не погибла: ибо онъ всѣ ихъ, равно какъ и мраморныя статуи, успѣлъ увезти въ Астрахань. Сафу и Фаона я видѣлъ въ селѣ его Архангельскомъ уже послѣ пожара ([2]).

Недавно я имѣлъ удовольствіе получить первый томъ Батюшковыхъ *Опытовъ*. Увѣренъ, что всякой, умѣющій цѣнить хорошее, признаетъ его истиннымъ литераторомъ, съ размышляющимъ умомъ, съ благородными чувствами и тонкимъ вкусомъ. При чтеніи аллегоріи([3]) его (первой) у меня навернулись слезы, и я отъ сердца пожелалъ ему счастія Жуковскаго. Скоро ли начнется Арзамаской журналъ? Нетерпѣливо хочу читать его. Прошу васъ сообщить о томъ Д. Н. Блудову и сказать мое искреннее почтеніе.

Впрочемъ, пожелавъ вашему превосходительству совершеннаго благополучія, съ душевнымъ почтеніемъ пребуду на всегда покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Дмитріевъ.

Москва.
1817
Августа 2-го.

Еще къ вамъ покорнѣйшая просьба: не смотря на то, что я не подписался ни на одно сочиненіе г. Карлевича, онъ по великодушію своему прислалъ конецъ своего первода о законодательствѣ. Учтивость или совѣстливость заставляетъ меня благодарить его. Сдѣлайте милость, отошлите къ нему прилагаемое при семъ письмецо. Прошу васъ на адрессѣ вписать его отечество, котораго я все еще не знаю.

17.

М. г. мой А. И. Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ, любезнѣйшій землякъ, за

([1]) Не Воейковъ ли?

([2]) Давидъ (David d'Angers), знаменитый французскій скульпторъ (род. 1789.) Другой Давидъ (1748—1825) славный французскій живописецъ. Не извѣстно, о комъ изъ нихъ говорится. Очевидно, что одинъ изъ нихъ принималъ участіе въ судьбѣ художественныхъ произведеній, принадлежавшихъ князю Н. Б. Юсупову и хотѣлъ удостовѣриться, сохранились ли эти сокровища послѣ Московскаго пожара 1812 года. *М. Л.*

([3]) Смыслъ этой аллегоріи тотъ, что дѣти Аполлона болѣе или менѣе борятся съ несчастіемъ.

дружеское привѣтствіе меня съ полученіемъ высокомонаршей милости (¹). *Честолюбіе мое удовлетворено* въ полной мѣрѣ: остается только благодарить Бога и государя по конецъ дней моихъ.

Я сегодня былъ у вашей матушки. Она опечалила меня, сказавъ рѣшительно, что вы уже къ намъ не будете. Не скрою отъ васъ, что она очень огорчается своимъ одиночествомъ; даже и поплакала, хотя и увѣряла меня, что сама не приказала вамъ проситься въ отпускъ.

Какъ вы обрадовали меня извѣстіемъ о молодомъ Пушкинѣ (²). Я его не знаю, но всѣмъ сердцемъ бралъ участіе въ его болѣзни. Радуюсь и окончанію грам. Таблицъ и возвращенію Жуковскаго въ свое отечество (³). Что же касается до Вяземскаго, нимало объ немъ не сожалѣю: не во гнѣвъ своенравной цензурѣ и ученѣйшему совѣту, онъ и безъ печати будетъ читанъ и проживетъ долго, а Карамзинъ еще и долѣе.

Простите, любезнѣйшій А. И. Поручаю себя въ продолженіе вашей пріязни и съ отличнымъ почтеніемъ навсегда имѣю честь пребыть, м. г., в. прев. покорнѣйшій слуга И. Д. Любезному вашему братцу покорнѣйше прошу сказать искреннее мое почтеніе и таковую же благодарность за его во мнѣ участіе. Будетъ ли и когда обѣщаемый журналъ?

18.

Милостивый государь Александръ Ивановичь! Чувствительно благодарю васъ за дружеское ваше писаніе и доставленіе ко мнѣ письма отъ Кривцова. Гдѣ бы онъ ни былъ, буду всегда признателенъ къ его ласкѣ. Я очень люблю имѣть пріятелей и молодыхъ, съ умомъ и чувствами. Одно только не по мнѣ, что они непосѣды. Едва успѣешь полюбить ихъ, привыкнуть къ нимъ, и уже отыскивай ихъ по всѣмъ четыремъ частямъ свѣта (¹).

Жуковской, хотя еще и на мѣстѣ, но рѣдко посѣщаетъ меня. Ревность друзей его почти достигла своей цѣли: кажется, поэтъ мало по малу превращается въ придворнаго; кажется, новость въ знакомствахъ, въ образѣ жизни начинаетъ прельщать его. Увидимъ, въ чемъ найдетъ болѣе выгоды, и между тѣмъ будемъ пока питаться Овсянымъ Киселемъ (²). Для меня и онъ по вкусу, но я лакомъ и люблю разнообразіе.

Заключу покорнѣйшею просьбою доставить, естьли можно, прилагаемое при семъ письмецо Кривцову, и вѣрить отличному почтенію и преданности, съ которыми пребудетъ навсегда вашего превосход. покорнѣйшій слуга И. Д.

P. S. Прошу васъ сказать искреннее мое почтеніе мил. госуд. князь Александру Николаевичу, и поцѣловать за меня моего друга (³).

Москва
1818.
Марта 18.

19.

Какъ я благодаренъ вамъ, любезный Александръ Ивановичъ, за пріятныя вѣсти! Отъ сердца радъ, что Батюшковъ достигъ своего желанія. Счастливый кли-

---

(¹) И. И. Дмитріевъ пожалованъ былъ въ февралѣ 1818 г. чиномъ дѣйств. тайнаго совѣтника.

(²) Александрѣ Сергѣевичѣ, написавшемъ тогда (1818):

Я ускользнулъ отъ Эскулапа,
Худой, обритый, но живой.

(³) Т. е. изъ Дерпта въ Петербургъ и Москву

(¹) Николай Ивановичъ Кривцовъ, близкій знакомый Карамзина и И. И. Дмитріева, получилъ тогда должность совѣтника посольства въ Лондонѣ, см. о немъ Р. Архивъ 1864, изд. 2, стр. 974 и д.

(²) Тогдашнее стихотвореніе Жуковскаго. Сличи подобный же невѣрный отзывъ Д. В. Давыдова въ Р. Арх. 1866, стр. 897.

(³) Т. е. Карамзина.

матъ Италіи конечно будетъ имѣть благодатное вліяніе и на талантъ его. Не меньше участвую и въ добромъ Дашковѣ: теперь, хотя и будетъ скучать въ карантинѣ, такъ по крайней мѣрѣ въ шляпѣ съ плюмажемъ.

Сѣверинъ не выходитъ у меня изъ мыслей. Я всегда не надеженъ былъ на его здоровье, теперь еще болѣе.

Василій Львовичь давно уже въ отлучкѣ. По обыкновенію своему онъ поѣхалъ въ Козельскъ навѣдаться о здоровьи родной тетки. Платя долгъ наслѣдника, можетъ быть, уплатитъ что нибудь и своимъ заимодавцамъ, а собранію Любителей Словесности новую басенку или преложеніе псалма.

Московской профессоръ письмомъ своимъ къ редактору *Украинскаго Вѣстника* вѣроятно еще болѣе остраститъ А. А. А. и утвердитъ знаменитость свою между пансіонерами и чтецами Анг. клуба. Нѣтъ лучше ремесла журналиста: говоритъ что хочетъ, бранитъ кого хочетъ, и нѣтъ аппеляціи, потому что журналисты сдѣлали между собой союзъ, чтобъ другъ на друга ничего не печатать. Калайдовичь посылалъ замѣчаніе на одну піесу К., и *Сынъ Отечества* не напечаталъ. О положившемъ за брата бѣлый шаръ постараюсь довести до брата; что же касается до чернаго, я не дивлюсь тому: я помню, что онъ и за двадцать лѣтъ тому не соглашался. Естьли это не твердый характеръ, такъ по крайней мѣрѣ упрямый норовъ.

Я писалъ вамъ, что съ нетерпѣніемъ буду ждать вашего братца; но онъ терпѣливѣе меня. Я еще съ нимъ не видался. Утѣшусь тѣмъ, что увѣренъ въ вашей ко мнѣ любви, и повторю вамъ еще искреннюю благодарность мою за Франка. Оба брата чувствительно тронуты вашимъ благодѣяніемъ.

За тѣмъ, поручая себя въ продолженіе лестной для меня вашей дружбы, съ душевнымъ почтеніемъ пребуду на всегда вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Іюля 20-го
1818
Москва

P. S. Какая революція въ нашей словесности! Читали ли вы примѣчанія Казанскаго профессора на превосходный переводъ Науки стихотворства, Хвостова; читали ли и отзывъ Инвалида о превосходныхъ замѣчаніяхъ Казанскаго профессора? Увѣренъ, что г. Хвостовъ черезъ годъ будетъ въ лаврахъ ([1]).

20.

Нѣтъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичь, я уже не признаю васъ Гриммомъ. Тотъ не щеголялъ лаконизмомъ; свидѣтельствуютъ въ томъ нѣсколько толстыхъ томовъ писемъ, въ которыхъ онъ говорилъ о драмахъ и балахъ, о Вольтерѣ и объ интригахъ, о сплетняхъ и политикѣ. Я не требую отъ васъ свѣдѣній по послѣднимъ тремъ артикуламъ; но для чего бы не сказать слова три о себѣ, о вашемъ братцѣ, о Карамзинѣ и Жуковскомъ, о Калайдовичѣ и Каченовскомъ, словомъ о, состояніи нашей словесности, къ которой еще не умерло сердце отставнаго поэта. Это пѣни только пріятеля, любящаго говорить съ вами, хотя черезъ письмо. Впрочемъ чувствительно благодарю васъ и за лаконическія ваши строки. Скажите также искреннюю благодарность мою и молодому Пушкину; я и по заочности люблю его, какъ прекрасный цвѣтокъ поэзіи, который долго не поблѣднѣетъ ([2]). Почтенный

([1]) Казанскій профессоръ Городчаниновъ, печатавшій похвалы произведеніямъ гр. Хвостова.

М. Д.

([2]) Вотъ какъ оцѣнилъ Дмитріевъ Пушкина и предугадалъ его славу еще въ 1818 году! Должно пред-

дядя его недавно читалъ мнѣ нѣсколько начальныхъ стиховъ о томъ же предметѣ. Не знаю еще, что выйдетъ, но онъ исполненъ священнымъ негодованіемъ, зіяетъ молніей и громомъ говоритъ.

Естьли вы будете писать къ Д. Н. Блудову, убѣдительно прошу васъ увѣрить его въ моей благодарности за Mémoires del'abbé Georgel, и сказать ему, что я буду еще болѣе обязанъ, естьли онъ пришлетъ мнѣ и остальные томы.

Душевное почтеніе вамъ и братцу, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Ив. Дмитріевъ.

1818
Сентября 19.
Москва.

21.

Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ, милостивый государь любезнѣйшій Александръ Ивановичь, за дружеское ваше письмо и отправленіе ко мнѣ библейскихъ книжекъ, которыхъ еще не получилъ, равно и за обѣщаніе отчетовъ: вы знаете, съ какимъ я удовольствіемъ всегда ихъ читаю. Между тѣмъ прошу васъ вспомнить и объ обѣщанныхъ портретахъ Руссо и Вольтера. Не достаетъ только ихъ къ украшенію моего кабинета.

Естьли бъ достатокъ мой позволялъ мнѣ иногда предаваться на старости лѣтъ пріятнымъ капризамъ, то я непремѣнно явился бъ въ расплохъ въ Р. Академію въ назначенный день для торжественнаго собранія: явился бъ единственно для удовольствія слышать любезнаго моего оратора [1].

Здѣсь также готовится торжественное собраніе по случаю обновленія университета. Зданіе уже отштукатурено и выкрашено; зала собранія также въ отдѣлкѣ; остановилось только за недодѣлкою, какъ говорятъ, Мерзляковымъ и Каченовскимъ ихъ работы. Вѣроятно, что чтеніе будетъ больше обыкновеннаго, потому что тутъ же читаны будутъ и произведенія Общ. Люб. Слов., котораго засѣданіе отложено было до новоселья. Старый Пушкинъ читалъ уже мнѣ начало приготовляемой къ сему случаю сказки, почерпнутой имъ изъ собранія фр. сказокъ; но онъ совершенно обрусилъ ее, назвавъ одного изъ рыцарей Печенѣгомъ, а другаго Кіевскимъ княземъ. Тема сказки: собака вѣрнѣе любовницы; послѣдняя измѣняетъ любовнику, а первая остается при немъ.

За тѣмъ, пожелавъ вамъ возможнаго благополучія, и свидѣтельствуя вамъ и любезному вашему братцу душевное мое почтеніе, на всегда имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Ив. Дмитріевъ.

Москва
Сентября 30-го
1818.

22.

М. г. и любезнѣйшій А. И, благодарю васъ отъ всего сердца за дружеское ваше письмо. Спѣшу васъ увѣдомить, что я исполнилъ ваше порученіе, и въ слѣдствіе того посылаю вамъ при семъ копію съ указа Син. Конт. [1] и еще нѣсколько

полагать, что въ письмѣ этомъ говорится о посланіи Пушкина къ Жуковскому (соч. Пушк., изд Исакова, Т. I, стр. 154). Въ немъ есть стихъ:

«И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ».

Въ посланіи этомъ говорится о завистникахъ Озерова и Карамзина.

(1) Т. е. Карамзина, который читалъ отрывокъ своей исторіи въ торжест. засѣданіи Россійской академіи.

(1) Т. е. Синодальной Конторы. См. письмо Тургенева къ Дмитріеву отъ 7 окт. 1818 въ Русск. Архивѣ, сего года, стр. 641.

строкъ, отрѣзанныхъ отъ письма ко мнѣ Николая Ивановича.

Вы чувствительно одолжите меня доставленіемъ переписки абата Галіани. Знавъ его остроуміе, я очень любопытенъ читать ее. Чтоже касается до портретовъ, то мнѣ хотѣлось только имѣть иллюминованные въ овальномъ кругу *Руссо* и *Вольтера*, которыхъ у меня нѣтъ, то я былъ бы вамъ очень благодаренъ. Работа ихъ неважна, но мнѣ хочется ихъ имѣть потому только, чтобъ они были подъ пару Франклину, Лафонтену и проч.

Согласенъ съ вами, что эпиграмы хотя и не дурны, но я отъ Вяземскаго привыкъ ожидать большаго; да и самъ В. пишетъ ко мнѣ, что К. надо бить *не эпиграм., а лѣтописями* (1). А я думаю, что можно бы однимъ письмецомъ укротить его. Здѣсь нетерпѣливо ждутъ первую книжку *Вѣстника*, въ которой обѣщаютъ разбирать вступленіе Р. И. (2) Многіе распускаютъ слухъ, будто журналистъ дѣлаетъ это въ угодность М. Просв. Я очень понимаю, что министръ не можетъ да и не долженъ запрещать рецензіи. Но не повѣрю тому, чтобъ онъ захотѣлъ позволить журналисту употреблять сарказмы на щетъ заслуженнаго и лучшаго писателя, которыми наполнено письмо изъ Лужниковъ. Однакожь это есть, и остается сожалѣть объ участи нашихъ писателей или о состояніи нашей словесности. Простите, любезный А. И. Будьте увѣрены въ душевномъ къ вамъ почтеніи преданнаго вамъ И. Д.

P. S. Перечитывая письмо, я самъ почувствовалъ, какъ оно писано не складно и вяло; словомъ, совсѣмъ не по авторски; извѣнюсь только тѣмъ, что пишу тотчасъ послѣ обѣда и подъ шумкомъ гостей моихъ.

Октября 17.

(1) Это письмо кн. Вяземскаго см. въ Р. Архивѣ 1866, стр. 1693.

(2) Т. е. Россійской исторіи, Карамзина, въ февралѣ того года (1818) вышедшей.

23.

Очень, очень благодарю васъ, почтенный Александръ Ивановичъ, за Варшавское пѣснопѣніе, кажется могу смѣло прибавить, князя Вяземскаго. Редактора же другой бумаги отгадать не могъ, ибо вы не прислали ея. Искренно скажу, что стихи мастерствомъ своимъ достойны таланта К. В.

Нетерпѣливъ буду ждать отъ васъ переписки Галіани и рѣчи Карамзина. Здѣсь, кажется, уже входитъ въ моду между молодыхъ людей говорить худо объ его Исторіи: рѣдкая проходитъ бесѣда, чтобъ патріархъ ихъ А. П... (1) не проповѣдовалъ въ кругу ихъ объ ея недостаткахъ. Посмотримъ, что то еще будетъ отъ Московскаго Университета. Вчера у меня былъ студентъ и сказывалъ, что за позднею отдѣлкою дома акта не будетъ, а отправятъ только по случаю новоселья молебствіе.

Плачу вамъ тою же краткостію и по одинакой съ вами причинѣ. За тѣмъ мысленою обнимая васъ и пр.

24.

Милостивый государь мой Александръ Ивановичь! Чувствительно благодарю васъ за два письма и доставленіе вашей рѣчи и подарка Николая Ивановича (2). Я уже отдалъ вамъ справедливость за прошлогоднюю рѣчь: говорить о послѣдней было бы повторять прежнее. Не могу, однакожъ, скрыть моего сожалѣнія, что вы, будучи одарены всѣми способностями автора, посвятили ихъ единственно библейской залѣ. Побѣдите лѣнь свою, и будьте для насъ вдвое любезнѣе.

Завтра я отправляю на ваше имя еще два эксемпляра пакостнаго и неисправнаго изданія моихъ стихотвореній. Прошу васъ доставить одинъ Дмитр. Ник. Блу-

(1) Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ.

(2) Опытъ теоріи налоговъ» Спб. 1818. 8°.

дову, а другой Николаю Ивановичу. Жаль, что за достальнымъ расходомъ веленевыхъ экс: долженъ послать къ нему на самой простой. Онъ утѣшилъ меня своею книгою. Желательно, чтобъ примѣръ его поощрилъ и другихъ заниматься подобными трудами.

Переписка Галіани уже и здѣсь продается, почему и прошу васъ обѣщанное вами мнѣ одолженіе сберечь до другаго случая.

Что сказать вамъ о Московской словесности? Университетскаго акта въ семъ году не будетъ, по причинамъ безъ сомнѣнія вамъ извѣстнымъ. Чтеніе Шаликовыхъ мадригаловъ и Пушкина басенокъ также по настоянію А. А. А. отложено до освященія храма при пансіонѣ (¹). Василій Львовичь еще не опустилъ мстительной руки своей, удержанъ бывъ сочиненіемъ французскаго романса на руской мотивъ, который вѣроятно уже разосланъ отъ него къ отсутствующимъ пріятелямъ. Словомъ, вся М. литтература заключается въ сухощавомъ *гонцѣ* Европы.

Простите, любезный Александръ Ивановичь. Будьте здоровы и вѣрьте искреннимъ чувствамъ совершеннаго почтенія и пріязни, съ которыми навсегда имѣю честь пребыть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Ив. Дм.

Москва.
1818
Ноября 21-го

25.

Извините меня, милостивый государь Александръ Ивановичь, что я почтою позднѣе благодарю васъ за дружеское ваше писаніе. Откладывалъ до полученія Суворова портрета, однакожъ и по сіе время не получилъ его. Батюшковъ въ торопяхъ позабылъ, что обѣщалъ мнѣ и портретъ Шатобріана.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ рѣчи Карамзина. Любопытенъ также видѣть и обѣщаемое въ *Сынѣ Отечества*, хотя и не знаю автора.

Вчера было и у насъ торжественное собраніе въ обществѣ любословесниковъ; торжественнымъ назвалъ потому, что чтенію предшествовало пѣніе какихъ то стиховъ. Засѣданіе открыто рѣчью А. А. А., который по обыкновенію своему сказалъ нѣсколько словъ о 812 годѣ. Потомъ замѣтилъ, что надо сочинить лучшую грамматику; надобно показать примѣръ эпистолярному и историческому слогу, которыхъ мы еще не имѣемъ; надобно даже поправить и слогъ новѣйшихъ проповѣдей, обратя его къ первымъ источникамъ, къ слогу древнихъ духовныхъ книгъ. Распространялся о пользѣ критики, и всѣ сіи подвиги возлагалъ на собраніе, состоявшее изъ Василія Львовича, князь Петра Ивановича, Шатрова, Болдырева, Дружинина, Мерзлякова, Каченовскаго и пр. За нимъ проф. Мерзляковъ читалъ трактатъ о пользѣ словесности и критики; кн. Шаликовъ гимнъ давно минувшей веснѣ; Василій Львовичъ почти пѣлъ о подвигахъ послѣдняго, слѣдственно любимаго, своего дѣтища, *Печенѣга* и читалъ чужіе стихи; Кокошкинъ вмѣсто отсутствующаго Филимонова оплакивалъ смерть какой-то Нины; Калайдовичь разбиралъ Ломоносова «Вечернее Размышленіе», и наконецъ чтеніе заключено было *кладбищемъ*, не помню котораго члена.

Чтобъ дать вамъ дальнѣйшее понятіе о новостяхъ Московской литтературы, выписываю объявленіе послѣдняго номера нашихъ Вѣдомостей: *Новости Русской Литтературы* или собраніе сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ *лучшихъ авторовъ* какъ-то: *Княжнина, кн. Кугушева, Вельяминова.*

(¹) Университетскомъ, гдѣ А. А. А. (Ант. Ант. Прокоповичъ-Антонскій) былъ директоромъ.

Зернова, *Львова*, *Ключарева*, *Руссова*, *Соковнина*, *Воейкова*, *Грузинцова*, *Каменева*, *Смирнова*, *Колосова*, *Крюкова*, *Политковскаго*, *Волкова*, *Глѣбова*, *Ишимова*, *Чебышева*, *Воронцова*, *Санти*, *Яновскаго*, *Первова*, *Кириченко-Остромова*, *Перольта*, *Попова*, *Трунина*, *Лузанова*, *Полякова*, *Экартсгаузена*, *де Сентъ-Ламберта*, *Шиллера*, *Коцебу*, *Каракчіоли* и проч. 14 томовъ, въ Университетской типографіи. Цѣна 50 руб. Счастливые провинціалы! Сколько для нихъ новыхъ знакомцевъ! Мудрено ли Каченовскому, съ такою дружиною богатырей, сдѣлать страшную опозицію, которою онъ въ послѣдней книжкѣ грозитъ старомоднымъ авторамъ, пользовавшимся добрымъ мнѣніемъ публики! Простите и пр.

Москва 1818 Декабря 8-го.

26.

Москва 1818 Декабря 23-го

Милостивый государь мой Александръ Ивановичь! Тысячу благодарностей за дружеское ваше писаніе и доставленіе письма и брошюры отъ милаго остряка Вяземскаго. Я, хотя и не ровня съ нимъ въ лѣтахъ, но часто и искренно вздыхаю объ его отсутствіи. Не знаю, что онъ будетъ впередъ: только не желалъ бы, чтобъ онъ званію поэта предпочелъ другое. Къ этому онъ конечно призванъ природою, и съ нимъ переживетъ многихъ и многихъ (¹).

Жалкая участь почтеннаго канцлера! Не смотря на его уваженіе къ нашимъ извѣстнымъ поэтамъ, одинъ только неизвѣстный рыцарь взялся было заплатить дань патріотизму и воспѣть его подвиги; но и тотъ на половинѣ дороги сдалъ эту обузу *Коцебу-отцу!!* Трудно ли было отгадать Франкалёанонима? Однакожъ, душевно любя и уважая вельможу-патріота, я искренно благодаренъ стихотворцу за его добрую волю. По крайней мѣрѣ онъ не равнодушенъ къ славѣ земляковъ своихъ.

Недавно познакомился я съ молодымъ поэтомъ Иванчинымъ-Писаревымъ. Вотъ вамъ его стихи; желалъ бы, чтобъ они напечатаны были въ *Сынѣ Отечества*. Здѣсь Кач. не принялъ ихъ въ журналъ, извиняясь тѣмъ, что содержатъ въ себѣ *личность*. Сказываютъ, что онъ очень часто посѣщаетъ архивъ и роется въ лѣтописяхъ. Видно, крѣпко вооружается противъ Исторіографа.

Новаго у насъ въ литературѣ только двѣнадцатая часть Лѣтописей Любителей Словесности. Изъ числа замѣтныхъ статей взгляните на письмо гр. Х. къ председателю, въ которомъ онъ поздравляетъ А. А. А. съ праздникомъ, и безъ пощады расточаетъ *при*; да на статью протокола, въ которой очистителями и утвердителями языка опредѣлено: присланное на имя предс. собраніе крестьянскихъ (невразумительныхъ для меня) рѣченій *тиснуть* въ Лѣтописяхъ. И то и другое читано было во услышаніе посѣтителей обоего пола.

Простите, любезный Александръ Ивановичь. Присылайте скорѣй ко мнѣ послѣдній академическій актъ, и вѣрьте всегда душевному почтенію, и пр.

P. S. Желалъ бы достать изъ любопытства Стурдзову книжку. Сѣверинъ съ самаго отъѣзда не писалъ ко мнѣ ни строчки. Я же два раза писалъ къ нему; но какъ я надписывалъ ихъ въ канцелярію г. Нессельроде, то сомнѣваюсь,

(¹) Отецъ кн. П. А. Вяземскаго понуждалъ его заниматься науками математическими; отъ Карамзина же, утверждавшаго, что хорошимъ стихотворцемъ быть трудно, а посредственнымъ не стоитъ труда, онъ долженъ былъ даже скрывать свои первые опыты, и только зимою 1816 года, когда въ Петербургѣ стихи кн. Вяземскаго заслужили на одномъ частномъ чтеніи всеобщее одобреніе (между прочимъ и Крылова), Карамзинъ объявилъ ему, что больше не станетъ отвлекать его отъ этого поприща. (Слышано отъ самаго кн. П. А. Вяземскаго).

были ли письма мои къ нему доставлены, по причинѣ отсутствія графа.

27.

Москва. Февраля 18-го 1819.

Чувствительно благодарю васъ, м. г. А. И., за дружеское ваше письмо и два Парнаскіе гостинца. Жаль, что это кипарисъ, а не лавры или розы. Не только Московская, но и вся наша литература, кажется, заключается въ одномъ Каченовскомъ; публика время отъ времени болѣе узнаетъ цѣну его, и естьли онъ не устанетъ въ продолженіе года издѣваться надъ Исторіографомъ, то вѣроятно принесетъ журналомъ своимъ значительный доходъ М. Университету. Даже и провинціалы любятъ слышать кощунство на щетъ извѣстныхъ людей. Впрочемъ всѣ наши здѣшніе литтераторы, слава Богу, здоровы. Василій Львовичь съ самаго отъѣзда к. Вяземскаго забавлялъ общество фарсами, провербами, шарадами, разумѣется, чужими и пр. К. Долг. и А. П. тоже ([1]). Театръ ихъ подвиговъ у Потемкина и граф. Бобринской. Засѣданія въ Обществѣ Любителей Словесности продолжаются по прежнему однажды въ мѣсяцъ. Но полно объ нашей словесности.

Не можете ли вы, любезный А. И., купить для меня въ Петербургѣ Mémoires de las Casas avec son Rapport à Lucien B. и Les folies du siècle. Мнѣ очень хочется имѣть ихъ.—Отъ Сѣверина къ удивленію моему не получаю ни одного письма. Также и Кривцовъ замолкъ, съ тѣхъ поръ какъ оставилъ Парижъ: вѣрно и къ нему не дошли мои письма. Наконецъ благодарю васъ за добрыя вѣсти о Ѳеофилактѣ, котораго не оставлю поздравить. Васъ же мысленно цѣлую и пребуду на всегда съ душевнымъ почтеніемъ. Братцу мое почтеніе.

([1]) Кн. И. М. Долгорукій и А. М. Пушкинъ.

28.

Москва. Марта 1819.

Отъ всего сердца поздравляю васъ, м. г. А. И., съ полученіемъ званія дѣйствительнаго камергера и члена, естьли не ученаго, такъ благонамѣреннаго сословія. При семъ искренно благодарю васъ за обѣщаніе одолжить меня Записками Ласъ Казаса и за добрую вѣсть о награжденіи эксъ-директора знакомъ отличія. Добрый Граматинъ внѣ себя отъ радости и чувствительно тронутъ вашимъ къ нему доброжелательствомъ или лучше сказать дѣятельнымъ покровительствомъ ([1]).

Я съ большимъ удовольствіемъ читалъ въ М. газетахъ рѣчь Уварова при открытіи П. Б. Университета ([2]). Увѣренъ, что подъ его наздоромъ оный университетъ года въ три или четыре конечно перещеголяетъ своего дѣдушку Москвитянина. Онъ вѣрно возродитъ въ профессорахъ благородное соревнованіе и будетъ умѣть оцѣнивать талантъ и заслугу.

Что же вы не пришлете ко мнѣ портрета добраго поэта Жуковскаго? Мнѣ очень хочется имѣть его. Простите, любезнѣйшій А. И. Кланяйтесь вашему братцу, и будьте увѣрены въ душевномъ почтеніи къ вамъ.

P. S. Отъ Сѣверина я получилъ наконецъ письмо, которое меня очень растрогало. Онъ сбирается къ Пирмонтскимъ водамъ.

29.

Москва. Апрѣля 10-го 1819

Чувствительно благодарю васъ, м. г. А И., за дружеское ваше письмо и пе-

([1]) Граматинъ, Николай Ѳедеровичъ (1786—1827) былъ передъ тѣмъ директоромъ Костромской гимназіи.

([2]) Петербургскій университетъ былъ образованъ изъ главнаго педагогическаго института 8 февраля 1819 года, по мысли попечителя петербургскаго учебнаго округа Сер. Сем. Уварова (1788—1855).

ресылку отъ К. В. (¹) книги. Прошу васъ при случаѣ увѣрить его въ искренней моей благодарности за гостинецъ. Самъ же не хочу писать къ нему par représailles, ибо онъ съ выѣзда изъ Москвы не писалъ ко мнѣ еще ни строчки. Одинъ только старый Пушкинъ награждается его письмами.

Участь бѣднаго Коцебу не выйдетъ у меня изъ памяти. Блаженни книжники-скорописцы, нищи талантомъ и славою: яко тіи тучни и долголѣтни! И такъ не втунѣ Каченовской глумилъ и глумитъ надъ Исторіографомъ, какъ надъ малолѣтнимъ и безграмотнымъ школьникомъ. Conservateur, о которомъ здѣсь говорятъ будто это офиціальная газета, издаваемая будто подъ особеннымъ надзоромъ президента Академіи Наукъ (²), назвалъ его Auteur *célèbre* par de *nombreux ouvrages*, qui se distinguent *eminement* par leur utilité etc. А Р. Академія усыновила его и какъ нарочно тотчасъ послѣ оскорбительныхъ и нелѣпыхъ фразъ его на щетъ Карамзина. Да здравствуетъ наше просвѣщеніе! Каждый номеръ газетъ, каждое къ нимъ прибавленіе, многія статьи журналистовъ, доказываютъ успѣхи его въ наше время (³). Какіе прекрасные образцы для нашихъ дѣтей на поприщѣ словесности! Карамзинъ всегда журитъ меня за мое лепетанье объ этомъ, но я не могу быть хладнокровнымъ, хотя и самъ не радъ тому.— Простите, почтенный А. И., и вы, что я, можетъ быть, утрудилъ ваше терпѣніе. Поздравляю васъ съ праздникомъ и съ самымъ искреннимъ почтеніемъ пребуду навсегда и пр.

(¹) Князя П. А. Вяземскаго.

(²) Conservateur издавался аббатомъ Мангеномъ, который воспитывалъ нѣкогда президента академіи наукъ (гр.) С. С. Уварова.

(³) „Conservateur“: о вліяніи Радищева и Нарѣжнаго на успѣхи нашей словесности и славу Жуковскаго и Батюшкова.—„Инвалидъ“: статья противъ просвѣщенія, рецензіи и политич. извѣстіе изъ Конст. о Грузій.—„Труды Казанскаго уч Общества“: Разборъ красотъ гр. Х. и пр.— М. У. издаваемый Журналъ: насмѣшки надъ единственнымъ нашимъ писателемъ. *Примѣчаніе самого Ив. Ив. Дмитріева.*

Добавленіе къ *примѣчанію Дмитріева:* Статья петербургской французской газеты *Conservateur impartial*, въ которой упоминается о Радищевѣ и о Нарѣжномъ, находится въ № 77, отъ 25 сентября (7 октября) 1817 года, на стран. 380, и озаглавлена: *Coup d'oeil sur l'état actuel de la litterature russe* (*Article 1-er, communiqué*). Второй статьи въ *Conservateur impartial* напечатано не было *С. П—кій.*

30.

Москва. Апрѣля 25-го 1819.

Тысячу благодарностей, почтеннѣйшій и любезнѣйшій А. И., за дружеское ваше писаніе. Спасибо умному и доброму Вяземскому не столько за книгу, на которую передаю вамъ мои права отъ всего сердца, сколько за объявленіе войны школьному магистру. Пусть онъ узнаетъ, что не всѣ авторы наши малодушны или безсильны. Нетерпѣливо буду ждать *Сына Отечества.* Желаю также, чтобъ скорѣе пришелъ къ намъ и новый переводъ Новаго Завѣта. Это для меня наилучшій подвигъ нашего библейскаго общества.

Напрасно вы не читаете нашихъ журналовъ. Естьли образованные люди и авторы съ талантомъ не будутъ заниматься ими, то кто же будетъ надзирать за журналами? Они и подавно заврутся или будутъ тиранами въ словесности. Наша публика не можетъ еще быть ихъ нянюшкою. Она вѣруетъ слѣпо въ того, кто наглѣе другихъ и даже любитъ читать ихъ насмѣшки и оскорбленія на щетъ извѣстныхъ авторовъ.

И такъ Стурдза скоро будетъ къ вамъ и съ молодою женою? Очень хорошо дѣ-

ластъ. И то и другое будетъ ему во здравіе.

Гдѣ же милый мой Сѣверинъ? Увѣдомьте меня, гдѣ онъ и скоро ли возвратится?

Я позавидовалъ вашей вечеринкѣ у Натальи Яковлевны(1). Грустно подъ старость жить какъ въ чужой землѣ, далеко отъ всѣхъ, которыхъ любилъ. Впрочемъ, можетъ быть, это и въ пользу: по маленьку привыкаешь отставать отъ всѣхъ мірскихъ благъ, а чѣмъ меньше скарбу, тѣмъ легче сбираться въ дорогу. Однакожь хочется еще всѣхъ видѣть. Между тѣмъ съ чувствомъ непритворной любви и душевнаго почтенія навсегда имѣю честь быть и пр.

P. S. Братцу мое почтеніе. Состоится ли журналъ его? Получу ли я Ласъ-Казаса? Томлюсь ожиданіемъ того и другаго.

31.

Москва. Мая 4-го 1819.

Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ, любезнѣйшій А. И., за увѣдомленіе объ Сѣверинѣ. Оно меня успокоило. Здѣсь я пораженъ былъ слухами, будто его уже нѣтъ на свѣтѣ, а другіе сказывали, что онъ живъ еще, но помѣшанъ въ умѣ. Вы можете судить, легко ли мнѣ было о томъ и другомъ слышать.

Я передалъ и поклонъ и упрекъ вашъ Пушкину. Онъ сейчасъ только меня оставилъ и поручилъ вамъ сказать, что весь грузъ отправитъ къ вамъ, даже и на легкой почтѣ. Оный состоять будетъ въ цѣлыхъ двухъ эпиграммахъ: изъ нихъ одна самая свѣжая на Каченовскаго. И такъ онъ ускользнулъ отъ пораженія Вяземскаго: какой счастливецъ! Вѣрно покровительствуетъ ему Палиссотова богиня.

(1) Плюсковой, фрейлины, жившей при дворѣ, пріятельницы Карамзина и Дмитріева.

Утѣшаюсь по крайней мѣрѣ тѣмъ, что вы ласкаете меня надеждою увидѣться съ вами на берегу Патріаршихъ Прудовъ. Между тѣмъ мысленно васъ обнимаю и пребуду навсегда съ душевнымъ почтеніемъ

32.

Москва. Маія 19-го 1819.

Это былъ для меня счастливый часъ, любезнѣйшій А. И., въ который вы захотѣли со мною говорить съ большею охотою и откровенностью: и за то благодарность вамъ отъ всего сердца.

Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я плѣнительную вашу апологію; но признаюсь, не могу послѣдовать вашему эгоизму, хотя и свойственному только умному и доброму человѣку (1). Тупой или злой журналистъ столько же мнѣ противны, сколько глупый судья или наглый бутошникъ, употребляющій во зло алебарду свою. И тѣ и другіе могутъ быть вредны. Слѣдственно авторы съ талантами должны, содѣйствуя правительству, каждый по своимъ силамъ, однихъ вразумлять, другихъ обуздывать; должны утѣшать себя тѣмъ, что это скучная обязанность есть жертва патріотизму.

Нетерпѣливо желаю узнать послѣднее произведеніе оригинальнаго и истиннаго поэта Вяземскаго, котораго конечно не затмитъ и молодой Пушкинъ, хотя бы талантъ его и достигъ до полной зрѣлости. Между тѣмъ буду очень сожалѣть, естьли предшествовавшее останется подъ спудомъ; сожалѣть не объ немъ конечно и не объ Вольтерѣ. Я могу соглашаться съ Попотомъ, и въ то же время отдавать справедливость Генію въ томъ, что произведено имъ прекраснаго и полезнаго. Сожалѣть также и о томъ, естьли новая должность Николая Ивановича заставитъ

(1) См. письмо Тургенева къ Дмитріеву въ Р. Архивѣ сего года, стр. 648.

его отложить издаваніе журнала. Увѣрьте его въ моемъ почтеніи.

Какъ счастливъ Батюшковъ подъ голубымъ небомъ Авзоніи! Однакожъ не лишайте его свѣдѣній о плодахъ отечественнаго огорода. Пошлите къ нему „Нѣкоторыя мысли о сущности басни“.

Отечества и дымъ пріятенъ!

Недавно былъ я у вашей матушки; она нетерпѣливо хочетъ васъ видѣть. Повѣрьте, что вамъ будетъ радъ и пребывающій къ вамъ съ душевнымъ почтеніемъ и пр.

33.

Сердечно сожалѣю, м. г. А. И., о кончинѣ Осипа Петровича. Я долженъ съ признательностію вспомнить его: онъ захотѣлъ быть знакомъ со мною еще въ моемъ сержантствѣ, продолжалъ пріязнь свою ко мнѣ въ министерскомъ нашемъ служеніи, и въ послѣдствіи доказалъ мнѣ, что любитъ и отставныхъ наравнѣ съ служащими. Прошу васъ, естьли будетъ случай и мѣсто, увѣрить Анну Петровну въ искреннемъ моемъ участіи въ ея потерѣ ([1]).

Сегодня я обѣдалъ въ клобѣ. Тамъ уже начинаютъ ворожить, кто будетъ преемникомъ. Будучи увлеченъ заразою примѣровъ, и я про себя подалъ голосъ въ пользу Арш. И тогда же подумалъ: а можетъ быть Кампенгаузенъ или Карпѣевъ.

Я разбогатѣлъ „Опытами“ воспитанниковъ Духовной Академіи. Сегодня еще получилъ 3 экземпляра отъ ректора. За бездѣйствіемъ нашихъ геніевъ, искренно радъ и „Опытамъ“.

Утѣшьте меня присылкою, естьли можно, хотя первой пѣсни поэмы Пушкина ([1]). Нетерпѣливо хочу узнать ее.

Скажите Николаю Михайловичу, что я въ первый разъ доволенъ его портретомъ (Уткина). Онъ очень сходенъ. Глядя на него, я какъ будто вижу и слышу самого Исторіографа.

За тѣмъ мысленно васъ обнимаю, и съ душевнымъ почтеніемъ на всегда пребуду и пр.

Москва
Іюня 30. 1819.

34.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій А. И., за добрую вѣсть о Пушкинѣ, чѣмъ я очень порадованъ, равно какъ и за книгу. Она интересна, однакоже я ожидалъ бо́льшаго, полагая, что она имъ самимъ писана, та самая, о которой нѣкогда предваряли во французскихъ газетахъ.

Пускай Вяземской пишетъ что хочетъ, буду читать все съ удовольствіемъ. Нельзя ли по крайней мѣрѣ прислать съ попутчикомъ запрещенную его піесу? Удивительно, естьли запрещена только за то, что онъ хвалилъ талантъ Вольтера. Одинъ только безграмотный Калмыкъ можетъ не хвалить его.

Черезъ два дня будетъ годичный актъ въ Университетѣ. Каченовской, какъ я слышалъ, будетъ очереднымъ ораторомъ. Трикратный Антонъ пріѣзжалъ самъ звать меня. Я обѣщалъ, только съ условіемъ, что, естьли К. и съ каѳедры изрыгнетъ анаѳему на Карамзина, тогда я возвращу имъ дипломъ и навсегда съ ними разстанусь.

До свиданія, почтенный А. И., будьте здоровы и продолжайте любить преданнаго вамъ навсегда и пр.

Москва
Іюля 2-го.
1819

([1]) Осипъ Петровичъ и Анна Петровна Козодавлевы. Онъ умеръ министромъ внутр. дѣлъ 19 Іюня 1819 года.

([1]) Т. е. поэмы Русланъ и Людмила, тогда еще не изданной въ свѣтъ.

35.

Благодарю васъ, любезнѣйшій А. И., за добрую вѣсть о Катеринѣ Андреевнѣ. Дай Богъ, чтобъ новорожденный былъ въ отца и мать и воспѣлъ намъ своего патрона, только не гексаметромъ (¹).

Присланную книгу непремѣнно доставлю къ В. Л. Признаюсь, что я не безъ досады узналъ объ моемъ обманѣ: до прочтенія вашего письма думалъ, что это мнѣ подарокъ. Повторяю еще мою прозьбу объ Запискахъ Фуше. Она продается въ П. б. у Сенъ Флорана. Сдѣлайте одолженіе пришлите поскорѣе; только непремѣнно прошу васъ объявить цѣну. Въ противномъ случаѣ удержусь обременять васъ моими порученіями. Нѣтъ, накладно дарить французскими книгами. Не утерплю, чтобъ не напомнить вамъ и объ Ласъ-Казасѣ.

За тѣмъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи видѣть васъ въ Москвѣ съ душевнымъ почтеніемъ на всегда имѣю честь быть в. п.-ва покорнѣйшій слуга И. Д.

P. S. Хотѣлъ бы знать объ дальнѣйшей *участи піесы Вяземскаго.*

36.

Искренно благодарю васъ, милостивый государь Александръ Ивановичь, за два письма и два гостинца. Въ такъ называемой поэмѣ я нашелъ довольно сильныхъ стиховъ; но сряду читать всю право устанешь. Родимое покороче, однакожь и оно, для бесѣды съ цвѣточкомъ, также длинновато. По крайней мѣрѣ, я не могъ бы имѣть столько терпѣнія. Одолжите меня сообщеніемъ и обѣщанныхъ двухъ донесеній. Я ожидаю, что они будутъ растворены шутливою веселостію, и слѣдственно болѣе придутъ на мой вкусъ. Просилъ бы также васъ прислать хотя нѣсколько стиховъ изъ поэмы молодаго Пушкина. Батюшковъ раздразнилъ мое любопытство. Вчера я порадованъ былъ Дашковымъ, который пишетъ, что онъ рѣшился непремѣнно возвратиться въ отчизну. Воздухъ Константинополя не благопріятствуетъ его здоровью. Хорошо, естьлибъ и Вяземскому припилось венгерское, а Батюшкову пріѣлись устрицы и макароны.

Сегодня братъ мой отправился во свояси. Можетъ быть, черезъ недѣлю и я пущусь въ слѣдъ за нимъ; можетъ быть, въ ветхомъ домѣ, моемъ ровесникѣ (ибо въ немъ праздновали новоселье вмѣстѣ съ моимъ рожденіемъ) удастся мнѣ написать первыя страницы моихъ воспоминаній. Не поздно ли? Можетъ быть, тамъ и умру. Чему быть, того не миновать (¹). Между тѣмъ мысленно васъ обнимаю, и съ душевнымъ почтеніемъ пребуду навсегда вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

Кланяйнесь отъ меня почтеннымъ Карамзинымъ и Натальѣ Яковлевнѣ.

Москва
1819
Августа 10-го

37.

М. г. А. И Пріѣхавъ вчера въ Симбирскъ, имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо, за которое и спѣшу принести вамъ покорнѣйшую мою благодарность. Что сказать вамъ отсюда? Онъ самой Москвы до Сызранской деревни ѣхалъ весьма тряскою дорогою, даже негодною дорогою; ибо старая, въ силу послѣднихъ распоряженій, запахана, а новая еще не выровнена и не утоптана.

(¹) Говорится о Владимірѣ Николаевичѣ Карамзинѣ.

(¹) Престарѣлый отецъ Дмитріева, Иванъ Гавриловичь (нѣкогда Сызранскій городничій) скончался въ началѣ 1819. Иванъ Ивановичь осенью этого года ѣздилъ на родину для раздѣла имѣнія

Покрайней мѣрѣ полюбились мнѣ *новый нашъ губернаторъ и вицъ-губернаторъ*. Оба, кажется, обѣщаютъ нашей отчизнѣ миръ и благоденствіе. Одинъ говорилъ со мною о многихъ нѣмецкихъ журналахъ, которые онъ получаетъ и объ ихъ авторахъ; а другой о Говардѣ, Бильфельдѣ, Соненфельсѣ, Бентамѣ и о своей должности. Въ первый разъ удалось мнѣ слышать отъ высокихъ губернскихъ начальниковъ разговоръ такого содержанія, и я, какъ истый патріотъ, право былъ обрадованъ. Съ городскимъ нашимъ поэтомъ Маздорфомъ некогда было увидѣться, да врядъ ли онъ и въ городѣ. Слышалъ только, что онъ продолжаетъ терпѣть бѣдность, воспѣвать любовь и поучать глухонѣмыхъ въ изрядныхъ своихъ басняхъ.

Вотъ всѣ наши новости: заплатите мнѣ вашими. Теперь я въ деревнѣ, уже въ Сызранской округѣ. Долголи проживу, Богу извѣстно. Желаю только какъ можно скорѣй очутиться въ Москвѣ. Между тѣмъ мысленно васъ обнимаю и пр.

(Сентябрь 1819)

P. S. Оторвите Жуковскаго отъ Нѣмчизны. Пора ходить на своихъ ногахъ, описать что нибудь по важнѣе.

38.

Милостивый государь А. И. Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ за два письма, изъ коихъ одно я имѣлъ удовольствіе получить еще въ Москвѣ, но передъ самымъ отъѣздомъ. Вяземской, въ сердитомъ или веселомъ духѣ, всегда умѣетъ прельстить меня. Увѣренъ, что апологъ его о медвѣдѣ (¹) ничего ему не стоилъ, но сколько и тутъ остроты, здраваго разсудка и легкости въ стихосложеніи! Онъ истинно природный поэтъ. Жаль, что не надѣюсь дожить до полной зрѣлости его таланта, равно какъ и молодаго Пушкина. На мою долю выпалъ дядя, а потомству племянникъ. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать что нибудь изъ его поэмы, равно какъ и обѣщанные веселые стихи В. А. Жуковскаго.

Теперь я въ деревнѣ. Нѣкто Быковъ трудится надъ расположеніемъ участковъ недвижимаго имѣнія для раздѣла, а я между тѣмъ читаю Гуфланда: „О долголѣтней жизни“, и невольно вспоминаю басню „Смерть и умирающій“. Не поздно ли и то и другое?

Вмѣсто вашего Каразина, могъ бы и я отдѣлаться городничимъ. Но я скажу всю правду: изъ отдаленной глухой деревни право трудно писать и долго и занимательно, естьли не имѣешь плодовитой остроты и веселости К. В. И такъ заключу душевнымъ почтеніемъ, съ корымъ навсегда пребудетъ в. п. покорнѣйшій слуга И. Д.

Село Богородицкое (¹)
Сентября 4-го 1819.

39.

(1819).

Чувствительно благодарю я васъ, мил. госуд. любезный А. И., за два ваши письма, за всѣ добрыя вѣсти и за присылку книжицы. Ѳома Кемпейскій давній мой знакомецъ: я читалъ его еще въ цвѣтущихъ моихъ лѣтахъ, во времена Типографической въ Москвѣ Компаніи. Тогда, помнится, было два перевода: одинъ въ *Христіанской Библіотекѣ*, а другой напечатанъ особо. Не помню только, нынѣшнимъ ли языкомъ переведены или славянскимъ подобно сей книжицѣ. Признаюсь, что частыя *есьмы* не прибавляютъ ни назиданія, ни красоты слогу (²).

(¹) См. въ Р. Архивѣ сего года, стр. 651.

(¹) Симбирской губ. Сызранскаго уѣзда, нынѣ принадлежитъ профессору Московскаго университета Ѳ. М. Дмитріеву.

(²) См. въ Р. Архивѣ сего года, стр. 433 и д.

Искренно прошу васъ прислать рѣчь Жуковскаго; увѣренъ, что она будетъ съ идеями и жажду читать ее. Будетъ ли напечатана въ *Сѣв. Почтѣ* рѣчь Орлова, говоренная въ К. Библ. Отдѣленіи. Она здѣсь ходитъ въ рукописи.

Теперь наши литтераторы, ощипавъ всѣ цвѣты въ ф. и нѣм. литтературахъ, принялись за доброе дѣло: заимствовать у своихъ сосѣдей, и очень хорошо дѣлаютъ. Чужое въ расходъ, а свое пускай въ головѣ зрѣетъ. Чѣмъ бы Каченовскому наполнить «Вѣстникъ», естьли бы не крохоборилъ въ «Литовскомъ Курьерѣ?» По крайней мѣрѣ К. Вяземской довольно хорошо, хотя и не вездѣ чисто, перевелъ замысловатыя безделки Польскаго поэта, вѣрно Красицкаго. Почти всѣ его басни въ такомъ тонѣ.

Видѣлъ ли Николай Михайловичь критику Варшавскаго автора на его исторію и карту др. Россіи, которую Кач. поспѣшилъ сообщить намъ въ послѣдней книжкѣ *Вѣстника*? Неужели онъ будетъ все отмалчиваться и отъ иноплеменныхъ? Я все того мнѣнія, что отвѣчать должно, особливо въ нынѣшнемъ состояніи нашей литтературы. Иначе она будетъ раздольемъ бумагомарателей.

Простите меня, естьли вамъ наскучилъ. Дивлюсь и самъ, что такъ много напестрилъ въ такое время, когда сердце исполнено горести, о которой вы узнаете отъ Н. М. Впрочемъ съ отличнымъ почтеніемъ имѣю честь быть и пр.

Письмо это должно быть отнесено также къ 1819 году: Дмитріевъ въ этомъ году лишился своего престарѣлаго отца (см. письма къ нему Карамзина и пр. 276). Жуковскій готовилъ рѣчь для засѣданія Россійск. Академіи, но, кажется, она не была читана. Переводъ Сперанскаго Ѳомы Кемпійскаго, изданный Тургеневымъ, появился въ исходѣ 1819 г.

40.

М. г. А. И. Чувствительно благодарю васъ за послѣднее ваше письмо и за брошюру о Попечительномъ Обществѣ, о Тюрьмахъ, равно какъ и за пересылку фр. перевода Русской Исторіи. Издатели Revue Encyclopédique обѣщаютъ выдать анализъ отпечатанныхъ томовъ. Любопытно видѣть, одинакимъ ли тономъ будутъ они писать съ профессоромъ М. Унив. о нашемъ исторіографѣ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ рѣчи В. А., читанной въ Р. Академіи. Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этомъ удовольствіи. Надѣюсь, что вы также не откажете мнѣ и въ покорнѣйшей моей просьбѣ подарить меня переводомъ Ѳомы Кемпійскаго на лучшей бумагѣ, ежели у васъ, какъ у издателя, есть лишніе эксемпляры.

Здѣсь недавно происходило чтеніе въ Общ Люб. Словесности. Потчивали басенкой В. Л. и двумя кн. Шаликова, да еще было читано кое-что стиховнаго стараго Капниста и птенцовъ Московскаго Парнасса. Я не былъ.

Можетъ быть, матушка ваша винитъ меня, что я такъ давно не видался съ нею, не зная, что домашнія мои печальныя обстоятельства и собственная моя болѣзнь были тому причиною. На дняхъ постараюсь посѣтить ее. Простите, любезный А. И., будьте увѣрены въ отличномъ почтеніи, съ которыми навсегда къ вамъ пребудетъ и пр.

P. S. Николаю Ивановичу мое почтеніе. Пришлите хотя листочикъ его журнала.

Москва.
Декабря 14-го 1819

41.

Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ, любезнѣйшій А. И., за доставленіе *Курьера*. Какъ бы одолжили присылкою и прочихъ, когда отъищете! Буду стараться прочитать этотъ листокъ Антону Антоновичу и витязю ихъ Каченовскому.

Пусть они увидятъ, какъ пишутъ литтераторы. Они учтивы, и критикуя вмѣстѣ и хвалятъ ([1]).

Наконецъ удалось мнѣ увидѣть два отрывка ожидаемой *поэмы* ([2]). *Дядя* восхищается, но я думаю отъ того, что племянникъ этими отрывками еще не раздавилъ его.

Я очень радъ, что вы полюбили Москву; только прошу васъ для чести моей и собственной вашей называть кварталъ нашъ не Козихою, а Патріаршими Прудами.

За симъ обнимаю васъ въ мысляхъ и съ душевнымъ почтеніемъ навсегда пребуду в. пр. покорнѣйш. слугою И. Д.

О какомъ вы говорите защищеніи невинности? Нельзя ли прислать копію съ этой статьи? Я на обмѣнъ прислалъ бы что нибудь и изъ моего архива.

42.

14-го NB. Распечатываю письмо, чтобъ снова прижать васъ къ сердцу, и почти съ слезами радости возблагодарить васъ за пріятную для меня вѣсть о торжествѣ милаго Николая Михайловича. Честь и слава ему! Честь и всей Академіи. Вы столь хорошо и живо описали сей случай([3]), что я самъ, какъ будто видѣлъ, слышалъ и дѣлилъ ваши восторги. Признаюсь, что сегодня нарочно пріѣзжалъ обѣдать въ клобъ, чтобъ прочитать ваше письмо при Каченовскомъ, съ которымъ тамъ встрѣчаюсь. Однакожъ вмѣсто его нашелъ тамъ Ректора и прочиталъ ему, замѣтя, что Академія поступила гораздо справедливѣе глупаго корреспондента изъ Кіева и такого же бригадира изъ Лужниковъ, получившихъ одобреніе отъ одной только ценсуры М. Университета. Надѣюсь, что вы пришлете А. книжку. Какъ бы я хотѣлъ, чтобъ вы похожее на ваше письмо ко мнѣ прислали къ издателямъ Моск. Вѣдомостей отъ неизвѣстнаго.

Вы отгадали: графъ уже прислалъ и ко мнѣ свое посланіе, читанное въ тихой сочельникъ торжества исторіографа.

Простите, любезный А. И., будьте здоровы и продолжайте любить преданнаго вамъ и сердцемъ и душою.

NB Завтра гр. С. П. Румянцовъ отправляется къ вамъ, а спосажденный ([1]) отецъ уже отправился.

43.

Чувствительно благодарю васъ, м. г. и любезнѣйшій А. И. какъ за ваше письмо, такъ и за доставленіе ко мнѣ письма отъ кн. Вяземскаго. Вотъ вамъ и мой къ нему отвѣтъ, который покорнѣйше прошу васъ доставить.

Читая похвалу его Пирогу ([2]), я облизывался и завидовалъ вашей судьбинѣ. По крайней мѣрѣ, стихи его такъ же вкусны какъ и перигордской пирогъ, слѣдственно и я поживился.

Увѣдомьте меня, кто писалъ въ *Благонамѣренномъ* описаніе Академическаго торжества. Я сказалъ ему искренное спасибо. На Греча же искренно сердитъ, что онъ по личнымъ причинамъ уступилъ свою обязанность Украинцу,

---

([1]) Во французской газетѣ *Courrier* напечатанъ былъ отзывъ объ исторіи Карамзина (см. письмо его къ Дмитріеву отъ 29 дек. 1819, стр. 279).

([2]) Т. е. Руслана и Людмилы. — Дядя, Василій Львовичъ Пушкинъ.

([3]) Въ письмѣ къ Дмитріеву отъ 9 генв. 1820 года съ подробнымъ описаніемъ торжества Росс. академіи, на коемъ Карамзинъ читалъ отрывокъ изъ 9-го тома своей исторіи (см. въ Р. Архивѣ сего года, стр. 654 и 655).

([1]) Вѣроятно А. Ѳ. Малиновскій (1763—1840), см. слѣдующее письмо.

([2]) „Посланіе къ Тургеневу съ пирогомъ“, стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго, С. Отеч. 1820, ч. 59, стр. 175.

между тѣмъ какъ самъ обѣщаетъ говорить только о *прекрасныхъ* стихахъ изъ царства ископаемыхъ. Какіе у насъ журналисты! Всѣ благоговѣютъ къ издателю *Вѣстника*. Каковъ же отвѣтъ его Тверскому корреспонденту? Можно-ли написать что нибудь ругательнѣе и сквернѣе? И это пишетъ *пресловутый* профессоръ!

Бѣдный Пушкинъ все еще безъ ногъ. За то голова его съ помощію Арно или Флоріана вѣрно пропоетъ на досугѣ басенку для перваго собранія нашихъ словесныхъ. *Отецъ спосажденный* поѣхалъ къ вамъ не съ пустыми руками: повезъ описаніе Москвы вѣрно для всеподданнѣйшаго поднесенія, и еще старой печати Русскую книгу о Франмасонахъ, вѣроятно для какого нибудь вельможи.

Будучи избалованъ вами, я заключаю мое письмо новою къ вамъ покорнѣйшею просьбою: не можете ли вы мнѣ доставить Новой Завѣтъ на лучшей веленевой бумагѣ, переплетенный въ простой бумажкѣ, дабы я могъ переплесть его по своему вкусу. Здѣсь продаютъ на самой толстой послѣдняго изданія. Желалъ бы также получить скорѣе и академическую книжку.

За тѣмъ мысленно цѣлую васъ и пребуду навсегда и пр.

Москва
Янв. 27 го 1820

44.

Посылаю къ вамъ при семъ требованную вами бездѣлку, любезнѣйшій А. И. Посылаю единственно изъ признательности за ваши подарки, и въ то же время боюсь, чтобъ она не заставила кого нибудь назвать меня *пустымъ человѣкомъ*, или чтобъ кто нибудь не подумалъ, что я писалъ это въ старости лѣтъ моихъ.

Кн. Вяземской развеселилъ меня письмомъ своимъ. Сдѣлайте милость попросите его отъ меня, чтобъ онъ прислалъ ко мнѣ Mémoires de Bonaparte. Я слышалъ, что Ласъ-Казасъ уже выдалъ ихъ въ Парижѣ. Другимъ путемъ сюда они придутъ не скоро, а можетъ быть и никогда.

Видно, письма мои не дошли ни до Блудова, ни до Кривцова. Одинъ не отвѣчалъ, а другой пересталъ писать. Ежели вы переписываетесь съ послѣднимъ, то прошу васъ увѣдомить его, что я отвѣчалъ ему, и уже очень давно. Будучи обязанъ его ласкою, я не хотѣлъ бы оставаться у него въ виноватыхъ.

Для масленицы довольно исписать и страницу. И такъ примите увѣреніе въ отличномъ почтеніи, съ которымъ навсегда къ вамъ пребудетъ и пр.

Москва
Февраля 1-го 1820

Пушкинъ все еще не развязался съ подагрою.

45.

Москва. Февраля 12-го 1820

М. г. и любезный А. И. Я просилъ васъ о доставленіи мнѣ Новаго Завѣта послѣдняго библійскаго изданія на Славянскомъ и простонародномъ языкахъ, въ двѣ колонны, и на лучшей веленевой бумагѣ. На простой я уже имѣлъ два экземпляра, а этимъ экземпляромъ хочется украсить мою библіотеку.

Кажется, вы еще не получили благадарности моей за программу о новомъ Педагогическомъ училищѣ. Подавай Богъ больше ума и авторовъ.

Что вздумалось Вяземскому обогащать уже и Измайлова прекрасными стихами? Я не хотѣлъ бы, чтобъ онъ для всѣхъ журналистовъ былъ щедръ. Пускай бы одинъ только журналъ былъ хранилищемъ лучшаго.

Жаль канцлера и жалѣю, что онъ поѣхалъ въ Новгородъ. Въ П. б. онъ бы лучше могъ быть развлеченъ и упокоенъ,

чѣмъ на угрюмыхъ берегахъ Волхова, посреди незнакомыхъ.

За тѣмъ мысленно васъ обнимаю и съ душевнымъ почтеніемъ пребуду навсегда и пр.

46.

Я уже въ отчаяніи, когда и чѣмъ заслужу всѣ ваши одолженія, любезнѣйшій А. И. Искренно благодарю васъ за Евангеліе и за прекрасный переплетъ; равно и за присылку прекраснѣйшаго перевода изъ Антологіи. Это совершенство Русской версификаціи: какая гибкость, мягкость, нѣжность и чистота! Словомъ, Батюшковъ владѣетъ языкомъ по произволу. Искренно уважаю талантъ его. Съ тою же искренностію отдаю справедливость и фр. переводчику. Ежели эксемпляръ мой надписанъ Уваровымъ, то прошу васъ сказать ему чувствительную благодарность мою за драгоцѣнный подарокъ (¹).

Порученіе ваше передалъ А. Ѳ. М. Онъ сказалъ, что все будетъ сдѣлано.

Бывъ на мѣстѣ добраго и нещастнаго Лудовика XVIII, я плюнулъ бы на Францію и скрылся опять въ Англію. При всемъ умѣ Фр. они становятся мнѣ гадки, и камерные лепетуны, и ихъ журналисты-протеи (²). Однакожь присылайте скорѣе Прадта и переписку Жозефины.

Съ душевнымъ почтеніемъ преданный вамъ И. Д.

Москва
Февр. 25. 1820.

(¹) Въ 1820 году напечатана была въ 75 экземплярахъ книжка: „О греческой антологіи," въ которой стихи принадлежали Батюшкову, французскій стихотворный переводъ и проза — Уварову. *М. Л.*

(²) Негодованіе Дмитріева на Французовъ вызвано было злодѣйскимъ убіеніемъ герцога Беррійскаго, павшаго отъ кинжала Лувеля 1/13 февр. 1820. *М. Л.*

47.

М. г. любезный А. И. Милліонъ благодарностей за ваши два письма и доставленіе книгъ отъ любезнаго поэта. Надѣюсь, что вы не откажетесь одолжить меня доставленіемъ къ нему прилагаемаго при семъ письма, когда вы сами будете писать къ нему.

Вѣчная память доброму и честному Вейдемееру (¹). Предчувствую, что ровесникъ мой не замѣшкаетъ прислать ко мнѣ стихотворный свой плачь по сему случаю. Читали ли вы IV ном. *Благонамѣреннаго?* (²) Мнѣ кажется въ первой піесѣ подъ заглавіемъ *Разсказы Лужницкаго старца* присланной изъ М., мечено на Н. М. Какіе скареды! Въ безсиліи своемъ начали опять перебирать *Московскій Журналъ* и вытаскивать оттуда фразы и рѣченія, примѣшивая, можетъ быть, и фразы Шаликова и Макарова, Измайлова, и все это конечно въ угодность Каченовскому!! До чего дойдетъ наша литераттура, есть ли вся молодежь, еще зыбкая въ своихъ понятіяхъ, обольстится внушеніемъ Зоила, котораго она уже и такъ признаетъ своимъ оракуломъ; естьли и впередъ ни цензоры не будутъ пропускать, ни журналисты добровольно печатать никакихъ возраженій противъ неприкосновеннаго крохобора? Когда это продолжится, то легко можетъ кончиться тѣмъ, что Кутузовъ признанъ будетъ Пиндаромъ, Хвостовъ Виргиліемъ, а Чер. (³) Титъ-Ливіемъ. Случилось ли вам чи-

(¹) Иванъ Андреевичъ Вейдемейеръ управлялъ текущими дѣлами министерства иностранныхъ дѣлъ; далѣе подъ именемъ ровесника Дмитріевъ разумѣетъ вѣроятно гр. Хвостова.

(²) Статья, о которой говоритъ Дмитріевъ находится въ 4 мъ (февральскомъ) номерѣ Благонамѣреннаго 1820 г. *М. Л.*

(³) „Древняя и новая всеобщая исторія", вѣроятно книга Шрека, переведенная И. Е. Черепа-

тать въ третьемъ томѣ его древней и новой Всеобщей Исторіи о войнѣ 812 года? Трудно повѣрить, чтобъ это было писано нынѣшнихъ временъ профессоромъ. Чѣмъ нападать на единственнаго у насъ Кар., лучше бы исправить своего собрата.

Простите, любезный А. И., естьли я вамъ наскучилъ, а можетъ быть и смѣшнымъ кажусь. Чувствую самъ, что лучше бы молчать, подражая великодушному Карамзину. Но это выше силъ моихъ: невольно волнуюсь и киплю отъ всего низкаго и несправедливаго.

Съ душевнымъ почтеніемъ преданный вамъ И. Д.

P. S. Всякую назначенную для пересылки книгу я прошу васъ предварительно давать Натальѣ Яковлевнѣ.

48.

Посылаю къ вамъ, м. г. мой и любезнѣйшій А. И., письма къ Сѣверину и кн. Вяземскому. Первое покорнѣйше прошу васъ незамедля отправить къ Стурдзѣ. Мнѣ хочется, чтобъ Сѣверинъ засталъ его на порогѣ въ Россію т. е. въ Бѣлоруссію, куда онъ вѣроятно уже подвигается. Еще препровождаю къ вамъ при семъ сто пятьдесятъ рублей въ особливомъ пакетѣ, на покупку для меня книгъ, означенныхъ въ приложенной при семъ запискѣ и для пересылки остальныхъ къ кн. Вяземскому для такого же употребленія. Ежели вамъ не удастся найти въ П. б. нѣкоторыхъ, то покорнѣйше прошу васъ поставить ихъ на видъ кн. Вяземскому. Можетъ быть, онъ отъищетъ ихъ въ Варшавѣ. Нельзя ли прислать и остальные артикулы Кр. Луазона (въ Курьерѣ) на исторію Н. М? Вы раздразнили мое любопытство, такъ отъ васъ и ожидаю уврачеванія. За тѣмъ свидѣтельствуетъ вамъ душевное почтеніе и пр.

Москва
Маія 31-го (1820).

49.

Москва. Іюня 18. 1820.

М. г. любезный А. И., простите меня, что я, писавъ къ вашему стояльцу, отложилъ писать къ вамъ до другой почты: право мнѣ помѣшали. Извѣстіемъ объ Сѣверинѣ вы и порадовали меня и огорчили. Порученіе дѣлаетъ ему большую честь, но можетъ быть я уже не доживу до его возвращенія въ Россію. Остается желать ему счастія, гдѣ бы онъ ни былъ.

Между тѣмъ какъ вы восхищаетесь пѣніемъ Каталани, мы довольны и тѣмъ, что услышали Самойлова, который очень усовершилъ себя и въ пѣніи и въ самой игрѣ, съ тѣхъ поръ какъ я переселился въ Москву. Сандунова же, кажется, только сберегла зубы и прибавилась въ тукѣ.

Говоря о талантахъ, можно ли позабыть неутомимаго Хвостова? Наконецъ постоянное его терпѣніе, которое, помнится, Бюфонъ признаетъ Геніемъ, отмѣтило его знакомъ? Наконецъ, наши журналисты, столько лѣтъ отвергавшіе добровольныя его приношенія, наперерывъ печатаютъ его мадригалъ Каталани. Въ *Соревнователѣ* уже сравниваютъ его съ Державинымъ, и самъ *Благонамѣренный* доказываетъ свою признательность за подписку на 10 экс. (¹). Вѣроятно, что это счастливое направленіе частію далъ и Каз. университетъ. Онъ первый разбиралъ красоты его. Увидите, что еще до снѣга онъ будетъ у насъ Геній. Пришлите мнѣ скорѣе

новымъ (3 ч. 1814—1815), съ дополненіями. Онъ былъ профессоромъ университета съ 1799 до кончины своей (1823). *М. Л.*

(¹) Извѣстно, что гр. Хвостовъ закупалъ себѣ похвальные отзывы журналистовъ, подписываясь на нѣсколько экземпляровъ ихъ изданій. *П. Б.*

продолженіе извѣстной вамъ рецензіи Курьера, артикулъ второй и пр.

Я съ удовольствіемъ вижусь съ Румянцовыми. Канцлера обступили наши антикваріи и букинисты: сносятъ къ нему кучами все старопечатное и манускрипты.

Простите, любезнѣйшій мой корреспондентъ. Съ душевнымъ почтеніемъ цѣлуетъ ваше превосходительство преданный вамъ И. Д.

P. S. Тѣ же самыя искреннія привѣтствія свидѣтельствую и вамъ, любезный князь Петръ Андреевичь. Я забылъ поблагодарить васъ и за эпиграму. Она замысловата, только я увѣренъ, что переводъ не его.

50.

Покорнѣйше благодарю васъ, почтенный и любезный А. И., за послѣднее ваше письмо; только позвольте дружески попенять вамъ, что не прислали ко мнѣ *Руслана*. Я не уничтожалъ его, а только отозвался, что въ напечатанныхъ отрывкахъ еще ничего не видѣлъ чудеснаго или необыкновенно хорошаго. Можетъ быть, въ цѣломъ онъ и прекрасный; по крайней мѣрѣ я искренно того желаю.

Сдѣлайте милость, доставьте прилагаемую при семъ записку къ кн. П. А. Вяз. съ покорнѣйшею моею прозьбою прислать мнѣ означенныя въ ней книги.

Вчера простились мы съ чудесною Каталани. Не распространяюсь о *магическомъ* ея талантѣ. Все это изъяснено въ прозѣ и стихахъ кн. Шаликова и въ катренѣ В. Л. Пушкина. Читайте Моск. газеты. Соловьи наши, не дождавшись послѣдняго концерта, порхнули въ деревню къ Сонцову читать еще тепленькіе свои катрени.

Душевно почитающій васъ Дмитріевъ.

Августа 2-го 1820.

51.

Чувствительно благодарю васъ, м. г. А. И. за ваше письмо и доставленіе пріятныхъ стиховъ В. А. Жуковскаго и послѣдней строфы Воейкова. Она прекрасна и точь въ точь: первыя же двѣ не стоютъ и пересылки. Жаль, что онъ оставилъ университетъ, не получа достойнаго возмездія за переводъ «Садовъ» и «Вѣка Людовика XIV.» Онъ уже одними этими двумя переводами гораздо болѣе заслуживалъ академическихъ креселъ или отличія чѣмъ многіе.

Пожелайте Василію Андреевичу отъ меня счастливаго пути и скорѣйшаго къ намъ возврата. Надѣюсь, что онъ, побывавъ въ отчизнѣ Шиллера, Клейста, а можетъ быть и Виланда, воспламенитъ насъ обѣщанною поэмою во вкусѣ Оберона.

Ежели Гречь будетъ журналъ свой издавать на прежнихъ правилахъ, то не пособитъ ему ни Воейковъ, ни прочіе. Одни хорошіе стихи, сколько ни напихай ихъ въ тетрадку, еще не составятъ журнала. Журналистъ не есть дрягиль, чтобъ не сказать хуже, который обязанъ только сваливать съ спины своей въ типографію чужіе тюки. Онъ долженъ и самъ мыслить; долженъ быть патріотомъ, наблюдателемъ, литтераторомъ, умѣющимъ писать легко и пріятно, строгимъ оцѣнщикомъ въ словесности и безпристрастнымъ посредникомъ въ авторскихъ тяжбахъ, а не деспотомъ какъ Кач., который самъ бранитъ и глумитъ сколько хочетъ, а возраженій не принимаетъ.

Досадно, что Вяземскій пустился по двумъ дорогамъ и самъ себѣ мѣшаетъ. Вотъ мой герой! Онъ одинъ только у насъ могъ бы выдавать журналъ похожій на Европейской.

Положеніе Николая Михайловича и его семейства мѣшаетъ мнѣ быть спокойнымъ. Сдѣлайте одолженіе, не откажитесь увѣдомить меня объ немъ. Я не пишу къ

нему потому только, что теперь ему не до моихъ писемъ. Доселѣ я уважалъ только С. С. Уварова, а теперь узнавъ ближе, полюбилъ его и уважаю вдвое. Съ тѣми же чувствами и къ вамъ прекращаю мое письмо и пребуду навсегда и пр.

Москва. Августа 18-го дня 1820.

52.

Чувствительно благодарю васъ, м. г. А. И., за дружеское ваше письмо и новую милость, оказанную вами Франку. Отъ сердца желаю, чтобъ онъ столько же вамъ угождалъ своими качествами, сколько угождалъ мнѣ братъ его. Благодарю васъ равно и за сообщеніе политическихъ и литтературныхъ новостей. Судя по однимъ фр. брошюрамъ и нѣкоторымъ журналамъ, можно было думать, что во Франціи таится огонь подъ пепломъ. Нетерпѣливо желаю знать, кто первые заговорщики. Что то Бенж. Констанъ? Что то маршалы? Неужели всѣ окажутся чистыми? Невѣроятно.

Не можно ли выписать и мнѣ Portraits pittoresques черезъ к. Вяземскаго. Въ настоящихъ хлопотахъ онъ ничего ко мнѣ не присылаетъ, а у книгопродавцевъ нашихъ совершенная скудость. Ежели будете писать къ князю, прошу васъ сказать ему, чтобъ онъ между прочимъ прислалъ мнѣ Mémoires sur la vie et les écrits de M. Suard 2 vol., вторую часть Sur les cent jours, и все, что выйдетъ о новомъ заговорѣ во Франціи. Новости часто мнѣ досаж даютъ, мѣшая перечитывать старину, а все таки хочется новостей.

Я опять виноватъ передъ вашей матушкой: давно у нея не былъ; но очень желаю и надѣюсь скоро ее увидѣть. Между тѣмъ, свидѣтельствуя душевное почтеніе любезнымъ ея чадамъ, пребуду навсегда в. пр. преданнѣйшимъ слугою И. Д.

P. S. Руслана все еще не вижу и не слышу. Какое мщеніе!

Москва. Сентября 1-го 1820.

53.

Разрѣшаю, разрѣшаю васъ говорить все, что придетъ вамъ на умъ и сердце, любезнѣйшій А. И. Письма ваши всегда для меня занимательны: они освѣжаютъ меня. Увѣренъ, что заграничнымъ друзьямъ столько же пріятно слышать чрезъ васъ о родимой сторонушкѣ. Порадуйте ихъ между прочимъ — успѣхами нашей словесности и позднею славою Грифона-Графова. Теперь всѣ наши журналы гремятъ объ немъ: въ одномъ (*Отеч. Зап.*) печатаютъ описаніе храма его въ *Выползовой* слободкѣ, рядомъ съ описаніемъ храма Исакія Далматскаго, въ другомъ (*Нев. Зрит.*) надпись къ портрету его вмѣстѣ съ надп. къ портр. Исторіографа (Но правда ли, что всѣ наши журналы *Сборники*?) Наконецъ въ нѣсколькихъ газетахъ извѣщаютъ о нов. изд. путешествія его къ сосѣдственной рѣкѣ Пашѣ, съ переводомъ нѣмецкимъ. Даже и въ отечествѣ нашемъ Симбирскѣ первый тамошній маляръ списываетъ для всѣхъ на холстъ въ большомъ видѣ съ перваго виньета къ баснямъ Измайлова... Но удержимъ невольный восторгъ и оставимъ его съ вашими журналистами въ братскомъ союзѣ.

Радостная ваша вѣсть о присылкѣ ко мнѣ книги только что раздразнила мое любопытство. Я еще не получилъ ее, да и сомнѣваюсь получить скоро: милый мой другъ Н. М. въ такихъ случаяхъ не слишкомъ бывалъ исправенъ.

Порученное вами на щетъ А. Г. передалъ мужу ея; скоро и самой повторю лично. Они на дняхъ только переселились въ Москву.

Присылайте же скорѣе обѣщанную книгу; не задерживайте и впредь будущія. Они и письма друзей моихъ только и услаждаютъ унылые дни старика, который сохранитъ навсегда къ вашему

превосходительству и любовь и пріязнь и душевное свое почтеніе.

Москва. Сент. 12-го 1820.

P. S. Любопытенъ видѣть письмо Блудова къ Воейкову. Оно еще не дошло до меня.

54.

Вѣсти ваши и хороши и худы, любезный А. И. Однихъ поздравляю, о другомъ сожалѣю. Лучше бы онъ, нахлобуча колпакъ, посидѣлъ въ тепломъ кабинетѣ, да приготовлялъ матеріалы для франц. журналистовъ, и не въ коляскѣ, а въ креслахъ подвигалъ себѣ къ безсмертію. Но наши авторы, столько же какъ и авторчики, не посѣды. Сѣверинъ по пріѣздѣ въ Петербургъ изъ Тріеста не почтилъ меня ни строчкою, хотя и нашелъ досугъ писать къ молодому К. Трубецкому. Теперь и пуще заспѣсивитъ.

Варшавскихъ книгъ по сю пору еще не получилъ. Я отгадалъ, что они увязнутъ у любезнаго друга. Убѣдительно прошу васъ скорѣе выручить и доставить. За тѣмъ мысленно обнимаетъ ваше превосходительство преданный вамъ навсегда И. Д.

Москва
Сент. 15-го 1820.

55.

Благодарю васъ, любезнѣйшій А. И., за доставленіе прекрасной рѣчи. Въ то же время получилъ и отъ Сѣверина другой эксемпляръ. Буду теперь ждать перевода и вздыхать о той книгѣ, которою вы меня подразнили. Она засѣла у милаго Н. М. и увы, можетъ быть уже дойдетъ когда нибудь до меня, хотя и въ той же легкой одеждѣ, но довольно поношенной.

Кто поссорилъ меня съ *Воейковымъ*, будто я сердитъ на него, что онъ *расхвалилъ молодаго Пушкина*? Не только не думалъ о томъ, но еще хвалилъ его, что онъ умѣлъ выставить удачнѣе самого автора лучшіе стихи изъ его поэмы. Я не критиковалъ и прежнихъ образчиковъ, а только давалъ вамъ чувствовать, что по предварительной молвѣ ожидалъ чего-то большаго. Напротивъ того въ разборѣ Воейкова съ удовольствіемъ увидѣлъ два–три мѣста истинно–піитическія и въ большомъ родѣ. Пушкинъ былъ поэтъ еще и до поэмы. Я, хотя и инвалидъ, но еще не лишился чутья къ изящному. Какъ же мнѣ хотѣть унижать талантъ его? Нетерпѣливо хочу знать объ Н. М. Всякой разъ болѣзнь его не на шутку меня пугаетъ. Преданный вамъ И. Д.

Москва. Сент. 19-го 1820

56.

Записка на лоскутѣ, безъ числа.

Ради Бога, извините меня, А. И., что я не исполнилъ ни вашей, ни матушкиной коммиссіи, потому что у меня одинъ только и есть слуга, который посланъ на почту, и еще не пришелъ, а мнѣ самому крайняя нужда докончить еще мои визиты. Почему и возвращаю вамъ и билеты и деньги, чтобъ вы не могли пропустить время.

57.

Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ, любезный А. И., за пріятное ваше письмо, и взаимно желаю вамъ въ продолженіе наставшаго и послѣдующихъ годовъ возможнаго благополучія. Вчера я имѣлъ удовольствіе два раза видѣть вашу матушку поутру въ ея домѣ, а вечеромъ у П. А. Толстова и видѣть любезнаго Петербургскаго гостя, котораго надѣюсь и сегодня вечеромъ видѣть у себя за чаемъ.

Какъ нетерпѣливо желаю взглянуть на 2-й № *Сына Отечества*! (1) Но, увы, мы

(1) Въ этомъ 2-мъ номерѣ Сына Отечества 1821 (отъ 8 янв.) находится извѣстное Посланіе кн. Вяземскаго къ Каченовскому.

еще и перваго не дождалися! Спасибо моему любимому Поэту!. Не тщетно было на него мое упованіе! *Таковской* недавно чрезвычайно хвалилъ мнѣ въ клубѣ переводъ Графова Буаловой Сатиры, думая тѣмъ досадить мнѣ. Теперь я буду въ свою очередь хвалить ему и заставлю его слушать „Посланіе".

В. Л. теперь на ногахъ, впредь до подагры. Все сбирается къ вамъ, мимоходомъ. Между тѣмъ нѣкоторымъ шепчетъ par confidence, что онъ ѣдетъ въ чужіе краи, и другимъ, что онъ переводитъ одну изъ Байроновыхъ поэмъ, изъ которой дѣйствительно давно уже читаетъ 8 начальныхъ стиховъ. Но я думаю, и то и другое будетъ питать только его мечтанія.

Съ душевнымъ почтеніемъ обнимаетъ в. прев. покорнѣйшій слуга И. Д.

Москва
Янв. 9 1821.

58.

Милостивый государь любезнѣйшій А. И. Чувствительно благодарю васъ за два послѣднія ваши письма, оба равно для меня пріятныя, и за сообщеніе мнѣ литтературныхъ новостей. Весело мнѣ слышать, что Батюшковъ здоровъ и живетъ подъ Авзонскимъ небомъ не верхоглядомъ. Увѣренъ, что онъ произведетъ что нибудь достойное его таланта.

И такъ, ни рѣчи, ни стиховъ, и все кончится переводомъ. Спасибо Карамзину, что успѣлъ что нибудь приготовить *свое*. Право, онъ богатырь нашъ. Это говоритъ не дружба, а сердце патріота.

Добрый Пушкинъ уже отложилъ свою поѣздку. Наканунѣ новаго года онъ было разбодрился въ маскарадѣ кн. Барятинскаго: одѣтъ былъ Сатурномъ и всюду металъ французскіе стихи; а теперь опять въ подагрѣ, и лежитъ... Извѣстны ли вамъ слѣдующіе стихи:

Кремнистый, глинистый, цикорный и глицинный,
Итрійскій, тальковый, ториновый, стронцинный.
Одна лишь кислота родъ оный растворяетъ..
Другой сморкаяся текучей мокротою...
При окисленіяхъ являетъ запахъ, пламень.

Всю эту ученую кислоту вы можете найдти какъ въ губкѣ въ посланіи къ Ломоносову графа Хвостова. Мнѣ сдается, что онъ представитъ его въ Академію для прочтенія въ торжественномъ собраніи.

Нельзя ли потѣшить молодаго поэта, и передать его стихи при семъ препровождамые *Сыну Отечества*: буду вамъ за то благодаренъ. Между тѣмъ мысленно васъ обнимая, съ душевнымъ моимъ почтеніемъ навсегда имѣю честь быть и пр.

Москва
Января 12-го 1821.

59.

Чувствительно благодарю васъ, почтенный и любезный А. И., за письмо и приложенія. Сейчасъ только получилъ и прочиталъ второй номеръ. Вяземской оправдалъ мою надежду. Онъ показалъ талантъ и душевную энергію. Люблю Жук. и Батюш. по прежнему. Но да не прогнѣваются они: Вяз. въ сердцѣ моемъ первое мѣсто.

К. Шаликовъ уже началъ было оправливаться послѣ долговременной болѣзни, отъ которой онъ съ каждымъ днемъ изчезалъ. Но обозрѣніе журналовъ погрузило его въ уныніе, и я боюсь, чтобъ онъ опять не зачахнулъ. Отдайте А. Ѳ. Воейкову прилагаемые при семъ стихи, и скажите ему, что онъ утѣшитъ меня, есть ли напечатаетъ ихъ въ С. О. Они право не дурны(1). Пускай обсахаритъ тѣмъ огорченнаго имъ поэта.

---

(1) Это стихотвореніе кн. Шаликова на день рожденія имп. Елизаветы Алексѣевны напечатано въ Сынѣ Отеч. 1821, ч. 67, стр. 224, № 5 отъ 29 генв. *С. П—ій.*

До свиданія, любезнѣйшій корреспондентъ.

Москва
Янв. 16-го
1821.

P. S. Какой то Георгіевской прислалъ ко мнѣ Взглядъ на пѣвца Кубры, и увѣдомляетъ меня, что намѣренъ выдавать какой-то «Ковчегъ» для пѣвца Кубры, а съ нимъ хочетъ засадить между прочими и меня нижайшаго. Нельзя ли постараться, чтобъ онъ оставилъ меня въ счастливой неизвѣстности? Онъ самъ говоритъ, что ему 18 лѣтъ, а мнѣ уже за 60. Каково же мнѣ видѣть себя въ его клѣткѣ, на показъ публикѣ? Это я говорю между нами, а вы только постарайтесь.

60.

Искренно сожалѣю, любезный А. И., услыша сего дня отъ Пашкова, что вы нездоровы. Дай Богъ скорѣе услышать отъ васъ лучшія вѣсти.

Достанется же Вяземскому съ Воейковымъ! Каченовской печатаетъ Эпистолу перваго въ первой книжкѣ своего сборника, вмѣстѣ съ своимъ отвѣтомъ. А Волковъ ([1]) тутъ же помѣщаетъ грозный протестъ противъ Обозрѣнія журналовъ. Онъ увѣряетъ, что стихи Вяз. никуда не годятся, да и самъ Карамзинъ не заслуживаетъ своей славы. Утѣшно ли мнѣ жить въ такой семьѣ и слушать такъ часто подобныя враки здѣшнихъ нашихъ словесниковъ? Ежели у насъ не будетъ безпристрастнаго и умнаго журналиста, ежели будутъ позволять пачкунамъ явно глумить надъ талантомъ безъ малѣйшаго къ нему уваженія: повѣрьте, что это будетъ имѣть весьма вредное вліяніе на образованіе нашего юношества.

P. S. Еще не вытерплю. Видѣли вы послѣднюю книжку В. Е? Каченовской такъ обрадованъ, что старикъ Гофманъ не слишкомъ приласкалъ Карамзина, что тотъ часъ перевелъ его статью и напечаталъ съ исключеніемъ нѣкоторыхъ рѣчей изъ текста и съ прибавкою своей ироніи. Вотъ патріотизмъ нашихъ Русскихъ профессоровъ!

Москва января 30-го 1821.

([1]) Александръ Абрамовичъ, сочинитель поэмы *Освобожденная Москва*, 1820. *С. П—ій.*

61.

Москва, февраля 14-го 1821.

М. г. и любезнѣйшій А. И., чувствительно благодарю васъ за два письма и приложенія, равно и за всѣ новости, особенно же за послѣднюю. Дай Богъ новорожденной и пригожество и здоровье, и умъ и сердце, скажу даже и счастіе тятеньки и маменьки. Пусть довольна будетъ домашнимъ добромъ. Пожелаемъ только ей со стороны добраго и не бѣднаго мужа.

Оба гостинцы очень хороши: жаль только, что Вяз. шевельнулъ прахъ двухъ старыхъ поэтовъ. Перваго мы уже привыкли уважать, и справедливо; а послѣдняго грузные томы почіютъ наравнѣ съ нимъ сномъ непробуднымъ, слѣдственно и вреда не приносятъ Лучше бъ нападать на тѣхъ, которые еще дышатъ, и могутъ развращать вкусъ юныхъ учениковъ, уловленіемъ разными ухищренными приманками неопытныхъ писачекъ и составителей сборниковъ, для распространенія объ нихъ молвы по всѣмъ уѣздамъ имперіи.

Кажется по всему, что скоро вспыхнетъ война и между двумя журналами. Авось Воейковъ разгорячится за себя и ошибетъ крылья досточтимому каплуну нашей словесности! Видѣли ли вы замѣчанія къ посланію Вяземскаго? И его то боятся наши Геніи! И онъ-то надѣется затмить труды Карамзина! И этого мало, что я самъ занимаюсь, но еще и вамъ скучаю такими пустяками, когда бы мнѣ прежде всего должно было изъявить

участіе въ вашей болѣзни и пожелать вамъ скорѣйшаго выздоровленія!

Повѣрьте, любезный, что искреннее беру участіе и всѣмъ сердцемъ желаю скорѣе видѣться съ вами пока здѣсь, а тамъ и въ Петербургѣ. Съ симъ искреннимъ желаніемъ заключаетъ васъ въ свои объятія и пр.

P. S. Любопытенъ бы видѣть Биньона. Нельзя ли дать знать о томъ В?

62.

Чувствительно благодарю васъ, почтенный и любезный А. И., за сообщеніе мнѣ выписки изъ письма С. И. Увѣряю васъ, что я столько же беру въ немъ участія, какъ и въ Дашковѣ. Слава Богу, что Катерина Семеновна сколько нибудь утѣшена полученіемъ письма его. Чѣмъ-то все это кончится?

Возобновляю благодарность мою и за портретъ Н. М. Третьяго дня только получилъ его отъ г. Молчанова. Вы часъ отъ часу болѣе лакедемонитесь: пишете кратко и о домашнихъ новостяхъ ни слова; такъ докажу вамъ, что я и самъ не изъ Абдеры.

В. превосх. искренній почитатель и покорнѣйшій слуга Ив. Дм.

63.

Повторяя мою благодарность за доставленіе ко мнѣ Жуковскаго перевода Англо-Индійской поэмы, прошу васъ, м. г. А. И., принять и отъ меня въ гостинецъ Московской переводъ Виргиліевыхъ Георгикъ. Онъ лишь только отпечатанъ, и еще не объявленъ публикѣ. Ник. Михаиловичь порадовалъ меня обѣщаніемъ прислать 9-й томъ его Исторіи. Сдѣлайте одолженіе постарайтесь, чтобъ я скорѣе получилъ его. Всѣмъ сердцемъ желаю, чтобъ вы были спокойны на щотъ Сергѣя Ивановича и по прежнему любили искренею почитающаго васъ и покорнѣйшаго слугу и пр.

64.

Какъ я доволенъ, любезный А. И., что наконецъ вы меня вспомнили! Доволенъ и тѣмъ, что вы увѣдомили меня о Дашковѣ, о которомъ я уже начиналъ думать, что онъ или погибъ отъ Аравитянъ или постригся въ Палестинѣ. Да сохранитъ его Богъ и отъ булата Янычарскаго! Очень живо представляю себѣ и ваше безпокойство на счетъ Сергѣя Ивановича. Буду сколько можно осторожнѣе при Катеринѣ Семеновнѣ.

Благодарю васъ и за новый переводъ съ Англійскаго «досточтимаго Василія Андреевича Жуковскаго», какъ отозвался объ немъ въ послѣдней книжкѣ *Благонамѣреннаго* замысловатый Александръ Ефимовичь. Завтра начну читать *Пери*, и непремѣнно въ саду, подъ открытымъ небомъ, можетъ быть и подъ алою радугою: ибо сію минуту послѣ самаго жаркаго дня начинаетъ сверкать молнія и скопляются тучи.

Поздравляю васъ съ пріѣздомъ кн. Вяземскаго, который повезъ къ вамъ и Василья Львовича въ своемъ портфелѣ. Я очень радъ, что дядя сдержалъ свое слово, и выдалъ свои творенія прежде племянника.

Съ душевнымъ почтеніемъ пребуду навсегда и пр.

Москва
Мая 17-го (1821 года).

65.

М. г. А. И. Слава Богу, все добрыя вѣсти! Остается намъ поздравлять другъ друга, а мнѣ при томъ искренно поблагодарить васъ за возобновленіе вашей переписки. Признаюсь, что я не зналъ чему приписать скоропостижную вашу ко мнѣ остуду, не чувствуя себя ни дѣломъ, ни словомъ виновнымъ передъ вами.

Я недавно писалъ съ Дашкову и поручилъ ему сказать мой искренній поклонъ Сергѣю Ивановичу. Хочется побы-

вать скоро у Катерины Семеновны и взять участіе въ ея радости. Какъ она бѣдная терпѣла! Увѣренъ, что и вамъ не легко было. Забудемъ прошлое и будемъ ждать милыхъ гостей нашихъ. Между тѣмъ прошу васъ любить земляка вашего по прежнему и быть увѣреннымъ въ искреннемъ почтеніи и преданности, съ которыми навсегда къ вамъ пребудетъ и пр.

Москва. Сентября 7-го 1821.

66.

М. г. А. И. Нѣкогда вашимъ стараніемъ одинъ изъ племянниковъ моихъ помѣщенъ былъ въ Пажеской корпусъ на его содержаніи. Будьте также покровителемъ и другому. Покорнѣйше прошу васъ вручить прилагаемое при семъ письмо князь Александру Николаевичу и присоединить къ моей прозьбѣ и собственную вашу. Я нарочно посылаю пакетъ за открытою печатью, дабы вамъ узнать о содержаніи моей прозьбы, а мнѣ не обременять васъ повтореніемъ оныя.

Не излишнимъ также считаю приложить при семъ на всякой случай и другія бумаги, относительно моего племянника.

Я рѣшился отправить его въ П. б., потому что въ Московскихъ пансіонахъ вообще науками по губамъ только мажутъ, особенно же въ партикулярныхъ, да и обучаютъ не всѣмъ наукамъ, какія требуются при экзаменѣ въ корпусѣ. Учить же на дому, ни по моему малому достатку, ни по его собственному, который еще меньше, ибо у него есть еще двѣ сестры, никакъ не въ состояніи. Какъ бы я желалъ, чтобъ приняли его, сколько можно, скорѣе; ибо въ случаѣ отказа до первой ваканціи не знаю гдѣ ему жить: на особой квартирѣ по возрасту его не безопасно; а у сестры моей Смирновой нѣтъ лишняго угла. Она приняла въ домъ свой зятя (барона Шлипенбаха), и сама теперь тѣснится.

Прошу васъ дать знать о хлопотахъ моихъ и любезному Николаю Михаиловичу, когда пройдетъ болѣзнь его. Можетъ быть, и онъ употребитъ свое содѣйствіе.

Какъ тяжела была для меня и Вяземскаго прошедшая недѣля! Теперь Плутархъ мой съ вами. Кланяйтесь ему и любезнымъ вашимъ братцамъ; напомните Сергѣю Ивановичу о Маржеретѣ и примите искреннее увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности съ которыми имѣю честь быть и пр. И. Д.

P. S. Прошу васъ также поклониться Жуковскому, Блудову и Норову, и сообщить послѣднему, что я еще не получилъ посланныхъ отъ него книгъ, почему и медлю моимъ отвѣтомъ.

Москва. 1823. Іюня 19 дня.

67.

М. г. А. И. Спѣшу принести вамъ чувствительную благодарность мою за пріятное ваше письмо и новый опытъ вашей ко мнѣ пріязни. Какъ вы добры и милы! Даже предупредили мою къ вамъ прозьбу! Достойная отрасль Ивана Петровича! Я право лучше не могу похвалить васъ, ни изъяснить мою признательность. Надѣюсь, что вы одолжите меня и увѣдомленіемъ о послѣдствіи.

Сердечно жаль Батюшкова. Слава Крылову, и хвала сердобольной покровительницѣ! Какая польза для талантовъ! Сказываютъ, и Графовъ занемогъ было. Виноватъ: я подумалъ, не пытался ли онъ получить уголокъ хотя на фермѣ.

Прошу васъ кланяться любезнымъ вашимъ братцамъ и принять увѣреніе въ искреннемъ мое почтеніи и пріязни, съ коими навсегда имѣю честь пребыть и пр.

Москва. 1823 Іюля 1-го.

РУССКІЯ ПЫТКИ.

Историческій очеркъ.

Статья эта составляетъ часть большаго неизданнаго изслѣдованія о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, написаннаго по поводу извѣстной книги академика Устрялова. ***П. Б.***

Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (1) нѣтъ описанія самыхъ пытокъ, а говорится только: „воровъ (преступниковъ) сыскивать всякими сыски (пытками) на крѣпко, да будетъ сыщется про то до-пряма.“ Въ другихъ мѣстахъ Уложенія просто повелѣвается воровъ пытать. Уложеніе умалчиваетъ о томъ, какими орудіями производилась пытка и сколько разъ повторялась; въ одномъ лишь мѣстѣ (2) говорится о трехъ пыткахъ, что подсудимому, послѣ 3-й пытки оговаривающему другихъ — не давать вѣры.

У Олеарія, бывшаго въ Россіи при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, также нѣтъ описанія пытокъ, а говорится лишь, что обыкновенно по доносу пытаютъ сперва доносчика, откуда пословица: докащику первый кнутъ (3). Въ описаніи казни Тимоѳѣя Анкудинова (4), назвавшаго себя сыномъ царя Василія Ивановича Шуйскаго, говорится, что его, по прибытіи въ Москву, повезли прямо въ Разбойный приказъ и стали пытать, при чемъ описывается подробно, какъ приводили уличать самозванца мать и родныхъ его; но роды пытокъ вовсе не означены, и хотя у Олеарія есть подробное описаніе наказанія кнутомъ, даже съ изображеніемъ Красной площади, гдѣ эта казнь производилась, но о пыткѣ кнутомъ на дыбѣ или вискѣ нѣтъ ни слова (5).

У Кошихина (6) находимъ слѣдующія подробныя свѣдѣнія о пыткахъ, въ статьѣ о Разбойномъ Приказѣ: „А въ немъ сидитъ бояринъ или окольничій, да стольникъ, да дворянинъ, да два дьяка... и мастеры заплеч-

(1) Полное Собраніе Законовъ. Т. 1. № 1.

(2) Глава XXI, стр. 93.

(3) Снегиревъ, Русскіе въ своихъ пословицахъ, ч. III, стр. 171.

(4) Olearii, Reise-Beschreibungen, Hamburg, 1696, стр. 125.

(5) Олеарій говоритъ (3-я книга, 20-я глава, стр. 140, въ изданіи 1696, Гамбургъ): «Кнутъ есть по нашимъ понятіямъ варварское наказаніе. 24 сентября 1634 г. видѣлъ я, какъ наказывали 4-хъ человѣкъ и 1 женщину за нарушеніе великокняжескаго повелѣнія и за продажу табаку и водки. Передъ канцеляріей, называемой Новая четверть, раздѣли ихъ до пояса и одного за другимъ клали на спину помощнику палача, который держалъ ихъ за руки. Ноги же имъ связывали, и ихъ держалъ веревкой другой человѣкъ, такъ чтобы они не могли двигаться. За осужденнымъ въ трехъ шагахъ стоялъ палачъ и билъ его длиннымъ и толстымъ кнутомъ, изо всей силы, такъ что послѣ каждаго удара текла кровь ... Иныхъ важныхъ преступниковъ засѣкаютъ кнутомъ до смерти. При наказаніи находился дьякъ, который читалъ сколько каждому должно дать ударовъ, и когда назначенное число было дано, то онъ кричалъ: полно! Каждый изъ наказанныхъ получилъ отъ 20 до 25 ударовъ, женщинѣ же дали 16 ударовъ, и она упала въ обморокъ. На спинахъ наказанныхъ была совсѣмъ почти содрана кожа ... Говорятъ, что сѣченые кнутомъ лѣчатъ свои раны, прикладывая къ нимъ только что содранную съ барана кожу, еще теплую.»

Тогда вездѣ въ Европѣ существовали жестокія казни и пытки. Не смотря на это, однако Олеарій говоритъ, что кнутъ, по ихъ понятіямъ, есть варварское наказаніе. Что же сказалъ бы онъ, если бы видѣлъ пытку кнутомъ въ застѣнкѣ?

(6) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Гл. VI, статья 34.

ные (⁷); а будетъ тѣхъ мастеровъ на Москвѣ съ 50 человѣкъ, и дается имъ годовое жалованье (⁸).... а въ палачи на Москвѣ и въ городѣхъ ставятся всякого чину люди, кто похочетъ. И какого чину ни буди, князь или бояринъ, или и простой человѣкъ, изыманъ будетъ на разбоѣ, или въ татбѣ или въ зломъ дѣлѣ въ смертномъ убійствѣ, и въ пожогѣ и въ иныхъ воровскихъ статьяхъ, и приведутъ его на Москвѣ въ Разбойный или въ Земскій Приказъ, а въ городѣхъ въ Приказы жъ и въ Губную Избу; и кто будетъ былъ на розбоѣ и учинилъ убійство, или пожогъ и татьбу, а товарищи ихъ разбѣжались и не пойманы, и такихъ злочинцовъ въ праздники и въ иные дни пытаютъ и мучатъ безъ милосердія... Также и иныхъ злочинцовъ потому жъ пытаютъ, смотря по дѣлу, однажды, и дважды, и трижды, и послѣ пытокъ указъ чинятъ, до чего доведется.... А устроены для всякихъ воровъ пытки: сымутъ съ вора рубашку и руки его назади завяжутъ, подлѣ кисти, веревкою (обшита та веревка войлокомъ) и подымутъ его къ верху, учинено мѣсто, что̀ и висѣлица, а ноги его свяжутъ ремнемъ; и одинъ человѣкъ палачъ вступитъ ему въ ноги на ремень своею ногою, и тѣмъ его оттягиваетъ, и у того вора руки станутъ прямо противъ головы его, а изъ суставовъ выдутъ вонъ. И потомъ сзади палачъ начнетъ бити по спинѣ кнутомъ изрѣдка, въ часъ боевой ударовъ бываетъ тридцать или сорокъ; и какъ ударитъ по которому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станетъ такъ, слово въ слово будто большой ремень вырѣзанъ ножемъ, мало не до костей. А учиненъ тотъ кнутъ ременный, плетеный, толстый, на концѣ ввязанъ ремень толстый, шириною на палецъ, а длиною будетъ съ 5 локтей. И пытавъ его, начнутъ пытати иныхъ потому жъ, и будетъ съ первыхъ пытокъ не винятся, и ихъ, спустя недѣлю времени, пытаютъ въ другорядь и втретіе, и жгутъ огнемъ: свяжутъ руки и ноги и вложатъ межъ рукъ и межъ ногъ бревно и подымутъ на огнь; а инымъ, разжегши желѣзныя клещи накрасно, ломаютъ ребра."

У Перри (⁹), жившаго въ Россіи съ 1698 по 1714 годъ, находимъ разсказъ почти во всемъ сходный съ свидѣтельствомъ Кошихина: „Кнутъ есть ремень изъ толстой и твердой кожи длиною въ 3½ фута, прикрѣпленный къ палкѣ длиною въ 2 фута, посредствомъ кольца. Есть два рода наказанія кнутомъ. Первой родъ наказанія опредѣляется за преступленія не очень важныя: съ преступника снимаютъ рубашку, одинъ изъ палачей беретъ его за руки и кладетъ себѣ на спину; другой палачъ, или кнутовой мастеръ, даетъ ему опредѣленное судьей число ударовъ. При каждомъ ударѣ палачъ дѣлаетъ шагъ назадъ и потомъ шагъ впередъ; кнутомъ бьютъ такъ сильно, что кровь течетъ при каждомъ ударѣ, а на кожѣ у осужденнаго дѣлается ссадина или рана шириной въ палецъ. Эти мастера такъ ловко владѣютъ кнутомъ, что рѣдко случается, чтобы они ударили два раза по одному мѣсту.... Второй и тягчайшій родъ наказанія кнутомъ состоитъ въ томъ, что подсудимому свя-

(⁷) Слово заплечный мастеръ (палачъ) происходитъ по всему вѣроятію отъ того, что онъ билъ кнутомъ изъ за плеча.

(⁸) То же говорится о палачахъ и въ Уложеніи. Гл. 21, статья 96.

(⁹) L'Etat de la grande Russie, стр. 264, 265, въ примѣчаніи подъ строкой.

зываютъ руки за спиной и веревкой, прикрѣпленной къ рукамъ, подымаютъ его вверхъ, привязавъ ему къ ногамъ тяжести. Когда онъ поднятъ такимъ образомъ, руки выходятъ изъ составовъ плечныхъ, и тогда палачъ даетъ ему кнутомъ столько ударовъ, сколько судья прикажетъ. Удары даются съ промежутками, въ которые дьякъ допрашиваетъ пытаемаго.... Когда онъ признается, то палачъ спускаетъ его внизъ, вправляетъ ему руки, и его выпускаютъ или отводятъ въ тюрьму. Но когда преступленіе, въ которомъ обвиненъ подсудимый, очень важно и влечетъ за собою смертную казнь, то употребляется еще другаго рода пытка: разводятъ около висѣлицы небольшой огонь, и если подсудимый запирается послѣ первой пытки, или недостаетъ противъ него уликъ, то ему связываютъ руки и ноги и продѣваютъ сквозь нихъ бревно, которое и держатъ по человѣку съ каждой стороны, и поджариваютъ его на огнѣ какъ на вертелѣ; а дьякъ въ то время допрашиваетъ и записываетъ отвѣты. Когда подсудимый обвиняется въ важномъ преступленіи, и если улики противъ него не ясны, и онъ не можетъ перенести трехъ пытокъ, или себя сознаетъ виновнымъ, или отвѣты его не найдутъ удовлетворительными, то послѣ всѣхъ этихъ пытокъ онъ осуждается на смерть; но если у него хватитъ силы перенести мученія не объявивъ себя виновнымъ, и нельзя доказать иначе, что онъ дѣйствительно сдѣлалъ преступленіе, то его освобождаютъ."

Политическіе преступники назывались тогда (въ концѣ XVII столѣтія) «вѣдомые воры и заводчики и всему Московскому государству подъискатели и разорители". Ихъ пытали „въ государственномъ въ великомъ дѣлѣ" и казнили за то, что они „мыслили воровскимъ своимъ умысломъ на государево здоровье"; а также и за „неистовыя слова про государское здоровье" ([10])

Въ Воинскомъ Уставѣ Петра Великаго есть цѣлая глава (VI-я во 2-й части Процессовъ) о распросѣ съ пристрастіемъ и о пыткѣ, гдѣ сказано: „Пытка употребляется въ дѣлахъ видимыхъ, въ которыхъ есть преступленіе; но въ гражданскихъ дѣлахъ прежде пытать не можно, пока въ самомъ дѣлѣ злое дѣйство наружу не объявится, развѣ когда свидѣтель въ большихъ и важныхъ гражданскихъ дѣлахъ въ сказкѣ своей обробѣетъ или смутится или въ лицѣ измѣнится, то пытанъ бываетъ ([11]). Однакожъ надлежитъ жестокую пытку умѣренно съ разсмотрѣніемъ чинить.... Въ важщихъ и тяжкихъ дѣлахъ пытка жесточае, нежели въ малыхъ бываетъ. Также надлежитъ судьѣ оныхъ особъ, которыхъ къ пыткѣ приводятъ, разсмотрѣть, и усмотря твердыхъ, безстыдныхъ и худыхъ людей, жесточае; тѣхъ же кои деликатнаго тѣла и честные суть люди, легчѣе.... Когда судья многихъ имѣетъ предъ собою преступниковъ, которыхъ жестоко допрашивать потребно, тогда надлежитъ ему онаго, отъ котораго онъ мнитъ скорѣе увѣдать правду, прежде пытать. Буде же всѣ преступники въ равномъ явятся подозрѣніи и между оными отецъ съ сыномъ или мужъ съ женою найдется, тогда сына или жену напередъ къ пыткѣ привесть ([12]). Ежели триж-

---

([10]) Записки Желябужскаго.

([11]) Уложеніемъ не назначалась пытка въ гражданскихъ дѣлахъ.

([12]) Не упомянуто, должно ли сына пытать въ присутствіи отца и жену въ присутствіи мужа, но вѣроятно это такъ производилось, исключая конеч-

ды пытку снесетъ и паки отречется, то уже онаго болѣе допрашивать не надлежитъ ([13]). Въ правахъ послѣдующіе отъ пытки изъяты суть: яко шляхта, служители высокихъ чиновъ, старые седмидесяти лѣтъ, недоросли и беременныя жены. Всѣ сіи никогда къ пыткѣ подвержены не бываютъ, развѣ въ государственныхъ дѣлахъ и въ убійствахъ, однакожъ съ подлинными о томъ доводами".

У Корба ([14]) въ Дневникѣ и въ особенномъ разсказѣ о Стрѣлецкомъ бунтѣ (все это напечатано въ одной книгѣ) находятся подробныя описанія пытокъ стрѣльцовъ. Въ Дневникѣ (стр. 82) сказано: „Мятежники по причинѣ ихъ упорнаго запирательства, влекутся на пытку, которая производится съ неслыханной жестокостью. Ужаснѣйшимъ образомъ изсѣченныхъ кнутомъ подносятъ къ огню для поджариванія; поджаренныхъ снова сѣкутъ, и послѣ втораго бичеванія вновь кладутъ на огонь. Съ такими перемѣнами производится Московская пытка (equuleus)»

Въ книгѣ Корба, при стр. 160, есть гравюра, изображающая пораженіе стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ. Въ серединѣ гравюры представлена казнь мятежниковъ: рубятъ головы сѣкирами цѣлой шеренгѣ стрѣльцовъ на одномъ длинномъ бревнѣ. Ниже изображены костры, надъ которыми жгутъ (пытаютъ) стрѣльцовъ; каждаго держатъ по четыре человѣка за руки и за ноги; лѣвѣе — пытка кнутомъ: на полѣ устроены висѣлицы, на которыхъ висятъ и корчатся стрѣльцы, повѣшенные за руки связанныя сзади; у каждой висѣлицы два палача: одинъ держитъ веревку, которою поднятъ пытаемый на блокъ, а другой бьетъ кнутомъ. Фигуры на гравюрѣ не велики и не совсѣмъ ясно сдѣланы.

При стр. 84 есть другая гравюра, изображающая казнь стрѣльцовъ въ Москвѣ. Видъ взятъ à vol d'oiseau. Вдали Кремль; между Кремлемъ и стѣною Китай-города, на какомъ то обширномъ дворѣ, рубятъ головы стрѣльцамъ; на трехъ колесахъ, утвержденныхъ горизонтально на шестахъ и подпоркахъ, лежатъ колесованные, далѣе нѣсколько головъ торчитъ на кольяхъ. На стѣнѣ Бѣлаго города, на перекладинахъ, высунутыхъ изъ бойницъ, повѣшены стрѣльцы съ колодками на ногахъ. Ниже везутъ стрѣльцовъ на казнь; въ каждой телегѣ по два человѣка съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Жены и дѣти ихъ бѣгутъ около, плачутъ и махаютъ руками, прощаясь съ осужденными ([15]). Тутъ же въ каретахъ ѣдутъ посланники ([16]). Въ самомъ низу гравюры двѣ женщины закопаны въ землю по плечи. (Корбъ говоритъ по слухамъ, что это были Жукова, комнатная дѣвица царевны Марьи, и Вѣра (Васютинская) дѣвица царевны Софіи; по другимъ свѣдѣніямъ, прибавляетъ онъ, ихъ утопили въ Яузѣ. Едва ли это достовѣрно).

во случаевъ, когда хотѣли скрыть показаніе жены отъ мужа, сына отъ отца.

([13]) Но въ послѣдствіи, при появленіи новыхъ подозрѣній можно «паки къ пыткѣ привесть». Въ народѣ была пословица: *пытать татя въ три перемѣны.* (Снегиревъ, Русскіе въ своихъ пословицахъ, ч. III, стр. 188).

([14]) Diarium itineris in Moscoviam. Корбъ былъ въ Россіи въ 1698—1699 г.

([15]) У Корба, стр. 170, есть описаніе, какъ убивались эти несчастныя женщины и какъ онѣ причитывали своимъ отцамъ, мужьямъ и дѣтямъ, везомымъ на казнь. Нельзя читать этого хладнокровно.

([16]) У Корба, стр. 170, сказано, что на первой казни стрѣльцовъ 10 Октября (30 Сентября) присутствовали въ каретахъ резиденты Цесарскій, Польскій и Датскій.

У Корба, въ главѣ о нравахъ Москвитянъ (de moribus Moscorum) есть странный разсказъ, которому мы не даемъ вѣры. По словамъ его, въ 1696 году, до путешествія царя за границу, одинъ стрѣлецъ, бывшій участникомъ въ бунтѣ, вынесъ четыре пытки и ни въ чемъ не сознался. Царь обласкалъ его, и стрѣлецъ, тронутый этимъ, признался во всемъ и при томъ объяснилъ, что если онъ и переносилъ терпѣливо мученія, то это потому, что привыкъ къ нимъ. У нихъ было составлено товарищество, въ которое принимали не иначе какъ послѣ истязаній. Стрѣлецъ этотъ выдержалъ шесть пытокъ и былъ признанъ главой своихъ товарищей. „Кнутъ для меня ничего, сказалъ онъ, также ничего для меня и поджариванье (assatio) послѣ кнута: болѣе жестокія муки товарищи мои приготовили бы мнѣ. А именно, продолжалъ онъ: самая острая боль (acutissimus dolor est) когда кладутъ на уши горящіе угли; не менѣе, когда на обритую голову, съ вышины двухъ локтей (ad duos ulnas elevato loco) самую холодную воду по каплямъ медленно льютъ". Такихъ, которые не выдерживали подобныхъ испытаній, они убивали или отравляли. До четырехъ сотъ человѣкъ такимъ образомъ было ими убито.

Корбъ конечно слышалъ отъ кого нибудь этотъ разсказъ и повѣрилъ ему, но мы считаемъ это невѣроятнымъ. Человѣкъ не можетъ пріучить себя къ перенесенію жестокой боли. У тѣхъ, которые подвергаются часто тѣлеснымъ наказаніямъ, кожа грубѣетъ (у Негровъ въ южныхъ штатахъ, напримѣръ), но нервы не могутъ потерять способности чувствовать боль. Однимъ способомъ лишь можно нѣсколько уменьшить чувствительность къ физической боли: пріемомъ внутрь опіума, или другаго подобнаго средства ([17]), мы не говоримъ уже о хлороформѣ. Но о томъ не упоминается у Корба; при томъ въ разсказѣ его есть подробности, которыя ничѣмъ не подтверждаются. Въ 1696 году не было никакого бунта стрѣльцевъ.

У Георгія Конисскаго ([18]) находимъ слѣдующія подробности о Тайной Канцеляріи, учрежденной Петромъ въ Преображенскомъ: „Тайная Канцелярія сія не сходствовала ни съ какими гражданскими и духовными судилищами и ихъ правами и обрядами, а была она единственною въ своемъ родѣ и во всемъ мірѣ и только подобилась нѣсколько священной Римской инквизиціи. Въ ней не принимались доказательства и оправданія, ни письменныя, ни свидѣтельскія, ни совѣстныя т. е. подъ присягою; но испытывали и взыскивали въ ней собственнаго признанія въ взводимыхъ винахъ или подозрѣніяхъ. Не признающій себя виновнымъ долженъ вытерпѣть то пыткою чрезъ три пріема или перемѣны и разными орудіями, а наконецъ огненными, т. е. раскаленною желѣзною шиною и зажженною сѣрою". — Въ другомъ мѣстѣ (стр. 212), описывая казни въ Малороссіи, въ г. Лебединѣ, во время Шведской войны, архіепископъ Бѣлорус-

---

([17]) Мы сами слышали, какъ одинъ господинъ разсказывалъ, что онъ наказывалъ очень часто одного фельдшера за пьянство: „просто цѣлый лѣсъ объ него изломалъ. И вообразите, что онъ дѣлалъ: возьметъ себѣ въ рукавъ склянку съ опіумомъ и потихоньку пьетъ его и оттого слабѣе чувствуетъ боль. Каковъ негодяй? Послѣ, какъ узнали это, то велѣли его обыскивать передъ наказаніемъ". Этотъ возмутительный разсказъ слышанъ былъ нами недавно, но дѣло происходило, кажется, лѣтъ двадцать тому назадъ.

([18]) Исторія Русовъ, 1846, стр. 228.

скій говоритъ: „Казни сіи были обыкновеннаго Меньщикова ремесла: колесовать, четвертовать и на колъ сажать, а самая легчайшая, почитавшаяся за игрушку — вѣшать и головы рубить. Вины ихъ изыскивались отъ признанія ихъ самихъ, и тому надежнымъ средствомъ служило препохвальное тогда таинство — пытка, которой догматъ и понынѣ извѣстенъ изъ сей пословицы Русской: „кнутъ не ангелъ, души не вынетъ, а правду скажетъ" и которая производима была во всею акуратностью, и по узаконенію соборнаго Уложенія, сирѣчь, степенями и по порядку, батожьемъ, кнутомъ и шиною т. е. разженнымъ желѣзомъ, водимымъ съ тихостью или медленностью по тѣламъ человѣческимъ, которыя отъ того кипѣли, шкварились и воздымались. Прошедшій одно испытаніе, поступалъ во второе, а кто всѣхъ ихъ не выдерживалъ, таковый почитался за. вѣрное виновнымъ и веденъ на казнь".— Показаніе Георгія Конисскаго о пыткѣ раскаленною шиною есть единственное, и никакого другаго свидѣтельства о такого рода пыткѣ мы не нашли.

У Берхгольца ([19]), въ разсказѣ о дѣлѣ князя Матвѣя Петровича Гагарина, губернатора Сибирскаго, есть слѣдующія подробности: „Кнутъ есть родъ плети, состоящей изъ короткой палки и очень длиннаго ремня. Преступнику обыкновенно связываютъ руки назадъ и поднимаютъ его кверху такъ что руки его придутся надъ головою и вовсе выйдутъ изъ суставовъ; послѣ этого палачь беретъ кнутъ въ обѣ руки, отступаетъ нѣсколько шаговъ назадъ и потомъ съ разбѣгу и припрыгнувъ, ударяетъ между плечь, вдоль спины, и если ударъ бываетъ силенъ, то пробиваетъ до костей. Палачи такъ хорошо знаютъ свое дѣло, что могутъ класть ударъ къ удару ровно, какъ бы размѣряя ихъ циркулемъ и линейкою. Наказаніе кнутомъ бываетъ двоякое: одно употребляется при допросахъ и замѣняетъ пытку, а другое есть собственно такъ называемое наказаніе кнутомъ, которое отъ перваго отличается только тѣмъ, что преступника одинъ изъ палачей держитъ на спинѣ".

Берхгольцъ въ Дневникѣ своемъ нѣсколько разъ упоминаетъ о какомъ то *виташіи*, объясняя, что такъ назывался старшій палачь или, какъ его величаетъ авторъ: оберъ-кнутмейстеръ, лично распоряжавшійся при допросахъ и пыткахъ государственныхъ преступниковъ и бывшій въ тоже время чѣмъ то въ родѣ придворнаго шута; въ бытность Бехгольца въ Россіи умеръ одинъ виташій, и въ эту должность въ тоже время былъ назначенъ другой. Слова *виташій* нигдѣ мы не встрѣчали и полагаемъ, что Берхгольцъ исковеркалъ какое либо другое названіе.

У Шаппа ([20]) есть описаніе наказанія, которое онъ называетъ: казнь большаго кнута (le supplice du grand knout). Это и есть собственно пытка на вискѣ: подсудимаго подымаютъ на блокѣ вверхъ, веревкою, которою связаны ему руки; къ ногамъ у щиколодокъ привязано бревно, и кромѣ того упираютъ подсудимому въ животъ подпорку крестообразной формы. Иногда руки ему связываютъ сзади, и тогда при подъемѣ они выходятъ изъ составовъ.

([19]) Русскій переводъ ч. 3-я, стр. 104.

([20]) Voyage en Sibérie en 1761 par l'abbé Chappe d'Auteroche. Paris 1768. Часть I, стр 228.

При этомъ описаніи приложена большая гравюра, отчетливо исполненная и передающая эту отвратительную сцену съ ужасающей вѣрностью. Гравюра эта болѣе всего можетъ дать понятіе объ этомъ страшномъ истязаніи. По нашему мнѣнію она снята не съ натуры, а съ какого нибудь стараго рисунка, изображавшаго пытку еще въ концѣ XVII столѣтія. Тамъ изображенъ человѣкъ, повѣшенный за руки (связанныя однако не сзади) на перекладину и съ привязаннымъ къ ногамъ бревномъ, на которомъ стоитъ одной ногой палачъ, держащій въ рукахъ кнутъ, изъ котораго онъ по видимому выжимаетъ кровь. По другую сторону, за перегородкой, передъ лицомъ подсудимаго, стоятъ люди въ древней Русской одеждѣ и съ бородами по всѣмъ признакамъ судьи и дьяки, и около нихъ воины съ бородами, въ круглыхъ шапкахъ, съ ружьями, по всему вѣроятію стрѣльцы. Сцена происходитъ не въ застѣнкѣ, а на дворѣ. Мы полагаемъ, что эта гравюра изображаетъ какую нибудь пытку на Стрѣлецкомъ дворѣ или въ Губной избѣ.

Шаппъ прибавляетъ, что палачи иногда однимъ или нѣсколькими ударами кнута убиваютъ осужденнаго.

Иногда на пыткѣ били въ два и въ три кнута: въ описаніи перваго стрѣлецкаго бунта, составленномъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ ([21]), сказано, что стрѣльцы „доктора Данила (фонъ-Гадена, родомъ Еврея) иже въ крещеніи Стефанъ, въ застѣнкѣ-жъ крѣпко пыташа, биша въ три кнута, и огнемъ жгоша, и потомъ такожде (т. е. нагого) выведоша на Красную площадь, изсѣкоша въ мелкія части".

([21]) Собраніе Ѳ. Туманскаго, 6-й томъ, стр 80.

Въ Актахъ Юридическихъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіею, (стр 79) есть судебное дѣло конца XVII столѣтія: на Бѣлѣозерѣ пытали кнутомъ подъ пыточною башнею мужика, обвиненнаго въ куреніи табаку.

Въ торжественномъ входѣ въ Москву послѣ покоренія Азова, везли на особой телегѣ Якушку Нѣмчина (Голландскаго матроса Янсена, служившаго у насъ въ войскѣ пушкаремъ и передавшагося подъ Азовомъ Туркамъ, а въ послѣдствіи выданнаго ими) скованнаго, съ петлей на шеѣ и поставленнаго подъ висѣлицей; по обѣ стороны столбовъ у висѣлицы повѣшены были „кнуты и топоры и клепики и хомуты и клещи и прочіе палачевскіе инструменты". Нѣтъ сомнѣнія, что эти инструменты висѣли тутъ не для украшенія только, а что ими послѣ того и пытали Янсена, хотя и трудно объяснить употребленіе при пыткѣ такихъ орудій какъ хомуты ([22]). Но злость человѣческая весьма изобрѣтательна.

Въ сочиненіи, изданномъ Рихтеромъ и Гейслеромъ въ Лейпцигѣ, безъ означенія года, но какъ полагать должно въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія подъ заглавіемъ: Chatiments usités en Russie representés dans une suite de dix gravures et accompagnés d'une explication, находятся слѣдующія подробности: „Наказаніе кнутомъ такъ жестоко, что обыкновенно зависитъ отъ палача сдѣлать его смертельнымъ; по крайней мѣрѣ въ Россіи говорятъ, что палачь можетъ убить осужденнаго тремя ударами кнута, и даже двумя. Палачи исполняютъ

([22]) Кажется, хомутами назывались петли изъ войлока, въ которыя вкладывали руки пытаемаго, при подъемѣ его на дыбу.

свое гнусное ремесло, слѣдуя нѣкоторымъ правиламъ и учатся ему особаго рода упражненіями, состоящими въ томъ, что они насыпаютъ кучу песку и бьютъ по ней кнутомъ, наблюдая, чтобъ одинъ ударъ былъ параленъ другому".

У г. Снегирева (Русскіе въ своихъ пословицахъ, часть 3-я) есть нѣкоторыя свѣдѣнія о пыткахъ. Жаль только, что г. Снегиревъ не означилъ, откуда онъ ихъ заимствовалъ; если изъ преданій, то отъ кого и когда они слышаны. Г. Снегиревъ сдѣлалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" (1859) справедливый упрекъ г. Семевскому, что тотъ, помѣстивъ въ своей статьѣ „Авдотья Ѳедоровна Лопухина" ([23]) подробности о пыткахъ, не упомянулъ, что онъ ихъ заимствовалъ большею частью у г. Снегирева; а мы позволимъ себѣ сдѣлать подобное замѣчаніе и самому г. Снегиреву. Всѣ историческія свѣдѣнія необходимо *документоватъ*: означать, откуда они почерпнуты.

„Пытки ([24]) производились въ застѣнкахъ, въ губныхъ и съѣзжихъ избахъ, въ разбойныхъ, сыскныхъ приказахъ и въ тайной канцеляріи. Въ Москвѣ застѣнокъ былъ у Константино-Еленскихъ воротъ, въ юговосточномъ углу Кремля, гдѣ нынѣ церковь Константина и Елены". При передѣлкѣ Кремля при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Константино-Еленскія ворота были закладены, и на мѣсто ихъ осталась только башня, и донынѣ существующая ([25]). „Въ Константиновской башнѣ, говоритъ г. Снегиревъ ([26]), по стѣнѣ Московскаго Кремля къ ней ведущей, доселѣ существуетъ крытый корридоръ съ узенькими окошечками, гдѣ содержались приговоренные къ пыткѣ, съ заклепанными устами, кои расклепывались для отвѣта и для принятія скудной пищи, прикованные къ стѣнѣ, въ коей были желѣзные пробои и кольца". Интересно бы узнать, откуда досталъ г. Снегиревъ это свѣдѣніе о заклепаніи подсудимыхъ; народныя поговорки, гдѣ рѣчь идетъ о кляпѣ (и которыхъ въ книгъ г. Снегирева о пословицахъ нѣтъ) указываютъ впрочемъ на это. При Петрѣ много застѣнковъ устроено было въ Преображенскомъ. Карамзинъ говоритъ ([27]): „Среди огородовъ села Преображенскаго я съ ужасомъ находилъ подвалы, темные, подземные казематы и длинные корридоры, въ которыхъ производилиль пытки, дѣлались, по современному выраженію, нещадные розыски. Тайная Канцелярія день и ночь работала въ Преображенскомъ: пытки и казни служили средствомъ нашего славнаго преобразованія государственнаго. Въ вертепахъ Преображенскихъ лились потоки крови". Снегиревъ упоминаетъ о пословицѣ: *правда у Петра и Павла*, произшедшей, по мнѣнію однихъ отъ Петропавловской крѣпости, а по преданію другихъ, отъ церкви св. Петра и Павла въ Преображенскомъ. „До самаго уничтоженія пытки, въ 1801 году ([28]), она также производилась въ Москвѣ, въ Сыскномъ Приказѣ, бывшемъ у Калужскихъ воротъ, гдѣ находился острогъ, обнесенный тыномъ: тамъ, въ каменномъ сараѣ, въ присутствіи судьи, приводили къ пыткѣ". Едва ли впрочемъ Сыскной Приказъ существовалъ

([23]) Русскій Вѣстникъ, 1859, Май, книжка 2-я.

([24]) Снегиревъ Часть 3, стр. 189.

([25]) Описаніе Москвы И. Милютина. Часть 2-я, стр. 11.

([26]) Снегиревъ. Часть 3. стр. 199.

([27]) О древней и новой Россіи.

([28]) Снегиревъ. Часть 3, стр. 190.

такъ долго. А народъ называлъ то мѣсто, гдѣ производились допросы или острогъ — *Сыскнымъ Приказомъ.*

Изъ жизни Ваньки Каина ([29]) видно, что тайная канцелярія называлась тогда въ народѣ, или скорѣе на языкѣ воровъ и мошенниковъ: „Стукаловъ монастырь, или Немшоная баня ([30]) гдѣ людей вѣсютъ сколько потянетъ“. Ванька Каинъ разсказываетъ, что когда его, разъ, привели въ Немшоную баню, то пріѣхалъ туда самъ графъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ (Московскій генералъ-губернаторъ, генералъ-аншефъ и Андреевскій кавалеръ, въ царствованіе Анны Ивановны) и лично его допрашивалъ. Людей, подозрѣваемыхъ въ менѣе важныхъ проступкахъ, допрашивали въ полиціи подъ кошками и подъ плетьми ([31]).

„Послѣ пытки и допытки, говоритъ г. Снегиревъ ([32]), преступники и подозрѣваемые сидѣли въ тюрьмахъ, или въ сибиркахъ при застѣнкахъ, или въ острогахъ, кои въ старину были мѣстами ужаса, томленія и наказанія; ибо заключенные, смотря по важности дѣла, сковывались по рукамъ и по ногамъ желѣзами, на шею надѣвалась рогатка, къ коей прикрѣплялась цѣпь со стуломъ, т. е. большимъ обрубкомъ дерева, или сажались на *стѣнную*, т. е, приковывались къ стѣнѣ, или забивались въ колодки. Мѣста заключенія назывались въ старину ***порубами***, ***погребами***, ***ямами***, ***каменнымъ мѣшкомъ***, гдѣ нельзя ни сѣсть, ни лечь, гдѣ часто узники томились и даже умирали отъ голода и холода, гдѣ палачъ лѣчилъ жестокія язвы, причиненныя пыткою, жестокими лѣкарствами для того, чтобы приготовить къ новымъ истязаніямъ. Въ башняхъ Прилуцкаго монастыря въ Вологдѣ находятся такіе каменные мѣшки, похожіе на шкафы, гдѣ сажались преступники во времена царя Ивана Васильевича.“

У Ваньки Каина стулъ съ ошейникомъ, въ который сажали заключенныхъ, называется—монастырскія четки (стр. 22). Такой стулъ случалось и намъ видѣть. Въ прежнее время, лѣтъ сорокъ тому назадъ, у большихъ помѣщиковъ сажали въ такой стулъ дворовыхъ и мужиковъ за провинности.

Въ 184... году былъ я два раза въ Соловецкомъ монастырѣ и видѣлъ тамъ тюрьмы, подобныя описаннымъ г. Снегиревымъ; видѣлъ также и застѣнокъ. Въ сѣверо-западномъ углу монастыря находится башня *Корожня*, въ которой, въ прежнее время, содержались узники. Башня эта въ нѣсколько этажей; въ каждомъ, въ серединѣ, большая круглая комната подъ сводами, и въ стѣнѣ кругомъ небольшія дверныя отверстія, въ которыя едва человѣкъ пролѣзть можетъ; ими входятъ въ каморки, большею частью темныя; иныя изъ нихъ очень тѣсны. Тамъ сидѣли заключенные; въ нѣкоторыхъ каморкахъ видны слѣды камелька. Монахи разсказываютъ преданія, что будто иныхъ узниковъ морили дымомъ, другихъ замуровывали живыхъ въ стѣну; но я тщательно осматривалъ стѣны и дверныя отверстія и нигдѣ не видѣлъ слѣдовъ замуровки. Въ нижнемъ этажѣ былъ застѣнокъ; сохранился еще крюкъ въ сводѣ, въ которомъ вѣроятно висѣлъ блокъ для подъема на дыбу осужденнаго. Ходя по разнымъ яру-

---

([29]) Новое изданіе Григорія Книжника, стр. 6.

([30]) Немшоной баней называетъ онъ застѣнокъ (комнату съ толстыми каменными стѣнами и сводами, чтобы вопли пытаемыхъ не были слышимы извнѣ), бани же обыкновенно были деревянныя, конопаченныя мхомъ, мшоныя.

([31]) Ванька Каинъ, стр. 16, 55, 81.

([32]) Часть 3, стр. 198.

самъ башни, невольно вспоминалъ я ярусы Дантовскаго ада. Тяжелое чувство наполняло душу при мысли о томъ, сколько стоновъ и воплей умирало въ этихъ стѣнахъ, сколько криковъ отчаянія и бѣшенства, слезъ и рыданій слышали тутъ тюремщики. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и отрадная мысль, гордое чувство освѣжали и утѣшали духъ при видѣ побѣды человѣчности надъ варварствомъ: башни пусты, желѣзныя двери сорваны съ петель, кнуты, веревки и блоки дыбы давно уже истлѣли, и лучь солнечный свободно входитъ туда, гдѣ сидѣли истомленные узники. Въ Соловецкомъ сохранилось преданіе, что при одномъ изъ посѣщеній обители Петромъ Первымъ открылась невинность одного изъ узниковъ, тамъ заключенныхъ, бывшаго прежде бояриномъ сильнымъ и знатнымъ. Онъ просидѣлъ въ Соловкахъ двадцать лѣтъ въ темной тюрьмѣ. Когда вывели его на свѣтъ Божій, онъ не могъ ничего видѣть: онъ былъ слѣпъ. Петръ Первый спросилъ его, какого вознагражденія желаетъ онъ за безвинно-понесенныя страданія? — „Ничего не желаю, государь, отвѣчалъ бояринъ, повели только чтобы отнынѣ болѣе уже не было темныхъ тюремъ въ Соловецкомъ.“ И съ тѣхъ поръ, говоритъ преданіе, перестали сажать въ темныя каморки, и желаніе великодушнаго узника исполнилось. Не знаемъ, до какой степени достовѣрно это преданіе ([33]).

Донынѣ еще, говоритъ г. Снегиревъ ([34]), существуютъ въ простомъ народѣ и даже вошли въ словарь языка поговорки, вышедшія изъ застѣнковъ, хотя онѣ примѣняются къ другимъ предметамъ, и подлинный ихъ смыслъ забытъ, напр.: *сказать всю подноготную*, говоря о чьей либо откровенности, тогда какъ сіе выраженіе напоминаетъ о забиваніи деревянныхъ спицъ или гвоздей за ногти при пыткѣ; „обыкновеніе ужасное, замѣчаетъ Карамзинъ ([35]), данное намъ игомъ Татарскимъ вмѣстѣ съ кнутомъ и всѣми тѣлесными, мучительными казнями.“

([33]) Лѣтъ сорокъ тому назадъ въ Соловецкомъ содержали заключенныхъ въ деревянномъ острогѣ, гдѣ было имъ и тѣсно и душно. Но въ 1835 (кажется) выстроенъ былъ каменный двухъ-этажный острогъ. Я посѣщалъ его и могу сказать по совѣсти, что мало видѣлъ тюремъ, гдѣ бы лучше были содержимы заключенные. Надъ входомъ въ острогъ прибита доска съ надписью: Милосердіемъ благочестиваго государя императора Николая Павловича построенъ сей острогъ лѣта 1835 (кажется). Заключенныхъ при мнѣ было тамъ всего 17 человѣкъ, почти все ересіархи, скопцы, фанатики, большею частью полу помѣшаные. Каждый изъ арестантовъ сидѣлъ въ особомъ номерѣ, длиною въ 2 сажени, шириною въ 1½, гдѣ находятся постель, столъ и стулъ; вездѣ примѣрная чистота и опрятность (которыя вообще въ Поморскомъ краѣ вездѣ видишь). Пищу арестанты получаютъ такую же какъ и монахи; каждый день выпускаютъ ихъ гулять на дворикъ, находящійся внутри строенія; зимою, когда сообщеніе съ твердою землей прекращается за льдами, арестанты имѣютъ болѣе свободы и ходятъ вездѣ по монастырю. Имъ даются книги, а также бумага и чернила. Нѣкоторые изъ нихъ (ересіархи), какъ разсказывалъ архимандритъ, завели было, съ его позволенія, между собой теологическую полемику, и забавно то, что они иногда дѣльно указывали другъ другу ошибки; но когда сами начинали излагать свое ученіе, то писали нелѣпости Архимандритъ разъ даже дозволилъ двумъ ересіархамъ, которые казались очень дружными, жить въ одной комнатѣ, но вскорѣ ихъ надо было разлучить: отъ теологическихъ диспутовъ они перешли къ кулачному бою, и архимандритъ наказалъ ихъ за то постомъ, т. е. посадилъ на нѣсколько дней на хлѣбъ и на воду. Съ этими несчастными фанатиками обходились человѣколюбиво.

([34]) Часть 3, стр. 191

([35]) Ист. Гос. Росс. т. VII, стр. 204.

Но точно ли кнутъ заимствованъ Русскими отъ Татаръ? На Мусульманскомъ востокѣ нѣтъ этого наказанія, да и едва ли оно тамъ существовало. Намъ кажется, что кнутъ есть туземное Русское орудіе мученій; покрайней мѣрѣ, всѣ иностранные писатели считаютъ кнутъ казнью существовавшей только въ Россіи, хотя конечно наказаніе плетью (le fouet) было въ употребленіи и въ западной Европѣ.

„Кому неизвѣстны, говоритъ г. Снегиревъ, простонародныя поговорки: *въ три погибели согнуть, въ утку свернуть*? Пытка сія состояла въ томъ, что допрашиваемому привязывали голову къ ногамъ веревкою, въ которую ввернувъ палку, вертѣли ее до того, что голова пригибалась къ ногамъ, и человѣкъ, точно сгибаясь въ три погибели, часто погибалъ среди сего мучительнаго истязанія прежде нежели успѣвалъ признаться въ преступленіяхъ. Также допрашивали ломаніемъ реберъ, завинчиваніемъ ножныхъ и ручныхъ пальцевъ въ тиски, вбиваніемъ въ тѣло гвоздей и т. п.“

Откуда взялъ эти подробности г. Снегиревъ? Сколько намъ извѣстно, нѣтъ нигдѣ свидѣтельствъ о такого рода пыткахъ (исключая ломанія реберъ раскаленными клещами, что̀ производилось иногда). Не надобно взводить на древнихъ Русскихъ людей обвиненія почти бездоказательныя; и безъ того въ нихъ было много жестокости и варварства.

Изъ застѣнковъ же вышли пословицы: кнутъ не дьяволъ, а правду сыщетъ; или: кнутъ не архангелъ, души не вынетъ.

„Употребительнѣйшая изъ пытокъ, продолжаетъ г. Снегиревъ, была дыба или виска, отчасти сходная съ Римскимъ equuleus, на коемъ пытали рабовъ.“

Римская пытка eculeus состояла въ слѣдующемъ ([36]): „Раба растягивали на машину, къ которой привязывали его руки и ноги и подымали вверхъ, такъ что истязуемый какъ бы висѣлъ на крестѣ; притомъ, посредствомъ винтовъ, такъ растягивали члены несчастнаго, что они выходили изъ составовъ.“ Пытка эта употреблялась въ Италіи и въ позднѣйшее время, и носила тоже имя eculeus. Въ приложеніяхъ къ I Promessi Sposi, Манзони (Osservazione della Tortura), есть описаніе одной пытки такого рода. Но наша Русская пытка была несравненно жесточе Итальянской; она имѣла болѣе сходства съ Французской пыткой l'estrapade. Въ древнемъ Римѣ пытали только рабовъ.

„Поднятому на дыбу, говоритъ г. Снегиревъ, привязывали къ ногамъ тяжелыя колодки, на кои ставши палачъ подпрыгивалъ и тѣмъ самымъ увеличивалъ мученіе: кости, выходя изъ составовъ своихъ, хрустѣли, ломались, иногда кожа лопалась, жилы вытягивались, рвались, и тѣмъ причинялось несносное терзаніе. Въ такомъ положеніи его били кнутомъ по обнаженной спинѣ такъ, что кожа лоскутьями летѣла, и потомъ, особливо когда пытали на заказъ и жестоко, еще встряхивали на спину зажженнымъ вѣникомъ.“ Послѣдняя подробность уже не вымышлена ли? Повторяемъ здѣсь, что всѣ историческія свѣдѣнія должно документовать. Объ зажженныхъ вѣникахъ мы нигдѣ не находили показанія. Можетъ быть, г. Снегиревъ слышалъ преданіе; въ такомъ случаѣ отъ кого? Да и не всѣмъ преданіямъ можно вѣрить.

([36]) Римскія древности А. Адама, въ Русскомъ переводѣ, 1824, ч. 2, стр. 473. И Корбъ называетъ Московскую пытку: equuleus.

Точно также мы положительно отвергаемъ возможность описанной г. Снегиревымъ пытки посредствомъ сѣченія сальными свѣчами, коими будто бы причиняли ужасныя мученія. Мы спрашивали о томъ медиковъ, и они отрицательно качали головой. Поговорка, которую г. Снегиревъ приводитъ какъ доказательство существованія этой пытки ([37]), очень темна. Изъ однихъ пословицъ нельзя еще составить описаніе пытокъ.

Что касается до кормленія допрашиваемаго соленымъ, чтобы послѣ томить его жаждою, то этотъ гнусный обычай, увы! не такъ далекъ отъ нашего времени; въ полиціяхъ это называется, или называлось: покормить *селедкой*.

Въ Костромской губерніи, по словамъ г. Снегирева, сохранилась въ памяти народной пытка клячить голову: т. е. сжать ее клячемъ, или заклепать; тамъ донынѣ говорятъ о преступникѣ близкомъ къ уличенію: ужо его склячатъ, т. е. скоро изобличатъ. Слово заклепать относилось собственно ко рту (заклепать ротъ); *кляпъ* значитъ тоже что по французски bâillon.

Пыточныя рѣчи записывались такъ: сперва вопросы и отвѣты подсудимаго съ подъему, т. е. когда его подняли на дыбу, потомъ съ пытки, когда его били кнутомъ, наконецъ съ огня, т е. когда его снявши съ дыбы жгли огнемъ (см. Стрѣлецкій розыскъ). Въ процессѣ Царевича въ пыточныхъ рѣчахъ не видно нигдѣ выраженія *съ огня*, хотя мы знаемъ, что Глѣбова наприм. пытали и этимъ способомъ.

Тѣ, которымъ. случалось видѣть въ Петербургѣ, въ циркѣ, эквилибристовъ братьевъ Бюри, висящихъ иногда на рукахъ, на веревкѣ, на большой высотѣ, могутъ имѣть понятіе о томъ, какъ пытаемый висѣлъ на дыбѣ. Въ Венеціи, въ дворцѣ дожей, показываютъ комнату пытки, въ которой виситъ еще на верху блокъ, употреблявшійся для подъему вверхъ обвиненнаго.

Существовало еще одно истязаніе, введенное въ Россіи уже при Петрѣ. У Рубана ([38]) находимъ слѣдующее: При гауптвахтѣ (въ Петропавловской крѣпости) была площадь, именуемая плясовая, на коей поставлена была деревянная лошадь съ острою спиной, на которую сажали за штрафъ солдатъ на нѣсколько часовъ сидѣть, и при томъ еще столбъ вкопанъ былъ деревянный, и около его поставлены были спицы острыя, и вверху того столба была цѣпь, и когда кого станутъ штрафовать, то въ оную цѣпь руки его замкнутъ, и на тѣхъ спицахъ оный штрафованный долженъ нѣсколько времени стоять." Мы знаемъ, что послѣдняго рода пыткой (стояніемъ на спицахъ) пытали генералъ-майора Глѣбова.

У г. Костомарова въ его „Стенькѣ Разинѣ" есть описаніе особенной пытки, которою будто бы пытали Разина. Онъ заимствовалъ эту подробность изъ современной небольшой брошюрки ([39]), въ которой сказано слѣдующее: Русскіе употребляютъ особаго рода пытку, состоящую въ томъ, что преступнику брѣютъ голову въ видѣ вѣнца, подобно тому какъ у священниковъ, и потомъ льютъ на голову холодную воду, которая падая причиняетъ, по ихъ словамъ, сильную боль ([40]). Говорятъ,

---

([37]) Тѣмъ же саломъ да по тѣмъ же ранамъ.

([38]) Описаніе Петербурга 1779, стр 38..

([39]) Relation des particularités de la rebellion de Stenko Razin.

([40]) Капанье холодной воды на голову употребляется и при лѣченіи сумасшедшихъ и производитъ, конечно, очень непріятное ощущеніе, но едва ли

что когда пришли брить имъ головы, Стенька сказалъ своему брату Фролкѣ: „Я до сихъ поръ думалъ, что дѣлаютъ вѣнцы ученымъ людямъ; но теперь вижу, что и намъ невѣждамъ дѣлаютъ эту честь."

Слова, приписанныя этой книжечкой Стенькѣ о дѣланіи вѣнцовъ ученымъ людямъ, не имѣютъ смысла. Дѣло въ томъ, что эта книжечка не есть оригиналъ, но переводъ съ англійскаго; есть и другой переводъ съ подлинника на нѣмецкій ([41]) въ которомъ мы нашли тоже самое мѣсто, но нѣсколько иначе переданное. Стенька говоритъ: „братъ, я слыхалъ что только ученыхъ людей брѣютъ въ священники" ([42]). Очевидно, здѣсь указаніе на обрядъ католической церкви (тонсура), который конечно не могъ быть извѣстенъ Стенькѣ ([43]), и потому мы имѣемъ право заподозрить весь этотъ разсказъ, по нашему мнѣнію, выдуманный, тѣмъ болѣе что, описывая эти подробности, неизвѣстный авторъ не говоритъ ни слова о другихъ пыткахъ, а ужъ конечно Стеньку пытали кнутомъ. У г. Костомарова есть подробное описаніе, какъ Стеньку пытали кнутомъ на вискѣ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что это дѣйствительно такъ было, но такъ какъ нигдѣ объ этомъ нѣтъ свидѣтельства, то г. Костомаровъ и долженъ былъ бы о томъ упомянуть; при томъ откуда онъ взялъ, что Стенька, вися на дыбѣ, получилъ около сотни ударовъ кнутомъ? Такой пытки вынести конечно не могъ бы никто; чтобы получить сто ударовъ, пытаемый долженъ былъ провисѣть часа три на дыбѣ (см. выше Кошихина) и непремѣнно изошелъ бы кровью, или получилъ бы нервическій ударъ отъ напряженія: никакой Геркулесовскій организмъ не выдержалъ бы того ([44]). Въ Стрѣлецкомъ розыскѣ и въ процессѣ Царевича никому изъ обвиненныхъ не давали болѣе 25 ударовъ кнутомъ въ одинъ разъ (какъ тогда выражались—въ одинъ застѣнокъ), иначе послѣдовала бы смерть; да и 25 ударовъ давали только на первой пыткѣ ([45]). И наконецъ, гдѣ нашелъ г. Костомаровъ это показаніе?

„Давъ Стенькѣ около ста ударовъ кнутомъ, говоритъ г. Костомаровъ, связали ему руки и ноги, продѣли сквозь нихъ бревно и положили на горящіе уголья.—Стенька молчалъ". Очень вѣроятно, что и этимъ способомъ пытали Стеньку, но опять нигдѣ о томъ нѣтъ свидѣтельства.

Къ чему эти придирки? скажутъ намъ. Не все ли равно какъ бы ни пытали Стеньку; не подлежитъ сомнѣнію, что его пытали и, по всему вѣроятію кнутомъ и огнемъ; какое дѣло до подробностей? Такъ; но зачѣмъ же г. Костомаровъ описываетъ

можетъ сравниться съ такими муками, какъ кнутъ и огонь.

([41]) Kurze wahrhafftige Erzählung von der blutigen Rebellion in der Moscau. Англійскій оригиналъ, сколько извѣстно, не былъ напечатанъ.

([42]) Bruder, ich habe wohl gehöret dasz allein gelehrte Leute zu Priestern geschoren würden Стенька говоритъ именно *брѣютъ*, а не *постригаютъ*.

([43]) Стенька, хотя и былъ въ Польшѣ, но походомъ, съ войскомъ кн. Долгорукаго, и могъ участвовать въ грабежѣ какого либо костела, но видѣть посвященіе въ ксензы, епископскую службу, наврядъ ли ему случалось.

([44]) Преступникамъ давали иногда до ста ударовъ кнутомъ, но на козѣ (или кобылѣ), что̀ несравненно слабѣе пытки на дыбѣ.

([45]) Въ Стрѣлецкомъ розыскѣ есть примѣръ, что двумъ обвиненнымъ дали каждому около ста ударовъ кнутомъ, но въ 6 или 7 пытокъ, съ значительными промежутками времени между пытками. (Устряловъ. Томъ III, стр. 242).

эти подробности, и описываетъ, не указывая источниковъ. Историческій изслѣдователь, представляя украшенные разсказы о произшествіяхъ, чтобы болѣе подѣйствовать на воображеніе читателя, — можетъ пріобрѣсть очень дурную привычку искажать факты, изобрѣтать историческія сцены и картины. Не мѣсто здѣсь входить въ подробный критическій разборъ сочиненія г. Костомарова о Разинѣ, имѣвшаго большой успѣхъ, который мы главнѣйше относимъ къ новости предмета, а также и къ искуству изложенія. Замѣтимъ только, что, повторяя показанія французской книжки, г. Костомаровъ, по нашему мнѣнію, впадалъ въ погрѣшности. Такъ наприм. у него упомянуто (стр. 166), что въ Арзамасѣ, при усмиреніи бунта, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, казнили одинадцать тысячь человѣкъ; ихъ осуждали не иначе, какъ соблюдая обряды правосудія и выслушивая свидѣтелей. Цифра эта кажется намъ совершенно невѣроятною. Въ Стрѣлецкомъ розыскѣ, въ Москвѣ, казнено 1150 въ продолженіи 5-ти мѣсяцевъ; и едва ли это не есть самое страшное (по числу жертвъ) юридическое избіеніе въ исторіи. При томъ надо вспомнить, что въ Москвѣ были всѣ средства для суда надъ стрѣльцами: въ Преображенскомъ много застѣнковъ, дьяковъ, палачей и орудій пытки, всего въ изобиліи. Тюремъ, хотя и довольно въ Москвѣ было, но въ нихъ стало тѣсно, и стрѣльцовъ держали подъ карауломъ въ монастыряхъ и даже въ подгородныхъ селахъ. Въ небольшомъ же городѣ Арзамасѣ содержать въ тюрьмахъ, допросить, судить и казнить 11.000 человѣкъ въ 3 мѣсяца невозможно. Въ XVII вѣкѣ человѣка не осуждали на смертную казнь, не пытавъ его предварительно. 11.000 человѣкъ могли быть убиты при какомъ нибудь пораженіи скопищъ Разина царскими войсками, это другое дѣло; но казнь 11.000 считаемъ мы за преувеличенное показаніе иностранца, которое насъ и не удивляетъ, потому что подобныхъ показаній о Россіи много существуетъ; но удивляетъ насъ то, что г. Костомаровъ повторяетъ въ своей книгѣ подобныя свѣдѣнія, не очищая ихъ исторической критикой ([46]). Прибавимъ, что еще болѣе страннымъ показалось намъ вездѣ видное желаніе г. Костомарова выставить Стеньку почти какъ историческаго дѣятеля, чуть-чуть не какъ героя, хотя въ началѣ самъ авторъ говоритъ про него: „честь и великодушіе были ему незнакомы. Таковъ былъ этотъ борецъ вольницы, въ полной мѣрѣ извергъ рода человѣческаго, вызывающаго подобныя личности неудачнымъ складомъ своего общества“. Что Стенька былъ извергъ, въ томъ конечно нѣтъ сомнѣнія; но борецъ вольницы — это выраженіе, кажется намъ, уже слишкомъ для него почетно. Объ такомъ адскомъ изчадіи, какъ Разинъ, совершившій столько невообразимыхъ злодѣйствъ, погубившій столько людей въ страшныхъ мукахъ, казалось бы и говорить-то не слѣдовало иначе, какъ съ негодованіемъ и омерзѣніемъ. Извергъ, кѣмъ бы онъ ни былъ — азіатскимъ деспотомъ, или степнымъ разбойникомъ — есть всегда извергъ, существо болѣе ненавистное, чѣмъ звѣрь

([46]) Мы и не думаемъ входить здѣсь въ подробный разборъ историческихъ трудовъ г. Костомарова, къ таланту котораго мы имѣемъ несомнѣнное уваженіе; но, собирая свѣдѣнія о Русскихъ пыткахъ, мы нашли у г. Костомарова о томъ подробности, которыя, по сличеніи съ источниками и по критическомъ ихъ разборѣ, оказались невѣрными, по крайней мѣрѣ, по нашему мнѣнію.

дикій, чѣмъ гадъ ядовитый. У Французовъ, подъ вліяніемъ духа партій, представляли героями и оправдывали и такія личности, какъ Катерина Медичи, Равальякъ, Маратъ; но никто изъ историческихъ изслѣдователей во Франціи не пытался еще представить героемъ наприм. Картуша или Мандрена, а вѣдь и Картушъ — невинный младенецъ въ сравненіи съ Стенькой. Историкъ не долженъ слѣдовать примѣру политическихъ публицистовъ, часто натягивающихъ и искажающихъ факты (которые вообще эластичны), чтобѣ провести свою идею. Подобныя возрѣнія часто бываютъ удѣломъ ученыхъ, сидящихъ всю жизнь свою въ стѣнахъ кабинета, библіотеки, архива, мало знакомыхъ съ людьми и жизнью. При дѣятельности ихъ, исключительно направленной на одинъ предметъ, при стремленіи провести вездѣ свои любимыя идеи и принцыпы, часто довольно абстрактныя — въ нихъ дѣлается иногда даже извращеніе понятій о добрѣ и злѣ......

ЧЕЛОБИТНАЯ КНЯГИНИ Н. Б. ДОЛГОРУКОВОЙ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИЗАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ. 1757 г.

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ, императрицѣ Елисаветъ Петровнѣ, самодержицѣ Всероссійской, государынѣ всемилостивѣйшей.

Бьетъ челомъ вдова, княгиня Наталья Борисова дочь Долгорукова.

Всеусердное желаніе имѣю я, всеподданнѣйшая раба вашего императорскаго величества, принять чинъ монашескій; но безъ собственнаго вашего императорскаго величества указу вскорѣ оной получить не удостоюсь.

къ сему

И дабы высочайшимъ, вашего императорскаго величества, указомъ повелѣно было, по непремѣнному желанію моему, того монашескаго чина меня сподобить въ Кіевскую епархію, во Флоровскій монастырь.

прошенію

Всемилостивѣйшая государыня! Прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи милостивое рѣшеніе учинить. — Февраля дня 1757 года. Княгиня Наталія Долгорукова руку приложила.

Примѣчаніе. Настоящая челобитная скрѣплена и подписана самой княгиней Н. Б. Долгоруковой; для біографіи этой замѣчательной личности въ № 1 Русск. Архива за 1867 годъ помѣщено значительное собраніе драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Настоящій документъ не безъ интереса въ томъ отношеніи, что онъ указываетъ положительно на время, когда знаменитая страдалица рѣшилась приступить къ осуществленію давно взлѣлѣенной ею мысли — поступить въ монастырь. Не смотря впрочемъ на то, что княгиня подала челобитье еще въ Февралѣ 1757 года о сподобленіи ея монашескимъ чиномъ, она постриглась только 27 Сентября 1758 г. (Рус. Арх. 1867 № 1 стр. 62); это объясняется съ одной стороны тѣми семейными заботами, которыя обременяли ее именно въ это (1757—58 года) время, а быть можетъ и тѣмъ, что при обычной медленности, съ какою обыкновенно вершились въ то время дѣла, долго не приходило разрѣшеніе на поданную княгинею просьбу.

Мих. Семевскій.

ЛИБЕРАЛЪ (*).

(разсказъ и. с. никитина).

Назадъ тому недѣли три приходитъ ко мнѣ господинъ средняго роста, съ толстымъ брюшкомъ, въ очкахъ, рябой, остриженный подъ гребенку, съ окладистою, рыжеватой бородой, въ которой уже замѣтна сѣдина, широкоплечій, одѣтый въ теплое пальто съ бобровымъ воротникомъ. Прищуривъ глаза, онъ посмотрѣлъ сначала на полки, уставленныя книгами, при чемъ сдѣлалъ такую гримасу, какъ будто нюхалъ, нѣтъ ли чего подозрительнаго въ воздухѣ, и потомъ уже обратился ко мнѣ съ лаконическимъ вопросомъ:

— Никитинъ?

— Точно такъ, отвѣчалъ я: къ вашимъ услугамъ.

— А, очень радъ! очень радъ! И рыжебородый господинъ такъ сильно потрясъ мою руку, что всѣ кости и суставы заходили въ моемъ тѣлѣ.

— Честь имѣю рекомендоваться — генералъ ***. Давно желалъ васъ видѣть. Много слышалъ..... Ну-съ, что подѣлываете?

— Какъ видите, стою за прилавкомъ и продаю книги.

— О...! и голосъ его превосходительства изъ скромнаго тенора вдругъ перешелъ въ густой, порывистый басъ.

— О-о! Промышленность, торговля, L'industrie!....

— Этимъ скоро займется и наше, такъ называемое, благородное сословіе..... Ахъ, да! кстати: въ какой степени сочувствуете вы современному вопросу?

— Какому вопросу?

— Фу, чортъ возьми! Разумѣется вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Говорите откровенно....

— Я радъ всему доброму, отвѣчалъ я

— Я радъ.... я радъ... Да что такое — я радъ? Недостаточно, милостивый государь! — И генералъ схватилъ меня за бортъ сертука.

— Вы, м. г., писатель, вы должны имѣть европейскій взглядъ на эти вещи. L'esclavage à bas!... Вы понимаете по французски?

— Немножко.

— Да-съ, à bas, чортъ меня возьми! Въ этой груди, — генералъ ударилъ себя въ грудь кулакомъ — таится не одно благородное чувство. Еще до поднятія вопроса объ освобожденіи крестьянъ, я принималъ не разъ самыя гуманныя мѣры къ улучшенію ихъ семейнаго и общественнаго быта. Вы читали что-нибудь въ «Русскомъ Вѣстникѣ» о пенсильванцахъ и каролинцахъ? — Этотъ журналъ не множко англоманъ; впрочемъ, это ничего: я его уважаю..... Каролинцы, м. г., защищаютъ невольничество; но я.... я въ душѣ пенсильванецъ; жена у

(*) М. Ѳ. де Пуле, напечатавшій въ Виленскомъ Вѣстникѣ нынѣшняго года цѣлый рядъ превосходныхъ біографическихъ статей своихъ объ И. С. Никитинѣ, обязалъ насъ доставленіемъ этого разсказа, найденнаго между бумагами Н. И. Второва. Разсказъ писанъ не для печати и включенъ въ частное, дружеское письмо къ Второву въ Петербургъ, отъ 21 Ноября 1860 года. Намъ кажется, что въ этомъ очеркѣ схваченъ общественный типъ, нынѣ уже отошедшій въ область исторіи: въ Русскомъ Архивѣ слѣдуетъ собирать подобныя *историческія* черты. Кромѣ того печатаемый разсказъ дорогъ и въ литературномъ отношеніи, ибо свидѣтельствуетъ объ умственной трезвости автора, который наблюдательно относился къ заявленіямъ, столь понятнымъ и извинительнымъ почти наканунѣ 19 Февраля 1861 года. Тѣмъ изъ читателей, которые мало знаютъ о жизни Никитина, напомнимъ, что этотъ высоко-даровитый писатель занимался между прочимъ книжною торговлею въ городѣ Воронежѣ. *П. Б.*

меня тоже пенсильванка, эманципаторка въ высшей степени. Сынъ (онъ служитъ въ гвардіи) — одинъ изъ передовыхъ людей настоящаго времени.. Что стоитъ дюжина этихъ красныхъ карандашей?

Я сказалъ цѣну.

— Прикажите ихъ для меня завернуть.. Такъ-то, м. г! Я, напримѣръ, на дняхъ отпустилъ на волю всѣхъ своихъ дворовыхъ, да вѣдь не дармоѣдовъ... нѣ-ѣ-тъ!... И генералъ снова принялъ величественную позу и при концѣ каждой фразы билъ кулакомъ о прилавокъ. — Я отпустилъ кузнецовъ, слесарей, столяровъ, каретниковъ, поваровъ, — замѣтьте: поваровъ, чортъ возьми! Я гастрономъ, люблю хорошо поѣсть, - но свобода прежде всего... la liberté!... Да здравствуетъ свобода!..

Личность этого господина сильно меня заинтересовала. Я старался продлить нашъ разговоръ; къ счастію, намъ никто не мѣшалъ.

— Ваши сосѣди - помѣщики, сказалъ я, - я думаю не очень-то долюбливаютъ васъ за ваши гуманныя идеи? - Генералъ презрительно улыбнулся.

— Тьфу! вотъ мой отвѣтъ сосѣдямъ. Мнѣ дорого мое внутреннее убѣжденіе въ правотѣ моего взгляда, на все прочее я плюю. Я люблю de tout mon coeur нашъ добрый простой народъ, и люблю, знаете, иногда съ нимъ сблизиться, поговорить. Par exemple! Подъ новый годъ я приказалъ своему старостѣ извѣстить моихъ крестьянъ, чтобы заутра они собрались всѣ въ церковь, потому что я имѣю имъ нѣчто сказать. И вотъ наступилъ новый годъ. Заблаговѣстили къ обѣднѣ. Вхожу въ церковь; народу — яблоку негдѣ упасть: внѣ церкви десятки тысячъ, тьма тьмущая, сошлись, знаете, изъ окрестныхъ деревень. Ну, хорошо-съ. Отслушали мы съ женою литургію, отслушали молебенъ. Я подхожу къ священнику и говорю: — Батюшка, позвольте мнѣ сказать крестьянамъ нѣсколько словъ. — Сдѣлайте милость, ваше пр—ство! отвѣчалъ онъ. — «Поздравляю васъ, братцы, съ новымъ годомъ, желаю вамъ всякаго блага, желаю, чтобы исполнились ваши желанія. Вы желаете свободы, — свобода вамъ будетъ дана. Но воля и свобода — два понятія противоположныя: свобода—это жизнь въ благоустроенномъ гражданскомъ обществѣ, огражденная закономъ; воля—это значитъ—это значитъ птица летаетъ въ воздухѣ, звѣрь рыскаетъ въ лѣсу, черкесъ грабитъ въ своихъ неприступныхъ ущельяхъ... Ну, и такъ далѣе"... Теперь я не могу припомнить всѣхъ подробностей, а вышло очень не дурно, скажу безъ самохвальства. Барщину я теперь послалъ къ черту: у меня работаютъ одни вольнонаемные. Сдѣлайте одолженіе, присылайте ко мнѣ конторщиковъ, бухгалтеровъ, управителей, агрономовъ, — всѣмъ дамъ мѣсто, всѣмъ дамъ жалованье! Свобода труда— первое условіе народнаго благосостоянія. A propos: у васъ есть въ продажѣ записныя, приходорасходныя книги?

— Есть.

— Покажите.... Хорошо, годится. Цѣна?

Я сказалъ цѣну.

— Прикажите завернуть четыре книги. У меня, знаете, приходъ и расходъ каждаго зернышка записывается въ книгу. Я гляжу на этотъ предметъ съ экономической точки зрѣнія, — иначе невозможно. Какъ жаль, что у насъ еще такъ мало развита политико-экономическая наука. Познакомтесь пожалуйста съ сочиненія-

ми П. Фуше, Моляпари и проч. Вы найдете въ нихъ много хорошаго.... Ну-съ, однако, что же вы не скажите мнѣ: что вы теперь подѣлываете, что пописываете?

— Право ничего: все нездоровится, да и некогда.

Его превосходительство покачалъ головой.

— Эхъ, молодые люди, молодые люди! Какъ у васъ мало одушевленія, этой внутренней силы, что называется energie! Господи Боже мой! Что если бы я родился поэтомъ!... А! какъ вы думаете?

И онъ вдругъ сдѣлалъ шагъ назадъ, закинулъ голову и забасилъ, тыкая указательнымъ перстомъ въ воздухъ:

— ты знаешь самъ,
Какое время наступило:
Въ комъ чувство долга не остыло,
Кто сердцемъ неподкупно правъ...

— Ну и прочая, помните?

Проснись, громи пороки смѣло!

— Да, громи ихъ, чортъ побери! — И генералъ топнулъ ногой.

— Вотъ ваше назначеніе!.... Позвольте, нечаянно вспомнилъ... Вы знаете помѣщика С—ва?

— Знаю не много.

— Комедія! Ей Богу комедія! Съ нимъ совершилось нѣчто въ родѣ Овидіевыхъ превращеній. Представьте: умнѣйшій человѣкъ, кандидатомъ кончилъ курсъ въ университетѣ. До поднятія вопроса объ освобожденіи крестьянъ былъ прогрессистъ въ полномъ смыслѣ этого слова, врагъ отсталости, рутины, застоя, etc... etc... Но заговорили о свободѣ крестьянъ, взялись за святое дѣло ихъ освобожденія — и нашъ горячій прогрессистъ, нашъ глашатай великихъ идей ррр!!!

— Вотъ вамъ, продолжалъ онъ, и современные люди! Правду сказалъ Лермонтовъ:

И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ...

Parbleu! Стоитъ, ей-ей стоитъ!.. Теперь спрашивается: откуда взялась у насъ эта нетвердость убѣжденій? Отчего она? Оттого, что воспитаніе у насъ варварское; оттого, что depuis de l'enfance, такъ сказать съ материнимъ молокомъ, мы всасываемъ въ себя произволъ; оттого, что безправіе... Да вотъ вамъ примѣръ превращенія. Я служилъ полковникомъ въ штабѣ. Замѣтьте — *служилъ*! Т. е. былъ не цыфрой безъ значенія, а старался принести возможную пользу своею дѣятельностію Вы, впрочемъ, не подумайте, что это я говорю изъ хвастовства... Dieu m'en préserve... Вотъ, знаете, и дѣлаешь, бывало, наблюденія. Возьмешь хоть вахмистра. Вахмистръ, sans doute, бывшій когда-то мужикомъ, любимъ и уважаемъ подчиненными ему солдатами, обращается съ ними кротко, входитъ въ ихъ нужды и проч. Но едва этотъ вахмистръ, этотъ выслужившійся солдатъ получаетъ офицерскіе эполеты, — баста! Превращеніе! У него является напыщенность, надменность, онъ дѣлается извергомъ, варваромъ, тираномъ, le tyran, да-съ — le tyran...

Вѣроятно его превосходительству понравилось это слово: онъ повторилъ его не разъ и съ какимъ-то особеннымъ носовымъ, протяжнымъ звукомъ — le tyra-a-an'. — Однако я съ вами заговорился, заключилъ генералъ: до свиданія! Au revior, M-eur Nikitin, au revoir!...

И его превосходительство оставилъ меня, насвистывая какую-то пѣсенку. Съ тѣхъ поръ мы больше не видались; а, право, жаль!

И. Никитинъ.

(21 Ноября 1860.
Воронежъ.)

ЗАМѢТКИ.

1.

Случайно прочелъ я въ (Русскомъ Архивѣ 1864, изд. 2-е) четверостишіе, которое покойный М. Ю. Лермонтовъ написалъ мнѣ въ альбомъ въ 1837 году. Такъ какъ двѣ первыя строчки этого экспромта переданы Г. П. Данилевскимъ не совсѣмъ точно, то я и полагаю не лишнимъ сообщить небольшое стихотвореніе это въ томъ видѣ, какъ оно было написано авторомъ. — Вотъ оно:

Ну что скажу тебѣ я спросту?
Мнѣ не сруки хвала и лесть:
Дай Богъ тебѣ побольше росту —
Другія качества всѣ есть.

Михаилъ Юрьевичъ былъ не только хорошимъ нашимъ знакомымъ, какъ говоритъ г. Данилевскій, но и родственникомъ: его родная бабка по матери (Елис. Алексѣев. Арсеньева) и моя родная бабка по матери же (Екат. Алекс. Хастатова) были родныя сестры. Въ 1837 году, во время служенія своего въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, онъ находился въ Ставрополѣ, передъ пріѣздомъ туда государя Николая Павловича; ежедневно навѣщая въ это время отца моего, бывшаго тогда начальникомъ штаба, онъ совершенно родственно старался развлекать грусть его по кончинѣ жены, приходившейся Лермонтову двоюродной теткой.

А. Петровъ.

1867, Іюня 1.
г. Юрьевецъ-Повольскій.
(Костр. губ.).

2.

Просматривая статью г. Лонгинова „о пензенскомъ помѣщикѣ Струйскомъ", я прочелъ въ „добавочныхъ свѣдѣніяхъ объ этомъ лицѣ" (Руск. Архивъ 1865, стр. 964) что „*Николай Еремѣевичъ Струйскій* былъ нѣкогда губернаторомъ во Владимірѣ".

Ни Николая Еремѣевича, ни какого другаго Струйскаго во Владимірѣ губернаторомъ не бывало; въ удостовѣреніе чего прилагаю хронологическій списокъ всѣмъ Владимірскимъ губернаторамъ отъ учрежденія Владимірскаго намѣстничества (1 сентяб. 1778 года).

1. Воронцовъ, графъ Романъ Илларіоновичъ, намѣстникъ Костромской и Владимірскій, съ 1779 по 1784 (Похор. во Владим. Дмитріевскомъ соборѣ).

2. Салтыковъ, гр. Ив. Петровичъ, генералъ губернаторъ Владим. и Костром. намѣстничества съ 1784 по 1787 г.

3. Заборовскій, Ив. Александр. генералъ-поручикъ, генер. губ. того же намѣстничества, съ 1787 по 1797 г.

4. Руничъ, Павелъ Степан. тайный совѣтникъ, гражданскій губернаторъ, съ 1797 по 1802.

5. Долгоруковъ, князь Ив. Михайл. дѣйствит. статс. сов., съ 1802, 8 февр. по 1812, 23 марта.

6. Супоневъ, Авдѣй Николаев. генер. маіоръ, переименованный въ дѣйств. ст. сов., съ 1812 по 1817.

7. Юрловъ, Ив. Иван., генер. м. переим. въ дѣйс. ст. сов. съ 1817 по 25 мая 1820.

8. Апраксинъ, графъ Петръ Иван., генер. м. переим. въ д. с. с., съ 1821 по 1827 годъ (между Юрловымъ и гр. Апраксинымъ губерніей болѣе года правилъ вице-губерн.).

9. Курута, Ив. Эммануил., статс. сов., съ 1827 по 1832 г.

10. Ланской, Сергій Степан., дѣйст. стат. сов. съ 1832 по 1835 г.

11. Паскевичъ, Степанъ Ѳедоров., дѣйст. ст. сов. съ 13 янв. 1835 по 23 апр. 1836.

12. Курута, Ив. Эмман. (во второй разъ) дѣйс. с. с. съ 23 апр. 1836 по 12 іюля 1842.

13. Донауровъ, Петръ Михайл. дѣйст. ст. сов. съ 1842 по 1851 годъ.

14. Заринъ, Владим. Ив. дѣйств. ст. сов. съ 29 іюня 1851 по 28 февр. 1852.

15. Синельниковъ, Николай Петров., генералъ-маіоръ, воен. губ. гор. Владиміра, управл. и гражд. частію, съ 28 февр. 1852 г. по 9 декабря того-же года.

16. Анненковъ, Владим. Егоров. генералъ-лейтенантъ, съ 1852 по 1856 г.

17. Тиличеевъ, Егоръ Сергѣев. д. с. с. съ 1856 по 1861 годъ.

18. Самсоновъ, Александръ Петров. свиты е. в. генер. маіоръ, съ 1861 по 1865.

19. Шатохинъ, Платонъ Александр., д. с. с. съ 1865 по 1866.

20. Струковъ, Владим. Николаев. съ 8 марта 1866 года.

Михаилъ Ранъ.

1867 г. 1-го Іюня
Владиміръ.

Юбилейныя изданія Московскаго университета (1855).

Когда праздновался юбилей столѣтняго существованія Московскаго университета, многія учрежденія поднесли ему въ этотъ памятный день нѣкоторыя изданія, собственно къ этому торжеству приготовленныя: такъ императорская Академія Наукъ напечатала первую по времени неизданную до того оду Ломоносова 1738 года, переведенную имъ съ французской оды Фенелона. Стихотвореніе это напечатано на пергаменѣ, въ листъ, съ акварельнымъ портретомъ Ломоносова, французскимъ подлинникомъ, примѣчаніями и факсимиле.

Императорская Публичная Библіотека поднесла университету первыя русскія вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ, въ 1703 году. Эта перепечатка сдѣлана съ точнѣйшимъ соблюденіемъ правописанія перваго изданія и перепечатана страница въ страницу и строка въ строку. Оттиснутые триста экземпляровъ этихъ вѣдомостей разошлись между любителями, и книга эта въ продажѣ болѣе не встрѣчается. Желательно, чтобы перепечатаны были и другіе рѣдкіе годы Московскихъ Вѣдомостей. Одна только императорская Публичная Библіотека, владѣя единственнымъ полнымъ собраніемъ Московскихъ Вѣдомостей, можетъ воспроизводить эти любопытные памятники нашей старинной жизни.

Профессора Московскаго университета издали къ столѣтнему юбилею слѣдующія книги:

1. Исторія Московскаго университета за истекшее столѣтіе. Добросовѣстный трудъ покойнаго С. П. Шевырева.

2. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета за все столѣтіе. Двѣ части, содержащія 258 біографій. Многіе изъ этихъ жизнеописаній суть ученыя автобіографіи. Трудъ изданія и печатанія принадлежитъ тоже С. П. Шевыреву.

3. Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ и славянскихъ. Труды профессоровъ Буслаева, Клина, Меншикова и Петрова.

4. „Въ Воспоминаніе 12 января 1855 года“. Сборникъ статей нѣкоторыхъ профессоровъ.

Кромѣ того начата была печатаніемъ біографическая лѣтопись всѣхъ извѣстныхъ питомцевъ Московскаго университета за все столѣтіе съ приложеніемъ общаго ихъ столѣтняго списка. „Хотя большая часть матеріаловъ собрана уже для сего изданія“ сказано въ отчетѣ празднованія юбилея, „но оно не могло быть изготовлено къ сему празднику, потому что многія біографическія записки славныхъ питомцевъ университета были доставлены слишкомъ поздно, а другія и до сихъ поръ еще не доставлены. Въ теченіи сего сто перваго года его существованія члены комитета надѣются привести къ окончанію этотъ біографическій трудъ“. Редакцію и печатаніе этого біографическаго словаря при

нялъ на себя неутомимый С. П. Шевыревъ. По отзыву совѣта университета, большая часть матеріаловъ была собрана для сего изданія, а между тѣмъ проходитъ и сто двѣнадцатый годъ существованія университета, а біографическая лѣтопись не выходитъ въ свѣтъ! Куда же дѣвались всѣ эти матеріалы, надъ которыми такъ трудились многіе? Почему совѣтъ университета не возвратилъ авторамъ написанныя ими біографіи, если онъ отмѣнилъ свое изданіе? Матеріалы были доставлены не частному лицу, а ученому комитету, слѣдовательно не должны были и не могли пропасть. Гдѣ же сохраняются они теперь? Намъ извѣстно, что покойный Шевыревъ до отъѣзда своего за границу напечаталъ 15 печатныхъ листовъ или 30 полулистовъ этого изданія. Выходъ его изъ должности остановилъ дѣло.

Біографическая лѣтопись печаталась въ хронологическомъ порядкѣ; она начинается 1756 годомъ, подъ коимъ помѣщены біографіи: Д. Л. Боборыкина, Б. М. Салтыкова, А. Павлова, Я. И. Булгакова, А. Г. Карина, кн. Потемкина Таврическаго, Д. И. фонъ Визина и списокъ воспитанниковъ за 1756 годъ. Подобные списки напечатаны подъ каждымъ годомъ. Изъ біографіи студентовъ кончившихъ курсъ въ 1757 году, напечатаны: И. Алексѣева, Е. Булатницкаго, А. И. Моркова; 1758 года: Н. И. Новикова, Ѳ. Г. Карина; 1759 года: Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, С. Башилова, И. Богдановича, И. Гвоздиковскаго, П. И. фонъ-Визина, А. И. Перепечина; 1760 года В. Г. Рубана, послѣдняя біографія безъ конца.

Пожелаемъ искренно, чтобы между членами Московскаго университета нашелся продолжатель предпринятаго покойнымъ Шевыревымъ столь полезнаго и любопытнаго изданія, на которое уже потрачено много времени и казенныхъ денегъ. Пожелаемъ, чтобы по крайней мѣрѣ отпечатанные листы увидѣли свѣтъ и не поступили бы въ продажу на вѣсъ. Сколько намъ извѣстно, надъ этими біографіями трудились: сынъ Д. Л. Бобарыкина (въ то время 70 лѣтній старецъ, Орловскій помѣщикъ) А. Д. Бобарыкинъ, и молодые, тогда только что начинавшіе свое поприще, люди: П. И. Бартеневъ, П. А. Безсоновъ, Н. С. Тихонравовъ, А. Н. Костылевъ и др. Профессоръ Шевыревъ, выходя изъ должности, какъ слышно, поручалъ продолженіе дѣла и передавалъ рукописный запасъ И. Д. Бѣляеву.

40. 80.

Сборникъ Муханова. Изданіе второе, дополненное Спб. 1866 in. 4°, 763 стр.; съ портретомъ князя Михайла Васильевича Скопина Шуйскаго, со снимками и рисунками.

Сборникъ П. А. Муханова, пріобрѣтшаго себѣ ученую извѣстность изданіями историческихъ документовъ, необходимыми для всѣхъ занимающихся отечественною исторіею, состоитъ: изъ 1-го изданія этого Сборника, напечатаннаго въ 1836 году, изъ рукописи Филарета, вышедшей въ свѣтъ въ 1837 году, и изъ 154 новыхъ документовъ, между которыми особенно замѣчательны: юридическіе акты и грамоты, сообщающія новыя свѣдѣнія о городовомъ правѣ въ Сѣверозападномъ и Югозападномъ краѣ Россіи и о развитіи въ немъ такъ называемаго Магдебургскаго права; нѣсколько актовъ, относящихся къ смутному времени, и Дневникъ Бростовскаго, веденный имъ на съѣздѣ подъ Вильною, въ 1656 году, по случаю переговоровъ объ избраніи царя Алексѣя Михайловича въ Польскіе короли. Что касается перепечатанныхъ документовъ изъ перваго изданія Сборника и рукописи Филарета, вѣрно и безпристрастно излагающей событія того времени, то значеніе и важность тѣхъ и другой уже давно по справедливости оцѣнены всѣми.

Въ видѣ введенія, почтенный издатель Сборника предпослалъ къ нему нѣсколько мыслей (desiderata) относительно сохраненія, описанія и изданія историческихъ памятниковъ, а также составленія пособій къ изученію отечественной

исторія — плодъ его многолѣтней наблюдательности и личной опытности. Съ нѣкоторыми изъ нихъ нельзя не согласиться, такъ они вѣрны и справедливы; но другія еще долгое время будутъ принадлежать къ числу pia desideria.

Нельзя при этомъ пройти молчаніемъ того обстоятельства, что г. Мухановъ, печатая первый въ своемъ Сборникѣ, тридцать лѣтъ тому назадъ, документы изъ такъ называемой Метрики Литовской, сказалъ при ихъ обнародованіи: „Эти акты, написанные всѣ на Русскомъ языкѣ, будутъ служить лучшимъ доказательствомъ, что западныя наши провинціи (которыя Полнки называютъ — забранымъ краемъ, а Русскіе весьма недавно начали называть — возвращенными губерніями) были населены Русскими, исповѣдывавшими Грекороссійскую вѣру, что почти всѣ жители говорили по Русски, судопроизводство съ самаго начала было на языкѣ Русскомъ, дипломатическія сношенія велись на языкѣ Русскомъ“. Въ настоящее время сказанное П. А. Мухановымъ составляетъ уже неопровержимую истину, и можно надѣяться, что весьма скоро наступитъ время, когда Сѣверозападный край сдѣлается совершенно Русскимъ.

А. Бычковъ.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ КЪ СТАТЬѢ

„*Гробница князя Потемкина*“.

1.

Въ статьѣ нашей „Гробница князя Потемкина“ (Рус. Арх. 1867, стр. 204—205) мы не могли съ точностью опредѣлить время построенія Херсонскаго крѣпостнаго Екатерининскаго собора, гдѣ покоится прахъ князя Таврическаго: изъ нѣсколькихъ приведенныхъ нами тамъ показаній мы остановились на томъ, которое нашли въ „Описи имущества“ этого собора, и наиболѣе вѣроятное время его построенія отнесли къ 1781—1796 годамъ. Теперь мы имѣемъ возможность точнѣе опредѣлить это время, основываясь на исторической запискѣ о Херсонскихъ церквахъ, неизвѣстно кѣмъ составленной въ 1837 году для архіепископа Гавріила и найденной нами въ сборникѣ принадлежавшихъ ему рукописей. Вотъ что мы читаемъ въ этой запискѣ объ Екатерининскомъ соборѣ: „Изъ черновой вѣдомости, въ архивѣ правленія отысканной, безъ означенія, за какой именно годъ, но вѣроятно весьма давней, объ основаніи церквей какъ въ городѣ Херсонѣ, такъ и въ уѣздѣ его, значится, что соборную Екатерининскую церковь дозволено строить въ 1781 году, о заложеніи ея выдана храмозданная грамота тогоже года, Августа 7 го, подъ номеромъ 942; построена и освящена въ 1786 году, и объ освященіи ея имѣется указъ Славянской Консисторіи тогоже года отъ 4-го Апрѣля. Но самыхъ дѣлъ о заложеніи ея, грамоты и указа объ освященіи ея не отыскано — ни въ архивѣ правленія, ни въ упомянутомъ соборѣ; дѣла объ немъ, по отчисленіи его въ вѣдомство оберъ священника, забраты изъ Духовнаго Правленія и отосланы къ нему: объ этомъ говоритъ нынѣшній настоятель того собора“.

Такимъ образомъ соборъ былъ уже построенъ и освященъ, когда императрица Екатерина посѣтила Херсонъ въ 1787 году.

2.

Въ № 132 *Одесскаго Вѣстника* (17 Іюня 1867) мы встрѣтили довольно любопытную замѣтку по поводу одного мѣста той же статьи нашей „Гробница князя Потемкина“. Авторъ этой замѣтки дополняетъ нѣкоторыми подробностями разсказъ нашъ о произведенной въ 1863 году вторичной раскопкѣ Потемкинскаго гроба, разсказъ, составленный нами, какъ это было уже замѣчено и прежде, со словъ двухъ лицъ (гг. А. и С.), которыя принимали въ ней непосредственное участіе. Г. О. М. былъ не только очевидцемъ, но и главнѣйшимъ дѣяте-

лемъ при вскрытіи гроба — и мы позволимъ себѣ привести здѣсь его замѣтку. „Разсматривая на дняхъ 2 книгу Русскаго Архива — говоритъ онъ — я невольно остановился на слѣдующихъ словахъ г. Шугурова въ его статьѣ „Гробница князя Потемкина“: „Впрочемъ, кромѣ костей да кожанныхъ, хорошо сохранившихся, довольно красивой отдѣлки туфлей, въ немъ (т. е. въ гробу Потемкина) не нашлось ничего болѣе“. Такъ какъ я принадлежу къ числу тѣхъ немногихъ лицъ, которыя производили изслѣдованіе могилы въ 1863 году; то позволяю себѣ исправить неточность этихъ словъ (*).

„Чрезъ небольшое отверстіе, когда-то сдѣланное въ сводѣ склепа, насъ спустилось двое: я и г. С. Я рылся въ землѣ, наполнявшей небольшой склепъ, а г. С. мнѣ помогалъ и освѣщалъ свѣчею нашу работу. Сначала мнѣ попались въ руки два ребра и плечевая кость, а затѣмъ я вытащилъ черепъ, безъ нижней челюсти, но съ остатками волосъ на затылкѣ, а потомъ отыскалъ и нижнюю челюсть; далѣе мы не изслѣдывали. Обо всемъ, что̀ мы нашли и видѣли, составили актъ, герметически закупорили его въ склянку и, вмѣстѣ съ костями и черепомъ, положили въ томъ же склепѣ, въ маленькомъ ящикѣ. Поэтому меня удивляетъ, что лицо, передавшее г. Шугурову о произведенномъ въ 1863 году изслѣдованіи, ничего не упомянуло о черепѣ. Что же касается до туфлей, то никакимъ образомъ нельзя пару найденныхъ тамъ подошвъ, изъ которыхъ одна и по сіе время хранится у меня, называть туфлями, да еще хорошо сохранившимися и довольно красивой отдѣлки“.

Въ статьѣ нашей мы выразили сожалѣніе, что и вторичное изслѣдованіе Потемкинскаго гроба было далеко не полное. Справедливость нашего замѣчанія вполнѣ оправдывается и приведеннымъ теперь разсказомъ, изъ котораго между прочимъ видно, что изслѣдованіе производилось почему-то весьма торопливо и крайне безпорядочно: вытаскивали изъ гроба, что̀ попадалось подъ руку, и едва имѣли время хорошо разглядѣть, что̀ вытаскивали. Этимъ-то обстоятельствомъ и надо объяснить нѣкоторое разногласіе въ показаніяхъ очевидцевъ и участниковъ раскопки и ту неточность, которую г. О. М. усматриваетъ въ нашихъ словахъ.

М. Шугуровъ.

(*) Точность нашихъ словъ — замѣтимъ по этому случаю — была обязательно провѣрена вышеупомянутыми двумя лицами.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ 1867 ГОДУ

Заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

ПОДПИСКА принимается въ С. П-бургѣ (у Пяти угловъ, въ домѣ Буреница) по понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ отъ 10 до 12 часовъ утра, въ С.-Петербугской и Московской газетныхъ экспедиціяхъ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородные адресуются прямо въ редакцію.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки **ДВѢНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ**, съ пересылкой или доставкой **ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЪ КОПѢЕКЪ**. Книжки выходятъ въ концѣ каждаго мѣсяца.

РУССКІЙ АРХИВЪ

Историко-литературный сборникъ, посвященный изученію Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ

1867 ГОДУ,

въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 1864, 1865 и 1866 годахъ, но въ большемъ противъ прежняго объемѣ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіи года 12 (въ каждомъ не менѣе 4-хъ листовъ сжатой печати, въ 2 столбца; иногда по два выпуска выходятъ вмѣстѣ).

Цѣна Русскому Архиву съ пересылкою въ города и доставкою на домъ въ Москвѣ и С.Петербургѣ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписываться можно въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ (на Мясницкой № 7), при коей издается Русскій Архивъ; и въ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывшемъ Базунова).

Въ С.Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ д. Ольхиной, въ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова.*

ИНОГОРОДНЫЕ ОБРАЩАЮТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЪ МОСКВУ, ВЪ ЧЕРТКОВСКУЮ БИБЛІОТЕКУ.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **7** р.; *во Францію и Бельгію* **7** р. **50** к.; *въ Англію* **8** р.; *въ Швейцарію и Италію* **9** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

8 и 9. ПРИ 1867.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗАПИСКИ ДМИТРІЯ БОРИСОВИЧА МЕРТВАГО.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Миляковой.

1867.

ЦѢНА Р. АРХИВУ ЗА 1866 СЪ ПОРТРЕТОМЪ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й И СЪ ПОЛНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ КЪ ПОВРЕМЕННЫМЪ ИЗДАНІЯМЪ МОСК ОБЩ. ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ. XXVI, 1777, XII И 134 СТР. 5 Р. СЪ ДОСТАВКОЮ 6 Р.

Вторыя изданія Русскаго Архива большими томами, въ которыхъ статьи размѣщены по порядку времени. **1863** года VI и 1066 стр. (**4** р., съ пер. **5** р.) **1864** года 154 и 1182 стр. съ рисунк. (**4** р., съ пер. **5** р.) **1865** года 1550 стр. (**5** р., съ пер. **6** р.) Иногородные за Русскимъ Архивомъ обращаются исключительно въ Москву, въ Чертковскую библіотеку. Выписывающіе въ города *всѣ четыре года вмѣстѣ* прилагаютъ съ перес. **20** рублей.

Тамъ же изданія „Русскаго Архива“:

I. ІЕЗУИТЫ

И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ.

(ПИСЬМА Ю. Ѳ. САМАРИНА КЪ ОТЦУ МАРТЫНОВУ).

Изложено ученіе Іезуитовъ и разсказаны ихъ дѣйствія въ Россіи.

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 рубля (8°. 304 стр.)

2. НОВИКОВЪ И МОСКОВСКІЕ МАРТИНИСТЫ.

Изслѣдованіе М. Н. Лонгинова. М. 1867. 8°. IV. 384 и 176 стр. Цѣна 3 р., и съ пересылкою.

3. ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА

Съ примѣчаніями и указателемъ М. 1867. 8°. VIII. 240 и VIII стр. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

Выписывающіе всѣ три книги вмѣстѣ не платятъ ничего за пересылку,

Тамъ же стихотворенія **КН. П. А. ВЯЗЕМСКАГО:**

ВЪ ДОРОГѢ И ДОМА.

М. 1862. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. (8°. 420 стр.)

ЗАПИСКИ

ДМИТРІЯ БОРИСОВИЧА

МЕРТВАГО

1760—1824.

ИЗДАНІЕ РУССКАГО АРХИВА.

МОСКВА.
Въ Типографіи Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ, д. Миляковой.
1867.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

ВОСПОМИНАНІЕ С. Т. АКСАКОВА О ДМИТРІИ БОРИСОВИЧѢ МЕРТВАГО.

(Письмо къ В. П. Безобразову).

М. г. Владиміръ Павловичъ! Вы просили меня, чтобы я сообщилъ вамъ все то, что было лично мнѣ извѣстно при моихъ сношеніяхъ съ покойнымъ Д. Б. Мертваго: исполняю очень охотно ваше и мое собственное желаніе. Едва ли кто нибудь изъ читателей могъ такъ обрадоваться появленію въ печати „Записокъ Дмитрія Борисовича Мертваго" (*), какъ обрадовался я, для котораго это было совершенною неожиданностію. Мнѣ и въ голову не входило, что онъ оставилъ послѣ себя „Записки". Прибавить какую нибудь черту къ этимъ „Запискамъ" я считаю за счастіе. Многоуважаемая память моего покойнаго крестнаго отца, въ обширномъ и строгомъ смыслѣ честнѣйшаго человѣка, котораго вся жизнь была борьба правды и чести съ ложью и подлою корыстью, постоянно жила и живетъ въ моей душѣ. Его „Записки" безъ сомнѣнія будутъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для всей читающей образованной публики. „Біографическое свѣдѣніе (**) объ авторѣ Записокъ, составленное братомъ его, С. Б. Мертваго", написано совершенно безпристрастно, не смотря на горячую, всѣмъ извѣстную, взаимную дружбу обоихъ братьевъ. Оно имѣетъ одинъ недостатокъ — краткость.

Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ себя помнить, я помню, что Дмитрій Борисовичъ, мой крестный отецъ, бывалъ у насъ въ домѣ очень часто, во все время пребыванія моего семейства въ Уфѣ. Въ 1787-мъ году, мы переѣхали на житье въ деревню, а Дмитрій Борисовичъ еще прежде оставилъ Уфу и поступилъ въ Петербургъ на новую службу. Не смотря на мой дѣтскій возрастъ, я очень замѣчалъ, да и другіе говорили, что мой крестный отецъ не такъ ласковъ ко мнѣ и не такъ занимается мною, какъ другіе друзья или короткіе наши знакомые. Къ этому замѣчанію обыкновенно прибавляли, что онъ не любитъ маленькихъ дѣтей, особенно такихъ, которыхъ родители балуютъ. Я самъ, не одинъ разъ, слышалъ, какъ Дмитрій Борисовичъ подтруниваль и подшучивалъ надъ моею матерью, говоря, что „она не любитъ, а обожаетъ своего сынка", и у меня поселилось непріятное чувство къ моему крестному отцу; но это не мѣшало мнѣ замѣчать, что онъ былъ всѣми любимъ и уважаемъ, что всѣ слушали его остроумные и веселые разговоры съ необыкновеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ, и что всѣ называли его „душой компаніи". Я тогда еще слыхалъ отъ моихъ родителей, что Дмитрій Борисовичъ, не только самъ честный человѣкъ, но и другихъ принуждаетъ быть честными.

Разъѣхавшись въ разныя стороны, мы не видались нѣсколько лѣтъ, и я уже забылъ моего крестнаго отца, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Дмитрій Борисовичъ Мертваго вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ „Старую Мертов-

---

(*) Говорится о первой главѣ Записокъ, появившейся въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 г. *П. Б.*

(**) Оно напечатано здѣсь, на стр. 1-й. *П. Б.*

щину“ къ своей матери и сестрѣ, которыя жили отъ насъ въ 30 верстахъ. Марья Михайловна Мертваго, его мать, пользовалась необыкновеннымъ уваженіемъ отъ всѣхъ своихъ сосѣдей и всѣхъ знакомыхъ; она считалась женщиною великаго и политичнаго ума; дочь ея, Катерина Борисовна Чичагова, была дружна съ моею матерью, да и мужъ ея, П. И. Чичаговъ, любилъ все наше семейство. Черезъ нѣсколько дней мы поѣхали въ Мертовщину, и мать всю дорогу твердила мнѣ, чтобы я не дичился и не игралъ бы въ молчанку, потому что она желаетъ, чтобы мой крестный отецъ увидѣлъ во мнѣ умненькаго мальчика, довольно образованнаго для своихъ лѣтъ, а не деревенскаго неуча. Такія слова не прибавили мнѣ бодрости, а еще болѣе меня смутили. Представляя меня Дмитрію Борисовичу, мать сказала, что я его помню, люблю, уважаю и дорожу тѣмъ, что онъ мой крестный отецъ. Въ этихъ словахъ было мало правды: мнѣ стало неловко, я покраснѣлъ и молчалъ. Дмитрій Борисовичъ, погладивъ меня по головкѣ, сказалъ: „А, какой молодецъ выросъ!“ и потомъ уже не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Матери моей это было очень досадно: какъ это ея сынокъ, такой книжный чтецъ и декламаторъ Сумароковскихъ трагедій, а подчасъ говорунъ, не умѣетъ разинуть рта передъ своимъ крестнымъ отцомъ, важнымъ (бывшимъ) Петербургскимъ чиновникомъ и умнымъ человѣкомъ, который можетъ подумать, что она не дала сыну никакого образованія! Она не вытерпѣла и черезъ нѣсколько время, обратясь ко мнѣ, сказала: „Что̀ это ты все молчишь, Сережа? Крестный отецъ подумаетъ, что ты глупъ“. Я покраснѣлъ еще болѣе, а Дмитрій Борисовичъ, изъ шутливаго и веселаго разговора, вдругъ перешелъ въ серьезный тонъ, и быстро взглянувъ на меня, строго сказалъ: „Не слушай, Сережа, своей матери! Никогда не вмѣшивайся въ разговоры старшихъ, покуда тебя не спросятъ!“ Это не прибавило моего расположенія къ крестному отцу; но на этотъ разъ я былъ ему благодаренъ: мать уже не принуждала меня разговаривать. Мы прожили въ Мертовщинѣ еще два дня. Родныхъ и сосѣдей съѣхалось туда такое множество, что негдѣ было помѣщаться; Петербургской гость очаровывалъ всѣхъ, старыхъ и молодыхъ, особенно дамъ и дѣвицъ, своею ласковою любезностью. Онъ былъ очень хорошъ собою, хотя въ это время небольшая лысина уже свѣтилась на его головѣ; его называли даже красавцемъ, но при томъ говорили, что у него женская красота; онъ немножко пришепетывалъ, но это не мѣшало пріятности его рѣчей, и нѣкоторыя дамы находили, что это даже очень мило. Онъ былъ постоянно веселъ, шутливъ, остроуменъ безъ колкости. Я слышалъ, что ему отдавали преимущество передъ Петромъ Ивановичемъ Чичаговымъ, который также былъ въ обществѣ необыкновенно веселъ и остроуменъ, но мѣткія эпиграммы не рѣдко срывались съ его языка.

Дмитрій Борисовичъ всегда оказывалъ своей матери глубокую почтительность и нѣжность. Сестрѣ своей, К. Б. Чичаговой, брату Степану Борисовичу, а также и зятю, онъ былъ другъ, въ настоящемъ значеніи этого слова; даже третьему брату, Ивану Борисовису, который уже нѣсколько лѣтъ имѣлъ несчастіе потерять разсудокъ (отъ безнадежной любви, какъ мнѣ говорили), показывалъ онъ такое нѣжное вниманіе, такъ заботился о немъ, что Марья Михайловна, со слезами благодарности къ Богу, при мнѣ говорила о томъ моей матери.

Дмитрій Борисовичъ, объѣзжая всѣхъ родныхъ и сосѣдей, разумѣется вмѣстѣ съ матерью, сестрой и зятемъ, гостилъ вездѣ по нѣскольку дней — что̀ было тогда въ общемъ обыкновеніи — а у насъ прожилъ онъ съ своимъ семействомъ цѣлую недѣлю. Тутъ я разсмотрѣлъ поближе своего крестнаго отца, и не смотря на свою дѣтскость, безсознательно почувствовалъ глубокое уваженіе къ высокимъ качествамъ его ума и

сердца. Черезъ нѣсколько времени онъ уѣхалъ въ Крымъ, опять на новую службу, и я до 1808 года его не видалъ.

Въ 1808 году я нашелъ въ Петербургѣ своего крестнаго отца уже женатымъ, постарѣвшимъ и перемѣнившимся. Беззаботной веселости въ немъ уже не было. Онъ служилъ тогда генералъ-провіантмейстеромъ, и хлопотливая, тяжелая эта должность, казалось, очень его озабочивала. Въ послѣдствіи я узналъ, что находились другія причины, отъ которыхъ служба была для него такъ невыносимо-тягостною. Неподкупная его честность была извѣстна всѣмъ; но не всѣмъ, можетъ быть, было извѣстно, до какой строгости и чистоты возводилась эта честность во всѣхъ его служебныхъ отношеніяхъ: могъ ли такой человѣкъ не имѣть враговъ по службѣ?.. Онъ встрѣтилъ мое семейство, какъ старинный другъ, а меня, если не такъ ласково, какъ желалось моей матери и уже мнѣ, то, покрайней мѣрѣ, очень внимательно; много распрашивалъ меня о Казани, объ университетѣ, о службѣ, въ которую я намѣревался поступить, — но я никакъ не могъ замѣтить, доволенъ ли онъ мною или нѣтъ? Онъ приказалъ только, чтобы я ходилъ къ нему каждую недѣлю.

Первыя мои посѣщенія, послѣ отъѣзда изъ Петербурга моего семейства, ничего хорошаго не предвѣщали. Крестный мой отецъ обыкновенно говорилъ: „А здравствуй! Какъ поживаешь? Что пишутъ отецъ и мать? Что подѣлываешь на службѣ?“ Въ словахъ этихъ не слышно было никакого особеннаго участія, и они держали меня въ постоянномъ и холодномъ отдаленіи. Случалось даже, что, выслушавъ мои короткіе отвѣты, онъ говорилъ: „Ну, братъ, мнѣ некогда; ступай къ Варварѣ (такъ звалъ онъ свою жену) и оставайся обѣдать.“ Весьма естественно, что такіе пріемы не могли нравиться молодому человѣку, и я намѣревался уже ограничить мои посѣщенія двумя-тремя праздничными визитами въ годъ, какъ вдругъ случилась слѣдующая перемѣна. Пришелъ я одинъ разъ къ Дмитрію Борисовичу довольно рано поутру: онъ велѣлъ меня провести въ свой кабинетъ и сказалъ, что сейчасъ придетъ. Я бывалъ въ этомъ кабинетѣ при другихъ, и мало обращалъ вниманіе на окружающіе меня предметы; теперь же, отъ нечего дѣлать, я началъ все разсматривать, и мнѣ кинулась въ глаза небольшая картинка, висѣвшая надъ письменнымъ столомъ моего крестнаго отца: я подошелъ поближе и увидѣлъ, что это былъ видъ деревни „Званки“ и сельскаго дома Гаврила Романыча Державина; внизу находились слѣдующіе четыре стиха:

Средь сихъ лѣсовъ, болотъ и ржавинъ,
Съ безсмертнымъ эхомъ вѣчныхъ скалъ,
Безсмертны пѣсни повторялъ
Безсмертный нашъ пѣвецъ, Державинъ.

Картина была нарисована водяными красками и кѣмъ-то подарена Дмитрію Борисовичу, кажется женщиной. Кѣмъ написаны стихи — до сихъ поръ не знаю. Я былъ страстнымъ почитателемъ Державина; забывшись, съ восторгомъ и довольно громко, повторялъ я эти четыре стиха наизусть, не замѣтивъ, что крестный отецъ стоялъ уже за мною. „А, братъ, ты видно любишь старика!“ сказалъ онъ, и я, покраснѣвъ до ушей, съ волненьемъ высказалъ все, что чувствовалъ и думалъ о Державинѣ, прибавя, что знаю всѣ его стихи наизусть. Хозяинъ изъ любопытства сдѣлалъ мнѣ экзаменъ, и я прочелъ ему двѣ-три піэсы, декламируя на пропалую, по-студентски. „Ого, братъ, сказалъ съ усмѣшкой мой крестный отецъ, — да ты не вздумай въ актеры!“ Онъ посадилъ меня возлѣ себя, чего прежде не дѣлалъ, и разсказалъ про свое знакомство съ Державинымъ, прибавя, что онъ „не только великій стихотворецъ, приносящій честь и славу своему отечеству, но и честный сановникъ, и добрѣйшій человѣкъ, и что все, что говорятъ про него дурнаго, выдумка подлыхъ клеветниковъ и завистниковъ.“ Съ этого счастливаго утра, я сталъ сближаться съ моимъ крестнымъ отцомъ. Самъ ли онъ того

пожелалъ, или я, найдя въ немъ сочувственную себѣ струну, сталъ искать его расположенія — не знаю, только черезъ полгода, онъ уже охотно, хотя безъ особенной ласковости, иногда долго говорилъ со мной о своей прежней и настоящей службѣ, объ общественныхъ отношеніяхъ, и горько сѣтовалъ, что мало честныхъ людей, не на словахъ, а на дѣлѣ. Дмитрій Борисовичъ жилъ на Фонтанкѣ, въ каменномъ домѣ, или лучше сказать въ третьей части дома, принадлежавшаго его женѣ (урожденной Полторацкой) и сестрамъ ея, Сухаревой и Олениной. Принадлежность владѣнія обозначалась разностью красокъ. Часть Мертваго была палеваго цвѣта. Изъ залы былъ балконъ на набережную; на немъ любилъ сидѣть Дмитрій Борисовичъ, а иногда сиживалъ съ нимъ и я. Одинъ разъ онъ сказалъ мнѣ, указавъ пальцемъ: „Видишь ли ты этого господина, который тащится по набережной, такъ гадко одѣтый?“ Я отвѣчалъ, что вижу. — „Это великой человѣкъ! Это нищій, которому казна должна милліонъ, истраченный имъ для чести и славы отечества. Это адмиралъ Сенявинъ!“ А какъ онъ въ это время поравнялся съ нами, то Дмитрій Борисовичъ назвалъ его по имени и сказалъ ему: „зайди ко мнѣ“. Адмиралъ зашелъ. Мы всѣ трое пошли въ кабинетъ. Я, разумѣется, пошелъ по приглашенію хозяина. Сенявинъ пробылъ съ часъ; просто и открыто говорилъ онъ о своемъ крайнемъ положеніи, объ оскорбленіяхъ, имъ получаемыхъ, о своихъ надеждахъ, что когда нибудь заплатятъ же ему и всѣмъ офицерамъ призовыя деньги, издержанныя ими на флотъ (этимъ дѣломъ занималась тогда особая коммиссія). Адмиралъ ушелъ (*). Не утверждаю, но мнѣ показалось, что Дмитрій Борисовичъ досталъ деньги изъ ящика и тихонько отдалъ ихъ своему гостю и давнишнему пріятелю. Разсказъ адмирала произвелъ на меня такое глубокое и горькое впечатлѣніе, котораго никогда нельзя забыть. Крестный отецъ досказалъ мнѣ всю исторію Русскаго съ ногъ до головы, славнаго нашего адмирала; разсказалъ и положеніе, до котораго онъ былъ доведенъ. „Сенявинъ, прибавилъ онъ въ заключеніе, доведенъ до того, что умеръ бы съ голоду, еслибъ не занималъ денегъ, покуда безъ отдачи, у всякаго, кто только дастъ, — не гнушаясь и синенькой; но у него есть книга, гдѣ онъ записываетъ каждую копѣйку своего долга, и конечно расплатится со всѣми, если когда нибудь получитъ свою законную собственность“.

Въ 1809-мъ году я уѣзжалъ въ отпускъ въ Оренбургскую губернію и воротился въ Петербургъ въ первыхъ числахъ января 1810-го года. Крестный отецъ встрѣтилъ меня уже не холодно попрежнему, а напротивъ, очень ласково, и даже съ нѣкоторымъ чувствомъ. „Ну, братъ, сказалъ онъ мнѣ одинъ разъ, — кажется надобно будетъ службу бросить.“ — „Отчего же? спросилъ я съ удивленіемъ. Вы сами знаете, что приносите много пользы, и что государь объ васъ самаго лучшаго мнѣнія?“ — „Это правда, отвѣчалъ Дмитрій Борисовичъ, да бывшій непосредственный начальникъ мой, графъ Аракчеевъ, всегда меня гнавшій, поставилъ меня въ такое унизительное и вредное для меня и службы положеніе, что выйдти въ отставку, даже прогнѣвавъ государя, сдѣлалось необходимостью. Гр. Аракчеевъ всегда не любилъ меня; но особенно возненавидѣлъ за то, что я запретилъ Варварѣ Марковнѣ продолжать знакомство съ г-жею П., его фавориткой. Моя жена могла быть знакома съ этою дрянью, какъ и со многими другими; но какъ скоро эта дрянь сдѣлалась всемогущею особою у моего начальника, то моя жена уже не должна быть съ нею знакома. Г-жѣ П. уже отказывали три раза, она все продолжала ѣздить; въ четвертый я велѣлъ отказать такъ, чтобы она уже болѣе не пріѣзжала. Какъ нарочно такъ случилось, что сидѣлъ я на извѣстномъ тебѣ балконѣ, и со мной была Варвара

(*) Деньги точно были заплачены, только не помню, при жизни ли адмирала.

Марковна; вдругъ подъѣзжаетъ открытая коляска, въ ней сидѣла г-жа П. Я не позволилъ женѣ уйдти съ балкона, позвалъ человѣка и громко сказалъ ему, такъ что пріѣхавшая гостья все до слова слышала: „скажи, что барыни нѣтъ дома“. Г-жа П. перестала ѣздить, и тутъ-то началось злобное преслѣдованіе меня. Прежній начальникъ, переставъ быть моимъ непосредственнымъ начальникомъ, сохранилъ всю свою силу и вмѣшивался во всѣ дѣла“.

Недѣли черезъ двѣ я пришелъ къ Дмитрію Борисовичу и хотѣлъ пройдти къ нему въ кабинетъ уже безъ доклада; но человѣкъ сказалъ мнѣ, чтобъ я подождалъ, потому что въ кабинетѣ какой-то генералъ, и что туда не приказано никому входить. Я какъ-то почувствовалъ, что это не даромъ, и сталъ дожидаться въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ дверь отворилась, и Дмитрій Борисовичъ, провожая генерала, спокойно, холодно и громко сказалъ: „И такъ доложите его сіятельству, что я не могу входить въ объясненіе по такимъ словеснымъ замѣчаніямъ. Если ему угодно будетъ сдѣлать ихъ на бумагѣ, то я стану оправдываться. Впрочемъ, зная, что я лично не правлюсь его сіятельству, я уже давно подалъ просьбу объ отставкѣ, которая лежитъ у министра. Я не хочу вредить мѣсту, которое занимаю, и губить себя безъ всякой вины“. — Дмитрій Борисовичъ разсказалъ мнѣ, что это уже не въ первый разъ, что его бывшій начальникъ имѣлъ дерзость дѣлать ему выговоры черезъ своего адъютанта, что, разумѣется, онъ его не сталъ слушать, и что вотъ наконецъ онъ прислалъ съ тѣмъ же своего фаворита, генерала Капцевича. „Дѣлать нечего, надо рѣшительно выйдти въ отставку, сказалъ онъ, — тутъ пользы не сдѣлаешь, а только наживешь больше враговъ и долговъ, а у меня и такъ уже довольно и тѣхъ и другихъ“. Дѣйствительно, Дмитрій Борисовичъ вскорѣ оставилъ службу.

Прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ совершились вѣковыя, достопамятныя событія 1812-го года, и я даже не знаю, гдѣ жилъ въ это время мой крестный отецъ. Я увидѣлся съ нимъ уже въ 1816-мъ году, въ Москвѣ, въ собственномъ его домѣ, у Красныхъ воротъ, въ приходѣ Трехъ Святителей(*). Онъ не былъ еще тогда сенаторомъ; но говорилъ мнѣ, что желалъ бы занять эту должность. Всѣмъ извѣстно, что впослѣдствіи онъ занималъ ее. — Я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію на десять лѣтъ и не видался уже болѣе съ моимъ крестнымъ отцомъ, скончавшимся въ 1824-мъ году.

Вотъ все, что́ сохранила моя память объ одномъ изъ достойнѣйшихъ людей прошедшаго времени.

1857 г. Января 20-го
Москва.

(*) Этотъ домъ стоитъ самымъ оригинальнымъ образомъ: онъ не на улицѣ, не въ переулкѣ и не на площади — къ нему ведетъ особый проѣздъ, точно какъ въ чувашскихъ деревняхъ. Въ этомъ домѣ, принадлежавшемъ послѣ кончины Дмитрія Борисовича Мертваго, сначала А. П. Елагиной, а потомъ покойному сыну ея, Ивану Васильевичу Кирѣевскому, домѣ, воспѣтомъ звучными стихами Языкова, — много лѣтъ собирался извѣстный кругъ московскихъ литераторовъ и ученыхъ. Сколько глубокихъ мыслей, свѣтлыхъ взглядовъ, честныхъ порывовъ любви къ просвѣщенію и литературѣ было высказано и принято въ этомъ домѣ!........ И какъ не много осталось въ живыхъ изъ прежнихъ его посѣтителей! Въ числѣ самыхъ горькихъ и свѣжихъ утратъ находятся достойные и незабвенные братья, И. В и П. В. Кирѣевскіе.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ Д. Б. МЕРТВАГО.

ЗАПИСКИ Д. Б. МЕРТВАГО

Записки Д Б. Мертваго обязательно сообщены въ Русскій Архивъ академикомъ В. П. Безобразовымъ, которому принадлежитъ самая рукопись. Начало Записокъ, именно разсказъ о Пугачевщинѣ, былъ уже напечатанъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857. № 1, и тамъ же сообщено слѣдующее біографическое свѣдѣніе объ авторѣ Записокъ, составленное братомъ его, С. Б. Мертваго:

„Дмитрій Борисовичъ Мертваго родился 1760 года августа 5-го; въ службу вступилъ въ 1775 году. Съ 1787 по 1797 годъ былъ совѣтникомъ Уфимскаго Намѣстническаго Правленія; дѣятельность и справедливость его надолго сохранились въ памяти всѣхъ сословій губерніи. Съ 1797 по 1802 годъ былъ членомъ Провіянтской Экспедиціи, гдѣ своими достоинствами и способностями обратилъ на себя вниманіе общества и сталъ извѣстенъ императору Павлу. Въ 1802 году опредѣленъ начальникомъ поступившихъ въ казенное управленіе Крымскихъ соляныхъ промысловъ, въ 1803 году Таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ, 1807 генералъ-провіянтмейстеромъ, 1810 уволенъ по прошенію отъ службы. Въ 1817 году, назначенъ сенаторомъ въ Москву, гдѣ и скончался 23-го іюня 1824 года.

„Пылкій и основательный умъ, чтеніе, наблюдательность и способность соображать происшествія замѣняли ему недостатокъ ученія при воспитаніи. Къ удивленію всѣхъ знавшихъ его, онъ, дѣйствительно, ничему не учился. Чувствительное и доброе сердце, которое отражалось на открытомъ благовидномъ лицѣ его, веселый нравъ, ласковость въ обхожденіи, даръ слова, твердость и справедливость во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ, непоколебимая честность, совершенное безкорыстіе при всегдашнемъ недостаткѣ и при многихъ случаяхъ обогатиться недозволеннымъ образомъ, дѣятельность въ исполненіи должностей, усердіе къ распространенію добра, привлекали къ нему всеобщую любовь и уваженіе даже отъ недоброжелателей и завистниковъ.

„Оставшись четырнадцати лѣтъ по смерти отца, онъ былъ попечитель и наставникъ сестрамъ и братьямъ, а потомъ и дѣтямъ ихъ, и не только словами и письмами, но и дѣломъ всегда доказывалъ искреннюю дружбу и нѣжную любовь къ нимъ.

„Кроткое и человѣколюбивое обращеніе съ служителями и отеческое попеченіе о спокойствіи и даже удовольствіи ихъ возбуждали въ нихъ усердіе служить и угождать ему, и при кончинѣ его они почувствовали, что лишились въ немъ благодѣтеля.

„Дмитрій Борисовичъ въ 1804 году вступилъ въ бракъ съ Варварою Марковною Полторацкою, и имѣлъ трехъ сыновей и пять дочерей. Какъ истинно-нѣжный отецъ, онъ былъ обожаемъ въ своемъ семействѣ".

I. Пугачевщина.

Извѣстно, что отдаленный край нашего отечества раздираемъ былъ волненіемъ народа, въ пользу бунтовщика, назвавшагося царскимъ именемъ. Зло, тогда распространенное, потрясало основаніе государства, и хотя искоренено, но многимъ оставило въ памяти неизгладимыя черты ужаса и скорби.

Отецъ мой и мать, имѣя одну деревню въ Оренбургской губерніи, въ краю, гдѣ начался бунтъ, а другую Симбир-

ской губерніи, въ Алатырскомъ уѣздѣ, въ пятистахъ верстахъ оттуда, жили въ послѣдней. Зная только по слухамъ, что многіе изъ крестьянъ нашихъ вступили въ службу къ самозванцу и находятся при немъ, родители мои хотя и готовились потерять свое состояніе, но себя считали внѣ всякой опасности, принимая въ соображеніе разстояніе и мѣры, принятыя правительствомъ; но воля судьбы, невѣдомымъ для смертнаго путемъ все ведущая, опредѣлила быть тому иначе.

Пугачевъ, то поражаемый войсками, посланными для усмиренія мятежа, то усиливаемый новыми толпами злоумышленниковъ, долго, какъ нѣкій вихрь, носился въ горахъ и степяхъ малообитаемыхъ, и лѣтомъ 1774 года двинулся на сѣверъ и обложилъ Казань. Оборона жителей заставила его промедлить; разграбленное и сожженое имъ предмѣстіе послужило къ его неудачѣ; многочисленная чернь, составлявшая его шайку, вдалась въ пьянство и грабежъ; въ это время войска Михельсона настигли и разбили его, но не схватили самого злодѣя; онъ съ большимъ числомъ злоумышленниковъ бѣжалъ за Волгу къ Алатырю, въ тотъ спокойный край, гдѣ мы жили. Сначала онъ былъ не извѣстенъ, но черезъ нѣсколько дней, по присоединеніи къ нему множества дворовыхъ людей и крестьянъ, явился близь нашего селеленія, знаменуя вездѣ свое шествіе кровопролитіемъ.

За три недѣли передъ этимъ матушка родила, и въ день, когда начались наши несчастія, 22-го іюля, праздновали мы ея именины. По деревенскому обыкновенію званы были гости, и уже столъ былъ накрытъ, какъ вдругъ отецъ мой получилъ письмо отъ пріятеля и сосѣда нашего, званаго на праздникъ, который увѣдомлялъ, что самозванецъ въ тридцати верстахъ отъ насъ, пришелъ въ господское селеніе, повѣсилъ прикащика и все имущество разграбилъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ батюшкѣ, что со всѣмъ своимъ семействомъ выѣхалъ, самъ не зная, куда судьба его поведетъ.

Собравшись на скоро, поѣхали мы въ городъ Алатырь, отстоящій въ сорока верстахъ отъ нашей деревни. Передъ вечеромъ, приближаясь къ городу, встрѣтили мы знакомаго, который сказалъ отцу моему, что Пугачевъ вступаетъ въ Алатырь, и народъ съ образами, хлѣбомъ и солью пошелъ ему на встрѣчу. Вѣсть эта была громовымъ для насъ ударомъ; надо было бѣжать, а куда, Богъ знаетъ. Усталость лошадей принудила насъ своротить въ сторону, мы въѣхали въ лѣсокъ, не далеко отъ дороги, гдѣ на пчельникѣ нашли одного только человѣка; у него въ избѣ провели ночь.

На разсвѣтѣ отправились мы, сами не зная куда. Пріѣхавъ въ первое селеніе, увидѣли множество народа, толпившагося по улицѣ. Окруживъ наши повозки, крестьяне остановили насъ и спросили, куда ѣдемъ и для чего; грубыя ихъ рѣчи и наконецъ строгое требованіе, чтобы мы тотчасъ выѣхали изъ ихъ селенія, были для насъ первымъ знакомъ народнаго волненія и грозившей намъ опасности.

Выѣхавъ изъ села, поворотили мы въ маленькую мордовскую деревеньку, находившуюся близь большаго лѣса; остановившись у знакомаго намъ Мордвина, узнали мы, что вся чернь волнуется, ожидая Пугачева, и что, не подвергая себя крайней опасности, нельзя намъ останавливаться ни въ какомъ селеніи. Освѣдомившись о дорогѣ, ведущей въ чащу лѣса, взявъ у Мордвина хлѣба, сколько у него испечено было, и телѣги вмѣсто каретъ,

пустились мы въ лѣсъ, единственное наше тогда убѣжище.

Часу въ десятомъ утра пріѣхавъ къ мельницѣ, находившейся въ самой дремучей части лѣса, остановились мы кормить лошадей. Въ это время батюшка познакомился съ мельникомъ и узналъ отъ него, что въ глубинѣ лѣса есть полянка, близь которой протекаетъ рѣчка, верстахъ въ осьми отъ мельницы, а отъ ближайшихъ селеній верстахъ въ пятнадцати, что дорога туда такъ дурна, что не легко доѣхать до поляны, и что не многіе эту дорогу знаютъ. Добрый мельникъ согласился проводить насъ, обѣщая клятвенно не разглашать о томъ никому.

Едва къ вечеру могли мы доѣхать до того мѣста, гдѣ мельникъ, простившись съ нами, подтвердилъ свое обѣщаніе и сдержалъ его.

На другой день, рано поутру, батюшка пошелъ осмотрѣть окрестности нашего убѣжища. Найдя въ нѣкоторомъ разстояніи другую полянку, приказалъ перевести туда лошадей; на той же, гдѣ сами остались, сдѣлали шалашъ. Всѣмъ розданы были ружья и пистолеты, и положено было обороняться въ случаѣ нападенія.

Такъ пробыли мы трое сутокъ, не слыша ничего кромѣ птичьяго крику. Въ продолженіе этого времени почтенный родитель мой дѣлалъ намъ наставленія, основанныя на чистой добродѣтели; говорилъ намъ, что спокойствіе человѣка составляетъ все его блаженство, и что оно зависитъ отъ согласія поступковъ его съ совѣстію, что нарушивъ это согласіе для какихъ бы то ни было выгодъ, потрясаетъ онъ то драгоцѣнное спокойствіе, котораго ничто замѣнить не можетъ. Примѣрами знакомыхъ намъ людей доказывалъ онъ, какъ пріобрѣтающій однѣ временныя выгоды не наслаждается ими, бывъ ежеминутно угрызаемъ совѣстію, еще не погасшею въ немъ.

Потомъ, прогуливаясь наединѣ со мною, говорилъ онъ, что если случится ему проститься со мной навѣки, то помнилъ бы я слова его, и наставлялъ бы братьевъ, которые были гораздо моложе меня, чтобы радѣлъ о своей душѣ и сердцѣ, и строго замѣчалъ свои склонности и поступки; совѣтовалъ не быть корыстолюбивымъ, говоря, что ни одинъ изъ предковъ нашихъ не былъ таковымъ, и наконецъ заклиналъ меня быть достойнымъ имени его, угрожая въ противномъ случаѣ Божескимъ наказаніемъ.

Единый Богъ можетъ быть свидѣтелемъ движенія сердечныхъ чувствъ, и только всесильная помощь Его въ состояніи сохранить человѣка отъ соблазновъ, дѣйствующихъ на сердце. Что желаю и стараюсь я быть достойнымъ моего родителя, это Богъ видитъ, но достоинъ ли и буду ли впредь достоинъ, того не знаю.

На четвертый день нашего пребыванія въ лѣсу, сталъ оказываться у насъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Незнаніе обстоятельствъ того времени, надежда, что вслѣдъ за бунтовщикомъ идутъ войска, поражавшія его всегда и вездѣ, а болѣе всего болѣзнь матушки, причиною которой были душевныя и тѣлесныя безпокойства, заставили батюшку послать одного изъ людей нашихъ въ ближнее селеніе для покупки припасовъ и для развѣдыванія, что̀ тамъ происходитъ. Человѣкъ этотъ казался намъ вѣрнымъ, и дѣйствительно, я думаю, въ началѣ онъ не имѣлъ злаго умысла.

Пріѣхавъ въ селеніе, пріискивалъ онъ купить, что̀ ему было приказано, и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдывалъ о Пугачевѣ. Крестьянамъ это показалось страннымъ; по причинѣ повсемѣстна-

го тогда волненія никто ничего не покупалъ, а все бралъ даромъ и убивалъ слабѣйшаго за неисполненіе его требованія. И потому задержавъ его, стали разспрашивать, что̀ онъ за человѣкъ и откуда; вѣроятно, собственная опасность заставила его сказать истину; тогда человѣкъ двѣсти жителей того селенія собрались противъ насъ; а онъ, показывая имъ дорогу, довелъ до того мѣста, гдѣ мы скрывались.

Приблизившись къ нашему убѣжищу, раздѣлились они на нѣсколько партій, окружили насъ, и напали вдругъ со всѣхъ сторонъ съ большимъ крикомъ. Въ эту несчастную минуту батюшка отдыхалъ въ шалашѣ; люди оробѣли и побѣжали; сестры, схвативъ подъ руки матушку, побѣжали въ лѣсъ; злодѣи кинулись на батюшку. Онъ выстрѣлилъ изъ пистолета, и хотя никого не убилъ, но заставилъ отступить; и схвативъ ружье, лежавшее возлѣ него, и трость, въ которой была вдѣлана шпага, — не видя никого изъ своихъ около себя, побѣжалъ въ чащу лѣса, закричавъ намъ: «прощай, жена и дѣти.» Это были послѣднія слова, которыя я отъ него слышалъ.

Въ большемъ страхѣ бросился было я вслѣдъ за батюшкой, но чаща лѣса раздѣлила насъ; не видя его, я бѣжалъ, самъ не зная куда. Запнувшись объ обгорѣлое дерево, лежавшее поперегъ дороги, упалъ я, и въ эту минуту, увидѣвъ возлѣ себя просторное дупло, вползъ въ него; чрезъ нѣсколько минутъ, очувствовавшись отъ страха, я слышалъ стрѣляніе изъ ружей, и крикъ около себя: «ищите и бейте.»

Пролежавъ долгое время и не слыша болѣе никакого шума, рѣшился я выдти изъ дупла, долго оглядывался во всѣ стороны, прислушивался; наконецъ, не замѣчая никакого шуму, пошелъ къ той полянѣ, гдѣ мы стояли. Тутъ нашелъ я нѣсколько лоскутковъ изодраннаго бѣлья и окрававленный платокъ, по которому долженъ былъ заключить, что кто-либо изъ ближнихъ моихъ убитъ.

Теперь прошу читателя представить себѣ четырнадцатилѣтняго, избалованнаго и изнѣженнаго мальчика, въ лѣсу, передъ вечеромъ, незнающаго дороги, безъ всякаго оружія для обороны. Тутъ-то въ первый разъ послужили мнѣ наставленія моего родителя. Я молился, поручая себя волѣ Господа, обѣщалъ хранить завѣщаніе отца моего, плакалъ, не какъ испугавшійся ребенокъ, но какъ плачетъ взрослый отъ сокрушенія сердца, цѣловалъ окровавленные лоскутки, прощался со всѣми мѣстами, гдѣ я сиживалъ съ родителемъ, слушая его наставленія, и гдѣ видѣлъ я его въ послѣдній разъ; потомъ, взявъ палку, пошелъ по дорогѣ, гдѣ видны были слѣды повозокъ, сталъ смѣлѣе, и твердо былъ увѣренъ, что не погибну.

Пройдя нѣкоторое разстояніе, и какъ стало уже смеркаться, послышалъ я шорохъ въ сторонѣ, и опросилъ. Голосъ мой узнали мои братья, изъ которыхъ одному было десять, а другому семь лѣтъ. Они прибѣжали ко мнѣ, и съ ними наша няня; мы чрезвычайно другъ другу обрадовались, и не зная куда идти, остались ночевать подъ деревомъ.

Поутру, лишь только стало свѣтать, пошли мы по дорогѣ, не зная куда она ведетъ. Уже солнце высоко поднялось, когда приблизились мы къ рѣчкѣ, берегомъ которой шла дорога; прелестныя мѣста кругомъ, небольшія полянки, пріятный утренній воздухъ и повсемѣстная тишина заставили было насъ забыть ужасное наше положеніе, но вдругъ услышали мы страшный крикъ: «ловите, бейте.» Я схватилъ за

руку одного брата, бросился къ рѣчкѣ и скрылся въ густой травѣ у береговъ, а няня съ меньшимъ братомъ моимъ побѣжала по дорогѣ. Злодѣи, принявъ ее за дворянку, погнались за нею, и одинъ изъ нихъ ударилъ ее топоромъ; въ испугѣ она подставила руку, которая однако ее не защитила; остріе, разрубивъ часть ладони, вонзилось въ плечо; страшный крикъ сильно тронулъ мое сердце. Въ то же время слышу я вопль брата, котораго схватили и спрашивали, куда мы побѣжали. Не зная, что я дѣлаю, я откликнулся и выскочивъ изъ травы, явился къ нимъ; они спросили мое имя, сказали, что знаютъ батюшку, но что̀ съ нимъ сдѣлалось, не слышали; потомъ, сняли съ насъ все платье и обувь и не дѣлая болѣе никакихъ грубостей, отпустили въ однѣхъ рубашкахъ, показавъ дорогу на мельницу, которая была не далеко.

Обезсилѣвшую отъ раны, а болѣе отъ испуга няню нашу поднялъ я и повелъ подъ руку къ мельницѣ. Когда мы подошли къ плотинѣ, напали на насъ двѣ большія собаки, отъ которыхъ, конечно, мы бы не въ силахъ были защититься, если бы мельникъ не прибѣжалъ къ намъ на помощь. Этотъ добрый человѣкъ, узнавъ, что мы дворяне, откровенно сказалъ что нянюшка можетъ остаться у него, а насъ онъ принять не смѣетъ, боясь быть за то убитымъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Но когда мы сказали ему, что сутки ничего не ѣли, то онъ пригласилъ насъ на мельницу и обѣщалъ дать молока и хлѣба.

У мельничнаго анбара, намъ дали по большому куску хлѣба и по ложкѣ, и поставили крынку молока; лишь только принялись мы за пріятную для голоднаго работу, какъ вдругъ жена мельника закричала: «ай! казаки, казаки!» Оглянувшись, мы дѣйствительно увидѣли толпу приближавшагося народа; я испугался чрезвычайно и не помню, какъ спрятался съ братьями подъ мельницу.

Толпа эта, увидя няню нашу, окровавленную, лежавшую на землѣ у мельничнаго анбара, спросила мельника, что это значитъ; онъ сказалъ всю правду и указалъ мѣсто, гдѣ мы спрятались. Двое изъ толпы спустились по лѣстницѣ и вынесли на рукахъ братьевъ моихъ; третій, взявъ меня за волосы, потащилъ за собою на лѣстницу, а четвертый въ это время билъ меня сзади палкою.

Я увидѣлъ всю толпу у мельничнаго анбара; насъ поставили въ средину ея и стали произносить приговоръ. Всякъ говорилъ свое и предлагалъ, какъ меня убить; а братьевъ, какъ малолѣтныхъ, отдать бездѣтнымъ мужикамъ въ пріемыши. Нѣкоторые предлагали бросить меня съ камнемъ на шеѣ въ воду; другіе — повѣсить, затрѣлить или изрубить; тѣ же, которые были пьянѣе и старше, вздумали учить надо мною молодыхъ казаковъ, не привыкшихъ еще къ убійству. Слыша эти разсужденія и ругательства, я ничего не говорилъ и уже готовился къ смерти; но тутъ одинъ изъ толпы сказалъ, что будучи въ городѣ, получилъ онъ отъ самозванца приказаніе привести къ нему дворянина, мальчика лѣтъ пятнадцати, умѣющаго хорошо читать и писать, за котораго обѣщалъ дать 50 рублей награжденія. Это предложеніе было всѣми тотчасъ принято, меня начали экзаменовать, заставляли писать углемъ на доскѣ, задавали легкія задачи изъ ариѳетики, и наконецъ признали достойнымъ занять важное мѣсто секретаря у Пугачева. Снисходя на мою просьбу, они согласились не разлучать меня съ братьями.

Мы пробыли у мельницы все время, необходимое на кормъ лошадей и на отдыхъ пѣшимъ. Между тѣмъ, стали со мной обходиться почтительно, называли меня секретаремъ, разсказывали о разныхъ происшествіяхъ, относящихся до самозванца, о силѣ его и о намѣреніи истребить всѣхъ дворянъ, и наконецъ о приказаніи крестьянамъ защищаться всѣми силами отъ воинскихъ командъ, ожидаемыхъ вскорѣ.

Во время этихъ разсужденій и разсказовъ, одинъ пьяный казякъ, взявъ меня за косу, сказалъ: «батюшка не любитъ долгихъ волосъ, это бабамъ носить прилично.» И тутъ же, прислонивъ меня къ близь-стоявшему дереву, закричалъ другому: «руби, братъ!» Этотъ, будучи также пьянъ, отрубилъ мнѣ топоромъ косу вплоть къ затылку. Я чрезвычайно испугался, но имѣлъ столько присутствія духа, что шутилъ насчетъ своихъ волосъ, и благодарилъ этихъ пьяницъ.

Вѣсти о близости воинскихъ командъ обрадовали меня; я сталъ придумывать, какъ бы мнѣ укрыться отъ злодѣевъ на нѣсколько дней. Но между тѣмъ, надобно было отправляться съ ними въ путь пѣшкомъ, безъ одежды и обуви.

Во время нашего путешествія подружился я съ однимъ крестьяниномъ, приставшимъ къ толпѣ изъ ближняго селенія. День уже склонялся къ вечеру; мы стали выходить изъ лѣса; большія поляны, засѣянныя хлѣбомъ, показывали близость деревни. Въ это время слышу я разсужденія злодѣевъ, ѣхавшихъ верхомъ, которые говорили, что сомнѣваются застать самозванца въ городѣ Алатырѣ, и что надобно будетъ вести меня далѣе, не зная, гдѣ найдутъ они Пугачева, и заплатитъ ли онъ обѣщанную сумму; другіе говорили, что когда доведутъ меня до селенія, и я объявлю себя секретаремъ, они принуждены будутъ не оставлять меня и жертвовать своимъ трудомъ и временемъ, быть-можетъ понапрасну, и потому согласились убить меня, не выходя изъ лѣса, а братьевъ, какъ малолѣтныхъ, раздать въ пріемыши бездѣтнымъ мужикамъ.

Слыша эти разсужденія, я страдалъ; сердце неизъяснимо ныло, но дѣлать было нечего: надобно было молчать и притворяться еще, что не слышу. Въ это время крестьянинъ, подружившійся со мною и не вмѣшивавшійся въ разсужденія, отведя меня не много въ сторону, сказалъ: «или ты не слышишь, что ребята-то говорятъ?» Я отвѣчалъ: «слышу, и если можешь, Бога ради спаси меня и братьевъ». Онъ, взявъ съ меня слово, что я пойду къ нему въ работники, обѣщалъ усыновить меня; разказалъ, какъ найдти деревню и домъ его и потомъ, сказавъ злодѣямъ, что идетъ съ нами въ сторону, велѣлъ бѣжать въ кусты и тамъ скрыться.

Какъ стало уже смеркаться, вышелъ я изъ лѣса и увидѣлъ деревню, гдѣ былъ домъ моего избавителя, и возлѣ нея ту маленькую мордовскую деревеньку, гдѣ останавливались мы, ѣхавши лѣсъ. Я пошелъ въ послѣднюю, въ домъ къ Мордвину; его тогда не было дома, но жена его пригласила насъ, какъ знакомыхъ, благосклонно.

Чрезъ нѣсколько минутъ собралось къ ней множество жителей того селенія; старшины, казалось, что-то грозно говорили хозяйкѣ по-мордовски, и одинъ изъ нихъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ повелительно, чтобы тотчасъ вышелъ я съ братьями изъ деревни, потому что имъ не велѣно принимать дворянъ.

Я повиновался, и выйдя за околицу, сѣлъ на землю; недоумѣніе сжимало мое сердце; я боялся идти въ ту дере-

вню, гдѣ жилъ крестьянинъ, пригласившій меня къ себѣ; между тѣмъ, ночь уже наступила; заунывные голоса людей, сгонявшихъ скотъ, ревъ и топотъ коровъ, вмѣстѣ съ темнотою ночи, произвели такое чувство въ напуганномъ моемъ воображеніи, что мнѣ казалось лучше быть убитымъ, чѣмъ терпѣть это страшное мученіе духа.

Вставъ поспѣшно, пошелъ я обратно въ деревню, гдѣ не встрѣтилъ никого на улицѣ; войдя въ домъ къ Мордвину, я не нашелъ въ избѣ жены его. Оставленный тутъ маленькій ребенокъ, сидя въ зыбкѣ, плакалъ; я сыскалъ въ столѣ хлѣбъ и ножъ, отрѣзалъ всѣмъ по куску и посадилъ братьевъ на полати, куда и самъ забрался.

По окончаніи домашнихъ работъ, хозяйка возвратилась въ избу, засвѣтила огонь, поужинала и, поигравъ съ своимъ ребенкомъ, собиралась уже идти спать. Въ эту минуту, поспѣшно сойдя съ палатей, бросился я предъ нею на колѣна, прося позволенія ночевать въ ея домѣ; по утру же, если ей угодно, сама бы насъ убила, или отдала бы на убійство... Долго не отвѣчала она ни слова, умильно смотрѣла на меня, покачивала головою; наконецъ слезы, покатившіяся по лицу, убѣдили меня, что жалость взяла верхъ надъ страхомъ. Она, поднявъ меня, говорила: «Если свѣдаютъ, что я скрыла у себя дворянъ, то меня, мужа моего и ребенка нашего убьютъ и домъ сожгутъ, но быть такъ.» Послѣ этого, снявъ съ палатей братьевъ моихъ, которые тамъ уже было заснули, одѣла всѣхъ насъ въ мордовскія платья, провела на задній дворъ въ сѣнницу; положивъ на землю подушку, велѣла намъ лечь, и одѣвъ шубою, накрыла насъ пошевнями. Отъ усталости я такъ сладко заснулъ, что ничего во снѣ мнѣ не грезилось.

Лишь только стало свѣтать, хозяинъ, снявъ пошевни, покрывавшіе насъ, разбудилъ меня, и убѣдительно просилъ не губить его, и пока люди еще спятъ, выйдти изъ селенія. Въ краткихъ словахъ изъяснилъ онъ мнѣ всѣ опасности нашего положенія, говорилъ, что матушку и сестеръ провезли къ Пугачеву, и что, конечно, уже нѣтъ ихъ теперь на свѣтѣ. Этотъ честный человѣкъ самъ плакалъ, видя мои слезы. Когда я ему изъяснилъ, что желаю пробраться въ свою деревню, онъ совѣтовалъ, избѣгая встрѣчъ по дорогѣ, спуститься къ рѣкѣ и берегомъ ея добраться до мѣста; провелъ насъ за околицу и простился со слезами со мною, говоря, что во вѣки намъ не видаться.

Раставшись съ человѣкомъ, бравшимъ участіе въ моемъ несчастіи, и оставшись одинъ съ двумя младенцами-братьями, не имѣлъ я не только никакой помощи, но даже и надежды; единый Богъ оставался намъ подпорою... Подойдя къ крутому берегу рѣки, при видѣ восходящаго солнца, сталъ я на колѣна, молился Богу, и братьямъ велѣлъ тоже дѣлать; по окончаніи молитвы, спустились мы подъ яръ.

Мелкіе камешки на песчаномъ берегу рѣки несносно кололи ноги, которыя разцарапали мы до крови; меньшой мой братъ не могъ вовсе идти; я посадилъ его къ себѣ на плеча, а другому велѣлъ держаться за мою рубашку; такъ продолжали мы путь.

Слѣдуя наставленію Мордвина, шелъ я верстъ восемь берегомъ рѣки до моста, перейдя который, вышли мы по маленькой лѣсной дорогѣ на большую, никого не встрѣтивъ. Наконецъ, когда показались мѣста знакомыя, и осталось менѣе десяти верстъ до деревни, увидѣлъ я человѣка, лежавшаго подъ кустомъ, и привязанную подлѣ него лошадь. Поднявъ голову, онъ спросилъ

насъ, что мы за люди. Я отвѣчалъ: «Дворяне.» — «Стой! куда?» закричалъ онъ. Я бросился отъ него, но тяжесть на плечахъ, разбитыя, изцарапанныя и распухшія босыя ноги, изнеможеніе вслѣдствіе голода, все это лишило меня возможности спасаться бѣгствомъ, и я былъ схваченъ крестьяниномъ, который, взявъ меня за воротъ рубашки, привелъ къ своей телѣгѣ и приказалъ лечь въ нее, мучительнымъ образомъ связалъ веревкою руки мои назадъ, локоть съ локтемъ, и загнувъ ноги, привязалъ къ рукамъ.

Въ то время, какъ вязалъ онъ меня, и я, чувствуя несносную боль, умолялъ его о помилованіи, подъѣхалъ знакомый ему крестьянинъ, къ которому посадилъ онъ въ телѣгу моихъ братьевъ. Запрягая свою лошадь, онъ между тѣмъ говорилъ съ товарищемъ своимъ, что когда привезутъ они насъ въ городъ и представятъ къ самозванцу, то получатъ за каждаго по десяти рублей.

По дорогѣ къ городу, не далеко отъ того мѣста, гдѣ я былъ взятъ и связанъ, находилось большое село, близь котораго было убито большое число дворянъ, и крестьяне этого села болѣе другихъ участвовали въ этихъ злодѣйствахъ. Большой Алатырскій лѣсъ окруженъ многими селеніями; крестьяне, узнавъ, что дворяне, жившіе въ окрестности, скрываясь отъ самозванца, прячутся въ лѣсу съ своимъ имѣніемъ, ходили шайками по лѣсу, ловили дворянъ, раздѣляли ограбленное имущество между собою, а дворянъ отвозили къ Пугачеву. Возчики наши, остановясь въ селѣ близь церкви, пошли къ толпѣ народа собравшейся на площади. Когда такимъ образомъ мы остались одни, старушка, жившая въ богадѣльнѣ, подойдя къ моей телѣгѣ, положила мнѣ облупленное яйцо и кусокъ хлѣба, сказавъ: «прими Христа ради»; спросила, какъ зовутъ меня, и объявила мнѣ, что знаетъ насъ, что матушку и сестеръ провезли наканунѣ и убили недалеко отъ села, и маленькую трехнедѣльную сестру положили матушкѣ на грудь. Потомъ, увидя, что хозяева нашихъ телѣгъ возвращаются, простилась со мною, сказавъ, что и меня на томъ же мѣстѣ убьютъ.

Отъѣхавъ двѣ версты отъ села, увидѣлъ я, сквозь щели телѣги, брошенныя близь дороги тѣла убитыхъ дворянъ. Полагая, что между ними находятся и тѣла близкихъ моему сердцу, спросилъ я у крестьянина, куда везетъ онъ меня.—«Въ городъ, отвѣчалъ онъ; — потому что тамъ только велѣно убивать дворянъ.» Я сталъ просить, чтобы, развязавъ меня, онъ позволилъ найдти тѣла матушки и сестеръ, и проститься съ ними; но онъ сказалъ мнѣ презрительно: «ты сегодня же съ ними на томъ свѣтѣ увидишься.»

Отчаяніе привело меня въ ожесточеніе; я сталъ бранить его, укоряя, что онъ мучитъ человѣка, не сдѣлавшаго ему никакого зла, и продаетъ его на убійство за десять рублей, и что въ послѣдніе часы жизни лишаетъ его горестной отрады увидѣть и проститься съ тѣлами родныхъ; наконецъ, стращая гнѣвомъ Божіимъ, я достигъ того, что онъ сжалился надо мною: развязалъ мнѣ ноги, помогъ поворотиться и позволилъ сидѣть въ телѣгѣ.

Это снисхожденіе послужило мнѣ только къ большему мученію; я могъ не только видѣть, но и узнавать тѣла знакомыхъ и родственниковъ; сердце до того сжалось, что я уже не хотѣлъ оставаться въ живыхъ. Связанныя руки мои распухли; запонка, оставшаяся у одного рукава, давила мнѣ одну изъ нихъ; я попросилъ крестьянина отстегнуть ее, говоря: «она серебрянная, тѣбѣ годится». Исполнивъ мою просьбу и

любуясь на запонку, онъ сказалъ: «ба, да ты, братъ, добрый, не сердишься на меня». Я отвѣчалъ, что если все перемѣнится и будетъ по прежнему, и я останусь живъ, то даю ему слово, что не только не будетъ онъ наказанъ за поступокъ со мною, но что я постараюсь наградить его. На это грозно онъ возразилъ: «врешь, этому не бывать; прошла уже ваша пора.» Однако вскорѣ послѣ того развязалъ мнѣ руки.

По прiѣздѣ въ городъ, представилъ онъ насъ въ канцелярiю воеводы, гдѣ записали наши имена, заплатили ему за каждаго изъ насъ по десяти рублей, высадили изъ телѣгъ и приказали отвести въ тюрьму, находившуюся близь канцелярiи.

Насилу съ помощiю какого-то человѣка взобрался я на лѣстницу, и можно представить себѣ мое удивленiе и радость, когда увидѣлъ я матушку и сестеръ, посаженныхъ тутъ въ числѣ множества дворянъ. Я бросился съ восхищенiемъ къ матушкѣ, но она, холодно давъ мнѣ руку, спросила, «гдѣ отецъ?» Я отвѣчалъ, что не знаю. Послѣ этого во все продолженiе дня и слѣдующей ночи, она ни съ кѣмъ ни слова не говорила. Сестра мнѣ разсказала, что человѣкъ, котораго батюшка посылалъ изъ лѣса, былъ въ толпѣ злодѣевъ, напавшихъ на насъ, что онъ былъ пьянъ и ударилъ матушку и ее дубиною по головѣ; окровавленныя ихъ платья подтверждали истину этихъ словъ; разбойники, выбравъ всѣ вещи изъ повозокъ, раздѣлили ихъ между собою и сбирались убить матушку и сестеръ; но люди наши умоляли о помилованiи, свидѣтельствуя въ томъ, что господа были добрые; выйдя изъ лѣса, они провожали до тѣхъ поръ, пока могли не отставать отъ повозокъ, ѣхавшихъ тихо, и во все это время оказывали матушкѣ и сестрамъ усердiе и почтенiе; даже человѣкъ, ударившiй ихъ дубиною по головѣ, молчалъ и показывалъ видъ раскаянiя. Все это было причиною того, что крестьяне учтиво съ ними поступали все время, и привезя въ городъ, объявили о томъ воеводѣ, опредѣленному отъ самозванца. Со слезами разсказывала мнѣ сестра, что матушка въ теченiи двухъ сутокъ ни съ кѣмъ не говоритъ, и что въ поступкахъ ея замѣтно помѣшательство.

На другой день поутру вошла къ намъ въ тюрьму, для подаянiя милостыни, горничная двоюродной сестры нашей, убитой во время смятенiя. Матушка спросила ее, не знаетъ ли чего о батюшкѣ. — «Его вчера повѣсили въ деревнѣ вашей», отвѣчала та хладнокровно. Услышавъ это, матушка упала въ обморокъ и долго пролежала безъ чувствъ; мы думали, что она скончалась, и окруживъ ее, рыдали; помочь же ей и не умѣли и не имѣли средствъ: у насъ и воды тогда не было.

Очувствовавшись отъ обморока, матушка, стоя на колѣняхъ, долго молилась Богу, потомъ просила горничную разсказать подробности нашего несчастiя. Женщина эта разсказала намъ, что батюшка рано поутру прибѣжалъ къ околицѣ своей деревни, гдѣ встрѣтилъ дворовыхъ людей нашихъ и нѣкоторыхъ крестьянъ. Сказавъ имъ, что онъ трое сутокъ ничего не ѣлъ, разбросалъ свое платье по лѣсу, будучи не въ силахъ нести его на себѣ, просилъ дать ему молока и хлѣба, что тотчасъ было исполнено; потомъ узнавъ, что матушку и сестру отвезли въ городъ, просилъ, чтобы и его туда же отправили; люди, исполняя его волю, запрягли парою телѣгу, въ которой онъ выѣхалъ изъ деревни, но какая-то женщина, мывшая на рѣкѣ платья, увидя толпу злодѣевъ, ѣхавшихъ на другой сторонѣ рѣки, закричала имъ: «баринъ здѣсь». Эти люди

тотчасъ же переправились вплавь чрезъ рѣку, и не заставъ батюшку въ деревнѣ, поскакали вслѣдъ за нимъ. Нагнавъ его въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, заставили повернуть назадъ, и собравши всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ нашихъ, объявили имъ, что, кто хочетъ, можетъ бить его. Когда же всѣ сказали, что довольны батюшкою, и просили ему помилованія, то злодѣи приказали везти его въ городъ. Но тогда тотъ самый человѣкъ, который ударилъ матушку и сестру дубиною по головѣ, сталъ бить батюшку плетью; послѣ чего казаки повѣсили его и стрѣляя въ него, ранили въ плечо и бокъ. Наконецъ, полагая, что онъ уже умеръ, снявъ съ висѣлицы, потащили за ноги къ рѣкѣ, и тамъ въ тинѣ оставили.... Но видно, онъ еще былъ живъ тогда, потому что преданные ему люди, чрезъ нѣсколько дней послѣ того выѣхавшіе изъ города, нашли тѣло его и свидѣтельствовали, что пальцы правой руки его были сложены для крестнаго знаменія.

Такова была кончина человѣка, котораго, по всей справедливости, можно было назвать честнѣйшимъ. Всѣ, знавшіе его, единогласно въ томъ удостовѣряютъ, и всѣ дѣла его подтверждаютъ тоже; твердый въ правилахъ, онъ былъ справедливъ и щедръ. Онъ погребенъ близь церкви. Часто послѣ плакали мы на его могилѣ, и почтеніе къ его памяти вѣчно останется въ моемъ сердцѣ.

Часу въ десятомъ утра услышали мы шумъ народа, толпившагося около канцеляріи. Караульные наши смотрѣли за нами слабо, я сошелъ внизъ и слышу, всѣ кричатъ: «Воевода (¹) идетъ, сѣчетъ и рубитъ.» Вскорѣ послѣ того показались бѣжавшіе окровавленные люди. За ними слѣдовалъ воевода Бѣлокопытовъ съ обнаженною шпагою въ рукѣ, и кругомъ его пять солдатъ штатной команды съ ружьями на плечахъ; двери предъ нимъ отворились; онъ вошелъ въ канцелярію; всѣ робко на него смотрѣли и готовы были ему повиноваться.

Войдя въ судейскую комнату, Бѣлокопытовъ засталъ на воеводскомъ стулѣ Сердешева, назначеннаго въ воеводы самозванцемъ. Тутъ начался споръ стараго воеводы съ новымъ (²); Сердешевъ говорилъ, что не отдастъ онъ Бѣлокопытову своего мѣста, потому что спасъ отъ смерти многихъ дворянъ; Бѣлокопытовъ, не отвѣчая ему, закричалъ своимъ солдатамъ: «возьмите его!» Солдаты, схвативъ Сердешева, кто какъ попало, стащили его со стула и отвели подъ стражу. Тогда Бѣлокопытовъ, открывъ окно на площадь, гдѣ много собралось народа, закричалъ повелительнымъ голосомъ, чтобы всѣ прежніе начальники въ городѣ и въ

(¹) Не задолго предъ бунтомъ, присланъ былъ въ Алатырь къ исправленію воеводской должности подполковникъ Бѣлокопытовъ; онъ узналъ о приближеніи самозванца, и замѣтивъ сильное волненіе въ народѣ, не имѣя никакой возможности сопротивляться, рѣшился спасаться бѣгствомъ. Онъ ушелъ ночью съ шестью солдатами изъ города въ лѣсъ и унесъ съ собою всѣ деньги, кромѣ мѣдныхъ. Возвратясь въ городъ, оставилъ въ лѣсу при деньгахъ одного солдата, и такимъ образомъ спасъ и себя и казну.

(²) Инвалидной команды прапорщикъ Сердешевъ, не успѣвъ бѣжать, явился къ самозванцу, и присягнулъ ему. Онъ опредѣленъ былъ воеводою въ Алатырь, и ему данъ былъ указъ, состоявшій только въ томъ, чтобы вѣшать всѣхъ дворянъ. Сердешевъ объявилъ въ народѣ, что не позволяетъ убивать дворянъ въ уѣздѣ, и приказалъ возить ихъ для того въ городъ. Чтобы успѣшнѣе привести эту мѣру въ исполненіе, онъ платилъ за каждаго мущину десять, а за женщину пять рублей, и такимъ образомъ спасъ многихъ отъ смерти.

предмѣстіи тотчасъ явились къ нему, что̀ и было исполнено немедленно. Вышедъ на крыльцо, именемъ Государыни, объявилъ онъ всѣмъ, что преступленія ихъ прощаетъ, но только, чтобы жители поставили триста человѣкъ конныхъ и вооруженныхъ людей, которымъ обѣщалъ давать по одной копѣйкѣ въ день жалованья и назвалъ ихъ *копѣйщиками*. Требованіе его такъ скоро было исполнено, что онъ тутъ же успѣлъ осмотрѣть представленныхъ ему людей, записать ихъ имена, раздѣлить на команды и опредѣлить къ нимъ начальниками солдатъ, возвратившихся съ ними изъ лѣса. Узнавъ, что партія бунтовщиковъ пьянствуетъ въ дворянскомъ селеніи въ восьмнадцати верстахъ отъ города, онъ отрядилъ туда команду, которая взяла ихъ и привезла въ городъ; нѣкоторые изъ нихъ замучены были до смерти, а другіе посажены въ острогъ; по показанію послѣднихъ о другой партіи, находившейся въ другомъ селеніи, Бѣлокопытовъ отправилъ и за ними команду; все это исполнилъ онъ въ первый день своего воеводства.

Я былъ очевидцемъ всѣхъ этихъ происшествій. Воспользовавшись свободою и оставшись безъ надзора по случаю перемѣны властей, я, не теряя изъ виду воеводу, шатался съ прочими ребятишками, то по площади, то въ канцеляріи; когда уже стало смеркаться, возвратясь въ тюрьму, я нашелъ матушку, сестеръ и братьевъ въ большомъ страхѣ, отъ моего долгаго отсутствія. Со мною пришелъ подъячій, котораго мать была попадьею въ нашемъ селѣ; онъ предложилъ намъ квартиру въ его домѣ; хромой и престарѣлый регистраторъ, отецъ подъячаго, сдѣлалъ тоже предложеніе, но съ тѣмъ, чтобъ я просилъ дозволенія на то у воеводы, и не думая, что можетъ быть въ томъ отказано, ушелъ домой приготовить намъ ужинъ.

Войдя въ судейскую комнату, увидѣлъ я воеводу съ перомъ въ рукахъ и что-то читавшаго; я подошелъ къ столу, имѣя на себѣ всей одежды о̀дну только рубашку. Дождавшись, пока онъ взглянулъ на меня, я низко поклонился, объявилъ ему что я дворянинъ его провинціи, чудесно спасшійся отъ смерти, и просилъ позволить мнѣ съ семьей своей жить въ домѣ подъячаго. Воевода, не отвѣчая на слова мои, сказалъ: «пошолъ вонъ, теперь не до тебя.» Я вышелъ изъ судейской и объявилъ этотъ отвѣтъ молодому подъячему, который научилъ меня сказать часовому изъ ново-набраннаго войска, что воевода приказалъ насъ выпустить. Я исполнилъ совѣтъ этотъ успѣшно, и мы взявъ матушку подъ руки, увели изъ тюрьмы; наступившая темнота благопріятствовала нашему бѣгству, и когда мы пришли въ домъ подъячаго, вся семья его встрѣтила насъ со слезами, и послѣ ужина уложила насъ въ чистой комнатѣ.

На другой день предъ разсвѣтомъ сильное волненіе въ городѣ разбудило насъ; крикъ, шумъ, скачка по улицамъ навели на всѣхъ большой страхъ. Причина этого шума скоро объяснилась: сотня казачьяго полка, прискакавъ въ городъ, окружила канцелярію съ ужаснымъ крикомъ, и спрашивала: «кому вы служите?» Вновь набранное войско, думая, что это партія бунтовщиковъ, отвѣчало, что служитъ самозванцу; командиръ сотни, поставя часовыхъ, поскакалъ въ домъ къ воеводѣ Бѣлокопытову, который въ испугѣ спрятался въ огородѣ, гдѣ казаки нашли его между двухъ грядъ гороха. Когда они привели его къ ротмистру, воевода, думая, что онъ стоитъ предъ Пугачевымъ, объявилъ себя слугою

самозванца; ротмистръ, давъ ему нѣсколько пощечинъ, вывелъ несчастнаго на площадь, и при множествѣ собравшагося народа высѣкъ плетьми. Такимъ же образомъ поступилъ онъ съ воеводою Сердешевымъ и приказалъ связать имъ руки назадъ и посадить въ двѣ телѣги, запряженныя парою.

Въ то время, какъ ротмистръ управлялся въ воеводами, казаки его команды бросились въ обывательскіе домы грабить. Хозяйка наша, обливаясь горькими слезами, просила помилованія у грабителей; но казаки брали всѣ вещи, которыя находили и могли взять, не отвѣчая ей ни слова. Жалость взяла меня; не говоря никому ни слова, я, надѣвъ старый набойчатый халатъ и туфли моего хозяина, отправился на площадь. Ротмистръ въ то время бранился съ связанными и посаженными въ телѣги, высѣченными воеводами; я подошелъ къ нему, объявилъ, что я дворянинъ, потерпѣвшій несчастіе отъ бунта, лишился отца, и не имѣя пристанища, призрѣнъ со всею оставшеюся семьею моею подъячимъ, котораго ограбили казаки его команды. Ротмистръ, хотя былъ пьянъ, но сжалился надо мною,—приказалъ сыскать козаковъ и отдать мнѣ все взятое; въ мигъ возвратили мнѣ множество платья и вещей. И когда я объявилъ ротмистру, что я не въ состояніи поднять все принесенное, онъ приказалъ казакамъ тотчасъ отнести все обратно, что̀ и было исполнено.

Я понравился пьяному ротмистру; онъ поцѣловалъ меня, объявилъ мнѣ, что высѣкъ воеводъ, и спрашивалъ, не досадили ли они мнѣ, обѣщая прибавить имъ по нѣскольку ударовъ. Потомъ онъ приказалъ привести на площадь бунтовщиковъ, привезенныхъ воеводою Бѣлокопытовымъ наканунѣ и посаженныхъ въ острогъ. Казаки, поднявъ ихъ на пики, разстрѣляли. Совершивъ этотъ послѣдній подвигъ, собралъ онъ свою команду и съ обоими воеводами отправился изъ города, оставивъ насъ безъ всякаго начальства.

Возвратясь домой, я былъ принятъ подъячимъ и женою его съ почестями; они называли меня благодѣтелемъ, спасшимъ ихъ имѣніе, и въ награду за геройскіе подвиги подарили мнѣ взятые у нихъ халатъ и туфли. Но это торжество было не продолжительно, и я вскорѣ былъ причиною многихъ ихъ горестей.

Въ тотъ же день вечеромъ вступилъ въ городъ гарнизонный баталіонъ изъ Симбирска, и вскорѣ послѣ того возвратился и воевода Бѣлокопытовъ, у котораго ротмистръ просилъ прощенія, протрезвившись и чувствуя, что поступилъ съ нимъ неблагоразумно. Воевода, получивъ свободу, обѣщалъ ротмистру не разглашать, что былъ высѣченъ плетьми.

По возвращеніи своемъ, Бѣлокопытовъ отправилъ нѣсколько солдатъ на мельницу богатаго купца привезти въ городъ его имущество, и разнеслась по городу вѣсть, что взялъ онъ за то съ купца пятдесятъ рублей. Я полагалъ, что если можно посылать команды, то воевода не откажетъ послать къ намъ въ деревню объявить людямъ, чтобы явились въ городъ и привезли все необходимое къ нашему содержанію.

На другой день поутру, не сказавшись никому, пошелъ я къ воеводѣ; я нашелъ его въ канцеляріи и изъяснилъ ему свою просьбу. Не отвѣчая на слова мои, онъ сказалъ грозно: «Какъ смѣлъ ты обмануть часоваго и увести свою мать, братьевъ и сестеръ изъ-подъ караула?» Я съ кротостію отвѣчалъ, что если бы увидѣлъ онъ положеніе матушки, то онъ самъ бы сжалился надъ нами и приказалъ бы вы-

пустить ее изъ тюрьмы. «Такъ нѣтъ тебѣ команды для посылки въ деревню», сказалъ онъ сурово. «Это отъ того, отвѣчалъ я, что нѣтъ у меня пятидесяти рублей.» — «Ахъ ты сарафанникъ, щенокъ!» закричалъ воевода. «Родился я съ тѣмъ, возразилъ я, чтобы носить кафтанъ лучше твоего, потому что я дворянинъ, а ты солдатскій сынъ.» Тутъ вскочилъ онъ со стула, затопалъ и закричалъ: «Розги! я высѣку тебя!» А я, подобравъ длинныя полы подъяческаго, набойчатаго халата убѣжалъ домой, не сказавъ никому о своемъ приключеніи.

Воевода, озлобившись на четырнадцатилѣтняго мальчика, призвалъ старика подъячаго, и приказалъ ему, чтобы тотчасъ всѣхъ насъ выгнать изъ дома. Но нашъ добрый хозяинъ объявилъ Бѣлокопытову, что мой отецъ былъ его благодѣтель, и потому онъ никакъ не можетъ исполнить его приказаніе. Воевода спорилъ, подтверждалъ свои повелѣнія палочными ударами по спинѣ добраго подъячаго; но тотъ вытерпѣлъ наказаніе и не согласился выгнать насъ; его принесли домой на рукахъ, призвали цырюльника и пустили ему кровь.

На другой день воевода, узнавъ, что хозяинъ нашъ, сказавшись больнымъ, остался дома, приказалъ привести его въ канцелярію, и заковавъ въ желѣзы, посадилъ подъ караулъ будто бы за то, что онъ, бывъ приходорасходчикомъ, задержалъ казенныя деньги, показывая ложно, что онѣ похищены бунтовщиками; прислалъ описать все его имущество и сдѣлалъ въ домѣ строжайшій обыскъ, по которому однако же не найдено было ничего, что̀ бы могло служить основаніемъ подозрѣнію, вымышленному съ такою злобою.

Эти происшествія терзали мое сердце; раскаяніе и жалость меня мучили: упреки нашей хозяйки, гнѣвъ матушки и горькія слезы ея напоминали мнѣ поминутно мою вину и случившееся отъ того несчастіе людей, которые оказали намъ услугу, и безъ помощи которыхъ не знали бы мы, куда приклонить голову. Когда матушка пошла къ вечернѣ съ женою подъячаго, я взялъ съ собою братьевъ, которые были въ однѣхъ рубашкахъ, и пошелъ къ воеводѣ. Встрѣтивъ его на площади, когда онъ шелъ изъ дома своего въ канцелярію, я бросился предъ нимъ на колѣни и просилъ прощенія; онъ такъ было грубъ и золъ, что, не отвѣчая ни слова, едва не ударилъ меня въ лицо ногою. Я хотѣлъ было войти за нимъ въ канцелярію; но солдаты, поставленные у дверей, не впустили насъ.

Возвратившись домой, я разсказалъ о своей неудачѣ, и былъ наказанъ за то. Хозяйка наша возненавидѣла меня и бранила безпрестанно. Мужъ ея высѣченъ былъ въ тотъ же вечеръ, и ему сказано было, чтобы согналъ насъ со двора, но онъ не согласился на то и послѣ наказанія.

На другой день вечеромъ возвратился дворовый нашъ человѣкъ, котораго батюшка посылалъ въ Оренбургскую деревню узнать, что тамъ дѣлается, и собрать оброкъ. На обратномъ пути, узнавъ о возмущеніи, онъ отпустилъ бывшаго съ нимъ крестьянина, и одинъ, пѣшкомъ, въ разорванной одеждѣ, пошелъ насъ отыскивать. Вѣрность этого человѣка и радость его при свиданіи съ нами сладостна была осиротѣвшимъ сердцамъ нашимъ, а деньги, которыя онъ съ собою принесъ, дали намъ возможность не бояться нищеты. Узнавъ подробно о всѣхъ обстоятельствахъ, онъ нашелъ, что не нужно просить команды у воеводы, и вызвался самъ идти въ деревню и привезти людей и все нужное къ нашему содер-

жанію. Матушка удерживала его, боясь, чтобы и его тамъ не убили; но онъ не послушался, и въ ту же ночь отправился пѣшкомъ въ путь.

На другой день вечеромъ пришли къ намъ человѣкъ двадцать нашихъ людей, и въ числѣ ихъ тотъ, который указалъ мѣсто, гдѣ мы скрылись, ударилъ матушку и сестру, и одинъ изъ всѣхъ участвовалъ въ убійствѣ батюшки. Увидѣвъ его, матушка испугалась и вскричала: «Бога ради, не пускайте его ко мнѣ!» Я велѣлъ ему идти за собою, и взявъ двоихъ людей, пошелъ въ канцелярію. Въ то время воеводы тамъ не было. Вызвавъ караульнаго сержанта, я объявилъ ему о преступленіи этого человѣка, за которое онъ долженъ быть преданъ суду, и оставивъ его въ канцеляріи, возвратился домой.

Все это послужило воеводѣ, какъ видно, доказательствомъ, что мы не имѣемъ болѣе надобности просить его милости, и на другой день, когда я былъ посланъ къ нему матушкою объявить о поступкахъ человѣка, отданнаго подъ стражу, воевода, хотя и со злобою, но учтиво сказалъ мнѣ: «Не погрѣшите предъ Богомъ, если вы праваго дѣлаете виноватымъ.»—«Отъ васъ зависитъ оправдать его», отвѣчалъ я. Въ тотъ же день игуменья, двоюродная сестра батюшки, скрывавшаяся до того времени въ лѣсу, возвратившись въ монастырь, дала свою рясу нашему портному и приказала сшить мнѣ кафтанъ и прочія принадлежности одежды. Сапожникъ нашъ досталъ гдѣ-то кожи и сшилъ мнѣ сапоги. Все это сдѣлано было скоро, и я пересталъ быть сарафанникомъ, какъ называлъ меня Бѣлокопытовъ, видя въ подъяческомъ набойчатомъ халатѣ.

Я сталъ смѣлѣе въ новомъ нарядѣ. Хозяинъ нашъ, выпущенный изъ тюрьмы, оправился; жена его, со всею своею семьей, пользуясь нашими припасами, стала веселѣе. Монахи, монахини, городскія богомольныя старушки, узнавъ, что у матушки водятся деньги, стали ласкаться къ ней больше прежняго. Она приказала служить по всѣмъ церквамъ панихиды по батюшкѣ, проводила все время въ молитвѣ и слезахъ, и совсѣмъ забыла насъ, ведя жизнь по обрядамъ монастырскимъ. Я могъ дѣлать, что хотѣлъ.

Часъ отъ часу дѣлаясь смѣлѣе, я скоро дошелъ до дерзости, и не пропускалъ случая, при встрѣчѣ съ воеводою, оказывать ему грубости, если не словомъ, то хоть миною. Однажды услышалъ я, что множество лошадей, отбитыхъ у бунтовщиковъ, за отсутствіемъ хозяевъ, отдаются на росписку городскимъ жителямъ, и что воевода извлекаетъ изъ того свои выгоды. Я явился въ канцелярію, объявилъ желаніе взять къ себѣ пять лучшихъ лошадей, хотя мнѣ въ нихъ не было никакой надобности, и въ разговорѣ не забылъ наговорить дерзостей Бѣлокопытову. Онъ выслушалъ меня хладнокровно и приказалъ дать мнѣ лошадей, которыхъ я просилъ.

Вскорѣ буйственныя эти склонности довели было меня до бѣды, которая могла бы сдѣлать меня навѣки несчастнымъ.

Матушка, сдѣлавшись до чрезвычайности богомольною, занималась нами, какъ выше я сказалъ, мало. Я дѣлалъ, что хотѣлъ, окружилъ себя мальчиками разнаго состоянія, и вскорѣ умѣлъ взять надъ ними большую власть.

Всѣ умы заняты были тогдашними суровыми происшествіями. Безпрерывные слухи о сраженіяхъ и убійствахъ, и почти ежедневное зрѣлище смертной казни, завели и у насъ тому подобныя игры. Мы раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одной я былъ предводи-

телемъ, и играли въ войну. Однажды, собралось мало мальчиковъ моей партіи, и я, видя невозможность защищаться на открытомъ мѣстѣ и напасть, какъ прежде бывало, на непріятеля, засѣлъ въ пустыхъ срубахъ сгорѣвшихъ избъ. Предводитель непріятельской партіи, сынъ ямщика, не зная, гдѣ мы скрывались, послалъ изъ партіи своей лазутчикомъ мальчика-дворянина ровестника мнѣ, и также какъ я чудеснымъ образомъ спасшагося отъ смерти, поручивъ ему развѣдать, откуда удобнѣе на насъ напасть. Этотъ мальчикъ, маленькій ростомъ, раздѣлся, и прикрывъ спину рогожею, поползъ на животѣ исполнить данное ему порученіе. Непріятель нашъ не зналъ, что, для надзора за его движеніями, я поставилъ въ скрытыхъ мѣстахъ нѣсколько часовыхъ, которые поймали и привели ко мнѣ лазутчика. Я собралъ начальниковъ моей партіи, нарядилъ судъ, который рѣшилъ виновнаго повѣсить, и какъ ни любилъ я этого мальчика, но привелъ въ исполненіе приговоръ суда. Къ счастію нашему, петля, сдѣланная изъ той рогожи, которая покрывала лазутчика, слабо скрученная, была мягка и не сильно захватила горло; однако онъ переставалъ уже дышать, когда гарнизонный солдатъ, шедшій по пустырю, увидѣвъ наши продѣлки, прибѣжалъ, и вовремя снялъ повѣшеннаго, который долго лежалъ безъ чувства. Мы стали дышать ему въ ротъ и качать, — и кое-какъ оживили. Не могу передать, какъ сильно я почувствовалъ важность моего преступленія. Я сознался во всемъ предъ солдатомъ, просилъ его отвести меня, какъ убійцу, къ воеводѣ, говоря, что я достоинъ строгаго наказанія, что согрѣшилъ я предъ Богомъ и предъ людьми, и не долженъ болѣе жить на свѣтѣ. Когда мальчикъ ожилъ, и солдатъ, только пожуривъ меня, отпустилъ, я сильно обрадовался, тотчасъ помирился съ лазутчикомъ, и отыскавъ его платье, помогъ ему одѣться, а какъ всѣ мальчики разбѣжались, видя бѣду, то и мы воротились домой; съ этихъ поръ я далъ себѣ слово не заводить впередъ подобной забавы, и игралъ только въ козлы и чушки.

Воевода не переставалъ насъ преслѣдовать, и хота выпустилъ подъячаго изъ тюрьмы и не наказывалъ его, но всячески старался, чтобы онъ согналъ насъ со двора, на что хозяинъ нашъ однакоже не согласился. Упорство подъячаго, грубости, которыя продолжалъ я безпрестанно оказывать воеводѣ, и разглашеніе о поступкахъ его сердили Бѣлокопытова и вѣроятно убѣждали его въ необходимости удалить изъ города дерзкаго мальчишку, знавшаго многія его проказы.

Въ концѣ осени воевода получилъ приказаніе приготовить квартиры для пѣхотнаго полка. Онъ назначилъ двухъ офицеровъ въ домъ нашего хозяина, оставивъ безъ постоя многіе дома, гораздо болѣе нашего, который состоялъ всего изъ горницы, съ перегородкой, гдѣ мы жили, горницы, гдѣ жилъ хозяинъ съ своею семьей, и небольшой избы для людей на дворѣ: поэтому намъ невозможно было долѣе оставаться въ домѣ. Сколько ни искали мы нанять квартиру, никакая цѣна не могла соблазнить обывателей; никто, опасаясь гнѣва воеводы, не впускалъ насъ къ себѣ. Мнѣ приходилось плохо; опять начали бранить и бить меня. Матушка посылала меня почти каждый день къ воеводѣ просить о квартирѣ; сама къ нему ѣздила, но онъ былъ неумолимъ, говоря: «Вы можете жить въ своей деревнѣ.» Намъ нельзя было туда ѣхать, потому что матушка чувствовала къ ней отвращеніе, да и жить тамъ было опасно.

Все это заставило насъ собраться ѣхать въ Пензу, за двѣсти слишкомъ верстъ отъ Алатыря. Трудное было наше положеніе; мы знали какія опасности предстояли намъ въ дорогѣ; но дѣлать было нечего, и мы выѣхали наканунѣ прибытія полка въ городъ, на крестьянскихъ лошадяхъ, въ простыхъ крестьянскихъ телѣгахъ, покрытыхъ кибитками. Грязь, проливной дождь, продолжавшійся цѣлый день, дурныя лошади и дурныя повозки были причиною, что, промокнувъ до костей, едва къ вечеру дотащились мы до села въ двадцати верстахъ отъ города, гдѣ расположился тогда полкъ на ночлегъ. Мы простояли нѣсколько часовъ на улицѣ подъ дождемъ, и насилу нашли квартиру; матушка проплакала цѣлую ночь; съ ней сдѣлался жаръ, и она занемогла.

На разсвѣтѣ полкъ сталъ собираться въ свой путь, а мы въ свой. Тутъ осмѣлился я приступить къ матушкѣ съ просьбою возвратиться въ городъ, въ надеждѣ, что полковой командиръ за насъ вступится; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то предлагалъ я матушкѣ съ сестрами и женскою прислугой помѣститься въ монастырѣ у игуменьи, а мнѣ съ братьями жить гдѣ день, гдѣ ночь. Послѣ долгихъ разсужденій и по совѣту одного человѣка, показавшаго къ намъ большое усердіе, матушка согласилась на это предложеніе. Всѣдъ за полкомъ пріѣхали и мы въ городъ и застали на дворѣ нашего хозяина офицерскія повозки; люди ихъ расположились уже въ той горницѣ, гдѣ мы жили. Добрый нашъ подъячій не отказался принять насъ и предложилъ намъ жить въ одной съ нимъ горницѣ. Я надѣлъ черный кафтанъ, и пошелъ къ командующему полкомъ бригадиру Пилю (3), у котораго тогда было много офицеровъ и воевода Бѣлокопытовъ. Я подошелъ къ бригариду и объяснилъ ему, что я дворянинъ, лишившійся отца, претерпѣвшій все возможныя несчастія, и не имѣю съ цѣлою семьей пристанища по злобѣ воеводы; разсказалъ ему причину этой злобы, и не скрылъ того, что назвалъ его солдатскимъ сыномъ. Бригадиръ казался чрезвычайно тронутымъ, и съ слезами на глазахъ, обратясь къ поблѣднѣвшему воеводѣ, сказалъ: «Боишься ли ты Бога!» позвалъ квартирмейстера, и приказалъ тотчасъ очистить нашу квартиру отъ постоя. Когда я прощался и благодарилъ его, онъ изъявилъ желаніе, чтобы я приходилъ къ нему почаще, позволилъ мнѣ обращаться къ нему со всякими просьбами, и обѣщалъ помогать во всемъ.

Я возвратился въ домъ къ хозяину нашему вмѣстѣ съ квартирмейстеромъ. Учтивость этого офицера, скорое исполненіе приказанія бригадира и увѣренность, что онъ уйметъ воеводу, оживили всѣхъ насъ. Вскорѣ мы убѣдились въ основательности этой надежды. Хозяинъ нашъ, большой охотникъ до водки, напившись не во время допьяна, ожидалъ неминуемаго наказанія; но воевода не только, по обыкновенію, не побилъ его, а даже и не побранилъ. Это до того ободрило его, что мы часто бывало скучали его пьянствомъ, за которое онъ уже не опасался наказанія.

Матушка пришла въ себя, повидавшись съ пріѣхавшею къ намъ игуменьею и собравшимися богомольными старушками и на другой день, поутру, приказала мнѣ идти къ бригадиру благодарить отъ ея имени за оказанныя намъ милости. Пиль принялъ меня очень ласково, распрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ нашего несчастія и о домашнихъ обстоятельствахъ, оставилъ у себя обѣдать, посадилъ подлѣ себя,

(3) Не дѣдъ ли это М. А. Дмитріева, мать котораго была урожденная Пиль? *П. Б.*

занимался болѣе мною, чѣмъ воеводою Бѣлокопытовымъ (который, какъ казалось, очень его боялся) и познакомилъ съ офицерами своего полка, которые были помоложе. Приглашеніе быть чаще у него въ домѣ было очень для меня пріятно.

Вскорѣ потомъ пріѣхалъ въ городъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ съ неограниченнымъ полномочіемъ для управленія краемъ. Узнавъ о нашихъ приключеніяхъ, графъ, на второй день своего пріѣзда, прислалъ мнѣ сказать, чтобъ я явился къ нему на другой день въ шесть часова утра. Цѣлый вечеръ у насъ продолжались толки, что это за вызовъ и для чего. Богомольныя старушки учили меня, каждая по своему, что дѣлать, и что говорить; но я ни одну изъ нихъ довольно не почиталъ, чтобы слѣдовать ихъ совѣтамъ.

Исполняя приказаніе графа, къ шести часамъ я явился и объявилъ о себѣ въ передней какому-то чиновнику, который провелъ меня до дверей кабинета, устроеннаго въ гостиной воеводскаго дома. На большомъ столѣ, заваленномъ множествомъ бумагъ, догорали двѣ свѣчи, тусклый свѣтъ которыхъ едва доходилъ до дверей, въ которыя я вошелъ. Графъ сидѣлъ за столомъ и занимался дѣлами; я видѣлъ, какъ внимательно читалъ онъ бумаги и писалъ на нихъ свои резолюціи; наконецъ, оборотясь ко мнѣ, спросилъ: «Ты Мертваго?» приказалъ подойдти къ столу и пріятнымъ тономъ сказалъ: «Разскажи мнѣ, мой другъ, всѣ приключенія твои исторически.» Я разсказалъ ему все подробно, кромѣ того, что касалось до притѣсненія воеводы Бѣлокопытова: матушка мнѣ запретила строго говорить о томъ; впрочемъ я и самъ бы того не сдѣлалъ, зная, что графъ наканунѣ, въ присутствіи многихъ, не только что бранилъ его, но и грозилъ повѣсить.

Во время моего разсказа графъ разчувствовался, плакалъ, нѣжно, какъ отецъ, цѣловалъ меня, и сказалъ: «Скажи мнѣ, чѣмъ могу облегчить несчастіе ваше и поправить домашнее разстройство?» Я отвѣчалъ, что кромѣ Бога никто этого не можетъ сдѣлать, и что мы ни въ чемъ не нуждаемся. Отвѣтъ этотъ ему понравился. Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ. Слезы его, катившіяся на мое лицо, были доказательствомъ участія, принятаго имъ въ нашемъ горѣ. Показывая мнѣ множество бумагъ, онъ сказалъ: «Вотъ дѣло о человѣкѣ вашемъ: онъ злодѣй; что хотите вы съ нимъ дѣлать?» (4) Я отвѣчалъ, что вина его не подлежитъ нашему суду. Но графъ возразилъ: «Я властенъ, что хочу, — и такъ спроси у матушки своей, и скажи мнѣ; я такъ его накажу, какъ вамъ будетъ угодно.» На это я ему сказалъ, что и матушка ничего сказать не можетъ. Послѣ того онъ отпустилъ меня, пригласивъ къ себѣ обѣдать.

Возвратившись домой, я нашелъ всѣхъ старушекъ, ожидавшихъ меня съ нетерпѣніемъ; я разсказалъ, по приказанію матушки, все, что со мною случилось, и она осталась мною довольна.

Вслѣдствіе приказанія графа, я отправился къ нему обѣдать. Въ числѣ приглашенныхъ было множество чиновниковъ, пріѣхавшихъ для свиданія съ графомъ, — бригадиръ, насъ облагодѣ-

(4) Человѣкъ этотъ, сдѣлавшій намъ много зла, при допросѣ показалъ, что, боясь пытки, объявилъ о мѣстѣ, гдѣ мы скрывались; матушку и сестру ударилъ дубиною по головѣ, чтобы доказать мятежникамъ, что онъ присталъ къ ихъ толпѣ; а участвовалъ въ убійствѣ, думая, что батюшка, узнавъ о его поступкѣ, не оставитъ безъ наказанія. Человѣкъ этотъ, такимъ образомъ вовлеченный изъ одного злодѣйства въ другое, кончилъ свою жизнь на висѣлицѣ.

тельствовавшій, и воевода Бѣлокопытовъ. Когда я вошелъ, графъ выговаривалъ воеводѣ за безпорядки его управленія. Графъ очень милостиво меня принялъ, подозвавъ къ себѣ, поцѣловалъ, и обратившись къ бригадиру, сказалъ: «Вотъ герой и глава своей семьи». За обѣдомъ онъ посадилъ меня подлѣ себя, а по другую его сторону сидѣлъ бригадиръ Пиль. Графъ сказалъ Пилю, чтобы онъ записалъ меня къ себѣ въ полкъ. Пиль отвѣчалъ, что онъ давно мнѣ это предлагалъ, имѣя намѣреніе взять къ себѣ въ адъютанты на вакансію, которая вскорѣ откроется; но что матушка, не посовѣтовавшись съ дѣдушкою, на это не соглашается. Тутъ пошли объ этомъ толки; графъ доказывалъ, что матушка поступаетъ не хорошо, и видя что я молчу, приказалъ передать ей этотъ разговоръ. На другой день графъ выѣхалъ изъ города. Я сталъ чаще ходить къ бригадиру; благодаря хорошему обхожденію его со мною и ласкамъ офицеровъ, я проводилъ время пріятно; наступившая вмѣстѣ съ тѣмъ зима разлучила меня съ мальчиками, прежними моими друзьями, и образъ моей жизни совершенно перемѣнился.

Вскорѣ пріѣхала жена бригадира. Узнавъ о нашихъ приключеніяхъ, она сказала мнѣ, что желаетъ познакомиться съ матушкою. Я отвѣчалъ, что матушка за долгъ почтетъ быть у нея и благодарить за милости, оказанныя намъ ея мужемъ. Возвратившись домой, я думалъ сообщить пріятную новость, и разсказалъ матушкѣ о разговорѣ съ бригадиршею. Но она побранила меня за то, что я осмѣлился давать за нее слово, и, какъ видно, не имѣла и намѣренія знакомиться съ бригадиршею.

Въ первое воскресенье послѣ того бригадирша поѣхала съ своимъ мужемъ къ обѣднѣ въ женскій монастырь, гдѣ матушка была каждый день. Подозвавъ меня къ себѣ во время обѣдни, она просила меня указать ей матушку, которая стояла въ углу близь игуменьи и молилась съ горькими слезами. По окончаніи службы, бригадирша подошла къ игуменьѣ и познакомилась съ нею. Потомъ, когда игуменья увела матушку въ свою келью, бригадирша съ мужемъ своимъ пошли за нами, гдѣ Пиль, подошедъ къ матушкѣ, сказалъ ей, что онъ доволенъ моими посѣщеніями, и подвелъ къ ней познакомиться свою жену. Матушка, обливаясь слезами, сказала, что по постигшимъ насъ несчастіямъ, она въ такихъ обстоятельствахъ, что должна быть въ тягость людямъ, и только поэтому не была у нихъ, чтобы благодарить за всѣ оказанныя намъ милости,—но что Богъ имъ и дѣтямъ ихъ за то заплатитъ. Сцена была чувствительная; всѣ присутствующіе прослезились, слушая ихъ объясненіе.

Пробывъ нѣсколько времени въ кельѣ, бригадиръ съ женою поѣхали домой, а мы, нѣсколько погодя, потащились пѣшкомъ на квартиру. Только что успѣли воротиться, пріѣхала къ намъ бригадирша. Войдя въ комнату, она просила прощенія, выразила желаніе познакомиться съ матушкою, и все это такимъ обязательнымъ образомъ, понятнымъ чувствительному сердцу. Тутъ начались новыя слезы и изъясненія. Матушка объяснила ей, что она чувствуетъ цѣну ея поступка, благодаритъ за то Бога, и у Него проситъ ей воздаянія; что она не можетъ ни къ кому ѣздить, будучи увѣрена, что кромѣ тягости она собою никому ничего не принесетъ, и ищетъ только уединенія. Бригадирша доказывала матушкѣ, что шестеро малолѣтныхъ дѣтей требуютъ ея попеченія, и она въ исполненіи своихъ обязанностей долж-

на видѣть волю Божію, но матушка отвѣчала все одно и тоже: «Богъ имъ отецъ, и Онъ устроитъ ихъ участь.»

Однако вскорѣ она согласилась съ мнѣніемъ новой нашей попечительницы и обѣщала къ ней пріѣхать, только не къ обѣду, потому что, слѣдуя монастырскимъ правиламъ, ѣла постное, никому о томъ не сказывая, хотя всѣ это знали.

Послѣ обѣда мы всѣ пошли къ бригадиру. Ласковый и почти родственный пріемъ, казалось, былъ пріятенъ матушкѣ; но начавшійся благовѣстъ къ вечернѣ поднялъ насъ вскорѣ, и не слушая никакихъ просьбъ, она со всѣми нами отправилась въ монастырь. Игуменья, узнавъ о нашемъ визитѣ, убѣдительно уговаривала матушку продолжать знакомство, говоря, что это нужно для дѣтей ея и не можетъ быть помѣхою любви ея къ молитвѣ.

На другой день бригадирша была опять у насъ и пригласила матушку къ себѣ. Онѣ вскорѣ сблизились; дружба эта заставила матушку придти въ себя и имѣть о насъ должное попеченіе, и можетъ-быть спасла насъ отъ погибели, которая легко могла случиться отъ непризрѣнія въ ребячествѣ.

II. Служба въ Оренбургскомъ краю.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ послѣ нашего несчастія, матушка стала приходить въ себя и поѣхала къ своему отцу. У него прожили мы почти всю зиму. Возвратясь въ Алатырь, она купила домъ, и перестроивъ его, начали мы жить, какъ слѣдуетъ. Родственница матушки, пріѣхавшая изъ Москвы, съ которою она была дружна, боясь возвратиться въ свою деревню, находящуюся недалеко отъ города, также купила домъ. Многіе дворяне, поселившись также въ городѣ, составили очень пріятное общество и до того дружное, что казалось, что всѣ были одной семьи ([5]). Несчастіе всегда уничтожаетъ гордость и склоняетъ сердца къ снисхожденію и единомыслію.

Между тѣмъ записали меня унтеръ-офицеромъ въ гвардію, и прислали паспортъ на два года: въ началѣ 1777 я долженъ былъ явиться въ Петербургъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1776 г. матушкѣ представилось, что я могу уже быть способенъ къ дѣлу, и меня послали въ Оренбургскую деревню привесть въ порядокъ дѣла и разстроенное тамъ хозяйство.

Пріѣхавъ въ 1777 году въ С.-Петербургъ на службу, я не явился въ полкъ. Покровители мои сочли за лучшее показывать меня малолѣтнымъ. Меня производили въ чины и выпрашивали мнѣ паспорты до совершеннаго возраста. Наконецъ, когда мнѣ минуло 19 лѣтъ, я вступилъ въ службу сержантомъ; и чрезъ два мѣсяца, въ которые одинъ только разъ былъ въ караулѣ, мнѣ исходатайствовали отпускъ на годъ. По окончаніи отпуска покровители мои посовѣтовали мнѣ оставить военную службу и перейти въ статскую. На 22 году я былъ опредѣленъ прокуроромъ, съ чиномъ этому званію присвоеннымъ.

Все это время и пять лѣтъ, въ которые я былъ прокуроромъ, провелъ я самымъ празднымъ образомъ:

([5]) Вотъ одна изъ причинъ заселенія дворянами нашихъ мелкихъ городовъ. Введенное вслѣдъ за укрощеніемъ Пугачевщины Учрежденіе о губерніяхъ, въ соединеніи съ дарованною 13 лѣтъ тому назадъ свободою дворянамъ служить или оставаться дома, также много способствовало усиленію городской дворянской жизни и приготовило тотъ бытъ, который господствовалъ до нынѣшнихъ дней. *П. Б.*

ничему не учился, ни къ чему не прилежалъ, и не зналъ ничего, что касается до должности. Но будучи любимъ начальниками и находясь всегда въ ихъ обществѣ, я не только былъ терпимъ въ службѣ, но многіе даже меня уважали.

(1785) Когда мнѣ минуло 25 лѣтъ, назначенъ къ намъ былъ генералъ-губернаторомъ нѣмецъ со всѣми качествами древняго рыцаря и новѣйшаго петиметра: влюбчивый, воинственный, вспыльчивый, хитрый, пріятный въ обществѣ и несносно гордый, щедрый и въ тоже время скупой, охотникъ наряжаться и видѣть предъ собою нарядныхъ, затѣвать великія дѣла, представлять малыя великими и покровительствовать всѣмъ страждущимъ ([6]). Новый генералъ-губернаторъ, обладавшій умомъ болѣе чѣмъ обыкновеннымъ, сначала былъ предваренъ обо мнѣ невыгодно. Но вспыльчивый и избалованный мой нравъ послужилъ мнѣ въ пользу. Жаркое объясненіе о моей невинности ему понравилось, а скорое за тѣмъ открытіе клеветы глупыхъ и пристрастныхъ чиновниковъ обратило его совершенно на мою сторону. Въ началѣ я былъ принятъ въ его избранное общество, потомъ сталъ мнѣ покровительствовать.

Я провелъ нѣсколько времени какъ и прежде празднымъ, но поссорившись съ любовницею генералъ-губернатора, которая взяла надъ нимъ большую власть, потерялъ его довѣренность. Мѣсто, къ которому я принадлежалъ по службѣ, было въ областномъ городѣ. Со мною сдѣлалась лихорадка, которая вмѣстѣ со скукою, неизбѣжною въ дурномъ, отдаленномъ городѣ, такое навела на меня уныніе, что я послалъ просьбу объ отставкѣ. Я ее получилъ обратно вмѣстѣ съ представленіемъ губернскаго прокурора при письмѣ его письмоводителя, которымъ увѣдомлялъ онъ меня, что я произведенъ въ надворные совѣтники, и потому, хотя на нѣкоторое время, долженъ остаться въ службѣ.

Это произшествіе, служащее доказательствомъ выгоднаго обо мнѣ мнѣнія начальства, было причиною множества толковъ. Начальникъ губерніи снова и даже еще болѣе сталъ ко мнѣ внимателенъ, и предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ другую губернію, ввѣренную его начальству. Я согласился. Дорогою занемогаетъ его письмоводитель. Будучи принужденъ оставить его, онъ не зналъ, что дѣлать не умѣвъ писать по русски, и предложилъ мнѣ исправлять эту должность, на что я согласился. Слогъ мой ему понра́вился. Дѣла, сильно дѣйствовавшія тогда на его честолюбіе, открыли мнѣ всѣ тайны его намѣреній. Нѣкоторыя мои предположенія, приведенныя въ дѣйствіе и прославившія его въ послѣдствіи, доставили мнѣ полную его довѣренность и дружбу.

Городъ, гдѣ я прожилъ съ нимъ цѣлые два мѣсяца, мнѣ понравился. Ссора моя съ любовницею генералъ-губернатора и вмѣстѣ съ тѣмъ женою глупаго губернатора не представляла мнѣ возможнымъ пріятно проводить время въ Оренбургѣ, и я вздумалъ проситься въ Уфу. Я написалъ къ генералъ-прокурору ([7]) и просилъ опредѣ-

([6]) Графъ Осипъ Максимовичъ Игельстромъ (ум. 1817). Онъ былъ генералъ-губернаторомъ Симбирскимъ и Уфимскимъ съ 1784 по 1792 годы. Впослѣдствіи онъ прославился на войнѣ и особенно извѣстенъ своимъ посольствомъ въ Польшѣ во время Варшавскаго избіенія Русскихъ Поляками. *П. Б.*

([7]) Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому. *П. Б.*

лить меня совѣтникомъ въ гражданскую палату. Мѣсто это мнѣ было обѣщано, и, очень довольный, отправился я ожидать повелѣнія о своемъ перемѣщеніи, что вскорѣ было и сдѣлано.

Пріѣхавъ въ Уфу, я вступилъ въ должность. Предсѣдатель палаты, человѣкъ не молодой, довольно честный, и гордясь знатностію рода и своимъ богатствомъ, считавшій присутствующихъ палаты своими подчиненными, обошелся со мною ласково, но съ видомъ покровительства. Честолюбіе мое было тронуто. Я былъ съ нимъ учтивъ, но сталъ удаляться отъ него, и обходился съ нимъ, какъ съ равнымъ. Мои товарищи, не смѣя поступать также, одобряли однако же мое поведеніе. Однажды, въ присутствіи, предсѣдатель сказалъ мнѣ, что я не знаю дѣла, и хочу быть тѣмъ, чѣмъ быть не умѣю. Больно мнѣ было это выслушать, и хотя на словахъ я ему не уступилъ, но самъ въ себѣ сознавалъ преимущество его надъ собою. Послѣ этой ссоры онъ возложилъ на меня особое по дѣламъ порученіе, и мнѣ всякой день приходилось чувствовать свои недостатки. Униженіе, которое я терпѣлъ, и самолюбіе не давали мнѣ покоя. Я сталъ заниматься, познакомился съ старымъ и опытнѣйшимъ въ своемъ дѣлѣ честнымъ судьею. Онъ мнѣ ясно доказалъ, что путь къ знанію не труденъ и не далекъ, лишь бы охота была учиться. Полгода, проведенные въ серьезномъ занятіи, много научили меня, и дали мнѣ вкусъ любить дѣло.

(1787) Вскорѣ получено было повелѣніе о моемъ перемѣщеніи въ совѣтники губернскаго правленія. Имѣя надежду управлять дѣлами мѣста, начальствующаго въ цѣлой губерніи, я съ восхищеніемъ отправился къ новой должности. Похвальные отзывы начальника поселили въ моемъ сердцѣ честолюбіе.

Вступивъ въ должность и входя въ дѣла, я съ радостію увидѣлъ, что въ состояніи вести ихъ, какъ слѣдуетъ. Самолюбіе внушило мнѣ, что я понимаю виды правительства лучше своихъ предмѣстниковъ; а совершенное во всемъ невѣжество губернатора, съ которымъ я присутствовалъ, еще болѣе вкоренило во мнѣ вредное о себѣ высокое мнѣніе. Въ это время пріѣхалъ ко мнѣ родной мой и другъ, Николай Александровичъ Чирковъ [8], отправлявшійся въ походъ, которому надобно было дождаться пріѣзда нашего главнаго начальника и принять его приказанія. Онъ получилъ тогда изъ Петербурга вновь появившіяся книги — сочиненія *Мерсіера* [9]. Драма его: Судья, сильно поразила меня. Читая ее съ слезами на глазахъ, Чирковъ говорилъ мнѣ: „счастливъ бы я былъ, еслибы ты былъ похожъ на этого судью!“ Воображеніе мое было воспламенено; честолюбіе, подстрекаемое успѣхами и всеобщимъ уваженіемъ, сдѣлалось во мнѣ страстію.

Дружба моя съ начальниками продолжалась не долго. Жена губернатора начала, не даромъ, покровительствовать одному богачу, который искалъ притѣснить бѣднаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ разорить цѣлое общество добрыхъ поселянъ. Я за нихъ вступился, поссорился съ начальниками и хотя не мнѣ защитить крестьянъ, но такъ повелъ дѣло, что въ послѣдствіи они выиграли.

[8] Отецъ Софьи Николаевны Давыдовой, нынѣ вдовы извѣстнаго партизана-поэта, женатый въ послѣдствіи на Елизаветѣ Петровнѣ Татищевой, дочери одного изъ основателей „Дружескаго ученаго общества.“ *П. Б.*

[9] Судья, драма въ 5 дѣйствіяхъ Мерсье, переведена была А. Ѳ. Лабзинымъ и напечатана въ Москвѣ, въ 1788 году. *П. Б.*

Противодѣйствіе губернатору произвело то, что умный генералъ-губернаторъ сталъ отзываться обо мнѣ, что я честолюбивый ребенокъ, который ищетъ славы во вкусѣ романическомъ; а глупой губернаторъ сердился и бранилъ меня. Жена его внушала своему любовнику, что я стараюсь показать себя умнѣе и справедливѣе его, и употребляю во вредъ его довѣренность, а мужу своему говорила, что пора упять меня

Между тѣмъ, по случаю начавшейся въ 1787 году войны съ Турками, поступило въ губернское правленіе дѣло очень важное, и я выбранъ къ приведенію въ исполненіе предположенія генералъ-губернатора.

Прежними примѣрами доказано было, что во время войны съ Турками всегда возмущались народы, исповѣдующіе Магометанскій законъ и обитающіе на Азіатской границѣ, что было всегда причиною, препятствующею успѣхамъ побѣдоноснаго нашего войска.

Бухарія, окруженная степями Киргизъ Кайсаковъ и Татаръ и граничащая съ Персіею и Индіею, славится своимъ духовенствомъ. Магометане, обитающіе въ Россіи, имѣютъ большее уваженіе къ тѣмъ духовнымъ особамъ, которыя воспитывались въ Бухаріи. По этому всякій мулла, выѣхавшій оттуда, объясняющій догматы религіи, признается суевѣрнымъ народомъ за святаго, — всевѣдущаго. Эти муллы употреблялись всегда Турками къ возбужденію Россійскихъ Магометанъ къ бунту. Генералъ-губернаторъ, предъугадывая, откуда должно ожидать грозу, и издерживая собственныя свои деньги, послалъ въ степь своихъ шпіоновъ, и успѣлъ перехватить письмо изъ Турціи въ Бухарію, изъ котораго видно было, что вскорѣ отправляется паша съ большими подарками склонять Бухарцевъ противъ Россіи. Письмо это послано было въ оригиналѣ къ императрицѣ. Въ слѣдствіе того генералъ-губернаторъ получилъ милостивый рескриптъ, въ которомъ хвалили его дѣйствія, и увѣдомляли, что подобное свѣдѣніе уже получено было изъ Персіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было, подъ видомъ ревизіи присутственныхъ мѣстъ, отправить по губерніи надежныхъ чиновниковъ, которымъ поручить, примѣняясь къ обстоятельствамъ каждаго края, дать наставленія уѣзднымъ начальникамъ о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять, и въ случаѣ прибытія Бухарцевъ, препятствуя исполненію ихъ замысловъ, такъ поступать, чтобы не дать поводъ къ подозрѣнію и не возмущать права народныя. Это важное порученіе дано было мнѣ и одному моему пріятелю; я долженъ былъ объѣхать семь, а онъ шесть округовъ.

Исполнивъ порученіе, я явился въ Оренбургъ къ генералъ-губернатору. Всѣ мои представленія на счетъ общихъ дѣлъ по губерніи были совершенно одобрены и приведены въ дѣйствіе. Въ разсужденіи же мѣръ, которыя слѣдовало принять противъ проповѣдыванія Бухарцевъ, я подалъ проэктъ, гдѣ предлагалъ учредить при губернскомъ правленіи духовное собраніе изъ двухъ или трехъ избраннѣйшихъ и въ вѣрности испытанныхъ духовныхъ особъ Магометанскаго закона, которые экзаменовали бы желающихъ поступать въ званіе муллъ и представляли бы ихъ на утвержденіе губернскаго правленія; правленіе же обязано было каждому дать указъ, безъ котораго, какъ безъ доказательства его званія, никто бы не смѣлъ учить въ школахъ и изъяснять законъ въ мечетяхъ. И какъ установленіе не

новое, но только не исполняемое, оно не могло причинить вредныхъ въ народѣ толковъ, а между тѣмъ пресѣчетъ козни Бухарцевъ, распространяющихъ будто бы волю Пророка между простодушными Русскими Магометанами. Проэктъ мой принятъ былъ генералъ-губернаторомъ съ большимъ уваженіемъ, и мнѣ было приказано, прибывъ въ Уфу, объяснить его въ губернскомъ правленіи, и потомъ представить по порядку, что̀ и было исполнено.

(1789) Когда генералъ-губернаторъ получилъ отъ губернскаго правленія мой проэктъ, то, одобривъ его, представилъ императрицѣ. Въ слѣдствіе того учреждено было духовное собраніе Магометанскаго закона, и предсѣдатель онаго пожалованъ въ муфтіи. Права этого новаго мѣста опредѣлены были на основаніи моего проэкта. Генералъ-губернаторъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ благодарилъ меня и представилъ къ награжденію орденомъ, но представленіе было сдѣлано слабо, и я его не получилъ.

(1790) Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ сего главный нашъ начальникъ получилъ повелѣніе ѣхать въ столицу и назначеніе командовать арміею противъ Шведовъ. Передъ отъѣздомъ онъ объяснялся со мною, обѣщалъ за меня ходатайствовать, далъ слово взять къ себѣ моего брата и заботиться о его возвышеніи. Онъ помирилъ меня съ мужемъ своей любовницы, и такъ устроилъ дѣло, что я снова всѣмъ сердцемъ сталъ желать ихъ пользы. Пріѣхавъ въ столицу, онъ былъ очень милостиво принятъ императрицею. Пользуясь этимъ, онъ до того неумѣренно хвалилъ губернатора, обладателя красоты его любезной, что милости на него посыпались, и онъ былъ удостоенъ совершенной довѣренности, что̀ возродило неслыханную гордость этого глупаго человѣка, и дѣлало его часъ отъ часу несноснѣйшимъ. Между тѣмъ губернаторша, не подражая примѣру Пенелопы, чрезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ своего героя прельстилась другимъ; извѣстіе о невѣрности ея, дошедшее къ рыцарю среди военныхъ дѣйствій, воспалило его яростію и мщеніемъ.

Въ это время возникло дѣло, сдѣлавшееся въ послѣдствіи важнымъ, которое мучило меня нѣсколько лѣтъ и грозило мнѣ большимъ несчастіемъ. Оренбургъ — коммерческій городъ въ лѣтніе мѣсяцы. Иногородные купцы, пріѣзжавшіе на время ярмарки, мало по малу, пользуясь правомъ сильнаго, присвоили себѣ всѣ выгоды обывателей, которые, будучи бѣдны, терпѣли отъ дорогаго содержанія въ отдаленномъ городѣ на безплодной землѣ, и отличаясь только отъ другихъ жителей налогами, купеческому званію присвоенными, были въ совершенной нищетѣ. Не въ силахъ будучи производить торгъ свѣжимъ мясомъ, требующимъ капитала на покупку и прокормленіе скота въ зиму, они производили дороговизну для всѣхъ, которые по службѣ должны были жить въ городѣ. Полиція, получивъ согласіе магистрата и дозволеніе губернскаго правленія, заключила контрактъ съ однимъ Оренбургскимъ купцомъ, обязавшимся продавать всегда свѣжее мясо по таксѣ, и за то съ своей стороны запретила иногороднымъ купцамъ, не имѣвшимъ права мелочной торговли въ городѣ, дѣлать подрывъ ему въ этомъ промыслѣ. Купцы сіи, съѣхавшіеся въ городъ къ ярмаркѣ и видя, что пресѣчена имъ большая отрасль барыша, стали просить губернатора, изъясняя, что будто бы мясною торговлею держится вся коммерція, чего по справедливости совсѣмъ не было. Они хо-

рошенько попросили его секретаря и губернаторшу и довели до того, что онъ, при предложеніи своемъ, прислалъ эти просьбы въ губернское правленіе (въ которомъ я тогда одинъ присутствовалъ), и требовалъ, разсмотрѣвъ дѣло, представить ему мнѣніе правленія. Между тѣмъ онъ остановилъ дѣйствіе контракта и дозволилъ иногороднымъ купцамъ пользоваться всѣми выгодами, принадлежавшими однимъ бѣднымъ обывателямъ. Повѣренный иногороднаго купечества привезъ предложеніе въ правленіе и подалъ мнѣ письмо, подписанное всѣми лучшими купцами. Въ письмѣ этомъ они выхваляли мою справедливость и, криво доказывая правость своего дѣла, старались обратить меня на свою сторону. Въ тотъ же день по почтѣ получено было въ правленіи донесеніе магистрата, который просилъ утвердить и привести въ дѣйствіе контрактъ, какъ основанный на законѣ, и сдѣланный въ пользу городскихъ жителей; а начальникъ полиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ областной оберъ-комендантъ, командиръ и старшій членъ пограничной экспедиціи, рапортомъ изъяснялъ правленію, что если контрактъ будетъ нарушенъ, то полиція лишится всякаго довѣрія, что купецъ, заключившій контрактъ, употребивъ немалый капиталъ на всѣ необходимыя заведенія, раззорится, и городъ по прежнему не будетъ имѣть свѣжаго мяса во всѣ зимніе мѣсяцы. Я только что приказалъ сообразить эти одно другому противорѣчащія требованія и выписать законы, относящіеся къ дѣлу, какъ въ тотъ же день получилъ два указа сената. Въ одномъ требовали объясненія о причинахъ медленности во взысканіи денежныхъ недоимокъ, и мнѣ поэтому надобно мнѣ было просмотрѣть до сорока дѣлъ, привесть ихъ въ исполненіе и по всѣмъ написать объясненіе. Вторымъ указомъ сенатъ требовалъ объясненія о причинахъ медленности рекрутскаго набора, которому давно минулъ срокъ. Для донесенія сенату мнѣ также необходимо было просмотрѣть огромную переписку по этому предмету съ казенною палатою.

На другой день я получилъ свѣдѣніе, что Бухарцы и Турки, не имѣя возможности дѣйствовать по прежнему для возбужденія Русскихъ Магометанъ къ бунту, посылаютъ къ двору посла, подъ тѣмъ будто бы предлогомъ, чтобы принести жалобу на Киргизцовъ, грабившихъ караваны и препятствующихъ тѣмъ роспространенію торговли. Посолъ, ѣхавши цѣлое лѣто чрезъ Киргизскую степь, собиралъ тамъ Киргизцовъ и Башкирцовъ, обитающихъ въ предѣлахъ Россіи; многіе изъ нихъ согласились быть готовыми къ бунту, и получили отъ посла обѣщаніе объ отводѣ имъ участковъ земли въ степи Киргизской въ случаѣ неудачи возмущенія. Взаимною присягою они утвердили обѣщаніе, и назначили день, въ который послѣ поминокъ богатыря ихъ, издревле славимаго, погребеннаго въ степи близъ линіи, должно было приступить къ дѣлу. Генералъ-прокуроръ, увѣдомляя губернатора о вредныхъ замыслахъ Бухарскаго посла, предписывалъ тотчасъ по прибытіи его на линію, подъ видомъ почестей, удалить его отъ всякаго сообщенія съ народомъ, и на пути къ столицѣ, сколько можно, миновать Магометанскія селенія. Но губернаторъ удовольствовался только тѣмъ, что написалъ всѣмъ комендантамъ принимать посла съ почестями, и немедленно донести о его прибытіи; и потому, по пріѣздѣ въ Оренбургъ, онъ принятъ былъ отлично, и по изъявленному имъ желанію отведена была ему квартира въ Та-

тарской слободѣ, гдѣ, находясь безъ всякаго присмотра (до тѣхъ поръ, пока получено было повелѣніе объ отъѣздѣ его въ Петербургъ) недѣли съ двѣ принималъ у себя Магометанъ нашихъ всѣхъ сословій.

Въ это время получилъ я письмо отъ губернатора, въ которомъ увѣдомлялъ онъ меня, что, будучи боленъ, ѣдетъ въ Уфу (10), и приказывалъ мнѣ, по окончаніи экстренныхъ дѣлъ и по прибытіи вновь опредѣленнаго совѣтника, выѣхать къ нему на встрѣчу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мнѣ давалъ знать о намѣреніи своемъ командировать меня въ округи, и назначилъ мнѣ свиданіе чрезъ четыре дня.

Въ это короткое время я исполнялъ указы сената, и собралъ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для командировки; по дѣлу же о мясномъ торгѣ не обратилъ большаго вниманія и отвѣчалъ губернатору, что, по моему мнѣнію, онъ долженъ принадлежать городскимъ обывателямъ, а торгъ саломъ и кожами, какъ предметъ внѣшней нашей торговли съ Азіатцами, долженъ быть свободный, что̀ предполагалъ представить на разсмотрѣніе сенату. Губернаторъ, или лучше сказать его секретарь, представилъ это дѣло сенату въ такомъ видѣ, что губернское правленіе дозволило заключить контрактъ; но онъ, пріѣхавъ въ Оренбургъ, найдя контрактъ вреднымъ для торговли и имѣющимъ видъ монополіи, остановилъ его дѣйствіе; что отъ существованія этого контракта произошли въ Киргизскомъ народѣ вредные толки, что скотъ ихъ идетъ въ однѣ руки, и отъ того цѣна ему упадаетъ; а потому прикочевывать на линію они стали меньше, и тѣмъ торговля уменьшилась; что по его мнѣнію должно вовсе уничтожить контрактъ, и дозволить всѣмъ безпрепятственно производить всякіе промыслы; губернское же правленіе, не соглашаясь съ мнѣніемъ его, полагаетъ, что по закону иногородные купцы не могутъ пользоваться правомъ Оренбургскихъ жителей. Иногородные купцы съ своей стороны не дремали. Выбравъ повѣреннаго, на общій счетъ, отправили его въ С.-Петербургъ съ просьбою къ президенту комерцъ-коллегіи (11), лично знакомому нѣкоторымъ изъ богатѣйшихъ купцевъ, къ которому писалъ объ этомъ дѣлѣ и губернаторъ.

Не предусматривая скопляющейся надо мною тучи, я отправился по округамъ, получивъ отъ губернатора порученіе принимать всякія мѣры, которыя найду полезными. Оставалось безъ малаго два мѣсяца до времени поминокъ богатыря, и потому я началъ ревизію округовъ, къ тому мѣсту прилегающихъ, и занялся изслѣдованіемъ причинъ неуспѣшности рекрутскаго

(10) Для болѣе яснаго пониманія, читатели припомнятъ, что недавнія отношенія между Оренбургомъ и Уфою, въ старину находились въ положеніи обратномъ: существовало Уфимское намѣстничество, и Оренбургъ подчинялся Уфѣ. Д. Б Мертваго писалъ свои Записки уже въ XIX в. и называлъ должности новыми именами. По мѣсяцословамъ 1789 и 1790 годовъ, къ коимъ относится этотъ разсказъ его, видно, что ни должности губернатора ни губернскаго правленія въ Уфѣ и въ Оренбургѣ тогда не было; подъ именемъ губернатора слѣдуетъ разумѣть правителя намѣстничества, т. е. помощника намѣстника или генералъ губернатора. Этимъ правителемъ состоялъ тогда генералъ-маіоръ Александръ Александровичь Пеутлингъ. Совѣтникомъ *намѣстническаго* правленія, кромѣ Д. Б. Мертваго, показанъ въ мѣсяцословахъ директоръ народнаго училища Андреянъ Андреян. Гагемейстеръ. *П. Б.*

(11) Графъ Александръ Романовичь Воронцовъ, въ послѣдствіи канцлеръ (1741-1805) *П. Б*

набора. Производя ревизію присутственныхъ мѣстъ, я находилъ почти повсемѣстно притѣсненія и ябеды, раззоряющія бѣдныхъ поселянъ. Принимая сторону утѣсненныхъ, я старался мирить тяжущихся, употреблялъ самыя жестокія мѣры къ искорененію грабительства, а грабителей вышедшихъ въ чины, которыхъ не возможно было исправить тѣлеснымъ наказаніямъ, заставлялъ подавать прошенія въ отставку; нѣкоторыхъ же въ высшей мѣрѣ преступныхъ отсылалъ къ губернатору для преданія суду. Дѣйствуя такимъ образомъ, я разсѣялъ повсюду такой страхъ, что въ концѣ втораго мѣсяца, пріѣзжая въ города, не находилъ ни жалующихся, ни нерѣшенныхъ дѣлъ, которыя слѣдовало бы окончить.

Слава о моемъ правосудіи и строгости распространилась повсюду. Добродушной Башкирской народъ, не обязанный образованіемъ своимъ никому кромѣ природы, дружелюбно тѣснился вокругъ меня. Смѣлость его обхожденія со мною и похвалы его, исходящія прямо отъ сердца, возвышали мою душу. Неблагонамѣренные же члены и чиновники присутственныхъ мѣстъ встрѣчали меня съ трепетомъ; мрачность ихъ лицъ доказывала черноту ихъ сердца. Отправившись изъ послѣдняго уѣзднаго города верстъ на 500 вдоль по Уральскимъ горамъ въ земли, обитаемыя кочующими Башкирцами, къ могилѣ богатыря, гдѣ долженъ былъ возгорѣться бунтъ, я рѣшился прибыть туда къ празднику поминокъ съ тѣмъ, что если (какъ доходили извѣстія) я найду скопище народа, которое силою укротить будетъ не возможно, то стараться успокоить ихъ. Личная привязанность ко мнѣ и добродушіе этого, повидимому, суроваго народа заставляли меня надѣяться успѣть въ томъ. Этотъ планъ дѣйствій, задуманный мною въ самомъ началѣ моей поѣздки, я никому не открывалъ, и объявилъ только таможенному чиновнику, находящемуся въ послѣднемъ городѣ, которому прежній губернаторъ поручалъ пограничныя дѣла. Онъ одобрилъ мои предположенія, но при томъ сказалъ мнѣ, что въ слѣдствіе бывшихъ въ ордѣ сходбищъ, нѣсколько десятковъ Киргизцовъ, какъ слышно, прокравшись чрезъ линію, находятся внутри Башкиріи, для узнанія мѣста, гдѣ удобнѣе переправиться чрезъ Уральскія горы, и потому совѣтывалъ мнѣ взять предосторожности, необходимыя въ такихъ обстоятельствахъ. Извѣстіе это тяжело мнѣ было слышать, но отстать отъ моего намѣренія казалось мнѣ уже невозможнымъ. Я поѣхалъ. Моя свита состояла изъ двухъ моихъ людей, одного унтеръ-офицера и одного переводчика; всѣ мы помѣщались въ двухъ телѣгахъ.

Проѣзжая мѣстами, гдѣ величественная природа представляется во всей красотѣ ([12]), я видѣлъ людей совершенно счастливыхъ, живущихъ въ изобиліи и незнающихъ тѣхъ утонченностей образованія, которыя, обольщая, зарождаютъ въ сердцахъ зависть. Я встрѣчалъ всюду благорасположеніе этого простодушнаго народа. Однажды, ѣхавши ночью, я уснулъ въ повозкѣ; люди мои разбудили меня, чтобы перейти пѣшкомъ мостъ, дурно построенный; проснувшись, я увидѣлъ человѣкъ десять Башкирцевъ, которые сошли съ лоша-

([12]) Этими строками невольно приводятся на память описанія того края въ сочиненіяхъ С. Т. Аксакова, который нарисовалъ намъ и картину тогдашней жизни въ городѣ Уфѣ, гдѣ служилъ дѣдъ его по матери Николай Ѳедоровичъ Зубовъ (Семейная Хроника, изд 1856, стр. 100 и 104). *П. Б.*

дей. Спросивъ чрезъ переводчика, что за люди, и какое до меня имѣютъ дѣло, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ, что онъ Башкирецъ, который съ годъ тому назадъ подавалъ въ губернское правленіе просьбу, получилъ отъ меня скорое и справедливое удовлетвореніе и услышавъ въ кочевьяхъ своихъ о моемъ проѣздѣ, онъ выѣхалъ повидаться со мною, и взялъ съ собою своихъ родственниковъ, чтобы познакомить ихъ со мною. Сказавъ имъ нѣсколько дружескихъ словъ, я сталъ съ ними прощаться, совѣтуя имъ обратно ѣхать въ свои улусы, но они отвѣчали мнѣ: «здѣсь не смирно. Всѣ ли знаютъ, что ты добрый судья, и тебя не тронутъ? Нѣтъ, мы проводимъ тебя верстъ тридцать до крѣпости, и дорогою поговоримъ съ тобою.» Это доказательство ихъ любви ко мнѣ такъ сладостно мнѣ было, что слезы умиленія покатились по лицу, и я благодарилъ Бога, споспѣшествовавшаго мнѣ до сего достигнуть.

Въ слѣдствіе данныхъ мною приказаній капитанъ-исправники изъ двухъ пограничныхъ округовъ ожидали меня въ той крѣпости. Основанная издревле среди Уральскихъ горъ, она имѣла одно названіе крѣпости, находясь въ уступѣ между утесистыми горами; гарнизонъ ея состоялъ изъ 20 дряхлыхъ солдатъ. Исправники мнѣ донесли, что хотя прежде нѣсколько и было замѣтно волненіе въ народѣ, но никогда не доходило до той степени, какъ разсѣялись о томъ несправедливо слухи; теперь же, какъ можно думать, Башкирцы всѣ спокойны, устроиваются на зиму, и нисколько не видно, чтобы рѣшались на отчаянное предпріятіе. Посовѣтовавшись съ ними, я счелъ нужнымъ дать каждому письменное наставленіе, какъ поступать при первомъ усмиреніи мятежа, и ласково, но вмѣстѣ строго подтвердилъ о соблюденіи справедливости и о скоромъ рѣшеніи дѣлъ. За тѣмъ я отправился по предназначенному мною пути, и пробывъ всего два съ половиною мѣсяца въ дорогѣ, возвратился въ Уфу.

Въ это время губернаторъ, получивъ нѣсколько милостивыхъ рескриптовъ отъ императрицы, возгордился, и видя изъ моихъ донесеній, что вѣсти о бунтѣ были несправедливы, принялъ меня довольно холодно, и не показалъ никакаго вниманія къ хорошему исполненію даннаго мнѣ порученія. Въ слѣдствіе поданнаго отъ меня рапорта, онъ донесъ императрицѣ, что слухи о волненіи были совершено несправедливы, въ чемъ удостовѣряютъ его трое чиновниковъ, посланныхъ имъ для развѣданія въ округи. Въ числѣ этихъ трехъ я показанъ былъ послѣднимъ, а первымъ помѣщенъ былъ чиновникъ, ѣздившій въ свою деревню поохотиться съ собаками, вторымъ же ѣздившій для покупки себѣ и губернатору лошадей. Эта несправедливость меня мало оскорбила, потому что я въ душѣ своей презиралъ начальника и не желалъ его одобренія.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ открылись слѣдствія дѣла о мясномъ торгѣ.

Президентъ коммерцъ-коллегіи, получивъ жалобу купцовъ и письмо губернатора, представилъ императрицѣ, что полиція заключила контрактъ съ купцомъ, и предоставила ему одному право продавать въ городѣ мясо. Въ докладѣ онъ умолчалъ о томъ, что купецъ заключилъ контрактъ съ согласія всего общества, имѣющаго право на сію торговлю, и что этотъ контрактъ заключенъ былъ для пользы всѣхъ обывателей. Въ слѣдствіе доклада президента послѣдовалъ указъ генералъ-губернатору, бывшему тогда въ Петербургѣ, въ которомъ, охуждая распоряженія губернскаго правленія по сему

дѣлу, клонящемуся къ монополіи и притѣсненію народа, не только въ свободѣ торговли, но и въ пропитаніи, какъ сказано было въ указѣ, повелѣно ему принять мѣры къ искорененію этого злоупотребленія, и вытребовавъ, отъ кого слѣдуетъ, объясненіе, поступить съ виновными по законамъ. Генералъ-губернаторъ вмѣсто того, чтобы потребовать объяснительный рапортъ отъ губернскаго правленія и прочитавъ въ сенатѣ донесеніе начальника губерніи, полагая, что я одинъ, присутствуя въ правленіи, дозволилъ заключеніе контракта, предложилъ немедленно уничтожить его, и всѣхъ тѣхъ, которые заключили его и дали на то дозволеніе, предать уголовному суду, и поступить съ ними, какъ съ преступниками закона. Если же откроется, что въ слѣдствіе этого контракта было стѣсненіе въ торговлѣ, причинившее ущербъ казнѣ, или убытки частнымъ лицамъ, то задержать жалованье виновныхъ, на все недвижимое имѣніе ихъ наложить запрещеніе, а на движимое секвестръ.

Генералъ губернаторъ, приславъ это строгое предписаніе съ нарочнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ къ губернатору, что, прочитавъ рапортъ его сенату, находитъ его мнѣніе справедливымъ, и полагаетъ, что губернское правленіе, дозволивъ заключеніе контракта, совершенно вышло изъ предѣловъ своей обязанности. Президентъ же комерцъ-коллегіи писалъ губернатору, что при докладѣ императрицѣ этого дѣла было объяснено, что онъ въ томъ нисколько не участвовалъ. Показывая мнѣ эти письма, губернаторъ совѣтывалъ мнѣ впредь въ подобныхъ случаяхъ быть осторожнѣе.

Такъ какъ при предложеніи генералъ-губернатора приложена была копія съ имяннаго указа, коимъ повелѣно было истребовать объясненіе, а потомъ уже предать виновныхъ суду, то сдѣлавъ распоряженіе относительно уничтоженія контракта, я написалъ объяснительный рапортъ отъ имени губернскаго правленія, въ которомъ изложилъ причины, побудившія дозволить заключеніе контракта и объяснилъ, что свобода торговли онымъ не стѣснялась, монополіи никакой не могло быть, что обыватели отъ того выиграли и не понесено убытковъ ни казною, ни частными лицами. Въ заключеніи же рапорта я просилъ главнаго начальника губерніи вступиться за подчиненное ему мѣсто и защитить оное отъ клеветы.

Я подалъ рапортъ на разсмотрѣніе губернатора, который, прочитавъ его, понялъ, какъ много разнится онъ съ рапортомъ, посланнымъ имъ въ сенатъ и когда я напомнилъ ему, что имъ дано было дозволеніе на заключеніе контракта, и что имъ подписанъ о томъ журналъ губернскаго правленія, онъ очень испугался и пересталъ дѣлать мнѣ наставленія. Онъ, хотя и согласился на журналъ объ объяснительномъ рапортѣ, но подписать самый рапортъ отказался, который за одной моей подписью и былъ отправленъ.

Генералъ-губернаторъ, получивъ объясненіе губернскаго правленія, прислалъ предложеніе, въ которомъ опорочивая мое мнѣніе, приказывалъ поступить на основаніи перваго его предложенія, въ которомъ, изъяснена была высочайшая воля государыни императрицы.

Въ тотъ день, какъ это предложеніе было получено, я поутру заѣхалъ къ губернатору. Войдя въ кабинетъ, вижу, что лекарь и камердинеръ трутъ спиртомъ его руки, пораженныя параличемъ; страшная блѣдность лица, глаза, налившіеся кровію, жена и дѣти въ слезахъ около постели -- вотъ картина,

которая мнѣ представилась. Не понимая ничего, спросилъ я о причинѣ болѣзни; показывая мнѣ бумагу, лежащую на столѣ, онъ сказалъ: „Прочти ее: онъ, злодѣй, погубить насъ хочетъ." Я прочиталъ предложеніе, которое, вѣроятно тѣмъ сильнѣе на меня подѣйствовало послѣ картины печали, наполнившей уже уныніемъ мое сердце. Въ жару чувствъ я сказалъ губернатору: «за чѣмъ же такъ сильно огорчаться? Вся тяжесть наказанія, если дѣйствія губернскаго правленія найдены будутъ незаконными, должна пасть на меня, потому что генералъ-губернаторъ, объявляя волю императрицы, опорочиваетъ мое мнѣніе, и потому сего дня же я подамъ объясненіе и наложу запрещеніе на свое имѣніе, а въ получаемомъ жалованьи, безъ котораго служить не могу, представлю поручительство моего брата, который не откажется отвѣчать своимъ имѣніемъ, если будетъ присуждено возвратить жалованье въ казну, или отдать кому въ удовлетвореніе за убытки».

Когда я это высказалъ, у губернатора покатились слезы по лицу; онъ говорилъ, что это жертва слишкомъ велика и не соглашался принять ее; но я находилъ, что, чувствуя себя правымъ, увѣренъ, что насъ невозможно обвинить за это дѣло; если же мы ничего не сдѣлаемъ по предложенію, въ которомъ изъяснена высочайшая воля, то генералъ-губернаторъ, разсердившись, доложитъ о томъ императрицѣ: мы будемъ уже тогда поистинѣ виноваты, и насъ, отрѣшивъ отъ должности, за дѣло предадутъ суду; и хоть послѣ и оправдаемся, и я, бывъ молодъ и въ маломъ чинѣ, если буду служить, могу еще догнать своихъ сверстниковъ, но онъ съ большимъ семействомъ въ его лѣтахъ и чинѣ, можетъ потерять все невозвратно; а преданіе одного меня суду не можетъ имѣть такого вліянія на дѣла губерніи, какъ когда предадутъ насъ вмѣстѣ. И потому, полагалъ я, наложивъ запрещеніе на мое имѣніе, отослать все дѣло въ уголовную палату для отъисканія и преданія суду виновныхъ.

Сдѣлавъ все такимъ образомъ, увѣдомили мы о томъ генералъ-губернатора, который совершенно успокоился. Между тѣмъ совѣтывалъ я губернатору наблюдать за уголовною палатою, въ которой присутствующіе ни въ образѣ мыслей ни въ поведеніи не были со мною согласны, и всегда лично были на меня въ неудовольствіи. Я находилъ, что палата не должна никого допрашивать и если найдетъ нужнымъ пояснить дѣло, то относилась бы за справками въ губернское правленіе, которое, будучи мѣстомъ присутственнымъ и поставленнымъ выше палаты, можетъ отстранять несправедливыя требованія и давать дѣлу законный ходъ. Губернаторъ очень охотно принялъ этотъ совѣтъ, и понялъ, что въ исполненіи его заключается собственная его польза.

Вскорѣ послѣ этого я долженъ былъ ѣхать на нѣсколько дней въ свою деревню. Воспользовавшись моимъ отсутствіемъ, ассессоръ уголовной палаты [13], состоявшій при губернаторѣ по пограничнымъ дѣламъ, свелъ его съ своимъ предсѣдателемъ [14], съ которымъ онъ былъ прежде въ ссорѣ. Они, посовѣтовавшись, рѣшили дѣло устроить такимъ образомъ: уголовная палата, на основаніи послѣдняго предложенія генералъ-губернатора, считая одного меня виновнымъ, будетъ просить у губер-

---

[13] По мѣсяцослову съ росписью на 1791 г. стр. 271, это былъ капитанъ Ѳедоръ Кабритъ. *П. Б.*

[14] По мѣсяцословамъ, Матвѣй Евментьевичъ Мажаровъ. *П. Б.*

натора позволенія допросить меня, и признавъ за подсудимаго, постановить приговоръ, въ которомъ скажетъ, что по невѣдѣнію законовъ и неразумѣнію важности дѣла, я запуталъ губернатора, за что полагаетъ отрѣшить меня отъ должности съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять. Этотъ приговоръ губернаторъ представитъ прямо императрицѣ, прося милосердія чиновнику, сдѣлавшему преступленіе по невѣдѣнію.

По возвращеніи моемъ изъ деревни, ассессоръ, вѣтренной и пьяной Французъ, самъ разсказалъ мнѣ все, что онъ придумалъ вмѣстѣ съ губернаторомъ и предсѣдателемъ уголовной палаты, думая, что я подобнымъ рѣшеніемъ останусь доволенъ. Но когда отвѣтъ мой показалъ ему ясно его заблужденіе, и когда онъ понялъ, что я почитаю себя правымъ и въ силахъ довесть дѣло до свѣдѣнія императрицы, до того же времени буду защищаться отъ безчестнаго и глупаго нападенія, сколько законъ и право мое на справедливости основанное мнѣ дозволятъ, ассессоръ протрезвился, выслушалъ всѣ жесткія слова мои и, какъ видно, успѣлъ донести о томъ губернатору. Когда я, на другой день по утру, къ нему явился, онъ принялъ меня холодно и стыдился глядѣть мнѣ въ глаза. Не желая объясняться, я сколько могъ далъ ему почувствовать, что намѣренія его мнѣ извѣстны и презираю его отъ всего сердца. Потомъ поѣхалъ я въ правленіе, и болѣе съ губернаторомъ не видался, потому что онъ не ѣздилъ въ присутствіе подъ предлогомъ множества занятій по дѣламъ пограничнымъ, и чрезъ нѣсколько дней отправился на линію для назначенія новаго хана, который долженъ былъ жить въ Оренбургѣ.

Во время отсутствія губернатора, уголовная палата, на основаніи предложенія его объ отобраніи отъ меня объясненія, прислала ко мнѣ вопросные пункты. Отвѣтъ мой состоялъ только въ томъ, что изъ копіи со всего производства палатѣ должно быть извѣстно, что журналы губернскаго правленія подписаны губернаторомъ и мною; что же касается до моего мнѣнія, на основаніи котораго составляемы были журналы, то оно не могло имѣть вліянія на самый ходъ дѣла. Потомъ, изъяснивъ смыслъ журналовъ правленія, я предоставлялъ палатѣ обратиться къ губернатору на счетъ донесенія его сенату и узнать отъ него причины, почему дѣло приняло совершенно другой видъ со времени этого донесенія.

Иногородное купечество, не ожидавшее, какъ видно, такихъ происшествій, показало мнѣ въ это время приверженность и усердіе. Я получилъ по почтѣ, не знаю отъ кого, множество копій съ писемъ губернатора къ знатнымъ особамъ по этому дѣлу и съ рапорта его сенату. Изъ нихъ, хотя и поздно, узналъ я всю глупость и подлость этого труса и корыстолюбца; и когда уголовная палата два разъ подъ присягою допросила всѣхъ купцовъ, не послѣдовало ли отъ утвержденія губернскимъ правленіемъ контракта кому либо убытковъ, всѣ единогласно показали, что таковыхъ никому не было; казенная палата отвѣчала, что казна не понесла отъ того никакого ущерба.

Всѣ эти происшествія заставили меня, пока было еще время и возможность, собрать всѣ свѣдѣнія, необходимыя для моей защиты. На посланные отъ губернскаго правленія запросы пограничная таможня отвѣчала, что уменьшеніе торга мясомъ произошло отъ небольшаго пріѣзда Киргизцовъ; изъ вѣдомостей же, отъ нея доставленныхъ, въ которыхъ по-

казаны были ежедневный приходъ денегъ и число людей, бывшихъ на торгу, видно было, что торговля стала уменьшаться десять дней послѣ уничтоженія губернаторомъ дѣйствія контракта. Экспедиція, завѣдывавшая пограничными дѣлами, въ отвѣтъ на сообщеніе губернскаго правленія о доставленіи свѣдѣнія объ обстоятельствахъ того времени, когда контрактъ существовалъ и въ послѣдствіи какъ ярмонка продолжалась, и не было ли какихъ особыхъ произшествій въ городѣ, на линіи и въ мѣновыхъ дворахъ, дала знать: что въ началѣ того мѣсяца, когда по увѣдомленію таможни торгъ сталъ уменьшаться, казацкія команды, посланныя губернаторомъ въ Киргизскую степь, находились тамъ болѣе двухъ недѣль, награбили множество скота и имущества и взяли въ плѣнъ большое число людей. Въ началѣ того же мѣсяца, по жалобѣ, поданной двумя купцами губернатору, одиннадцать почтнѣйшихъ Киргизцовъ, пріѣхавшихъ на торгъ, взяты были подъ стражу и какъ преступники, посажены въ тюрьму за то, что будто бы родственники ихъ ограбили тѣхъ купцовъ въ городѣ. Когда они частію уплатили деньгами, а въ остальной суммѣ дали по себѣ поручительство въ уплатѣ всего иска, простиравшагося до семидесяти тысячь рублей, то были выпущены изъ тюрьмы, и отправились въ свои улусы, и вѣроятно распространили тамъ страхъ пріѣзжать къ нашимъ мѣстамъ торговли. Къ довершенію всѣхъ этихъ произшествій Киргизскій ханъ въ то же самое время умеръ, и Киргизцы для выбора новаго хана собрались во внутрь степи, что совершенно объясняло уменьшеніе торговли.

Кто живалъ въ губернскомъ городѣ, знаетъ, какъ покидаютъ того, кто гонимъ начальствомъ и не въ связи съ судьями-корыстолюбцами: всякому дѣйствію его даютъ дурной видъ, предсказываютъ вредныя послѣдствія, на всякомъ шагу поставляютъ ему препятствія и показываютъ непріязненное расположеніе. Это дознать я на опытѣ. Бывъ въ должности совѣтника губернскаго правленія, требовавшей дѣятельности и быстроты въ рѣшеніи дѣлъ, въ такое время, когда встрѣчалось множество случаевъ необыкновенныхъ, я дѣйствительно чувствовалъ, что не въ состояніи былъ бы исполнить обязанность свою какъ слѣдуетъ, еслибы Господь не далъ мнѣ друга, умнаго и честнаго, заслужившаго всю мою довѣренность (15). Его совѣты и одобренія не давали мнѣ впасть въ уныніе, возраждали бодрость и утверждали въ надеждѣ на Бога.

Губернаторъ находился въ Киргизской степи для поставленія новаго хана, а генералъ-губернаторъ въ Петербургѣ. Присутствуя одинъ въ губернскомъ правленіи, не зналъ я, кому подать прошеніе объ увольненіи меня въ отпускъ. И потому, написавъ оное по формѣ, отправилъ при письмѣ къ генералъ-губернатору, прося представленія о томъ сенату; но онъ приказалъ меня увѣдомить, чтобы просилъ я о томъ губернатора, который долженъ знать, могу ли я быть уволенъ до рѣшенія дѣла, производящагося въ уголовной палатѣ.

Оскорбившись этимъ отзывомъ и не теряя времени, отправилъ я съ нарочнымъ мое прошеніе къ губернатору, который представилъ объ увольненіи моемъ сенату и увѣдомилъ меня о томъ.

---

(15) П. И. Чичагова.

Когда я получилъ свѣдѣніе, что прошеніе мое отправлено уже въ сенатъ, я написалъ къ генералъ-губернатору письмо, въ которомъ просилъ его ходатайства къ скорѣйшему моему увольненію и изъяснилъ, что гонятъ меня за дѣло ничтожное, что я считаю себя невиннымъ, нѣсколько разъ обращался къ нему, надѣясь на милость его и доброе обо мнѣ мнѣніе и начальническую справедливость; но видя гоненіе судьбы, потерялъ всякую надежду, и теперь все мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы явиться къ нему въ С.-Петербургъ и лично оправдаться въ преступленіяхъ, которыя несправедливо мнѣ приписываютъ. Между тѣмъ губернаторъ, возвратившійся изъ Киргизской степи, получившій орденъ въ награду за его тамъ дѣйствія, уже болѣе мѣсяца гордился въ губернскомъ городѣ. Я не имѣлъ случая его видѣть, потому что онъ въ правленіи не присутствовалъ, и въ праздничные дни уѣзжалъ въ свою деревню. Мнѣ казалось непристойнымъ, да и не хотѣлъ я, быть у него поутру, когда долженъ былъ быть въ правленіи, ѣхать же послѣ обѣда или къ обѣду было бы знакомъ пріязни, которой я къ нему имѣть не могъ.

Услужливые чиновники, его окружающіе, зная нашу ссору, переносили съ разными прибавленіями тѣ непріязненные отзывы, отъ которыхъ не могъ я удержать себя и письменно и словесно. До меня доходили уже извѣстія, что онъ раскаивается въ томъ, что сдѣлалъ представленіе о моемъ отпускѣ, и что согласно мнѣнію генералъ-губернатора онъ хочетъ не отпустить меня и тогда, какъ получится о томъ указъ сената. Я старался показывать видъ, что онъ не въ силахъ это сдѣлать и переносившимъ ему всякія вѣсти изъяснялъ способы, которые могутъ служить къ моей защитѣ противъ его притѣсненій; но, понимая неравенство власти, чувствовалъ свою слабость и часто приходилъ въ недоумѣніе, не зная, что мнѣ предпринять, какъ вдругъ неожиданно въ губернскомъ правленіи, при многихъ чиновникахъ, получилъ я по почтѣ письмо отъ генералъ-губернатора. Письмо это начиналось тѣмъ, что онъ обиженъ изъясненными мною подозрѣніями, что онъ никогда не имѣлъ причины дурно обо мнѣ подумать, и что дѣло, такъ сильно меня занимающее, совершенно ничтожное; далѣе просилъ онъ меня не переставать изъявлять къ нему довѣренность и дружбу, и совѣтовалъ поспѣшить пріѣздомъ въ С.-Петербургъ, гдѣ обѣщалъ за меня ходатайствовать. Это письмо, прочитанное мною въ слухъ, произвело такое дѣйствіе, что не только прекратились всѣ недоброжелательныя противъ меня козни, но многіе стали брать мою сторону, и просить моего покровительства: жаловались мнѣ на глупости и пристрастіе губернатора, и учтивость и уваженіе ко мнѣ заступили мѣсто прежнему ихъ нерасположенію. Вскорѣ за тѣмъ полученъ былъ указъ объ моемъ отпускѣ, и я въ тотъ же день выѣхалъ изъ Уфы.

Мое намѣреніе было явиться къ генералъ-губернатору и просить оправдать меня предъ императрицею и исходатайствовать повелѣніе въ томъ, что я въ дѣлѣ правъ. Прекратившіяся его любовныя связи съ губернаторшею давали мнѣ надежду, что онъ разсудитъ дѣло какъ должно и согласится въ томъ, что губернаторъ дѣйствительно глупъ и нисколько не заслуживаетъ его довѣренности и отличій, полученныхъ имъ вслѣдствіе его

ходатайства, и что дѣйствіями своими, (что дѣйствительно и было) наноситъ вредъ собственной его славѣ. На этомъ убѣжденіи основывалъ я свою надежду на успѣхъ; въ противномъ случаѣ, еслибы генералъ-губернаторъ не уважилъ моего представленія, я рѣшался подать просьбу императрицѣ съ изъясненіемъ всего дѣла и тѣхъ обстоятельствъ, которыя были причиною несправедливыхъ представленій, послужившихъ къ моему обвиненію.

По пріѣздѣ въ Москву я узналъ, что нашъ генералъ-губернаторъ переведенъ въ другія губерніи ([16]). Вѣсть эта, разстроившая мой планъ, горестна была для меня; но одумавшись, разсудилъ я, что всякой другой, назначенный на его мѣсто, не будетъ имѣть причины быть предупрежденнымъ противъ меня и скорѣе окажетъ мнѣ справедливость.

Не бывъ въ Петербургѣ 10 лѣтъ, я пріѣхалъ въ совершенно незнакомый городъ. Я остановился у родственниковъ, которые не въ состояніи были оказать мнѣ никакого пособія въ моемъ дѣлѣ, и потому я рѣшился, чтобъ не показаться преступникомъ, молчать обо всемъ, со мною случившемся, говоря, что пріѣхалъ для знакомства съ людьми, отъ которыхъ завишу по службѣ.

Я имѣлъ случай познакомиться съ Державинымъ, состоявшимъ при императрицѣ для принятія прошеній, человѣкомъ извѣстнымъ отличной добротою сердца, остротою разума и сочиненіями. Онъ съ перваго раза обошелся со мною хорошо и дозволилъ мнѣ имѣть свободный входъ въ его домъ. Вскорѣ случилось мнѣ разсуждать съ нимъ о дѣлахъ; понятія мои ему понравились; онъ откровенно мнѣ это высказалъ и изъявилъ желаніе быть чаще со мною.

Пользуясь этимъ дозволеніемъ, я, часто бывая у него въ домѣ, познакомился съ нимъ коротко ([17]). Вкусъ этого истинно-необыкновеннаго человѣка есть уединеніе, а любимое занятіе — придумывать средства къ укорененію добродѣтели. Однажды, бывъ съ нимъ наединѣ въ кабинетѣ, разсуждая о томъ, что губернаторы часто употребляютъ во зло монаршую къ нимъ довѣренность, онъ показалъ мнѣ свои объясненія суду, который былъ надъ нимъ установленъ за то, что въ званіи губернатора, желая обуздать мздоимство, болѣе поступалъ по чувствамъ своимъ, чѣмъ по правиламъ закона. Этими поступками онъ поставилъ противу себя генералъ-губернатора и нѣсколько вельможъ въ столицѣ, и едва не погибъ по пристрастію корыстолюбцевъ ([18]). Прочитавъ эти объясненія, дѣйствительно ясно написанныя, и отдавая ихъ ему, я сказалъ, что могу заплатить тою же монетою, прочитавъ ему мое дѣло, которое тутъ же ему разсказалъ и изъяснилъ мои намѣренія. Державинъ отвѣчалъ, что времени моего отпуска не достанетъ мнѣ на ожиданіе новаго начальника, потому что нельзя ожидать, чтобы новый генералъ-губернаторъ вскорѣ былъ опредѣленъ. «Если же вы хотите дать дѣлу ходъ, сказалъ онъ, то я сегодня вечеромъ доложу о семъ императрицѣ и увѣряю васъ, Боже ихъ упаси, если она узнаетъ все то, что̀ вы мнѣ сказали.» Я, подумавъ нѣсколько минутъ, спросилъ: «Что же вы мнѣ

([16]) Въ Псковъ (1792).

([17]) Въ семействѣ Д. Б. Мертваго извѣстно, что самыя эти Записки были написаны по совѣту и дружескому настоянію Державина. *П. Б.*

([18]) Все это подробно изложено въ Запискахъ Державина. *П. Б.*

совѣтуете?»— «Если мщенія не желаете, то бросьте все это, потому что дѣло пустое.» Я согласился, и онъ, очень довольный моимъ добрымъ расположеніемъ, обѣщалъ стараться вывесть меня изъ той губерніи.

День ото дня дѣлаясь знакомѣе съ этимъ человѣкомъ, достойнымъ всякаго почтенія и бывая съ нимъ часто по нѣскольку часовъ наединѣ, я наслаждался умными его разсужденіями, клонящимися къ добру, восхищался его довѣренностію и былъ счастливъ знаками его ко мнѣ дружества. Жена ([19]) подобно ему не родилась обыкновенною въ свѣтѣ женщиною; пылкость ея разума и воображенія и обширныя познанія украшали прекрасное ея тѣло и давали блескъ великодушному и щедролюбивому ея сердцу. Страстная ея любовь къ мужу, а еще болѣе къ славѣ, возвышала душу Державина, дѣлала разумъ его дѣятельнѣйшимъ къ добру. Съ этою, можно сказать, небесною на землѣ четою, въ городѣ, зараженномъ сладострастіемъ, проводилъ я время въ тихой бесѣдѣ, разсуждая о пользѣ ближняго.

Молодой человѣкъ ([20]), бывшій тогда весьма важнымъ при дворѣ, по случаю отъѣзда правителя кабинетскихъ дѣлъ ([21]) на конгрессъ, назначенъ былъ исправлять его должность. Ему нуженъ былъ письмоводитель. Въ это званіе ему предложили меня. Я считалъ это мѣсто выгоднымъ, и сказалъ о томъ новому моему благодѣтелю. Державинъ одобрилъ мое намѣреніе, и сталъ хлопотать о моемъ помѣщеніи; но какъ нельзя было думать, чтобы эта должность была постоянная, то онъ хотѣлъ помѣстить меня въ какое-нибудь званіе при кабинетѣ, чтобы при перемѣнѣ начальника я могъ въ службѣ остаться. Это до того не понравилось вновь произведенному правителю кабинетскихъ дѣлъ, что онъ отказалъ мнѣ въ мѣстѣ письмоводителя; и потому согласно моему желанію меня представили кандидатомъ къ опредѣленію вице-губернаторомъ въ одну изъ отдаленныхъ губерній, доложили о томъ императрицѣ, и она, по представленію Державина и на основаніи хорошаго отзыва обо мнѣ, приказала написать о томъ указъ.

Польскія области, присоединенныя къ Россіи, назначены были къ раздѣленію на три губерніи ([22]), но были еще подъ военнымъ управленіемъ. Устройство ихъ по образцу прочихъ губерній, составляющихъ имперію, и опредѣленіе гражданскихъ чиновниковъ замедлялись потому, что по политическимъ обстоятельствамъ нельзя еще было ихъ считать всегдашнимъ пріобрѣтеніемъ. И для того, чтобы не имѣть стыда, въ случаѣ необходимости, возвратить завоеванныя области, и чтобы скрыть отъ всѣхъ планъ раздѣленія ихъ на три губерніи, всѣ дѣла, касающіяся до опредѣленія чиновниковъ и до внутренняго устройства ихъ, были остановлены. Эти обстоятельства, бывшія причиною отстрочки моего вызвышенія по службѣ, я хотѣлъ употребить въ пользу и отправился къ прежней должности, чтобы привести въ это время въ порядокъ мои разстроенныя дѣла.

Губернаторъ, имѣя свѣдѣніе объ успѣхахъ моихъ въ Петербургѣ, принялъ меня съ уваженіемъ. Утихли всѣ злонамѣренія моихъ гонителей, и я, занимаясь своею должностію, имѣлъ возможность сдѣлать всѣ распоряженія по своимъ дѣламъ: раздѣлился съ брать-

---

([19]) Первая его жена, Екатерина Яковлевна.

([20]) Зубовъ, тогда еще графъ.

([21]) Графа Безбородки.

([22]) Волынскую, Кіевскую и Каменецъ-Подольскую.

ями, долги, по соразмѣрности своего имѣнія, перевелъ на себя и, сколько можно было, обезпечилъ. Въ это время, вмѣсто ожидаемаго указа о моемъ перемѣщеніи, получилъ я извѣстіе, что правитель кабинетскихъ дѣлъ, гр. Безбородко, вступивъ въ должность, успѣлъ перемѣнить всѣ представленія своего предмѣстника, и въ слѣдствіе того, доклады объ опредѣленіи чиновниковъ переданы въ совѣтъ, который долженъ былъ представить своихъ кандидатовъ. Вскорѣ послѣ того полученъ былъ указъ объ опредѣленіи на обѣщанное мнѣ мѣсто вице-губернатора другаго. Наконецъ Державинъ пожалованъ былъ сенаторомъ, и слѣдовательно, оставивъ кабинетъ, не имѣлъ доклада у императрицы, отъ чего прекратилось его вліяніе на общія государственныя дѣла.

Всѣ сіи произшествія очень были мнѣ чувствительны, тѣмъ болѣе, что раздраживъ зависть моихъ непріятелей, я подстрекнулъ ихъ къ сильнѣйшей злобѣ. Но, не смотря на все, я твердо рѣшился не поддаваться гоненію судьбы, и противъ желанія губернатора остаться въ службѣ, идти прямымъ путемъ, противиться, если нужно, начальнику и по прежнему не давать воли корыстолюбивымъ чиновникамъ, какія бы не произошли для меня послѣдствія.

Вскорѣ возникло дѣло, довершившее нерасположеніе ко мнѣ губернатора. Богатый купецъ, жаждущій корысти, за нѣсколько времени предъ тѣмъ пріѣхалъ въ городъ, задарилъ и заподчивалъ всѣхъ; сталъ часто ко мнѣ ѣздить, и старался чрезъ всѣхъ моихъ знакомыхъ и короткихъ пріятелей обратить меня на свою сторону. Всѣ стали меня убѣждать, что онъ правъ, доказывая только тѣмъ, что у него лучшіе въ городѣ—поваръ, столъ и вино, и много денегъ, которыя онъ даритъ и даетъ въ займы. Предчувствуя всю непріятность для меня этого дѣла, я молчалъ; но когда по приказанію губернатора, я долженъ былъ написать свое мнѣніе, то вывелъ всѣ плутни, придуманныя повѣренными въ пользу богача, и невинность его соперника, пришедшаго въ несостоятельность, а болѣе еще поселянъ, которые бѣды своей и не могли предвидѣть; и наконецъ изъяснилъ, какъ должно производить дѣло и ограничить право богача, такъ незаконно ему данное. Слѣдствіемъ того была открытая противъ меня злоба богача и нападенія пользовавшихся его угощеніями. Губернаторъ въ предложеніи губернскому правленію, не согласившись съ моимъ мнѣніемъ и изъяснивъ законы и обстоятельства дѣла въ пользу богатаго купца, приказалъ отослать все дѣло на опредѣленіе судебнаго мѣста, которое приступило было къ рѣшенію онаго, основываясь на моемъ мнѣніи; но губернаторъ, остановивъ все производство, представилъ сенату съ жалобою на судъ и съ просьбою о наказаніи за то виновныхъ. Въ слѣдствіе этого состоялся указъ, въ которомъ охуждены дѣйствія губернатора, а мое мнѣніе признано законнымъ и утверждено.

Это произшествіе усилило злобу противу меня начальника и возстановило всѣхъ чиновниковъ, преданныхъ богатому купцу. Не имѣя возможности сдѣлать мнѣ законныя придирки, цѣлые два года всѣ они искали случая представить меня въ чемъ либо виновнымъ, и не было ни одного дѣла, въ которомъ бы не поставляли мнѣ всякія препятствія. Около тысячи предложеній я получалъ каждый годъ отъ губернатора, въ слѣдствіе которыхъ долженъ былъ объяснять по дѣламъ свое мнѣніе и смыслъ каждаго слова. Переписка эта до того увеличила мнѣ дѣла, что я при-

нужденъ былъ заниматься не менѣе десяти часовъ въ сутки. Въ это же время губернскій стряпчій, подъ предлогомъ своей должности, подалъ протестъ, въ которомъ доказывалъ, что я отступаю отъ порядка, указаннаго закономъ и не слушаюсь губернатора. Протестъ этотъ представленъ былъ генералъ-прокурору, бывшему нѣкогда любовникомъ прекрасной моей командирши и переданъ отъ него въ сенатъ. По истребованіи моего объясненія, слишкомъ черезъ два года и уже при новымъ губернаторѣ, жалоба и доносы найдены были несправедливыми, но мнѣ никакого удовлетворенія не было сдѣлано.

Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, сверхъ оскорбленій, переносимыхъ мною по службѣ, были еще тягостнѣйшія для меня домашнія обстоятельства.

Возвратившись изъ Петербурга и думая навѣрное получить мѣсто вице-губернатора и жить далеко отъ своихъ, я желалъ остальное время быть съ ними вмѣстѣ. Матушка согласилась пріѣхать ко мнѣ. Другомъ моимъ былъ въ это время Чичаговъ, человѣкъ честный и умный, но имѣвшій несчастіе въ молодости сдѣлать преступленіе, не причинившее никому никакаго зла. Ссоры людей сильныхъ сдѣлали его жертвою ихъ мщенія. Онъ былъ судимъ и по строгости законовъ наказанъ лишеніемъ чиновъ, дворянства и сосланъ на житье въ Уфу. Въ него влюбилась сестра моя. Взаимная ихъ страсть, замѣченная матушкою, до того ей была противна, что мы боялись, что съ ней сдѣлается ударъ. Удаленіе Чичагова, котораго при всѣхъ непріятностяхъ я любилъ душевно, такъ было тягостно влюбленной сестрѣ моей, что часъ отъ часу худѣя, она стала кашлять кровью, Докторъ мнѣ сказалъ, что вскорѣ надобно ожидать чахотки.

Въ тоже самое время, меньшой мой братъ Иванъ возвратился изъ арміи больнымъ и помѣшался въ умѣ. Влюбчивость его во всѣхъ женщинъ получше собою, и которыхъ мужья были познатнѣе, дерзкое со всѣми обхожденіе и увѣренность, что всѣ влюблены въ него, были первымъ знакомъ его помѣшательства; но прежде, чѣмъ обнаружилась болѣзнь, онъ мнѣ сдѣлалъ много непріятностей. Къ довершенію же разстройства, онъ сталъ играть въ карты, и нѣсколько разъ рисковалъ проиграть часть ему принадлежащую изъ общаго имѣнія.

Терзаемый всѣми этими несчастными обстоятельствами, я проводилъ время мучительнѣйшимъ образомъ. Ежедневно рано поутру, приходя въ губернское правленіе, находилъ такое множество дѣлъ, что видѣлъ себя въ совершенной невозможности быть исправнымъ. Зная нерасположеніе ко мнѣ губернатора и окружающихъ его чиновниковъ, я былъ увѣренъ, что малѣйшая моя ошибка будетъ ими увеличена и можетъ быть причиною моего несчастія.

Возвращаясь къ обѣду домой, находилъ всегда или матушку, или сестру, а часто и обѣихъ, въ слезахъ. Тутъ долженъ былъ забывать собственныя скорби, быть ихъ утѣшителемъ, или плакать вмѣстѣ съ ними. Вскорѣ послѣ обѣда отправлялся опять въ правленіе заниматься дѣлами часу до десятаго вечера, и приходя усталый домой проводилъ еще часъ съ матушкой или сестрой, стараясь успокоить ихъ мысли. Кромѣ того, ложась спать, придетъ, бывало, братъ Иванъ, съ которымъ часто долженъ былъ спорить и доказывать ему непристойность его поступковъ.

Страсть сестры моей къ человѣку, къ которому матушка имѣла отвращеніе, не давала мнѣ покоя, потому что

я не могъ имѣть никакой надежды соединить ихъ. Однажды въ вечеру, когда стало смеркаться, я шелъ въ спальню сестры, нахожу ее на диванѣ, и хотѣлъ сѣсть возлѣ нея. Она привстала, чтобы дать мнѣ мѣсто; я спросилъ, за чѣмъ она всегда одна, и поцѣловалъ ее въ щеку. Слезы ея брызнули мнѣ въ глаза. Тутъ въ избыткѣ чувствъ, сказалъ я ей: чего ты хочешь? — Умереть, и больше ничего, отвѣчала она. Долго мы вмѣстѣ плакали, наконецъ спросилъ я ее: хочетъ ли она за него замужъ? Она отвѣчала: что не только готова быть женою ссыльнаго, но и жить съ нимъ въ тюрьмѣ, если бы только матушка дозволила. Въ эту минуту счастливая мысль пришла мнѣ въ голову, и мнѣ представилось возможнымъ соединить влюбленныхъ и устроить ихъ счастіе. Я сталъ веселъ и успокоилъ сестру, обѣщая склонить матушку на свадьбу. Весь вечеръ я болѣе ни о чемъ не думалъ, какъ о томъ, какъ бы лучше привести въ исполненіе мои предпріятія. На другой день по утру, я пришелъ къ матушкѣ, и засталъ ее еще въ постелѣ; я завелъ разговоръ о больной сестрѣ, сталъ говорить объ опасности, которой подвержена ея жизнь, доказывалъ ничтожность состояній въ отношеніи къ счастію, которое должно заключаться въ нашемъ сердцѣ, а не во внѣшнихъ предметахъ. И когда слезы матушки показали мнѣ, что она смягчилась, то я сказалъ: право бы, я думалъ, лучше женить ихъ. Она воскликнула: Ахъ, что ты хочешь! Но я возразилъ: стоитъ ли того наше честолюбіе, чтобы приносить ему въ жертву жизнь той, которая, покоряясь обязанностямъ дочери, не находитъ въ жизни никакого удовольствія, и кромѣ смерти ничего не желаетъ, и не будетъ ли грѣшно предъ Богомъ, если мы ихъ обоихъ погубимъ для своего честолюбія? Горькія слезы матушки были слѣдствіемъ этого разговора; въ это время сестра, ничего не зная, входитъ въ спальню и видя насъ плачущихъ, думая, что это отъ сожалѣнія къ ней, цалуя у матушки руку, заплакала сама. Матушка, также не зная о разговорѣ моемъ съ сестрою, сказала ей: Знаешь ли ты, что мы думаемъ? Я хочу тебѣ совѣтовать выйти за него замужъ; положась на волю Божію, начни жить согласно желанію твоего сердца. Безмолвная благодарность сестры, изъясняемая лишь горчайшими слезами, была для меня краснорѣчивѣе всѣхъ словъ на свѣтѣ; долго плакали мы всѣ трое вмѣстѣ, но эти слезы облегчали печаль сердца и успокоили насъ.

Въ тотъ же самый день подавъ просьбу объ отпускѣ на четыре мѣсяца, я рѣшился сыграть свадьбу въ деревнѣ, и потомъ отправиться въ С.Петербургъ, и чрезъ Державина или чрезъ кого поможетъ Богъ, испросить прощеніе зятю; а какъ по нерасположенію губернатора я не могъ болѣе оставаться совѣтникомъ губернскаго правленія и рисковалъ въ случаѣ новой ссоры повредить своему зятю, я рѣшился, испросивъ ему прощеніе, когда кончится срокъ моего отпуска, выйти въ отставку. Въ тотъ же день отъискалъ я случай продать свой домъ въ Уфѣ и всѣ ненужныя мнѣ болѣе вещи; съ нѣкоторою уступкою въ цѣнѣ, я скоро все дѣло кончилъ.

Между тѣмъ обстоятельства мои были въ самомъ затруднительнѣйшемъ положеніи; долги превосходили цѣну имѣнія, собственно мнѣ принадлежащаго, которое было еще подъ запрещеніемъ по дѣлу о мясномъ торгѣ. Поэтому я долженъ былъ обезпечить часть долговъ имѣніемъ матушки и братьевъ, и сверхъ того остался еще

многимъ долженъ по векселямъ. До меня стали доходить слухи, что мои кредиторы, по совѣту губернатора и недоброжелавшихъ мнѣ чиновниковъ, намѣревались, послѣ отъѣзда моего, послать векселя ко взысканію въ С. Петербургъ, и тамъ посадить меня въ тюрьму. Слухи эти, сильно дѣйствуя на мое воображеніе, не давали мнѣ покоя; но какъ я не въ состояніи былъ ничего сдѣлать, то скрывая грусть въ своемъ сердцѣ, я имѣлъ надежду на одну только невидимую помощь Господа, и не напрасно.

Богатый купецъ, содержавшій за три года передъ тѣмъ винный откупъ въ Оренбургской губерніи, былъ въ Уфѣ. Ему нужна была по дѣламъ моя помощь; онъ искалъ тогда моей дружбы, никогда не обижалъ меня предложеніемъ подарка, но совѣтовалъ завести винный заводъ въ моей деревнѣ. Онъ предлагалъ мнѣ въ займы денегъ на устройство завода, обѣщая покупать вино, и доказывая, что я въ теченіи четырехъ лѣтъ его откупа буду имѣть пятьдесятъ тысячъ руб. барыша, чтò увеличило бы въ пять разъ цѣнность моего наслѣдственнаго имѣнія. Находя непристойнымъ человѣку, находящемуся въ службѣ, вести торговыя дѣла и пользоваться услугами людей, съ которыми по службѣ имѣешь дѣло, я не принялъ этаго предложенія; но тѣмъ не менѣе старался, сколько справедливость то позволяла, оказывать этому откупщику всякую помощь.

Сей купецъ, неожиданно пріѣхавшій въ городъ, узналъ отъ своего повѣреннаго, что я продалъ домъ, запродалъ всѣ ненужныя вещи и, пославъ просьбу объ отпускѣ, не намѣренъ болѣе возвращаться къ прежней должности, часто бывая у меня, благодарилъ за доброе къ нему расположеніе. Однажды, оставшись съ нимъ на единѣ, сталъ я говорить о домашнихъ своихъ обстоятельствахъ, и изъяснилъ ему, какъ тяжко для меня видѣть разореніе всей своей семьи, которая должна послѣдовать отъ сдѣланныхъ мною долговъ. Находя, что долги мои не такъ велики, чтобы могъ имѣть я это опасеніе, онъ сказалъ: «Позвольте мнѣ имѣть удовольствіе васъ выкупить». Я спросилъ его, какимъ образомъ. «Я деньги вамъ дамъ», отвѣчалъ онъ. Я очень благодаренъ былъ ему за его предложеніе, и представилъ ему условія, на основаніи которыхъ почиталъ возможнымъ принять его благодѣяніе. Я хотѣлъ, чтобы взялъ онъ отъ меня заемныя письма съ поручительствомъ матушки и братьевъ, и съ залогомъ ихъ имѣнія до совершенной уплаты всего долга, платить же мнѣ ему ежегодно по 2.000 рублей. Но онъ возразилъ, что все это не нужно, что онъ желаетъ мнѣ сдѣлать услугу, и тѣмъ доставить собственно себѣ удовольствіе. Этимъ кончился нашъ разговоръ и болѣе не возобновлялся. Купецъ уѣхалъ изъ города. Полагая, что это было пустое предложеніе, я пересталъ о томъ и думать, какъ вдругъ съ почтою получилъ десять тысячъ рублей. Отдавъ 2.000 р. его повѣренному, я взялъ изъ 10.000 только 8.000, выдалъ заемныя письма съ залогомъ 150 душъ и расплатившись со всѣми, избавился отъ страха Петербургской тюрьмы.

По полученіи указа о моемъ отпускѣ, я тотчасъ отправился въ путь. Губернаторъ, сдѣлавшійся ко мнѣ ласковымъ, просилъ меня заѣхать къ нему въ деревню, которая была почти по дорогѣ. Я принялъ приглашеніе и совѣтовалъ будущему своему зятю ѣхать туда за нѣсколько часовъ до насъ, и испросить дозволенія проводить меня до моей деревни. Губернаторъ, согласившись на эту просьбу, спросилъ его,

справедливъ ли слухъ, что онъ женится на сестрѣ моей. Чичаговъ сказалъ всю истину. Когда мы пріѣхали въ деревню губернатора, онъ очень учтиво насъ принялъ и сѣлъ играть въ карты съ матушкою. Послѣ обѣда, посадивъ за себя жену, онъ позвалъ меня въ кабинетъ; затворивъ двери и убѣдившись, что никого нѣтъ въ сосѣднихъ комнатахъ, онъ сталъ увѣрять, что всегда уважалъ и искренно любилъ меня. Не зная, къ чему ведетъ этотъ разговоръ, я молчалъ. Наконецъ спросилъ онъ меня, можетъ ли онъ сдѣлать мнѣ вопросъ и ожидать откровеннаго отвѣта; я тотчасъ обѣщалъ ничего не таить отъ него. Онъ тогда сказалъ, что не вѣритъ словамъ Чичагова, будто онъ женится на моей сеттрѣ; я отвѣчалъ: напрасно не вѣрите, потому что это правда. Тогда, съ видомъ удивленія, онъ воскликнулъ: вы ли это говорите, и какъ этому быть? Тутъ я сталъ доказывать необходимость этой свадьбы, чтобъ сохранить жизнь сестры и составить ея счастіе, говоря, что она въ совершенныхъ лѣтахъ и можетъ имѣть право располагать собою. «Но матушка знаетъ ли?» спросилъ онъ. —Не только знаетъ, но и желаетъ окончанія этого дѣла, отвѣчалъ я. Послѣ этого отвѣта, перемѣнивъ тонъ, онъ объявилъ мнѣ, что, какъ начальникъ отдаленнаго края, онъ долженъ донести о томъ высшему начальству. Я спросилъ: кому же онъ писать намѣренъ? Онъ отвѣчалъ, что генералъ-губернатору. Я изъяснилъ ему тогда, что если онъ хочетъ заставить меня не только забыть всѣ вынесенныя мною непріятности, но остаться вѣчно ему обязаннымъ, то написалъ бы такимъ образомъ: во первыхъ бы изъяснилъ ничтожность преступленія, за которое Чичаговъ такъ строго наказанъ, упомянулъ бы, что прошло уже десять лѣтъ его ссылкѣ, и присовокупилъ бы, что доброе поведеніе его, давъ ему входъ въ домы начальниковъ и всѣхъ чиновниковъ въ городѣ, было причиною, что дворянка идетъ за него за мужъ, и семья ея на то соглашается. Все это обѣщалъ сдѣлать губернаторъ и простился со мною самымъ дружескимъ образомъ.

Пріѣхавъ въ деревню, на другой день обвѣнчали мы влюбленныхъ, а на третій день я отправился въ путь.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я нашелъ благодѣтеля своего Г. Р. Державина въ самомъ грустномъ положеніи. Жена его—больная при смерти, и черезъ нѣсколько дней при мнѣ скончалась; онъ въ ссорѣ со всѣми знатными боярами; императрица была имъ недовольна. Разсказывая ему всѣ несчастныя мои обстоятельства, я просилъ добраго его совѣта, не ожидая отъ него никакой помощи; но онъ, движимый великодушіемъ, придумывая разные способы, чрезъ нѣсколько дней, не смотря на болѣзнь жены, ему милой, поѣхалъ на праздникъ въ Царское Село ([23]) только для того, чтобъ узнать, получилъ ли генералъ-прокуроръ донесеніе губернатора, и что думаетъ онъ сдѣлать. Донесеніе было получено, но не такъ написанное, какъ мнѣ было обѣщано. Губернаторъ, очень дурно обо мнѣ отзываясь, изъяснялъ, что вышедшая замужъ се-

([23]) Катерина Яковлевна Державина, уже смерти ожидавшая, лежала въ постелѣ; я сидѣлъ возлѣ нея держа ее за руку; мужъ, ходя близь кровати, говоритъ: „Какъ мнѣ поѣхать въ Царское Село, и оставить ее на два дни!“ Она, его подозвавъ, сказала: „Ты не имѣешь фавору, но есть къ тебѣ уваженіе; поѣзжай, мой другъ, ты можешь говорить за него; Богъ милостивъ, можетъ я проживу столько, что дождусь съ тобой проститься“. Гаврило Романовичь страстно любилъ свою жену, но поступилъ великодушно.

стра моя имѣетъ собственное имѣніе, то какъ приказано будетъ поступить съ нимъ, взять ли его въ казну или отдать въ вѣдомство дворянской опеки.

Державинъ, не имѣя возможности просить генералъ прокурора, отъискалъ одного довольно уважаемаго чиновника, хорошо ко мнѣ расположеннаго, изъяснилъ все дѣло, и чрезъ него устроилъ все такъ, что генералъ-прокуроръ обѣщалъ не обратить вниманія на представленіе губернатора.

Вскорѣ скончалась Катерина Яковлевна Державина, женщина дѣйствительно отличныхъ достоинствъ. Онъ предался горчайшей печали, и я не отходилъ отъ него. Дѣло мое, разумѣется, въ это время было забыто.

Прежде еще 6 недѣль послѣ смерти Державиной, императрица, неожиданно по случаю дурной погоды, въ Августѣ мѣсяцѣ переѣхала въ Петербургъ. Державинъ для меня сталъ стараться сойтись съ тогдашнимъ любимцемъ, и скоро достигъ до того, что онъ, выслушавъ мое дѣло, дозволилъ мнѣ ему представить записку для доклада императрицѣ. Въ запискѣ этой я старался изъяснить, что воспитаніе зятя моего въ чужихъ краяхъ, молодыя лѣта его и обстоятельства вовлекли въ преступленіе дѣйствительно ребяческое ([24]); что наказаніе, подобное тому, которому подвергаются тяжкіе преступники, хорошее поведеніе и умъ его обратили на него общее вниманіе; что я былъ его другомъ, и допустилъ, что сестра моя въ него влюбилась; что отвращеніе матушки къ этой свадьбѣ и покорность влюбленной сестры едва не довели послѣднюю до чахотки; что тогда я склонилъ матушку выдать сестру за Чичагова, и преступленіе и несчастіе его перешло и на нашу семью; наконецъ заключилъ записку свою тѣмъ, что родственникъ и однофамилецъ его Василій Яковлевичъ Чичаговъ ([25]), оказавшій нѣкогда большія услуги государству, ходатайствовалъ о его прощеніи.

Эту записку, написанную на одномъ листѣ, Державинъ отдалъ Зубову и на другой день меня ему представили. Я введенъ былъ въ спальню ([26]). Я нашелъ тутъ множество людей, знатныхъ и въ чинахъ, стоявшихъ раболѣпно передъ фаваритомъ. Онъ въ халатѣ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, грызъ ногти, и кое съ кѣмъ свысока поговаривая, не дожидался ни отъ кого отвѣта. Малорослая съ голымъ хвостомъ обезьяна прыгала по ширмамъ и у одного изъ вельможъ испортила буклю, въ каковомъ упражненіи по приказанію хозяина онъ помѣшать ей не смѣлъ. Обезьяна стала приближаться ко мнѣ и пристально на меня смотрѣть; убоясь, чтобъ невольнымъ какимъ движеніемъ не сдѣлать противнаго боярину, ретировался я, не дождавъ счастія услышать къ себѣ голосъ человѣка, отъ коего просилъ и ожидалъ милости и спокойствія всей своей семьѣ.

Зубовъ отдалъ мою записку секретарю императрицы, который, не при-

([24]) 17 лѣтъ отъ роду онъ влюбился въ дѣвушку, и по желанію отца ея подалъ въ отставку. Не дождавшись указа объ отставкѣ, онъ объявилъ всѣмъ, что уволенъ съ повышеніемъ чина; не получивъ этого чина, онъ на указѣ самъ это переправилъ, и вмѣсто поручика сталъ называть себя капитаномъ.

([25]) Извѣстный адмиралъ.

([26]) Преданіе разсказываетъ, что по утрамъ, выходя пудриться въ уборную свою комнату, Зубовъ находилъ ее биткомъ набитую посѣтителями; прямо шелъ къ зеркалу, не обращая вниманія ни на кого; и если, пока убираютъ ему голову, онъ, глядя въ зеркало, милостиво кивнетъ кому нибудь, тотъ считалъ себя уже счастливымъ. *П. Б.*

нимая во мнѣ участія, доложилъ ее въ праздникъ. Императрица за туалетомъ прочитала мою записку, и, какъ мнѣ говорили, наше несчастіе ее тронуло: она приказала мнѣ объявить, что проститъ моего зятя при первомъ торжествѣ. На другой день я подалъ прошеніе въ отставку, говоря всѣмъ, что остаюсь въ Петербургѣ ожидать этаго случая; многіе выхваляли мой поступокъ и обѣщали свою помощь.

Всякому извѣстно непостоянство человѣческихъ чувствъ, и рѣдко кому не приходилось дознать на опытѣ, какъ несчастіе человѣка мало занимаетъ людей, мечтающихъ только о своихъ забавахъ. Вскорѣ всѣ забыли свое обѣщаніе, и я, боясь быть въ тягость, пересталъ говорить о томъ, и только старался какъ можно болѣе понравиться лицамъ, которыя въ состояніи были перемѣнить мое положеніе. Державинъ, не похожій на другихъ, заботился обо мнѣ не менѣе самаго меня. Онъ употреблялъ всѣ способы, чтобы меня не забыли, помирился съ секретаремъ императрицы, и достигъ до того, что чрезъ мѣсяцъ опять доложили о моемъ дѣлѣ. Императрица въ этотъ разъ не была милостива, говорила, что она почитаетъ людей наказанныхъ, какъ Чичаговъ, выключенными изъ общества, предвидитъ, что ее будутъ просить о дозволеніи вступить ему вновь въ службу и производить въ чины, чего она не хочетъ. Кончилось тѣмъ, что она простила Чичагова; но въ указѣ приказала дополнить, чтобы въ службу его не опредѣлять и не имѣть ему въѣзда въ обѣ столицы. Чрезвычайно довольный, что успѣлъ успокоить свое семейство, я явился къ Зубову и секретарю императрицы, чтобы поблагодарить ихъ и потомъ сталъ собираться ѣхать въ деревню. Докладъ императрицѣ и указъ о прощеніи состоялся въ день памяти св. Димитрія чудотворца, и я далъ обѣщаніе заѣхать въ Ростовъ и у мощей угодника отслужить молебенъ за здравіе Державина, моего благодѣтеля, оказавшаго мнѣ такъ много усердія и такаго пріятнаго благотворенія. Но къ несчастію у меня не доставало денегъ; надобно было расплатиться съ мелкими долгами и имѣть съ чѣмъ доѣхать домой. Я сказалъ объ этомъ повѣренному нашего откупщика, который такъ благородно меня одолжилъ, и который въ это время былъ въ Петербургѣ. Я не могъ вновь обратиться къ откупщику съ своею просьбою, тѣмъ болѣе, что повѣренный мнѣ говорилъ, что они въ то время нуждались въ деньгахъ, и что по первому моему заемному письму наступилъ срокъ, и не всѣ деньги заплачены. Я старался занять у многихъ знакомыхъ, но всѣ отказывали за неимѣніемъ денегъ. Возвратившись домой, мнѣ доложили, что какой-то купецъ ждетъ меня въ моей комнатѣ; то былъ повѣренный нашего откупщика, который подалъ мнѣ 500 рублей, что совершенно достаточно было, по моимъ разчетамъ, на дорогу, и сказалъ мнѣ, что хозяинъ его, имѣя всего только 800 рублей, узнавъ о моей нуждѣ, прислалъ эти 500 руб., чтобы не искалъ я занять у кого либо кромѣ его эту сумму. Новое это одолженіе еще болѣе увеличило мою благодарность къ нему, потому что въ прежней должности моей я оказывалъ ему столько же содѣйствія, какъ и всѣмъ другимъ, имѣвшимъ до меня надобность; теперь же въ отставкѣ, въ небольшомъ чинѣ, я уже и не могъ ему быть полезенъ и заплатить за сдѣланное мнѣ одолженіе. Многіе изъ покровителей моихъ совѣтовали мнѣ опять вступить въ службу и поступить на прежнее мѣсто, которое было еще не замѣщено; но какъ гоненія глупаго губернатора, подлость раболѣпствовав-

шихъ ему чиновниковъ давно уже мнѣ надоѣли, къ тому же я раздраженъ былъ несправедливымъ отзывомъ губернатора о Чичаговѣ и извѣстіями, что послѣ моего отъѣзда, онъ хотѣлъ отяготить еще его участь, а потому благодарилъ своихъ покровителей за ихъ предложенія, говоря, что радъ служить вездѣ и во всякомъ званіи, куда бы ни вздумали меня назначить, но только не тамъ, гдѣ перенесъ такъ много оскорбленій.

Въ день отъѣзда моего изъ Петербурга, назначенъ былъ въ Уфимскую губернію генералъ губернаторомъ С. К. Вязмитиновъ, который былъ сенаторомъ въ одномъ демартаментѣ съ Державинымъ и очень былъ съ нимъ друженъ; въ тотъ же день уволенъ былъ отъ службы нашъ губернаторъ. Вязмитиновъ въ Петербургѣ раза два видѣлъ меня въ обществѣ и со мною познакомился; на другой день послѣ назначенія своего встрѣтилъ Державина и просилъ его уговорить меня возвратиться въ Петербургъ и вступить опять въ службу. Я получилъ это приглашеніе на дорогѣ въ Москву, по совѣту Державина тотчасъ воротился, и принятъ былъ какъ нельзя лучше. По представленію Вязмитинова, я былъ опять опредѣленъ совѣтникомъ губернскаго правленія, и занимавшись мѣсяцъ съ новымъ своимъ начальникомъ, съ полною его довѣренностію отправился къ своей должности.

Распутица на нѣсколько времени задержала меня въ Москвѣ; я исполнилъ обѣтъ свой, заѣхалъ въ Ростовъ, и довольно скоро доѣхалъ до Уфы. Гонителей своихъ я нашелъ совсѣмъ другими: они приписывали паденіе губернатора моему вліянію, что было совершенно не справедливо, и когда я это доказывалъ, то считали слова мои хитрою скромностію. Словомъ, я сталъ большимъ человѣкомъ въ понятіи этихъ негодяевъ, которые боялись, что я о всѣхъ ихъ проступкахъ могу довести до свѣдѣнія генералъ-губернатора.

Совѣтникъ уголовной палаты, заступавшій мое мѣсто, изъ подлаго угожденія губернатору, старался найти меня въ чемъ нибудь виновнымъ, но къ счастію не успѣлъ, потому что я былъ правъ и довольно остороженъ; между тѣмъ задержалъ онъ на расходы много денегъ, не принадлежавшихъ правленію. Когда я сталъ отъ него принимать должность, то привелъ въ извѣстность всѣ незаконные расходы и заставилъ его заплатить все то, что онъ неправильно задержалъ. По пріѣздѣ генералъ-губернатора, я его не предупреждалъ противъ этихъ негодяевъ, но онъ самъ, скоро узнавъ ихъ, умѣлъ оцѣнить каждаго. Совѣтникъ уголовной палаты, зная, что онъ умнѣе многихъ, и думая, что Вязмитиновъ не знаетъ о дурномъ его поведеніи, просилъ о перемѣщеніи его совѣтникомъ въ губернское правленіе на мѣсто старика, дѣйствительно неспособнаго; но генералъ - губернаторъ сказалъ ему, что, какъ солдатскій сынъ, онъ занимаетъ мѣсто уже для него слишкомъ высокое. Это очень огорчило совѣтника, и какъ онъ никогда со мною не былъ хорошъ, а за нѣсколько дней предъ тѣмъ я имѣлъ съ нимъ непріятное объясненіе, то и заключилъ онъ, что одинъ я, какъ короткій знакомый Вязмитинова, далъ ему дурное о немъ мнѣніе. Это его раздражило и чрезвычайно озлобило противъ меня. Между тѣмъ уголовная палата, по дѣлу объ одномъ исправникѣ, отданномъ подъ судъ за взятки, вытребовала для допроса до семидесяти государственныхъ крестьянъ, и замедляя дѣло, для оправданія взяточника, дол-

го продержала въ городѣ бѣдныхъ поселянъ. Наступившая рабочая пора приводила ихъ въ отчаяніе; они пришли ко мнѣ и просили о защитѣ; я доложилъ генералъ-губернатору, который, призвавъ всѣхъ присутствующихъ уголовной палаты къ себѣ, долго бранилъ ихъ и хотѣлъ донести о беззаконныхъ ихъ поступкахъ государынѣ императрицѣ. Чтобы уничтожить эти безпорядки, онъ приказалъ предсѣдателю подать въ отставку, а совѣтника перевелъ въ такое мѣсто, гдѣ не было никакаго дѣла.

Пока они оставались еще присутствующими въ уголовной палатѣ, то искали случая мстить мнѣ и нашли въ томъ возможность по неоконченному дѣлу о мясномъ торгѣ. По этому дѣлу палата нашла меня виновнымъ; но какъ ни казнѣ, ни частнымъ людямъ убытковъ отъ того не произошло, то присудила, на основаніи всемилостивѣйшаго манифеста, простить меня, съ подтвержденіемъ впредь быть осмотрительнѣе; совѣтникъ же, по этому дѣлу, подалъ мнѣніе, чтобы лишить меня двухъ чиновъ. Подавъ это мнѣніе, онъ послалъ просьбу на высочайшее имя, въ которой жаловался, что генералъ-губернаторъ отъ излишняго ко мнѣ расположенія притѣсняетъ его и представилъ къ перемѣщенію на мѣсто, которое занимать онъ не желаетъ. Когда уголовная палата представила свой приговоръ на утвержденіе губернатора, то онъ прислалъ мнѣ его съ своимъ секретаремъ, и приказалъ сказать, чтобы я рѣшилъ, что долженъ и можетъ онъ сдѣлать. Видя доброе расположеніе къ себѣ начальника, не имѣющаго ни силы, ни сердца, соотвѣтствующихъ его званію, я отправился къ нему, благодарилъ за его расположеніе, и спросилъ, находитъ ли онъ виновнымъ меня. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что этого не находитъ, но не согласившись съ палатою, долженъ представить дѣло на разсмотрѣніе сенату, гдѣ не надѣется, чтобы мнѣніе его утвердили, и потому во избѣжаніе стыда и желая кончить дѣло на мѣстѣ, полагаетъ удобнѣйшимъ согласиться съ рѣшеніемъ палаты. Я возразилъ, что считаю это для меня унизительнымъ, и для самаго правосудія непристойнымъ, и что если нельзя дѣлу дать тотъ ходъ, который оно прежде имѣло, то есть представить его императрицѣ, то желаю и прошу перенести его въ сенатъ, или позволить мнѣ жаловаться. Въ слѣдствіе того Вязмитиновъ представилъ дѣло въ сенатъ и донесъ, что по его мнѣнію уголовная палата не имѣла права присуждать меня къ наказанію, ибо я не былъ отданъ подъ судъ, и не я одинъ рѣшалъ это дѣло въ губернскомъ правленіи. Въ донесеніи своемъ онъ изъяснилъ, что ни казнѣ, ни частнымъ людямъ убытка отъ дѣйствія контракта о мясномъ торгѣ не произошло.

Въ это время дано мнѣ было порученіе, при исполненіи котораго я имѣлъ случай понравиться генералъ-губернатору, и видѣть на опытѣ вліяніе, которымъ пользовался я въ народѣ.

Провіантскіе коммиссіонеры, надѣясь получить хлѣбъ изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, не сдѣлали достаточнаго заготовленія провіанта для продовольствія войскъ, расположенныхъ на линіи. Казенная палата, при производствѣ торговъ, думала только о собственныхъ своихъ выгодахъ. Дѣло замедлялось еще и отъ того, что генералъ-губернаторъ былъ въ то время въ другой губерніи, ввѣренной его начальству; цѣны, состоявшіяся на торгахъ, были высоки и не могли быть утверждены, а между тѣмъ проходило время, удобное для перевозки хлѣба. Въ этомъ положеніи дѣла генералъ-гу-

бернаторъ узнаетъ, что оказался недостатокъ провіанта въ одной изъ пограничныхъ крѣпостей, по неимѣнію въ магазинѣ на лицо того количества хлѣба, которое значилось по вѣдомостямъ. Гарнизонъ вышелъ изъ повиновенія, отправился въ ближнія Башкирскія деревни, и награбилъ тамъ скота и съѣстныхъ припасовъ. Это произшествіе встревожило Вязмитинова. Онъ бросилъ всѣ дѣла и прискакалъ въ Уфу, пославъ приказаніе провіантскому коммиссіонеру, имѣвшему пребываніе въ той пограничной крѣпости, явиться къ нему. Генералъ-губернаторъ, человѣкъ не молодой, слабаго здоровья и до такой степени осторожный, что можно назвать его трусомъ, заболѣлъ отъ безпокойствъ душевныхъ и тѣлесныхъ; нѣсколько дней онъ былъ въ опасности, кончилась болѣзнь однакоже рожью на ногѣ, препятствовавшей ему встать только съ постели. Явившійся провіантскій коммиссіонеръ ни въ чемъ не умѣлъ дать отвѣту. Вязмитиновъ призвалъ меня, поручилъ повѣрить его отчеты и сдѣлать распоряженіе о перевозкѣ хлѣба, который еще былъ въ нѣкоторыхъ магазинахъ, чтобы сколько нибудь помочь наиболѣе нуждающимся. По повѣркѣ моей оказалось, что хлѣба, состоявшаго на лице, во всѣхъ линейныхъ магазинахъ на продовольствіе войскъ едва доставало на мѣсяцъ и нѣсколько дней. Сельскіе запасные магазины устроены были въ селеніяхъ земледѣльческихъ, отстоящихъ на 400 верстъ отъ линіи; Уральскія горы и степи кочующихъ народовъ, гдѣ устроена была линія, представляли для перевозки хлѣба величайшее препятствіе, увеличившееся еще отъ необыкновенно суровой и снѣжной зимы такъ, что горы и степи были почти непроходимы. Къ довершенію же всего не доставало сѣна; Башкирцы кормили свой скотъ прутьями, что ясно показывало невозможность найти достаточное число подводъ, необходимыхъ для перевозки провіанта. Наступилъ февраль (1795), а въ концѣ марта надо было ожидать, въ продолженіи 2-хъ мѣсяцевъ, распутицы и совершенной невозможности переѣхать горы. Эти обстоятельства грозили неминуемою бѣдою, если хлѣбъ для продовольствія войскъ не будетъ въ скорости доставленъ на линію. Подводъ ни за какую цѣну достать было невозможно, и потому самая необходимость заставила Вязмитинова приступить къ крайнимъ средствамъ. Онъ приказалъ мнѣ нарядить обывательскія подводы, и перевезти хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ на линію. Поручивъ мнѣ это дѣло, онъ далъ мнѣ открытое предписаніе всѣмъ военнымъ и гражданскимъ начальствамъ исполнять всѣ мои приказанія безпрекословно.

Исчисливъ въ губернскомъ правленіи, со сколькихъ душъ приходилось нарядить подводъ и сдѣлавъ распоряженіе, изъ какаго магазина, куда и чрезъ какія именно мѣста надо везти хлѣбъ, я послалъ эти исчисленія и маршрутъ исправникамъ и хлѣбнымъ приставамъ, приказавъ во избѣжаніе притѣсненія обывателей, чтобы при каждомъ транспортѣ, въ 50 подводъ, находился засѣдатель земскаго суда и офицеръ или унтеръ-офицеръ, на которыхъ возложить пріемъ и сдачу хлѣба и отвѣтственность въ томъ, чтобы никому не сдѣлано было притѣсненія. Я избралъ себѣ въ помощники одного изъ губернскихъ чиновниковъ, и послалъ его въ округи для наблюденія за дѣйствіями исправниковъ и хлѣбныхъ приставовъ, которые должны были, не упуская удобнаго времени, принимать мѣры къ поспѣшному отправленію хлѣба, и наблюдать, чтобы при пріемѣ его не сдѣлано было ни-

какихъ обидъ обывателямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я предписалъ исправникамъ горныхъ и степныхъ округовъ, чтобы они дали знать поименованнымъ въ предписанiи чиновникамъ Башкирскаго народа о моемъ желанiи видѣться съ ними на назначенныхъ мною мѣстахъ.

Чрезъ нѣсколько дней отправился я самъ и предположилъ переѣхать по разнымъ дорогамъ три раза Уральскiя горы, чтобы лично видѣть, какiя предстоятъ затрудненiя при перевозкѣ чрезъ горы хлѣба, и какiя мѣры принять противъ того. Въ проѣздъ свой я убѣдился, какъ трудно и даже невозможно переѣхать обозамъ чрезъ горы безъ пособiя Башкирцевъ. По дорогамъ къ мѣднымъ и желѣзнымъ заводамъ построены были казармы на каждыхъ 20, а гдѣ и 30 верстахъ; въ 2-хъ или 3-хъ избахъ этихъ казармъ можно было устроить помѣщенiе для людей, бывшихъ при подводахъ, но главное затрудненiе состояло въ прiисканiи сѣна. Чрезвычайно суровая зима того года заставила жителей свой скотъ, обыкновенно находящiй пищу въ горахъ, кормить дома; многiе, у которыхъ не доставало корма, покупали сѣно по неслыханной, въ тѣхъ мѣстахъ, цѣнѣ: 50 к. за пудъ. Къ довершенiю же всѣхъ затрудненiй, дорога совершенно испортилась, вся выбита была ухабами, и небольшiя рѣчки въ горахъ тронулись.

На всякой станцiи я находилъ множество Башкирскаго народа. Я съ ними ласково говорилъ, разсказывалъ имъ всю необходимость доставленiя хлѣба въ линейные магазины на обывательскихъ подводахъ, изъяснялъ, какъ тяжела эта повинность для крестьянъ, и сказалъ, что надѣюсь, что Башкирцы, какъ добрые люди, безъ всякаго приказанiя окажутъ имъ помощь, доставивъ на станцiи необходимое количество сѣна, поправятъ дороги, устроятъ переправы чрезъ рѣчки и зажоры, и наконецъ поставятъ необходимое число лошадей съ хомутами и веревками, чтобы припречь ихъ къ крестьянскимъ возамъ при перевозкѣ провiанта чрезъ Уральскiя горы. Башкирцы охотно обѣщали все исполнить, кромѣ поставки сѣна, увѣряя, что и для продовольствiя своего скота они его не имѣютъ и кормятъ прутьями; что всякой заготовляетъ сѣно близь селенiя, изъ которыхъ нѣкоторыя находятся въ 200 верстахъ отъ дороги.

Оправданiя Башкирцевъ, хотя и заслуживали уваженiе, но я не могъ ихъ принять и согласиться съ ними. Требуя непремѣнной поставки сѣна и обѣщая платить по 10 коп. за пудъ, я спрашивалъ ихъ, имѣлъ ли я случай по службѣ сдѣлать имъ полезное? Всѣ закричали мнѣ въ отвѣтъ, что я ихъ отецъ, и что почти всѣ они были произведены въ чины при мнѣ и указы о томъ получены за моею подписью. Тогда я сказалъ имъ: взялъ ли я съ кого что нибудь и могъ ли взять? Они отвѣчали, что нѣтъ, а могъ бы это сдѣлать. Слѣдовательно теперь, сказалъ я, могу я требовать тѣ подарки, которые не принималъ отъ васъ при пожалованiи васъ въ чины, при раздѣленiи вашихъ командъ, при нарядѣ васъ на службу и когда принималъ ваши прозьбы. Я прошу отдать это сѣномъ тѣмъ крестьянамъ, которые безъ того поморятъ своихъ лошадей и разорятся. Они захохотали, и, потрепавъ меня по плечу, кричали: все будетъ, на головахъ ихъ перенесемъ, и всѣ они будутъ сыты даромъ. Я возразилъ имъ, что крестьяне за провозъ получаютъ плату, а потому и сами должны платить за сѣно, но не болѣе какъ по 10 к. за пудъ, другiя же пособiя слѣдуетъ имъ дѣлать даромъ. Почти на каждой станцiи я долженъ

былъ повторять подобныя убѣжденіи и вездѣ успѣвалъ въ томъ.

Осмотрѣвъ нѣсколько линейныхъ крѣпостей, я поѣхалъ другою дорогою чрезъ Уральскія горы и вездѣ находилъ, что приказанія мои исполняются какъ должно. На каждой станціи было по два Башкирскихъ чиновника съ достаточнымъ числомъ людей для исправленія дороги, по два чиновника при запасныхъ лошадяхъ и столько же при большихъ ометахъ сѣна, которое безпрестанно подвозили. Вездѣ поставлены были вѣсы и вмѣсто гирь положены каменья, приведенныя въ надлежащій вѣсъ. Я встрѣтилъ въ горахъ нѣсколько обозовъ и слышалъ благодарность крестьянъ за оказанныя имъ пособія, которыхъ они не ожидали.

Въ половинѣ марта я возвратился на короткое время въ Уфу. Принятый ласково генералъ-губернаторомъ, узнавъ все, что мнѣ нужно было, я отправился по третьей дорогѣ, идущей въ степи, которая была отъ того лучше; но близь хребта Уральскихъ горъ пересѣкало ее множество быстрыхъ рѣчекъ, и весна, тутъ наступающая ранѣе, заставляла всякаго останавливаться ожидать лѣтняго пути.

Я приказалъ остановить всѣ обозы 25-го марта, тамъ гдѣ случится и отпустить всѣхъ подводчиковъ домой, кромѣ крестьянъ, нанявшихся за большую плату, чтобы могли они поспѣть къ яровой пашнѣ, и поправить лошадей своихъ, изнуренныхъ дорогою. Распоряженіе одобрено было Вязмитиновымъ; нѣкоторая часть хлѣба довезена была Башкирцами на саняхъ, брошенныхъ крестьянами, другую приняли полки, чтобы перевезти весною на подъемныхъ лошадяхъ. Я вездѣ бралъ офицеровъ изъ полковъ для пріемки хлѣба, оставленнаго обозами. Изъ всего количества хлѣба только нѣсколько десятковъ четвертей не достало отъ раструски. Не пропало ни одного куля; болѣе двухъ третей довезено до самыхъ магазиновъ, и ни одинъ крестьянинъ не завесновалъ въ пути.

Вязмитиновъ чрезвычайно былъ мною доволенъ, превозносилъ меня при всѣхъ, и обѣщалъ сдѣлать для меня все, чтó я ни потребую.

Мнѣ случилось напомнить ему это обѣщаніе; онъ сдержалъ слово, но съ большимъ неудовольствіемъ. Просьба моя состояла въ томъ, чтобы онъ не преслѣдовалъ моего пріятеля, котораго ненавидѣлъ изъ ревности.

Вскорѣ мы получили извѣстіе о кончинѣ императрицы, и Вязмитинову повелѣно было немедленно ѣхать въ Малороссію принять начальство надъ тремя ея губерніями и соединить ихъ въ одну. Очень довольный новымъ назначеніемъ и показывая указъ, Вязмитиновъ объявилъ мнѣ, что онъ беретъ меня съ собою, обѣщая дать мнѣ хорошее мѣсто. Я тѣмъ охотнѣе принялъ это предложеніе, что давно желалъ оставить край, гдѣ такъ много перенесъ оскорбленій, и гдѣ большая часть людей мнѣ не нравилась.

Я долженъ былъ проситься въ отпускъ. Вязмятиновъ послалъ мое прошеніе съ нарочнымъ и просилъ всѣхъ, кого могъ, скорѣе исходатайствовать мнѣ увольненіе, и какъ мы разчитывали, что нашъ нарочный привезетъ мой указъ и должны мы его встрѣтить въ Казани, то онъ далъ мнѣ отпускъ на восемь дней, и я поѣхалъ съ нимъ. Мы дѣйствительно встрѣтили нашего нарочнаго въ Казани, но вмѣсто указа о моемъ отпускѣ, онъ привезъ извѣстіе, что безъ доклада императору меня нельзя отпустить; впрочемъ это будетъ сдѣлано безъ замедленія. Опасаясь дурныхъ послѣдствій за самовольную от-

лучку, я отправился обратно въ Уфу, проѣхавъ по напрасну 1000 верстъ.

Простившись съ Вязмитиновымъ, я отдалъ ему всѣ приготовленныя мною по его приказанію бумаги, необходимыя ему при вступленіи въ новую должность, и далъ слово, получивъ указъ о моемъ отпускѣ, немедленно пріѣхать къ нему; онъ же обѣщалъ мнѣ стараться помѣстить меня на хорошее мѣсто и сдѣлать меня извѣстнымъ государю.

Тяжело мнѣ было возвратиться въ Уфу, многіе стали посмѣиваться надо мною; наконецъ чрезъ мѣсяцъ я получилъ указъ и тотчасъ отправился прямо въ Малоросію.

Пріѣхавъ въ Москву, узналъ я, что Вязмитиновъ назначенъ комендантомъ въ Петербургъ, и долженъ былъ туда ѣхать. По случаю новаго назначенія Вязмитинова, я не могъ служить подъ его начальствомъ; всѣ знатныя лица, которыхъ могъ бы я просить о своемъ опредѣленіи въ службу, уѣхали тогда, или отправлялись на коронацію въ Москву. Я остановился въ домѣ знакомаго мнѣ сенатора, человѣка совершенно празднаго и рѣшился ожидать случая.

Государственный казначей графъ Васильевъ, знакомый мнѣ прежде, и котораго я отъискалъ наканунѣ его отъѣзда въ Москву, узнавъ, что я желаю оставить Уфу, предложилъ мнѣ мѣсто совѣтника въ экспедиціи государственныхъ доходовъ; я принялъ предложеніе, и онъ обѣщалъ устроить это дѣло по возвращеніи изъ Москвы.

Вскорѣ послѣ того Вязмитинову повелѣно было управлять коммиссаріатскимъ департаментомъ, который совершенно былъ преобразованъ и переведенъ изъ Москвы въ Петербургъ. Дѣла департамента были въ самомъ дурномъ положеніи; вещей для обмундированія арміи не доставало, а которыя и были, не подходили къ образцамъ, вновь утвержденнымъ. Обмундировывая наскоро нѣсколько полковъ, находящихся въ столицахъ, надо было платить за все необыкновенно дорого, и департаментъ издержалъ сумму, превосходившую въ нѣсколько разъ ту, которыя была ему ассигнована. Кредита не было никакаго, ходъ дѣла и люди, совершенно неизвѣстные, словомъ совершенный хаосъ, который надо было привести въ порядокъ и вести скоро дѣло такое, которое, еслибы и устроено было, представляло немаловажныя затрудненія.

Сначала Вязмитиновъ былъ доволенъ довѣренностію и милостивымъ къ нему письмомъ императора, но когда увидѣлъ это множество дѣлъ, не зналъ, какимъ образомъ все это исполнить. Не имѣя помощника, получая ежедневно множество приказаній, требующихъ немедленнаго исполненія, онъ предложилъ мнѣ вступить подъ его начальство и обѣщалъ мѣсто военнаго совѣтника экспедиціи. Я еще на это не рѣшался, но переѣхалъ къ нему, сталъ заниматься дѣлами, и въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ былъ вмѣстѣ его другомъ, совѣтникомъ и секретаремъ.

Устроивая коммиссаріатскія коммиссіи, надо было составлять штаты и писать инструкціи для каждой должности; это дѣло Вязмитиновъ поручилъ мнѣ. Я долженъ прочитать всѣ повелѣнія и коммиссаріатскіе уставы, чтобы ближе познакомиться со всѣми частями, составляющими департаментъ: работа скучная и трудная, но она послужила мнѣ въ пользу. Я узналъ эту часть, и составилъ себѣ репутацію дѣловаго человѣка. Между тѣмъ отпускъ мой кончился, и мнѣ сказали, что если я просрочу, то рискую, что вышлютъ меня изъ Петербурга подъ карауломъ. Но что было дѣлать! Прошенія въ отставку не принимали, потому что не приказано

было никого увольнять безъ доклада его величеству, а государь уѣхалъ въ Ревель. Государственный же казначей, предложившій мнѣ мѣсто, не возвращался еще изъ Москвы.

Вязмитиновъ тогда рѣшился просить генералъ-прокурора объ увольненіи меня изъ статской службы съ тѣмъ, чтобы донесъ онъ государю, что я ему необходимъ для исправленія дѣлъ, на него возложенныхъ, которыя ему трудно вести безъ надежнаго помощника. Эта просьба много послужила къ моей славѣ, а между тѣмъ съ своей стороны онъ сдѣлалъ представленіе государю объ опредѣленіи многихъ чиновниковъ, а въ томъ числѣ и меня военнымъ совѣтникомъ въ коммиссаріатскую экспедицію.

Долго не выходило мое назначеніе. Между тѣмъ генералъ-провіантмейстеръ Обольяниновъ, бывшій за два года предъ тѣмъ въ одномъ со мною чинѣ, а теперь сдѣлавшійся сильнымъ человѣкомъ при дворѣ, предложилъ мнѣ мѣсто въ провіантской экспедиціи. Не имѣя охоты служить подъ начальствомъ человѣка, къ которому трудно мнѣ было имѣть чувство повиновенія, я отказался, говоря, что зоветъ меня къ себѣ прежній мой начальникъ, у котораго я теперь и занимаюсь дѣлами. Графъ Васильевъ, возвратившись изъ Москвы, также звалъ меня, говоря, что мѣсто совѣтника еще не занято.

Представленіе Вязмитинова возвращено было безъ утвержденія, потому что государь находилъ, что управляющій департаментомъ не имѣетъ права опредѣлять въ коммиссаріатъ офицеровъ изъ полковъ. Тогда сдѣланы были два представленія, одно о производствѣ на вакансіи чиновъ коммиссаріатскаго штата, а другое о назначеніи меня военнымъ совѣтникомъ въ коммиссаріатскую экспедицію, а секретаря Вязмитинова казначеемъ.

Слишкомъ мѣсяцъ мы не имѣли никакого отвѣта; генералъ-провіантмейстеръ, по прежнему знакомству, ласково со мною обходился, и нѣсколько разъ повторялъ свое предложеніе, утверждая, что меня не опредѣлятъ въ коммиссаріатъ, потому что представленіе сдѣлано чрезъ президента военной коллегіи (27), котораго государь не жалуетъ. Я сказалъ это Вязмитинову, подстрекнулъ его самолюбіе, которое въ немъ сильнѣе было осторожности; онъ осмѣлился написать къ генералъ-адъютанту, просилъ доложить государю о его представленіи и вновь ходатайствовалъ о производствѣ чиновниковъ коммиссаріатскаго штата и о принятіи меня и бывшаго его секретаря въ службу.

На другой день вышелъ приказъ о производствѣ всѣхъ чиновниковъ; о насъ же ничего не было сказано. Вязмитиновъ писалъ къ генералъ-адъютанту, и просилъ доложить государю, что я ему нуженъ; но ему отвѣчали, что нѣсколько разъ было о томъ доложено, но государь изволилъ отозваться, что ему не угодно переводить изъ статской службы въ военную. Вязмитиновъ показалъ мнѣ много вниманія, и говорилъ, чтобы я назначилъ самъ, куда онъ долженъ ѣхать, и кого просить о моемъ помѣщеніи. Въ тотъ же день онъ послалъ письмо къ государю, въ которомъ, изъяснивъ, что разстроенное его здоровье и глазная болѣзнь дѣлаютъ его совершенно неспособнымъ къ исправленію должности, и онъ, опасаясь сдѣлать упущенія, и невинно обратить на себя гнѣвъ его величества, проситъ увольненія отъ службы.

(27) Н. И. Салтыкова.

Помня обѣщаніе государственнаго казначея и хорошіе его обо мнѣ отзывы, я поѣхалъ къ нему, и сказалъ, что не удалось мнѣ служить у бывшаго своего начальника, и я готовъ принять мѣсто, которое онъ мнѣ предлагалъ. Графъ Васильевъ, принявъ меня холодно, говорилъ, что у него нѣтъ вакансіи, и что онъ обѣщалъ уже двумъ дать мѣсто совѣтника, и потому, если я хочу дожидаться третьей вакансіи, то онъ очень радъ имѣть меня подъ своимъ начальствомъ. Я очень былъ недоволенъ этимъ отзывомъ и по совѣту Державина написалъ къ генералъ-провіантмейстеру, находившемуся тогда съ государемъ въ Гатчинѣ, что я готовъ вступить въ службу въ провіантскую экспедицію.

На другой день Вязмитиновъ получилъ милостивое письмо отъ государя; въ отставкѣ ему отказано, и объявлено желаніе его величества, чтобы онъ остался въ службѣ, а я переведенъ безъ переименованія въ военный чинъ военнымъ совѣтникомъ провіантской экспедиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ приказаніе пріѣхать въ Гатчину.

Явившись къ Обольянинову, я очень былъ обласканъ; онъ предлагалъ мнѣ мѣсто начальника Казанскаго депо, и поручилъ мнѣ покупку хлѣба и поставку оттуда въ Петербургъ. Это порученіе, доказывавшее большую его ко мнѣ довѣренность, было мнѣ пріятно; но, боясь опять жить въ провинціи и желая сдѣлаться извѣстнымъ государю и главнѣйшимъ сановникамъ, я отклонилъ это предложеніе и объяснилъ Обольянинову, что считаю себя неспособнымъ къ этому дѣлу, но желаю и могу быть полезнымъ въ службѣ, состоя при немъ, и онъ согласился дать предложеніе о допущеніи меня въ засѣданіе экспедиціи.

III. Служба въ Петербургѣ

въ провіантскомъ вѣдомствѣ.

1797 года Сентября 21 дня я вступилъ въ должность совершенно для меня новую. Не имѣя понятія объ обширныхъ занятіяхъ провіантскаго департамента, который имѣлъ дѣло со всѣми государственными чинами, губернскими начальниками и земскими полиціями, я обязанъ былъ знать всѣ подробности каждаго мѣста на всемъ пространствѣ государства. Я не зналъ къ кому обратиться и просить изъяснить мнѣ дѣло. Я въ первый разъ пріѣхалъ въ экспедицію рано по утру. Присутствующихъ еще никого не было; разговорился съ секретарями и узналъ, что по повелѣнію государя департаментъ раздѣленъ на семь депо или отдѣленій, но штатъ еще не былъ утвержденъ, и не опредѣлены еще были ни должность, ни степень подчиненія и отчетности каждаго. Въ экспедиціи не было не только что описанія каждаго мѣста, гдѣ расположены были войска и откуда доставляемъ былъ провіантъ, но даже и Россійскаго атласа.

Когда присутствующіе съѣхались, то они стали мнѣ говорить о неудовольствіяхъ своихъ на Обольянинова, потому что не печется онъ о ихъ счастіи, что спѣсиво обходится и бранныя присылаетъ предложенія. Просмотрѣвъ бумаги, я убѣдился, что дѣйствительно нѣкоторыя предложенія написаны такъ грубо, что непристойно хранить подобные документы въ архивѣ; ему отвѣчаютъ также; дѣла совсѣмъ недвижимы. Журналы за спорами не подписывались нѣсколько мѣсяцовъ. Протоколистъ увѣрялъ, что прежде мѣсяца не возможно и приготовить

журналъ къ подписи и когда я спросилъ, какъ же посылаются исходящія, мнѣ отвѣчали, что это дѣлается не ожидая скрѣпленія журнала. Секретари писали резолюціи, ссорили присутствующихъ, которые между собою бранились и болѣе ничего не дѣлали.

Когда занятія распредѣлены были между присутствующими, и ко мнѣ поступили С. Петербургское и Казанское депо, я приказалъ вносить всѣ входящія въ докладной регистръ и подавать его ко мнѣ для отмѣтки резолюцій. Товарищи мои увѣряли меня, что это не прилично моему званію, но я на основаніи закона продолжалъ это дѣлать. Зная, что журналы въ свое время не подписываются и не могутъ быть изготовлены, потому что кромѣ моего отдѣленія резолюціи, написанныя секретарями въ докладныхъ регистрахъ, не сдаются по нѣскольку дней протоколисту, я приказалъ по всѣмъ статьямъ, по которымъ надо было написать исходящую, составлять особую журнальную записку и подавать ее всѣмъ къ подписи. Присутствующіе не соглашались съ начала на это распоряженіе, говоря, что подписывать записку излишній трудъ, но какъ я не соглашался посылать исходящихъ до тѣхъ поръ, пока резолюція не будетъ подписана, то и рѣшились они исполнить мое требованіе, которое въ послѣдствіи имъ очень понравилось.

Чрезъ нѣсколько дней, познакомясь съ дѣломъ, я писалъ Обольянинову, что, желая быть полезнымъ въ должности, на которую опредѣленъ по его представленію и споспѣшествовать его славѣ и намѣреніямъ, стремящимся къ добру, я осмѣлился составить записку о настоящемъ положеніи провіантскаго департамента, и изложить мѣры, которыя нахожу возможными для приведенія дѣлъ въ порядокъ. Въ этой запискѣ я объяснилъ необходимость имѣть ясное понятіе о состояніи всего государства, составить вѣрную карту съ описаніемъ судоходныхъ рѣкъ и каналовъ, утвердить штатъ департамента и написать инструкціи съ изъясненіемъ обязанностей и правъ каждаго мѣста и лица. Обольяниновъ поручилъ мнѣ написать положеніе объ устройствѣ департамента, прислалъ карту соединенія Балтійскаго моря съ Каспійскимъ, взятую имъ изъ кабинета государя, позволилъ купить атласъ Россійской имперіи и приступить къ сочиненію предположенной мною карты о судоходныхъ рѣкахъ.

Приступивъ немедленно къ этому дѣлу, я составилъ инструкціи для экспедицій, коммиссій, провіантскихъ депо и коммиссіонеровъ какъ постоянныхъ, такъ и находящихся при отдѣльныхъ командирахъ войскъ, опредѣлилъ ихъ взаимныя права и обязанности, и изложилъ отчетность въ дѣлахъ и суммахъ. Въ письмѣ къ Обольянинову я изъяснилъ, что готовъ ѣхать всюду, чтобы узнать лучше всѣ подробности дѣла и сообразить требованія провіантскаго департамента съ мѣстными обстоятельствами каждаго края. Я получилъ самый ласковый отвѣтъ отъ Обольянинова; онъ благодарилъ меня за представленіе, но писалъ, что послать меня не можетъ, потому что я ему нуженъ въ экспедиціи. Все это видно изъ черновыхъ копій съ моихъ представленій, и изъ подлинныхъ писемъ Петра Хрисанѳовича.

Вскорѣ послѣ того государь возвратился въ Петербургъ. Мнѣ приказано было надѣть военный мундиръ, представиться на разводѣ и благодарить за принятіе въ военный штатъ. Послѣ того, по опредѣленію коллегіи, я пере-

именованъ былъ военнымъ совѣтникомъ.

Въ день пріѣзда государя въ Петербургъ послѣдовалъ указъ о составленіи военнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Александра Павловича. Всѣ начальники военныхъ департаментовъ и нѣсколько заслуженныхъ генераловъ назначены были членами комитета. Обязанность его была составить штаты, изыскать средства содержать армію какъ можно дешевле и расположить войска на непремѣнныя квартиры, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ и потребностямъ государства.

Обольяниновъ, который долженъ былъ въ этомъ случаѣ быть государственнымъ человѣкомъ и заслужить довѣренность государя, по какимъ-то придворнымъ проискамъ былъ въ немилости, и въ первый день засѣданія комитета, не явившись въ назначенный часъ, получилъ выговоръ, о которомъ отдано было въ приказѣ и напечатано въ газетахъ.

Всякой, бывшій при дворѣ самодержавнаго государя, знаетъ, сколько подобное событіе унижаетъ человѣка, занимающаго значительную должность, какія ведетъ за собою послѣдствія, а наипаче тогда, когда гнѣвъ постигнетъ человѣка, не давно еще изъ ничтожности возвышеннаго и возбудившаго зависть и негодованіе всѣхъ придворныхъ.

Комитетъ сталъ требовать отъ Обольянинова разныхъ свѣдѣній, дѣйствительно необходимыхъ для разсужденія о томъ, гдѣ лучше и удобнѣе содержать армію. Свѣдѣнія эти получить было не откуда, потому что экспедиція никогда ни къ чему не приготовлялась

Правитель канцеляріи Обольянинова, ожидая неминуемаго его паденія и своей погибели, сказался больнымъ и подалъ прошеніе въ отставку. Довѣренность къ нему Петра Хрисанѳовича и мысль, что онъ всё знаетъ, заставила его употреблять ласки и разныя предложенія, которыя могли удержать его въ службѣ; но ничто не подѣйствовало: съ перваго дня онъ отказался отъ дѣлъ и ни за что не принимался.

Ежедневно бывая у Обольянинова и докладывая ему дѣла какъ экспедиціи, такъ и вносимыя имъ въ комитетъ, я успѣлъ заслужить полную его довѣренность. Желая знать всѣ обстоятельства того времени, я, безъ затрудненія, этого достигнулъ, благодаря откровенности Петра Хрисанѳовича, бывшаго близкимъ у государя и знакомымъ со всѣмъ, что̀ окружаетъ дворъ. Я зналъ, что всё зависитъ отъ каприза, и слѣдовательно нѣтъ ничего вѣрнаго. Но сія самая ненадежность, подвергающая людей ежеминутной перемѣнѣ, даетъ возможность каждому войти на стезю знатности.....

Оцѣняя качества и способности своего начальника, я находилъ, что онъ имѣетъ сердце, склонное къ добру, много природнаго ума, слишкомъ много смѣлости, но не доставало въ немъ просвѣщенія и знанія, даже до того, что, практически зная употребленіе многихъ вещей, не могъ припомнить имена ихъ, и перековеркивалъ многія непонятнымъ образомъ. Въ отношеніи къ дѣлу, порученному ему, онъ зналъ и судилъ о немъ, какъ коммиссіонеръ, а не какъ начальникъ, и совершенно не видѣлъ пути, по которому долженъ идти человѣкъ государственный.

Я заболѣлъ и принужденъ былъ принимать такія лекарства, которыя не позволяли мнѣ выѣзжать въ зимнее время. Обольяниновъ изрѣдка пріѣзжалъ ко мнѣ и совѣтовался о дѣлахъ, которыми я продолжалъ заниматься;

онъ мнѣ разсказывалъ обо всемъ, что̀ происходило въ засѣданіяхъ комитета. Я старался внушить ему, какъ надо ему дѣйствовать, чтобы возвысить важность его должности и поставить себя на степень государственнаго человѣка; но видѣлъ, что онъ не имѣлъ успѣха, соотвѣтствующаго обстоятельствамъ того времени. При томъ опасаясь, чтобы онъ не подумалъ, что я желаю быть его наставникомъ, я рѣшился письменно изъяснить ему то, что̀ трудно было сказать на словахъ, предъупредивъ о намѣреніи моемъ составить записку о положеніи дѣлъ провіантскаго департамента, которая бы могла служить для объясненій по всѣмъ требованіямъ комитета. Онъ на это согласился и благодарилъ меня.

Чрезъ нѣсколько дней я препроводилъ къ нему эту записку. Въ видѣ предисловія, я изложилъ, что Россія, изобилующая хлѣбомъ и металлами по судоходнымъ рѣкамъ, текущимъ изъ центра государства къ границамъ, имѣетъ способы доставлять въ каждое мѣсто свои богатства; описалъ теченіе всѣхъ судоходныхъ рѣкъ и связь ихъ между собою; изчислилъ время, необходимое для перевозки тяжестей; изложилъ раздѣленіе департамента на семь депо или отдѣленій, сколько каждое изъ нихъ продовольствуетъ войскъ и въ какомъ числѣ людей или лошадей, откуда и куда доставляется хлѣбъ и какія правила слѣдуетъ издать для провіантскихъ коммиссій, депо и коммиссіонеровъ; наконецъ въ подробности изложилъ обязанность генералъ-провіантмейстера, указавъ на что именно надо обратить вниманіе, какую пользу онъ можетъ оказать всѣмъ частямъ государственнаго хозяйства и какія долженъ имѣть права.

Я заслужилъ совершенную довѣренность и дружбу своего начальника, который повѣрялъ мнѣ всѣ связи и обстоятельства государственныхъ дѣлъ. Я почти съ нимъ былъ неразлученъ, и прослылъ у всѣхъ знатныхъ лицъ за дѣловаго человѣка. Обольяниновъ, имѣя много здраваго ума и догадливости, говоря о дѣлахъ, изъяснялъ часто мнѣніе, которое не ожидали отъ него слышать; все это приписывали мнѣ что̀ придало мнѣ славы болѣе, чѣмъ я заслуживалъ. Все дѣльное, имъ самимъ придуманное, относили ко мнѣ, всѣ же мои ошибки приписывали ему. Замѣтивъ это, я употреблялъ всѣ способы для уничтоженія подобнаго мнѣнія публики; перестаръ при постороннихъ людяхъ говорить съ нимъ о дѣлахъ, сталъ играть въ карты, часто говорилъ о дѣлахъ экспедиціи не такъ, какъ думалъ, и выслушивалъ при другихъ наставленія его, которыя внушены ему были мною словесно и письменно; словомъ, употреблялъ все, чтобы возвысить въ мнѣніи другихъ своего начальника, вліяніемъ котораго хотѣлъ самъ возвыситься. Но ничто не дѣйствовало: всѣ понимали мое поведеніе и не давали вѣры моимъ словамъ.

Согласно предположенію моему, по которому провіантской департаментъ ежегодно обязанъ былъ давать отчетъ въ издержанныхъ суммахъ, съ показаніемъ на какіе именно предметы что употреблено и что̀ осталось къ будущему году, Обольяниновъ приказалъ мнѣ составить формы, которыя и разосланы были во всѣ провіантскія коммиссіи и депо. Большое было затрудненіе привесть это все въ порядокъ; департаментъ, со времени существованія его, не дававшій отчета, составленный изъ людей не привыкнувшихъ къ тому, едва могъ это исполнить, и то съ большими неисправностями. Составляя изъ отчетовъ коммиссій, депо

и коммиссіонеровъ генеральный отчетъ, я боялся впасть въ ошибку, долженъ былъ рыться въ старыхъ бумагахъ и по многимъ статьямъ ожидать объясненія; словомъ, на силу окончилъ эго дѣло въ Августѣ 1798 года.

Обольяниновъ, находившійся тогда при дворѣ въ Гатчинѣ, представилъ государю краткую выписку отчета. Въ ней выведено было, что изъ ассигнованной въ 1797 году суммы сбережено до 1,700,000 рублей. Государь благодарилъ Обольянинова расхвалилъ его въ приказѣ, пожаловалъ ему брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго, а мнѣ и тремъ другимъ данъ былъ орденъ св. Анны 2-й степени, многіе же провіантскіе чиновники произведены въ слѣдующіе чины.

Сіе событіе, возродя зависть первенствующихъ властей, отъ которыхъ государь сталъ требовать отчета, вооружило всѣхъ: на содержаніе провіантскаго департамента въ 1799 году ассигновано было двумя милліонами менѣе противъ сдѣланнаго изчисленія и употреблено было все, что только можно чтобы привести дѣла въ замѣшательство. Безпрерывное передвиженіе войскъ увеличивало издержки, а несвоевременный отпускъ суммъ изъ казенныхъ палатъ подрывалъ кредитъ департамента.

По возвращеніи государя изъ Гатчины, Обольяниновъ былъ не въ милости; стали объ немъ распространять дурные слухи, явились доносы, начались слѣдствія, и по одному дѣлу департаментъ былъ обвиненъ совершенно несправедливо, и наложено было взысканіе на экспедицію.

Въ это время, совершенно неожиданно, я коротко познакомился съ генералъ-прокуроромъ княземъ Л., бывшимъ при дворѣ въ большой милости. Это казалось мнѣ тогда лестнымъ и могло быть полезно, но какъ случай къ этому знакомству основанъ былъ на порокѣ, то и радъ я былъ, между нами будь сказано, прекратить его.

Жена Вязмитинова гораздо моложе и глупѣе его, и не воспитанная въ хорошихъ правилахъ, созналась мнѣ, что ей нравится одинъ полубояринъ, глупый, какъ и она, но жившій роскошно и дававшій праздники. Сначала изъ шутки слушалъ я эти объясненія и училъ ее, какимъ образомъ пользоваться пріятностями жизни, не возмущая домашняго покоя; но вскорѣ, не знаю какъ, я сдѣлался повѣреннымъ въ ея любовныхъ интригахъ, которыя могли дурно кончиться. Мужъ сталъ ревновать ее, она не успѣла быть осторожною. Сильную и явную страсть ея къ любовнику замѣтили въ обществѣ, и видя ихъ общее ко мнѣ довѣріе, стали говорить, что я устроиваю имъ свиданія. Любовникъ употреблялъ всѣ средства, чтобы чаще съ нею видѣться, давалъ концерты и приглашалъ лучшихъ артистовъ, чтобы угодить мужу, охотнику до музыки. Удачный составъ этихъ концертовъ и множество хорошенькихъ женщинъ, къ нему ѣздившихъ, привлекли все лучшее общество и въ томъ числѣ и генералъ-прокурора. Онъ плѣнился красотою Вязмитиновой, и люди, готовые угодить сильному боярину, стали для свиданія его съ нею давать праздники и сдѣлались его друзьями. На эти праздники по желанію Л-а и согласно обычаю, принятому при дворѣ, приглашали только немногихъ; я попалъ въ число избранныхъ.

Почти ежедневно бывая съ нимъ въ обществѣ, я къ несчастію могъ видѣть, какъ человѣкъ, обязанный заниматься государственными дѣлами, отъ котораго и по званію и по особенной къ нему довѣренности государя зависитъ благополучіе и несчастіе многихъ, уби-

ваетъ время въ платонической любви къ молодой женщинѣ, не имѣющей и понятія о его обязанностяхъ. Ребяческія ея требованія онъ исполнялъ безпрекословно, часто не занимался дѣлами, или оканчивалъ ихъ кое-какъ, спѣша по приказанію ея пріѣхать къ ней, или куда было назначено, чтобы взглянуть на начатую ею картину или новый узоръ, и просиживалъ иногда до двухъ часовъ по полуночи.

Положеніе мое было несносное. Надобно было имѣть большую осторожность, и не знаю, что̀ удерживало меня оставить этотъ домъ. Обольяниновъ, бывшій тогда въ большомъ гоненіи (дѣла его поручены были разсмотрѣнію генералъ-прокурора) сталъ уважать меня еще болѣе, хотя выговаривалъ мнѣ, что отъ вечеровъ и ужиновъ разстроиваю свое здоровье; но я могъ замѣтить, что скучное общество, въ которомъ я находился, придавало мнѣ въ его глазахъ цѣну, и не смотря на то, что со всею откровенностію я разсказывалъ ему и многимъ другимъ, что генералъ-прокуроръ никогда не говоритъ о дѣлахъ, и какъ кажется, объ нихъ и не думаетъ,—никто не хотѣлъ вѣрить моимъ словамъ.

Чрезъ нѣсколько времени открылась вакансія губернатора въ Петербургѣ, который получалъ 5000 руб. жалованья и домъ казенный для житья. Герой, въ прежнюю командиршу мою влюбленный, объявляетъ мнѣ, что хочетъ опредѣлить меня на это мѣсто и требуетъ рѣшительнаго отвѣта. Подумавъ нѣсколько и сообразивъ обстоятельства того времени, я видѣлъ, что предлагаемое мѣсто дѣйствительно самое для меня лестное, и могло мнѣ открыть путь возвыситься по службѣ, но какъ оно должно возбудить общую зависть, какъ я могъ чрезъ то показаться въ обществѣ негодяемъ, получающимъ чины чрезъ любовную связь генералъ-прокурора, то и рѣшился я отказаться отъ предложенія. Я отвѣчалъ, что не хочу перемѣнять мѣста безъ согласія своего начальника, чтобы онъ не подумалъ, что я его оставляю въ непріятное для него время. Требованіе мое на другой же день было исполнено. Обольяниновъ объявляетъ мнѣ, что меня хотятъ назначить Петербургскимъ губернаторомъ, говоря, что это для меня выгодно, и онъ готовъ тому содѣйствовать. Я откровенно изъяснилъ ему, что если бы генералъ-прокуроръ, зная меня по службѣ и находя способнымъ, опредѣлилъ въ высшую должность, я бы былъ доволенъ; но какъ онъ хочетъ возвысить меня за то, что я бываю въ его обществѣ, то мнѣ кажется неприличнымъ воспользоваться этою милостію, тѣмъ болѣе, что оставилъ бы своего начальника во время для него непріятное, и когда я ему нуженъ по дѣламъ. Обольяниновъ былъ очень доволенъ моимъ объясненіемъ, обнималъ, цаловалъ меня, и съ того времени сталъ оказывать мнѣ свою дружбу.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣла его при дворѣ поправились; гоненія нѣсколько утихли, но въ слѣдствіе прежнихъ козней не отпущены были провіантскому департаменту большія суммы на содержаніе его необходимыя, а отъ безпрерывнаго передвиженія войскъ расходы превосходили смѣту. Надо было опасаться недостатка въ запасахъ, и, пропустивъ время заготовленія хлѣба, причинить вредъ, который могъ имѣть важныя послѣдствія для государственныхъ дѣлъ, и потому я рѣшился вновь пустить въ ходъ составленную мною записку о положеніи департамента. Оставивъ тоже введеніе, я изложилъ порядокъ, принятый для производства дѣлъ съ изданія высочайше утвержденнаго штата, обстоятельства каждой коммиссіи

и депо, и исчислилъ, какія суммы по мѣстности края необходимы для безостановочнаго дѣйствія каждаго мѣста, подвѣдомственнаго департаменту. При этомъ изчисленіи я показалъ о количествѣ неотпущенныхъ по ассигновкѣ суммъ и о дурныхъ послѣдствіяхъ, если хлѣбъ не будетъ во время купленъ и лѣтомъ доставленъ на мѣсто. Я пустилъ по рукамъ эту записку, и она дошла до свѣдѣнія государя. Между тѣмъ Обольяниновъ успѣлъ лично все объяснить. Вслѣдствіе того перемѣнились дѣла департамента; деньги были отпущены, и даже болѣе чѣмъ слѣдовало, и начальникъ мой сталъ сильнѣе прежняго. Государь, увидя его невинность и зная о несправедливомъ на него гоненіи, въ знакъ своего благоволенія, пожаловалъ ему богатую табакерку съ портретомъ. Я былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, и мнѣ было приказано пріѣхать въ Гатчину благодарить государя на разводѣ.

На представленіи я имѣлъ счастіе слышать лестные отзывы государя, и между прочимъ изволилъ онъ сказать, что онъ радъ со мною лично познакомиться и повторилъ это за обѣдомъ Обольянинову. Мы опять были въ милости и славѣ, но завистниковъ нажили много.

По возвращеніи его величества изъ Гатчины, Обольяниновъ, подъ большимъ секретомъ, сказалъ мнѣ о намѣреніи государя опредѣлить его генералъ-прокуроромъ. Мнѣ очень пріятно это было узнать, потому что, желая идти впередъ по службѣ, я могъ надѣяться на повышеніе, когда начальникъ мой будетъ такъ высоко поставленъ. Я сталъ заниматься разными прожектами устройства государственныхъ дѣлъ и передавалъ ихъ Обольянинову, который, измѣнивъ нѣсколько слогъ и выдавая за свое сочиненіе, отдавалъ ихъ Кутайсову для доклада государю.

Много времени прошло въ неизвѣстности; перемѣнчивый нравъ государя заставлялъ насъ задумываться. Кутайсовъ между тѣмъ усиливался и очень расположенъ былъ къ моему начальнику. Обольяниновъ, узнавая отъ него о намѣреніяхъ государя, говорилъ о томъ со мною, и мы придумывали, въ случаѣ назначенія его, что̀ можетъ быть сдѣлано, что̀ не возможно, и какъ дѣйствовать согласно волѣ государя, и какъ отклонять мысли его отъ предпріятій безполезныхъ, не оскорбляя самолюбіе властителя. Въ это время я убѣдился, что Обольяниновъ честенъ, смѣлъ, уменъ и готовъ быть полезнымъ, не смотря на то, что можетъ тѣмъ причинить себѣ вредъ.

Осенью, когда государь былъ въ Гатчинѣ и мой начальникъ при немъ находился, стали говорить въ городѣ, что онъ подалъ прожектъ объ устройствѣ народныхъ магазиновъ. Съ этимъ прожектомъ государь повелъ Обольянинова въ первый департаментъ сената, вызванный въ то время для засѣданій въ Гатчину и пожаловалъ его сенаторомъ. Всѣ находили прожектъ не удобнымъ и отяготительнымъ для народа, и вездѣ бранили моего начальника. Государственный казначей ([28]), не любившій Обольянинова, сказалъ въ обществѣ, что я сочиняю законы. Многіе, раздѣляя это мнѣніе, стали мнѣ говорить, что я отягощаю народъ, и безъ того уже бѣдный. Не имѣя никакого понятія о прожектѣ, я сколько ни увѣрялъ, что не имѣю ни малѣйшаго участія въ этомъ дѣлѣ, никто мнѣ не хотѣлъ вѣрить. Поздравляя Обольянинова съ званіемъ сенатора, я написалъ

([28]) (Графъ) А. И. Васильевъ. *П. Б.*

ему, что прожектъ его производитъ неудовольствіе въ публикѣ, и просилъ датъ мнѣ знать о содержаніи онаго. Обольяниновъ на другой же день доставилъ мнѣ копію съ прожекта, описывалъ случившіяся съ нимъ произшествія, увѣдомлялъ, что прожектъ написанъ имъ по волѣ государя, и требовалъ, чтобы я изложилъ свое мнѣніе. Прочитавъ со вниманіемъ прожектъ, я нашелъ, что дѣйствительно многое въ немъ было не удобно къ исполненію и отяготительно для народа безъ всякой надобности и пользы. Я послалъ къ нему записку, въ которой объяснилъ тѣ статьи прожекта, которыя необходимо было перемѣнить и изложилъ свое мнѣніе, какимъ образомъ можно было это устроить. Моя критика не понравилась. При свиданіи нашемъ въ Гатчинѣ, онъ сказалъ женѣ своей, что я хорошій фруктъ, но не поспѣлъ; объясняться болѣе не хотѣлъ; а я, слѣдуя правиламъ благопристойности, не начиналъ о томъ и разговора. Хотя онъ продолжалъ быть со мною откровеннымъ, поручилъ мнѣ написать прожектъ о устройствѣ коммерческой части, но я могъ замѣтить, что по мѣрѣ увеличенія его власти онъ отъ меня удалялся.

Вскорѣ получены были въ экспедиціи отчеты за 1798 годъ. Я составилъ изъ нихъ генеральный отчетъ и отправилъ къ Обольянинову, который приказалъ мнѣ пріѣхать въ Гатчину. Онъ хвалилъ меня за помѣщеніе всего отчета на одномъ листѣ, и очень былъ доволенъ, что изъ ассигнованной суммы уменьшено издержекъ слишкомъ на 1,200,000. Онъ совѣтывался со мною на счетъ наградъ, и мы составили списокъ о представляемыхъ къ орденамъ и чинамъ. Обо мнѣ не было рѣчи, и я молчалъ, полагая, что долженъ быть представленъ съ прочими, заслужившими награжденіе за усердіе къ службѣ. Кончилось тѣмъ, что отчетъ поданъ государю, который былъ имъ доволенъ, пожаловалъ моему начальнику Малтійскій крестъ, осыпанный богато бриліантами и домъ въ городѣ. Всѣ представленные получили награды, а я остался ни при чемъ. Признаюсь, досадно мнѣ было но я это скрывалъ, отъ гордости, боясь показаться обиженнымъ.

По возвращеніи Обольянинова въ Петербургъ, желая скрыть отъ него и отъ всѣхъ другихъ свое неудовольствіе, я продолжалъ быть въ домѣ его, и онъ по прежнему былъ со мною ласковъ и откровененъ. Но какъ онъ на вѣрное ожидалъ назначенія въ генералъ-прокуроры, то стараясь привыкать къ новымъ дѣламъ, сталъ ежедневно ѣздить въ сенатъ, а провіантскую экспедицію оставилъ моему попеченію, подписывалъ всѣ наши журналы и опредѣленія, но почти совсѣмъ ими незанимался. Наконецъ онъ былъ опредѣленъ генералъ-прокуроромъ съ оставленіемъ въ должности генералъ-провіантмейстера. Съ тѣхъ поръ имѣя много занятій, онъ пересталъ заниматься провіантскими дѣлами, и я управлялъ одинъ департаментомъ.

Съ каждымъ днемъ становясь сильнѣе, онъ вскорѣ уподобился великому визирю. Всѣ лично имѣвшіе докладъ у государя получили приказаніе присылать свои представленія чрезъ генералъ-прокурора и были принуждены объясняться по всѣмъ дѣламъ съ Обольяниновымъ, соображаться съ его мнѣніемъ или лучше сказать съ его приказаніемъ, которое казалось всѣмъ волею царя. Множество дѣлъ, быстрота, которую государь требовалъ въ ихъ исполненіи, непривычка заниматься важными дѣлами, а болѣе все

го дурное воспитаніе и грубость его обхожденія вооружили противъ него всѣхъ имѣвшихъ дѣло съ нимъ.

Вскорѣ послѣ назначенія его генералъ-прокуроромъ, по рѣшенію сената, отобраны были земли у многихъ помѣщиковъ въ Саратовской и другихъ губерніяхъ, которыя поступили въ казну. Обольяниновъ, желая поощрить своихъ подчиненныхъ, исходатайствовалъ многимъ сенатскимъ и нѣкоторымъ провіантскимъ чиновникамъ пожалованіе отъ тысячи до пяти тысячъ десятинъ Это было во время лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда государь не жилъ въ Петербургѣ. Генералъ-прокуроръ былъ при немъ, но, по заведенному порядку, пріѣзжалъ еженедѣльно на два дни въ городъ для присутствованія въ общемъ собраніи сената, и для окончанія дѣлъ, требовавшихъ личнаго его присутствія. Онъ привезъ съ собою указы о пожалованіи землями, о чемъ въ городѣ были уже слухи и нашелъ въ своемъ домѣ множество съѣхавшихся благодарить, и тѣхъ, которые по дѣламъ должны его видѣть. Онъ думалъ, какъ говорили мнѣ его домашніе, найти меня въ досадѣ, и ожидалъ моихъ упрековъ, а я нисколько не показалъ неудовольствія и при короткихъ его знакомыхъ, въ разговорѣ объ этомъ попожалованіи хвалилъ его справедливость. И когда Обольянинова, въ присутствіи его мнѣ сказала, что милость государя еще не кончилась, и я съ другими генералами провіантскаго штата будемъ также награждены. я отвѣчалъ, что, не оказавъ никакого отличія, не за что и ожидать мнѣ милости, и стыдно было бы принять ее.

Вскорѣ послѣ того Обольяниновъ, пріѣхавъ въ городъ, при многихъ сталъ мнѣ выговаривать, что дѣла провіантской экспедиціи идутъ медленно, и что онъ при первомъ случаѣ поступитъ начальнически, не смотря на пріязнь ко мнѣ, и присовокупилъ: „дружба дружбою, а служба службою“. Я возразилъ, что дѣла идутъ какъ было прежде и далъ ему почувствовать, что когда онъ присутствовалъ, все я же дѣлалъ. Разговоръ на томъ остановился, но когда многіе вышли изъ комнаты, я спросилъ о причинѣ подобнаго выговора. Много онъ мнѣ называлъ дѣлъ, которыя не возможно было рѣшить за неполученіемъ справокъ, и когда я это ему объяснилъ, онъ, не смотря на то, говорилъ, что я слабъ съ подчиненными, не умѣю заставить себѣ повиноваться, и не въ состояніи никогда быть начальникомъ. Я отвѣчалъ ему рѣзко и въ заключеніе сказалъ, что онъ, кажется возвысился такъ высоко, что не имѣетъ надобности созидать свою репутацію на развалинахъ моей. Съ этого времени я убѣдился, что не годится мнѣ быть близкимъ въ его домѣ, и я сталъ удаляться; но дружеская ласка добродушной его жены заставляла меня быть у него чаще, чѣмъ я хотѣлъ.

Это стеченіе обстоятельствъ поставляло меня въ большое затрудненіе. Мнѣ казалось, что хорошее мнѣніе, которое я заслужилъ, унижало моего начальника, породило въ немъ зависть и желаніе выказать, что я ему не такъ необходимъ, какъ полагали другіе. Я примѣчалъ, что по мѣрѣ умноженія его власти, увеличивается въ немъ самолюбіе и гордость; и, боясь быть жертвою человѣка, изъ добраго и честнаго преобразившагося въ обыкновеннаго боярина, я не зналъ, что дѣлать. Это убѣжденіе основано было и на томъ, что при самомъ вступленіи его въ должность генералъ-прокурора, онъ самъ мнѣ разсказывалъ, что государь хотѣлъ назначить меня генералъ-аудиторомъ; но Обольяниновъ на это не

согласился, и объявилъ, что если меня уволятъ изъ провіантскаго департамента, то онъ не можетъ имъ болѣе управлять, слѣдовательно, въ глазахъ государя я былъ ему необходимъ. Въ послѣдствіи неосмотрительные его доклады по дѣламъ сената и постоянное благоволеніе за порядокъ въ провіантскомъ департаментѣ вѣроятно унижали его и заставляли говорить, что я былъ хорошъ только тогда, когда онъ мною руководилъ.

Я занемогъ въ это время рожью на лицѣ. Обольяниновъ, пріѣхавъ изъ Гатчины, чрезвычайно занятый дѣлами, навѣстилъ меня однако съ женою своею и многими значительными людьми, искавшими его милости. Двѣ комнаты, которыя я занималъ, были наполнены разноцвѣтными лентами.

Въ это время получены были отчеты за 1799-й годъ. Больной и развлекаемый гостями, я исполнялъ однако свое дѣло. Изъ составленнаго мною генеральнаго отчета, который я послалъ къ Обольянинову, оказалась передержка 1,700,000-хъ противъ ассигновки суммъ, и капиталъ на столько же уменьшился. Но изъ объясненія о причинахъ передержки видно было, что если бы войска, находившіяся въ походѣ, были на непремѣнныхъ квартирахъ, и провіантской департаментъ не принужденъ былъ производить расходы не исчисленные въ смѣтѣ, то не вышелъ бы изъ ассигнованной суммы, не смотря на то, что повсемѣстно возвысились цѣны на хлѣбъ и сѣно.

Хотя и старался я оправдать передержку суммъ, но какъ капиталъ департамента былъ тронутъ, то и не ожидалъ ничего хорошаго, тѣмъ болѣе, что начальникъ ко мнѣ былъ не расположенъ; но совершенно неожиданно получилъ въ награду пять тысячь десятинъ земли и пожалованъ почетнымъ командоромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Мой начальникъ написалъ мнѣ поздравленіе въ пышныхъ выраженіяхъ, и пріѣхавъ въ городъ, при свиданіи, сказалъ, что очень мною доволенъ. Жена его разсказала знакомымъ моимъ и мнѣ подтвердила, что государь, разсматривая отчетъ, изволилъ отозваться, что по обстоятельствамъ прошедшаго года онъ не надѣялся, что такъ мало будетъ передержано противъ ассигновки, благодарилъ Обольянинова и приказалъ представить къ наградѣ тѣхъ, кого онъ считаетъ достойными, прибавя, чтобы не забылъ меня. Въ слѣдствіи этого я и пять генераловъ провіантской экспедиціи были представлены, и государь назначилъ намъ ордена, но начальникъ нашъ доложилъ, что мы всѣ не богаты, и что мнѣ не на что купить карету, на что государь сказалъ: „что же имъ дать?“ и обѣщалъ исполнить по назначенію Обольянинова. Тогда онъ выпросилъ намъ въ Саратовѣ земли, и приказано было написать указъ о пожалованіи намъ по пяти тысячь десятинъ.

Обольянинову извѣстны были всѣ подробности моихъ домашнихъ обстоятельствъ. Онъ зналъ, что я былъ долженъ около 15,000 руб., которые, если не превосходили, то ужъ вѣрно были равны цѣнѣ принадлежащаго мнѣ имѣнія. Я никогда не жилъ въ роскоши и терпя всегда нужду, сдѣлалъ этотъ долгъ на службѣ, потому что однимъ жалованьемъ жить было не возможно, незаконныхъ же доходовъ никогда не имѣлъ, не имѣю и не буду имѣть. Прежде, когда казался я ему нуженъ, онъ дѣлалъ мнѣ разныя предложенія для поправленія моихъ обстоятельствъ, но я всегда отказывался. Однажды, принимая во мнѣ большое участіе и узнавъ, что я сильно безпокоюсь о своихъ долгахъ, которые могли нарушить

покой матушки, онъ далъ мнѣ свидѣтельство на свое имѣніе и предлагалъ заложить его въ банкѣ и расплатиться съ кредиторами. Я не принялъ этого предложенія, и потому теперь, когда онъ сталъ первымъ наперсникомъ государя, чрезвычайно щедраго и выпрашивалъ всѣмъ царскія милости, я могъ надѣяться, что онъ выведетъ меня изъ отяготительнаго моего положенія. Однажды въ разговорѣ я сказалъ ему, что почелъ бы себя счастливымъ, если бы могъ продажею пожалованной мнѣ земли расплатиться съ моими заимодавцами, и освободить отъ залога имѣніе, въ которомъ живетъ матушка. Онъ холодно отвѣчалъ: „вѣрно выручишь денегъ болѣе, чѣмъ долженъ". И конечно я бы выручилъ болѣе, если бы получилъ землю, какую онъ могъ мнѣ назначить по указу государя; но вмѣсто того онъ приказалъ всѣ земли, вновь дошедшія казнѣ въ Саратовѣ, раздѣлить на участки и прислать описаніе ихъ въ сенатъ съ тѣмъ, чтобы жребій рѣшилъ, кому достанется какой участокъ. Онъ этимъ распоряженіемъ поставилъ меня на ряду со всѣми чиновниками, которые себя не забывали, и не имѣя наслѣдственнаго имѣнія, жили въ роскоши, и которыхъ поведеніе прежде онъ часто охуждалъ въ разговорахъ со мною. Такъ-то перемѣняются люди по мѣрѣ перемѣны съ ними обстоятельствъ. Я однакоже не обвинялъ своего начальника за то, что онъ не старался устроить мое состояніе. Мнѣ казалось, что онъ имѣетъ большіе на меня виды. Я слышалъ отъ многихъ, что онъ желаетъ опредѣлить меня секретаремъ государя на мѣсто Н..... ([25]) котораго должность была самая важная изъ секретарскихъ мѣстъ, и что онъ намѣренъ устроить такимъ образомъ это дѣло, чтобы ни просить ни рекомендовать меня, а заставить взять меня въ секретари какъ бы противъ моего желанія, уговоривъ меня принять это назначеніе, и угодить тѣмъ государю. Онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ, что мнѣ надо перемѣнить мѣсто своей службы; я всегда отвѣчалъ, что я готовъ на все, лишь бы не служить безъ пользы и прилично моему званію.

Время это было самое ужасное. Государь былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной; знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревни. Государь занялся дѣлами церковными, преслѣдовалъ раскольниковъ, разбиралъ основаніе ихъ секты, многихъ брали въ тайную канцелярію, брили имъ бороды, били и отправляли на поселеніе. Словомъ, ежедневный ужасъ. Начальникъ мой сталъ инквизиторомъ, все шло чрезъ него. Сердце болѣло, слушая шопоты, и радъ бы не знать того что разказываютъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1801 года государь скоропостижно скончался. Событіе это и безъ меня извѣстно. Я разскажу только что случилось со мною. Поутру, до разсвѣта, я слышу, сильно звонятъ у моихъ дверей. Пріѣхалъ мой знакомый и входя въ спальню, сказалъ мнѣ, чтобы я скорѣе одѣвался, и объявилъ, что государь скончался. Только что я сталъ одѣваться, приходитъ провіантской унтеръ-офицеръ съ рапортомъ, и боязливо отзывая меня въ сторону говоритъ, что войска собираются и съ чѣмъ-то другъ друга поздравляютъ. Потомъ вскорѣ пріѣхалъ экзекуторъ и объявилъ приказаніе вице-президента тотчасъ явиться въ военную коллегію.

([25]) Неледнискаго? *П. Б.*

Одѣвшись какъ можно скорѣе, я поѣхалъ къ Обольянинову. Но кругомъ его дома я нашелъ множество солдатъ съ ружьями, и офицеръ запретилъ мнѣ войти. Я отправился въ коллегію, и нашелъ множество военныхъ, ожидавшихъ пріѣзда вице-президента. Наканунѣ я видѣлся со многими у генералъ-прокурора, и они, полагая, что я его пріятель, учтивы были со мною до невозможности; но тутъ не смотрятъ на меня и стараются быть отъ меня подальше. Зная чистоту своего поведенія, я нисколько не смутился, и видя въ нихъ эту крутую перемѣну въ обращеніи, вмѣсто оскорбленія или досады, смѣшны и жалки мнѣ были эти люди, во всякомъ случаѣ одинаково подлые. Хотя изъ любопытства я и желалъ вступить въ разговоръ съ кѣмъ нибудь изъ нихъ; но зная, что они мнѣ ничего не скажутъ, а подумаютъ, что я на нихъ похожъ, я удержался. Наконецъ приходитъ военный совѣтникъ Б*** ([30]), бывшій правителемъ канцеляріи Обольянинова, и говоритъ мнѣ шопотомъ, что въ часъ пополуночи арестовали генералъ-прокурора, войска разставлены были въ домѣ и кругомъ его, чтобы никого не впускать, а Обольянинова повели пѣшкомъ въ ордонансъ-гаузъ, откуда онъ уже отпущенъ и теперь находится въ своемъ домѣ подъ карауломъ.

Вице-президентъ ([31]), войдя въ присутствіе военной коллегіи, прочелъ манифестъ о кончинѣ государя Павла Петровича и о вступленіи на престолъ Александра Павловича, и по приводѣ насъ къ присягѣ, приказалъ всѣмъ начальникамъ департаментовъ идти въ свои экспедиціи и привесть къ присягѣ всѣхъ подчиненныхъ имъ. Подозвавъ присутствовавшаго въ провіантской экспедиціи генералъ-лейтенанта Ханыкова, вице-президентъ поручилъ ему принять въ управленіе провіантской департаментъ.

Я попросилъ позволенія новаго моего начальника и поѣхалъ къ Обольянинову. Не доѣзжая до дома, увидѣлъ я кругомъ его войска, и потому, выйдя изъ саней, пошелъ пѣшкомъ. Чрезъ дворъ и по маленькой лѣстницѣ я вошелъ въ домъ, и засталъ въ столовой офицера, который къ счастію зналъ меня. Онъ спросилъ меня, зачѣмъ я пришелъ, и позволилъ мнѣ идти къ вчерашнему моему начальнику. Я нашелъ его въ постелѣ, съ совершенно-спокойнымъ лицемъ. Жена, сестра и другія женщины, живущія въ домѣ, сидѣли возлѣ. Онъ очень мнѣ обрадовался и разсказалъ о произшествіяхъ, съ нимъ случившихся. Въ часъ пополуночи, когда онъ еще не заснулъ, пришелъ къ нему плацъ-маіоръ съ командою, объявилъ, что онъ арестованъ, но не сказалъ, по чьему повелѣнію, позволилъ ему одѣваться въ столовой, окруживъ его солдатами съ ружьями и съ примкнутыми штыками.

Зная перемѣнчивый нравъ покойнаго государя, Обольяниновъ думалъ, что это все происходитъ по его повелѣнію, несмотря на то, что только вечеромъ въ девять часовъ отъ него уѣхалъ, и государь былъ очень къ нему милостивъ. Думая о томъ, чѣмъ онъ могъ провиниться и вспоминая все то, что онъ говорилъ и дѣлалъ, онъ не понималъ причины такой сильной строгости.

Когда онъ одѣлся и плацъ-маіоръ приказалъ ему идти за нимъ, Обольяниновъ отдалъ ему свою шпагу, объявивъ, что, занимаясь государ-

---

([30]) Василій Кириловичъ Безродный. *П. Б.*

([31]) Генералъ отъ инфантеріи Ламбъ. *П. Б.*

ственными дѣлами, у него есть бумаги, заключающія въ себѣ тайну, заперъ при немъ свой кабинетъ и ключи взялъ съ собою. Его привели въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ онъ легъ на канапе, и уснулъ. Я считалъ это важнымъ доказательствомъ чистоты его сердца, а многіе за то его осуждали, говоря, какъ можно уснуть спокойно подъ арестомъ, когда въ ту же ночь онъ засыпалъ, воображая себя полномочнымъ довѣреннымъ царя. Когда разсвѣло, ему объявили о кончинѣ государя, и дозволили возвратиться домой, гдѣ оставленъ былъ одинъ офицеръ для надзора.

Послѣ обѣда я поѣхалъ домой узнать, нѣтъ ли какого приказанія по дѣламъ, которыми я завѣдывалъ. Я возвратился къ Обольянинову, часа черезъ два, нахожу его блѣднымъ, пожелтѣвшимъ, а жену его въ другой комнатѣ, въ пресильной истерикѣ. Онъ спросилъ меня, можетъ ли надѣяться, что я не откажу сдѣлать ему большое одолженіе? И когда я отвѣчалъ, что готовъ на все, онъ просилъ меня съѣздить во дворецъ, отыскать тамъ одного изъ Зубовыхъ, и просить ихъ ходатайства, чтобы посадили его въ тюрьму, если онъ виноватъ или это необходимо, но избавили бы домъ отъ караула, потому что жена его, лишь увидитъ офицера къ нему приставленнаго, падаетъ въ обморокъ и съ нею дѣлаются сильные истерическіе припадки. Недавно еще Зубовы были въ гоненіи, жили подъ присмотромъ въ своихъ деревняхъ, имъ было запрещено видѣться другъ съ другомъ и пожалованныя имъ императрицею имѣнія были конфискованы; имъ оставили только родовыя, обремененныя долгами. Обольяниновъ изъ тщеславія и желая показать свою силу и обязать людей бывшихъ въ большой силѣ, успѣлъ отсовѣтывать государю пожаловать эти имѣнія герцогу Александру Виртембергскому, отдалъ ихъ въ управленіе человѣку извѣстному, привелъ эти разстроенныя имѣнія въ порядокъ, приказалъ окончить дѣла по спорамъ о земляхъ, которыя могли стоить Зубовымъ большихъ хлопотъ и издержекъ, исходатайствовалъ имъ прощеніе, и возвративъ имѣнія, сдѣлалъ ихъ богаче прежняго. Но они забыли цѣну благотворенія, основаннаго единственно на одномъ тщеславіи.

Пріѣхавъ во дворецъ, я увидѣлъ князя Зубова у подъѣзда. Я нагналъ его на лѣстницѣ, и когда онъ увидѣлъ меня и спросилъ, что мнѣ нужно, и каковъ Петръ Хрисанѳовичъ, я передалъ ему просьбу Обольянинова. Онъ отвѣчалъ, что государь не имѣетъ къ нему довѣренности, и потому онъ не можетъ быть генералъ-прокуроромъ, что караулъ приставленъ не къ нему, а къ дѣламъ, находящимся у него. Я сказалъ тогда, что за дѣла должны отвѣчать чиновники, и они находятся не у него, потому что всякое представленіе, утвержденное государемъ, передано въ сенатъ; въ тайной экспедиціи есть сенаторъ, завѣдывающій этими дѣлами, генералъ-прокурорскія у экспедиторовъ, а у Обольянинова въ кабинетѣ могутъ быть только одни прожекты для доклада. Но если даже и предположить, что у него въ кабинетѣ есть важныя дѣла, которыя надо сохранить, то предосторожность пустая, приставивъ къ нимъ офицера, котораго Обольяниновъ можетъ увести въ дальнія отъ кабинета комнаты, и въ это время можно истребить все, что̀ необходимо. А потому если некому поручить должность и принять дѣла, бывшія въ производствѣ генералъ-прокурора, то лучше

все запечатать до этого назначенія и самого Обольянинова заставить быть хранителемъ печати. Зубовъ обѣщалъ мнѣ тотчасъ доложить государю, и вечеромъ пріѣхать къ Петру Хрисанѳовичу.

Не успѣлъ я отдать отчетъ въ своемъ порученіи, какъ прибылъ посланный государя, который выговаривалъ офицеру за то, что онъ входилъ во внутреннія комнаты, и приказалъ ему быть въ передней. Вскорѣ потомъ пріѣхалъ главно-управляющій кабинетными дѣлами. Онъ посмотрѣлъ всѣ бумаги въ кабинетѣ, и видя, что дѣйствительно хранить нечего, отослалъ караульнаго офицера Князь Зубовъ также пріѣзжалъ, но Обольяниновъ не приказалъ его принимать. На другой день, когда позволено было ему пріѣхать во дворецъ, всѣ Зубовы подходили къ нему, и хотѣли съ нимъ объясниться, но онъ отклонилъ это.

Послѣ милостиваго пріема государя былъ большой съѣздъ у Обольянинова, такъ что ему прислали сказать, чтобы онъ много къ себѣ не принималъ, и чтобы поменьше болтали въ домѣ его. Это сказано было на счетъ его жены, которая дѣйствительно позволяла себѣ говорить много лишняго. Военный генералъ-губернаторъ графъ Паленъ, бывшій съ Обольяниновымъ въ открытой враждѣ, сталъ письменно требовать отъ него объясненія. Петръ Хрисанѳовичъ отвѣчалъ дѣйствительно самъ и изложилъ всю истину, которая всегда была для него похвальна. Вскорѣ онъ потребовалъ, чтобы я къ нему не ѣздилъ, потому что это можетъ быть вредно для меня, а для него опасно. Онъ разсказывалъ мнѣ, что записываютъ, когда и долго ли я у него бываю, и требовалъ, чтобы я прекратилъ свои посѣщенія, сказавъ: „Видишь, братъ, думаютъ, что ты меня учишь.“

Я провелъ вечеръ и слѣдующій день дома и въ экспедиціи. Признаюсь, тяжело мнѣ было. Зная, что графъ Паленъ, бывшій тогда въ большой силѣ, подозрѣвалъ меня близкимъ къ Обольянинову, котораго онъ ненавидѣлъ, и который обращалъ на себя большое вниманіе по тогдашнимъ обстоятельствамъ, что онъ легко можетъ сдѣлать со мною все, что захочетъ, я рѣшился не показываться въ обществѣ. Дружба, которую я прежде питалъ къ прежнему своему начальнику, возродилась съ большею силою въ сердцѣ, когда я увидѣлъ его сильное паденіе. Къ этому присоединилась мысль, что, покинувъ Обольянинова, я могу показаться трусомъ или человѣкомъ неблагодарнымъ. Я на третій день пришелъ къ нему пѣшкомъ, и узналъ, что онъ получилъ отставку, и, очень довольный, уѣзжаетъ въ деревню. Я провелъ съ нимъ все это время; мы разстались друзьями, съ тѣхъ поръ ведемъ между собою переписку, и желаемъ увидѣться, но Богъ знаетъ, когда это случится. Когда я прощался съ нимъ и благодарилъ за всѣ сдѣланныя мнѣ одолженія, онъ сказалъ, что чувствуетъ себя обязаннымъ, и не знаетъ, кто изъ насъ кого болѣе одолжалъ. Одно мнѣ только показалось смѣшно: передъ самымъ отъѣздомъ, разбирая книги и бумаги, бывшія въ его кабинетѣ, ему попалось описаніе мною составленное о состояніи провіантскаго департамента. Онъ положилъ его къ тѣмъ бумагамъ, которыя бралъ съ собою, и сказалъ: я это здѣсь не оставлю, пусть назначенный на мое мѣсто потрудится самъ собрать всѣ содержащіяся тутъ свѣдѣнія. Еслибы онъ не былъ въ гоненіи, я бы не вытерпѣлъ дать ему хо-

рошій урокъ, но тутъ промолчалъ, подумавъ только, до чего человѣкъ можетъ забыться, когда обстоятельства возведутъ и низведутъ его гораздо далѣе черты, предназначенной ему судьбою.

Послѣ отъѣзда Петра Хрисанѳовича я почти никуда не ѣздилъ, болѣе прежняго занимался дѣлами, старался все привести въ такой порядокъ, чтобы новый генералъ-провіантмейстеръ не могъ выговаривать намъ за неисправность, исправилъ составленное мною прежде описаніе о состояніи департамента, дополнилъ его новыми свѣдѣніями, словомъ, приготовилъ множество дѣлъ, чтобы встрѣтить какъ должно новаго начальника. Долго не выходило это назначеніе, и слухъ, что будетъ опредѣленъ генералъ - провіантмейстеромъ человѣкъ, давно мнѣ знакомый, и хотя гордый, но умный и безкорыстный, заставлялъ меня съ большимъ удовольствіемъ заниматься этими приготовленіями.

Прошелъ мѣсяцъ, и всѣ забыли о прежней моей силѣ у начальника. Наступила Святая Недѣля, а съ нею и необходимость ѣхать съ визитами. Я имѣлъ удовольствіе видѣть, что меня хорошо принимаютъ, былъ и у Зубовыхъ, которые были со мною очень учтивы, но сдѣлалъ этотъ визитъ изъ одного приличія: я не желалъ бы съ ними сблизиться, не имѣя къ нимъ уваженія, и по истинѣ не принялъ бы повышенія, которымъ бы могъ быть имъ обязанъ.

Обстоятельства послѣднихъ четырехъ лѣтъ, которыя были мнѣ довольно извѣстны, заслуживаютъ того, чтобы сохранить ихъ надолго въ памяти...... Послы за границу чрезъ фельдфебелей проваживались какъ бы подпоручики гарнизонныхъ полковъ.

Французская революція потрясала троны. Покойная императрица, искусно пользуясь смятеніями, присоединила нѣсколько губерній отъ Польши, и объявила войну противъ Персіи. Войска наши перешли черезъ Кавказскія горы и приблизились къ Анатоліи; это сдѣлано было, какъ говорятъ, для того, чтобы поступить съ Турціею, какъ поступлено было съ Польшею, и возстановить всеобщій миръ въ Европѣ. Государь оставилъ завоеванныя мѣста Персіи, отозвалъ войска, объявивъ, что не хочетъ никакой войны, не желаетъ никакого пріобрѣтенія, а намѣренъ беречь своихъ людей, не мѣшаться въ чужія дѣла, и имѣть попеченіе о томъ, чтобы внутреннее устройство государства доведено было до степени желаемаго имъ совершенства.

Чрезъ годъ по вступленіи его на престолъ великая княжна Александра Павловна помолвлена была за эрцъ-герцога Іосифа, брата Австрійскаго императора. Государь сталъ мѣшаться въ дѣла сосѣда, бывшаго тогда въ войнѣ съ Французскою республикою. Онъ послалъ въ Австрію вспомогательный корпусъ, и по представленію полномочнаго посла Римскаго императора, вызвалъ изъ деревни знаменитаго фельдмаршала Суворова, и назначилъ его главнокомандующимъ. Вскорѣ потомъ на основаніи трактата, заключеннаго съ Англіею, посланы были противъ Франціи еще два вспомогательныхъ корпуса, одинъ въ Швейцарію, а другой въ Голландію. Войска, подъ предводительствомъ фельдмаршала Суворова, прославили Россію, въ одно лѣто вытѣснили Французовъ изъ Италіи, перешли Альпійскія горы, выиграли много сраженій, и подошли къ границамъ самой Франціи; другіе два корпуса дѣйствовали неуспѣшно и при первыхъ встрѣ-

чахъ съ непріятелемъ, проиграли сраженіе и потеряли много людей. Государь возъимѣлъ подозрѣніе, что союзники, желая загребать жаръ чужими руками, дурно вспомоществовали общимъ предпріятіямъ. Это сдѣлало совершенный разрывъ, всѣ войска безъ всякихъ предварительныхъ сношеній отозваны были въ Россію. Возвращеніе ихъ было затруднительно, но общее почтеніе къ храбрости и честности Русскихъ отверзало имъ повсюду путь, и недоброжелательные намъ бывшіе союзники доставляли войскамъ продовольствіе.

Небольшое число нашихъ плѣнныхъ, взятыхъ Французами, должны были быть вымѣнены на плѣнныхъ, находившихся у Австрійцевъ и Англичанъ, но какъ внезапный разрывъ съ союзниками не позволялъ требовать этого обмѣна, то всѣ плѣнные выключены были изъ службы, что̀ возбудило общее негодованіе, и много добрыхъ искръ загасило въ сердцахъ.

Я забылъ упомянуть о главномъ поводѣ объявленія войны. Союзники, не имѣя въ Средиземномъ морѣ достаточныхъ морскихъ силъ, предложили императору Павлу I-му принять подъ покровительство Россіи островъ Мальту, предательски занятый Французами. По совершеніи церемоніи онъ принялъ отъ бродящихъ безъ пристанища кавалеровъ званіе великаго магистра ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, назначилъ въ Мальту гарнизонъ и коменданта и приказалъ внести городъ въ календарь, наравнѣ съ губернскими городами. Англичане въ это время заняли островъ и, продолжая переговоры до прекращенія союза, присоединили его потомъ къ своимъ владѣніямъ.

Франція въ это время была въ затруднительномъ положеніи; лучшія войска ея почти въ плѣну, въ Египтѣ, у Турокъ и Англичанъ; она была въ войнѣ со всею Европою. Первый консулъ Бонапартъ, желая вступить въ союзъ съ Россіею, написалъ письмо къ государю, въ которомъ, называя его неограниченнымъ монархомъ, увѣдомлялъ, что 5000 нашихъ, зная, что они исключены изъ службы, не принимаютъ никакихъ выгодныхъ предложеній Французскаго правительства и остаются вѣрными своему государю, и что Франція готова отпустить ихъ безъ вымѣна, желая тѣмъ показать свое желаніе быть союзницею Россіи. Это письмо было прислано съ маіоромъ, бывшимъ въ плѣну, который разсказывалъ, что наши плѣнные одѣты по новой формѣ, установленной государемъ, что изъ нихъ составлены баталіоны, которыми командуютъ Русскіе офицеры и генералы и обучаютъ ихъ согласно вновь изданному уставу. Государь такъ плѣнился и такъ чувствительно принялъ это извѣстіе, что, говорятъ, плакалъ и болѣе сутокъ не могъ ничего ѣсть; съ этого времени началась дружеская переписка съ Бонапартомъ, и наши плѣнные выступили въ Россію.

На основаніи союза, заключеннаго съ Французами, конфискованы были всѣ Англинскія суда въ нашихъ портахъ; конторы ихъ въ Петербургѣ и другихъ приморскихъ городахъ подвергнуты были осмотру, и сочтены были ихъ капиталы. Думали этими мѣрами получить большія выгоды, но обманулись. Нарушили только довѣріе, которое должно быть свято почитаемо просвѣщенными народами, а дѣло показало, что конторы существовали однимъ кредитомъ, и что нашего капитала въ чужихъ краяхъ бо-

лѣе, чѣмъ Англичане въ Россіи имѣютъ его. Этотъ поступокъ послужилъ лишь къ явному разрыву съ Англіею. Въ слѣдствіе того заключенъ былъ оборонительный сѣверный союзъ съ Датчанами и Шведами, получающими хлѣбъ изъ Россіи. Начались приготовленія къ защитѣ береговъ Балтійскаго моря, построены были батареи, маяки, и разстановлены всюду войска; все это стоило большихъ издержекъ казнѣ и изнурило только людей.

Чтобы Англичанамъ причинить чувствительное зло, которое бы могло ихъ раззорить совершенно, приказано было 40 Донскимъ полкамъ со всею конною ихъ артиллеріею совершить удивительное предпріятіе. Они должны были отъ Оренбургской линіи, чрезъ Киргизскую степь, проникнуть въ Бухарію и Хиву, освободить тамъ нашихъ плѣнныхъ, слѣдовать чрезъ степи въ Индію и разорить Англійскія поселенія. Бонапартъ въ это время долженъ былъ послать часть Французскихъ войскъ изъ Египта чрезъ Сирію для соединенія съ Донскими казаками. Англичане, послѣ совершеннаго пораженія Типо Саиба, имѣли мало войска въ Индіи; при помощи Русскихъ и Французовъ, возстали бы всѣ недовольные, и можно было надѣяться лишить Англичанъ этой отхожей ихъ пустоши, составляющей все ихъ богатство и силу, и если бы войска перенесли вліяніе климата и преодолѣли трудный путь, то возвратились бы съ большимъ богатствомъ.

Всѣ эти предположенія не осуществились по случаю кончины государя. Англійскій флотъ перешелъ чрезъ Зундъ, сильно при томъ пострадалъ, но причинилъ большой вредъ Датчанамъ. Донскіе казаки уже были на Оренбургской линіи, пройдя болѣе тысячи верстъ. Въ это время имъ велѣно было идти назадъ, и Англійскій флотъ пошелъ обратно къ своимъ берегамъ.

Много я распространился въ описаніи произшествій, до меня не касающихся; пора приняться за себя.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ кончины государя назначенъ былъ въ генералъ-провіантмейстеры Свѣчинъ ([32]), котораго я совершенно не зналъ, и который имѣлъ большія непріятности съ Обольяниновымъ. Извѣстіе объ этомъ назначеніи не могло мнѣ быть пріятно. Я ожидалъ до того времени служить подъ начальствомъ человѣка давно мнѣ знакомаго, и приготовилъ для него всѣ свѣдѣнія по провіантской части. Узнавъ о назначеніи Свѣчина, вмѣсто того, котораго ожидалъ, я рѣшился не представлять ему мою работу, чтобы мое усердіе о пользѣ службы не показалось желаніемъ подслуживаться

Я приготовилъ заранѣе всѣ свѣдѣнія, которыя провіантская экспедиція должна была представить новому начальнику и пересмотрѣлъ все то, что̀ можно было потребовать изъ канцеляріи генералъ-провіантмейстера. Узнавъ поутру о назначеніи Свѣчина, я успѣлъ въ тотъ день снова все пересмотрѣть и повѣрить и со всѣми этими свѣдѣніями и донесеніями, послѣ того полученными, нѣсколько разъ заѣзжалъ къ завѣдывавшему экспедиціею старшему члену генералу Ханыкову, но не заставалъ его. На другой день, пріѣхавъ къ нему поутру, мнѣ сказали, что онъ еще спитъ. Я отправился въ экспедицію, пересмотрѣлъ вновь полученные рапорты и предписанія

([32]) Николай Сергѣевичь, мужъ извѣстной отступницы отъ православнаго закона, Софьи Петровны Свѣчиной, урожд. Соймоновой. *П. Б.*

военной коллегіи и опять поѣхалъ къ Ханыкову передать ему всѣ бумаги и просилъ представить всѣхъ членовъ экспедиціи и въ томъ числѣ и меня новому начальнику. Ханыковъ, очень недовольный назначеніемъ Свѣчина, не торопился одѣваться, и принудилъ меня съ досадою ему напомнить многія мои услуги, которыя дѣйствительно онъ долженъ былъ считать за одолженіе, и за которыя я требовалъ только того, чтобы избавилъ онъ меня отъ непріятности получить выговоръ или быть дурно принятымъ начальникомъ за то, что по обязанности своей къ нему не явился. Ѣхать же одному безъ бумагъ, которыя надо было ему представить, мнѣ казалось не пристойнымъ. На силу дождавшись окончанія туалета, мы пріѣхали къ Свѣчину, и застали его на крыльцѣ, когда онъ хотѣлъ садиться въ карету. Онъ сказалъ Ханыкову, что, давно его ожидая, онъ уже думалъ ѣхать къ нему, чтобы получить необходимыя свѣдѣнія прежде представленія государю, потомъ онъ мнѣ поклонился и просилъ извиненія, что принимаетъ меня на крыльцѣ; я принялъ это тогда за учтивый выговоръ, но послѣ узналъ, что это было такъ сказано.

Въ первые дни вступленія своего въ должность, Свѣчинъ обращался съ вопросами къ старшему члену Ханыкову, который ничего не зналъ, кромѣ придворныхъ связей и способовъ наживаться службою, и потому онъ вскорѣ привыкнулъ разсуждать со мною о дѣлахъ, и показалъ мнѣ желаніе со мною сблизиться. Видя, что онъ имѣетъ доброе сердце, и по воспитанію своему получилъ многія полезныя свѣдѣнія, хотя и не дальняго ума, я находилъ, что онъ можетъ быть полезнымъ начальникомъ обширной провіантской части. Узнавъ, что онъ хочетъ устроить главные магазины въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначены были депо и доказывая ему невозможность этого дѣла, я ему отдалъ всѣ свѣдѣнія, изготовленныя мною прежде, и карту судоходныхъ рѣкъ и всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ существовали магазины, и гдѣ необходимо было оные устроить.

Познакомясь съ нимъ короче и часто разсуждая съ нимъ, я видѣлъ, что онъ добръ, но по простотѣ своей не можетъ быть твердъ въ своихъ мнѣніяхъ. Хорошее воспитаніе давало ему вѣсъ въ глазахъ людей неосновательныхъ, и потому я видѣлъ его въ одно время и полезнымъ и ненадежнымъ. До меня дошли слухи, что хотятъ прежняго моего начальника обвинить, чтобы оправдать въ публикѣ сдѣланное ему оскорбленіе. Свѣчинъ мнѣ подтвердилъ эти слухи и сказалъ, что государь спрашивалъ о всѣхъ его подчиненныхъ, и въ томъ числѣ обо мнѣ, и онъ отзывался, что всѣ дѣла экспедиціи производятся мною, и что онъ находитъ мое поведеніе согласнымъ съ обязанностію благороднаго человѣка; и, потому обязанный ему за этотъ отзывъ, и видя, что чрезъ него я могу защитить прежняго моего начальника, я всячески старался быть ему полезнымъ. Я былъ у него ежедневно и изъяснялъ, какимъ образомъ привести дѣло въ должную исправность; въ свободное время я не ѣздилъ въ общество, а сидѣлъ дома и составлялъ для новаго начальника записки.

Въ это время вздумали послать инспекторовъ по провіантской части, и меня назначили освидѣтельствовать Рижское и Кіевское депо. Я готовился уже ѣхать, но въ самой день отъѣзда прислалъ мнѣ Свѣчинъ два секретныхъ предписанія, въ которыхъ, описывая дороговизну хлѣба, огромныя издержки по продовольствію войскъ

въ губерніяхъ, пресоединенныхъ отъ Польши, свѣдѣнія о неурожаѣ въ томъ краю и трудностяхъ перевозки, далѣе объясняя, что Польша всегда считалась землею хлѣбородною и могла продовольствовать цѣлыя арміи, онъ поручалъ мнѣ вникнуть во всѣ подробности этого дѣла, обнаружить злоупотребленія военныхъ и губернскихъ начальниковъ и провіантскихъ коммиссіонеровъ, просилъ меня увѣдомлять его письменно о средствахъ, которыя могутъ искоренить это зло; заключилъ тѣмъ, что отъ усердія моего и искусства будетъ зависить польза, которую ожидаютъ и государь и отечество.

Подобная довѣренность лестна была моему честолюбію и открывала мнѣ возможность показать себя и сдѣлаться дѣйствительно полезнымъ; но я въ тоже время предвидѣлъ опасность гоненія отъ множества людей, противу которыхъ долженъ былъ дѣйствовать. Изъяснивъ Свѣчину всѣ мои опасенія и взявъ съ него слово, что будетъ защищать меня отъ нападеній, я рѣшился поступать какъ должно—по совѣсти.

Я поѣхалъ по берегу Балтійскаго моря до самой Прусской границы. Я нашелъ тутъ злоупотребленія, не заслуживающія большаго вниманія, видѣлъ бѣдность крестьянъ, управляемыхъ алчными помѣщиками, богатство торговли, доставляющей мало пользы государству, потому что выгоды купцовъ были велики; безполезныя издержки казны для защиты береговъ отъ ожидаемой высадки Англичанъ, количество войска, несоразмѣрное ни съ необходимостію, ни съ возможностію содержать его, которое терпѣло во всемъ недостатокъ и размѣщено было до того тѣсно, что негдѣ было укрыть людей и защитить ихъ отъ суровости климата; вмѣстѣ съ тѣмъ оно стѣсняло обывателей, распространяло въ недостаточной землѣ голодъ и мѣшало имъ обработывать неблагодарный грунтъ ихъ земли. Я донесъ о своихъ замѣчаніяхъ начальнику и представилъ изчисленіе, сколько содержали здѣсь войскъ при покойной императрицѣ, когда Курляндія и Литва только что были присоединены къ Россіи, и когда помѣщики этихъ мѣстъ и всей вообще Польши, имѣя въ совершенномъ повиновеніи народъ, волновали его противъ насъ, не желая изъ аристократическаго правленія подчиниться самодержавному. Я доказывалъ, что Россія, во время раздѣленія Польши, домогаясь для живаго по рѣкѣ Нѣману урочища, завладѣть Мемелемъ и готовясь объявить войну Пруссіи, вмѣстѣ съ тѣмъ по случаю несостоявшейся свадьбы короля Шведскаго съ Россійскою великою княжною, ожидая войны со Швеціею (которая всегда имѣла великое вліяніе на Лифляндцевъ и Эстляндцевъ) содержала въ томъ краю въ половину менѣе войска, чѣмъ въ теперешнее спокойное время.

Проѣзжая Литву, надсѣдалося сердце отъ жалости и досады. Богатая земля населена людьми, томящимися въ рабствѣ, и глупые паны, водимые жидовскими плутнями, управляютъ съ необузданною властію крестьянами доведенными до совершенной нищеты. Обычай отдавать имѣніе въ аренду уничтожилъ всякое человѣколюбіе и промышленность. Нѣтъ никакихъ заведеній, которыя приносили бы пользу и распространяли изобиліе. Много наѣзжалъ я такихъ селеній, гдѣ нельзя было достать кусокъ хлѣба, а между тѣмъ въ городахъ царствовали безпутная роскошь и сластолюбивая праздность. Жиды всему злу корнемъ, и все исправляется чрезъ нихъ. Грабежъ безсовѣстный и безстрашный. Провіант-

скіе коммиссіонеры, совокупясь интересами съ чиновниками губернскими, бравъ въ часть или обманывая военныхъ, воруютъ безпутно-смѣло. Жиды маклерствуютъ и у всѣхъ въ части. Однимъ словомъ, совершенное распутство.

Запрещеніе вывозить изъ Россіи хлѣбъ обратили Прусаки для обогащенія себя; рѣка Нѣманъ, съ Пруссіею граничущая, передавала Россійской хлѣбъ Пруссіи, которая продавала его Англичанамъ, Датчанамъ и Шведамъ до 15 руб. за четверть по курсу на наши деньги. Хлѣбъ въ томъ краю отъ многаго собранія войскъ, отъ непомѣрнаго куренія вина и отъ предательства жидовъ цѣною возвышался, и сіе возвышеніе, облегчая способы къ большимъ грабежамъ казны, было одобряемо всѣми большими нашими боярами, по раздѣленіи Польши имѣнія получившими въ Литвѣ, коимъ чрезъ то доходы возвышались. Деньги, серебряною монетою тамо ходящія, привозимы обозами изъ Москвы и Риги въ Вильну, отколѣ чрезъ жидовъ и многихъ пановъ, задолжавшихъ Мемельскимъ, Данцигскимъ и Кенигсбергскимъ купцамъ, передавались въ Пруссію. Словомъ, видѣлъ я, что Литва остается Прусскою провинціею, отданною Россіи на аренду. Все сіе во всей подробности, основываясь на доказательствахъ, описалъ я моему начальнику.

Изыскивая средства къ уменьшенію расходовъ въ Литвѣ и поставленію хотя нѣсколько преграды выходить Россійской монетѣ въ Пруссію, вздумалъ я испытать, нельзя ли доставлять ей хлѣбъ изъ Малороссіи, дабы деньги, на то употребляемыя изъ казны, разсыпались подалѣе отъ границъ; платежъ же за провозъ входилъ бы мелкими частями въ карманы обывателей того голоднаго края. Давно уже мнѣ извѣстно было о каналѣ, иждивеніемъ польскаго маршала Огинскаго выкопанномъ, который соединяетъ рѣки Шару въ Нѣманъ и Припеть въ Днѣпръ текущія. Съ кѣмъ ни разговаривалъ о семъ въ Литвѣ, кого ни спрашивалъ, никто ничего не знаетъ; а нѣкоторые смѣялись заблужденію моему, говоря, что то вещь не возможная, и сумашедшій Огинской, издержавъ на копаніе канала много денегъ, не пользовался имъ. Хотя отзывы сихъ людей приводили меня нѣсколько въ сомнѣніе, но однакожъ не отвратили отъ намѣренія. Свидѣтельствуя магазины, доѣхалъ я до мѣстечка Слонима, на берегу рѣки Шары находящагося, до коего безпрепятственно плаваютъ отъ Нѣмана, съ довольнымъ грузомъ, суда. Тутъ, взявъ двухъ человѣкъ нижнихъ провіантскихъ служителей, исходатайствуя отъ земскаго исправника обывателямъ приказъ, чтобы давали мнѣ работниковъ, я отправился вверхъ по Шарѣ, чрезъ мѣста дѣйствительно не обитаемыя, а потому никому неизвѣстныя. Въ пять дней совершилъ я путь и удостовѣрился собственнымъ опытомъ о возможности сей коммуникаціи. Изъ Пинска я отправилъ лодку въ Кіевъ, а самъ поѣхалъ въ Брестъ Литовской и послѣ на Волынь. Въ Кіевѣ купленный хлѣбъ со всѣми издержками при доставленіи обошелся менѣе трехъ рублей за четверть, будучи доставленъ въ тѣ мѣста Литвы, гдѣ ниже десяти рублей никогда покупаемъ не былъ. Все сіе также со всею откровенностію донесъ я начальнику съ пріобщеніемъ моего мнѣнія о способахъ къ сбереженію казны. Будучи на Волыни, разстояніемъ отъ Петербурга за 1800 верстъ, получилъ я съ нарочнымъ ордеръ. Начальникъ мой, описывая

надобность моего возвращенія, назначаетъ мнѣ срокъ чрезъ двѣнадцать дней. Исполняя въ точности предписанное, успѣлъ я заѣхать въ Кіевъ, посмотрѣть рѣдкости сего древняго Русскаго города, и сдѣлать распоряженіе о покупкѣ хлѣба въ Литву, какъ выше сказалъ, доставленнаго.

Претерпя безпокойство продолжительной дороги, явился я къ начальнику точно въ назначенный день. Онъ удивился, встрѣтясь со мною, объявляя, что совсѣмъ не ждалъ меня такъ скоро; положилъ же срокъ для того, чтобы старался я поспѣшить. Признаюсь, досадно мнѣ было, тѣмъ паче, что узналъ причину, для коей призванъ былъ. Она состояла въ томъ, чтобы старшаго члена, прежде должность начальника исправлявшаго, потѣшить отпускомъ въ Москву, а меня на время отлучки ген. провіантмейстера оставить управляющимъ экспедиціею. Попенялъ я командиру, сказавъ столько правды, сколько благопристойность и осторожность дозволяла, принужденъ былъ проглотить пилюлю, уже не въ первые мнѣ чрезъ фрапта подносимую. Начальникъ мой, хотя увѣрялъ меня, будто причиною сего со мною поступка есть слѣдствіе довѣренности; но я все таки ему твердилъ: когда я больше довѣренности имѣю, за чѣмъ же тотъ меня старѣе?

Дни чрезъ два по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ явился я у вице-президента въ большой довѣренности у государя находящагося. Послѣ ласковаго пріема позвалъ онъ меня въ особую комнату. Тамо, затворя двери, началъ предисловіе объявленіемъ, будто государь имѣетъ выгодное обо мнѣ мнѣніе, и чтобы для укорененія онаго, обѣщалъ я ему скромность и точное исполненіе того, о чемъ просить будетъ. За все благодаря и все обѣщая, узналъ я, будто государь имѣетъ намѣреніе обуздать прихоти военныхъ начальниковъ и пресѣчь злоупотребленія провіантскихъ и губернскихъ чиновниковъ; а потому желаетъ найти благовидное средство возложить продовольствіе войскъ на дворянство и купечество; на семъ основаніи приказываетъ мнѣ написать примѣчанія мои, соображаясь обстоятельствамъ мнѣ извѣстнымъ.

Возражая на сіе предложеніе, представилъ я, что главное число войскъ, содержимыхъ во всегдашней готовности къ походу, находится и по обстоятельствамъ государственнымъ находиться должно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мало, а индѣ и совсѣмъ нѣтъ ни дворянъ ни купечества. Хлѣбъ же для продовольствія ихъ доставляется изъ отдаленности чрезъ продолженіе не малаго времени; слѣдовательно, возложа сіе на частныхъ людей, не отяготить бы ихъ чрезъ мѣру и не рисковать бы иногда невозможностію содержать и умножить войско тамъ, гдѣ оно понадобится. Таковой отзывъ принялъ онъ съ уваженіемъ, и очень учтиво мнѣ поклонясь, сказалъ, чтобы написалъ я все, что я думаю за полезное, подтверждая притомъ быть скромну, и что тогда только будетъ мнѣ благодаренъ, когда сіе останется въ тайнѣ.

По вновь сдѣланному о непремѣнныхъ квартирахъ росписанію сдѣлавъ вѣдомости съ показаніемъ числа людей и лошадей и годовой имъ пропорціи провіанта и фуража, противу каждой дивизіи написалъ я о обстоятельствахъ помѣстныхъ и способахъ нынѣ употребляемыхъ, и какіе полагаю я лучшими для общей пользы государя, войска и обывателей. Гдѣ

можно было слѣдовать изъясненному мнѣ предположенію государя, тамъ я ему старался слѣдовать.

При сочиненіи сей вѣдомости канцелярія экспедиціи не знала причины. Противу каждой дивизіи оставленный бѣлый листъ употребилъ я на примѣчанія, написавъ ихъ своею рукою. Вицепрезидентъ, прослушавъ и просмотря всю вѣдомость, расположеніемъ оной и моимъ мнѣніемъ показался быть доволенъ. Очень учтиво поблагодаря, сказалъ мнѣ, что какъ вѣдомость ему подана, такъ и онъ отдастъ ее государю.

По случаю отбытія государя для короновавія въ Москву, поѣхали туда же всѣ, что называютъ знатными господами, а въ числѣ ихъ и ген. провіантмейстеръ. Я, оставшись старшимъ въ экспедиціи, сдѣлался управляющимъ дѣлами всего департамента и больше затрудняемъ естьли бы былъ онаго начальникъ, потому что не имѣю ни силы ни способовъ, сему званію принадлежащихъ. Будучи обязанъ о всѣхъ дѣлаемыхъ распоряженіяхъ доносить генералъ-провіантмейстеру и на многое ожидать его резолюціи, остерегаясь, чтобы приказаніями своими не сдѣлать противорѣчій, могущихъ послѣдовать отъ него, сдѣлался въ необходимости употреблять излишній трудъ и имѣть много попеченія. На сіе слагаясь, отдался я склонности своей сидѣть дома. Утренняго времени довольно, чтобы исправить всѣ дѣла по должности, а вечеромъ, вспоминая прошедшее, продолжаю писать о происшествіяхъ со мною бывшихъ.

Бурливое время, когда бывшій начальникъ мой П. Х. Об... представлялъ перваго чиновника и великаго властелина при государѣ нансамовластнѣйшемъ, сдѣлало меня извѣстнымъ подъ именемъ его ближняго пріятеля, каковымъ ни для пользы своей ни для удовольствія я не былъ. Къ стыду своему былъ работникъ грубаго человѣка, интриговавшаго по состоянію того времени мастерски. Поступки мои, если могутъ быть извинительны, то потому только, что по истинѣ желалъ я способствовать распространенію добра, и сколь можно было уменьшенію зла, не выгадывая ни въ чемъ собственной корысти.

Правленіе теперь отъ прежняго во всемъ отмѣнно. Государь кротокъ, снисходителенъ; уваженіе къ чиновникамъ, знаменитыя должности отправляющимъ, дѣлаетъ ихъ знатными боярами; изъ нихъ большая часть имѣли причины къ неудовольствіямъ на Об.... Грубость обхожденія и кичливая его надменность, а нѣкоторымъ и явное гоненіе, не удивительно, что располагаетъ ихъ къ злобѣ и мщенію.

Въ первые дни сдѣлавшейся перемѣны почти повсемѣстно при всякихъ разговорахъ, встрѣчалось имя Об.... Язвительныя насмѣшки мѣшаемы были съ жалобами; устоять противу ихъ мнѣ было не возможно. Оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ казалось подло. И такъ избралъ я лучшимъ удалиться отъ такихъ обществъ, гдѣ бы на пробу стать могъ, и очень радъ, что будучи посыланъ инспекторомъ, былъ два мѣсяца въ отсутствіи, да и теперь благопристойной имѣю случай рѣдко быть въ компаніяхъ многолюдныхъ.

Нынѣ сильнѣйшій представляется опытъ: нападаютъ на дѣла его по провіантской части. Знаю, сколь желаютъ найти вину достойную наказанія; говорятъ, будто для того, чтобы унизить прощеніемъ, а можетъ быть и раззорить взысканіемъ. Вижу много прорѣхъ, въ которыя коварство удобно заползти и многія ему пакости надѣлать можетъ! Не столько по чувствамъ

сколь по разсужденію употребляю всѣ свои силы защищать его, конопачу дыры сплетеніями, на канцелярскомъ обрядѣ основанными, и боюсь, чтобы самому не попасть въ яму, а что больше не втащить бы простодушнаго теперешняго начальника, не чувствующаго, что собою его обороняю.

Таковая смѣсь чувствъ и разсужденій кружитъ мою плѣшивую голову, и примѣтно уменьшая волосъ, умножаетъ морщины, округъ глазъ располагающіяся.

По симъ причинамъ знаю, что я не милъ людямъ, въ знатности теперь сущимъ; но думаю, что за то уважаютъ они меня. Добрая о мнѣ слава поставила меня въ число людей, нужныхъ для службы. Начальникъ мой мною кажется быть доволенъ, превозноситъ меня похвалами и слышу, будто старается исходатайствовать мнѣ отличіе. Но я онаго не желаю, для того что, получа награжденіе, станутъ многіе, завидуя, злословить, и отнимутъ у меня возможность защищеніемъ прежняго начальника показать постоянство въ превратностяхъ свѣта.

Должность, мною теперь исправляемая, дѣйствительно велика и удобна доставить совершенное познаніе о состояніи государства, и многія дать свѣдѣнія о политическихъ его основаніяхъ. Когда исполнится желаніе мое быть послану инспекторомъ въ Сибирь, на Кавказъ и въ Крымъ, и когда кончатся всѣ дѣла, касающіяся до прежняго начальника, то все стараніе употреблять буду избавиться сего мѣста, толико не согласнаго ни съ образомъ мыслей моихъ, ни съ расположеніемъ воровать. Я не хочу богатства, совсѣмъ не желаю; слѣдовательно, можетъ ли быть сносно всякой день видѣть воровъ, чувствовать воровство, и знать навѣрно, что никакаго нѣтъ способа не только изкоренить, ниже умѣрить онаго?

Чувствуя въ себѣ непреодолимую склонность прославиться добрыми дѣлами, готовъ я употреблять на то не только трудъ всего моего времени, но не пощадить и самой жизни. Признаю Божескимъ промысломъ, что всегда обстоятельства поставляли мнѣ препятствія возвышаться прежде, нежели научусь быть тѣмъ, чѣмъ сдѣлаться долженъ. Волненіе страстей, чрезъ мѣру чувствами завладѣющее, укрощается недостатками и притѣсненіями, а гордость, претимая непозволенными ей путями, находитъ себѣ отраду. И такъ томлюсь, стражду и притворяюсь философствовать тогда, когда ни малаго нѣтъ спокойствія въ сердцѣ. Если отнять у меня химерическія воображенія, я совсѣмъ нещастенъ. Мнѣ часто представляется, будто слава ожидаетъ меня на краю совершенной погибели и нещастія, что уничтоженіемъ всего, что̀ въ свѣтѣ благополучіемъ называютъ, возродится она и возгремитъ о мнѣ. Сумасшествіе въ семъ случаѣ до такой степени простирается, что желая достичь сего назначенія судьбы, какъ будто вижу состояніе нищеты и поруганія, и трепещу на него смотря.... Слезы катятся изъ глазъ, прошу милосердія Божія, да ниспошлетъ мнѣ силы къ перенесенію тяжести нещастія, къ показанію собою добраго примѣра, могущаго распространить добрыя въ людскихъ сердцахъ склонности и къ прославленію меня на пользу потомковъ, мнѣ одноимянныхъ. При таковыхъ чувствахъ овладѣваетъ мною сильное желаніе имѣть дѣтей, но какъ вспомню, что для сего надобно имѣть жену, къ которой, судя по чувствамъ, сдѣлаюсь столько привязанъ, что перемѣнитъ она все мое расположеніе и сдѣлаетъ обыкновеннымъ въ свѣтѣ

человѣкомъ, карману угождающимъ, то какъ паръ исчезаетъ желаніе. Пусть братнины дѣти пользуются моими заслугами.

По возвращеніи генералъ провіантмейстера изъ Москвы, обстоятельства мои во многомъ перемѣнились.

Во время отсутствія его, изъ полученныхъ отъ коммиссій провіантскихъ и депо за минувшій 1800 г. отчетовъ, сочиня въ экспедиціи генеральный отчетъ, сдѣлавъ о томъ опредѣленіе, отнесся я къ нему съ прошеніемъ дозволенія представить оный въ военную коллегію. Вѣроятно, что не оставилъ я въ молчаніи всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя могли оправдывать расходъ въ минувшемъ году, въ превосходствѣ противу отпущенной на то суммы сдѣланный. Симъ отчетомъ и рѣшеніемъ многихъ уже дѣлъ, кажется мнѣ, должны кончиться всѣ подъиски къ прежнему командиру моему. Но генералъ-провіантмейстеръ не сдѣлался тѣмъ доволенъ. Не отвѣтствуя на отношеніе, ему отъ экспедиціи сдѣланное, партикулярнымъ письмомъ увѣдомилъ меня, будто находитъ многое несогласнымъ съ тѣми записками, кои прежде для свѣдѣнія ему я далъ, а потому хочетъ прежде подачи въ коллегію разсмотрѣть соченененный въ экспедиціи отчетъ обще со мною.

По просьбѣ его сочинилъ я новый штатъ провіантскаго департамента, гдѣ, примѣняясь настоящимъ обстоятельствамъ и раздѣленію вмѣсто прежнихъ семи на восемь депо или частей съ описаніемъ должности каждаго чиновника, въ Москву къ нему доставилъ съ требованіемъ незамедлительнаго отвѣта, дабы по новому росписанію можно было сочинить требовательную на будущій годъ вѣдомость; но онъ не отвѣтствовалъ мнѣ на то ни словомъ.

Во время отлучки моей для свидѣтельства Рижскаго и Кіевскаго депо, сдѣлано было опредѣленіе въ экспедиціи и предписано всѣмъ коммиссіямъ, чтобы для покупки посылаемымъ коммисіонерамъ довѣрять число денегъ соразмѣрно собственному ихъ имѣнію. Въ небытность уже начальника получены рапорты, что богатыхъ коммиссіонеровъ нѣтъ, и потому довѣренность дѣлать не кому. А дабы не остановить производство заготовленій, испрашивали отъ экспедиціи приказанія. Число ежегоднаго расхода, до пятнадцати милліоновъ рублей простирающееся, само собою показываетъ невозможность исполнить таковое постановленіе. Боясь дѣлать оскорбленіе начальнику, не подумавши оное сдѣлавшему, оставилъ я до возвращенія его. Изъясненія мои, что въ подлой коммиссіонерской должности нельзя полагать человѣка, собственнаго капитала на полмилліона рублей имѣющаго, довольно убѣдительными ему сдѣлались; въ слѣдствіе чего и подписалъ онъ со мною новое опредѣленіе: что когда богатыхъ нѣтъ, то довѣряли бы коммисіи испытаннымъ въ вѣрности ихъ вѣдомства коммиссіонерамъ. Съ самыхъ первыхъ дней по возвращеніи начальника примѣтилъ уже я, что завистливо онъ на меня смотритъ. Будучи въ присутствіи, при многихъ, началъ, будто совѣтуясь со мною, сказывать, какой намѣренъ онъ сдѣлать провіантскому департаменту штатъ, и представить на утвержденіе государю чрезъ военную коллегію. Я, одобряя его мнѣніе, признаюсь, не стерпѣлъ, далъ ему примѣтить, что говоритъ онъ то, что̀ я написалъ, по его просьбѣ. Послѣ сего, приласкавшись, сказывая намѣреніе государя учредить запасы, сообразно нынѣшнему расположенію войскъ и надобностей государствен-

ныхъ, кое что для сихъ обстоятельствъ надобное мнѣ открывъ, просилъ написать о томъ мое мнѣніе. На другой же день сіе исполня, ему представилъ; вмѣсто благодарности съ довольною надменностію онъ мнѣ сказалъ, что онъ точно такъ думалъ. Всякой день видаясь, явственно я вижу, что кто нибудь заряжаетъ его. Начало свиданія всегда открываетъ мнѣ непріятность, но чрезъ часъ мы согласимся и разстанемся друзьями. Наконецъ сталъ я требовать окончанія остановившимся дѣламъ. Нѣсколько дней сряду объявлялъ онъ новое сумнѣніе о отчетѣ и всегда оставался со стыдомъ. Чрезъ двѣ недѣли съ великой лѣнью подписалъ его для представленія въ военную коллегію.

Сдѣлалъ онъ размѣщеніе чиновниковъ провіантскаго департамента совершенно прихотливѣйшимъ образомъ безъ добрыхъ качествъ и безъ знанія. Опредѣленныя начальниками коммиссій вѣроятно надѣлаютъ много хлопотъ, а можетъ быть и бѣдъ. Присутствующаго въ экспедиціи генералъ-маіора графа Т—ова помѣстилъ онъ управляющимъ С. Петербургскаго депо Сей человѣкъ, довольно невыгодно въ публикѣ примѣченный, при мнѣ разговаривая съ нимъ, утверждалъ, будто глупо не пользоваться временемъ возможности обогатиться. А командиръ ему разсказывалъ, что бабушка жены его ей, а она ему толкуетъ, что прежніе генералъ-провіантмейстеры покрайней мѣрѣ сто тысячъ рублей въ годъ воровали, и что дуракъ онъ будетъ, когда пропуститъ сей случай. Я, войдя въ разговоръ, сталъ имъ противорѣчить, но гр. Т. мнѣ сказалъ: „вотъ ты чистъ, а знаешь ли что про тебя говорятъ: вѣдь-де онъ не дуракъ, онъ знаетъ какъ поступить“. Все это такое мнѣ омерзѣніе сдѣлало, и такой страхъ въ сердцѣ поселило, что я затѣялъ, во что бы ни стало, оставить сіе поганое мѣсто, кромѣ непріятности ничего мнѣ не принесшее, и чрезъ которое могу я потемнить доброе имя, о которомъ такъ прилежно хлопочу.

Генералъ-провіантмейстеръ во время отлучки моей взялъ изъ казны 10,000 рублей, въ замѣнъ коихъ положилъ вексель. Зналъ я, что стыдился онъ меня. При отъѣздѣ его въ Москву предложилъ экспедиціи отпустить съ нимъ 50,000 рублей на случай надобности для снабденія коммиссіонеровъ, проходящіе гвардейскіе полки довольствующихъ. Отпуская сіи деньги, въ счетъ оныхъ я отпустилъ его вексель. Изъ нихъ употребилъ онъ 22,000 рублей, а за тѣмъ 28,000 руб. остаются въ рукахъ его. И вотъ уже три недѣли какъ онъ молчитъ, а мнѣ напомнить ему не пристойно и опасно, зная силу его у государя!

На сихъ дняхъ разговаривая съ нимъ, сколь самое существо провіантскихъ дѣлъ подло и несносно человѣку, интересоваться не желающему, и изъясняя, сколь обидно мнѣ слышать сомнѣніе о себѣ, просилъ я исходатайствовать мнѣ отставку, и если можно съ половиннымъ жалованьемъ. Онъ много мнѣ лестнаго глупымъ образомъ наговорилъ: что трудно ему меня лишиться, кто жъ будетъ управлять дѣлами экспедиціи, что пятеро меня не замѣнятъ. Словомъ, все мнѣ показываетъ рабственность моего состоянія, — но что дѣлать? Должно покоряться своей участи.

Чрезъ нѣсколько дней собрался онъ изъ сочиненнаго отчета краткую вѣдомость представить государю. Много разъ совѣтуясь со мною, согласился подать точную копію съ доставленной къ нему отъ экспедиціи, гдѣ на

одномъ листѣ ясно видны всѣ приходы и расходы, и количество провіанта и фуража, къ нынѣ текущему году оставшагося, и какой суммы денегъ оный стоитъ. Слѣдовательно, присовокупляя къ тому число наличныхъ и отъ казенныхъ палатъ недосланныхъ денегъ, открывается, что распоряженія предмѣстника были не худы, и департаментъ, въ началѣ сего года имъ принятый въ управленіе, достался ему въ порядкѣ.

Такимъ образомъ исполня всю свою обязанность, введя новаго начальника въ познаніе всего, что для пользы службы понять онъ могъ, конча весь отчетъ за дѣла прежняго начальника, доказавъ, что порядокъ при немъ заведенный перемѣнять не нужно, почелъ я за необходимое предупредить предстоящія хлопоты отъ разстройства, неминуемо быть долженствующаго, котораго отвратить я не въ состояніи. И потому въ тотъ часъ, какъ подписалъ онъ отчетъ и готовился ѣхать съ онымъ къ государю, подалъ я ему просьбу о отставкѣ. Прочитавъ и повторя прежнія слова, но тономъ гораздо прежняго умѣреннѣе, онъ отправился во дворецъ, а я домой.

На другой день по утру пріѣхалъ я къ нему, долго стоялъ въ кабинетѣ, смотря, какъ утопаетъ онъ въ мелочныхъ счетахъ и на аспидной доскѣ пишетъ цыфры, выводя число домашнихъ его издержекъ, послѣ коихъ распечатывалъ онъ пакеты, читалъ рапорты въ нихъ къ нему завернутые, и приказывалъ своему секретарю писать его резолюціи. Наконецъ отправя всѣхъ, оставшись одинъ со мною, объявилъ, что докладывалъ государю о моей просьбѣ, разсказывалъ многія подробности бывшихъ съ нимъ разговоровъ. Между прочимъ государь ему говорилъ, что много значилъ я во время случая Об. и потому нельзя полагать, чтобы разстроенныя обстоятельства заставили меня идти въ отставку. Коли хочетъ, то дастъ мнѣ пансіонъ, но если я ему нуженъ, то сказалъ бы мнѣ, чтобы остался въ службѣ.

Разумѣется, что сіи вѣсти несносно мнѣ тяжелы были. Боясь помѣшать удивительной откровенности его, старался я скрывать чувствуемое мною Наконецъ, поблагодаря за добрые его обо мнѣ отзывы, просилъ дозволенія поѣхать домой, потому что нахожу себя не въ состояніи упражняться въ дѣлахъ.

Въ жару чувствъ написалъ я къ нему письмо, гдѣ, повторяя прежде поданную объ отставкѣ прозьбу, изъяснялъ, что чувствую себя по совѣсти правымъ; желаю, чтобы приказано было испытать все мое поведеніе, не только во время продолженія службы, но и во время всей моей жизни и если найдется, что какимъ бы-то образомъ ни было я корыстовался или во зло употреблялъ довѣренность званію моему присвоенную и пріязни людей значившихъ по дѣламъ, то хочу себѣ примѣрнаго наказанія. Затѣмъ, прося доложить о семъ государю, сказалъ, что, терпя отъ недостатковъ нужду, отягощая неминуемыми издержками свое семейство, бывъ много разъ въ возможности перемѣнить бѣдность на избыточество, думалъ я сими жертвами быть извѣстну въ числѣ безкорыстныхъ и государю вѣрныхъ людей, но когда не успѣлъ въ томъ, ничего кромѣ отставки не желаю.

На другой послѣ сего день получилъ я отъ начальника письмо, гдѣ въ пышномъ, нескладномъ штилѣ изъясняетъ желаніе отвратить меня отъ моего намѣренія. Посланный мой отвѣтъ былъ подобенъ прежнимъ прозьбамъ.

Всѣ сіи письма служатъ доказательствомъ здѣсь писанному.

За симъ на другой день возвращается изъ отпуска вице-президентъ военной коллегіи Ламбъ. Лишь услышалъ отъ кого то, что прошусь я въ отставку, прислалъ ко мнѣ (больнымъ уже двѣ недѣли рапортующимся) сказать, что желаетъ повидаться со мною прежде нежели поѣдетъ онъ къ государю. Будучи принужденъ одѣться, поѣхалъ я къ нему. Чиновникъ, отъ него ко мнѣ присыланной, мнѣ объявилъ, что хочетъ онъ непремѣнно удержать меня въ службѣ.

Началъ онъ разговоръ требованіемъ сказать точную причину, для коей хочу оставить службу. Со всею откровенностію отвѣтствовалъ я, что, терпя во всемъ недостатокъ, отягощая свое семейство присылкою мнѣ денегъ больше нежели состояніе наше дозволяетъ, накопилъ я на себя долговъ столько, что превосходятъ они цѣну имѣнія, мнѣ принадлежащаго. И такъ хочу служить своему семейству и тѣ деньги, кои здѣсь проживаю, обратить на уплату долговъ, нажитыхъ во время службы. Онъ, возражая, что это не причина, что я изъ числа такихъ людей, кои на щедрость государя надѣяться могутъ, требовалъ, чтобы остался я служить, говоря при томъ, будто я нуженъ вспомоществовать начальнику моему совѣтами. Отвѣчалъ, что нужды я въ себѣ не вижу, что совѣты не всегда спрашиваются и не всегда хорошо пріемлются, и что на моемъ мѣстѣ всякой быть можетъ, и тоже что я дѣлать можетъ. Онъ горячась доказывалъ мнѣ, что я дѣйствительно нуженъ для пользы государя и отечества; а я спорилъ, что нужнѣе того я для себя и для своей семьи, увѣряя, что ни для чего не останусь въ провіантскомъ штатѣ, гдѣ потерялъ и добрую о себѣ славу, за которою такъ прилежно во всю мою жизнь гонялся. А онъ кричалъ, будто слава о мнѣ идетъ хорошая. – Разстались мы съ тѣмъ, что онъ будетъ препятствовать увольненію меня, и если не будетъ въ состояніи оставить въ службѣ, такъ какъ онъ располагаетъ, то будетъ способствовать, чтобы данъ мнѣ былъ пансіонъ, и тогда самъ онъ тоже предпріиметъ. Словомъ, чѣмъ-то все это дурачество кончится, а идетъ для честолюбія моего полезно, но для прямой пользы вредно! Слышу очень выгодные о мнѣ отзывы, авось перемѣнятъ ложное о мнѣ мнѣніе, авось за все мое терпѣніе дадутъ мнѣ доброе имя безкорыстнаго, и выведутъ изъ поганой провіантской службы, ворами преисполненной.

Цѣлый мѣсяцъ и пять дней оставался я неизвѣстнымъ о своей участи; сказавшись больнымъ, не выходилъ изъ своей квартиры, объявляя всѣмъ меня навѣщавшимъ, что лучше въ тюрьмѣ сидѣть буду, нежели въ провіантской экспедиціи. Въ продолженіе сего времени чрезъ генералъ-адъютанта приказано было меня спросить, хочу ли я быть въ отставкѣ и тогда, если мнѣ государь пансіона не пожалуетъ. Я отвѣтствовалъ,—что всячески прошу отставки.

Изъ сочиненнаго за минувшій годъ отчета вѣдомость и копію съ опредѣленія (гдѣ прописывались причины издержекъ, превзошедшихъ сумму на расходъ отпущенную) послалъ я при письмѣ къ прежнему начальнику моему Обольянинову. Онъ по несмысленности ли, по трусости ли, только сдѣлалъ было мнѣ большую пакость, препроводя вѣдомость при письмѣ къ вицепрезиденту Ламбу, изъясняя, что какъ уже онъ теперь во всемъ сочтенъ, то проситъ дать ему о томъ свидѣтель-

ство. Сей, будучи ему недоброхотенъ, показалъ государю и далъ толкъ для меня и для него невыгодный. Начались о томъ разсужденія, въ слѣдствіе коихъ спрошенъ я былъ, для чего поступилъ столь откровенно въ дѣлахъ до должности относящихся, съ человѣкомъ въ службѣ не находящимся. Я отвѣтствовалъ, что сдѣлалъ то изъ осторожности, дабы г-нъ Обольяниновъ, получавшій повелѣнія покойнаго государя, и въ слѣдствіе оныхъ распоряженія дѣлавшій, могъ заблаговременно объясниться съ генералъ-провіантмейстеромъ, если бы нашелъ, что обстоятельства прошедшаго времени, мною изъясняемыя, темно или превратно показаны. А потому считалъ я себя обязаннымъ снестись съ нимъ о томъ. Когда же бы онъ случился въ Петербургѣ, то призвалъ бы я его въ экспедицію, и показавъ всѣ документы, потребовалъ бы его мнѣнія, дабы оградить себя отъ укоризнъ и жалобъ, могущихъ быть отъ него приносимыми на отчетъ, дѣлаемый за время его начальства.

Господа чиновники, думавшіе проглотить меня, сдѣлались симъ отвѣтомъ убѣжденными. Началось толкованіе, что поступилъ я смѣло, но дѣльно. Генералъ-провіантмейстеръ прислалъ своего правителя канцеляріи спросить меня, за чѣмъ же я не спросился его о томъ, чтобы снестись съ Обольяниновымъ. Я отвѣтствовалъ, что спрашиваться времени не было, да и не нужно; потому что, оставаясь старшимъ въ экспедиціи, когда признано уже, что имѣлъ я право приступать къ сочиненію отчета и опредѣленія о томъ: то какъ же можно ограничивать меня въ правѣ сноситься съ кѣмъ нужно по дѣламъ? И сей удовольствовался симъ отвѣтомъ. Слышу, начались толкованія, что я поступилъ излишне смѣло, но благородно, а Обольяниновъ дурно и Богъ знаетъ какъ понесли его вездѣ бранить. А до того располагались отдать меня подъ военный судъ, какъ человѣка, секреты государственные продающаго.

Отставленъ я 9-го Декабря 1801 года съ половиннымъ жалованьемъ. Остаюсь въ Петербургѣ дожидаться пріѣзда зятя моего.

Примѣчаніе. Во всей полнотѣ чувствуя Божескій о себѣ Промыслъ, долженствую, давая свѣдѣніе о жизни моей, объявить первую причину, послужившую основаніемъ спасенія моего отъ злѣйшаго въ мірѣ порока — корыстолюбія.

Наставленіе моего родителя ([33]), въ послѣднія минуты говоренное, разумѣется сильно поразило мое ребяческое сердце; ибо въ тѣ страшные часы, лишась всякой человѣческой помощи, присягалъ я оное исполнить. Но сіе исчезло изъ памяти, какъ вещь, долго въ употребленіи не бывшая.

Чрезъ 13 лѣтъ, будучи 27 лѣтъ отъ роду, былъ я опредѣленъ совѣтникомъ Уфимскаго губернскаго правленія въ совершенной довѣренности горделиваго и многомощнаго генералъ-губернатора Игельстрома, при губернаторѣ глупомъ и ничего не разумѣющемъ. И сдѣлался я властелиномъ сего главнаго мѣста, всею губерніею управляющаго. Въ губерніи много находится богатыхъ людей желѣзные и мѣдные заводы имѣющихъ. Въ тогдашнее время они много зависѣли отъ власти полицейской и имѣли въ благорасположеніи управляющихъ нужду, ибо много дѣлывали злоупотребленій.

Заводы богатѣйшихъ Лугининыхъ управляемы были г. Ахматовымъ, весьма умнымъ и богатымъ человѣкомъ.

([33]) См. выше стр. 6

Въ вечерней бесѣдѣ разсказывали мнѣ, что Ахматовъ пріѣхалъ въ вечеру и привезъ много подарковъ и между прочимъ мнѣ собольи мѣха на шубу. Склонность къ щегольству давно рождала въ воображеніи моемъ желаніе о хорошей шубѣ, которую купить не находился я въ состояніи. Сія вѣсть тѣшила мои чувства; уже размышлялъ я о покроѣ шубы и веселился, воображая себя въ ней на катаньи съ моею любезной. По истинѣ увѣряю, что въ мысль мнѣ не входило о моемъ почтенномъ родителѣ.

Но за нѣсколько часовъ до свѣта разбудило меня сновидѣніе. Я вижу родителя моего въ томъ одѣяніи, въ коемъ видѣлъ его въ послѣднюю минуту, будто онъ вошелъ въ комнату, гдѣ я сидѣлъ. Я всталъ предъ нимъ. Онъ, проходя въ довольномъ отъ меня разстояніи чрезъ комнату, погрозилъ мнѣ пальцемъ, сказавъ: „не забывай, что я тебѣ приказывалъ“.

Проснувшись, чувствовалъ я, что всѣ члены мои трепетали. Не могъ я болѣе заснуть. Въ началѣ дня объявляютъ мнѣ о пріѣздѣ г. Ахматова. Онъ тотчасъ входитъ, неся въ платкѣ завязанный соболій мѣхъ, торчащій изъ угловъ платка. Съ торопливостью спросилъ я: что это? Онъ отвѣтствуетъ, что домашнее его произведеніе, что онъ въ Сибири торгуетъ въ большомъ количествѣ, покупаетъ шкуры и у себя собираетъ мѣха, и мнѣ желаетъ услужить. Я просилъ избавить меня отъ подарковъ, что буду я исполнять все возможное. Онъ, огорчася, говоритъ, что въ таковой бездѣлицѣ никто ему не отказывалъ. Тутъ начались скорые разговоры. Онъ хотѣлъ развязать платокъ, чтобы показать мнѣ искусство собирать мѣха; но я, взявъ изъ его рукъ, велѣлъ вынести въ другую комнату и, прося его садиться, объявилъ, что прошу у него извиненія, имѣя важныя причины отказать ему въ принятіи.

Съ сего времени, благодаря Бога, не былъ я въ подобномъ сему смятеніи, и терпя много нищенскаго недостатка, не поползнулся на корысть.

IV. Служба въ Крыму.

Долго я замѣшкался писать о произшествіяхъ со мною. Начиная при досугѣ въ 1807 году, когда совсѣмъ перемѣнились мои обстоятельства, долженъ вспоминать минувшее.

Получа отставку безъ мундира съ половиннымъ жалованьемъ, дожидавъ въ Петербургѣ зятя моего, должно мнѣ было прожить нѣсколько мѣсяцевъ. Домашнія мои дѣла были тогда весьма трудны. Я былъ долженъ слишкомъ 16/т. рублей, а имѣнія — 50 душъ, которое нераздѣльно съ матушкой и замужнею сестрою, и которое по состоянію своему не можетъ быть раздѣляемо. Выдумывая средства, какъ бы выпутаться и подъ старость имѣть покой, рѣшился было я пойдти въ прикащики къ купцу Злобину. Онъ предлагалъ мнѣ, за управленіе въ теченіи четырехъ лѣтъ дѣлами его въ Астрахани, перевести на себя всѣ мои долги, и въ это время доставить мнѣ порядочное содержаніе.

Чтобы подлость званія купеческаго прикащика сколь можно украсить видами государственнаго человѣка, преклонялъ я его на предпріятіе отважное: начать торгъ съ Индіею, изъ Астрахани въ Астрабадъ, отколѣ ходятъ караваны въ Дели. Я полагалъ возможнымъ достать образцы вещей желѣзныхъ и мѣдныхъ, дѣлаемыхъ въ Англіи для Индѣйцовъ изъ нашихъ матеріаловъ, ихъ сдѣлать на Оренбургскихъ заводахъ, Англичанину Кнауфу доставшихся отъ Лугинина, куда отправляться готовился Англичанинъ Гатенбергъ, доказавшій уже искусство преобращать изъ желѣза скованныя вещи въ сталь.

Богатой мужикъ, прежде большое одолженіе мнѣ сдѣлавшій, будучи чванъ, показалъ желаніе отличиться новымъ предпріятіемъ. Но тутъ надобно было съ нимъ много толковать, чтобы до понятія его дошла весьма сумнительная возможность исполнить сіе дѣло съ пользою. Однакоже онъ рѣшился и назначалъ капиталъ въ мою диспозицію. Разговоры его о семъ съ знатными господами и хвастливость, что будетъ меня имѣть прикащикомъ обратили на меня вниманіе. Съ разныхъ сторонъ доходили ко мнѣ извѣстія, что государь желаетъ знать причину, для чего оставилъ я службу. Въ совѣтѣ было разговариваемо обо мнѣ, и министры между собою разсуждали, что полезно бы было опредѣлить меня губернаторомъ. Генералъ-прокуроръ Беклешовъ предлагалъ о томъ въ сенатѣ, и заготовленъ былъ докладъ о помѣщеніи на вакансію въ Оренбургскую губернію. Услыша сіе отъ герольдмейстера, я просилъ его объявить генералъ-прокурору, что не прійму службы, и такъ избавилъ бы себя отъ труда докладывать дважды по напрасну.

Чтобы избавиться отъ жалованной мнѣ земли, которая ничего не стоила, подалъ я государю просьбу, прося взять ее обратно, потому что селить мнѣ некого, и въ замѣну ее испрашивалъ милости — пожаловать, сколько угодно, денегъ, дабы я могъ хотя нѣсколько расплатиться съ долгами, въ Петербургѣ нажитыми, коихъ показалъ по чистой правдѣ 5600 рублей.

Препоручено сіе было генералъ-прокурору Беклешову, и по докладу его дано мнѣ 10/т. руб. И такъ я, сдѣлавшись весьма доволенъ, отсталъ отъ обязательства быть прикащикомъ у купца, и отправился въ Мартѣ мѣсяцѣ домой.

Пріѣхавъ въ Москву, застала меня распутица; тутъ, проживъ мѣсяцъ, часто видался я съ прежнимъ моимъ начальникомъ Обольяниновымъ; чрезмѣрная его ласковость и дружество ясно мнѣ показывали, что ему совѣстно передо мною. Тутъ же я видѣлся съ возвращавшимся въ Петербургъ Гав. Ром. Державинымъ ([34]), всегда мнѣ много доброжелавшимъ. Онъ хотѣлъ знать, какой бы родъ службы избрать я хотѣлъ. Охота путешествовать заставила меня предложить о желаніи быть послану по мѣстамъ мало извѣстнымъ и могущимъ быть для государства полезнѣйшими, нежели онѣ есть,—и именно начиная отъ Царицына чрезъ Астрахань и Кавказъ въ Тифлисъ, оттолѣ, возвращаясь изъ Георгіевска, проѣхать по всей линіи въ Азовъ и чрезъ Харьковъ, Кременчугъ и Херсонъ въ Крымъ. Я желалъ имѣть право требовать свѣдѣнія, которыя бы нужны были для соображенія по части хозяйственной, военной и до внутренняго управленія касающейся. Онъ требовалъ отъ меня записки, которую я вручилъ ему, и которую онъ представилъ государю, и меня о томъ увѣдомилъ.

Пріѣхавъ домой, почувствовалъ я, что чрезъ продолженіе времени укоренившіяся привычки сдѣлали меня не способнымъ быть счастливымъ и въ томъ краѣ, среди того общества и въ томъ состояніи, въ которомъ я находился: Я предположилъ пробыть одинъ годъ въ своей семьѣ, отправиться заводить себѣ гнѣздо въ Кіевѣ, гдѣ хотѣлъ предаваться ученію и писанію; а до того времени, которое назначилъ

([34]) Онъ возвращался изъ Калуги, куда ѣздилъ производить слѣдствіе надъ губернаторомъ Лопухинымъ. Это было во второй половинѣ 1802 г. См. Записки Державина, стр. 445 и далѣе. *П. Б*

себѣ чертою старости, кромѣ горницы своей нигдѣ и ни въ чемъ не упражняться; сдѣлавшись не въ силахъ, хотѣлъ воспитывать сына брата моего и поѣхать съ нимъ въ Лейпцигъ или Дрезденъ.

Чтобы очистить соки и поправить развалившееся тѣло, а также, чтобы провести время, дѣлавшееся мнѣ скучнымъ, отправился я въ Сарпу. Проѣзжая недостаточному человѣку приличнымъ образомъ, ѣхалъ я въ умѣренномъ экипажѣ, то на наемныхъ, то на почтовыхъ лошадяхъ, степями, гдѣ раскольничьи скиты и потомъ колоніи Нѣмецкія; разность видѣлъ достойную примѣчанія.

Предъ отъѣздомъ въ Сарпу, я получилъ отъ Гавр. Ром. Державина письмо, гдѣ, шутя надъ намѣреніемъ моимъ жить философскимъ образомъ, предлагалъ, не лучше ли идти въ службу и быть полезнымъ въ государствѣ членомъ. Въ такомъ случаѣ написалъ бы я къ нему письмо, которое бы онъ могъ показать. Я отвѣтствовалъ, что, будучи доволенъ состояніемъ моимъ, служба мнѣ не надобна; но если бы сочли меня надобнымъ службѣ, то я готовъ быть вездѣ. При чемъ изъяснилъ, что губернаторомъ быть не могу, потому что не богать, жалованья мало: неприличное содержаніе унижаетъ начальника и дѣлаетъ ему разныя неудобства при исполненіи его должности.

Пребываніе въ Сарпѣ были пробою, до какой степени можетъ простираться умѣренность моя. Я жилъ у колодца въ маленькой комнатѣ, а другую такую жъ занимали мои люди, лечиться со мною поѣхавшіе. Передняя моя была обширнѣйшая степь. Горница, изъ тонкихъ брусковъ сдѣланная, и коей дверь въ степь отворялась, худо защищала меня отъ суровости воздуха. Дожди, тогда часто бывшіе, не все катились по крышѣ: многія капли являлись то на плѣшивую мою голову, то на разныя утвари, въ пятиаршинной комнатѣ разложенныя. Любопытство манило часто въ колонію; чрезъ день, когда не садился я въ теплую ванну, ходилъ туда пѣшкомъ чрезъ пространство семи верстъ и нѣсколькихъ саженъ. Жить въ Сарептскомъ выгодномъ трактирѣ я не могъ, потому что надобно бы было нанимать лошадей ѣздить къ колодцу, а у меня денегъ по ясному изчисленію, самымъ событіемъ доказанному, оставалось для экстраординарныхъ расходовъ только семь рублей. Проживъ у колодца Сарептскаго все время по предварительному назначенію, то есть до 1-го ч. Октября, поѣхалъ чрезъ Саратовъ въ Симбирскую губернію къ родственнику и другу моему Николаю Александровичу Чиркову. Онъ много мнѣ пѣнялъ, для чего не написалъ ему, чтобы прислалъ мнѣ денегъ. Но я не хотѣлъ, и впередъ полагаю такъ себя учредить, чтобы жить 900-ми руб. пансіона.

Будучи у Чиркова, вижу я въ газетахъ, что будто бы, согласно желанію моему, опредѣленъ я главнымъ надзирателемъ Крымскихъ соляныхъ озеръ чего, конечно желать не могъ.

Надобно знать, что въ теченіи того времени, какъ находился я въ Сарептѣ, сдѣлалась великая перемѣна: въ правленіи государственномъ установлены министерства; Гаврила Романовичь Державинъ, участвовавшій въ основаніяхъ сего новаго порядка, назначенъ былъ министромъ юстиціи ([35]) и сдѣлался въ большой довѣренности и силѣ. Будучи сенаторомъ, спорилъ онъ съ сенатомъ, утверждая, что для поль-

([35]) 8 Сент. 1802 года. *П. Б.*

зы государственной и блага народнаго надлежитъ Крымскую соль не отдавать на откупъ, и сію часть, елико можно, принаровить на пользу промышленности народной. Откупщиками наущаемые бояре съ нимъ не соглашались. Онъ довелъ сіе до свѣдѣнія государя и удостовѣря о истинѣ своего понятія укрѣпился его согласіемъ. Все сіе зная прежде, могъ я понимать причину моего опредѣленія къ должности.

Пріѣхавъ домой, нашелъ я большую кучу бумагъ, бывшихъ съ эстафетою посыланными въ Сарепту, и по отъѣздѣ моемъ оттолѣ возвращенными въ Петербургъ и потомъ съ нарочнымъ ко мнѣ въ деревню присланными, гдѣ присоединено еще партикулярное отъ Державина письмо, коимъ дружески онъ мнѣ совѣтуетъ и проситъ не отказаться исполнить препорученное дѣло и скорѣе ѣхать въ Крымъ. На проѣздъ и заведеніе пожаловано мнѣ отъ государя три тысячи рублей (отправлены въ Перекопъ), на счетъ коихъ взялъ Гаврило Романовичь письмо отъ Злобина къ его прикащикамъ, чтобы давали мнѣ сколько потребую. Взявъ 600 руб. на счетъ доходовъ домашнихъ, поѣхалъ я къ должности.

По примѣрному штату, еще не конфирмованному и для начальнаго только вступленія для руководства данному, назначено мое мѣсто 4-го или 5-го класса. По проэкту, со штатомъ совокупленному, назначенъ мнѣ въ помощь коллежскій совѣтникъ Сафоновъ, которому въ томъ же указѣ, гдѣ дано мнѣ 3000 руб., дано 6000 руб. Съ нимъ вмѣстѣ долженъ я по разсмотрѣніи обстоятельствъ составить штатъ, сочинить правила и представить на утвержденіе. Сіе дѣло, по учрежденію министерства вѣдомству министра внутреннихъ дѣлъ принадлежащее, поручено до времени его устроенія министру юстиціи. Я опредѣленъ въ должность меня унижающую, не хотя служить въ военномъ штатѣ генералъ-маіоромъ. Публиковано, что согласился принять совѣтничью должность на жалованье 1875 руб. и при такомъ дѣлѣ, гдѣ все прежде меня бывшіе много воровали. Что это значило въ глазахъ публики? Не сущій ли подкопъ подъ добрую мою славу, для которой переносилъ я всегда все, что̀ переносить человѣчество можетъ?

Продолженіе пути изъ Оренбургской губерніи въ Крымъ употреблено было на размышленіе и соображеніе всего, что̀ есть и быть можетъ. Одному въ кибиткѣ лежащему ничто не мѣшало предаваться неудовольствіямъ, досадѣ и всему отъ нихъ пораждающемуся.

Безпокойства физическія и моральныя сдѣлали, что я занемогъ и пріѣхалъ въ Перекопъ 18 Декабря 1802 года больной. Не заставъ своего помощника (онъ поѣхалъ осматривать внутри Крыма соленыя озера), я получилъ отъ него письмо, гдѣ въ дерзкомъ и глупомъ штилѣ совѣтуетъ мнѣ быть согласнымъ съ представленіемъ, отъ него уже посланнымъ. Разсматривая его бумаги, нахожу, что, получа отъ Державина письмо, увѣдомляющее, что посыланный ко мнѣ въ Сарепту эстафетъ возвращенъ ему обратно, что по неизвѣстности, гдѣ я нахожусь, скоро ли получа вторично посланныя бумаги, могу пріѣхать въ Крымъ, принялъ бы онъ (Сафоновъ) всѣ мѣры къ образованію сего дѣла, за которое отвѣчать будетъ долженъ. На сіе опираясь, Сафоновъ сдѣлалъ штатъ безъ показанія, для чего и куда опредѣляются чиновники и служители; написалъ вмѣсто правилъ прожекты, нелѣпыми бреднями и доносами преисполненные. Словомъ, ясно

что сей человѣкъ и не понимаетъ, что такое организировать какую нибудь часть и думаетъ о себѣ несравненно болѣе, нежели онъ есть.

Опасаясь, если конфирмуется такой штатъ и неимовѣрные прожекты, правилами названные, и я буду долженъ по онымъ дѣйствовать (ибо Сафонову велѣно, науча меня, возвратиться) то сдѣлаюсь въ большихъ затрудненіяхъ, рѣшился я на всѣ статьи посланнаго отъ него представленія написать мое мнѣніе, изъясня, какъ понимать тѣ вещи, и отправилъ съ эстафетою къ Державину, написавъ, что, не видя удобности дѣйствовать по видамъ Сафонова, прошу, не льзя ли меня освободить отъ сей коммиссіи, приславъ другаго болѣе меня знающаго сіе дѣло.

Представленный Сафоновымъ штатъ и правила присланы ко мнѣ съ повелѣніемъ, чтобы я вмѣстѣ съ нимъ освидѣтельствовалъ соль, къ сдачѣ откупщикомъ предъявляемую, которую Сафоновъ назвалъ негодною на пищу человѣческую, и сочиня также вмѣстѣ штатъ и правила, представилъ на утвержденіе.

Исполняя приказанное при свидѣтельствѣ посторонних чиновниковъ, раздробилъ я дѣло, какъ можно, на мелкія части, постепенно подписывая о всякой вещи порознь. Сафоновъ наконецъ самъ увидѣлъ, что совершенно изобличенъ въ ложномъ доносѣ, и необдуманные его правила и штатъ выведены наружу. И такъ, разруша его надежду обогатиться взятками съ откупщика, заставилъ я самаго торопиться скорѣе уѣхать въ Петербургъ. Сочиненный мною штатъ и правила, ни въ какія подробности не вводящія, онъ подписалъ безъ противорѣчія, но послалъ тайно отъ меня рапортъ, что, будучи не въ силахъ противустоять, рѣшился согласиться; но думаетъ, что то не сообразно состоянію дѣла и пользамъ казны.

По разсмотрѣніи сихъ бумагъ, нашли лучшимъ возвратить мнѣ мои представленія, и опредѣляя все представляемое мною число людей, ассигновавъ всю сумму денегъ 200 т. руб., препоручить, чтобы дѣйствовалъ я въ теченіи одного года хозяйственнымъ образомъ, испытывалъ бы удобства и возможности, и наконецъ по опытамъ и лучшему разсмотрѣнію сего дѣла, сочинилъ бы правила и штатъ и представилъ на утвержденіе.

Довѣренность, показующая доброе о мнѣ мнѣніе, была ласкательна. Я поступилъ такъ какъ бы въ собственномъ своемъ имѣніи, и дѣйствительно открылъ возможность, что съ великимъ противу прежняго облегченіемъ народу, получать стала и будетъ получать казна вмѣсто получаемыхъ отъ откупщика 280 т., болѣе 500 т. руб. въ годъ. Маленькихъ кражъ остановить нельзя, но большимъ, подобно бывшимъ, никакъ не можно вкрасться, если не разрушать всѣхъ уже утвержденныхъ правилъ.

Сначала цѣлый край, привыкшій видѣть богатѣющихся правителей соляныхъ озеръ, смотрѣлъ на меня, какъ на вора, коему благодѣтели дали средство, какъ они говорили, поправить состояніе. Но потомъ сдѣлался я въ великомъ уваженіи и производилъ удивленіе. При открытіи Таврической губерніи, когда гражданскій губернаторъ объявилъ желаніе просить увольненія, все дворянство отзывалось военному генералъ-губернатору Беклешову, что безпорядки въ Тавридѣ укоренившіеся истребить развѣ я только буду въ состояніи. Онъ, мнѣ о семъ объявляя, дружественно упрашивалъ принять губернаторскую должность и

писалъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Не имѣя знакомства съ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубеемъ, и думая, что онъ молодой человѣкъ-франтъ (при томъ же онъ въ большомъ былъ несогласіи съ Державинымъ, по протекціи коего я вошелъ въ службу), боялся я принять сію должность. Увѣдомя Державина о сдѣланной мнѣ пропозиціи, просилъ я его ходатайства, не льзя ли мнѣ прежде пріѣхать въ Петербургъ, и поосмотрясь на все, рѣшиться, принять ли губернаторскую должность или нѣтъ. Онъ былъ въ силахъ остановить опредѣленіе. Но между тѣмъ желаніе графа Кочубея увеличилось: по видимому заключать должно, и государь былъ въ такомъ же расположеніи. И такъ мѣсто губернаторское въ Крыму оставлено празднымъ. Въ сіе время Державинъ отставленъ отъ службы ([36]). Дѣло, мнѣ порученное, поступило къ Кочубею, а я отъ него получилъ предписаніе, что по представленію моему къ Державину о дозволеніи пріѣхать въ Петербургъ съ отчетомъ и представить штатъ и правила по соляной части, докладывалъ онъ государю и получилъ приказаніе объявить мнѣ соизволеніе его величества. При увольненіи Державинъ исходатайствовалъ мнѣ аренду на двѣнадцать лѣтъ, приносящую дохода 1100 руб. въ годъ, которую я послѣ продалъ за 16 т. руб.

Во время пребыванія моего въ Петербургѣ нравилась мнѣ очень теперешняя моя жена Варвара Марковна Полторацкая. Суровое воспитаніе и хорошо образованный умъ составили въ ней правила, могущія сдѣлать счастливымъ честнаго человѣка, мирно въ своемъ домѣ жить желающаго, и чрезъ жену въ люди выходить не добивающагося. По всѣмъ видамъ я былъ увѣренъ, что пойдетъ она за меня, и мать ея ([37]) и вся родня охотно на то согласятся. Но я никакъ не хотѣлъ послушаться своихъ чувствъ въ обстоятельствахъ непріятныхъ, когда не значу я ничего, не имѣю никакихъ видовъ по службѣ, кои въ самодержавномъ государствѣ часто въ большой цѣнѣ ходятъ, хотя очень часто ложною монетою являются. Нѣтъ у меня имѣнія и столько, чтобы исправно заплатить долги. Будучи при томъ старѣе ея 18 годами, казалось мнѣ унизительнымъ и для себя и для нея. Всякой почелъ бы меня обыкновеннымъ человѣкомъ, женитьбою долги платящимъ. При томъ же думалъ я, что не я нравлюсь, по мирной мой нравъ. Молодая дѣвушка, непріятно въ домѣ материнскомъ живущая, можетъ быть, хочетъ выдти за мужъ для того, чтобы жить по своей волѣ, а не для того, чтобы сообразоваться обстоятельствамъ и нраву мужа и стараться дѣлать его счастливымъ. Предъ отъѣздомъ изъ Петербурга много примѣтилъ я 'ея склонности ко мнѣ, много сочувствовалъ ей; но разсудокъ заглушалъ чувства, и я поѣхалъ, не сказавъ ни ей и никому ни слова.

Послѣдующее за тѣмъ время, большею частью проводимое въ скукѣ и уединеніи, не уничтожало, но укореняло привязанность. Варвара Марковна мечталась въ умѣ, вспоминались маленькія бездѣлицы, поставлялись въ число доказательствъ любви. Словомъ, я чувствовалъ себя совсѣмъ не равно-

([36]) Т. е. вышелъ въ отставку изъ должности министра юстиціи. Это было въ Октябрѣ 1803 г. *П. Б.*

([37]) Агаѳоклея Александр., въ то время вдова д. ст. сов. Марка Ѳедоров. Полторацкаго (†1795), урожд. Шишкова, знаменитая своимъ скопидомствомъ. *П. Б.*

душнымъ. Проѣзжая въ Крымъ, увидѣлся я въ Тамбовѣ съ однимъ моимъ пріятелемъ, коего жена въ дружбѣ съ сестрою Варвары Марковны, Олениной и съ которою бывалъ я часто вмѣстѣ. Расказывая объ общихъ знакомыхъ нашихъ, сказала она, что Варвара Марковна въ жалкомъ состояніи, что она больна, грустна и принуждена ѣхать въ деревню, куда матъ ея, собраніе богатства больше всего любящая, поѣхала содержать винный откупъ, и употребляетъ дочь-дѣвку въ дѣла, совсѣмъ для нея неприличныя.

Таковые разговоры произвели чувство, коего скрыть не умѣлъ. Донкишотское участіе и готовность защищать невинность и добродѣтель являлись на лицѣ и языкѣ. Умная слушательница о нихъ пересказала. А между тѣмъ, по отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, Варвара Марковна грустя занемогла. Докторъ объявилъ, что надобно быть чему нибудь моральному, которое разстроиваетъ ея здоровье; братья и сестры стали добиваться толку. Одному изъ братьевъ, болѣе любимому, она открыла тайну своего сердца; тотъ сказалъ нѣсколькимъ изъ многолюдной ихъ семьи, и наконецъ Оленину ([38]), бывшему всегда со мною особенно въ пріязни. Онъ предпринялъ атаковать меня безъ всякихъ околичностей; и точно напалъ на сторону, отколѣ трудно мнѣ было защищаться.

Когда жилъ я въ Перекопѣ одинъ, не было у меня ни одного человѣка, съ коимъ бы одно слово кромѣ соляныхъ дѣлъ сказать было можно. Когда грусть, досада и уныніе свили гнѣздо въ моемъ сердцѣ, получилъ я письмо отъ Оленина. Онъ пишетъ, что Варвара Марковна меня любитъ и ничего не желаетъ кромѣ какъ быть моей женой; что она была больна, призналась ему въ своихъ чувствахъ, сказала, будто бы ей какія то слова я сказалъ, по коимъ заключаетъ, что и я ее люблю; и такъ, какъ честному человѣку сіе объявляя, требуетъ рѣшительнаго отвѣта, и если я жениться не намѣренъ, то увѣренъ, что сіе объявленіе останется между нами.

Размышляя нѣсколько времени, видѣлъ я, что прощай мои правила жить ни отъ кого и ни отъ чего въ независимости. Отвѣтствую въ полной откровенности, чтобы обдумались хорошенько, сообразили бы, что я бѣденъ, что правилъ своихъ никогда не перемѣню, и слѣдовательно не обогатиться, а промотаться могу, что я старѣе ея несоразмѣрно; и такъ она, находясь въ заблужденіи, можетъ сдѣлаться несчастною на вѣкъ. На сіе получилъ я отвѣтъ, что ни старость моя, ни бѣдность не ужасаютъ. На вопросъ, что захочетъ ли она жить всегда въ Крыму, гдѣ предлагается мнѣ мѣсто губернаторское, отвѣтствовали, что всюду со мною готова. И такъ я сдѣлался женихъ.

Все это дѣлалось въ секретѣ отъ матери, которая всегда и всѣмъ вопреки дѣлать хочетъ и имѣетъ гордость располагать склонностями и участьми дѣтей своихъ и всѣхъ ей принадлежащихъ людей. Будучи всегда весьма отъ нея уважаемымъ и любимымъ, надлежало поступить съ нею особливымъ образомъ.

Проѣзжая въ Петербургъ и думая, что невѣста моя тамо, не заботился я навѣдываться. Старинное желаніе на вѣкъ остаться холостымъ все еще боролось со склонностію къ женидьбѣ. Мнѣ кажется, даже радъ бы я былъ, если бы что нибудь небезчестное съ моей стороны помѣшало исполненію

([38]) Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, женатый на Елизаветѣ Марковнѣ Полторацкой. *П. Б.*

сего намѣренія, уже далеко доведеннаго. Наконецъ пріѣхалъ я въ Торжокъ вечеромъ. По причинѣ бывшаго холода я спалъ въ закрытой моей кибиткѣ; уже лошади вновь запряжены были, какъ я проснувшись спросилъ гдѣ мы? Мнѣ отвѣчали: въ Торжкѣ. Зная, что теща моя содержитъ на откупѣ весь уѣздъ, я спросилъ ямщика, кто здѣсь содержитъ откупъ; онъ отвѣчалъ: генеральша Полторацкая. На вопросъ, гдѣ она живетъ, отвѣчалъ: въ городѣ. Вышедъ изъ кибитки, вошелъ я въ трактиръ; по нѣсколькихъ вопросахъ узнаю, что не только теща, но и невѣста моя въ томъ же городѣ. Я, посмотря на часы и видя, что уже десять часовъ, послалъ ямщика освѣдомиться, не спятъ ли въ домѣ и можно ли мнѣ пріѣхать повидаться. Лишь уѣхалъ мой посланной, почталіонъ прибѣгаетъ и подаетъ письмо отъ г. Бакунина, тутъ же живущаго. Онъ пишетъ, что въ какое бы время я ни ѣхалъ чрезъ Торжокъ, проситъ меня остановиться для свиданія съ нимъ. За тѣмъ вскорѣ онъ является, даетъ мнѣ письмо отъ Олениной, совѣтующее поѣхать къ матушкѣ ея въ деревню (39), пробыть нѣсколько времени, и сдѣлать ей предложеніе о женитьбѣ. Между тѣмъ и посланной мой ямщикъ является, сказывая, что лишь услышала о мнѣ госпожа, призывала его къ себѣ и велѣла звать меня повидаться съ нею.

Въ дорожномъ платьѣ, съ небритою бородою, вхожу въ комнату, гдѣ покрайней мѣрѣ десять женщинъ сидѣли округъ кровати, на коей лежала больною объявляющаяся моя теща. Принимаетъ меня съ распростертыми руками, распрашиваетъ, гдѣ я жилъ, что я дѣлалъ; расказываетъ, будто много о добрыхъ дѣлахъ моихъ слышала, пѣняетъ правительству, для чего мало меня награждаютъ; справедливые мои отвѣты принимаетъ хитростію и скромностію; журитъ, для чего не пользуюсь случаями, коли не красть, то приневоливать государя награждать болѣе; однимъ словомъ, осыпаетъ знаками дружества. По нѣсколькихъ разговорахъ начинаетъ шутить, какъ прежде почти всегда случалось; спрашиваетъ, долго ли тебѣ не жениться, долго ли волочиться; женись хоть на мнѣ. Я отвѣчалъ: теперь хочу жениться. Она замолчала и скоро перервала разговоръ. Изъ сего я заключилъ, что и у нея тоже было и есть на умѣ, о чемъ мы безъ ея вѣдома согласились.

Множество уѣздныхъ барынь и барышень не давали мнѣ простору поговорить съ ней серьезнѣе о женитьбѣ Уже часу въ первомъ сдѣлалось ей желаніе встать съ постели; она просила меня выдти. Варвара Марковна, какъ хозяйка, позвала въ гостинную. Мы сдѣлались одни. Ту минуту я спросилъ ее, думала ли она о всемъ хорошенько и подлинно ли рѣшилась за меня выдти за мужъ. Томное *да* было отвѣтомъ; я поцѣловалъ ее обнявъ, и сказалъ ей: сдѣлай, чтобы остался я одинъ съ матушкой. Поздній вечеръ и ея стараніе исполнили вскорѣ мое требованіе.

Позванъ будучи въ спальню, принявъ прежнее мѣсто на стулѣ близь ея кровати, лишь остался я одинъ, спросилъ: „скажите мнѣ правду, хорошо ли вы обо мнѣ думаете". Она отвѣчала: „очень хорошо, да что это значитъ?" Я, протянувши къ ней руку, сказалъ: „коли хорошо думаете, отдайте мнѣ Варвару Марковну". Тутъ въ

---

(39) Село *Грузинъ*, не подалеку отъ Торжка *П. Б.*

мигъ слезы у нея покатились, и она, обѣ руки подавая, сказала: „изволь, батюшка, отдамъ тебѣ обѣими руками“. Тутъ позвали Варвару Марковну, спросили ее, получили ея согласіе, и я сдѣлался совершенный женихъ.

Поелику сіе происходило въ концѣ послѣдней недѣли предъ Рождествомъ, и мнѣ надобно было пріѣхать въ Петербургъ до воскресенія, чтобы успѣть прежде праздниковъ въ воскресной день, какъ то обыкновенно, представиться государю и императрицамъ, то и не льзя было мѣшкать. Пробывъ до пятаго часа по полуночи, поѣхалъ я въ путь—съ обѣщаніемъ, что на обратномъ пути окончимъ мою свадьбу безъ церемоній.

Пріѣхавъ въ Петербургъ въ домъ стариннаго пріятеля (дѣлающагося мнѣ роднею) Оленина, имѣлъ я удовольствіе видѣть радость всѣхъ до единаго всей многолюдной ихъ семьи.

Дворъ, окружающее его и всѣхъ дѣйствующихъ лицъ увидѣлъ я новыхъ и совсѣмъ другимъ манеромъ поступающихъ. Въ теченіе менѣе двухъ лѣтъ отсутствія моего изъ Петербурга, столько сдѣлалось перемѣны, что, кажется, надобно бы было сто лѣтъ. Образъ жизни, порядокъ въ дѣлахъ, обхожденіе начальниковъ съ подчиненными, все новое, все мнѣ необыкновенное. Ко всему надобно стало примѣняться и самому совершенно перемѣниться. Пріѣхавъ въ субботу, нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и не могъ его видѣть. Явясь по утру рано въ воскресенье, былъ тотчасъ позванъ въ кабинетъ; подавъ кучу бумагъ, получилъ приказаніе явиться у обергофмаршала (40), который представитъ меня государю. При прощаніи спрося, гдѣ живу, объявилъ, что по прочтеніи бумагъ позоветъ меня къ себѣ.

(40) Графа Н. А. Толстаго. *П. Б.*

Слѣдуя порядку, принятому за правило, не являлся я къ министру. Наконецъ черезъ четыре дни прислана была мнѣ записка, что министръ проситъ меня въ 8 часовъ вечера. Явясь въ назначенный часъ, увидѣлъ я его, товарища его гр. Строганова, управляющаго экспедиціею Габлица и начальника отдѣленія по соляной части. Сѣли всѣ, какъ бы въ присутственной комнатѣ, за столъ. Онъ началъ вопрошать меня о моемъ дѣлѣ похоже на катихизисъ. Отвѣчавъ на нѣсколько вопросовъ, я призналъ, что испытываетъ меня, я ли или секретарь мой писалъ ему поданное; наконецъ я сказалъ, что все о чемъ его сіятельство спрашиваетъ написано самимъ мною въ поданныхъ ему толстыхъ тетрадяхъ. Тутъ, окончивъ испытаніе ребяческое, начинается разсужденіе о правилахъ. Я примѣтилъ, что министръ углубляется въ подробности и такія мелочи, коихъ ему знать не можно. Всѣ разсужденія его клонились къ опороченію того порядка, который дѣйствительно съ опытовъ я написалъ и пользу онаго математически доказалъ. Тотчасъ я заключилъ, что это не онъ говоритъ, а Габлицъ, который былъ въ Крыму вице-губернаторомъ, правилъ симъ дѣломъ, и за то, что вмѣсто 500/т. сдѣлалъ 100/т. рублей дохода, награжденъ былъ. Тѣмъ больше подозрѣніе мое увеличивалось, что онъ молчалъ. Я, утверждая свои правила, старался ввести его въ разсужденіе, и наконецъ придравшись къ слову, сталъ доказывать явственнѣе, какъ что прежде было и какъ нынѣ есть, и что порядокъ, откупщикомъ заведенный, хорошъ, перемѣнять его не должно и надобно благодарить, что не казна, а частный че-

ловѣкъ ввелъ оный; слѣдовательно неудовольствія богатившихся богатыхъ на счетъ неимущихъ бѣдныхъ обращались на него, а не на правителей, поставленныхъ отъ государя; и что теперь люди уже отвыкли отъ безпорядка, во вредъ казны существовавшаго.

Надобно знать, когда Крымомъ владѣлъ ханъ, хозяйство его было управляемо такимъ образомъ: Татары выволакивали соль даромъ, и не платили ничего за землю, ими владѣемую; соль тогда не вѣсили, а считали возами; Малороссіяне, за нею пріѣзжавшіе, платили за взятую изъ бугровъ по десяти, а изъ озера самими ими выволоченную по шести рублей за фуру; имъ не препятствуемо было положить столько, сколько вести можетъ пара воловъ. Когда Крымъ присоединенъ къ Россіи, принято въ основаніе, будто фура вмѣщаетъ въ себѣ 73 пуда, и потому велѣно продавая соль по 14 ½ р., брать съ фуры по 10 рублей. Извѣстно, что есть такіе волы, что̀ везутъ около 200 п., и есть такіе, что болѣе 50 пуд. везти не могутъ. Сей порядокъ, увеличивая прибыль богатыхъ, отягощалъ бѣдныхъ, и произвелъ, что зажиточные, добрыхъ воловъ имѣющіе, ѣздя къ озерамъ, привозили соль въ Перекопъ и тутъ, пройдя чрезъ ворота, заплатя деньги по пяти копѣекъ за пудъ, продавали бѣднымъ по 15 и болѣе. Сіи злоупотребленія породили другія и расплодили такое число, что сотни тысячь рублей воровали чиновники, симъ дѣломъ управлявшіе. Мнѣ извѣстно, что г. Габлицъ не бралъ, но не умѣлъ оберечь казну отъ расхищенія. Онъ, пресѣкая маленькія плутни, умножилъ доходъ въ двое, а не дошелъ до корня зла, исторгнувъ который, можно его удесятерить.

Вѣроятно, что доказательства мои обратили министра, честно свою должность исполняющаго, на мою сторону, также и графа Строгонова; а Габлицъ, у коего мое дѣло въ производствѣ, на меня озлобился.

День ото дня дѣлаясь знакомѣе съ министромъ, отличаемъ я былъ обхожденіемъ его. Вскорѣ онъ мнѣ предлагаетъ должность губернаторскую съ тѣмъ, что къ обыкновенному губернаторскому жалованью буду я получать 2400 рублей за управленіе соляною экспедиціею. Я согласился и вскорѣ былъ опредѣленъ.

Проходитъ много времени и уже приближается постъ, когда вѣнчаться не можно. Меня не отпускаютъ для того, не окончено разсмотрѣніе представленныхъ мною бумагъ и не опредѣлено, чему какъ быть. Габлицъ медлилъ сочиненіемъ отъ него зависящаго доклада государю. Нѣсколько разъ напоминалъ я, что по собственнымъ моимъ обязательствамъ пора мнѣ ѣхать въ деревню къ тещѣ, и для дѣлъ по службѣ надобно поспѣшить въ Крымъ. Видѣлъ я желаніе министра удовлетворить моему требованію и видѣлъ безсиліе его заставить дѣлать скорѣе.

Однажды, долго пробывъ у него въ кабинетѣ и уже прошло время обыкновеннаго обѣда, оставилъ онъ меня у себя. Пришедъ въ домашнія комнаты предъ каминомъ въ кабинетѣ жены его ([41]), спросилъ онъ меня: какъ намѣренъ я жить въ Крыму? Я отвѣтствовалъ: какъ могу и по мѣрѣ, какое содержаніе государь опредѣлитъ, разсуждая, что пышность не умножаетъ уваженія къ начальнику, и много тому подобнаго. Наконецъ онъ мнѣ сказалъ, что „не далѣе какъ сегодня разговаривалъ я о васъ съ государя-

([41]) МаріиВасильевны, ур. Васильчиковой. *Б. II.*

ремъ. Онъ признаетъ, что ваша служба полезнѣе бы ему была здѣсь". И такъ, не совѣтуя заводиться домомъ, требовалъ, чтобы, осмотря всѣ части, привелъ я въ извѣстность о всемъ, что̀ есть въ Крыму, и потомъ готовъ былъ возвратиться и жить съ ними неразлучно. Я очень его благодарилъ и былъ доволенъ.

Вскорѣ за тѣмъ вышло производство всѣхъ представленныхъ мною чиновниковъ, и я былъ отпущенъ къ должности, съ обнадеживаніемъ, что штатъ и правила будутъ присланы въ слѣдъ за мной.

Пріѣхавъ въ деревню къ тещѣ моей, женился я 14 февраля 1804 года. Слово, мнѣ данное, теща моя не сдержала: я былъ въ церемоніяхъ сколь скучныхъ, столь же и смѣшныхъ; но, рѣшась на все, сохранилъ въ себѣ спокойствіе, сдѣлавъ тѣмъ удовольствіе женщинѣ, въ своенравіи закоренѣлой. Она отъ часу болѣе показывала любовь и расположеніе; и я слышалъ отъ всѣхъ, что и не воображали ее видѣть въ такихъ пріятныхъ чувствахъ. Вся семья восхищалась мною, всѣ умны, всѣ дружны, я очень былъ доволенъ. Жена моя день ото дня милѣе мнѣ становилась. Я нашелъ ее гораздо умнѣе и въ правилахъ тверже, нежели воображалъ.

Скоро отправясь въ Крымъ, старался я поспѣшать, хотя распутица и большой обозъ много дѣлали препятствія. Пріѣхавъ въ Симферополь 29 марта, не зная обстоятельствъ губерніи, ни людей, дѣлами управляющихъ, долженъ былъ я много упражняться.

Чтобы объяснить тогдашнія наши обстоятельства, надобно сказать историческимъ порядкомъ о губерніи и довести до того состоянія, въ которомъ я ее принялъ. Исторія Крыма въ отдаленныхъ временахъ довольно извѣстна всѣмъ, кто читать умѣетъ. Надобно только примѣтить, что древніе писатели говорили о немъ слегка; а новѣйшіе бумагомаратели, вытаскивая изъ пыли лоскутья Страбона и протчихъ, и раздувая каждое слово, увеличивая хорошее, умалчивая худое, затмили истину. Причина сему тотчасъ извѣстна, какъ скоро кто примѣтить ее захочетъ. При покойной императрицѣ Екатеринѣ II, управляющій кормиломъ государства и дающій всякой вещи смыслъ по своему произволенію, любимецъ ея князь Потемкинъ, названный послѣ Таврическимъ, хотѣлъ славы. Миръ съ Турками, достойнымъ вѣчныя славы графомъ Румянцевымъ заключенный въ 1774 году, доставилъ возможность присоединить Крымъ къ Россіи. Князь Потемкинъ воспользовался симъ. Получа въ неограниченную власть войско, сдѣлавшись генералъ-губернаторомъ сосѣдствующей съ Крымомъ губерніи, интриговалъ онъ посѣять въ немъ междоусобія и безпорядки. Ханъ ожесточенный началъ свирѣпствовать съ подвластными ему. Угнетаемое человѣчество, до отчаянія доводимое, поднимало погибающую голову и помышляло о правахъ естественныхъ. Ханъ, сдѣлавшись въ опасности, просилъ пособія отъ Русскаго двора; разумѣется, сіе тотчасъ исполнено. Отборныя войска, уже пріуготовленныя на границѣ, вошли въ Крымъ, содѣйствуя къ утвержденію ханской власти, остались въ немъ и скоро надоѣли всѣмъ жителямъ. Чрезъ деньги найдены люди, могущіе толковать, что ханъ всему виною. Народное противу его волненіе увеличивалось. Онъ, видя себя между двухъ огней, показалъ желаніе передаться подъ протекцію Турокъ, у коихъ глубокая рана, войною сдѣланная, еще была свѣжа. Собравъ, сколь-

ко могъ, военныхъ округъ себя людей, жилъ въ лагерѣ или лучше сказать кочевалъ, по обыкновенію степныхъ жителей, близь берега Чернаго моря, между Керчи и Ѳеодосіи; все что имѣлъ драгоцѣннаго и женъ своихъ отправивъ въ Анатолію, и, какъ кажется, изъискивалъ возможность освободиться отъ Русскихъ войскъ силою, которой не имѣлъ. Будучи обманутъ командовавшимъ въ Крыму генераломъ барономъ Игельстромомъ, взятъ благопристойнымъ образомъ подъ караулъ, отправленъ будто для объясненія въ Петербургъ, но вмѣсто того остановился въ Воронежѣ.

Интриги дѣйствовали, Крымцы просили быть подданными Россійской императрицы, и яко люди, ни отъ кого не зависящіе, приняты. Открыта губернія Таврическая. Генералъ-губернаторъ ея князь Потемкинъ получилъ названіе Таврическаго ([42]).

Поелику сіе происшествіе сдѣлалось собственнымъ дѣломъ князя Потемкина, коему конечно хотѣлось прославиться въ Россіи услугою, имперіи оказанною, и слѣдовательно нужно было всѣхъ елико можно познакомить съ Крымомъ, онъ сталъ одобрять путешественниковъ и писателей о Крымѣ. Всякаго званія, всякой націи люди, осматривая его красы, въ самое лучшее время года, описывали нагорныя мѣста, гдѣ, проѣзжая верхомъ по десяти верстъ въ день, не упоминали о тѣхъ степяхъ, чрезъ кои двѣсти верстъ въ сутки проскакивали.

Генуезцы и Греки имѣли крѣпости и колоніи въ нагорной части. Они торговали съ кочевавшими по степямъ народами, вымѣнивали на товаръ хлѣбъ и невольниковъ, правомъ войны пріобрѣтаемыхъ. Сіи Европейцовъ заведенія были, какъ кажется, безъ старанія дѣлать прочное. Торгомъ обогатившіеся возвращались обратно; обогащеніе ихъ служило для обогащенія кореня ихъ въ Европѣ, подобно какъ нынѣшнихъ временъ Европейцы имѣютъ заведенія въ Индіи, съ тою только разницею, что сила и просвѣщеніе на лучшей теперь степени. Древнія въ Крыму строенія большею частію изъ ноздреватаго известковаго камня, сложенныя на глинѣ, жителями оставленныя, развалились, показывая намъ безобразныя кучи. Крѣпости имѣютъ стѣны, снаружи только на извести кладенныя, но въ срединѣ на глинѣ и землѣ. Въ сводахъ есть мелкой въ Италіи употребляемый кирпичь, всѣ же связи изъ деревянныхъ брусьевъ.

Когда основалась Греческая имперія, тогда сосѣдство съ столичнымъ городомъ начало поболѣе укоренять въ Крыму людей. Малое число строеній того времени лучше и прочнѣе.

По уничтоженіи Турками Греческой монархіи нѣсколько крѣпостей и колоній, Грекамъ и Генуезской республикѣ принадлежавшихъ, все еще сохраняли свою независимость. Крымъ, обладаемый Татарами, отъ Золотой Орды оторвавшимися, не распространялся до нагорнаго морскаго берега. Ханъ, находя себя безсильнымъ вытѣснить или поработить Европейцевъ, просилъ помощи Турецкаго султана. Присланный съ войскомъ паша исполнилъ свое дѣло, и оставя въ крѣпостяхъ гарнизонъ, остался начальникомъ. Ханъ учинился подъ протекцію Турокъ, султанъ располагалъ землями, Европейцами владѣемыми. Колоніи, въ Крыму оставшіяся, сдѣлались подчиненными пашѣ Турецкому. Христіане

([42]) Это обратная сторона картины, начертанной гр. А. Н. Самойловымъ, см. Р. Архивъ 1867 года, стр. 1220—1225. *П. Б.*

утѣсняемые по маленьку стали принимать законъ магометанскій, перемѣшались съ Турками Анатольскими, изъ коихъ гарнизонъ былъ составленъ. И такимъ образомъ нагорная часть Крыма приросла къ Анатоліи. Оставшіеся въ христіанскомъ законѣ Греки и Армяне несли всю тяжесть Турецкой власти.

Мирный трактатъ, въ 1774 году съ Турками Россіею сдѣланный, освободилъ Крымъ отъ власти Турецкой; крѣпости и колоніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ земли нагорной его части учинились собственностію хана. Онъ, будучи Россіи обязаннымъ, согласился всѣхъ Грековъ и Армянъ выслать для поселенія въ Россію. Неудобопонятная политика, раззоря ихъ корень, служащій пользою и украшеніемъ Крыма, водворила ихъ въ окрестностяхъ Азова близь береговъ Азовскаго моря. Люди, садоводствомъ, издѣліями и шелководствомъ промышляющіе, сдѣлались принужденными быть рыболовами и скотоводцами. Перемѣна климата и образа жизни много въ числѣ ихъ уменьшила.

По переселеніи Армянъ и Грековъ, ханъ началъ жаловать землями мурзъ, стараясь привлечь ихъ съ себѣ. Многолюдныя селенія, большое садоводство имѣющія, начали быть обитаемы малымъ числомъ несмысленно-лѣнивыхъ Татаръ, не разумѣющихъ содержать деревья, изъ южныхъ странъ перевезенныя и съ большимъ тщаніемъ выращаемыя.

Доколѣ оставался ханъ въ Крыму, Русскіе, будучи гостями, занимали квартиры въ селеніяхъ Татарскихъ. Ревнивость магометанъ увеличивала ихъ неудовольствіе противу хана, Русскія войска призвавшаго. По отъѣздѣ его, предложено подданство; обѣщано поступать, какъ съ своими, бережливѣе и слѣдовательно освободить отъ постоя. Дѣло сдѣлано, Крымцы присягнули на подданство, и обѣщаніе исполнено. Не смотря на глубокую осень, полкамъ приказано было строить землянки вмѣсто зимнихъ квартиръ. Для столь важной операціи не только благовременныхъ пріуготовленій, ниже распоряженій отъ начальства дѣлаемо не было, лишь показаны мѣста въ долинахъ. Солдаты начали работу, надобный для землянокъ лѣсъ стали рубить безъ разбору. Тутъ погибли высокія раины и развѣсистые тополи, Крымскіе сады украшающіе. Не пощажены огромныя дерева орѣховыя, грушевыя, яблонныя и прочія. Дерево безъ фруктовъ и безъ листьевъ не знакомо Русскому; какъ осину и березу рубили они все что находилось поближе. Офицеры, разлакомившіеся имѣть походныя мебели изъ орѣховаго дерева, много ихъ истребили.

Близь рѣчекъ устроенныя землянки, въ осенніе дни сдѣланныя, были пагубны для здоровья людей; великое число Русскихъ, къ Крымскому климату не привыкшихъ, погребено въ иловато-известковую землю. Чума, можетъ быть завезенная, но симъ еще увеличившаяся, довершила истребленіе.

Большіе рекрутскіе наборы укомплектовали полки, въ Крыму расположенные. Извѣстія отъ возвращавшихся полумертвыми офицеровъ распространили слухи о тяжести климата. Россіяне ужасались Крыма; но писатели, подстрекая любопытство увеличенными красами, манили въ него, подкрѣпляемые силою великомощнаго боярина. Могли ли они противустать общему понятію, на событіяхъ основанному?

Принято намѣреніе населять Крымъ Русскими людьми. Бояринъ, кромѣ забавъ и честолюбія ничѣмъ не зани-

мавшійся и ничто въ цѣну не полагающій ([43]), сталъ жаловать землями. Почти всѣ достались шутамъ и угодникамъ, коимъ селить было некого. Удовлетворяя ихъ выбору, отводились дачи, на которыхъ побольше было людей. Сіи помѣщики, силу въ губернскомъ правленіи имѣвшіе, чтобы умножить себѣ доходы, начали стѣснять древнихъ обитателей, произвели неудовольствіе, ропотъ и опасность. За симъ послѣдовало уменьшеніе людей: многіе были высланы за границу, многіе уволены по прозьбѣ, а нѣкоторые бѣжали въ Турецкія области. И такимъ образомъ остались въ Крыму только тѣ Татары, коимъ дѣваться было не куда, то есть негодяи или тѣ, которые, жительствуя на мѣстахъ невыгодныхъ, не подпали подъ иго милостей.

Для заведенія Русскихъ селеній, исходатайствованъ манифестъ, коимъ прощаются бѣглецы, изъ заграницы возвращающіеся, и всякаго рода и званія люди, скитающіеся подъ именемъ не помнящихъ родства. Имъ дозволялось избрать состояніе по ихъ желанію. Новые помѣщики, симъ воспользуясь, подговаривали солдатъ къ побѣгамъ. Бѣжавшіе изъ полковъ на другой день являлись къ пограничнымъ начальникамъ, объявляли себя выходцами изъ за границы или не помнящими родства. Желаніе ихъ быть записанными по ревизіи въ крестьянство помѣщика, ихъ подговорившаго, тотчасъ было удовлетворяемо. Они, будучи водворяемы въ селеніяхъ, гдѣ оставались Татары, на землѣ, помѣщику пожалованной, способствовали къ скорѣйшему первобытныхъ жителей удаленію.

([43]) Мы уже знаемъ, что это отзывъ пристрастный. *П. Б.*

Со всего государства велѣно было собрать солдатскихъ женъ и отправить къ мужьямъ. Подъ присмотромъ привезенныя въ Крымъ женщины, коихъ мужья давно померли, разбираемы были солдатами, коимъ тотчасъ давалась отставка и снабденіе отъ казны, и лишь объявитъ желаніе поселиться на земляхъ, къ тому назначенныхъ въ Крыму. Взявъ незнакомую и въ пути, да и дома еще, избалованную жену, получа все, что крестьянину имѣть надобно, оставшись на свободѣ безъ всякаго присмотра, предавались они распутству, и большая часть изчезла.

Таковое основаніе конечно должно было принести вредные плоды. Бродяги, бездѣтно умершіе, а большая часть разбѣжавшіеся, отягощая оставшихся чрезъ умноженіе податей, вносимыхъ за убылыхъ, отяготили край на многіе годы и пресѣкли путь къ приведенію его въ лучшее состояніе; ибо никто изъ добропорядочныхъ поселянъ не захотѣлъ водвориться въ таковыя селенія. Всего же злѣе, что бродяги, промотавшіе данное имъ снабдѣніе, не жалѣя ничего, истребили лучшія деревья, продавая все что можно. Потомъ они же ввели въ обыкновеніе всякія мошенничества и скверныя дѣла.

Въ Турецкія области удаляющіеся изъ Крыма Татары жалобами и воплемъ возбудили общее негодованіе. Народная готовность къ войнѣ давала правительству надежду возвратить потерянное. Начались съ обѣихъ сторонъ пріуготовленія. Новые помѣщики и судьи, взятые изъ полковыхъ офицеровъ, большею частію солдатскіе дѣти, разогнавшіе и ожесточавшіе Татаръ, искали возможностей къ снабдѣнію принимаемыхъ и на пожалованныхъ имъ земляхъ водворяемыхъ бродягъ. Они умыслили и исходатайствовали приказаніе отобрать у Татаръ оружіе и

скотъ ихъ перегнать на степь, за Перекопомъ простирающуюся до береговъ рѣки Днѣпра. Сіе дало возможность, отбирая оружіе, отобрать и все, что можно было взять. Татары, коихъ скотъ удаляемъ былъ за 100 и болѣе верстъ, полагая его погибшимъ, старались его наперерывъ продавать. Дворяне и судьи, за порядкомъ смотрѣть и сосчитывать опредѣленные, много даромъ отсчитывая себѣ, покупали гуртомъ по рублю лошадь и рогатый скотъ.

Война, въ 1787 году начеишаяся, кончилась для Россіи счастливо. Предѣлы ея распространились, прежнее пріобрѣтеніе сдѣлалось надежнѣе по мѣрѣ ослабленія Турковъ. Но Крымъ, выше объявленными происшествіями изнеможенный, показывалъ опустошеніе и ужасные слѣды безпорядковъ.

По смерти князя Потемкина, Крымъ, какъ бы удѣлъ фаворитовъ, достался подъ начальство князя Зубова. Молодой человѣкъ, женоподобнаго нрава, ничѣмъ никогда не управлявшій, никакихъ дѣлъ не знающій, опираясь на власть, безразсудно ему данную, хотѣлъ быть милостивъ. Чтобы сдѣлать благодѣяніе новымъ его подчиненнымъ и окружающимъ государыню служителямъ, исходатайствовалъ дозволеніе жаловать не дачами (какъ прежде князь Потемкинъ дѣлывалъ), а числомъ десятинъ. Сіе дѣло, чрезъ безсовѣстнаго губернатора въ дѣйство произведенное, довершило погибель Крыма.

Судьи и придворные камердинеры, камеръ-юнгферы и прочіе таковаго рода люди, желая получить не земли для водворенія обывателей, но возможность собрать деньги, взяли имъ пожалованное число раздробительно въ разныхъ дачахъ: словомъ, вездѣ распространили и пустили глубже корень безпорядка и утѣсненія первобытныхъ жителей.

Кончина императрицы Екатерины II перемѣнила видъ всѣхъ дѣлъ. Губернія Таврическая уничтожена. Крымъ, обратившійся въ уѣздъ, причисленъ къ Екатеринославской губерніи, переименованной тогда Новороссійскою. Суровость правленія произвела страхъ. Сократились притѣсненія обывателямъ, и умолкли ихъ жалобы. Уничтоженныя присутственныя мѣста, оставя многое число въ чины выведенныхъ негодяевъ, составили корпусъ нищихъ въ старинныхъ намѣстническихъ мундирахъ. Ябедничество оставалось имъ средствомъ къ содержанію себя. Сѣмена зла, гнѣздящагося въ сердцахъ и умахъ ихъ, подобно морозу, скрѣпляемы были строгостію тогдашняго правленія. Надобна была теплотворная кротость, чтобы возникли онѣ, и явились на поверхности съ плодами.

Судьи и подъячіе, отъ службы уволенные, никакого имѣнія нигдѣ не имѣющіе, разбрелись по дачамъ, имъ пожалованнымъ.

Они жили съ Татарами мирно, по братски; нѣкоторые жъ, въ число получившихъ помѣстья не попавшіе, поступили въ волостные писари, а иные упражнялись въ писаніи прошеній къ мѣстнымъ начальникамъ. Между тѣмъ всѣ между собой завидовали, враждовали и спознавая тонкости минувшихъ плутней, готовились къ доносамъ.

По кончинѣ Павла I-го, бывшаго въ нынѣшнія времена подобнымъ царю Іоанну Васильевичу Грозному, явилась на престолѣ Россійскомъ благодать въ лицѣ Александра I-го. Снисхожденіе ко всему и кротость начали смягчать суровую кору, и добро и худо въ нѣдрахъ содержавшую. Любимецъ его Новосильцевъ, ни въ какихъ дѣлахъ не упражнявшійся, захотѣлъ научиться и подобно Некеру нагрузилъ свой кабинетъ чужими идеями.

Изданъ указъ, чтобы всѣ, съ полезными прожектами явиться могущіе, предстали къ сему молодому патріоту. Первые прожекты, ободреніе и награду получившіе, расплодили людей сего рода. За недостаткомъ выдумать полезное, явились допощики, бывшее зло объявляющіе. Начались изслѣдованія, учреждались для разсмотрѣнія комитеты, умножилось число дѣлъ, и зло, въ другомъ только образѣ, размножилось Крымъ сдѣлался въ страшномъ потрясеніи; старинные безпорядки, въ извѣстность приводимые, виновниковъ ужасали. Они ожидали подобнаго страшному суду Божію, въ Евангеліи обѣщанному.

Для разсмотрѣнія на мѣстѣ о земляхъ, вопреки справедливости и порядка розданныхъ, и для разрѣшенія споровъ между старыхъ и новыхъ помѣщиковъ и простыхъ Татаръ, учреждена и отправлена въ Крымъ коммиссія. Сенаторъ Лопухинъ назначенъ предсѣдателемъ; съ нимъ отправлены и именитые и чиновные четыре члена ([44]). Всѣмъ дано большое жалованье и столовыя деньги.

Пышная коммиссія, поселившаяся въ уѣздномъ городѣ, понятно, какой громъ сдѣлала. Явные отзывы начальника, что присланъ защитить угнетенныхъ, манили къ нему толпами людей. Мелкіе прежніе судьишки, секретари и подъячіе, завидуя получившимъ имѣнія, и знавшіе всѣ ихъ пакости, открываютъ свое ремесло, пишутъ всѣмъ прошенія; за недостаткомъ просителей пишутъ отъ имени такихъ людей, коихъ вовсе нѣтъ и не было, съ жалобою на тѣхъ, которыхъ не любятъ, изъясняя злые поступки и дѣла, достойные строгаго наказанія. Сенаторъ, безъ прочтенія отъ всѣхъ принимающій, накопилъ необъятную кучу бумагъ: истребуя отъ всѣхъ мѣстъ всѣ дѣла, до раздачи земель, до споровъ и жалобъ касающіяся, нагрузилъ коммиссію баластомъ болѣе, нежели было въ Ноевомъ ковчегѣ.

Приступаютъ къ разсмотрѣнію общаго плана, къ раздачѣ земель относящагося; проходитъ въ семъ упражненіи цѣлый годъ, а между тѣмъ помѣщики, кои побогатѣе и поболѣе прочихъ виноватые, примѣтя склонность

([44]) См. Записки И. В Лопухина М. 1860 года стр. 117 и д. Лопухинъ говоритъ: „Причиною учрежденія сей коммиссіи были жалобы Татаръ, подстрекнутыхъ завистью, непріязнью между собою и разными личностями дворянъ и чиновниковъ, начиная отъ нижнихъ до самыхъ вышнихъ, такъ что сіе касалось и до игранія знатнѣйшихъ ролей при дворѣ. Однимъ словомъ, сія коммиссія родилась больше отъ споровъ на паркетѣ, по которому охотники ходить всегда тѣснятся и скользятъ, нежели въ обильныхъ долинахъ и великолѣпныхъ горахъ романтической Тавриды: потому что, при отправленіи ко мнѣ указа, ближайшіе по государственнымъ дѣламъ къ государю писали ко мнѣ, что его величество изволилъ поручить мнѣ сію коммиссію, зная мое безпристрастіе, опытность и особливо твердость.“ Указъ объ этой коммиссіи, данный государственному казначею 19 мая 1802 года, находится въ Полн. Собр. Законовъ, № 20.270. Изъ него видно, что Лопухинъ получалъ въ этой комиссіи, кромѣ жалованія по чину, ежемѣсячно 500 р. столовыхъ, да на путевыя издержки ему выдано 5000 р. Членами комиссіи назначены: оберъ-прокуроръ временнаго межеваго департамента Ланской, д. ст. сов. Михаилъ Туманскій (родственникъ кн. Кочубея), оберъ-секретарь Крейтеръ и ст. сов. Павелъ Сумароковъ (напечатавшій въ 1803 — 1805 гг. извѣстные „Досуги Крымскаго судьи“). Тамъ же, отъ того же 19 мая, подъ № 20.276 напечатанъ подробнѣе указъ о комиссіи, данный сенату, съ приложеніемъ правилъ оной, которыя, какъ свидѣтельствуетъ Лопухинъ, изданы были и на Татарскомъ языкѣ. *П. Б.*

сенатора къ пьянству ([45]) и чванству, сопутствуя ему и угождая, пріобрѣли его благорасположеніе. Онъ представилъ о неудобствахъ исполнить на коммиссію возложенное по правиламъ, ей начертаннымъ и исходатайствовалъ дозволеніе пріѣхать въ Петербургъ для объясненія. Поѣхалъ ([46]) и черезъ годъ привезъ дополненія, коими укоренилися права помѣщиковъ, для поселенія людей не имѣющихъ. Крымъ, лишившійся надежды приходить въ лучшее состояніе, терпѣлъ болѣе прежняго. Неизвѣстность кому что принадлежать можетъ, остановила хозяйство. Медленность коммиссіи и порядокъ, несносно отяготительный, причиною, что въ три года ея существованія ни одного дѣла не рѣшено, и даже половины бумагъ не разобрано и не прочтено.

До пріѣзда моего безъ мала годъ существовавшая губернія не имѣла начальника. Всякаго рода злоупотребленія укоренялись и распространяли вѣтви. Не только воровства, грабительства, но и смертныя убійства оставались необнаруженными, ненаказанными, и дѣла предавались суду Божію. Присутствующіе гражданскаго и уголовнаго суда явно торговались съ подсудимыми. Правосудіе продавалось, какъ вещь въ торговлѣ обыкновенная.

При вступленіи въ должность, всякой день по нѣскольку десятковъ жалобъ мнѣ подавалось. О всякой бездѣлкѣ, не стоющей цѣны написать прошеніе, люди шли ко мнѣ. Я, начавъ каждодневно присутствовать въ губернскомъ правительствѣ и каждодневно побывая во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, началъ самъ писать резолюціи по дѣламъ просительскимъ и направлялъ понемножку на порядокъ законный. Потомъ, видя, что ябедники, возбуждая народъ къ тяжбамъ, питаются отъ того, придравшись къ тому, что многіе просители признавались въ незнаніи написаннаго, а другіе совсѣмъ другой смыслъ и уменьшенныя претензіи объявляли чрезъ переводчика, я публиковалъ, чтобы всякой Татаринъ, желающій мнѣ жаловаться или доносить, писалъ бы на своемъ языкѣ, дабы не могъ отзываться незнаніемъ. Представленіе о семъ министру внутреннихъ дѣлъ удостоено апробаціею государя.

Начавъ строго поступать съ писателями прошеній и наблюдать, чтобы градскія и земскія полиціи были исправнѣе, утишилъ я сіе волненіе; многократно представляя, наконецъ достигъ, что присутствующихъ гражданскаго

([45]) Сочинитель вѣроятно думалъ сказать: къ хорошему столу и удобствамъ житейскимъ. Между тѣмъ самъ Лопухинъ (Записки, стр. 119) въ просьбѣ своей о денежномъ вспоможеніи, говоритъ государю: „Не только не любилъ я пировъ и праздниковъ и никогда не давалъ ихъ, но можетъ быть слишкомъ всегда былъ противъ ихъ предубѣжденъ.... Не проигрывалъ я, конечно, никогда нѣсколькихъ рублей безъ сожалѣнія, какъ, напротивъ, никогда не подавалъ я бѣдному безъ нѣкотораго безпокойства о томъ, что не мало ли даю ему. Были обстоятельства, въ которыхъ разумъ мой считалъ должнымъ и силился удерживать мою руку, но ни одного, конечно, раза не успѣлъ.» Всѣ преданія увѣряютъ въ искренности послѣднихъ словъ памятнаго Москвы мартиниста. Онъ дѣйствительно помогалъ неимущимъ щедро; но для своихъ поданій бралъ взаймы у людей достаточныхъ, не платилъ этихъ долговъ и тѣмъ разорилъ многихъ. Старожилы подтверждаютъ и отзывъ Д. Б. Мертваго о наклонности И. В. Лопухина къ чувственнымъ удовольствіямъ; сличи Р. Арх. 1864, изд. 2-е, стр 588 *П. Б.*

([46]) Лопухина, Записки, стр. 118: «За особыми, кромѣ комиссіи, отъ государя порученіями, не успѣвъ до позднихъ чиселъ февраля выѣхать изъ Крыма, пріѣхалъ я ... къ Петербургъ ... въ мартѣ 1803 г., выѣхалъ изъ него въ августѣ 1804 года». *П. Б.*

и уголовнаго суда отрѣшили отъ должностей и на мѣсто ихъ опредѣлили другихъ. Всѣхъ капитанъ-исправниковъ, многихъ засѣдателей также и полицеймейстеровъ перемѣнили. Теперь сдѣлалось, что жалобщиковъ почти нѣтъ, дѣла идутъ скорѣе; обыватели довольнѣе и трудолюбивѣе становятся. Не только смертныя убійства прекратились, но и воровства мало слышно. Тотчасъ все находится, и виновные наказываются.

Сенаторъ Лопухинъ, въ концѣ 1805 года, возвращенъ въ сенатъ. Предсѣдательство въ коммиссіи препоручено мнѣ. Сокращая порядокъ въ производствѣ дѣлъ, и вмѣсто прежнихъ въ губернское правительство посылаемыхъ толстыхъ сообщеній, принявъ на себя предписывать градскимъ и земскимъ полиціямъ о призывѣ просителей и отвѣтчиковъ, или о вспросѣ, кого о чемъ спросить надобно, облегчилъ правительство, и дѣло пошло успѣшнѣе.

Въ послѣдствіи открылось, что проситель, отъ имени коего жалоба подана, и не зналъ о ней и не имѣлъ надобности просить. Отвѣтчики, на коихъ жаловались съ изъясненіемъ поступковъ безчеловѣчныхъ и непростительныхъ, вовсе не имѣли той земли. Словомъ, по прежнему порядку, въ коммиссіи заведенному, напрасно въ газетахъ публиковались люди въ обидныхъ для нихъ выраженіяхъ, и общая молва удостовѣрила о истинѣ, что ябедники, желая обидѣть, писали прошенія отъ людей, коихъ нѣтъ и, ложно описывая беззаконія и мерзости, искали только оклевстать имъ противнаго человѣка. Къ подачѣ прошенія дешево нанимали они Татаръ, ничему не подвергающихся, ибо сенаторъ и никто изъ членовъ его и секретарей не читалъ прошеній, а, только принимая, клали въ кучу.

Поелику въ правилахъ сказано, что всякой долженъ быть вопрошенъ и всякой долженъ представить права на землю, которую считаетъ своею, или въ замѣну документовъ присягнуть тяжкою для Татаръ клятвою; притомъ же дана воля всѣмъ мириться, и коммиссіи не велѣно доискиваться остатковъ казнѣ принадлежать могущихъ: то, полагая, что невозможно простому поселянину ходатайствовать по своему дѣлу, тѣмъ менѣе нанять стряпчаго, и никакъ не можно сдѣлать, чтобы всѣ истцы и отвѣтчики въ одно время явились въ коммиссію; слѣдовательно примирять нѣтъ средства, я предложилъ членамъ, что полезно бы было имъ ѣздить на мѣста споровъ, гдѣ всѣ участвующіе люди безъ отягощенія могутъ быть собраны вмѣстѣ. По измѣреніи спорныхъ участковъ и по принятіи документовъ, явно будетъ, кому что присуждено быть должно. И такъ, избѣгая производства и судебнаго рѣшенія, можно соглашать спорющихся къ примиренію, которое навсегда утверждать коммиссія должна. Симъ не только облегчается она въ дѣлахъ, но и укоренять можетъ согласіе людей, вражду миролюбно прекращающихъ.

Члены мои, большое жалованье и столовыя деньги получающіе, примѣтили близость конца коммиссіи, имъ любезной, будучи при томъ подстрекаемы отъ прежняго ихъ начальника, мѣсто сіе имъ давшаго, и который удостовѣрялъ, что коммиссія очень тяжкая, четырнадцать лѣтъ существовать долженствующая, достойна великаго вниманія и милости государской, и что члены, въ ней находящіеся, несутъ трудъ чрезмѣрный. И такъ, опираясь на мнимую его силу, начали *(члены коммиссіи)* явно противиться моимъ распоряженіямъ: никто ничего

не сталъ дѣлать; на всякомъ шагу споры, голоса; словомъ, совершенная остановка.

Долго я страдалъ, будучи въ недосугахъ по другимъ мнѣ порученнымъ дѣламъ. Нѣсколько времени спорилъ я съ членами, желая имъ доказать пользу отъ скораго окончанія коммиссіи; цѣлые дни просиживая въ присутствіи съ ними, видѣлъ невозможность успѣть. Наконецъ многія ихъ непослушанія противузаконныя, въ журналахъ записанныя, представилъ я на разсмотрѣніе министру внутреннихъ дѣлъ, и представилъ ему о порядкѣ, который мнѣ кажется способомъ прекратить споры скорѣе, и сверхъ общаго добра окончить существованіе коммиссіи, коей содержаніе не мало денегъ стоитъ.

За споры приказано было военному губернатору Дюку де-Ришелье попенять моимъ членамъ, а о порядкѣ, мною представленномъ, получилъ я именный указъ, коимъ велѣно все то дѣлать, что̀ отъ меня къ министру писано было. Унятые члены и облегченный порядокъ причиною, что съ сентября 1806 года по апрѣль 1807 рѣшено дѣлъ 105, разсмотрѣніемъ приведено къ окончанію 116, остается 173, которыя уповаю кончить въ теченіи сего года.

Народъ сдѣлался спокойнѣе и трудолюбивѣе. Примѣръ рѣшенныхъ дѣлъ показываетъ путь къ примиреніямъ. Казна донынѣ сбережена отъ обѣщанныхъ вознагражденій за отчужденныя земли. Всякой входитъ въ черту, справедливостію назначенную.

Распространясь о дѣлахъ коммиссіи, прервалъ я изъясненіе о состояніи губерніи и вообще о дѣлахъ мнѣ порученныхъ; возвращаясь, начну по порядку.

Входя въ состояніе дѣлъ губернскихъ, нашелъ я, что во время войны съ Турками, въ 1787 году начавшейся, переселенные изъ Бессарабіи Ногайцы, коимъ отведена обширная земля по берегу Азовскаго моря до Молочныхъ водъ, будучи управляемы плутомъ Баязетъ-беемъ (всѣхъ начальниковъ подарками, подлостями и всѣмъ чѣмъ можно улещавшимъ) разсыпаясь по всѣмъ того края степямъ, производятъ воровства, злодѣйства и причиняютъ совершенное препятствіе умноженію переселенія порядочныхъ людей на обширныя и добраго качества земли Днѣпровскаго и Мелитопольскаго уѣздовъ. Изслѣдуя о томъ подробно, обнаружа пакости, представилъ я министру. Доведено сіе до свѣдѣнія государя и поручено военному губернатору генералу Розенбергу ([47]), тогда въ Петербургѣ пріѣхавшему, войти въ разсмотрѣніе, удалить Баязетъ-бея и сдѣлать полезную въ Ногайскомъ народѣ перемѣну.

Розенбергъ, до подарковъ лакомый, былъ знакомъ съ Баязетъ-беемъ. Безграмотный сей генералъ мастеръ только былъ подписывать свое имя; имъ управляли секретари (равно какъ и онъ деньги, лошадей и всякаго рода подарки любящіе, съ тою только противу него отмѣною, что имѣли знанія больше, а совѣсти, можетъ быть, меньше). Гордость нѣмецкая, усиленная давностію службы и многими знаками отличія, была подстрекаема и тѣмъ, что, не свидавшись съ нимъ, вступилъ я въ должность, сталъ строго поступать со многими чиновниками, изъ коихъ нѣкоторые имъ опредѣлены были, и пользуясь временемъ его отсутствія и правами, закономъ данными, перемѣнилъ, выгналъ и вновь опредѣлилъ людей въ мѣстахъ полицейскихъ.

([47]) См. о немъ въ Запискахъ гр. Комаровскаго, Р. Архивъ 1867, стр. 531, 553 и др. *П. Б.*

По пріѣздѣ въ Крымъ, встрѣча наша была настоящая баталія словесная. По нѣсколькихъ стычкахъ, я сталъ побѣдителемъ. Онъ ретировался; пошли мирные переговоры, и наконецъ приняты взаимно кондиціи, чтобы не слушать никакихъ разсказовъ и не ссориться намъ ни въ чемъ; что мысль, въ его отношеніяхъ содержащуюся, стану я принимать происходящею отъ него; слова же буду понимать происходящими отъ секретаря. Онъ обѣщалъ не мѣшаться въ мелочи, коими усиливаться и ослабляться можетъ моя власть, для утвержденія порядка и правосудія нужная, и содѣйствовать мнѣ будетъ силою довѣренности, которою онъ удостоенъ отъ государя; а я стану обо всемъ къ нему относиться и чтить его, какъ слѣдуетъ начальника.

Поелику сей договоръ не былъ утвержденъ поручительствомъ его секретарей, то лишь разстались мы, былъ нарушенъ. Всѣ приходящія отъ него бумаги были вопреки моимъ представленіямъ. Скоро онъ пожаловался, что опредѣлялъ я чиновниковъ и представлялъ для опредѣленія къ министру безъ его согласія, и исходатайствовалъ повелѣніе у государя, чтобы я представлялъ къ нему объ опредѣленіи и удаленіи отъ должностей чиновниковъ. Потомъ сталъ онъ, или лучше сказать, секретари его брать сторону судей гражданскаго и уголовнаго суда. Всѣ, мною одобряемые, люди подвергались бѣдамъ, всѣ жъ преданные суду являлись правы. Розенбергъ утверждалъ рѣшеніе, а я былъ долженъ исполнять, ибо противу всякаго дѣла заводить тяжбу нельзя и успѣть не можно. Между тѣмъ сенатору Лопухину при мнѣ начало быть стыднѣе, коего перестали чествовать, встрѣчать и провожать, и коему часто я говорилъ при многихъ, что пора коммиссіи начать свое дѣло, а что безъ того нельзя быть никакому въ губерніи порядку. Все сіе его вооружило противу меня, онъ соединился съ Розенбергомъ, и начали умышлять, какъ бы отъ меня избавиться.

Одобреніе моимъ поступкамъ, похвала отъ министра и полученіе 1-й степени ордена Св. Анны сокращало стараніе. Они явно показывали злобу, но въ тоже время ласкались ко мнѣ и терпѣли слова мои, безъ всякой запинки имъ по правдѣ говоренныя. Въ продолженіи сего времени получилъ я имянной указъ, коимъ въ двусмысленномъ штилѣ дозволялось увольнять Татаръ для переселенія въ Турецкія области. Великое число ихъ просилось, и болѣе тысячи душъ переселилось; а въ тоже время переселились къ намъ изъ Турецкихъ областей Булгары и Греки.

Полагая, что сіе есть тайное условіе правительства, я старался содѣйствовать полезной мѣнѣ, но послѣ открывается мое заблужденіе. Сколько ни писалъ я партикулярно и по формѣ императору, всегда исправно отвѣтствующему, не получилъ отвѣта, должно или нѣтъ увольнять множество Татаръ безъ разбора и опустошать Крымъ. Розенбергъ, симъ воспользуясь, писалъ, что непомѣрная моя строгость разгоняетъ людей и совершенно опустошаетъ край, хотя самъ зналъ, что строгость моя — противу судей и противу воровъ и злодѣевъ, отъ коихъ добрые люди удаляются, а не противу обывателей честно живущихъ; что Татары мною довольны, и что переселенію ихъ причина суевѣріе: Магометъ налагаетъ проклятіе на тѣхъ, которые могутъ присоединиться къ вѣрнымъ и остаются подъ властію невѣрныхъ. Кончилось сіе тѣмъ, что не

приказано увольнять Татаръ безъ разбора, предоставлено оное военному губернатору, и въ самомъ томъ указѣ поступки мои одобрены.

Наскуча безпрестанною подъяческою войною и видя себя не въ силахъ воздерживать безпорядки и беззаконія, писалъ я къ министру, просилъ исходатайствовать увольненіе отъ моей должности. На сіе получилъ очень благосклонный отзывъ, увѣдомляющій, что по повелѣнію государя писано Розенбергу, дабы онъ былъ со мною снисходительнѣе и дружнѣе, и чтобы поприлежнѣе смотрѣлъ за его канцеляріею. Мнѣ совѣтовалъ министръ искать его благорасположенія, говоря, что лѣты и прежняя служба даютъ ему право на пожертвованіе съ моей стороны.

Въ сіе время послалъ я отчетъ за управленіе соляною экспедиціею. Дѣла мои одобрены, всѣ представляемые мною чиновники награждены, и я получилъ благоволительный рескриптъ.

Вскорѣ присовѣтуемо Розенбергу попроситься въ отставку. Онъ послушался и отставленъ съ полнымъ жалованьемъ. На мѣсто его опредѣленъ давно мною почитаемый, достойный человѣкъ Дюкъ-де-Ришелье.

24 Апрѣля 1805 года родился у меня сынъ Николай, а 5 Іюня 1806 г. дочь Марія.

1806 годъ былъ самый для меня тяжкой: я, жена и всѣ въ домѣ моемъ больны, и во всемъ Крыму необыкновенно много терпѣли люди болѣзней, и много померло.

Послѣ Аустерлицкаго сраженія возгордившіеся Французы, водимые умною и честолюбивою головою Бонапарта, начали возмущать Турковъ. По трактату 1791 года, господари Молдавской и Валахской состояли подъ защитою Русскаго императора, и султанъ преждевременно смѣнять ихъ былъ не долженъ. Чтобы разорвать миръ, требуемо отъ Турковъ было ихъ смѣнить, и смѣнены. Россійской министръ и союзный Англійской требовали объясненія и погрозили; Турки струсили, и тотчасъ господарей къ мѣстамъ возвратили. Но между тѣмъ паши Бендерскій и Хотинскій, полагая начальной поступокъ знакомъ неизбѣжной войны, нашли у себя служащихъ офицеровъ, бывшихъ Крымскими Татарами, и у коихъ не мало родни здѣсь остается, отправили ихъ богатою рукою въ Крымъ. По причинѣ существовавшаго еще мира, они приняты въ Дубосарскомъ карантинѣ и пропущены. Получа о томъ свѣдѣніе, велѣлъ я рачительно примѣчать за поступками сихъ гостей, и открылъ многія ихъ затѣи, получа въ свои руки письма, привезенныя ими безъ карантиннаго очищенія, въ коихъ двусмысленнымъ образомъ описываемо было благоденствіе живущихъ въ Турецкой имперіи; однимъ словомъ, ясно, что пріѣхали они возмущать Татаръ. Дождавъ пріѣзда Дюка Ришелье, объявилъ я ему о томъ и о намѣреніи взять ихъ подъ караулъ, какъ виновниковъ, обманувшихъ карантинъ, провезя письма въ мѣшкѣ съ ячменемъ, и отправить для слѣдствія въ Херсонскую губернію. Кажется мнѣ, пожалѣлъ онъ чиновниковъ карантинныхъ, могущихъ пострадать отъ дѣйствія сего дѣла; и потому совѣтовалъ мнѣ отпустить ихъ обратно, какъ они о томъ уже и просили, что̀ я и исполнилъ.

Лихорадка отъ часу болѣе разстроивала мое здоровье. Всѣхъ вокругъ себя видѣлъ я въ страдательномъ состояніи. Итакъ, посовѣтовавшись только съ женою, написалъ своею рукою прозьбу къ государю, вложа ее въ своеручное письмо къ министру, про-

силъ увольненія отъ службы, и если заслуживаю милость, то съ жалованьемъ.

Сіе прошеніе въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1806 года отправилъ я съ курьеромъ, посланнымъ съ отчетомъ по соляной части, который былъ весьма достоинъ милостиваго воззрѣнія, какъ по причинѣ знатной суммы, въ доходъ поступившей такъ и по увеличенію запаса соли.

Лишь возвратился я изъ Перекопа, получаю извѣстіе, что военный губернаторъ Дюкъ-де-Ришелье со всѣми войсками, въ Крыму и по близости онаго расположенными, выступаетъ въ походъ. Ему велѣно занять крѣпости Турецкія до берега Дуная. Неизбѣжная открывается война съ Турками. Въ Крыму одинъ только новосформированный мускетерскій полкъ, не обученный и въ которомъ 800 человѣкъ умерло, а остальные всѣ чуть живы отъ лихорадки, да егерскаго шесть ротъ въ Керчи иЕниколѣ. 73 тысячи душъ Татаръ, на коихъ полагаться можно было не много болѣе, какъ на самихъ Турокъ; отвсюду извѣстія о злыхъ отзывахъ ихъ, и что, по объявленію чиновниковъ, бывшихъ отъ Бендерскаго и Хотинскаго паши присланныхъ, Татары ожидаютъ флотъ Турецкій и готовятся начать возмущеніе. Соображая все, я видѣлъ еще возможность держаться не столько силою оружія, сколько силою уваженія, которое ко мнѣ лично у Татаръ оставалось. Полагая, что Турки въ зимніе мѣсяцы не вышлютъ флотъ въ море, оставалось еще время къ принятію мѣръ, какія только найтиться могутъ.

Я написалъ къ министру, что просилъ я увольненія отъ службы тогда, когда военный губернаторъ и войска были въ прежнихъ мѣстахъ и слѣдовательно видѣлъ я себя ненужнымъ въ службѣ, но теперь, когда выступилъ онъ съ войскомъ за границу, когда Крымъ остался пустъ, нахожу я, что служба моя здѣсь надобна, и такъ готовъ остаться, если то угодно.

До полученія сего письма написано уже мнѣ было отъ министра, что докладывалъ онъ государю по моей прозьбѣ, что его величество желаетъ, чтобы еще продолжалъ я служеніе въ Крыму; и если болѣзнь разстроила мое здоровье, то для поправленія дозволяется мнѣ на нѣсколько времени отлучиться въ Кіевъ или Малороссію. Въ заключеніе требуетъ рѣшительнаго на сіе отвѣта. Я отвѣтствовалъ, какъ то и правда была, что здоровье мое поправляется со времени, какъ начались морозы, и что обстоятельства не дозволяютъ отлучиться. И такъ остаюсь я неподвижно въ Крыму.

По случаю смерти муфтія, на мѣсто коего по указу покойной императрицы поступить былъ долженъ Казы-Ескеръ, я писалъ Дюку-Ришелье, и просилъ его, взявъ на себя, дать мнѣ дозволеніе: собрать именитыхъ людей разнаго сословія магометанскаго закона, предоставя имъ избрать кандидатовъ для представленія государя, кому повелѣно будетъ быть муфтіемъ. Сіе нужно было потому во первыхъ, чтобы вниманіе людей занять домашними предметами, и чтобы удалить Казы-Ескера, человѣка не способнаго, корыстолюбиваго и всѣмъ сердцемъ Туркамъ преданнаго.

Получа удовлетворительный отвѣтъ отъ Дюка-де-Ришелье, послалъ я позывы всему дворянству магометанскаго закона, духовенству и волостнымъ головамъ, съ коими вмѣстѣ велѣлъ пріѣхать и исправникамъ. Между тѣмъ старался я развѣдывать о людяхъ, спознакомился сперва по слуху, а потомъ и персонально съ братомъ по

койнаго муфтія, человѣкомъ честнымъ. весьма не достаточное состояніе имѣющимъ. Онъ служилъ коллежскимъ ассесоромъ и переводчикомъ по секретнымъ дѣламъ при князѣ Потемкинѣ. Его я намѣтилъ сдѣлать муфтіемъ, гдѣ жалованья 2000 руб. въ годъ и дозволенныхъ доходовъ, когда не въ двое, то столько же.

Кое съ кѣмъ изъ мурзъ поговаривая о семъ, видѣлъ я, что они готовы исполнить по моей волѣ; оставалось малое число закоренѣлыхъ стариковъ, желавшихъ возвести Казы-Ескера, потому только, что онъ старъ и усерденъ къ Туркамъ. Да духовенство, поддерживая свои права, хотѣло его же для того, что каждому бы былъ лучь надежды быть муфтіемъ. И такъ надобно было заблаговременно стараться о перевѣсѣ на мою сторону, чтобы не остаться въ дуракахъ.

Къ назначенному въ Декабрѣ мѣсяцѣ сроку собралось дворянъ около пятидесяти человѣкъ, духовенства болѣе двухъ сотъ, и 27 волостныхъ головъ, кои совершенно готовы исполнить, что велю. Я предложилъ Казы-Ескеру, должность первосвященника отправлявшему, что изъ уваженія къ благородному дворянству не могу я дозволить, чтобы число духовныхъ для избранія кандидатовъ допущено было болѣе, нежели собралось числомъ дворянъ. При томъ же и не могу я помѣстить столь великое множество людей, для балотированія собравшихся; и такъ велѣлъ бы онъ имъ избрать депутатовъ, столько числомъ, сколько есть на лицо дворянъ, что исполнено безъ всякаго прекословія, и цѣли онъ не понялъ.

Собравшемуся дворянству, духовенству и волостнымъ головамъ объявя причину ихъ собранія, изъясня сколь нужно избрать муфтіемъ человѣка честнаго, умнаго и трудолюбиваго (ибо онъ, сверхъ духовныхъ дѣлъ, имѣетъ обязанности раздѣлять имѣніе наслѣдникамъ) и сдѣлавъ многія поученія, которыя охотно они отъ меня слушаютъ, велѣлъ я идти въ мечеть присягать, что приступятъ и совершатъ избраніе безпристрастно; потомъ, придя въ назначенной для того домъ, балотировать кандидатовъ и оныхъ представить ко мнѣ; къ надзору за порядкомъ опредѣлилъ губернскаго предводителя и совѣтника правленія съ небольшимъ числомъ прислужниковъ.

Цѣлой день прошелъ въ прѣніяхъ, кому сколько назначать кандидатовъ для балотированія. Пришли ко мнѣ избранные отъ дворянства, духовенства и головъ, прося разрѣшенія. Я велѣлъ дворянству назначить восемь, духовенству семь и волостнымъ головамъ, яко довѣреннымъ отъ народа, пять кандидатовъ. Позвавъ тотъ день къ себѣ обѣдать человѣкъ тридцать наиболѣе противной партіи сильныхъ людей, старался я, лаская ихъ честолюбію, направлять на путь мною желанный и дѣйствительно для службы полезной.

На другой день таже исторія. И наконецъ пришли депутаты просить именемъ всѣхъ въ собраніи бывшихъ дозволенія не балотировать, а единогласно всѣмъ подписать выборъ въ муфтіи Казы-Ескера, а на мѣсто его коллежскимъ ассессоромъ Миртазу-Челебю. Я отвѣтствовалъ, что сего принять не смѣю; ибо имъ дозволяется избирать кандидатовъ для утвержденія муфтіемъ того, кто угоденъ будетъ государю.

Дѣло кончилось по моему. Мнѣ представлены два кандидата: Казы-Ескеръ и Миртаза-Челебя. Представляя о семъ министру внутреннихъ дѣлъ съ приложеніемъ избирательнаго листа, изъ-

яснялъ я о качествахъ представляемыхъ кандидатовъ и просилъ исходатайствовать званіе муфтія Миртазѣ-Челебѣ, а Казы-Ескеру, дабы былъ спокойнѣе, пожаловать подарокъ. На сіе получилъ имянной указъ о утвержденіи Миртазы-Челеби муфтіемъ, а Казы-Ескеру пожалованъ перстень.

Во время бывшаго собранія первостатейныхъ магометанъ, полученъ манифестъ, коимъ объявляется угрожаемая война отъ Французовъ, и призываются жители пограничныхъ губерній къ усиліямъ для защищенія отечества. Чрезъ постороннія пути я внушалъ честолюбивымъ мурзамъ о возможности получить чины и отличія, а головамъ, что простые Татары, служа какъ иррегулярное войско при арміи, могутъ набогатиться и ввести въ Крымъ сокровища Нѣмецкой земли, подобно какъ на Дону у всякаго есть вещи Польскія и Турецкія, и что всякой Татаринъ, служа въ войскѣ, можетъ за отличіе получить офицерскій чинъ и вознестись въ званіе мурзинское.

Затѣялъ многіе праздники для увеселенія пріѣзжихъ гостей, показывая балы Европейскіе, и всякой день большіе для нихъ обѣды, старался я ихъ продержать подолѣе, не говоря самъ никому ничего.

Наконецъ одинъ изъ знаменитыхъ беевъ, болѣе со мною знакомый, заводитъ разговоры о манифестѣ, и наконецъ, какъ бы опасаясь моего несогласія, предлагаетъ, что хотятъ они просить службы. Я отвѣтствовалъ, что намѣреніе очень хорошо; но надобно это сдѣлать порядкомъ и испросить дозволенія. Потомъ, разговаривая откровеннѣе и воображая, что будетъ онъ полковникомъ, какія славныя будемъ мы слышать о немъ вѣсти, съ какими знаками отличія и выгодами онъ возвратится, въ какомъ почтеніи сдѣлается у всѣхъ, какую всѣ нужду имѣть будутъ въ его покровительствѣ, и тому подобное; словомъ, сей молодой человѣкъ, сдѣлавшись внѣ себя, лишь возвратился домой, осѣдлалъ лошадь, поскакалъ къ уѣхавшему уже въ деревню старику богатѣйшему и почтеннѣйшему изъ Крымцевъ.

На другой день поутру является ко мнѣ депутація отъ мурзъ, во всю ночь совѣтовавшихся, съ предложеніемъ общаго желанія служить при арміи. Похваля ихъ усердіе, я дозволилъ сдѣлать приговоръ дворянской и чрезъ губернскаго предводителя мнѣ представить. Оный я написалъ самъ и чрезъ скрытные пути имъ препроводилъ. Все написано на Татарскомъ языкѣ; переводъ списанъ съ даннаго отъ меня. Я призываю волостныхъ головъ, сказываю имъ о представленіи дворянскомъ. Всѣ единогласно, отъ имени всего народа, объявляютъ желаніе служить. Вѣтренный народъ, какъ и всѣ въ жаркихъ климатахъ, такой огонь показывалъ, что казалось могъ бы я вооружить всѣхъ до единаго, и повести на войну, куда хочу.

На другой день приказалъ я всѣмъ собраться ко мнѣ; вступилъ въ пространное поле разсужденій, сколь полезно имъ службою войти на ровную степень съ коренными сынами новаго ихъ отечества, гдѣ правленіе кроткое, человѣколюбивое и въ разсужденіи многолюдства, обширности и силы мало требующее пожертвованій отъ обитателей. И такъ, предпринимая похвальное и выгодное для нихъ дѣло, надобно обдумать, чтобы исполнено было успѣшно и удостовѣрило бы правительство, что Татары вѣрны и люди хорошіе, и что нынѣшніе не похожи на тѣхъ безпорядочныхъ людей, которые въ прошедшую войну были из-

браны для службы въ Польшѣ, не принесли никакой пользы, много стоили денегъ и много безпорядковъ надѣлали. Всѣ единогласно говорили мнѣ, что тогда начальство допустило многіе безпорядки и злоупотребленія, брали взятки съ богатыхъ, дозволяя имъ вмѣсто себя нанимать бродягъ, цыганъ и пастуховъ; и такъ чему же быть доброму; что при моемъ правленіи этого быть не можетъ. Окончилось тѣмъ, что я представилъ министру внутреннихъ дѣлъ приговоръ дворянской; писалъ, какъ сіе дѣло полезно быть можетъ, какъ для арміи, такъ и для спокойствія въ Крыму: ибо дѣти именитыхъ мурзъ и Татаръ, находясь въ отдаленіи, будутъ служить аманатами. Отпустя всѣхъ на собраніе бывшихъ восвояси, рекомендовалъ я приготовляться къ походу; ибо не могъ подумать, чтобы не охотно сіе было принято.

Назнача къ отправленію шесть полковъ, избравъ богатѣйшихъ беевъ и мурзъ полковниками, препоручилъ я имъ собирать охотниковъ, имѣя въ предметѣ, что войны жаждующіе обыватели опасны въ краѣ, гдѣ отъ волненія народнаго находится сумнѣніе.

Все было почти исполнено, всѣ полки охотниками изъ горскихъ Татаръ и изъ городскихъ обывателей были укомплектованы; мирные степные Татары, уклоняясь отъ службы, обѣщали дать снабженіе храбрецамъ. Всѣ молодые дворяне записались желающими служить. Ни одной мурзинской семьи не оставалось, изъ коей бы не пріуготовлялся сынъ или племянникъ въ службу.

Вскорѣ за симъ получается манифестъ, повелѣвающій собрать милицію 613 тысячъ человѣкъ въ теченіи двухъ недѣль. Вещь трудная, но исполненная самымъ дѣйствомъ, и показавшая ясно духъ Русскаго народа и силу государства. Таврическая губернія въ числѣ многихъ не введена въ составъ милиціи, но ей дозволено добровольными пожертвованіями содѣйствовать общему ополченію. Дворянство, купечество и народъ, при всемъ недостаточествѣ и малолюдствѣ, назначили болѣе 200 тысячь р. Дворянство представило мнѣ, прося исходатайствовать дозволеніе вооружить милицію въ Крыму и внѣ онаго. Крестьяне по волостямъ, сдѣлавъ приговоры, изъявляющіе желаніе служить отечеству, всѣ до единаго, стали изготовляться: косы преобразили въ палаши, во всѣхъ кузницахъ вездѣ ковали пики. Всѣ сушили сухари, и въ короткое время вся губернія готова была выступить въ походъ и драться съ непріятелемъ. О семъ также чрезъ нарочнаго отъ дворянъ избраннаго депутата представилъ я г. министру внутр. дѣлъ. Чрезъ два мѣсяца получается резолюція, чтобы сформировать регулярные полки изъ Татаръ, въ кои офицеры и шефы будутъ опредѣлены Русскіе по обыкновеному порядку; изъ мурзъ составить лейбъ-сотню для службы при государѣ. О внутренней милиціи выведены справкою дѣла совсѣмъ постороннія, людей огорчающія и исполненію полезнаго препятствующія. И сіе поручено Дюку-Ришелье, съ уполномоченіемъ сдѣлать такъ ли, какъ я представлялъ, или иначе, по его благоразсмотрѣнію. Сіе повелѣніе во время болѣзни Дюка получилъ маркизъ Траверсе, и передалъ его мнѣ къ исполненію, пиша, что и Дюкъ оставляетъ сіе въ полную мою власть.

Разумѣется, что сіе было обидно для меня и унизительно, и могло бы произвести вредное для службы вліяніе, если бы личное ко мнѣ уваженіе отъ моихъ подчиненныхъ не было, какъ

кажется, болѣе нежели къ самому вышнему правительству.

О Татарскихъ полкахъ оригинальное предписаніе министра, волю государя объявляющее, и копію разсужденія, составленнаго для сего комитета прислалъ мнѣ Дюкъ-де-Ришелье при письмѣ, изъясняя, что онъ боленъ, никакихъ дѣлъ производить не можетъ и потому предоставляетъ мнѣ исполнить приказанное. А съ тою же почтою получаю отъ него другое письмо, что по высочайшей волѣ передалъ онъ всѣ препорученныя ему должности адмиралу маркизу-де-Траверсе впредь до его выздоровленія.

Видя, что титулами и чинами отличенные, хитрые Французы, друзья между собою, чувствуютъ невозможность исполнить приказанное и опасаются сказать истину, могущую огорчить министровъ, легко о дѣлѣ судившихъ, и коихъ вредное и для Крыма опасное предположеніе государь одобрилъ, нашелся я въ необходимости взять также свои мѣры. Представя маркизу-де-Траверсе присланныя отъ Дюка бумаги, отозвался я, что, когда ему поручено исправлять его должность, то не осмѣливаюсь я приступить къ сему дѣлу. Онъ требовалъ моего мнѣнія, и очень дружески мнѣ писалъ, обѣщаваясь сообразоваться оному и содѣйствовать къ утвержденію моихъ распоряженій. Я написалъ объясненіе противу разсужденій министерскихъ, ясно показавъ неудобство формировать изъ Татаръ регулярные полки подъ начальство Русскихъ офицеровъ, потому паче, что рѣдкой Татаринъ нѣсколько словъ Русскихъ знаетъ, слѣдовательно и понимать одинъ другаго не могутъ; притомъ же во время, когда войска въ Крыму мало, когда безпрестанно ожидается нашествіе Турокъ, и опасаются возмущенія отъ Татаръ; то вообразили бы, какія могутъ быть слѣдствія отъ невольнаго опредѣленія Татаръ въ службу имъ неизвѣстную, подъ начальство людей, коихъ они разумѣть не могутъ, и въ коей не будутъ участвовать мурзы, всегда надъ Татарами властвовавшіе. При отправленіи сихъ бумагъ, отправилъ я къ маркизу молодаго мурзу, сына богатѣйшаго и сильнаго въ народѣ Крымскомъ помѣщика, коего уже нѣсколько образовалъ я, часто при себѣ имѣя, и котораго по моей прозьбѣ Дюкъ-де-Ришелье взялъ съ собою во время похода въ Молдавію и Бессарабію. Я просилъ при представленіи своемъ послать сего мурзу на показъ, какіе офицеры съ Татарскими полками быть могутъ.

Маркизъ вмѣсто отвѣта отправилъ министру внутреннихъ дѣлъ въ оригиналѣ мое къ нему писаніе и препроводилъ съ своимъ курьеромъ посланнаго отъ меня мурзу. По словамъ его и по послѣдствіямъ видно, что одобрялъ онъ мое мнѣніе, въ слѣдствіе чего посланный мурза былъ представленъ государю: онъ говорилъ съ нимъ, и получено повелѣніе, когда не удобно сформировать регулярные полки, то отправилъ бы Дюкъ-де-Ришелье на службу Татаръ и тѣмъ порядкомъ, какъ я представлялъ.

Въ теченіи сего времени получается секретное увѣдомленіе, что Французское правительство требуетъ отъ Турокъ продолжать оборонительную войну противу Русскихъ войскъ, до берега Дуная дошедшихъ, всѣ жъ силы обратить на Крымъ, безъ войскъ оставленный. Въ слѣдствіе чего одиннадцать линейныхъ кораблей, мѣдью обитыхъ, съ нѣсколькими мелкими военными судами пріуготовляются и уже находятся въ каналѣ Константинопольскомъ. На Турецкомъ флотѣ

много офицеровъ Французской службы. Посланникъ генералъ Себастіани распоряжаетъ всѣмъ, и люди всѣхъ націй, Франціи подчинившихся, находящіеся въ Константинополѣ, сажаются на суда со многимъ числомъ Турковъ для высадки на берега Крыма. У насъ всего шесть кораблей, изъ коихъ три никуда не годятся. Сухопутнаго войска, готоваго къ оборонѣ нѣтъ и двухъ тысячь человѣкъ.

Анапской паша, получа фирманъ султанской, объявилъ горцамъ о войнѣ противу Россіи; обнадеживанія и пособія были причиною, что вся Кубанская граница сдѣлалась въ огнѣ; нашествія раззорили нѣсколько селеній, плѣнили нѣсколько людей. Черноморскіе казаки начали оборонительную войну.

Отъ Евпаторійскаго земскаго исправника получилъ я рапортъ о заговорѣ къ бунту. Двое Татаръ изъ Константинополя въ гости пріѣхавшихъ, будучи здѣшніе уроженцы, предлагали, что вскорѣ прибудутъ къ берегамъ Турецкіе корабли съ высаднымъ войскомъ, коимъ должны магометане содѣйствовать къ истребленію въ Крымѣ Россійской власти. И когда имъ говорено было, что развѣ они не знаютъ, какъ прилежно на поступки всѣхъ примѣчается, и что народъ любитъ губернатора, при коемъ нельзя сего сдѣлать, то объявили они намѣреніе, въ началѣ заманя къ себѣ волостнаго голову имъ сумнительнаго, арестовать или убить; потомъ ѣхать въ ближайшее къ Симферополю селеніе, гдѣ найдутъ они довольно единомышленныхъ имъ людей, съ оными пріѣхать въ городъ, раздѣлясь для всѣхъ непримѣтнымъ образомъ, и выманя меня подъ какимъ ни есть предлогомъ, отрубить голову, и оную воткнувъ на копье, — ѣхать по всему Крыму бунтовать народъ.

Тотчасъ велѣлъ я послать повелѣніе волостному головѣ, въ вѣдомствѣ коего сіи гости жительствовали, чтобы явился ко мнѣ; они не послушались, объявляя, что будутъ стрѣлять, если кто силою брать ихъ осмѣлится. Голова, оставя караулъ изъ Татаръ, самъ ко мнѣ явился съ донесеніемъ. Я послалъ исправника съ четырьмя человѣками драгунъ штатной команды и четырьмя казаками; а между тѣмъ отправилъ впередъ засѣдателя изъ знаменитыхъ здѣшнихъ мурзъ, приказавъ объявить жителямъ, что, если они не возмутъ ихъ и не представятъ, то сочтены будутъ единомышленниками, и я намѣренъ ихъ выслать изъ Крыма въ степныя селенія, и всѣ камни, изъ коихъ избы ихъ построены, разнести; словомъ, не оставить знака деревни.

Мурза, отъ всѣхъ уважаемый, былъ принятъ учтиво, произвелъ страхъ и сдѣлалъ, что жители отъискали мать сихъ Татаръ, за другимъ мужемъ находящуюся. Ее и всѣхъ ихъ родственниковъ собравъ вмѣстѣ, послали впередъ просить помилованія у заперших-ся въ каменной и отъ селенія удаленной избѣ воиновъ, увѣряя, что я милостивъ, и если они признаются въ истинѣ доноса, то ничего имъ не сдѣлавъ, вышлю только за границу. Они снизошли на просьбу, и сельской начальникъ, взявъ ихъ, встрѣтилъ ѣдущую команду.

Когда сіи герои приведены ко мнѣ были, объявилъ я доносъ, не объявляя отъ кого. Они отвѣтствовали, что ничего не знаютъ и будто все то ложное. Отправя ихъ подъ стражу на военную гаубвахту, велѣлъ я посадить розно, сказавъ, что покажу имъ людей, кому они что говорили; и такъ подумали бы хорошенько и рѣшились сказать прав-

ду; между тѣмъ, приказалъ съискать людей на нихъ донесшихъ, которые объявили, что готовы ихъ уличать. При семъ случаѣ видѣлъ я привязанность ко мнѣ народа. Они говорили, что обезпамятѣли, услыша о намѣреніи „тебя убить, нашего милостиваго губернатора".

На другой день далъ я имъ вопросные пункты, и велѣлъ, не объявляя всѣхъ, вопрошать по порядку, одного за другимъ, и каждаго порознь. Они показали, что въ прошломъ еще году выѣхали изъ Константинополя, съ намѣреніемъ волновать Крымцевъ; знакомство и дружбу наиболѣе имѣли именно съ тѣми людьми, которые доносъ на нихъ сдѣлали; что во время, когда весь народъ собирался на службу при арміи, не осмѣливались они открывать намѣренія, ибо видѣли его усерднымъ къ государю Русскому. Но когда пошла молва, что Татарскихъ полковъ не будетъ, а хотятъ какіе то на Русской манеръ, то, примѣтя въ народѣ большое неудовольствіе, рѣшились начать свое предпріятіе, ожидая вскорѣ и Турецкаго флота. Меня хотѣли убить для того, что имъ казалось, если народъ увидитъ мою голову на копьѣ, то весь поднимется бунтовать. Потомъ одинъ изъ сихъ Татаръ сказалъ переводчику, что имѣетъ еще сказать важное, но никому кромѣ одного меня не скажетъ.

Приглася къ себѣ муфтія, призвалъ я сего Татарина. На вопросъ, что такое объявить мнѣ желаетъ, отвѣтствовалъ онъ, что при свидѣтеляхъ мнѣ не скажетъ. Но какъ я ему сказалъ, что нѣтъ пользы оставаться намъ на единѣ; ибо я по татарски, а онъ по русски не умѣемъ, и такъ не лучшели будетъ объявить муфтію, который въ то время сталъ ему что-то говорить; послѣ сего онъ объявилъ, что, находясь въ Константинополѣ, былъ онъ во услуженіи у одного изъ придворныхъ, который при началѣ смутныхъ въ прошломъ году обстоятельствъ представилъ его султану въ домашнихъ комнатахъ.

Султанъ ему сказалъ: «Ступай въ Крымъ, узнай много ли тамъ войска; и узнай, хотятъ ли Татары служить мнѣ, или хотятъ быть вѣрны государю Русскому.»—„Итакъ, я сказалъ, зачѣмъ же ты не исполнилъ, что было приказано?" Онъ отвѣтствовалъ, что онъ духовный, служитъ Богу, и отъ Него получилъ бы воздаяніе, превзойдя мѣру повелѣнія султанскаго.

По окончаніи разговоровъ и допроса при бытности муфтія, велѣлъ я отвести ихъ на гаубвахту, и объявя (о чемъ и донынѣ всѣ увѣрены), будто подобныя дѣла долженъ я вмѣстѣ съ подозрѣваемыми представлять военному губернатору, велѣлъ сковать ихъ въ желѣза, и на другой день въ препровожденіи двухъ драгуновъ и двухъ казаковъ отправилъ въ Николаевъ къ маркизу де-Траверсе

Таковыя происшествія и свѣдѣнія показывали мнѣ надобность отправить изъ Крыма мою семью—единственное мое утѣшеніе. Еще при началѣ смутныхъ обстоятельствъ, предвидя слѣдствія, сталъ я располагать къ тому и разглашать, что обстоятельства домашнія требуютъ, чтобы жена моя повидалась съ ея матерью. И такъ непремѣнно ожидая, что послѣ равноденствія вскорѣ явится Турецкій флотъ, выдумалъ я надобность ѣхать на границу губерніи, чтобы сдѣлать распоряженіе о образованіи милиціи за Перекопомъ и симъ ускорилъ отъѣздъ жены моей, которую могъ проводить 200 верстъ.

За Перекопомъ берегъ Чернаго моря, простираясь до Кинбурна слиш-

комъ на 200 верстъ, имѣетъ во многихъ мѣстахъ хорошія пристани. Тамъ 80 человѣкъ казаковъ находилось для надзора. Неудаленно отъ береговъ имѣются селенія изъ Малороссіянъ. Затѣмъ простирается степь, назначенная для общаго пастбища. По берегу Сиваша и въ глубину степи жительствуютъ древніе Крымскіе обыватели, Киргизами называемые. Затѣмъ нѣсколько разстоянія незаселенной степи, до рѣки Молочной, отдѣляетъ жительство Ногайцевъ, въ прошлую войну изъ Бессарабіи переселенныхъ; ихъ числомъ до 9000 душъ. Получилъ я увѣдомленіе, что генералъ, командующій войсками у береговъ Дуная, согласилъ до 7000 душъ Татаръ Буджакскихъ, которые ему безпокойны были къ переселенію на Молочныя воды для совмѣстнаго жительства съ Ногайцами, имъ единоплеменными.

Въ послѣднюю войну съ Турками, когда на Кинбурнской косѣ и противу мѣста, гдѣ есть удобство приставать судамъ, находился цѣлый корпусъ регулярныхъ войскъ, но и тогда Турки дѣлали покушеніе, и нѣсколько людей изъ селеній въ плѣнъ взяли.

Разсуждая, хотя теперь не тѣ обстоятельства, у Турокъ нѣтъ Очакова—близкаго къ Крыму пристанища, и до самыхъ береговъ Дуная всѣ мѣста заняты Россійскими войсками; но буде Турецкой флотъ, приближась къ берегамъ нашимъ, выиграетъ, что и не мудрено, морское сраженіе, тогда легко ему будетъ, дѣлая вездѣ безпокойство, воспламенять Татарскіе умы къ мятежу. Ногайцы и вновь переселяемые Буджакскіе Татары, соединясь съ Киргизами, подогнавъ лошадей къ берегу моря, дадутъ пособіе Турецкому высадному войску; оно можетъ распространить бѣду во внутрь Россіи.

Къ предупрежденію сихъ происшествій рѣшился я формировать внутреннюю милицію внѣ Крыма, назнача четыре пункта для содержанія по сотнѣ: два противу мѣста, гдѣ высадка быть можетъ, два при границѣ земли Ногайской и по станціямъ на пути отъ Перекопа къ Бериславлю, на пути отъ Перекопа къ Никополю, и на пути отъ Перекопа чрезъ Геническъ до Молочныхъ водъ. Поставленнымъ на пути къ Бериславлю приказано ничьи табуны не пропускать на земли для общаго пастбища, къ Черному морю простирающіяся, толкуя, что оныя назначены для зимовниковъ, слѣдовательно надобно поберечь траву отъ потоптанія. Таковое повелѣніе далъ я и стражѣ по пути къ Никополю; опредѣленнымъ по пути, къ Молочнымъ водамъ чрезъ селенія Татарскія и Киргизскія лежащему, велѣно примѣчать за поведеніемъ Татаръ, какъ равно и тѣмъ, кои сотнями поставлены при окончаніи ихъ дачи. А сотнямъ близь Чернаго моря препоручено дѣлать разъѣзды, и коль скоро усмотрятъ приближеніе флота непріятельскаго, обвѣстили бы ближайшихъ селеній жителей, способствовали ихъ удаленію и отгону скота, а паче лошадей, и увѣдомя начальство, примѣчали на дѣйствія непріятеля. Я полагалъ: если высаженные Турки, не встрѣчая препятствія, пойдутъ во внутрь земли для отысканія людей и лошадей и отдалятся на нѣкоторое разстояніе, то при первой усталости и темнотѣ ночной небольшое число вооруженныхъ жителей изъ бывшихъ Запорожскихъ казаковъ, сего рода военныя хитрости знающихъ, побьютъ или прогонятъ. Если же Турки, вышедъ на берегъ, станутъ укрѣпляться, тогда, принявъ осторожность о удержаніи Татаръ, надлежать будетъ регулярнымъ войскамъ (отколѣ

можно ихъ собрать) имѣть съ ними дѣло.

Сіе распоряженіе, въ дѣйство произведенное, представилъ я маркизу; онъ донесъ комитету для внутренней милиціи, въ Петербургѣ учрежденному, и получено одобреніе.

До времени равнодѣйствія, Англійскій адмиралъ, воспользуясь сильнымъ южнымъ вѣтромъ, прошелъ безвредно Дарданеллы, сталъ на якорѣ между Сераля и Семибашенной, показалъ возмножность бросать въ султанской дворецъ бомбы, и остановился для переговоровъ столько времени и такъ мирно, что Турки умножили по обѣимъ сторонамъ береговыя батареи, и сдѣлали вездѣ печи для каленія ядеръ; словомъ, Англичане сдѣлались будто принужденными возвратиться въ Мраморное море и далѣе. Кажется, побѣждены они не калеными ядрами, а свѣтящимся металломъ. Золотой дождь и въ баснословныя времена много чудесъ дѣлывалъ.

Россійскій флотъ, подъ начальствомъ Сенявина по водамъ Средиземнаго моря плававшій, взялъ Тенедосъ, устрашилъ Турокъ; и потому весь ихъ флотъ съ Чернаго моря возвращенъ въ Дарданеллы для защищенія Константинополя.

Въ Крыму умножено войска. Гарнизонные баталіоны везлись на подводахъ, и къ веснѣ составилось число людей 21.800 человѣкъ, провіантъ получающихъ; да милиціи, изъ Полтавской и Екатеринославской губерніи, безъ мала 5000 человѣкъ, кои, хотя не сильно вооружены и не обучены какъ надобно, но всѣ люди, могущіе содержать внутреннее спокойствіе, по крайней мѣрѣ удобные устрашить Крымцовъ и не дать способовъ затѣять что нибудь вредное.

Маркизъ Траверсе, во время своего начальства, принялъ намѣреніе взять Анапу и раззорить. Онъ всѣ распоряженія къ тому сдѣлалъ: приказалъ переправиться егерскому полку изъ Керчи въ Фанагорію, приготовилъ артиллерію и велѣлъ флоту (изъ шести кораблей и двухъ фрегатовъ состоящему) выдти въ море. Въ сіе время Дюкъ-де-Ришелье выздоровѣлъ и захотѣлъ самъ дѣйствовать. Отправясь въ Тамань, ожидая прибытія эскадры, прожилъ онъ двѣ недѣли понапрасну: противной вѣтръ задержалъ ее, потомъ буря сдѣлала много поврежденій въ неисправныхъ старыхъ корабляхъ. Эскадра для починки возвратилась въ Севастополь. Между тѣмъ маркизъ, все свѣдая, прискакалъ изъ Николаева; починя корабли, запася все, что нужно, отправилъ; а самъ, будто изъ любопытства быть поближе, поѣхалъ сухопутно къ Керчь; но вмѣсто того, взявъ въ Ѳеодосіи маленькую брику, явился къ флоту, и приватно командуя, поступилъ такъ, что сухопутныя войска, въ недоумѣніи на Болотной Косѣ стоящія, не поспѣли къ дѣлу. Онъ взялъ крѣпость, и морскіе караулы отдали прибывшему сухопутному генералу честь. Крѣпость раззорена совершенно подкопами, всѣ жилые дома сожжены и разрушены, и даже изврежденъ колодезь, дававшій всему городу воду.

Всѣ сіи событія успокоили Крымъ. Дюкъ, изъ Анапы возвратившійся, приступилъ къ сформированію Татарскихъ полковъ для отправленія къ арміи. Я былъ постороннимъ въ семъ дѣлѣ, не мѣшался ни во что, кромѣ когда спрашивали моего совѣта; тогда говорилъ что знаю. Въ двѣ недѣли четыре полка сформировано и на службу отправлено; отъ незнанія поставить преграды и отъ скорости допущены

нѣкоторые, малозначущіе безпорядки и злоупотребленія, однакоже полки сіи были внѣ Таврической губерніи, когда получено извѣстіе о мирѣ съ Французами, а потому Дюкъ приказалъ симъ полкамъ возвратиться во свояси, и мнѣ писалъ отдавъ на волю, что съ нимъ дѣлать. Я велѣлъ имъ расположиться лагеремъ, каждому полку особенно, смотрѣлъ ихъ и найдя исправными, распустилъ впредь до востребованія въ домы, приказавъ быть готовыми на службу тотчасъ, коль скоро потребуются. Во всемъ ясно видно желаніе служить, какъ и то, что Татары дѣйствительно народъ военный.

Извѣстно, что Турецкій флотъ разбитъ почти до истребленія, что вице-адмиралъ Сенявинъ завладѣлъ Тенедосомъ и обратилъ на себя все вниманіе Турецкаго правительства; что недовольные янычары взбунтовались, свергли съ престола султана Селима III и возвели Мустафу, что всѣ бывшіе министры Турецкіе лишились головъ; слѣдовательно система правительства ниспровержена до основанія. Все сіе, постепенно успокоивая волненіе, возвращало тишину Крыму.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ является въ Севастополь Турецкое судно съ бѣлымъ флагомъ. Оно принесло пашу, привезшаго отъ султана Мустафы фирманъ къ Таяръ-бею, коего полагали быть въ Крыму. Датской посланникъ баронъ Гибшъ, въ Константинополѣ пребывающій, по просьбѣ рейсъ-ефендія мнѣ пишетъ, ходатайствуя о увольненіи Таяръ-бея, добровольно до войны въ Крымъ пріѣхавшаго. Поелику письмо адресовано было начальнику Крымскому безъ написанія имени, то, не желая въ сіе дѣло мѣшаться, отправилъ я его къ Дюку Ришелье.

Надлежитъ знать: Таяръ-бей былъ трехбунчужнымъ пашею, въ Анатоліи начальствующимъ, съ столь неограниченною властію, что имѣлъ право жаловать въ двубунчужные паши. Послѣдній Анапскій паша имъ возведенъ въ сіе званіе изъ переводчиковъ. Когда султанъ Селимъ затѣялъ формировать регулярное войско, Таяръ-паша сначала ему содѣйствовалъ; но когда требованія денегъ стали ему дѣлаться тягостны, а отъ часу умножаемое требованіе рекрутъ начало производить въ народѣ неудовольствіе, то рѣшился мѣшкать исполненіемъ таковыхъ приказаній. Султанъ, ожесточась, послалъ лишить его жизни. Но Таяръ-бей, о томъ свѣдая, подвергнулъ назначенной ему участи посланцевъ. Послѣдовало повелѣніе давнишнему непріятелю его Юсуфъ-пашѣ, при границѣ Персіи начальствовавшему, исполнить султанскую волю, лиша Таяра-бея жизни, и принять начальство надъ провинціями ему подвластными. Таяръ-бей, собравъ войско, вступилъ съ Юсуфомъ въ войну Долго жребій его оставался въ неизвѣстности. Наконецъ Юсуфъ выигралъ большое сраженіе; Таяръ съ малымъ числомъ войскъ, уклонясь отъ сраженія, спасался, и въ это время послалъ любимую свою жену въ Константинополь ходатайствовать о прощеніи. Жена хорошо была принята, то есть приняты подарки съ нею посланные; а затѣмъ послали ее въ заточеніе въ крѣпость на островѣ Родосѣ. Извѣстіе о семъ увеличило опасность и принудило его удалиться съ малымъ числомъ людей въ Абазію къ давнишнему его другу Келешъ-бею Абазинскому, въ крѣпости Сукумъ жительствующему. Султанъ прислалъ чиновниковъ къ Келешъ-бею съ фирманомъ, требуя отдачи Таяръ-паши или головы его. Келешъ-бей отказалъ, говоря, что по древней дружбѣ предковъ

Таяръ-паши съ нимъ и предками его не отдастъ его на жертву. Надобно знать, что Келешъ-бей есть владѣлецъ, подъ протекціею Турокъ находящійся, а Таяръ-бей четырнадцатый въ своемъ родѣ паша Анатольскій, съ Абазинцами сосѣдствующій. Посланные отъ султана сказали, что придутъ съ войскомъ взять Таяръ-пашу; а Келешъ-бей отвѣтствовалъ, что на первой случай готово у него 15 т. человѣкъ непріятеля встрѣтить.

Во время войны, въ 1787 году наченшейся, отецъ Таяръ-паши былъ трехбунчужнымъ пашею Анатольскимъ. Онъ съ цѣлымъ корпусомъ войскъ отдался въ плѣнъ; а Таяръ-паша. бывши тогда въ полковничьемъ чинѣ, находился съ Анатольскимъ войскомъ въ Анапѣ, и при взятіи сей крѣпости штурмомъ, взятъ въ плѣнъ. Оба они долго жили въ Петербургѣ и отъ покойной императрицы были пожалованы землями въ Крыму И такъ Таяръ-паша, будучи помѣщикъ Таврической, и имѣя со многими знакомство и интересныя связи, нашелъ случай писать и писалъ ко мнѣ и къ Дюку-де-Ришелье изъ Сукума, прося дозволенія пріѣхать. По тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ не должно было явнымъ образомъ мѣшаться съ сіе дѣло, но, посовѣтовавшись съ Дюкомъ чрезъ пріятелей Таяръ-бея, далъ я ему знать, что когда пріѣдетъ въ Крымъ, то за безопасность его я могу отвѣтствовать. Въ слѣдствіе чего во время осени 1806 года, наняли въ Крыму купеческое судно, которое изъ Сукума доставило въ Керчь Таяръ-пашу, такъ сначала себя именовавшаго. Лишь получилъ я о семъ извѣстіе, тотчасъ послалъ ему объявить, что пашей въ Крыму нѣтъ и названіе сіе не прилично; что паша есть человѣкъ Турецкой, коего, коль скоро потребуютъ, удерживать будетъ не возможно. И такъ совѣтую называться Таяръ-беемъ, какъ прежде онъ именовался во время пожалованія земель, и объявить себя помѣщикомъ Крымскимъ, пріѣхавшимъ жить въ своемъ имѣніи: тогда, будучи не обязанъ знать, служилъ ли онъ и чѣмъ въ Турціи, коль скоро поиски будутъ, дамъ я ему, какъ дворянину моего вѣдомства, паспортъ ѣхать далѣе, къ сѣверу или западу. Онъ послушался и безпрекословно сложилъ титулъ необузданнаго льва.

Спознакомясь съ симъ человѣкомъ, узналъ я, что онъ уменъ и честолюбивъ столько, что весьма можетъ быть Россіи полезенъ. Связи его въ Анатоліи столь крѣпки, что пока онъ живъ, никакая сила прервать не можетъ. Онъ предложилъ мнѣ о желаніи Келешъ-бея быть подданнымъ государя нашего. Крѣпость Сукумъ и владѣніе Абазинскаго князя граничатъ съ Мингреліею. Качество земель его и повиновеніе къ нему народа открываетъ пространное поле къ изобрѣтеніямъ полезнаго для Россіи. Чтобы лучше сіе исполнить, зная великое предъ собою преимущество въ кредитѣ Дюка-Ришелье, совѣтовалъ я Таяръ-бею оставить предложеніе до пріѣзда Дюка и подать ему, не объявляя, что мнѣ было подаваемо.

По пріѣздѣ Дюка, представилъ я ему Таяръ-бея, какъ дворянина Таврической губерніи и совѣтовалъ поближе съ нимъ познакомиться и поговорить. Таяръ-бей подалъ ему исторію своего дѣла, прежде мною чтенную, гдѣ упоминается, что Келешъ-бей желаетъ вступить въ подданство со всѣмъ своимъ народомъ, проситъ чина Россійскаго себѣ и старшему своему сыну. Дюкъ, не показывая мнѣ бумаги, сказывалъ только кое-что о

содержаніи ся. Я, притворясь, будто ничего не зналъ, побранивалъ Таяръ-бея, для чего ничего мнѣ о томъ не сказалъ; но между тѣмъ, говоря правду, сколь сіе можетъ быть полезно для Россіи, совѣтовалъ представить государю одобрительнымъ образомъ. Вотъ состояніе — надобно мошенничать; но я думаю, что не подло, когда собственной корысти притворствомъ не доискиваешься.

Вслѣдствіе представленія Дюка-де-Ришелье, Келешъ-бей пожалованъ генералъ-лейтенантомъ и назначено ему жалованье по ¹⁰/т. левковъ. Старшій сынъ его полковникомъ съ жалованьемъ по штату. Министръ иностранныхъ дѣлъ ([48]) писалъ къ Дюку, что государь поведеніе его и мое одобрилъ, и препоручаетъ мнѣ имѣть надзоръ за поступками Таяръ-бея, способствовать сношеніямъ его съ Анатольцами, но только знать, къ кому онъ и что пишетъ. Ему велѣно было давать на содержаніе по пяти сотъ рублей на мѣсяцъ, не объявляя приказанія о семъ государева, а дать видъ, будто бы Дюкъ Ришелье по власти, ему данной, то даетъ произвольно.

Чтобы надежнѣе исполнить сіе препорученіе, далъ я разумѣть Таяръ-бею, что полезно бы ему было основать свое пребываніе въ Симферополѣ, а чтобы дѣйствительно онъ сіе сдѣлалъ, нанялъ, а потомъ купилъ я въ казну домъ его въ Бакчисараѣ, отъ отца доставшійся, и согласилъ домъ купить въ Симферополѣ.

Чтобы знать о всемъ, что̀ происходитъ въ его домѣ и съ кѣмъ онъ знается, предложилъ я находящемуся при мнѣ переводчику, давно Таяръ-бею знакомому, пойти въ отставку и наняться служить у него домашнимъ переводчикомъ. Произведя желаніе въ Таяръ-беѣ имѣть его, склонилъ обнадеживаніемъ, что если будетъ мнѣ вѣренъ, скорѣе доставлю я ему офицерскій чинъ.

Чрезъ сего переводчика дѣлаюсь часъ отъ часу съ нимъ дружнѣе. Часто видаясь, сдѣлались мы откровенны. Много разнаго вздора говоря, началъ я потрогивать его амбицію, говоря: какъ дѣлается теперь въ свѣтѣ, что государи сильные, не могши владѣть отдаленными землями, сотворяютъ себѣ подобныхъ государей, сначала на генералъ-губернаторовъ похожихъ, но которые послѣ дѣлаться могутъ имъ равными; и что мнѣ кажется, полезно бы для Россіи было сдѣлать его самовластнымъ въ Анатоліи. Таковыя слова, изрѣдка и какъ бы не умышленно вырывавшіяся, видѣлъ я, что производятъ сильное въ немъ движеніе. Заключа, что эта мысль давно у него въ головѣ вперилася, сталъ я почаще входить въ разговоры. Отзывы его были всегда одинаковы, что онъ не хочетъ и не можетъ сдѣлаться владѣльцомъ, а льзя бы было ему, имѣя Россійское войско, будучи удостоену чиномъ Россійскаго генерала, отправиться на Россійскомъ флотѣ къ крѣпости Сампсонъ, гдѣ много имѣетъ онъ людей ему приверженныхъ. Тамо, собравъ войско, объявилъ бы онъ народу протекцію Русскаго императора, и во имя его покоряя Анатолію, скоро бы соединился съ генераломъ Гудовичемъ, въ Персіи близь Анатольскихъ границъ находящимся. Между таковыми разговорами, сказывалъ онъ мнѣ, что въ Анатоліи находился во время его начальства и теперь пребываетъ Французскій консулъ, имѣющій чинъ генерала; что сказывалъ онъ ему о

([48]) Баронъ Будбергъ. *П. Б.*

возможности доставить Французское войско въ Антекію, что при границѣ Сиріи, будто для пособія Туркамъ, содержащимъ немалое число военныхъ людей въ Анатоліи для безопасности отъ нападенія Русскихъ, въ Персіи находящихся. Хотя видѣлъ я, что сіе вздоръ, что Французы, думая заманить Турковъ видами противу Россіи, хотятъ введя въ Сирію войско пуститься въ Индію для раззоренія Англійскаго тамъ богатства; однакоже счелъ я за нужное увѣдомить министра внутреннихъ дѣлъ о моихъ разговорахъ съ Таяръ-беемъ, и что полезно бы было подумать о семъ, и чрезъ Таяръ-бея дать хорошій ударъ Туркамъ, и для того призвать его для объясненія въ Петербургъ.

Партикулярное мое письмо, о коемъ ни одинъ человѣкъ не зналъ, министръ представилъ государю Вскорѣ за тѣмъ получилъ я повелѣніе отправить Таяръ-бея въ Петербургъ, куда и поѣхалъ онъ въ Мартѣ 1807 года.

Таяръ-бей не засталъ государя въ Петербургѣ: онъ поѣхалъ къ арміи, противу Французовъ въ Пруссіи находящейся. Дожидаясь долго, былъ онъ въ неизвѣстности. По окончаніи войны, въ Іюлѣ мѣсяцѣ государь возвратился. Таяръ-бей присягнулъ на подданство, получилъ чинъ атамана, но потомъ вскорѣ получается извѣстіе о сверженіи съ трона султана Селима и о возведеніи Мустафы, который призываетъ Таяръ-бея обратно.

Таяръ-беевы обстоятельства совершенно тогда перемѣнились. Султанъ Мустафа персонально ему пріятель и получалъ отъ него многія пособія денежныя. Великій визирь—вновь опредѣленный—изъ числа людей, бывшихъ подъ начальствомъ и облагодѣтельствованный Таяръ-беемъ. Всѣ министры ему друзья, прежніе его непріятели всѣ истреблены во время бунта. Юсуфъ-паша, съ нимъ враждовавшій, будучи визиремъ при Селимѣ, отказавъ дать денегъ Мустафѣ, имъ ненавидимъ, и уже данъ фирманъ о снятіи его головы. Три посольства, одно за другимъ, отправлены съ султанскими фирманами къ Таяръ-бею. Великое множество писемъ, отъ разныхъ придворныхъ людей и чиновниковъ полученныхъ, подлостію ихъ ясно показываютъ его знаменитость.

Удовлетворяя желанію Таяръ-бея, государь имѣлъ съ нимъ свиданіе въ кабинетѣ Одинъ только переводчикъ былъ свидѣтелемъ ихъ разговора. Отпущенный съ награжденіемъ деньгами и подарками, получившій отъ Россійскаго императора жалованье по 12/т. руб. въ годъ, отправился онъ въ Турцію. Маркизъ Траверсе приготовилъ ему военное судно въ Николаевѣ, и взявъ туда же посланцомъ явившагося въ Крымѣ пашу, судно его и весь экипажъ, намѣренъ былъ отправить оттолѣ Таяръ-бея. Но онъ сего не захотѣлъ, и писалъ ко мнѣ, что непремѣнно хочетъ видѣться со мною.

Полагая увидѣть человѣка, сообразно обстоятельствамъ его перемѣнившагося въ поведеніи со мною, я ошибся. Тотчасъ явясь ко мнѣ, показалъ онъ больше прежняго мнѣ учтивости, и говорилъ, что почитаетъ меня какъ отца, хочетъ всегда слѣдовать моимъ наставленіямъ. Онъ готовъ былъ сказать мнѣ весь его разговоръ съ императоромъ, но я совѣтовалъ тайно говоренное не сказывать никому. Между многихъ разговоровъ узналъ я, что государь далъ было ему письмо къ султану Мустафѣ, но послѣ взялъ обратно; что увѣ-

ренъ онъ, что, изъясня султану о состояніи политическихъ дѣлъ, сдѣлаетъ ихъ такъ дружными съ государемъ, какъ братьевъ; однимъ словомъ, ясно кажется то, что миръ съ Французами есть дѣйствіе принужденное, что опасность не изчезла, но увеличилась, и что того и гляди, опять придется приниматься за милицію и напряженіе всѣхъ силъ.

Соображаясь съ таковымъ понятіемъ о состояніи дѣлъ, далъ я разумѣть Таяръ-бею, что Турція на востокѣ то что̀ Данія на западѣ: сильные дерутся и хотятъ захватить во власть ворота, которыхъ старинные приворотники укараулить не могутъ. Индія есть магазинъ съ сокровищемъ. Обереженіе и раззореніе ея суть предметъ, для коего и истощаются силы двухъ равносильныхъ державъ; равность ихъ силъ, можетъ быть, долго не дастъ намъ видѣть паденіе того или другаго. Турція, будучи морская и сухопутная держава, и въ обѣихъ сихъ частяхъ до истощанія ослабѣвшая, не можетъ противустать ни тому ни другому. Ей надобно держаться крѣпче къ Россіи. Пусть у Египта дерутся Англичане съ Французами: уже ей перестало быть стыдно видѣть театръ войны у себя. Образъ правительства таковъ, что сіе не много значитъ, лишь бы Константинополь и земли со стороны Россіи были неколебимы. Въ разсужденіи собственно Таяръ-бея, онъ мнѣ объявилъ по секрету, что назначается ему мѣсто капитанъ-паши согласно давнишнему его желанію, потому что сіе званіе въ Турціи значитъ много, великіе даетъ доходы, мало дѣла, и дѣлая его придворнымъ военнымъ человѣкомъ доставляетъ возможность каждодневно видѣть султана. На сіе я ему совѣтовалъ: принять предлагаемую должность, но стараться склонить султана позабыть прежнюю гордость его предмѣстниковъ и согласиться имѣть своихъ министровъ при дворахъ, наиболѣе вліяніе имѣющихъ на дѣла Турціи. И такъ, чтобы онъ, въ качествѣ полномочнаго посла, пріѣхалъ въ Россію и старался, елико можно, сблизить интересы Россійскаго и Турецкаго дворовъ, сдѣлавъ добровольной раздѣлъ земель такъ, чтобы и впредь не было причины къ войнамъ; а между тѣмъ, поелику жить подъ законами Турецкими трудно человѣку, не совсѣмъ предопредѣленію вѣрющему и нѣсколько на разумъ полагающемуся, то стараться склонить султана къ согласію— дозволить ему Таяръ-бею укоренять имѣніе въ Крыму, что̀ можетъ быть согласно и съ политическими видами обѣихъ государей; а потомъ, покупая здѣсь земли, населять ихъ изъ Анатоліи и прочихъ странъ людьми работящими, какъ-то: Армянами, Булгарами и Греками. Слѣдовательно, когда-бы случилась ему надобность удалиться, имѣлъ бы безопасный уголъ, гдѣ спокойною жизнію можетъ наслаждаться. Да и безъ того, наскуча коловратностію свѣта, не захочется ли здравомыслящему человѣку, удовлетворя горделивости своей, удовлетворя всѣмъ надобностямъ для житья по привычкамъ, собравъ все свое семейство къ тихому пристанищу, ожидать спокойно воли Божіей, долженствующей воззвать насъ къ уничтоженію и возрожденію?

Разсужденія мои весьма нравились Таяръ-бею. Онъ часто, съ наполненными слезъ глазами, вставъ со стула, благодарилъ меня, повторяя, что чтитъ меня какъ отца. Путешествіе и пребываніе въ Петербургѣ столько научили его говорить по русски, что мы все сіе говаривали безъ свидѣтелей.

Болѣе недѣли прожилъ онъ въ Симферополѣ, каждодневно со мною ви-

даясь. Наконецъ, предъ отъѣздомъ, зная, что собираюсь ѣхать въ Петербургъ, что фурка у меня не мудреная, время осеннее наступаетъ, присылаетъ онъ ко мнѣ бывшаго моего переводчика объявить, что не осмѣливается прислать, а проситъ, чтобы согласился я принять его карету дорожную, въ которой пріѣхалъ изъ Петербурга, и которая теперь ни на что ему не надобна. Освѣдомясь, что заплатилъ онъ за нее 1500 руб., а столько денегъ у меня нѣтъ, хотя хотѣлось бы поберечь себя, но я отказался сколь потому, что стыдно: отъ роду ни у кого ничего не бралъ, да и по политическимъ видамъ казалось мнѣ не должно. По природѣ скупой человѣкъ, но иногда только по капризамъ щедръ бывающій, вѣроятно больше почтетъ человѣка, который никогда ничѣмъ отъ него не корыстовался и никакой собственной пользы отъ него не хочетъ. Послѣ сего при свиданіи я сказалъ ему откровенно, что, принявъ его подарокъ, лишился бы я пріятнѣйшаго мнѣ чувства любить его, потому что мнѣ было бы тогда стыдно.

Переводчику, отъ меня къ Таяръбею перемѣстившемуся, сбылось мое обѣщаніе, гораздо болѣе ожидапнаго. По представленію моему къ министру, гдѣ, сказавъ всю правду, просилъ я ему офицерскаго чина, онъ пожалованъ губернскимъ секретаремъ. И Таяръ-бей при отъѣздѣ подарилъ ему свой домъ, за который заплатилъ 4000 рублей, со всею въ немъ мебелью и посудою, и еще деревню, приносящую до 500 руб. дохода; слѣдовательно фортуна его сдѣлана.

Въ теченіе сего времени собственныя мои обстоятельства: имѣнія нѣтъ, жена брюхатая поѣхала съ дѣтьми къ ея матушкѣ. Слухи, что она на нее сердита, оказались несправедливы. Пріемъ и вхожденіе въ обстоятельства мои доказали чувства материнскія. Свѣдая, что до 3000 р. на мнѣ долгу, она дала деньги, и я ихъ получилъ изъ Петербурга. Женѣ моей также асигновала получить въ Петербургѣ 3000 руб.; слѣдовательно сберегла ее отъ нужды. А при томъ еще вздумала ей купить деревню, цѣною вдвое больше нежели дала приданаго другимъ двумъ дочерямъ. Получа о семъ свѣдѣніе, я писалъ, прося умѣрить милости до степени справедливости.

Въ Сентябрѣ 1807 получилъ я повелѣніе пріѣхать въ Петербургъ. Графъ Кочубей партикулярнымъ письмомъ меня увѣдомилъ, что предположено опредѣлить меня генералъ-провіантмейстеромъ. Чрезъ два дня отправясь въ путь, получилъ на дорогѣ свѣдѣніе, что 1-го Октября жена моя родила дочь Екатерину.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, былъ я принятъ съ великою отъ всѣхъ ласкою. Доброе о мнѣ мнѣніе государя распространяло доброе расположеніе всѣхъ господъ, знатными называемыхъ.

Въ послѣднихъ числахъ Октября 1807 послѣдовалъ указъ о опредѣленіи меня генералъ-провіантмейстеромъ, и велѣно поставить въ спискахъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ находилось имя мое до отставки. Всякое дѣло судится по образу мыслей того времени, когда оно въ ходу. Сія милость была великимъ доказательствомъ особеннаго ко мнѣ благорасположенія. Государственному казначею повелѣно производить мнѣ столовыя деньги по 250 р. на мѣсяцъ. И чрезъ Василія Степановича Попова пожаловалъ мнѣ государь 10,000 руб., приказавъ объявить, что это не награжденіе, ибо я стою больше, но что зная о недостаточномъ моемъ состояніи, присылаетъ мнѣ на начальное заведеніе дома; и приказывая жить пристой-

нымъ званію моему образомъ, обнадеживалъ и впредь дѣлать подобныя пособія.

V. Служба въ должности генералъ-провіантмейстера.

28 октября 1807 года.

Вступя въ званіе генералъ-провіантмейстера, сдѣлался я обязанъ быть государственнымъ человѣкомъ, долженствующимъ знать всѣ политическія связи и дальнѣйшія намѣренія государя, соображать ихъ со способами, зависящими отъ помѣстности обширной Россійской имперіи, и предупреждая начала дѣйствій, превышающихъ мѣру возможностей нашихъ, докладывать предварительно, что̀ и когда предпринято и совершено быть можетъ; ибо Россійская имперія на всѣ прочія въ свѣтѣ непохожа: обширность, разность климата, малолюдство, недостатокъ просвѣщенія, въ слѣдствіе коего худо еще образованная хозяйственная часть, дѣлаютъ невозможнымъ безъ надсады всѣхъ государственныхъ силъ предпринимать и совершать скоро все то, что̀ посредствомъ людей послѣдняго класса исполняется добровольно.

Произшествія въ минувшихъ временахъ доказываютъ, что сила Русскаго оружія всегда вездѣ все сломляла, но недостатокъ продовольствія войскъ останавливалъ успѣхъ и принуждалъ обращаться къ требованіямъ умѣреннымъ.

Столичной городъ и большая часть границъ, при коихъ Россія должна содержать воинскую силу, окружаются мѣстами, не изобилующими хлѣбомъ. Водяная коммуникація доставляетъ его изъ среды государства. Пространство, разность и во многихъ мѣстахъ суровость климата и несоразмѣрность естественной возможности съ надобностію требуютъ благовременныхъ распоряженій и дѣйствій искусныхъ.

Не задолго предъ симъ два раза подъемлемое оружіе противу Французовъ причинило важныя разстройки въ государственныхъ финансахъ, и что всего важнѣе, унизило нашу славу и показало свѣту побѣжденными; а все сіе дѣйствительно отъ худаго распоряженія провіантской части.

Во время, когда опредѣленъ я былъ генералъ-провіантмейстеромъ, часть провіантская находилась въ совершенной разстройкѣ и доходила къ конечному упадку.

Въ концѣ 1806 года все воинское ополченіе обращено было къ границамъ Прусскимъ для остановленія успѣховъ все побѣдившаго Французскаго оружія. Не только армейскіе полки, но почти всѣ гарнизоны внутренніе сдвинуты съ своихъ мѣстъ и поставлены къ границамъ для обороны. Гвардія вся находилась за границею; въ Петербургѣ почти совсѣмъ не оставалось войска. Начальство, подумавъ, будто таковое напряженіе силъ надолго продолжиться можетъ, изыскивая ближайшія средства для продовольствія войскъ въ Пруссіи, отправило изъ Петербурга, изъ Риги и изъ всѣхъ приморскихъ, пограничныхъ мѣстъ хлѣбъ, который, различными способами тамъ исчезнувъ, домой не возвратился. Между тѣмъ въ іюнѣ 1807 года заключенъ въ Тильзитѣ миръ съ Французами. Войска наши всѣ возвращаться стали чрезъ мѣста, оставленныя безъ запасовъ, гдѣ земли не хлѣбородны и неурожаи два года причинили и для жителей голодъ.

Разумѣется, сіи событія были тягостны для провіантской части и послужили къ совершенному истощанію капиталовъ Накопляющіеся долги ис-

кореняли кредитъ, и безъ того злоупотребленіями и худымъ распоряженіемъ надсаженный.

Возвышеніе на все цѣнъ было слѣдствіе неминуемое, коего слѣды, продолжаясь надолго, искореняютъ государственное богатство и развращаютъ земледѣльца, привыкающаго цѣнить избытки свои и трудъ выше мѣръ, справедливостію указанныхъ

Въ слѣдствіе Тильзитскаго мирнаго трактата сдѣлалась Россія непріятельницею Англіи и обязанною требовать отъ Швеціи, чтобы и она намъ послѣдовала. Во время продолженія кабинетскихъ сношеній войска наши умножались въ Петербургѣ и составили число больше нежели вдвое того, какое когда нибудь бывало.

Намѣреніе, въ послѣдствіи открывшееся, прикрываемо было желаніемъ имѣть много войска для парада въ день Крещенія на Іорданѣ.

Видя настоящее положеніе дѣлъ, видѣлъ я опасность моего состоянія. Поставленный на степень знатнаго чиновника, оставленъ я былъ въ ничтожествѣ: подчиненъ дѣйствительному тайному совѣтнику В. С. Попову, который, достигнувъ до знаменитости, сохранилъ въ себѣ качества природнаго его состоянія. Всѣ бояре, чрезъ коихъ бы я могъ довести до свѣдѣнія государя обстоятельства дѣлъ моихъ, мало дѣлъ понимаютъ и ни о чемъ, кромѣ рабственнаго угожденія, не думаютъ. Оставалось мнѣ подличать, и ползая въ передней ихъ, домогаться личнаго къ себѣ благорасположенія, принятія участія въ дѣлахъ моихъ и доставить мнѣ возможность объясняться съ государемъ. Но сіе могло ли бы исполниться или нѣтъ, неизвѣстно; а на ползаніе тратилъ бы я время, для дѣйствительныхъ дѣлъ неминуемо нужное. И такъ, положась на власть Божію, пошелъ я прямымъ путемъ, взявъ намѣреніе испросить увольненіе отъ службы, при первомъ удобномъ случаѣ; и сіе поистинѣ не для того, чтобы себя я берегъ, но потому, что алось выборъ падетъ на человѣка искуснаго и по связямъ своимъ могущаго быть ближе къ государю.

Освидѣтельствуя дѣла экспедиціи и С.-Петербургскаго провіантскаго депо, выведя математическимъ разсчетомъ невозможность продовольствовать наличное число войскъ до времени, когда водяною коммуникаціею привезется свѣжій хлѣбъ (а сѣна совершенно нельзя было достать столько, сколько нужно для лошадей, въ Петербургъ сведенныхъ) написавъ докладную записку подалъ г. Попову, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ исходатайствовать мнѣ увольненіе отъ должности, превышающей мѣру силъ моихъ и способовъ свѣтскихъ. Онъ, прочитавъ записку и возвращая мнѣ ее, съ жаромъ говорилъ, что на первомъ шагу стараюсь я, пріискивая затрудненія, дѣлать противное государю. Но я, записку положа на его столѣ, сказалъ, что если за сіе предварительное о трудностяхъ объявленіе государь прогнѣвается и меня накажетъ, то буду я считать такимъ точно несчастіемъ, какъ случается быть убиту громомъ; но буде допущу до времени совершеннаго разстройства, ничѣмъ поправленнымъ быть не могущаго, тогда по совѣсти долженъ буду подписать самъ себѣ смертную казнь. И такъ воля его —сдѣлать изъ той записки, какое онъ хочетъ употребленіе; но я уже въ таковой же силѣ послалъ рапортъ военному министру г. Вязмитинову (который находился тогда въ совершенномъ упадкѣ кредита и отъ дѣлъ былъ удаляемъ).

Въ докладной запискѣ представлялась невозможность продовольствовать

войска въ столицѣ и Финляндіи. Предлагалось помѣстить ихъ на зимнія квартиры, по разстоянію верстъ до 400 отъ Петербурга, гдѣ хлѣба и фуража достать можно: несъѣденное останется въ цѣлости къ веснѣ, когда войска для обороны береговъ понадобятся. Въ той же запискѣ упоминалось между прочимъ, что, оставаясь о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ въ неизвѣстности, примѣчаю я движеніе войскъ къ Финляндіи; а потому считаю нужнымъ побывать тамо, видѣть обстоятельства отъ помѣстности зависящія и посовѣтоваться съ губернскими начальниками о способахъ составить подвижные магазины, безъ коихъ не можетъ существовать войско во время войны дѣйствующее. На сіе получилъ я на другой день письмо отъ г. Попова, гдѣ въ короткихъ словахъ объявляетъ, что государь по прочтеніи моей записки соизволяетъ на отъѣздъ мой въ Финляндію.

Побывая въ Финляндіи, удостовѣрился я о томъ, что зналъ предварительно. Земля изпещрена озерами, лѣсами и скалами кремнистыхъ утесистыхъ горъ. Жителямъ для собственнаго ихъ пропитанія недостаетъ своего хлѣба. Народъ лѣнивъ и скуденъ. Во всей Финляндской губерніи считалось до 7000 лошадей малосильныхъ. Неудобство дорогъ причиною, что повозки у нихъ двуколесныя, на коихъ по мѣрѣ силъ лошадей ихъ не возятъ и двадцати пудъ тяжестей.

Возвратясь изъ Финляндіи, не видя и не слыша ничего о перемѣщеніи войскъ, подалъ я другую записку, гдѣ, повторяя о трудности продовольствія, изъяснялъ, что, если вскорѣ не уменьшится число войскъ изъ Петербурга и его окрестностей, то ко времени военныхъ дѣйствій не будетъ у насъ ничего нигдѣ ни за какую цѣну; при чемъ просилъ удостоить меня знаніемъ, какой образъ войны ожидать можно; если наступательной, то объявлялъ какія мѣста для заведенія запасовъ почитаю я удобными, а если оборонительную войну вести будемъ, тогда совсѣмъ другія мѣста для усиленія запасами предполагалъ. Таковаго свѣдѣнія просилъ я скорѣе, ибо зима была почти уже на половинѣ, слѣдовательно мало оставалось возможности дѣйствовать безъ чрезмѣрнаго возвышенія цѣнъ и безъ употребленія средствъ чрезвычайныхъ. На сію записку словесное получилъ я объявленіе чрезъ г. Попова, что государь назначилъ главнокомандующимъ арміею генерала-графа Буксгевдена, который вскорѣ ожидается въ Петербургъ; съ нимъ вмѣстѣ сдѣлается распоряженіе о движеніяхъ, и чрезъ него мнѣ объявится планъ будущихъ операцій.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовало войскамъ повелѣніе идти на зимнія квартиры; даже лейбъ гусаръ перемѣстили изъ Петербурга въ Ладогу; въ четырехъ драгунскихъ полкахъ, изъ Петербургскихъ магазиновъ довольствованныхъ, нашлось много лошадей прилипчиво больныхъ; ихъ, для уменьшенія расхода на фуражъ, перестрѣляли, а полки перемѣстили сходно моему представленію.

13 генваря 1808 года военный министръ Вязмитиновъ отставленъ, и на его мѣсто опредѣленъ графъ Аракчеевъ. Г. Поповъ остался не надолго докладчикомъ и командующимъ по провіантской и комиссаріатской части. Довѣренность къ новому министру, сообразная властолюбивому его нраву, вскорѣ ниспровергла и поглотила все вліяніе на военную часть всѣхъ государя окружающихъ чиновниковъ.

Во время, когда всѣ сіи перемѣны совершались, пріѣхалъ въ Петербургъ

графъ Буксгевденъ. Къ нему я тотчасъ явился, но никакаго удовлетворительнаго отвѣта не получилъ. Отзывамъ его я вѣрю, что и самъ онъ, да и никто, не зналъ, какія послѣдствія быть могутъ отъ продолжительныхъ кабинетскихъ переписокъ и объясненій съ министромъ Шведскимъ. Между тѣмъ, получилъ я отъ г. Попова письмо, гдѣ по повелѣнію государя предписываетъ мнѣ назначить провіантскихъ коммиссіонеровъ къ дивизіямъ, армію графа Буксгевдена составить долженствующимъ, опредѣлить главнаго при арміи коммиссіонера и дать главнокомандующему письмоводителя по провіантской части. Все сіе исполняя, представилъ я людей сихъ графу Буксгевдену, просилъ отъ него дальнѣйшихъ свѣдѣній о заготовленіяхъ для путеваго войскъ продовольствія; но также какъ и прежде остался неудовлетвореннымъ.

Тотъ же день ввечеру получаю я письмо отъ графа Буксгевдена, коимъ увѣдомляетъ, что по высочайшему повелѣнію предписалъ онъ полкамъ трехъ дивизій выступить въ походъ; требуетъ доставить имъ продовольствіе на пути, обнадеживая, что маршруты ихъ въ слѣдъ за симъ ко мнѣ доставитъ.

На другой день поутру рано, пріѣхавъ къ графу Буксгевдену, выговаривалъ я о неудобности удовлетворить его требованію; но онъ отзывался, что маршруты сочиняетъ генералъ-квартермистръ и представитъ еще къ апробаціи государя, что и самъ онъ знаетъ только, что полки сіи пойдутъ къ границамъ Шведскимъ, но какими дорогами не извѣстенъ.

Не оставалось другаго средства, какъ отпустить деньги для путеваго войскъ продовольствія и истребовать, чтобы провіантъ, сколько въ своихъ обозахъ и на солдатскихъ плечахъ помѣстить можно, взяли полки изъ тѣхъ мѣстъ, отколѣ они выступаютъ. Вскорѣ за симъ уволенъ г. Поповъ отъ дѣлъ провіантскихъ, и я поступилъ въ совершенную зависимость къ графу Аракчееву.

Чтобы удобнѣе объяснить произшествія, въ послѣдствіи времени со мною бывшія, надлежитъ описать происхожденіе графа Аракчеева, характеръ его и побочныя обстоятельства, вредившія мнѣ въ понятіи сего многомощнымъ бывшаго боярина.

Родился онъ отъ бѣдныхъ родителей. За обученіе его Россійской грамотѣ и ариѳметикѣ заплочено, какъ самъ онъ сказывалъ, одна четверть ржи и двѣ четверти овса. Потомъ отданъ въ Артиллерійскій кадетскій корпусъ, гдѣ за прилежаніе и отличное знаніе артиллерійской науки сдѣлался извѣстенъ своему начальнику, который по выпускѣ въ офицеры оставилъ его при корпусѣ и взялъ напослѣдокъ къ себѣ въ адъютанты. Предъ возшествіемъ государя Павла 1-го на престолъ, просилъ онъ артиллерійскаго начальника дать ему исправнаго офицера освидѣтельствовать его артиллерію въ Гатчинѣ. Аракчеевъ былъ посланъ, понравился и оставленъ въ Гатчинѣ. При восшествіи госуда Павла 1-го на престолъ, Аракчеевъ является на сцену знатнымъ господиномъ, произведенъ въ генералъ-маіоры, назначинъ комендантомъ города Петербурга и командиромъ гвардіи Преображенскаго полку, и напослѣдокъ главнымъ командиромъ всей артиллеріи. Неусыпное прилежаніе къ должности сего человѣка, исправное исполненіе всѣхъ приказаній, а наипаче строгихъ, было способомъ къ полученію всѣхъ отличій и личныхъ милостей. Онъ пожалованъ сперва барономъ, а потомъ

графомъ. Дано ему двѣ тысячи душъ по его выбору, домъ, деньги, вещи, словомъ, скорыми шагами доведенъ до всего, что знатнымъ при самодержавныхъ государяхъ человѣкомъ дѣлаетъ. Но впослѣдствіи тотъ же жестокій нравъ, на которомъ взлетѣлъ онъ къ высотѣ, спустилъ его. Государь прогнѣвался, его отставилъ, какъ онъ уже и былъ генералъ-лейтенантомъ. Графъ Аракчеевъ поѣхалъ въ пожалованную ему деревню, не въ дальнемъ разстояніи отъ Петербурга состоящую. Сохраня привычки бѣднаго его состоянія, могъ разбогатѣть доходами. Разлакомясь насыщать честолюбіе, спознавъ нравъ государей, съ коими былъ близко, домогался онъ всячески вскарабкаться на высоту и ухватить возжи правленія.

Прежній командиръ мой Обольяниновъ, какъ полагаютъ, былъ главнымъ орудіемъ къ его ниспроверженію; слѣдовательно, мщеніе злаго сердца распространялась на все къ тому прикосновенное.

При возшествіи государя Александра I-го на престолъ, Аракчеевъ принятъ въ службу главнымъ начальникомъ артиллеріи, какъ онъ и былъ предъ его отставкою, и потомъ произведенъ на ряду съ прочими въ полные генералы.

Судя по воспитанію и ходу фортуны графа Аракчеева, слѣдуетъ заключить, что имѣетъ онъ умъ нравиться тому, кому служитъ. И имѣлъ бы довольно хорошія способности къ службѣ, даже и на вышнихъ степеняхъ, если бы ходъ его былъ медлительнѣе, слѣдовательно, научась опытами, узналъ бы онъ, какъ управлять людьми, коихъ палкою бить не должно и не можно, но надлежитъ, настроивая ихъ понятія къ лучшему, укоренять приверженность ко власти правительствующей, которая поставила его главою и остается во власти свергнуть подъ пяту ноги. Неумѣренное честолюбіе и необдуманная ложная гордость не допускали его научаться истинѣ тогда, когда онъ учителемъ быть поставленъ. Главнѣйшая же бѣда въ томъ, что онъ познавалъ науку правительствовать отъ бывшаго наслѣдника ожесточеннаго, и всю силу свою и достоинство власти основывавшаго единственно на чистомъ самовластіи.

Первой разговоръ мой о дѣлахъ съ графомъ Аракчеевымъ былъ непріятный. Онъ говорилъ, не сказывая причины, что провіантской департаментъ не исправенъ. На отвѣты мои, основываемые на обстоятельствахъ прошедшаго времени, по коимъ нельзя ему быть исправнымъ, онъ ничего не распространялся, а только твердилъ, что все дурно. Наконецъ я ему сказалъ, что уже мнѣ сіе обидно: хотя я и не участвую въ дѣлахъ минувшихъ, по крайней мѣрѣ желалъ бы знать, что дурно, дабы могло быть поправлено, сколько возможностей къ тому есть. На сіе отвѣтъ его былъ: „вы непохожи на департаментъ вамъ ввѣренный. Вы хороши, а всѣ провіантскіе дурны". И тутъ долженъ былъ отвѣтствовать, что не возможно 800 человѣкамъ всѣмъ быть хорошими или дурными. Кончилось тѣмъ, что не добившись никакого толка мы разстались.

Зная, что всѣ Финляндскія селенія малолюдны, и по причинѣ бѣдности жителей мало у нихъ находится посуды для хлѣбопеченія надобной; притомъ же войскамъ противу непріятеля дѣйствующимъ не можетъ быть досужно останавливаться, говорилъ я графу Буксгевдену, что по мнѣнію моему полезно бы было пріуготовлять въ С. Петербургѣ и въ Финляндскихъ городахъ сухари, и истолча

оныя помѣщать въ бочки для отправленія къ арміи. Симъ думалъ я сберечь нѣсколько и самаго хлѣба, всегда при хлѣбопеченіи во время военныхъ операцій теряемаго. Бочекъ же считалъ я найтить довольное количество, отъ привезеннаго изъ чужихъ краевъ сахара опроставшихся. Графъ Буксгевденъ въ тотъ же день пересказалъ слова мои государю. А на другой день графъ Аракчеевъ писалъ г. Попову, что по высочайшему повелѣнію приказалъ бы онъ мнѣ къ нему явиться

Явясь къ графу Аракчееву, былъ вопрошенъ: говорилъ ли графу Буксгевдену вышеписанныя слова? Я отвѣтствовалъ, что говорилъ и подтверждаю мнѣніе мое о сей надобности. Тутъ объявилъ онъ, что государь ему препоручилъ, мнѣ приказать сдѣлать, опытъ, но чтобы отправлять не толчею, а сухарями, ибо опасно, чтобы примѣси не было въ толчеѣ. А при томъ, чтобы и сухари изсушенные представлены были къ нему, и испытаны находящимся при государѣ медицинскимъ чиновникомъ, признаетъ ли онъ невредными для здравія людей. Много было тутъ разговоровъ, что опыты удостовѣряютъ о невредности сухарей, коими всегда питались войска, противу непріятелей дѣйствующія; какъ и о томъ, что неудобно мнѣ въ такое время, когда обстоятельства требуютъ рѣшительныхъ и скорыхъ дѣйствъ, быть въ такомъ отдаленіи отъ начальства военнаго и оставаться въ зависимости отъ Попова, приводя самый сей случай въ примѣръ, что потерянъ цѣлый день въ сношеніяхъ о призваніи меня. Графъ Аракчеевъ объявилъ, что подписанъ уже указъ, коимъ подчиняются ему одному всѣ части, воинской департаментъ составляющія. При разстаніи онъ приказывалъ, чтобы велѣлъ я тотчасъ печь хлѣбы и сушить сухари. Но я отвѣтствовалъ: кому же велю я это дѣлать? Если нанять хлѣбопекарей городскихъ, то достанетъ ли къ тому возможности; ибо печей устроено соразмѣрно количеству ежедневной продажи? Слѣдовательно увеличится лишь издержка казенныхъ денегъ, а надобности удовлетворить буду не въ состояніи. И такъ онъ спросилъ: что же дѣлать, и на что же представляли вы о семъ, когда знаете невозможность исполнить? Я отвѣтствовалъ, что возможность есть, но она состоитъ единственно во власти государя. Какая же-то? онъ спросилъ. Приказать всему С. Петербургскому гарнизону, принявъ муку, испечь въ своихъ печахъ хлѣбы, и пересуша въ сухари, доставить туда, куда я назначу.

Въ сію минуту узналъ я власть сего министра, на предмѣстника его не похожую. Онъ, не отвѣтствуя мнѣ ни слова, постуча въ колокольчикъ, призвалъ адъютанта и приказалъ написать приказъ его, всѣмъ гвардейскимъ и армейскимъ полкамъ въ С. Петербургѣ находящимся, чтобы по назначенію моему, принявъ мѣсячную ихъ пропорцію муки, перепекли въ хлѣбы, и пересуша въ сухари, отправили при своемъ конвоѣ, куда отъ меня будетъ приказано.

Хотя непріятно мнѣ было попасть подъ полновластное начальство суроваго, и благороднаго обхожденія съ людьми не знающаго, человѣка; но, любя пользу моего отечества, я радовался, полагая, что при немъ дѣла пойдутъ ходчае.

Польза отъ печенія сухарей скоро усмотрѣна была. Симъ способомъ дѣйствующее противъ непріятеля войско сдѣлалось обеззабочено въ продовольствіи, и могши двигаться скорѣе, совершало побѣдоносныя дѣла.

Чрезъ нѣсколько дней призываетъ меня графъ Аракчеевъ ввечеру. Онъ былъ тогда у государя. Я дожидался его долго вмѣстѣ съ генераломъ Копьевымъ ([49]). Пріѣхавъ часу въ десятомъ, позвалъ насъ обоихъ въ кабинетъ. Первое его слово было къ г. Копьеву, что бумаги его желаетъ прочитать съ нимъ вмѣстѣ при мнѣ. Копьевъ, взявъ претолстую тетрадь, содержащую письмо къ графу Аракчееву, началъ читать описаніе, съ какимъ безпорядкомъ проходили чрезъ Финдляндскія его деревни войска, армію графа Буксгевдена составляющія; что не имѣя по пути пріуготовленнаго продовольствія, отнимали они у жителей послѣдній кусокъ, платя деньги по справочнымъ цѣнамъ. При слушаніи сего, Аракчеевъ, уже злобный видъ имѣющій, сказалъ, потупя глаза, съ суровѣйшею запальчивостію: «если это правда, такъ я генералъ-провіантмейстера арестую». Видя, что сіе есть пріуготовленная для меня сцена, я довольно имѣлъ силы, чтобы промолчать. Скоро потомъ, распрощавшись безъ всякихъ разсужденій, пріѣхавъ домой, написалъ я государю письмо, просящее увольненія отъ службы. Оное отправилъ къ графу Аракчееву, на другой день по утру рано, при рапортѣ, гдѣ, прося его о скорѣйшемъ исходатайствованіи мнѣ увольненія, сказалъ, что услышалъ отъ него, что могу быть арестованъ за неисправность моихъ подчиненныхъ, коихъ у меня 800 на пространствѣ [12]/т. верстъ; слѣдовательно не могу я быть правъ и не подвергаться несчастію. Заключилъ тѣмъ, что послѣ сего чувствую уже я себя совершенно потерявшимся и вовсе не способнымъ къ дѣламъ, которыя по состоянію того времени требуютъ дѣятельности чрезвычайной. И такъ весьма нужно, чтобы скорѣе другой на мѣсто мое былъ опредѣленъ.

Того же утра въ 8 часовъ получилъ я записку отъ графа Аракчеева, коею призываетъ меня пріѣхать во дворецъ въ 11-мъ часу.

Графъ Аракчеевъ, вышедъ изъ кабинета государева въ переднюю, гдѣ я дожидался, позвалъ меня въ другую комнату, гдѣ подлѣйшимъ образомъ просилъ у меня прощенія и бранилъ себя за строптивой свой нравъ. Но я, продолжая увѣреніе о неспособности моей къ сей должности, не соглашался оставить намѣренія идти въ отставку.

Чрезъ нѣсколько времени позваны были въ кабинетъ государя гр. Аракчеевъ и я. Нашли мы его одного. Первое его слово было ко мнѣ: «Скажите мнѣ причину, для чего просите отставки?» Я отвѣтствовалъ, что должность на меня возложенная не соразмѣрна силамъ моимъ. Онъ возразилъ: «позвольте мнѣ знать способности ваши. Я знаю васъ по дѣламъ, и отъ всѣхъ начальниковъ вашихъ слышалъ похвальные о васъ отзывы". Тутъ, оборотясь къ гр. Аракчееву, спросилъ: „знаете ли вы кого достойнѣе его и способнѣе къ сей должности?" Тотъ съ раболѣпнымъ видомъ отвѣтствовалъ сими словами: Я, ваше величество, никого достойнѣе и способнѣе Дмитрія Борисовича не знаю. Послѣ сего самымъ милостивымъ образомъ началъ онъ мнѣ говорить о обстоятельствахъ повсемѣстныхъ, о надобности содержать въ исправности внутреннее государственное устройство для содержанія въ непоколебимости всего цѣлаго, что теперь не время ссориться, что нуженъ я службѣ; что часть мнѣ ввѣренная есть самая важнѣйшая, и что я долженъ имѣть въ предметѣ, что служу для пользы отечества. Тутъ много сдѣлалось разгово-

([49]) Алексѣемъ Даниловичемъ.

ровъ, и всегда всѣ мои возраженія оговаривалъ онъ краснорѣчиво и человѣколюбиво. При сихъ разсужденіяхъ графъ Аракчеевъ, оборотясь ко мнѣ, наирабственнѣйшимъ тономъ сказалъ: „разсудите, ваше превосходительство, какъ не служить такому государю?“ Я ему отвѣтствовалъ: „Ваше сіятельство! я служу и служить буду государю по истинѣ такъ, какъ слѣдуетъ дворянину“. Послѣ сего государь мнѣ говоритъ, указывая на Аракчеева: „Вы къ нему пишете о арестованіи; какъ могли вы принять такъ, въ горячности, безъ размышленія, выговоренное слово? Развѣ вы думаете, что онъ сумашедшій?“ Тутъ гр. Аракчеевъ, сложа руки и поднявъ ихъ къ лицу, сказалъ: „Государь! уже я просилъ прощенія у Дмитрія Борисовича, и теперь при вашемъ величествѣ еще прошу“. Выговоря сіе, онъ такъ мнѣ низко поклонился, что мнѣ съ моимъ туловищемъ такъ бы и не согнуться. Въ сію минуту государь мнѣ говоритъ: «чего же вы еще хотите»? и потрепывая меня обѣими руками, продолжалъ: «Полно, братецъ, ты осердился; и потому хочешь оставить службу, перестань, останься». Нечего мнѣ было сказать кромѣ: «воля ваша, извольте, я остаюсь, но только позвольте доложить, и согласитесь, что самой я несчастливый человѣкъ». Онъ спросилъ: «а почему»? Тутъ я продолжалъ: «Ваше величество выгодно о мнѣ заключать изволите, и оказываете мнѣ отличныя милости довѣренностію вашею. За что же вы меня опредѣлили быть начальникомъ такого корпуса, который находится подъ гнѣвомъ вашимъ? (50)“ Онъ отвѣтствовалъ: „О! вы себя съ ними не равняйте! Вы очень хороши, а они очень дурны». На сіе я сказалъ: „Можно ли сдѣлать о всѣхъ заключеніе по тѣмъ людямъ, которыхъ виноватыми видѣли вы въ Пруссіи?» Тутъ онъ тономъ возвышеннымъ возразилъ: «Видите ли, какъ вы заблуждаетесь, считая, что, видя ихъ мерзкія дѣла въ Пруссіи, сдѣлалъ я о всѣхъ генеральное заключеніе. Нѣтъ, сударь, общая молва отъ всѣхъ сторонъ одинакова, отъ Чернаго моря до Бѣлаго, и отъ Балтійскаго до Каспійскаго и Камчатскаго, отвсюду равно кричатъ о нихъ: воры! воры! Выгоните мнѣ всѣхъ тѣхъ, кои подозрительными вамъ покажутся. Примите на службу другихъ, извѣстныхъ вамъ людей; словомъ, прекратите сію злую о нихъ молву: тогда увидите, что я все буду дѣлать по вашимъ представленіямъ“. Послѣ сего, продолжая еще разговоръ, пришло мнѣ на мысль попробовать возможности, нельзя ли получить входъ къ государю съ докладами о дѣлахъ моихъ, и чрезъ это выкарабкаться изъ когтей звѣрообразнаго командира. Но средство употребилъ я самое для меня невыгодное, сказавъ, что не способенъ я быть генералъ-провіантмейстеромъ, между прочимъ и потому, что я сумнительнаго нрава. На сіе государь сказалъ: „Это хорошо: вы во всѣхъ случаяхъ для васъ сумнительныхъ спрашивайтесь его (указывая на графа Аракчеева). А онъ, если въ чемъ разрѣшить васъ не можетъ, спросится меня. Когда же я что подпишу, то вѣдь уже вамъ сумнительно не будетъ». При окончаніи разговора, вышедъ изъ кабинета, нашли уже мы въ передней двухъ ми-

(50) Послѣ Тильзитскаго мира послѣдовалъ имянной указъ, коимъ объявлялось злоупотребленіе провіантскихъ чиновниковъ, велѣно разсмотрѣть дѣйствіе каждаго, и очистить отъ чиновниковъ службѣ вредныхъ; до того же всѣмъ имъ запрещено носить мундиры.

Примѣч. Д. Б. Мертваго.

нистровъ, дожидающихся съ докладами. Тутъ на нѣсколько времени остановясь, графъ Аракчеевъ былъ позванъ въ кабинетъ и тотчасъ возвратясь, позвалъ меня ѣхать вмѣстѣ. Заботился онъ, чтобы шубу мою принесли въ теплой корридоръ. Узнавъ, что пріѣхалъ я въ саняхъ, неотмѣнно требовалъ, чтобы сѣлъ въ его карету, говоря, что въ комнатахъ было тепло, что могу я простудиться. Для разговора о дѣлахъ желалъ, чтобы я къ нему поѣхалъ. Но когда я объявилъ надобность быть дома и успокоить страждущую сумнѣніемъ жену мою, то самъ онъ хотѣлъ доставить меня до дома. Но я, говоря, что время ему дорого, просилъ и съ половины пути пересѣлъ изъ его кареты въ сани и отправился домой.

Послѣдній разговоръ о сумнительномъ моемъ нравѣ много мнѣ вреда и добра сдѣлалъ. Аракчеевъ непрестанно ставилъ меня на пробу. Ясно мнѣ казалось, что хочетъ запутать и погубить. Способы, къ осторожности употребляемые, обращалъ онъ мнѣ во вредъ, представляя государю подъячимъ, крюками его запутывающимъ. Все это я видѣлъ, но хладнокровно разсуждая, долженъ былъ переносить; ибо послѣдняя бѣда горше первой. Тѣмъ паче, что оберегать себя и малое состояніе мое я долженъ для семьи моей.

Въ исходѣ февраля мѣсяца, когда армія графа Буксгевдена, послѣ небольшихъ сраженій, заняла Гельсингфорсъ и всѣ города по пути лежащіе, обложила крѣпости Швартгольмъ и Свеаборгъ, отправился я съ графомъ Аракчеевымъ въ армію. Мнѣ напередъ приказано было объѣхать Финляндскую границу съ праваго фланга, и осмотря всѣ удобства и возможности, могущія способствовать продовольствію арміи, съѣхаться съ нимъ въ Фридрихсгамѣ.

Въ сіе время первой опытъ послѣдствіемъ своимъ вскорѣ доказалъ мнѣ надобность быть осторожну съ моимъ начальникомъ. Предъ отъѣздомъ, дѣлая расчетъ о надобностяхъ до приспѣянія транспортовъ водою, оказалось неминуемо нужнымъ перевозить 12,000 четвертей овса изъ Твери по зимнему пути. Все что можно было нанять, нанято; слѣдовательно сіе последнее количество должно было перевести на подводахъ по наряду. И симъ же средствомъ нѣсколько овса, а болѣе сѣна перевозить предложено изъ Новогородской и Олонецкой губерній въ Петербургъ и на Финляндскую границу. Платежъ обывателямъ былъ назначенъ большой Обходилось отъ Твери за четверть овса 5 руб. 50 коп. и на потерю въ пути слагать по 2 гарнца. Въ самой тотъ часъ, когда отправлялся я въ путь, приходитъ къ женѣ моей купецъ, торгующій хлѣбомъ и имѣющій интересныя дѣла съ ея матерію Я спросилъ его: есть ли у него овесъ зимующій въ мѣстахъ, гдѣ покупать для провіантскаго департамента по законамъ дозволено. Онъ отвѣтствовалъ, что есть, и его наймомъ доставить онъ можетъ. Сторговавшись купить 12 т. четвертей по 7 руб. 50 коп., взявъ отъ него подписку, отправился я къ графу Аракчееву, написавъ, что гораздо для казны выгоднѣе купить сіе количество: ибо овесъ нашъ въ Твери стоитъ около пяти рублей, и сверхъ дешевизны въ цѣнѣ избавимся мы отъ ропоту народнаго, неминуемо быть долженствующаго отъ наряда подводъ. Не дождавъ отвѣта, я поѣхалъ. Послѣ меня онъ согласился купить отъ него 6 т., которыя въ теченіи февраля поставить обязывался и предложилъ

экспедиціи заключить контрактъ на законномъ основаніи, а между тѣмъ, отмѣня прежнее исчисленіе, требовалъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы вмѣсто 12 т. перевезено было только 6 т. четвертей изъ Твери. Купецъ, сдѣлавшись въ недоумѣніи, что дѣлать (ибо хлѣбъ, для вольной продажи въ Петербургъ везомый, продавать въ казну запрещено) боясь дѣйствія законовъ, контрактъ писать не соглашался. Дѣло продлилось до 5-го марта, когда я возвратился, и согласившись отсрочить поставку до 15-го марта, велѣлъ отъ него принимать и платить деньги. Изъ сего Аракчеевъ вывелъ столько мнѣ непріятностей и обидныхъ подозрѣній, что ясно я заключать былъ долженъ о надобности быть осторожнымъ даже до трусости, и надоѣдать ему вопросами письменными о всякой бездѣлицѣ. Сіе прибавляло мнѣ упражненія, давало ему поводъ марать меня въ понятіи государя, но ограждало отъ бѣдъ, могущихъ по должности моей быть продолжаемыми на нѣсколько лѣтъ даже и по смерти моей.

Изъ Фридрихсгама поѣхали мы вмѣстѣ за прежнюю нашу границу. Въ городѣ Борго узнали мы, что графъ Буксгевденъ уже выступилъ изъ Гельсингфорса къ Тавастгуту. Для сокращенія пути поѣхали мы прямою дорогою, гдѣ нельзя было имѣть экипажей, кромѣ обывательскихъ того края узкихъ саней, по одной лошади запряженныхъ. Въ четырехъ умѣстились военный министръ, генералъ-провіантмейстеръ, фельдъ-егерь, переводчикъ и министровъ камердинеръ.

Потерявъ дорогу, предъ вечеромъ, выѣхали мы на встрѣчу авангарда. Часу въ десятомъ вечера пріѣхали въ то селеніе, гдѣ главнокомандующій находился. Графъ Аракчеевъ, на улицѣ остановясь, надѣлъ мундиръ и шарфъ, чтобы оказать все учтивство, главнокомандующему арміею принадлежащее. Но тотъ принялъ по домашнему, въ байковой шинели, на квартирѣ, умѣренно выгодной: не только караулу, но и часовыхъ у него не было. И на другой день учтивства показано не больше. Сіе, кажется, было основаніемъ ссоры, много зла Буксгевдену сдѣлавшей.

Побывая въ арміи, дѣйствительно можно было видѣть всю неимовѣрную глупость главнокомандующаго. Всѣ успѣхи происходили отъ безсилія непріятелей, и что находились въ командѣ его нѣсколько молодыхъ генераловъ достойныхъ. Слѣдующій разговоръ послужитъ доказательствомъ.

По пріѣздѣ нашемъ нѣсколько времени оставались графы Буксгевденъ и Аракчеевъ одни. Потомъ я былъ къ нимъ позванъ. Лишь сѣлъ я къ столу, возлѣ котораго (множествомъ бумагъ отягченнаго), они сидѣли, графъ Аракчеевъ мнѣ сказалъ: „Теперь до васъ дѣло, мы все кончили". На вопросъ мой, что угодно, графъ Буксгевденъ говорилъ: „Доставьте моей арміи продовольствіе". Я отвѣтствовалъ: „это трудно, потому что вы, какъ Александръ Македонскій, не идете, а летите". Онъ засмѣялся съ видомъ удовольствія. Но я продолжалъ: „Дай Богъ, чтобы мое предвидѣніе не исполнилось; но я боюсь, чтобы не плакать болѣе того, какъ теперь радуетесь". Онъ серьезно спросилъ: „А почему?" Тутъ я вопросилъ: „До какихъ мѣстъ назначаете вы обязанностію моею доставлять вамъ провіантъ и фуражъ, ибо въ землѣ нововавоевываемой всѣ средства доставленія зависѣть должны отъ командующихъ войскомъ?" Онъ назначилъ мнѣ мѣста внѣ прежнихъ границъ нашихъ

до 70 верстъ. Я отвѣтствовалъ: хорошо, и тутъ же на ихъ столѣ, взявъ бумагу и перо, изчислилъ количество до половины апрѣля, что и выходило, что во все продолженіе марта надобно въ непрерывномъ быть ходу 1660-ти подводамъ. Слѣдовательно ему, за 200 слишкомъ верстъ удалившемуся, надобно подводъ числомъ въ трое; а такого количества едва ли и найти можно во всей Шведской Финляндіи. Расчетъ сей сильно поколебалъ обоихъ графовъ. „Какъ же быть"? спросилъ меня Букегевденъ. Я отвѣтствовалъ: „Мнѣ кажется необходимымъ отпустить всю кавалерію, для коей овесъ и сѣно везется и втрое болѣе употребляется подводъ нежели подъ свозъ провіанта". — „Какъ же можетъ быть регулярная армія безъ кавалеріи"? спросилъ Букегевденъ. „На что же она"? я отвѣтствовалъ, когда нѣтъ кавалеріи у непріятеля и такая земля, что лѣтомъ отъ множества озеръ, лѣсовъ и кремнистыхъ утесистыхъ скалъ, а зимой по глубокимъ снѣгамъ дѣйствовать ей не можно". Онъ остался неколебимымъ, но сумнительнымъ; а Аракчеевъ понялъ истину моихъ словъ. На другой день по утру рано, пришедъ на квартиру Аракчеева, нашелъ я его лежащаго на постелѣ въ сильной задумчивости. Начался разговоръ нашъ невозможностію, чтобы дѣло шло хорошо тѣмъ паче, что и дежурный генералъ недосужѣе главнокомандующаго. Онъ скоро всталъ, написалъ двѣ записки, и тотчасъ одѣвшись, сказалъ мнѣ: „Пойдемъ, сдѣлаемъ визитъ дежурному", у коего я ночевалъ и видѣлъ, что всѣ дѣла производятся въ его квартирѣ. Мы не нашли дежурнаго; онъ былъ у главнокомандующаго. Аракчеевъ спросилъ у письменнаго стола стоящаго офицера, кто пишетъ военный журналъ? Онъ отвѣтствовалъ: я. Кто пишетъ реляціи къ государю, диспозиціи для корпусныхъ начальниковъ, повелѣнія къ нимъ, словомъ, все, что составляетъ письменныя дѣла у главнокомандующаго арміею? Сей офицеръ на каждый изъ сихъ вопросовъ отвѣтствовалъ весьма скромнымъ тономъ: я. Послѣ сего графъ Аракчеевъ, позвавъ фельдъ-егеря, за нимъ портфель принесшаго, и вынувъ рапорты графа Букегевдена къ государю, прочитавъ записки имъ писанныя (въ коихъ содержалось требованіе, какими свѣдѣніями впредь пополнять таковыя донесенія) говорилъ офицеру, взявъ его за руку: «Пожалуй, мой другъ, наблюдай сію исправность въ рапортахъ и будь увѣренъ, что я тебя не позабуду». Послѣ сего пошелъ онъ къ Букегевдену. Ему показалъ рапорты и вруча записки, просилъ, чтобы по онымъ было исполняемо. За симъ, позавтракавъ очень дурно, распростясь мирно, поѣхали мы въ обратный путь чрезъ Гельсингфорсъ.

На первой станціи объявилъ графъ Аракчеевъ желаніе ѣхать со мною на однихъ саняхъ, а на другія посадилъ обоихъ подводчиковъ. Онъ началъ говорить тономъ жалкимъ, сими словами: «Ахъ батюшки! пропадшее дѣло! мы вѣрно также посрамимся, какъ предмѣстники наши». — «Отъ чего же»? я спросилъ. «Отъ невозможности продовольствовать армію» онъ отвѣтствовалъ. На сіе я спросилъ его: „можетъ ли онъ быть увѣренъ, что государь согласится на всѣ его представленія; — тогда возьму я на свой отвѣтъ, что все пойдетъ хорошо". Онъ съ радостію подхватилъ сіе слово, увѣряя за государя, что все готовъ онъ сдѣлать. «И такъ, я продолжалъ, нѣтъ другаго средства, какъ дѣйствовать по примѣру Наполеона, то есть об-

ратить всѣхъ обывателей къ составленію подвижнаго магазина: Но дабы сдѣлать разность между государемъ законнымъ и силою оружія вознесшимся до сей степени, то надлежитъ платить щедро, дать льготы, и чрезъ то заглуша гласъ ропота народнаго, не оставить для историковъ ужасныхъ слѣдовъ къ описанію». Сей прожектъ съ большимъ удовольствіемъ онъ принялъ, и увѣрялъ меня, что все, что я сдѣлаю для начала сей операціи, государь апробуетъ. И между прочимъ сказалъ мнѣ такую рѣчь, которая, показывая его чрезмѣрную силу, въ содраганіе меня привела, а именно: „Знаете ли, что я сдѣлаю, пріѣхавъ въ Петербургъ? Скажу я государю: или отпустите меня отъ должности или извольте подписывать, а я буду править“ ([51]). Множество между тѣмъ постороннихъ было разговоровъ, показывающихъ величайшую его ко мнѣ довѣренность, которая на нѣсколько времени ввела было меня въ заблужденіе — думать, что онъ великодушно перенесъ ту непріятную сцену, которую я ему доставилъ въ кабинетѣ государя.

По пріѣздѣ въ Фридрихсгамъ, гдѣ находился вице-губернаторъ Бухаринъ ([52]) для распоряженія по случаю прохожденія арміи, дружеское обхожденіе Аракчеева со мною было способомъ къ тому, чтобы все меня слушаться начало. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ, а я остался для соглашенія о способахъ доставить арміи провіанта и фуража столько, сколько нужно было для продовольствія до 15-го апрѣля (когда, преполагали, кончится распутица и будетъ можно другими способами доставить).

Склоняя вице-губернатора къ тому, чтобы рѣшился онъ сдѣлать нарядъ соразмѣрно надобности, такъ чтобы въ теченіи цѣлаго мѣсяца всякой день по 1160 подводъ отправлялось, предложилъ я ему, что, если удовлетворится надобность, жалобы отъ народа не будетъ, и произведеніе сего дѣла въ дѣйство приметъ онъ на себя, то доставлю я ему званіе губернатора. Онъ предложилъ платежъ деньгами, сѣномъ и хлѣбомъ, и сверхъ того продать обывателямъ хлѣба для пропитанія семействъ ихъ. Все это я удовлетворилъ и сдѣлавъ съ вице-губернаторомъ письменное постановленіе для взаимнаго исполненія, разстался. Постановленіе сіе утверждено подписаніемъ государя. Вице-губернаторъ, по свершеніи дѣла, пожалованъ губернаторомъ. Однимъ словомъ, надолго оставался я въ славѣ, что полезно содѣйствовать дѣламъ моимъ и меня слушаться.

Всякой день видаясь съ графомъ Аракчеевымъ, непрерывно видѣлъ я благорасположеніе его къ себѣ. Однажды показываетъ онъ мнѣ списки съ писемъ на почтѣ тайно распечатанныхъ, гдѣ въ одномъ писалъ провіантской чиновникъ, и кому то неизвѣстно, Описывая новый порядокъ въ провіантскомъ департаментѣ, изъяснялъ, что я, взявъ Аракчеева за носъ, веду куда хочу, и впутываю его во всѣ дѣла для моей обороны. Двусмысленный стиль, обидныя для министра выраженія, видѣлъ я, что сильно трогаютъ

([51]) Не были ли эти дерзкія слова гр. Аракчеева произнесены нарочно, чтобы посмотрѣть, какъ они подѣйствуютъ на его собесѣдника, ему ненавистнаго, и не вызовутъ ли они и у него какого либо неосторожнаго выраженія? *П. Б.*

([52]) Иванъ Яковлевичъ (1772 — 1858) см. о немъ статью М. Н. Лонгинова въ Москов. Вѣдом. 1858, № 122. Бухаринъ служилъ вице-губернаторомъ Выборгскимъ, а нѣсколько позднѣе губернаторомъ тамъ же. *П. Б.*

любочестіе человѣка, довольно разумѣющаго, что слабѣе онъ меня въ знаніи. Сперва очень дружелюбно совѣтовалъ онъ мнѣ рѣже съ нимъ видѣться и менѣе спрашиваться; потомъ начинаетъ критиковать дѣла мои и обращать мнѣ во вредъ покупку овса, которую безъ спроса его я отсрочилъ, и началъ обходиться со мною грубо при людяхъ, а на единѣ ласково. Амбиція моя сего терпѣть была не въ состояніи; слѣдовательно вскорѣ испровергло сь начало нашей пріязни.

При разговорѣ государя со мною въ кабинетѣ, когда говорилъ онъ, чтобы очистить департаментъ отъ людей вредныхъ и принять на службу въ честномъ поведеніи мнѣ извѣстныхъ, оборотясь къ Аракчееву, онъ приказалъ дозволить вновь принимаемымъ носить мундиры. Во время дружелюбныхъ еще моихъ съ Аракчеевымъ сношеній, представилъ я къ опредѣленію двухъ чиновниковъ достойныхъ, изъ коихъ старшій былъ статскій совѣтникъ, служилъ вице-губернаторомъ и оберъ-секретаремъ въ Сенатѣ и повсюду былъ дѣловымъ и отличнымъ въ искусствѣ человѣкомъ· сохранилъ наслѣдственную бѣдность и всегда ходилъ пѣшкомъ, слѣдовательно никогда не роскошествовалъ. Конфирмованъ государемъ докладъ о его опредѣленіи тогда, когда уже мы поразлаживать начали. Обоихъ сихъ чиновниковъ назначилъ я: перваго (г. Шишкова) управляющимъ, а второго членомъ Виленскаго депо, гдѣ до пяти милліоновъ въ годъ расхода, слѣдовательно честные люди туда наиболѣе нужны. Графъ Аракчеевъ приказалъ имъ явиться къ нему тогда, когда совсѣмъ готовы будутъ ѣхать.

Лишь вошли сіи несчастные въ кабинетъ его, онъ (какъ пересказывали они мнѣ) съ злобнымъ видомъ началъ имъ говорить: „смотрите же, не воруйте, у меня много за вами будетъ глазъ", и оборотясь къ статскому совѣтнику Шишкову, подтвердилъ: „Да поѣзжай же у меня скорѣе. За тобой полетятъ фельдъегери; и если ты умрешь, то тѣло твое примчатъ въ Вильну".

Ужасно было видѣть сумнѣніе сихъ людей, когда, пріѣхавъ ко мнѣ, пересказали сіи слова Но они поѣхали, вступили въ должность. Скоро Шишковъ занемогъ, сталъ репортоваться больнымъ, прислалъ ко мнѣ прошеніе о отставкѣ. Полагая, что злобныя рѣчи Аракчеева происходили отъ неумышленной запальчивости и худаго его воспитанія, старался я удержать, писавъ много разъ сему достойному чиновнику для его успокоенія, но ничто не помогло. Онъ непремѣнно требовалъ отставки, на какомъ бы то основаніи ни было.

Между тѣмъ, вопреки словамъ государя, которыя, казалось мнѣ, основывались на мысли человѣколюбной, чтобы исподоволь очистить департаментъ отъ людей вредныхъ, я боялся, что излишнею строгостію можно привести въ ужасъ сію службу, и лишиться средствъ укомплектовать людьми достойными; слѣдовательно потребно было время и весьма осторожныя дѣйствія. Но Аракчеевъ придумалъ иначе; онъ исходатайствовалъ имянной указъ, коимъ повелѣно: не отставлять изъ провіантскаго штата никого, кромѣ тѣхъ, которыхъ я признаю неспособными; онымъ давать отставку съ прописаніемъ вины и впредь ихъ ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. Вторымъ указомъ повелѣно: служащихъ при канцелярскихъ дѣлахъ въ экспедиціи и въ коммиссіяхъ не производить въ офицерскіе чины прежде двадцати лѣтъ службы, и трактовать такъ, какъ поступается въ полкахъ

съ рядовыми и унтеръ-офицерами. И напослѣдокъ объявилъ Аракчеевъ имянное повелѣніе, что мундиры дозволяется носить вновь опредѣленнымъ безъ нашивокъ, точно такіе, какіе носятъ писаря военной коллегіи.

Во время прежнихъ военныхъ дѣйствій, всѣ лучшіе люди, которые по провіантскому департаменту находились, были употреблены при арміи. Всѣ они удалены отъ дѣлъ и оставлены подъ начетомъ. Дѣлъ сихъ привести къ концу нѣтъ возможности; потому что надобно расчетъ держать съ полками, и всякое несогласіе до послѣдней мелочи повѣрять чрезъ сношенія; полки всѣ разведены по разнымъ мѣстамъ; многіе чиновники, которые объяснять должны, или отставлены или перемѣщены; словомъ, необъятная громада дѣлъ затѣянная, и на вѣкъ лучшіе люди погребены въ согнивающихъ вѣдомостяхъ. На мѣста сихъ отъ службы удаленныхъ людей, хотя оставался я во власти представлять для опредѣленія; но кто могъ пойти, зная неблагорасположеніе ко мнѣ начальника и гоненіе на часть мнѣ ввѣренную? Канцелярскія дѣла также всѣ въ упадокъ приходить стали; ибо имѣвшіе офицерскіе чины всѣ пошли въ отставку, вновь никто не опредѣляется изъ свободныхъ людей. Послѣ многихъ разговоровъ и представленій записками, представилъ я графу Аракчееву рапортомъ изъ экспедиціи, прося дать въ писаря школьниковъ, солдатскихъ дѣтей. Но онъ возвратилъ рапортъ съ надписью, что нѣтъ у него фабрики дѣлать писарей.

Не могши согласить несчастнаго Шишкова остаться въ службѣ, и видя, что часть ему порученная, отъ неприсутствія его, можетъ разстроиться, представилъ я присланное ко мнѣ прошеніе, прося дозволенія перемѣстить его въ экспедицію членомъ; если же сего не будетъ угодно, то испрашивалъ увольненія ему отъ службы. На сіе послѣдовалъ имянной указъ: Шишкова отставить и впредь по военному департаменту его не опредѣлять. А управляющему провіантскимъ департаментомъ объявить удивленіе, что мало онъ содѣйствуетъ военному министру въ избраніи людей достойныхъ. Препровождая сей указъ военной коллегіи, Аракчеевъ предложилъ, чтобы съ прописаніемъ онаго послать мнѣ указъ за подписаніемъ всѣхъ членовъ.

Несчастный Шишковъ, получивъ отставку, сдавъ должность старшему по себѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ; но былъ высланъ съ приказаніемъ жить въ Вильнѣ, пока разсмотрятся всѣ дѣла и повѣрятся счеты за все время бытности его управляющимъ коммиссіею. По предписанію графа Аракчеева тамошній комендантъ, не объявляя за что, держалъ его три дни на гаубвахтѣ подъ арестомъ и велѣлъ послѣ считать себя арестованнымъ въ домѣ. Кончилось тѣмъ, что онъ, отъ грусти, досады, бѣдности и прочаго отъ нихъ пораждающагося, кончилъ тамъ жизнь свою.

Распространяясь о происшествіяхъ съ несчастнымъ Шишковымъ, отдалился я отъ порядка времени.

Въ исходѣ марта 1808 г., когда еще я былъ съ графомъ Аракчеевымъ въ ладахъ, получилъ я повелѣніе ѣхать въ армію и согласиться съ главнокомандующимъ графомъ Буксгевденымъ о способахъ продовольствія войскъ сообразно плану предпринимаемыхъ движеній.

Пріѣхавъ въ Гельзингфорсъ, гдѣ графъ Буксгевденъ тогда находился, объяснялъ я ему сперва словесно всѣ способы, какіе имѣю и имѣть могу, спрашивая, куда, чего, сколько и въ

какія времена поставить надобно. Не получа никакого рѣшительнаго отвѣта, написалъ я ему рапортъ съ прошеніемъ онаго. Рапортъ принявъ, прочли его мы вмѣстѣ. Онъ наговорилъ мнѣ много ласкательнаго, что счастливъ онъ, командуя арміею, когда я генер. провіантмейстеръ; но никакого толку не сказалъ. Послѣ сего поѣхали мы осматривать принятыя на капитуляцію три укрѣпленія около Свеаборга. На возвратномъ пути, спросилъ я дежурнаго генерала, видѣлъ ли онъ рапортъ, отъ меня графу Буксгевдену поданный. Онъ, показывая на боковой карманъ своего мундира, далъ знать, что онъ тутъ. На вопросъ: читали ль вы его? отвѣтствовалъ: нѣтъ. Пріѣхавъ въ городъ и уже пообѣдавъ, спросилъ я дежурнаго: читалъ ли рапортъ, и что при отдачѣ его графъ приказывалъ? Онъ отвѣтствовалъ, что не читалъ и графъ ничего не приказывалъ. Тутъ я просилъ: „пожалуйтежъ, доставьте мнѣ отъ графа разрѣшеніе скорѣе". Онъ вмѣсто отвѣта отдалъ мой рапортъ тому же офицеру, о которомъ выше я писалъ, ничего ему не приказывая.

Чрезъ нѣсколько времени пошелъ я въ канцелярію, и тамо найдя сего офицера, спросилъ, читалъ ли онъ рапортъ. Сей объявилъ, что читалъ, и самымъ учтивымъ тономъ просилъ меня объявить мое желаніе. Досужій офицеръ въ мигъ написалъ мнѣ отвѣтъ, и сообразно моему желанію, назначилъ удобнѣйшія мѣста для учрежденія запасовъ, отколь главнокомандующій бралъ на свое попеченіе развозку къ войскамъ; переписавъ отвѣтъ на бѣло, пошелъ къ графу, и я пошелъ за нимъ. Номеръ уже былъ выставленъ на его письмѣ прежде подписанія, слѣдовательно я могъ его получить тотчасъ не запечатаннымъ; послѣ сего вошелъ я къ главнокомандующему откланяться и поѣхалъ въ Петербургъ обратно.

Поелику графъ Буксгевденъ меня увѣрялъ и офицеръ, канцеляріею управляющій, обнадеживалъ, что Шведская флотилія на озерѣ Саймѣ совершенно истребится, то для споспѣшествованія продовольствію арміи предположилъ я хлѣбъ въ Петербургъ идущій сложить въ Ладогѣ; и перевезя на гальотахъ къ противулежащему берегу озера Ладожскаго, перевозить сухопутно къ берегамъ озера Саймы (отколѣ на военныхъ судахъ Вильманштрадской флотиліи возить сколь возможно будетъ далѣе по Саймѣ, на 700 вер. простирающейся, почти паралельно Ботническому заливу). Для извѣдыванія, гдѣ найдутся тѣ мѣста, кои сблизятъ разстоянія между Ладожскаго и Саймскаго озеръ, послалъ я двухъ чиновниковъ провіантскихъ, приказавъ одному ѣхать по берегу Ладожскаго, а другому по берегу Саймскаго озеръ, спрашивая жителей о близости. Въ слѣдствіе чего на озерѣ Ладожскомъ найдено селеніе, а на Саймскомъ пустое мѣсто, гдѣ хорошая есть натуральная пристань. Сухопутнаго разстоянія только 67 верстъ.

По приведеніи въ ясность сихъ открытій, планъ мой графомъ Аракчеевымъ апробованъ. Заведено строеніе на берегу Саймскаго озера. Для сухопутной перевозки далъ онъ въ мою команду роту піонерную съ 300 лошадей, повозками и людьми. Для перевозки по Саймѣ отданы суда, бывшія въ Вильманстрандѣ. Произведены въ гребцы милиціонные ратники. Но сіе дѣло по старанію моему препоручено Финляндскому военному губернатору, который, для лучшихъ по сей части распоряженій, долженъ былъ почти въ продолженіи всего лѣта находиться въ Вильманстрандѣ.

Когда уже неудовольствія у меня съ графомъ Аракчеевымъ начались, требовалъ онъ отъ меня мнѣнія, куда, сколько провіанта, по водяной коммуникаціи идущаго, сложить предполагаю. Назначая повсемѣстно пропорціи, назначилъ я въ Сердоболь 5000 четв. муки съ пропорціею крупъ. Онъ призвалъ меня къ себѣ, пересматривая мое назначеніе и почти все перемарывая, спросилъ, для чего назначаю въ Сердоболь такъ много, когда тамъ одна только рота. Я ему отвѣтствовалъ, что Сердоболь лежитъ на высотѣ Ладожскаго озера, что онъ на границѣ, гдѣ жительствуютъ Корельцы, люди къ военной службѣ принадлежащіе; и такъ случиться можетъ, понадобится тамъ умноженіе войска. На сіе онъ возразилъ: „Вѣть они, сударь, смирны и находятся теперь внутри линіи, нами занятой". Но я представлялъ, что мы занимаемъ линію весьма пространную, моремъ не владѣемъ; слѣдовательно Шведы могутъ, прорвавъ нашу линію, предпринять тоже, что Густавъ III предпринималъ ([53]), раззорить наши Ладожскіе шлюзы, и чрезъ то оголодить Петербургъ. Дойдя до Корельцовъ, они ихъ поднимутъ и сдѣлаютъ театръ войны въ границахъ нашихъ. Онъ, съ презрѣніемъ на меня поглядѣлъ, вымаралъ сумму 5000 и написалъ 500. Нечего мнѣ было дѣлать, кромѣ молчать и сожалѣть .....

Послѣ сего вскорѣ по имянному указу посланъ я былъ въ Ригу для мѣстныхъ тамо распоряженій; и сіе потому, что графъ Аракчеевъ, вырывая у меня управленіе, опредѣлилъ по имяннымъ указамъ во многія коммиссіи управляющими артиллерійскихъ генераловъ, предписавъ имъ къ нему прямо относиться. Въ Ригу опредѣленный всѣхъ былъ тупѣе, слѣдовательно ему было нужно поправить тамошнія дѣла, или неуспѣхи возложить на мою вину.

([53]) Во время войны съ Екатериною II (1788—1790).

Послѣ указа объ отставкѣ Шишкова, уже безъ закрышки Аракчеевъ сдѣлался моимъ гонителемъ, и государь не только, чтобы по прежнему всегда милостиво меня примѣтить, сталъ отворачиваться отъ меня и явно гнѣвъ показывать.

Дѣла мои, въ Ригѣ произведенныя, приняты были съ довольнымъ уваженіемъ: все утверждено, но благоволенія ко мнѣ не прибавилось.

Предвидѣніе мое о Корельцахъ исполнилось въ августѣ мѣсяцѣ. Корпусъ Шведскихъ войскъ туда прорвался, увеличилъ свою силу Корельцами. Отъ всѣхъ мѣстъ послали войски къ Сердоболю. Командующій оными генералъ-адъютантъ князь Долгорукій ([54]) писалъ государю, что Шведы уже предъ городомъ; но нашимъ ѣсть нечего. Графъ Аракчеевъ, приславъ мнѣ рапортъ князя Долгорукаго оригиналомъ, своеручно пишетъ сими словами: „предоставляю вашему превосходительству принять благоразумныя ваши мѣры. Сами ли вы поѣдете туда для распоряженій или пошлете кого изъ надежныхъ вамъ людей, это отъ васъ зависитъ".

Отправясь тотъ же день, заѣхалъ я въ Выборгъ. Тамо соглася, по моему ходатайству опредѣленнаго, губернатора поѣхать со мною, успѣли наймомъ подводъ подвести отъ всѣхъ мѣстъ потребное количество, а первую нужду удовлетворить покупкою у купца, для мелочной продажи хлѣбъ въ Сердоболѣ имѣющаго. Заставили обывателей деревень, округъ Сердоболя

([54]) Петръ Петровичъ.

живущихъ, обратить муку въ сухари, кои отправляя на подводахъ по наряду, ежедневно транспорты, слѣдующіе въ слѣдъ за корпусомъ, прогонявшимъ непріятеля до самыхъ границъ (вновь нами занятыхъ) доставляли ему продовольствіе безостановочно.

Возвратился я въ Петербургъ 30-го Августа по утру. Министра не заставъ дома, явился я на вахтпарадѣ. Видѣлъ я, что государь, говоря съ Аракчеевымъ, пристально на меня смотрѣлъ. Лишь сошли они съ лошадей, Аракчеевъ, въ глазахъ его, подошедъ ко мнѣ, спрашиваетъ, что̀ я сдѣлалъ. И лишь только оканчивалъ слова, то онъ обнявъ меня, цаловалъ и крѣпко жалъ руку. Я пошелъ въ слѣдъ за нимъ въ комнаты государя: думалъ, что позовутъ меня и кончатъ гоненія; но того не сдѣлалось. И послѣ того Аракчеевъ, выходя въ переднюю, такъ глядѣлъ и поступалъ со̀ мною, какъ то было прежде.

1-го Сентября, лишь наступило время для отставки военнослужащимъ дозволенное; поутру рано, послалъ я при рапортѣ графу Аракчееву прошеніе къ государю, ничего не прося кромѣ увольненія.

На другой день возвратилъ мнѣ гр. Аракчеевъ рапортъ мой и прошеніе при партикулярномъ письмѣ, объявляя, что государь завтра отъѣзжаетъ, то не смѣетъ онъ его симъ безпокоить.

Надлежитъ знать: государь предпринялъ путешествіе въ городъ Эрфуртъ для свиданія съ Французскимъ императоромъ Наполеономъ. Предъ симъ не за долго, Гишпанскій король также для свиданія съ нимъ пріѣхалъ чрезъ границу своего королевства, былъ взятъ и отвезенъ во Францію. Сіе было поводомъ многихъ толковъ и сумнѣній у насъ; слѣдовательно, домогаться отставки и принимать для того крупныя мѣры казалось не пристойно. И такъ, рѣшась молчать, продолжалъ я дѣлать свое дѣло, отъ всего сердца, какъ слѣдуетъ дворянину.

17-го Октября 1808 года государь возвратился, и тотъ же день пославъ графу Аракчееву при рапортѣ прошеніе мое объ отставкѣ, сказавшись больнымъ, остался я дома.

На третій день получаю при рескриптѣ, въ Веймарѣ подписанномъ, брилліантовые знаки ордена Св. Анны 1-го класса. И въ тоже время множество чиновниковъ къ графу Аракчееву приближенныхъ, ко мнѣ пріѣзжая, уговаривали оставить намѣреніе идти въ отставку. Но я, объявивъ невозможность сіе сдѣлать, оставался дома неподвижнымъ. Въ продолженіи сего времени слышалъ, что какая-то размолвка у государя съ Аракчеевымъ была, и онъ поѣхалъ въ свою деревню, что̀ обыкновенно дѣлывалъ при всякихъ непріятныхъ для него случаяхъ.

По возвращеніи графа Аракчеева, какъ видно на мировой, присуждено и исполнено: государь возвратилъ мнѣ мое къ нему прошеніе, написавъ на другой сторонѣ карандашемъ своею рукою слѣдующее: „Если бы генералъ-провіантмейстеръ, подавъ прошеніе въ отставку, остался, какъ слѣдуетъ, при исполненіи своей обязанности, доколѣ назначенъ будетъ ему преемникъ, исполнилъ бы онъ тѣмъ долгъ свой; но отзывъ, имъ сдѣланной о нехотѣніи заниматься своимъ порученіемъ, нарушаетъ оный совершенно. Дѣлаю ему за сіе строгій выговоръ, напоминая остаться въ предѣлахъ, службою опредѣленныхъ. Въ противномъ случаѣ напомню я ему со всею тою строгостію, съ коею привыкъ я поправлять нарушителей порядка“.

Въ понедѣльникъ по утру получилъ я пакетъ, государевою печатію запечатанный. Фельдъегерь, мнѣ его привезшій, объявилъ, что онъ дежурный при государѣ; но послѣ отъ самаго графа Аракчеева (какъ видно, для показанія его всемочія) я узналъ, что отправилъ онъ ко мнѣ пакетъ по утру для того, чтобы не безпокойно я провелъ ночь.

Получа сіе писаніе, нѣсколько минутъ въ великомъ я былъ недоумѣніи, что дѣлать. Если бы не обязанъ былъ семействомъ, и жена (мнѣ милѣе всего) не была бы беременна седьмой уже мѣсяцъ ([55]), рѣшился бы я предать себя гоненію. Но подумалъ, когда за неповиновеніе государю возмутъ въ крѣпость и отдадутъ подъ судъ: то сколько несчастій можетъ сдѣлаться въ моемъ домѣ, и слѣдовательно потеряю я вдругъ все то, чѣмъ жизнь моя мнѣ сладостна.

Покорясь своей участи, поѣхалъ я къ графу Аракчееву. Нѣсколько времени заставилъ онъ меня дожидаться въ его передней, и между тѣмъ приказалъ изготовить карету. Послѣ чего впущенъ я былъ въ кабинетъ, гдѣ нашелъ его совсѣмъ готовымъ ѣхать. На вопросъ: что вамъ угодно, я сказалъ, что получилъ гнѣвъ государя и не знаю за что. Онъ отвѣтствовалъ, будто ничего о томъ не знаетъ, на слова мои, что обнесенъ видно я государю какъ неблагодарный подданный, служить ему не желающій. — „Но я бы готовъ былъ во всякомъ другомъ званіи доказывать ему вѣрность мою". Онъ отвѣтствовалъ съ злобною улыбкою: „Государь хочетъ, чтобъ вы ему служили генералъ-провіантмейстеромъ". На сіе я возразилъ, что я не способенъ къ сей должности. Тутъ съ злѣйшею улыбкою онъ продолжалъ: „Полноте, ваше превосходительство, коли вы не способны, то кто же есть способнѣе васъ?" На сіе я сказалъ: „Уже и потому я не способенъ, что вы меня не любите и разстраиваете важнѣйшую часть мнѣ ввѣренныхъ дѣлъ личнымъ ко мнѣ недоброжелательствомъ". Тутъ начинается цѣлая громада словъ. Онъ спрашиваетъ объясненія, въ чемъ состоятъ его недоброжелательства, служащія къ разстройству мнѣ препорученныхъ дѣлъ. Я ихъ объявилъ по порядку. Онъ все оговарилъ, силясь вездѣ доказать порядокъ службы, индѣ доказывалъ разность нашего о вещахъ понятія, и потому казавшееся мнѣ дурнымъ происходило съ самымъ хорошимъ намѣреніемъ; въ иныхъ случаяхъ запирался онъ съ божбою. Словомъ, видя злость и подлость достойнаго презрѣнія человѣка, которому покоряться было надобно, не оставалось мнѣ болѣе ничего, какъ сказать ему: „Я поѣду въ провіантскую экспедицію и буду въ службѣ по прежнему". При сихъ словахъ онъ, вставъ со стула, мнѣ поклонился, сказавъ: „Я долженъ сей часъ ѣхать къ государю, у меня уже карета готова и пересказать ему все то, чтò ваше превосходительство говорили." Тутъ я просилъ сими словами: „Когда ваше сіятельство должны довести разговоръ нашъ до свѣдѣнія государя, пожалуйте присовокупите къ тому, что въ семъ несчастномъ для меня случаѣ, берегши себя, считалъ я нужнымъ поберечь и его: ибо самодержавному

([55]) Когда объявилъ я намѣреніе моей женѣ, то произвело такое волненіе, что открылись женскія болѣзни.

Послѣдствія доказываютъ важность сего случая:—родившаяся дочь Софья все время ребячества была больна и выросшая весьма слабаго сложенія. *Примѣч. Д. Б. Мертваго.*

государю не пристойно наказывать подданнаго за то только, что онъ, признавая свою неспособность, проситъ увольненія отъ должности, превышающей мѣру силъ его. Отдавъ меня подъ судъ, увѣряю васъ, что умышленной вины не нашли бы за мною. Я подпишу самъ себѣ смертную казнь, если найдется, что во всю мою жизнь чѣмъ бы то ни было когда я покорыстовался или во зло употребилъ довѣренность, мнѣ данную."

По пріѣздѣ въ экспедицію, лишь принялся я разсматривать бумаги, въ недѣлю небытности моей вступившія, позвали меня въ присутствіе военной коллегіи для слушанія дѣлъ. Тамъ всѣ, какъ испуганныя козы, на меня глядятъ, и никто спросить ни о чемъ не смѣетъ. Всѣ однакоже поздравляютъ съ полученіемъ брилліантовыхъ знаковъ, освѣщающихъ темноту моего грустнаго состоянія. Цѣлую ту недѣлю ни къ кому я не ѣздилъ: все упражнялся въ дѣлахъ дома и въ экспедиціи.

Въ слѣдующее воскресенье надлежало мнѣ благодарить за свѣтящіе алмазы. Былъ представленъ къ государю вмѣстѣ со множествомъ младше меня. Онъ, учтиво мнѣ поклонясь, не удостоилъ и взглядомъ, а со всѣми прочими, какъ бы нарочно мнѣ въ обиду, останавливался говорить. Лишь только отошелъ онъ отъ меня, графъ Аракчеевъ съ ласковымъ видомъ подступилъ ко мнѣ и дружески жалъ мою руку въ его присутствіи.

Предъ обѣднею надлежало представляться императрицѣ; въ то время много было представляющихся ей одной и имъ обоимъ. Государь и тутъ, противу своего обыкновенія, остановясь, со всѣми говорилъ кромѣ одного меня.

Въ ту осень и зиму много было баловъ въ Эрмитажѣ и у вдовствующей императрицы. Меня всюду зовутъ на ряду съ знатными боярами, имѣю я входъ за кавалергарды; но всякой разъ вездѣ чувствовать былъ долженъ гнѣвъ государя; ибо всегда онъ подходилъ говорить съ тѣми, кто случался быть возлѣ меня, но меня никогда и ласковымъ словомъ не удостоивалъ. И когда случалось встрѣтиться глазами нашими, онъ въ тотъ мигъ отворачивался. Извѣстно всѣмъ, кто дворъ самодержавнаго государя знаетъ, какъ всѣ при дворѣ находящіеся и хотя нѣсколько къ оному прикосновенные послѣдуютъ волѣ государя. Въ слѣдствіе чего, всегда въ большой будучи бесѣдѣ, оставался я одинъ. Привыкнувъ къ уничиженію, уже мало оно меня трогало. Уединеніе среди людей давало просторъ мыслямъ къ разсужденію о суетѣ міра сего и о надобности презирать все то, за чѣмъ большая часть людей гоняется.

Въ продолженіе сего времени, бывая у министра для изъясненій по дѣламъ, принимаемъ былъ всегда вѣжливо, но какъ человѣкъ, котораго онъ остерегается и не любитъ. Однажды въ кабинетѣ его, разговаривая о разныхъ обстоятельствахъ по службѣ, при одномъ свидѣтелѣ изъ приближенныхъ его артиллерійскихъ генераловъ, что̀ случалось весьма рѣдко, началъ онъ хвалить артиллеріи генералъ-майора Ильина, опредѣленнаго имяннымъ указомъ, по представленію его, управлять коммиссіею С.-Петербургскаго депо и быть членомъ при экспедиціи. Ему вмѣнялъ онъ въ большое достоинство необузданную его, глупую, а можетъ быть и на воровствѣ основанную смѣлость, и что часто онъ представляетъ ему на утвержденіе о томъ,

что́ уже сдѣлалъ (что не могло быть иначе какъ съ уничиженіемъ моего званія). Въ сіе время при разсужденіяхъ возразилъ я ему, такъ какъ безъ свидѣтелей всегда говаривалъ: „Видите ли, ваше сіятельство, разность понятій нашихъ, почему и не гожусь я быть генералъ-провіантмейстеромъ; ибо я г. Ильину всегда говорю, чтобы онъ учреждалъ дѣла, ему ввѣренныя, такъ какъ законъ велитъ, и поступалъ бы поосторожнѣе, потому что сего рода дѣла долговремянно считаются и повѣряются.“ Вмигъ видъ Аракчеева перемѣнился злобнымъ образомъ. Глядѣлъ долго на меня, ковыряя пальцомъ въ носу, что̀ была его привычка въ злобныя минуты. Потомъ, оборотясь къ сидящему по другую сторону генералъ-майору Ставицкому, началъ разсказывать дѣйствіе двухъ артиллерійскихъ генераловъ, изъ коихъ одинъ былъ смѣлъ, и дѣла его шли успѣшно, а другой былъ трусливъ, о всемъ спрашивался, и потому теченіе дѣлъ замедлялось, онъ его замучилъ вопросами и самъ умеръ отъ сумнѣній. Объясняя характеръ сего послѣдняго, онъ портретъ мой описывалъ. Всѣ мои дѣйствія представляя самыми глупыми, наполнялъ разговоръ бранными словами, приличными подлому его воспитанію. Все сіе выслушивалъ я терпѣливо; ибо бранилъ онъ человѣка мнѣ незнакомаго и коего нѣтъ на свѣтѣ. Наконецъ, когда онъ кончилъ рѣчь, я обратился къ тому же свидѣтелю, просилъ выслушать отъ меня защищеніе покойнику, дѣлами убіенному. Рѣчь сія смѣшна показалась; они оба протянули уши. Началъ я приведеніемъ примѣровъ, сколько было несчастныхъ людей, казенныя деньги расходовавшихъ, которые чрезъ нѣсколько лѣтъ должны были оправдываться и тогда, когда всѣ обстоятельства забыты, когда судятъ ихъ дѣла люди, минувшихъ обстоятельствъ не знавшіе и осуждаютъ виноватыми въ такихъ дѣйствіяхъ, кои въ настоящемъ времени должны бы были быть похваляемы. Продолжая далѣе, приводилъ я въ примѣръ самыхъ знатныхъ бывшихъ людей: князя Менщикова, у коего отнятая деревня ([56]) въ казну досталась графу Аракчееву. И напослѣдокъ, говоря о времени князя Потемкина, спросилъ я Аракчеева: „Ваше сіятельство помните сіе время и несомнѣнно увѣрены, что онъ былъ сильной бояринъ, и въ его время осмѣлился ли бы кто изъ подчиненныхъ не исполнить его приказанія? Но извѣстны же вамъ и послѣдствія. Сколько людей убито несчастіемъ за то, что ему не противорѣчили. И самые его наслѣдники, 80/т. душъ раздѣлившіе, доведены было были до банкрутства, если бы покойный государь не прекратилъ взысканія, по счетамъ на него упавшаго за то единственно, что онъ поступалъ съ казенными дѣлами по домашнему.“ Послѣ сего тономъ, весьма умѣреннымъ, онъ мнѣ сказалъ: „Вы меня въ сумнѣніе приводите. Такъ моего Грузина (такъ называется пожалованное ему имѣніе) не достанетъ для счетовъ, которые сдѣланы быть могутъ?“ На сіе я отвѣтствовалъ: „какъ Грузина! Если бы государь пожаловалъ вамъ всю Новгородскую губернію, то и ея будетъ мало. Вѣдь ваше сіятельство слишкомъ сто милліоновъ рублей въ годъ издерживаете и поступаете весьма самовластно и часто законамъ противно, какъ-то требуютъ обстоятельства нынѣшняго крутаго времени“. Онъ спросилъ: чтоже дѣлать? Я отвѣтствовалъ: „представлять свои дѣй-

([56]) Знаменитое Грузино

ствія на судъ въ тоже самое время, и пользуясь довѣренностію къ вамъ государя, сдѣлать славное для васъ дѣло—сочинить законъ для военнаго департамента, коего вовсе нѣтъ. И при всякомъ государѣ возобновляемо было намѣреніе оный сдѣлать; въ слѣдствіе чего написать каждому чиновнику и самому министру инструкцію, гдѣ изложить ясно и во всей подробности, въ чемъ состоитъ каждаго обязанность, отвѣтственность и степень власти. Когда государь утвердитъ таковое постановленіе и оно примется за законъ государственный, тогда всякой будетъ правъ, идя по чертѣ ему предначертанной. Въ особливыхъ же случаяхъ, докладывать государю и получать письменныя его разрѣшенія“. Подумавъ нѣсколько, графъ Аракчеевъ спросилъ меня: „Ну, какъ же вы думаете приступить къ совершенію сего намѣренія? Это вѣдь громада необъятная бумагъ, и досугъ ли теперь это дѣлать?“ Я отвѣтствовалъ: „Начните по частямъ. Прикажите мнѣ подать вамъ прожектъ, какъ учредить часть провіантскую, и какія кому дать инструкціи, представьте оный государю. Вѣдь при васъ онъ мнѣ обѣщать изволилъ дать правила, въ чемъ состоитъ моя должность и какую степень власти я имѣю“. На сіе онъ мнѣ сказалъ: „Знаете ли, что государь сдѣлаетъ? Неужели вы думаете, что онъ имѣетъ довольно времени, чтобы читать эту кучу бумагъ? Нѣтъ, онъ прикажетъ отдать въ совѣтъ или комитетъ на уваженіе. А тамъ въ спорахъ о каждой строкѣ пройдетъ много времени, которое мнѣ для дѣлъ нужно. И только лишь по напрасну испортится во мнѣ нѣсколько фунтовъ крови“.—„И такъ отвѣтствовалъ я, извольте поступить инымъ образомъ“. — „А какъ?“ онъ спросилъ. — „Представьте государю, что я сумнительный человѣкъ, какъ думаю вы и полагаете, что я надоѣлъ вамъ о всякой бездѣлицѣ спрашиваясь; потому что нѣтъ ни на что чистаго закона, и ни одинъ еще изъ предмѣстниковъ моихъ не отошелъ отъ должности сей спокойно; то прошу я разсмотрѣнія мною сочиненныхъ инструкцій мнѣ и всякаго чина подчиненнымъ моимъ. Скажите, что вы сего и не читали, а просите, чтобы мнѣ приказано было, какъ статсъ-секретарю, докладывать въ совѣтѣ, гдѣ вмѣстѣ съ прочими членами и вы будете слушать и приказывать перемѣнять то, что не совмѣстнымъ покажется“. Сіе принялъ онъ съ довольнымъ уваженіемъ, но ничего по тому не сдѣлалъ.

Продолжали разговоръ далѣе о представленіи отчетовъ въ свое время и о надобности, дабы незамедлительно оныя разсмотрѣны были сенатомъ и утверждены государемъ: разумѣется отчетъ начальническій о распоряженіяхъ, а не счеты подчиненныхъ, которые и послѣ сочтены быть могутъ. Я предполагалъ, чтобы далъ онъ приказаніе всѣмъ начальникамъ департаментовъ, ему подчиненныхъ, подать ему таковой отчетъ, изъ коихъ сочиня генеральный, представилъ бы онъ сенату на основаніи манифеста, при учрежденіи министерствъ изданнаго. Распрощались мы друзьями, и онъ просилъ меня приступить къ дѣлу, слѣдуя моему плану.

На другой день послалъ я къ нему записку, содержащую расположеніе отчета; просилъ разсмотрѣть и поправить, если что считаетъ нужнымъ. Онъ, возвратя мнѣ мою записку, писалъ своеручно что все очень хорошо, и таковымъ отчетомъ заслужу я не его, а общее отъ всѣхъ уваженіе.

Принявшись за дѣло со всевозможнымъ прилежаніемъ, замуча всѣхъ моихъ подчиненныхъ выписываніемъ свѣдѣній, къ отчету принадлежащихъ, представилъ я его. Но оный остался безъ всякаго дѣйствія. Мнѣ сказывали послѣ, будто министръ недоволенъ, для чего дѣйствія его не были тутъ выхваляемы.

Комитетъ, при военной коллегіи учрежденный для пересмотра штатовъ и разсужденія о способахъ сократить порядокъ въ производствѣ дѣлъ по военному департаменту, началъ требовать отъ меня начертанія о провіантскомъ департаментѣ. Члены сего комитета, въ числѣ коихъ наименованъ былъ и я, таковы случились, что и уѣздными судьями довольно бы имъ было находиться. Нѣсколько опытовъ удостовѣрило меня въ сей истинѣ. Однажды, когда они меня очень раздразнили, я сказалъ, что не могу ничего писать; ибо комитетъ учрежденъ для сокращенія порядка въ канцелярскомъ производствѣ, а по провіантскому департаменту нужно дать ему совсѣмъ новое образованіе. Разговаривая съ нѣкоторою горячностію о многомъ, я говорилъ и то, какъ бы ему устроено быть надлежало. На требованіе написать сей прожектъ, я сказалъ, что поелику сіе противно установленію покойнаго государя и въ имянномъ указѣ по коему комитетъ сей учрежденъ, о семъ не дозволяется разсуждать; то я безъ особливаго повелѣнія не приступлю къ дѣлу. Сіе общимъ приговоромъ велѣно было записать въ журналѣ. Тутъ жаръ мой нѣсколько прошелъ, и я одумавшись, разсудилъ, чтобы журналистъ не навралъ чего лишняго или превратнымъ толкомъ, просилъ присутствіе дозволить мнѣ самому написать тутъ же въ присутствіи все то, о чемъ я говорилъ.

Вѣроятно, что въ волненіи и при шумѣ двѣнадцати человѣкъ членовъ не могъ я порядочно все изобразить. Журналъ сей лишь дошелъ до министра, онъ, какъ имѣющій право объявлять имянные указы, написалъ, чтобы комитетъ предоставилъ мнѣ написать все, что для преобразованія департамента почитаю я нужнымъ; только далъ на примѣчаніе, что въ объясненіи моемъ комитету видитъ онъ, что всѣ обязанности возлагаются на подчиненныхъ, а генералъ-провіантмейстеру и дѣлать будетъ ничего. Хотя весьма онъ совралъ, ибо начальнику всегда будетъ много дѣла, смотрѣть за дѣйствіями подчиненныхъ; но я оставилъ безъ возраженія, полагая, авось изъ сего начинанія произойдетъ польза.

Увидясь съ графомъ Аракчеевымъ и изъяснясь касательно его замѣчанія, просилъ дозволенія прежде подачи въ комитетъ представить ему мой прожектъ, сказавъ откровенно, что всѣ комитетскіе члены суть господа ему послушные: если онъ разсмотритъ и отошлетъ къ нимъ мое писаніе съ одобреніемъ, то дѣло кончится скорѣе, а иначе много будетъ пренія, отнимающаго у меня время для другихъ важнѣйшимъ дѣлъ. Сіе принялъ онъ съ учтивостію и, казалось, доброхотно, и препоручилъ мнѣ увѣдомить его, когда писаніе мое готово будетъ къ слушанію.

Окончa сіе дѣло, увѣдомилъ я графа Аракчеева, который въ самый день засѣданія комитета и во время, когда члены собрались, прислалъ за нѣкоторыми и за мною къ нему пріѣхать. Симъ, навѣрное считать можно, хотѣлъ онъ меня поссорить съ

прочими, къ нему не приглашенными, въ чемъ онъ и успѣлъ.

До двѣнадцатаго часа вечера слушали мое начертаніе, прерываемое разсужденіями и преніями слегка. Всѣ слушатели раболѣпно слѣдовали мнѣнію графа Аракчеева и каждое его слово распложали разговорами; но вездѣ онъ, слѣдовательно и они, соглашались со мною. Выбившись изъ силъ, не прослушая и четвертой части, отложили продолженіе до другаго времени.

Чрезъ нѣсколько времени графъ Аракчеевъ, отъѣзжая въ свою деревню на короткое время, сказалъ мнѣ: „Пожалуйте мнѣ ваше начертаніе прочитать на досугѣ въ деревнѣ". Я оное ему вручилъ, и онъ послѣ цѣлый годъ не упоминалъ мнѣ о немъ, а нѣсколько правилъ отъ себя выданныхъ и государемъ утвержденныхъ написалъ, точно слѣдуя моему мнѣнію.

Въ концѣ осени предположено министромъ было и государемъ конфирмовано сдѣлать во многія мѣста заготовленіе хлѣба подрядомъ, производя торги (кромѣ Петербурга) въ казенныхъ палатахъ подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ. Для присутствія жъ при торгахъ возложено на меня командировать въ каждую изъ тѣхъ губерній по одному провіантскому коммиссіонеру, коихъ считаю я благонадежнѣйшими. Для Рижскихъ магазиновъ предположено купить хлѣбъ въ Смоленской губерніи, куда и командировалъ я чиновника изъ Москвы. Въ слѣдствіе предписаній, о томъ учиненныхъ, Смоленской губернаторъ, по окончаніи третьяго торга, представилъ на утвержденіе военному министру, объявляя, что цѣны сходны, понизить ихъ не находитъ онъ средства, и поставщики, имъ склоненные, едва согласились дожидать времени, какъ разрѣшеніе его получено быть можетъ; по миновании жъ того срока они отказываются отъ совершенія обязательствъ, требуя между тѣмъ прислать съ тѣмъ же нарочно посланнымъ третью часть денегъ и согласиться уменьшить число залоговъ противу того, какъ уже государемъ было на сей образъ заготовленія конфирмовано.

Графъ Аракчеевъ, продержавъ нѣсколько дней у себя сіе представленіе и мнѣ онаго не объявляя, наконецъ, за три дни до срока, прислалъ всѣ бумаги при предписаніи, что возлагаетъ онъ на меня рѣшиться утвердить контрактъ, или инымъ способомъ сдѣлать заготовленіе для Риги, гдѣ хлѣбъ весьма былъ надобенъ.

Соображая все, что есть и быть можетъ, видѣлъ я себя на трудномъ пути. Рѣшиться утвердить контрактъ казалось мнѣ безсовѣстно, ибо цѣны нельзя было считать умѣренными. И какъ можно мнѣ было утвердить такія обязательства, гдѣ залоги уменьшены противу плана, государемъ конфирмованнаго? Разрушить сіе всѣми губернскими чиновниками сдѣланное постановленіе и велѣть тамъ же моему подчиненному покупать, ожидалъ я, что начнутъ ставить во всемъ препятствія. Да и не могъ я навѣрно надѣяться на честность подчиненнаго мнѣ коммиссіонера. Слѣдовательно, неблагорасположенный ко мнѣ начальникъ будетъ имѣть всѣ средства представить меня государю такимъ, какимъ ему захочется. Пробывъ нѣсколько часовъ въ жестокой борьбѣ мыслей, наконецъ, помолясь усердно Богу, рѣшился я разрушить контрактъ, и пославъ деньги тому чиновнику, который въ Смоленскѣ находился, препоручилъ ему покупать

хлѣбъ, написавъ притомъ партикулярное ему письмо, въ коемъ, изъясняя чистую правду, совѣтовалъ не пользоваться на семъ пути, увѣряя при томъ, что если совершитъ онъ дѣло съ желаемымъ успѣхомъ, то буду я всемѣрно стараться о исходатайствованіи ему милости государской, и можетъ быть, усердіемъ его и искусствомъ очиститъ онъ весь департаментъ отъ посрамленія, имъ претерпѣваемаго

Дѣйствіе сіе имѣло успѣхъ: хлѣбъ купленъ и доставленіе обеззабочено залогами. Покупкою сею противу цѣнъ по контрактамъ просимымъ сбережено казны болѣе ²⁰⁰/т. руб. Все мое стараніе о награжденіи сего чиновника было безъ успѣха. Напротивъ того, многимъ шиканамъ и придиркамъ отъ министра онъ былъ подвергаемъ. Но наконецъ, по многимъ моимъ усиліямъ, вмѣсто просимаго ему генерала-маіорскаго чина (ибо онъ уже десять лѣтъ служилъ военнымъ совѣтникомъ) пожалованъ ему орденъ св. Анны съ бриліантами, потому что уже имѣлъ онъ его безъ сего украшенія.

Въ исходѣ декабря 1808 (въ тотъ самый день, когда всѣ заняты были парадомъ и церемоніальною встрѣчею короля и королевы Прусскихъ, въ Петербургъ пріѣхавшихъ), безъ всякаго предварительнаго о томъ свѣдѣнія, получилъ я имянной указъ, коимъ повелѣвалось немедленно ѣхать въ Эстляндію, Лифляндію и Курляндію для мѣстныхъ распоряженій по продовольствію войскъ, учрежденію запасовъ и развозкѣ провіанта и фуража по кордону, гдѣ въ лѣтнее время для обороны береговъ войска будутъ находиться. Въ сіе время жена моя на сносяхъ была беременною и отъ бывшихъ крутыхъ со мною переворотовъ крайне нездоровою. Что я тогда чувствовалъ, это Богъ только знаетъ; однако же поѣхалъ, и послѣ меня чрезъ нѣсколько часовъ жена моя родила дочь Софію 1808 года декабря 29 дня.

Въ имянномъ указѣ дано мнѣ было полномочіе дѣйствовать, какъ признаю за лучшее, и повелѣно не тратить время въ сношеніяхъ о утвержденіи цѣнъ и кондицій, а только для доклада государю доносить военному министру о томъ, что и какъ сдѣлано мною. Въ окончаніи сказано: «само собою разумѣется, что по сношенію съ военнымъ министромъ должны вы взять съ собою сумму денегъ соразмѣрно надобности».

Явясь къ министру для полученія его приказаній, я сказалъ, что въ указѣ упоминается о развозахъ, слѣдовательно понадобятся мнѣ конвойные изъ полковъ, также нужно, можетъ быть, будетъ требовать и другихъ пособій; и такъ не соблаговолитъ ли онъ предписать о семъ дивизіоннымъ начальникамъ. Вмигъ сіе исполнено, и въ ордерахъ написано: удовлетворять моимъ требованіямъ, не сказавъ, какимъ. За тѣмъ, разсуждая о деньгахъ, спросилъ онъ меня: сколько я взять предполагаю? Я назначилъ сумму гораздо менѣе надобности. Онъ согласился и велѣлъ написать предложеніе въ экспедицію.

Намѣреніе мое состояло въ томъ, чтобы попробовать провіантскую часть поставить на другую стезю посредствомъ подчиненія воинскимъ начальникамъ, какъ то до царствованія Павла 1-го было: уменьшеннымъ же числомъ денегъ оберечь себя: ибо по недостатку оныхъ я пришлю требованіе, и тогда напишу министру для доклада государю все, что я дѣлаю Слѣдовательно, когда деньги, по

повелѣнію его мною требуемыя, пришлются, то съ тѣмъ вмѣстѣ и дѣйствія мои утверждены будутъ.

Пріѣхавъ въ Ревель, видѣлъ я голодную сторону, гдѣ ничего нѣтъ. Обыватели для собственнаго пропитанія, покупая въ Ригѣ хлѣбъ, перевозятъ его. По причинѣ войны съ Англіею и Швеціею, военный нашъ флотъ, проигравъ одну баталію, не смѣлъ и показаться; слѣдовательно всѣ транспорты должны были быть сухопутные, а сіе возвышало цѣну до непомѣрности, и не находилось довольныхъ способовъ къ удовлетворенію надобности.

Посовѣтуясь съ дивизіоннымъ начальникомъ г. Лавровымъ, человѣкомъ умнымъ и прямому добру содѣйствовать готовымъ, рѣшились мы такимъ образомъ: по силѣ именнаго указа я потребую а онъ на основаніи ордера (отъ министра съ изображеніемъ воли государя полученнаго) исполнитъ: 1-е, соглашать полковыхъ шефовъ, чтобы приняли они въ Ригѣ двумѣсячную пропорцію провіанта, перевезли его на подъемныхъ лошадяхъ, употребя къ сему полковыхъ воинскихъ служителей. Для покупки збруй и одежды зимней людямъ, также и для приумноженія порціи лошадямъ, дамъ я за провозъ такую цѣну, какая вольнонаемнымъ платится. Симъ средствомъ, кромѣ скорости въ дѣлѣ и чистоты въ расчетахъ, и ту еще полагали мы пользу, что лошади во время пути будутъ питаться чужимъ кормомъ; слѣдовательно несъѣденное ими количество остается для удовлетворенія надобности весною, когда военныя движенія потребуютъ содержать лошадей въ сытости. 2-е, на томъ же указѣ и ордерѣ основываясь, подчиню я дивизіонному командиру г. Лаврову всѣхъ въ Эстляндіи провіантскихъ коммиссіонеровъ, а онъ велитъ имъ покупать что купить можно и будетъ надзирать за ихъ дѣйствіями. 3-е, чтобы продолжительною покупкою сѣна въ мѣстахъ будущаго кордоннаго войскъ расположенія не возвысилась цѣна (а паче когда то дѣлать будутъ провіантскіе коммиссіонеры) г. Лавровъ пошлетъ полковыхъ офицеровъ столько, чтобы повсемѣстно вдругъ все количество было куплено; и наконецъ 5-е, изъ суммы, налично со мною имѣвшейся, дамъ я г. Лаврову 500 т. руб., въ коихъ онъ представитъ отчетъ.

Чтобы сіе распоряженіе еще тяжеловѣснѣе сдѣлалось и содѣйствуемо бы было отъ гражданскаго начальства, пригласили мы губернатора къ разсужденію о способахъ, и тутъ же при немъ я написалъ и мы всѣ трое подписали постановленіе и каждому давъ по экземпляру для взаимнаго руководства и исполненія, послалъ я оригинальное къ графу Аракчееву и получилъ благодарственный отзывъ.

Пріѣхавъ въ Ригу, увидѣлъ я совсѣмъ другія обстоятельства: городъ торговый, гдѣ находятся конторы, для Англіи торгъ производящія. Множество хлѣба, по запрещенію выпуска, лежащаго въ бунтахъ; но все зерномъ, ибо готовился для отправленія въ Англію. Чтобы не дѣлать покупки лично самому, я требовалъ произвесть торги въ губернскомъ правленіи, слѣдовательно при губернаторѣ: и коль скоро доведено будетъ до умѣренности, спрося губернатора, сходною ли считаетъ онъ цѣну, объявлялъ я, что покупаю. Съ продавца бралась подписка въ губернскомъ правленіи, а я посылалъ за деньгами; отсчитавъ всю сумму продавцу слѣдующую, тутъ же запечатывалъ ее моею и покупщиковою печатью Пакетъ отдавался губернскому казначею для храненія до тѣхъ поръ,

когда продавецъ предъявитъ губернатору квитанцію о отдачѣ всего проданнаго имъ количества въ провіантскіе магазины. Сіе также съ похвалою мнѣ было утверждено.

Пріѣхавъ въ Курляндію, нашелъ я совсѣмъ другія обстоятельства. Тамъ всѣ имѣнія принадлежатъ дворянамъ. Въ Курляндію ни отколѣ хлѣба не привозится, цѣна за провозъ изъ Риги чрезвычайно высокая. Для нагрузки на Американскіе корабли, въ Либау приставшіе, платили купцы отъ Риги по рублю за пудъ желѣза. Вѣроятно, что за хлѣбъ, которой тратится въ пути, надлежало бы заплатить дороже. Справочныя въ Курляндіи цѣны показывались на хлѣбъ столь дороги, что по разсужденію комитета министровъ отпущено провіантскому департаменту было по 24 руб. на четверть муки, а соразмѣрно тому крупъ и овса.

Адресуясь къ губернскому предводителю тайному совѣтнику барону Корфу, говорилъ я ему: справедливо ли, что въ Курляндію никогда, ни отколѣ хлѣба привозимо не было, а оная всегда отпускала избытки свои въ чужіе края? Онъ истину сію подтвердилъ. „И такъ, я продолжалъ, когда всѣ имѣнія принадлежатъ дворянамъ, за чѣмъ же вижу я, по счетамъ прежнихъ временъ, поставщиками купцовъ и жидовъ?" Онъ не обинуясь отвѣтствовалъ: „потому что чиновники провіантскіе съ ними торговаться любятъ, изъ насъ же, дворянъ здѣшнихъ, рѣдкіе хотятъ входить въ дѣла съ казною". Тутъ тономъ, на древнихъ нѣмецкихъ рыцарей похожимъ, спросилъ я его: „полагаете ли вы меня дворяниномъ и по дворянски поступающимъ въ дѣлахъ мнѣ препорученныхъ?" Онъ, похваляя начальный мой съ нимъ поступокъ, сказалъ, что довѣренность ко мнѣ имѣетъ. „И такъ, говорилъ я ему, сдѣлайте постановленіе: я куплю у дворянства хлѣбъ, а вы, именемъ дворянства, совершите обязательство безъ всякаго приказнаго порядка".— „Какъ же сіе дѣло кончится, вѣдь вы не останетесь?" онъ спросилъ. На сіе я объявилъ, что всю сумму, за хлѣбъ доводящуюся, вручу губернатору, который будетъ выдавать по квитанціямъ. Симъ онъ сдѣлался доволенъ, и прося отсрочки, чтобы имѣлъ онъ время снестись съ знаменитѣйшими той губерніи помѣщиками, требовалъ, чтобы чрезъ восемь дней пріѣхалъ я опять въ Митаву.

Въ теченіе сего времени провіантскіе мои чиновники, желая разстроить дѣлаемую связь съ дворянствомъ, употребляли всѣ возможныя средства къ показанію, что могутъ купить умѣренными цѣнами; и донесли мнѣ, что, по мелочи, покупая у крестьянъ, можно имѣть по 13 руб. за четверть; но льзя ли купить все надобное количество, не удостовѣряли.

Полагая, что если бы и дороже заплатить я былъ долженъ дворянству, но дѣло сіе будетъ чище, облагороживать станетъ дѣйствія провіантскія, на предъидущее время послужитъ немалою для казны пользою, а притомъ сблизитъ новоприсоединенныхъ подданныхъ съ интересами государевыми, написалъ я о семъ министру партикулярно своею рукою и поѣхалъ къ назначенному сроку въ Митаву.

Въ домѣ губернскаго предводителя увидѣлъ я не малое число дворянъ, знаменитѣйшихъ по имѣнію и титуламъ. Всѣ они тотчасъ со мною познакомились и чрезвычайно похваляли мой поступокъ, говоря, что такого тона не слыхали еще никогда отъ начальника провіантскаго. Однимъ словомъ, изъяснялись мы языкомъ

рыцарскимъ. Разсуждали о способахъ, какъ бы написать постановленіе и оговорить всѣ случаи, могущіе родить сумнѣніе и дать поводъ къ мошенничествамъ; согласясь на всѣ пункты, попросилъ я бумаги и чернилъ. Написавъ постановленіе, не былъ уже я въ состояніи прочитать оное, переводя по французски. И такъ позвали переводчика-нѣмца ко мнѣ въ помощь. По окончаніи чтенія, всѣ, въ восхищеніи отъ моего писанія, единогласно рѣшились имѣть со мною дѣло.

Но тутъ представилось главное Мы согласились, что дворянство, по регистру, отъ меня предложенному, поставитъ во всѣ мѣста Курляндіи назначенное количество цѣною для лучшаго расчета равною. Хотя сіе казалось имъ сперва не удобнымъ, ибо цѣны по пространству Курляндіи были не одинаковы, но наконецъ согласились. О общей же цѣнѣ они меня спросили какую я за справедливую почитаю. Отвѣтъ мой былъ, на основаніи донесеній провіантскихъ, по 13 рубл. за четверть муки. Всѣ вдругъ заговорили, что сіе не возможно. По утишеніи рѣчей нѣмецкихъ, которыхъ я не разумѣю, сказалъ я имъ, что, желая облагородить провіантскую часть и пріучить чиновниковъ, мнѣ подчиненныхъ, имѣть дѣло съ людьми, отъ коихъ взятокъ брать не можно, готовъ я рѣшиться и на такую цѣну, которую они назначутъ, какія бы послѣдствія отъ того ни произошли. Они спросили объясненія симъ словамъ, и я отвѣтствовалъ, что писалъ военному министру, предполагая возможнымъ купить по 13 руб., и по неблагорасположенію его ко мнѣ, о коемъ не только они, но и всѣ знали, могъ я ожидать непріятностей. Тутъ рыцари мои взволновались, и нѣсколько поговоря между собою по нѣмецки, объявили мнѣ, что когда такъ, то они готовы поставлять за цѣну, мною назначенную.

Кончилось дѣло наше въ тотъ же день. Постановленіе о согласіи дворянства со мною, при посредствѣ губернатора написанное и нами тремя подписанное, втройнѣ мы каждый взяли, для взаимнаго руководства и исполненія. Денегъ безмала половину я могъ тогда же дать губернатору, обѣщавшись полную сумму доставить немедленно; ибо не могъ почитать, чтобы дѣйствие сіе не одобрено было, послѣ чего съ наполненнымъ пріятностію воображеніемъ, отужинавъ у предводителя, поѣхалъ я въ Ригу обратно.

Написавъ министру все сіе произшествіе, подробно представя о тѣхъ полезныхъ для казны видахъ, которые для предыдущаго времени усматриваю, увѣдомя до какого количества какого хлѣба и по какимъ цѣнамъ въ Ригѣ для запасовъ купить еще можно, представилъ я изчисленіе, сколько суммы денегъ прислать мнѣ нужно. Представленіе сіе послалъ я съ адъютантомъ моимъ, взятымъ изъ артиллеріи и имѣющимъ знакомство со всѣми артиллерійскими офицерами, при министрѣ служащими.

Возвратившійся мой посланный привезъ мнѣ всю сумму денегъ. Всѣ распоряженія мои утверждаются, но холоднымъ тономъ. На постановленіе жъ, съ Курляндскимъ дворянствомъ сдѣланное, написалъ графъ Аракчеевъ замѣчаніе, показывающее малую довѣренность и неуваженіе къ дворянству, и между прочаго, что не назначено имянно сроковъ когда, сколько, куда поставлять; а только написано, что для безостановочнаго продовольствія, поставляя по временамъ, какъ дворянству будетъ удобнѣе, станутъ они наблюдать, чтобы двумѣсячная пропорція всегда, вездѣ, находилась

наличною въ магазинахъ провіантскихъ. При таковомъ замѣчаніи предписывалъ онъ мнѣ согласить дворянство, чтобы къ апрѣлю мѣсяцу была вездѣ поставлена хотя третья часть. Получа сіе, будучи боленъ такъ, что не могъ вставать съ постели, послалъ я съ адъютантомъ моимъ всѣ деньги къ губернатору и выписку изъ предписанія министрова касательно замѣчанія на постановленіе съ Курляндскимъ дворянствомъ, прося его показать предводителю сію бумагу и попросить его, не разсудитъ ли вывести меня изъ непріятнаго положенія

Предводитель, посовѣтуясь съ наличными въ Митавѣ дворянами, на той же выпискѣ написалъ, что все то, что̀ министръ замѣчаетъ, будетъ исполнено; касательно жъ сроковъ сдѣлано будетъ болѣе, ибо приняты уже мѣры о поставкѣ всего количества до апрѣля мѣсяца.

Въ сіе же самое время получилъ я имянной указъ государя; пишетъ, что, видѣлъ изъ донесеній моихъ къ министру, съ какимъ успѣхомъ идетъ дѣло, мнѣ препорученное; объявляя о недостаткахъ въ новоприсоединенной Финляндіи, приказываетъ постараться, нельзя ли изъ Риги отправить въ Свеаборгъ до 10 т. четвертей на купеческихъ судахъ, которые бы вмѣстѣ со льдомъ выдти могли.

Все исполня, соверша покупки запасовъ, наилялъ я также съ публичнаго торга отвозчиковъ по мѣстамъ. Лишь получилъ малую свободу отъ болѣзни, поѣхалъ я чрезъ Бѣлоруссію обратно; а прямо изъ Риги послалъ въ Петербургъ адъютанта съ отчетомъ и подробнымъ о всемъ донесеніемъ..

Въ Петербургъ пріѣхалъ я въ тотъ день, когда министръ собирался ѣхать въ Або, для предпріятія перейти чрезъ Аландскіе острова, и изъ другихъ еще двухъ пунктовъ въ Швецію. Я, не могши ходить (ибо распухшая нога ступать не позволяла) послалъ адъютанта словесно объявить министру о моемъ возвращеніи и невозможности къ нему явиться. Въ вечеру того же дня получилъ отъ него письмо, коимъ очень ласково извиняется, что, долго пробывъ у государя, не могъ меня видѣть; оканчиваетъ тѣмъ, что проситъ имѣть къ нему довѣренность и чаще писать къ нему въ Або.

Чрезъ нѣсколько дней, сдѣлавшись въ состояніи одѣться, поѣхалъ я въ воскресенье во дворецъ и просилъ быть представленнымъ государю на равнѣ съ прочими военными чиновниками, послѣ вахтъ-парада представляющимися. Помѣщенныя къ государю креатуры гр. Аракчеева, которыя во время его отсутствія докладывали по дѣламъ, увѣрительно объявили, будто мнѣ представляться не нужно, и что въ тотъ день представленія не будетъ. Но, я сказавъ, что мнѣ кажется не прилично не представиться тогда, когда я былъ въ отпускѣ по его указамъ, требовалъ отъ коменданта и дежурнаго генералъ-адъютанта доложить по крайней мѣрѣ о томъ, что я пріѣхалъ и представиться желаю. Всѣ были еще въ заблужденіи и думали, не буду ли позванъ въ кабинетъ, гдѣ безъ бытности Аракчеева могу объясниться и поправить мои тяжкія обстоятельства. Скоро начинается бѣготня въ передней предъ кабинетомъ, гдѣ я и множество людей находилось. Стали искать, кто еще будетъ представляемъ. Мнѣ объявлено, что государь пойдетъ смотрѣть рекрутъ; и я на пути его вмѣстѣ съ прочими буду ему представленъ

Государь, подошедъ ко мнѣ, ласковымъ видомъ спросилъ, давно ли я пріѣхалъ; потомъ тономъ, секретъ по-

казывающимъ, спросилъ: „кончили все?“ Я отвѣтствовалъ: „кончилъ“. Тутъ поклонясь, пошелъ онъ прочь.

Успѣшное исполненіе прожекта Аракчеевскаго о переходѣ войскъ чрезъ Ботническій заливъ на Шведскіе берега; сдѣлавшееся отъ того въ Стокгольмѣ волненіе, по коему король арестованъ, возведенъ другой, и начавшіеся переговоры о мирѣ, всѣ претензіи наши удовлетворяющемъ, сдѣлали Аракчеева сильнѣе прежняго, и онъ со славою чрезъ мѣсяцъ возвратился.

При свиданіи со мною, обошелся онъ очень ласково и учтиво. Но поелику прошло уже время и даже надобность преодолѣвать тѣ трудности, которыя могъ преодолѣть, то и рѣчей было мало. Всѣ занимались награжденіемъ военныхъ, чрезъ Ботническій заливъ переходившихъ, и политическими дѣлами касательно скорѣйшаго заключенія мира.

Миръ заключенъ въ Фридрихсгамѣ, гдѣ находился министръ иностранныхъ дѣлъ ([57]). Сдѣлано большое военное празднество въ Петербургѣ. Множество вышло награжденій чиновникамъ въ войнѣ бывшимъ. Управляющему коммиссіею С. Петербургскаго депо данъ орденъ Св. Анны 1-го класса; а обо мнѣ нигдѣ ни словомъ не упоминалось, какъ бы вовсе былъ посторонній въ дѣлѣ военномъ человѣкъ.

Начавшаяся война Французовъ съ Австрійцами вмѣшала насъ въ дѣло. Составлена армія въ Литвѣ, поручена въ команду ген.-князя Голицына. Онъ долженствовалъ занять Галицію и сдѣлать диверсію Австрійцамъ.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, такъ же ничего о томъ не вѣдая, получилъ я имянной указъ, коимъ повелѣвалось отправиться на границу и учинить распоряженіе о продовольствіи арміи, поступая по наставленіямъ военнаго министра; а съ тѣмъ вмѣстѣ получилъ и отъ него предписаніе на нѣсколькихъ листахъ: въ ономъ, упоминая о указѣ, при поѣздкѣ въ Ригу мнѣ данномъ, приказывалъ онымъ руководствоваться; но тутъ же ему противорѣчилъ, ибо велѣлъ обо всемъ его спрашиваться. Двусмысленность сія произвела мнѣ много сумнѣній.

Повидаясь съ главнокомандующимъ княземъ Голицынымъ, въ то время въ Петербургѣ находящимся, отправился я два дни послѣ него прямою дорогою и въ Вильнѣ съ нимъ съѣхался. Осмотря все, видѣлъ довольно трудностей, но удобно могущихъ быть преодолѣнными.

Упадокъ кредита и малая сумма наличныхъ денегъ, со мною бывшая, много останавливала дѣйствій, и много непріятныхъ рѣчей выслушивать заставляла ([58]). Но вскорѣ присланные ко мнѣ отъ государственнаго казначея червонцы и ассигнованіе получить изъ казенныхъ палатъ прекратили сіе неудобство.

Слѣдуя прежде съ успѣхомъ употребленному способу, я договаривался съ дивизіонными командирами и писалъ акты при посредствѣ губернаторовъ тѣхъ губерній, гдѣ войска находились. Главнокомандующій всегда одобривалъ дѣла мои и всѣми силами старался содѣйствовать. Достоинство

([57]) Графъ Н. П. Румянцевъ.

([58]) Графъ Аракчеевъ при вступленіи въ министры исходатайствовалъ имянной указъ не платить долговъ, до 1808 года накопившихся. Многіе люди отъ того раззорились, подрывъ кредита столько возвысилъ цѣну и затруднилъ дѣйствія, что въ одинъ годъ переплатили денегъ въ излишествѣ болѣе, нежели бы стоилъ весь платежъ долговъ. *Примѣчаніе Д. Б. Мертваго.*

сего человѣка облегчало всѣ трудности и устыжало всякаго, излишнія требованія изъявлять готоваго.

Чтобы продовольствіе немалаго числа войскъ, въ резервѣ по разнымъ мѣстамъ Литвы оставшихся, обеззаботить и на предъидущее время устроить порядокъ, съ пользою государя и можно сказать государства сообразный, разговаривая съ помѣщиками Гродненской губерніи, склонилъ было я ихъ на таковыя жъ условія, какъ сдѣлано въ Курляндіи: принять продовольствіе войскъ на ихъ попеченіе въ продолженіи трехъ лѣтъ по установленнымъ единожды цѣнамъ, взятымъ изъ сложности пяти лѣтъ, изъ коихъ дворянство уступало, если три дивизіи въ губерніи будутъ, по рублю; если двѣ, по рублю съ четвертью; а буде одна, то по полтора рубля серебромъ отъ каждой четверти муки и крупъ; и съ такимъ при томъ условіемъ, чтобы платить имъ серебромъ третью часть, а остальныя двѣ ассигнаціями по курсу.

Зная, что расходъ серебряныхъ денегъ въ Литвѣ истощевалъ финансы государственные и неизчислимое множество причинялъ зла, думалъ я сіе дѣло весьма полезнымъ, и тѣмъ паче, что курсъ можно поддерживать, если государственный казначей не сдѣлается обязаннымъ много вымѣнивать серебра. При томъ же часть сія, отъ раздѣленной Польши присоединенная, непрестанно готова отъ насъ оторваться; слѣдовательно на всякой случай лучше обогащать тамошнихъ дворянъ ассигнаціями, нежели рублями удобно въ талеры передѣлываемыми.

Сдѣлавъ съ дворянствомъ Гродненской губерніи при присутствіи губернатора предварительное условіе, гдѣ въ началѣ написано, что оное можетъ имѣть свою силу тогда, когда утверждено будетъ отъ вышняго начальства, послалъ я оное къ графу Аракчееву съ курьеромъ. Подписавшіеся подъ предварительнымъ договоромъ помѣщики, другъ по другѣ ручающіеся, имѣли болѣе 50 тысячь душъ въ ихъ собственномъ владѣніи. Виленскіе и Бѣлостокскіе помѣщики на таковое же отъ меня предложеніе чрезъ губернскихъ предводителей письменно отозвались, что, когда послѣдуетъ утвержденіе съ Гродненскими дворянами сдѣланное, то и они оному послѣдуютъ на такомъ же точно основаніи.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ отправленія курьера, окончa все, что по наставленію къ исполненію моему предлежало, возвратился я въ Петербургъ. Явился къ министру, довольно холодно меня принявшему. На вопросъ, что угодно ему было сдѣлать по представленію моему о договорѣ съ дворянствомъ, онъ отвѣтствовалъ: „Ваше превосходительство, это дѣло требуетъ много разсужденія и безъ воли государя совершено быть не можетъ. И такъ, чтобы дворянство не подумало, что условіемъ съ вами дѣло кончено, и не вышло бы послѣ какихъ претензій, то писалъ я губернаторамъ объявить дворянству, что вы не имѣли власти на учиненіе такихъ договоровъ; слѣдовательно, сдѣланное не имѣетъ никакой силы". Тутъ я ему сказалъ: „За что же, ваше сіятельство посрамили вы не меня, но званіе мое, ибо кто теперь генералъ-провіантмейстеру повѣритъ? И тѣмъ паче напрасно вы таковой отзывъ сдѣлали, что въ самомъ условіи сказано, что оно есть предварительное и могущее имѣть силу тогда, когда вышнее начальство его утвердитъ". Послѣ сего онъ сказалъ: „виноватъ, я этого не примѣтилъ", и поговоря мало, съ холодностію мы распрощались.

При началѣ еще непріятностей моихъ съ министромъ, однажды, имѣя надобность его спроситься, пріѣхалъ я къ нему и долженъ былъ, сидя въ передней, дожидаться по меньшей мѣрѣ часа четыре. Бывъ позванъ въ кабинетъ, окончилъ свою надобность минутъ въ пять. Откланяясь, сказалъ я ему, что дожидался долго и много потратилъ времени для дѣлъ нужнаго. Онъ, оправдываясь недосугами, дозволилъ впредь записками его спрашиваться, а онъ на тѣхъ же запискахъ будетъ писать резолюціи. Сей образъ сношеній сдѣлался мнѣ полезнымъ; ибо записки оставались пріобщенными къ дѣламъ или хранились у меня; слѣдовательно дѣлался я беззаботнѣе съ человѣкомъ, на честность и благородство души коего полагаться не можно. Пользуясь симъ порядкомъ, прекратилъ я свиданія съ министромъ такъ, что болѣе мѣсяца по возвращеніи изъ Литвы съ нимъ не видался.

Однажды, получа вопросъ отъ коммиссіи провіантскаго депо, долженъ былъ спроситься министра, какимъ образомъ расположить представленіе къ нему для доклада государю, ибо дѣло такого существа было. Необходимость заставила меня поѣхать. Въ передней его нашелъ я двухъ приближенныхъ ему генераловъ и одного купца, поставляющаго въ Петербугскіе магазины хлѣбъ, такъ же лично ему знакомаго. Дежурный адъютантъ, о мнѣ ему докладывавшій, вышелъ съ отвѣтомъ, что торопится оканчивать дѣла, будучи долженъ тотчасъ ѣхать къ государю, приказалъ извиниться, что принять меня не можетъ. И тутъ же возлѣ меня стоящему купцу объявилъ, что васъ приказалъ къ себѣ позвать. Мнѣ сіе такъ досадно стало, что приближеннымъ его генераламъ я сказалъ: „хорошо ли это министръ дѣлаетъ? Ему нѣтъ времени говорить съ генералъ-провіантмейстеромъ, неужели можетъ быть болѣе дѣла говорить съ поставщикомъ?“ Они промолчали, показывая видъ удивленія, но вѣроятно слова мои пересказали.

Въ комитетъ при военной коллегіи учрежденный поданъ былъ докладъ отъ счетной экспедиціи, гдѣ, прожектируя новыя формы, какъ вести шнуровыя книги и писать документы, пріобщено объясненіе, содержащее порядокъ теченія дѣлъ провіантскихъ, и такія вмѣщены правила, которыя никакимъ образомъ исполняемы быть не могли; слѣдовательно надобно бы было непрестанно прощать неисправности или сдѣлать виноватымъ всякаго, кого будетъ угодно. Опорочивая сіе представленіе и говоря, какъ бы что сдѣлать было надобно, вопрошенъ я былъ: для чего же не подаю начертаніе того порядка, который считаю полезнымъ. Объявя, что оное уже почти годъ находится въ разсмотрѣніи министра, написалъ я къ нему записку, прося о возвращеніи для представленія въ комитетъ и соображенія мнѣнія моего съ прожектомъ, отъ счетной экспедиціи поданнымъ. Онъ бумаги мои мнѣ прислалъ, и я ихъ представилъ комитету.

Нѣсколько засѣданій прошло въ безплодныхъ спорахъ. Никто не хотѣлъ и посмотрѣть на бумаги, отъ меня представленныя, а отъ счетной экспедиціи поданныя безъ моего согласія утверждать также раздумывали. Наконецъ по утру, во время обыкновеннаго присутствія, является министръ. Злобно на меня смотря, объявляетъ всѣмъ на общее лицо: „вотъ, господа, я, оставя важнѣйшія дѣла, хочу присутствовать съ вами и раз-

рѣшить споры, которые останавливаютъ устроеніе порядка". Лишь сѣли всѣ на свои мѣста, генералъ-контролеръ началъ читать свое сочиненіе. Я молчалъ, не возражая на тѣ мѣста, которыя были малозначущи. Но когда уже довольно накопилось резоновъ, просилъ остановиться и сталъ оговаривать, изъясняя, какія обстоятельства случаются и какія случиться могутъ. Тутъ министръ началъ брать мою сторону. Генералъ-контролеръ и ему сопутствующіе сдѣлались долголицы. Два часа пробило, и министръ объявилъ, что пора ему ѣхать, что онъ проситъ насъ подумать о семъ и рѣшиться постановить правила, сообразныя возможности исполнить, и что буде нужно, онъ готовъ и опять удостоить насъ своимъ присутствіемъ.

Чрезъ нѣсколько дней призывалъ къ себѣ управляющаго бухгалтеріею провіантской экспедиціи, отъ коего я узналъ, что генералъ-контролеръ и присутствующій со мной артиллерійскій генералъ-маіоръ Ильинъ разсматриваютъ въ министровомъ кабинетѣ формы. Они дѣло сіе кончили. Многое изъ прежняго убавили, но все далеко до настоящаго пункта. Министръ прислалъ въ военную коллегію утвержденныя его подписаніемъ бумаги, приказывая напечатать для разсылки къ исполненію. Начальнику типографіи приказано отъ министра печатать имена скрѣпившихъ формы, гдѣ между прочими помѣщено было и мое имя.

Въ первыхъ числахъ сентября, когда министръ долженъ принимать просителей, поѣхалъ я къ нему. Онъ, кажется, зналъ чрезъ перваго его вѣстовщика генералъ-маіора Ильина, коему съ намѣреніемъ часто говаривалъ я о желаніи проситься въ отставку. Зналъ я и то, что Ильинъ, моего мѣста домогаясь, меня съ министромъ ссоритъ, да и тотъ желаетъ помѣстить его на мое мѣсто. Графъ Аракчеевъ тотчасъ велѣлъ меня позвать въ кабинетъ и принялъ чрезвычайно учтиво и съ пріятною миною. На вопросъ, что угодно, я просилъ исходатайствовать мнѣ увольненіе. „Если уже непремѣнно вамъ угодно, онъ продолжалъ, то буде подадите вы прошеніе, я доложу государю". Въ ту минуту вынувъ изъ кармана прошеніе, я ему вручилъ. Принявъ съ большимъ удовольствіемъ, говорилъ онъ мнѣ, будто очень ему жаль, что такое сильное отвращеніе имѣю я отъ должности, славно мною исправляемой. И напослѣдокъ разговаривая, кто бы могъ заступить мое мѣсто, требовалъ моего мнѣнія. Я назвалъ генералъ-майора Ильина. Но онъ говорилъ, что сего не сдѣлаетъ, сказавъ: „потому что онъ мой".

При разставаніи онъ объявилъ, что, имѣя много дѣла, не знаетъ онъ, когда можетъ по моей просьбѣ доложить; а между тѣмъ требовалъ, чтобы я окончилъ отчеты за минувшій годъ и представилъ вѣдомость о потребностяхъ на слѣдующій.

Вскорѣ послѣ сего государь, а съ нимъ и министръ, поѣхали въ Тверь и оттоль въ Москву, и до половины Декабря не возвращались (1809).

Во время небытности министра въ Петербургѣ, пріѣзжаетъ ко мнѣ генералъ-контролеръ. Куча бумагъ, за кафтаномъ положенныхъ, казали вдвое растолстѣвшимъ. Началъ онъ тѣмъ, что министръ изъ Твери ему пишетъ, препоручая мнѣ сказать, чтобы формы, для провіантскихъ коммиссій и коммиссіонеровъ сочиненныя, отправилъ я съ нарочнымъ для того, дабы съ новаго года начался порядокъ въ нихъ написанный. Я совѣтовалъ ему представить ихъ въ военную коллегію, по опредѣленію коей и будетъ

исполнено; но онъ отвѣтствовалъ, что это будетъ медлительно и къ назначенному времени не поспѣетъ во всѣ мѣста. Но я утверждалъ, что безъ документа нельзя мнѣ послать курьеровъ и отправить формы для руководства и исполненія. Тутъ онъ сказалъ: „да вамъ еще нужно подписать сіи бумаги", указывая на толстый свой бокъ. Будучи не въ силахъ болѣе притворяться, объявилъ я ему, что формы я не подпишу потому, что считаю ихъ не полезными и даже вредными; да хотя бы онѣ и хороши были, не могу подписать и потому, что подпись моя уже напечатана прежде моего согласія. Онъ утверждалъ, что министръ властенъ дать отъ себя формы, а я говорилъ, что коль онъ это сдѣлалъ, то пусть отъ имени своего ихъ и посылаетъ. Напослѣдокъ сей подлый человѣкъ осмѣлился мнѣ образомъ совѣта сказать: „знаете ли, что за сію бездѣлицу пріуготовляете вы себѣ много непріятнаго?" На сіе я ему отвѣтствовалъ: „Уже много мнѣ господинъ Аракчеевъ непріятнаго сдѣлалъ, и изъ всѣхъ непріятностей самое большое то, что вы мнѣ можете сіе говорить". Послѣ сего мы разстались.

Въ теченіе сего времени оконченъ былъ отчетъ за минувшій годъ и изчисленіе о потребностяхъ къ наступающему. По возвращеніи графа Аракчеева въ Петербургъ, нѣсколько разъ къ нему пріѣзжая, не могъ его видѣть. Наконецъ увидалъ при многихъ въ его передней, и объявя, что приказаніе его исполнено, отчетъ и изчисленіе поданы, и потому осмѣлюсь напомянуть о прошеніи, отъ меня поданномъ. На сіе отвѣчалъ: „ахъ, я позабылъ вамъ сказать: коли уже вы непремѣнно того желаете, то извольте подать прошеніе по формѣ, на гербовой бумагѣ, и при ономъ, коли вамъ угодно, приложите запечатанное къ государю письмо".

На другой же день исполня по его слову, пріѣхалъ къ нему и не требуя, чтобы обо мнѣ доложили, сталъ я дожидаться въ передней его выходу. Увидя меня, онъ съ злобнымъ видомъ сказалъ: „вы видно съ бумагой, пожалуйте, чтобы васъ не задержать". Я, подавъ бумагу и поклонясь, пошелъ вонъ.

Предъ отъѣздомъ министра въ Тверь, призывалъ онъ меня къ себѣ. Цѣлой вечеръ пересматривая вѣдомости о надобностяхъ и спрашивая мнѣніе мое о средствахъ заготовленія, напослѣдокъ спросилъ: какое количество хлѣба и какимъ образомъ считаю я полезнымъ заготовить для С. Петербурга? Отвѣтъ мой былъ, что ничего не надобно; ибо у насъ на пути идущаго есть слишкомъ на два года, по числу войскъ послѣ Шведской войны оставшихся повсемѣстно къ Сѣверу. „Но какъ же ничего не покупать? онъ спросилъ; стало, подумаютъ, что прежде напрасно мы много заготовляли?" На сіе я отвѣтствовалъ, что прежде была война и много находилось войска; но теперь, когда запасы повсемѣстно наполняются, еще и съ излишествомъ, и когда чрезмѣрная дороговизна, то полезно не покупать въ казну и объявить, что надобности ей нѣтъ, чрезъ что вѣроятно понизятся цѣны для вольной продажи; небольшое же количество недостающаго въ запасъ овса можно купить чрезъ коммиссіонеровъ, безъ большой огласки. Онъ остался непреклоннымъ, полагая нужнымъ покупать, а я остался резонами его не убѣжденнымъ.

Будучи въ Твери, исходатайствовалъ онъ отъ государя указы губернаторамъ купить 400 т. муки съ про-

порціею крупъ, и 250 т. четвертей овса для С. Петербурга. И повелѣно имъ, купя, непремѣнно никого о томъ не спрашиваться, а только увѣдомить военнаго министра о присылкѣ имъ денегъ соразмѣрно надобности, означенной въ контрактахъ, которые они заключатъ. Получа сіе свѣдѣніе, говорилъ я въ военной коллегіи и всѣмъ, кто ему пересказать могъ, что сія мѣра разстроитъ капиталъ провіантскаго департамента, и приведетъ въ невозможность изво335ротиться суммами, на первую треть ассигнованными.

Во время отсутствія государя обработалось его распоряженіе о образованіи Совѣта, гдѣ, раздѣляя дѣла на четыре части, назначались предсѣдательствующіе въ каждомъ департаментѣ, и предположено открыть первое засѣданіе совѣта 1-го генваря. Аракчеевъ возвратился послѣ прибытія государя, взбѣсился, извѣстясь о сей перемѣнѣ. Ему подумалось, что предсѣдательствующіе будутъ командирами тѣхъ министровъ, дѣла коихъ подлежатъ разсмотрѣнію департаментовъ. Сказываютъ, много было размолвки, и кончилось тѣмъ, что Аракчеевъ захотѣлъ быть и назначенъ предсѣдательствующимъ военнаго департамента. Послѣ сего явилось толкованіе, съ какими дѣлами ходить министрамъ прямо къ государю и съ какими чрезъ Совѣтъ. По оному открылось, что министры остались въ прежней силѣ, а Аракчеевъ почти безъ дѣла и безъ власти.

На мѣсто графа Аракчеева опредѣленъ военнымъ министромъ Барклай де-Толли, человѣкъ умный, добраго нрава; но что-то похожъ болѣе на министрову вдову, нежели на самаго министра.

Зная о сей перемѣнѣ, изготовилъ я всѣ свѣдѣнія для подачи новому министру. Явясь къ нему, былъ принятъ съ большою учтивостію. Началъ онъ разговоръ тѣмъ, что, признавая себя не въ силахъ отправлять должность министра такъ, какъ отправлялъ его предмѣстникъ, и почитая то неслѣдующимъ, предоставляетъ мнѣ руководствоваться порядкомъ въ законѣ изображеннымъ и дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали мои предмѣстники. На сіе я отвѣтствовалъ, что извѣстно ли ему, что подалъ я прошеніе въ отставку и нахожусь въ необходимости просить его о томъ предстательства. Много говорилъ онъ мнѣ, что при немъ не будетъ для меня тѣхъ непріятностей, которыя я претерпѣвалъ, что будетъ онъ стараться, чтобы государь отличилъ меня милостями и награжденіями. Но поелику я видѣлъ себя слишкомъ униженна, быть работникомъ за заплату не хотѣлъ и настоятельно просилъ исходатайствовать мнѣ увольненіе, то и кончилъ новой министръ разговоръ тѣмъ, чтобы остался я на нѣсколько времени, пока извѣстными ему сдѣлаются дѣла по провіантской части; до того же продолжалъ бы порядокъ при графѣ Аракчеевѣ существовавшій.

Не имѣя никакихъ средствъ обороняться отъ гонящей меня судьбы, долженъ былъ ей покоряться, и желая быть не похожу на современниковъ моихъ, продолжалъ всегда быть вѣрнымъ въ службѣ и прилежнымъ къ дѣламъ.

Въ поданномъ отъ меня Барклай-де-Толлію свѣдѣніи было означено о покупкахъ вновь назначенныхъ, и я ему сказалъ: чтобы не оставилъ доложить государю, не согласится ли онъ отмѣнить повелѣнія губернаторамъ данныя, ибо время къ тому еще оставалось; по крайней мѣрѣ льзя ли бы было уменьшить большую поло-

вину? Резоны мои: что болѣе милліона четвертей ожидаемаго въ Петербургъ хлѣба помѣстить будетъ негдѣ; а до десяти милліоновъ рублей, употребиться долженствуемыхъ на ту ненужную покупку, замѣнить будетъ нечѣмъ. Издержка сія сдѣлаетъ остановку при заготовленіи въ тѣхъ мѣстахъ, куда по перемѣнѣ политическихъ дѣлъ войска наши перемѣщаются. Все сіе довольно важнымъ показалось Барклай-де-Толлію, и онъ мнѣ приказалъ остановить отправленіе денегъ къ губернаторамъ, которыя гр. Аракчеевъ назначилъ, приславъ заднимъ числомъ предписаніе, въ тотъ день, когда онъ перестал быть министромъ. Но послѣ Барклай-де-Толлій велѣлъ мнѣ отправить сіи деньги.

На третій день послѣ сего разговора прислалъ Барклай-де-Толлій звать меня къ себѣ. Лишь вошелъ я къ нему, онъ очень печальнымъ тономъ объявилъ, что государь приказалъ меня спросить, для чего я опорочиваю дѣла Аракчеева и злословлю его въ публикѣ; что не пристойно мнѣ въ моемъ званіи критиковать чиновника, бывшаго моимъ начальникомъ и имѣвшаго довѣренность государскую; и наконецъ, что сіе весьма государя прогнѣвляетъ. Слушая сіе, я молчалъ, что̀ отвѣтствовать не зная. Тутъ онъ меня спросилъ: скажите-жъ, ваше превосходительство, кому вы его бранили? Я отвѣчалъ, что не бранилъ его никогда и критиковать въ публикѣ не соотвѣтствовало бы ни лѣтамъ моимъ, ни званію, ни знанію жить на свѣтѣ; но что самому графу Аракчееву въ глаза въ военной коллегіи, и ему, новому министру, объявлялъ я, что распоряженія его весьма не полезны. И наконецъ объявилъ, что не задолго предъ тѣмъ показывалъ вчернѣ писанную вѣдомость и разсказывалъ о дѣлахъ графа Аракчеева опредѣленному предсѣдательствующимъ Совѣта по хозяйственному департаменту г. Мордвинову. Полагая, что сей чиновникъ можетъ быть въ секретѣ, я ему, ко мнѣ пріѣхавшему, не смѣлъ не сказать истины, когда онъ требовалъ свѣдѣнія, не можно ли уменьшить на наступившій годъ расходовъ по части провіантской. При разставаніи Барклай-де-Толлій просилъ меня убѣдительно не говорить ничего о графѣ Аракчеевѣ, дабы не прогнѣвать болѣе государя. На сіе обѣщалъ я ему стараться забыть, что остается онъ на свѣтѣ.

Неизвѣстно, какъ Барклай-де-Толлій донесъ государю о разговорѣ моемъ, только примѣтенъ мнѣ былъ гнѣвъ его. И братъ жены моей Семеновскаго полка полковникъ (*), въ милости у него находящійся, будучи съ нимъ въ разговорахъ, обо мнѣ слышалъ его отзывы, что сердитъ на меня за то, что, пороча Аракчеева, не поберегъ я его.

Продолжая пачкаться въ дѣлахъ провіантскихъ, видѣлъ я, что новый министръ, хотя лучшаго воспитанія и ума, нежели Аракчеевъ, но не имѣетъ довольно смѣлости и силы. Мягкость нрава дозволяетъ ему гнуться во всѣ стороны. Разговаривая со мною о формахъ, неудобнымъ и обиднымъ для меня образомъ сдѣланныхъ, въ коихъ однако же по приказанію Аракчеева перепечатали тѣ листы, гдѣ подпись означалась, и имя мое отъ товарищества избавлено (однако же, зачѣмъ путать часть важную и безъ того чрезмѣрно запутанную) Барклай соглашался на пересмотрѣніе и перемѣну сихъ формъ; но послѣ онъ же

(*) Константинъ Марковичъ Полторацкій.

далъ предписаніе заплатить деньги за напечатаніе и поспѣшить окончаніемъ недопечатанныхъ. Однажды получилъ я его предписаніе послать деньги къ губернатору, ненужный хлѣбъ заготовившему, и такую сумму, что надлежало остановить издержки неминуемо нужныя. Я поѣхалъ къ нему, изъяснился, и онъ, обратно взявъ свое предписаніе, отмѣнилъ отправленіе; но тотъ же день письмоводитель его, отъ Аракчеева доставшійся, опять привезъ ко мнѣ то предписаніе, объявляя, что онъ велѣлъ просить меня непремѣнно того же вечера исполнить. Однимъ словомъ, видѣлъ я слабаго на знатной степени человѣка, интригующаго себя укоренить угожденіемъ всѣмъ слабостямъ государя, слѣдовательно старающагося, чтобы всѣ его окружающіе хорошо о немъ говорили.

Прошло два мѣсяца отъ времени вступленія Барклай-де-Толлія въ министры. Написалъ я къ нему письмо, гдѣ, напоминая первоначальное его требованіе, чтобы остался я при исправленіи моей должности, доколѣ сдѣлаются ему извѣстными дѣла по провіантской части, изъяснялъ, что, исполняя его волю, оставался я безмолвно; но теперь два мѣсяца уже миновало, а сего времени почитаю слишкомъ довольнымъ для познанія его, просилъ убѣдительно исходатайствовать мнѣ увольненіе.

Въ исходѣ марта мѣсяца 1810 года получилъ я отставку съ мундиромъ и половиннымъ жалованьемъ ([60]).

VI. Жизнь въ отставкѣ и сенаторство.

Теперь надобно описать домашнія мои обстоятельства.

При женидьбѣ моей жена моя никакого имѣнія не получила, кромѣ дома въ Петербургѣ на имя ея, давно уже состроеннаго, и приносящаго намъ дохода до 4,000 руб. Тёща моя, не сдѣлавъ никакой со мною рядной записи, объявила словесно, что намѣрена купить женѣ моей деревню въ соотвѣтственность указной ея части, устроить оную, и словомъ сдѣлать намъ порядочное состояніе; между тѣмъ, полагая, что пользовалась доходами дома и не употребила столько денегъ на приданное сколько другимъ своимъ дочерямъ сдѣлала, дала при отъѣздѣ моемъ въ Крымъ заемное письмо на 30 т. руб Отговорки мои не могли имѣть успѣха. И чтобы не раздразнить, принужденъ я былъ принять, но оставилъ, не записавъ нигдѣ; слѣдовательно, по минованіи законами предписанныхъ сроковъ, произвелъ тѣ на гербовой бумагѣ написанныя письма простою черною бумагою.

По истеченіи года отправленныя къ ней обратно тѣ заемныя письма ясно ей доказали довѣренность и безкорыстіе мое, что̀, какъ кажется, было ей весьма пріятно и умножило желаніе пещись объ устроеніи нашего состоянія.

Проживъ съ небольшимъ три года въ Крыму, продалъ я пожалованную мнѣ аренду за 16 т. р. и деньги издержалъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ нѣсколько времени пожалованные мнѣ отъ государя 10 т. руб. оберегали отъ нужды. Но дороговизна и излишнія издержки, кои по частымъ моимъ разъѣздамъ неминуемо я употреблять былъ долженъ, при всевозможной умѣренности въ житьѣ, заводить начали въ долги. Предупреждая дальнѣйшее разстройство и опасаясь занимать у такихъ людей, коимъ по званію моему была во мнѣ надобность, рѣшились продать домъ и продали за 35 т. руб.

([60]) Его мѣсто занялъ Никол. Осип. Лаба.

что̀ всѣмъ казалось дешево, и теща моя изъявлять начала за сіе неудовольствіе.

Прежде еще пріѣзда моего въ Петербургъ, теща моя начала торговать имѣніе близъ Москвы, чтобы онымъ наградить мою жену. Сіе казалось мнѣ несоразмѣрно съ справедливостію: введетъ ее въ безпокойные долги и произведетъ въ семействѣ зависть. Много разъ писалъ, и при проѣздѣ въ Петербургъ, будучи у нея, отсовѣтовалъ и просилъ оставить принятое намѣреніе. Но ничто не подѣйствовало. Она купила село Демьяново съ деревнями 295 душъ за 135 т. руб. на свое имя. И во время, когда я былъ въ Ригѣ, послала женѣ моей, чтобы къ ней для свиданія пріѣхала. Лишь она къ ней явилась, то, взявъ ее съ собою въ Тверь, крѣпостнымъ порядкомъ отдѣляя ее, взяла обязательство, что, получа Демьяново, отказывается она отъ наслѣдства имѣнія отцовскаго и ея (коего повсемѣстно состоитъ около 4000 душъ) изъ онаго же отдѣляемаго имѣнія взяла на вырубку 1000 десятинъ строеваго лѣса въ теченіе 10 лѣтъ.

Укрѣпя законнымъ порядкомъ имѣніе дочери, поѣхала она съ нею видѣть его и ввести ее во владѣніе. Тутъ, увидя огромный каменный домъ, большой садъ, оранжереи и прочее великолѣпіе, соблазнилась, изъявила она раскаяніе и желаніе возвратить себѣ обратно Жена моя охотно на то согласилась и въ слѣдствіе ея воли обѣщалась изъ Петербурга прислать вѣрющее ей письмо: управлять симъ имѣніемъ, продать его, заложить, отдать кому угодно будетъ и раздроблять. Возвратясь ко мнѣ, лишь она о томъ сказала, то въ точности, по данному ей вчернѣ написанному вѣрющему письму, написано таковое было на гербовой бумагѣ, засвидѣтельствовано въ Петербургской гражданской палатѣ, и съ первою почтою къ ней отправлено; чѣмъ сдѣлалась она спокойна, и умолкли даже возникшія толкованія завистливыхъ.

Получа увольненіе отъ службы, долженъ я былъ оставаться въ Петербургѣ до весны; ибо жена моя на послѣднихъ дняхъ беременности находилась. Въ исходѣ марта поѣхалъ къ тещѣ моей, чтобы узнать, куда направлять путь свой. При разговорахъ съ нею сказалъ я откровенно свое намѣреніе: что буде угодно ей, умѣря награжденіе женѣ моей до степени справедливостію указуемой, отдать Демьяново, то поселюсь я въ ономъ; когда же нѣтъ, то не разглашая ни о какихъ семейныхъ неудовольствіяхъ, отправлю весною излишнихъ людей и тяжеловѣсныя вещи прямо изъ Петербурга водою въ Казань; а самъ съ женою и дѣтьми, сколь можно будетъ на легкѣ, поѣду сухопутно, чтобы жить у моей матушки въ Бугульминской деревнѣ. Она, изъявляя большое желаніе, чтобы я жилъ къ ней поближе, объявила, что Демьяново мое; но что намѣрена она была, отдавая его женѣ моей, взять обратно себѣ домъ, который мы продали, и за который покупщикъ, по ея же приказанію вопрошенный просилъ 40 т. рублей. Въ слѣдствіе сихъ разсужденій согласились мы, что отдадимъ ей 11 т. руб., кои отъ проданнаго дома у насъ остались, и примемъ на себя долгъ ея по сему же имѣнію не заплаченный, 29 т. руб.

28-го апрѣля 1810 года жена моя родила дочь Надежду; и лишь возможно стало ѣхать, отправились мы изъ Петербурга. Въ исходѣ мая пріѣхали къ тещѣ моей въ деревню, близь города Торжка состоящую.

Приняла она насъ хорошо, но властолюбивый нравъ ея скоро сталъ налагать тяжести на мою чувствительность.

Чрезъ нѣсколько послѣ сего дней государь пріѣхалъ въ Тверь для свиданія съ великою княгинею, или для какихъ то распоряженій по водяной коммуникаціи, новое образованіе тогда пріемлющей. Теща моя предположила въ тоже время ѣхать въ Тверь для заложенія церкви по обѣщанію ея въ Тверскомъ монастырѣ, и объявила мнѣ желаніе, чтобы и я съ нею же отправился. Хотя старался я объяснять ей, что мнѣ тяжело и даже неблагопристойно въ маленькомъ городкѣ являться на глаза государя, тотчасъ по полученіи отставки, которая ему была не угодна, что изъ сего могутъ быть различные толки, мнѣ не полезные; но ничто не успѣло. Она, отзываясь слишкомъ смѣло, требовала моего послушанія, которое я долженъ былъ сдѣлать.

Будучи въ Твери, испыталъ я многія непріятности, и набралось много свидѣтелей тому, что на меня прогнѣванъ государь и что желаетъ меня имѣть въ службѣ. Въ сіе время главнокомандующій въ Москвѣ генералъ-фельдмаршалъ графъ Гудовичъ съ большимъ убѣжденіемъ уговаривалъ меня принять должность Московскаго гражданскаго губернатора, и казалось мнѣ, что это не безъ воли государя. Но я, по соображеніи всѣхъ и политическихъ и собственныхъ моихъ обстоятельствъ, на сіе предложеніе не согласился.

Теща моя изъ Твери пріѣхала къ намъ въ гости въ село Демьяново; захотѣла руководствовать жену мою, чтобы учреждалось хозяйство по правиламъ ея; занемогла, кажется, притворно и прожила почти съ мѣсяцъ. Тутъ видѣлъ я себя въ тяжкихъ обстоятельствахъ. Боязнь, что жена моя сдѣлается похожа на мать ея, приводила всѣ чувства мои въ содраганіе. Отъ многихъ размышленій, не имѣя никого, кому открыть свое мученіе, чувствительность увеличивалась, и однажды прорвалась за предѣлы, благоразуміемъ опредѣляемые. При жаркомъ разговорѣ съ женою при сестрѣ ея, я много наговорилъ, и сказалъ, что дѣйствительно много разъ на сердцѣ бывало, что брошу всѣхъ и уѣду къ матушкѣ моей или попрошу себѣ службы комендантской въ какой нибудь Сибирской крѣпости. Сія сцена вѣроятно доведена до свѣдѣнія моей тещи. Она, уваженіе ко мнѣ еще сохраняя, поусмирилась; предприняла ѣхать по монастырямъ до Ростова. Я, отгадывая ея желаніе, вызвался быть ея провожатымъ, и мы отправились, хотя жаль мнѣ было оставить мою жену, которая, предпринявъ вскорѣ послѣ родинъ путь изъ Петербурга въ весеннее еще холодное время и надсѣвшись отъ крутыхъ поворотовъ чувствительныхъ, была очень нездорова. Изъ положеннаго на меня за Демьяново долга 15 т. рублей надлежало заплатить того года въ декабрѣ мѣсяцѣ. Оныя теща моя потребовала въ Петербургѣ, для чего продалъ я бриліянтовые знаки ордена за 7500 р., а остальные 7500 руб. далъ мнѣ безъ процентовъ взаймы Николай Ивановичъ Штиглицъ ([61]), объявляющій желаніе заслуживать за безкорыстное мое съ нимъ поведеніе въ Крыму.

Въ томъ же декабрѣ 1810 поѣхалъ я въ Бугульминскую деревню къ мо-

([61]) Дядя бывшаго недавно управляющаго государственнымъ банкомъ, барона Александра Любимовича Штиглица. *П. Б.*

ей матушкѣ. Радость при свиданіи нашемъ и всей моей родни описывать нечего. Но тутъ какъ нарочно сдѣланное мнѣ сильное неудовольствіе явилось возмутить покой души моей. Безъ всякаго предварительнаго мнѣ извѣщенія прислано Бугульминскому нижнему земскому суду предписаніе взыскать съ меня 4807 рублей; а если не заплачу, то описать имѣніе, по наслѣдству отъ отца мнѣ принадлежащее. Тутъ же упоминается, что о повсемѣстности запрещенія писано во всѣ гражданскія палаты; а о сыскѣ и описи гдѣ найдется имѣніе, мнѣ принадлежащее, сообщено во всѣ губернскія правленія; что сіе взысканіе производится военною коллегіею по дѣлу въ генералъ-аудиторіатѣ рѣшенному и государемъ конфирмованному, за покупку коммиссіею Рижскаго провіантскаго депо излишняго и ненужнаго хлѣба дорогими цѣнами.

Вѣроятно, сколь чувствительна мнѣ была сія новость, совсѣмъ неожиданная, и сколь ясно мнѣ доказывалось неблагорасположеніе государя и знатныхъ особъ его окружающихъ, а также и подлая угодливость меньшихъ чиновниковъ, по сему приговору дѣйствовавшихъ. Далъ я нижнему земскому суду объясненіе, что денегъ наличныхъ для пополненія сего взысканія представить не имѣю, что имѣніе мое, отъ отца моего доставшееся 50 душъ, состоитъ въ общемъ владѣніи у матери моей, и оныя по давнишнимъ долгамъ моимъ, нажитымъ въ службѣ, состоятъ въ залогѣ Оренбургскаго приказа общественнаго призрѣнія за занятыя въономъ деньги, и что имѣю я пансіонъ, мнѣ при отставкѣ пожалованный, изъ коего можно вычитать.

Чрезъ нѣсколько дней, отдохнувъ отъ досады, всѣ чувства мои взволновавшей, не имѣя съ собою бумагъ, съ коими справившись, могъ бы написать порядочное объясненіе, написалъ я партикулярное письмо военному министру Барклаю-де-Толли, что служа 28 лѣтъ въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, пріѣхавъ въ родительской домъ бѣднѣе нежели изъ онаго вышелъ, посрамленъ симъ взысканіемъ; и прося свѣдѣнія, за что оное послѣдовало, испрашивалъ, если оно неизбѣжно, то приказалъ бы остановить пожалованной мнѣ пансіонъ, а не отнимать имѣніе у 75 лѣтней матери моей, около 60-ти лѣтъ симъ имѣніемъ владѣющей.

Возвратясь въ Демьяново, гдѣ всѣ мои бумаги оставались и получа партикулярно извѣщенія отъ пріятелей моихъ, о семъ дѣлѣ освѣдомившихся, написалъ я къ государю прошеніе и въ мартѣ мѣсяцѣ оное послалъ, адресуя къ военному министру; но никакого удовлетворенія не имѣю кромѣ того, что замолчано взысканіе съ имѣнія. Запрещеніе не разрѣшено, а пансіонъ мой не остановленъ.—Дѣло сіе таково, что достойно описанія.

Въ исходѣ 1807 года, когда опредѣленъ я былъ генералъ-провіантмейстеромъ, въ тожъ время опредѣленъ въ провіантской штатъ изъ полковыхъ шефовъ генералъ-майоръ Лешернъ, къ коему государь былъ милостивъ. И сіе перемѣщеніе сдѣлано для того, что Лешернъ получилъ болѣзнь въ ногахъ столь сильную, что ходить былъ не въ состояніи; слѣдовательно во фрунтовой службѣ быть не могъ. Познакомясь съ нимъ, назнача его сперва членомъ провіантской экспедиціи, видѣлъ я, что человѣкъ онъ умной, хорошо воспитанный, имѣющій весьма хорошее понятіе о общей связи дѣлъ.

Въ сіе самое время дѣлалось пріуготовленіе къ войнѣ съ Англичанами и Шведами. Двѣ дивизіи назначены были для обороны береговъ Балтійскаго моря и Финскаго залива въ губерніи Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую. Справясь по вѣдомостямъ о хлѣбѣ, видѣлъ я, что онаго мало и для продовольствія гарнизоновъ, тамо находившихся. Недородъ хлѣба и проходившая армія въ Пруссію и обратно довели тотъ край до такого истощенія, что правительство заботилось оберечь жителей отъ голода. Коммиссія Рижскаго депо, въ вѣдомствѣ коей состояли магазины сего края, совершенно въ дѣлахъ своихъ была запутана; ибо управлявшій сю и всѣ лучшіе чиновники находились при арміи въ Пруссіи, подверглись подозрѣнію, удалены отъ дѣлъ и оставлены подъ счетомъ коммиссіи, особо учрежденной въ Мемелѣ.

Полагая, что господинъ Лешернъ, будучи родомъ изъ Лифляндцовъ, знаетъ обстоятельства края, не давно и во время войны служившій шефомъ кавалерійскаго полка, и потому лично знакомый со всѣми начальниками того войска, которое коммиссія Рижская кормить должна, — назначилъ я его управляющимъ оною, и оставя на нѣсколько дней въ Петербургѣ, дѣлая вмѣстѣ съ нимъ расчеты и распоряженія по ввѣряемой ему части, предписалъ, чтобы онъ, во первыхъ, объѣхалъ всѣ мѣста его вѣдомства, освидѣтельствовалъ, все ли то въ наличности, что по вѣдомостямъ показывается, старался бы повсемѣстно купить неминуемое по расчету надобное количество до новаго урожая; въ Ригу же и въ мѣста, куда можетъ быть доставляемъ хлѣбъ (по Двинѣ изъ Бѣлоруссіи ожидаемый) купилъ бы столько, сколько нужно до прибытія транспортовъ.

Поелику извѣстно уже было, что война съ Англичанами и Шведами неизбѣжна, хотя еще не объявлена, и министры сихъ державъ не отъѣхали изъ Петербурга; слѣдовательно нельзя было о томъ говорить открыто: то при отправленіи г. Лешерна приказывалъ я ему словесно, чтобы имѣлъ въ предметѣ мѣстное положеніе Курляндіи, гдѣ много есть мѣстъ, удобныхъ къ высадкѣ. Берегъ моря имѣетъ видъ треугольника, войска предполагается тамъ содержать не мало; слѣдовательно, если непріятель, насъ сильнѣйшій на морѣ, предприметъ гдѣ дѣлать высадку войскъ, и потому съ разныхъ пунктовъ сухопутныя наши войска станутъ соединяться для отраженія его; то надобно заблаговременно о семъ подумавъ учредить хотя небольшой запасъ хлѣба въ такихъ мѣстахъ, отколь бы въ разныя стороны съ одинаковою удобностію онъ могъ быть обращаемъ для продовольствія.

Г. Лешернъ, поступая по данному ему наставленію, объѣзжая мѣста Эстляндіи и Лифляндіи, помощію полковыхъ шефовъ успѣлъ обеззаботить продовольствіе; по пріѣздѣ жъ въ Курляндію встрѣтилъ затрудненій болѣе. Недостатокъ хлѣба и чрезмѣрная цѣна ежедневно возвышающаяся показывала чрезмѣрную трудность. Въ сіе время объявили ему въ Митавѣ два богатыхъ помѣщика, что для винокурень ихъ имѣютъ готоваго хлѣба зерномъ до 10 т. четвертей. Цѣна ими просимая, по соображеніи мѣстныхъ цѣнъ, въ то время существовавшихъ, казалась сходна. Но они требовали рѣшимости тотчасъ, и чтобы выдана имъ была половина суммы, за хлѣбъ доводящійся, впередъ. Г. Лешернъ,

снесясь съ губернаторомъ и получа его утвержденіе о недороговизнѣ цѣнъ, заключилъ въ коммиссіи Рижскаго депо контракты, обязавъ ихъ ставить по временамъ, какъ-то нужно было на настоящее продовольствіе войскъ, такъ и для запаса, предполагая оный содержать въ двухъ мѣстахъ Курляндіи, дѣйствительно для предосторожности способныхъ. Выдавъ имъ половинную часть денегъ впередъ, донесъ экспедиціи провіантской съ приложеніемъ копіи контрактовъ; и въ то же время особеннымъ ко мнѣ рапортомъ, изъясняя всѣ его дѣйствія, писалъ, что сего запаса по предположенію его, признаетъ онъ недостаточно; и хотя мало въ народѣ хлѣба и цѣна оному ежедневно увеличивается, но все можно бы, скупая мелкими частями, пріумножить, если бы были у него наличныя деньги.

Сей рапортъ полученъ былъ во время, какъ былъ я вмѣстѣ съ военнымъ министромъ графомъ Аракчеевымъ за границею при Финдляндской арміи. Возвратясь, лишь прочиталъ я его, тотчасъ поѣхалъ къ графу Аракчееву и ему оный представляя просилъ наставленія. По прочтеніи рапорта и по многихъ разсужденіяхъ объ обстоятельствахъ, въ немъ содержащихся, онъ на бѣлыхъ поляхъ того же рапорта писалъ своею рукою его мнѣніе. И противу того пункта, гдѣ г. Лешернъ, изъясняя недостатокъ купленнаго хлѣба и предполагая купить болѣе, хотя и дороже на наличныя деньги, написалъ: „тотчасъ по„слать 200 т. рублей, чтобы купили, „сколько купить можно", разсуждая, лучше купить дорого, нежели быть въ опасности отъ недоставленія войскамъ продовольствія во время войны. Сіе приказаніе исполнено было, но уже нельзя было ничего купить для пріумноженія запаса, и деньги остались не употребленными на сей предметъ. По прибытіи моемъ, въ присутствіи провіантской экспедиціи, представляется мнѣ соображеніе, сдѣланное о Лешерновой покупкѣ. Признается цѣна дорогою, и что не исполненъ законъ: то есть не публиковано о вызваніи къ торгамъ желающихъ и не произведены троекратные торги. Видя ясно, что это подъяческіе крючки, содержащіе воровство членовъ и секретарей экспедиціи, долго я доказывалъ имъ, сколько не удобно таковой порядокъ сохранять въ военное время; но наконецъ склонился на истребованіе отвѣта для приведенія недоразумѣній въ лучшую ясность. Совѣтникъ, со мною соприсутствующій и всегда ревновавшій тому преимуществу, которое по обхожденію я оказывалъ г. Лешерну, объявилъ, что готова резолюція, вчернѣ имъ написанная. Прослушая оную, я видѣлъ всю злость сего человѣка и малость его души и знанія. Онъ, опорочивая дѣйствія Лешерна самыми колкими словами, представлялъ его и воромъ и дуракомъ; и наконецъ предписывалъ стараться разрушить сдѣланные имъ не полезные контракты. Возражая на сіе, я доказывалъ невозможность дѣла и неполезность сего предписанія, ибо получившіе половину всей суммы впередъ не согласятся разрушить контракта, если онъ имъ выгоденъ. Когда же по недостатку въ томъ краѣ хлѣба и по возвышающимся цѣнамъ найдутъ они возможнымъ продать дороже, то согласясь воспользуются выгодою; а мы, оставшись безъ хлѣба, что̀ дѣлать будемъ, когда не будемъ имѣть, чѣмъ кормить войска, для обороны береговъ пришедшія, пѣняя при томъ совѣтнику за его дерзкія слова на счетъ

чиновника службою и чиномъ его старѣе. Кончилось тѣмъ, что я, взявъ всѣ бумаги, дѣло содержащія, положилъ на столѣ предъ собою, объявя, что я самъ напишу резолюцію.

Ежедневные тогда бывшіе хлопоты при отправленіи изъ Петербурга транспортовъ къ Финляндской арміи, непрерывное перемѣщеніе войскъ по всему пространству Россійской имперіи, распоряженія для заготовленія для армій, въ Молдавіи и Персіи находившихся, и прочія заботы были причиною что, накопя много подобныхъ сему бумагъ передъ собою, слишкомъ мѣсяцъ не сдѣлалъ я по ней ничего. Между тѣмъ совѣтникъ, уже злобящійся на меня, разсѣвалъ повсюду толки о воровствѣ Лешерна, и что я его прикрываю. Къ несчастію нашему въ сіе время распространилась мода о всѣхъ худо думать и охотно принимать всякія мысли, худое впечатлѣніе о людяхъ дѣлающія. При томъ же милостивое ко мнѣ расположеніе государя и особенное уваженіе, которое на то время министръ ко мнѣ оказывалъ, возраждали во многихъ зависть и негодованіе; а сіе и должно было имѣть непріятныя послѣдствія

Начали доходить ко мнѣ слухи о падающемъ на меня подозрѣніи, и что въ присутствіи военной коллегіи призываемъ былъ мой совѣтникъ, разсказывалъ о семъ дѣлѣ и читалъ резолюцію, имъ вчернѣ писанную. Тутъ я, отрывъ въ кучѣ бумагъ сіе дѣло, написалъ резолюцію, прописавъ коммиссіи Рижскаго депо всѣ соображенія въ экспедиціи сдѣланныя о неполезности заключенныхъ контрактовъ и неособлюденіи порядка, законами предписаннаго, потребовать отъ нея отвѣта; а военной коллегіи, препроводя копіи контрактовъ, изъяснить, что по полученіи отвѣта и соображеніи онаго съ существомъ дѣла и законами, особо ей донесено будетъ.

Военная коллегія, получа сіе свѣдѣніе, не приглася меня въ присутствіе, яко члена ея, опредѣлила чрезъ военнаго министра подать государю докладъ, гдѣ описывая поступки Лешерна во вредъ казны, кладя подозрѣніе на губернаторовъ Курляндскаго и Лифляндскаго и опорочивая медленность провіантской экспедиціи, болѣе мѣсяца сіи контракты продержавшей безъ представленія въ коллегію, просила составить особую коммиссію въ Ригѣ для изслѣдованія дѣйствій г. Лешерна, коего до рѣшенія дѣла удалить отъ должности.

Совершенно удостовѣренъ я въ томъ, что сіе дѣйствіе военной коллегіи было по начертанію графа Аракчеева, которому хотѣлось отмстить мнѣ за непріятность отъ меня сдѣланную и доказать государю, что не столько я ему полезенъ, сколько онъ воображалъ. Докладъ сей конфирмованъ. При встрѣчахъ, отъ меня сталъ государь отворачиваться; а графъ Аракчеевъ началъ перемѣнять свое со мною обхожденіе. Сіе происшествіе было началомъ, а исторія несчастнаго, о коей я прежде описалъ, была окончаніемъ паденія моего кредита.

Посланная въ Ригу коммиссія, изъ чиновниковъ военныхъ и штатскихъ составленная, много писала, но ничего того не сдѣлала, что̀ сдѣлать ей было должно. Представленное ею производство военною коллегію не одобрено. Но какъ раздувалось подозрѣніе на Лешерна, то написала она государю докладъ, чтобы учредить надъ нимъ военный судъ, коему препроводя всѣ бумаги, въ коммиссіи произведенныя, предоставить рѣшить

дѣло законнымъ порядкомъ, что также было конфирмовано.

По порядку, въ законахъ изображенному, военные суды, по произведеніи дѣла, заключа сентенцію, представлять должны все дѣло къ дивизіонному командиру, который, пріобща къ оному свое мнѣніе, препровождаетъ въ генералъ-аудиторіатъ, а сей съ своимъ заключеніемъ представляетъ на конфирмацію государю. Права генералъ-провіантмейстера сравнены съ дивизіонными командирами; слѣдовательно я получилъ отъ коммиссіи военнаго суда, надъ Лешерномъ учрежденнаго, дѣло и съ сентенціею.

Разсматривая всѣ производства, видѣлъ я, что ни слѣдственная въ Ригу посыланная коммиссія, ни таковая жъ военнаго суда надъ Лешерномъ учрежденная, не дѣлали того, что дѣлать долженствовали. Онѣ изыскивали, дешевле ли бы было изъ другихъ мѣстъ доставлять хлѣбъ; а имъ должно было, объясняя подозрѣніе на него возведенное, открыть, въ точности ли исполнялъ онъ по наставленію изъ экспедиціи данному: если въ чемъ отступилъ, то изслѣдовать о причинахъ имъ показанными быть долженствующихъ, и потому заключить, виноватъ ли онъ, и какому по законамъ наказанію подлежитъ. Когда жъ поступалъ по предписанію начальства, отъ коего произошли слѣдствія не полезныя, то надлежало представить вышнему начальству, и оправдывая подсудимаго представить его благоизволенію поступить съ предписывавшими подчиненному. Но они, найдя, что изъ купленнаго Лешерномъ хлѣба тысячи двѣ четвертей осталось не израсходованными до времени новаго урожая, когда цѣны понизились, изчислили сколько взыскать слѣдуетъ денегъ въ излишествѣ употребленныхъ на покупку сего хлѣба, который дѣлался не нужнымъ.

Представляя генералъ-аудиторіату сіе дѣло, въ пріобщенномъ къ оному мнѣніи написалъ я, что коммиссія долженствовала бы, изслѣдуя дѣйствія г. Лешерна, удостовѣриться въ томъ, покупкою ли наличнаго хлѣба или подрядомъ сдѣлалъ онъ то заготовленіе, которое чрезмѣру увеличеннымъ отъ начальства не почиталось, судя по обстоятельствамъ военнаго времени; и въ слѣдствіе того, если личнымъ обозрѣніемъ или посылкою освидѣтельствовавъ наличность продаваемаго ему хлѣба, сдѣлалъ онъ покупку, а контрактъ заключенъ токмо для поставокъ и перемолота: исполнилъ онъ все то, что ему было предписано отъ начальства. Если же онъ хлѣба не видалъ и никого свидѣтельствовать наличность не посылалъ, слѣдовательно обнадеживаясь на обязательствѣ продающихъ, сдѣлалъ подрядъ, для произведенія коего учреждены правила: въ такомъ случаѣ преступилъ онъ право ему данное и не исполнилъ предписанія начальства. При чемъ, изъясняя аудиторіату о обстоятельствахъ того времени и о надобности содержать запасы, которые не понадобились (по тому что Англичане и Шведы нигдѣ въ Курляндіи не атаковывали наши берега) склонялъ я къ тому, что все это дѣло не стоитъ важности, и убытокъ, въ 15 т. состоящій, должно причесть къ прочимъ необыкновеннымъ издержкамъ.

Генералъ-аудиторіатъ рѣшилъ дѣло тѣмъ, что надобно взыскать сей убытокъ съ членовъ коммиссіи Рижскаго депо, неполезный контрактъ заключившей и съ провіантской экспедиціи, для чего слабо за подчиненными смот-

ритъ. Государь сіе рѣшеніе конфирмовалъ, и въ слѣдствіе того по расчету жалованья причлось съ меня 4807 рублей, которые исполнителями сего дѣла такъ безсовѣстно съ меня взыскать опредѣлено, что публикованъ я во всей Россійской имперіи виновнымъ и повсемѣстное сдѣлано мнѣ запрещеніе въ письмѣ купчихъ и закладныхъ.

Начавъ жить въ деревнѣ, сначала нуждался я чрезвычайно. Дохода столь мало, что не доставало на неминуемыя издержки, при бережливости до такой степени, что, привыкнувъ во все время моей жизни пить виноградное вино, долженъ я былъ оставить его и не имѣть въ домѣ. Теща моя, давъ мнѣ довѣренность продавать на вырубку лѣсъ, при отдачѣ имѣнія выговоренный, паложила обязанность нисколько не продавать въ свою пользу изъ остающагося количества. Чтобы, елико можно, скорѣе по назначенной ею цѣнѣ выпродать ея тысячу десятинъ, объявилъ я продажу повсемѣстно на всемъ пространствѣ дачи, содержащей три тысячи десятинъ; слѣдовательно изпестрилъ ее всю и надолго вселилъ безпорядки, для хозяйства вредные. За продаваемый лѣсъ собирая деньги, долженствуя хранить въ своемъ бюро до времени, какъ поѣду къ ней, я не могъ воздерживаться, чтобы не занимать на случавшіяся нужды. А чтобы не сдѣлаться виновнымъ предъ нею, то предъ отъѣздомъ къ ней, что̀ раза четыре въ годъ случалось, надобно было поѣхать въ Москву занимать, употребляя поклоны и платить по 10 процентовъ. И такимъ образомъ въ теченіи четырехъ лѣтъ задержалъ я 6 т. рублей, что̀ весьма тягостно мнѣ было.

По минованіи сего времени теща моя, выруча продажею лѣса, доходами во время ея управленія и взятіемъ отъ меня болѣе ста тысячь рублей, отказалась отъ права своего на продажу лѣса. И мы, начавъ продолжать безпорядокъ, продавая въ свою пользу, почувствовали себя богатѣе; но долговъ не убавили. А занявъ изъ воспитательнаго дома 21 т. рубл., купили дешево попавшійся обгорѣлый въ Москвѣ домъ за 12 т. (62); зачали подумывать жить по ближе къ людямъ и доставлять возрастающимъ дѣтямъ познанія, принялись устраивать его и стали накоплять долги.

Живучи въ деревнѣ, много испытывалъ я непріятности. Близость тещи, коей образъ мыслей и нравъ совершенно мнѣ противной, обязанность бывать у нея часто, а паче всего внушенія, кои она дѣлаетъ женѣ моей о усиленіи хозяйства, часто волновали мои чувства. Чтобы отстраниться отъ участія въ дѣйствіяхъ, мнѣ противныхъ и изподоволь умѣрять стремленіе безъ ссоръ, не сталъ я мѣшаться въ дѣла хозяйственныя; опредѣлился въ охотники садоводства и принялся работать въ саду своими руками.

Никогда не лишался я надежды вступить въ службу государственную, и потому всякіе попадающіеся случаи настроивалъ къ сей цѣли. Всѣ мои знакомые изъ Петербурга въ Москву или обратно проѣзжавшіе заѣзжали ко мнѣ, на пути живущему. Видя меня съ заступомъ въ рукахъ спокойнымъ, ничего не желающимъ и откровенно съ ними о государственныхъ дѣлахъ безъ

(62) Это тотъ самый домъ у Красныхъ Воротъ, о которомъ говоритъ С. Т. Аксаковъ въ своемъ Воспоминаніи о Д. Б. Мертваго, и который нынѣ принадлежитъ наслѣдникамъ И. В. Кирѣевскаго. *П. Б.*

зависти разсуждающимъ, изъявляли желаніе сдѣлать изъ меня употребленіе; но я, ни отъ чего не отказываясь, всегда не соглашался къ тому вызваться.

Между тѣмъ семейство мое умножилось: 10 февраля 1812 года родилась у меня дочь Варвара, 23 марта 1813 сынъ Петръ; а 2 февраля 1815 сынъ Дмитрій.

Произшествія въ 1812 году, потрясшія основанія Россіи и къ славѣ ея обратившіяся, и безъ меня извѣстны въ свѣтѣ; описывать ихъ мнѣ не нужно, а надлежитъ сказать только то, что̀ собственно до меня касается.

Когда Наполеонъ со всѣми военными силами всей Европы насильственно вступилъ въ предѣлы Россіи, императоръ Александръ, оставя ретирующуюся его армію, пріѣхалъ въ Москву; созванному дворянству объявя истинныя обстоятельства, приказалъ собрать ополченіе. Тутъ я видѣлъ единодушное желаніе жертвовать всѣмъ для защиты отечества. Во дворцѣ, гдѣ собраніе было, увидѣлся я со многими мнѣ знакомыми боярами, съ государемъ пріѣхавшими. Многіе изъ нихъ говорили мнѣ: неужели и въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ откажитесь вы отъ службы? Каждому я отвѣтствовалъ, что теперь всякой служить долженъ, и я готовъ быть вездѣ, гдѣ могу службою быть полезенъ. Министръ полиціи А. Д. Балашовъ пригласилъ меня къ нему пріѣхать. На другой день по утру я то исполнилъ. Онъ жительствовалъ во дворцѣ близь комнатъ государевыхъ. У него нашелъ я множество людей. Первой его вопросъ: неужели продолжается отвращеніе отъ службы? Я отвѣтствовалъ: нѣтъ, я въ теперешнее время готовъ служить подпоручикомъ въ ополченіи. «Не то есть у насъ предположеніе», онъ сказалъ. —Чье это предположеніе? я спросилъ, неужели государева есть на то воля? — „Конечно“, онъ отвѣтствовалъ. „И не далѣе какъ сего дня былъ о томъ разговоръ“. Пригласилъ онъ меня пріѣхать вечеромъ часу въ 9-мъ, обѣщаясь все разсказать подробно, и что будемъ мы одни безъ свидѣтелей.

Явясь въ назначенный часъ, нашелъ я его одного, меня ожидающаго. Затворя двери, приказавъ никого къ нему не пускать, началъ онъ объясненіе предшествовавшихъ обстоятельствъ, и не дойдя до разговора обо мнѣ, прервалась рѣчь приходомъ Московскаго военнаго губернатора Растопчина, который началъ разговаривать съ нимъ тихо. Увидя себя лишнимъ, пошелъ я изъ комнаты. Балашовъ меня остановилъ, прося подождать, что имѣетъ онъ нужду переговорить со мною. Отвѣтствую, что подожду въ его передней; но въ ту же минуту посланной отъ государя объявилъ ему и графу Ростопчину, что ихъ государь къ себѣ спрашиваетъ. Поспѣшили они оба. Отходя, сказалъ Балашовъ мнѣ: „пожалуйте завтра, мнѣ надобно поговорить съ вами.“

Полагая, что должно мнѣ также явиться къ нему вечеромъ, потому что по утру бываетъ у него много всякаго званія людей, я ошибся въ расчетѣ. Государь и онъ съ нимъ въ тотъ вечеръ уѣхали въ Петербургъ, и хотя я пріѣзжалъ къ нему, но его не засталъ. Онъ отлучился прощаться съ своими ближними. Проѣзжая Клинъ, увидѣлъ онъ моего человѣка и приказалъ ему сказать мнѣ, что надѣется скоро быть обратно. А если сіе не случится, то напишетъ мнѣ о томъ, что̀ сказать хотѣлъ.

Возвратясь въ деревню, сколько ни ломалъ свою голову соображеніемъ об-

стоятельствъ, чтобы заключить, какое употребленіе изъ меня сдѣлать предполагаютъ, отгадать не могъ. Все съ великою боязнію мечталась мнѣ прежняя моя должность, которая сколь по состоянію времени не могла быть исправляема съ надлежащею исправностію, столь же для меня опасна казалась и потому, что графъ Аракчеевъ, по удаленіи отъ министерства Барклая-де-Толли, коего мѣсто заступилъ человѣкъ совершенно не способный ([63]), очутился опять производителемъ дѣлъ, не разлучный отъ государя и въ полной довѣренности.

Въ слѣдствіе манифеста, призывающаго всѣхъ Россіянъ къ ополченію противу врага, быстро во внутрь Россіи вступающаго, Оренбургской губерніи дворяне на собраніи своемъ положили составить ополченіе изъ 6 т. человѣкъ; назначали меня избрать начальникомъ и послать ко мнѣ приглашеніе чрезъ моего племянника, тамо живущаго. Получа о семъ извѣстіе, я весьма былъ доволенъ.

Въ началѣ августа дѣлается извѣстнымъ, что непріятель, непрерывно побѣждая ретирующуюся нашу армію, взялъ Смоленскъ, и войски его потянулись къ Гжати. Я заключалъ, что имѣетъ онъ намѣреніе идти на Тверь, завладѣть хлѣбными запасами по рѣкѣ Волгѣ идущими къ Петербургу, и большою дорогою между столицъ раздѣлить наши силы незнаніемъ, гдѣ болѣе понадобится оборона, произвести отъ страха желаніе просить миръ, и принять такой, какой онъ пожелаетъ. Словомъ, я воображалъ, что можетъ послѣдовать съ Россіею такое же несчастіе, какому недавно подверглась Пруссія. И такъ моя деревня, находясь на пути, будетъ раздавлена тяжестію войны.

Матушка моя и сестра находились тогда у меня въ гостяхъ. Первѣе всего представилось мнѣ надобнымъ ихъ выпроводить въ Нижній-Новгородъ, куда ближній нашъ родственникъ, изъ Москвы отправляющійся, взялся ее препроводить. Онъ писалъ, что будетъ ее ожидать въ Богородскѣ, 50 верстъ отъ Москвы, по пути къ Нижнему.

Въ сіе время невидимая Божія милость облегчила тяжкія мои обстоятельства. У всей моей семьи не было и пятидесяти рублей денегъ. Во время всеобщаго волненія занять было не у кого. Но что жъ случилось? Братъ мой, вздумая купить 11 душъ находящихся въ его деревнѣ, занявъ 5500 руб., присылаетъ мнѣ, прося, чтобы отыскалъ я продавицу въ Москвѣ, и купилъ сихъ людей съ частію земли, ей принадлежащей. Исполняя порученное, продавицу я нашелъ; она охотно продать хотѣла. Но встрѣтилось затрудненіе для совершенія купчей, которое предолѣвать было некогда; ибо продавица, послѣдуя всѣмъ московскимъ жителямъ, собралась и уѣхала изъ Москвы. И такимъ образомъ оставшаяся у меня сумма денегъ сдѣлалась мнѣ и всему семейству моему спасеніемъ отъ приближающейся бѣды.

Проводя матушку чрезъ Москву 50 верстъ далѣе, видѣлъ я въ Москвѣ сильное волненіе. Народъ, обороняться готовящійся, съ дерзостію роптал на дворянъ, Москву оставляющихъ. Графъ Растопчинъ, какъ человѣкъ умный, поступалъ весьма искусно. Онъ, разными выдумками угождая народу, приспособливалъ его ко враждѣ противу непріятеля. Посмѣиваясь надъ трусостію дворянъ, содѣйствовалъ ихъ удаленію.

([63]) Князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ.

Возвратясь опять въ свою Клинскую деревню, сталъ собираться уѣхать, не рѣшась еще куда; ибо, видя число ѣдущихъ въ Нижній Новгородъ, полагая, какая будетъ дороговизна, могущая скоро проглотить братнюю сумму, мною присвоенную, не смѣлъ на то рѣшиться. А между тѣмъ, у меня только и есть экипажей одна четвероместная карета и одинъ дормезъ, весьма ненадежные. А семья: жена беременная за половину, пять дѣтей и племянникъ, студентъ Московскаго университета, коего я взялъ изъ Москвы. Но и сіе затрудненіе преодолѣлось. Сосѣдка наша и ближняя пріятельница М. П. Блохина рѣшилась ѣхать съ нами, куда бы мы ни отправились. Она одна, а у нея исправная четвероместная карета и большая коляска; слѣдовательно, всѣ мы размѣстились хорошо. Но она требовала, чтобы поѣхать прежде въ Николинъ ([64]) монастырь, гдѣ мужъ ея погребенъ.

23 августа мы отправились изъ дома, взявъ нѣсколько лошадей мужичьихъ. Помолясь Богу въ Никольскомъ монастырѣ, пріѣхали ночевать въ Дмитровъ. Тутъ на досугѣ разсуждали, куда ѣхать. Разсматривая дорожную карту, приговорили, чтобы миновать Москву, ѣхать чрезъ Троице-Сергіевую Лавру проселочными дорогами во Владиміръ и оттоль въ Тамбовъ.

Главная причина сему назначенію была дешевизна въ содержаніи. А потомъ, если Москвою завладѣетъ непріятель, слѣдовательно армія наша потянется къ той сторонѣ, гдѣ снабжать ее и укомплектовывать удобнѣе; слѣдовательно, буде судьба опредѣляетъ мнѣ служить отечеству, то буду я ближе къ мѣстамъ назначенія, Оренбургскимъ ли начальникомъ ополченія, или въ какую ни есть должность при арміи. А сверхъ того еще и то было у меня въ предметѣ: когда Божія есть воля поработить мое отечество, и мы всѣ сдѣлаемся ничто и безъ имѣнія, то изъ Тамбова ближе пробраться мнѣ въ Сарепту, гдѣ жители ласковы ко мнѣ бывали и даже мнѣ службу у себя и гражданство предлагали, во время, какъ сущимъ бѣднякомъ я жилъ два мѣсяца у колодца. Въ слѣдствіе чего я предполагалъ остаться въ колоніи, и дѣтей моихъ, еще въ малолѣтствѣ сущихъ, помѣстя на воспитаніе принять ихъ правила, кои всегда признавалъ и признаю я въ совершенствѣ христіанскими.

Проживъ въ Тамбовѣ до ноября, узнавъ, что непріятель, истоща много силъ въ пустой Москвѣ, началъ ретироваться, и ежедневно побиваемый, гибнетъ, пустились и мы въ обратный путь. Близь Рязани, въ имѣніи брата жены моей Д. М. Полторацкаго ([65]), гдѣ онъ съ своимъ семействомъ находился, оставилъ я беременную жену и дѣтей до зимняго пути, а самъ поѣхалъ посмотрѣть свою деревню. Нашелъ все въ цѣлости. Легкія наши войски, на семъ пути противу непріятеля поставленныя, многихъ раззорили, а у меня ничего не взяли. Шефъ драгунскаго полка, коего и не помню я, чтобы видѣлъ, пріѣхавъ въ домъ, объявилъ людямъ моимъ, что имѣлъ отъ меня одолженіе во время моего генералъ-провіантмейстерства, прика-

---

([64]) Никола на Пѣсношѣ, не далеко отъ Клина, подъ которымъ находится Демьяново, помѣстье Мертваго. *П. Б.*

([65]) Имѣніе это, Пронскаго уѣзда, село Истье (желѣзо-дѣлательный заводъ) въ 40 верстахъ отъ Рязани, принадлежало тогда женѣ стат. сов. Дмитрія Марковича Полторацкаго, Аннѣ Петровнѣ, урожд. Хлѣбниковой. *П. Б.*

залъ все запереть и запечатать; оставилъ на залогѣ двухъ казаковъ и одного драгуна, дабы никто изъ воинскихъ людей ни до чего не коснулся. У другихъ же сей мой защитникъ грабилъ все, что̀ ни попадалось.

Скоро наступившая зима собрала въ деревню всю мою семью, и я началъ жить какъ и прежде, не попавъ никуда на службу, ибо милицію составлять въ Оренбургской губерніи было не приказано. О бывшихъ предположеніяхъ, что министръ мнѣ объявлялъ, ничего я не вѣдалъ. Перемѣнившіяся обстоятельства, возрождая гордость, изгоняли желаніе искать людей, не столь вкусныхъ, сколь полезныхъ; слѣдовательно и долженъ былъ заключать, что опредѣленіе Божеское о мнѣ — сидѣть дома и быть токмо готову идти по Его воззванію.

Въ слѣдующее лѣто заѣзжаетъ ко мнѣ въ Кіевъ ѣдущій Гаврило Романовичъ Державинъ, правительствомъ не довольный. Сей представляетъ все въ худшемъ видѣ, нежели есть на самомъ дѣлѣ. За тѣмъ вскорѣ Родіонъ Александровичъ Кошелевъ ([66]), ласкаемый государемъ, изображаетъ все на пути къ лучшему. Оба они и многіе другіе отзывались, что служить мнѣ должно неминуемо, и я долженъ быть готовымъ на службу.

Осенью того же года пріѣхалъ изъ арміи въ Москву при государѣ находившійся и разныя посольства исправлявшій министръ полиціи Александръ Дмитріевичъ Балашовъ. Онъ разсказалъ мнѣ бывшее о мнѣ предположеніе. Во время, какъ армія наша, при коей государь находился, ретировалась отъ непріятеля, разсуждая съ государемъ, что, судя по силѣ непріятеля, вѣроятно войдетъ онъ во внутрь имперіи и пресѣчься могутъ сношенія съ провинціями, то Балашовъ предлагалъ за полезное опредѣлить чиновниковъ для начальства надъ двумя или тремя губерніями, давъ имъ власть превыше обыкновенной. О надобности государь соглашался, но затруднялся, гдѣ найти людей, на коихъ бы возложить такую довѣренность было можно. Балашовъ удостовѣрялъ, что люди есть, и получилъ дозволеніе представить имена имъ предполагаемыхъ, и какую кому инструкцію дать слѣдуетъ. Балашовъ, у коего уже изготовлено было, представляетъ ему списокъ чиновниковъ, при арміи не находящихся и прожектъ инструкціи. Въ числѣ сихъ чиновниковъ я былъ помѣщенъ. Государь, разсуждая о многихъ, и нѣкоторыхъ имена вымарывая, о мнѣ не останавливался, слѣдовательно несумнѣнно соглашался. По пріѣздѣ въ Москву, въ самое то утро, когда разговоръ со мною Балашова начался, спросилъ онъ у него: готовы ли указы о опредѣленіи начальниковъ губерній? Но поелику предположено было уже ѣхать въ Петербургъ, то Балашовъ отвѣтствовалъ, что „бумаги всѣ готовы; но не покажется ли легкомысленно таковое важное распоряженіе сдѣлать на канунѣ пріѣзда въ Петербургъ, когда самыя ничтожныя дѣла изволите препровождать на разсужденіе Совѣту? И не подумаютъ ли, что я уловилъ вашу довѣренность?“ Сіе мнѣніе государь апробовалъ, и приказалъ ему доложить тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ.

Балашовъ, сіе предположеніе объявя князю Салтыкову и графу Аракчееву, показавъ имъ списокъ назначаемымъ чиновникамъ и написанныя инструкціи, получа ихъ согласіе, про-

([66]) Извѣстный масонъ, жившій во дворцѣ. Онъ былъ родной дядя издателю Русской Бесѣды А. И. Кошелеву. *П. Б.*

жектъ одобряющее, доложилъ государю. Онъ приказалъ внесть въ Совѣтъ на разсужденіе. А въ тотъ же день графъ Кочубей представилъ государю свой прожектъ,—составить подвижной Сенатъ, коему быть при арміи для управленія всѣми губерніями, къ театру войны ближайшими. Оный также препровожденъ въ Совѣтъ на разсужденіе, что̀ полезнѣе признано быть можетъ. Противурѣчія завели споры, и слѣдовательно медленность. Между тѣмъ понадобилось государю поѣхать въ Або видѣться съ наслѣднымъ принцемъ Шведскимъ, всю власть королевскую имѣющимъ. По возвращеніи его получено извѣстіе, что Москва въ рукахъ непріятеля. Сіе столь всѣхъ поразило, что всѣ прожекты остались безъ исполненія.

Все сіе и послѣдующія отъ разныхъ людей извѣстія удостовѣряли меня, что государь, хотя персонально недоволенъ мною, но полагаетъ, что я могу быть полезенъ службѣ. Продолжая скрывать собственное мое желаніе, старался я не пропускать удобства къ тому.

Въ исходѣ 1816 года поѣхалъ я въ Петербургъ для избранія училища, куда бы помѣстить старшаго моего сына Николая, коему протекалъ двѣнадцатой годъ отъ рожденія; а между тѣмъ имѣлъ я въ мысляхъ никому не объявляемое желаніе поступить на службу.

Министерствомъ полиціи управляющій С. К. Вязмитиновъ предлагалъ мнѣ должность директора его департамента. Хотя совершенно я того не желалъ, но чтобы его не обидѣть рѣшительнымъ отказомъ, представлялъ невозможность перемѣститься въ Петербургъ. А. Д. Балашовъ объявлялъ мнѣ желаніе его, если возвратится ему должность, коея титулъ еще носилъ, то намѣренъ просить, чтобы опредѣленъ ему былъ помощникъ, долженствующій отлучаться въ губерніи, для обревизованія дѣлъ его вѣдомства; а когда самъ министръ поѣдетъ, то бы помощникъ заступалъ его мѣсто во всѣхъ отношеніяхъ. Сіе предложеніе весьма мнѣ было по вкусу, и я совершенное изъявилъ согласіе.

Р. А. Кошелевъ меня спросилъ, какую бы должность принять согласился? Я отвѣтствовалъ что по оклеветанію гр. Аракчеева не думаю, чтобы государю было угодно опредѣлить меня на службу. Онъ возразилъ: „о, нѣтъ! государю вѣрно угодно имѣть васъ въ службѣ.“ И такъ объявилъ я, что, имѣя многочисленное семейство, деревню близь Москвы и домъ въ городѣ, находясь въ обязанности доставить дѣтямъ приличное воспитаніе, согласно бы съ обстоятельствами моими было быть на службѣ въ Москвѣ. „Но вѣдь вы въ губернаторы не пойдете?“ онъ спросилъ. — „Конечно нѣтъ“, я отвѣтствовалъ, „и уже я старъ, чтобы исполнять обязанность хорошаго губернатора, а дурнымъ быть не захочу. Но буде угоденъ я на службу, и когда не почтется дерзостію мое желаніе, то хотѣлъ бы быть сенаторомъ въ Москвѣ, и поелику не богатъ, то прошу, чтобы даны мнѣ были столовыя деньги тѣ, кои я имѣлъ по прежней службѣ.“ При сихъ словахъ, съ доброю миною, онъ мнѣ сказалъ: «Какъ вы меня облегчили! Я былъ увѣренъ услышать болѣе сихъ требованій. Сіе вѣрно сдѣлается; пожалуйте, останьтесь, не уѣзжая изъ Петербурга.“

Хотя довольно удостовѣрился я, что Р. А. Кошелевъ не прожектеръ сего разговора, а коммиссіонеръ; но, притворясь обманутымъ, благодарилъ его за доброхотство, разсуждая, не напра-

сно ли онъ берется за сіе дѣло: вѣдь ему извѣстно неблагорасположеніе ко мнѣ графа Аракчеева, имѣющаго толикую довѣренность государя. Но онъ, споря, мнѣ сказалъ, что государь довольно о семъ извѣстенъ, и въ слѣдствіе того Аракчеевъ не можетъ ничего о васъ говорить. „И такъ, пусть будетъ какъ Богу угодно", я сказалъ. „Только не прогнѣвайтесь, не буду я дожидаться въ Петербургѣ, а поѣду домой: вѣдь не мнѣ служба надобна, а я только готовъ приносить себя на жертву службѣ." При разставаніи онъ мнѣ сказалъ, что о желаніи моемъ донесетъ государю и скажетъ, что изъ сенаторовъ можетъ онъ меня употреблять сообразно его волѣ.

Представляюсь государю и всей его фамиліи. Государь и императрица Елисавета Алексѣевна не говорили мнѣ ни слова, но Марья Θеодоровна очень милостиво разговаривала, распрашивая о Москвѣ, и гдѣ я живу. Великій князь Михаилъ Павловичъ, лишь я представился, спросилъ, съ тѣмъ ли я пріѣхалъ, чтобы остаться въ Петербургѣ? Отвѣтъ мой былъ: „Нѣтъ, я обратно поѣду въ деревню." Приближенные графа Аракчеева очень прилежно совѣтовали мнѣ сдѣлать ему визитъ, увѣряя, что онъ меня приметъ. Но я сего не сдѣлалъ, хотя многіе изъ моихъ родственниковъ мнѣ то совѣтовали. Мнѣ кажется, нужно человѣку утвердительно и постоянно показывать себя имѣющимъ характеръ.

Помѣстя сына въ пансіонъ Царскосельскаго лицея, возвратился я домой, и сталъ жить прежнимъ маперомъ. Матушка моя скончалась. Сдѣлался я немножко богатѣе присылаемыми отъ имѣнія доходами. Но устроеніе въ Москвѣ дома и житье въ Москвѣ умножать стали на мнѣ долги.

Въ сентябрѣ 1817 года путешествіе двора въ Москву стало перемѣнять видъ моей фортуны. Предположеніе (для уменьшенія числа лошадей) ѣхать порознь и всѣмъ дождаться въ Клину, близь коего моя деревня, учинило меня жителемъ резиденціи и ко двору приближеннымъ. По неимѣнію въ городѣ хорошихъ домовъ, Московской военной губернаторъ Тормасовъ поручилъ начальнику почтъ узнать, не будетъ ли мнѣ противно, если въ домѣ моемъ назначится квартира. Съ первою почтою написалъ я графу Тормасову, что, сіе предположеніе сочтя за милость, готовъ я очистить весь домъ. На сіе онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что предписалъ губернатору поѣхать въ Клинъ для назначенія квартиръ, гдѣ за полезное найдется въ городѣ, или у меня въ деревнѣ.

Губернаторъ, побывая въ городѣ, ко мнѣ не заѣзжая, назначилъ квартиры. Тормасовъ мнѣ писалъ: „хотя домъ мой удобенъ для жительства императрицъ, но нѣтъ помѣщенія для свиты ихъ; а потому предпочтено назначить квартиры въ городѣ." Хотя домъ мой деревянный въ трехъ стахъ саженяхъ отъ города, гдѣ свиты могли бы быть помѣщены; но причина неудобства состояла въ томъ, чтобы не прогнѣвать графа Аракчеева приближеніемъ меня къ членамъ императорской фамиліи. Получа сіе извѣстіе, я замолчалъ, но не прерывалъ, сохраненіемъ чистоты въ домѣ, быть готовымъ къ принятію.

За нѣсколько дней предъ прибытіемъ, является ко мнѣ камеръ-фурьеръ, отправленный для осмотра путевыхъ дворцевъ и принятія Московскаго. Онъ, объявляя, что императрица Елисавета Алексѣевна по учиненному росписанію должна прожить три дни въ Клину, Марія Θеодоровна одинъ день и не могутъ помѣститься въ томъ до-

мѣ, который для нихъ въ Клину назначенъ, проситъ у меня дозволенія назначить для ихъ пребыванія мой домъ. Соглашаясь на сіе, показалъ я г. Бабкину полученное письмо, и что̀ я писалъ графу Тормасову. Онъ увѣрялъ, что того же дня, пріѣхавъ въ Москву, скажетъ графу Тормасову; а между тѣмъ, осматривая всѣ комнаты моего дома, назначилъ, гдѣ кому помѣститься; и что можетъ быть государь соединится съ фамиліею въ моемъ домѣ; слѣдовательно и ему назначилъ особливую комнату, разсказавъ, что̀ по его обыкновенію нужно приготовить.

Въ продолженіе осматриванія комнатъ, онъ мнѣ сказалъ, что когда получилъ приказаніе ѣхать и распорядить изготовленіе квартиръ, спросилъ онъ: вѣдь въ Клину деревянный дворецъ сломанъ, то гдѣ же помѣстятся? На сіе возлѣ государя стоящій князь Волконскій ему сказалъ: „въ Клину у генерала Мертваго." Сей же камеръ-фурьеръ мнѣ сказалъ, что самъ онъ слышалъ разговоръ императрицъ, что будутъ вмѣстѣ жить въ моемъ домѣ. Сіе происходило по утру, а къ вечеру командующій гвардіею, въ Москву шедшею, генералъ-адъютантъ Храповицкій мнѣ сказалъ, что при немъ съ кѣмъ-то государь говорилъ, что онъ увидитъ меня у меня въ домѣ.

Ничто однакожъ не сдѣлалось. Всѣ помѣстились на квартирахъ въ городѣ. Всѣ оказывали неудовольствіе, и мнѣ вмѣсто худа сдѣлалось лучше. Сперва пріѣхалъ великій князь Николай Павловичъ, по росписанію долженствующій прожить пять дней въ Клину, съ беременною его супругою. Встрѣтя у крыльца его квартиры вмѣстѣ со всѣми Клинскими дворянами, былъ я отлично обласканъ, приглашенъ къ столу. Самъ великій князь представлялъ меня своей супругѣ. Она явственно отзывалась недовольною квартирой, и для чего не помѣстили ихъ въ томъ домѣ, гдѣ за годъ до женидьбы ([67]) великій князь квартировалъ, и который тогда для императрицы былъ назначенъ. Я разсказалъ о моихъ сношеніяхъ. Оба они не довольны были сдѣланнымъ распоряженіемъ. На другой день по утру пріѣхалъ я, но не засталъ дома. Они пошли за городъ прогуливаться, въ ту сторону, гдѣ мой домъ находится. Я изъ города съ горы видѣлъ всю ихъ свиту рѣзвящихся. Дождалъ ихъ въ домѣ и также ласково былъ принятъ. Великая княгиня, сказывая о своемъ гуляньи, хвалила мѣстоположеніе. На сіе я сказалъ: „Если бы вмѣсто лѣвой стороны случилось вамъ пойдти въ правую, то были бы близь моего дома, и тогда я, вышедъ со всей моей семьею вамъ на встрѣчу, просилъ бы удостоить меня посѣщеніемъ и позавтракать" Она отвѣтствовала: „если вамъ это угодно, то завтра мы это сдѣлаемъ." Великій князь повторилъ то же.

По росписанію слѣдовало на другой послѣ сего день къ вечеру пріѣхать Елисаветѣ Алексѣевнѣ, а потомъ чрезъ два дня Маріи Ѳеодоровнѣ Но вмѣсто того, того же дня къ вечеру пріѣхала Марія Ѳеодоровна. Видно, они ей разсказали мой разговоръ. Только на другой день по утру получаетъ жена моя отъ штатсъ-дамы княгини Волконской записку, что великая княгиня быть къ намъ не можетъ, ибо кончилась ихъ воля съ пріѣздомъ матушки; при чемъ объявляетъ, что должно всѣмъ представляться императрицѣ. Пріѣхавъ въ городъ, нашелъ я множество людей на площади толпящихся предъ домами, гдѣ высокія особы находятся. Въ домъ

([67]) Это было во время перваго путешествія по Россіи покойнаго государя. *П. Б.*

войти нельзя: по тѣснотѣ его даже придворные знатные господа принуждены были толпиться на площади, какъ вдругъ неожидаемо императрица вздумала посѣтить великую княгиню. Никто о томъ не воображалъ; увидѣли уже ее по площади идущую. Тутъ, подойдя ко мнѣ, сказала: „какъ рада, что васъ вижу.“ Низкой поклонъ былъ моимъ отвѣтомъ. Но она продолжала: „Я очень сожалѣю, что я не у васъ; право я боялась васъ обезпокоить.“ ([68]) — „Какъ могли вы подумать, государыня? Вы бы великую мнѣ милость оказали.“—„И такъ вы мнѣ позволите въ обратной путь у васъ остановиться? А между тѣмъ желала бы я поѣхать къ вамъ погулять въ саду.“ И тутъ же спросила оберъ-шталмейстера: „Могу ли я имѣть карету?“—„Тотчасъ, государыня“, онъ отвѣтствовалъ. Въ сію самую минуту великій князь выбѣжалъ ей на встрѣчу. Она, его поцалуя, сказала: „тебѣ нельзя ѣхать къ нему. Поѣзжай скорѣе на станцію, гдѣ есть хорошій на пути дворецъ.“

Цѣлая площадь народа, слыша, одинъ другому пересказывали мой разговоръ. Не только жена моя, дѣти, но всѣ люди и даже всѣ женщины, оставя домъ, на площади толпились, но всѣ поспѣшнѣйше собрались домой, и много прибѣжало посторонняго народа такъ, что я успѣлъ распорядиться къ принятію знаменитой гостьи, и велѣлъ приготовить получше завтракъ. Императрица съ маленькою свитою пріѣхала къ саду. Принявъ ее изъ кареты, представилъ я ей жену, дѣтей и гостей. Она мнѣ приказала повести ее по саду, сказавъ: „Вѣдь вы охотникъ; покажите, отколь есть лучшіе виды.“ Я спросилъ, могу ли я просить позавтракать у меня въ домѣ. Она согласилась. И такъ, сказалъ я женѣ моей, чтобы пошла приготовить завтракъ, а я пойду съ государынею по саду. Графиня Ливенъ и Екатерина Ивановна Нелидова отправились съ моей женою и присовѣтовали послать дѣтей ходить при государынѣ. Она ихъ всѣхъ приласкала. По причинѣ тогда бывшаго холоднаго вѣтра, послала принести имъ платки на шею и сама ихъ надѣла. По окончаніи гулянья, придя въ домъ, все хвалила, дѣтей ласкала: всѣхъ вокругъ себя посадила, поила ихъ изъ своей чашки кофеемъ, говоря „чтобы вы меня помнили“, а что всего пріятнѣе, это тонъ обхожденія, точно партикулярная женщина пріѣхала къ пріятелю въ гости. Отъѣзжая, позвала меня и жену мою къ себѣ обѣдать. За столомъ сидѣлъ я противу ея, со мною больше всѣхъ разговаривала. И когда стали подавать десертъ, то спросила листъ бумаги и наполня конфектами, послала женѣ моей, чтобы отвезла дѣтямъ. Того же дня къ вечеру пріѣхали въ Клинъ императрица Елисавета Алексѣевна, и при ней провожатымъ министръ просвѣщенія князь Голицынъ. Онъ отдалъ мнѣ письмо отъ Род. Алек. Кошелева, гдѣ изъясняетъ, что пишетъ съ другомъ своимъ, съ коимъ проситъ меня быть чистосердечнымъ; и онъ будетъ руководствовать къ тому, что говорилъ я съ нимъ.

По обыкновеніямъ дворскимъ надлежало бы женѣ моей, бывшей приглашенною къ обѣду императрицы, тот-

---

([68]) Вотъ тонкость дворскихъ сплетней, о коихъ послѣ я узналъ. Государынѣ сказали, что я по недостаточному состоянію учредилъ фабрику ткацкую, занялъ ею весь домъ, и самъ живу въ углу; что буде назначится для нихъ квартира, то, выбрасывая станы, потерпѣлъ бы большой убытокъ. Ложь открылась: они видѣли до 20 хорошихъ комнатъ для жилья. А фабрика въ особыхъ комнатахъ оставалась.

Примѣч. Д. Б. Мертваго.

часъ отправиться въ Москву благодарить за честь, намъ сдѣланную, тѣмъ паче, что обѣ императрицы въ Клину ей говорили, что увидимся въ Москвѣ. И она каждой изъ нихъ сказала, что не въ состоянiи столько издерживать на гардеробъ, чтобы могла ѣздить къ двору. Но онѣ обѣ ей дозволили являться къ нимъ безъ нарядовъ, приватно, что̀ также значитъ большая честь. Но жена моя, придворной жизни не любящая, осталась въ дѐревнѣ, чтобы кончить уборку хлѣба. И такъ поѣхалъ я въ Москву одинъ.

На ряду съ дворянствомъ представлялся я государю и государынямъ. Всѣ они отлично со мною поступили. Государь послѣ представленiя говорилъ съ немногими и больше всѣхъ со мной. Первое слово: „Ваше превосходительство сдѣлались жителемъ Клинскаго уѣзда?“ — „Такъ, государь, жена моя имѣетъ тутъ деревню“. Разговаривая о мѣстоположенiяхъ края, сказывалъ мнѣ, что знаетъ сiе имѣнiе при прежнемъ его владѣльцѣ, и что былъ въ ономъ въ ребячествѣ своемъ, еще при покойной императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Но государыня Марiя Ѳеодоровна уже гораздо больше отличiя мнѣ сдѣлала. Благодаря меня за угощенiе, поворотясь къ графу Тормасову, сказала. „Я очень сожалѣю, что жила не у него. Нельзя лучше быть порядка, какъ я у него въ домѣ видѣла. Какая вездѣ опрятность, чистота, все домашнее не богатое, но все со вкусомъ и прекрасно“. Тормасовъ почувствовалъ свою подлую глупость и покраснѣлъ. Посемъ спрашивала меня о женѣ, здѣсь ли она? Я отвѣтствовалъ, что осталась дома, потому что одна изъ дочерей моихъ занемогла. Вотъ тутъ то на силу я отговорился, чтобы не послала она доктора, сказавъ, что у насъ есть лекарь, къ коему жена моя большую довѣренность имѣетъ.

Увидясь съ княземъ Голицынымъ, спросилъ онъ меня, привезъ ли я бумагу? Не вѣдая какую отъ меня требуетъ, удивился я! Но онъ объяснилъ, что надобно мнѣ написать государю, что прошу я службы. И мнѣ то сдѣлать отговаривающемуся совѣтовалъ показать покорность, говоря: коли непрiятныя обстоятельства причинили между вами разстройство, то вѣдь пристойнѣе же уступить вамъ. По нѣсколькихъ свиданiяхъ, по многихъ разсужденiяхъ, рѣшился я и написалъ государю: „Вѣрноподданническое усердiе причиною смѣлости, съ коею дерзаю я просить службы вашего императорскаго величества“. — Въ томъ состояло все мое письмо.

По дозволенiю князя Голицына написалъ я ему, что, получа отъ него объявленiе воли государя чрезъ него подать прошенiе мое о желанiи вступить въ службу, прошу, представя при ономъ прилагаемое, доложить о желанiи моемъ быть сенаторомъ въ Московскихъ департаментахъ, и что прошу я о пожалованiи мнѣ столовыхъ денегъ: ибо я не богатъ, и безъ того жить въ Москвѣ неотлучно было бы трудно.

Чрезъ нѣсколько дней князь Голицынъ объявилъ, что письмо представилъ, что государь читалъ къ нему писанное и обнадежилъ исполнить, только не при опредѣленiи, а скоро, дабы избавиться подобныхъ требованiй отъ другихъ.

Хотя не очень я вѣрилъ обѣщанiю, но что дѣлать? Противу силы, противно моей пользѣ дѣйствующей, спорить нельзя. Но я увѣренъ, что служба моя, доставляя болѣе значительности въ свѣтѣ, можетъ быть полезна моимъ дѣтямъ.

Декабря 11 числа 1817 года подписанъ указъ о пожалованіи меня за прежнюю службу тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ. 12 декабря, въ день рожденія императора, получилъ я поздравленіе отъ многихъ дворскихъ людей, государя окружающихъ. Но поелику объявлено мнѣ не было, то и не принималъ поздравленія.

13 декабря графъ Аракчеевъ, собственною государя канцеляріею управлявшій, какъ видно было, долженъ меня увѣдомить о пожалованіи меня. Но въ запискѣ, за номеромъ присланной, не помѣстилъ, какой имѣю чинъ.

Поелику бывали примѣры, что военный генеральскій мундиръ носящіе изъ генералъ-маіоровъ, бывъ названными 3 класса, производились въ сенаторы, и слѣдовательно въ тѣхъ же мундирахъ оставались, то на другой день поѣхалъ я къ графу Аракчееву спросить; но мнѣ объявлено, что дома его нѣтъ.

На другой послѣ сего день (что была суббота), пріѣхавъ ранѣе, былъ я встрѣченъ адъютантомъ, объявляющимъ, что графъ никого не принимаетъ. Я просилъ доложить ему, что имѣю надобность видѣть на минуту. Онъ отвѣтствовалъ, что и докладывать не смѣетъ. Послѣ чего спросилъ я, извѣстно ли графу, что я вчера пріѣзжалъ? и получилъ отвѣтъ, что графу о томъ докладывано. Сіе довольнымъ было доказательствомъ, что произведеніе меня послѣдовало противу воли великомощнаго боярина, и онъ явно то показывать имѣетъ смѣлость.

Отправясь къ оберъ-гофмаршалу, просилъ записать меня желающимъ представиться благодарить государя и императрицу. Онъ спросилъ, какой имѣю чинъ? Я отвѣтствовалъ: не знаю, показывая ему записку графа Аракчеева. Онъ совѣтовалъ его спросить. На сіе я отвѣтствовалъ, разсказавъ произшествіе. Все то выслушавъ, трусливый оберъ-гофмаршалъ рѣшительно отозвался, что не можетъ внести имя мое въ записку о представляющихся въ слѣдующее воскресенье.

Написавъ письмо статсъ-секретарю, при государѣ находящемуся подъ вѣдомствомъ графа Аракчеева (69), просилъ увѣдомленія, въ какомъ костюмѣ мнѣ должно представляться. Онъ прислалъ копію указа. И тогда я сталъ знать, что мундиръ военный промѣнялъ я на сенаторскій.

Чрезъ недѣлю представляясь, государь мнѣ сказалъ съ холодною учтивостію: „Я надѣюсь, что ваше превосходительство оправдаете мою къ вамъ довѣренность". Императрица Марія Ѳеодоровна, пожавъ руку, мнѣ сказала съ добродушіемъ: „вы мнѣ можете повѣрить, что я этому рада".

Приглашенъ будучи къ обѣду у двора, въ числѣ прочихъ ожидая выходу, въ тронной залѣ я сидѣлъ. Графъ Аракчеевъ проходилъ изъ внутреннихъ комнатъ; я всталъ ему поклониться, но онъ, будто не видя, сталъ говорить со стоящимъ въ противной сторонѣ. По возвращеніи его, опять я тоже, и онъ тоже сдѣлалъ. Тутъ сосѣдствующимъ многимъ господамъ я заявилъ: „Видите ли, что онъ отъ меня отворачивается? И такъ будьте свидѣтели что я не виноватъ, если кланяться ему не буду". И съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь, не нагибалъ головы.

Вскорѣ за тѣмъ многіе мнѣ сказывали, что императрица Марія Ѳеодоровна изъявила желаніе и два раза просила опредѣлить меня почетнымъ опекуномъ Московскаго опекунскаго совѣта; но, государь, предоставляя ей

(69) Николаю Назаровичу Муравьеву? *П. Б.*

выбрать кого угодно, объявлялъ, что я ему надобенъ.

Проѣзжая въ обратный путь, императрицы были въ моей деревнѣ. Мнѣ дозволено было отлучиться для принятія ихъ. Марія Ѳеодоровна оказывала мнѣ отлично милостивое расположеніе, но ни слова не говорила о слухахъ, до меня доходившихъ.

Въ іюнѣ 1818 года получилъ я повелѣніе ѣхать во Владимірскую губернію для изслѣдованія по доносу, къ государю присланному.

Во время, какъ слѣдствіе я производилъ, получилъ государь донесеніе главнокомандующаго въ Грузіи и губерніяхъ Кавказской и Астраханской, гдѣ описывая безпорядки и злоупотребленія, отзываясь весьма дурно о чиновникахъ губернскихъ, просилъ повелѣнія обревизовать Кавказскую и Астраханскую губерніи чрезъ строгаго и безпристрастнаго сенатора. Сіе донесеніе препровождено въ комитетъ министровъ съ повелѣніемъ назначить двухъ сенаторовъ для обревизованія.

Комитетъ министровъ назначилъ сенаторовъ Саблина и Гермеса. Но государь, помаравъ имя Саблина, написалъ мое имя. Докладчикъ ему припомнилъ, что нахожусь я во Владимірѣ; но онъ отвѣтствовалъ, что, окончивъ слѣдствіе, отправлюсь я на Кавказъ и въ Астрахань.

Соображая обстоятельства свѣтскія съ обязанностями чести и совѣсти, тогда же я видѣлъ всю трудность сего дѣла. Ядовито-злобное представленіе господина Ермолова, человѣка умнаго, хитраго и какъ слышно безбожнаго, нельзя иначе удовлетворить какъ сопутствіемъ его расположенія. И такъ рѣшился я дѣйствовать по инструкціи литтерально. Къ счастію товарищъ мой г. Гермесъ, человѣкъ безграмотной и отъ природы весьма добрый, совершенно положился на меня. Чтобы оберечь его отъ соблазна, предохранился тѣмъ, что согласилъ его не брать съ собою секретаря, что исправленіе сей должности приму я на себя. И такъ мы общее изъявили требованіе командировать при насъ четырехъ писцовъ, по выбору моему мальчиковъ, ничего выдумать не умѣющихъ.

По пріѣздѣ въ Кавказскую губернію, увидѣлъ я не губернію, а хуторъ, для Россіи весьма полезный, гдѣ выращивается скотина, для продовольствія внутри государства надобная. Дѣла производятся не столько злонамѣренно, сколько глупо. Люди всѣ дрянь, и тѣ томятся бѣдностію и болѣзнями. Городъ губернской, какъ нарочно, учрежденъ въ такомъ мѣстѣ, коего хуже на всемъ пространствѣ губерніи найти нельзя. Тутъ полуденная сторона заслоняется хребтомъ горъ, вѣчно снѣгомъ покрытыхъ.

Донося по содержанію инструкціи противу каждаго пункта, въ самой точности, какъ что найдено было, не выискивая преступленій, обратилъ на себя негодованіе злобнаго и въ великомъ уваженіи находящагося г. Ермолова.

Разныя въ послѣдствіи непріятности испытывать я сдѣлался принужденъ. Ермоловъ жаловался, и столько его уважали что приказалъ государь генералъ-прокурору выписку изъ ревизіи нашей ему послать для отмѣтки, что по мнѣнію его не такъ сдѣлано. Но онъ ничего найти не могъ, кромѣ ябедническихъ примѣчаній, что столь мало времени въ губерніяхъ ему ввѣренныхъ мы были, что некогда было все видѣть, что̀ осмотрѣть было надобно.

Хотя ревизія утверждена, всѣ примѣчанія въ дѣйство произвести приказано, но не показано намъ ни малѣйшаго уваженія, даже не произведены въ чины бывшіе съ нами мальчики, о коихъ, какъ о дѣловыхъ людяхъ, было представлено: свою работу я имъ присвоивалъ.

Сколько ни досадна мнѣ таковая несправедливость, однакоже переношу ее безъ роптанія, покорясь власти Божіей, во упованіи отъ Него получить возмездіе за то, что для временной пользы не промѣнялъ спокойствіе совѣсти. А къ тому добрая о мнѣ слава въ понятіи благонамѣренныхъ людей симъ укореняется.

Этимъ оканчивается *подлинная* рукопись Записокъ Д. Б. Мертваго. Къ сожалѣнію рукопись эта отыскана была, когда началось уже печатаніе, такъ что первые четыре листа Записокъ отпечатаны по списку, въ которомъ сдѣланы нѣкоторыя поновленія въ слогѣ. Впрочемъ существенной разницы между подлинною рукописью и спискомъ мы не нашли; только на оборотѣ перваго, заглавнаго, листа читаемъ слѣдующія слова: „По убѣжденію людей мною почитаемыхъ принимаюсь я писать о суровыхъ крутые повороты счастія являющихъ приключеніяхъ своихъ Д. М.“. Слова эти написаны, какъ надо полагать, еще въ прошломъ столѣтіи; ибо (читатели, конечно, замѣтили) Д Б. Мертваго писалъ свои Записки исподоволь, въ теченіи многихъ лѣтъ, такъ что они представляютъ собою нѣчто среднее между Дневникомъ и Воспоминаніями. О значеніи Записокъ Мертваго говорить много нечего: это, безъ сомнѣнія, одно изъ важныхъ историческихъ повѣствованій, изображающихъ такія стороны недавно-прошедшаго времени, которыя доселѣ были весьма мало извѣстны. По неисповѣдимымъ путямъ Промысла самыя бѣдствія не рѣдко сопровождаются благими послѣдствіями: характеръ Д. Б. Мертваго, безъ сомнѣнія, образовался подъ вліяніемъ тѣхъ ужасовъ, которые суждено ему было испытать 14-ти лѣтъ отъ роду. Но въ тоже время честь вѣку, когда могли дѣйствовать такіе непоколебимые, ничѣмъ не подкупные люди; честь императору Александру Павловичу, который нашелъ и оцѣнилъ подобнаго человѣка, и потомъ, вопреки гоненію гр. Аракчеева, вывелъ его снова на поприще государственной службы. Записки написаны по дружескому совѣту Г. Р. Державина: сходство въ характерахъ и въ направленіи обоихъ этихъ людей очевидно. *П. Б.*

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦЪ УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЗАПИСКАХЪ Д. Б. МЕРТВАГО.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ 1867 ГОДУ

Заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

ПОДПИСКА принимается въ С. П-бургѣ (у Пяти угловъ, въ домѣ Буренина) по понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ отъ 10 до 12 часовъ утра, въ С.-Петербугской и Московской газетныхъ экспедиціяхъ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородные адресуются прямо въ редакцію.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки **ДВѢНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ**, съ пересылкой или доставкой **ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ**. Книжки выходятъ въ концѣ каждаго мѣсяца.

РУССКІЙ АРХИВЪ

Историко-литературный сборникъ, посвященный изученію Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ

1867 ГОДУ,

въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 1864, 1865 и 1866 годахъ, но въ большемъ противъ прежняго объемѣ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіи года 12 (въ каждомъ не менѣе 4-хъ листовъ сжатой печати, въ 2 столбца; иногда по два выпуска выходятъ вмѣстѣ).

Цѣна Русскому Архиву съ пересылкою въ города и доставкою на домъ въ Москвѣ и С.Петербургѣ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписываться можно въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ (на Мясницкой № 7), при коей издается Русскій Архивъ; и въ магазинѣ *И. Г. Соловьева* (бывшемъ Базунова).

Въ С. Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ въ д. Ольхиной, въ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова.*

ИНОГОРОДНЫЕ ОБРАЩАЮТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЪ МОСКВУ, ВЪ ЧЕРТКОВСКУЮ БИБЛІОТЕКУ.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **7** р.; *во Францію и Бельгію* **7** р. **50** к.; *въ Англію* **8** р.; *въ Швейцарію и Италію* **9** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Милякова.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

10. ПРИ 1867.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Прилагается: портретъ К. Н. Батюшкова (съ оригинала Кипренскаго).

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИМЪ ТЕАТРОВЪ (Т. Рисъ), у Мясницкихъ воротъ д. Воейкова.

1867.

ЦѢНА РУССКОМУ АРХИВУ ЗА 1866 съ портретомъ Государыни Императрицы Екатерины II-й и съ полнымъ указателемъ къ повременнымъ изданiямъ Московск. Общ. Исторiи и Древностей. XXVI, 1777, XII и 134 стр. 5 р. съ доставкою 6 руб.

Вторыя изданiя Русскаго Архива большими томами, въ которыхъ статьи размѣщены по порядку времени. **1863** года VI и 1066 стр. (**4** р., съ пер. **5** р.) **1864** года 154 и 1182 стр. съ рисунк. (**4** р., съ пер. **5** р.) **1865** года 1550 стр. (**5** р., съ пер. **6** р.). Иногородные за Русскимъ Архивомъ обращаются исключительно въ Москву, въ Чертковскую библiотеку. Выписывающiе въ города *всѣ пять лѣтъ вмѣстѣ* прилагаютъ съ перес. **26** рублей.

Тамъ же изданiя „Русскаго Архива":

I. IЕЗУИТЫ

И ИХЪ ОТНОШЕНIЯ КЪ РОССIИ.

(ПИСЬМА Ю. Ѳ. САМАРИНА КЪ ОТЦУ МАРТЫНОВУ).

Изложено ученiе Iезуитовъ и разсказаны ихъ дѣйствiя въ Россiи. М. 1866. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 рубля (8°. 304 стр.)

2. НОВИКОВЪ И МОСКОВСКIЕ МАРТИНИСТЫ.

Изслѣдованiе М. Н. Лонгинова. М. 1867. (8°. IV, 384 и 176 стр.) Цѣна 3 р., пересылка за три фунта.

☞ 3. ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА, О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ. ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА 1-го.

(Полный по возможности текстъ)

Съ примѣчанiями и указателемъ. М. 1867 (8°. VIII, 240 и VIII стр.) Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

Выписывающiе **ВСѢ ТРИ КНИГИ ВМѢСТѢ** не платятъ ничего за пересылку.

ПИСЬМО ЯКОВА БРЮСА КЪ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Всемилостивѣйшій государь!

Понеже Кугорнъ (*) во всѣхъ своихъ книгахъ о фортификаціи скрылъ, коимъ способомъ онъ планы свои чертитъ, того ради каждый инженеръ, способомъ маштаба вымѣривая всѣ линіи на его планахъ, вымышляетъ легчайшій способъ, какимъ бы образомъ оные способнѣе чертить.

Посланный отъ вашего величества не такъ вамъ доносилъ, какъ я ему наказывалъ. Я ему наказывалъ донесть вашему величеству, что иной маниры не знаю Кугорновой кромѣ той, которая напечатана въ книгѣ русской архитектуры воинской, а получилъ я оную отъ полковника инженера Эрмана, который многое время при немъ былъ и строилъ въ нѣмецкой землѣ городъ Мангеймъ. Его же руки чертежъ при семъ къ вашему величеству посылаю купно и съ чертежемъ моей руки, который я по его словамъ при немъ чертилъ. По которому моему чертежу и четыре профиля онъ начертилъ по большому маштабу, ихъ же при семъ прилагаю. И ежели вашему величеству оные угодны будутъ, соблаговолите повелѣть оные ради начерченія съ нихъ новыхъ на бѣло, прислать ко мнѣ, и я прикажу счертить немедленно.

Генералу маіору Декулону я оной маниры не объявливалъ, и онъ маниры Кугорновой не знаетъ же, но токмо самъ по его чертежамъ вымыслилъ онъ особливую маниру, которой можетъ по его Кугорновой манирѣ фортификацію чертить, и обѣщалъ по оной одинъ полигонъ начертить и для объявленія вашему величеству ко мнѣ прислать. А я ему отдалъ книжку на время, Кугорновой же маниры, въ которой такожде та манира скрыта, а оную книжку еще изъ Голландіи я вывезъ съ собою. О семъ доноситъ вашему императорскому величеству, моему всемилостивѣйшему государю, всенижайшій и покорнѣйшій рабъ

Яковъ Брюсъ.

Ноября въ 16 день
1723 г.

(*) Въ Чертковской библіотекѣ (Д. $1^2/_{39}$) имѣется слѣд. сюда относящаяся книга:

«Новое крѣпостное строеніе на мокромъ или низкомъ горизонтѣ, которое на три маниры показуется во фортикованіе внутренной величины французскаго рояльнаго штіугольника, въ чемъ крѣпость нынѣшнихъ сухихъ при мокрыхъ рвахъ обрѣтается, купно же како нынѣ при морѣ, или рѣкахъ крѣпости дѣлаются, и коимъ образомъ тамо подобаетъ строить. Каждая манира атакована, и въ примѣръ положена, какъ въ ихъ крѣпостяхъ на обѣ стороны, такожъ и о проторяхъ со французскою, или съ нынѣшнимъ крѣпостнымъ строеніемъ. *Господина барона фонъ-Кугорна*, генерала артилеріи, генерала поручика инфантеріи, генерала правителя крѣпостнаго строенія штатовъ Нидерляндскихъ и губернатора Фландерскаго, и крѣпостей при Шелдѣ рѣкѣ. Въ Леварденѣ 1702 г. Напечатано же на Россійскомъ языкѣ повелѣніемъ царскаго величества въ Москвѣ лѣта господня 1710-го, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. 4°. 10 и 168 стр., со многими чертежами.

ПРОШЕНІЕ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ СТЕФАНА РАМБУРХА.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій императоръ и самодержецъ Всероссійскій Петръ Великій, отецъ отечествія, государь всемилостивѣйшій!

Въ прошломъ 1703 году зачалъ я по указу со всякою прилежностію танцъ учить ихъ высочествамъ государынямъ царевнамъ, племянницамъ (1) вашего императорскаго величества, которымъ служилъ до 1708 году, и того пять лѣтъ. А за оные мои труды обѣщано мнѣ жалованья по 300 рублевъ на годъ, къ чему представляю во свидѣтели господъ Гуйзена (2) и Остермана (3), которые тогда ихъ высочествамъ и языкъ нѣмецкой учили. Однакожъ принужденъ послѣ десятилѣтнихъ моихъ докукъ въ Москвѣ домъ мой оставить и пріѣхавъ въ Санктъ-Питербурхъ, непрестанно просилъ о выдачѣ моихъ денегъ ея величества блаженныя памяти государыни царицы (4), которая изволила ото дня до дня отлагать, а послѣ смерти ея величества билъ челомъ я ея высочеству государынѣ царевнѣ герцогинѣ Мекленбургской, которая не изволила жъ мнѣ никакое удовольствованіе учинить.

Всемилостивѣйшій императоръ! Всеподданнѣйше ваше величество прошу, да повелитъ державство ваше мнѣ, нижайшему, заслуженныя мои деньги, а именно за пять лѣтъ по триста рублевъ, и того тысяча пять сотъ, всемилостивѣйше выдать, чтобы вѣрные мои труды вотще не осталися, и мнѣ при глубокой старости моей съ великою моею фамиліею возможно пропитаться, непрестанно Бога моля о здравіи вашего императорскаго величества и всего дому августѣйшаго.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ *Стефанъ Рамбурхъ*. 1723 декабря въ   день.

Этотъ Стефанъ Рамбуръ состоялъ учителемъ „для танцовальнаго искусства и поступи нѣмецкихъ учтивствъ" въ Московской гимназіи пастора Глюка въ 1703 г. (См. Пекарскаго, Наука и Литература, I. 128). Въ каталогѣ учителей этой гимназіи онъ означенъ: „Танцовальный мастеръ, тѣлесное благолѣпіе и комплементы чиномъ нѣмецкимъ и французскимъ научаетъ." (тамъ же, I, 130).

(1) Екатеринѣ, Прасковьи и Аннѣ Ивановнамъ.
(2) Воспитатель царевича Алексѣя Петровича.
(3) Братъ славцаго впослѣдствіи канцлера.
(4) Прасковьи Ѳедоровны.

КОНТРЪ-АДМИРАЛЪ НИКИТА ПЕТРОВИЧЬ ВИЛЬБУА.

(Автобіографическія показанія).

Это тотъ самый Вильбуа (le sieur de Villebois, chef d'escadre dans la marine de Russie), которому приписываютъ извѣстные анекдоты о Русскомъ дворѣ въ царствованіе Петра Великаго и Екатерины I-й. Свѣдѣнія, содержащіяся въ нижеслѣдующихъ бумагахъ, совершенно новы и представляютъ немаловажныя черты для изображенія тѣхъ временъ; въ тоже время эти бумаги могутъ способствовать къ опредѣленію подлинности помянутыхъ любопытныхъ анекдотовъ.

1. Всеподданнѣйшее прошеніе объ отставкѣ съ изложеніемъ служебнаго поприща.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Елисавета Петровна самодержица Всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Бьетъ челомъ отъ флота вашего императорскаго величества контръ-адмиралъ Никита Петровъ сынъ Вильбоэ, а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты.

1.

Сначала въ морскую службу вступилъ я, нижайшій, во Франціи въ 1690 года и служилъ на фрегатѣ, на которомъ въ 1692-мъ будучи, въ морской баталіи взятъ англійскимъ фрегатомъ въ полонъ и былъ четыре года въ службѣ англійской и ходилъ въ разные гишпанскіе порты. А по возвращеніи оттуда, когда отправлена была англійская эскадра въ Голландію въ Эльфеншлюзъ для транспорту въ Англію высочайшей особы блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти вседражайшаго вашего императорскаго величества государя родителя, всепресвѣтлѣйшаго державнѣйшаго великаго государя императора Петра Перваго, тогда на оной эскадрѣ и я, нижайшій, прибылъ въ Голландію, и въ бытность тамо его императорское величество соизволилъ меня, нижайшаго, принять въ службу въ 1696-мъ году Октября 12 дня. Съ котораго времени обрѣтаюсь я нижайшій и по нынѣ въ службѣ Россійской имперіи 51-й годъ.

2.

Со вступленія моего въ службу при высочайшей особѣ его императорскаго величества былъ я нижайшій безотлучно въ Англіи и оттуда паки въ Голландіи, а изъ Голландіи чрезъ городъ Клевесъ въ Вѣнѣ, откуда его имп. в—во намѣренъ былъ шествовать въ Венецію, точію увѣдавъ чрезъ прибывшаго изъ Москвы курьера о бунтѣ стрѣльцовъ въ 1698 г., изволилъ шествовать въ Россію и прибылъ въ Смоленскъ, а изъ Смоленска въ Москву; а въ 1699-мъ году двоекратно съ его императорскимъ величествомъ былъ на Воронежѣ у закладки кораблей и галеръ, а оттуда во Азовѣ и у закладки жъ Таганрога и въ походѣ со флотомъ до Керчи.

3.

Потомъ во всю первую шведскую войну, т. е. съ 1700 г., какъ при его императорскомъ величествѣ, такъ и по указамъ его величества въ отсутственныхъ мѣстахъ былъ я, нижайшій, въ походѣхъ и въ баталіяхъ, акціяхъ и въ посылкахъ и у дѣлъ положенныхъ на меня, а именно: въ 700-мъ году въ первомъ походѣ подъ Нарву; въ 701-мъ у города Архангельскаго, въ Соловецкомъ монастырѣ и подъ Шлютенбурхомъ; въ 702-мъ, вторично при взятьѣ Шлютенбурха и въ баталіи на рѣчкѣ на Мьѣ, гдѣ разбитъ шведскій маіоръ Ліонъ съ сикурсомъ, который тогда велъ въ Шлютенбурхъ; въ 703-мъ при взятьѣ Канецъ и двухъ шведскихъ судовъ и въ походѣ подъ Выборгъ; въ 704-мъ при взятьѣ Нарвы,

гдѣ я раненъ, и въ походѣхъ на плѣнныхъ шведскихъ судахъ чрезъ Чюдское озеро во Псковъ; съ 705 по 709 годъ на Лодейномъ полѣ и въ Новой Ладогѣ у надзираніевъ въ поспѣшительномъ строеніи кораблей и брегантиновъ; въ 710-мъ при взятьѣ Выборга; въ 711-мъ въ турецкой акціи подъ Прутомъ, при чемъ отъ его величества изъ лагеря посыланъ былъ я нижайшій къ генералу Янусу, дабы онъ своимъ корпусомъ ретировался въ соединеніе съ его императорскимъ величествомъ, которое соединеніе чрезъ ту посылку мою и послѣдовало. А по заключеніи съ турками миру пошли съ его императорскимъ величествомъ Польшею чрезъ Каменецъ-Подольскій въ Ярославль, гдѣ его величество изволилъ сѣсть на приготовленныя тамо суда съ полками гвардіи, на которыхъ и плыли до Варшавы и до Торуни, откуда его императорское велич. соизволилъ отбыть въ Карлсбадъ, меня жъ нижайшаго соизволилъ послать въ Эльбингъ къ бывшему тамо генералу маіору и коменданту Балку для взятья у тамошнихъ купцовъ на нѣсколько тысячъ червонцевъ векселей, которые я, взявъ, и привезъ къ его императорскому величеству въ Карлсбадъ. И оттуда посыланъ отъ его величества къ Копенгагенъ. Въ 712-мъ былъ при его императорскомъ величествѣ въ Помераніи при осадѣ города Штетина, гдѣ и зимовать съ арміею его императорское величество изволилъ. Когда же шведскій генералъ Штейнбокъ изъ Помераніи вышелъ въ Мекленбургію, тогда я, нижайшій, посыланъ былъ изъ мѣстечка Лагоу отъ его императорскаго величества къ королю датскому въ мѣстечко жъ Каде-бушъ съ тѣмъ, чтобъ король датской до прибытія войскъ его и. в. съ вышереченнымъ шведскимъ генераломъ въ баталію не вступалъ. Но король датскій, не дождавъ войскъ его импер. в—ва, при томъ мѣстечкѣ Каде-Бушъ вступилъ въ баталію, гдѣ отъ вышереченнаго шведскаго генерала разбитъ; съ которою вѣдомостью по возвращеніи моемъ къ его императорскому величеству прибылъ на другой день бывшій графъ Левенвольдъ. И для того его императорское величество съ арміею изволилъ возвратиться въ Мекленбургію жъ, въ мѣстечко Гистровъ, откуда его императорское в—во изволилъ меня, нижайшаго, паки послать къ вышеписанному жъ къ королю датскому въ городъ Фленсбургъ съ тѣмъ, чтобъ онъ свое разбитое войско собралъ; а (какъ) вышереченный генералъ пошелъ въ Голштиндію, то его имп. в—во въ началѣ 1713 г. изволилъ шествовать на почтѣ въ Амбурхъ, при чемъ и я, нижайшій, былъ, а арміи указалъ слѣдовать за собою. Когда же армія собралась, тогда изволилъ шествовать съ арміею въ Голштиндію, и при мѣстечкѣ Фридерихъштадтъ изъ укрѣпленныхъ мѣстъ на домахъ вышереченный шведскій генералъ войски (sic) вашего имп. в—ва выбитъ, отчего побѣжалъ во укрѣпленный городъ Тонингъ, откуда его имп. в—во изволилъ въ Санктъ-Петербурхъ, а команду надъ арміею изволилъ поручить бывшему князю Меншикову, гдѣ и я, нижайшій, былъ оставленъ. И по отбытіи его императорскаго величества вышереченный шведскій ге-

нералъ, спустя нѣсколько времени, отдался въ плѣнъ арміи вашего императорскаго величества. Потомъ армія вашего императорскаго величества маршировала въ Померанію къ городу Штетину, откуда посланъ былъ я отъ бывшаго князя Меншикова съ четырмя ротами солдатъ въ городокъ Анкламъ для обысканія пловучихъ судовъ, гдѣ обыскавъ я, нижайшій, рыбацкихъ лодокъ около 50-ти или болѣе, и взявъ оныя, посадя на оныхъ прибывшихъ со мною солдатъ, вышелъ въ Штетинскій заливъ, гдѣ имѣлось три шведскія брегантины, изъ которыхъ взявъ я, нижайшій, одну въ плѣнъ, прочихъ прогналъ до Штетина. И потомъ ѣздилъ по тамошнимъ островамъ, принуждая возить всякіе съѣстные припасы къ россійской арміи, которыми оная армія и довольствовалась. Послѣ чего взятъ тогда мною жъ городъ Дамъ, а по взятіи онаго команда отъ меня отпущена въ лагерь, а я, нижайшій, за болѣзнію остался въ томъ городѣ, въ которой прислана была особая драгунская команда съ подполковникомъ Ярцовымъ. И при нападеніи на оную шведской партіи, будучи въ болѣзни, я раненъ вторично тяжкими и многими ранами, отъ которыхъ ранъ лежалъ я, нижайшій, въ болѣзни цѣлые сутки въ водѣ, а на другой день перебрелъ чрезъ болото до сухова пути и пришедъ до деревни, нанявъ лошадь, пріѣхалъ въ городокъ Грифенъ-Гагинъ и о себѣ далъ вѣдомость чрезъ россійскаго маркитанта бывшему князь Василію Володимеровичу Долгорукову. Откуда взявъ меня, нижайшаго, привезли въ лагерь, а оттуда отправленъ во Псковъ, изо Пскова же взятъ въ Санктъ-Питербургъ, гдѣ отъ оныхъ ранъ продолжалась во мнѣ болѣзнь долговременно. Въ 716-мъ году былъ въ походѣ съ его императорскимъ величествомъ во Гданскъ, гдѣ взято мною на рейдѣ двѣмя рыбацкими лодками шведская шкуна весьма съ богатымъ грузомъ, а потомъ въ команду порученъ мнѣ гукоръ, съ которымъ препроводилъ я, нижайшій, четыре купецкія судна съ разными мастерами, деревьями и прочими огородными вещми сквозь Мунсунтъ и, отпустя ихъ въ Ревель, отправился я, нижайшій, со онымъ гукоромъ въ Ригу, гдѣ соединясь съ капитаномъ Ипатомъ Мухановымъ и лейтенантомъ Башиловымъ, бывшими тогда на шнявахъ, взявъ транспортныя суда, нагруженныя разными припасами, прибылъ со оными въ Ростокъ, откуда перевезъ его императорское величество на островъ Фалстеръ, и посланъ былъ отъ его величества паки въ Ростокъ ради высылки бывшаго господина генерала Бутурлина съ галерами къ его императорскому величеству, котораго выславъ по указу его и—го в—ва отправился я, нижайшій, оттуда въ Ревель къ командующему тогда надъ флотомъ бывшему капитану-командору Сиверсу съ письмами, съ которымъ флотомъ прибылъ въ Копенгагенъ. И въ томъ же 716-мъ году по отбытіи его императорскаго величества изъ Копенгагена въ Мекленбургъ въ Шверинъ, посланъ былъ я, нижайжій, въ Любекъ для смотрѣнія, дабы оттуда въ Швецію никакія суда не проходили, гдѣ я и зимовалъ при мѣстечкѣ Травменте. По отбытіи же его

имп—го в—ва отправился я въ 717-мъ году во Гданскъ ради смотрѣнія жъ, дабы какъ оттуда, такъ и изъ прочихъ мѣстъ никакія жъ въ Швецію суда не проходили жъ, чего ради присланы были ко мнѣ изъ Ревеля въ команду мою двѣ шнявы и одна брегантина, которыми взято мною англійское судно, прибывшее изъ Стекгольма, на которомъ привезено было англійскимъ купцомъ письмо къ магистратомъ гданскимъ о сдѣланіи на шведское войско на нѣсколько тысячъ мундира. И оное письмо взявъ, я послалъ къ его и—му в—ву во Францію, почему за вышеписанное по указомъ его величества доправлено было съ города Гданска бывшимъ князь Васильемъ Володимеровичемъ Долгоруковымъ двѣсти тысячъ ефимковъ. Въ 718-мъ, въ бытность мою во Гданскѣ, еще въ команду ко мнѣ присланы фрегатъ да шнява, коими взялъ я прейсовъ семь судовъ. Въ 719-мъ былъ въ походѣ при его в—вѣ до Ламеланда на кораблѣ Перлѣ и командированъ оттуда для конвою посыланнаго въ англійской флотъ бывшаго тогда капитана лейтенанта, умершаго адмирала графа Головина; а по возвращеніи паки во Гданскъ, отправленъ я былъ съ порученными въ командѣ моей тремя судами, и прибывшіе тогда изъ Стекгольма ко Гданску два голландскіе гальета съ россійскими, польскими и прусскими мѣдными пушками и мортирами, тако жъ и съ шведскими большими мѣдными талерами, взяты мною, о чемъ его и—му в—ву отъ меня всеподданнѣйше было и репортовано, на что по указу его величества вынявъ изъ тѣхъ гальотовъ россійскія пушки, съ прочимъ грузомъ, освобождены. И тако черезъ усильныя препятствія всякія оттуда суда во Швецію мною удерживаны къ немалому непріятельскому вреду. Въ 720-мъ въ бытность мою во Гданскѣ же прислана была шведская эскадра съ контра-адмираломъ Ѳейфъ, чтобъ меня выгнать изо Гданска, откуда по капитуляціи оставя оной городъ по указу его величества прибылъ въ Ригу, а изъ Риги въ Санктъ-Петербурхъ.

4.

По окончаніи шведской войны въ 721 году посланъ былъ я нижайшій отъ его и-го в-ва въ Москву съ миромъ, откуда въ томъ же 721-мъ году посланъ же былъ въ Санктпетербургъ ради собранія морскихъ припасовъ къ отвозу въ Астрахань, которые я собравъ, зимнимъ путемъ, отправился въ Вышній Волочекъ, гдѣ и зимовалъ; а по вскрытіи воды съ тѣми припасами спустился на судахъ до Твери, а изъ Твери, собравъ сдѣланныя суда, въ Нижній Новгородъ, а оттуда въ Астрахань, на которыхъ ѣхать мнѣ повелѣно было моремъ къ Дербени, точію тѣ суда въ такомъ состояніи не были, чего ради оныя по указу его и-го в-ва мною, нижайшимъ, вытасканы на берегъ и вновь починены и выконопачены. Изъ которыхъ съ его и-мъ в-омъ отправилось въ Дербень съ провіантомъ и съ прочими припасами двадцать пять судовъ. Съ достальными жъ судами по указу его в-ва велѣно мнѣ, нагрузя во оныя артиллерію и артилерійскіе припасы и порохъ, слѣдовать туда, гдѣ его

и-ое в-во обрѣтаться изволитъ, которыми нагрузя тѣ суда усмотрѣлъ, что въ нихъ порозжихъ мѣстъ довольно имѣется, и вѣдая, что при арміи его величества провіанта находится малое число, чрезъ посланнаго къ бывшему тогда въ Астрахани вице-губернатору Кикину требовалъ отпуску на оныя суда ко отвозу въ армію провіанта; который въ томъ мнѣ отказалъ, объявя то, что объ отпускѣ того провіанту указу не имѣетъ. Чего ради принужденъ былъ я, нижайшій, самъ взявъ для свидѣтельства при мнѣ бывшихъ офицеровъ того провіанту отпуску требовать, объявя вышеписанное, что при арміи его и-го в-ва провіанта находится малое число, прежде же отправленныя суда возвратятся-ль—неизвѣстно, и ежели по прибытіи моемъ его и-ое в-во требовать изволитъ у меня провіанта и я, нижайшій, въ такомъ случаѣ доносить буду, что отпуску того провіанту требовалъ, точію не отпущено. Почему оный Кикинъ означеннаго провіанта и отпустилъ, который погрузя изъ Астрахани прибылъ въ Аграхань, и о прибытіи его императорскому величеству всеподданнѣйше доносилъ, объявя при томъ, что съ тѣми судами въ морѣ слѣдовать не возможно; однако по полученному на то отъ его и-го величества указу изъ Аграхани и въ море къ Дербени отправился, гдѣ большею погодою на мысу Уча оныя суда разбило, которыя и потонули. Бывшіе жъ на тѣхъ судахъ служители отъ потопу всѣ спаслись, и оными изъ показанныхъ судовъ артиллерію и припасы, такожъ и провіантъ съ немалымъ трудомъ выняли. И изъ обмоченнаго провіанта приказалъ я, нижайшій, печь хлѣбы, а изъ хлѣбовъ сушить сухари, чѣмъ армія его и-го в-ва слѣдующая изъ Дербени въ Астрахань и довольствовалась. Ежели же бы мною, нижайшимъ, того провіанта привезено не было, то бъ армія принуждена была претерпѣвать наивящшій голодъ. А съ 727 года былъ я, нижайшій, въ разныхъ же посылкахъ; иногда же и въ морскихъ походѣхъ, и у дѣлъ, и въ присутствіи въ адмиральтейской коллегіи, и въ другихъ мѣстахъ безпорочно.

5.

Чрезъ долговременную пятидесятилѣтную мою службу пришелъ я, нижайшій, въ глубокую старость, и какъ отъ ранъ моихъ, такъ и отъ другихъ натуральныхъ болѣзней, такожъ и по старости лѣтъ, постигла меня всеконечная дряхлость; къ тому жъ и въ памяти сталъ быть слабъ, и затѣмъ не точію воинской службы понесть, но и у дѣлъ быть нахожу себя не въ состояніи. А прочіе подобные моя братья за такимъ несостояніемъ отъ службы вашего императорскаго величества уволены со всемилостивѣйшимъ награжденіемъ.

И дабы высочайшимъ в-го и-го в-ва указомъ повелѣно было меня, нижайшаго, за конечною старостію и дряхлостію и за слабостію памяти и за болѣзнію отъ службы вашего императорскаго величества и отъ всѣхъ дѣлъ со всемилостивѣйшимъ награжденіемъ уволить. Всемилостивѣйшая государыня, прошу вашего императорскаго в-ва о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Октября дня 1746 году.

Къ поданію надлежитъ въ государственную адмиральтейскую коллегію. Прошеніе писалъ оной же коллегіи копіистъ Андрей Ивановъ сынъ Санинъ.

Nikite Villebois.

II. Письмо отъ Вильбуа къ барону И. А. Черкасову (Кабинетсъ-секретарю).

Милостивый государь мой и патронъ Иванъ Антоновичъ.

Вчерашняго числа ваше высокопревосходительство, милостивый государь, соизволили обѣщать взятыя вашимъ высокопревосходительствомъ отъ меня высочайшія повелѣнія, присланныя ко мнѣ въ прошлыхъ годѣхъ за собственною рукою блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти его императорскаго величества государя императора Петра Великаго и прочія письма прислать ко мнѣ. А понеже я самъ за нынѣшнимъ ненастьемъ къ вашему высокопревосходительству для того, паче же ради отданія нижайшаго поклона, быть не въ состояніи, того ради вашего высокопревосходительства, милостивый государь, прошу покорно оныя высочайшія повелѣнія и прочія письма со вручителемъ сего опредѣленнымъ при мнѣ флагманскимъ писаремъ прислать ко мнѣ. Впрочемъ же пребываю вашъ, м. г. моего, всепокорнѣйшій слуга Nikite Villebois. Сп. бурхъ въ 29 д. Декабря 1746 году.

III. Реестръ имѣющимся у его превосходительства г. контръ-адмирала Вильбоа присланнымъ къ нему за собственною блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго рукою указомъ и прочимъ письмамъ съ 1710 по 721 годъ, а именно:

Указовъ за собственною его императорскаго величества рукою — 22. Дубликатовъ — 8. Трибликатовъ — 3. Копія съ грамоты отъ его и-го в-ва къ магистрату гданскому изъ флоту отъ атланскихъ (sic) острововъ Августа 15 дня 1719 году—1. Копія съ декларацій, данной при Ангутѣ за подписаніемъ собственныя его императорскаго величества руки—1. Копія съ рескрипту, отправленнаго отъ атландскихъ (sic) острововъ къ оберъ-аудитору Гердману—1. Роспись документамъ, подлежащимъ быть на купецкихъ корабляхъ и отправлять въ Швецію свободное купечество—1. Копіи съ грамоты, отправленной отъ его и-го в-ва къ гданскому президенту, бургомистромъ и всему магистрату изъ Сактпетербурха Октября 30 дня 719 г.—2. Письмо отъ Алексѣя Макарова о покупкѣ въ Гданскѣ деревъ букжебому (sic) локтей 1000 и о прочемъ—1. Письмо отъ князь Никиты Рѣпнина во извѣстіе, что отъ минувшихъ февральскихъ морозовъ устье Двины рѣки утвердилось и о прочемъ—1. Контрактъ, сочиненный съ шведскимъ контръ-адмираломъ Ѳейфъ на нѣмецкомъ діалектѣ—1. И того 42. (Росписка въ полученіи документовъ изъ кабинета флагманскимъ писаремъ Черепановымъ).

IV. Письмо отъ барона И. А. Черкасова къ Вильбуа и отвѣтъ сего послѣдняго.

Милостивый государь мой Никита Петровичъ. Я бъ зѣло желалъ васъ здѣсь

видѣть, но слышалъ отъ Захарья Даниловича Мишукова, что вы не здоровы, для того симъ прошу меня увѣдомить, чтó вы можете припамятовать во время бытія въ Англіи блаженныя памяти г-ря и-ра Петра Великаго, какія приключенія и кто въ свитѣ тогда былъ, и въ Кембриджѣ и въ другихъ мѣстѣхъ его в-во быть изволилъ ли и гдѣ, и приставомъ у его в-ва кто былъ, а особливо съ Англіи въ Вѣну когда быть изволилъ, ибо въ которое время его в-во въ Англіи былъ извѣстіе и есть, но что тамъ въ бытность его дѣлалось и гдѣ быть изволилъ, никакихъ записокъ въ кабинетѣ не нашлось... (Въ концѣ нѣсколько строкъ зачеркнуто и между прочимъ: „а уповательно, что у васъ всему тому записка"). Декабря 3 дня 1754 г.

Милостивый государь мой Иванъ Антоновичъ. Ваше милостиваго г-ря моего письмо, пущенное отъ 3, сего 6 числа я оное имѣлъ честь получить и за оное тожъ и за сожалѣніе ваше обо мнѣ премного благодарствую и прошу въ покорности впредь таковыми жъ по своей милости не оставить, которыхъ я отъ васъ всесердечно и всегда получить желаю и радоваться. Что же вы изволите требовать отъ меня извѣстія о бытіи его величества г-ря и-ра Петра Великаго въ Англіи и какія тамъ приключенія были и кто въ свитѣ и приставомъ у его величества былъ, на оное вамъ, государю моему, сколько могу знать и помнить доношу. Въ бытность его в-ва въ Англіи приключеній никакихъ я знать и помнить не могу, а кто при его величествѣ въ свитѣ и приставомъ были и въ которыхъ мѣстѣхъ, о томъ прилагаю при семъ вѣдомость. А болѣе того я знать и припомнить не могу; при томъ же я сердечно сожалѣю, что моя нынѣшняя древность и непостоянное состояніе моего здравія быть въ Санктпетербурхѣ и видѣть васъ не допущаетъ, но чрезъ сіе и съ женою моею вамъ, государю моему, и съ любезнѣйшею вашею супругою и со всею честною вашею фамиліею нашъ нижайшій поклонъ отдаемъ. И тако, предавъ себя во всегдашнюю вашу ко мнѣ любовь, неотмѣнную милость, пребуду всегда и есмь вашъ м. г. моего покорный слуга Villebois. Изъ мызы Аня (?) отъ 7 Декабря 1754 г.

V. *Вѣдомость о бытіи блаженныя памяти государя императора Петра Великаго въ Англіи въ городѣ Лондонѣ и въ прочихъ мѣстѣхъ.*

Въ бытіи его в-ва въ Англіи приставомъ при его величествѣ былъ вице-адмиралъ Мичель, да для англійскаго языка былъ при Мичелѣ купецъ англійской Стельсъ, при его жъ величествѣ были посолъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, при немъ Петръ Павловичъ Шафировъ, Ульянъ Синявинъ, переводчикъ Кропоткинъ.

Да въ свитѣ его в-ва были: кн. Меншиковъ, Гаврила Авдѣевичъ Меншиковъ, Иванъ Алексѣевичъ Головинъ, Ѳедоръ Степановичъ Салтыковъ, Александръ Кикинъ, Ѳедосѣй Скляевъ, Лукьянъ Верещагинъ, Сава Уваровъ, Иванъ Даниловичъ Кочетъ, Филатъ Шанской, Антонъ Дивіеръ, два карла

Ермолай Мишуковъ и Якимушка, Геретъ Милаусъ, Никита Вильбои; поваръ Пѣнюгинъ, кучеръ и протомои, Семенъ Чапчикъ. А бытіе его величество имѣлъ въ городѣ Лондонѣ недѣли три, а потомъ его в-во изволилъ отбыть въ мѣстечко Детфордъ, гдѣ строятся купецкіе корабли и тамъ его в-во учился у корабельнаго мастера Наи корабельному чертежу, а какъ весна наступила, то его в-во изволилъ отбыть въ Жернесъ, въ Чатемъ и въ Порчмотъ, гдѣ корабельные порты, и тамъ изволилъ осматривать корабельные доки, арциналъ, магазейны, цагаузы и фортофикаціи, гдѣ была и корабельная экзерциція съ пушечною стрѣльбою, а потомъ его в-во изволилъ возвратиться паки въ Лондонъ.

ЖИЗНЬ И ДѢЯНІЯ КНЯЗЯ Г. А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО.

Сочиненіе гр. А. Н. Самойлова (*).

ГЛАВА V-я.

Тако возведенный милостями и щедротою Великой Екатерины, Григорій Александровичъ парилъ пылкимъ умомъ своимъ къ совершенію намѣреній, одобряемыхъ монархинею, желалъ быть единственнымъ въ семъ отличномъ подвигѣ, и стремился произвести на Югѣ то во славу императрицы своей, что великій Петръ совершилъ на Сѣверѣ. Ему извѣстна была древняя исторія; онъ предварительно въ умѣ своемъ образовалъ коммерцію на Понтѣ Эвксинскомъ, при берегахъ коего нѣкогда процвѣтали колоніи Греческія, коихъ отъ опустошенія варваровъ даже самыхъ слѣдовъ не оставалось. Гунны, Булгары, Готы, Мессагеты и Татары, переходя отъ Бористена къ Дунаю и къ Рейну и отъ Дуная къ Дону и Волгѣ, въ первыхъ вѣкахъ христіянскія вѣры, истребили все и даже слѣдовъ Олбіи, Бористены не оставалось. Херсонъ, толико извѣстный коммерціею, лежалъ подъ грудою развалинъ. Таврида, славная своимъ изобиліемъ еще въ цвѣтущее время Аѳинъ и въ послѣдующія времена, въ коей Коринѳяне завели свою торговлю, откуда Митридатъ, боровшійся съ Помпеемъ, господствовалъ надъ обширнымъ Понтійскимъ царствомъ; гдѣ Генуэзцы съ Венеціянами въ послѣдствіи сооспоривали о преимуществахъ Асійской коммерціи; сія самая процвѣтавшая Таврида, порабощенная Татарами, представляла христіянство въ уничиженіи, съ разрушенными и уничтоженными градами, — театръ хищничества и безпрерывныхъ междоусобій. Все сіе лежало, такъ сказать, на сердцѣ у князя Григорія Александровича. Ему извѣстно было, какъ геній Петра Великаго желалъ ознаменоваться и на Югѣ творчествомъ, подобно какъ на Сѣверѣ; что для начатковъ того сей единственный монархъ отнялъ было у Турковъ Азовъ, строилъ въ Воронежѣ корабли, заложилъ Троицкую крѣпость на Таганрогѣ, испытывалъ обвести пороги Днѣпровскіе изсѣченными въ гранитной скалѣ каналами (1). Неудачная Прутская кампанія сего героя остановила великія его на южные предѣлы Россіи предпріятія; и князь Григорій Александро-

---

(*) См. выше стр. 993.

(1) При первомъ Днѣпровскомъ порогѣ въ старомъ Кайдакѣ, у подошвы возвышеннаго праваго берега Днѣпра, существуетъ каналъ въ 4 сажени ширины и на нѣсколько саженъ длины, который дѣланъ по повелѣнію Петра Великаго; но сильное паденіе порога принудило оставить сіе предпріятіе. *Примѣч. гр. Самойлова.*

вичъ увѣренъ былъ, что духъ великія Екатерины, оживотворенный подражаніемъ Петру Великому, стремился къ усовершенію великихъ его намѣреній, что онъ можетъ имѣть честь и славу быть исполнителемъ предпріятій своей государыни, которой великія къ нему благодѣянія за заслуги вышеизъясненныя, не ознаменованныя блистательностію, возбуждали большее рвеніе явиться достойнымъ оныхъ.

При таковомъ расположеніи духа, счастіе, продолжая ему благопріятствовать, проливало къ нему нектаръ свой со всѣхъ сторонъ. По пріѣздѣ изъ Москвы, въ 1776 году, государыня пожаловала ему въ присоединенной отъ Польши Бѣлоруссіи воеводство Кричевское, въ коемъ состояло 14,000 душъ, подарила ему Аничковской дворецъ и 100 т. рублей на поправленіе онаго; отъ Римскаго императора получилъ онъ дипломъ на достоинство князя Римской имперіи, отъ Шведскаго короля орденъ Серафимовъ, отъ Датскаго орденъ Слона и отъ Прусскаго орденъ Чернаго Орла. Все сіе одушевляло его чувствами преданности вѣрноподданнической, все относилъ онъ къ милостямъ императрицы и только мысли его къ тому стремились, чтобъ показать соотчичамъ и всему свѣту, что онъ толь великихъ благодѣяній достоинъ и заслужить оныя имѣетъ дарованіе и способность. Для сего то не щадилъ онъ ничего, чтобъ привлекать къ себѣ всѣхъ достойныхъ по дарованіямъ и познаніямъ людей. Покои, занимаемые имъ во дворцѣ, отверсты были для всѣхъ тѣхъ, кои, замѣчены будучи по способностямъ, искали его покровительства. Но въ сіе время, въ которое иностранцы, а наипаче Французы, были не только у придворныхъ, но и у всѣхъ знатныхъ вельможъ въ особливомъ употребленіи, или, такъ сказать, въ модѣ, князь Григорій Александровичъ чуждъ былъ сего пристрастія: онъ искалъ дарованій въ своихъ Рускихъ, онъ желалъ произвесть безъ пособій иностранцевъ всякое предпріятіе ([2]). Любителемъ будучи словесности и изяществъ, онъ отличалъ дарованія, преподавалъ имъ средства войти въ извѣстность къ монархинѣ; чтобъ достигнуть цѣлей своихъ, допускалъ къ себѣ простолюдиновъ, отъ которыхъ простосердечія извѣдывалъ то, чего въ возвышеніи будучи невозможно проникнуть; занимался не рѣдко съ старообрядцами, которые, коснѣя въ расколѣ, удалены и даже отдѣлены были отъ православной церкви. Онъ, проникнувъ ихъ невѣжественное упорство, въ послѣдствіи нашелъ средство исходатайствовать у государыни и въ правительствующемъ синодѣ позволеніе открыть для нихъ церкви и молельни въ Ново-россійской губерніи и подвести оныя подъ управленіе тамошней епархіи, оставя имъ старые ихъ книги и обряды, чѣмъ привлекъ многихъ въ оную губернію изъ бывшей Польши и изъ Молдавіи, куда они, то-есть предки ихъ, бѣжали изъ Россіи въ началѣ прошедшаго столѣтія. Также, для населенія управляемой имъ губерніи, имѣя цѣлію вывести изъ Крыму христіянъ и вызвать изъ Молдавіи поселенцевъ, старался привлечь къ себѣ прибывающихъ въ Россію изъ Грековъ, Армянъ и Молдаванъ, чрезъ сношенія коихъ заохочивалъ и пріуготовлялъ умы ихъ къ переселенію въ Россію. При всѣхъ сихъ предпріятіяхъ, имѣя способность дѣлать все безъ великаго напряженія душевныхъ силъ, казался онъ для публики ни о чемъ не попечительнымъ и даже разсѣяннымъ. Однакожъ государыня и приближенные, составлявшіе кругъ его, знали

([2]) Карсаковъ былъ его инженеръ, Фалѣевъ употребленъ былъ для взорванія пороговъ и для другихъ предпріятій, съ успѣхомъ; кораблестроитель Аѳанасьевъ и другіе Рускіе. *Примѣчаніе гр. Самойлова.*

его свойство и духъ, способный къ дѣятельности безъ принужденія и утомленія.

Но завистники, коими дворы царскіе всегда наполнены и коихъ князь Григорій Александровичъ не могъ не имѣть, видѣли въ немъ случайнаго человѣка, котораго могущество сдѣлалось имъ не терпимо, подвели крамолы и пружины скрытныя и заставили князя Григорія Александровича почувствовать нѣкоторую холодность въ пріемѣ монархини и, такъ сказать, самую безъ него обходимость. Сила его у двора начала уменьшаться; противная партія, при содѣйствіи бывшаго тогда при дворѣ въ счастіи чиновника, причиняла ему большія непріятности; но однакожъ неизмѣняющаяся твердость духа и умъ помогли ему удержаться еще на той стезѣ, по коей онъ толь быстро достигъ возвышенія. Онъ долженъ былъ удалиться отъ двора, но при удаленіи сохранилъ комнаты, для него отведенныя во всѣхъ дворцахъ, въ коихъ высочайшій дворъ по временамъ года имѣетъ пребываніе, и услугу придворную, даже въ то время, когда всѣ почитали его навсегда отъ двора удаленнымъ. Сіе удаленіе его послѣдовало въ 1776 году. Тогда князь Григорій Александровичъ упросилъ государыню, чтобы ему, какъ генералъ-инспектору, позволено было осмотрѣть войска, въ Санктпетербургской и Новгородской губерніяхъ тогда бывшія, на что получилъ дозволеніе, но только съ тѣмъ, чтобы отлучка его изъ Петербурга не продолжалась болѣе, какъ на три недѣли(³). Противная партія и враги его торжествовали, но не долго. Возвращеніе его унизило всѣ ихъ замыслы. Государыня приняла его опять съ знаками величайшаго благоволенія. Она, познавъ обширность его способностей, скорость соображеній, привыкнувъ къ образу исправленія дѣлъ, на него возлагаемыхъ и не премѣняя мыслей о выполненіи *Восточной системы*, для достиженія коей онъ представилъ стольосновательныя соображенія свои и совершителемъ коей желала его сдѣлать, она высочайшею милостію не умедлила вновь утвердить въ немъ ту къ себѣ привязанность и вѣрность, которую на всегда въ душѣ его произвела. Съ сими знаками монаршей милости онъ получилъ прежнюю степень могущества у трона и прежнюю довѣренность, которая съ того времени къ нему увеличивалась, а онъ, явясь въ полной мѣрѣ ея достойнымъ, окончилъ славное поприще жизни своей.

Въ томъ же году южные предѣлы Россіи были обезпокоены произшедшимъ въ Крыму междоусобіемъ. Порта въ тайнѣ возбуждала сіи неспокойства, чтобы озаботить Россію, чтобъ имѣть притчину выслать военный флотъ къ берегамъ полуострова, и чтобы понудить хана искать ея покровительства, а чрезъ то паки утвердиться на полуостровѣ. Братья хана *Керима-Гирея* негодовали на него и не хотѣли, чтобы племянникъ ихъ *Шагинъ-Гирей* мимо ихъ имѣлъ право на тронъ ханскій. Но онъ былъ *Калга-Салтанъ*, то есть наслѣдникъ. И такъ, чтобъ пресѣчь замыслы неблагонамѣренной Порты, государыня отрядила князя Прозоровскаго съ сильнымъ корпусомъ, повелѣвъ ему быть подъ распоряженіемъ фельдмаршала графа Румянцова Задунайскаго, который тогда былъ командующимъ Украинскою дивизіею и генералъ-губернаторомъ Малороссіи.

Бунтъ сей усилился. Татары требовали отъ хана, чтобъ не зависѣть отъ Россіи, чтобъ признавать султана; въ ожесточеніи напали на обозы, шедшіе

(³) Державинъ въ Запискахъ своихъ (стр. 112) говоритъ: «Въ половинѣ 1776 г. случилось, что кн. Потемкинъ, бывшій любимецъ, впалъ при дворѣ въ немилость и долженъ былъ проживать нѣсколько мѣсяцевъ въ Новѣгородѣ». Это были дни кратковременнаго случая гр. П. В. Завадовскаго.

за солью, препровождавшіе провіантъ въ крѣпости Керчь и Ениколь, и убійствомъ промышленниковъ причинили оскорбленія и оказали непокорность свою. Князь Прозоровской прошелъ Перекопскую линію къ рѣкѣ Салгиру, гдѣ ханъ, въ 40 тысячахъ войска стоявшій, вступилъ сначала въ переговоры, но вдругъ измѣннически напалъ на корпусъ Россійской, но былъ принятъ съ обыкновенною храбростію Русихъ. Послѣ сего нѣсколько мѣсяцовъ продолжались безпокойства какъ въ Крыму, такъ и на Таманѣ и на Кубанской сторонѣ, но оружіемъ Россійскимъ все было успокоено. Керимъ-Гирей удалился въ Романію, гдѣ обыкновенно въ окрестностяхъ Адріанополя фамилія Гирейская имѣла помѣстья и пребываніе. Многіе неспокойные мурзы туда же удалились, и Порта, по всегдашней своей политикѣ, вскорѣ сослала Керимъ - Гирея на островъ Родосъ, и тамъ онъ смертію заплатилъ за то, что сдѣлался независимымъ отъ Порты вслѣдствіе Кайнарджискаго мира. Въ Крыму же возведенъ на ханство Шагинъ-Гирей, бывшій предъ тѣмъ Калгою - Салтаномъ.

Поелику сей Шагинъ - Гирей былъ послѣдній изъ хановъ Крымскихъ, и въ отреченіи отъ Крыма имѣлъ сношенія съ княземъ Григоріемъ Александровичемъ, то почитаю нужнымъ дать нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія. Шагинъ-Гирей былъ сложенія сухаго и довольно крѣпкаго, росту былъ средняго, разумъ его былъ украшенъ довольными свѣдѣніями, сроденъ былъ къ войнѣ и храбръ, не любилъ роскоши и нѣги, но не чуждъ былъ азіатской пышности; и особливо гордился происхожденіемъ, поелику сія фамилія вела родословную свою отъ Чингисъ-Хана, бывъ старшею, а потому въ такомъ уваженіи отъ Татаръ и Турокъ, что почиталась священною и неприкосновенною. Онъ родился въ Адріанополѣ отъ хана Мехмедъ-Гирея, гдѣ сначала и воспитывался, но по превратностямъ, каковымъ подвержена была не рѣдко сія фамилія, отъ частныхъ перемѣнъ въ ихъ наслѣдствѣ, мать его принуждена была удалиться въ Ѳессалоникъ. И такъ, достигнувши совершеннолѣтія, имѣлъ онъ случай быть въ Венеціи и научиться Италіанскому языку, который изрядно разумѣлъ, равно какъ и Греческій, Арабскій же зналъ совершенно, коего пріобрѣлъ довольную ученость; нѣсколько объяснялся по-русски. Перемѣны, послѣдовавшія въ Крыму, были причиною, что онъ былъ вызванъ дядею своимъ Керимъ-Гиреемъ для наслѣдства и провозглашенъ Калгою-Салтаномъ. И поелику оному, то есть Калгѣ, принадлежитъ въ управленіе Нагайская Орда, то онъ и имѣлъ пребываніе на Кубанской сторонѣ и въ Таманѣ, гдѣ привлекъ къ себѣ не только Татаръ, но даже и сосѣднихъ горскихъ жителей; любилъ заниматься охотою псовою и соколиною, и сими занятіями ежедневно упражнялся; но въ Крыму имѣлъ противную партію, потому что тамъ извѣстна была наклонность его къ Европейскому вкусу, и Шагинъ-Гирей не былъ бы ханомъ, естьли бы императрицѣ Екатеринѣ того не хотѣлось. Безпокойные его родственники удалились въ Адріанополь, а прочіе получили свои удѣлы, и заключенъ съ ханомъ трактатъ, по которому въ вознагражденіе тратъ, причиненныхъ Россіи чрезъ бывшее неспокойство, обязывался ханъ уступить Россіи доходы съ нѣкоторыхъ соляныхъ озеръ и всѣхъ христіянъ, которые имѣли въ Крыму пребываніе. Сверхъ сего гавани Балаклавская и Козловская были свободны для Россійскихъ кораблей. Съ сего времени, по сопредѣленности Крыма съ Новороссійскою губерніею, къ коей присоединена была и Азовская, а болѣе по намѣреніямъ князя Григорія Александровича на сіи предѣлы, онъ имѣлъ непосредственное

участіе въ дѣлахъ Крымскихъ. Онъ представилъ государынѣ, чтобы для составленія большей связи съ ханомъ государыня пожаловала бы его чиномъ гвардіи своей офицера, и ханъ съ особливою признательностію принялъ чинъ, гвардіи Преображенскаго полка, бомбардирской роты капитанъ-поручика, которой роты государыня почиталась капитаномъ. Агентомъ отъ нашего двора опредѣленъ былъ при немъ господинъ Веселицкой, который во всемъ относился къ князю Потемкину; нѣсколько армейскихъ офицеровъ были при ханѣ по желанію его для вводимаго ханомъ формированія регулярныхъ войскъ и нѣсколько чиновниковъ для препорученій, ибо онъ имѣлъ желаніе ввести все что только возможно было Европейское: заводилъ монетной дворъ, чеканилъ мѣдныя и серебрянныя деньги, чего прежніе ханы не дѣлывали; для сего выписывалъ художниковъ чрезъ Руских, при немъ бывшихъ, чиновниковъ; также для двора своего украшенія и другія потребности выписывалъ изъ Москвы и для формируемыхъ войскъ сукна на обмундированіе и оружіе; что все по политическимъ видамъ было ему дозволено. Князь Григорій Александровичъ зналъ, что сіе желаніе хана быть преобразителемъ въ Крыму, при непостоянствѣ и невѣжествѣ Татаръ, подастъ поводъ къ волненію сего народа и надѣялся чрезъ то для Россіи полезныхъ послѣдствій.

Съ сего, то есть съ 1777 года, князь Григорій Александровичъ началъ особенное обращать вниманіе о населеніи Новороссійской губерніи. Земли тамошнія размежевывались и отдавались, а особливо чиновникамъ оной губерніи. Привилегіи, данныя о десятилѣтнемъ увольненіи отъ платежа поземельныхъ и другихъ податей, привлекли туда многихъ охотниковъ. Многія знатнѣйшія особы получили пребогатыя дачи земель и начали переселять туда изъ Россіи своихъ коренныхъ крестьянъ; изъ сопредѣльной Польши и изъ Молдавіи шли туда для поселенія тысячами выходцы, такъ что вдругъ составились обширныя и многолюдныя казенныя и владѣльческія селенія.

Сверхъ того князь Григорій Александровичъ испросилъ у императрицы указъ о поселеніи солдатъ отставныхъ или получившихъ раны на пустопорожнихъ земляхъ; приказалъ отмежевать онымъ выгоднѣйшія дачи, снабдить ихъ для построенія лѣсомъ и другими потребностями, и такимъ образомъ обселились отставные и заслуженные войны и благословляли императрицу за дарованныя имъ выгоды жизни и благоденствіе. Теперь сіи населенія составляютъ обширнѣйшія слободы въ уѣздахъ Екатеринославскомъ и Бериславскомъ. Народъ къ населенію оной губерніи со всѣхъ сторонъ стремился; отъ Днѣстра и изъ за Дуная возвращались ушедшіе туда за три года предъ тѣмъ Запорожцы, селились по Бугу, и вскорѣ препоручено было полковнику Скаржинскому образовать въ тѣхъ мѣстахъ охранное пограничное войско на подобіе Донскаго, и сформированъ Бугскій казачій полкъ, который въ послѣдствіи увеличился и составляетъ не одинъ, но нѣсколько сихъ полковъ.

Въ 1779-мъ году, по силѣ трактата съ ханомъ Шагинъ-Гиреемъ, выведено изъ Крыма христіянъ, Армянъ и Грековъ, нѣсколько тысячь семействъ. Для Армянъ назначено было построить по близости крѣпости Святаго Дмитрія городъ Нахичевань, на прекрасномъ мѣстоположеніи, на правомъ берегу Дона. Планъ сего города былъ во вкусѣ Азіатскомъ. Даны были всѣ средства къ поселенію и обзаведенію сего народа, весьма способнаго къ торговлѣ и промышленности: они почувствовали свои выгоды, завели въ два года разныя свои тамъ мануфактуры, какъ то тканіе шелковыхъ и бумажныхъ матерій, выдѣлываніе са-

фьяновъ, вышиваніе разнаго рода и другія мастерства, въ коихъ Азіатцы славятся превосходствомъ. Князь Григорій Александровичъ испросилъ для нихъ грамоту, которая была великолѣпно отдѣлана и золотыми буквами писана; выписалъ изъ Арменіи для нихъ архіерея, а для поощренія всѣхъ исходатайствовалъ у государыни чины для старѣйшинъ изъ ихъ общества. Греки, которыхъ было меньшее число, поселились на рѣкѣ Калміусѣ, на Бердѣ и на Молочныхъ водахъ, и для нихъ основаны города Маріуполь и Мелитополь; имъ даны также права и преимущества. Албанцы и другіе Греки частію остались въ городахъ Керчи и Ениколѣ, а протчіе переселились въ Таганрогъ на военномъ положеніи, составляя два полка Албанскаго войска пѣхотнаго. Сей народъ, происходящій отъ древнихъ Спартанъ или Майнотовъ, одушевленный воинскимъ духомъ, оказывалъ великую приверженность къ императрицѣ. Рожденіе великаго князя Константина Павловича воспламеняло ихъ новымъ жаромъ къ Россійскому престолу и оживляло надежду о возстановленіи и освобожденіи Греціи (4). Они въ князѣ Григорьѣ Александровичѣ имѣли своего заступника и ходатая у престола; онъ умѣлъ ихъ ободрять, доставляя имъ всевозможныя выгоды и во всемъ свободу, коей они лишены были подъ игомъ Турецкаго могущества.

Въ семъ же 1779-мъ году послѣдовало заложеніе Херсона на правомъ берегу Днѣпра; и какъ предположено было, чтобы на Днѣпрѣ устроить верьфь для кораблестроенія, то и посланъ былъ первоначально контръ-адмиралъ Шубинъ для пріисканія удобнаго мѣста, которымъ избрано было мѣсто, гдѣ за Миниха (5) устроенъ былъ шанецъ близъ отверстія Лимана, на Глубокой нынѣ такъ называемой пристани. Но какъ Григорій Александровичъ представилъ государынѣ, что по вѣроломству Турокъ, оное мѣсто слишкомъ близко и ничѣмъ не закрыто отъ Очакова, изъ котораго безпрепятственно сдѣлавъ набѣгъ водою, могутъ они въ одну ночь истребить заготовленія многихъ годовъ,—императрица, согласуясь съ сею предосторожностію, опредѣлила отнести учрежденіе и застроеніе сей крѣпости, гавани и верьфи за 35 верстъ вверхъ по Днѣпру, гдѣ и положено въ семъ году основаніе Херсона, который начатъ и совершенъ подъ непосредственнымъ распоряженіемъ и управленіемъ князя Григорія Александровича. Предположеніе его было, чтобъ сдѣлать сей городъ знаменитымъ и толико же цвѣтущимъ, каковъ былъ древній Херсонъ въ Херсонѣ Таврическомъ. Планъ крѣпости состоялъ, чтобъ для охраненія самой верьфи и адмиралтейства построить цитадель въ полуциркулѣ, примыкающемъ концами къ рѣкѣ, о 5-ти бастіонахъ. Крѣпость сама по себѣ, составляя вкругъ крѣпости несовершенный эллипсисъ, имѣла девять бастіоновъ съ равелинами и другими укрѣпленіями и 4-ю воротами; отъ крѣпости вверхъ по Днѣпру назначенъ былъ форштатъ для военно-служителей, а внизъ по Днѣпру отъ крѣпости на Югъ, форштатъ для купечества и гражданъ на отлогомъ косогорѣ, близъ рукава Днѣпра, отдѣляющаго противоположной островъ, на которомъ князь Григорій Александровичъ предполагалъ устроить таможню, карантинной домъ и пакгаузы, вырыть каналы и произвесть на немъ то, что императоръ Петръ Великій произвелъ на зыбкомъ грунтѣ въ Петербургѣ. Строеніе Херсона представляло всѣ удобства: каменоломня была почти въ самомъ городѣ, Днѣпръ снабжалъ лѣсомъ, желѣзомъ и всѣми матеріялами и запасами; но

(4) Сличи въ Р. Архивѣ 1864, стр. 977 письмо грека Николая Пангала на имя великаго князя Константина Павловича.

(5) Т. е. во время Турецкаго похода подъ начальствомъ гр. Миниха.

составляли препятствіе пороги, которое преодолѣть князь предположилъ и совершилъ. Окружную вкругъ города землю князь позволилъ раздать на участки для загородныхъ домовъ и садовъ, и въ Петербургѣ едва-ли знали то о князѣ, какъ въ Херсонѣ, сколь онъ попечителенъ и предусмотрителенъ для блага водворяемыхъ имъ новыхъ гражданъ, которые, будучи заохочены и поощрены, другъ другу соревновали, чтобъ произвесть строенія и угодить тѣмъ попечительному начальству. Чрезъ два года по основаніи, уже въ Херсонъ приходили корабли и отправлялись съ грузомъ и подъ Россійскимъ флагомъ. Народъ, промышленностію существующій, стремился со всѣхъ сторонъ и обогащался. Иностранцы разныхъ племенъ, разныхъ религій, завели коммерческіе домы и конторы; торгъ запростирался въ Смирну, въ Ливорну, въ Мессину, въ Марсель и въ Александрію. Таковые плоды видѣла императрица отъ соображеній князя Григорія Александровича, отъ усердія его и отъ желанія содѣлаться достойнымъ тѣхъ щедротъ, коими отъ монархини былъ усчастливленъ.

ГЛАВА VI-я.

Въ 1780 году строеніе Херсона производилось со всею дѣятельностію, для чего изъ дивизіи 4-й, бывшей подъ командою князя Григорья Александровича, откомандировано было 10 пѣхотныхъ полковъ, которымъ отпущенъ былъ потребной лѣсъ на построеніе казармъ. Каждый полковой командиръ могъ, на отведенномъ по плану общему военнаго форштата мѣстѣ, располагать по собственному плану построеніе казармъ, составляя 1-ю линію для полковаго штаба, 2-ю линію офицерскую, 3-ю и 4-ю солдатскія, и позади оныхъ въ полѣ полковые дворы и лазареты. Строенія сіи производились съ непостижимою дешевизною для казны; на оныя лѣсу употреблялось только на столбы, на рамы для оконъ и дверей, на перекладь и стропила для кровлей; между столбами стѣны дѣлали или изъ набивной земли, или переплетенныя ивовыми прутьями или камышемъ, коихъ на противолежащемъ берегу Днѣпра, на низменныхъ мѣстахъ, произобильно. Всякое капральство строило свою казарму, а офицерскіе и штабъ-офицерскіе строены вообще отъ полка; такъ что ни казна, ни офицеры, ничего не теряя, въ одно лѣто, при выполненіи нарядовъ въ крѣпостную работу, успѣли выстроить казармы, довольно вмѣстительныя для всѣхъ; и десять полковъ разселились на протяженіи 5-ти верстъ при водѣ и при дровахъ, то есть при камышѣ, коего на лѣвомъ берегу во множествѣ и запасать сколько было потребно безъ всякаго затрудненія. Такимъ образомъ выстроился военной форштатъ съ церквами въ каждомъ полку, изъ таковаже рода строенія. Надобно сказать къ чести полковыхъ нѣкоторыхъ начальниковъ, что они имѣли и способность и усердіе произвесть одними трудами безъ издержекъ, весьма красивыя и пристойныя для солдатъ и протчаго строенія, которыя, хотя по составу своему не могли быть прочны, но могли болѣе 10-ти лѣтъ стоять для помѣщенія войскъ, бывшихъ въ Херсонѣ. Князь Григорій Александровичь, въ Молдавіи и въ Украйнѣ узнавши о строеніи и дешевизнѣ такъ называемыхъ мазанокъ, то есть домовъ изъ плетня и глины, велѣлъ въ Херсонѣ произвесть сей десятилѣтній для помѣщенія солдатъ лагерь. Для строеній же гражданскихъ былъ откомандированъ архитекторъ съ помощниками, велѣно отпускать изъ казны потребной строевой лѣсъ отъ строительной канцеляріи по цѣнѣ казенной съ разсроченною уплатою. Каменноломни были повсемѣстныя; глад-

кой и мягкой плитнякъ какъ по берегамъ Днѣпра, такъ и по Ингульцу, въ 12-ти верстахъ, добывался безъ дальнихъ трудовъ, такъ что кубическая сажень онаго съ доставкою въ городъ платилась по 3 р. Изъ сего же плитняка жгли известь камышемъ, которая обходилась въ казну по 50 и 60 к. четверть, и изъ казны оную отпускали по сей цѣнѣ на частныя строенія. Отъ князя свѣтлѣйшаго предписано было употреблять полки въ крѣпостную землянную работу, раздѣля на два наряда, чтобы половина имѣла недѣлю отдыху и изъ сей половины отпускать на вольную работу; посему солдатъ, въ томъ дешевомъ тогда краю, заработывалъ на вольной работѣ 50 к. въ день, и на казенной земляной получилъ по 5 к., а на каменной по 10 к., и солдаты безнужно могли всегда употреблять въ пищу свѣжую говядину при обогащеніи своихъ артелей; сверхъ того для каменоломки казенной и для дѣланія извести прислано было 1000 человѣкъ преступниковъ. Но вскорѣ кораблестроеніе казенное и частное привлекло туда тысячами множество мастеровыхъ, для помѣщенія коихъ такія же даны были средства, какъ и солдатамъ; и сими облегченными средствами городъ съ удивительною скоростію сдѣлался цвѣтущимъ. Подвозы всякаго рода жизненныхъ припасовъ приходили безпрерывно изъ Польской и сопредѣльной Россійской Украйны. Генералъ цейгмейстеръ флота Иванъ Аврамовичъ Ганнибалъ былъ начальствующій какъ войскъ, такъ адмиралтейства и всего заведенія. Инженерная часть ввѣрена была полковнику Ивану Ивановичу Герману. Но пороги Днѣпровскіе крайне озабочивали доставленіе лѣсовъ и вообще судоходство по Днѣпру. Надобно было все сплавливаемое по рѣкѣ останавливать въ Кременчугѣ, какъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ фуры сыскать удобно, а оттуда доставлять сухопутно. Князь Григорій Александровичъ положилъ уже въ умѣ преодолѣть сію трудность, посылалъ туда гидростатиковъ для осмотру и заключилъ, что во время мелководія, когда гранитныя скалы, изъ коихъ природа составила оныхъ 12-ть водопадовъ, бываютъ съ Іюля по Сентябрь отъ 1-го до 2-хъ аршинъ сверхъ поверхности воды, тогда можно оныя взрывать порохомъ и такимъ образомъ прочистить фарватеръ, по коему во время полноводія можно безъ опасенія имѣть судоходство до самого Херсона. Князь Григорій Александровичъ, будучи въ Молдавіи, имѣлъ случай узнать купца Фалѣева, и по увѣренности въ честности его, зная природное остроуміе его, положилъ себѣ долгомъ возвесть сего трудолюбиваго и достойнаго счастія человѣка, при возвышеніи своемъ давалъ ему средства входить въ откупы и подряды, такъ что въ продолженіе 6-ти лѣтъ онъ составилъ себѣ знатное состояніе. Но Фалѣевъ искалъ и достиженія честей, и князь Григорій Александровичъ сообщилъ ему мысли о взорваніи пороговъ, увѣря, что успѣхъ сего дѣла, столь полезнаго для государства, подастъ ему случай заслужить достоинство, коего онъ ищетъ; а что къ совершенію сего князь не оставитъ его безъ средствъ, снабдивъ солдатами для работъ, минерами для дѣйствія порохомъ и всякаго другаго рода пособіями. Михайло Леонтіевичъ Фалѣевъ съ усердіемъ приступилъ къ сему предпріятію, и въ два года успѣлъ столько, что въ 1783 году барки изъ Брянска пришли съ желѣзомъ и чугуномъ прямо въ Херсонъ; также провіантъ и всѣ потребности проходили благополучно въ Херсонъ. За сіе Михайло Леонтіевичъ имѣлъ счастіе получить отъ императрицы медаль золотую и дипломъ на дворянское достоинство (6). Такими сред-

(6) Впослѣдствіи онъ былъ употребленъ для построенія гребнаго флота и города Николаева,

ствами князь свѣтлѣйшій достигалъ многихъ намѣреній.

Въ 1781-мъ году приведена къ окончанію линія укрѣпленій Кавказская, составлявшая цѣпь до Моздока. Сія часть была подъ начальствомъ уже князя Григорія Александровича. Оную цѣпь укрѣпленій застроилъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, бывшій тогда генераломъ - поручикомъ. Сія линія положила предѣлъ набѣгамъ, производимымъ горскими народами. Въ оной составляли гарнизонъ или охранное войско 5-ть полковъ пѣхотныхъ и два драгунскихъ, да новоустроенное тогда же тамъ на рѣкѣ Терекѣ Терское казачье войско, а прочіе, бывшіе тамъ еще полки, подъ начальствомъ Александра Васильевича, 6 пѣхотныхъ, 1 драгунской и 2 гусарскихъ, возвращены въ Россію. И оставшимся корпусомъ командовалъ генералъ-маіоръ Фабриціанъ. Въ семъ случаѣ царь Грузинскій и Карталинскій просилъ у императрицы покровительства противъ Персидскихъ хановъ, изъ коихъ Авганскій и нѣкоторые горскіе народы разоряли Грузію; вслѣдствіе чего отъ князя Григорія Александровича послоан повелѣніе генералъ-маіору Фабриціану идти въ Грузію для обезпеченія оной. И съ того времени войска Россійскія безпрестанно туда посылаемы были до присоединенія тѣхъ царствъ къ Россіи.

Въ 1782 году Порта не могла безъ смущенія взирать на Херсонъ, на флотъ, строющійся близь Очакова, на корабли купеческіе, безпрепятственно мимо его плывущіе съ богатствами къ сей новоустроенной гавани. Въ ономъ году духъ безпокойства возбужденъ былъ между родственниками хана Шагина-Гирея, и Батырь-Гирей, 60-ти лѣтній старикъ, старшій братъ хана, начальствуя въ Таманѣ, между Нагайскими султанами и мурзами, внушилъ неудовольствія на вводимыя новизны и регулярство войскъ и явно возставалъ на хана. Его подкрѣплялъ Алимъ-Гирей, племянникъ его. Они писали въ Крымъ, а особливо въ Кефу, гдѣ ханъ имѣлъ тогда свое пребываніе; настроили муфтія обличать хана правилами Алькорана, въ подражаніи его христіанамъ, что онъ не имѣетъ болѣе 4-хъ женъ вопреки закону, не желая поддержать поколѣніе Чингисъ-хана, что онъ стыдится бороды своей, скрывая оную подъ галстукъ. Словомъ, муфтій доходилъ до дерзости; но на другой день послѣ сей сцены увидѣли на лобномъ мѣстѣ три висѣлицы, изъ коихъ на одной повѣшенъ былъ муфтій, а на другихъ два знатныхъ мурзы, замѣченныхъ по ихъ мятежному духу; а провозглашатели возвѣстили съ минаретовъ, что такъ будетъ наказанъ каждый, возстающій на своего законнаго государя. Но сіе вяще ожесточило умы, и ханъ долженъ былъ окружить себя вѣрными его бешлеями (такъ назывались образованныя имъ войска). Въ семъ положеніи Шагинъ-Гирей ускорилъ извѣстить о опасности, ему угрожающей, князя Григорія Александровича, а между тѣмъ писалъ къ генераламъ, командующимъ въ Херсонѣ и въ Таганрогѣ, чтобы они прислали къ нему военныя суда для отплытія изъ Крыма, на случай предвидимой имъ опасности. Князь Григорій Александровичъ, пользуясь обстоятельствами, отправилъ генералъ-маіора Самойлова къ хану, съ полнымъ наставленіемъ, какъ спасти хана, и не допуская кровопролитія уско-

въ коемъ умеръ и погребенъ, будучи генералъ-интендантомъ. *Примѣч. гр. Самойлова.* Памятникомъ личныхъ сношеній кн. Потемкина съ Фалѣевымъ остались письма къ нему князя, отчасти напечатанныя въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Эти письма, въ болѣе полномъ собраніи, равно какъ такъ называемые *ордера* кн. Потемкина къ другимъ его сподвижникамъ и рапорты сихъ послѣднихъ, собраны просвѣщеннымъ дѣятелемъ того края Е. А. Касиновымъ. Желательно, чтобы всѣ эти бумаги были изслѣдованы и изданы.

рить сіе, чтобы Турки не имѣли ни причинъ, ни времени въ сіе дѣло вмѣшаться. Генералъ-маіоръ Самойловъ прибылъ въ Керчь, гдѣ уже ханъ для уклоненія отъ опасности находился. Онъ хану представилъ, что, по малочисленности Керчь-еникольскаго гарнизона, защитить его не возможно и лучше ускорить отбытіемъ въ Петровскую крѣпость, откуда онъ можетъ Россійскимъ оружіемъ возвращенъ быть въ свое владѣніе; почему ханъ согласился и тогда же отправился съ нимъ чрезъ Азовское море въ реченную крѣпость, при чемъ взялъ съ собою нѣсколько вѣрныхъ чиновниковъ и Россійскихъ офицеровъ, при немъ бывшихъ, и принадлежащія ему драгоцѣнности. Вскорѣ генералъ-маіоръ Самойловъ, какъ бы изъясняя свои мысли, подалъ хану мнѣніе о уступленіи Крыма Россіи, что великодушная монархиня чрезъ такой отъ его свѣтлости отзывъ подвигнется для возведенія хана въ Персидскіе шахи, яко такого государя, который отъ старшей Чингисъ-хановой линіи имѣетъ блистательное происхожденіе. Шагинъ-Гирей, зная могущество императрицы, плѣненъ былъ сею мыслію и написалъ къ государынѣ о семъ предметѣ письмо, которое генералъ-маіоръ Самойловъ отправилъ къ князю Григорію Александровичу чрезъ бывшаго при немъ бригадира Горича Большаго. Тогда князь представилъ государынѣ о возможности пріобрѣтенія Крыма безъ пролитія крови. Государыня увѣрена была, что князь Потемкинъ не сдѣлаетъ въ предположеніяхъ своихъ ошибки и возложила на него сіе великое дѣло. Вслѣдствіе чего князь наскоро отправился самъ въ Петровскую крѣпость для свиданія съ ханомъ, испытанія его мыслей и учрежденія сего предпріятія. Генералъ-поручику графу Де-Бальмену дано было повелѣніе принять въ начальство корпусъ изъ 3-хъ полковъ гранодеръ, 4-хъ мушкатеръ, 2 баталіоновъ егарей, 1-го гранодерскаго своднаго баталіона, 2 полковъ гусарскихъ и 4-хъ пикинерныхъ, да 6-ти полковъ войска Донскаго, коимъ сборное мѣсто назначено было въ Никополѣ, чтó на Днѣпрѣ, а общее собраніе войскъ, въ 25-ти верстахъ отъ Перекопа, въ коемъ бунтующіе ввели нѣсколько своего войска и заперли ворота чрезъ линію Перекопскую.

Князь Григорій Александровичъ, распорядя сію экспедицію, отправился самъ обратно въ Петербургъ. Генералъ-маіоръ Самойловъ, въ препровожденіи хана, отправился въ Никополь, гдѣ и нашли они графа Де-Бальмена въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1782 года. Возмущеніе же, принудившее хана Шагинъ-Гирея на оставленіе Крыма, возымѣло успѣхъ. Батырь-Гирей изъ Суджукъ-Кале переправился моремъ на судахъ въ Кефу и, подкрѣпляемый Алимъ-Гиреемъ, былъ провозглашенъ ханомъ всѣхъ Татарскихъ ордъ, и послалъ отзывъ къ генералу Ганнибалу въ Херсонъ, что онъ по праву первородства призванъ народомъ на свой наслѣдный престолъ, что не намѣренъ чинить съ Россіею разрыва и чрезъ посредство его желаетъ отправить пословъ къ государынѣ. На такой отзывъ не могъ ханъ, самоназвавшійся, получить ни рѣшительнаго, ни скораго отвѣта. Посему, будучи въ опасеніи, пріуготовлялся къ защищенію, собирая сколь можно войска. Графъ Де-Бальменъ съ корпусомъ переправился чрезъ Днѣпръ въ Кизикирмень, откуда генералъ-маіоръ Самойловъ откомандированъ былъ съ отрядомъ для занятія Перекопа и линіи. Два баталіона егарей и 3-й гранодерскій полкъ взяли сію крѣпость, и ворота Перекопскіе отворились для хана и для войскъ, его сопровождающихъ. Продолжали движеніе къ Карасу-Базару; на пути встрѣтили Алимъ-Гирея съ нѣсколькими тысячами Татаръ, на коихъ правой флангъ, составляющій конные полки, ударилъ и разсѣялъ

сію толпу въ мгновеніе, послѣ чего уже они не собирались въ большихъ силахъ и удалились въ горы, къ рѣчкѣ Индалю; а Батырь-Гирей хотѣлъ уйти на Кубанскую сторону, но преслѣдующимъ его гранодерскимъ своднымъ баталіономъ настигнутъ съ малымъ остаткомъ приверженныхъ и съ послѣдовавшими за нимъ арестованъ и привезенъ въ Катаршахъ-Серай, въ 7-ми верстахъ отъ Карасу, гдѣ графъ Де-Бальменъ съ ханомъ остановился главною квартирою до совершеннаго успокоенія онаго мятежа, и гдѣ чрезъ три мѣсяца послѣдовало отреченіе хана отъ всѣхъ его владѣній. Вскорѣ захваченъ былъ и Алимъ-Гирей, и къ концу того года все было успокоено. Шагинъ-Гирей былъ возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ въ Катаршахъ-Сараѣ (7), и тогда при собраніи народа онъ совершилъ судъ надъ возмутительными, которыхъ общимъ голосомъ народа приговорили къ смерти; но онъ брату своему Батырь-Гирею даровалъ жизнь и свободу, а прочіе казнены по закону Татарскому, бывъ изрублены на мѣстѣ; но за симъ ханъ провозгласилъ къ народу отреченіе отъ полуострова Крыма и отъ ханства. Все было распоряжено къ учрежденію тишины, и оружіе у всѣхъ Татаръ было отобрано; позволено было нежелающимъ оставаться перейти за Кубань въ Анапу и чрезъ Перекопъ за Днѣпръ на Очаковскую степь, а желающіе остаться должны были присягнуть въ вѣрности Россіи. Сіе разбирательство продолжилось до Мая мѣсяца, и во все то время ханъ Шагинъ-Гирей оставался въ Крыму. Онъ началъ колебаться въ разсужденіи Нагайскихъ ордъ, кои его къ себѣ призвали опять, и Лезгинцы приглашали его къ себѣ. Князь Григорій Александровичъ препоручилъ генералъ-маіору Самойлову кончить съ ханомъ переговоры и убѣдить ѣхать въ Россію, а самъ отправился для обозрѣнія Херсона и Крыма и для учрежденія въ немъ всего къ новому тамъ устроенію, потому что генералъ Ганнибалъ былъ смѣненъ оттуда, и опредѣлены были два начальника: одинъ отъ флота адмиралъ Клокачевъ, а другой отъ арміи генералъ-поручикъ Гейкингъ; а намѣсто Германа, для строенія крѣпости, опредѣленъ былъ полковникъ Гаксъ.

Князь Григорій Александровичъ еще былъ въ Херсонѣ, какъ ханъ отправился въ Тамань, чтобы оттуда поѣхать сухимъ путемъ въ крѣпость Святаго Димитрія, но тамъ мысли его опять перемѣнились. Лезгинцы весьма желали его имѣть, и наконецъ онъ повиновался судьбѣ своей, отправился въ путь въ сопровожденіи отряда войскъ (8).

Князь Григорій Александровичъ, по пріѣздѣ въ Херсонъ, замѣтилъ, что укрѣпленія, тамъ строемыя, неудобны къ защитѣ какъ по ситуаціи мѣста, такъ и по узкости рвовъ и по низкости контрескарпа, почему и повелѣлъ полковнику Карсакову строить по вновь апробованному плану. Между тѣмъ, узнавъ о злоупотребленіяхъ нѣкоторыхъ полковниковъ, произвелъ инспекторской смотръ полкамъ, и до 6 человѣкъ полковниковъ отрѣшилъ отъ команды и исключилъ изъ службы. Потомъ отправился въ Крымъ, дабы при бытности его совершилась присяга въ подданствѣ Россіи Татаръ оставшихся. Такимъ образомъ совершилось пріобрѣтеніе Крыма безъ кровопролитной брани. Сія древняя, населяемая разными народами, страна,

---

(7) Загородной весьма изрядной домъ одного мурзы, бывшаго въ числѣ возмутителей. *Примѣчаніе гр. Самойлова.*

(8) Впослѣдствіи онъ жилъ на пенсіи въ Воронежѣ и въ Калугѣ, но потомъ, по желанію, въ Адріанополѣ, откуда Порта заслала его въ Родосъ, потомъ въ Каиръ, гдѣ по повелѣнію султана умерщвленъ. *Примѣч. гр. Самойлова.*

въ коей Владиміръ святый просвѣтился вѣрою Христовою, подошла подъ скипетръ Россійской чрезъ 900 лѣтъ послѣ той эпохи, будучи покорена проницательностію и предпріимчивостію князя Григорія Александровича и названа областію Таврическою или Тавридою; а князь Григорій Александровичъ за сіе покореніе пожалованъ фельдмаршаломъ и проименованъ Таврическимъ. Государыня успѣхомъ сего дѣла торжествовала предъ всѣми Европейскими монархами. Порта Оттоманская, потерявъ съ симъ могущество на Черномъ морѣ, чувствовала униженіе свое и не смѣла вдругъ возстать, какъ между тѣмъ и Россія имѣла довольное время приготовиться къ оборонѣ и къ самому нападенію. Князь Григорій Александровичъ зналъ сіе и изыскивалъ средства, чтобъ, умножа армію, не обременить государственныхъ финансовъ, а облегчить, доставя выгоду и способность заниматься болѣе службою и исправленіемъ военнаго дѣла.

По совершеніи покоренія Тавриды, Нагайцы начали безпокойства; но Александръ Васильевичъ Суворовъ, пожалованный тогда генералъ-аншефомъ, прекратилъ оныя. Между тѣмъ царь Ираклій Грузинскій, отдававшійся предъ тѣмъ подъ покровительство Россіи, былъ обезпокоенъ Лезгинцами. Князь Григорій Александровичъ отправилъ съ корпусомъ для усмиренія сихъ безпокойныхъ горцовъ генералъ-маіора Самойлова, который, переправясь чрезъ горы Кавказскія, усмирилъ Чеченцевъ, дѣлавшихъ разоренія и набѣги; потомъ въ соединеніи съ царемъ Иракліемъ, которой имѣлъ 6000 своего войска и многихъ князей своего поколѣнія въ семъ ополченіи, вошли они въ предѣлы Лезгинцовъ, одержали надъ ними поверхность, многократными ихъ пораженіями принудили ихъ смириться и покориться Россіи, для чего и взяли отъ нихъ заложниками знатнѣйшихъ изъ ихъ поколѣнія, и такимъ образомъ Грузія была успокоена.

Возвращаясь изъ Тавриды, князь Григорій Александровичъ, будучи въ Херсонѣ, началъ преобразованіе войскъ. Онъ не терпѣлъ введеннаго въ полкахъ неприличнаго и тягостнаго для солдата щегольства; зналъ, сколько чрезъ оное солдатъ теряетъ малаго своего жалованья, съ потерею времени и даже здоровья; онъ зналъ, что многіе изъ молодыхъ полковниковъ все превосходство почитали въ букляхъ, въ пудрѣ, въ лакировкѣ и въ вытяжкѣ, захватывающей дыханіе, и что сіе зло было причиною побѣговъ и ненавидѣнія службы; и потому, сображаясь къ народной наклонности, положилъ все то отбросить и даже мундиръ дать другаго покроя. И такъ вдругъ караулу, у него бывшему, велѣлъ онъ при себѣ остричь косы и букли и вымыть головы водою, потомъ далъ образцы куртокъ, шароваръ для лѣта изъ парусины, а зимою суконныхъ, и сдѣлалъ образцовыя каски. Гусарскіе полки положилъ передѣлать на легкоконные, чрезъ что сберегъ значительную экономію для обмундированія увеличеннаго числа формируемыхъ имъ кавалерійскихъ полковъ. Словомъ, сіе преобразованіе пріятно было императрицѣ и согласно съ мыслями сей великой государыни. Герой Италійскій столько любилъ сію одежду солдатъ, что всегда не оставлялъ оныя. Всѣ тѣ, кои не заняты были педантизмомъ службы, одобряли сіе введеніе, а солдаты благословляли имя того, кто ихъ освободилъ сею перемѣною отъ излишнихъ заботъ. Между тѣмъ ввелъ нѣкоторыя ограниченія въ разсужденіи власти нижнихъ офицеровъ для прекращенія жестокостей, и подвелъ подъ власть начальства повѣрку солдатскихъ артелей, то есть складки ихъ изъ жалованья. Все сіе сдѣлано было для истребленія злоупотребленій. Но чтобъ не причинить реформою убытку, предписалъ съ новыхъ сроковъ заго-

товлять вещей по тѣмъ образцамъ, а старыя донашивать, отдавъ полковникамъ на волю передѣлывать изъ своей экономіи оныя. Такимъ образомъ все сдѣлалось безъ отягощенія казны и съ пользою для всѣхъ.

Преобразованіе и умноженіе войскъ производилось совокупно; гранодерскіе полки сдѣланы 4-хъ баталіонные, а мушкатерскіе 2-хъ баталіонные, егарскіе корпусы изъ 4-хъ баталіоновъ составились; кавалерія составляла кирасировъ, карабинеровъ; легкоконные полки, все по 6 эскадроновъ, а драгунскіе по 12; мундиры у всѣхъ одинакіе и оружіе съ различіемъ цвѣта бѣлаго, синяго и зеленаго и съ различіемъ пуговицъ; у всѣхъ же войскъ вообще единообразныя каски.

Но при сихъ перемѣнахъ въ войскѣ и перемѣнахъ въ перестроеніи крѣпости, открылась вдругъ въ Херсонѣ и въ Крыму зараза. Сей бичь южнаго края остановилъ все что̀ производилось съ толикимъ успѣхомъ. Князь впалъ въ горячку и, не желая въ болѣзни оставаться въ такомъ мѣстѣ, больной отправился въ Петербургъ, распорядя все для истребленія сего несчастія.

Возвращаясь въ Петербургъ, князь Григорій Александровичъ на дорогѣ въ Черниговѣ почувствовалъ усилившуюся въ немъ болѣзнь и не могъ нѣсколько дней продолжать своего путешествія, но оправясь продолжалъ оное и по пути заѣхалъ въ свое Кричевское владѣніе, а оттуда наконецъ прибылъ благополучно въ Петербургъ, въ которомъ милости монархини и вся довѣренность къ нему его ожидали. Императрица до чрезмѣрности довольна была введеннымъ княземъ преобразованіемъ войскъ; изволила сама осматривать полки, въ новомъ видѣ одѣяніе и рескриптомъ о семъ предметѣ утвердила вымыслъ фельдмаршала, ею въ 1784 году вновѣ пожалованнаго. Положено было переименованіе Ново-россійской губерніи въ Екатеринославскую и основаніе сего города по представленію намѣстника оной губерніи князя Потемкина Таврическаго. Для сего предмета князь свѣтлѣйшій сдѣлалъ распоряженія о заготовленіи лѣсовъ и другихъ матеріаловъ; но поелику въ томъ краю каменностроителей не много, то князь Григорій Александровичъ бывшихъ въ Петербургѣ каменнодѣловъ, извѣстныхъ подъ названіемъ тавлинцовъ, вызвалъ туда и отправилъ ихъ на мѣсто для заготовленія жженаго кирпича и камня для предполагаемыхъ казенныхъ строеній, кои къ началу 1785 года туда прибыли и тамъ въ селѣ Половицѣ, близь самого назначаемаго мѣста для города Екатеринослава, на правомъ берегу Днѣпра, въ 10-ти верстахъ выше перваго Днѣпровскаго порога, свое дѣло начали, а въ 1785 году оной городъ основанъ (9).

Между тѣмъ въ 1784 году взяты были всевозможныя мѣры о прекращеніи въ Херсонѣ и въ окрестныхъ мѣстахъ заразы, которая съ помощію Божіею въ Ноябрѣ мѣсяцѣ того года совершенно пресѣклась. Во время свирѣпства сего зла начальствовалъ въ Херсонѣ генералъ порутчикъ графъ Де-Бальменъ, и его неусыпныя попеченія о искорененіи оной были спасеніемъ для сего края.

Совершенное покореніе Крыма грозило новою бурею полуденнымъ предѣламъ, тѣмъ паче что дворы Европейскіе не могли видѣть сего равнодушно. Состязанія Вѣнскаго и Берлинскаго дворовъ принудили императрицу быть посредственницею той стороны, которая будетъ уступчивѣе; но для убѣжденія въ семъ нужно было къ Заславлю подвинуть 30-ти тысячной корпусъ. Князь Григорій Алек-

(9) См. въ Русскомъ Архивѣ 1865 года стр. 394, въ Потемкинскихъ бумагахъ: Начертаніе города Екатеринослава, а также стр. 66 его донесеніе Екатеринѣ о томъ краѣ.

сандровичъ, яко вице-президентъ коллегіи, имѣлъ препорученіе сіе учредить, не обнажая границъ южныхъ, и дѣятельность его въ семъ случаѣ споспѣшествовала Тешенскому миру.

По предъусмотреніи намѣреній Порты Оттоманской, равномѣрно какъ по расширенію и по достоинству имперіи, государынѣ угодно было увеличить армію 80-ю тысячами войска, что́ и возложено было на князя Григорія Александровича. Тогда по сему предмету, какъ для сближенія дѣлопроизводства, такъ и для обозрѣнія послѣ мороваго опустошенія ввѣренной губерніи, князь Таврическій отправился въ Херсонъ и въ Екатеринославъ и Тавриду. При семъ второмъ путешествіи положилъ онъ основаніе Севастопольской гавани, для вмѣщенія многочисленнѣйшаго возможнаго флота по природѣ удобной; учредилъ въ Таврической области и въ Екатеринославской губерніи уѣзды и города, въ Херсонѣ распорядилъ все для скорѣйшаго строенія кораблей военныхъ, назначилъ построить дворцы для предположеннаго пріѣзда императрицы въ тѣ предѣлы, прожилъ болѣе мѣсяца зимою въ Кременчугѣ, въ коемъ тогда находилось Екатеринославское управленіе губерніи; старался привлечь къ себѣ тамошнихъ жителей, коихъ разнообразность природы, нарѣчія и одѣянія имѣли нѣчто необыкновенное: поелику въ оной составилось населеніе изъ Малороссіянъ и природныхъ Русскихъ, изъ Сербовъ, изъ Молдаванъ, изъ Грековъ и изъ Армянъ и другихъ нѣкоторыхъ поселившихся прежде въ предѣлахъ Россіи иноземцовъ. Онъ успѣлъ ласкою, вѣжливостію и пристойною сану его пышностію пріобрѣсть всѣхъ любовь и уваженіе, одушевилъ ихъ и соединилъ въ связь общественную; давалъ для нихъ каждодневно пиршества, концерты и балы и пріуготовилъ, такъ сказать, ихъ ко встрѣчѣ двора высочайшаго. При всемъ томъ отправлялъ дѣла, формировалъ войска, и въ то самое время негодующую Порту заставлялъ скрывать свое униженіе, притворствовать и не смѣть всчинать брани. Такимъ образомъ приготовлялъ онъ все къ отраженію и уничиженію непримиримаго врага и къ обрадованію императрицы плодами населенія дикихъ предѣловъ, въ царствованіе ея воздѣланныхъ и одушевленныхъ.

При семъ къ связи дѣяній князя Потемкина Таврическаго принадлежитъ упомянуть о войскѣ Донскомъ, которое имъ было выведено изъ прежняго состоянія уничижительнаго и поставлено на чреду быть славнымъ. При началѣ сей исторіи упомянулъ я, что казаки Донскіе употреблялись не по приличію ихъ природнаго мужества и не по достоинству народа, добровольно служащаго государю и отечеству. Присовокуплю къ тому слѣдующее. Донскіе старшины полковые почти всѣ не имѣли чиновъ; не рѣдко полковникъ съ полкомъ доставался прапорщику въ команду при обозѣ или въ разъѣздъ, который могъ наказывать его, яко не имѣющаго ни чина, ни дворянскаго достоинства. Отъ сего естественно въ нихъ былъ общій духъ неудовольствія и обиженныхъ быть не не могло. Отъ сего-то до 1775 года не рѣдко на Дону возникалъ духъ неспокойствія. Князь Григорій Александровичъ, получа въ начальство иррегулярныя войска, слѣдовательно и Донское, положилъ за правило ободрить сей народъ, который отъ природы, рожденъ будучи въ краю преизобильномъ и пріятномъ, не зналъ ни нѣги ни роскоши, ревностенъ къ вѣрѣ, сроденъ къ военнымъ подвигамъ, великодушенъ и готовъ подвизаться за отечество. Узнавши въ Петербургѣ Донскаго атамана Иловайскаго, старался о приличномъ его возвышеніи, и государыня почтила его чиномъ генералъ-поручика и кавалеріею чрезъ плечо, что́ и было первымъ явленіемъ для всего Дону. Да-

вать чины до штабъ-офицера князь имѣлъ право, яко вице-президентъ и главнокомандующій оными войсками, и по представленію отъ атамана онъ не щадилъ ободрять сихъ воиновъ и даже входилъ съ представленіемъ къ государынѣ о тѣхъ, которымъ должно было явить награды, отъ его власти не зависящія. Вскорѣ, во время его начальствованія, старшины всѣ, сдѣлавшись чиновны, не опасались уничиженія; духъ ободренія возбудилъ въ нихъ мужество, и на полѣ браней явились казаки во всемъ достоинствѣ и достигли нынѣ той великой славы, что вся Европа мужеству ихъ удивляется. Не менѣе поощреніемъ послужило и то, что по представленію князя Григорія Александровича, государыня соизволила, дабы въ числѣ ея лейбъ-гвардіи была лейбъ-казачья сотня, и симъ произвелось нѣкоторое соревнованіе въ каждомъ, чтобы имѣть честь служить въ оной сотнѣ.

Въ 1786 году довершилось совершенное преобразованіе и укомплектованіе, по увеличенію арміи положенное. Сей годъ употребленъ былъ на приготовленіе къ путешествію государыни, распоряжены были станціи, пріуготовлялись для пріѣзда государыни дворцы; въ Херсонѣ дѣятельность была чрезвычайная о совершеніи по новому плану одной части крѣпостныхъ работъ и объ рытіи другой; въ крѣпости построились прекрасные и прочные казенные зданія и магазейны, и въ новомъ вкусѣ архитектуры изъ гладкаго тесаннаго камня освящена была церковь; арсеналъ величественный возвышался посреди крѣпости, кораблестроеніе производилось съ неимовѣрною поспѣшностію: за годъ предъ тѣмъ былъ спущенъ въ бытность князя корабль 70 пушечной „Слава Екатерины“ и линейной фрегатъ о 50 пушкахъ, а на сей годъ готовились къ спуску еще три корабля. Севастополь выстроился, и гавань онаго укрѣплена въ скалахъ устроенными батареями. Дороги въ горахъ Таврическихъ разчищены и сдѣланы способными для высокой путешественницы. Екатеринославъ вдругъ возникалъ и являлъ видъ пріятнаго обиталища новонаселяемаго; въ Бѣлоруссіи построена флотилія, состоявшая изъ 12 яхтъ и такого жъ числа ластовыхъ судовъ для путешествія государыни отъ Кіева до пороговъ Днѣпровскихъ. Оныя суда построены такъ, чтобы могли плыть подъ парусами и на веслахъ; начальникъ сей флотиліи былъ контръ-адмиралъ Петръ Ивановичъ Пущинъ съ приличнымъ числомъ флотскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ и матросовъ. На оныя суда въ Кіевѣ посажены были для службы и для дѣйствія веслами армейскіе солдаты, егаря съ ихъ офицерами.

Всѣ новоформированные конные и армейскіе полки кромѣ тѣхъ, коихъ должно было оставить для содержанія карауловъ и пограничныхъ постовъ, двинуты были въ Екатеринославскую губернію и расположены около Полтавы, Кременчуга, Миргорода и Херсона. Въ Тавридѣ былъ достаточной корпусъ для наблюденія береговъ. На Кубанѣ и въ Кавказѣ оставлены были также потребныя для тѣхъ предѣловъ войска.

Въ началѣ 1787 года государыня изволила отправиться изъ Санктпетербурга въ сопровожденіи многочисленнаго двора и важнѣйшихъ иностранныхъ дворовъ министровъ; къ тому дѣйствовала благонадежность князя Потемкина на то, что все, совершенное подъ руководствомъ его по начертаніямъ императрицы, заслуживаетъ вниманіе. Князь Григорій Александровичъ отправился въ свитѣ ея величества. Императрица, проѣзжая чрезъ Бѣлорусскій трактъ, чрезъ Новгородъ Сѣверскій и чрезъ Черниговъ, наконецъ, въ ожиданіи весны, изволила остаться въ Кіевѣ, откуда на судахъ прибыла въ Кременчугъ, гдѣ, предъ-

упредя пріѣздъ ея величества, князь Григорій Александровичъ имѣлъ счастіе принять свою монархиню яко намѣстникъ Екатеринославскій. О семъ путешествіи много писано и издано въ свѣтъ преданій; но можно сказать, что сіе путешествіе было торжественное шествіе всеобожаемой монархини, а купно и торжество князя Потемкина Таврическаго надъ врагами его личными. Иностранцовъ поражала новость сихъ цвѣтущихъ странъ и скорое ихъ изъ дикости перерожденіе.

Императоръ Римскій Іосифъ II-й, прибывшій въ Херсонъ сухимъ путемъ, подъ именемъ графа Фалкенштейна, до прибытія туда императрицы, осмотря все строеніе кораблей, домовъ, казармъ, вникнувъ въ образъ жизни солдатъ, употребленныхъ для работъ и въ то же время готовыхъ въ строй; осмотря гошпиталей, съ какимъ приличіемъ оные устроены, и съ какимъ раченіемъ, изъявилъ командовавшему въ Херсонѣ корпусомъ генералъ-поручику Самойлову свое удивленіе, отдавая въ полной мѣрѣ справедливость мудрымъ распоряженіямъ и заведеніямъ князя Потемкина-Таврическаго.

Императрица, проѣзжая отъ Кременчуга до Екатеринослава Днѣпромъ, восхищалась рядомъ селъ превеликихъ и по строенію Украинскому толь пріятныхъ, въ коихъ царствовало изобиліе и блаженство. Скотоводство, каковаго конечно по количеству нигдѣ въ Европѣ нѣтъ подобнаго, удивляло иностранцевъ, бывшихъ въ свитѣ государыни. Хлѣбопашество толь значущее, какое въ той странѣ, безъ удобренія земли, обогащаетъ земледѣльцевъ, приводило въ недоумѣніе. Днѣпръ самъ собою, обширностію въ разливахъ своихъ, подобенъ казался Нилу.

Въ Екатеринославѣ опять новые предметы. Мѣстоположеніе восхитительное, успѣхъ въ строеніяхъ, произведенныхъ въ два года, расположеніе строеній и вкусъ архитектуры привлекли любопытство. Здѣсь, въ присутствіи императрицы, заложена соборная церковь святыя Екатерины и другія общественныя зданія. Посемъ государыня осмотрѣла пороги и, въ виду ея величества, прошли чрезъ оные плоты строеваго лѣсу и нѣсколько судовъ съ грузомъ. Потомъ отправилась въ Херсонъ по дорогѣ гладкой, ровной, самой природою приспособленной. Въ Херсонѣ принята императрица многочисленнымъ народомъ и воинствомъ; она въѣхала въ нарочно приготовленной великолѣпной колесницѣ открытой, въ коей императоръ Римскій и князь Григорій Александровичъ соприсутствовали государынѣ. Народъ предъ воротами крѣпости, называемыми Московскими, отпрягъ лошадей и на раменахъ ввезъ свою повелительницу; войска, тысячь до 30-ти, стояли въ строю; парки многочисленной осадной и полевой артиллеріи выставлены были предъ крѣпостью.

Императрица предъ Троицынымъ днемъ изволила прибыть въ Херсонъ и въ сей день въ соборѣ новосвященномъ слушала обѣдню. Тутъ спустились корабли 1) 80-ти пушечный „Іосифъ,“ 2) 70-ти пушечный „Владиміръ“ и 3) фрегатъ 40 пушечный „Александръ,“ и заложены на тѣхъ же стапеляхъ три новые корабля. Государыня, все въ городѣ и въ окрестностяхъ онаго осмотря, изволила отправиться въ Тавриду. И тамъ все ее восхищало, она старалась развѣдывать о древностяхъ тамошнихъ и все то видѣть. Князь отъ монархини своей получилъ всю заслуженную имъ хвалу и одобреніе. Изъ Севастополя, въ присутствіи государыни, отправился г. Булгаковъ на шкунѣ въ Константинополь съ препорученіями, кои должны были разрушить сомнѣнія двора нашего о намѣреніяхъ Порты. Государыня изволила отправиться и хотѣла возвратиться чрезъ крѣпость Святаго Димитрія, но полученныя увѣдомленія

премѣнили ея мысли, и возвращеніе послѣдовало чрезъ Полтаву, гдѣ въ присутствіи императрицы и императора Іосифа на самомъ томъ полѣ, на которомъ Петръ одолѣлъ Карла, представленъ былъ маневръ генеральный сей баталіи 30-ю тысячами войска, тутъ собраннаго и по новой формѣ образованнаго, въ самомъ блистательномъ военномъ вкусѣ и въ наилучшемъ порядкѣ и устройствѣ ([10]).

За симъ государыня отправилась въ обратной путь, а князь Потемкинъ остался въ Кременчугѣ, для приготовленія къ брани, по полученнымъ изъ Яссъ извѣстіямъ о объявленіи Портою Россіи войны и объ заключеніи посланника Булгакова въ Семибашенной замокъ; но сіе не помѣшало князю Таврическому дать въ Кременчугѣ народный праздникъ во славу императрицы.

ГЛАВА VII-я.

Въ предъидущей главѣ сказано, что г. Булгаковъ отправленъ былъ изъ Севастополя въ Царьградъ съ тѣмъ, чтобы истребовать отъ Порты рѣшительныхъ объясненій на недоразумѣнія, омрачавшія ясность сосѣдственнаго спокойствія. Еще не было отъ него донесеній, еще императрица высочайшимъ своимъ присутствіемъ оживляла южные предѣлы, какъ на Лиманѣ Днѣпровскомъ произошло первое предзнаменованіе разрыва: въ самомъ Лиманѣ появились одинъ фрегатъ и одинъ кирлангичъ Турецкіе военные и, казалось, намѣревались учинить поискъ на корабль и фрегатъ, новоспущенные и стоявшіе на Глубокой пристани для оснащенія. Между тѣмъ нашъ военный ботъ о 12 пушкахъ, подъ командою штурмана поручика Кузнецова бывшій, для конвоированія тѣхъ кораблей, отдалясь отъ пристани, дѣлалъ промѣръ глубины по фарватеру. Тогда Турецкія упомянутыя суда напали на него, производя по немъ изъ орудій своихъ огонь. Кузнецовъ отвѣтствовалъ имъ такими жъ выстрѣлами, повредилъ снасти у фрегата и, искусно ретируясь на мелководіе, принудилъ непріятельскія оба судна отступить подъ стѣны Очакова. Рѣшимость и отважность штурмана Кузнецова принесла несказанное удовольствіе князю Григорію Александровичу. Въ ободреніе флотскимъ офицерамъ онъ, яко генералъ-адмиралъ Черноморскихъ флотовъ, тогда же наградилъ Кузнецова бѣлымъ мундиромъ и чиномъ флота лейтенанта.

Сіе произшествіе было сигналомъ войны. По поводу онаго, хотя требовано объясненія отъ паши Очаковскаго, и военныя Турецкія суда не дѣлали никакихъ покушеній, но князь Потемкинъ обратилъ все вниманіе, чтобъ составить и вооружить гребной флотъ, и онымъ отвратить могущія быть покушенія на Кинбурнъ и Херсонъ. Для сего велѣлъ онъ корабельному мастеру полковнику Аѳанасьеву всѣ тѣ суда, на коихъ шествовала императрица, преобратить въ военныя, и какъ оныя всѣ проведены были чрезъ Днѣпровскіе пороги съ офицерами и матросами на нихъ бывшими, подъ руководствомъ господина Фалѣева и пришли въ Херсонъ, то изъ оныхъ судовъ одни передѣланы въ

([10]) «Чтобъ видѣть, что я не по пусту имѣю довѣренность къ способности фельдмаршала кн. Потемкина, надлежитъ проѣхать въ его губерніи, гдѣ всѣ части устроены какъ возможно лучше и порядочнѣе: города строятся, недоимокъ нѣтъ. Въ трехъ же Малороссійскихъ губерніяхъ, оттого что ничему не дано движенія, недоимки простираются до милліона, города мерзкіе и ничто ни дѣлается». Такъ писала Екатерина къ Н. И. Салтыкову 3 Мая 1787 г.—Что дѣятельность Потемкина была крайне непріятна иноземцамъ, это вполнѣ понятно. Господствуя у насъ печатнымъ словомъ, иноземцы распространили мнѣніе (которое и доселѣ не совсѣмъ уничтожилось), будто всѣ эти работы были какимъ-то торжественнымъ обманомъ, будто Потемкинъ попусту бросалъ деньги и показывалъ государынѣ живыя картины вмѣсто настоящихъ городовъ и селъ.

военныя галеры и вооружены были большаго калибра гаубицами и единорогами, другія перестроены въ пловучія батареи о 8-ми или 10 орудіяхъ большаго калибра, а нѣкоторыя въ бомбандирскіе боты. Сверхъ того изъ бракованнаго корабельнаго лѣса предписалъ князь строить шлюпки, вооруженныя большаго калибра единорогами, да изъ военнаго лѣса сдѣлать 50 лодокъ канонерскихъ, на которыхъ бы можно было поставить по одной пушкѣ большаго калибра и по 30-ти человѣкъ вооруженныхъ воиновъ. Все сіе произведено съ удивительною поспѣшностію, и въ Сентябрѣ мѣсяцѣ вышло въ Лиманъ значущее число оныхъ судовъ, составившее гребную флотилію. Сіе было спасеніемъ для Кинбурна и Херсона, ибо по объявленіи войны еще въ Сентябрѣ мѣсяцѣ пришла на рейду Очаковскую значительная эскадра Турецкая, состоящая изъ фрегатовъ, галеръ и другихъ легкихъ судовъ, подкрѣпленная нѣсколькими военными кораблями, да изъ Дуная пришло въ Очаковъ съ десантомъ болѣе ста фелукъ, то-есть лодокъ, съ пушкою на каждой; то безъ сего, вымысломъ и дѣятельностію князя Григорія Александровича поспѣшно построеннаго гребнаго флота, Турки имѣли бы удобность разорить Херсонъ и уничтожить верьфь сію, грозившую Очакову паденіемъ его.

Учиня сіи распоряженія, князь Григорій Александровичъ, по отбытіи императрицы въ Петербургъ, оставался въ Кременчугѣ, какъ въ ближайшемъ для сношеній мѣстѣ, въ коемъ тогда были провіантская и коммисаріатская главныя коммиссіи, и откуда водою въ Херсонъ всѣ военныя потребности отправлять было удобство. Въ Кременчугѣ получилъ онъ и извѣстіе, какъ выше сказано, изъ Яссъ отъ полковника Селунскаго о объявленіи Турками войны и о заключеніи министра нашего Булгакова въ Семибашенный замокъ; отправилъ сіе неблагопріятное извѣстіе въ С.-П.Бургъ, а самъ, имѣя отъ государыни назначеніе быть главнокомандующимъ Екатеринославскою арміею и Черноморскимъ флотомъ, неукоснительно предписалъ генералъ-аншефу Александру Васильевичу Суворову принять начальство въ Херсонѣ и надъ войсками, расположенными отъ Буга до Кинбурна, которыя составляли тогда 1-ю линію; генералъ-аншефу Петру Аврамовичу Текеллію, извѣстному гусарскому генералу, предписалъ начальствовать и дѣйствовать наступательно за Кубанью; самъ же, осмотря приготовленную въ Херсонѣ флотилію и познавая, что Турки не оставятъ покушенія, чтобъ сорвать Кинбурнскую крѣпостцу и очистить сухопутно чрезъ Збурьевскъ стремленіе на Херсонъ, предписалъ Александру Васильевичу, взявъ изъ его корпуса нужное число войскъ, отправиться въ сію позицію. По увѣренію, что сей безпримѣрный храбростію мужъ, при первой съ непріятелемъ встрѣчѣ, заставитъ его трепетать испытаннаго Турками Россійскаго оружія, для сего и далъ ему власть требовать отъ флотскаго въ Херсонѣ начальника пособій и содѣйствій ему гребными судами. Сверхъ того, для подкрѣпленія его, подвинулъ къ Кинбурну одинъ драгунскій и два легкоконные полка.

Главную свою квартиру для зимы князь Григорій Александровичъ учредилъ въ Елисаветградѣ, протянувъ передовые посты вдоль рѣки Синюхи къ Бугу и по оному. Сіе мѣстопребываніе главной квартиры и потому было необходимо, что въ той странѣ продовольствіе войскъ и кавалерійскихъ лошадей не затруднительно было, что въ Польшѣ дѣлались предъ тѣмъ заготовленія запасовъ, и что въ оной возникали признаки замѣшательствъ. Князь Григорій Александровичъ изъ Елисаветграда дѣлалъ всѣ распоряженія къ сосредоточію войскъ

и тогда же повелѣлъ Черноморскому адмиралтейскому правленію отправить съ курьеромъ во множествѣ патенты для корсеровъ въ Италію, и изъ портовъ ея того же года многіе каперы вышли подъ военнымъ Россійскимъ флагомъ для обезпокоенія Турокъ въ Архипелагѣ и около Дарданелловъ.

Эскадрѣ Севастопольской, составленной изъ 4-хъ новыхъ линейныхъ кораблей и 6-ти фрегатовъ отъ 40 до 50-ти пушечныхъ, повелѣно было подъ командою контръ-адмирала графа Войновича идти къ Варнѣ, чтобъ въ гавани той стоявшую Турецкую эскадру, естьли не возможно будетъ истребить, то запереть; вслѣдствіе сего она вышла въ море въ 1-хъ числахъ Сентября и благополучно пришла къ Варнѣ, остановилась на рейдѣ близъ гавани; но въ ту же ночь равноденственный вѣтръ, сопровождаемый сильною бурею, сорвалъ всѣ корабли съ якорей, и эскадра разсѣяна. Корабли, носимые 8 дней, потеряли мачты и претерпѣли страшное поврежденіе. Одинъ фрегатъ поглощенъ былъ волнами; корабль 70-ти пушечный новый, на коемъ былъ капитанъ Тиздель, Англичанинъ, потерявши всѣ мачты, сильнымъ теченіемъ, изъ Чернаго мора въ Босфоръ Ѳракійскій биваемымъ, занесенъ въ самой проливъ и взятъ Турками. Сіе прискорбное событіе было причиною, что Турецкая эскадра безпрепятственно явилась на водахъ Очакова. Князь Григорій Александровичъ повелѣлъ тогда, чтобы гребная его флотилія показывала, что та эскадра не устрашаетъ, вслѣдствіе чего неоднократно дѣлались крейсированія по Лиману и при удобномъ вѣтрѣ въ морѣ. Въ сіе время произведены двѣ экспедиціи, заслуживающія преданій. Въ половинѣ Сентября Турки выслали до ста фелукъ своихъ изъ Очакова и поставя оныя между островомъ Тендрою и Кинбурнскою косою, въ узкомъ и мелководномъ мѣстѣ, безпокоили сей постъ и отвлекали вниманіе Александра Васильевича, который съ Лимана и съ моря могъ быть угрожаемъ десантомъ, какъ съ крѣпости Очаковской, такъ и съ эскадры Турецкой, подвергаясь вдругъ нападенію съ трехъ пунктовъ. Александръ Васильевичъ далъ знать о положеніи своемъ начальнику флотиліи и требовалъ, чтобы въ ночное время онъ учинилъ экспедицію на Турецкія фелуки, при островѣ Тендрѣ стоявшія, и частою канонадою его безпокоившія; вслѣдствіе чего отряженъ былъ лейтенантъ Ломбардъ съ своею и другою галерами и 10 канонерскими новопостроенными лодками, которыя, въ темнотѣ ночной благополучно напавъ на фелуки, сильно повторяемыми выстрѣлами изъ большихъ своихъ орудій, множество ихъ потопили, а прочихъ принудили, снявся съ якора, ускорять въ Очаковъ; но вѣтромъ и сильнымъ теченіемъ изъ Лимана въ море оныя были увлечены и тамъ погибли, такъ что половина развѣ ихъ возвратилась подъ Очаковъ. Послѣ сего не смѣли Турки съ того пункта вредить Кинбурну и дали время Суворову укрѣпить оный съ косы землянымъ валомъ и палисадомъ. Ломбардъ за сію экспедицію получилъ орденъ Георгія 4-го класса и чинъ капитанъ-лейтенанта, а прочіе флотскіе и армейскіе офицеры, съ нимъ бывшіе, повышены чинами.

Другая экспедиція была противъ корабельной эскадры, и хотя не совершилась по желаемому успѣху, но достойна замѣчанія. Чрезъ нѣсколько дней послѣ нападенія на фелуки, отряжены были 4 галеры и двѣ пловучія батареи, съ тѣмъ, чтобъ въ темнотѣ ночной идти имъ въ непріятельской флотъ и внезапно открыть со всѣхъ ихъ орудій огонь, поражая брандскугелями и ядрами корабли Турецкія. Для сего отправлены были охотники, начальники судовъ; артиллеристы же были—полевой артиллеріи бомбардиры; въ числѣ галеръ была

и командуемая Ломбардомъ, но капитанъ лейтенантъ Веревкинъ, командиръ батареи № 1, яко старшій, былъ флагманъ сей ночной экспедиціи. Флотъ Турецкій стоялъ позади острова Березани между Очаковомъ и Гаджибеемъ. Уже всѣ шесть судовъ гребли, обошедъ Гасанъ-Пашинской замокъ, какъ густой туманъ раздѣлилъ ихъ; иныя стали на мель, другія увлечены были теченіемъ, но батарея № 1 пришла и бросила якорь среди Турецкихъ кораблей въ условленный часъ. Она ожидала своихъ, имѣла время и отважность послать катеръ, чтобъ отыскать другія суда, но катеръ возвратился безъ успѣха. Начало разсвѣтать. Турки начали на своихъ корабляхъ двигаться, и Веревкинъ, видя неминуемую гибель свою и плѣнъ, рѣшился съ обоихъ бордовъ своихъ открыть огонь и поздравить непріятеля стократно сильнѣйшаго съ добрымъ утромъ, нечаяннымъ и стремительнымъ нападеніемъ. Ужасный огонь, изъ 12-ти единороговъ произведенный и безпрерывно повторяемый, привелъ въ великое поврежденіе близь стоящіе корабли и въ разстройство всю Турецкую эскадру, такъ что всѣ, отрубя якори, пустились бѣжать; но отъ собственныхъ часто повторяемыхъ выстрѣловъ батарея № 1 въ частяхъ своихъ повредилась и получила великую течь. Веревкинъ, видя неотвратимое бѣдствіе, отрубилъ оба якоря, на коихъ стоялъ на шпригѣ, и пустился по вѣтру на берегъ къ сторонѣ Гаджибея, чтобъ на тамошнихъ меляхъ посадить свое погибающее судно и спасти народъ. Корабли непріятельскіе, тогда опомнясь, пустились за нимъ въ погоню, стрѣляя по немъ изъ пушекъ, гнались, доколѣ глубина дозволяла, но онъ успѣлъ стать всѣмъ форсомъ на мель, и батарея развалилась; а онъ съ экипажемъ своимъ и храбрыми офицерами и бомбандирами вышелъ на берегъ непріятельскій, но высланною изъ Гаджибею толпою Татаръ былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ, и отосланъ въ Царь-градъ. Князь Григорій Александровичь, получа сіе извѣстіе, отнесся къ государынѣ со всею справедивостію о рѣшительномъ подвигѣ Веревкина. Императрица, вспомня послѣ смерти вождя Таврическаго представленіе о Веревкинѣ, по возвращеніи его изъ плѣну, наградила чиномъ полковника, орденомъ с-го Владиміра 3-й степени и двойнымъ жалованьемъ за всѣ годы плѣненія. Но сей храбрый офицеръ, будучи въ плѣну, потерялъ здоровье и умеръ въ томъ чинѣ.

Князь Григорій Александровичь, при сихъ первыхъ опытахъ созданной имъ флотиліи, восхищался усердіемъ къ службѣ и приверженностію къ нему флотскихъ офицеровъ, коимъ далъ знать, что заслуги ихъ будутъ отъ него представлены императрицѣ во всемъ блескѣ, и оправдалъ въ полной мѣрѣ слово свое. Также, будучи въ Ноябрѣ мѣсяцѣ того года въ Херсонѣ, въ собраніи бывшихъ у него флотскихъ чиновниковъ, между разговоромъ сказалъ: „Турки навѣрное въ будущую кампанію придутъ въ Лиманъ для отмщенія вамъ за вашу отважность и за причиненныя безпокойства; но я надѣюсь на всѣхъ васъ, что покажете имъ, какова Херсонская гребная флотилія“, и сіи слова незабвеннаго сего начальника событіемъ оправдались.

Наконецъ 1-го Октября Турки рѣшились сдѣлать десантъ и нападеніе на Кинбурнъ, переправя отборныя ихъ войска на фелукахъ изъ Очакова на Кинбурнскую косу. Между тѣмъ поставили линію изъ легкихъ военныхъ судовъ вдоль берега косы отъ Лимана, чтобъ поражать нашихъ во флангъ и не допустить нашей флотиліи вспомоществовать Кинбурну. Герой, командовавшій симъ пунктомъ, не препятствуя десанту, далъ умышленно время Туркамъ высадить по-

болѣе войскъ ихъ, чтобъ однимъ ударомъ нанесеннымъ остановить на всю зиму покушенія гарнизона Очаковскаго и успокоить предѣлы Херсона. Совершенный успѣхъ увѣнчалъ сіе намѣреніе: 11000 Очаковскаго гарнизону, по большой части лучшіе ихъ Янычары, укрѣпившись многими ложаментами на косѣ, были атакованы, и по кровопролитномъ и упорномъ сопротивленіи на голову побиты, а которые съ отчаянія бросались въ проливъ Лимана, и потонули въ виду протчаго гарнизона Очаковскаго. Изъ флотиліи непріятельской одна галера взорвана на воздухъ, а прочія бѣжали въ поврежденіи и растройствѣ. Симъ важнымъ пораженіемъ кончилась почти начальная кампанія 1787-го года. Турки изъ Очакова не смѣли ничего предпринимать; отъ стороны Бендеръ и Гаджибея ограждала цѣпь передовыхъ войскъ. Флотъ Турецкій удалился въ порты, флотилія наша посылана была неоднократно подъ стѣны Очаковскія, подъ выстрѣлами онаго брала въ плѣнъ и истребляла суда Турецкія, остававшіяся для обереженія. Въ сихъ экспедиціяхъ узналъ князь Григорій Александровичь Албанскаго офицера Ламбро Качіони, и отправилъ его въ Архипелагъ для начальствованія надъ корсерскою эскадрою. Тогда же получилъ князь донесеніе отъ генералъ-аншефа Текеллія, что онъ, перешедъ Кавказскія горы, вошелъ въ селенія Черкесовъ и нѣсколько сотъ оныхъ въ пепелъ превратилъ.

Столь великія первоначальныя поверхности надъ непріятелемъ утвердили благонадежность императрицы. Князь Григорій Александровичь обратилъ тогда все вниманіе, чтобъ усовершить слѣдующіе предметы: 1-е) въ Кременчугѣ препоручилъ онъ полковнику Фалѣеву, построить 100 канонерскихъ и 60 Запорожскихъ лодокъ, и съ первымъ разлитіемъ Днѣпра провести оныя чрезъ пороги въ Херсонъ. 2-е) Поврежденный флотъ Севастопольскій исправить, для чего доставлять туда лѣсъ сухопутно по неимѣнію въ Тавридѣ потребнаго количества заготовленнаго корабельнаго лѣсу. 3-е) Укомплектовать всѣ войска, Екатеринославскую армію составляющія. 4-е) По высочайшему повелѣнію, по представленію его послѣдовавшему, набрать въ Екатеринославской губерніи и сформировать Черноморское казачье войско изъ вольножелающихъ тѣхъ Запорожцевъ, кои водворились по разнымъ уѣздамъ, опредѣляя изъ прежнихъ ихъ чиновниковъ старшинами для пѣшаго войска, служащаго на лодкахъ подполковника Сидора Бѣлаго, а для коннаго войска подполковника Захарія (Харка) Чепигу. 5-е) Сформировать Екатеринославскихъ Новодонскихъ казаковъ изъ однодворцевъ, состоящихъ въ оной губерніи, надъ коими наказнымъ атаманамъ былъ опредѣленъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ.

Сверхъ того полковники Селунскій и Скаржинскій формировали когорты волонтеровъ, а генералъ-маіоръ Неранчичъ 12-ти эскадронной гусарской полкъ.

Разъѣзды наши наблюдали границу и брали плѣнныхъ; въ Херсонѣ работы для умноженія флотиліи съ дѣятельностію продолжались.

Для соблюденія связи исторіи сей войны должно упомянуть, что другая наша армія Украинская ввѣрена была начальству героя Задунайскаго. Она собиралась въ Подоліи; ея назначеніе было, чтобы при открытіи будущей кампаніи соединиться подъ Хотиномъ съ Австрійскимъ 30-ти тысячнымъ корпусомъ, бывшимъ подъ командою принца Кобургскаго. Передовой корпусъ Украинской арміи, подъ командою генерала Дерфельдена, примыкалъ тогда къ правому флангу Екатеринославской арміи.

Наконецъ настала кампанія 1788 года. Лодки, построенныя въ Кременчугѣ отправлены въ Херсонъ; все го-

товилось; Александръ Васильевичъ Суворовъ не оставлялъ Кинбурнскаго поста; передовые корпусы егарскіе и Екатеринославской полкъ пошли чрезъ Соколье, гдѣ, переправясь чрезъ Бугъ, продолжали походъ по правому берегу сей рѣки, чтобъ приближиться къ Очакову и прикрыть другую переправу на Бугѣ противъ мѣстечка Станислава.

Князь Григорій Александровичъ отправился въ Херсонъ съ принцемъ Насау-Зигенъ, который принятъ былъ въ нашу службу вице-адмираломъ съ тѣмъ, чтобъ начальствовать гребнымъ нашимъ флотомъ довольно усиленнымъ, и въ Іюнѣ мѣсяцѣ принялъ оный въ свое командованіе. Гребной флотъ состоялъ изъ 12 галеръ, 8 батарей, 8 дубельтъ-шлюбокъ, 4 бомбардирныхъ ботовъ, 120 канонерскихъ лодокъ, 60-ти Запорожскихъ лодокъ и двухъ малыхъ еще фрегатовъ. Подкрѣпленъ былъ 1 кораблемъ 60-ти пушечнымъ и 1 фрегатомъ о 40 пушкахъ. На гребныхъ судахъ было артиллеріи до 300 орудій, 2 баталіона свободныхъ гранодеръ и 4 баталіона егарей и мушкатеръ, да 2000 Черноморскихъ казаковъ, и съ матросами и артиллеристами имѣлъ войскъ до 7000 человѣкъ.

Турецкая флотилія состояла изъ галеръ, кирлангичей, шебекъ и фелукъ, вооруженныхъ пушками малочисленнѣе нашей, но подкрѣпленная эскадрою 12-ти кораблей линейныхъ, слѣдовательно, какъ артиллеріею такъ и народомъ несравненно сильнѣйшая.

Первое сраженіе произошло на Лиманѣ между гребными судами, на коемъ съ обѣихъ сторонъ дралися жарко, но поверхность была на нашей сторонѣ. Много Турецкихъ судовъ потоплено и много взято въ плѣнъ; съ нашей стороны сгорѣла одна батарея, потонулъ одинъ фрегатъ о 18-ти пушкахъ и нѣсколько лодокъ повреждено; Турки должны были отступить подъ стѣны крѣпости своей въ совершенномъ безпорядкѣ. Послѣ того прошло нѣсколько дней въ частныхъ покушеніяхъ съ выгодою всегдашнею съ стороны нашей.

Но наконецъ послѣдовало второе генеральное отъ Турокъ нападеніе. Капитанъ-паша съ 12-ю кораблями вошелъ въ Лиманъ и когда между гребными судами началось дѣло, то пустился на нихъ, думая топить легкія суда кораблями; но отъ сильнаго огня нашихъ лодокъ, окружившихъ корабли, они разстроились, и 8 кораблей сѣло на мель и зажжены Запорозцами и канонерскими лодками; изъ оныхъ одинъ 80-ти пушечный кирбичь спасенъ отъ огня и взятъ; изъ 4-хъ пустившихся обратно въ море два сожжены съ бланкъ-форта, построеннаго Суворовымъ на Кинбурнской косѣ, и вся флотилія Турецкая истреблена. Побѣда была знаменитая и совершенная: 9 кораблей и множество лодокъ сожжено, 1 корабль и галера взяты въ плѣнъ, тысячъ до 5-ти Турокъ побито и потоплено и 8000 взято въ плѣнъ. Капитанъ-паша на шлюбкѣ ушелъ въ Очаковъ и видѣлъ изъ онаго взятіе своего корабля и сожженіе протчихъ.

Послѣ сей знаменитой побѣды, весь Лиманъ и устье Буга въ ономъ очищены были отъ судовъ непріятельскихъ, такъ что оставшіяся легкія суда должны были держаться при остаткахъ парусанаго Турецкаго флота и при укрѣпленіи Березаньскомъ. Флотилія наша могла подходить къ Очакову, бросать брандскугели и бомбы въ городъ и 31-го Іюля, когда уже передовой корпусъ главной арміи пришелъ къ Очакову, производила такой сильной огонь, что принудила набережныя батареи прекратить съ нихъ пальбу, зажгла городъ въ пяти мѣстахъ и привела сей крѣпости сильный и многочисленный гарнизонъ въ уныніе.

Сіе дѣйствіе произведено было для того, чтобъ подвинуть передовые кор-

пусы къ форштатамъ крѣпости и обезпечить оные редутами; между тѣмъ армія соединилась при Очаковѣ въ Августѣ мѣсяцѣ, но тяжелая артиллерія осадная, и принадлежащіе къ оной снаряды, которые сухопутно и водою доставляли изъ Херсона, не прежде вся пришли, какъ въ исходѣ онаго мѣсяца.

Армія расположилась слѣдующимъ образомъ: правой флангъ, въ коемъ состояли главнѣйшія силы, гдѣ была главная квартира фельдмаршала, состоялъ подъ начальствомъ генералъ-аншефа князя Репнина. Онъ примыкалъ къ батареѣ, устроенной на берегу Чернаго моря противъ острова Березани, которую отъ моря прикрывали Запорожскія лодки, и простирался въ лѣво до редутовъ, противъ садовъ и форштата построенныхъ, въ коихъ находился Бугской егарской корпусъ подъ командою Михайла Ларіоновича Кутузова.

Вторая половина арміи, составлявшая лѣвый флангъ, была подъ начальствомъ знаменитаго защитника Кинбурнскаго Суворова, простираясь отъ редутовъ вышеобъясненныхъ къ берегу Лимана, гдѣ была пристань для подвозимыхъ тягостей и гдѣ часть флота гребнаго охраняла сей берегъ. Въ срединѣ между двумя флангами поставлена была кавалерія. Отъ стороны Гаджибея, позади арміи, поставленъ былъ авангардной корпусъ для прикрытія путей; а отъ стороны Бендеръ отряженъ былъ къ Днѣстру отрядъ войскъ подъ командою генерала Дунина для наблюденія Бендерской крѣпости. Вся сложность Екатеринославской арміи и съ войсками на флотѣ бывшими состояла въ 70.000 пѣхоты и конницы вообще.

Въ семъ расположеніи къ настоящей осадѣ крѣпости приступить было не можно въ Августѣ мѣсяцѣ, первое потому, что вся осадная артиллерія и снаряды не были доставлены и что противъ сей крѣпости, укрѣпленной со всѣмъ искуствомъ Французскимъ инженеромъ Лафитомъ, защищаемой первобытною каменною стѣною съ глубокимъ рвомъ, и обведенной регулярными земляными укрѣпленіями ограждающими во всѣхъ пунктахъ, на которыхъ поставлено было болѣе пяти сотъ мѣдныхъ орудій; что все обведено было крѣпкимъ ретраншаментомъ, и сверхъ того сдѣлано было множество минъ, то противъ такой крѣпости сильной должно было всѣ приготовленныя 180 осадныхъ орудій употребить въ дѣйство. Второе потому, что предъ крѣпостью былъ форштатъ, прикрываемъ рвомъ натуральнымъ и садами съ окопами и каменными изъ плитняка стѣнками, въ которыхъ отряды гарнизона могли нѣсколько держаться, почему и армія не ближе пяти верстъ могла расположиться отъ крѣпости, изъ которой ядра Турецкихъ пушекъ стариннаго калибра доставали въ лагерь. Князь Григорій Александровичъ часто, давъ сигналъ гребному флоту идти въ канонаду подъ крѣпость, производилъ рекогносцировку; и въ одной изъ оныхъ убитъ ядромъ бывшій подлѣ самаго князя Екатеринославскій губернаторъ Синельниковъ ([11]).

Въ короткое время сады и форштаты были истреблены, и очищены всѣ препятствія для начатія осады. Сдѣланы были сирковалаціонная и комуникаціонныя линіи, и начиналась формальная осада устроеніемъ батарей для сбитія орудій съ ретраншамента, послѣ чего уже должно было дѣлать брешъ-батареи. Въ продолженіе сихъ

([11]) Злословящіе изъ сего дѣлали насмѣшки, но должно знать, что генералъ-маіоръ Синельниковъ былъ губернаторъ и купно генералъ-провіантмейстеръ, почему и находился при арміи тогда; сей генералъ служилъ въ военной службѣ, былъ всегда отличнымъ офицеромъ, имѣлъ орденъ 4-го класа Георгія, и находился при рекогносцировкѣ по охотѣ. *Примѣч. гр. Самойлова.* Этотъ Синельниковъ былъ другомъ Державина.

работъ, Турки открывали изъ крѣпости сильныя канонада, которыя не инако прекращались какъ дѣйствіемъ нами производимыхъ канонадъ изъ арміи и съ флота; также Турки дѣлали нерѣдко сильныя вылазки, во время коихъ и Капитанъ-паша маневрами своего флота угрожалъ десантомъ на правой флангъ, и покрѣплялъ гарнизонъ высаживаемымъ своимъ войскомъ, которое съ береговъ Чернаго моря къ нему подсылаемо было.

Таковыя дѣйствія Турецкаго флота въ подкрѣпленіи Очакова ничѣмъ отвратить было не возможно, поелику оной, состоя изъ 20-ти большихъ кораблей, держался въ открытомъ морѣ при островѣ Березани, гдѣ наша флотилія гребная не могла имѣть съ нимъ дѣла по причинѣ его превосходства силъ, и Капитанъ-паша производилъ свои подкрѣпленія Очакову всегда при сильномъ вѣтрѣ съ моря, въ которое время лодки наши канонерскія не могли ни держаться въ морѣ, ни дѣйствовать противъ него; заманить же его въ Лиманъ вторично, никакъ было не возможно. И по сему князь рѣшился выжидать, доколѣ время года принудитъ Капитанъ-пашу оставить рейдъ Очаковскій.

Въ теченіи сего времени произведены были три сильныя вылазки непріятелемъ: первая на лѣвомъ флангѣ, начавшаяся шармицелемъ ([12]). Александръ Васильевичъ Суворовъ, подкрѣпляя легкія войска своею пѣхотою, сражался самъ съ Турками во рвахъ: неизвѣстно, чѣмъ бы дѣло сіе было кончено при немъ, но поелику онъ раненъ былъ пулею въ шею, и принужденъ былъ возратиться въ лагерь, то фельдмаршалъ повелѣлъ князю Репнину идти съ войсками въ подкрѣпленіе и вывести войска изъ рвовъ въ лагерь ([13]).

Вскорѣ потомъ послѣдовала вторая сильная вылазка противъ праваго фланга, при чемъ въ жару сраженія тяжело былъ раненъ Михайло Ларіоновичь Кутузовъ. И наконецъ третія сильная вылазка произведена была на батарею, устроенную на лѣвомъ флангѣ, на коей убитъ былъ храбрый генералъ-маіоръ Максимовичь. Александръ Васильевичъ отправился по желанію его для излеченія раны своей въ Кинбурнъ; а командованіе лѣвымъ флангомъ поручено было генералъ-поручику Самойлову. Вскорѣ начали строиться брешъ-батареи, и приготовлены лѣстницы и фашины къ произведенію штурма. Турки, подкрѣпляемые свѣжими силами съ флота, производили съ своей стороны тогда частыя вылазки во многихъ пунктахъ, но всегда прогоняемы были съ урономъ; однакожъ Капитанъ-паша, сколь ни позднее было время (ибо наступилъ Ноябрь мѣсяцъ и въ Лиманѣ показывался ледъ и часто выпадалъ снѣгъ), но онъ все держался, имѣя намѣреніе, при произведеніи штурма высадить 15 тысячъ десанту и уничтожить сіе покушеніе; тѣмъ паче, что армія наша уменьшилась, отправя всю кавалерію къ Елисаветграду, оставя только по одному эскадрону каждаго полка.

Оставалось ожидать времени и наблюдать, чтобы Капитанъ-паша всѣхъ войскъ своихъ не перевезъ въ крѣпость при отплытіи своемъ. Для сего были взяты строгія мѣры: поставлены были два корабля, бывшіе при гребномъ флотѣ въ самомъ устьѣ пролива и подкрѣплялись при всякомъ покушеніи отъ непріятельскаго флота всею гребною эскадрою. Такимъ образомъ пресѣчена была вся коммуникація флота Турецкаго съ Очаковымъ, и вдругъ наставшіе морозы прину-

---

(12) Шармицель, нѣмецкое Scharmützel, мелкая схватка.

(13) Сіе было одно изъ дѣлъ героя Италійскаго, которое не имѣло удачнаго окончанія, но судьба и тутъ сохранила его славу: поелику не онъ, а посланный на мѣсто его повелъ войска къ отступленію. *Примѣч. гр. Самойлова.*

дили Капитанъ-пашу отойти съ рейда, оставя сильной гарнизонъ на островѣ Березани, укрѣпленномъ ретраншаментомъ; но на другой день приказано было отъ фельдмаршала Черноморскимъ казакамъ, подъ начальствомъ ихъ подполковника Головатаго, занявшаго мѣсто Сидора Бѣлаго (убитаго въ бывшее на Лиманѣ сраженіе), идти на лодкахъ и взять островъ Березань; въ подкрѣпленіе ихъ велѣно было идти другимъ лодкамъ и батареямъ, а исполненіе сей экспедиціи поручено было дежурному генералъ-міору Рахманову. Но вѣрные Черноморскіе казаки, безъ содѣйствія другихъ судовъ, атаковали островь Березань, изрубили большую часть тамошняго гарнизона и штурмомъ взявъ ретраншаментъ, взяли въ плѣнъ до 700 оставшихся Турковъ и много добычи, соверша сію славную экспедицію въ три часа времени. За симъ вскорѣ выпалъ снѣгъ съ морозомъ, Лиманъ покрылся льдомъ, и флотилія отошла на Глубокую пристань. Холодъ былъ необыкновенный въ томъ краю, но войска наши ничего не терпѣли: солдаты въ траншеяхъ имѣли шубы, шапки и кеньги, довольствовались всегда мясною пищею и винною порціею, и получали всегда пуншъ горячій изъ Рижскаго бальзама, который съ удовольствіемъ употребляли офицеры и даже генералы.

Отдаленіе гребнаго флота и замерзаніе Лимана было опять причиною отсрочиванія штурма, который сперва хотѣлъ князь произвесть въ день Екатерины; но должно было подождать, чтобъ ледъ укрѣпился, дабы по льду изъ Кинбурна и отъ Лимана можно было, производя атаку, обратить вниманіе гарнизона на всѣ пункты и отвлечь его отъ тѣхъ, на кои должны идти главныя силы; между тѣмъ на лѣвомъ флангѣ, подъ командою генералъ-поручика Самойлова, устроена была и дѣйствовала батарея подъ руководствомъ инженеръ-капитанъ Трузсона и разбивала бастіонъ каменнаго лѣваго фланга, на которой атака должна быть произведена въ самую крѣпость.

Въ первыхъ числахъ Декабря сильные морозы скрѣпили Лиманъ и проливъ Кинбурнскій такъ, что по испытаніи цѣлыя колонны могли идти по льду, почему, не отлагая болѣе, въ день 6-го Декабря, назначено было произвесть штурмъ. Сей день и для того еще фельдмаршалъ назначилъ, что, какъ всѣмъ извѣстно, Русскіе воины имѣютъ великую вѣру къ Святому угоднику Божію Николаю Чудотворцу.

Приступъ былъ распоряженъ слѣдующимъ образомъ: генералъ-маіоръ Фонъ-деръ-Паленъ, съ своимъ спѣшеннымъ конно-егерскимъ полкомъ и съ Тамбовскимъ пѣхотнымъ, подкрѣпленный Екатеринославскими казаками подъ командою походнаго атамана Матвѣя Ивановича Платова, начальствовалъ первою колонною. 2-я и 3-я колонны изъ гранодеръ Екатеринославскаго и Херсонскаго полка составляли атаку праваго фланга подъ командою генералъ-поручика принца Ангальтъ-Бернбургскаго.

Средняя атака состояла изъ двухъ колоннъ, двухъ егарскихъ корпусовъ, одного гранодерскаго и одного мушкатерскаго полка, кои были подъ командою генералъ-порутчика кн. Долгорукова. Обѣ сіи атаки имѣли въ виду ретраншаментъ крѣпости Очаковской, а только 1-й колоннѣ предписано было овладѣть ретраншаментомъ, дойтить до Бендерскихъ воротъ, которые, въ сходство генеральной диспозиціи, должны быть отворены войсками лѣваго фланга.

Лѣвой флангъ состоялъ также изъ двухъ колоннъ. 1-я изъ Алексопольскаго полка имѣла въ виду кавальеръ-ретраншаментъ, примыкающій къ крѣпости, а послѣдняя колонна, составленная изъ 2000 гранодеръ и 300 бомбардировъ, имѣла въ предметѣ, подъ на-

чальствомъ личнымъ генералъ-поручика Самойлова, покореніе самой крѣпости и замка Очаковскаго.

Сверхъ сихъ двухъ колоннъ находились, подъ командою полковника Скаржинскаго и князя Соколинскаго, Бугскіе казаки, съ правой стороны сей гранодерской колонны; а по лѣвой сторонѣ, на льду Лимана, находились когорты волонтеровъ полковника Селунскаго и колонны Донскихъ казаковъ, чѣмъ обезпечены были фланги колонны, назначенной для покоренія крѣпости.

Такимъ образомъ расположа приступъ, предъ разсвѣтомъ еще данъ былъ сигналъ, по которому во первыхъ во всѣхъ полкахъ совершено было молебствіе Святому Угоднику, послѣ чего нижнимъ чинамъ произведена была винная порція; и по второму сигналу, на разсвѣтѣ дня, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ пунктахъ произведенъ былъ приступъ къ ретраншаменту и къ крѣпости. Благонадежность, мужество и рвеніе одушевляли всѣхъ отъ генерала до рядоваго. Колонны двинулись безъ шуму и смятенія, въ такомъ порядкѣ, какаго токмо отъ войска горящаго любовію къ престолу и отечеству ожидать можно. Предводители колоннъ, полковники и баталіоновъ начальники, были въ головѣ каждой колонны, офицеры приставляли лѣстницы и первые всходили на брустверъ. Одинъ священникъ, изъ полковыхъ, изъ доброй воли, съ крестомъ въ рукѣ, шелъ впереди колонны своего полка на лѣстницу. Всѣ знали, что непріятель будетъ упорно защищаться, но всѣ вдохновенны были храбростію и увѣрены были въ побѣдѣ. Колонна, назначенная для низложенія самой крѣпости, отъ дѣйствія коей весь успѣхъ сего знаменитаго дѣла зависѣлъ и отъ рвенія коей предлежало сокращеніе всего штурма, и слѣдственно преодолѣніе всѣхъ препонъ, то есть 6-я колонна, составленная изъ 2000 гранодеръ и 300 бомбардировъ, подъ начальствомъ генералъ-порутчика Самойлова, назначенная на бастіонъ крѣпости лѣваго фланга, взошла на проломъ разрушеннаго батареею бруствера и менѣе часа не прошло, какъ овладѣла съ неимовѣрною храбростію бастіономъ. При оной колоннѣ артиллерійскіе офицеры изъ рвенія составили первый рядъ бомбардирскаго дивизіона, и взошли по лѣстницамъ! При оной бригадиръ и кавалеръ Горичъ, командовавшій подъ начальствомъ генералъ-порутчика Самойлова, изъ первыхъ вступилъ на бастіонъ и тотъ часъ, на мѣстѣ одержанной побѣды, палъ со славою мертвъ отъ пули непріятельской; при оной три сына знаменитаго генерала артиллеріи Миллера получили раны, и изъ нихъ средній заплатилъ жизнію дань службѣ и отечеству. Но въ семъ упорнѣйшемъ сопротивленіи, въ самократчайшее время, вся колонна взошла чрезъ пространной брешъ на бастіонъ и въ крѣпость, и раздѣлилась, по повелѣнію начальствовавшаго генерала, на три отряда: 1-й пошелъ по стѣнѣ въ право, поражая все предъ нимъ сопротивляющееся, отбилъ изънутри крѣпости ворота Бендерскіе для вшествія войскъ праваго фланга по диспозиціи; 2-й отрядъ пошелъ по стѣнѣ влѣво, способствовалъ войскамъ, отъ Лимана бывшимъ, къ овладѣнію замка Гассанъ-пашинскаго; 3-й же отрядъ, спустясь съ валу въ средину крѣпости, разбивая противостоящія оной толпы отчаянно сопротивляющагося гарнизона, овладѣлъ городомъ и Сераскира Очаковскаго взявъ въ плѣнъ, спасъ его отъ смерти: отъ сей колонны были отряжены траншейные офицеры съ командами къ минамъ, подведеннымъ подъ самый ретраншаментъ изъ крѣпости, коихъ было 13. Изъ нихъ 6 были уже зажжены; но по холодному времени кишки минныя обледенѣли, и потому всѣхъ зажженныхъ не успѣли отрубить, отъ чего нѣкоторыя имѣли свое дѣйствіе, и ко-

лонна Финляндскаго егарскаго корпуса, надвинувшись на мину, при взрывѣ оной потерпѣла не малой вредъ. Сопротивленіе отъ Турокъ и защищеніе укрѣпленій до того времени только и продолжалось, доколѣ 6-я колонна исполняла свое дѣло; но скорымъ и мужественнымъ дѣйствіемъ оной, коль скоро знамена Россійскія вознеслись на стѣнахъ Очакова, то Турки оставили все сопротивленіе. Тогда войска наши, ожесточенныя долговременною съ непокорнымъ врагомъ борьбою, дерзновеннымъ сопротивленіемъ при штурмѣ, а паче взорванными минами въ такое время, когда уже не было никакого спасенія, пошли по улицамъ и по домамъ, поражая и предавая смерти каждаго, имѣющаго при себѣ оружіе, плѣня женъ и дѣтей и обогащаясь несмѣтными корыстями, на которыя при таковыхъ случаяхъ, то есть при штурмахъ, воинъ имѣетъ неоспоримое, правами народными дозволяемое, преимущество (14). Но къ славѣ и чести Русскихъ воиновъ должно сказать, что Россійскій солдатъ и въ сихъ случаяхъ великодушенъ и неподражаемо умѣренъ. При семъ штурмѣ были примѣры такіе, что старые солдаты удерживали юныхъ воиновъ отъ убіенія предстоящихъ безоружныхъ жертвъ, спасали изъ рукъ изступленныхъ Турковъ ихъ женъ и дѣтей, на коихъ они наносили убійственные кинжалы для пораженія; избавляли стариковъ, предававшихся отъ ожесточенія самоубійству. Гдѣ же въ исторіи есть такіе примѣры? Но сколь велика была въ арміи Екатеринославской, управляемой вождемъ кроткимъ и благосердымъ, дисциплина, сколь каждой воинъ былъ покоренъ оной, то доказывается тѣмъ, что лишь только отдано было приказаніе о прекращеніи убійства, то тогда же всѣ возвращались къ своимъ командамъ, и выстрѣлы и звукъ мечей въ три часа пополудни прекратились. Какой же благородной духъ одушевлялъ сію армію, то сіе подтверждено тѣмъ, что изъ 25-ти тысячъ плѣненнаго народа не было такихъ, которыхъ бы жадное корыстолюбіе лишило одѣянія: у многихъ женщинъ оставались ихъ драгоцѣнныя на пальцахъ, на шеѣ и въ ушахъ украшенія, кои они и въ плѣну сохранили. Сіи суть истины, ознаменовавшіяся при штурмѣ Очаковскомъ, въ семъ состоитъ слава Россійскихъ воиновъ, не мерцаемая. Но кому наипаче сія слава довлѣетъ? Не благосердому-ли вождю, низложителю сихъ непокорливыхъ стѣнъ? Не великому ли военачальнику, мудрому покорителю Тавриды? Тебѣ, великій мужъ, оная принадлежитъ, и злословіе тщетно будетъ усиливаться, чтобы омрачить блескъ вѣнца безсмертія, божественными руками великія Екатерины на возвышенное чело твое возложеннаго! Позволь, безсмертный вождь, здѣсь излить предъ тобою всѣ чувства сердечной признательности моей. Ты отъ самой юности моей пріялъ меня подъ щитъ твоего глубокомысленнаго о мнѣ промышленія; еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ моихъ ты указалъ мнѣ поприще сіе. Поощряемый примѣромъ твоего хладнокровнаго мужества, въ 1-ю войну, искалъ я пожинать лавры, соревнуя вѣрности сыновъ отечества, и подъ стѣнами Силистріи, предъ очами незабвеннаго героя Задунайскаго, имѣлъ случай показать усердіе мое и удостоился отличія, присвоеннаго воинской храбрости. Потомъ, привязанный благодѣяніями твоими, за тобою какъ за свѣтиломъ стремился, исполняя волю твою для служенія отечеству, и имѣлъ счастіе доказать привержен-

(14) Надобно знать, что корысти при взятіи Очакова превосходятъ вѣроятіе: жемчугъ носили солдаты, продавая наполненныя онымъ рукавицы за малую цѣну; драгоцѣнности покупались за малость; червонцы на другой день штурма ходили на торгу лагерномъ по 50 коп., объ деньгахъ же серебренныхъ не помышляли. *Примѣч. Графа Самойлова.*

ность мою къ престолу при покореніи Тавриды и за Кавказомъ неприступнымъ. Тако геній твой пріуготовилъ меня быть достойнымъ промысла о мнѣ великія монархини. Подъ стѣнами же Очакова ты назначилъ мнѣ заступить мѣсто Кинбурнскаго побѣдителя; ты указалъ мнѣ постъ къ одолѣнію сего забрала гордой Порты. Ревность къ службѣ, вѣрность къ престолу, любовь къ отечеству ободряли меня; я употребилъ всѣ способности душевныя, чтобъ оправдать выборъ твой и назначеніе; съ Божіею помощію совершилъ мое дѣло: и такъ, не стыжусь именоваться твоимъ ближнимъ! Великая императрица почтила меня за сію заслугу наградою военнаго отличія, въ сравненіе съ принцемъ, къ ея знаменитой крови принадлежащимъ. Она и въ послѣдствіи уважила усердіе мое, удостоя своей высочайшей довѣренности, которую въ другомъ поприщѣ служенія государственнаго я имѣлъ счастіе сохранить. Горжусь жребіемъ моимъ, благословляю память великія Екатерины; а предъ твоимъ, великій вождь и начальникъ мой, виновникъ вожделѣннаго жребія моего, предъ твоимъ прахомъ, приношу жертву слезъ благодарныхъ и съ неупрекающею ни въ чемъ совѣстію готовлюсь послѣдовать за тобою въ міръ неизвѣстный.

Обращаюсь къ продолженію повѣствованія. Еще въ стѣнахъ низложенной крѣпости продолжалось убійство, какъ представленъ былъ къ фельдмаршалу плѣненный Очаковскій Сераскиръ. Князь не могъ, увидя его, не упрекать за упорство въ сопротивленіи, которое онъ чинилъ тогда, когда уже всѣ способы у него къ удержанію крѣпости были отняты и когда защитить оную невозможно, а выиграть время никакихъ видимыхъ выгодъ и надеждъ не предстояло; но, узнавъ, что на то онъ имѣлъ отъ султана фирманъ, сказалъ, что султанъ и онъ отвѣтствуютъ Богу за столь много невинно пролитой крови! Потомъ, стараясь успокоить и облегчить участь сего старца, велѣлъ всѣ средства изыскать къ содѣланію положенія его сноснымъ; и даже приказано было отыскать чалму его, которую онъ при вторженіи 6-й колонны на площадь крѣпости отъ торопливости уронилъ съ головы своей, и оная чалма его отыскана была и къ удивленію его ему доставлена.

Потомъ фельдмаршалъ употребилъ дѣятельныя мѣры къ прекращенію убійства, и къ недопущенію плѣннаго народа до обидъ; вящее же стараніе приложилъ о отысканіи во рвахъ между трупами раненныхъ тяжело и о поданіи онымъ всей возможной помощи; также о отдѣленіи убитыхъ Русскихъ воиновъ отъ Турецкихъ труповъ и о отданіи онымъ послѣдняго долга по обряду христіанскому. Многіе не вѣрили и не вѣрятъ, что убитыхъ было и отъ ранъ вскорѣ помершихъ не болѣе двухъ тысячъ, да раненныхъ около тысячи; но когда обратить вниманіе, что скорое овладѣніе самою крѣпостію, произведенное, какъ выше сказано, 6-ю колонною съ лѣваго фланга, лишило Турковъ не токмо бодрости, но даже и средствъ чинить сопротивленіе; раненныхъ же меньше убитыхъ потому, что штурмъ не есть полевое сраженіе, на которомъ въ перестрѣлкѣ болѣе наносится ранъ чѣмъ смертныхъ ударовъ. Турецкіе трупы, по многочисленности, князь Григорій Александровичъ велѣлъ вывозить на взморье, зарывать въ кучи снѣга и въ проруби; ибо зарывать въ землю было трудно по причинѣ мерзлой земли.

Столь знаменитая побѣда и успѣхъ увѣнчанной славою кампаніи не могли произвесть веселости въ духѣ князя Григорія Александровича. Имѣя сердце, исполненное сострадательности, не могъ онъ безъ смущенія душевнаго видѣть человѣчество въ самомъ

ужасномъ положеніи отъ слѣдствій кровопролитной брани; онъ истощилъ бы всѣ способности ума своего, чтобъ облегчить бѣдствія, съ оною сопряженныя. Но утѣшая раненныхъ, а паче офицеровъ, явившихъ вообще въ семъ подвигѣ достоинство патріотизма, почелъ онъ первою обязанностію имъ, равно какъ и каждому воину, доставить по заслугѣ награду.

Первое донесеніе о покореніи крѣпости сей фельдмаршалъ послалъ къ императрицѣ въ самой часъ побѣды въ своимъ генералъ-адъютантомъ Боуромъ; подробное же описаніе штурма и пріобрѣтенныхъ трофеевъ отправлено съ дежурнымъ генералъ-маіоромъ Рахмановымъ.

Ея императорское величество, въ воздаяніе подвизавшимся при штурмѣ Очаковскомъ, пожаловала слѣдующія награды. Фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго орденомъ св. Георгія 1-го класса; принца Ангальтъ-Бернбургскаго и генералъ-порутчика Самойлова того же ордена знаками 2-го класса; протчимъ предводителямъ колоннъ и полковымъ командирамъ, равномѣрно отличившимся офицерамъ, ордена св. Георгія и святаго Владиміра разныхъ степеней, по заслугѣ каждаго; а всѣмъ вообще штабъ и оберъ-офицерамъ золотые знаки на Георгіевской лентѣ; солдатамъ же и всѣмъ нижнимъ чинамъ сребренные знаки въ видѣ ромбоидовъ на такой же лентѣ для ношенія на лѣвой перси.

Симъ знаменитымъ штурмомъ и покореніемъ крѣпости, которую Порта почитала главнѣйшимъ пунктомъ своего защищенія и ключемъ въ Черное море, которая препятствовала Россіи владычествовать на ономъ, сею кровавою для Турковъ и торжественною для войскъ Россійскихъ трагедіею кончилась кампанія 1788 года.

Минихъ, за пятьдесятъ три года предъ тѣмъ, взялъ Очаковъ приступомъ, внезапно (d'emblée), но ему помогъ случай; ибо когда онъ приступилъ къ Очакову въ намѣреніи бомбардированія и началъ бросать бомбы, то упадшая въ бастіонъ, гдѣ былъ пороховой погребъ, бомба, взорвавъ оной бастіонъ, открыла ему путь къ приступу; смятеніе Турковъ, въ коемъ они отъ сего произшествія были, содѣйствовало къ благоуспѣшному покоренію сей крѣпости, которая въ тогдашнее время не имѣла крѣпкаго своего ретраншамента и другихъ прибавленныхъ Лафитомъ и усовершенствованныхъ укрѣпленій.

Сіе, а паче неислѣдованіе обстоятельное о завоеваніи Минихомъ оной крѣпости, служило недоброжелателямъ князя Потемкина къ порицанію его знаменитаго военнаго подвига. Но при описаніи начала сей кампаніи въ сей же главѣ изъяснены причины, по коимъ не возможно было, не рискуя безразсудно цѣлою арміею, дерзостно приступить къ одолѣнію столь сильной крѣпости. Повторяю тѣ причины: 1-я) нужно было сперва усовершить гребной флотъ, чтобъ имѣть преимущество въ Лиманѣ; 2-е) нужно было принудить Турковъ не смѣть являться въ Лиманъ; 3-е) надобно было подвезть достаточную осадную артиллерію и снаряды, которая настигнуть не могла какъ въ концѣ Августа; 4-е) нельзя было препятствовать Капитанъ-пашѣ подвозить въ крѣпость снаряды и подкрѣплять гарнизонъ людьми свѣжими. Но, изыскавъ наконецъ мѣры препятствовать ему дѣлать такія подживленія силъ, уже время позволяло ожидать его удаленія съ флотомъ. Наконецъ присовокуплю слѣдующія причины: 5-е) князь Григорій Александровичъ ожидалъ и могъ ожидать, что паша Очаковскій, лишенный всѣхъ пособій и доведенный осаждающими до крайности, принужденъ будетъ отдать городъ; 6-е) князь, яко фельдмаршалъ, а не подчиненный генералъ, не долженъ былъ подвергать славы Россійскаго оружія невѣрному опыту приступа, отъ коего успѣхъ всей вой-

ны и цѣлость Крыма зависѣли; 7-е) князь, желая сберечь людей своей арміи и достойныхъ офицеровъ, имѣлъ причины ожидать времени и произвесть дѣло, неподверженное сомнѣнію.

Отъ успѣха сего зависѣли успѣхи всей войны, зависѣло успокоеніе Польскихъ умовъ, которые даже положили было и провіянта не выпускать заготовленнаго; отъ успѣха сего флотъ нашъ, на будущую кампанію, соединясь съ кораблями, бывшими въ Лиманѣ и въ Херсонѣ строившимися, могъ бороться съ Турецкимъ, а гребной флотъ могъ итти къ Днѣстру и къ Дунаю, вдоль береговъ Чернаго моря.

Всѣ сіи обстоятельства фельдмаршалъ предвидя, положилъ взять Очаковъ на вѣрное, а не на удачу рисковать, и, къ славѣ своей, достигъ своихъ предположеній.

Сія кампанія причиною была, что Турки пришли въ совершенное уныніе, а Россійскія войска, сухопутныя и морскія, одушевились довѣріемъ къ главнокомандующему фельдмаршалу своему. Всѣ были довольны и по заслугамъ награждены. Морскіе офицеры за дѣла Лиманскія получили въ награду за отличіе кресты св. Георгія и св. Владиміра и золотыя шпаги съ надписью, чего прежде въ чинахъ офицерскихъ даваемо не было; и командиры судовъ были повышены чинами. О награжденіи сухопутныхъ войскъ за штурмъ было упомянуто; офицеры же, лишившіеся въ сію кампанію членовъ и неспособные къ службѣ военной, каждый по уваженію подвига его получилъ или крестьянъ, или пансіоны и мѣста приличные.

Князь Григорій Александровичъ предполагалъ срыть Очаковъ, а между тѣмъ, оставя въ немъ 6 баталіоновъ въ гарнизонъ, распустилъ армію на прошлогоднія зимнія квартиры къ Елисаветграду. Самъ же отправился въ Херсонъ для обозрѣнія и дальнѣйшаго распоряженія кораблестроенія.

За симъ вскорѣ, получа отъ государыни приглашеніе въ столицу, отправился въ Петербургъ и прибылъ въ оный въ Январѣ наступившаго 1789 года. Императрица изволила принять его со всевозможнымъ отличіемъ, яко побѣдителя; пожаловала ему драгоцѣнно-украшенный фельдмаршальскій жезлъ; потомъ, по случаю желанія увольненія отъ начальства Украинскою арміею фельдмарш. графа Петра Александровича Румянцева - Задунайскаго, который тогда по болѣзни своей просилъ о томъ императрицу, князь Григорій Александровичъ получилъ высочайшее повелѣніе быть обѣихъ армій на югѣ главнокомандующимъ.

(Окончаніе будетъ).

УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ ЕКАТЕРИНЫ II.

Всѣмъ извѣстно, что императоръ Петръ I былъ членомъ Парижской академіи наукъ; но немногіе, можетъ быть, знаютъ, что императрица Екатерина II была докторомъ и магистромъ свободныхъ искусствъ Виттенбергскаго университета. Это ученое званіе, какъ разсказываетъ одинъ нѣмецкій біографъ ея (*), она получила по слѣдующему случаю.

Во время Семилѣтней войны была разрушена соборная церковь въ Виттенбергѣ. Ни городъ, ни университетъ не имѣли средствъ возстановить ее. Курфирстъ не хотѣлъ, да и не могъ ничего дать на необходимыя издержки. Впослѣдствіи, члены университета обратились съ просьбою къ Русской императрицѣ о дозволеніи произвести сборъ пожертвованій въ ея государствѣ, преимущественно въ завоеванныхъ провинціяхъ, гдѣ со стороны лютеранскаго населенія можно было ожидать наиболь-

---

(*) Неизвѣстный авторъ сочиненія, явившагося въ Германіи вскорѣ по смерти Екатерины, подъ заглавіемъ: «Catharina die Zweite. Darstellungen aus der Geschichte ihrer Regierung, und Anecdoten von ihr und einigen Personen, die um sie waren». 1797 (стр. 267—268).

шаго сочувствія къ дѣлу. Профессора послали прошеніе, адресовавъ его на имя своего соотечественника, придворнаго аптекаря Моделя, который и доставилъ его по принадлежности. Императрица, согласно ихъ желанію, повелѣла юстицъ-коллегіи изготовить надлежащій указъ и присоединила еще къ нему изъ собственныхъ средствъ денежное пожертвованіе, которое, вмѣстѣ со вкладомъ великаго князя, и было отправлено въ университетъ. Тогда профессора университета засвидѣтельствовали свою признательность дипломомъ, въ которомъ наименовали императрицу Екатерину II *докторомъ и магистромъ свободныхъ искусствъ* (doctorem atque magistrum liberalium artium).

М. Шугуровъ.

Любопытно замѣтить, что упоминаемый здѣсь придворный аптекарь Модель (J. G. Model) находился въ сношеніяхъ съ однимъ изъ раннихъ пособниковъ Екатерины II-й, канцлеромъ графомъ Бестужевымъ, который уступилъ Моделю секретъ приготовленія своихъ извѣстныхъ Бестужевскихъ капель (см. печатный Каталогъ Чертков. библіотеки, № 2580). *П. Б.*

ПИСЬМО ГРАФА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА РУМЯНЦЕВА КЪ ГРАФУ ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ ([1]).

Ка(й)нарджи, 7 Августа.

Я вчерась твое письмо получилъ, а дни съ четыре назадъ отъ Безбородки ([2]). Оба одинаковаго содержанія, лишь его пообстоятельнѣе. И такъ напрасно жалуешься на его флегму: къ тебѣ писалъ коротко, но мнѣ долгое письмо прислалъ, наполненное увѣреніями государыниной милости и хорошаго мнѣнія обо мнѣ. Спасибо тебѣ, любезной другъ, за то, что присовѣтовалъ къ царицѣ писать: поступокъ легкой, награда большая; ибо хотя увѣреніи только что слова, но я на ихъ полагаюсь и радуюсь тѣмъ, что при случаѣ могу сказать, какъ Фальконетъ, которому ноньче многія досады дѣлаетъ Бецкой ([3]) и денегъ заплачивать не хочетъ; онъ себѣ въ оправданіе (сказалъ): „Я тотъ же, государыня, кому вы нѣкогда писали: *душа твоя превосходная.*“ Что же касается до намѣренія моего причислиться къ Марсовымъ дѣтямъ, напрасно его не хвалишь: гдѣ средство одно, тутъ выбору нѣту. Война, кажется, неизбѣжна; можетъ, другу твоему удастся похвалу родительску заслужить, а ему (въ) ней нужда крайняя. Признаюсь, что горько видить, что батюшка по сю пору еще никакой причины утѣшаться нами ([4]) не имѣетъ. Я ѣду послѣ завтрея и покажу ему письмо отъ Безбородки; естли онъ не отречется просьбу мою своею усилить, такъ скоро въ воен-

---

([1]) Письмо это, въ спискѣ, снятомъ съ подлинника, сообщено въ Русскій Архивъ *П. Н. Мурзакевичемъ.* Къ сожалѣнію, на немъ не означено года; но сколько можно догадаться, оно писано около 1779 года. Оно важно для біографіи гр. Румянцова (род. въ 1754), впослѣдствіи канцлера. Кажется, мысль его о военной службѣ не приведена была въ исполненіе. Около того времени, когда письмо писано, гр. Румянцевъ состоялъ нашимъ посланникомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ и пріѣзжалъ въ отпускъ. *П. Б.*

([2]) И Безбородко, и Завадовскій, къ которому это письмо писано, оба служили первоначально при отцѣ гр. Румянцева, героѣ Задунайскомъ, во время управленія имъ Малороссіею и потомъ въ первую Турецкую войну. *П. Б.*

([3]) И. И. Бецкой находился въ сношеніяхъ съ Фальконетомъ вѣроятно по сооруженію извѣстнаго памятника Петру Великому. Сличи Р. Арх. 1865 г., стр. 773. *П. Б.*

([4]) У гр. П. А. Румянцева Задунайскаго было три сына: Михаилъ (военный), Николай и Сергѣй (дипломаты). *П. Б.*

номъ мундирѣ буду. А когда война кончится ([5]), не вижу, что̀ бы мнѣ помѣшало обратиться къ министерству; но тогда уже не Дрезденскаго мѣста желать я буду, а Англинскаго, естли не Вѣнскаго, гдѣ, не сбивая князя Дмитрія Михайловича ([6]), могу ему товарищемъ быть: сему у насъ и индѣ примѣровъ много, что по два министра въ одномъ мѣстѣ бывали. Но какое бы ни было мое преображеніе, останусь тотъ же Завадовскаго другъ, искренный другъ. Милъ ты мнѣ былъ въ счастіи, милъ въ слезахъ и огорченіи, милъ теперича тѣмъ, что о другѣ съ такимъ усердіемъ стараешься. Жду исполн(енія) твоихъ предсказаніевъ. Прости, любезный другъ. Повелѣн(іе) твое исполню. Братія кланяются, а матушка сама приписать хочетъ.

(*Слѣдуетъ собственноручная приписка графини Румянцевой-Задунайской*):

„Я тебя, любезной мой, тысячу разъ благодарю за ласку твою Миколашѣ. Пріѣздъ его для меня сталъ пріятенъ болѣя и тѣмъ, что я объ тебѣ слышала. За ленты по-премногу благодарствую. Мнѣ отсюдова писать нечего.... питаемся вольнымъ воздухомъ и спокойствіемъ. Больше сказать нечего. Прости, будь здоровъ и веселъ. Вотъ мои желанія" ([7]).

([5]) Война эта, у Россіи съ Турціею, не началась тогда, но къ ней всѣ готовились: сличи въ Р. Архивѣ 1866, стр. 588.

([6]) Голицынъ, родной дядя гр. Н. П. Румянцева.

([7]) Графиня Екатерина Михайловна Румянцева-Задунайская (1723—1779), дочь фельдмаршала князя Михаила Михаиловича Голицына старшаго.

ЧАСТНОЕ ПИСЬМО

въ Москву о кончинѣ Екатерины II-й.

Письмо это, содержащее въ себѣ нѣсколько новыхъ подробностей объ одномъ изъ важнѣйшихъ случаевъ нашей исторіи XVIII вѣка, писано въ Москву къ князю Ивану Михаиловичу Долгорукому, тѣмъ же самымъ инспекторомъ классовъ Смольнаго монастыря *Т. П. Кирьякомъ*, коего описаніе Потемкинскаго праздника помѣщено у насъ выше (стр. 673—694). Этотъ Кирьякъ, воспитанникъ Спб. академической гимназіи, принадлежалъ къ числу трудолюбивыхъ и полезныхъ дѣятелей. Кромѣ указанныхъ нами его переводовъ, еще слѣд. труды его значатся въ книжныхъ росписяхъ: Приключенія Аристоновы, Флоріана, Спб. 1775. 12°; Игра щастія, романъ, съ франц. Спб. 1778. 12°; Сказанія о Петрѣ Великомъ, Я. Штелина, перев. съ нѣм. Спб. 1786 и 1787. 8°; Краткая Россійская исторія, Спб. 1799. 8°. 5-е д. Спб. 1810.

Письмо о кончинѣ Екатерины II-й сообщено въ Русскій Архивъ въ подлинникѣ сенаторомъ княземъ Д. И. Долгорукимъ. Оно дополняетъ собою извѣстный отрывокъ изъ Записокъ гр. Ѳ. В. Растопчина, напечатанный дважды въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. 1860 кн. 3. (полнѣе, т. е. съ разсказомъ о приведеніи къ присягѣ гр. А. Г. Орлова 1864 кн. 2-я) подъ заглавіемъ „Послѣдній день жизни Екатерины II-й." Само собою разумѣется, что разсказъ гр. Растопчина, какъ очевидца, полнѣе и важнѣе этого письма. *П. Б.*

С.-Петербургъ. Ноября 9-го дня 1796.

Ваше сіятельство, милостивый государь мой князь Иванъ Михайловичъ! Молитву проліемъ ко Господу и Тому возвѣстимъ печаль нашу. Но воздавъ долгъ души чувствительной, воспрянемъ отъ унынія бодрственнымъ духомъ и возблагодаримъ Все-

вышняго, что въ замѣну безпримѣрной во владыкахъ земныхъ Екатерины II, благость небесная предопредѣлила намъ императоромъ возлюбленнаго сына ея Павла. Вѣсть о семъ сколь великомъ, столь и незапномъ приключеніи вы уже получили. Получены, можетъ быть, и частныя письма; но я ничего не могъ написать вамъ, потому что случилось сіе поздно въ самой почтовой день, а при томъ тогда же слухъ повсюду распространился, (и справедливый, какъ я послѣ слышалъ), что не только остановлена почта, но запрещено давать и лошадей кому бы то ни было, пока не будутъ разосланы манифесты. По сей-то причинѣ не могъ я писать съ прошедшею почтою; но съ сею препровождаю вамъ все, что̀ только могъ собрать до сего великаго происшествія касающееся и съ общимъ мнѣніемъ наиболѣе согласное. Не могу впрочемъ утверждать всего, какъ непреложную истину; ибо пишу то, что̀ слышалъ. Нельзя, чтобъ не было тутъ противурѣчій съ другими извѣстіями.

Безсмертная Екатерина возвратилась къ вѣчности, въ свое небесное жилище, Ноября 6-го дня въ 9-ть часовъ вечера, какъ то всѣ присутствовавшія тамъ знатнѣйшія особы утверждаютъ. Кончина ея послѣдовала отъ страшнаго удара апоплексіи, пятаго числа поутру ей приключившагося. Въ сей день, возставъ отъ сна, чувствовала въ себѣ како-то особливое облегченіе, и тѣмъ хвалилась. Въ 9-ть часовъ потребовала кофею, который ей также особливо хорошъ показался, почему и изволила выпить двѣ чашки, сверхъ обыкновенной мѣры, ибо въ послѣднее время она отъ кофею воздерживалась. Между тѣмъ подписывала уже дѣла. Самому Трощинскому подписала чинъ статскаго дѣйствительнаго совѣтника; поднесено было подписать Грибовскому чинъ второй степени Владиміра и домъ; Ермолову ([1]) чинъ и крестъ; здѣшнему вицъ-губернатору Алексѣеву 600 душъ. Сію послѣднюю бумагу велѣла переписать, потому что души не въ той губерніи написаны. По сей причинѣ и прочія поднесенныя милости остались не подписаны. Говорятъ, что всѣ они готовились къ Екатеринину дню. Послѣ завтрака, Захаръ Константиновичъ ([2]) докладывалъ, что пришелъ Терскій ([3]) съ дѣлами. Она изволила сказать, чтобъ маленько подождалъ, что она пойдетъ про себя, и тогда же пошла въ свой собственный кабинетецъ. Захаръ нѣсколько разъ входилъ и выходилъ изъ покоя и, не видя долго императрицы, началъ приходить въ сомнѣніе, говорилъ о томъ Маріи Савишнѣ ([4]), которая безпокойство его пустымъ называла; но когда слишкомъ долго она не выходила, то Захаръ вновь говорилъ о семъ Маріи Савишнѣ, побуждалъ ее пойти посмотрѣть, и напослѣдокъ по долгомъ прѣніи пошли оба. Подошедъ къ дверямъ кабинета, сперва шаркали ногами, харкали, потомъ стучали въ двери, но, не слыша никакого голоса, рѣшились отворить дверь. Дверь отворялась внутрь; отворяя ее, чувство-

([1]) Отцу Алексѣя Петровича.
([2]) Зотовъ, камердинеръ императрицы.
([3]) Генералъ-рекетмейстеръ.
([4]) Перекусихиной, камеръ-юнгферѣ императрицы.

вали они сопротивленіе. Употребивъ насиліе, маленько отворили, и увидя тѣло на дверь со стула упавшее, объяты были смертнымъ ужасомъ. Другіе утверждаютъ, что она лежала на стулѣ навзничь съ отверстымъ ртомъ и глазами, но не совсѣмъ умершая. Въ одну минуту трепетъ и смятеніе въ покояхъ ея распространились. Тотчасъ положили ее на волтеровскія кресла, возвѣстили князю ([5]), сыскали врачей, употребляли всевозможныя средства къ приведенію въ чувство, а именно: пустили кровь, которая сперва не пошла, но потомъ, бывъ нѣсколько приведена въ движеніе, пошла самая густая, а послѣ лучшая; выпущено было двѣ чашки; прикладывали шпанскія мухи, припускали пьявицъ. Сими и другими способами умножили было признаки жизни. Умирающая императрица въ страшныхъ и сильныхъ движеніяхъ терзала на себѣ платья, производила стонъ; но сіи были послѣднія силы ея напряженія. Изнемогши лежала она плотію уснувши, яко мертва, но духъ жизни былъ въ ней по общему мнѣнію до 9-ти часовъ вечера 6-го числа; по крайней мѣрѣ въ сіе время объявили ее совершенно отошедшею.

Въ началѣ приключенія и пока оставалась нѣкоторая надежда къ жизни, всѣми мѣрами старались сокрыть смятеніе при дворѣ; но въ пять часовъ по полудни большая часть города была уже извѣстна объ ономъ. Въ Гатчину изъ канцеляріи графа Салтыкова ([6]) отправленъ былъ куріеромъ подполковникъ Яковлевъ, въ одинадцать часовъ; а отъ князя Зубова, говорятъ, въ два часа ([7]). Наслѣдникъ прибылъ въ городъ въ пошевняхъ въ 7-мъ часовъ вечера, а въ 8-мъ императрица его супруга. Съ 3-го или 4-го часу было повѣщено министрамъ и сенаторамъ собираться во дворецъ, но вѣроятно, что позже, потому что графъ Марковъ, наперсникъ князя Зубова, не зналъ еще въ пятомъ часу. Во время стола его, мадамъ Гюсъ ([8]) получила записку, коею просили ее увѣдомить, справедливо ли при дворѣ несчастное приключеніе? Прочетши подала она графу Маркову, который въ ту же минуту поскакалъ во дворецъ и тамъ уже остался. Всѣ сенаторы и министры пробыли тамъ всю ночь. Въ вечеру предъ дворцомъ собралось такое множество каретъ, что проѣзду не было. Въ сенатѣ собраны были всѣ секретари и нижніе служители, и во всю ночь занимались списываніемъ реэстровъ нерѣшенныхъ дѣлъ и вообще сочиненіемъ рапортовъ о состояніи

([5]) Князю П. А. Зубову, жившему въ нижнемъ этажѣ Зимняго дворца.

([6]) Впослѣдствіи князя Николая Ивановича, тогда президента военной коллегіи и попечителя великихъ князей, Александра и Константина. Онъ жилъ также въ Зимнемъ дворцѣ.

([7]) По свидѣтельству гр. Растопчина, первый, кто предложилъ и нашелъ нужнымъ скорѣе извѣстить Павла Петровича о случившемся, былъ старый герой Екатерининскаго восшествія на престолъ, гр. Орловъ-Чесменскій. Отъ будущаго императора Александра поѣхалъ въ Гатчину съ извѣщеніемъ гр. Растопчинъ, подробно описавшій намъ все что̀ происходило въ эти часы съ Павломъ Петровичемъ.

([8]) Мадамъ Гюсъ, французская актриса. Отъ нея у гр. Маркова была дочь Варвара Аркадьевна, которой, въ царствованіе имп. Александра, онъ передалъ свое имя и богатство, и которая вышла за кн. С. Я. Голицына.

дѣлъ въ сенатѣ. Я слышалъ, что найдено нерѣшенныхъ около 30 тысячь, но сему не вѣрю. Но нигдѣ не было такого смятенія и унынія, какъ въ канцеляріи князя свѣтлѣйшаго Зубова. Самъ онъ, коль скоро увидѣлъ наслѣдника, палъ къ ногамъ его, препоручалъ себя въ его милости, и удостоенъ самыхъ лестныхъ обнадеживаній. Не смотря на то однако, прежде еще кончины императрицы, повелѣно генералъ-прокурору (9) опечатать всѣ дѣла его канцеляріи, почему рано по утру 6-го числа Ермоловъ (10) съ Трощинскимъ, пришедъ въ канцелярію, исполнили со всею точностію повелѣніе. При семъ случаѣ генералъ-прокуроръ навлекъ было на себя негодованіе императора. Онъ, увидѣвъ его послѣ приказанія даннаго о канцеляріи князя Зубова, спросилъ, исполнено ли оно? На сіе отвѣтствовалъ графъ Самойловъ, что онъ препоручилъ Ермолову. „А я приказалъ генералъ-прокурору," сказалъ императоръ и подтвердилъ, чтобъ онъ это самъ сдѣлалъ; посему и принужденъ былъ самъ туда ѣхать. Запечатанныя дѣла перенесены въ домъ графа Брюса, и всѣмъ жившимъ въ немъ Зубовскимъ офицерамъ немедлено велѣно выѣхать, чтò они въ тотъ же день и исполнили. Одинъ флигель занималъ самъ Грибовскій (11); и его не пощадили: приказали очистить домъ, и онъ во всю ночь съ 6-го на 7-е число перевозился. Поразителенъ для меня сей случай! Не прошло десяти дней, какъ я былъ у него на сей квартирѣ; видѣлъ тамъ множество прибѣгающихъ подъ покровъ его, въ числѣ коихъ былъ и князь Долгоруковъ, вашъ родственникъ, который вмѣстѣ съ вами удостоилъ меня нѣкогда своего посѣщенія. Сей разъ былъ я принятъ со всѣмъ высокомѣріемъ, такъ какъ и другіе мнѣ подобные; больно мнѣ было, но нечего дѣлать! Теперь же, какая перемѣна? Покровительствовавшій другимъ самъ ищетъ покровительства, и можетъ быть нигдѣ не обрѣтетъ его!.... Въ сіе же время опечатаны и всѣ дѣла графа Маркова, который отъ императора принятъ такъ, какъ онъ заслужилъ, т. е. съ великою холодностію. Напротивъ того графъ Безбородко не только обласканъ и обнадеженъ всѣми милостями монаршими, но сей часъ извѣстно стало, что уже и произведенъ въ первой классъ, а графъ Остерманъ сдѣланъ канцлеромъ. Кромѣ сихъ послѣдовали уже и другія многія повышенія и перемѣны, коимъ особливой при семъ реэстръ прилагаю (12).

Желалъ бы я описать вамъ плачевную картину того сокрушенія и отчаянія, въ какое погружена была императорская фамилія и всѣ приближенные къ покойной императрицѣ; но, не имѣя вѣрныхъ и достаточныхъ о семъ свѣдѣній, скажу кратко, что они были таковы, какія только могла произвести утрата безпримѣрной въ ми-

(9) Гр. А. Н. Самойлову, который самъ только мѣсяцъ еще удержался въ своей должности.

(10) Вышеупомянутый Петръ Алексѣевичъ, правитель канцеляріи генер. прокурора.

(11) Статсъ-секретарь императрицы и въ то же время одинъ изъ главныхъ дѣльцовъ при кн. Зубовѣ.

(12) Этого реэстра при подлинномъ письмѣ не находится.

лосердіи государыни. Самъ наслѣдникъ, коль скоро узрѣлъ умирающую свою родительницу, то, падши къ ея колѣнамъ, утопалъ въ горчайшихъ слезахъ. Императрица его супруга такою скорбію поражена была, что, говорятъ, два раза отворяли ей кровь. Отъ княженъ, любезнѣйшихъ ея внучекъ, сокрывали долго ихъ нещастіе. Но когда оно было имъ объявлено, и что въ нихъ произвело, не слышалъ; знаю только, что Александра Павловна больна. Впрочемъ, зная благость и великость души усопшей императрицы, можно себѣ живо представить, какими рыданіями, какимъ воплемъ освящаема была ея кончина, не только отъ кровныхъ и приближенныхъ ея, но и отъ всѣхъ, испытавшихъ и умѣющихъ цѣнить и чувствовать неописанныя дѣйствія ея благодушія. По кончинѣ ея, весь придворный штатъ собрался въ придворную церковь, гдѣ также собрано было и первѣйшее духовенство. Сперва пропѣли: „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра“, потомъ „Царю небесный“, и послѣ сего послѣдовала присяга. Сама императрица присягала ему въ вѣрности, яко государю; послѣ присяги поклонилась ему низко и потомъ, подошедъ къ нему (ибо онъ стоялъ на мѣстѣ покойной императрицы, а она на своемъ обыкновенномъ), обымала его съ нѣжностію, и взаимно другъ друга лобызали. Сіе зрѣлище извлекло слезы у всѣхъ предстоявшихъ. По приведеніи къ присягѣ придворныхъ, великіе князья, пожалованные въ полковники гвардіи, поѣхали въ свои полки, которые, въ присутствіи ихъ, учинили присягу. Въ сію же ночь всѣ военныя и многія штатскія команды присягнули. Поутру его высочество Константинъ Павловичъ, въ присутствіи самаго императора, велъ свой полкъ къ разводу, которой теперь дѣлается съ нѣкоторою противу прежняго отмѣною. Въ сей день императоръ много изволилъ заниматься разными распоряженіями. На мѣсто оберъ-маршала кн. Барятинскаго пожалованъ въ сей чинъ Шереметевъ; въ маршалы Тизенгаузенъ; маршаломъ при ея величествѣ императрицѣ Велеурской ([13]), и, говорятъ, что всѣ члены придворной конторы перемѣнены будутъ. Въ сей же день пожалованъ въ тайные совѣтники или еще въ дѣйствительные тайные сосѣдъ вашъ князь Куракинъ. При семъ случаѣ возсылалъ я усердныя моленія, да Всевышній, который есть прибѣжище наше и сила, вложитъ въ сердце благодушнаго и прозорливаго монарха и васъ употребить на служеніе престолу его и отечеству, по достоинствамъ и дарованіямъ вашимъ. Судя по тому, сколь вы къ нему близки были, нельзя не думать, чтобъ онъ не удостоилъ васъ своего милостиваго воспоминанія. Послѣ обѣда императоръ изволилъ ѣздить верхомъ, а вчерась въ саняхъ съ ея величествомъ императрицею. Народъ повсюду провожалъ ихъ съ радостными поздравленіями, и приближался до того, что целовалъ въ первой разъ его ноги, полы, лошадь, а вчерась сани, и все что къ нимъ было прикосновенно, и съ радостными восклицаніями поздравлялъ его. Примѣтно, что импера-

([13]) **Графъ Юрій Михаиловичь, отецъ гр. Михаила и Матвѣя Юрьевичей.**

торъ особливо желаетъ поуменьшить разорительную роскошь. Въ гвардіяхъ позументовъ вовсе на кафтанахъ не будетъ; всѣмъ ливрейнымъ служителямъ запрещено будетъ дѣлать платья изъ тонкаго сукна. Дай Богъ, чтобъ больше было такихъ полезныхъ распоряженій!...

На сихъ дняхъ имѣлъ я удовольствіе получить письмо ваше отъ 18 Октября, въ коемъ вы весьма сильно доказывать изволите, что не во всякомъ случаѣ можно безъ опасенія принаравливаться къ обстоятельствамъ. Отъ всего сердца желаю, чтобъ истину можно было говорить громче прежняго. Пашпорта г-на Богданова я еще не получилъ: не могъ видѣться съ офицеромъ, который взялся оной перемѣнить. Великія теперь по гвардіямъ перемѣны. Не знаю, получу ли отсрочку. Всѣ малолѣтные изъ службы, говорятъ, исключены. За симъ отъ искренняго сердца желаю вамъ всѣхъ возможныхъ благъ и, цалуя съ глубокимъ почтеніемъ руку любезнѣйшей супруги, пребуду всегда вашъ вѣрнѣйшій слуга *Т. Киріакъ*.

По сей же почтѣ намѣренъ послать и половину купленныхъ вамъ книгъ. Если вы ихъ не получите, то это значитъ, что не приняты на почтѣ. Милостивому государю моему, Николаю Михайловичу, прошу донести мое искреннее почтеніе, и отъ моего имяни возвѣстить обстоятельства великаго сего приключенія.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ГРАФА Е. Ѳ. КОМАРОВСКАГО (*).

Жизнь наша въ Житомірѣ была довольно пріятна, и мы обязаны были въ томъ Михайлу Ивановичу Комбурлею и женѣ его Аннѣ Андрѣевнѣ: они всѣ средства употребляли, чтобы доставлять намъ всякаго рода удовольствія, и мы почти ежедневно были вмѣстѣ. Комбурлей, по женѣ и по себѣ, былъ очень богатъ и умѣлъ пользоваться своимъ богатствомъ. Онъ жилъ прекрасно, поступалъ и дѣйствовалъ вообще какъ прилично было въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда во ввѣренной ему губерніи былъ театръ войны: всѣ подати и повинности взимаемы были, какъ слѣдуетъ, и буйныхъ поляковъ умѣлъ держать въ порядкѣ. Комбурлей наконецъ управлялъ Волынскою губерніею на правахъ генералъ-губурнатора, но состоявшаяся потомъ противъ его партія, въ которой участвовалъ сенаторъ С., посланный ревизовать Волынскую губернію, его погубила, и Михаилъ Ивановичъ Комбурлей умеръ, находясь подъ судомъ правительствующаго сената.

Желая отвратить всякое подозрѣніе въ притѣсненіяхъ, которое могло бы возникнуть на назначенныхъ мною военныхъ пріемщиковъ лошадей, я отнесся къ губернскимъ маршаламъ обѣихъ губерній, чтобы они изъ дво-

(*) См. выше стр. 219, 521 и 748. Графъ Е. Ѳ. Комаровскій въ 1812 году имѣлъ порученіе отъ императора Александра Павловича снабжать наши арміи лошадьми изъ югозападнаго края, и поэтому, какъ ни желалъ, но не могъ участвовать въ славныхъ бояхъ того времени. *П. Б.*

рянъ, въ видѣ депутатовъ, опредѣлили по одному къ каждому военному пріемщику. Волынскій губернскій маршалъ отнесся ко мнѣ, что ко всѣмъ военнымъ пріемщикамъ, по желанію моему, депутаты изъ дворянъ опредѣлены; но все дворянство проситъ, чтобы къ подполковнику Макарову депутата не назначать, ибо оно увѣрено въ совершенной его честности и безпристрастіи.

Общество наше въ Житомірѣ нѣсколько оживилось, когда пришли туда ополченія: Нижегородское, Пензенское и Рязанское, всѣ подъ командою графа П. А. Толстаго. П. Ф. Козловъ командовалъ полкомъ конныхъ ратниковъ Нижегородскихъ, и жилъ у насъ въ домѣ. Начальники ополченій были: Нижегородскаго генералъ-маіоръ Муромцевъ, Пензенскаго генералъ-маіоръ Титовъ, и Рязанскаго генералъ-маіоръ Измайловъ.

Графъ Ильинскій пригласилъ насъ въ свое помѣстье Романово, которое называли Roma nova, по великолѣпію убранствъ всякаго рода, которыя онъ, большими деньгами, пріобрѣталъ въ Петербургѣ, дабы украсить это мѣстопребываніе его. Насъ поѣхало въ Романово: М. И. Комбурлей съ женою и съ свояченицею своею Рахмановою, жена подполковника Макарова, одна дѣвица Емельянова и я съ моею женою. Мы нашли каменный домъ преогромный, а хозяинъ увѣрялъ насъ, что это одинъ изъ флигилей будущаго его замка. Комнаты внутри превысокія, наполненныя множествомъ зеркаловъ, большею частію изъ цѣльныхъ стеколъ; вездѣ видно было множество бронзъ, а въ одной комнатѣ мебель, обитая шелковою французскою матеріею, по словамъ графа Ильинскаго, изъ маленькаго Тріанона, принадлежавшая королевѣ Маріи Антуанетѣ; словомъ, домъ его походилъ скорѣе на магазинъ, нежели на домъ частнаго человѣка! Мы пріѣхали къ позднему обѣду, послѣ котораго хозяинъ повелъ дамъ въ назначенныя для нихъ комнаты и спросилъ у нихъ, что имъ угодно: чтобы въ вечеру была музыка или театръ? Дамы отдали на его произволъ. Въ 8 часовъ вечера всѣ гости были приглашены на чай. Жена моя была чрезвычайно удивлена, увидя даму, наряженную въ шелковое платье, съ хвостомъ, съ перьями на головѣ; лицо этой дамы, казалось, ей было очень знакомо. То была madame Craye, торговавшая въ Петербургѣ дамскими головными уборами; магазинъ ея былъ подъ вывѣскою: „Au temple du bon gout“. Графъ Ильинскій представилъ ее потомъ Аннѣ Андрѣевнѣ Комбурлей и женѣ моей, какъ хозяйку его дома. Въ большой залѣ заиграла роговая музыка, и мы всѣ пошли ее слушать съ большимъ удовольствіемъ. На другой день мы были угощены оперою и балетомъ. Графъ Ильинскій выписывалъ изъ Одессы италіянскихъ пѣвцовъ и балетмейстера, и одна изъ его актрисъ имѣла превосходный голосъ; равно и изъ танцовщицъ было нѣсколько весьма порядочныхъ. Костюмы были пребогатые, но мы видѣли этихъ несчастныхъ, послѣ спектакля, почти въ рубищахъ! За нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, онъ учредилъ въ Романовѣ институтъ глухонѣмыхъ, и за это человѣколюбивое заведеніе,

графъ Ильинскій, по представленію мѣстнаго начальства, получилъ орденъ св. Владиміра 1-го класса. Мы видѣли зданіе, въ которомъ должно было быть институту, безъ стеколъ и въ совершенномъ разрушеніи; выписанный имъ изъ Вѣны учитель для этого предмета жилъ безъ всякой должности и не получалъ даже слѣдуемыхъ ему по контракту денегъ. Графъ Ильинскій весьма былъ набоженъ; мы нашли у него одного изъ Іезуитовъ, бывшихъ въ Петербургѣ. Домовая его церковь отдѣлана съ большимъ вкусомъ и богатствомъ; равно ризница и вся утварь церковная превеликолѣпная. Въ комнатахъ служилъ человѣкъ, чрезвычайно богато одѣтый арнаутомъ; въ день нашего отъѣзда, онъ пришелъ просить, Христа ради, ко всѣмъ намъ, дать ему денегъ, говоря: „Не судите по блестящему моему платью, оно господское; я его только надѣваю, когда гости, а самому мнѣ почти ѣсть нечего!" Такъ во всемъ у графа Ильинскаго видны были роскошь и тщеславіе подлѣ скупости и нищеты.

Черезъ городъ Житоміръ проѣзжала тогда великая княгиня Екатерина Павловна, слѣдуя за границу къ минеральнымъ водамъ, послѣ кончины супруга своего, принца Георгія Ольденбургскаго. Здоровье ея высочества весьма было, въ то время, разстроено отъ этой потери: у нея безпрестанно дѣлались обморочные припадки.

Мы любопытны были видѣть извѣстный по описанію въ стихахъ однимъ изъ лучшихъ польскихъ поэтовъ славный садъ, называемый Софіевкою. То же самое общество, которое было въ Романовѣ, кромѣ М. И. Комбурлея (поелику садъ этотъ находится въ другой губерніи, въ Кіевской) отправилось въ путь. Софіевка находится близъ мѣстечка Умани, принадлежавшаго графу Станиславу Потоцкому, первѣйшему богачу бывшей Польши. Мы нашли въ Умани героиню и тогдашнюю помѣщицу Софіевки, графиню Потоцкую, бывшую графиню Виттъ. Тамъ находился также князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. Онъ назначенъ былъ государемъ въ предсѣдатели коммиссіи, учрежденной по случаю чумы, въ тѣхъ губерніяхъ тогда существовавшей. Хозяйка сама показывала намъ этотъ прелестный садъ. Онъ расположенъ въ оврагѣ, а потому аллеи устроены въ три этажа. Богатство водъ удивительное. При самомъ въѣздѣ, на большомъ прудѣ, бьетъ фонтанъ, не ниже Сампсона что̀ въ Петергофѣ; нѣсколько каскадъ падаютъ съ высокихъ скалъ; но что всего примѣчательнѣе, это подземный каналъ. На довольно большое разстояніе, гуляя въ саду, онъ вовсе не примѣтенъ, ибо поверхъ его посажены деревья и сдѣланы дорожки; только видно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что сдѣланы отдушины, для доставленія свѣта и воздуха въ каналъ подземный, по которому мы ѣздили въ большой лодкѣ. Въ концѣ канала устроенъ резервуаръ, который помощью насосовъ наполняется водою, и лодка поднимается до поверхности воды, находящейся въ большомъ прудѣ; тогда отворяются ворота, и лодка входитъ въ тотъ прудъ. Этотъ механизмъ по-

хожъ на устроенный въ Вышнемъ Волочкѣ для поднятія барокъ въ каналѣ. Въ саду находится множество рѣдкихъ растеній, которыя видны въ самыхъ жаркихъ климатахъ. Въ то время случился въ Умани отставный прежней Польской службы поручикъ Мецель, основатель и учредитель Софіевки; онъ имѣетъ большія познанія въ гидравликѣ. Мецель разсказывалъ мнѣ, что, находясь при графѣ Потоцкомъ, бывшемъ главнымъ командиромъ всей Польской артиллеріи, пріѣхали однажды они въ Умань, и пошли съ ружьями на охоту. Войдя случайно въ оврагъ и увидя множество источниковъ воды, графъ Потоцкій, остановясь, сказалъ Мецелю: „Нельзя ли изъ этаго оврага сдѣлать гулянье? Мнѣ хочется подарить его женѣ моей и назвать ея именемъ; чтобъ издержки тебя не останавливали, я готовъ все что ни потребуется на это употребить, только чтобы Софіевка была изъ первыхъ садовъ въ Европѣ.“ Имѣвъ въ распоряженіи своемъ такіе неограниченные способы, Мецель хотѣлъ и свое имя сдѣлать извѣстнымъ. Выписавъ изъ чужихъ краевъ лучшаго садовника, принялись за работу, на которой, по словамъ Мецеля, нѣсколько лѣтъ находилось по 800 человѣкъ ежедневно, и на издержки ассигнованы были доходы со всего староства Уманскаго, въ которомъ находилось нѣсколько тысячь душъ.

Мы провели три дня въ Умани и были какъ нельзя лучше угощаемы графинею Потоцкою.

По возвращеніи нашемъ въ Житоміръ, полковникъ Зелепуга, командовавшій тогда Житомірскимъ баталіономъ Внутренней Стражи, представилъ, при рапортѣ, предписаніе главнокомандующаго арміею, адмирала Чичагова, чтобы разстрѣлять доставленнаго къ полковнику Зелепугѣ измѣнника Ржевускаго, бывшаго смотрителемъ провіантскихъ нашихъ магазейновъ, которые онъ предалъ непріятелю. Это произвело большое волненіе между Поляками, тѣмъ болѣе, что, за нѣсколько времени предъ тѣмъ, полученъ былъ милостивый манифестъ государя, которымъ дарована была амнистія въ неважныхъ случаяхъ. Многіе изъ Поляковъ обратились ко мнѣ съ просьбами, хотѣли послать эстафету къ государю и чтобы экзекуція отстрочена была до полученія рѣшенія. Я отвѣчалъ имъ, что это до меня вовсе не касается, что полковникъ Зелепуга знаетъ чему онъ можетъ подвергнуть себя, не приведя въ исполненіе предписанія главнокомандующаго арміею. Въ назначенный для экзекуціи день, кромѣ Житомірскаго баталіона, которому я приказалъ всему зарядить ружья пулями, приведены были, по моему распоряженію, три запасные эскадрона для сохраненія порядка. Когда Поляки увидѣли такую военную силу, ничего предпринять не осмѣлились; Ржевускій былъ разстрѣлянъ безъ всякой, со стороны ихъ, помѣхи. Однакоже Поляки впослѣдствіи, на томъ мѣстѣ, гдѣ зарыто было тѣло разстрѣленнаго Ржевускаго, поставили памятникъ.

Мы ѣздили на славную Бердичевскую ярмарку, гдѣ бываетъ большой съѣздъ купцовъ съ товарами изъ за границы, и Поляки пріѣзжаютъ изъ всѣхъ мѣстъ прежней Польши. Осо-

бенно ярмарка эта знаменита великимъ множествомъ лошадей, приводимыхъ на оную со всѣхъ нашихъ южныхъ губерній, и ремонтёры не только Русскіе, но Австрійскіе, Прусскіе и другихъ государствъ пріѣзжаютъ сюда покупать лошадей. Мы были приглашены на обѣдъ къ князю Радзивиллу, Бердичевскому помѣщику. Это мѣстечко ему приносило ежегодно дохода до 25,000 червонцевъ.

Собравъ до 13,000 лошадей съ Волынской и Подольской губерній, которыя въ сложности обошлись казнѣ съ небольшимъ по 25 рублей каждая лошадь съ мѣстнымъ и путевымъ продовольствіемъ, и получивъ въ пріемѣ оныхъ квитанцію отъ генерала Кологривова, бывшаго тогда въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, я отправилъ подполковника Макарова съ отчетомъ въ Петербургъ, а подпоручика Умецкаго съ донесеніемъ послалъ къ государю въ армію о совершенномъ окончаніи возложеннаго на меня порученія, прося позволенія пріѣхать въ главную квартиру его величества. Посланный мой къ государю привезъ мнѣ высочайшее повелѣніе, объявленное мнѣ чрезъ графа Аракчеева: что его величество очень доволенъ исполненіемъ возложеннаго на меня порученія и жалуетъ меня за оное, при весьма милостивомъ рескриптѣ, кавалеромъ ордена св. Владиміра 2-й степени, большаго креста; при томъ возлагать на меня изволитъ другое порученіе: по манифесту объ общемъ рекрутскомъ наборѣ (отъ 21-го Августа 1813 года обнародованному), коимъ предоставлено было на волю въ 22-хъ губерніяхъ, обязанныхъ рекрутскою повинностію, поставлять вмѣсто людей лошадьми, то и сборъ этихъ лошадей и отправленіе ихъ въ кавалерійскіе резервы должны производиться подъ моимъ распоряженіемъ. Графъ Аракчеевъ присовокуплялъ, по волѣ государя, что это порученіе гораздо полезнѣе для службы императора и отечества, нежели нахожденіе мое въ главной квартирѣ. Мнѣ предоставлено было на волю выбрать мѣсто моего пребыванія, которое бы находилось въ центрѣ тѣхъ губерній, въ коихъ, по назначенію комитета гг. министровъ, долженъ быть производимъ сборъ лошадей. Губерніи Курская и Орловская одинаково находились, по этому назначенію, центральными; я избралъ послѣднюю.

Получивъ это новое порученіе, я немедленно съ женою моею отправился изъ Житоміра, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1813 года, въ Городище (*), въ ожиданіи послѣдующихъ распоряженій, которыя возложены были на комитетъ гг. министровъ и на предсѣдательствовавшаго въ ономъ, князя Н. И. Салтыкова, увѣдомивъ о мѣстѣ моего нахожденія князя Горчакова.

Подполковн. Макаровъ привезъ мнѣ въ Городище всѣ дополнительныя распоряженія касательно новой моей операціи. Я переѣхалъ тогда въ городъ Орелъ, назначивъ три пункта, черезъ которые должны были проводимы быть партіи лошадей; въ одномъ изъ нихъ я находился самъ, а въ другіе два отрядилъ надежныхъ чиновниковъ. Военныхъ пріемщиковъ, при рекрутскихъ наборахъ находящихся, снабдилъ я самыми строгими и подробны-

---

(*) Орловское помѣстье графа Комаровскаго.

ми инструкціями. По положенію комитета гг. министровъ назначено было за одного рекрута взимать или по 4 карасирскихъ, или по 6 драгунскихъ, или по 7 гусарскихъ или уланскихъ лошадей.

Зимою я поѣхалъ съ женою моею къ бывшему тогда Курскимъ губернаторомъ А. И. Нелидову, пригласившему меня къ себѣ погостить. На границѣ губерніи мы встрѣчены были чиновникомъ. Мы пріѣхали въ Курскъ поздно вечеромъ; у заставы дожидался насъ полицейскій офицеръ, который проводилъ въ назначенный для насъ домъ; мы нашли его освѣщеннымъ, и нѣсколько офиціантовъ, весьма хорошо одѣтыхъ, потчивали насъ чаемъ, а потомъ прекраснымъ ужиномъ. Я никогда не забуду того пріема и тѣхъ обязательныхъ привѣтствій и ласкъ, которыя оказывали намъ въ Курскѣ, во время шестидневнаго нашего тамъ пребыванія, Софья Ѳедоровна и Аркадій Ивановичъ Нелидовы; они во все это время озабочены были только тѣмъ, чтобы доставлять намъ всякаго рода удовольствія: спектакль очень порядочный, нѣсколько баловъ, обѣдовъ, словомъ, ничего не было упущено ими для угощенія насъ самымъ лучшимъ и пріятнымъ образомъ.

Въ Орлѣ мы жили также довольно пріятно, но я простудился и получилъ жесточайшій кашель, продолжавшійся нѣсколько недѣль.

Въ слѣдующее лѣто мы ѣздили на Коренную ярмарку; она бываетъ въ девятую пятницу послѣ Святой недѣли. Къ этому дню изъ Курска въ монастырь, гдѣ бываетъ ярмарка, разстояніемъ до 30 верстъ, переносятъ икону Курской Божіей Матери. Мнѣ никогда не случалось видѣть такого множества народа, изъ разныхъ странъ Россіи вмѣстѣ собравшагося, какъ при перенесеніи чудотворной этой иконы! Вокругъ ея несутъ нѣсколько пребольшихъ фонарей, на длинныхъ палкахъ; всякому хочется хотя дотронуться до этихъ палокъ, если не удалось быть въ числѣ несущихъ оныя. Эта приверженность народа къ священной этой процессіи и теплота его вѣры въ чудотворную иконѣ могутъ быть почтены совершеннымъ торжествомъ нашей религіи. Курскій гражданскій губернаторъ долженъ, впереди этой процессіи, ѣхать верхомъ во всю дорогу. Икону вносятъ прямо въ церковь монастыря, она тамъ обыкновенно остается до Сентября мѣсяца, а потомъ ее переносятъ опять въ Курскъ. Мѣстоположеніе монастыря прелестно: онъ стоитъ на превысокой горѣ, внизу течетъ рѣка, на противулежащемъ берегу видны, на большомъ пространствѣ; луга, лѣса и селенія. Коренная ярмарка считается въ Россіи второю; ея гостинный рядъ преобширный, весь каменный и прекрасной архитектуры. Намъ опять случилось на ярмаркѣ увидѣться съ Софьею Ѳедоровною и Аркадіемъ Ивановичемъ Нелидовыми. Стеченіе покупателей и купцовъ было въ тотъ годъ премногочисленное; были публичные балы, театръ, и мы провели тамъ время очень весело.

Второе порученіе было для меня гораздо затруднительнѣе и хлопотливѣе перваго, которое находилось, такъ сказать, у меня подъ руками: я видѣлъ всякую лошадь, принятую мо-

ими пріемщиками, которыхъ я всѣхъ зналъ лично. Во второй операціи, хотя вся отвѣтственность возложена была на батальонныхъ командировъ, бригадныхъ начальниковъ и окружныхъ генераловъ (гдѣ они находились) состоявшихъ подъ моимъ начальствомъ, но все я не могъ быть совершенно увѣренъ, чтобы въ 22-хъ губерніяхъ была соблюдена всюду строгая справедливость и непоколебимое безпристрастіе. Со временемъ и открылось, что нѣкоторые баталіонные командиры, за злоупотребленія, подверглись военному суду. Изъ полученныхъ мною квитанцій отъ генерала Кологривова видно было, что въ кавалерійскіе резервы поступило до 40,000 лошадей, и по такому большому количеству, не слишкомъ много оказалось къ службѣ неспособныхъ, которыя впрочемъ могли прійти въ это состояніе и отъ дальнаго пути, который лошади тѣ должны были пройти. Такимъ образомъ окончилось и второе порученіе, на меня возложенное.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1814 года я съ женою моею отправился въ Петербургъ. Государь находился тогда на конгрессѣ въ Вѣнѣ. По возвращеніи императора въ Петербургъ, кн. Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, не предваривъ меня, сдѣлалъ обо мнѣ докладъ къ генералъ - лейтенантскому чину, основываясь на томъ, что представленные мною отчеты, по послѣдней операціи, найдены въ совершенномъ порядкѣ, и что вообще вся она произведена была весьма успѣшно. Къ несчастію моему, государь былъ княземъ Горчаковымъ не доволенъ, и докладъ его обо мнѣ былъ возвращенъ, съ замѣчаніемъ: что его величество предоставляетъ одному себѣ цѣнить службу своего генералъ-адъютанта, а не кому другому. Съ небольшимъ черезъ годъ спустя, а именно 7-го Февраля 1816 года, вышло образованіе дежурства главнаго штаба его императорскаго величества; въ этомъ образованіи, Внутренняя Стража получила наименованіе Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи, и я назначенъ командиромъ онаго.

Кн. Горчаковъ отпущенъ былъ, по болѣзни, за границу, и я далъ ему адъютанта своего графа Кошкуля. Князь былъ въ постоянной со мною перепискѣ. По возвращеніи его чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ, болѣзнь его усилилась, и онъ вскорѣ умеръ. Послѣ смерти его, по нѣкоторымъ подрядамъ провіанта для арміи найдены были упущенія, и онъ преданъ былъ суду: случай, весьма необыкновенный, чтобы мертваго судить! Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ, онъ былъ оправданъ.

30-го Августа 1816 года я произведенъ, какъ сказано было въ приказѣ: „за отличіе по службѣ“ въ генералъ-лейтенанты, пробывъ безъ двухъ мѣсяцевъ и нѣсколькихъ дней, 17 лѣтъ въ генералъ-маіорскомъ чинѣ! У императора Александра принято было за правило, чтобы въ генеральскихъ чинахъ не производить по старшинству, а за отличіе, отъ чего сколько младшихъ въ чинѣ произведены были прежде меня! Вся моя вина была въ томъ, что я не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ послѣдней кампаніи; но по прихоти ли

я это дѣлалъ? Не имѣлъ ли я важныхъ и полезныхъ для службы, по словамъ самаго императора, порученій? Однажды, будучи на единѣ съ государемъ, я далъ почувствовать его величеству, какъ много я потерялъ по службѣ тѣмъ, что не находился въ арміи, что не могу даже участвовать въ празднествахъ, въ воспоминаніе незабвенныхъ военныхъ подвиговъ нашей арміи учрежденныхъ, каковы суть: Лейпцигская баталія, входъ въ Парижъ и проч., и лишенъ даже права носить медаль 1812 года, которою украшены почти всѣ имѣющіе мундиръ! На это императоръ мнѣ отвѣчалъ: „Что дѣлать! Это зависѣло отъ обстоятельствъ, но ты себя ни въ чемъ упрекнуть не можешь„.

До 1819 года я, безвыѣздно изъ Петербурга, занимался устроеніемъ ввѣреннаго мнѣ корпуса, а съ сего года я началъ дѣлать мои инспекціи. Въ половинѣ лѣта государь поѣхалъ въ Варшаву, куда позволилъ и мнѣ также пріѣхать. Осмотрѣвъ Псковскій, Виленскій, Гродненскій и Бѣлостокскій баталіоны, я пріѣхалъ въ Варшаву прежде императора и подалъ его высочеству цесаревичу рапортъ о состояніи командуемаго мною корпуса, чѣмъ великій князь былъ очень доволенъ.

Вся Польская армія собрана была въ окрестностяхъ Варшавы. Государь дѣлалъ оной смотръ по полкамъ; потомъ были манервы. Удивительно было видѣть, до какого совершенства, во всѣхъ своихъ движеніяхъ, армія эта была доведена великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, и въ такое короткое время! Самый городъ Варшава, по словамъ знавшихъ его прежде, много былъ украшенъ. Дворецъ, въ видѣ зáмка, довольно обширный, стоитъ на утесѣ превысокаго берега рѣки Вислы; видъ изъ онаго прекрасный. Въ большой залѣ, въ медаліонахъ, находятся портреты всѣхъ Польскихъ королей. Въ кабинетѣ послѣдняго короля Станислава видны портреты современныхъ ему государей, какъ-то: императрицы Екатерины, императора Іосифа II-го, французскаго короля Людовика XVI, англійскаго Георга III, прусскаго Фридриха II и папы. Лежащее на противуположномъ берегу рѣки Вислы предмѣстье Прага, имѣвшее доселѣ значительныя укрѣпленія, находится въ томъ же положеніи, какъ оставилъ его Суворовъ, послѣ славнаго своего штурма. Варшавскій дворъ довольно великолѣпенъ, много придворныхъ чиновъ составляютъ оный. У государя было нѣсколько большихъ столовъ. Я находился на нѣсколькихъ званыхъ обѣдахъ: у Заіончика, у графа Замойскаго, предсѣдателя сената, и у другихъ первыхъ чиновъ царства Польскаго. Н. Н. Новосильцевъ давалъ премноголюдный балъ, который удостоенъ былъ посѣщеніемъ государя и цесаревича. Большую часть моего времени въ Варшавѣ я проводилъ у Н. Н. Веревкина, бывшаго впослѣдствіи комендантомъ въ Москвѣ; онъ командовалъ тогда гвардейскою пѣхотною бригадою. Н. Н. меня ознакомилъ со всѣми Варшавскими окрестностями; онъ былъ чрезвычайно гостепріименъ, равно и жена его Аграфена Ѳедоровна. Я сохранилъ къ

нимъ обоимъ чувство признательности за ихъ ко мнѣ привѣтливость и ласковый пріемъ.

Я выѣхалъ изъ Варшавы на другой день послѣ отбытія изъ оной императора. На возвратномъ пути въ Петербургъ, я осматривалъ: Минскій, Могилевскій и Витебскій баталіоны.

Съ этого времени жизнь моя была единообразна. Каждое почти лѣто, я осматривалъ нѣсколько батальоновъ, и дѣлалъ по нѣскольку тысячъ верстъ. Всякій разъ я отдавалъ лично государю отчетъ о всемъ, что̀ я видѣлъ, кромѣ установленнаго по формѣ донесенія обо инспекторскихъ смотрахъ. Хотя должность моя была весьма хлопотлива, но она доставила мнѣ случай ознакомиться почти со всею Россіею, не исключая и знойной Астрахани, кромѣ Сибири и Грузіи. (Я объѣхалъ въ 8 лѣтъ до 32,000 верстъ). Особливо вояжъ мой по всему Крыму и по южному онаго берегу оставилъ во мнѣ самыя пріятныя впечатлѣнія. Я сохранилъ всѣ мои маршруты, и любопытные могутъ ихъ видѣть.

1824 года, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, когда Петербургъ подвергся небывалому дотолѣ наводненію, я былъ употребленъ дѣятельнымъ образомъ. 8-го числа того мѣсяца, на другой день наводненія, я получаю записку отъ бывшаго тогда начальникомъ главнаго штаба его величества, генералъ-адъютанта Дибича, чтобъ я, въ 3 часа послѣ обѣда, явился въ комнаты государя. Послѣ меня пріѣхали генералъ-адъютанты: Депрерадовичъ и Бенкендорфъ. Насъ позвали немедленно въ кабинетъ императора. Государь намъ сказалъ: „Я призвалъ васъ, господа, чтобъ вы подали самую скорую и дѣятельную помощь несчастнымъ, пострадавшимъ отъ ужаснаго вчерашняго произшествія"; и у него примѣтны были слезы на глазахъ. „Я увѣренъ, что вы раздѣляете мои чувства состраданія", и продолжалъ говорить съ такимъ чувствительнымъ краснорѣчіемъ, что мы сами были чрезвычайно тронуты. „Я назначаю васъ, присовокупилъ императоръ, временными военными губернаторами зарѣчныхъ частей города, что̀ вы увидите изъ сегодняшняго приказа. Вотъ вамъ инструкція, на скоро составленная; сердца ваши ее дополнятъ. Поѣзжайте отсюда прямо къ министру финансовъ, который имѣетъ повелѣніе выдать каждому изъ васъ по 100,000 рублей, на первый случай". Мы вышли изъ кабинета государя, восхищенные тѣмъ, что̀ слышали и сказали: жаль, если разговоръ сей не сохранится для потомства, ибо онъ изобразилъ бы императора Александра таковымъ, каковъ онъ точно есть, и послужилъ бы лучшимъ панегирикомъ его небесной души; но останется памятникомъ начертанная собственною его величества рукою инструкція, государемъ намъ данная, въ коей видна его нѣжная и отеческая попечительность о несчастныхъ, пострадавшихъ отъ наводненія и въ коей ничего не было упущено къ услажденію ихъ плачевной участи.

Генералъ-адъютантъ Депрерадовичъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Выборгскую часть, я на Петербургскую сторону, а Бенкендорфъ на Васильевскій островъ. Мы въ тотъ же вечеръ получили опре-

дѣленную сумму. Мое мѣстопребываніе назначено было въ домѣ коменданта крѣпости, куда я и отправился ночевать. Мы подчинены были военному генералъ-губернатору гр. Милорадовичу, которому и должны были дѣлать наши донесенія; но находящаяся мѣстная полиція и квартировавшія въ этой части города войска состояли подъ непосредственнымъ нашимъ начальствомъ.

Между тѣмъ учреждены были и на адмиралтейской сторонѣ частные комитеты, которыхъ предсѣдателями были гг. сенаторы. Эти частные комитеты были подчинены центральному комитету, подъ предсѣдательствомъ князя Алексѣя Борисовича Куракина. Мы также учредили при себѣ комитеты изъ особъ, пользующихся наиболѣе уваженіемъ обывателей той части города.

На другой день моего пріѣзда на Петербургскую сторону (къ которой присоединены были Каменный и Аптекарскій острова) я поѣхалъ осмотрѣть оную и никакъ не могъ представить себѣ такого опустошенія, каковое я нашелъ повсемѣстно! Всѣ заборы были снесены; всѣ мосты, даже мостики чрезъ канавы, раздѣляющія улицы, сорваны, такъ что никакого сообщенія между ними не было. Множество фонарей и нѣсколько будокъ были истреблены водою. По сдѣланному послѣ счету, до 160 барокъ разной величины и нѣсколько галіотовъ находились на улицахъ. Извѣстно, что на Петербургской сторонѣ всѣ почти обывательскіе дома деревянные, и въ одинъ этажъ, кромѣ большаго проспекта; во всѣхъ этихъ домахъ вѣтромъ разбило стекла, а вода разрушила печи; особенно въ слободѣ, называемой Колтовскою, на берегу взморья, вода была вышиною въ три аршина. Тамъ многіе ветхіе дома совсѣмъ были снесены. Жителей, по самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, погибло на Петербургской сторонѣ до 90 душъ обоего пола. Я не зналъ сначала, за что приняться. Пріѣхавъ въ Колтовскую и увидя множество жителей безъ пріюта и безъ пищи, я приказалъ, на первый случай, кое какъ ихъ размѣстить по сосѣдямъ, и роздалъ лично болѣе нуждающимся до 2,500 рублей; призвалъ къ себѣ священниковъ и церковныхъ старостъ и далъ имъ деньги, чтобы по ихъ усмотрѣнію они подавали всякій день милостыню бѣднымъ и нищимъ; послалъ отыскивать стекольщиковъ и печниковъ, но къ несчастію, какъ то было уже въ глубокую осень и всѣ мастеровые разошлись по своимъ деревнямъ, то и посланы были нарочные, чтобъ воротить ихъ всѣхъ назадъ, и въ нихъ уже не было болѣе недостатка. Комитетъ, при мнѣ находившійся, состоялъ изъ шести членовъ: четверо было изъ дворянъ, а двое изъ купцовъ. Петербургская сторона раздѣлена на четыре квартала: 1-й кварталъ порученъ былъ сначала коллежскому ассессору Львову, а потомъ Мельяну; 2-й коллежскому совѣтнику Агаѳонову; 3-й купцу Шубину; 4-й купцу же Шульгину. Дѣйствительному статскому совѣтнику Кремпковскому поручены были Каменный и Аптекарскій острова, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Лагода находился въ комитетѣ и получалъ иног-

да отъ меня особыя порученія. Сверхъ того въ каждомъ кварталѣ учреждены были особые комитеты, въ которыхъ членами находились извѣстные своимъ хорошимъ поведеніемъ изъ мѣщанъ и изъ ремесленниковъ. Эти квартальные комитеты назначены были въ помощь члену частнаго комитета, которому ввѣренъ былъ кварталъ. Изъ обывателей избраны были надежные и честные люди, которые раздавали въ каждомъ кварталѣ пищу, состоявшую въ скоромные дни: изъ щей съ говядиною, а въ постные изъ кашицы со снятками, грешневой каши и хлѣба съ солью. При всякомъ изъ сихъ раздаятелей находился офицеръ Внутренней Стражи съ двумя рядовыми для порядка. Сначала раздавалось ежедневно пищи до 2,000 порцій, а когда устроены были печи въ домахъ бѣдныхъ, то отпускали имъ дрова и муку. При гарнизонномъ баталіонѣ, расположенномъ на Петербургской сторонѣ, учреждена была швальня, въ которой шили: армяки, тулупы, и раздавалась также прочая одежда и обувь, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Этимъ завѣдывалъ баталіонный камандиръ, полковникъ Елистратовъ. Строительная часть поручена была находившемуся при штабѣ моемъ, квартирмейстерской части, подпоручику барону Корфу и архитектору Беретти, жившему на Петербургской сторонѣ. Возстановленіе фонарей, будокъ и заборовъ возложено было на находившагося при мнѣ, по особымъ порученіямъ, маіора Кельчевскаго. Канцеляріею моею управлялъ дежурный штабъ-офицеръ маіоръ Репешко; равно и адъютанты мои: Жеребцовъ, графъ Толстой и Воронковскій были употреблены по разнымъ предметамъ. Обязанность членовъ комитета была: всякій день обходить по утру кварталы и во всякомъ домѣ осмотрѣть поврежденіе, сдѣланное водою, войти въ состояніе хозяина дома, а также находящихся въ ономъ жильцевъ и соразмѣрно потери ихъ назначать вспомоществованія, сначала самыя необходимыя, ибо эти вспомоществованія возобновлялись нѣсколько разъ, сообразно суммѣ, находившейся въ распоряженіи комитета. Всякое послѣобѣда всѣ члены собирались у меня, и мы, въ общемъ засѣданіи, разсматривали представленные членами комитета списки и назначали денежныя пособія, которыя члены получали подъ свои росписки тотчасъ, и на другой день раздавали по принадлежности, и такимъ образомъ это повторялось каждый день. Мнѣ казалось, что это былъ наиуспѣшнѣйшій способъ доставлять пособіе.

На третій день моего на Петербургской сторонѣ пребыванія, 10 Ноября, посѣтилъ меня государь. Наканунѣ того дня, присланы были дрожки, въ одну лошадь, съ кучеромъ, съ императорской конюшни, чтобъ находиться въ нанятой, у самаго перевоза, квартирѣ. Я встрѣтилъ государя, какъ онъ изволилъ выходить изъ катера. Его величество началъ разсказывать мнѣ, что наканунѣ былъ свидѣтелемъ зрѣлища ужаснаго. На четвертой верстѣ по Петергофской дорогѣ находился казенный литейный чугунный заводъ, состоявшій у самого взморья; деревянныя казармы были построены для жительства рабочихъ людей, при-

надлежавшихъ къ заводу. Въ девять часовъ утра, 7-го Ноября, вѣтеръ сталъ подниматься, вода прибывать; ударили въ колоколъ, чтобы распустить съ работы людей; всѣ бросились къ своимъ жилищамъ, но уже было поздно! Вода съ такою скоростью прибыла, что этимъ несчастнымъ невозможно было достигнуть казармъ, гдѣ находились ихъ жены и дѣти, и вдругъ большую часть сихъ жилищъ понесло въ море. Каково же было положеніе этихъ бѣдныхъ людей, видящихъ ихъ семейства погибающими и не имѣющихъ способа подать имъ малѣйшую помощь! Примѣтно было, что государь внутренно страдалъ, разсказывая объ этомъ ужаснѣйшемъ происшествіи, и присовокупить изволилъ: „Я бывалъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ, видалъ мѣста послѣ битвы, покрытыя бездушными трупами, слыхалъ стоны раненыхъ, но—это неизбѣжный жребій войны; а тутъ увидѣлъ людей, вдругъ, такъ сказать, осиротѣвшихъ, лишившихся въ одну минуту всего, что̀ для нихъ было любезнѣе въ жизни; это ни съ чѣмъ сравниться не можетъ!“ Потомъ государь сѣлъ на дрожки, и я поѣхалъ впередъ. Сначала я повезъ его величество къ Тучкову мосту; тутъ посреди проспекта стоялъ преогромный галіотъ, такъ что мы принуждены были сойти съ дрожекъ и идти пѣшкомъ. Государю хотѣлось видѣть вторый кадетскій корпусъ, но когда мы вышли на берегъ Невы, то все парадное мѣсто покрыто было барками, бревнами и такимъ множествомъ дровъ, что и пѣшкомъ шагу впередъ было сдѣлать не возможно. Между тѣмъ императоръ у меня распрашивалъ, что̀ я успѣлъ сдѣлать въ это короткое время, и, кажется, отчетомъ моимъ былъ доволенъ; приказывалъ, чтобъ я ничего не щадилъ для призрѣнія бѣдныхъ. Потомъ кое какъ мы пробрались на Каменно-Островскій проспектъ; тутъ открылось намъ необозримое поле огородовъ, и мы могли доѣхать только до Карповки, ибо мостъ черезъ оную былъ сорванъ; но Бетанкуровъ мостъ, на Каменный Островъ, уцѣлѣлъ. Государь сошелъ съ дрожекъ, и сказалъ мнѣ: „Какое ужасное опустошеніе! Ну, братъ, тебѣ предстоитъ много труда. Я почти не узнаю, продолжалъ его величество, проспектъ, по которому я столько лѣтъ безпрестанно ѣзжалъ!“ Что болѣе всего удивило государя, это двѣ преогромныя барки съ угольями, въ коихъ находилось нѣсколько тысячъ четвертей онаго, приведенныя, за нѣсколько дней до наводненія, для монетнаго двора. Эти барки стояли подлѣ ограды деревянной церкви Св. Троицы, и вышиною своею равнялись почти съ нею. Государь, осыпавъ меня, по обыкновенію, милостивыми привѣтствіями, изволилъ на катерѣ возвратиться во дворецъ, обѣщавъ еще скоро меня посѣтить. Мнѣ сказывали послѣ, что священникъ служилъ обѣдню въ церкви Св. Троицы, при чемъ находилось и нѣсколько молельщиковъ; когда вѣтеръ усилился и понесло барки съ угольями прямо на ограду, вдругъ сдѣлалось темно; между тѣмъ вода начала входить въ церковь. Священникъ предложилъ всѣмъ находившимся въ оной исповѣдаться и причаститься, полагая, что эти барки, ударясь объ церковь, разрушатъ ее, и что смерть

ихъ неизбѣжна; но къ счастію въ оградѣ было нѣсколько большихъ березъ, которыя вѣроятно остановили стремленіе барокъ до тѣхъ поръ, какъ начала вода убывать.

Въ день посѣщенія меня государемъ, я получилъ отъ августѣйшей его матери, покровительницы всѣхъ несчастныхъ, незабвенной императри-Маріи Ѳеодоровны, 10,000 рублей для вспомоществованія потерпѣвшимъ отъ наводненія.

Меня всего болѣе затрудняло начальное учрежденіе больницы. Хотя я распорядился тотчасъ, чтобъ лекаря, находившіеся при 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, при дворянскомъ полку и при крѣпости, завѣдывали каждый однимъ кварталомъ, и посѣщали бы всякій день случающихся въ оныхъ больныхъ; но, къ несчастію, открылись между нѣкоторыми обывателями жестокія горячки, и этихъ больныхъ должно было помѣщать въ особое мѣсто. На случай прекращенія сообщенія съ главною госпиталью, въ Петровскихъ казармахъ, гдѣ квартировалъ лейбъ-гренадерскій полкъ, очищалось всегда нѣсколько покоевъ для помѣщенія больныхъ, а солдаты размѣщались по прочимъ покоямъ и кухнямъ нижняго этажа; но кухни эти были наполнены водою, а потому не только тамъ жить, но и пищи варить было невозможно. Однакоже, коекакъ, я нашелъ средство учредить больницу на 20 кроватей. Мои товарищи Депрерадовичъ и Бенкендорфъ имѣли большія противу меня выгоды въ разсужденіи помѣщенія больныхъ: у перваго была вся главная госпиталь въ распоряженіи, на Выборгской сторонѣ только два квартала подверглись наводненію, что̀ составляло половину всей части; а у втораго отведено было все биржевое строеніе, какъ для помѣщенія безпріютныхъ, такъ и для больныхъ. Тѣ и другіе снабжены были всѣмъ нужнымъ, пожертвованіями отъ купечества и богатыхъ людей Васильевскаго острова. Однакоже и на бѣдной Петербургской сторонѣ нашлись благодѣтельные люди. Наслѣдники подполковника Иванова, четыре брата, сыновья его, пожертвовали домомъ своимъ для помѣщенія лишившихся пріюта жителей Петербургской стороны. Они послѣдовали, въ этомъ случаѣ, благодѣтельному примѣру ихъ отца, учредившаго за нѣсколько лѣтъ до своей смерти въ этомъ домѣ пансіонъ, гдѣ за умѣренную цѣну воспитывалось всегда до 50-ти юношей. Самъ г. Ивановъ былъ содержателемъ этого полезнаго заведенія, отъ котораго не только не пріобрѣлъ ничего, но даже разстроилъ свое состояніе. Надобно было думать, что воспитаніе, которое получали учащіеся въ пансіонѣ г. Иванова, было хорошее, ибо находилась довольно большая библіотека и физическій кабинетъ. Я могъ помѣстить въ домѣ гг. Ивановыхъ до 40 семействъ, и по мѣрѣ какъ жилища ихъ были исправляемы починкою, другія семейства заступали ихъ мѣста. Впослѣдствіи, въ этомъ же домѣ устроенъ былъ лазаретъ на 100 кроватей. Большая часть рогатаго скота бѣдныхъ жителей утонула; мнѣ стоило большихъ хлопотъ, чтобъ этотъ утопшій скотъ собрать вмѣстѣ, нагрузить на барки и отправить на Голодай-Островъ, гдѣ назначено было оный

сжечь. На Петербургской сторонѣ, такъ называемыхъ ломовыхъ извощиковъ очень мало, и потому я долженъ былъ заставлять солдатъ (полковъ лейбъ-гвардейскаго и учебнаго карабинернаго) таскать скотъ на пристань. Когда рѣка покрылась льдомъ, для освобожденія улицъ отъ бревенъ, баковъ, галіотовъ и разнаго хламу, ко мнѣ присылаемы были, кромѣ находившихся въ моемъ распоряженіи войскъ, рабочія команды гвардейскихъ полковъ съ адмиралтейской стороны. Всякій вечеръ я посылалъ записку о моихъ дѣйствіяхъ графу Милорадовичу. Для государя составляема была общая вѣдомость въ канцеляріи военнаго генералъ-губернатора, и его величество, на другой день, видѣлъ что̀ наканунѣ по всѣмъ комитетамъ было сдѣлано. Въ теченіи этаго времени, по представленію центральнаго комитета государю, чтобы потребовать отъ всѣхъ предсѣдателей частныхъ комитетовъ мнѣнія о нѣкоторыхъ предметахъ, касающихся до пособій потерпѣвшимъ отъ наводненія, его величество повелѣлъ, чтобы всѣ предсѣдатели частныхъ комитетовъ собрались у меня, и въ общемъ собраніи, по общему совѣщанію, представили чрезъ центральный комитетъ требуемое отъ нихъ мнѣніе, для доклада государю. Всего было три засѣданія, и сдѣланныя въ оныхъ постановленія удостоились высочайшаго утвержденія.

Въ день рожденія императора, 12-го Декабря 1824 года, его величество пожаловалъ мнѣ табакерку съ своимъ портретомъ, осыпанную бриллiантами.

Весною 1825 г. императоръ отправился въ Варшаву; возвратясь оттуда, проѣхалъ прямо на Каменный Островъ (это было въ Іюлѣ мѣсяцѣ); я встрѣтилъ государя, въ качествѣ военнаго губернатора, у самаго дворца. Скоро императоръ приказалъ позвать меня къ себѣ. Его величество сказать мнѣ изволилъ, что онъ столько же пріятно былъ удивленъ теперь, найдя все возстановленнымъ въ лучшемъ противъ прежняго видѣ и въ такое короткое время, какъ онъ былъ опечаленъ опустошеніемъ, причиненнымъ водою, когда со мною объѣзжалъ тѣже самыя мѣста, и изъявить мнѣ изволилъ совершенное свое благоволеніе. Я на это донесъ государю, что еще много остается дѣлать, ибо есть жители, не совсѣмъ водворенные въ свои жилища. Государь зналъ почти всѣхъ коренныхъ обывателей Каменнаго Острова, особенно изъ отставныхъ, служившихъ при дворѣ; мнѣ пріятно было слышать, что они самому императору отзывались весьма моими распоряженіями довольными.

Въ началѣ Сентября мѣсяца, государь изволилъ отправиться въ Таганрогъ, и такъ рано выѣхалъ съ Каменнаго Острова, что, пріѣхавъ въ 4 часа по утру во дворецъ, я уже его величество тамъ не засталъ. Я этимъ чрезмѣрно былъ огорченъ, и какъ будто предчувствовалъ, что мнѣ не суждено будетъ болѣе увидѣть обожаемаго мною государя и благодѣтеля!

Занятія мои, какъ временнаго военнаго губернатора Петербургской и Выборгской сторонъ (ибо вмѣсто генералъ-адъютанта Депрерадовича назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Паскевичь, а по полученіи имъ въ командованіе 1-го армейскаго корпуса, мнѣ

поручено было начальство и надъ Выборгскою стороною) продолжались цѣлый годъ. Изъ представленныхъ мною въ центральный комитетъ отчетовъ видно было, что по Петербургской сторонѣ израсходовано: хозяевамъ домовъ, снесенныхъ водою—1,600 р.; хозяевамъ домовъ раззоренныхъ—19,873 р.; хозяевамъ домовъ, менѣе потерпѣвшихъ, 198,977 р. 50 к.; чиновникамъ, въ службѣ не состоящимъ—119,963 р. 50 к.; людямъ, недвижимой собственности неимущимъ—76,319 р. 50 к.; людямъ торгующимъ 61,997 р. 50 к.; промышленникамъ 17,155 р.; ремесленникамъ 11,895 р.; выдано разнымъ людямъ въ Колтовской—2,443 р.; священниками роздано въ церквахъ—6,700 р.; куплено одежды на 15,763 р. 30 к.; на продовольствіе пищею—39,429 р.; порцій на 9,005 р. 9 к.; снабжено коровами на 6,440 р.; на лѣченіе больныхъ 15,235 р. 48¼ к. (больныхъ съ 13-го Ноября 1824 года по 1-го Іюля 1825 года состояло 1936; выздоровѣло 1511; умерло 98; за тѣмъ 327 поступили подъ присмотръ учрежденнаго смотрителя надъ больницею). На продолжительныя пособія 4,422 р.; за опариваніе въ бани 150 р.; на исправленіе домовъ и заборовъ поврежденныхъ 51,810 р. 96 к. Сверхъ того изъ пожертвованныхъ матеріаловъ и собраннаго лѣса—1,573 р., на желѣзныя печи для сушки домовъ 1,096 р. 80 к.; за означеніе линій возвышенія воды 57 р. 30 к.; на уборку утопшаго скота 2,054 р.; на очищеніе улицъ отъ нанесеннаго водою лѣса 2,071 р. 69 к.; на канцелярскіе и прочіе расходы и на разъѣзды чиновниковъ 9,081 р.; а всего 634,351 р. 86¼ к. Денежныя пособія по Выборгской сторонѣ были не значительны и не простирались даже до 100,000 р., и оныя уже были окончены, когда я поступилъ въ командованіе этою частію города. По представленію моему, всѣ чиновники, которые были употребляемы, и члены комитета получили награды.

Когда о болѣзни государя сдѣлалось извѣстно, я всякій день ѣздилъ въ Зимній дворецъ, чтобы узнавать о получаемыхъ о томъ свѣдѣніяхъ. Въ одно утро, я пріѣхалъ во дворецъ; при входѣ въ первую комнату, вижу фельдъегеря съ сумкою на груди; я спрашиваю, откуда онъ пріѣхалъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ: изъ Таганрога. Я продолжалъ: каковъ государь? Фельдъегерь тихо мнѣ сказалъ: скончался! Я не могу изобразить, чтò почувствовалъ я, услышавъ ужаснѣйшую эту вѣсть. Я перваго встрѣтилъ флигель-адъютанта Дурново, который въ слезахъ говоритъ мнѣ: „Не угодно ли вамъ, графъ, идти вмѣстѣ со мною въ большую церковь, присягать императору Константину Павловичу? Великій князь Николай Павловичъ уже присягнулъ“. Въ большой придворной церкви находился священникъ, и поставленъ былъ налой, на которомъ лежали Крестъ, Евангеліе и присяжный листъ; я, присягнувъ, на ономъ подписался.

Въ день возшествія на престолъ императора Николая Павловича, 14-го Декабря 1825 года, послѣ присяги, я возвратился домой съ тѣмъ, чтобы въ часъ по полудни ѣхать опять во дворецъ къ молебну. Желая имѣть обнародованный по сему случаю манифестъ, я послалъ купить одинъ экземпляръ онаго въ Сенатскую Типо-

графію адъютанта штаба моего поручика Жукова. Черезъ нѣсколько времени онъ возвращается и съ встревоженнымъ весьма видомъ говоритъ мнѣ: „Бунтъ! вся площадь Сенатская наполнена солдатами, которые кричатъ: ура Константинъ! и множество со всѣхъ сторонъ еще бѣгутъ туда и солдатъ и народа“. Я тотъ часъ приказалъ заложить себѣ карету, и поѣхалъ къ Зимнему дворцу. Площадь уже вся полна народа; я вышелъ изъ кареты, и видя государя верхомъ, передъ первымъ бата元іономъ Преображенскаго полка, удивился, что никого изъ генераловъ при немъ не было. Подойдя къ его величеству, императоръ сказалъ мнѣ: „Представь себѣ, есть люди, которые къ несчастію носятъ одинъ съ нами мундиръ, и называютъ меня самозванцемъ! Ты слышишь этотъ крикъ и выстрѣлы, но я имъ покажу, что я не трушу“. Скоро послѣ того, я увидѣлъ генералъ-адъютантовъ: князя Трубецкаго, Кутузова, Васильчикова, Левашова и Бенкендорфа, пріѣхавшаго донести, что полкъ конной гвардіи идетъ, и дѣйствительно оный началъ выстраиваться спиною къ дому княгини Лобановой. Между тѣмъ крики и выстрѣлы на Сенатской площади продолжались. С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ, графъ Милорадовичъ, узнавъ объ этомъ возмущеніи, поѣхалъ верхомъ, чтобы вразумить бунтующую толпу; но получилъ двѣ раны весьма тяжелыя, отъ которыхъ чрезъ нѣсколько часовъ умеръ. Народъ такъ тѣснилъ взводы 1-ю Преображенскаго баталіона, что ему нельзя было подаваться впередъ, и мы должны были уговаривать толпу, чтобы дала мѣсто. Государь приказалъ привесть для насъ верховыхъ лошадей. Вдругъ подходитъ къ его величеству офицеръ, въ драгунскомъ мундирѣ, превысокаго роста, у коего голова повязана чернымъ платкомъ. Государь спрашиваетъ: „Кто вы“?— „Я штабсъ-капитанъ Якубовичъ, отвѣчалъ онъ, „пришелъ къ вашему величеству съ повинною головою; я сдѣлался измѣнникомъ противу воли: идучи по Вознесенской улицѣ, я вижу, что нѣсколько взводовъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка бѣгутъ и кричатъ: ура Константинъ! Они окружили меня и заставили кричать тоже; я не слыхалъ о возшествіи вашего величества на престолъ и думалъ, что войска собираются для присяги Константину Павловичу; но, придя съ ними на Сенатскую площадь, я примѣтилъ въ войскахъ неустройство; не видя ни одного генерала и узнавъ, что ваше величество находитесь здѣсь, я пришелъ предстать предъ вами“. Государь на это сказалъ Якубовичу: „Такъ какъ вы уже тамъ были, то я приказываю вамъ возвратиться опять къ нимъ и сказать отъ моего имяни, что если всѣ находящіяся на площади войска положатъ оружіе, то я ихъ прощаю“. Якубовичъ на это сказалъ: „Я пойду и ручаюсь, что исполню приказаніе вашего величества, но только знаю, что живой не возвращусь“. Нѣкоторые изъ слышавшихъ это сказали: „Прекрасно“! Но государь возразилъ: „Погодите, господа, хвалить; увидимъ чѣмъ все это кончится“! Стоявшій тутъ флигель-адъютантъ Дурново про-

силъ позволенія у его величества пойти вмѣстѣ съ Якубовичемъ, на что государь согласился. (Мнѣ сказывалъ послѣ Дурново, что лишь только они подошли къ бунтовщикамъ, и Якубовичъ началъ говорить, какъ по нимъ сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, и Якубовичъ въ толпѣ отъ него скрылся). Митрополитъ Серафимъ, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ, посыланъ былъ увѣщевать бунтовщиковъ; но это не имѣло никакого успѣха. Всѣ бывшіе при государѣ и пріѣхавшій въ то время генералъ-адъютантъ Толь просили его величество послать за артиллеріею и, для скорости, приказать пріѣхать конной артиллеріи; императоръ отвѣчалъ, что онъ въ ней не увѣренъ, и съ великимъ трудомъ согласился наконецъ послать за пѣшею артиллеріею, пришедшею сначала съ холостыми зарядами; но послѣ уже привезли боевые. Принцъ Евгеній Виртембергскій предложилъ государю, чтобъ лейбъ-гвардіи конный полкъ сдѣлалъ атаку на бунтовщиковъ; они встрѣтили полкъ ружейнымъ огнемъ. Извѣстно, какъ неудачны были всѣ произведенныя тѣмъ полкомъ на бунтующую толпу атаки, на некованныхъ лошадяхъ и по гололедицѣ. Въ это время пріѣхалъ изъ Варшавы великій князь Михаилъ Павловичъ. Нѣсколько офицеровъ гвардейскаго экипажа пришли просить великаго князя, который былъ подлѣ государя, чтобы его высочество пріѣхалъ и вразумилъ бы нижнихъ чиновъ, которые вышли изъ повиновенія. Государь великій князь и всѣ бывшіе тутъ поѣхали къ гвардейскому экипажу. Люди удержали ружье у ноги и говорили, что они присягнули Константину Павловичу и если онъ самъ пріѣдетъ и скажетъ, что онъ освобождаетъ ихъ отъ присяги, то они готовы присягнуть Николаю Павловичу. Великій князь Михаилъ Павловичъ имъ на это сказалъ, что онъ сей часъ только что пріѣхалъ изъ Варшавы, что великій князь Константинъ Павловичъ самъ присягнулъ императору Николаю Павловичу, что они знаютъ привязанность его къ цесаревичу и именемъ его онъ приказываетъ имъ присягнуть законному ихъ императору, Николаю Павловичу. Но солдаты все одно говорили. Я подъѣхалъ къ одному изъ нихъ и сказалъ: „Что вы еще упорствуете? Вы знаете, что вамъ за это будетъ худо!“ Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Вамъ измѣнникамъ-генераламъ нужды нѣтъ всякій день присягать, а мы присягою не шутимъ“! Изъ сего отвѣта видно, какъ сильно они были злоумышленниками настроены. Между тѣмъ пришли: Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій, Павловскій, оставшаяся часть Московскаго и Егерскій полки и заняли всѣ улицы, ведущія на Исакіевскую площадь. Государь послалъ меня привесть 1-ый баталіонъ Финляндскаго полка, только что смѣнившійся съ караула, и занять имъ Исакіевскій мостъ. Не доѣзжая казармъ Финляндскаго полка, я встрѣтилъ одного изъ офицеровъ онаго и приказалъ ему позвать ко мнѣ баталіоннаго командира, которому я объявилъ данное мнѣ высочайшее повелѣніе, спросивъ, увѣренъ ли онъ въ людяхъ, и что онъ головою своею отвѣчаетъ, если

что противное случится. Баталіонный командиръ мнѣ на это сказалъ: „Позвольте спросить ротныхъ командировъ, но баталіонъ еще не присягалъ“. Я приказалъ ихъ позвать къ себѣ; они всѣ мнѣ объявили, что въ своихъ солдатахъ совершенно увѣрены; особенно 4-й роты капитанъ Вяткинъ сказалъ: „Люди рады со мною умереть“! Тогда я приказалъ вывесть весь баталіонъ съ ружьями, въ шинеляхъ, въ фуражкахъ, въ сумахъ и съ боевыми патронами. Мнѣ сказали, что бригадный командиръ генералъ-маіоръ Головинъ дома; я послалъ его просить. Когда баталіонъ построился поротно, я сказалъ солдатамъ: „Императоръ нашъ Николай Павловичъ приказалъ мнѣ вести васъ противу измѣнниковъ, готовы ли вы за него умереть?“ Весь баталіонъ отвѣчалъ: „Ради умереть!“—„И въ томъ клянетесь“? Всѣ повторили: „Клянемся!“ Между тѣмъ пришелъ генералъ-маіоръ Головинъ; я приказалъ скомандовать: справо по отдѣленіямъ, и баталіонъ пошелъ. Не доходя до Исакіевскаго моста, я приказалъ баталіонъ остановить и зарядить ружья. У самаго моста построились въ полувзводы, чтобы занять всю ширину моста. Я ѣхалъ передъ карабинернымъ взводомъ, передъ онымъ же шли генералъ-маіоръ Головинъ и баталіонный командиръ. Когда дошли до конца моста, я приказалъ остановиться, полагая, что весь баталіонъ за нами идетъ. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что стрѣлковый и всѣ послѣдующіе взводы остановились на половинѣ моста и держали ружья у ноги. Я поскакалъ къ стрѣлковому взводу; приказываю взять ружья на плечо, называя ихъ измѣнниками, но нѣсколько голосовъ мнѣ отвѣчали: „Мы не присягали, худаго ничего не сдѣлаемъ, но по своимъ стрѣлять не будемъ.“ Тутъ былъ и генералъ-маіоръ Головинъ и баталіонный командиръ. Я обратился къ нимъ, чтобы они привели людей въ повиновеніе, но всѣ угрозы ихъ были тщетны. Впослѣдствіи открылось, что этимъ взводомъ командовалъ поручикъ Розенъ, бывшій въ числѣ бунтовщиковъ, и онъ оказался виновнымъ въ этомъ неповиновеніи стрѣлковаго взвода. Я съ досадою поѣхалъ, чтобъ донести объ этомъ государю.

Пріѣхавъ на Исакіевскую площадь, я нашелъ, что пушки, поставленныя противу бунтовщиковъ, сдѣлали уже нѣсколько выстрѣловъ картечью, и толпа ихъ начала разсыпаться и скоро вся изчезла. Такъ какъ все уже почти кончилось, я не разсудилъ огорчать государя донесеніемъ о случившемся въ 1-мъ Финляндскомъ баталіонѣ, но я сказалъ о томъ командиру полка Воропанову, и требовалъ, чтобы люди стрѣлковаго взвода были выписаны въ армію. Мнѣ сказывалъ адъютантъ мой графъ Толстой, который во все время находился при лейбъ-гвардіи Павловскомъ полку, занимавшемъ Галерную улицу, что, стоя почти прямо противу картечныхъ выстрѣловъ, отъ коихъ нѣсколько гренадеръ были ранены, не только это людей не поколебало, но когда бунтовщики были сбиты съ мѣста, то весь полкъ пустилъ по нихъ батальный огонь. (Вѣроятно, въ награду за этотъ подвигъ вѣрности и

неустрашимости лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, государь назначилъ Наслѣдника шефомъ онаго). Когда смерклось, войска расположены были бивуаками на Дворцовой и Исакіевской площадяхъ; на первой командовалъ генералъ Воиновъ, а на второй генералъ-адъютантъ Васильчиковъ. Государь приказалъ мнѣ учредить цѣпь, поставивъ одинъ Преображенскій баталіонъ у арки, что̀ въ Луговой Милліонной, и отъ онаго давать часовыхъ по Невскому проспекту, до Полицейскаго моста и по Мойкѣ, и изъ одного Егерскаго баталіона, который долженъ былъ находиться при началѣ Большой Милліонной, давать также часовыхъ по всей той улицѣ и по Мойкѣ, соединя ихъ съ Преображенскими часовыми. Изъ кавалеріи учреждены были сильные патрули, которые должны были забирать всѣхъ разбѣжавшихся бунтовщиковъ. Когда я донесъ государю объ учрежденной мною цѣпи, его величество приказалъ мнѣ поѣхать на Васильевскій Островъ къ генералъ-адъютанту Бенкендорфу, командовавшему тамъ войсками, чтобы всѣхъ захваченныхъ патрулями бунтовщиковъ онъ отсылалъ къ генералъ-адъютанту Васильчикову. Это былъ 8-й часъ вечера; государь далъ мнѣ это приказаніе, идя во дворецъ, чтобы присутствовать при молебнѣ.

Жена моя и старшая дочь были во дворцѣ; не видя меня между генералъ-адъютантами, находившимся при императорѣ, онѣ чрезвычайно безпокоились. Кто-то ихъ успокоилъ, сказавъ имъ, что я живъ, и посланъ государемъ.

Я нашелъ Бенкендорфа въ квартирѣ генералъ-адъютанта Кутузова, который былъ тогда командиромъ 1-го кадетскаго корпуса. Я не могу изобразить моей радости, когда Катерина Петровна Кутузова предложила мнѣ отобѣдать: я чрезвычайно оголодалъ, усталъ и озябъ, ибо въ одномъ мундирѣ пробылъ 8 часовъ верхомъ, и лошадь моя насилу таскала ноги. По возвращеніи моемъ съ отвѣтомъ объ исполненіи порученія, государь приказалъ мнѣ, когда всѣ плѣнные собраны будутъ у генералъ-адъютанта Васильчикова, то чтобъ я взялъ одинъ баталіонъ Семеновскаго полка и дивизіонъ кавалергардовъ, и подъ этимъ конвоемъ привелъ бы ихъ ко дворцу. Пріѣхавъ на Исакіевскую площадь, къ счастію моему, я нашелъ тутъ дежурнаго штабъ-офицера моего штаба Репешку и адъютанта моего Жеребцова, которые весь день меня искали. Они для меня были большими помощниками, чтобы всѣхъ плѣнныхъ собрать вмѣстѣ и принять ихъ счетомъ. Извѣстно, что въ числѣ бунтовавшихъ войскъ было нѣсколько ротъ Московскаго полка, почти весь Лейбъ-гренадерскій, кромѣ 1-й гренадерской роты и стоявшей въ караулѣ въ крѣпости, и весь гвардейскій экипажъ. Когда всѣ плѣнные приведены были въ извѣстность, я изъ каждой роты построилъ каре и плѣнныхъ помѣстилъ въ средину оныхъ, а изъ двухъ эскадроновъ кавалергардскаго полка сдѣлалъ аванъ и аріеръ-гарды. Плѣнныхъ было до 700 человѣкъ. Приведя мой отрядъ на дворцовую площадь, я остановилъ оный и пошелъ донести о семъ госу-

дарю, подавъ его величеству записку о числѣ плѣнныхъ. Хотя уже былъ первый часъ по полуночи, его величество былъ еще въ мундирѣ. (Сказывали, что государь, какъ въ эту ночь, такъ и въ предъидущую не ложился въ постель). Императоръ, поблагодаривъ меня, сказалъ: „Я прикажу отвести ихъ въ крѣпость". Я прибавилъ: „Если вашему величеству угодно, то я это исполню".—„Мнѣ право совѣстно, любезный графъ, продолжалъ государь, вы таки устали; но если вы хотите это сдѣлать, то, отведя плѣнныхъ въ крѣпость, сдайте ихъ тамъ коменданту Сукину, и если ему будетъ нужно, то оставьте для караула въ крѣпости Семеновскій баталіонъ, который конвоируетъ теперь плѣнныхъ; потомъ отправьтесь домой". Дойдя до спуска на Невѣ, что̀ противу крѣпости, я остановилъ мой отрядъ, и хотя было 14-ое Декабря, но морозовъ большихъ еще не было; я боялся, что ледъ не довольно толстъ, дабы поднять и кавалерію и пѣхоту, при мнѣ бывшія, и потому дивизіону кавалергардовъ я приказалъ ѣхать къ полку. Плѣнныхъ я выстроилъ по четыре человѣка въ рядъ, а по обѣимъ сторонамъ шли солдаты Семеновскаго полка. Тѣ, которые нѣсколько часовъ предъ тѣмъ казались такъ храбрыми и отважными, тутъ шли смиренно какъ овцы; правду сказать, они были обезоружены, и изъ нихъ многихъ везли на саняхъ раненыхъ. Сдавъ всѣхъ плѣнныхъ коменданту Сукину, не имѣвшему надобности оставлять въ крѣпости Семеновскій баталіонъ, я возвратился домой почти въ 4 часа утра.

V.

На другой день площади Дворцовая и Исакіевская, обѣ Милліонныя, Адмиралтейская улицы и большая Набережная, до Эрмитажнаго моста, представляли видъ военнаго бивуака, ибо войска на нихъ провели всю ночь: много стояло пушекъ, курились дрова, видны были кучи соломы и сѣна. Государь объѣзжалъ всѣ войска верхомъ, слѣзалъ съ лошади, ходилъ по рядамъ и не только всѣхъ офицеровъ и солдатъ благодарилъ за ихъ вѣрность, но даже нѣкоторыхъ ему знакомыхъ гренадеръ цѣловалъ. Всѣхъ полковыхъ командировъ, имѣвшихъ генералъ-маіорскіе чины, назначилъ къ себѣ въ генералъ-адъютанты, а полковничьи чины въ флигель-адъютанты, въ которые назначены были также баталіонные и дивизіонные командиры полковъ: кавалергардскаго и лейбъ-гвардіи коннаго. Сверхъ того назначены были въ генералъ-адъютанты: командовавшій тогда гвардейскимъ корпусомъ генералъ отъ кавалеріи Воиновъ, коменданты Сукинъ и Башуцкій, начальникъ гвардейскаго штаба генералъ-маіоръ Нейдгартъ и командиръ гвардейской артиллеріи генералъ-маіоръ Сухозанетъ. Въ это же утро на Адмиралтейской улицѣ выстроенъ былъ гвардейскій экипажъ, принесшій чистосердечное раскаяніе въ своемъ заблужденіи, и послѣ освященія знамени, оное было ему возвращено.

Возвратясь во дворецъ, государь позвалъ меня къ себѣ и сказать мнѣ изволилъ: „Я ожидаю отъ васъ, любезный графъ, большой себѣ услуги." На изъявленную мною совершенную готовность исполнять всегда священ-

ную его для меня волю, его величество продолжать изволилъ: „Я хочу послать васъ въ Москву, съ объявленіемъ о восшествіи моемъ на престолъ“. Я отвѣчалъ: „Готовъ хоть сейчасъ отправиться“.—„Пріѣзжайте же ко мнѣ въ 3 часа по полудни, прибавилъ государь, и все приготовлено будетъ къ вашему отправленію.“ Принимая пакетъ къ Московскому военному генералъ-губернатору, я спросилъ государя: „Ваше величество прикажите мнѣ тотчасъ возвратиться?“ Императоръ, со вздохомъ, сказалъ мнѣ: „Желалъ бы, но какъ Богу будетъ угодно!“ Государь поручилъ мнѣ удостовѣриться въ духѣ поселенныхъ войскъ, и донести его величеству, по эстафетѣ, въ собственныя руки, но не изъ Новагорода, а изъ перваго удобнаго мѣста. Я просилъ, чтобы мнѣ данъ былъ фельдъегерь, что̀ и было исполнено. При отправленіи меня, государь приказалъ заѣхать къ бывшему тогда военнымъ министромъ графу Татищеву, чтобы получить отъ него бумаги, которыя слѣдовало отправить въ Москву; но графъ Татищевъ сказалъ мнѣ, что онѣ уже посланы съ нарочнымъ курьеромъ. Это произвело въ Москвѣ большое недоумѣніе, ибо я никакъ не могъ догнать курьера, отправившагося нѣсколько часовъ прежде меня.

Я выѣхалъ изъ Петербурга во вторникъ, 15-го Декабря, въ 8 часовъ вечера; со мною были адъютанты: Новосильцевъ (*) князя Голицына, и мой Жеребцовъ. Очень поздно, уже 14-го числа, вспомнили, что нужно было запретить выѣздъ изъ города через заставы, безъ записки отъ коменданта (впослѣдствіи извѣстно было, что двѣ тройки проѣхали чрезъ Московскую заставу прежде этого распоряженія). Хотя комендантъ и предваренъ былъ мною, что я отправляюсь по высочайшему повелѣнію, но, видно, за суетами, г. Башуцкій не выслалъ на заставу билета, и я долженъ былъ ожидать, пока фельдъегеръ привезъ оный. Въ Новѣгородѣ явился ко мнѣ съ рапортомъ генералъ-маіоръ Угрюмовъ, отрядный командиръ поселенныхъ войскъ. Я спросилъ у него, приведены ли къ присягѣ всѣ военные чины, начальству его ввѣренные. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что не успѣлъ еще этого сдѣлать, потому что къ нему присланъ былъ изъ Петербурга одинъ только экземпляръ присяги, а такъ какъ войска его расположены въ разныхъ мѣстахъ, то и нужно списать съ него нѣсколько копій. Я продолжалъ спрашивать, доволенъ ли онъ повиновеніемъ ввѣренныхъ ему войскъ и извѣстно ли имъ всѣмъ о восшествіи императора Николая Павловича на престолъ? Генералъ Угрюмовъ на это отвѣчалъ мнѣ, что эта перемѣна въ царствованіи войскамъ извѣстна, и что онъ головою своею отвѣчаетъ за вѣрность поселенныхъ войскъ. Сверхъ того я спрашивалъ у баталіоннаго командира внутренней стражи, который подтвердилъ мнѣ,

(*) Петръ Петровичъ, въ то время служившій адъютантомъ при Московскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Д. В. Голицынѣ и симъ послѣднимъ посланный въ Петербургъ съ донесеніемъ о томъ, что Москва присягнула великому князю Константину Павловичу. Теперь П. П. Новосильцевъ возвращался въ Москву вмѣстѣ съ гр. Е. Ѳ. Комаровскимъ. *П. Б.*

что извѣстіе о восшествіи на престолъ нынѣ царствующаго императора не произвело никакого непріятнаго дѣйствія и что, по замѣчанію его, всѣ поселенныя войска готовы будутъ присягнуть. Я замѣтилъ, что о бывшемъ въ Петербургѣ, 14-го Декабря, произшествіи въ Новѣгородѣ еще не было извѣстно. Во исполненіе высочайшаго повелѣнія, я послалъ изъ города Крестецъ, по эстафетѣ, донесеніе мое къ императору, въ которомъ я старался совершенно успокоить его величество на счетъ духа поселенныхъ войскъ. Я ѣхалъ не такъ скоро, какъ бы желалъ, по причинѣ недостатка въ снѣгѣ, особенно по шоссе: въ нѣкоторыхъ мѣстѣ былъ голый песокъ; а чтобы это вознаградить, я не выходилъ почти изъ повозки, кромѣ нѣсколькихъ минутъ, чтобы напиться чаю. Ѣдущій впередъ фельдъегерь приготовлялъ для меня лошадей и платилъ прогоны. Остановясь на одной станціи, не доѣзжая Вышняго-Волочка, я вижу кибитку, у которой стоялъ человѣкъ въ форменной шинели. Я спросилъ: Кто ѣдетъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ: Кавалергардскаго полка поручикъ Свистуновъ за ремонтомъ. (Мнѣ сказывалъ послѣ генералъ-адъютантъ князь Трубецкой, что выѣздъ Свистунова изъ Петербурга очень безпокоилъ государя и когда его величество узналъ отъ одного пріѣзжаго, что я Свистунова объѣхалъ до Москвы, то это императору было очень пріятно).

Я пріѣхалъ въ Москву въ ночь съ четверга на пятницу и остановился у военнаго генералъ-губернатора кн. Голицына. Онъ мнѣ сказалъ, что ожидалъ меня съ большимъ нетерпѣніемъ, ибо въ Москвѣ уже разнесся слухъ о восшествіи императора Николая Павловича на престолъ, а между тѣмъ офиціальнаго извѣстія онъ не получалъ (*). Князь Голицынъ послалъ за старшимъ оберъ-прокуроромъ Сената Московскихъ департаментовъ, княземъ Гагаринымъ (**) чтобъ оповѣстить гг. сенаторовъ собраться въ Сенатъ, для выслушанія манифеста о восшествіи на престолъ императора Николая 1-го, а къ архіепископу Филарету, для приведенія къ присягѣ въ Успенскомъ соборѣ въ 8 часовъ утра. Я поѣхалъ съ княземъ Голицынымъ въ Сенатъ, гдѣ мнѣ данъ былъ стулъ. По прочтеніи манифеста и всѣхъ приложеній, отправились мы въ Успенской соборъ. На Кремлевской площади стеченіе народа было неимовѣрное. Когда всѣ собрались въ соборѣ, архіепископъ Филаретъ началъ священнослуженіе тѣмъ, что, предшествуемый Московскимъ духовенствомъ, вынесъ на головѣ изъ алтаря серебрянный ковчегъ, въ которомъ хранится хартія о наслѣдіи на престолъ, императоромъ Павломъ I-мъ изданная и въ день коронаціи его имъ читанная. Въ этомъ ковчегѣ находилось завѣщаніе императора Александра I-го и отреченіе

(*) Не только слухъ, но и формальное приказаніе о приведеніи къ присягѣ императору Николаю Павловичу уже тогда пришли въ Москву, и именно на Сухареву башню, состоявшую въ то время въ Морскомъ вѣдомствѣ. Начальникъ учрежденія, помѣщавшагося на Сухаревой башнѣ, Николай Павловичъ Наумовъ получилъ распоряженіе о присягѣ, между тѣмъ какъ военный генералъ-губернаторъ еще ничего не зналъ точнаго о происшедшемъ въ Петербургѣ. *П. Б.*

(**) Княземъ Павломъ Павловичемъ.

цесаревича и великаго князя Константина Павловича отъ Всероссійскаго престола. (Извѣстно, что этихъ документовъ находилось три экземпляра: одинъ въ Успенскомъ соборѣ, другой въ Государственномъ Совѣтѣ, а третій въ Сенатѣ Петербургскихъ департаментовъ). Преосвященный Филаретъ поставилъ съ благоговѣніемъ ковчегъ на приготовленный налой, покрытый золотымъ глазетомъ, на амвонѣ, противу царскихъ дверей, отворилъ ковчегъ, вынулъ изъ него пакетъ съ завѣщаніемъ и показавъ всѣмъ что̀ печать цѣла, произнесъ прекрасное и трогательное слово; потомъ пакетъ распечаталъ и прочиталъ завѣщаніе и отреченіе. Прежде нежели приступить къ присягѣ, Филаретъ, осѣняя всѣхъ, громогласно сказалъ: „Разрѣшаю и благословляю". Это неожиданное изреченіе архипастыря произвело удивительное дѣйствіе, въ особенности, когда оно разнеслось между народомъ. Послѣ сего началась присяга, и все кончилось молебномъ съ многолѣтіемъ. Я хотѣлъ было въ тотъ же самый день отправиться въ Петербургъ, но князь Голицынъ предложилъ мнѣ остаться до другаго дня, дабы принять депутатовъ отъ Московскаго дворянства и купечества. Господинъ генералъ отъ инфантеріи Обольяниновъ, какъ губернскій предводитель, со всѣми уѣздными предводителями и другими Московскими дворянами, удостоили меня своимъ посѣщеніемъ и вручили мнѣ золотую табакерку, брилліантами осыпанную, на коей изображено было: „Отъ Московскаго дворянства, 1825 года 20-го Ноября". Московское купечество, въ сопровожденіи градскаго главы Куманина, поднесло мнѣ вызолоченный кубокъ, на блюдѣ весьма древней работы съ тысячью червонцами и съ надписью: „Вѣстнику о всерадостнѣйшемъ восшествіи на престолъ императора Николая Павловича отъ Московскаго купечества". Господинъ Обольяниновъ просилъ меня отъ имени всего Московскаго дворянства повергнуть всеподданнѣйшую ихъ просьбу къ стопамъ императора объ оказаніи монаршаго милосердія, елико возможно, князю Оболенскому, котораго престарѣлый отецъ весьма уважаемъ въ столицѣ (*). Князь Меньщиковъ, находившійся тогда въ отставкѣ, просилъ меня отвезть отъ него пакетъ генералъ-адъютанту Васильчикову, какъ предсѣдателю комитета военныхъ конскихъ заводовъ, коего князь былъ членомъ.

Я выѣхалъ изъ Москвы въ ночь на воскресенье 19-го Декабря 1825 года, а въ Петербургъ пріѣхалъ 22-го числа того же мѣсяца, въ часъ по полудни: менѣе чѣмъ въ 7 сутокъ съѣздилъ взадъ и впередъ въ Москву, пробывъ два дни въ этой столицѣ. Государь былъ очень доволенъ моимъ скорымъ возвращеніемъ. Я нашелъ его величество вмѣстѣ съ царствующею императрицею, которая также была ко мнѣ весьма милостива. Они оба осыпали меня вопросами. Имъ очень пріятно было слышать отъ ме-

(*) Д. ст. сов. Петръ Николаевичъ, женатый на Аннѣ Евгеніевнѣ Кашкиной. Сынъ ихъ, кн. Евгеній Петровичъ, объ оказаніи милости которому просило Московское дворянство, оставилъ Записки о событіяхъ 14 Декабря. *П. Б.*

ня, что Московскіе купцы называли Наслѣдника престола своимъ Кремлевскимъ, ибо Его Высочество дѣйствительно родился въ стѣнахъ сего знаменитаго и древняго жилища нашихъ царей. При донесеніи моемъ ихъ величествамъ о дѣйствіи, которое произвели надъ всѣми, въ Успенскомъ соборѣ, а въ особенности надъ народомъ, произнесенныя архіепископомъ Филаретомъ слова: „Разрѣшаю и благословляю", я примѣтилъ, что оба они слушали это съ большимъ вниманіемъ, и, казалось, были довольны догадкою Филарета. Я донесъ также ихъ величествамъ о полученныхъ мною въ Москвѣ подаркахъ; они изъявили желаніе ихъ видѣть. Потомъ я былъ принятъ вдовствующею императрицею. Я нашелъ ея величество чрезвычайно пораженною печалью; видно было, что скорбь отъ потери августѣйшаго ея сына, Александра Благословеннаго, была еще во всей своей силѣ. Разспрашивая меня о Москвѣ, безпрестанно на глазахъ ея появлялись слезы; слабость ея величества была такъ велика, что, говоря со мною, стоя, она придерживалась за стулъ. Я былъ тронутъ также ея печалью до глубины сердца, едва могъ воздержаться отъ слезъ, и доволенъ былъ, когда ея величество меня отпустить изволила. На другой день я привезъ во дворецъ табакерку и кубокъ, мною въ Москвѣ полученные. Государь изволилъ меня принять въ комнатахъ императрицы Александры Ѳеодоровны. Ихъ величества съ любопытствомъ разсматривали эти вещи; я имъ доложилъ, что въ кубкѣ находилась тысяча червонцевъ. Государь на это сказать изволилъ: „Эту сумму всегда дарятъ пріѣзжающимъ съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ". Отпуская меня, присовокупилъ: „Я этой службы твоей никогда не забуду", а императрица мнѣ пожаловала милостиво поцѣловать руку свою. Въ день Рождества Христова 1825 года, государь пожаловалъ мнѣ орденъ св. Александра Невскаго, при весьма милостивомъ рескриптѣ. На другой день моего возвращенія изъ Москвы, посланы были Андрѣевскія ленты: князю Голицыну, московскому военному генералъ-губернатору и графу П. А. Толстому, командовавшему тогда въ Москвѣ 5-мъ армейскимъ корпусомъ; архіепископу Филарету брилліантовый крестъ на черный клобукъ, — отличіе, какого прежде его, въ санѣ архіепископа, никто не имѣлъ.

Я ѣздилъ до станціи Чудово, на встрѣчу тѣла покойнаго и незабвеннаго моего благодѣтеля императора Александра Павловича, и имѣлъ нѣсколько разъ счастіе стоять при его гробѣ, когда на ночь тѣло вносимо было въ случавшіяся по дорогѣ церкви. Лейбъ-медикъ Вилье присланъ былъ осмотрѣть тѣло покойнаго императора, снята была крыша съ гроба, и при семъ случаѣ я удостоился приложиться къ образу, который его величество всегда носилъ на себѣ и поцѣловать его руку. Въ церкви Чесменскаго дворца тѣло императора Александра I-го переложено было въ свинцовый гробъ; переложеніе это было дѣлано одними только генералъ-адъютантами, бывшими при его величествѣ, въ числѣ которыхъ и я

находился. Во все время, какъ тѣло находилось въ Казанскомъ соборѣ, одни только генералъ-адъютанты покойнаго государя были дежурными при его гробѣ.

Скоро потомъ Россія погружена была въ новую скорбь кончиною императрицы Елисаветы Алексѣевны, достойной супруги Александра Благословеннаго, на дорогѣ ея величества изъ Таганрога въ Петербургъ, въ городѣ Бѣлевѣ Тульской губерніи. Жизнь драгоцѣнной для Россіи августѣйшей этой четы несомнѣнно передана будетъ позднѣйшему потомству.

Всѣ Европейскіе дворы, можно сказать на перерывъ, старались присылать съ поздравленіемъ императора Николая Павловича съ восшествіемъ на престолъ все, что у нихъ было знатнѣйшаго: Австрія прислала эрцъ-герцога Фердинанда (*), Пруссія принца Вильгельма (**), Нидерланды принца Оранскаго, Англія герцога Веллингтона, Франція герцога Рагузскаго, Баварія фельдмаршала Вреде.

Государю угодно было назначить меня находиться при эрцъ-герцогѣ съ флигель-адъютантомъ Апраксинымъ. Свиту эрцъ-герцога составляли: генералъ-маіоръ Дефуръ, полковникъ Кламъ, два гусарскіе офицера, имени его полка: князь Лихтенштейнъ и ландграфъ Фюрстенбергъ, и каммергеръ Вольтерсдорфъ. Эрцъ-герцогъ Фердинандъ былъ принятъ при дворѣ нашемъ съ большимъ уваженіемъ и имѣлъ комнаты въ Зимнемъ дворцѣ и всю прислугу придворную. Его высочество обходился со мною весьма учтиво и ласково; я сопровождалъ во всѣхъ его обозрѣніяхъ учебныхъ и прочихъ замѣчательнѣйшихъ заведеній Петербурга. Эрцъ-герцогъ пробылъ въ нашей столицѣ шесть недѣль; государь, въ это время, назначивъ его шефомъ Изюмскаго гусарскаго полка, который получилъ имя эрцъ-герцога Фердинанда, пожаловалъ его высочеству Андрѣевскій орденъ съ алмазными знаками и наградилъ его многими дорогими подарками. Генералъ-маіору Дефуру пожаловалъ былъ Анненскій орденъ съ алмазными знаками, и всѣ прочія особы, свиту эрцъ-герцога составлявшія, получили ордена. Я проводилъ его высочество до Царскаго Села, гдѣ онъ осматривалъ дворецъ. Отъ эрцъ-герцога я получилъ въ подарокъ табакерку съ портретомъ императора Франца, осыпанную брилліантами.

Между тѣмъ учреждена была Слѣдственная Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ бывшаго тогда военнаго министра графа Татищева; въ числѣ членовъ оной находился великій князь Михаилъ Павловичъ. Засѣданія этой Коммиссіи были въ крѣпости, въ домѣ коменданта Сукина. Всѣхъ подозрѣваемыхъ въ заговорѣ привозили въ Зимній дворецъ, гдѣ первые допросы съ нихъ снималъ генералъ-адъютантъ Левашевъ. Сказываютъ, что многихъ изъ нихъ видѣлъ самъ императоръ и съ ними разговаривалъ, а потомъ уже отвозили ихъ въ крѣпость.

Когда Слѣдственная Коммиссія окончила свои дѣйствія, то 1-го Іюня 1826

(*) Въ послѣдствіи императора, отрекшагося отъ престола и нынѣ живущаго въ Прагѣ. *П. Б.*

(**) Нынѣшняго короля. *П. Б.*

года учрежденъ былъ Верховный Уголовный Судъ подъ предсѣдательствомъ князя Лопухина. Этотъ судъ составленъ былъ изъ членовъ Святѣйшаго Синода, Государственнаго Совѣта, всѣхъ сенаторовъ и особо прикомандированныхъ, въ числѣ коихъ и я находился. Всѣхъ членовъ, этотъ судъ составлявшихъ, было до 70; засѣданія онаго были въ залѣ общаго Сената собранія. Члены собирались въ полныхъ мундирахъ, а военные въ лентахъ и шарфахъ. Для караула отряжалась рота отъ одного изъ гвардейскихъ полковъ и два взвода кавалергардскаго или лейбъ-гвардіи коннаго полка, которые давали конныхъ часовыхъ къ воротамъ Сената. Засѣданіе начиналось чтеніемъ допросовъ и показаній преступниковъ, которыхъ числомъ было до 130-ти человѣкъ. Положено было, послѣ прочтенія снятыхъ допросовъ съ преступниковъ, отправить въ крѣпость нѣсколько членовъ, выбранныхъ изъ присутствовавшихъ въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ, для снятія вторичнаго допроса съ каждаго преступника: точно ли каждымъ изъ нихъ сдѣлано было показаніе, добровольно ли онъ это исполнилъ, и не имѣлъ ли чего прибавить или убавить къ прежнему показанію? Немногіе изъ нихъ сдѣлали нѣкоторыя дополненія, большая часть же подтвердили прежнее своею подписью. Между прочими правилами, которыми Судъ долженъ былъ руководствоваться, вмѣнено ему было въ обязанность, по выслушаніи показаній преступниковъ и по утвержденіи оныхъ ихъ подписью, какъ выше сказано, выбрать изъ среды своей 9 членовъ, изъ коихъ одинъ долженъ быть предсѣдателемъ, для составленія Комитета, который обязанъ опредѣлить степень преступленія каждаго преступника и мѣру заслуженнаго имъ наказанія. Въ члены сего Комитета избраны были изъ Государственнаго Совѣта: графъ П. А. Толстой (онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ), И. В. Васильчиковъ и М. М. Сперанскій; изъ прикомандированныхъ особъ: графъ Г. А. Строгановъ, я и С. С. Кушниковъ; изъ сенаторовъ: Ѳ. И. Энгель, Д. О. Барановъ и графъ П. И. Кутайсовъ; производителемъ дѣлъ оберъ-прокуроръ Журавлевъ. Къ комитету прикомандировалъ былъ, для нужныхъ поясненій, статсъ-секретарь Блудовъ: онъ былъ производителемъ дѣлъ въ Слѣдственной Коммиссіи. Пока нашъ комитетъ продолжался, засѣданія въ Судѣ были прекращены. Мы собирались два раза въ день. Намъ должно было прочитать опять всѣ документы Слѣдственной Коммиссіи; а чтобы скорѣе въ томъ успѣть, мы раздѣлили между собою допросы всѣхъ преступниковъ. По существующимъ нашимъ узаконеніямъ, всѣ они подвергались смертной казни: ибо кто умышляетъ, не болѣе виноватъ, какъ и тотъ, который объ умыслѣ зная не донесъ, а преступники всѣ почти были въ этой категоріи. Государю угодно было, чтобы сколько можно ослаблены были преступленія и сообразно тому и наказанія. Для сего Комитетъ сдѣлалъ разряды, коихъ было четырнадцать: всякій разрядъ означалъ степень преступленія и мѣру наказанія, и мы, по общему совѣщанію, вставляли въ разряды, какъ въ рамы, съ краткимъ объясненіемъ преступленій, имена пре-

ступниковъ; но пять изъ нихъ, а именно: Пестель, Муравьевъ-Апостолъ, Рылѣевъ, Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій не вошли въ разряды, по роду ихъ преступленій. Наши занятія продолжались двѣ недѣли; потомъ онѣ внесены были въ Верховный Уголовный Судъ, который открылъ свои засѣданія. (Я долженъ здѣсь отдать справедливость способностямъ ума и быстротѣ соображенія М. М. Сперанскаго; онъ много способствовалъ къ скорому окончанію возложенной на насъ обязанности). Приговоръ надъ преступниками дѣлался по большинству голосовъ, для размѣщенія ихъ по разрядамъ. Сначала Судъ находилъ, что Комитетъ сдѣлалъ слишкомъ много подраздѣленій; однако же кончилось тѣмъ, что разряды были болѣе или менѣе наполнены. Назначено было нѣсколько членовъ для составленія доклада государю отъ Верховнаго Суда; докладъ былъ читанъ въ полномъ собраніи, и съ нѣкоторыми измѣненіями принятъ. Чрезъ нѣсколько дней, докладъ съ высочайшимъ утвержденіемъ былъ возвращенъ въ судъ. Государь ослабилъ много мѣру наказаній всѣхъ преступниковъ вообще, а о пяти, не вошедшихъ въ разряды, повелѣлъ Суду сдѣлать приговоръ и привесть въ исполненіе. Судъ приговорилъ ихъ повѣсить. Наконецъ настало время объявить каждому преступнику приговоръ. Для сего надлежало или привозить ихъ изъ крѣпости въ Верховный Уголовный Судъ, или Суду отправиться въ крѣпость и тамъ это исполнить; сія послѣдняя мѣра признана была удобнѣйшею. Въ домѣ коменданта Сукина устроена была зала засѣданія. Въ назначенный день, всѣ члены Суда собрались съ Сенатъ и оттуда отправились въ крѣпость, гдѣ для порядка находился одинъ батальонъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Засѣданіе Суда открылось тѣмъ, что крѣпостный плацъ-маіоръ ввелъ въ присутствіе пять главныхъ преступниковъ, имѣя двухъ гренадеръ съ однимъ унтеръ-офицеромъ впереди ихъ, и двухъ гренадеръ позади. Секретарь Сената, стоя у налоя, называлъ по имени каждаго преступника, потомъ читалъ о содѣянномъ имъ преступленіи и къ чему онъ, съ высочайшаго утвержденія, приговоренъ былъ. Такимъ образомъ вводимы были въ залу засѣданія всѣ преступники по разрядамъ. Они имѣли на себѣ тѣ же самыя платья, въ которыхъ они были взяты, только, само собою разумѣется, безъ шпагъ; многіе изъ нихъ были даже въ полныхъ мундирахъ. Симъ засѣданіемъ окончился Судъ, которому едва ли есть много примѣровъ въ лѣтописяхъ нашего отечества.

Перваго Іюля того же года, на Исакіевской площади, какъ на мѣстѣ, гдѣ происходили преступленія, въ устроенномъ для сего случая павильонѣ, въ родѣ палатки, было торжественное молебствіе о счастливомъ окончаніи сего ужаснаго происшествія.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ сего государь и весь дворъ отправились въ Москву для коронаціи. День этого событія долго былъ откладываемъ, по причинѣ большой слабости, которую чувствовала императрица Александра Ѳедоровна, и этотъ священный обрядъ былъ совершенъ 22-го августа 1826 г. съ обыкновеннымъ величіемъ и тор-

жествомъ. Внезапный пріѣздъ его высочества цесаревича къ этому всерадостному дню восхитилъ какъ всю императорскую фамилію, такъ жителей Москвы, равно и всѣхъ бывшихъ при этомъ великомъ случаѣ. Цесаревичь, во время коронаціи, былъ въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, а потому и намъ всѣмъ приказано было имѣть тотъ же мундиръ. Его высочество находился, во время церемоніи, въ качествѣ ассистента при государѣ и принялъ шпагу у его величества, когда императоръ подходилъ къ святому причастію.

Въ самый день коронаціи, государю угодно было послать меня съ возвѣщеніемъ жителямъ Петербурга объ этомъ счастливомъ для Россіи происшествіи. Изо всѣхъ торжествъ и праздниковъ, бывшихъ по сему случаю въ Москвѣ, мнѣ удалось видѣть только перваго дня иллюминацію Кремля, которая, великолѣпіемъ своимъ и красотою, превосходила бывшія при коронаціяхъ императоровъ Павла I и Александра I-го.

Меня ожидали въ Петербургѣ съ великимъ нетерпѣніемъ, а жители этой столицы изъявили живѣйшую радость, когда пушечная съ Петропавловской крѣпости пальба извѣстила ихъ о благополучномъ окончаніи вожделѣннаго сего событія. Со мною посланы были нѣкоторыя награды; между прочими, мнѣ пріятно было почтеннѣйшей и всѣми уважаемой графинѣ Ливенъ самому вручить браслетъ съ портретомъ императора, осыпанный бриллiантами, и объявить ей, что она и все ея потомство возведены на степень князей, съ титломъ свѣтлости, ибо грамату на это достоинство не имѣли время еще изготовить. Петербургское купечество поднесло мнѣ золотую табакерку, брилліантами осыпанную. Я приглашенъ былъ на обѣдъ членами Англійскаго клуба и на другой, иностраннымъ купечествомъ данный. И такъ, государю угодно было возложить на меня два важныя и пріятныя порученія и содѣлать меня свидѣтелемъ восторга жителей обѣихъ столицъ имперіи......

ТРИ ЗАПИСКИ ИННОКЕНТІЯ, АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

Предлагаемыя записки найдены между разными бумагами покойнаго архіепископа Иннокентія. Когда, по какому случаю и для кого эти записки были составлены высокопреосвященнымъ, не знаемъ; но, во всякомъ случаѣ, находимъ ихъ не лишенными своего значенія и въ настоящее время.... *П. Савваитовъ.*

I. Взглядъ на дипломатическія сношенія наши съ дворомъ Римскимъ по дѣламъ церкви Латинской.

Сношенія наши съ дворомъ Римскимъ представляютъ весьма странное и едва ли не единственное въ исторіи папъ и нашей явленіе: они начались и развивались въ слѣдствіе нашихъ успѣховъ и побѣдъ; а между тѣмъ мы же въ нихъ постоянно оставались побѣжденными, такъ что можно сказать, что́ теряла Польша противу насъ, то выигрывалъ за нее и бралъ назадъ съ лихвою Римъ. Какъ это случилось, можно видѣть изъ слѣдующихъ историческихъ справокъ и поясненій.

До 1773 г., хотя были у насъ по мѣстамъ Латинскіе костелы, но они не составляли собою никакой само-

стоятельной іерархіи, и ксендзы получались изъ-за границы, большею частію изъ Польши. Эти полученія и нѣкоторая зависимость ихъ отъ иноземной іерархіи казались, по самому числу ихъ, такъ неважны, что на нихъ не обращали особеннаго вниманія. Съ возвращеніемъ подъ скипетръ Россійскій Бѣлоруссіи, взглядъ на этотъ предметъ измѣнился. Латинскіе костелы въ Бѣлоруссіи не имѣли своего епископа и принадлежали по частямъ къ разнымъ смежнымъ епархіямъ Римско-католическимъ: Виленской, Луцкой и проч. Поелику послѣднія оставались подъ владычествомъ Польши, то сочтено за опасное для государства, чтобы Бѣлоруссія подлежала зависимости епископовъ, находящихся внѣ имперіи. Рѣшились просить папу объ учрежденіи новаго для Бѣлоруссіи и всей Россіи архіепископства въ Могилевѣ. При всей благовидности поступка, въ семъ случаѣ сдѣланы двѣ важныя ошибки:

а) Самое учрежденіе новаго епископства. Еслибы Бѣлоруссіи суждено было надолго оставаться одной подъ скипетромъ Россіи, то естественно правительству надлежало заботиться объ освобожденіи ея изъ подъ вѣдомства иноземной іерархіи съ учрежденіемъ своей. Но и десятилѣтній дипломатикъ могъ легко предвидѣть, что это положеніе временное, что въ слѣдъ за Бѣлоруссіею примкнутъ къ Россіи прочія области Русскія, еще остававшіяся подъ Польшею, а вмѣстѣ съ ними войдутъ подъ Русскую державу и Латинскіе епископы, въ нихъ находящіеся, отъ коихъ зависѣли Бѣлорусскіе костелы (1). При такомъ положеніи, зачѣмъ было хлопотать объ учрежденіи новаго архіепископства? Почему было не обождать нѣсколько лѣтъ? Тогда осталось бы все, какъ было прежде, то есть, костелы Бѣлорусскіе подъ прежними своими епископами, безъ увеличенія числа ихъ. Пусть бы даже (ужъ если не могли пробыть безъ собственной іерархіи Латинской) учредили епископа, но только одного просимаго епископа, а не архіепископа съ двумя викаріями. Зачѣмъ было такъ вдругъ возвышать латинство? Причины сего заключались въ самохвальствѣ и, можно сказать, въ оппозиціи нашей всей тогдашней Европѣ. Извѣстно, что папа и католичество были тогда не въ модѣ и всюду терпѣли неудачи, іезуиты были даже гонимы: и вотъ мы, чтобы показать свое великодушіе и какой-то особенный умъ, отворили настежъ двери іезуитамъ, а въ слѣдъ за тѣмъ поспѣшили выпросить себѣ архіепископа, отдавъ такимъ образомъ пренеразумно подъ вліяніе Рима всю Бѣлоруссію (2).

Не явно ли, что папа въ семъ случаѣ отмстилъ намъ за Польшу и взялъ, можно сказать, назадъ то, что̀ мы у ней отобрали? Римская іерархія увеличилась цѣлымъ архіепископствомъ. То, что̀ мы говорили выше, случилось по прошествіи не болѣе, какъ пяти лѣтъ (3), то есть, прочія провинціи Русскія возвратились отъ Польши къ намъ. Здѣсь былъ прекрасный случай исправить ошибку, а именно, при новомъ разграниченіи епископствъ Латинскихъ, опершись на то, что мы недавно учредили новое архіепископство, что не незначительная часть паствы у Латинскихъ нашихъ епископовъ отошла то къ Австріи, то къ Пруссіи, мы, по праву, могли и долж-

(1) Высокопреосв. Иннокентій не написалъ бы этого, если бы дожилъ до нашего времени, когда исторія 18 вѣка нѣсколько стала проясняться. Нынѣ несомнѣнно доказано, что раздѣлы Польши вовсе не составляли чего либо преднамѣреннаго въ Русской Политикѣ. Даже и на первый раздѣлъ 1772 года Россія рѣшилась вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ и по давнишнему, упорному настоянію Пруссіи. *П. Б.*

(2) Предметъ этотъ ближе разсмотрѣнъ въ книгѣ Ю. Ѳ. Самарина: Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи, М. 1866. *П. Б.*

(3) Не пяти, а одиннадцати лѣтъ, при второмъ раздѣлѣ Польши, въ 1793 году. *П. Б.*

ны были сократить число ихъ, по крайней мѣрѣ ихъ суфрагановъ; а мы поступили напротивъ Кромѣ того, что не закрыто ни одной епископской каѳедры, учреждена еще вновь Минская.

Чѣмъ водились мы при семъ случаѣ? Въ буллѣ о Минской, какъ и о другихъ епархіяхъ, все говорится, что нуженъ епископъ съ суфраганами для удобнѣйшаго преподанія требъ паствѣ. Но эта паства сравнительно съ православными паствами въ этой же странѣ составляетъ едва пятую часть. Если же (1) такая заботливость о спасеніи душъ, то почему же не приложена она по отношенію къ православнымъ? Если о комъ надлежало попещись, то о нихъ, кои столько страдали подъ Польшею, ожидали отъ возврата къ Россіи знаковъ вниманія и любви; и между тѣмъ для нихъ ничего въ семъ отношеніи не сдѣлано. Православныхъ епископовъ на всю страну Западную устроено только три, и ни одному не дано ни одного викарія.

Не явно ли послѣ сего, что дворъ Римскій и въ семъ случаѣ отмстилъ намъ за Польшу, и взялъ назадъ себѣ то, что мы возвратили отъ ней?

II. О присягѣ епископовъ Католическихъ папѣ.

Присяга эта во многихъ отношеніяхъ составляетъ жалкій анахронизмъ. Она сформирована въ то время, когда папство не покидало еще видовъ на всемірное политическое владычество, и частію въ слѣдствіе сихъ самыхъ видовъ, а еще больше по причинѣ внутреннихъ нестроеній своихъ, подвергалось всякаго рода опасностямъ не только отъ чужихъ, но и *отъ своихъ*. Все это въ полной силѣ возчувствовано уже самыми католическими дворами, тѣмъ паче протестантскими, и она у нихъ, съ согласія самаго папы, перемѣнена; а у насъ доселѣ остается въ своемъ стародавнемъ чудовищномъ видѣ.

Вся нелѣпость сей присяги откроется изъ слѣдующихъ примѣчаній: нетолько 1) въ отношеніи къ власти самодержавной, но и 2) въ отношеніи къ самому папѣ, и 3) въ отношеніи къ дающимъ эту присягу.

1. Въ отношеніи къ власти самодержавной.

Въ этой присягѣ дающій ее присягаетъ папѣ, какъ *государю*, стало быть у него два государя: императоръ Всероссійскій и папа Римскій. Не существенная ли это контрадикція и въ словахъ и въ мысляхъ?... И кто требуетъ этой, съ позволенія сказать, безсмысленной уступки? Никто, кромѣ нашего собственнаго малограмотства. Выраженіе „государь нашъ“, „государю нашему“ — употребляется кардиналами и тѣми, кои принадлежатъ къ такъ называемой Римской области или папскимъ владѣніямъ. Натурально, что имъ иначе нельзя выражаться, ибо для нихъ папа есть вмѣстѣ и государь, по праву его свѣтской власти надъ этою областію. Но подданнымъ чужой державы это выраженіе вовсе неумѣстно, почему въ присягахъ: австрійской, французской и испанской и проч., не смотря на то, что эти области католической вѣры, сіе выраженіе и не употребляется. Съ какой же стати употреблять его намъ?...

И почему употребляется оно у насъ? Стыдно сказать, а должно: просто по одному незнанію языка Латинскаго въ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ (3). Dominus, которое переведено у насъ *государь*, на Латинскомъ значитъ не болѣе, какъ *господинъ*, *владыка*. Весьма естественно, что подданные Папской области, каковы

(1) Тутъ оставлено мѣсто для какого-то пропущеннаго слова. *П. С.*

(3) Это замѣчаніе сочинителя, повторенное и ниже, относится къ дѣламъ минувшихъ дней, и отнюдь не къ настоящему времени. *П. С.*

большая часть кардиналовъ, проживающихъ въ Римѣ, переводятъ его словомъ *государь*, ибо папа для нихъ есть и владыка въ духовномъ смыслѣ, и вмѣстѣ государь свѣтскій; но для прочихъ, не подвластныхъ папѣ въ свѣтскомъ отношеніи, онъ долженъ оставаться dominus въ смыслѣ церковномъ, то есть, *владыка* духовный,— что̀ составляетъ величайшую разность. Скажутъ, что „духовные Римско-католическіе должны знать это, и въ такомъ смыслѣ приносить присягу?" Положимъ, что хотя бы они и всѣ это знали (что̀ очень сомнительно, когда цѣлое министерство иностранныхъ дѣлъ не знаетъ этого); то все остается поводъ важный къ недоразумѣнію. А сколько вмѣстѣ съ тѣмъ поводовъ къ интригѣ, къ защищенію себя противъ правительства *нелюбимаго*? И не долгъ ли благоразумнаго правительства снять съ дороги этотъ камень претыканія?

2. По отношенію къ папѣ.

Почти всѣ выраженія по отношенію къ папѣ направлены противъ возмущенія или замысловъ подданныхъ противъ государя. Это умѣстно и, можетъ быть, доселѣ нужно въ Папской области. Но какая нужда въ семъ для прочихъ государствъ, тѣмъ паче для Россіи, въ коей онъ считается главою церкви у Римскихъ католиковъ, но отнюдь не государемъ. Прочія выраженія служатъ даже къ униженію папскаго достоинства. Когда епископъ Римско-католическій клянется, что онъ не покусится на жизнь папы, или на лишеніе его членовъ, то при семъ невольно содрогается нравственное чувство даже простаго человѣка Подобная присяга не значитъ ли, что я не буду послѣднимъ изъ изверговъ? И ее даетъ епископъ! Достойно ли это епископа? Прилично-ли самому папѣ принимать такую присягу отъ епископа, коль скоро онъ нашелъ его достойнымъ епископства?

Все это есть произведеніе среднихъ временъ, когда, по повелѣнію папъ, отрывали кости умершихъ папъ, предавали ихъ проклятію, бросали въ помойныя ямы, а живыхъ папъ отравляли, лишали членовъ, срамили и умерщвляли. Посему самое достоинство папской власти требуетъ устраненія этихъ странныхъ и соблазнительныхъ для чувства народнаго формулъ, что̀ самое, поелику сдѣлано уже въ прочихъ государствахъ, тѣмъ невозбраннѣе сдѣлать у насъ.

3. По отношенію къ дающимъ присягу.

Дающій эту присягу находится въ совершенномъ противурѣчіи съ самимъ собою: ибо такая же присяга дается имъ и своему природному государю. Какую изъ двухъ исполнять? Исполняя одну, онъ нарушитъ симъ самымъ другую. Одно средство не нарушать ни одной—не исполнять обѣ. Пояснимъ все это примѣромъ. Епископъ узналъ, что папа намѣренъ что-либо сдѣлать, напр. издать какую либо буллу, которая не въ пользу Россіи: онъ обязанъ, по присягѣ, дать знать о томъ своему правительству, слѣд. нарушить присягу папѣ. Онъ же провѣдалъ о какомъ-либо трактатѣ со стороны Россіи съ какою-либо державою, который (трактатъ) вреденъ для папскихъ владѣній: онъ долженъ дать знать о семъ папѣ, слѣд. нарушить присягу, данную своему правительству. Такое противорѣчіе происходитъ отъ того, что въ присягѣ, даваемой папѣ, папа трактуется не такъ, какъ бы слѣдовало. Онъ долженъ трактоваться только какъ глава церкви, коему епископы обязаны повиновеніемъ; а онъ трактуется, какъ государь свѣтскій, отношенія къ коему не совмѣстны съ отношеніями къ своему собственному государю.

Въ иностранныхъ присягахъ понято это и устранено а въ нашей доселѣ та же запутанность, смѣшеніе понятій, и оттуда — противурѣчія и безсмыслица.

III. О воспитаніи Польскаго юношества.

Исторически извѣстно, что Польша, даже въ цвѣтущее для нея время Баторіевъ и Ягеллоновъ, не благоденствовала болѣе, какъ подъ скипетромъ Русскаго царя. Но чтобы быть ей вполнѣ счастливою, недостаетъ Полякамъ только сознанія и убѣжденія въ томъ, что политическое существованіе Польши отдѣльно—не возможно, что она есть усыновленная дочь добраго отца великой и доброй семьи Русскаго народа.

Такому искреннему убѣжденію, ведущему къ прямому счастію Поляковъ, мѣшаетъ имъ природное ихъ легковѣріе, фанатизмъ и предубѣжденіе къ намъ, всасываемое ими, такъ сказать, съ молокомъ матери. Поэтому Поляки привыкли смотрѣть на каждаго Русскаго, какъ на своего личнаго врага, и на самыя общія необходимыя и благодѣтельныя распоряженія правительства, какъ на притѣсненія своихъ правъ и свободы. Перевоспитать нравственно Поляковъ взрослыхъ невозможно, но на юное поколѣніе можно и должно дѣйствовать чрезъ воспитаніе. Однимъ только тщательнымъ и благоразумнымъ воспитаніемъ можно, такъ сказать, обрусить Поляковъ, слить ихъ съ нами въ одну семью, заставить полюбить кроткое, отеческое правленіе нашихъ государей.

Для этой цѣли правительство приняло нѣсколько дѣйствительныхъ мѣръ:

1. Преобразованы Польскія училища и преподаваніе предметовъ приспособлено къ отечественному образованію.

2. Преподаваніе наукъ и предметовъ вообще введено вмѣсто Польскаго на Русскомъ языкѣ.

3. Заведены общія квартиры, куда поступая, Польское юношество отъ обращенія съ Русскими должно сближаться съ ними и, не имѣвъ случая повторять нелѣпостей, слышанныхъ еще въ дѣтствѣ дома о Россіи и о всемъ Русскомъ, естественно должно удалиться отъ всѣхъ закоренѣлыхъ, такъ сказать, національныхъ предразсудковъ.

Но послѣднее распоряженіе, по нѣкоторымъ причинамъ, не достигаетъ своей цѣли, потому что:

а) Бѣдный свободный классъ Поляковъ, по причинѣ дороговизны за содержаніе, лишенъ возможности давать дѣтямъ общественное воспитаніе; слѣдовательно и нравственное его воспитаніе, въ отношеніи къ правительству, остановилось на прежней точкѣ.

б) Богатые же Поляки, считая унизительнымъ для себя воспитаніе дѣтей въ общихъ квартирахъ, называя ихъ Московскими казармами (мѣстное выраженіе), обратились въ Одессу, на которую это распоряженіе не распространяется. Доказательство, какъ Поляки не терпятъ съ нами сближенія, видно изъ того, что изъ цѣлой трети студентовъ лицея и учениковъ гимназіи-Поляковъ, нѣтъ ни одного своекошнаго воспитанника въ гимназическомъ пансіонѣ [6].

Сверхъ того, здѣсь возникло еще одно важное зло: образовался цѣлый классъ Польскихъ промышленниковъ, людей самой двусмысленной репутаціи, коммерсантовъ, которые, чувствуя поживу, отвсюду стекаются въ Одессу и кидаются на воспитаніе Польскаго юношества, какъ хищныя птицы на добычу.

Министерство народнаго просвѣщенія, постигая всю важность воспитанія юношества, въ 1842 г. ограничило даже учителей, предоставляя право только благонадежнѣйшимъ изъ нихъ, и то съ дозволенія попечителя

---

[6] Это мѣсто даетъ поводъ заключать, что записка писана въ послѣдніе годы жизни высокопреосвященнаго Иннокентія, когда онъ жилъ въ Одессѣ. *П. Б.*

учебнаго округа, содержать пансіонеровъ не болѣе десяти, которыхъ дирекція училищъ часто должна повѣрять, а учители доставлять вѣдомости о состояніи своихъ пансіонеровъ.

Между тѣмъ Польскіе промышленники: Донидай, Желиборскій, Якоби, Вихерскій, Табаровскій, Подлевскій, Стояновскій и многіе другіе, безо всякаго на то права и не давая никому отчета, пользуются правами воспитателей. Все лучшее и богатѣйшее дворянство изъ западныхъ губерній отдаетъ къ нимъ дѣтей, конечно, съ цѣлію поддержать въ нихъ прежній національный духъ.

Очень естественно, что такіе воспитатели, сами смотря непріязненно на Россію, могутъ поселять въ дѣтяхъ ложныя и вредныя мысли въ отношеніи къ правительству, не говоря уже о томъ, что дозволяютъ имъ разныя вольности, карты и даже распутство. А какъ у нѣкоторыхъ Польскихъ воспитателей число пансіонеровъ бываетъ и выше 20-ти, то нѣкоторымъ образомъ въ одномъ домѣ помѣщается какъ-бы цѣлое общество, куда можетъ собираться и другая знакомая молодежь; а такое общество, безъ дѣятельнаго, опытнаго, добросовѣстнаго и довѣреннаго отъ правительства надзора, можетъ принять направленіе и характеръ опасный, и повлечь за собою вредныя послѣдствія.

Безошибочный выводъ изъ этого предположенія оправдывается нѣкоторымъ уже образомъ на дѣлѣ тѣмъ, что Польское юношество составляетъ свой особый кругъ, и, чего прежде вовсе не было замѣчено: студенты и меньшіе воспитанники на улицѣ, въ обществѣ и даже въ классахъ и въ лицейскихъ аудиторіяхъ, громко говорятъ по-польски.

Изъ всего сказаннаго, какъ выводъ его основанъ на продолжительномъ наблюденіи и опытѣ, слѣдуетъ:

1. Запретить Полякамъ вообще, а въ Одессѣ въ особенности, какъ домашнее воспитаніе юношества, такъ и содержаніе пансіонеровъ, посѣщающихъ классы въ публичныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

2. Какъ языкъ національный каждаго народа напоминаетъ ему его характеръ, обязанности и отношенія къ другимъ, а Полякамъ въ особенности ихъ легковѣріе, фанатизмъ и ненависть къ правительству, то начальство учебнаго вѣдомства обязано бы запретить разговаривать по-польски на улицахъ, въ обществахъ, а тѣмъ болѣе въ классахъ. Напротивъ, благоразумно было бы внушить имъ употребленіе языка господствующаго въ имперіи народа.

3. Воспитаніе Поляковъ должно быть общественное и начинаться съ самаго юнаго возраста, пока еще сердце не огрубѣло и умъ не закоренѣлъ въ національныхъ привычкахъ.

И если правительство, желая чрезъ общественное воспитаніе дать отечественное направленіе юношеству, запретило принимать учениковъ съ домашнимъ воспитаніемъ выше 4-го класса гимназіи, то тѣмъ болѣе слѣдовало бы запретить принимать прямо въ студенты лицея, куда поступаютъ они въ полномъ возрастѣ, съ которымъ уже тѣсно связаны укоренившіяся привычки, направленіе и свой взглядъ на вещи.

4. Ксендзъ-законоучитель долженъ, подъ частымъ наблюденіемъ начальника учебнаго заведенія, внушать Польскому юношеству любовь къ отечеству-Россіи, смотрѣть на Русскаго, какъ на роднаго брата, на наши общіе отечественные интересы, какъ на свои собственные, имѣть къ правительству полное довѣріе, существованіе Польши отдѣльно считать глупою, вредною, несбыточною, дѣтскою мечтою, видѣть въ Россіи мать родную, а въ нашемъ государѣ—добраго, заботливаго и великодушнаго Отца народа.

Мы не знаемъ, представляемы ли были высшему правительству эти соображенія знаменитаго архипастыря, свидѣтельствующія его высокую житейскую мудрость и политическую заботливость о своей паствѣ. *П. Б.*

АНЕКДОТЪ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Lettres à une illustre morte, décédée en Pologne depuis peu de tems; ouvrage du sentiment, où l'on trouve des Anecdotes aussi curieuses qu'interessantes, par l'Auteur des Caractères de l'amitié. Paris et Liège. 1771. chez Bassompièrre. 12°.

Авторъ этой книги—итальянецъ Карачіоли (Caraccioli), извѣстный писатель на французскомъ языкѣ. Онъ въ молодости былъ полковникомъ Польской арміи и сохранилъ въ Польшѣ много друзей и знакомыхъ; это доставило ему большой запасъ анекдотовъ о лицахъ, замѣчательныхъ и въ нашей исторіи.

На страницѣ 78 и пр. этой книги находится слѣдующее:

„Въ Краковѣ я находилъ себѣ единственную отраду въ томъ, что бывалъ у епископа Залусскаго, ученаго прелата, имѣвшаго всестороннія познанія и всевозможными способами старавшагося приносить пользу своему народу. Я часто обѣдывалъ съ нимъ вмѣстѣ, и всякій разъ онъ обогащалъ умъ мой замѣчательными и любопытными разсказами.

Помню, онъ часто говорилъ мнѣ о Петрѣ Великомъ, котораго онъ лично зналъ. Вотъ одинъ изъ его разсказовъ. Императоръ былъ проѣздомъ въ Краковѣ и навѣстилъ одного священника, котораго онъ удостоивалъ своей дружбы. Онъ очень огорчился, увидавъ священника больнаго въ постелѣ. У священника была рана на ногѣ. Осмотрѣвъ ногу, Петръ въ одну минуту бросился на колѣни и началъ высасывать рану, говоря больному: „Ты не выздоровѣешь, если не прикажешь кому нибудь изъ слугъ твоихъ, чтобы онъ тебѣ это дѣлалъ“.

Можно судить, какъ удивленъ и смущенъ былъ священникъ подобнымъ человѣколюбивымъ поступкомъ. Впослѣдствіи онъ самъ разсказывалъ о томъ епископу Залусскому, въ то время еще очень молодому человѣку.“

Этотъ разсказъ о Русскомъ царѣ идетъ отъ Поляка, и достовѣрность его не подлежитъ сомнѣнію.

Кто изъ нынѣшнихъ фершаловъ (не говоря уже о медикахъ) *своеустно* сдѣлаетъ такую операцію своему паціенту? ѲС.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ.

Его письма и очерки его жизни.

К. Н. Батюшковъ былъ однимъ изъ лучшихъ представителей Русской *изящной* словесности въ первую четверть нынѣшняго вѣка. Пусть такъ, скажутъ намъ иные; но гдѣ же право его на общее вниманіе въ теперешнюю, третью четверть нашего вѣка? Если вообще наша словесность страдаетъ отчужденіемъ отъ общенародной жизни,—тѣмъ паче словесность изящная: ея произведенія изъ милліоновъ Русскаго народа читаются не сотнями тысячъ и даже не тысячами людей, а развѣ десятками. Русская изящная словесность — не болѣе какъ рѣдкій, съ трудомъ отыскиваемый, цвѣтокъ. Но благоухающій цвѣтокъ тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ рѣже встрѣтишь его. Дѣло въ томъ, что не у насъ однихъ, а всегда и вездѣ, лучшія силы человѣческаго духа, разлитыя безсознательно по цѣлому народу, сосредоточиваются и плодотворно дѣйствуютъ лишь въ немногихъ избранникахъ. Пышный разцвѣтъ вѣковѣчнаго греческаго искусства въ Аѳинахъ былъ достояніемъ какихъ нибудь тридцати тысячъ гражданъ, тогда какъ все народонаселеніе Аѳинской республики доходило почти до полумилліона. Французское простонародье и до сихъ поръ не вѣдаетъ своей изящ-

ной (родившейся при дворѣ королевскомъ) словесности, между тѣмъ какъ эта словесность, обогативъ языкъ, сдѣлавшись на цѣлые вѣка орудіемъ образованности, составляетъ несомнѣнно одну изъ существенныхъ политическихъ силъ *всего* Французскаго народа." Въ самой древней Россіи нашей, Слово о Полку Игоревѣ, эта вполнѣ изящная поэма, конечно была читана немногими: ибо оно дошло до насъ только счастливымъ случаемъ, и въ единственномъ спискѣ. Такимъ образомъ, въ духѣ человѣческомъ, въ твореніяхъ искусства, все дѣло не въ количествѣ, не въ степени распространенности, а во внутреннемъ качествѣ. Батюшковъ написалъ немного, его читали какіе нибудь тысячи людей, а теперь едва ли читаютъ и сотни; но произведенія его таковы, что, подобно Ломоносову, Державину, Карамзину, Жуковскому и Пушкину, онъ останется навсегда писателемъ образцовымъ, вѣчнымъ учителемъ изящнаго для будущихъ поколѣній. Скажемъ больше: прочное преуспѣяніе нашего отечества на пути истиннаго просвѣщенія невозможно, коль скоро произведенія названныхъ писателей не сдѣлаются общимъ образовательнымъ чтеніемъ Русскаго народа.

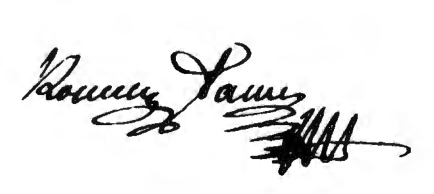
Потребность ближе узнать обстоятельства жизни такаго человѣка, какъ Батюшковъ, столь же неоспорима и съ точки зрѣнія исторической. Лишь тотъ не любопытствуетъ развѣдывать свое прошедшее, кто его презираетъ или его почему либо стыдится: первое есть принадлежность невѣжества, или болѣзнь ума; ко второму не можетъ быть въ нашемъ случаѣ никакихъ поводовъ. Въ словесной, общественной и даже военной исторіи нашей К. Н. Батюшковъ занимаетъ достойное благодарной памяти мѣсто. Его имя принадлежитъ къ числу такихъ именъ, которыя при всѣхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ понятіяхъ и вкусѣ, всегда будутъ произноситься съ уваженіемъ, и мы искренно радуемся, что получили возможность представить читателямъ Русскаго Архива нежепомѣщаемыя письма Батюшкова и нѣкоторыя бумаги о немъ. Пользуясь этимъ случаемъ, сообщаемъ также имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о его жизни. Запасъ нашъ довольно скуденъ. Мы не имѣли доступа къ бумагамъ его, и не знаемъ, сохранились ли они. Между тѣмъ Батюшковъ велъ Записки, и именно во время своего пребыванія въ чужихъ краяхъ въ 1813 и 1814 гг. (1) Въ семействѣ, гдѣ онъ дожилъ вѣкъ свой, сохраняются, сколько намъ извѣстно, его письма къ сестрѣ его Александрѣ Николаевнѣ, съ которою наиболѣе онъ былъ друженъ. Кромѣ того уцѣлѣло много его писемъ къ его пріятелю Н. И. Гнѣдичу, и эти письма, какъ утверждаютъ читавшіе ихъ, содержатъ въ себѣ важныя автобіографическія показанія. Но все это было для насъ недоступно, и мы должны ограничиться только тѣмъ, что собрано и записано нами, преимущественно отъ младшаго (единственнаго) брата его, *Помпея Николаевича Батюшкова:* не можемъ довольно возблагодарить его за просвѣщенное содѣйствіе труду нашему, который собственно ему и обязанъ своимъ происхожденіемъ.

Батюшковы принадлежатъ къ стариннымъ Новгородскимъ дворянамъ, но родъ ихъ не имѣлъ особенной исторической извѣстности: въ Исторіи Государства Россійскаго (VIII, стр. 129), подъ 1543 годомъ, упоминается одинъ изъ предковъ нашего поэта, *Семенъ* Батюшковъ. Онъ былъ посланъ царемъ Іоанномъ Грознымъ къ Молдавскому воеводѣ Іоанну Петровичу, умолявшему царя, чрезъ присланныхъ въ Москву пословъ, о денежной помощи. Батюшковы издавна были помѣщиками села Даниловскаго, нынѣшней Новгородской губерніи, Устюжскаго уѣзда. Село это ближе къ Вологдѣ (225 в.), нежели къ Новгороду, и потому Батюшковы, хотя и

(1) Р. Архивъ 1866, стр. 861.

(1862) Рис. П. Смирновъ съ оригинала Кипренскаго. 1815)

Дозв. Ценз. Ком.

Лит. А. Беггрова. Невск. 4.

Новгородцы по дѣленію губерній, но по мѣстнымъ сношеніямъ связаны съ Вологдою. Въ Даниловскомъ, принадлежащемъ нынѣ П. Н. Батюшкову, похороненъ цѣлый рядъ предковъ поэта. Село это (по недавнему счету, около 600 душъ) въ 1725 г. было пожаловано Батюшковымъ изъ помѣстья въ вотчину (²), и по всему вѣроятію прадѣду нашего поэта, Андрею Батюшкову, который при Петрѣ Великомъ служилъ у генералъ-полицмейстера Девіера, а потомъ прокуроромъ въ Москвѣ. Мы въ правѣ предполагать уже въ дѣдѣ Константина Николаевича, надворномъ совѣтникѣ *Львѣ Андреевичѣ Батюшковѣ*, извѣстную долю просвѣщенія, ибо въ 1767 году онъ выбранъ былъ депутатомъ отъ своего Устюжно-Желѣзнопольскаго уѣзда въ Екатерининскую коммиссію о сочиненіи новаго уложенія (³).

Изъ сыновей его *Павелъ Львовичъ* достигъ чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенаторскаго званія и скончался въ 1848 г.; а *Николай Львовичъ* былъ отцомъ Константина Николаевича. Онъ нѣкогда служилъ въ Измайловскомъ полку, потомъ былъ короткое время прокуроромъ въ Вяткѣ; но больше любилъ спокойную жизнь, проводя время то въ Вологдѣ, то въ своемъ Даниловскомъ, то въ Петербургѣ. До конца жизни онъ много читалъ, и преимущественно по французски. Любимыми писателями его были Руссо и французскіе философы-энциклопедисты. Это былъ человѣкъ, увлеченный философическимъ направленіемъ 18-го вѣка. Любовь къ словесности и знаніямъ, и личное знакомство его съ Русскимъ литературнымъ міромъ были между прочимъ слѣдствіемъ тѣсной дружбы, которая соединяла Николая Львовича съ двоюроднымъ братомъ его, извѣстнымъ писателемъ Михаиломъ Никитичемъ Муравьевымъ: матери ихъ (изъ роду Ижориныхъ) были родныя сестры. Муравьевъ живалъ близъ Вологды, и въ своемъ „Обитателѣ Предмѣстья" описываетъ одну изъ пригородныхъ Вологодскихъ деревень. Такимъ образомъ К. Н. Батюшковъ уже по родству и семейному преданію, съ малолѣтства, принадлежалъ къ кружку людей образованныхъ. Словесность была для него какъ бы семейнымъ достояніемъ. Въ другихъ отношеніяхъ, сколько намъ извѣстно, Николай Львовичъ не имѣлъ вліянія на сына. Они не жили вмѣстѣ, и хотя Николай Львовичъ скончался уже въ Декабрѣ 1817 г. и слѣдовательно былъ свидѣтелемъ громкой славы своего сына, но, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, близости между ними не было.

Константинъ Николаевичъ родился въ Вологдѣ 18 Мая 1787 г. Крестилъ его Вологодскій губернаторъ Петръ Ѳедоровичъ Мезенцовъ. Онъ былъ младшимъ ребенкомъ въ семьѣ. Передъ нимъ были четыре сестры: Анна Николаевна за Авраамомъ Гревеницомъ, Елизавета Николаевна за Павломъ Алексѣевичемъ Шипиловымъ (ум. 1856), Варвара Николаевна за Аркадіемъ Аполлоновичемъ Соколовымъ, и любимый другъ поэта, дѣвица Александра Николаевна, умершая въ умопомѣшательствѣ: о ней мы должны будемъ говорить болѣе впослѣдствіи. Мать ихъ, Александра Григорьевна, изъ многочисленнаго въ тѣхъ краяхъ рода Бердяевыхъ, скончалась около 1807 года и похоронена въ Александро-Невской лаврѣ; но Константинъ Николаевичъ мало зналъ ее, потому что она удалена была отъ дѣтей вслѣдствіе тяжкой болѣзни,—раз-

---

(²) Изъ подлинныхъ, у меня хранящихся, грамотъ видно, что село Даниловское пожаловано царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами въ 1683 году Матвѣю Ив. Батюшкову (дѣду моего прадѣда по прямой линіи) за службу его противъ Туровъ и Татаръ Крымскихъ. Примѣч. *П. Н. Батюшкова.*

(³) Имя его находится въ современномъ печатномъ «Спискѣ господъ депутатовъ.» № 158.

стройства умственныхъ способностей. Отецъ Батюшкова долго жилъ невольнымъ вдовцомъ. По смерти первой супруги, онъ женился вторично на дѣвицѣ Теглевой, отъ которой имѣлъ сына Помпея Николаевича и дочь Юлію (нынѣ супругу генералъ-адъютанта Н. В. Зиновьева).

Такимъ образомъ дѣтство Константина Николаевича протекло едва ли не въ полномъ сиротствѣ. Не безъ особеннаго, личнаго ощущенія могъ онъ писать въ послѣдствіи:

Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,
От сладостныхъ объятій и лобзаній.
Ты помнишь, сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!
Увы! съ тѣхъ поръ, добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія....

Раннимъ семейнымъ несчастіемъ вполнѣ объясняется и то, что, при независимомъ состояніи, дозволявшемъ имѣть домашнихъ наставниковъ и учителей, дѣти были отданы на чужія руки: именно дочери къ нѣкоей госпожѣ Эклебенъ, а сынъ къ г. Жакино, содержавшему въ Петербургѣ довольно извѣстный въ то время пансіонъ. Платонъ Антоновичъ Жакино былъ полунѣмецъ, родомъ изъ Эльзаса. Онъ преподавалъ французскій языкъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ ([4]), и такъ какъ тогда была въ полномъ разгарѣ мода на французскій языкъ, то онъ и нашелъ выгоднымъ устроить заведеніе для Русскихъ дѣтей. Въ пансіонѣ его, открытомъ около 1791 года, воспитывались преимущественно дѣти зажиточныхъ Русскихъ дворянъ; плата была по 700 р., число учениковъ съ 1802 года т. е. около того времени, когда жилъ тамъ Батюшковъ, простиралось до 26 человѣкъ. Пансіонъ помѣщался на берегу Невы, въ 5-й линіи Васильевскаго острова, и занималъ три этажа: въ верхнемъ жили старшіе воспитанники и двое учителей, а въ среднемъ самъ Жакино съ своею супругою (урожд. Эллерманнъ), и младшими учениками. Русскому языку училъ въ старшемъ классѣ нѣкто Сѣряковъ, а въ младшемъ Кремеръ. Остальные учителя были иностранцы. Пансіонъ содержался богато; тѣлесныхъ наказаній почти не было; лѣтомъ нанималась дача, а на праздники дѣти разъѣзжались по роднымъ ([5]).

Сохранилось нѣсколько дѣтскихъ писемъ Батюшкова изъ пансіона Жакино къ своему отцу, жившему большею частію въ деревнѣ. Изъ этихъ писемъ видно, какъ рано пробудилась въ немъ склонность къ занятіямъ словесностью. „Въ свободное время — говоритъ онъ — переводилъ я рѣчь митрополита Платона ([6]); а какъ она понравилась Платону Антоновичу, то онъ и хочетъ отдать ее напечатать. Я продолжаю французскій и итальянскій языкъ, прохожу итальянскую грамматику и учу въ оной глаголы. Уже я знаю наизусть довольно словъ“ ([7]). Это писано около 1801 года (т. е. лѣтъ 14 отъ роду), ибо рѣчь Платона есть безъ сомнѣнія то славное слово, которое митрополитъ Платонъ

(4) Слышано отъ кн. С. Г. Волконскаго, который въ одно время съ Батюшковымъ учился у Жакино.

(5) Эти показанія взяты изъ нѣмецкаго журнала Nordisches Archiv 1803, Апрѣль, стр. 76—81.

(6) Рѣчь м-та Платона, переведенная К. Н. на французскій языкъ и напечатанная, въ 1801 году, въ Петербургѣ, отдѣльною брошюрою, составляетъ нынѣ библіографическую рѣдкость. Принадлежащій мнѣ экземпляръ находится у князя П. А. Вяземскаго. Примѣч. *П. Н. Батюшкова.*

(7) Этотъ отрывокъ приведенъ въ статьѣ г. Бунакова: «К. Н. Батюшковъ. Критико-біографическій очеркъ,» напечатанной въ Москвитянинѣ 1855 г., №№ 24 и 25, стр. 89—112. Подлинныя же письма сообщалъ г-ну Бунакову племянникъ поэта Григор. Авраамовичъ Гревеницъ.

произнесъ 15 Сентября 1801 г., послѣ коронованія императора Александра Павловича. Любопытно замѣтить, что стихи къ митрополиту Платону были также однимъ изъ первыхъ опытовъ В. А. Жуковскаго ([8]).

Неизвѣстно, по какой причинѣ, черезъ четыре года жизни у Жакино, Батюшковъ былъ перемѣщенъ къ другому иностранцу, Ивану Антон. Триполи, преподававшему науки въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ ([9]). Триполи, какъ кажется, тоже имѣлъ учебное заведеніе; но устройство его намъ неизвѣстно. О занятіяхъ Батюшкова у Триполи также имѣется въ печати отрывокъ изъ письма его къ отцу: „Въ географіи Иванъ Антоновичъ истолковалъ путную матерію, велитъ оную самимъ безъ его помощи описать, чрезъ что мы даже упражняемся въ истинѣ. Въ математикѣ прохожу вторую часть ариѳметики, и на будущей недѣлѣ начну геометрію и первыя правила Россійской реторики. Рисую большую картину карандашемъ: Діану и Эндиміона, но еще и половины не кончилъ, потому что сія работа чрезвычайно медленна. На гитарѣ играю сонаты. Сдѣлайте милость, пришлите Геллерта, у меня ни одной нѣмецкой книги нѣтъ, также сочиненія Ломоносова и Сумарокова, также сочиненія Мерсье“ ([10]). Здѣсь стоитъ замѣтить содержаніе картины, которую рисуетъ мальчикъ-Батюшковъ: оно вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію многихъ прекраснѣйшихъ поэтическихъ произведеній зрѣлаго его возраста. Равнымъ образомъ любопытно и то, что Батюшкову позволяли читать сочиненія Мерсье (ум. 1814), принадлежавшаго къ числу свободныхъ умовъ тогдашней Франціи.

Находясь въ пансіонахъ Жакино и Триполи, Батюшковъ состоялъ подъ бдительнымъ надзоромъ своего двоюроднаго дяди, Михаила Никитича Муравьева, и эти посѣщенія Муравьевскаго дома должны были дѣйствовать на него самымъ благотворнымъ образомъ. Чудесное сердце М. Н. Муравьева созидало вокругъ него цѣлую атмосферу свѣта и добра. Въ нашихъ рукахъ находится большое собраніе неизданныхъ писемъ его изъ Петербурга въ Тверь, къ отцу и сестрѣ (впослѣдствіи Луниной), и въ этихъ письмахъ, еще болѣе чѣмъ въ печатныхъ его сочиненіяхъ, отражается необыкновенно-добрый нравъ его, соединенный съ твердостію нравственныхъ правилъ и обширнѣйшимъ просвѣщеніемъ. Екатерина II-я выбрала его учителемъ Русскаго языка къ двумъ старшимъ внукамъ своимъ. Въ біографіяхъ императора Александра Павловича (писанныхъ большею частію иностранцами или людьми мало знающими то время) до сихъ поръ не оцѣнено то благотворное вліяніе, которое несомнѣнно имѣлъ на него М. Н. Муравьевъ. Не даромъ особенно отличалъ его изъ своихъ Русскихъ наставниковъ императоръ Александръ. По вступленіи на престолъ, онъ назначилъ Муравьева въ комиссію о прошеніяхъ, подаваемыхъ на высочайшее имя, а позднѣе попечителемъ Московскаго университета. „Страсть его къ ученію, говоритъ Карамзинъ, равнялась въ немъ только со страстью къ добродѣтели.“

Муравьевъ былъ въ настоящемъ смыслѣ слова воспитателемъ Батюшкова. Отъ него заимствовалъ онъ лучшіе свои гражданскіе и литературные идеалы. Муравьевъ внушилъ ему и любовь къ произведеніямъ классической и итальянской словесности.

Въ первые годы нынѣшняго столѣтія, когда Батюшковъ учился у Жакино и Триполи, Муравьевъ былъ уже

([8]) Написаны въ Віеѳаніи, 25 Декабря 1800 г. и напечатаны въ Иппокренѣ, ч. VIII, 1801 г., стр. 64.

([9]) Мѣсяцословъ съ росписью чиновъ особъ на 1804 г. ч. I, стр. 229.

([10]) Впослѣдствіи, Батюшковъ ссылается на на одно сочиненіе Мерсье въ статьѣ своей: «Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи.»

въ довольно большихъ чинахъ; но жилъ въ Петербургѣ весьма скромно, ибо самъ онъ не имѣлъ тогда обезпеченнаго состоянія, которое досталось Муравьевымъ уже позднѣе, по смерти его тестя, извѣстнаго въ то время сенатора барона Колокольцова (см. о немъ въ Запискахъ Державина). Съ молодою супругою своею, Екатериною Ѳедоровною, впослѣдствіи столь извѣстною въ Петербургскомъ и Московскомъ обществахъ, Муравьевъ жилъ въ скромномъ помѣщеніи, но въ полнотѣ семейственнаго счастія. Его радушный домъ и наполненный книгами кабинетъ были лучшею школою для молодаго Батюшкова. Тамъ развилась въ немъ страсть къ поэзіи классической, къ языку и словесности итальянской и къ такъ называемымъ образовательнымъ искусствамъ. Знаменитый въ послѣдствіи граверъ нашъ Никол. Ив. Уткинъ былъ свой въ домѣ Муравьева (сколько извѣстно, онъ приходился ему лѣвымъ братомъ), а неутомимой переводчикъ греческихъ писателей И. И. Мартыновъ находился въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ Михаиломъ Никитичемъ уже по самой службѣ своей въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Но извѣстно, что никакія родственныя ласки не въ силахъ замѣнить родительскаго крова. Какъ ни хорошо было у Муравьевыхъ, все же Батюшковъ не имѣлъ своего теплаго угла и выросталъ сиротою. Намъ кажется, что это нравственное одиночество послужило Батюшкову къ раннему и сильному развитію его богатыхъ дарованій. Надѣленный отъ природы пламеннымъ воображеніемъ, онъ рано сосредоточивался въ самомъ себѣ, и благородное честолюбіе волновало молодую его душу.

На 19-мъ году возраста, т. е. около 1806 года Батюшковъ кончилъ свои уроки у Триполи и опредѣлился на службу въ канцелярію министра Народнаго Просвѣщенія, гр. Завадовскаго, а отъ него вскорѣ перешелъ къ М. Н. Муравьеву письмоводителемъ. Но онъ, разумѣется, только числился для производства въ чины, все же время его было исключительно посвящено занятіямъ литературнымъ. Уже въ 1805 г., въ Сѣверномъ Вѣстникѣ (ч. V, N 3, Мартъ) журналѣ Мартынова, встрѣчаемъ переводную Элегію изъ Парни, подписанную буквами *К. Б—въ* и несомнѣнно принадлежащую нашему 18-лѣтнему поэту:

Какъ счастье медленно приходитъ,
Какъ скоро прочь отъ насъ летитъ!
Блаженъ за нимъ кто не бѣжитъ,
Но самъ въ себѣ его находитъ!
Въ печальной юности моей
Я былъ счастливъ одну минуту!

Въ томъ же журналѣ въ Сентябрѣ 1805 года, напечатаны стихи Батюшкова на смерть рано умершаго, талантливаго писателя Ивана Петровича Пнина, съ эпиграфомъ изъ Вольтера: Te vois-je, s'en est fait; je t'embrasse, et tu meurs.

Пнинъ былъ согражданамъ полезенъ,
Перомъ отъ злой судьбы невинность защищалъ....
И самъ Амуръ въ печали
Свѣтильникъ погасилъ;
Не кипарисну вѣтвь унылу,
Но розу на его онъ положилъ могилу.

Въ „Новостяхъ Литературы", журналѣ Побѣдоносцева, 1805 г. N 4-й Батюшковъ помѣстилъ „Посланіе къ своимъ сочиненіямъ", въ стихахъ, уже съ полною подписью своего имени. Въ 1806 году Мартыновъ предпринялъ еще повременное изданіе подъ названіемъ *Лицей*, и тутъ также встрѣчаются ранніе стихотворные опыты Батюшкова ([11]).

Но литературныя занятія эти продолжались не долго. 19-лѣтнему Батюшкову предстояло совсѣмъ иное поприще. Осенью 1806 года рѣшена была война съ Франціею. Русская молодежь загорѣлась желаніемъ отомстить Аустерлицкую неудачу, и 30 Ноября послѣдовалъ манифестъ о знаменитой, до тѣхъ поръ не бывалой у насъ, милиціи. Мо-

([11]) См. Библіогр. Записки М. Н. Лонгинова въ Современникѣ 1856.

лодой Батюшковъ записался въ стрѣлковый батальонъ С.-Петербургскаго Ополченія, и новый 1807 годъ засталъ его въ тревогахъ военныхъ, подробности коихъ впрочемъ намъ неизвѣстны. Съ похода онъ писалъ, вѣроятно, къ одному изъ сыновей А. Н. Оленина, въ домѣ котораго уже тогда онъ былъ дружески принятъ:

«1807 года Мая 11-го. Шавли.

Вы вѣрно удивитесь, когда прочитаете вмѣсто Тельша Шавли (12); но человѣкъ предпринимаетъ, а Богъ располагаетъ. Пришедъ въ Митаву, мнѣ сказали, что теперь ужъ войска не идутъ на Тельшъ, а на Шавли, потому что дорога прямая очень дурна, о чемъ я взялъ отъ губернатора бумагу для своего оправданія и пошелъ на Шавли; имѣвъ же повелѣніе отъ его сіятельства (13) идтить на Тельшъ, пойду туда отсюда, хотя и сдѣлаетъ это крюку около 70 верстъ. Но я боюсь остаться въ Шавли ожидать приказанія какъ выходить за границу. Признаюсь вамъ, что я бы очень хотѣлъ остаться здѣсь, чтобъ имѣть другую дорогу съ Тверскимъ баталіономъ, который я вездѣ нагоняю, за что Елагинъ сердится. Благодаря Бога, больныхъ у меня противъ другихъ полковъ очень мало; боюсь теперь, чтобъ не случилось чего. Здѣсь частенько прячутъ въ землю и жидовъ и поляковъ. Ну ужъ пришелъ въ землю—ни хлѣба, ни лошадей! Принуждены посылать по деревнямъ своихъ офицеровъ. Не знаю, какъ пойду дальше. По обѣимъ сторонамъ дороги мостовая изъ лошадей, и всему, какъ кажется, причина худое росписаніе г. губернатора, ибо не даютъ съ другихъ уѣздовъ, а все съ однаго. Вчера, читая газеты, увидѣлъ, что Димитрій уже въ продажѣ (14). Нельзя ли прикомандировать Донскаго на Вислу, чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменнымъ: Языки вѣдайте, великъ Россійскій Богъ!(15) Вы не повѣрите, съ какимъ удовольствіемъ читалъ я приказъ, отданный государемъ по прибытіи его къ арміи. Великъ Россійскій Богъ! Здѣсь есть раненые наши Русскіе. Никто не даетъ имъ никогда ничего; здѣсь есть три лакея Бернадота: они вездѣ приняты, и ихъ содержатъ какъ офицеровъ. Прошу эту посылку рѣшить куда вся сумма! Часто вспоминаю я наши бесѣды, и какъ мы критиковали съ вами проклятой Музской народъ!—!!!!! Грусть меня давитъ: скорѣе бы къ арміи! Не забуду объ Хрущовѣ. Не могу понять, что отъ васъ нѣтъ писемъ ни въ Ригу, ни въ Митаву. Вы меня забыли: не лѣнитесь, хоть строчку, такъ я и доволенъ. Поклонитесь барынѣ и всему вашему семейству, Озерову, Капнисту, Крылову, Шаховскому. Напомните, что есть же одинъ поэтъ,

Котораго судьбы премѣны
Заставили забыть источникъ Ипокрены,
Не лиру въ руки брать, но саблю и ружье,
Не перушки чинить, но чистить лишь копье.
Заставили, принявъ солдатскій видъ суровой,
Итить нахмурившись прескучной дорогой,
Дорогой, гдѣ языкъ похожъ на крикъ звѣрей;
Дорогой грязною, что къ горести моей
Не приведетъ меня во храмъ безсмертны славы,
А можетъ быть въ корчму, стоящу близь воротъ.

Кончу письмо мое, сказавъ изъ Самозванца Димитрія:

Завидна участь мнѣ людей иныхъ!
И нищій въ бѣдности спокоенъ иногда,
А я здѣсь царствую и мучуся всегда.

Что ваши эскадроны? Я говорю объ офицерахъ. Стрѣлки безподобные. Пра-

(12) Два городка Ковенской губерніи, на пути къ театру тогдашней войны.

(13) Кутузова?

(14) Т. е. Димитрій Донской, трагедія Озерова, представленная въ первый разъ 14 Января 1807 и по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ производившая общій восторгъ.

(15) Стихъ изъ Димитрія Донскаго.

во, могу показать баталіонъ государю. Что ни скажи, все сдѣлаю съ точстію" ([16]).

Какъ сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гулъ далекой,
И погрузиться до утра
Подъ теплой буркой въ сонъ глубокой!
Когда по утреннимъ росамъ
Коней раздастся первый топотъ,
И ружей протяженный грохотъ
Пробудитъ эхо по горамъ:
Какъ весело передъ строями
Летать на ухорскомъ конѣ,
И съ первыми въ дыму, въ огнѣ,
Ударить съ крикомъ за врагами!
Какъ весело внимать: стрѣлки,
Впередъ! сюда Донцы! Гусары!
Сюда летучіе полки,
Башкирцы, Горцы и Татары!...
И вотъ.... о зрѣлище прекрасно!
Колонны сдвинулись, какъ лѣсъ.
Идутъ, безмолвіе ужасно!
Идутъ, ружье на перевѣсъ;
Идутъ, ура! и все сломили
Разсѣяли и разгромили!

Съ молодымъ восторгомъ предался Батюшковъ военной службѣ, и скоро очутился въ настоящемъ дѣлѣ:

... и блѣдны Эвмениды
Всѣхъ ужасовъ войны открыли мрачны виды:
Бѣгутъ среди полей и топчутъ знамена;
Свѣтильникомъ вражды ихъ ярость разжена,
Власы растрепаны и ризы обагренны!
Я самъ среди смертей... и Марсъ со мною мѣдный....

Подъ Гейльсбергомъ въ сѣверо-восточной Пруссіи, 29 Мая 1807 г., въ кровопролитнѣйшемъ бою, въ которомъ полки наши отчаянно оспаривали побѣду у самаго Наполеона и ближайшимъ послѣдствіемъ котораго было заключеніе Тильзитскаго мира, Батюшковъ получилъ тяжкую рану. Пуля пронизала ему ногу. Впослѣдствіи, медики увѣряли ([17]), что эта рана, хотя и скоро залеченная, произвела существенное разстройство во всемъ сложеніи и была одною изъ первоначальныхъ причинъ умопомѣшательства: она остановила ростъ, вслѣдствіе чего голова раздалась въ ширину. Батюшкову было тогда всего 20 лѣтъ отъ роду.

О Гейльсбергски поля! О холмы возвышенны!
Гдѣ столько разъ въ ночи, луною освѣщенный,
Я, въ думу погруженъ, о родинѣ мечталъ;
О Гейльсбергски поля! въ то время я не зналъ,
Что трупы ратниковъ устелятъ ваши нивы,
Что мѣдной челюстью громъ грянетъ съ сихъ холмовъ,
Что я, мечтатель вашъ счастливый,
На смерть летя противъ враговъ,
Рукой закрывъ тяжелу рану,
Едва ли на зарѣ сей жизни не увяну.

Извѣстно, что главнѣйшая причина тогдашней Русской неудачи заключалась въ безпорядкѣ отдѣльныхъ распоряженій по снабженію войскъ. Безпорядокъ этотъ принялъ тогда столь вопіющіе размѣры, что по окончаніи войны Государь распубликованнымъ указомъ лишилъ мундира всѣхъ чиновниковъ провіантскихъ. Берегъ Нѣмана долго былъ покрытъ множествомъ нашихъ раненыхъ, которые валялись безъ призора, на сыромъ песку и подъ дождемъ. Батюшковъ перевезенъ былъ въ городъ Юрбургъ. „Въ тѣсной лачугѣ, безъ денегъ, безъ помощи, безъ хлѣба (это не вымыселъ), въ жестокихъ мученіяхъ, лежалъ онъ на соломѣ" ([18]). Изъ Юрбурга его повезли, если не ошибаемся, въ Ригу.

Вообще этотъ 1807 годъ былъ очень памятенъ Батюшкову. Ровно черезъ два мѣсяца послѣ Гейльсбергскаго сраженія скончался въ Петербургѣ (29 Іюля) М. Н. Муравьевъ, и въ этомъ же, сколько извѣстно, году, окончила несчастное существованіе свое мать Батюшкова. Но къ свѣтлымъ воспоминаніямъ этого года принадлежитъ дружба, завязавшаяся въ это время у него съ талантливымъ, храбрымъ и образованнымъ гвардіи-

([16]) Это и нижеслѣдующія письма къ Оленинымъ получены нами отъ Н. А. Рамазанова, въ спискахъ.

([17]) Слышано отъ графа Д. Н. Блудова.

([18]) Воспоминаніе о Петинѣ. Москвитян. 1851, кн. 5, стр. 13.

егерскимъ офицеромъ Иваномъ Александровичемъ Петинымъ.

Петинъ былъ ровесникъ Батюшкову. Онъ учился съ отличіемъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ и потомъ въ Петербургѣ въ Пажескомъ корпусѣ. Въ то время какъ Батюшковъ весь преданъ былъ наукамъ словеснымъ, другъ его занимался ревностно математикою и впослѣдствіи печаталъ свои переводы и статьи въ Военномъ Журналѣ (прекрасномъ изданіи полковника Рахманова). Этимъ разнообразіемъ умственныхъ занятій молодые друзья взаимно пополняли одинъ другаго. Сирота-Батюшковъ горячо предался дружескому чувству. „Души наши были сродны. Одни пристрастія, однѣ наклонности, таже пылкость и таже безпечность, которые составляли мой характеръ въ первомъ періодѣ молодости, плѣняли меня въ моемъ товарищѣ. Привычка быть вмѣстѣ, переносить труды и безпокойства воинскія, раздѣлять опасности и удовольствія стѣснили нашъ союзъ. Часто и кошелекъ, и шалашъ, и мысли, и надежды у насъ были общіе."

Нечего распространяться о значеніи, какое имѣла для Батюшкова эта дружба. Онъ самъ разсказалъ намъ о томъ въ особой статьѣ, изъ которой приведено эти нѣсколько словъ и которая принадлежитъ къ лучшимъ его произведеніямъ (Москвитянинъ 1851, N 5-й). Въ этой статьѣ содержится все что мы знаемъ о жизни Петина. Но Батюшковъ помнилъ его и въ самой плачевной старости своей: онъ часто рисовалъ въ Вологдѣ могилу своего друга. Вотъ письмо его къ матери Петина, сохранившееся въ копіи въ бумагахъ А. И. Тургенева и сообщенное намъ В. С. Порошинымъ:

„Милостивая государыня! Простите мнѣ великодушно, если моимъ письмомъ я растравлю глубокую и неизцѣлимую рану вашего сердца; но я знаю, что слезы матери, горестныя и вѣчныя, имѣютъ нѣкоторую сладость для сердца, исполненнаго вѣры и надежды на Бога, единственнаго утѣшителя въ печаляхъ.

Я имѣлъ счастіе быть извѣстенъ вамъ при жизни незабвеннаго вашего сына, съ которымъ я провелъ, въ бытность вашу въ Москвѣ, нѣсколько мѣсяцевъ, счастливѣйшихъ въ моей жизни. Незабвенный вашъ Иванъ Александровичъ былъ мой товарищъ на войнѣ и другъ мой. Время не изгладитъ его изъ моей памяти. Всѣ товарищи, всѣ офицеры, всѣ тѣ, которые знали его, жалѣютъ о преждевременной его кончинѣ. Мы уважали въ немъ рѣдкія его качества: неустрашимость въ опасности, постоянную кротость, любовь къ товарищамъ, снисхожденіе къ подчиненнымъ, добродушіе и откровенность въ обществѣ, свѣтлый умъ и прекрасную душу. Какъ ни горестна потеря такого друга для меня, она ничто въ сравненіи съ вашей. Одинъ Всевышній можетъ измѣрить ее въ сердцѣ матери; одинъ Всевышній въ силахъ подать вамъ твердость и упокоеніе.

Я былъ въ Лейпцигской битвѣ и на могилѣ Ивана Александровича, къ которой привелъ меня его камердинеръ. Отдавъ послѣдній долгъ моему другу и храброму полковнику, я потребовалъ пастора, и просилъ его убѣдительно сохранить священные остатки русскаго воина. „Здѣсь, сказалъ я, будетъ воздвигнутъ памятникъ его родственниками и неутѣшною матерью." Онъ далъ мнѣ слово сохранить въ цѣлости драгоцѣнную могилу.

Теперь, милостивая государыня, возвращаясь въ мое отечество, я поставилъ себѣ священнымъ долгомъ сдѣлать вамъ слѣдующее предложеніе: воздвигнуть памятникъ надъ прахомъ вашего сына. И вотъ на сіе способъ.

Вы можете р іслать приличную сумму, до тысячи рублей, если вамъ угодно, на имя Александра Ивановича Тургенева, директора Департамента Духов-

наго, который, бывъ воспитанъ въ Университетѣ съ сыномъ вашимъ, и любя его какъ брата, беретъ на себя препроводить деньги въ Лейпцигъ къ своему знакомому, чтобъ заказать тамъ приличный монументъ. Вы можете быть увѣрены въ томъ, что порученіе ваше будетъ исполнено со всею возможною точностію и стараніемъ, и г. Тургеневъ отдастъ вамъ отчетъ по совершеніи онаго. Я беру на себя сдѣлать приличную надпись и заказать рисунокъ. Конечно ни одинъ художникъ не откажется отъ столь прекраснаго занятія.

Сладостно и пріятно помыслить, что на полѣ славы и чести, на томъ полѣ, гдѣ Русскіе искупили цѣлый міръ отъ рабства и оковъ, на полѣ, запечатлѣнномъ нашею кровью, русскій путешественникъ найдетъ прекрасный памятникъ, который возвратитъ ему имя храбраго воина, его соотечественника, и почтитъ его память драгоцѣнную для потомства! Я исполню то, что обѣщался на могилѣ храбраго Петина, и счастливымъ назову себя, если вы не отринете мое предложеніе, усердіемъ и дружбою внушенное. Удостойте меня отвѣтомъ, м. г-ня, и вѣрьте, что я пребуду на всегда съ чувствомъ глубочайшаго почитанія къ матери моего друга и товарища.

Вашъ покорнѣйшій слуга
Константинъ Батюшковъ.
13 Ноября 1814 г. (*С.-Пб.*)

Имя пастора той деревни, гдѣ погребено тѣло Ив. Ал-ча, у меня записано; но имя села потеряно(19). Камердинеръ его знаетъ конечно. Впрочемъ и по одному имени пастора можно будетъ отыскать могилу, тѣмъ болѣе, что тотъ, кому будетъ сдѣлано порученіе, ничего не упуститъ для исполненія его со всею возможною точностію. Мой адрессъ: Конст. Никол. Батюшкову въ жительствѣ Александра Ивановича Тургенева, въ Департаментѣ его сіятельства кн. А. Н. Голицына."

Мы не знаемъ, поставленъ ли памятникъ Петину; но въ жизни Батюшкова человѣкъ этотъ оставилъ слѣды неизгладимые. Черты дружескихъ отношеній Батюшкова къ Петину свидѣтельствуютъ намъ не только о чуткой воспріимчивости, но и о глубинѣ души нашего поэта.

(*Продолженіе будетъ*).

(19) Это мѣстечко Ротъ, подъ Лейпцигомъ (Воспом. о Петинѣ, стр. 19).

Въ книжномъ магазинѣ **Н. Г. Овсянникова** въ С.-Петербургѣ, въ Гостинномъ дворѣ по Суконной линіи, № 17 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы, поступилъ въ продажу:

КАЛЕНДАРЬ НА 1367-Й ГОДЪ.

Изданіе Н. Г. Овсянникова.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ ЕГО СЛѢДУЮЩЕЕ:

ОТДѢЛЪ I.

Полный православный мѣсяцесловъ.—Россійскій Императорскій домъ.—Мѣсяцесловъ протестантскій и католическій.—Списокъ городовъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ Россійской Имперіи.—Законы.—Кредитныя учрежденія.—Страховыя общества. — Общества желѣзныхъ дорогъ. — Пароходныя общества. — Общества торговыя и промышленныя.—Государственныя процентныя бумаги.—Учрежденія благотворительныя, богоугодныя, странно-пріимныя, воспитательныя и врачебныя въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и др городахъ.—Врачебныя минеральныя воды, грязи и т. п.—Почтовыя свѣденія.—Телеграфныя правила, тарифы и станціи.—Желѣзныя дороги.—Пароходство.—Подробное извлеченіе изъ общаго тарифа по Европейской торговлѣ для таможенъ Россійской Имперіи и Царства Польскаго.—Сравнительная таблица Русскихъ и иностранныхъ монетъ.—Объ употребленіи гербовой бумаги.—Преміи, присуждаемыя за ученыя и литературныя сочиненія Императорскою Академіею Наукъ.—Адресъ-календарь С.Петербурга и Москвы.

ОТДѢЛЪ II.

Приложенія.

Перечень правительственныхъ распоряженій и узаконеній, обнародованныхъ съ 1-го января по 1-е сентября 1867 г., составл. П. В.—Обозрѣніе иностранныхъ политическихъ событій въ 1867 г. Статья *Ѳ. И. Устрялова.*—Русское техническое производство на всемірной выставкѣ 1867 г. Статья профессора *М. Я. Киттары.* — Нѣсколько словъ о томъ положеніи, въ которомъ находятся мировыя учрежденія въ обществѣ. Статья *Н. А. Неклюдова.*—Обозрѣніе важнѣйшихъ открытій и изобрѣтеній въ Европѣ въ 1867 г.

ОТДѢЛЪ III.

Добавленія и измѣненія.

Здѣсь помѣщены всѣ тѣ свѣденія, которыя или не могли быть получены заблаговременно, или обнародованы уже послѣ напечатанія подлежащихъ отдѣловъ календаря.

Художественныя приложенія.

Царское Семейство: портреты всѣхъ членовъ Августѣйшей Семьи, на одномъ листѣ, гравюра на стали, исполненная у *Брокгауза въ Лейпцигѣ.* Изображеніе часовни у Лѣтняго сада, сооруженной въ память 4-го апрѣля 1866 г. фотографическій снимокъ, исполненный художникомъ *Берестовымъ*, съ описаніемъ часовни. Виньетка обертки рисован. *Пановымъ*, гравир. академикомъ *Сѣряковымъ.* Планы расположенія мѣстъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ театровъ, рѣз. на деревѣ въ литографіи *Траншеля.*

Цѣна съ бумажкѣ	1 руб.,	съ пересылкою	1 руб. 25 коп.
„ въ папкѣ	1 р. 15 к.	„ „	1 руб. 40 коп.
„ въ шагр. пер.	1 р. 30 к.	„ „	1 руб. 75 коп.

РУССКІЙ АРХИВЪ

въ 1868 году

будетъ выходить въ томъ же видѣ, какъ и въ 1863, 1864, 1865, 1866 и 1867 годахъ. Всѣхъ выпусковъ въ теченіи года 12 (въ каждомъ не менѣе 4-хъ листовъ сжатой печати, въ два столбца; иногда по два выпуска выходятъ вмѣстѣ).

Цѣна Русскому Архиву какъ въ Москвѣ и С. Петербургѣ, такъ съ пересылкою въ города и доставкою на домъ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписываться можно:

Въ Москвѣ, въ Чертковской библіотекѣ (на Мясницкой, № 7), при коей издается Русскій Архивъ; и въ Конторѣ газеты „Москва“ на Большой Дмитровкѣ, въ д. Хлудова.

Въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной, въ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*.

Иногородные надписываютъ свои требованія: *Въ Москву въ Чертковскую библіотеку*.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* 7 р.; *во Францію и Бельгію* 7 р. 50 к.; *въ Англію* 8 р.; *въ Швейцарію и Италію* 9 р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ**.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

12. 1867.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Милаковой.

1867.

ИЗДАНІЯ РУССКАГО АРХИВА.

I. ІЕЗУИТЫ

И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ.

ПИСЬМА Ю. Ѳ. САМАРИНА КЪ ОТЦУ МАРТЫНОВУ.

Изложено ученіе Іезуитовъ и разсказаны ихъ дѣйствія въ Россіи. М. 1883. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 рубля (8°. 304 стр.)

2. НОВИКОВЪ И МОСКОВСКІЕ МАРТИНИСТЫ.

Изслѣдованіе М. Н. Лонгинова. М. 1867. (8°. IV, 384 и 176 стр.) съ примѣчаніями и указателемъ. Цѣна 3 р., пересылка за три фунта.

☛ 3. ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ)

Съ примѣчаніями и указателемъ. М. 1867 (8°. VIII, 240 и VIII стр.) Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Выписывающіе **ВСѢ ТРИ КНИГИ ВМѢСТѢ**, обращаясь въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, не платятъ ничего за пересылку.

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Въ будущемъ 1868 году *Московскія Университетскія Извѣстія*, вступая въ третій годъ своего существованія, будутъ издаваться по слѣдующей программѣ:

Офиціальный отдѣлъ. Въ немъ помѣщаются: Протоколы засѣданій Университетскаго Совѣта; особыя мнѣнія профессоровъ, принадлежащихъ къ числу членовъ Совѣта по разнымъ вопросамъ, годичный отчетъ о состояніи Московскаго университета и соединенныхъ съ нимъ учрежденій и ученыхъ обществъ; Отчеты попечительства о недостаточныхъ студентахъ и т. п.

Не офиціальный отдѣлъ. Въ немъ помѣщаются: рѣчи читаемыя профессорами въ день годичнаго акта или въ какіе либо другіе торжествен-

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА [1].

Сообщены Н. С. Киселевымъ, которому принадлежатъ и нижеслѣдующія примѣчанія.

Декабрь 1811 года.

7. — Поѣхалъ обратно въ армію Райскій. Послано брату [2]: чай, крестъ Анненскій, лентъ орденскихъ, печать гербовая и проч.

16. — Княгиня Елисавета Васильевна Голицына [3] родила дочь Елисавету. Сынъ ея старшій, Василій [4], принятъ въ службу актуаріусомъ и опредѣленъ въ здѣшній Архивъ [5].

21. — Умеръ скоропостижно князь Егоръ Алексѣевичъ Голицынъ [6]: онъ былъ славный рисователь карикатуръ. Говорятъ, что сестра его, графиня Остерманъ [7], въ жалостномъ положеніи: поетъ, пляшетъ, смѣется. Отъ огорченія повредилась въ умѣ.

24. — Сегодня, сидя на креслахъ, у брата, князя Ѳедора Сергѣевича Барятинскаго [8], умеръ вдругъ князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинской [9]. Онъ какъ будто предчувствовалъ свою кончину, ибо писалъ письмо къ Юшкову [10], гдѣ говоритъ: ежели умру до понедѣльника, то пошли въ Петербургъ три пакета. Одинъ былъ на имя государя, коему открываетъ, что онъ двадцать лѣтъ какъ женатъ на дѣвицѣ Бибиковой, отъ которой и двое дѣтей у него; другой пакетъ къ Валуеву [11] и заключаетъ завѣщаніе его; а третій — къ Гурьеву [12]. Бѣдная Бибикова въ жалкомъ положеніи: она не знаетъ, какое можетъ и должна носить имя, а равно и дѣти [13].

Январь 1812 года.

24. — Въ Петербургѣ умерли, съ новаго года: графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій [14], генералы Карсаковъ и Бауеръ. Fouette-cocher!

Вчера, младшій сынъ графа Ѳедора Григорьевича Орлова [15], Ѳедоръ,

---

(1) Изъ имѣющихся у насъ двухъ тетрадей печатаемъ ту, которая намъ показалась болѣе интересной; заключаетъ она всего около трехъ писанныхъ листовъ. Другая тетрадь, болѣе объемистая (восемь листовъ), посвящена, за исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ, чисто семейнымъ дѣламъ и потому не представляетъ почти никакого интереса; начинается она 14 Августа 1809 г. и кончается 14 Октября того же года.

(2) Конст. Яковл. Булгаковъ управлялъ, въ это время, дипломатической канцеляріей главнокомандующаго задунайской арміей, сперва Каменскаго, а за тѣмъ Кутузова.

(3) Рожденная Приклонская, родственница Булгакова.

(4) Кн. Василій Сергѣевичъ умеръ въ 1836 г., въ чинѣ статскаго совѣтника; былъ женатъ на гр. Аделаидѣ Павловнѣ Строгановой.

(5) Т. е. въ московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ, куда поступала почти вся тогдашняя московская молодежь; эти diplomates en herbe были извѣстны подъ названіемъ архивныхъ юношей.

(6) Камергеръ.

(7) Елисавета Алексѣевна, жена знаменитаго гр. Александра Ивановича Остермана-Толстаго.

(8) Дѣйств. тайн. сов. и оберъ-гофмаршалъ, одинъ изъ участниковъ событія 4-го Іюля 1762 г., былъ женатъ на княжнѣ Марьѣ Васильевнѣ Хованской, двоюродной бабкѣ жены А. Я. Булгакова, тоже рожденной Хованской.

(9) Бывшій флигель-адъютантъ императора Петра III, потомъ 12 лѣтъ, въ чинѣ генералъ-поручика, занимавшій постъ русскаго посланника въ Парижѣ.

(10) Если не ошибаемся, онъ одно время былъ губернаторомъ въ Москвѣ.

(11) Сенаторъ Петръ Степ. Валуевъ былъ главнымъ начальникомъ московской кремлевской экспедиціи.

(12) Дмитрію Александровичу, впослѣдствіи графу, управлявшему тогда двумя министерствами: финансовъ и удѣловъ.

(13) Кн. Иванъ Сергѣевичъ былъ женатъ на принцессѣ Екатеринѣ Петровнѣ Голштейнъ-Бекской, дочери россійскаго фельдмаршала и генералъ-губернатора лифляндскаго и эстляндскаго, принца Петра Августа; княг. Екатерина Петровна умерла за нѣсколько дней до смерти мужа, а именно 28 Ноября.

(14) При Екатеринѣ онъ былъ статсъ-секретаремъ, при Александрѣ — управлялъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и предсѣдательствовалъ въ департаментѣ законовъ въ государственномъ совѣтѣ. Онъ умеръ 10 Января. Послѣ него министерство народнаго просвѣщенія перешло въ руки гр. Алексѣя Кириловича Разумовскаго.

(15) Славнаго героя морейской экспедиціи, умершаго въ отставкѣ, въ Москвѣ, въ 1796 году.

проигравъ 190 тысячъ въ карты, застрѣлился; но какъ пистолетъ былъ очень набитъ и заряженъ тремя пулями, то разорвало стволъ, и зарядъ пошелъ назадъ и въ бокъ. Убiйца спасся чудеснымъ образомъ; однакожъ лицо все обезображено, и правое плечо очень ранено. Онъ останется живъ однако. Странно будетъ, лѣтъ черезъ 20, сказать: вотъ человѣкъ, который въ 1812 году застрѣлился.

Февраль.

7. — ([16]). „Только и разговора въ городѣ, что о соперничествѣ трагическихъ актрисъ, Жоржъ ([17]) и нашей Семеновой ([18]). Я съ величайшей наглостью утверждаю, что Семенова стоитъ выше во всемъ, что касается чувства; кромѣ того она обладаетъ прелестнымъ органомъ. Обѣ стороны ужасно раздражены другъ противъ друга. Нѣкоторые изъ моихъ единомышленниковъ (а они многочисленнѣе нашихъ противниковъ) доходятъ до такой крайности, что свистятъ Жоржъ: что уже просто глупо. Вчера былъ бенефисъ Семеновой; она давала „Танкреда" ([19]). При первомъ ея появленiи, рукоплесканiя не дали ей возможности говорить, въ продолженiе десяти минутъ. Никогда не видалъ я, чтобъ театръ былъ такъ полонъ. Она выручила, за вычетомъ расходовъ, 11400 рублей. Нелединскiй, который сидѣлъ въ ложѣ моего тестя ([20]), вдругъ, увлеченный вдохновенiемъ, схватилъ, въ третьемъ актѣ, карандашъ и написалъ десять стиховъ, которые послалъ „Аменаидѣ", на сцену. Немалая честь для Семеновой — быть воспѣтой такимъ поэтомъ и такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, какъ Нелединскiй ([21]). Вотъ эти стихи:

«Il s'en présentera, — gardez-vous d'en douter».
(Tancréde, acte III, scène IV).

Не сомнѣвайся въ томъ:—предстали бы толпою,
Семенова! защитники твои,
Когда бы критикой, завистною и злою
Твои мрачилися талантомъ славны дни.
Аменаиду намъ явя собой на сценѣ,
Органа сладостью, плѣнительной игрой
И чувствомъ движима, лица ты красотой,
О, музъ питомица, любезна Мелпоменѣ!
Всѣхъ привела въ восторгъ!—Твоихъ страшася бѣдъ,
Всякъ чувствами къ тебѣ, всякъ зритель былъ Танкредъ.

9. — „Графъ Растопчинъ ([22]) составляетъ прелесть нашего кружка. Онъ часто посѣщаетъ моего тестя. Очень къ намъ благосклоненъ. На дняхъ я у него обѣдалъ. Узнавъ, что Наташа ([23]) нездорова, онъ написалъ мнѣ премилую записку. Онъ глумится надъ С—ной: смѣхъ, когда они сойдутся.— Любезные наши Волковы ([24]) всѣ

(16) Мѣста, заключенныя въ знаки, въ подлинникѣ на французскомъ языкѣ.

(17) Знаменитая французская актриса уже нѣсколько лѣтъ какъ восхищала русскую публику; она прiѣхала въ Петербургъ въ 1808 году.

(18) Появленiе Семеновой на сценѣ совпадаетъ съ рожденiемъ *русской* трагедiи: она дебютировала въ ролѣ Антигоны, при первомъ представленiи трагедiи „Эдипъ въ Аѳинахъ," 23 Ноября 1804 года. Первая трагедiя Озерова „Смерть Олега," не избѣгнувшая влiянiя французскаго псевдоклассицизма, не можетъ отмѣтить начало новой эры въ исторiи русской драматической литературы.

(19) Трагедiя Вольтера, переведенная Гнѣдичемъ.

(20) Сенаторъ кн. Василiй Алексѣевичъ Хованскiй.

(21) Юрiй Александровичъ Нелединскiй-Мелецкiй былъ тогда сенаторомъ и александровскимъ кавалеромъ; былъ женатъ на двоюродной сестрѣ тестя Булгакова, княж. Екат. Никол. Хованской.

(22) Съ начала 1801 года, проживалъ онъ въ отставкѣ, въ Москвѣ; въ 1810 году онъ сдѣланъ былъ оберъ-камергеромъ и членомъ государственнаго совѣта, что однако не положило конца его служебному бездѣйствiю. Этотъ долгiй досугъ посвятилъ Растопчинъ литературнымъ занятiямъ: „Мысли въ слухъ," „Убитый живой", переписка „Вѣникова" и „Богатырева" относятся именно къ этому времени.

(23) Жена А. Я. Булгакова.

(24) Семейство московскаго полицеймейстера Александра Александровича Волкова.

больны на повалъ: у него — страшныя боли въ головѣ; у С. А. — лихорадка; у дѣтей — скарлатина, корь. Я почти все тамъ.

15. — По предварительной повѣсткѣ, явясь сегодня въ гражданскую палату, слушалъ рѣшительное опредѣленіе о дѣлѣ нашемъ ([25])....... Сдѣлали еще хуже уѣзднаго суда; не только также лишаютъ апелляціи, но налагаютъ на насъ въ 16000 штрафъ, за неправое обремененіе присутственнаго мѣста, тогда какъ дѣло производится по именному повелѣнію. Стану жаловаться сенату.

16. — Пріѣхалъ неожиданно любезный Тургеневъ ([26]) изъ Петербурга, въ отпускъ, на 28 дней.—Орловъ велѣлъ меня увѣрить, что мѣсто получу, когда штаты ихъ утвердятся.

20. — Подалъ въ сенатъ жалобу свою на палату. Князь Масальскій ([27]) обѣщался помочь намъ тутъ. „Посторонній человѣкъ подаетъ мнѣ руку помощи противъ родственницы, которая хочетъ меня раззорить“. — Вышли наконецъ налоги новые. Цѣлый городъ въ уныніи; объ нихъ только и говорятъ. Десятая часть нашихъ доходовъ должна обращаться въ казну. Сверхъ того умножена цѣна на почту, чай, гербовую бумагу, вексельные листы, разные напитки крѣпкіе, на капиталы и проч. Подать сама не такъ бы была отяготительна: въ несчастныхъ обстоятельствахъ, въ коихъ вся Европа находится, почти всѣ государства платятъ правительствамъ своимъ десятину (la dîme); но больно платить съ увѣреніемъ, что отъ помощи сей не воспослѣдуетъ польза, — улучшеніе финансовъ, погашеніе государственныхъ долговъ и проч. Нѣтъ упованія въ мѣрахъ правительства. Деньги будутъ разхищены; не получится и отчета въ ихъ употребленіи. Куда дѣвались страшныя пожертвованія, въ милицію сдѣланныя ([28])? Это у насъ еще живо въ глазахъ. — Въ сборѣ сихъ податей будутъ страшныя злоупотребленія: казна получитъ, можетъ быть, только третью долю того, что̀ ожидаетъ, или менѣе; а обогатятся тѣ, коимъ сборъ будетъ препорученъ. Мы видимъ, что иностранцы здѣсь, дабы заставить въ адресъ-конторѣ принять наложенные на нихъ десять рублей въ годъ, должны переплатить служащимъ въ конторѣ сей тридцать и сорокъ рублей. Контора слѣдовательно получаетъ въ четверо противъ казны.

Мартъ.

8. — Тургеневъ поѣхалъ въ Петербургъ, и ранѣе, нежели думалъ, дабы застать государя, который 13-го ѣдетъ къ границамъ. Война съ Франціей, кажется, рѣшена. Полки выходятъ изъ Петербурга. Намедни былъ у насъ также графъ Ѳ. В. Растопчинъ: пріѣзжалъ прощаться, поѣхалъ также въ Петербургъ. Я хотѣлъ было забросить словцо, но онъ сказалъ: „Не дѣлайте никакихъ заключеній; я ѣду опредѣлять сына ([29]) въ военную службу“. — Жаль мнѣ добраго Тургенева! Я было привыкъ съ нимъ быть. Наташа очень его полюбила, и онъ ее также.

9.—Прислала Катерина Семеновна (*) сказать, что Тургеневу дана на шею Анна 2-ой степени съ алмазами. Въѣдетъ въ Петербургъ съ радостью другъ нашъ! Какъ я радъ! — Золотому малому иного креста дать было нельзя, какъ бриліантоваго.

13. — Умерла у Jeannot маленькая его дочь, Вѣрочка, одного года, отъ воспаленія въ груди. Волковъ опять занемогъ; этотъ разъ лихорадкой.

([25]) Процессъ этотъ тянулся съ 1809 года.

([26]) Александръ Ивановичъ.

([27]) Кн. Николай-Андрей (двухъ именъ) Александровичъ, сенаторъ и оберъ-гофмейстеръ.

([28]) Въ 1806 году.

([29]) Гр. Сергѣя Ѳедоровича.

(*) Мать А. И. Тургенева. *П. Б.*

20. — 14-го числа скончался, въ Петербургѣ, князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ (30).

22. — Открытъ въ Петербургѣ заговоръ, состоявшій въ томъ, чтобы предать Россію французамъ. Бездѣльный Сперанскій и Магницкій (31) арестованы и въ крѣпость посажены; бумаги ихъ разсматриваются коммиссіей, составленной изъ гр. Александра Николаевича Салтыкова (32), Род. Александровича Кошелева (33) и Балашова (34). Славный Армфельтъ (35), вступившій недавно въ нашу службу генералъ-губернаторомъ Финляндіи, все открылъ государю, черезъ Николая Ивановича Салтыкова (36). Участники суть: Маринъ, Воейковъ (....... Василій Ивановъ сынъ), Болговской и пр. Они всѣ взяты и заключены. Какъ не сдѣлать примѣрнаго наказанія — Сперанскаго не повѣсить?!.. О, извергъ! чудовище! неблагодарная, подлая тварь (37)! Ты не былъ достоинъ званія россійскаго дворянина! Оттого то ты ихъ и гналъ! — Только объ этомъ и говорятъ.

26. — Ужиналъ у меня графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ, изъ Петербурга пріѣхавшій. — Бѣдный Козловскій наконецъ взялъ свое: онъ сдѣланъ камергеромъ и заступилъ въ канцеляріи канцлера (38) мѣсто Жерве, который отставленъ. Иллюминатская шайка истребляется по малу. Бекъ арестованъ также. Теперь видна дьявольская рука, которая вела насъ къ пропасти. У насъ вошло въ пословицу говорить, при появленіи всякаго указа и манифеста: ежели бы нарочно дѣлали, нельзя бы хуже сдѣлать того, что̀ мы видимъ. Оно такъ и было.

„Разрушительный геній Сперанскаго руководилъ всѣмъ“.

1. Онъ открылъ государственную тайну; объявилъ манифестомъ 650 милліоновъ ассигнацій (39): рубль сдѣлался четыре въ ту же минуту.

2. Составилъ совѣтъ изъ сорока человѣкъ (40): вещь безразсудная и не имѣющая примѣра.

3. Позволилъ напечатаніе Стройновскаго сочиненія (41).

4. Преградилъ дворянству путь къ

---

(30) Сынъ знаменитаго Долгорукова Крымскаго, дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ.

(31) Слишкомъ извѣстный Михаилъ Леонтьевичъ.

(32) Сына фельдмаршала Николая Ивановича.

(33) Гофмейстеръ Родіонъ Александровичъ Кошелевъ былъ дѣятельный масонъ.

(34) Александръ Дмитріевичъ, министръ полиціи.

(35) Баронъ Густавъ-Маврикій, впослѣдствіи графъ; онъ принялъ русское подданство вслѣдъ за революціей 1809 г., доставившей шведскій престолъ дядѣ Густава IV, герцогу зюдерманландскому, Карлу XIII.

(36) Воспитателя Павла Петровича и в-хъ кн-й Александра и Константина Павловичей; въ томъ же 1812 году онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, а въ 1814 г. получилъ титулъ свѣтлѣйшаго князя.

(37) Понятны эти выраженія, доходящія до площадной брани, употребляемыя современникомъ въ то время, когда, при распаленности патріотическихъ страстей во всѣхъ слояхъ русскаго общества, отвѣтственность за всѣ неудачи, злоупотребленія въ администраціи, возвышеніе налоговъ и наконецъ за надвигавшуюся съ запада грозу, падала на того, съ именемъ котораго связаны были всѣ нововведенія и преобразованія. Различно только проявлялись страхъ и недовольство: Карамзинъ страшился за судьбу Россіи, вовлеченной въ быстрый водоворотъ реформъ; Растопчинъ, болѣе страстный, видѣлъ въ подражаніи чужимъ порядкамъ предательство и измѣну; дворяне, привыкшіе смотрѣть на гражданскую службу какъ на открытое, неогороженное поле, не могли примириться съ экзаменами, преградившими доступъ къ высшимъ чинамъ; къ тому же и книга Стройновскаго была въ ихъ глазахъ прямымъ посягательствомъ на дворянскія права; податные классы чувствовали только ежегодно увеличивающуюся тягость налоговъ и охотно вѣрили измѣнѣ. Предателя называли по имени, требовали его казни: казнь свершилась; но и ссылка казалась слишкомъ малымъ возмездіемъ за преступленія, достойныя позорной петли!

(38) Гр. Ник. Петр. Румянцева.

(39) Въ Февралѣ 1810 г.

(40) 1-го Января 1810 г.

(41) О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами.

чинамъ ассессора и статскаго совѣтника и проч. и проч. ([42]).

Апрѣль.

1. — Вчера было рожденіе моего тестя; у него были цѣлый день. „Штейбельтъ игралъ на фортепіано три часа сряду: его варіаціи на романсъ Нарышкиной и сочиненіе его на смерть герцога Энгіенскаго—произведенія образцовыя. Я очень долго колебался, и начинаю думать, что онъ превосходитъ Фильда. Эфекты, которые онъ производитъ на инструментѣ, поразительны; и у него бездна вкуса.

12. — Подписалъ въ палатѣ гражданской апелляцію, для переноса дѣла нашего въ сенатъ.

17. — Въ полдень родила Наташа благополучно сына Константина. Я оставилъ ее въ десять часовъ дома, на ногахъ; вязала чулокъ. Поѣхалъ въ сенатъ; но такъ какъ должно ей было быть цѣлое утро одной, то заѣхалъ я къ бабушкѣ и послалъ ее къ намъ обѣдать. Въ сенатѣ подалъ я оберъ-секретарю Руссову нашу апелляціонную жалобу; она длинна, ибо тутъ все производство дѣла; долго читали ее; дѣлали разные вопросы. Я воротился домой въ два часа. Кирило первый, на дворѣ, сказалъ мнѣ радость. Первыя мои слова были: что ты врешь, муракъ!—Долго я не могъ вѣрить. Слава Богу! все кончено, и благополучно. „Сегодня тоже день рожденія Волкова. Какое счастливое сближеніе! Какое предзнаменованіе моему Костѣ“! Какъ братъ обрадуется!

21. — День Пасхи и рожденія Екатерины Великой. Въ залѣ Собранія открытъ монументъ, дворянствомъ сей монархинѣ воздвигнутый.

„Дѣло это было выполнено самымъ смѣшнымъ образомъ. Директора имѣли безстыдство вырѣзать свои имена на пьедесталѣ статуи: подъ предлогомъ Екатерины, они вздумали воздвигнуть памятникъ самимъ себѣ! Статуя вылита изъ бронзы, она работы Мартоса; металлъ великолѣпенъ, статуя также; но говорятъ, что лицо совершенно не удалось“.

25. — Акулина Матв. очень занемогла. Зайденъ совѣтуетъ перемѣнить воздухъ. Фастъ ([43]) отпросился на два мѣсяца въ отпускъ и везетъ тетку въ владимірскую деревню.

Май.

9. — Благородное собраніе сдѣлалось театромъ брани и несогласія. Подана бумага, подписанная множествомъ членовъ; главные суть: князь Юсуповъ ([44]), графъ Алексѣй Ивановичъ Пушкинъ ([45]), Апраксинъ ([46]), Обольяниновъ ([47]), Кологривовъ ([48]), Иванъ Петровичъ Архаровъ ([49]), Мясоѣдовъ, Валуевъ ([50]), Кутайсовъ ([51]) и проч. Сей бумагой приглашаютъ

---

(42) Таковы были обвинительные акты, на основаніи которыхъ измѣннику Сперанскому надлежало умереть на висѣлицѣ!

(43) Макеровскій.

(44) Николай Борисовичъ, членъ государственнаго совѣта; былъ женатъ на племянницѣ Потемкина и вдовѣ Мих. Серг. Потемкина, Татіанѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ.

(45) Дѣйств. тайн. сов., извѣстный своей драгоцѣнной библіотекой, ученостью и изданіемъ многихъ важныхъ историческихъ памятниковъ.

(46) Степанъ Степановичъ, сынъ фельдмаршала Степ. Ѳед. Апраксина, столь памятнаго своей блистательной, но безплодной побѣдой подъ Гросъ-Эгерсдорфомъ; былъ московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

(47) Любимецъ Павла, бывшій при немъ генералъ-прокуроромъ.

(48) Андрей Семеновичъ, генералъ отъ кавалеріи.

(49) Сначала взысканный милостями Павла и быстро ихъ лишившійся, онъ проживалъ частнымъ человѣкомъ въ Москвѣ, куда когда-то въѣзжалъ военнымъ губернаторомъ.

(50) Петръ Степановичъ.

(51) Гр. Иванъ Павловичъ, тотчасъ послѣ кончины Павла, уволенный отъ службы, поселился въ Москвѣ, этомъ въ то время общемъ пріютѣ всѣхъ падшихъ съ высотъ власти.

директоровъ постановить посредствомъ балотированія: 1) прилично ли именамъ старшинъ быть на одномъ подножіи съ именемъ великой Екатерины?—и буде нѣтъ, то ихъ стереть; 2) у мѣста ли всѣ украшенія и живопись, сдѣланныя Каноппіемъ для императорскаго портрета?—Директора, не дожидаясь ничего, поданною бумагой, полуучтивой и полудерзкой, слагаютъ съ себя званіе свое и очень выхваляютъ свое управленіе, оставляя въ кассѣ 53 тысячи, а не говорятъ, что 160 тысячъ употребили на испорченіе залы. — Выбраны новыми директорами: князь Николай Бор. Юсуповъ, графъ А. И. Пушкинъ, С. С. Апраксинъ, Иванъ Петровичъ Архаровъ, П. Х. Обольяниновъ, В. С. Шереметевъ ([52]), князь И. П. Тюфякинъ ([53]), А. С. Кологривовъ, князь Н. А. Волконскій и Ю. А. Нелединскій. Невыбранные за недостаткомъ голосовъ кандидаты видны изъ приложенной здѣсь записки. Достопамятно то, что Валуевъ первый подписалъ возразительную противъ директоровъ бумагу, а его имя первое на пьедесталѣ статуи.

Seigneur, quand étiez-vous conséquent,
Alors ou à présent?

Изъ старыхъ директоровъ онъ одинъ и остался. Негодованіе на нихъ столь велико, что, кромѣ губернатора Обрѣзкова ([54]), не было ни однаго голоса въ пользу старыхъ директоровъ. Вотъ стишки, бѣгающіе по городу:

Скажи Москва, мой свѣтъ, — (это говоритъ статуя Екатерины)
Зачѣмъ поставила меня въ буфетъ?
Ахъ, матушка царица,
Отвѣчаетъ ей столица,
Не сердись на клобъ:
Вѣдь тутъ директоромъ холопъ! — (Кл.... въ)

10. — Мы всѣ опечалены смертью бѣднаго Бальмена. Жаль! Онъ далеко бы пошелъ. Jeannot скачетъ къ сестрѣ своей, чтобы ее сюда привезти. Въ какомъ положеніи должна быть бѣдная Машенька!

11. — Обрадованъ письмомъ отъ брата. Пишетъ, что вестіаръ молдавскій Варламъ ([55]), человѣкъ почтенный, предлагаетъ ему званіе (sic) зятя своего. Братъ давно любитъ милую дочь старика, Марію; но описалъ ему несчастныя наши обстоятельства и проч. Старикъ его поцѣловалъ и прибавилъ, что брату не надобно ничего, что онъ дочери своей даетъ 200 тысячъ піастровъ деньгами, кромѣ наслѣдства, которое она получитъ обще съ сестрой. Ихъ только двѣ и есть. Старикъ мнѣ пишетъ, требуетъ моего согласія. Богъ съ ними! Я благословляю милаго Костю. Дай Богъ ему быть такъ счастливымъ, какъ я! — Я внѣ себя отъ радости. Небо награждаетъ брата за его поведеніе хорошее, за добрую душу. — Едва прочелъ письмо, прислалъ Соковнинъ ([56]) сказать, что жена его родила благополучно дочь Софію. . .

14. — . . . .

22. — . . . .

24. — . . . . ([57]).

26. — „Въ этихъ грустныхъ обстоятельствахъ графъ Растопчинъ оказывалъ намъ нѣжное участіе: онъ навѣщалъ насъ ежедневно; онъ же и объявилъ Наташѣ о смерти Sophie. Она много плачетъ и князь также; но Pauline ([58]) въ такомъ горѣ, что на нее смотрѣть страшно. Надѣюсь на дѣйствіе времени“.

([52]) Генералъ маіоръ Василій Сергѣевичъ.

([53]) Иванъ Петровичъ, послѣдній изъ князей Тюфякиныхъ.

([54]) Николая Васильевича.

([55]) Принятый въ русскую службу, Константинъ Дмитріевичъ Варламъ былъ пожалованъ въ дѣйств. стат. совѣт. и получилъ анненскую ленту.

([56]) Прокофій Ѳедоровичъ, женатый на младшей дочери кн. В. А. Хованскаго, княжнѣ Софьѣ Васильевнѣ.

([57]) Подробности о болѣзни и смерти Софьи Васильевны Соковниной.

([58]) Княж. Праск. Вас. Хованская, вторая сестра Н. В. Булгаковой, вышла за мужъ за Вас. Александр. Обрѣзкова.

Іюнь.

1. — Гудовичъ ([59]) уволенъ по просьбѣ: ему пожалованъ портретъ; на его мѣсто нашъ неоцѣненный графъ Өедоръ Васильевичъ, съ переименованіемъ въ генералы отъ инфантеріи. Онъ самъ сегодня пріѣзжалъ возвѣстить намъ эту радость. О, свѣтъ! свѣтъ! Многіе ужъ мнѣ поклоны отвѣшиваютъ, въ надеждѣ, что я буду играть роль.

3. — Обѣдалъ у графа. — „Не уѣзжайте прежде, чѣмъ я съ вами не поговорю", сказалъ онъ мнѣ. — Потомъ повелъ меня въ свой кабинетъ и началъ съ того, что прочелъ мнѣ глупое письмо, которое подалъ ему князь Петръ Х. на счетъ своей жены. — Садитесь. Ну, продолжалъ онъ, хотите ли служить со мной? — Сердечно желаю. — Я знаю, какъ вы любите свою жену, дѣтей, и я не хочу вамъ дать мѣсто, которое бы слишкомъ васъ съ ними разлучало; я желаю только имѣть средство толкнуть васъ по службѣ и доставить вамъ нѣкоторыя другія выгоды. Трудъ вашъ не будетъ очень тягостенъ. — Не знаю, графъ, способенъ ли я къ дѣлу; но во всякомъ случаѣ я къ нему привыченъ, и желаю, чтобы вы дали мнѣ занятіе. Бездѣйствіе приводитъ меня въ отчаяніе, и я напрасно старался изъ него выдти. — Ну, такъ вотъ что я вамъ предлагаю: вы будете состоять при мнѣ для дипломатической переписки и по секретной части. Мнѣ нуженъ человѣкъ благонадежный, вѣрный помощникъ. Вы, по прежнему, останетесь въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ для того, чтобы сохранить получаемое вами жалованье, и кромѣ того вамъ прибавятся двѣ или три тысячи рублей. Согласны? — Ваше предложеніе выполняетъ всѣ мои желанія. Вы меня мало знаете, графъ; но могу васъ увѣрить, что я съумѣю заслужить все, что вы для меня дѣлаете, и оправдать вашъ выборъ въ глазахъ всего свѣта. Я отвѣчаю вамъ за свое усердіе, за ревность, умѣнье сохранять тайны, за преданность вашей особѣ и за свою неподкупность. Мнѣ совѣстно такъ выхвалять себя; но время докажетъ, что я говорю сущую правду. — Я васъ знаю болѣе, чѣмъ вы думаете, отвѣчалъ графъ, потому-то я васъ и выбралъ. Я устроилъ судьбу многихъ, которые васъ не стоили и далеко не имѣли вашихъ способностей. — Графъ всталъ, заключая нашъ разговоръ словами: и такъ это дѣло рѣшеное! — Меня очень порадовало то, что онъ не просилъ хранить тайну нашей бесѣды: стало быть, онъ былъ въ этомъ увѣренъ. — Онъ сообщилъ о нашемъ разговорѣ больному Волкову, котораго навѣстилъ, и все таки прибавилъ: — „чтобъ это осталось между нами".

8. — По утру графъ Ө. В. меня увѣдомилъ запиской, что въ ночь получилъ онъ отъ государя курьера съ извѣстіемъ о подписаніи, 10-го Мая, мира съ Турками, въ Бухарестѣ ([60]). Италинскій отправился уже въ Царьградъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника ([61]). Авось либо братъ будетъ присланъ съ султанской ратификаціей. Ему кстати подоспѣло Боброва мѣсто, которое Италинскій ему предлагаетъ ([62]).

([59]) Фельдмаршалъ гр. Ив. Вас. Гудовичъ былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, съ 1809 года, послѣ Тутолмина.

([60]) Миръ въ Бухарестѣ былъ заключенъ 16 Мая.

([61]) Италинскій былъ посланникомъ въ Константинополѣ, до разрыва съ Турками, въ 1806 году.

([62]) К. Я. Булгаковъ былъ отправленъ въ Константинополь новымъ главнокомандующимъ, адмираломъ Чичаговымъ, съ ратификаціей Бухарестскаго договора; за успѣшное исполненіе этого порученія, онъ получилъ алмазные знаки Анны 2-й степени.

О ЧУМНОМЪ ВОЗМУЩЕНІИ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ, 1830 ГОДА.

Помѣщаемая ниже записка о севастопольскомъ чумномъ возмущеніи 1830 года принадлежитъ протоіерею севастопольскаго собора, Софронію Гаврилову. Она составлена имъ 24 апрѣля 1831 года для Гавріила, тогдашняго епископа екатеринославскаго, херсонскаго и таврическаго и найдена нами въ подлинникѣ между бумагами этого любознательнаго іерарха.

Софроній Гавриловъ былъ не только очевидцемъ бунта, но и принималъ дѣятельное, впрочемъ безплодное, участіе въ успокоеніи волненія, и едва не поплатился жизнію за свое участіе. Простой, безъискусственный разсказъ его имѣетъ цѣлію описать „все, претерпѣнное имъ за церковь Божію“ — и далѣе означенныхъ предѣловъ не простирается. Потому въ запискѣ его мы не найдемъ полнаго изложенія обстоятельствъ, обусловившихъ и сопровождавшихъ возмущеніе, хотя она составлена была почти черезъ годъ послѣ бунта, когда эти обстоятельства были уже разъяснены слѣдствіемъ и едва ли могли остаться неизвѣстными ея составителю. Вѣрный предположенной имъ задачѣ, онъ въ разсказѣ своемъ ограничивается только изложеніемъ того, что̀ имѣло лишь непосредственное отношеніе къ нему самому, чего онъ былъ очевидцемъ и участникомъ, что̀ лично „претерпѣлъ.“

Не смотря на то, записка его не лишена важнаго историческаго значенія. Она представляетъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ для разъясненія причинъ и для характеристики возмущенія, произшедшаго за годъ до холернаго возмущенія въ Петербургѣ на Сѣнной площади и въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ (1), но о которомъ до сихъ поръ было извѣстно весьма немного.

Чума проникла въ Севастополь по окончаніи турецкой войны 1828—1829 годовъ. „Въ 1830 году — говоритъ г. Аркасъ въ статьѣ своей *О дѣйствіяхъ черноморскаго флота съ 1806 по 1856 годъ* — флотъ занимался перевозкою войскъ и больныхъ, снарядовъ и разныхъ тяжестей изъ Сизополя, Варны и другихъ турецкихъ крѣпостей въ Севастополь и Одессу. При всей осторожности флота и карантиннаго правленія, чума, существовавшая въ турецкихъ владѣніяхъ, занесена въ городъ Севастополь. Скорое оцѣпленіе его войсками и карантинными заставами не допустило распространиться заразѣ внѣ города; но несчастные жители много пострадали отъ нея и отъ недостатка въ продовольствіи. Въ концѣ года болѣзнь прекратилась и оцѣпленіе снято“ (2) Любопытно, что авторъ статьи ни однимъ словомъ не упоминаетъ здѣсь о бунтѣ жителей, которые, какъ видно изъ записки Гаврилова, доведены были до отчаянія этимъ оцѣпленіемъ и принимавшимися тогда мѣрами карантинной осторожности.

М. Шугуровъ.

Получа архипастырское благословеніе отъ 9-го сего апрѣля, охотно пріемлю смѣлость описать здѣсь все, претерпѣнное мною за церковь Божію.

Бывшій севастопольскій временный военный губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Столыпинъ, 31-го мая прошлаго года лично поручилъ мнѣ отправиться въ Слободку корабельной бухты (напротивъ моего дому, за двумя бухтами состоящую) и тамошнихъ жителей склонить бы къ выходу изъ домовъ ихъ въ лагери для выдержанія опредѣленнаго имъ карантиннаго термина и для окурки.

(1) О холерномъ возмущеніи въ С.-Петербургѣ—письмо Жуковскаго къ принцессѣ Луизѣ Прусской (Рус. Арх. 1866, стр. 339—346).
Разсказъ очевидца (священника) о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 году (Отеч. Зап. 1867, № 5, стр. 87—107).

(2) Зап. Одес. общ. ист. и древ., т. VI (Одесса, 1867), стр. 430—431.

Вслѣдствіе чего и по долгу моему, я первый разъ прибылъ въ оную Слободку 1-го іюня, вмѣстѣ съ контръ-адмираломъ Скаловскимъ, гдѣ увидя за цѣпью карантинной стражи, Слободку окружающей, толпу народа, куда пришелъ и положилъ на столикъ Св. Евангеліе, надѣлъ епитрахиль и взялъ въ руки крестъ, началъ говорить имъ, чтобъ они повиновались начальству и исполнили бы тѣ благотворительныя мѣры карантинной осторожности, которыя имъ опредѣляютъ, внушая имъ, что это нужно для общаго блага, къ отвращенію смертоносной болѣзни и къ спасенію народа и ихъ самихъ.

Лишь только окончилъ, то вся толпа народа пала на колѣна, подняли руки вверхъ, а женщины, держа на рукахъ и подлѣ себя дѣтей, начали плакать и говорить слѣдующее: „Долго ли еще будутъ насъ мучить и морить? Мы всѣ здоровы и болѣе трехъ мѣсяцовъ съ половиною находимся въ карантинномъ состояніи по домамъ своимъ; домы наши окурены; мы и семейства всѣ наши очищены. Насъ обнажали, купали во время холода въ морской водѣ. Скоро годъ, какъ запертъ городъ,—и жены наши, а также вдовы умершихъ и убитыхъ матросовъ, съ дѣтьми своими, остаются въ городѣ безъ заработковъ; всѣ вообще сидѣли всю зиму въ холодныхъ домахъ; не имѣемъ пищи; все, что было по домамъ деревяннаго, пожгли; платье свое, скотину и все, что имѣли, продали и покупали хлѣбъ; въ водѣ также нуждались, когда сидѣли въ карантинѣ по домамъ больше ста дней, ибо насъ не выпускали изъ домовъ, и мы ожидали, когда намъ дадутъ воду. Будучи безъ дровъ, многіе ѣли одну муку, разведенную съ водою. Карантинные чиновники или коммиссія давали намъ муку такую, что мы не могли ѣсть. Дровъ давали намъ на недѣлю или на двѣ — такъ мало, что едва доставало испечь два или три хлѣба.“

Я, выслушавъ ихъ терпѣливо, приступилъ, съ крестомъ въ рукахъ, говорить имъ, чтобы они эту претензію объявили начальству, которое приметъ жалобу и вознаградитъ; а теперь бы повиновались начальству, исполнили бы то, что имъ опредѣлено, внушая, что имъ даны будутъ во время сего карантиннаго термина всевозможныя выгоды въ содержаніи; предлагалъ имъ, что, для устовѣренія ихъ въ томъ, я самъ останусь съ ними и буду вмѣстѣ жить и выдерживать срокъ карантина и что его превосходительство, исправляющій должность флотскаго въ Севастополѣ начальника, контръ-адмиралъ Скаловскій (бывшій со мною вмѣстѣ) будетъ насъ посѣщать каждый день два раза и не допуститъ ни до какихъ нуждъ; напоминалъ имъ о присягѣ къ повиновенію и о наказаніи за ослушность; доказывалъ имъ, что недавно умерла въ той Слободкѣ женщина, признанная чумною, съ коею они сообщались, и потому необходимо нужно, чтобы они еще остались въ карантинномъ очищеніи; говорилъ имъ все то, что мой долгъ, правила вѣры и законы мнѣ внушали.

Послѣ сего всѣ жители той Слободки—мужчины, женщины и дѣти ихъ—рыдая и становясь на колѣна, объявили: „Воля ваша, батюшка! намъ все равно умирать суждено—мы не соглашаемся бросать своихъ домовъ и выходить въ шалаши (въ лагери). Насъ много разъ обманывали срокомъ. Намъ объявили приказъ флотскаго начальника Патаніоти (*), что насъ, послѣ освобожденія всего города, также освободятъ скоро, и именно чрезъ недѣлю, а теперь не исполняютъ и вновь сажаютъ въ карантинъ, потому что женщина умерла, которая имѣла на шеѣ

(*) Вице-адмиралъ Патаніоти былъ тогда командиромъ севастопольскаго порта. М. Ш.

чирей; но мортусы пришли къ ней и задушили; мы всѣ съ нею мертвою соединялись, обмыли тѣло ея, одѣли въ чистое платье, и лекарь Шрамковъ, который ее осматривалъ, съ тѣломъ ея соединялся.“ Сказали притомъ, что какой-то чиновникъ карантина, Семеновъ, былъ у нихъ и приказалъ убираться въ лагерь, угрожая имъ, что они будутъ наказаны крѣпко: все, что́ имѣютъ, сожгутъ, а ихъ самихъ будутъ купать на веревкахъ въ морѣ.

Всѣ сіи увѣщеванія и отвѣты жителей производилъ я въ присутствіи показаннаго г. контръ-адмирала Скаловскаго, какъ и онъ самъ ихъ уговаривалъ.

Въ первый день, т. е. 1-го іюня, симъ окончилось. На другой день, 2-го іюня, я былъ все еще два раза, вмѣстѣ съ г. контръ-адмираломъ Скаловскимъ, и продолжалъ такъ же увѣщевать; но народъ дѣлалъ тотъ же отвѣтъ, что ихъ замучили и что они ничему болѣе не́ повѣрятъ. Но начали однакожъ соглашаться, чтобы опредѣленный имъ карантинъ выдержать въ Слободкѣ, на открытомъ мѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы оставить ихъ при одной, прежде бывшей стражѣ оцѣпленія, а прочія команды и пушки, приготовленныя по приказанію военнаго губернатора, удалить. Увѣряли меня всѣми клятвами, что они не нарушатъ карантинныхъ правилъ, говоря: „Мы боимся остаться въ нашихъ домахъ: мортусы насъ подушатъ. Мы (сказали они) положимъ вокругъ себя камышки, и кто перейдетъ за оные, то сами предадимъ смерти, лишь бы только не касались къ намъ мортусы и карантинные лекаря.“

О всемъ этомъ я донесъ лично военному губернатору Столыпину, и онъ былъ согласенъ на то; но что́ за тѣмъ сдѣлано, мнѣ уже не было извѣстно.

Сего іюня 3-го, въ девятомъ часу по-полудни, толпа народа, составившагося изъ людей разныхъ нижнихъ чиновъ, и нѣсколько женщинъ, подошедши къ моему дому, предъ воротами, закрича *ура*, разбивъ оные, вторглися въ дворъ и съ буйнымъ шумомъ шли ко мнѣ въ домъ, имѣя въ рукахъ своихъ дубины и камни. Я, услышавши изъ толпы оной крикъ требованія меня, надѣлъ на себя епитрахиль и ризы, взялъ въ руки Евангеліе и крестъ, вышелъ къ нимъ, спрашивая, что́ имъ потребно. Они, окруживъ, меня, отвѣчали: „Мы пришли тебя убить!“ Но какой-то матросъ, лицомъ рябоватъ, съ крестомъ св. Георгія, и другой, унтеръ-офицеръ, средняго росту, лысъ, до того не допустили. Я спрашивалъ у нихъ, за что они хотятъ меня убить. Отвѣчали: за то, что я заперъ церкви, получилъ за то тысячу рублей отъ комитета, и за то, что былъ въ корабельной бухтѣ, увѣщевалъ ихъ и ни въ чемъ не помогъ въ ихъ мученіяхъ.

Взявъ меня изъ двора, вывели на улицу, приготовлялись убить близь дому, отъ чего вторично тѣми двумя человѣками спасенъ былъ: они кричали на мятежниковъ, чтобъ не поднимали рукъ на пастыря своего. Я, съ своей стороны, изъяснялъ имъ, что храмы Божіи заперты не мною самимъ, но съ предписанія вышняго начальства, и что я, наравнѣ съ ними, обязанъ и по совѣсти и по присягѣ всѣ предписанія въ самой точности исполнять; денегъ ни копѣйки изъ комитета не получалъ, а увѣщевалъ ихъ по назначенію военнаго губернатора.

Въ толпѣ мятежниковъ я замѣтилъ отставнаго офицера, служившаго въ севастопольскомъ артиллерійскомъ гарнизонѣ, по имени и прозванію мнѣ неизвѣстнаго, но въ лицо могу узнать, который, идя не одаль отъ меня, поощрялъ мятежниковъ къ исполненію. И покудова довели меня къ собору, нѣсколько разъ рѣшались убить дубинами, взводимыми къ головѣ моей; но все тѣми же показанными двумя служителями были удерживаемы отъ убійства.

Когда привели меня къ собору, началъ я увѣщевать ихъ, чтобъ они внутрь храма Божія, съ оскверненными убійствомъ руками, не входили, внушая, что таковая молитва не можетъ быть Богу пріятна, какъ отъ людей законопреступныхъ, поправшихъ священные законы; указывая при семъ на тѣло покойника, временнаго въ Севастополѣ военнаго губернатора Столыпина, убитое возмутителями и поверженное не далече отъ собора, на дорогѣ; убѣждая ихъ идти въ свои домы и успокоить себя. Они, услыша это, закричали: „Вишь, онъ еще и упрекаетъ насъ: убьемъ!“ Но и тутъ тѣми же двумя человѣками былъ я спасенъ, кои уговаривали мятежниковъ, что я имъ нуженъ и что я имъ долженъ служить молебствіе.

Вошедши они и введши меня въ соборъ, пустили самого идти въ олтарь, закричали: „Прикажи свѣчи затеплить и царскіе врата отворить!“, принуждая меня служить молебствіе, послѣ котораго они намѣрены искать, кого имъ нужно и предать смерти — отъ чего я ихъ удерживалъ то увѣщеваніемъ, то убѣжденіемъ и, наконецъ, заключилъ тѣмъ, что таковаго молебствія служить не буду, не умѣю и книги такой не имѣю.

Послѣ сего подходили къ самымъ царскимъ вратамъ, и одинъ изъ нихъ покусился схватить меня за ризы; но изъ раненыхъ солдатъ бывшій въ толпѣ той, коего въ лицо могу узнать, оттолкнулъ дерзновеннаго отъ меня, убѣждая другихъ-то слезами, то поклонами къ святымъ иконамъ—отойти отъ царскихъ вратъ.

Напослѣдокъ, видя они, что я на таковый дерзкій и законопреступный поступокъ молебствія имъ не служу, съ угрозами настояли дать имъ подписку въ томъ, что здѣсь чумы нѣтъ,— отъ чего, по многимъ моимъ отказамъ, вынужденнымъ нашелся, къ удаленію ихъ изъ церкви, дать бумагу слѣдующаго содержанія: „1830 года, іюня 3-го числа, свидѣтельствую, что въ городѣ Севастополѣ чумы нѣтъ. Сіе писано мною въ олтарѣ въ десять часовъ по-полудни.“ По подписѣ моемъ, я отдалъ оную діакону прочесть имъ. По прочтеніи, видя они, что я написалъ въ оной то, что чумы нѣтъ, закричали: „Написать, что и не было!“, что я и написалъ пониже, и вторично подписался. Потомъ принудили послать за печатью въ домъ ко мнѣ церковника съ своими конвойными, и, по принесеніи, была приложена оная.

По полученіи отъ меня подписки, изъ беззаконной шайки шесть человѣкъ ворвались въ олтарь чрезъ сѣверныя и южныя двери, начали въ ономъ по угламъ искать, по словамъ ихъ, контръ-адмирала Скаловскаго, утверждая, что онъ въ церкви скрылся. Я завѣрялъ ихъ въ противномъ. Толпа мятежниковъ, обругавъ меня дерзкими и постыдными словами, тутъ же подтвердила мнѣ на другой день быть въ соборѣ и служить молебствіе. „Потомъ—говорили они — взявъ благословеніе, пойдемъ по городу косить, а на другой день убьемъ и всѣхъ лекарей!“ Въ сіе время вблизи меня стоялъ показанный матросъ, съ крестомъ св. Георгія, много разъ защищавшій меня, коему я сказалъ тихонько, чтобъ остался въ церкви, что онъ и исполнилъ; но изъ толпы, вышедшей изъ церкви, два человѣка ворвались опять внутрь: они, отыскавъ, взяли его за руки и, толкая изъ церкви, увлекли за собою. И какъ до прихода ихъ, равно и по выходѣ изъ церкви, нѣкоторые изъ нихъ, при самомъ началѣ, отбивши дубинами церковную дверь, продолжали колокольный звонъ, что происходило и въ греческой и во всѣхъ церквахъ до двухъ часовъ по-полуночи.

Чрезъ нѣсколько времени другая партія мятежниковъ, во второмъ часу (по убійствѣ бригадира, карантиннаго инспектора, Стулли) по-полуночи, пришла въ соборъ и, видя меня

предъ престоломъ стоящаго въ ризахъ и читающаго Евангеліе, не рѣшилась ругаться надо мною, но только требовала отъ меня, чрезъ діакона Георгія Булашевскаго, который находился со мною въ олтарѣ, подписки о чумѣ; и когда узнали, что оная дана, вышла изъ церкви и пошла по городу, съ коею, а равно и съ первою партіею, были нѣкоторыя женщины и мальчики, вѣроятно дѣти ихъ. Изъ коихъ партій, шатавшихся съ факелами ночью по городу, изрѣдка по одному, то по два человѣка заходили въ церковь.

По-полуночи въ четыре часа, при разсвѣтѣ, по приходѣ отряда съ двумя пушками къ собору, былъ я изъ онаго препровожденъ, при отрядѣ караула, г. лейтенантомъ Вишневецкимъ, на корабль „Іоаннъ Златоустъ", куда жена и дѣти мои, за вторымъ разомъ, съ тѣмъ же отрядомъ препровождены, гдѣ я съ семействомъ моимъ находился по 27-ое іюня, откуда, по волѣ главнаго адмирала, перешелъ на транспортъ и отправился въ Одессу для выдержанія обсерваціоннаго карантина, а оттель въ Николаевъ.

Кромѣ убитыхъ во время бунта, военнаго губернатора, Столыпина и инспектора карантиннаго, Стулли, убиты: бригадный командиръ, полковникъ Воробьевъ, и коммиссаръ Степановъ, бывшій церковнымъ старостою во Владимірской церкви.

Изложивъ предъ лицомъ вашего высокопреосвященства все происшествіе, буйствомъ неистовой толпы 3-го іюня ночью произведенное, начавшееся съ восьмаго часа по-полудни, по приводѣ меня толпою въ соборъ, и кончившееся въ четыре часа по-полуночи, гдѣ я, недостойный служитель олтаря, за отвлеченіемъ увѣщеванія, между тѣмъ не преставалъ предъ престоломъ читать Св. Евангеліе, начавъ отъ св. евангелистовъ — Іоанна, прочтя Луку, Марка и немного не окончивъ Матѳея, продолжалъ чрезъ всю ночь до четырехъ часовъ утра, невольно уподобился аѳонскимъ подвижникамъ, вольно всенощное бдѣніе отъ захожденія солнца до восхожденія бодрственнѣ тамо отправляющимъ.

Преступники тогда по конфирмаціи наказаны: семь человѣкъ разстрѣляны, а прочіе — одни кнутомъ, другіе розгами, — а послѣдніе сосланы на сѣверъ, въ Бобруйскую крѣпость и по пограничнымъ крѣпостямъ, и нынѣ требуются легіоны отсель въ Кронштадтъ и Архангельскъ на службу, на мѣсто коихъ два экипажа изъ Кронштадта сюда прибыли, да и другіе грядутъ сюда.

О происшествіи, столь нелѣпомъ и несчастномъ для Севастополя, я тогда же донесъ г. оберъ-священнику, который увѣдомилъ меня, что онъ святѣйшему правительствующему синоду мой рапортъ представилъ за извѣстіе; подобный же тому есть и у Помазанника Божія.

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ.

Счастливый случай ознакомилъ насъ съ предлагаемыми здѣсь письмами. Жуковскій вошелъ въ переписку съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, когда Его Высочеству было не болѣе тринадцати лѣтъ. Для упражненія въ письменномъ слогѣ и вообще въ правильномъ изложеніи мыслей, возложена была на Великаго Князя обязанность написать въ каждое воскресенье письмо къ какому нибудь знакомому отсутствующему лицу. Эти урочныя воскресныя упражненія были отроку вовсе не по нраву, и онъ порядочно ими тяготился. Наконецъ дошла очередь и до Жуковскаго: нужно было сочинить письмо и на имя его. Отвѣтъ Жуковскаго такъ порадовалъ Великаго Князя, такъ пришелся ему по сердцу, что возбудилъ въ немъ желаніе продолжать эту переписку. Изъ заказной и невольной обратилась она въ удовольствіе и въ пріятную привычку. Вотъ исходная точка и основа писемъ, которыя нынѣ предлагаются любопытству и вниманію читателей. Послѣднее изъ нихъ писано не за долго до кончины Жуковскаго. Подлинники тщательно и съ любовью хранятся у Великаго Князя.

Первыя письма имѣютъ характеръ болѣе педагогическій. Но далѣе и далѣе они становятся все разнообразнѣе и богаче сужденіями о многихъ предметахъ. Онѣ, такъ сказать, растутъ въ занимательности и во внутренней важности содержанія своего вмѣстѣ съ годами того, къ кому онѣ писаны. Въ нихъ отзывается и обнаруживается обмѣнъ мыслей и мнѣній. Сюда входитъ и поэзія, и нравственность, и политика съ своими воззрѣніями на исторію Россіи прошедшую, настоящую и будущую; входятъ и религіозныя понятія, которыя такъ ясно и глубоко просвѣтлѣли въ умѣ и душѣ Жуковскаго, особенно въ послѣдніе года жизни его. Изъ этихъ писемъ узнаемъ новыя стороны его замѣчательной и привлекательной личности. Въ Жуковскомъ доселѣ знали поэта и нравственно-чистаго человѣка. Въ этихъ письмахъ поэтъ остается поэтомъ; нравственный благодушный человѣкъ проглядываетъ, такъ сказать, еще полнѣе, еще убѣдительнѣе во всемъ мужественномъ достоинствѣ ума независимаго и зрѣлой опытности. Но для многихъ могло быть неизвѣстнымъ и даже невѣроятнымъ, чтобы онъ такъ проницательно, такъ глубокомысленно могъ обнимать и такъ вѣрно оцѣнивать событія и важные вопросы, которые озабочивали и волновали современную жизнь. Поэтическою душою своею уединившись, весь углубившись въ первобытный міръ любезнаго своего Гомера, онъ внимательно и сердобольно слѣдитъ и за событіями дѣйствительнаго міра, который окружаетъ его. Онъ строгій судія многихъ изъ этихъ событій. Онъ любитъ и уважаетъ свободу, но онъ любитъ и порядокъ, который опирается на законахъ божественныхъ, государственныхъ и нравственныхъ, безъ которыхъ не можетъ быть свободы, а будетъ одно слѣпое своеволіе. Укажемъ въ свидѣтельство тому на сужденія его о революціи, о теоріи и практикѣ, о движеніи и застоѣ, и на другія мѣста изъ писемъ его. Все глубокомысленно обдумано и все живо и своенравно выражено. А сужденія его о Петрѣ Великомъ? Мысли его о Петербургѣ и Москвѣ въ сопоставленіи съ Константинополемъ? Мечтанія его, pia desideria, о Іерусалимѣ и окончательномъ освобожденіи

Гроба Господня, безъ новыхъ крестовыхъ походовъ, безъ кровопролитія, безъ ужасовъ рѣдко предвидимыхъ, но всегда пагубныхъ случайностей войны? Это, пожалуй, несбыточный сонъ, но какъ бы то ни было—прекрасная мечта поэтической и христіанской души.

Какой вездѣ строгій, спокойный смыслъ въ сочетаніи съ душою теплою и любящею! Въ другихъ отношеніяхъ, въ сферѣ другихъ понятій и впечатлѣній—что за свѣжесть и ясность чувства!

Вмѣстѣ съ письмами Карамзина къ императору Александру I-му и царскому его семейству, и настоящія письма вносятъ новыя сокровища въ литературу нашу и новый свѣтъ въ область нашего гражданскаго быта. Люди, службою или обстоятельствами приближенные ко двору, такъ называемые царедворцы, были всегда предметомъ строгихъ пересудовъ и нареканій со стороны людей, которыхъ обстоятельства удаляли отъ двора. Когда на придворныхъ и не было неопровержимыхъ уликъ, когда и нельзя было обвинить ихъ въ томъ или другомъ проступкѣ, не менѣе того оставались и остаются они поголовно въ *сильномъ подозрѣніи*. Не ручаемся за нравственную твердость и чистоту всѣхъ царедворцевъ, бывшихъ, нынѣ существующихъ и будущихъ: они тѣ же люди, и многіе изъ нихъ могутъ имѣть свои слабости, какъ имѣютъ свои, имъ свойственныя и, такъ сказать, родовыя слабости, другіе люди, поставленные на другой почвѣ и обращающіеся въ кругу иной дѣятельности: эта дѣятельность также можетъ имѣть свои соблазны и точки преткновенія. Жуковскій разсказывалъ, что онъ однажды былъ представленъ А. И. Тургеневымъ, нынѣ давно умершему высокому духовному лицу. Услышавъ имя поэта, пастырь сказалъ съ добродушіемъ: „Очень радъ „познакомиться съ вами: дай намъ Богъ „побольше такихъ жучковъ". Скажемъ и мы: дай Богъ для блага Россіи побольше таковыхъ царедворцевъ, каковы были Карамзинъ и Жуковскій!

Вслѣдствіе многократныхъ просьбъ нашихъ, мы получили милостивое соизволеніе напечатать слѣдующія письма. Поспѣшимъ подѣлиться ими съ читателями Русскаго Архива: эти письма послужатъ богатымъ вкладомъ для полной біографіи Жуковскаго.

Въ нихъ еще другая польза: чтеніемъ ихъ можетъ порадоваться и достойно возгордиться каждый Русскій.

Князь Вяземскій.

Ливадія, августъ 1867.

I.

Благодарю моего молодаго друга за его пріятное письмо. Я прочиталъ его съ особеннымъ удовольствіемъ, ибо вижу, что—не смотря на нѣкоторыя ошибки—есть *начало* слога. Критику грамматическую и логическую этого письма я сдѣлаю вамъ лично. Теперь скажу только одно, что въ немъ замѣтна поспѣшность: мой молодой другъ хотѣлъ поскорѣе отдѣлаться отъ своей работы, и отъ того она вышла не такова, какою бы могла быть. Знаете ли что такое слогъ? Я здѣсь повторю слова знаменитаго Бюффона; онъ говоритъ: *слогъ есть человѣкъ*. Это совершенная истина: *человѣкъ на бумагѣ* такой же точно, каковъ онъ есть въ самой жизни. Если человѣкъ имѣетъ ясныя мысли, и слогъ его ясенъ; если онъ чувствуетъ сильно, и слогъ его силенъ и горячъ; если онъ много знаетъ, и въ слогѣ его выражается это знаніе. Все это есть однако одно только основаніе слога. Къ сему основанію надобно присоединить и матеріальное знаніе языка, и искусство владѣть имъ: то есть умѣть выбирать слова и помѣщать ихъ на принадлежащемъ имъ мѣстѣ. Это искусство можете вы мало-по-малу пріобрѣсть отъ навыка. Но прежде всего будьте человѣкомъ, имѣйте ясныя мысли, высокія чувства, теплоту сердца и любовь къ правдѣ, тогда вашъ слогъ будетъ выраженіемъ прекраснаго; и тотъ,

кто будетъ васъ читать, догадается, что онъ бесѣдуетъ съ великимъ княземъ, достойнымъ своего имени и званія. Я покажу вамъ письмо, полученное мною уже по возвращеніи въ Петербургъ отъ вашего дяди короля Прусскаго; прочитавъ его, вы поймете, что такое прелесть слога, когда въ немъ выражается прелесть души живой и возвышенной.

До свиданья, молодой другъ.

Вашъ старый другъ Жуковскій.

17 Ноября 1840.

II.

Извините меня, мой милый Великій Князь, что не тотчасъ отвѣчалъ на письмо ваше: этому была печальная причина: я получилъ изъ Бадена отъ княгини Вяземской увѣдомленіе о смерти ея дочери и долженъ былъ взять на себя тяжелую обязанность объявить объ этомъ несчастіи отцу умершей. Все это самымъ грустнымъ образомъ заняло меня во весь вчерашній день.

Прежде, нежели обращусь къ вашему послѣднему письму, сдѣлаю вмѣсто предисловія одно общее замѣчаніе. Мы начинаемъ съ вами вести *переписку*. Это не значитъ, что мы будемъ *писать* другъ къ другу въ положенное время *письма;* нѣтъ, это значитъ, что мы будемъ свободно, съ довѣренностію взаимною и съ полною искренностію, *мѣняться* другъ съ другомъ мыслями, замѣчаніями и чувствами. Слѣдовательно я имѣю право ждать отъ васъ, что вы не только будете просто *писать ко мнѣ* письма, но и *отвѣчать на мои*, то есть, къ *моимъ* мыслямъ прибавлять *ваши*, требовать *объясненія* на то, что̀ вамъ покажется неяснымъ или даже дѣлать *возраженія* на то, съ чѣмъ вы останетесь не согласны. Это дастъ нашей перепискѣ и жизнь и прелесть; а къ нимъ сама собою присоединится и польза.

Обращаюсь теперь къ вашему письму. Я весьма бы желалъ прочитать то, которое вы написали о себѣ Ѳедору Петровичу (*) и отвѣтъ на него вами полученный. Прошу васъ прислать мнѣ и то и другое при слѣдующемъ письмѣ вашемъ. Между тѣмъ скажу вамъ, что ваше выраженіе: *вмѣсто того чтобы написать весь мой характеръ, я написалъ мои проступки*, для меня не совсѣмъ ясно. Что̀ вы описали, *недостатки* ли свои или *проступки?* Первые принадлежатъ къ характеру и составляютъ его дурную сторону; послѣдніе происходятъ отъ первыхъ и суть только случаи жизни, отдѣльныя дѣйствія, въ которыхъ недостатки нашего характера выражаются. Они принадлежатъ къ *исторіи* нашей жизни и составляютъ ея темную сторону. Никто не родился совершеннымъ; но достигнуть возможнаго совершенства есть цѣль нашей жизни. Наши недостатки противятся достиженію къ этой цѣли; чтобы уничтожить это сопротивленіе, надобно искоренить недостатки; чтобы имѣть возможность искоренить ихъ, надобно ихъ знать. Я очень радъ, что Ѳедоръ Петровичъ доставилъ вамъ случай сдѣлать первый шагъ на этой дорогѣ; теперь вы *знаете* свои недостатки, и въ отвѣтѣ, вами полученномъ, они разобраны съ подробностью, и вы дали себѣ слово *каждое воскресенье читать этотъ отвѣтъ*. Очень хорошее намѣреніе. Но я здѣсь долженъ сдѣлать одно замѣчаніе: не довольно того чтобы *знать*, надобно *искоренить* недостатки; и этого еще мало: надобно ихъ *замѣнить* добрыми качествами. Не имѣвъ недостатковъ, мы дойдемъ только до того, что *не будемъ дѣлать зла*. Это достоинство отрицательное, въ которомъ всякое неодушевленное созданіе насъ всегда перещеголяетъ, ибо нѣтъ ничего непорочнѣе камня, дерева и про-

(*) Ѳ. П. Литке, нынѣ президенту императорской академіи наукъ.

чее. Надобно *дѣлать добро*, и для этого, искоренивъ недостатки, запастись *добрыми качествами*. Недостатки, усиливаясь, становятся *пороками*, и тогда наша душа становится низкою, и жизнь наша навѣки испорчена. Добрыя качества, усиливаясь, обращаются въ *добродѣтели*, и тогда душа наша восходитъ на высоту, и жизнь получаетъ свое настоящее достоинство. Какое же главное средство дойти со временемъ до такой развязки? *Привычка*. Въ письмѣ своемъ къ Ѳедору Петровичу вы описали свои недостатки, онъ въ своемъ отвѣтѣ еще болѣе объяснилъ ихъ въ вашемъ понятіи. И такъ вы теперь *знаете* свои недостатки. Но это еще ничего не значитъ. И даже то, что вы будете по воскресеньямъ перечитывать письмо Ѳ. П. также значитъ весьма мало: это воскресное повтореніе будетъ только разъ въ недѣлю напоминать вамъ о томъ, что̀ вы разъ узнали. Но что вамъ за выгода отъ того, что вы будете знать, что въ васъ *то* и *то* есть дурное; надо бы дойти до того, чтобы вы наконецъ узнали, что этого дурнаго въ васъ *болѣе нѣтъ*. И такъ *привычка*. И вотъ по ней дорога: *1-я станція*: *узнать* что̀ въ васъ дурнаго. Судя по письму вашему, вы уже добрались до этой станціи. *2-я станція*: *дать себѣ вѣрное слово* дѣйствовать противъ узнаннаго недостатка всякій разъ, когда онъ противуборствуетъ нашей доброй волѣ. *3-я станція* и всѣ за нею слѣдующія (которыхъ можно насчитать множество, смотря потому, какова рѣшимость въ исполненіи даннаго себѣ слова)—*борьба* не на животъ, а на смерть *съ дѣйствующимъ недостаткомъ*. Послѣдняя станція будетъ *привычка*, которая отворитъ дверь во святилище *добродѣтели*. Всѣ мы, сколько насъ ни есть на землѣ, идемъ по этой дорогѣ; всѣхъ насъ ждетъ въ этомъ святилищѣ Богъ, создавшій насъ для Себя и насъ къ *Себѣ* призывающій. Всѣ мы на этой дорогѣ равны: и царь, и послѣдній нищій, ибо, кончивъ свою земную дорогу, мы ничего съ собою не возьмемъ, кромѣ нашей души, а все прочее, царская ли корона или рубище нищаго, останется въ одинаковомъ прахѣ. Разница только та, что рожденный на степени высокой и при жизни состоитъ подъ судомъ всенароднымъ, а по смерти, сверхъ Божія суда, предается еще и суду исторіи, которая на память его кладетъ или клеймо стыда, или вѣнецъ славы. Чтобы пояснить вамъ вышесказанное примѣромъ, укажу на оратора Демосѳена. Онъ родился заикою и имѣлъ очень слабый и даже непріятный голосъ. Но онъ *хотѣлъ* быть ораторомъ. *Узнавъ* свой главный недостатокъ, онъ *рѣшился* его искоренить. И для этого приходилъ ежедневно на берегъ моря, клалъ мелкіе камушки въ ротъ и говорилъ шумящимъ волнамъ, давая своему голосу такую силу, что и ревущія волны не могли заглушить его звуковъ. Сколько станцій онъ сдѣлалъ на этой дорогѣ, не знаю; но наконецъ онъ получилъ *привычку* говорить громко и свободно; и рѣчи его еще и теперь раздаются въ слухѣ потомства. То, что̀ сдѣлалъ Демосѳенъ для того, чтобы быть *ораторомъ*, каждый изъ насъ долженъ дѣлать для того, чтобы быть *человѣкомъ* въ настоящемъ значеніи этого слова. И ничего не можетъ быть выше на землѣ, какъ царь или сынъ царя, достойный имени человѣка.

Мое письмо сдѣлалось длинно. Если что въ немъ для васъ покажется непонятнымъ, прошу васъ въ слѣдующемъ письмѣ потребовать на то объясненія. Предметъ этого письма стоитъ того, чтобы имъ заняться съ особеннымъ вниманіемъ. Простите, обнимаю васъ отъ всего сердца.

В. Жуковскій.

10/22 Декабря 1840 г.

III.

Извините меня, Ваше Высочество, что не тотчасъ отвѣчалъ на письмо ваше. Оно не нашло меня дома, а послѣ не было времени. Благодарю за Ваши пріятныя строки и очень радъ, что между нами начинается переписка; это дастъ намъ средство сдѣлать тѣснѣе тотъ союзъ, который уже произвели между нами обстоятельства, такъ сказать, безъ нашего участія. Теперь же этотъ союзъ можетъ сдѣлаться *произвольнымъ*, основаннымъ на согласіи мыслей и чувствъ, словомъ можетъ быть *дружескимъ* союзомъ. Это правда, дружба можетъ существовать только между равными, а я Васъ вчетверо старѣе годами. Но молодость не мѣшаетъ Вамъ имѣть качества любезныя и даже достойныя уваженія. Видя Васъ часто въ близи, я конечно знаю и Ваши качества; но они болѣе выразятся для меня въ Вашихъ письмахъ, и въ такомъ случаѣ мнѣ возможнѣе будетъ усилить мое къ Вамъ чувство, познакомясь короче и болѣе *личнымъ* образомъ и съ мыслями Вашими, и съ чувствами. Вы видите изъ этого, что тутъ и дружба къ Вамъ весьма не далеко; разумѣется, не та дружба, которую производитъ тѣсное товарищество жизни, а та, которая происходитъ отъ добрыхъ свойствъ и отъ размѣна (искренняго) добрыхъ мыслей и чувствъ. Переписка въ такомъ случаѣ большой помощникъ. Но характеромъ такой переписки должны быть непринужденность, откровенность и въ тоже время обдуманность. Все это со временемъ выйдетъ изъ нашей переписки: начнемъ съ малаго, а кончимъ большимъ.

Я могъ бы сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на письмо Ваше, но откладываю это до другаго времени, ибо теперь мнѣ некогда, а не хочется оставить Вашего письма безъ отвѣта.

Вашъ старый другъ Жуковскій.

16 Декабря 1840.

IV.

Я у васъ въ долгу, мой милый Великій Князь; мнѣ надобно расплатиться. Отвѣчаю на послѣднее письмо Ваше. Я съ удовольствіемъ увидѣлъ изъ него, что написанное мною было прочитано Вами со вниманіемъ: Вы сдѣлали мнѣ нѣсколько замѣчаній, о которыхъ мнѣ будетъ весьма пріятно поговорить съ Вами. Сравненіе, мною употребленное въ письмѣ моемъ, напомнило Вамъ о *Геркулесовомъ выборѣ*; но эта древняя аллегорія изображаетъ нашу жизнь вообще, и Вамъ еще нельзя примѣнить ее къ своей жизни. Въ этой аллегоріи выражается та рѣшительная минута, въ которую человѣкъ, *готовый* вступить на поприще дѣятельности, развившійся вполнѣ, и физически и нравственно, словомъ Геркулесъ душою и тѣломъ, долженъ вдругъ обозрѣть и всѣ свои *знанія* и всѣ свои *силы* и, разглядѣвъ ясно вдали ту *цѣль*, къ которой ему на землѣ предназначено стремиться, долженъ *избрать* ту *дорогу*, которая вѣрнѣе приведетъ его къ сей предназначенной цѣли. Такого выбора еще Вы сдѣлать не можете; ибо Вы еще не имѣете ни нужныхъ для того знаній, ни тѣхъ силъ, которыя даетъ намъ одна только твердая воля и долговременная привычка. Да Вамъ еще и не время приступать къ такому выбору; теперешняя эпоха вашей жизни есть эпоха *приготовительная*; вы еще не Геркулесъ—но помните, что вамъ надобно будетъ имѣть силы Геркулесовы въ минуту рѣшительнаго выбора. И такъ готовьтесь заранѣе, дабы не найти себя слабымъ и безоружнымъ въ ту минуту, когда потребуется выступить въ трудную битву, которой развязка должнабыть—или заслуженная слава, или заслуженное посрамленіе. И такъ (чтобы продолжать нашу аллегорію) Вы теперь еще не на дорогѣ дѣятельной жизни; Вы только на дорогѣ къ тому *пункту*, на коемъ

надобно будетъ сдѣлать этотъ рѣшительный Геркулесовъ выборъ и отъ котораго начнется дѣятельная жизнь, —бой не на животъ, а на смерть, за чистую славу. Къ этому пункту надобно придти съ *запасомъ*. Въ чемъ состоитъ этотъ запасъ? Во первыхъ въ *сильной волѣ*, то есть въ томъ великомъ могуществѣ души, которымъ мы побѣждаемъ наши желанія всякій разъ, когда они противятся нашему долгу, которымъ мы все низкое приносимъ въ жертву высокому; во вторыхъ *въ знаніи*, то есть въ томъ истинномъ просвѣщеніи ума, которымъ всѣ наши понятія, всѣ наши свѣдѣнія приведены такъ сказать къ одному знаменателю, къ одному главному знанію, къ знанію *долга* вообще и къ знанію *нашего назначенія* въ особенности. *Средство скопить* въ теченіи времени къ надлежащему сроку такой запасъ состоитъ въ *привычкѣ*: съ одной стороны, въ привычкѣ *дѣйствовать собственнымъ умомъ* (относительно пріобрѣтенія знаній), съ другой стороны въ привычкѣ *дѣйствовать своею волею* (относительно утвержденія нашего въ доброй нравственности). Эта привычка вдругъ не дается, она пріобрѣтается мало-по-малу; но случаи пріобрѣтать ее представляются намъ ежедневно. Ежедневно въ маломъ мы должны дѣлать Геркулесовъ выборъ; ежедневно бываемъ обязаны предпочитать то, что̀ мы должны тому, чего мы желаемъ. Кому нынче, завтра и послѣ завтра удалось одержать надъ своимъ желаніемъ побѣду, въ томъ уже положено начало привычки. Эта привычка утвердится нѣсколькими успѣшными опытами, а съ утвержденіемъ привычки облегчится и самая борьба, и сдѣлается легче побѣда; наконецъ воля пріобрѣтетъ надлежащую силу и сдѣлается непобѣдимою. Что же *нужно* для пріобрѣтенія привычки? Во первыхъ, *рѣшимость*, одинъ разъ навсегда принятая, *дѣйствовать* какъ должно; во вторыхъ, *постоянное исполненіе* на *дѣлѣ* того, на что одинъ разъ рѣшился въ умѣ и совѣсти. Сверхъ того, нужно *знать* свои недостатки, дабы заблаговременно ихъ *искоренять* и не дать имъ обратиться въ пороки; нужно знать и *свои добрыя свойства*, дабы ихъ *усилить*, дабы наконецъ пріобрѣсти то, что̀ называется святымъ именемъ *добродѣтели*. Но основа всему и самый сильный помощникъ нашъ въ пріобрѣтеніи всѣхъ благъ душевныхъ есть вѣра въ Бога и въ Спасителя, Имъ намъ ниспосланнаго: съ сею вѣрою душа очищается, становится сильнѣе въ добрѣ, снова подымается (если, по слабости, случается ей упасть), сохраняетъ свое достоинство въ здѣшней жизни при счастіи и при несчастіи и становится достойною жизни будущей, высшей.

До сихъ поръ я говорилъ вообще. Теперь вопросъ: какъ примѣнить это общее къ Вамъ въ особенности? *Начните съ малаго*. Не загадывая слишкомъ впередъ, думайте о каждой минутѣ вашей жизни. Если чувствуете себя способнымъ къ нѣкоторой твердости, то дайте самому себѣ *твердое слово* дѣлать всегда (во чтобы то ни стало) то, что̀ велитъ должность, и давши одинъ разъ себѣ такое слово, старайтесь быть всегда ему вѣрнымъ. А чтобы это было возможно вамъ исполнить, *замѣчайте за самимъ собою*, дабы всегда вспомнить данное себѣ обѣщаніе *во̀-время*, то есть всякій разъ, когда представится вамъ необходимость сдѣлать выборъ между тѣмъ, чего вы желаете и тѣмъ, что̀ вы должны. Вспомнивъ во-время обѣщанное, Вы во-время себя и воздержите. А послѣ нѣсколькихъ подобныхъ успѣховъ начнется и привычка. Только не надобно слабѣть, а идти всегда твердымъ и ровнымъ шагомъ впередъ; и не терять бодрости, если иногда случится и неудача. Здѣсь бы могъ я разсказать Вамъ объ одномъ великомъ человѣкѣ, который былъ образ-

цомъ чистой, добродѣтельной жизни, и о томъ, какое простое, можно сказать, дѣтское средство употребилъ онъ, чтобы дойти до великаго нравственнаго совершенства. Но думаю, что для Васъ еще рано употребить для самого себя такое средство: Вы еще не имѣете нужной для этого твердости. Я сообщу Вамъ его тогда, когда на самомъ опытѣ будетъ доказано, что Вы уже умѣете владѣть собою и что на добрую Вашу волю Вы имѣете право положиться. Желаю сердечно, чтобы Ѳедору Петровичу или мнѣ довелось когда нибудь говорить съ Вами объ этомъ простомъ средствѣ.

Возвращаю вамъ ваше письмо къ Ѳ. П. и его отвѣтъ, который совѣтую перечитывать, дабы то, что̀ написано въ немъ, исполнить на дѣлѣ. Вашъ всѣмъ сердцемъ Жуковскій.

29 Декабря 1840.

V.

Я отвѣчаю поздно на три письма Ваши, мой милый Великій Князь. Не пѣняйте мнѣ. Мои теперешнія обстоятельства могутъ служить мнѣ извиненіемъ. Сверхъ того, зная, что Вы были въ отлучкѣ, я ожидалъ отъ Васъ извѣстія о Вашемъ возвращеніи. Наконецъ послѣднее письмо Ваше увѣдомило меня о вашемъ прибытии въ Петербургъ и о благополучномъ совершеніи Вашихъ морскихъ подвиговъ. Но это письмо получилъ я въ самую минуту моего отъѣзда изъ Франкфурта на Майнѣ, откуда я отправлялся къ роднымъ жены моей въ за̀мокъ Виллингсгаузенъ, находящійся во владѣніяхъ Гессенъ-Кассельскихъ. Вотъ уже два дни, какъ я здѣсь. Спѣшу Вамъ отвѣчать и поблагодарить Васъ за Ваши милыя письма. Особенно благодарю за второе письмо, въ которомъ Вы хотя коротко, но прекрасно описываете мнѣ нѣкоторые предметы, поразившіе Васъ во время Вашего путешествія. Ваша правда: маленькій домикъ Петра Великаго въ Сардамѣ есть святыня; въ него, какъ Вы говорите, всякій, даже и не Русскій, входитъ какъ въ церковь, въ которой, хотя она въ развалинахъ, ощутительно присутствіе божественнаго. Я помню минуты, которыя провелъ я одинъ въ этой низенькой хижинѣ, сидя, съ какимъ то страхомъ благоговѣнія, на томъ мѣстѣ, на которомъ сидѣлъ нѣкогда нашъ Петръ съ великими мыслями о Россіи. Мнѣ какъ будто казалось, что величественная тѣнь его стояла надо мною. Стихи, мною написанные, не выражаютъ того, что̀ въ эту минуту было у меня въ головѣ и сердцѣ и отъ чего спиралось дыханіе въ груди моей (*). Но они останутся памятникомъ минуты, важной для Россіи; минуты, въ которую Правнукъ Петра пришелъ на поклоненіе освященному имъ мѣсту. Самое радостное, самое безкорыстное чувство, возвеличивающее человѣческое сердце, есть благодарность царю созидателю, прославителю или миротворцу своего вѣка, утвердителю блага въ настоящемъ и приготовителю бо̀льшаго блага въ будущемъ. Въ этомъ чувствѣ и разноплеменники становятся родными братьями: и не Русскій благоговѣетъ съ благодарностью передъ памятью Петра въ Сардамѣ. Петръ есть для насъ представитель зиждущей силы; ему надо было провести острый плугъ по дикой почвѣ Россіи, взрѣзать нетронутую землю и разбить въ мягкую пашню огромныя твердыя глыбы; но онъ же въ эти борозды, съ великимъ усиліемъ приготовленныя, бросилъ и первыя обильныя семена, изъ которыхъ вышла богатая жатва для его потомковъ. Онъ

(*) Вотъ это четверостишіе:

Надъ бѣдной хижиною сей
Витаютъ ангелы святые:
Великій Князь, благоговѣй!
Здѣсь колыбель имперіи Твоей,
Здѣсь родилась великая Россія!

облегчилъ царственный трудъ для своихъ наслѣдниковъ. Въ наше время, посреди порядка имъ приготовленнаго, не нужны уже тѣ жертвы, кои онъ долженъ былъ приносить великимъ своимъ намѣреніямъ съ удивительнымъ самоотверженіемъ. Теперь, когда все главное устроено, Русскому царю легко быть справедливымъ, благостнымъ и умѣреннымъ, ибо уже нѣтъ нужды бороться съ дикостью невѣжества и бѣшенствомъ предубѣжденія. Справедливость царя бережетъ нравственность народа; его благость есть порука за вѣрность подданныхъ, которая вся основана на любви; а умѣренность есть тихій, но постоянный и надежный зиждитель общаго порядка.

Сдѣлаю здѣсь замѣчаніе на одно мѣсто письма Вашего. Вы говорите: *въ галлереѣ* (въ Гагѣ) *есть много хорошихъ картинъ Рембрандта* и пр. *но я не судья по этой части*. Я былъ бы доволенъ послѣднею фразою, когда бы Вы сказали: еще не можете опредѣлять достоинства высшихъ произведеній искусства. Но Вы, какъ Великій Князь, то есть, какъ назначенный имѣть вліяніе на цѣлый народъ, должны имѣть обо всемъ ясное понятіе, должны принимать участіе во всемъ, что̀ входитъ въ составъ общественной жизни. Одинъ строгій порядокъ, вслѣдствіе коего все на своемъ мѣстѣ, еще не составляетъ благоденствія общественнаго. Онъ (т. е. порядокъ) необходимъ для его (т. е. благоденствія) существованія; но онъ его еще не производитъ. При *порядкѣ* должна быть *жизнь*. Порядокъ есть и на кладбищѣ, и тамъ ничто его не нарушаетъ, но это порядокъ гробовъ. Чтобы было въ государствѣ *благоденствіе*, необходимо нужно, чтобы все, что̀ составляетъ жизнь души человѣческой, цвѣло безъ всякаго утѣсненія (но цвѣло и безъ нарушенія порядка). Изящныя искусства украшаютъ жизнь; чувство изящнаго есть одно изъ высокихъ качествъ души человѣческой; безъ этого чувства человѣкъ глухъ, нѣмъ и слѣпъ посреди великаго Божія міра, гдѣ въ *прекрасномъ* выражается Богъ, недоступный уму, но вѣдомый сердцу. Не говорите же, когда дѣло идетъ объ искусствѣ: *я не судья по этой части*. Не пренебрегайте тѣмъ, что̀ облагораживаетъ душу. Оно нужно Вамъ, какъ *человѣку*, нужно какъ *царскому сыну*, который съ своего высокаго мѣста, самъ доступный любви къ прекрасному, долженъ своимъ вліяніемъ разливать сію любовь и посреди того общества, на которое Богъ опредѣлилъ ему имѣть обширное вліяніе. Объ этомъ подробнѣе будемъ говорить съ Вами въ другихъ письмахъ. Теперь я долженъ кончить, ибо надобно письмо отправить на почту. Я не успѣлъ ничего сказать Вамъ о самомъ себѣ. Если Вы любопытны знать нѣкоторыя обо мнѣ подробности, то ихъ сообщитъ Вамъ Государь Наслѣдникъ, къ которому я имѣлъ счастіе писать. Скажу Вамъ въ немногихъ словахъ, что я совершенно счастливъ въ новой, смиренной, семейной жизни моей. Благодарю за нее ежедневно Бога. Благодарю Бога и за то, что съ сладостнымъ чувствомъ этого счастія могу сливать безпрестанно неизъяснимо-радостное чувство, что имъ обязанъ моему доброму, благотворительному Государю. Хотя я и далеко отъ Васъ, но здѣсь, въ моей семьѣ, всякій разъ, когда я радуюсь тѣмъ, что̀ теперь составляетъ сокровище моей жизни, эта радость принимаетъ на себя лице Императора, Императрицы, моего добраго Великаго Князя. Они для меня все устроили, и изъ ихъ благотвореній самое сладостное есть именно то, что имъ, которымъ посвящена была жизнь моя, могу въ полнотѣ души быть благодарнымъ. Простите, мой милый, безцѣнный Великій Князь, продолжайте трудиться съ прежнимъ вашимъ постоянствомъ, готовясь къ вашему великому званію. Не лѣнитесь писать ко мнѣ, и я буду отвѣчать Вамъ съ величайшимъ удоволь-

ствіемъ на Ваши письма и искренно дѣлиться съ Вами и чувствомъ и мыслію. Моя жена съ сердечною благодарностью приняла ваше милостивое о ней воспоминаніе. Прошу васъ сказать мое глубочайшее почтеніе ихъ Высочествамъ Государынямъ Великимъ Княжнамъ; особенно прошу сказать Ея Высочеству Александрѣ Николаевнѣ, что поэма, которой посвященіе ей угодно принять, готова въ чернѣ; что я принимаюсь ее переписывать, и что она, по напечатаніи, будетъ представлена Ея Высочеству (*). Постараюсь, чтобъ мое пребываніе за границею не осталось безплоднымъ для Русской литературы. Теперь пока я вполнѣ живу семейной жизнію, для меня новою; но впереди, какъ ясная звѣзда—возвращеніе на родину. Между тѣмъ примусь скоро за новый трудъ. Прошу обнять за меня милыхъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей; они бы несказанно меня обрадовали, когда бы каждый хотя по двѣ строки ко мнѣ написали.

Вашего Императорскаго Высочества преданный всѣмъ сердцемъ

Жуковскій.

5 (17) Сентября, 1841.
Замокъ Виллингсгаузенъ,
въ Гессенъ-Кассельскихъ владѣніяхъ.

VI.

Благодаря Ваше Высочество за любезное письмо, въ тоже время сердечно поздравляю Васъ съ новымъ годомъ, который здѣсь на Рейнѣ уже начался, а для насъ черезъ четыре дни наступитъ. До сихъ поръ встрѣчали мы его вмѣстѣ, теперь Богъ мнѣ судилъ отъ Васъ удалиться; но это меня съ вами не разлучило: всегда и вездѣ помню Васъ, всегда и вездѣ равно люблю Васъ. Но въ нѣкоторые дни года это воспоминаніе становится живѣе, и тогда чувство, похожее на тоску по отчизнѣ, влечетъ меня въ Вашъ кругъ, въ которомъ я всегда чувствовалъ себя совершенно счастливымъ: ибо сердце мое Васъ нѣжно любило, и мысль, что жизнь моя полезна для тѣхъ, кто милы сердцу, давала мнѣ особенную радость. Теперь конечно моя особенная дѣятельность перемѣнила свое назначеніе, но прежняя любовь жива въ сердцѣ и никогда въ немъ не охладѣетъ. Чего пожелать мнѣ Вамъ въ первый день года? По настоящему этотъ день такой же, какъ всѣ другіе, но онъ имѣетъ для насъ значеніе глубокое. Мы не дорожимъ минутами; мы также мало считаемъ ихъ, какъ обороты колесъ, которыхъ стукъ намъ слышится, не пробуждая нашего вниманія, когда мы переносимся изъ одного мѣста въ другое. Не успѣешь оглянуться, какъ уже минуты, быстрыя, неуловимыя минуты, слилися всѣ въ одинъ прошедшій день. Мы такъ же мало считаемъ и дни: не успѣешь осмотрѣться, какъ 365 дней слились въ одинъ прошедшій годъ. Но конецъ года имѣетъ что-то разительное, что-то таинственное. Тутъ уже невольно мысль обращается на жизнь, на ея важное знаменованіе, на ея быстроту, на ея конецъ и на то, что послѣ этого конца должно совершиться. Кому удается 70 разъ проводить старый годъ и встрѣтить новый, тотъ уже старикъ; а много ли 70? Многимъ ли удается досчитаться до 100? И что жизнь между 70 и 100? Полусмерть. Мы обыкновенно встрѣчаемъ новый годъ и провожаемъ старый въ кругу родныхъ и ближнихъ. И въ послѣдній часъ отходящаго года чувствуешь что-то тѣснѣе съ ними соединяющее; живѣе радуешься тому, что еще всѣ тѣ кого любишь на лицо, и живѣе вспоминаешь о тѣхъ, которыхъ болѣе уже нѣтъ. Самый ходъ часовъ, механически вращающихъ ходъ времени, становится для слуха живымъ голосомъ: слышишь какъ будто шаги чего-то

(*) Поэма эта есть „Наль и Дамаянти".

невозвратно уходящаго; а послѣднiй бой двѣнадцатаго часа кажется послѣднимъ вздохомъ кончившагося года. Конечно, для Васъ, въ Ваши лѣта эта быстрота безостановочно-бѣгущаго времени еще не ощутительна. Отрочество беззаботно. Молодость полна надеждами. Передъ нею вся еще жизнь впереди; она богата годами и тратитъ минуты и часы (составляющiе мелкую монету ея жизненнаго капитала), не считая ихъ; и думаетъ, что въ рукахъ ея кошелекъ неистощимый. Это характеръ живой, смѣлой молодости, и нѣтъ никакой нужды, чтобы свѣтлый взоръ ея омрачался печальною мыслью о скоротечности жизни: молодому лицу не пристали морщины заботливой старости. Но въ нѣкоторыя лѣта совершенная безпечность на счетъ времени уже не можетъ быть позволена; и, не думая о скоротечности, о невѣрности жизни, можно думать о важности настоящей минуты, которая сама собою исчезаетъ быстро, но останется вѣчно жива въ воспоминанiи, а эту вѣчную память минутѣ даетъ ея *употребленiе*. Вамъ 14 лѣтъ; Вы уже на порогѣ дѣятельной молодости, жизнь для Васъ въ цвѣту; но если счесть по пальцамъ, то уже и Вы истратили *больше пятой части* тѣхъ 70 лѣтъ, которыя составляютъ главный капиталъ жизни. На 15 году и во всякомъ званiи можно начать думать о разсчетливомъ, экономическомъ употребленiи минутъ и часовъ, обращающихся такъ быстро въ годы; а въ Вашемъ званiи, въ званiи Великаго Князя, эта разсчетливость становится строгою должностью. Вы обязаны скорѣе другихъ сдѣлаться зрѣлымъ человѣкомъ: обязаны передъ Богомъ, ибо Онъ назначилъ для васъ отборное мѣсто между людьми на землѣ, наложивъ за то на Васъ и отвѣтственность отборную; обязаны предъ своими современниками, ибо Вы стоите на виду, и Васъ уже судятъ, судятъ строго, и то что̀ оставляется безъ вниманiя въ жизни молодаго человѣка, скрытаго отъ взоровъ своимъ скромнымъ жребiемъ, то въ Вашей молодой жизни, обреченной великому, всенародному, поражаетъ вниманiе какъ пророчество (доброе или худое) будущаго, какъ признакъ добра или зла, которыя черезъ васъ должны быть со временемъ общими. Какъ ни жаль разбудить Васъ изъ золотаго, безпечнаго сна счастливыхъ младенческихъ лѣтъ, но, поздравляя Васъ съ новымъ годомъ, я долженъ сказать Вамъ: Пора! Великiй Князь, дорожите минутами и часами, изъ нихъ творятся годы; а Ваши годы должны быть радостью Русскаго народа, его честiю и пользою въ настоящемъ и славною страницею въ его исторiи. Принося Вамъ, мой милый Великiй Князь, такое поздравленiе, изливающееся изъ любящаго Васъ сердца, съ радостною увѣренностью, что оно отзовется въ Вашемъ и будетъ ему понятно, обнимаю Васъ нѣжно по прежнему моему обычаю. Надѣюсь, что Вы меня вспомните въ первый день года; думаю такъ же, что Вы вспомнили меня и 24 числа въ вечеру, на нашемъ миломъ Рожественскомъ праздникѣ. Простите!

Вашъ Жуковскiй.

28 Декабря 1841.
Дюссельдорфъ.

P. S. Я просилъ Государя Наслѣдника поздравить отъ моего имени съ новымъ годомъ Ихъ Императорскiя Высочества Великихъ Княженъ; прошу и Васъ объ томъ же. Сверхъ того, прошу Васъ сказать Ея Высочеству Великой Княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ, что я готовилъ свою поэму, которую она позволила мнѣ посвятить ей, къ новому году. Поправивъ ее въ чернѣ, я принялся переписывать (что̀ составило порядочный трудъ, ибо надобно было переписать болѣе 200 страницъ), но вотъ что вышло: переписавъ на бѣло, я перечиталъ ее и долженъ былъ еще разъ перемарать въ 50 мѣстахъ. Изъ этого вышла довольно пестрая рукопись. Надобно снова

переписывать; здѣсь писаря Русскаго съ начала міра не бывало; надобно самому приниматься за скучный трудъ, который конечно продолжится съ мѣсяцъ, и это отъ того, что у меня глаза хвораютъ. Послѣ обѣда и ввечеру при свѣчахъ не могу ни читать, ни писать, и чтобы не испортить глазъ совсѣмъ, долженъ себѣ въ этомъ отказывать. Во всякомъ случаѣ это посвященіе, хотя придетъ и поздно, будетъ подаркомъ на новый годъ, который теперь же кладу къ стопамъ Ея Высочества.

VII.

Мнѣ было несказанно пріятно получить отъ Вашего Высочества письмо, не имѣвши отъ Васъ такъ долго ни словечка и самъ не писавши Вамъ такъ долго. Благодарю Васъ. Благодарю также и за портретъ, который еще въ дорогѣ и которымъ я заранѣе радуюсь. Изъ письма Ѳеодора Петровича вижу, что онъ не одинъ, что съ нимъ и портреты В. В. К. К. Николая и Михаила Николаевичей. Прошу Васъ ихъ за меня усердно поблагодарить. На чужѣ такой подарокъ еще дороже: видѣть милыхъ отсутствующихъ однимъ воображеніемъ недостаточно. Желаю сердечно, чтобы портреты были сходны. Какъ, то есть съ кѣмъ и когда они посланы?

Ваше письмо очень любезно; но жаль, что Вы мало подробностей сообщили мнѣ о событіяхъ нынѣшняго Вашего года. Онъ былъ дѣятельнѣе прошедшаго. Вы гораздо болѣе познакомились съ моремъ и видѣли болѣе нежели прежде на сушѣ. Мнѣ было бы пріятно прочесть реляцію, вами написанную, съ минуты отправленія изъ Петербурга до минуты возвращенія въ отечественную пристань. Также желалъ бы знать, какъ Вы живете въ Царскомъ Селѣ? Что дѣлается и что обыкновенно бываетъ по вечерамъ? Какъ Вы теперь размѣщены съ тѣхъ поръ, какъ Наслѣдникъ занимаетъ покои въ большомъ дворцѣ и вообще что̀ новаго въ вашемъ теперешнемъ образѣ жизни противъ прежняго, дабы я могъ издали знать и видѣть мысленно *что* и *гдѣ* у васъ дѣлается? Въ публичныхъ листахъ извѣстій о Россіи искать нельзя: они врутъ безъ памяти; но одни врутъ съ цѣлью, а другіе, принимая вранье за чистыя деньги, повторяютъ его съ недоброжелательствомъ. Эта ненависть къ Россіи, безъ особенной причины, есть замѣчательный феноменъ нашего времени. Я говорю здѣсь о ненависти тѣхъ, кои хотятъ управлять общимъ мнѣніемъ и употребляютъ на то книгопечатаніе. Это бѣшенство, съ какимъ нѣкоторые газетчики на насъ клевещутъ, означаетъ только то, что Россія есть для нихъ самый твердый и потому самый ненавистный представитель того порядка, который они, представители такъ называемаго движенія, опрокинуть стараются. Движеніе святое дѣло: все въ Божіемъ мірѣ развивается, идетъ впередъ и не можетъ и не должно стоять. *Неподвижность* есть *смерть*, непримѣтная, тихая, но все смерть, производящая только гниль. *Движеніе*, развитіе порядка, постоянное, мирное, безъ потрясеній, но безпрестанное, есть *жизнь*. Но то что̀ эти господа называютъ движеніемъ, есть *разрушеніе*, насильственная смерть. Результатъ одинъ и тотъ же: отъ *неподвижности* гниль, отъ *разрушенія* развалины, и тамъ и тутъ *смерть*. *Жизнь* между тѣмъ и другимъ. *Останавливать* движеніе или насильственно *ускорять* его (т. е. въ обоихъ случаяхъ *мѣшать* жизни) равно погибельно. Это равно справедливо и въ жизни частнаго человѣка, и въ жизни народа. Государи и князья (между сими послѣдними и *Великіе Князья*) живутъ, можно сказать, двойною жизнью: и народною, и своею. Какъ *простые люди*, они должны понимать свое время, должны поставить

себя на высоту своего вѣка своимъ всеобъемлющимъ просвѣщеніемъ, своею непотрясаемою правдою, основанною съ одной стороны на святой любящей правдѣ Христа, а съ другой на строгой правдѣ закона гражданскаго. Какъ *представители народа*, они должны жить его жизнію, т. е. уважать его исторію, хранить то что̀ создали для него вѣка, и не самовластно, а слѣдуя указаніямъ необходимости, измѣнять то, что̀ эти же творческіе вѣка измѣнили и что̀ уже само собою стоять не можетъ. Однимъ словомъ, движеніе тихое есть *порядокъ* и *благоденствіе*, движеніе насильственное есть *революція*; а всякая революція губитъ *настоящее* въ пользу *будущаго*, которое никогда не бываетъ такимъ, какимъ хотятъ создать его разрушители настоящаго. Но я далеко ушелъ отъ газетчиковъ, нападающихъ на нашу Святую Русь. Оставимъ ихъ въ покоѣ: *они* нашего покоя не разрушатъ.

Возвращаюсь къ самому себѣ, чтобъ дать вамъ отчетъ въ моей жизни, весьма впрочемъ не богатой происшествіями. Въ ней нѣтъ ничего блестящаго, но я могу назвать ее счастливою. Я всегда видѣлъ возможное *земное* счастіе въ жизни семейной: теперь эту жизнь Богъ даровалъ мнѣ. Прошу Его, чтобъ Онъ и сохранилъ мнѣ даръ свой. Вы пишите о моемъ возвращеніи въ Россію и спрашиваете, скоро ли я возвращусь? Я этого не знаю. Государь, которому я всѣмъ обязанъ, осыпавъ меня милостями, безъ коихъ мнѣ было бы невозможно и подумать имѣть то, что̀ теперь имѣю, позволилъ мнѣ жить согласно съ требованіемъ моихъ обстоятельствъ. Я поселился въ Дюссельдорфѣ не по выбору—здѣшняя сторона не имѣетъ ничего привлекательнаго (кромѣ развѣ академіи живописи); я поселился здѣсь подлѣ родныхъ моей жены и здѣсь проведу первое время семейной моей жизни, во первыхъ для того, чтобы безъ всякаго разсѣянія, собственно для себя, пожить своею тихою, смиренною, семейною жизнію, занимаясь на просторѣ литературою (въ этомъ отношеніи пока я сдѣлалъ еще весьма мало и до сихъ поръ жилъ спустя рукава, какъ говорится, но теперь пойдетъ дѣло иначе); во вторыхъ для того, чтобы здѣсь *на чужѣ* приготовить свою жизнь *на родинѣ*, т. е., проживъ съ возможною экономіею нѣсколько времени, скопить столько, чтобы начать какъ должно свою домашнюю жизнь по возвращеніи въ милое отечество. Англичане, чтобы поправить свои разстроенныя дѣла, уѣзжаютъ на нѣсколько времени на континентъ и тамъ экономіею (которая становится легче *внѣ всѣхъ отношеній общественныхъ на чужѣ не существующихъ*) возстановляютъ то что̀ разстроила жизнь въ отечествѣ. Я напротивъ хочу здѣсь на чужѣ *приготовить* свою жизнь на родинѣ, дабы съ самаго начала она не разстроилась и пошла добрымъ порядкомъ.

Сколько продолжится эта приготовительная жизнь, я не знаю; но всѣ мои планы будущаго относятся къ тому будущему, которое для меня только въ Россіи существуетъ и существовать можетъ. Между тѣмъ, какъ сказалъ выше, дамъ на просторѣ волю перу и можетъ быть (если что нибудь не разрушитъ моего мирнаго настоящаго) являюсь къ Вамъ съ добрымъ запасомъ измаранной бумаги. Между тѣмъ стоустая молва не обманула Васъ: *я перевожу Одиссею*. Съ греческаго, спросите Вы? Нѣтъ, не съ греческаго, а вотъ какъ: здѣсь есть профессоръ, знатокъ греческаго языка; онъ переводитъ мнѣ *слово въ слово* Одиссею, т. е. подъ каждымъ греческимъ словомъ ставитъ нѣмецкое. Изъ этого выходитъ нѣмецкая галиматья; но эта галиматья даетъ мнѣ порядокъ словъ оригинала и его *буквальный* смыслъ, поэтическій же смыслъ даетъ мнѣ нѣмецкій переводъ Фосса и нѣсколько другихъ переводовъ въ прозѣ, одинъ нѣмецкій и два французскихъ

и еще одинъ архиглупый русскій (въ прозѣ). Изъ всего этого я угадываю *истинный* смыслъ греческаго оригинала и стараюсь въ переводѣ своемъ наблюдать не только *вѣрность поэтическую*—что главное — но и *вѣрность буквальную*, сохраняя по возможности и самый *порядокъ* словъ, что на нашемъ языкѣ довольно возможно съ помощью перестановокъ (inversion), которыя нашему языку свойственнѣе всѣхъ другихъ новыхъ языковъ.

Для чего я выбралъ этотъ трудъ? Для того, чтобъ дать себѣ великое наслажденіе выразить на нашемъ языкѣ во всей ея дѣтской простотѣ поэзію первобытную: буду стараться, чтобы въ Русскихъ звукахъ отозвалась та чистая гармонія, которая впервыя раздалась за 3000 лѣтъ передъ симъ, подъ яснымъ небомъ Греціи. Это наслажденіе полное. Новѣйшая поэзія, конвульзивная, истерическая, мутная и мутящая душу, мнѣ опротивѣла; хочется отдохнуть посреди свѣтлыхъ видѣній первобытнаго міра. Если же напишу что нибудь *свое*, то оно будетъ далеко отъ той горячки, которая теперь кипитъ во всемъ и вездѣ производитъ бредъ сумасшествія. Очень радъ, что Вы любите Одиссею; я самъ люблю ее болѣе Иліады. Въ Иліадѣ болѣе высокихъ, поэтическихъ образовъ; въ Одиссеѣ вся жизнь давно минувшаго во всей ея дѣтской беззаботности и въ неподдѣланномъ простодушіи. Если Богъ дастъ мнѣ кончить начатый трудъ, то Одиссея моя будетъ посвящена Вамъ. Просите Бога, чтобы далъ здоровья Вашему поэту, и чтобы *сберегъ* ему то счастіе, коимъ такъ милосердо его наградилъ. Скоро отправлю къ Вамъ Наля и Дамаянти; эта поэма давно переписана, и я не умѣю сказать, почему еще не послана; главною причиною этой задержки то, что я не написалъ еще моего посвященія, которое давно готово въ мысляхъ, но не перешло еще изъ головы въ перо. Эти поэтическіе капризы весьма часто бываютъ у Музъ и у покровительствуемыхъ ими поэтовъ. Прошу Ободовскаго прочитать Вамъ Наля и Дамаянти. Эта поэма опять написана гекзаметрами; надобно однако забыть о гекзаметрахъ и читать ихъ, какъ прозу: это Ободовскій знаетъ лучше другихъ. А Васъ прошу сообщить мнѣ Ваши замѣчанія о моей поэмѣ. Эта индійская поэзія имѣетъ прелесть несказанную, и свѣтлая простота ея стоитъ наравнѣ съ гомерическою. Простите, мой милый Великій Князь, обнимаю васъ всѣмъ сердцемъ и прошу писать ко мнѣ чаще.

Жуковскій.

28 Окт. (9 Нояб.) 1842. Дюссельдорфъ.

VIII.

Порадуйтесь со мной, мой милый Великій Князь: Богъ далъ мнѣ милую дочку, и я узналъ такое счастіе, которое превосходитъ всякое другое на свѣтѣ—счастіе отца. Увѣренъ, что это извѣстіе обо мнѣ будетъ вамъ по сердцу. Вашъ портретъ и портреты Вашихъ братцевъ были мнѣ подаркомъ при рожденіи моей дочери. Я принялъ это за доброе предзнаменованіе для ея жизни. Благодарю васъ изъ глубины сердца.

Прошу Васъ взять на себя трудъ: сказать отъ моего имени Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Государынямъ Великимъ Княжнамъ Ольгѣ и Александрѣ Николаевнамъ, что я смѣю надѣяться, что онѣ примутъ милостивое участіе въ моей радости. Дочь моя научится поминать съ любовью ихъ милыя имена, учась благословлять семейство Царя своего.

Обнимаю Васъ всѣмъ сердцемъ.

Жуковскій.

7 (19) Ноября 1842.

Дюссельдорфъ.

IX.

Господинъ Ободовскій, доставившій мнѣ письмо Вашего Императорскаго Высочества, обѣщался взять отъ меня къ Вамъ отвѣтъ; но онъ не могъ этого сдѣлать, потому что на возвратномъ пути не нашелъ меня во Франкфуртѣ: я лѣчился въ Швальбахѣ. Зная, что Ваше Высочество еще странствуете по морю и по суху, я отложилъ отвѣчать Вамъ до возвращенія Вашего въ Петербургъ. Теперь Вы тамъ, и я спѣшу изъявить Вашему Высочеству искреннюю благодарность за удовольствіе, которое мнѣ сдѣлало любезное письмо Ваше. Давно уже лишенъ я былъ подобнаго; но молчанія Вашего я не ставилъ на счетъ забвенія (ибо знаю, что Вы не забывчивы и что добрыя чувства въ Васъ постоянны), а просто полагалъ, что разнообразныя занятія владѣли вполнѣ Вашимъ временемъ, и я твердо увѣренъ, что Ваше время не было потеряно.

Теперь Вы опять на родинѣ. Множество разнообразныхъ предметовъ, промчавшихся въ послѣднее время передъ Вашими глазами, должны казаться теперь, въ тишинѣ воспоминанія, чуднымъ сновидѣніемъ. Но изъ письма Вашего, еще до отъѣзда Вашего написаннаго, для меня очевидно, что сновидѣнія начались для Васъ прежде самаго сна. Вамъ уже на Невѣ грезился щитъ новаго Олега на вратахъ Цареграда, и Вы уже собирались на всякій случай многое намотать на усъ Вашъ, который, какъ Вы пишете, еще у Васъ не выросъ. Весьма бы хотѣлось мнѣ знать, что̀ Вы намотали на этотъ начинающійся усъ и съ какими замыслами возвратились изъ Цареграда въ Петроградъ. Между тѣмъ скажу Вамъ, что мнѣ весело видѣть, какъ въ молодой груди Русскаго Великаго Князя кипитъ безотчетное желаніе дѣлъ знаменитыхъ. Но здѣсь радуетъ не *возможность*, что отъ него будутъ дѣла знаменитыя (ибо въ наше время нужны не дѣла славы, озаряющія только немногихъ избранныхъ, а дѣла правды, Божіей правды, благодѣтельныя для всѣхъ и каждаго), здѣсь радуетъ самое это *стремленіе* выйдти изъ среды обыкновеннаго, стремленіе, съ которымъ естественно соединяется и *способность* совершить необыкновенное. Хорошо, когда въ молодости кипитъ въ груди горячка дѣлъ. Опытность зрѣлыхъ лѣтъ, подкрѣпленная знаніями, изъ которыхъ извлекаются правила (служащія компасомъ жизни) и озаренная свѣтомъ христіанства (безъ котораго жизнь не имѣетъ никакого смысла), скажетъ *что, какъ* и *для чего* дѣлать. Вашъ сонъ о щитѣ Олеговомъ имѣетъ свое поэтическое достоинство; въ практическомъ отношеніи онъ просто сонъ, и желаю, чтобъ онъ навсегда остался сномъ несбывшимся. Эта Византія—роковой городъ. Ею рѣшилось паденіе Рима. Съ тѣхъ поръ, какъ она стала второю главою Имперіи и какъ первую оторвали и раздавили сѣверные народы, она сдѣлась предметомъ хищничества дикихъ ордъ *извнѣ* и вертепомъ гнуснаго разврата *внутри*. Она влекла къ себѣ и нашихъ воинственныхъ предковъ, но походы Олега и Игоря были только славные разбои. Святославъ имѣлъ болѣе успѣха, но онъ влюбился въ завоеванную имъ страну, позабылъ свою Россію и дорого заплатилъ за это. Уже и Петербургъ (изъ котораго на отдаленной, завоеванной границѣ царства могучая рука Петра *прорубила намъ окно въ Европу*) сдѣлалъ то, что Россія стала одною огромною пристройкою сѣверной, полугерманской торговой пристани и что отечественная Москва, со всѣмъ прошедшимъ исторической Руси, теперь отброшена въ глубину ея, какъ будто пренебреженная. Съ тѣхъ поръ, заглядываясь въ это окно, передъ которымъ Европа показываетъ намъ свои Китайскія тѣни, мы забываемъ смотрѣть на существенную, могучую, полную собствен-

ной жизни Россію. Но что бы было, если бы эта сила Петра, вмѣсто того, чтобы съ великимъ напряженіемъ созидать на болотѣ гранитный Петербургъ, овладѣла на Босфорѣ великолѣпнымъ Цареградомъ? Куда бы дѣвалась тогда Русская Москва? Въ Царьградѣ, который по своему чудесному положенію между двухъ знаменитыхъ морей, по всѣмъ окружающимъ его очарованіямъ природы, искусства и воспоминаній историческихъ (намъ NB. чуждыхъ)— имѣетъ полное право быть столицею великой имперіи, православные Русскіе Цари исчезли бы для Россіи за стѣнами султанскаго сераля, вновь обращеннаго во дворецъ Византійскихъ властителей. Нѣтъ, избави Богъ насъ отъ превращенія Русскаго царства въ имперію Византійскую. *Не брать и никому не давать Константинополя*, этого для насъ довольно. Нѣтъ, Россіи, для ея блага, для ея истиннаго величія, не нужно внѣшняго ослѣпительнаго великолѣпія; ей нужно внутреннее, не блистательное, но строго-постоянное, національное развитіе. Нужно, чтобы и народъ, удивительный своимъ могучимъ, свѣжимъ характеромъ, своею употребительностью на все, своимъ здравымъ, свѣтлымъ умомъ, своею дѣтскою воспріимчивостію вѣры христіанской, своею покорностію, еще непотрясенною, власти верховной, пріобрѣлъ всѣ блага общежитія; но пріобрѣлъ ихъ не вдругъ, какъ того хотѣло нетерпѣливое стремленіе Петра, даровавшее ему вдругъ Европейскую внѣшнюю образованность, но тихимъ ходомъ благотворящей правды, не жертвуя настоящимъ будущему, ничего не измѣняя безъ нужды, извлекая законъ изъ одной божественной правды, уваженіемъ къ закону укореняя въ сердцахъ чувство законности, ученіемъ пастырскимъ распространяя живую вѣру, давая здравую пищу просвѣщенія; просвѣщеніемъ, основаннымъ на христіанствѣ, очищая нравы, и такимъ образомъ безъ потрясеній возводя народъ въ опредѣленное свыше для него человѣческое и гражданское достоинство. Въ наше время стало ясно, что могущество истинное не въ огромности государствъ, а въ ихъ внутреннемъ благоденствіи заключается: Наполеонъ не устоялъ на своемъ всеміpномъ престолѣ, насиліемъ утвержденномъ на общемъ порабощеніи. Лучше тѣхъ границъ, которыя теперь имѣетъ Россія, и выдумать ей невозможно (хотя впрочемъ и теперь уже есть для нея бѣдственные излишки); но горе, если мы захотимъ распространяться! Внутри же Русь для внѣшняго врага неприкосновенна (сохрани ее Богъ отъ враговъ внутреннихъ). Источники ея богатства (не всѣ еще открытые и разработанные) неистощимы; въ ней есть довольно мѣста для тройнаго народонаселенія, и на тронѣ Русскомъ Самодержавіе, т. е. неограниченная власть дѣйствовать для блага, покорствуя Божіей Правдѣ—какая чудесная перспектива для будущаго и Царей и народа Русскаго! Можетъ ли въ этой величественной картинѣ занять мѣсто *завоеваніе*, т. е. минутная слава одного на счетъ благоденствія многихъ? (Здѣсь разумѣю я всѣ *завоеванія* à la Napoleon, а не тѣ необходимыя завоеванія, которыя созидаютъ могущество и самобытность народовъ; но всѣ такого рода завоеванія для Россіи уже вполнѣ совершились). Вотъ Вамъ и мой мотокъ на выростающій усъ Вашъ. Не выдаю словъ моихъ за правду, а просто за мое личное мнѣніе.

Ваше Высочество весьма бы меня обязали и порадовали, когда бы доставили мнѣ быстрый обзоръ всего Вашего путешествія. Между тѣмъ пока Вы странствовали по морямъ, какъ сѣверный Одиссей, я не лѣнился путешествовать съ своимъ греческимъ и вслѣдъ за нимъ проѣхалъ уже 12 станцій: это значитъ, что уже у меня переведено 12 пѣсней Одиссеи. И я былъ бы уже у пристани, когда бъ не за-

держала меня болѣзнь на дорогѣ. Съ послѣднихъ мѣсяцевъ прошлаго года до нынѣшняго лѣта я все хворалъ; потомъ ѣздилъ лѣчиться въ Швальбахъ; потомъ былъ долженъ сдѣлать другія поѣздки—словомъ, около года почти провелъ я, не видавшись съ моимъ героемъ. Теперь опять начинаю съ нимъ бесѣдовать, и великая была бы для меня радость, когда бъ я могъ при возвращеніи моемъ въ Россію представить его Вамъ точно въ такомъ видѣ, въ какомъ его зналъ Гомеръ, но говорящаго чистымъ, для всѣхъ привлекательнымъ языкомъ Русскимъ. Этимъ переводомъ Одиссеи, если Богъ поможетъ мнѣ его совершить какъ должно, надѣюсь нѣсколько времени пожить въ памяти отечества. Надежда занять уголокъ въ этой памяти имѣетъ великую прелесть. Но не она привлекаетъ меня, а самый трудъ; ибо нѣтъ ничего очаровательнѣе чистой поэзіи. Повторять вѣрно на своемъ языкѣ то, что̀ гармонически сказано было ею въ тѣ первобытныя времена, когда она еще говорила младенческимъ языкомъ природы и истины, есть неописанное наслажденіе; и это наслажденіе даетъ мнѣ изобильно бесѣда съ моимъ Гомеромъ, который могучь какъ Зевесъ-Громовержецъ, чистъ какъ Харита, простодушенъ какъ Психея и говорливъ какъ лишенный зрѣнія старикъ-прорицатель, которому въ слѣпотѣ его видится прошедшее и будущее, и который знаетъ, что около него толпится многочисленный народъ, внимающій чудному его пѣснопѣнію.

За симъ простите. Прошу Васъ обнять за меня моего добраго, всегда мнѣ любезнаго Ѳедора Петровича, котораго увѣряю въ неизмѣнномъ къ нему дружескомъ уваженіи. Пожмите руку Гримму и попросите мнѣ благословенія отъ нашего добраго душепастыря В. Б. Баженова. Богъ съ Вами, мой милый Великій Князь. Буду съ нетерпѣніемъ ожидать Вашей резолюціи, въ которой прошу убѣдительно не отказать мнѣ. Жуковскій.

21 Октября (2 Ноября) 1845.
Франкфуртъ на Майнѣ.

Прошу Васъ напомнить обо мнѣ Ихъ Высочествамъ В. К. Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу; увѣряю ихъ въ искренней, сердечной къ нимъ привязанности.

X.

Приношу Вашему Императорскому Высочеству мое сердечное поздравленіе съ Вашимъ для всѣхъ насъ радостнымъ обрученіемъ. Прошу Бога о ниспосланіи Вамъ счастія, Васъ достойнаго, т. е. согласнаго и съ Его волею, и съ Вашимъ желаніемъ. Обрученіе Ваше, *теперь* совершившееся, кажется мнѣ какимъ-то свѣтлымъ предзнаменованіемъ: въ то самое время, когда все потемнѣло въ Европѣ, Россія празднуетъ семейный праздникъ Царя своего. Такъ оно и будетъ! Великое Русское семейство, въ то время, когда другіе народы Европы начинаютъ домашнюю ссору съ своими государями, останется въ твердомъ согласіи съ богоданнымъ Отцемъ своимъ. Хорошо такъ же, что за нѣсколько дней было у насъ отпраздновано и пятидесятилѣтіе Русскаго фельдцейгмейстера: Русскія пушки много значатъ теперь и много значили во всѣ времена. Теперь у каждаго Русскаго повторится то, что̀ въ день торжества Бородинскаго было отъ имени молодаго войска сказано старому, на поляхъ Бородинскихъ положившему жизнь свою:

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли!
Нашу Русь вы намъ спасли.
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Въ свой чередъ мы грудью станемъ,
Если Царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать.

Жуковскій.

1848. 8 Марта н. с.
Франкфуртъ на М.

XI.

Пользуюсь проѣздомъ курьера, чтобы принести Вашему Императорскому Высочеству сердечную мою благодарность за Ваше письмо, которымъ Вы меня порадовали: въ немъ весь слогъ Вашего ребячества, въ которое Вы такъ много мнѣ показывали дружбы. Le style c' est l'homme, говоритъ Бюффонъ. Изъ этого слова могу заключить, что и Вы тоже, чтò слогъ Вашъ, т. е. что Вы по старому добрый другъ Вашего устарѣлаго Жуковскаго.

Я не могу писать теперь много: этому мѣшаютъ больные глаза мои, которые почти мѣсяцъ лишаютъ меня возможности приняться за какое нибудь дѣло. Я хотѣлъ только сказать Вамъ, какъ меня много обрадовало письмо Ваше. Еще долженъ сказать объ одномъ: первыя XII пѣсенъ Одиссеи переведены и почти напечатаны. Скоро печатаніе кончится. Основываясь на Вашемъ позволеніи посвятить Вамъ мой переводъ, я выставилъ въ началѣ тома Ваше имя; надѣюсь, что Вы мнѣ за это пѣнять не будете. Вамъ Одиссея принадлежитъ по праву: Вы на своемъ Русскомъ кораблѣ посѣтили всѣ тѣ мѣста, которыя за 3000 передъ симъ лѣтъ видѣлъ Одиссей. Что разсказалъ о немъ Гомеръ за тысячу лѣтъ до Р. Х., то переводчикъ Гомера въ XIX вѣкѣ послѣ Р. Х. посвящаетъ Русскому Одиссею; желаю, чтобы русское эхо греческой лиры было пріятно для Вашего слуха.

Въ заключеніе приношу Вашему Высочеству сердечную благодарность за драгоцѣнный Вами мнѣ сдѣланный подарокъ, за списокъ Вашею рукою манифеста, въ которомъ выразилась вся царская душа великаго Императора, говорящаго своему народу языкомъ, его достойнымъ и понимаемаго вѣрнымъ народомъ съ довѣренностью и любовью. Этотъ манифестъ потрясъ все сердце Имперіи. Онъ и здѣсь поразилъ своимъ великимъ смысломъ безсмысленныхъ возмутителей. Но я долженъ кончить: курьеръ уѣзжаетъ. Благослови Васъ Богъ и водвори Свою благость надъ Вашимъ начинающимся семействомъ. Жуковскій.

19 Апрѣля (1 Мая) 1848. Франк. на М.

XII.

Пользуюсь случаемъ, чтобы представить Вашему Императорскому Высочеству два тома сочиненій моихъ, вышедшихъ изъ печати; въ этихъ томахъ все новое. Въ послѣднемъ найдете Вы и первыя XII пѣсней Одиссеи, которой переводъ посвященъ Вашему имени. Примите благосклонно эту младшую дочь мою. По обычаю всѣхъ стариковъ, я люблю ее, рожденную мною на старости, болѣе всѣхъ моихъ старшихъ дѣтей, изъ которыхъ первое родилось за 50 лѣтъ передъ этимъ. Заключаю письмо мое желаніемъ Вашему Высочеству всѣхъ возможныхъ благъ и коротенькимъ словцомъ, которое заставляеть прыгать отъ радости мое сердце: *до скораго свиданья!* Жуковскій.

6 (28) Мая 1848.
Франкф. на М.

XII.

Пишу съ растроганнымъ сердцемъ къ Вашему Императорскому Высочеству: это письмо есть въ тоже время и сердечная за Васъ молитва къ Богу, открывающему Вамъ въ нынѣшній день дорогу къ лучшему, чистѣйшему земному счастію; да будетъ Онъ Вамъ на ней хранительнымъ путеводителемъ. Передъ Вами два поприща: одно широкое, на виду у отечества, современниковъ и потомства; за то, чтò будетъ Вами совершено на этомъ поприщѣ, Вы дадите отчетъ теперь Россіи, потомъ Исторіи. Другое *свое*, домашнее, болѣе тайное; за то чтò будетъ на немъ, Вы дадите

отчетъ одной Вашей душѣ. Хотя оно не столь блистательно, какъ первое, но оно болѣе дѣйствуетъ на насъ, развивая нашу внутреннюю жизнь и такимъ образомъ образуя насъ и для дѣйствій публичныхъ. На первомъ многое не зависитъ отъ нашей воли: обстоятельства внѣшнія могущественно ею управляютъ; здѣсь, напротивъ все мы сами, и наша судьба есть вѣрный отголосокъ души нашей. Богъ не даровалъ мнѣ счастія быть въ этотъ день съ Вами: я былъ на дорогѣ въ Россію, холера отбросила меня на югъ Германіи. И теперь, вмѣсто того, чтобы радоваться вмѣстѣ съ Русскимъ народомъ новому семейному счастію въ домѣ царскомъ, я долженъ скучать на чужѣ, окруженный безумными смутами, которыхъ хорошая сторона для меня та, что они живѣе убѣдятъ всѣхъ Русскихъ въ томъ, какое великое сокровище заключается въ этомъ историческомъ, патріархальномъ, сыновнемъ подданствѣ Царю, которое изъ великаго царства дѣлаетъ одно великое семейство. Теперь болѣе нежели когда нибудь подымается душа моя при мысли о томъ, что̀ такое наша Россія, наша Святая Русь, какая передъ нею лежитъ дорога и къ чему она дойдти предназначена. Какое будетъ для меня счастіе, возвратясь въ отечество, говорить съ Вами объ этомъ святѣйшемъ для насъ обоихъ предметѣ, въ особенномъ кругу Вашего семейства! Теперь буду на все что̀ вокругъ меня творится, глядѣть со стороны; между тѣмъ займусь окончаніемъ начатаго дѣла, которое въ тоже время будетъ и чистымъ источникомъ наслажденія и лѣкарствомъ отъ всего печальнаго, что̀ производитъ необходимо все внѣшнее, хотя оно для меня и чужое. Я послалъ Вамъ давнымъ давно отпечатанную 1-ю часть Одиссеи; опираясь на Ваше позволеніе, лично Вами мнѣ данное, я позволилъ себѣ посвятить переводъ мой Вашему имени; не знаю, получили ли Вы мою посылку. Ласкаюсь надеждою, что приношеніе Вамъ моего послѣдняго (и кажется) значительнаго труда поэтическаго не будетъ Вашему Высочеству непріятно. Надѣюсь, что къ возвращенію моему въ Россію и послѣдняя часть Одиссеи будетъ окончена, можетъ быть и отпечатана.

Прошу Ваше Высочество быть за меня изъяснителемъ всѣхъ добрыхъ моихъ желаній передъ Государынею Великою Княгинею; такъ же прошу Васъ положить къ стопамъ Ихъ Величествъ мое благоговѣйное поздравленіе.

Вашего Императорскаго Высочества покорнѣйшій слуга Жуковскій.

30 Августа 1848.

Баденъ-Баденъ.

XIV.

Какъ я радовался мыслію, что увижу Ваше Императорское Высочество въ Варшавѣ! Не далось мнѣ это счастіе! А какъ было бы мнѣ весело передать изъ рукъ въ руки второй томъ Одиссеи и порадоваться Георгіемъ, блестящимъ на груди вашей подлѣ красавицы—Маріи Терезіи. Тѣмъ грустнѣе для меня здѣсь Ваше отсутствіе, что все окружающее меня, въ такую чудную, славную эпоху Русской исторіи, погружено въ уныніе: мы теряемъ сокровище, каждому изъ насъ драгоцѣнное, мы скорбимъ съ Государемъ нашимъ о утратѣ блага, которое ничѣмъ для него замѣнено быть не можетъ. Этотъ, насъ покидающій, былъ чистая душа, нѣжное, доброе сердце, воплощенная правдивость и честность. Все въ рукѣ Божіей; но здѣсь, кажется, надлежитъ ожидать самаго горестнаго конца, или Богъ долженъ послать Свое чудо. Тяжело мнѣ такъ писать къ Вашему Высочеству. Тяжело мнѣ и уѣхать отсюда, не видавъ Васъ; но я долженъ возвратиться къ больной женѣ моей,

которой нельзя будетъ нынѣшнею зимою прiѣхать въ Россiю. Ваше Высочество несказанно меня обрадуете, если благоволите мнѣ написать строчки двѣ въ отвѣтъ на это письмо; вѣроятно я уже скоро буду въ Баденѣ. Мой адресъ: A Bade-Bade, au Graben, maison Kleinmann.

Съ глубочайшимъ почтенiемъ Вашего Императорскаго Высочества покорнѣйшiй слуга В. Жуковскiй.

Варшава. 24 Августа 1849.

XV.

Спѣшу отвѣчать на письмо Вашего Императорскаго Высочества, вчера мною полученное. Оно и порадовало меня и опечалило. Порадовало тѣмъ, что оно удивительно мило, а опечалило тѣмъ, что я уже написалъ и послалъ письмо къ Ѳ. П. Лютке, въ которомъ крѣпко пѣнялъ Вашему Высочеству за Ваше молчанiе, и что мнѣ, по полученiи Вашего письма, стало еще крѣпче жаль, что я такъ распѣтушился не во-время. Но эта пѣтушность доказываетъ только то, что мое сердце живо къ Вамъ привязано. Обращаюсь къ веселой сторонѣ Вашего письма. Оно обрадовало меня тѣмъ, что такъ *мило*: это значитъ, что я нашелъ въ немъ всю ту свѣтлую, молодую, живую доброту Вашего сердца, какая мнѣ въ немъ знакома была во время-оно, въ Вашемъ ребячествѣ. Сохрани Вамъ ее Богъ на всю жизнь, давъ ей созрѣть и сдѣлаться постоянною спутницею твердой воли и животворительницею строгаго разсудка. Письмо Ваше порадовало меня еще потому, что я (не получая такъ долго Вашихъ писемъ) былъ прiятно удивленъ, нашедъ въ этомъ послѣднемъ письмѣ зрѣлый, живой и правильный Русскiй слогъ: это снова доказало мнѣ истину того, что̀ говоритъ Бюффонъ: le style c' est l' homme. Вы созрѣли, и съ Вами незамѣтно созрѣлъ и языкъ Вашъ, хотя, конечно, Вы не занимались особенно *искусствомъ* писателя. Но и въ этомъ отношенiи понравился мнѣ слогъ Вашъ. онъ граматически правиленъ, что̀ не всегда соединено бываетъ съ естественною живостiю и прiятностiю. Письмо Ваше наконецъ порадовало меня и въ поэтическомъ отношенiи. Вы говорите мнѣ о моей Одиссеи не одни общiя фразы; Вы говорите мнѣ именно то, что̀ я желалъ бы слышать отъ всякаго, имѣющаго поэтическое чувство и зоркiй вкусъ, читателя. И меня радуетъ какъ автора то, что Вы съ этимъ свѣжимъ, никакими школьными правилами не испорченнымъ, чувствомъ, нашли въ моемъ переводѣ именно то, къ чему я наиболѣе стремился, и безъ чего, какое бы ни имѣлъ впрочемъ достоинство переводъ, онъ былъ бы не годенъ: простоту святой, непорочной, дѣвственной древности. Если Вы, не зная, какъ и я, по-гречески, поняли изъ моей Одиссеи что̀ такое трехтысячелѣтнiй старикъ Гомеръ; если онъ, въ моемъ съ него снимкѣ, представился Вамъ простосердечнымъ, вдохновеннымъ сказочникомъ, бродящимъ изъ города въ городъ, изъ селенiя въ село, поющимъ или разсказывающимъ, подъ звуки лиры, сказки о славныхъ дняхъ старины, просто, неукрашенно, болтливо, и если и у Васъ зашевелились волосы на головѣ отъ его непритворнаго вдохновенiя почти также, какъ за 3000 лѣтъ они шевелились у старыхъ и молодыхъ на собранiяхъ народныхъ, — то, конечно, работа моя удалась и въ разговорѣ моемъ съ поэтомъ, отдѣленномъ отъ меня почти 30-ю вѣками, *сердце сердцу вѣсть подало*. Какъ должно переводить Гомера, о томъ я сказалъ въ отрывкѣ, помѣщенномъ вмѣсто предисловiя въ началѣ Одиссеи. Желаю знать отъ Васъ, исполнилъ ли я эти условiя. Но, возвращаясь къ письму Вашему, скажу, что я радуюсь не *за себя* особенно Вашими замѣчанiями на переводъ мой

(Вы меня хвалите), но особенно *за Васъ*; и эти замѣчанія столько же бы меня за Васъ обрадовали, когда бы они были строгимъ неодобреніемъ труда моего; радуюсь за Васъ тому, что вижу изъ написаннаго Вами, какъ Вамъ доступна поэзія. И счастлива душа, которой доступна поэзія,—сокровище *здѣшней* жизни. Не стану здѣсь изъяснять, что̀ я разумѣю подъ словомъ поэзія и что такое поэтъ (если хотите знать объ этомъ мое мнѣніе, то не полѣнитесь прочитать мое письмо къ Гоголю, напечатанное въ Москвитянинѣ, въ какомъ № не знаю, спросите у Плетнева). Что же значитъ *отсутствіе* поэзіи, это ясно показываетъ наше бѣдственное, прозаически-разрушительное время, въ которомъ все, одной душѣ принадлежащее, все святое, божественно-историческое уничтожено. Дорого, свято и уважаемо теперь только то, что̀ можно ощупать руками, что̀ можно законно или незаконно, положить въ карманъ, что̀ можно счесть на счетахъ или свѣсить на вѣсахъ:—грубый матеріализмъ властвуетъ, всякая безусловная вѣра смѣшна, одна лишь вѣрная выгода имѣетъ достоинство. И Вы видите, что̀ произвело это отсутствіе поэзіи въ гражданскомъ порядкѣ. Порядокъ стоитъ на вѣрѣ въ Бога, на вѣрѣ въ законность власти, на вѣрѣ въ законъ и въ долгъ, т. е. на безкорыстномъ послушаніи сердца, на его произвольномъ подданствѣ этому невыразимому святому, которое есть поэзія жизни, ея истинное достоинство, пока она заключена въ предѣлахъ бытія земнаго. Я сказалъ: *поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли*, и это кажется мнѣ математически-справедливымъ. Богъ есть истина; къ этой истинѣ ведетъ вѣра, которой цѣль лежитъ за границею здѣшняго міра; поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ *земли*, слѣдственно она есть мечта истины, т. е. ея земной образъ, естьли только эта мечта есть мечта святая. Но эта мечта можетъ быть и не святою, какъ все земное, стоящее между двухъ противоположностей: тогда она анти-поэзія, *духъ тьмы* въ мечтахъ земли *развратныхъ*.

Но куда я ушелъ отъ своего предмета? Вы видите, что̀ вышло изъ гражданскаго порядка отъ этого отсутствія поэзіи. Чтобы не быть однако темнымъ или смѣшнымъ, я долженъ опять сдѣлать отступленіе. Поэзія не заключается въ одномъ *стихотворствѣ*; она есть духъ жизни Божіей, разлитый Имъ въ Его твореньи, всѣми ощущаемый и только нѣкоторыми, болѣе одаренными, выражаемый въ словѣ, краскѣ, мраморѣ и пр. Источникъ этой поэзіи есть вдохновеніе (вдохновеніе, которое я назвалъ бы вѣрою въ великое и прекрасное, вдругъ объемлющею душу нашу). Такое вдохновеніе болѣе или менѣе всякой душѣ доступно; и много было на землѣ великихъ поэтовъ, не написавшихъ ни одного стиха. Напримѣръ, одна изъ высочайшихъ минутъ такого вдохновенія выразилась въ одномъ словѣ *на колѣна*! которымъ многочисленная толпа бунтующаго народа брошена была на землю передъ святынею вѣры и власти. И отсутствіе этой то поэзіи произвело то, что̀ теперь вездѣ передъ нашими глазами творится. Если отсутствіе поэзіи можетъ быть такъ гибельно для цѣлыхъ народовъ, то равномѣрно оно гибельно и для каждой души, взятой отдѣльно. Вотъ почему, при чтеніи Вашего милаго письма, я такъ обрадовался Вашей доступности поэтическому вдохновенію, обрадовался не потому, что Вы *хвалили мой переводъ*, а потому, что *такимъ языкомъ* говорили мнѣ о самомъ Гомерѣ. Берегите это пламя души. Не надобно, чтобы поэзія была *главнымъ* ея элементомъ: мы должны видѣть не однѣ радуги на нашемъ земномъ небѣ; но великая утрата для души, если глаза ея будутъ закрыты для этихъ радугъ, которыя суть *радуги завѣта* сами по

себѣ только явленіе, но это явленіе соединяетъ передъ глазами нашими небо и землю. Разумѣется, что не все то что́ стихи, есть поэзія. Поэтовъ, товарищей жизни, весьма не много; но выбравъ въ товарищи этихъ немногихъ, надлежитъ во всю жизнь сохранить имъ вѣрность. Эта *поэзія*, въ то время, когда святая *вѣра* замѣняетъ все несовершенное земное и даетъ намъ то, чего желаетъ душа и чего *здѣсь нѣтъ*, эта *поэзія* украшаетъ самую жизнь, даетъ ея тѣлу ту живую красоту, безъ которой она была бы трупъ, лежащій на столѣ анатома, который, отыскивая въ немъ жизнь своимъ анатомическимъ ножемъ, находитъ только скелетъ, приводящій въ ужасъ. Поэзія народная, въ которой отзывается вся жизнь народа, Гомеръ, Данте, Шекспиръ, Мильтонъ, Греческіе трагики, нѣкоторые чудные поэты востока (не называю никого изъ новѣйшихъ) — вотъ товарищи жизни. Бесѣда съ ними во всякое время есть очарованіе. Въ темное время эта поэзія, какъ Эолова арфа, обращаетъ шумъ вѣтра въ гармонію, а въ тихіе часы души она согрѣваетъ ее огнемъ чистаго вдохновенія и подкрѣпляетъ для строгой житейской дѣятельности. И такъ да сохранитъ Вамъ Богъ неприкосновенно эту поэзію души, которую Вы уже имѣете и которую должно питать и лелѣять (не бывъ однако ея игрушкою и не дѣлая изъ нея игрушки). Скажу при этомъ: какъ же мнѣ не пѣнять Вамъ, что Вы ко мнѣ не пишете? Какое было бы мнѣ наслажденіе читать *такія* Ваши письма и отвѣчать на нихъ, отдавая на произволъ перу мои мысли и чувства.

Оканчивая это длинное письмо, повторяю мое Вамъ поздравленіе. То, что́ Вы пишите о Вашемъ теперешнемъ семейномъ счастіи, глубоко трогаетъ мою душу. Прошу Васъ представить меня заочно Ея Высочеству Великой Княгинѣ. Когда то я самъ доживу до этого счастія? Мое возвращеніе въ Россію столько разъ было откладываемо, что я начинаю самъ терять къ нему вѣру. Теперь однако благодарю Бога, что Онъ страхомъ холеры меня остановилъ здѣсь и что обстоятельства принудили меня изъ Франкфурта перебраться въ Баденъ. Женѣ послѣ Эмса стало наконецъ хуже; и это *хуже* еще болѣе оказалось въ первый мѣсяцъ пребыванія нашего въ Баденѣ: это заставило меня прибѣгнуть къ Гуггерту. Началось лѣченіе прочное, какого не могло быть во Франкфуртѣ, и я начинаю надѣяться *крѣпко*. Что Богъ велитъ! Прошу Васъ сообщить эти послѣднія обстоятельства Государынѣ Цесаревнѣ.

Простите. Не сердитесь на мою стариковскую болтовню; будьте ко мнѣ милостивы какъ бывало, и Богъ съ Вами.

Жуковскій.

1848 Октября 19 (31)
Баденъ-Баденъ.

XVI.

Благодарю, благодарю, сердечно благодарю Ваше Императорское Высочество за Ваше любезное, милостивое и прекрасное письмо, которое получилъ я дни два по возвращеніи моемъ въ Баденъ. Я промедлилъ моимъ отвѣтомъ, хотя по прочтеніи письма и загорѣлось во мнѣ сильное желаніе отвѣчать на него. Приношу Вашему Высочеству мою повинную голову; тѣмъ болѣе я виноватъ передъ Вами, что обязанъ Вамъ благодарностію за то участіе, которое Вы принимаете въ моей дочкѣ Одиссеѣ, вашей крестницѣ. Она моя фаворитка; она повеселила меня на старости такъ мило и живо, что мнѣ казалось всегда въ ея поэтическомъ присутствіи, что я сбросилъ съ своихъ плечь лѣтъ сорокъ. Она же изъ поэтическихъ дѣтей моихъ та, которая наидолѣе переживетъ меня. Поэзія въ наше время утратила много своего кредита, утратила и отъ

того, что наше желѣзно-дорожное и журнально-сумазбродное время не имѣетъ ничего въ себѣ поэтическаго, и отъ того, что поэты затащили ее въ грязь партій, въ болото безвѣрія и въ лужу безнравственной чувственности. Вслѣдствіе этого не могу надѣяться, чтобы Одиссея произвела на большинство современныхъ читателей какое нибудь сильное дѣйствіе; да я и не имѣлъ цѣлію производить какое нибудь дѣйствіе. Мнѣ просто хотѣлось заглянуть въ перво-міръ поэзіи, въ этотъ потерянный Эдемъ, въ которомъ во время-оно дышалось такъ легко и цѣлебно. Гомеръ отворилъ мнѣ заповѣдную дверь въ него, и я пожилъ счастливо съ его свѣтлыми созданіями, которыхъ вѣяніе было такъ благовонно, которыхъ поэтическій шопотъ такъ былъ гармонически очарователенъ посреди визговъ и мефитическаго зловонія бунтующей толпы, парламентныхъ болтуновъ и ложновдохновенныхъ поэтовъ настоящаго времени. Совсѣмъ тѣмъ я не вовсе отказываюсь и отъ поэтически-благотворнаго дѣйствія моей поэмы. Въ шестьдесятъ шесть лѣтъ можно судить о самомъ себѣ, какъ о постороннемъ, безъ пристрастія и безъ суетной хвастливости. Опираясь на собственномъ внутреннемъ чувствѣ, я думаю, что въ переводѣ моемъ сохранена та первобытная простота, которая должна быть такъ плѣнительна въ Гомерѣ (особенно въ Одиссеѣ). Говорю *должна быть*, ибо оригиналъ Одиссеи въ гармоніи поэтическаго языка ея мнѣ не знакомъ. Я старался угадывать эту гармонію чутьемъ; но тоже самое поэтическое чутье шепчетъ мнѣ, что я дѣйствительно угадалъ ее. Это же говорятъ мнѣ и тѣ, которые знаютъ дѣло и могутъ сравнивать съ подлинникомъ слѣпокъ. Если же эта первобытная поэзія подлинно мною сохранена, то въ ея природѣ такъ много живаго, что она не пропадетъ и для потомства. Непримѣтно и таинственно будетъ она продолжать жизнь, подобно тому, какъ живутъ теплые ключи, бьющіе изъ сердца самой природы и не иссякая дающіе силу и исцѣленіе тѣмъ, кто ихъ пьетъ въ ихъ источникѣ. Мой трудъ не прибавилъ ничего къ моей поэтической извѣстности: не болѣе шести человѣкъ (считая въ числѣ ихъ и Ваше Высочество) сказали мнѣ свое мнѣніе о моей работѣ (нѣтъ! мой счетъ не вѣренъ, еще къ шести надобно прибавить трехъ); въ моей семьѣ я ни съ кѣмъ не могъ подѣлиться своими поэтическими конфектами: ѣлъ ихъ одинъ; только въ Варшавѣ попалась мнѣ въ руки дѣльная критика Шевырева,—однимъ словомъ, я не заботился о славѣ и похвалѣ; но мнѣ радостно думать, что послѣ меня останется памятникъ твердый здѣшней моей жизни, и что въ моей, меня пережившей семьѣ и во всѣхъ семейныхъ кругахъ, гдѣ будетъ сохранено чувство истинной поэзіи, будутъ весело, поминая меня, отдыхать отъ суматохъ житейскихъ за чтеніемъ—моего Гомера, какъ отдыхаетъ усталый путешественникъ подъ тѣнью придорожнаго дуба подлѣ водоема съ чистою водою, и мысленно благодаритъ того, кто нѣкогда посадилъ этотъ дубъ и построилъ этотъ водоемъ для проходящихъ.—Но я замѣчаю, что я неимовѣрно разболтался. Извините, я не даромъ состарѣлся, а Вы своимъ любезнымъ письмомъ поневолѣ вызвали меня на болтовню. Я радуюсь, видя, что Вы такъ доступны поэзіи. Одной практической, дѣльной жизни намъ недостаточно; душа требуетъ поэзіи и вѣры. Первая сводитъ для нея божественное на землю, а послѣдняя возводитъ ее отъ земнаго къ божественному и имъ дополняетъ все земное, столь мало удовлетворительное и столь не вѣрное.

Обращаясь къ письму Вашему, скажу, что меня весьма тронуло то, что Вы говорите о Вашемъ Георгіѣ. Въ томъ чувствѣ недостоинства, которое

Вы такъ смиренно выражаете, заключается много истиннаго достоинства. Кто ищетъ великаго единственно изъ любви къ великому или, правильнѣе сказать, изъ любви къ источнику всякаго величія, къ Богу, тотъ никогда о себѣ не будетъ имѣть слишкомъ высокаго мнѣнія, но за то и никогда не собьется съ дороги, ведущей его прямо къ цѣли. Наша дорога есть лѣстница; кто взошелъ на одну ступень, если онъ не слѣпъ и не безуменъ, узнаетъ только то, что онъ еще не дошелъ и что ему слѣдуетъ подыматься, а не считать себя на высотѣ. Добрый Вамъ путь въ высоту!

Другое, что мнѣ весьма понравилось въ вашемъ миломъ и дѣльномъ письмѣ, есть то, что Вы говорите вообще объ войнѣ. Васъ не ослѣпила прелесть, заключающаяся въ кипучей, поэтической военной жизни, въ этомъ могучемъ развитіи всѣхъ силъ душевныхъ, въ этомъ очарованіи мужества, въ этомъ удвоенномъ чувствѣ жизни, пріобрѣтающей особенную сладость отъ присутствія смерти, отъ презрѣнія опасности — не мудрено было въ Ваши лѣта влюбиться въ войну. Но Васъ ея поэтическая красота не обольстила. Не смотря на то, что Вы полакомились ея опасностями, столь вкусными для молодаго, храбраго сердца, Вы сохранили всю трезвость разума, чтобы разглядѣть всѣ бѣдствія, какія ведетъ за собою всякая война. И это тѣмъ утѣшительнѣе, что Вы были свидѣтелемъ войны справедливой, начатой съ великою цѣлію спасенія правды и имѣвшей для насъ такую чудную, восхитительную развязку. Надѣюсь, что Богъ избавитъ насъ отъ новой войны. Это усмиреніе Венгріи, произведенное съ такимъ величіемъ, съ такимъ великодушнымъ безкорыстіемъ, поставило Русскаго Царя на такую высоту, на которой не можетъ быть до Него доступна безумная дерзость Турковъ, которыхъ Англія обратила въ свои куклы, дабы (заставляя ихъ кривляться передъ глазами Европы на проволокахъ, движимыхъ ея рукою) позади этого кукольнаго театра украсть въ добрый часъ Египетъ. Избави насъ Богъ угождать Англіи пролитіемъ Русской крови! Передъ моимъ воображеніемъ сіяетъ теперь событіе другаго рода. Мнѣ кажется, что теперь насталъ часъ, въ который Россія можетъ пріобрѣсть славу, превышающую всякую другую, славу единственную, на всѣ времена, славу, могущую имѣть неисчислимыя, благотворныя послѣдствія. Этотъ часъ уже однажды пробилъ на часахъ великой судьбы нашей, но мы тогда, въ шумѣ торжества, не разслушали его призывнаго боя. Изъ Адріанополя мы даровали миръ Султану. Тогда намъ могло бы стоить одного только слова, чтобы разомъ рѣшить задачу всѣхъ крестовыхъ походовъ, которыхъ развязкою, послѣ такихъ бѣдствій, осталось то, что Гробомъ Спасителя овладѣли и теперь еще владѣютъ враги Христіанства; изъ Адріанополя Русскій Царь могъ бы сказать Султану: *Іерусалимъ свободенъ, онъ отъ нынѣ принадлежитъ Христіанской Европѣ.* Теперешняя минута кажется мнѣ столь же благопріятною для произнесенія такого рѣшительнаго слова, и какая святая слава для Россіи, когда ея Царь, оскорбленный безуміемъ Турковъ—мироносный Годофредъ нашего вѣка—произнесетъ его! Осмѣлятся ли не покориться Турки, когда нашъ Царь, отказываясь отъ всякаго личнаго удовлетворенія, вызоветъ всѣ державы Европы на освобожденіе отъ постыднаго рабства нашего святилища? И осмѣлятся ли Христіанскія державы не принять такого вызова? Это не будетъ вызовъ на неправедное завоеваніе, на насильственное отнятіе собственности, утвержденной давностью владѣнія. Оставайся и Сирія и съ нею вся Палестина во власти Турковъ; но мѣсто, гдѣ совершилось спасеніе человѣчества, мѣсто освя-

щенное земною жизнію и искупительною смертію Спасителя, не должно оставаться во власти враговъ Его. Если мы Христіане въ настоящемъ значеніи этого слова, то для насъ Гробъ Спасителя не есть одинъ историческій памятникъ: это высочайшая человѣческая святыня, это видимый пунктъ на землѣ, гдѣ наша жизнь соединяется, посреди *временнаго*, съ *небеснымъ* и *вѣчнымъ*. Съ этого пункта началось обновленіе человѣчества, падшаго, но искупленнаго; здѣсь совершилось примиреніе съ нимъ Божества и отворилась ему дверь для вступленія въ обитель Отца Всевышняго (и это совершилось не для однихъ Христіанъ, но и для всего человѣческаго рода. Мы только опередили другихъ, но отставшіе со временемъ, какъ и мы, приняты будутъ въ общее семейство). Если мы Христіане, то мы этому, т. е. несказанной святости этого Гроба, вѣримъ безъ всякаго умственнаго толкованія. Безъ этой вѣры нѣтъ Христіанства. Какъ же изъяснить то равнодушіе, съ какимъ Европа, вся Христіанская и столь могущественная своимъ общественнымъ развитіемъ, смотритъ на осрамленіе ея святѣйшаго сокровища? Въ глазахъ ея могущества, ничтожный, давно безсильный народъ невѣрныхъ властвуетъ нахально этимъ сокровищемъ, и вслѣдствіе этого рабства, сами Христіане, поклонники святыни, оскорбляютъ ее враждою сектъ передъ Гробомъ, источникомъ искупленія и мира, чего бы конечно не было, когда бы этотъ Гробъ защищенъ былъ отъ постыднаго поруганія. Мы строимъ желѣзныя дороги, окидываемъ пространныя области сѣтью электромагнетическихъ телеграфовъ, употребляемъ величайшія усилія, тратимъ деньги, тратимъ потъ и кровь людей на то, чтобы увеличить ничтожныя, презрѣнныя выгоды корыстолюбія, увеличить матеріальныя удобства и чувственныя наслажденія, а о святомъ, о томъ, на чемъ основана и жизнь души и твердый порядокъ общественный, мы забываемъ. Мудрено ли послѣ этого, что нашъ высокоумный вѣкъ задумалъ вычеркнуть святое слово *Божіею милостію* изъ титула земной власти, и что теперь публично разсуждаютъ преобразователи государствъ, должны ли государства и ихъ правительства имѣть какую нибудь опредѣленную религію, и для нихъ всѣ религіи не должны ли имѣть одинъ только политическій смыслъ, и тому подобное? Повторяю: я не крестовую войну проповѣдую. Пролитіе крови за Христа или въ честь Христа есть святотатство. Но Іерусалимъ долженъ принадлежать Христіанскому міру, и рабство Гроба Христова должно быть наконецъ уничтожено. Это мнѣ кажется столь яснымъ, столь необходимымъ, столь неизбѣжнымъ, что невольно приходишь въ изумленіе, какъ по сію пору это еще не сдѣлалось. И я боюсь только одного, чтобы кто нибудь не предупредилъ *насъ* въ этомъ великомъ дѣлѣ. О! По всѣмъ сердцамъ ударитъ молнія вдохновенія и восторга, когда нашъ великій Царь, котораго все царствованіе было образцемъ могучей политической честности и правдолюбія, скажетъ теперь, въ минуты прекраснѣйшей славы не *завоевателя*, а *защитника* и *примирителя*, когда нашъ Царь скажетъ въ совѣтѣ Царей: „Отдадимъ Богу Божіе; Святой „Гробъ Спасителя и святой градъ, его „въ себѣ заключающій, должны принадлежать не Россіи, не Англіи, не „Франціи и пр. съ одной стороны, и „не Туркамъ съ другой:—они должны „принадлежать Богу Спасителю. Христіанскія державы должны благоговѣйно принять ихъ подъ свою общую „защиту; каждая изъ нихъ должна „на это удѣлить часть своихъ военныхъ силъ (не для завоеванія, а для „охраненія Града), и этотъ Градъ, „освобожденный отъ всякой власти

„Мусульманъ, находясь посреди ихъ „областей, долженъ быть соединенъ „свободною, безопасною дорогою съ „моремъ, дабы доступъ къ нему былъ „на всѣ времена открытъ Христіанамъ. „Все остальное пусть будетъ упрочено Туркамъ, какъ ихъ законное „достояніе„. Нельзя вообразить, чтобы на такой вызовъ могъ послѣдовать отвѣтъ отрицательный. А какія послѣдствія могли бы быть для Христіанства, для соединенія всѣхъ церквей (о которомъ мы безпрестанно молимся), когда бы около Гроба Спасителя, около одного общаго средоточія, всѣ исповѣданія соединилися на свободѣ съ чувствомъ одной всѣхъ сближающей, все миротворящей Вѣры?

Такое великое дѣло должно принадлежать Россіи! Она, она должна внести такое событие въ лѣтопись человѣчества; она—законная наслѣдница первобытнаго Христіанства. И съ совершеніемъ такого дѣла начнется новый періодъ ея всемірнаго призванія. Это призваніе есть возстановленіе Церкви въ ея первобытной чистотѣ и святости, возстановленіе не мечемъ, не притѣсненіемъ, не ужасами нетерпимости, а великимъ примѣромъ чистой, самоотверженной, вселюбящей Вѣры. И дѣйствіе на современный міръ такого событія было бы несказанное—не политическое, а чисто нравственное. Политика въ наше время сбилась съ пути отъ разрушительныхъ доктринъ, которыми всѣ основныя понятія, составляющія прочность и условіе общественнаго порядка, опрокинуты. Никакая нравственная сила не возстановитъ разрушеннаго. Матеріальная сила пушекъ сладила съ бунтомъ; но этотъ бунтъ есть только симптомъ, есть проявленіе той болѣзни, которою страждетъ политическое тѣло и которая должна наконецъ сдѣлаться неизцѣлимою и смертельною. Пушки—одинъ только пальятивъ. Онѣ могутъ возстановить на время порядокъ, но онѣ его не установятъ. Для этого нужно радикальное лѣкарство нравственности и вѣры. Въ какой аптекѣ можно составить это лѣкарство? Всѣ теперь существующія аптеки употребляютъ ядъ для своихъ микстуръ; да если бы и удалось составить лѣкарство спасительное, то трудно будетъ принудить больнаго его выпить: онъ чахнетъ отъ безвѣрія и безнравственности (извѣстно, что всѣ чахотные не думаютъ, чтобы ихъ болѣзнь была опасна). Происшествіе, въ которомъ бы выразилось вдругъ, передъ глазами народовъ, благоговѣніе къ отвергнутой ими святынѣ и выразилось бы въ дѣйствіяхъ представителей власти верховной, произвело бы конечно цѣлительное дѣйствіе на души, снѣдаемыя недугомъ, ихъ изнуряющимъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что теперь произошелъ уже переломъ болѣзни: вездѣ замѣтно тревожное чувство, похожее на тоску по отсутствующей святынѣ, ощущеніе утраты, желаніе возвратить утраченное. Но это чувство темное. Сердца въ окаменѣніи. Надобно какимъ нибудь сильнымъ ударомъ выбить изъ этого камня искры вѣры, и ни въ чьей рукѣ огниво для произведенія такого удара не будетъ такъ дѣйствительно, какъ въ чистой и могучей рукѣ Царя Русскаго.

Но пора мнѣ замѣтить, что я черезъ чуръ записался. Прошу у Вашего Императорскаго Высочества милостиваго прощенія. Не смѣю просить отвѣта на мое длинное письмо, но онъ бы весьма меня потѣшилъ. Сохрани Богъ Васъ и Ваше семейство, настоящее и будущее.

Жуковскій.

XVII.

Приношу Вашему Императорскому Высочеству мое сердечное поздравленіе съ новымъ счастіемъ, посланнымъ Вамъ отъ Бога. Да благословитъ Онъ Вашего сына на долгую жизнь, ра-

достную для Васъ, чистую передъ Богомъ для него, полезную для его Царя, славную для Русскаго царства. Знаю, что у Васъ живое и теплое сердце, и могу себѣ весьма ясно представить, какъ Вы радуетесь своимъ милымъ младенцемъ; но мнѣ самому какъ то чудно и въ тоже время умилительно подумать, что Вы, котораго я, покидая Россію, оставилъ еще за учебнымъ столомъ, уже теперь отецъ семейства, что Вы окурены уже порохомъ и болѣе видѣли земель въ Вашихъ странствіяхъ, нежели мой Одиссей, представленный Вамъ въ Русскомъ костюмѣ. Какъ бѣжитъ время! Это Вамъ въ Ваши молодыя лѣта еще не можетъ быть чувствительно; а въ мои эта быстрота времени часъ отъ часу становится разительнѣе. И какъ нарочно теперь столько въ головѣ плановъ для пера скопилось, что напередъ знаешь, что смерть, которой приближающіеся шаги часъ отъ часу становятся слышнѣе, не дастъ и половины ихъ исполнить. Звукъ этихъ шаговъ меня не пугаетъ, но хотѣлось бы еще урвать лѣтъ десятокъ у жизни. Воля Божія!

Получили ли Ваше Высочество мое письмо съ моими Іерусалимскими мечтами? Хотя я и не могу имѣть никакихъ требованій на переписку съ Вами и нисколько не позволяю себѣ имѣть ихъ; но два Вашихъ послѣднихъ письма, такъ пріятно и дѣльно написанныя, возбудили во мнѣ желаніе имѣть чаще Ваши письма. Конечно, Вы заняты дѣломъ государственнымъ; но эти занятія такого рода, что они должны иногда возбуждать желаніе отдохнуть отъ нихъ, занявшись просто-человѣческимъ дѣломъ, *своею* собственною беззаботною мыслію, ея выраженіемъ и ея искреннимъ сообщеніемъ: въ этой мѣнѣ мыслей и чувствъ есть много животворнаго и душеобразовательнаго. Какъ ни привлекателенъ внѣшній міръ, передъ которымъ мы дѣйствуемъ, на широкой ли, на узкой ли сценѣ; но міръ внутренній, міръ души все его выше: онъ собственно *нашъ*, онъ наша особенная область *здѣсь*, онъ останется нашею собственностію и въ *иной жизни*. Переписка съ тѣми, кто намъ сродни, переноситъ нашу душу въ этотъ внутренній міръ, гдѣ мы тогда и отдыхаемъ въ тишинѣ уединенія и дѣлимъ свое уединеніе безъ всякаго себѣ насилія. Что я Вамъ душею съ родни, это я думаю. Вы всегда мнѣ особенно нравились, и я увѣренъ, что между нами во многомъ былъ бы дѣлежъ радушный теперь, когда Вы начинаете жить, а я стою уже на границѣ жизни и за нее заглядываю, обращая глаза и на длинную, пройденную мною дорогу. Правда, эта дорога была стороннею тропинкою, хотя и прошла черезъ свѣтлый домъ Русскаго Царя; цвѣтовъ опытности я немного на ней собралъ; я не практическій человѣкъ, и въ этомъ отношеніи мои мысли не могутъ для Васъ быть годны на многое. Но думаю, что иное, просто *теоретическое*, услышать отъ человѣка, который, при искренней къ Вамъ любви, привыкъ говорить все *что* думаетъ, *какъ* думаетъ, не имѣя ничего на душѣ, кромѣ добрыхъ намѣреній, могло бы быть полезно для Васъ, если не по своей наставительности, то по тѣмъ собственнымъ Вашимъ мыслямъ, къ которымъ бы послужило поводомъ.

Я дефинирую *теорію* и *практику* такъ: теорія есть знаніе того, что́ *должно* дѣлать *всегда* и чего не *должно* дѣлать *никогда*; практика есть знаніе того, что́ должно сдѣлать въ *настоящую* минуту или умѣнье *во-время* примѣнять *знаніе* къ *дѣлу*. Вотъ примѣръ: *компасъ* и *карты* на кораблѣ суть теорія; *руль* корабля есть практика. Безъ компаса и карты, какъ бы ни сильно владѣлъ рулемъ капитанъ, его корабль собьется съ дороги. Безъ руля ни компасъ, ни карты ни къ чему не годятся. *Вмѣстѣ* они и руководство и спасеніе для корабля, для капитана и для экипажа. Наше время болѣе нежели

какое другое учитъ тому, что безъ твердыхъ, непоколебимыхъ правилъ, которыхъ ни для чего и *никогда* нарушать не должно, и безъ энергической рѣшительности дѣйствовать и знанія какъ дѣйствовать согласно съ этими правилами въ *настоящую* роковую минуту, никакой общественный порядокъ невозможенъ. Безпрестанное пренебреженіе вѣчныхъ правилъ правительствами произвело наконецъ эту германскую революцію, которая не иное что, какъ взрывъ давно и долго копившейся лавы; а когда произошелъ взрывъ, никто изъ представителей державной власти въ Германіи не нашелся, какъ и куда повернуть рулемъ корабля, ему ввѣреннаго. Кстати или не кстати прибавлю здѣсь еще одно сравненіе. Въ образъ недѣли Божіей, т. е. шести дней созданія, заключившихся седьмымъ днемъ отдохновенія, установлена человѣческая недѣля, измѣряющая стройнымъ ходомъ своимъ бытіе земное. За первымъ днемъ недѣли слѣдуетъ второй, за нимъ всѣ прочіе; изъ этого вѣчнаго хода *впередъ* нельзя украсть и билліонной части мгновенія: понедѣльникъ нечувствительно переходитъ во вторникъ. Что же, если бы кому вздумалось напрячь всѣ усилія, чтобы изъ понедѣльника перескочить въ середу: онъ бы только истерзалъ себя въ напрасныхъ усиліяхъ, сокрушилъ бы свое настоящее, а цѣли своей (по натурѣ ея недостижимой) не могъ бы достигнуть. *Революція*—есть это безумно-губительное усиліе перескочить изъ понедѣльника прямо въ середу. Но и усиліе перескочить изъ понедѣльника назадъ въ воскресенье столь же напрасно, и столь же можетъ быть губительно. Одно есть революція *впередъ*, другое—революція *назадъ*. Что же совѣтуетъ теорія, которая учитъ тому что́ надлежитъ *всегда* дѣлать? Она говоритъ: *не насильствуй того, чего не пересилишь*; не швыряй понедѣльника черезъ вторникъ въ середу, не тащи его назадъ въ воскресенье. А что говоритъ *практика*? Практика, согласная съ сестрою своею теоріею, зоркимъ взглядомъ различаетъ ту математическую линію, черезъ которую перешагнувъ понедѣльникъ становится вторникомъ, провозглашаетъ громогласно этотъ переходъ, и это громогласное провозглашеніе, опредѣляющее и дѣйствіе ему соотвѣтственное, т. е. дѣйствіе, принадлежащее уже вторнику, а не понедѣльнику, есть *реформа*, во́-время, къ мѣсту, по закону вѣчной Правды.

Все это длинное предисловіе клонится къ тому, что мнѣ было бы весьма радостно получить отъ Вашего Высочества двѣ или три любезныя строчки, которыми Вы и не можете поскупиться, ибо Вы теперь счастливы, а кто счастливъ, тотъ щедръ на подаяніе. Вѣрно, по случаю рожденія Вашего сына, были розданы милостыни убогимъ; въ этой раздачѣ не позабудьте и меня: подарите меня немногими строками, которые будутъ для меня богатымъ капиталомъ.

Въ заключеніе прошу Ваше Высочество принести отъ меня вѣрноподданическое поздравленіе Ихъ Императорскимъ Величествамъ съ благословеннымъ умноженіемъ ихъ семейства. Я не имѣю еще счастія быть лично извѣстнымъ Государынѣ Великой Княгинѣ: благоволите быть передъ Ея Высочествомъ выразителемъ моего сердечнаго желанія Ей счастія, неразлучнаго съ Вашимъ и сердцу моему драгоцѣннаго.

Жуковскій.

1850, 2 (14) Марта.
Баденъ-Баденъ.

XVIII.

Между послѣднимъ письмомъ, которое я имѣлъ счастіе получить отъ Вашего Императорскаго Высочества и моимъ теперешнимъ прошло довольно времени. Въ Вашемъ письмѣ было трогательное выраженіе того,

что̀ Ваше сердце чувствовало при рожденіи и крестинахъ Вашего сына. А я теперь приношу Вамъ поздравленіе съ новорожденною дочерью. Примите его съ тѣмъ благосклоннымъ ко мнѣ чувствомъ, какое всегда я находилъ въ Вашемъ добромъ сердцѣ, и съ полною вѣрою, что я Ваше счастіе считаю за собственное. Мнѣ весьма горестно подумать, что я могъ бы лично раздѣлить съ Вами первыя минуты Вашей новой семейной радости: у меня все было готово къ отъѣзду въ Россію; но за два дни до назначеннаго срока заболѣлъ мой глазъ, и вотъ уже болѣе десяти недѣль, какъ я сижу въ заперти, не могу работать, не могу читать, и какъ Вы видите, пишу карандашемъ, пользуясь машинкою, которую мой изобрѣтательный геній создалъ на случай *слѣпоты* и благодаря которой могу писать съ закрытыми глазами. Но много писать и съ машинкою не могу: глаза, не видя, смотрятъ, и это ихъ утомляетъ. Я долженъ и теперь кончить. Если Ваше Высочество не поскупитесь подарить меня радостною, бриліантовою минутою, то Вы напишите мнѣ строки двѣ въ отвѣтъ на мое письмо. То, которое Вы написали мнѣ на рожденіе Вашего сына, есть для меня драгоцѣнная жемчужина. Дайте мнѣ такую же на рожденіе Вашей дочери и притомъ скажите мнѣ, бѣдному сиротѣ на чужбинѣ, что нибудь о томъ, что̀ у Васъ на Руси около Васъ происходитъ.

Благослови Васъ Богъ со всѣмъ Вашимъ семейнымъ кругомъ.

Жуковскій.

24 Сент. (6 Окт.) 1851.
Баденъ.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ.

Его письма и очерки его жизни.

(См. выше, стр. 1342—1360)

Тяжело раненый, 20-лѣтній Батюшковъ перевезенъ былъ съ прусской границы, изъ Юрбурга въ Ригу. Война тогда же прекратилась, и Петербургское ополченіе, въ которомъ Батюшковъ такъ кроваво началъ свою военную службу, было распущено. Если не ошибаемся, Батюшковъ оставался въ Ригѣ въ серединѣ 1807 года, и въ это время коротко познакомился съ молодымъ, талантливымъ и отлично образованнымъ богачомъ графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ Вьельгорскимъ, который проживалъ тогда въ Ригѣ у отца своего, извѣстнаго въ Европѣ музыканта. Молодыхъ людей сблизила общая страсть къ изящнымъ искусствамъ. Памятникомъ этого сближенія осталось посланіе Батюшкова къ гр. Вьельгорскому:

О ты, владѣющій гитарой Трубадура,
Эраты голосомъ и прелестью Амура,
Воспомни, милый графъ, счастливы времена,
Когда насъ юношей увидѣла Двина!
Когда, отвоевавъ подъ знаменемъ Беллоны,
Подъ знаменемъ любви я началъ воевать,
И новый регламе́нтъ, и новые законы
Въ глазахъ прелестницы читать!
Заря весны моей, тебя какъ не бывало!
Но сердце въ той странѣ съ любовью отдыхало,
Гдѣ я узналъ тебя, мой нѣжный Трубадуръ!

(Написано въ Москвѣ въ 1809 г., а напечатано въ Вѣстн. Европы 1816, N 14)

На пребываніе въ Ригѣ и на какія-то тогдашнія сердечныя отношенія Батюшкова указываетъ также Д. В. Дашковъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому (Спб 25 Іюня 1814). Говоря о Батюшковѣ и о замедлившемся возвращеніи его изъ заграничнаго похода, Дашковъ прибавляетъ: „А Людмила ждетъ, пождетъ... и милый нашъ попенька пропалъ безъ вѣсти, какъ женихъ ея. Можетъ быть, не залетѣлъ ли онъ опять по дорогѣ въ Ригу, къ своей нѣмкѣ, на старое пепелище?“ (Р. Арх. 1866, 497).

Кажется, что въ Ригѣ Батюшковъ не совсѣмъ выздоровѣлъ, и перебравшись въ Петербургъ, снова заболѣлъ отъ послѣдствій своей раны. Въ Петербургѣ, гдѣ тогда уже не было Е. Ѳ. Муравьевой, окружила его дружескими попеченіями добрая семья А. Н. Оленина, о чемъ онъ самъ разсказываетъ въ одномъ изъ ниженапечатанныхъ писемъ. Полное выздоровленіе наступило, какъ надо думать, только весною 1808 года, на что̀ намекаетъ стихъ:

Какое счастіе съ весной воскреснуть ясной!

Стихъ этотъ находится въ стихотвореніи „Воспоминаніе", которое первоначально появилось въ „Вѣст. Европы" 1809 г., № 21, подъ заглавіемъ: „Воспоминанія 1807 года" и безъ полной подписи. Мы привели уже изъ него отрывокъ о Гейльсбергскомъ сраженіи. Стихотвореніе это содержитъ въ себѣ нѣсколько біографическихъ указаній:

Да оживлю теперь я въ памяти своей
Сію ужасную минуту,
Когда, болѣзнь вкушая люту,
И видя сто смертей,
Боялся умереть не въ родинѣ моей!...
Я, Нѣманъ переплывъ, узрѣлъ желанный край,
И землю лобызавъ съ слезами,
Сказалъ: блаженъ стократъ, кто съ сельскими богами,
Спокойный домосѣдъ, земной вкушаетъ рай...
Семейство мирное, уже ль тебя забуду,
И дружбѣ, и любви неблагодаренъ буду?
Ахъ, мнѣ ли позабыть гостепріимный кровъ,
Въ сѣни домашнихъ гдѣ боговъ
Усердный Эскулапъ божественной наукой
Исторгъ изъ подъ косы и дивно изцѣлилъ
Меня и т. д.
Ты, Геба юная, лилейною рукою
Сосудъ мнѣ подала: *пей здравье и любовь!...*
Я помню утро то, какъ слабою рукою,
Склонясь на костыли, поддержанный тобою,
Я въ первый разъ узрѣлъ цвѣты и древеса...

Сладостное чувство выздоровленія, извѣданное Батюшковымъ на опытѣ, выражено имъ съ такою необыкновенною граціей, какой до тѣхъ поръ не знала Русская словесность:

Ужъ очи покрывалъ Эреба мракъ густой,
Ужъ сердце медленнѣе билось:
Я вянулъ, исчезалъ, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о жизнь души моей!
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
И поцѣлуевъ сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милыхъ словъ,
Меня изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ,
Для сладострастія призвали....

Пушкинское „Выздоровленіе" и „Я ускользнулъ отъ Эскулапа" суть очевидныя подражанія этому стихотворенію. Оно появилось въ печати только въ 1817 году; но по содержанію своему очевидно относится къ тому времени, о которомъ у насъ теперь идетъ рѣчь. Если Батюшковъ читалъ его тогда своимъ пріятелямъ, то конечно оно поставило его въ ихъ глазахъ на ряду съ лучшими писателями.

Батюшковъ, хотя и больной, продолжалъ числиться въ военной службѣ. За рану подъ Гейльсбергомъ онъ награжденъ былъ Аннинскимъ крестомъ 3-й степени и по выздоровленіи переведенъ въ гвардейскій Егерскій полкъ, что̀ также было отличіемъ. Тогда, т. е. весною 1808 года, Русская кровь снова лилась на двухъ концахъ нашего отечества, на берегахъ Дуная и подъ Петербургомъ, въ Финляндіи. Батюшковъ участвовалъ въ сей послѣдней войнѣ осенью 1808 и въ первыхъ мѣсяцахъ 1809 года. Если не ошибаемся, онъ уже тогда служилъ подъ командою Н. Н. Раевскаго, что̀ было особеннымъ счастіемъ для молодаго человѣка. 1808 г. 15 окт. подъ Индесальми, Николай Алексѣевичь Тучковъ атаковалъ Сандельса и послѣ упорнаго дѣла былъ отбитъ. 30 октября партизаны Сандельса ночью напали на авангардъ Тучкова, пройдя по болоту, которое неожиданно замерзло; но гвардейскій егерскій батальонъ, подъ предводительствомъ гр. Петра Петр. Палена, явился въ тылъ Шведамъ и погналъ ихъ назадъ, захвативъ въ плѣнъ 200 человѣкъ (Михайловскаго. Описаніе Финляндской войны, изд. 1841, стр. 336). Батюшковъ вспоминаетъ объ этомъ въ посланіи къ Пе-

тину, которому отчасти принадлежалъ успѣхъ этого дѣла и который получилъ тогда новую рану:

Помнишь-ли, питомецъ славы,
Индесальми? страшну ночь!
Не люблю такой забавы,
Молвилъ я—и съ музой прочь!
Между тѣмъ какъ ты штыками
Шведовъ за лѣсъ провожалъ,
Я геройскими руками....
Ужинъ вамъ приготовлялъ.

Нѣсколько подробностей тогдашней его жизни находятся въ слѣдующемъ письмѣ его къ А. Н. Оленину:

,,Зимнія квартиры. Надендаль.

Милостивый государь Алексѣй Николаевичъ. Votre cher et féal Батюшковъ на силу сыскалъ случай отвѣчать à Son Suzerin Seigneur [20]) съ курьеромъ, которой летитъ изъ крѣпкихъ снѣговъ Або въ тающіе снѣга Ингерманландіи; ибо у насъ зима, а у васъ давно не ѣздятъ на саняхъ. Какъ бы то ни было, спѣшу сказать вашему превосходительству, что получилъ письмо ваше, которому, какъ ребенокъ, обрадовался. Оно пришло въ то время, когда намъ былъ сказанъ походъ на Аландской Архипелагъ. Я плакалъ съ радости, видя изъ письма вашего, сколько вы мною интересоваться изволите. Теперь есть случай излить въ обильныхъ словахъ мою благодарность: но я объ этомъ ни слова. Довольно напомнить вашему превосходительству о томъ, что̀ вы для меня *собственно* сдѣлали, а мнѣ помнить осталось, что вы просиживали у меня умирающаго цѣлые вечера, искали случая предупреждать мои желанія, когда оныя могли клониться къ моему благу, и въ то время, когда я былъ оставленъ всѣми, приняли me peregrino errante ([21]) подъ свою защиту.... и все сіе изъ одной любви къ человѣчеству! Простите мнѣ сіе напоминовеніе: оно изъ сердца вырвалось.

Теперь скажу вамъ о себѣ, что я обитаю славный градъ Надендаль, принадлежавшій доселѣ тре-коронному гербу Скандинавскому, иначе сказать мы живемъ въ мѣстечкѣ въ 13-ти верстахъ отъ Або. О Петербургѣ мы забыли и думать. Здѣсь такъ холодно, что у времени крылья примерзли. Ужасное единообразіе! Скука стелется по снѣгу, и безъ затѣй сказать, такъ грустно въ сей дикой, безплодной пустынѣ, безъ книгъ, безъ общества и часто безъ вина, что мы середы съ воскресеньемъ различить не умѣемъ. И для того, прошу васъ покорнѣйше приказать купить мнѣ Тасса (котораго я имѣлъ несчастіе потерять) и Петрарку, чѣмъ меня чувствительнѣйше одолжить изволите.

Я видѣлъ на островахъ И. А. Вельяминова, котораго болѣзнь очень перемѣнила. Онъ мнѣ обрадовался какъ Египтянинъ Озириду. По словамъ его, квартировать будетъ въ маленькомъ городкѣ Кристини, отъ Або въ 300 верстахъ.

Вы намъ пишите о m-lle George. За чѣмъ прельщать и мучить насъ? Однако мы такъ привыкли къ здѣшнему краю, что я на святой намѣренъ идти въ Абовскій театръ. Вообразите себѣ сарай à jour, актеровъ таковыхъ точно, какъ Лесажъ описываетъ, обмакивающихъ поутрамъ, на мѣсто завтрака, крошки хлѣба въ колодецъ, и въ семъ-то Палладіумѣ играли *благородную* драму... Довольно вамъ сказать, что героиня оной есть дѣвка на содержаніи. И теперь прошу васъ прельщать насъ Питеромъ!

Вручителю письма сего поручено привезти и отвѣтъ, естьли вы меня онымъ удостоите. За симъ поручаю васъ великому Генію Временъ ([22]) и касаясь праху ногъ вашихъ, имѣю честь

([20]) Вашъ милый и вѣрноподданный Батюшковъ.... своему верховному повелителю.

([21]) Меня блуждающаго путника.

([22]) Названіе одного изъ тогдашнихъ журналовъ.

быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Константинъ Батюшковъ. Цѣлую сто разъ ручки милостивой государыни Елизаветы Марковны, и прошу ее не забывать Чухонца, которой ее никогда почитать и любить не престанетъ.

24 Марта 1809.»

Изъ Або, по возвращеніи съ Аландкихъ островов, Батюшковъ писалъ къ роднымъ въ Вологду: „Nous revenons d'une expédition assez périlleuse, cest-à-dire des îles d'Aland. Representez vous une armée de vingt mille hommes sur la glace et en bivouaque! Mais tout passe, et les perils ne sont bons qu'à être aussi oubliés. En attendant je voyage joliment; nous avons été á 60 verstes de Stokholm. — Ce mercredi de la semaine sainte“ (23).

Участвуя въ славномъ походѣ по льдамъ Ботническаго залива, посреди военныхъ тревогъ, Батюшковъ не забывалъ Тасса и Петрарку, и при этомъ не только не уклонялся отъ военныхъ опасностей, но обнаруживалъ замѣчательное мужество. Тѣмъ не менѣе никогда не предавался онъ совершенно военной службѣ. Съ самыхъ первыхъ шаговъ жизни онъ чувствуетъ въ себѣ призваніе къ словесности, и только что кончилась Шведская война (осенью 1809 года), онъ подалъ въ отставку и поѣхалъ въ Москву (куда по смерти мужа переселилась Екатерина Ѳедоровна Муравьева съ двумя малолѣтными сыновьями своими) и въ Вологодскія деревни къ роднымъ.

Намъ кажется, что съ этого времени наступаетъ самая счастливая пора въ жизни Батюшкова. Онъ молодъ, любимъ и уважаемъ лучшими людьми тогдашняго Русскаго общества; избытокъ жизни выражается въ его писаніяхъ, которыя заслуживаютъ всеобщее одобреніе.

О! пока безцѣнна младость
Не умчалася стрѣлой,
Пей изъ чаши полной радость....
А когда въ сѣни пріютной
Мы услышимъ смерти зовъ,
То, какъ лозы винограда
Обвиваютъ тонкій вязъ,
Такъ меня, моя отрада,
Обними въ послѣдній часъ!
Такъ лилейными руками
Цѣпью нѣжною обвей,
Съедини уста съ устами,
Душу въ пламени излей!
И тогда тропой безвѣстной,
Долу, къ тихимъ берегамъ,
Самъ онъ, богъ любви прелестный,
Проведетъ насъ по цвѣтамъ.

Въ Москвѣ Батюшковъ заключаетъ знакомства, скоро переходящія въ тѣсную пріязнь, съ Жуковскимъ, Д. В. Дашковымъ, кн. П. А. Вяземскимъ. Карамзинъ и Дмитріевъ цѣнятъ и ласкаютъ его талантъ. Осеннія книжки Вѣстника Европы 1809 и первыя 1810-го наполняются его произведеніями. Тутъ напечатаны и эти превосходные переводы изъ Тибулла, Петрарки, Парни и пр., которые до сихъ поръ не утратили свѣжести мужественнаго стиха, какого, казалось бы, нельзя и ожидать отъ 22 лѣтняго писателя. Эти подражанія и переводы стоятъ едва ли не выше подобныхъ произведеній Жуковскаго. Въ Апрѣльской книжкѣ Вѣст. Евр. 1810 появляется, съ начальными буквами его имени, знаменитая картина Финляндіи: „я видѣлъ страну, близкую къ полюсу“ и пр. Нынѣ извѣстно, что это описаніе заимствовано изъ сочиненій Ласепеда; но передѣлка эта одна изъ самыхъ удачнѣйшихъ: не многіе могли у насъ тогда писать такою прозою.

Московская, послѣ-походная жизнь, полная отдыха и раздолья, сдѣлалась для Батюшкова еще пріятнѣе, когда пріѣхалъ въ Москву другъ его Петинъ. „Съ какимъ удовольствіемъ я обнялъ моего друга! Петинъ лечился отъ жестокихъ ранъ и свободное время посвящалъ удовольствіямъ общества, котора-

---

(23) Мы возвратились изъ довольно труднаго похода, т. е. съ Аландскихъ островов. Представьте себѣ войско въ 20 тысячъ человѣкъ на льду, биваками. Но все проходитъ, и опасности забываются, только въ нихъ и толку. Между тѣмъ я прекрасно путешествую; мы были въ 60 верстахъ отъ Стокгольма. Середа на Святой недѣлѣ.“ Этотъ отрывокъ приведенъ въ статьѣ Бунакова, стр. 101.

го прелесть военные люди чувствуютъ живѣе другихъ. Одинъ вечеръ мы просидѣли у камина въ сихъ сладкихъ разговорахъ, которымъ отровенность и веселость даютъ чудесную прелесть. Къ ночи мы вздумали ѣхать на балъ и ужинать въ Собраніи. Проѣзжая мимо Кузнецкаго мосту, пристяжная оторвалась, и между тѣмъ какъ ямщикъ заботился около упряжи, къ намъ подошелъ нищій, *ужасный плодъ войны*, въ лохмотьяхъ, на костыляхъ.—„Пріятель, сказалъ мнѣ Петинъ, мы намѣревались ужинать въ Собраніи; но лучше отдадимъ серебро наше этому бѣдняку, и возвратимся домой, гдѣ найдемъ простой ужинъ и каминъ.“ Сказано, сдѣлано.“ (Воспом. о Петинѣ, стр. 14).

Въ это же время Батюшковъ принялъ участіе въ словесной распрѣ, которая загорѣлась тогда между Шишковымъ и послѣдователями Карамзина. Онъ написалъ свое шутливое и живое „Видѣніе на берегахъ Леты“, гдѣ особенно забавенъ Крыловъ, даже и въ аду спрашивающій себѣ пообѣдать. Стихи эти, оставаясь до самаго 1841 г. въ рукописи, разнесли повсюду имя Батюшкова; ибо извѣстно, что рукописная стихотворная словесность была у насъ до позднѣйшаго времени болѣе распространена, чѣмъ печатная. По поводу этого „Видѣнія“ Батюшковъ такъ писалъ къ А. Н. Оленину изъ Вологодской деревни въ Петербургъ:

„Милостивый государь Алексѣй Николаевичъ. Гнѣдичъ увѣдомляетъ меня, что онъ прочиталъ вамъ мое Видѣніе, что оно вамъ понравилось, что вы изволили съ него взять копію: но въ немъ столько описокъ, столько стиховъ неоконченныхъ, даже безъ римфъ, что я рѣшился, исправя все, послать новой списокъ вашему превосходительству. Гдѣ вы изволили найти трехъ *Сафъ*? и проч. Мнѣ передъ вами оправдываться не нужно: вы знаете совершенно, что позволено шутить не надъ честью, но надъ глупостью писателей. Горацій, Ювеналъ, Боало, Попе, Сумароковъ, всѣ и всѣ не миновали Котеновъ своего вѣка. Умный человѣкъ осмѣянной прощаетъ, дуракъ сердится. Вольтеръ сказалъ въ извѣстномъ стихѣ: qui pardonne a raison, et la colère a tort. (²¹) Но много ли умныхъ? Повѣрьте, ваше превосходительство, что всѣ разсердятся, „и я у всѣхъ сталъ виватъ“, какъ говоритъ нашъ Пиндаръ Державинъ. Впрочемъ Богъ съ ними! Les sots sont ici bas pour nos menus plaisirs (²⁵) Желаю знать, что болѣе понравится вашему превосходительству.—Глинка, напримѣръ, списанъ съ натуры. Паденіе въ рѣку сочинительницы Густава, и г-жъ Буниной и еще какой-то Извѣковой меня самого до слезъ насмѣшили. (²⁶) Желалъ бы очень напечатать въ лицахъ это все маранье. Для рисовщика каррикатуръ пространное поле.

Я давно не получалъ извѣстій отъ васъ, милостивый государь. Это меня безпокоило. Но я васъ пустыми письмами безпокоить не хотѣлъ, зная сколько время вамъ драгоцѣнно. Прошу васъ по крайней мѣрѣ поцѣловать за меня ручку у милостивой государыни

(²¹) Кто прощаетъ, тотъ правъ; а виноватъ кто сердится.

(²⁵) Глупцы на этомъ свѣтѣ годятся для мелкихъ расходовъ ума нашего.

(²⁶) Вотъ эти стихи:

Тутъ Сафы Русскія печальны,
Какъ бабки наши повивальны,
Несли расплаканныхъ дѣтей.
Одна—прости Богъ эту даму!—
Несла уродливую драму,
Позоръ для ада и мужей,
У коихъ сочиняютъ жены.
„Вотъ мой Густавъ, герой влюбленный!“
— „Ага!—судья пѣвицѣ сей:
Названья этого довольно!
Сударыня, мнѣ очень больно,
Что вы, забывъ послѣдній стыдъ,
Убили драмою Густава.
Въ рѣку, въ рѣку!“ О жалкій видъ!
О тщетная поэтовъ слава!
Исчезла Сафо нашихъ дней
Съ печальной драмою своей.—
Потомъ и двѣ другія дамы,
(На дамъ живыя эпиграмы),
Нырнули въ глубь туманныхъ водъ.

Елисаветы Марковны и шепнуть ей подъ часъ, что за здоровье ея молю Бога. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Константинъ Батюшковъ.

23 Ноября 1809 года.

Я скоро ѣду въ Москву. Катерина Ѳедоровна пишетъ, что я негодяй, что я избалуюсь въ деревнѣ; но поѣду черезъ Вологду, гдѣ письмо вашего превосходительства, есть ли удостоите отвѣта, сновидца Іосифа вѣрно застанетъ. Боюсь, чтобъ дамы на меня не прогнѣвались и какъ написалъ Маринъ: „бранитъ меня и дочь и мать полунагая" за потопленіе пѣвицы Густава. Будьте моимъ щитомъ, ваше превосходительство, противъ сѣверныхъ Гіадъ и Фрероновъ."

Съ весны 1810 года Батюшковъ снова поселяется въ Петербургѣ ([27]). Оставивъ военную службу, онъ опредѣлился библіотекаремъ императорской библіотеки, директоромъ который былъ Оленинъ, а однимъ изъ библіотекарей Н. И. Гнѣдичъ, близкій пріятель нашего поэта. Оленинъ и Гнѣдичъ конечно привлекли его къ этой службѣ. Библіотека въ это время была преобразована и открываема для публики; но едва ли Батюшковъ, какъ и другой библіотекарь Крыловъ, принималъ дѣятельное участіе въ библіографическихъ работахъ. Скорѣе можно сказать, что онъ только числился на службѣ. Во всякомъ случаѣ жизнь въ кружкѣ и почти въ семействѣ Оленина, который кромѣ библіотеки завѣдывалъ и академіею художествъ, представляла много удобствъ для занятій умственныхъ и для усовершенствованія вкуса. Оленинъ, также какъ и Муравьевъ, былъ не только горячимъ поклонникомъ, но и ученымъ знатокомъ классической древности, и безъ сомнѣнія имѣлъ вліяніе на Батюшкова.

([27]) Стихи на смерть Спб—ой танцовщицы Даниловой, напечатанные въ Апрѣльской кн. В. Евр. 1810 г. съ означеніемъ: „С.-Петербургъ."

Статья Батюшкова: „Прогулка въ Академіи Художествъ" показываетъ, какъ изучалъ онъ произведенія образовательныхъ искусствъ. Всѣ эти Аполлоны, Діаны и Вакханки, размѣщенные по академическимъ заламъ, такъ и повторились въ пластическихъ стихахъ его:

Эвры волосы взвѣвали,
Перевитые плющомъ....
Стройный станъ, кругомъ обвитый
Хмѣля желтаго вѣнцомъ,
И пылающи ланиты
Розы яркимъ багрецомъ,
И уста, въ которыхъ таетъ
Пурпуровый виноградъ,
Все въ неистовой прельщаетъ,
Въ сердце льетъ огонь и ядъ....

Батюшковъ въ это время много работалъ умственно. Чтеніемъ пріобрѣлъ онъ себѣ богатый запасъ разнородныхъ свѣдѣній, и дружба съ неутомимымъ Гнѣдичемъ могла въ этомъ отношеніи приносить ему большую пользу. Много стиховъ Батюшкова, не вошедшихъ въ собранія его сочиненій, находятся въ одномъ изъ забытыхъ Петербургскихъ журналовъ „Цвѣтникъ", который былъ издаваемъ въ 1809 г. Бенитскимъ и Никольскимъ, а въ 1810 г. Никольскимъ и А. Е. Измаиловымъ. Батюшковъ близко сошелся также въ эту пору съ Д. Н. Блудовымъ, съ А. И. Тургеневымъ и попечителемъ С-Петербургскаго университета (гр.) Уваровымъ. Эти люди были почти ровесники по лѣтамъ, и при всемъ различіи въ служебномъ и общественномъ положеніи, искренніе товарищи по любви къ просвѣщенію и ко всему изящному.

Кажется, что къ этой же Петербургской жизни Батюшкова слѣдуетъ отнести начало той сердечной страсти, которая потомъ владѣла имъ нѣсколько лѣтъ сряду и неудовлетвореніе которой могло быть также одною изъ причинъ послѣдующей горькой его участи. У Олениныхъ жила небогатая дѣвица Анна Ѳедоровна Фурманъ ([28]). Батюшковъ влюбился

([28]) Слышано отъ покойной А. П. Васильчиковой.

въ нее; но какъ видно будетъ дальше изъ писемъ его къ Е. Ѳ. Муравьевой, страсть эта только озабочивала и безплодно раздражала поэта.

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о жизни Батюшкова съ 1810 по августъ 1812 года: отъ этого времени нѣтъ у насъ ни одного письма его. По всему вѣроятію онъ ѣзжалъ на родину. Сестры его, одна за другою, выходили замужъ. Ничего не знаемъ объ отношеніяхъ его къ мачихѣ. Видно только, что онъ не совсѣмъ обезпеченъ былъ въ денежныхъ средствахъ, между тѣмъ какъ слава его росла, и по своимъ талантамъ, вкусамъ и знакомствамъ онъ не могъ довольствоваться тѣсною сферою записнаго ученаго. Кажется, что имѣніе покойной его матери все еще находилось въ распоряженіи отца. Батюшкову приходилось жить очень умѣренно, и хотя онъ поэтически изображаетъ убогую обстановку свою (въ Посланіи къ Жуковскому и кн. Вяземскому, Мои Пенаты); но по всему вѣроятію, въ жизни дѣйствительной, она тяготила пылкаго и самолюбиваго юношу. Надо вспомнить также дороговизну, которою Россія отягчена была тогда, едва ли не болѣе нынѣшняго.

Въ 1812 году, въ Августѣ, Батюшковъ былъ въ Москвѣ и получилъ письмо отъ Петина, писанное наканунѣ Бородинскаго сраженія съ подробнымъ изложеніемъ, какъ расположены войска. „Сію минуту я поскакалъ бы въ армію—пишетъ онъ кн. Вяземсмому, вступившему тогда въ ополченіе—и умеръ бы съ тобою подъ знаменами отечества, еслибъ Муравьева не имѣла во мнѣ нужды. Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ я ее оставить не могу. Повѣрь, мнѣ легче спать на бивакахъ, нежели таскаться во Владимірѣ на протяжныхъ". (Р. Арх. 1866, 222). Этимъ невольнымъ бездѣйствіемъ приносилъ онъ жертву благодарности Муравьевымъ. Во Владимірѣ онъ увидался съ Петинымъ, котораго привезли туда раненаго. Батюшковъ былъ свидѣтелемъ бѣгства Московскихъ жителей, и изобразилъ его потомъ въ извѣстномъ посланіи къ Дашкову (Мой другъ, я видѣлъ море зла). Къ отцу своему онъ писалъ изъ Нижняго, куда довезъ Муравьеву и дѣтей ея: „Городъ и малъ и весь наводненъ Москвою. Печальныя времена! Но мы, какъ граждане и какъ люди, вѣрующіе въ Бога, надежды не должны терять. Зла много, потеря частныхъ людей несчетна, цѣлыя семейства разорены; но еще не все потеряно: у насъ есть милліоны людей и желѣза. Никто не желаетъ мира; всѣ желаютъ войны, истребленія враговъ". (Бунаковъ 10?). Жизнь въ Нижнемъ Новгородѣ, описана довольно подробно въ письмѣ къ кн. Вяземскому (Р. Арх. 1866, 222—225). „Ты меня зовешь въ Вологду — пишетъ онъ кн. Вяземскому—и я конечно пріѣхалъ бы не замедля минутой, еслибъ была возможность, хотя Вологда и ссылка для меня одно и тоже. Я въ этомъ городѣ бывалъ на короткое время и всегда съ новыми огорченіями возвращался. Но теперь увидѣться съ тобою и съ родными для меня будетъ пріятно, если судьбы на это согласятся". Можно ли было думать тогда, что Батюшкову суждено будетъ цѣлую четверть вѣка въ умопомѣшательствѣ прожить и умереть въ этой Вологдѣ! Въ концѣ 1812 г онъ побывалъ въ Вологдѣ, вѣроятно для дѣлъ денежныхъ по случаю сборовъ на войну. Оттуда онъ привезъ Карамзину въ Нижній извѣстіе о кн. Вяземскомъ (Р. Арх. 1866, 231 и 235).

На пути въ Вологду и обратно, ему пришлось *два* раза видѣть обгорѣлую и разграбленную Москву. Невольное бездѣйствіе конечно мучило молодаго человѣка, который зналъ войну не по наслышкѣ и еще не такъ давно самъ принималъ усердное участіе въ походахъ. Какъ только начинало водворяться спокойствіе внутри Россіи, и дорогое для Батюшкова семейство Муравьевыхъ переставало нуждаться въ его охранѣ, Батюшковъ подалъ прошеніе о вступленіи вновь въ военную службу. Онъ былъ принятъ штабсъ-капитаномъ въ Рыльскій пѣхотный полкъ и въ то-

же время назначенъ состоять адъютантомъ при генералѣ Алексѣѣ Николаевичѣ Бахметевѣ. Бахметевъ находился въ это время въ Нижнемъ. Еще въ 1810 г. на приступѣ Рущука, онъ былъ раненъ двумя пулями, одною въ лѣвую ногу на вылетъ, другою въ правую, въ которой пуля и оставалась до тѣхъ поръ, пока Бородинское ядро совсѣмъ не оторвало ему этой правой ноги.

Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Трикраты не подставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды Музы и Хариты....

писалъ Батюшковъ о Бахметевѣ, дожидаясь его выздоровленія. Это ожиданіе продлилось, кажется, довольно долго. Такое положеніе, очевидно, раздражало его, и онъ рѣшился состоять временно при корпусномъ командирѣ Раевскому, которому былъ извѣстенъ еще съ Шведскаго похода. Бахметевъ далъ ему письмо къ Раевскому. Въ началѣ 1813 года Батюшковъ простился съ Муравьевыми и отправился въ армію. Громадное пространство, по которому лежалъ путь двадцатипятилѣтняго поэта, было усѣяно трупами. Ихъ еще только свозили въ общія ямы и предавали огню. Такія, ежедневно представлявшіяся картины смерти, разоренія и всяческой гибели, естественно оставили неизгладимыя впечатлѣнія въ пылкой, нервной душѣ Батюшкова. Всѣ понятія перепутывались въ виду этихъ бѣдствій, причиненныхъ народомъ, который однако слыветъ и имѣетъ право слыть однимъ изъ передовыхъ въ человѣчествѣ, генію котораго Батюшковъ обязанъ былъ лучшими наслажденіями ума и вкуса! Проѣздомъ, Батюшковъ въ *третій* разъ видѣлъ разоренную Москву:

Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священный
Слезами скорби омочилъ.

Батюшковъ настигъ Раевскаго въ Германіи. Раевскій оцѣнилъ его, и онъ находился при немъ безотлучно до самаго вступленія въ Парижъ, т. е. въ теченіе слишкомъ года. Поэтъ снова отдался боевой жизни. Довольно сказать, что онъ участвовалъ въ двухъ главнѣйшихъ сраженіяхъ того года, подъ Кульмомъ (14 августа) и Лейпцигомъ. Подробности изложены имъ въ Воспоминаніи о Петинѣ. Близость къ Раевскому была отличною школою для воина. Въ Лейпцигскомъ сраженіи онъ стоялъ рядомъ съ Раевскимъ, когда картечь раздробила сему послѣднему правое плечо; не взирая на рану, онъ продолжалъ командовать. Оставаясь на лошади и показывая окровавленную руку, Раевскій обратился къ Батюшкову съ французскимъ двустишіемъ:

Je n'ai plus rien du sang qui m'a donné la vie,
Ce sang est epuisé, versé pour la patrie! [29]

Битва продолжалась непрерывно трое сутокъ, отъ 4 до 6 октября 1813 г. Батюшковъ остался невредимъ, но Лейпцигская битва была ему самая памятная, ибо въ ней палъ лучшій другъ его Петинъ. „Этотъ день (5 октября 1813), почти до самой ночи, я провелъ на полѣ сраженія, объѣзжая его съ одного конца до другаго и разсматривая окровавленные трупы — разсказываетъ онъ. — Утро было пасмурное. Около полудня полился дождь рѣками. Все усугубляло мрачность ужаснѣйшаго зрѣлища, котораго одно воспоминаніе утомляетъ душу: зрѣлища свѣжаго поля битвы, заваленнаго трупами людей, коней, разбитыми ящиками и проч. Въ глазахъ моихъ безпрестанно мелькала колокольня, гдѣ покоилось тѣло лучшаго изъ людей, и сердце мое исполнилось горестью несказанною, которую ни одна слеза не облегчила. Проѣзжая черезъ деревню Гроссу, я остановилъ лошадь и спросилъ у егеря, обезображеннаго страшными ранами: гдѣ былъ

(29) У меня нѣтъ больше крови. Я истратилъ ее, проливъ за отечество. (См. Некрологію Раевскаго, Спб. 1829, стр. 11).

убитъ вашъ полковникъ? — За этимъ рвомъ; тамъ, гдѣ столько мертвыхъ.— Я съ ужасомъ удалился отъ роковаго мѣста".

Эта колокольня и эта могила грезились Батюшкову до конца его долгой и несчастной жизни, и въ Вологдѣ черезъ тридцать-сорокъ лѣтъ послѣ Лейпцига все рисовалъ онъ ихъ и наклеивалъ вмѣстѣ съ цвѣтами и птичками, въ кроткія минуты своего умопомѣшательства.

.... о воинъ вѣчно милой!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ,
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ!
Или протекшее все было сонъ, мечтанье,
Все, все: и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?

Послѣ Лейпцигской битвы наступило на нѣсколько времени затишье. Раненый Раевскій, сдавъ команду генералъ адъютанту кн. В. С. Трубецкому, уѣхалъ лечиться на воды и взялъ съ собою Батюшкова, который писалъ изъ Веймара къ сестрѣ своей въ Вологодскую деревню: „Мы были въ безпрестанномъ движеніи отъ Теплица къ Лейпцигу, гдѣ было жестокое сраженіе, и потомъ отъ Лейпцига къ Веймару. Генералъ Раевскій былъ раненъ подъ Лейпцигомъ, но теперь, слава Богу, ему получше. Меня Богъ помиловалъ: ни я ни моя лошадь, не были ни разу задѣты среди самаго сильнаго огня, въ которомъ когда либо въ жизни моей я находился. Но, во время Лейпцигскаго сраженія, я потерялъ добраго пріятеля Петина: онъ убитъ пулею на вылетъ, и сія потеря меня до сихъ поръ разстраиваетъ. Мы теперь въ Веймарѣ болѣе трехъ недѣль. Главная квартира во Франкфуртѣ на Майнѣ, куда и мы скоро поѣдемъ. Французы разбиты, но миръ еще не близокъ. Генералъ Раевскій ко мнѣ благосклоненъ и представилъ меня: за первые два дѣла ко Владиміру съ бантомъ, за Лейпцигъ къ Аннѣ на шею. Если получу сіи знаки, то буду съ избыткомъ награжденъ; если же и не получу ихъ, то мнѣ будетъ утѣшно вспоминать, что я находился при храбромъ Раевскомъ. Знаешь ли новую страсть? — Нѣмецкій языкъ. Я нынѣ, живучи въ Германіи, выучился говорить по нѣмецки, и читаю все нѣмецкія книги. Не удивляйся тому: Веймаръ есть отчизна Гете, сочинителя Вертера, славнаго Шиллера и Виланда. Здѣсь прекрасная библіотека, англійскій садъ, въ которомъ я часто гуляю, ибо снѣгу здѣсь нѣтъ почти во всю зиму, а на Рейнѣ еще менѣе". (Бунаковъ, стр. 105).

Подробности о заграничной жизни своей, о пребываніи съ Раевскимъ въ февралѣ 1814 г. въ Вольтеровомъ замкѣ Сиреѣ, и проч. Батюшковъ самъ передаетъ въ письмахъ къ друзьямъ, находящихся въ собраніи его сочиненій. Мы приведемъ изъ нихъ писанное въ Спб. къ Д. В. Дашкову, такъ какъ въ печати оно до сихъ поръ появлялось не вполнѣ (получено нами въ спискѣ изъ бумагъ А. И. Тургенева).

„Парижъ, 25 Апрѣля 1814.

Письмо ваше отъ 25 Января я получилъ на маршѣ изъ Витри-ле-Франсé къ Фершампенуазу, и не могу вамъ описать удовольствіе, съ какимъ я прочиталъ его, любезный другъ Дмитрій Васильевичъ! Сто разъ благодарю васъ за пріятное ваше посланіе къ полу-варвару Батюшкову, покрытому военнымъ прахомъ, забывшему и Музу и ея служителей, но не забывшему друзей, въ числѣ которыхъ вы всегда жили въ моемъ сердцѣ. Столько и столько пріятныхъ минутъ, проведенныхъ съ вами на берегахъ Невской Наяды, и въ шумѣ городскомъ, и въ уединенныхъ бесѣдахъ, гдѣ мы дѣлали другъ другу откровенія *не о любимцахъ щастья*, нѣтъ, а о дружбѣ нашей, о пламенной любви къ словесности, къ поэзіи и ко всему прекрасному и величественному,—

даютъ мнѣ право на ваше воспоминаніе. Въ жизни моей я былъ обманутъ во многомъ,—кромѣ дружбы. Ею могу еще гордиться; она примиряетъ меня съ жизнію, часто печальною, и съ міромъ, который покрытъ развалинами, гробами и страшными воспоминаніями.

Теперь нѣсколько словъ о себѣ. Вы не будете требовать отъ меня цѣлой Одиссеи, то-есть описанія моихъ походовъ и странствій: для этого недостаетъ у меня бумаги, а у васъ терпѣнія. Скажу вамъ просто: я въ Парижѣ! La messagère indifférente, молва, извѣстила васъ давно о нашихъ побѣдахъ, чудесныхъ по истинѣ: это все давнымъ давно извѣстно и расплоожено въ англійскомъ клубѣ, и въ газетахъ, и въ *Сынѣ Отечества*, и у Глинки, и въ оффиціальныхъ одахъ постояннаго Хлыстова; однимъ словомъ это старина для васъ, жителей мирнаго Питера. Но повѣрите ли, мы, которые участвовали во всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, мы едва ли до сихъ поръ вѣримъ, что Наполеонъ исчезъ, что Парижъ нашъ, что Лудовикъ на тронѣ и что сумасшедшіе соотечественники Монтескье, Расина, Фенелона, Робеспьера, Кутона, Дантона и Наполеона поютъ по улицамъ: „Vive Henry quatre, vive le Roy vaillant!" Такія чудеса превосходятъ всякое понятіе. И въ какое короткое время, и съ какими странными подробностями, съ какимъ кровопролитіемъ, съ какою легкостію и легкомысліемъ! Чудны дѣла Твоя, Господи!

Нѣтъ, любезный другъ, надо имѣть весьма здоровую голову, чтобъ понять всѣ дѣла сіи и чтобы слѣдовать за всѣми обстоятельствами.... Я отъ этой работы отказываюсь, я, который часто не понималъ стиховъ Шихматова.

Скажу просто: я въ Парижѣ. Первые дни нашего здѣсь пребыванія были дни энтузіазма. Теперь мы покойнѣе. Бродить по бульвару, обѣдать у Bauvilliers, посѣщать театръ, удивляться искусству, необыкновенному искусству Тальмы, смѣяться во все горло проказамъ Брюнета, стоять въ изумленіи передъ Аполлономъ Бельведерскимъ, передъ картинами Рафаеля, въ великолѣпной галлереѣ Музеума, зѣвать на площади Лудовика XV или на Новомъ мосту, на поприщѣ народныхъ дурачествъ, гулять въ великолѣпномъ Тюльери, въ Ботаническомъ саду или въ окрестностяхъ Парижа, среди необозримой толпы парижскихъ гражданъ, жрицъ Венериныхъ, старыхъ роялистовъ, республиканцевъ, бонапартистовъ и проч. и пр. и пр., теперь мы все это дѣлаемъ и дѣлать можемъ; ибо мы отдохнули и тѣломъ и душою. Замѣтьте, что мы имѣемъ важное преимущество надъ прежними путешественниками: мы путешественники вооруженные. Я часто съ удовольствіемъ смотрю, какъ наши казаки безпечно проѣзжаютъ черезъ Аустерлицкій мостъ, любуясь его удивительнымъ построеніемъ (30); съ удовольствіемъ неизъяснимымъ вижу русскихъ гренадеръ передъ Трояновой колоной или у рѣшетки Тюльери, передъ Arc de triomphe, гдѣ изображены и Ульмъ, и Аустерлицъ, и Фридландъ, и Іена. Еще съ бóльшимъ удовольствіемъ смотрю на нашихъ войновъ, гуляющихъ съ инвалидами на широкой площади, принадлежащей ихъ дому.

Французы дорого заплатили за свою славу, любезный другъ! Они должны быть благодарны нашему Царю за спасеніе не только Парижа, но цѣлой Франціи,—и благодарны: это меня примиряетъ нѣсколько съ ними. Впрочемъ этотъ народъ не заслуживаетъ уваженія, особливо народъ парижскій.

---

(30) Въ стихотворномъ разсказѣ своемъ „Странствователь и Домосѣдъ", Батюшковъ вспоминаетъ эти сцены·

На площадь всякъ идетъ для дѣла и безъ дѣла;
Нахлынули, вся площадь закипѣла.
Вы помните, бульваръ кипѣлъ въ Парижѣ такъ
Народа праздными толпами,
Когда по немъ леталъ съ нагайкою казакъ,
Иль сѣверный Амуръ съ колчаномъ и стрѣлами."

Я вижу отсюда, что Дмитрій Васильевичъ, читая мое письмо, киваетъ головою. „Богъ съ ними, что мнѣ до народа французскаго? Зачѣмъ Батюшковъ не говоритъ мнѣ о литературѣ, о Лицеѣ, о славныхъ ученыхъ мужахъ, объ остроумныхъ головахъ, о поэтахъ; однимъ словомъ о людяхъ, которымъ я, живучи на берегахъ Ладожскаго озера и Невы, обязанъ сладостными минутами, которыхъ имя одно пробуждаетъ въ головѣ тысячу воспоминаній пріятныхъ, тысячу понятій....“ Извольте! Я скажу вамъ вопервыхъ, что въ шумѣ военномъ я забылъ, что существовала Академія изъ сорока членовъ, точно такъ какъ забылъ, что есть Бесѣда, Академія Русская и Палицынъ, гроза чтецовъ. Но разъ, перейдя за Королевскій мостъ, забрелъ я случайно къ Дидоту, любовался у него изданіемъ Лафонтена и Расина, и разговаривая съ его повѣреннымъ, узналъ ненарокомъ, что завтра ([31]) въ 3 часа пополудни, второй классъ Института будетъ имѣть торжественное засѣданіе. Вооружась билетомъ для прохода чрезъ врата учености въ сіе важное святилище Музъ, я, вашъ маленькій Тибуллъ, или проще капитанъ русской императорской службы, что̀ въ нынѣшнее время важнѣе нежели бывшій кавалеръ или всадникъ римскій (ибо, по словамъ Соломона, „живой воробей лучше мертваго льва“)—я, вашъ пріятель, наступилъ на горло какому-то члену Общества, и вошелъ въ залу, пробираясь сквозь толпу любопытныхъ. „Вотъ, садитесь здѣсь, или станьте за моимъ табуретомъ, сказала мнѣ прекрасная женщина; здѣсь вы все увидите, все услышите.“ Я сталъ за табуретомъ, и съ удовольствіемъ взглянулъ на залу и на блестящее собраніе отборной публики.... парижской! Зала прекрасная: она построена крестообразно. Въ четырехъ нишахъ, составляющихъ углы ротонды, поставлены четыре статуи, произведеніе искусства французскихъ художниковъ, статуи великихъ людей: Сюлли, Монтескье, Боссюета и Фенелона. Отъ ротонды возвышается амфитеатръ, посвященный для зрителей; ротонда для членовъ и важныхъ посѣтителей. Члены сбирались мало по малу, и Французъ, мой сосѣдъ, называлъ ихъ: Вотъ Сюаръ, вотъ Буфлеръ, вотъ Сикаръ, а это, съ красной лентой, старикъ Сегюръ! Вотъ Етьенъ, сочинитель хорошей комедіи; возлѣ него Пикаръ, любимый авторъ парижскій! Съ ними были и другіе члены прочихъ классовъ Института, которые имѣютъ право засѣдать въ торжественныхъ собраніяхъ. Ни Парни, ни Фонтаня я не видѣлъ. Шатобріана, кажется, не было. Наполеонъ не согласенъ былъ на принятіе его въ члены, за нѣсколько строкъ въ рѣчи автора *Аталы* противъ правленія или противъ его особы. За то и Шатобріанъ не пощадилъ его въ послѣднемъ сочиненіи, которое вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно ([32]).—Наконецъ, при плескѣ публики, при безпрестанныхъ восклицаніяхъ „Vive Alexandre, le magnanime Alexandre! Vive le Roy de Prusse! Vive le général Sacken!“ вошли наши герои.

Лакретель, секретарь академіи ([33]), читалъ имъ привѣтствіе. Я съ удоволствіемъ слушалъ его. Лакретель, какъ писатель, имѣетъ достоинства: вы кажется любите его „Исторію Революціи“ и „Исторію послѣдняго вѣка.“ За симъ, снова рукоплесканія, снова восклицанія: „да здравствуетъ императоръ!“ и пр.

Они замолкли, и г. Вильменъ, молодой человѣкъ 22-хъ лѣтъ, началъ читать снова привѣтствіе Государю и просилъ публику выслушать разсужденіе „о пользѣ и невыгодахъ критики,“ увѣнчанное Институтомъ. Молчаніе глубокое. Всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ длин-

---

([31]) Торжественное засѣданіе Института было 21 Апрѣля. *В. П.*

([32]) *Сочиненіе*: De Buonaparte, des Bourbons et de la nécessité de se rallier à nos princes légitimes pour le bonheur de la France et celui de l'Europe par *F. A. Chateaubriand. В. П.*

([33]) Лакретель—президентъ. Секретаремъ былъ Сюаръ. *В. П.*

ную рѣчь молодаго профессора, весьма хорошо написанную, какъ мнѣ показалось; часто аплодировали блестящимъ фразамъ и болѣе всего тому, что̀ имѣло какое-нибудь отношеніе къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ. „Браво, г. Вильмень! Продолжайте!“ говорили женщины.—„Онъ *мыслитъ*, il pense,“ говорили мущины, поправляя галстухъ съ обыкновенною важностію... и всѣ были довольны. „Какъ онъ молодъ! шептали женщины. Какъ онъ молодъ! И два раза увѣнчанъ Академіей! Въ первый разъ за похвальное слово Монтаню... „въ которомъ много глубокихъ мыслей,“ прибавилъ мужчина, мой сосѣдъ.—„Не мудрено, продолжалъ другой: онъ говорилъ о Монтанѣ!“

По окончаніи рѣчи, президентъ обнялъ два раза молодаго профессора и провозгласилъ его побѣдителемъ, при шумныхъ рукоплесканіяхъ публики. Государь и Король Прусскій сказали ему нѣсколько учтивыхъ словъ: молодой авторъ былъ на розахъ.

Нынѣшній годъ была предложена къ увѣнчанію „Смерть Баярда;“ но по слабости поэзіи не получила обыкновенной награды. Теперь отгадайте какой предметъ назначенъ для будущаго года? „Польза прививанія коровьей оспы!!“ Это хоть бы нашей Академіи выдумать[34]! По этому, любезный другъ, можете судить о состояніи французской словесности. Ее не любилъ Наполеонъ. Математикъ во всякомъ случаѣ бралъ преимущество надъ членомъ втораго класса Института ([35]), что̀ не мало послужило къ упадку Академіи французской. Правленіе должно лелѣять и баловать Музъ; иначе онѣ будутъ безплодны. Слѣдуя обыкновенному теченію вещей, я думаю, что вѣкъ славы для французской словесности прошелъ и врядъ-ли можетъ когда нибудь воротиться. Впрочемъ мирное отечественное правленіе будетъ во сто разъ благосклоннѣе для Музъ судорожнаго тиранскаго правленія Корсиканца, который въ великолѣпныхъ памятникахъ парижскихъ доказалъ, что онъ не имѣетъ вкуса, и что „Музы отъ него чело свое сокрыли.“

Теперь вы спросите у меня, что̀ мнѣ болѣе всего понравилось въ Парижѣ? Трудно рѣшить. Начну съ Аполлона Бельведерскаго. Онъ выше описанія Винкельманова: это не мраморъ—богъ! Всѣ копіи этой безцѣнной статуи слабы, и кто не видалъ сего чуда искусства, тотъ не можетъ имѣть о немъ понятія. Чтобъ восхищаться имъ, не надо имѣть глубокихъ свѣдѣній въ искусствахъ: надобно чувствовать. Странное дѣло! Я видѣлъ простыхъ солдатъ, которые съ изумленіемъ смотрѣли на Аполлона. Такова сила генія! Я часто захожу въ Музеумъ единственно за тѣмъ, чтобы взглянуть на Аполлона, и какъ отъ бесѣды мудраго мужа и милой, умной женщины, по словамъ нашего поэта, „лучшимъ возвращаюсь.“ Ни слова о другихъ рѣдкостяхъ, ни слова о великолѣпной картинной галлереѣ, единственной въ своемъ родѣ; ни слова о рѣдкостяхъ парижскихъ, о театрахъ, о Дюшенуа, о Тальмѣ и проч. и пр. Я боюсь вамъ наскучить моими замѣчаніями. Но позвольте, мимоходомъ разумѣется, похвалить женщинъ. Нѣтъ, онѣ выше похвалъ, даже самыя прелестницы.

Предъ ними истощаетъ
Любовь златой колчанъ.
Все въ нихъ обворожаетъ:
Походка, легкій станъ,
Полу-нагія руки
И полный нѣги взоръ,
И устъ волшебны звуки,
И страстный разговоръ.
Все въ нихъ очарованье!
А ножка.... милый другъ,
Она—Харитъ созданье,
Кипридиныхъ подругъ.

(34) Путешественнику „вооруженному“ могъ не нравиться выборъ задачи; но Геній мира вѣялъ тогда надъ міромъ, тѣмъ болѣе во храмѣ наукъ и искусствъ. На 1815 годъ повторена та же поэтическая тема („Смерть Баяра“), а кромѣ того предложена новая: „Изобрѣтеніе коровьей оспы.“ Замѣчательно, что одинъ и тотъ же поэтъ, Alexandre Soumet воспѣлъ оба событія и былъ увѣнчанъ Академіей. *В. П.*

(35) Такъ названа, при преобразованіи, франц. Академія: *Academie Francaise*. *В. П.*

Для ножки сей—о вѣчны боги!
Усѣйте розами дороги
Иль пухомъ лебедей!
Самъ Фидій передъ ней
Въ восторгѣ утопаетъ;
Поэтъ—на небесахъ,
И труженикъ, въ слезахъ,
Молитву забываетъ!

И такъ мнѣ болѣе всего понравились ноги; прелестныя ноги прелестныхъ женщинъ въ мірѣ. De gustibus non disputandum. У англійскаго генерала недавно спрашивали французскіе маршалы, что̀ ему болѣе всего понравилось въ Парижѣ? „Русскіе гренадеры", отвѣчалъ онъ. Пусть Сѣверинъ скажетъ вамъ теперь, что̀ ему понравилось въ столицѣ міра. Сѣверинъ здѣсь; мы съ нимъ видимся каждый день; бродимъ по улицамъ, и часто, очень часто вспоминалъ о Дашковѣ. Я ему уступаю перо до перваго случая.

Теперь простите. Если Иванъ Ивановичъ ([36]) въ Петербургѣ, то покорнѣйше прошу васъ засвидѣтельствовать ему мое почтеніе. Поклонитесь знакомымъ; обнимите Блудова и скажите ему, что Батюшковъ любитъ его и уважаетъ по старому. Тургеневу ([37]) ни слова обо мнѣ:

Ему ли помнить насъ
На шумной сценѣ свѣта?
Онъ помнитъ лишь обѣда часъ
И часъ великій Комитета!

Батюшковъ".

Письменнымъ памятникомъ осмотра Парижскихъ достопримѣчательностей осталась слѣд. записка, полученная Батюшковымъ отъ Камилла Вюдо и случайно попавшая къ намъ въ руки:

„Monsieur. J'ai rempli ma promesse, j'ai fait part à M-r Lebreton, membre de l'Institut et sécrétaire perpetuel de la classe des beaux arts du désir que vous avez manifesté de voir la bibliothèque de l'Institut. Il a été enchanté de trouver une occasion de faire connaitre une partie de notre richesse nationale à des étrangers aimables et qui d'après ce que j'ai vu ne sont pas du tout étrangers aux arts et à la litterature française. M-r Lebreton se trouvera samedi prochain 23 du courant depuis 2 heures jusqu'à 4 dans son cabinet à l'Institut. Il sera aux ordres de Mr Batuskoff pendant ce temps. Veuillez agréer je vous prie mes salutations et l'assurance du plaisir que j'ai à faire quelque chose qui vous soit agreable.

Camille Vudot».

Адресъ: Monsieur Batuskof, aide de camp, rue St. George, N 32.

Какъ прежде, въ войну Шведскую, такъ и теперь, въ тревогахъ боевой жизни Батюшковъ не покидалъ поэзіи, служеніе которой было его настоящимъ призваніемъ. Онъ написалъ тогда извѣстныя свои стихотворенія: *Ильинный* (Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ) и *Переходъ черезъ Рейнъ:*

И часъ судьбы насталъ! Мы здѣсь сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и громами!...
Стеклись съ морей, покрытыхъ льдами,
Отъ струй полуденныхъ, отъ Каспія валовъ,
Отъ волнъ Улеи и Байкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала!

Но все это были впечатлѣнія внѣшнія. О себѣ лично, о внутреннемъ состояніи своемъ Батюшковъ писалъ къ кн. Вяземскому изъ Парижа, 17 мая 1814 года: „Съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ Петербургъ, и еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ мы переступили за Рейнъ, ни одного дня истинно-покойнаго не имѣлъ. Безпрестанные марши, биваки, сраженія, ретирады, усталость душевная и тѣлесная, однимъ словомъ вѣчное безпокойство: вотъ моя исторія. Замѣть однакоже, что при всякомъ отдыхѣ я думалъ о тебѣ и о Россіи. Нѣтъ, милый мой Вяземскій, тѣсно связана жизнь наша, слишкомъ тѣсно, чтобъ когда либо мы могли забыть другъ друга. — Ни слова теперь не скажу о Парижѣ. Два мѣсяца я живу здѣсь въ безпрерывномъ шумѣ и движеніи. Насилу и теперь отдохнулъ во время моей болѣзни, которая меня предъ отъ-

([36]) Дмитріевъ.
([37]) Александру Ивановичу.

ѣздомъ недѣлю продержала въ постели. Сѣверинъ меня часто посѣщалъ. Онъ сегодня отправился въ Лондонъ, куда и я намѣренъ ѣхать, если что важное не воспрепятствуетъ. Воображаю себѣ минуту нашего соединенія: мы выпишемъ Жуковскаго, Сѣверина; возобновимъ старый кругъ знакомыхъ, и на пеплѣ Москвы, въ объятіяхъ дружбы, найдемъ еще сладостную минуту.... Я забылъ, что океанъ раздѣляетъ насъ, и что можетъ быть не ранѣе августа я могу возвратиться въ Петербургъ. Эта мысль меня печалитъ. Отдыхъ мнѣ нуженъ, а болѣе всего твое утѣшительное дружество.... Я въ Парижъ въѣхалъ съ восхищеніемъ и оставляю его съ радостію.“ (Р. Арх. 1866, 859—862).

Въ Англіи Батюшковъ пробылъ не долго. Пестрота впечатлѣній этихъ двухъ лѣтъ умножилась для него морскимъ, довольно продолжительнымъ, плаваніемъ, которое онъ предпринялъ изъ Англіи и которое описано имъ въ письмѣ къ Д. П. Сѣверину (въ собраніи сочиненій) и въ прекрасной элегіи *Тѣнь друга.* Англійскій пакетботъ Альбіонъ довезъ Батюшкова до Шведскаго берега, до Готенбурга. Тутъ пришлось ему ждать, ибо не было корабля, который бы прямо отправлялся въ Петербургъ. Вслѣдствіе этого Батюшковъ рѣшился съѣздить въ Стокгольмъ, гдѣ тогда совѣтникомъ посольства находился близкій пріятель его (гр.) Д. Н. Блудовъ, тоже собиравшійся въ Россію. Къ этому времени слѣдуетъ отнести стихи *На развалинахъ замка въ Швеціи* и прекрасный отрывокъ *Воспоминанія.* Съ Блудовымъ и его семействомъ черезъ Або, въ первыхъ числахъ іюля 1814 года, Батюшковъ возвратился въ Петербургъ послѣ двухлѣтняго почти отсутствія.

Я самъ, друзья мои, дань сердца заплатилъ,
Когда, волненьями судьбины
Въ отчизну брошенный изъ дальнихъ странъ чужбины,
Увидѣлъ наконецъ адмиралтейскій шпицъ,
Фонтанку, этотъ домъ.... и столько милыхъ лицъ,
Для сердца моего единственныхъ на свѣтѣ!

Въ Петербургѣ въ это время все готовилось къ встрѣчѣ государя, который возвратился 13 іюля этого года, проведши полтора года внѣ Россіи. Все оживилось и принимало торжественный видъ. Старикъ Нелединскій-Мелецкій тотчасъ же обратился къ Батюшкову съ просьбою написать куплеты для праздника, который императрица-мать устроивала въ Павловскѣ побѣдоносному сыну (Р. Арх. 1866, 886).

Послѣ этихъ праздниковъ въ скоромъ времени императоръ Александръ Павловичъ, какъ извѣстно, снова уѣхалъ за границу, на Вѣнскій конгрессъ, и въ Петербургѣ снова наступило затишье. Тягостныя ощущенія овладѣли многими Русскими людьми того времени. Это было нѣкотораго рода похмѣлье послѣ упоенія недавнею славою. Въ самомъ дѣлѣ, надъ головами этихъ людей пронеслись величайшія событія; казалось, что послѣ того, что́ испытать привела судьба, вся обстановка Русской жизни должна была измѣниться. Между тѣмъ все оставалось по прежнему, все спало внутри Россіи; ни объ одномъ изъ внутреннихъ бытовыхъ вопросовъ, которые въ наши дни составляютъ дорогое, многозаботное содержаніе Русской жизни, не было въ то время и помину. Іезуиты управляли воспитаніемъ юношества; въ изобильнѣйшей странѣ надлежало платить въ тридорога, чтобы жить сколько нибудь сносно; безурядица и неправда господствовали въ судахъ; великія воспоминанія двухъ послѣднихъ лѣтъ заволакивались тиною пошлости, и героемъ будничнаго дня являлся все тотъ же Аракчеевъ, который самое названіе Парижа писалъ „Парышъ“. Оттого-то лучшіе люди искали исхода своей энергіи внѣ современности. Карамзинъ уединялся въ занятіяхъ историческихъ, Жуковскій создавалъ себѣ свой особый міръ мечтательной поэзіи; образованные люди цѣлыми толпами уходили въ масонство и въ другія тайныя общества. Оттого-

то въ нижеслѣдующихъ письмахъ слышится невыносимая тоска:...

Однимъ изъ первыхъ впечатлѣній, поразившихъ Батюшкова по пріѣздѣ въ Петербургъ, было сумасшествіе славнаго драматурга Озерова, который погибалъ жертвою пылкости, самолюбія и какихъ-то доселѣ неразъясненныхъ навѣтовъ. Встрѣтившись съ (гр.) Д. Н. Блудовымъ и другими пріятелями въ Императорской публичной библіотекѣ и заговоривъ объ Озеровѣ, Батюшковъ сказалъ между прочимъ: „Вотъ каково водиться около риѳмъ! Это сходитъ съ рукъ только мнѣ да графу Дмитрію Ивановичу (Хвостову)“. ([38])

„Меня здѣсь ласкаютъ добрые люди— писалъ Батюшковъ къ роднымъ. Я на розахъ какъ авторъ и на шипахъ какъ человѣкъ. Успѣхи въ словесности ни къ чему не ведутъ, и ими восхищаться не должно: тѣ, которые хвалятъ, завтра бранить будутъ. Ничего вѣрнаго не имѣю, кромѣ 400 рублей доходу“. (Бунаковъ, стр. 112).

Приводимъ относящееся къ этой порѣ письмо Батюшкова къ находившемуся тогда подъ Бѣлевымъ другу его Жуковскому (сообщено В. С. Порошинымъ въ спискѣ изъ бумагъ А. И. Тургенева):

„Я часто сбирался писать къ тебѣ, мой милый другъ, и до сихъ поръ незнаю что могло помѣшать. Къ несчастію моему, я уже давно въ Петербургѣ. Къ несчастію! Развѣ ты не знаешь, что мнѣ не посидится на мѣстѣ, что я сдѣлался совершеннымъ Калмыкомъ съ нѣкотораго времени, и что пріятелю твоему нуженъ *осѣдлокъ*, какъ говоритъ Шишковъ, пристанище, гдѣ онъ могъ бы дышать свободнѣе, въ кругу такихъ людей какъ ты напримѣръ. И много ли мнѣ надобно? Цвѣты и убѣжище, какъ говоритъ терзатель Делиля, этотъ злой и добрый духъ, который прогуливается на землѣ въ видѣ Воейкова. Съ несчастію, ни цвѣтовъ, ни убѣжища!.. Однѣ заботы житейскія и горести душевныя, которыя лишаютъ меня всѣхъ силъ и способовъ быть полезнымъ себѣ и другимъ! Какъ мы перемѣнились съ онаго счастливаго времени, когда у Дѣвичьяго монастыря ты жилъ съ Музами въ сладкой бесѣдѣ! ([39]) Не знаю, былъ ли ты тогда счастливъ, но я думаю, что это время моей жизни было счастливѣйшее: ни заботъ, ни попеченій, ни предвидѣнія! Всегда съ удовольствіемъ живѣйшимъ вспоминаю и тебя и Вяземскаго, и вечера наши, и споры, и шалости, и проказы. Два вѣка мы прожили съ того благополучнаго времени. Я самъ кружился въ вихрѣ военномъ, и, какъ слабое насѣкомое, какъ бабочка, утратилъ свои крылья. До Парижа я шелъ съ арміей, въ Лейпцигѣ потерялъ добраго Петина. Мы будемъ всегда помнить этого молодаго человѣка: рѣдкая душа—и такъ рано погибнуть! — Въ Парижъ я вошелъ *съ мечемъ въ рукѣ*. Славная минута! Она стоитъ цѣлой жизни. Два мѣсяца я кружился въ вихрѣ Парижскомъ. Но повѣришь ли? Посреди чудеснаго города, среди разсѣянія, я былъ такъ грустенъ, иногда такъ недоволенъ собою, отъ усталости конечно! Изъ Парижа въ Лондонъ; изъ Лондона въ Готенбургъ, въ Штокгольмъ. Тамъ нашелъ Блудова; съ нимъ въ Або и въ Петербургъ. Вотъ моя Одиссея! По истиннѣ Одиссея! Мы подобны теперь Гомеровымъ воинамъ, разсѣяннымъ по лицу земному. Каждаго изъ насъ гонитъ какой нибудь мститель-богъ. Кого Марсъ, кого Аполлонъ, кого Венера, кого Фуріи, а меня Скука. Самое маленькое дарованіе мое, которымъ подарила меня судьба, конечно въ гнѣвѣ своемъ, сдѣлалось моимъ мучителемъ. Я вижу его безполезность для общества и для себя. Что въ немъ, мой милый другъ? И чѣмъ замѣню утраченное время? Дай мнѣ совѣтъ, научи меня, наставь меня: у тебя доброе сердце, умъ просвѣщенный.

([38]) Слышано отъ гр. Д. Н. Блудова.

([39]) Въ Москвѣ въ 1809 году.

Будь же моимъ вожатаемъ! Скажи мнѣ, къ чему прибѣгнуть, чѣмъ занять пустоту душевную; скажи мнѣ, какъ могу быть полезенъ обществу, себѣ, друзьямъ? — Я оставляю службу по многимъ важнымъ для меня причинамъ, и не останусь въ Петербургѣ. Къ гражданской службѣ я не способенъ. Плутархъ не стыдился считать кирпичи въ маленькой Херонеѣ: я не Плутархъ къ несчастію, и не имѣю довольно философіи, чтобъ заняться бездѣлками (40). Чтожъ дѣлать? Писать стихи? Но для того нужна сила душевная, спокойствіе, тысяча надеждъ, тысяча очарованій и въ себѣ и кругомъ себя, и твое дарованіе безцѣнное.

Если захочешь, можешь отвѣчать на мой бредъ. Теперь поговоримъ о дѣлѣ, священномъ для тебя и для меня, по многимъ причинамъ. Списка сочиненій Муравьева я не получилъ, и съ кѣмъ ты послалъ, я не знаю. Милый другъ! Тебѣ дано порученіе по твоему произволу, и ты до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ. Карамзинъ, занятый постоянно важнѣйшимъ дѣломъ, какое когда либо занимало гражданина, нашелъ свободное время для исправленія рукописей Муравьева (41). Я не стану тебѣ дѣлать упрековъ; но долгомъ поставляю отъ лица общества просить тебя снова начать прерванный трудъ. Доставь мнѣ списокъ исправленный стиховъ по крайней мѣрѣ, и съ вѣрной оказіей. Я беру на себя трудъ издателя. Доставь его въ скоромъ времени. Здѣсь я перебираю прозу. Вотъ мое единственное и сладостное занятіе для сердца и ума. Сколько воспоминакій! Перечитывая эти безцѣнныя рукописи, я дышу новымъ воздухомъ, бесѣдую съ новымъ человѣкомъ, и съ какимъ!... Нѣтъ, никогда не повѣрю, что ты лѣнь предпочелъ удовольствію заниматься и трудиться надъ остатками столь рѣдкаго дарованія, надъ прекраснымъ наслѣдствомъ нашимъ! Сдѣлай маленькое предисловіе, то что̀ сдѣлалъ Н. М. въ своемъ изданіи. Жизнь (42) будетъ не нужна. Нѣсколько строкъ твоей прозы и твое имя: вотъ о чемъ прошу тебя, жестокой! Бога ради пришли скорѣе все,—иначе я и Блудовъ мы утратимъ половину нашего уваженія къ тебѣ: любить тебя менѣе будемъ, ежели это возможно. Ты не похожъ на одного нашего пріятеля N N, который на мѣсто замѣчаній на мое письмо о Муравьевѣ, прислалъ мнѣ кучу площадныхъ шутокъ, достойныхъ Пушкина (43). Какъ можно до такой степени утратить свой умъ и нравственную грацію? Я долгомъ, и священнымъ долгомъ поставляю себѣ возвратить обществу сочиненія покойнаго Муравьева. Между бумагами я нашелъ *Письма Емильевы*, составленныя изъ отрывковъ: ихъ то я хочу напечатать. Я увѣренъ, что они будутъ полезны для молодости и пріятное чтеніе для ума просвѣщеннаго, для добраго сердца. Воейковъ—изъ пріязни ко мнѣ (я не смѣю думать, чтобъ моя проза имѣла какое нибудь достоинство) Воейковъ назначилъ нѣсколько моихъ піесъ и между ими письмо о Муравьевѣ. Ты имѣешь его. Замѣть то что̀ тебѣ не понравится: ошибки противъ слога. Прибавь, если хочешь. Это письмо будетъ имѣть *интересъ*: я говорилъ о нашемъ Фенелонѣ съ чувствомъ; я зналъ его, сколь можно знать человѣка въ мои лѣта. Я обязанъ ему всѣмъ, и тѣмъ, можетъ быть, что я умѣю любить Жуковскаго. Я еще разъ повторю: изъ 2-хъ книгъ Муравьева, Карамзинымъ изданныхъ, изъ стиховъ и прозы, которые ты наберешь, изъ писемъ Емилія, ко-

(40) Вѣрное изображеніе того настроенія духа, въ которомъ находились тогда многіе изъ нашихъ военныхъ, по возвращеніи изъ за-границы, гдѣ они участвовали въ великихъ міровыхъ событіяхъ. В. П.

(41) Корректурные листы сочиненій Муравьева, съ многочисленными измѣненіями въ слогѣ, сдѣланными Карамзинымъ, хранятся въ Чертковской библіотекѣ. Это Опыты, изд. 1810 г.

(42) Т. е. біографія *В. П.*

(43) Т. е. Василья Львовича или Алексѣя Михайловича.

торыя я намѣренъ напечатать, мы составимъ нѣчто цѣлое. Катерина Ѳедоровна не пожалѣетъ денегъ на изданіе. Она любитъ и гордится славою своего незабвеннаго друга. Вотъ будетъ книга, рѣдкая у насъ въ Россіи! Это изданіе меня занимаетъ: ты не разсѣешь конечно моей надежды. Лѣность твоя не можетъ быть извиненіемъ, когда дѣло идетъ о пользѣ общественной и о выгодахъ мертваго. ([44])

Тургеневъ сказывалъ мнѣ, что ты пишешь балладу. Зачѣмъ не поэму? Зачѣмъ не переводишь ты *Попа* посланіе къ Абеларду? Чудакъ! Ты имѣешь все, чтобъ сдѣлать себѣ прочную славу, основанную на важномъ дѣлѣ. У тебя воображеніе Мильтона, нѣжность Петрарки... и ты пишешь баллады! Оставь бездѣлки намъ, займись чѣмъ нибудь достойнымъ твоего дарованія. Вотъ мое мнѣніе, оно чистосердечно. Пускай другіе кадятъ тебѣ; я чувствую, наслаждаюсь, восхищаюсь твоимъ геніемъ, и признаюсь сожалѣю о томъ, что ты не избралъ медленнаго, постояннаго и вѣрнаго пути къ славѣ. Къ славѣ? Она не пустое слово. Она вѣрнѣе многихъ благъ бреннаго человѣчества.... Когда нибудь поговорю о моихъ мараньяхъ. Заговорить о Муравьевѣ и потомъ о Жуковскомъ, а заключить собою—это противно вкусу и разсудку. Теперь прости, милый другъ; помни меня и пожалѣй о добромъ Батюшковѣ, который все утратилъ въ жизни, кромѣ способности любить друзей своихъ. Онъ никогда не забудетъ тебя: онъ гордится тобою.

5 Ноября 1814.

Не у тебя ли Муравьева письма къ молодому человѣку объ исторіи?"

Батюшковъ, пользуясь отпускомъ, продолжалъ числиться адъютантомъ генерала Бахметева, который назначенъ былъ тогда генералъ-губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскъ. Онъ еще не видалъ послѣ войны родныхъ своихъ, и теперь, въ концѣ 1814 года отправился къ нимъ. Вотъ рядъ писемъ его къ Е. Ѳ. Муравьевой (получены отъ М. Л. Бибикова). Первое изъ нихъ писано, если не ошибаемся изъ села Хастатова, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губ., гдѣ жила старшая сестра его Александра Николаевна Батюшкова.

„Я пишу къ вамъ, милая тетушка, изъ деревни сестры моей, которая меня утѣшаетъ своею дружбою, послѣ всѣхъ заботъ и огорченій. Я былъ у батюшки и нашелъ его въ горестномъ положеніи; дѣла его разстроены, но поправить можно ему самому. Шесть дней, которые провелъ у него, измучили меня. Но я здоровъ, и уѣду въ Каменецъ, если получу отвѣтъ на мое письмо отъ Бахметева. Довольно обо мнѣ. Какъ ваше здоровье? Право, не знаю съ чего начать, говоря съ вами? Пишетъ ли милый братъ? ([45]) Какъ вы съ нимъ разстались? Милая добрая тетушка, вы, которыя замѣнили мнѣ и мать и все что̀ я имѣю драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ, поберегите себя для дѣтей вашихъ. Ихъ сохранитъ святое Провидѣніе. Вы и отецъ ихъ столько добра сдѣлали, столько вамъ приверженныхъ и благодарныхъ сердецъ, которые умолятъ святое Провидѣніе! Соберите силы ваши. Милый, добрый братъ мой—рѣдкій и примѣрный молодой человѣкъ! Онъ возвратится. Поберегите себя для радостнаго свиданія. Я кончу мое письмо: почта отходитъ. Я очень грустенъ. Нѣтъ ни одной веселой утѣшительной мысли. Къ печали печаль, и объ васъ

([44]) Какъ извѣстно, намѣреніе Батюшкова состоялось, и въ 1818—1820 года вышло въ свѣтъ прекрасное изданіе сочиненій Муравьева въ трехъ частяхъ, съ его портретомъ, и съ письмомъ о его сочиненіяхъ, которое обращено къ И. М. Муравьеву-Апостолу и написано Батюшковымъ.

([45]) Т. е. Никита Михайловичъ Муравьевъ, старшій сынъ Екатерины Ѳедоровны (родившійся 19 Авг. 1795). Онъ служилъ въ это время офицеромъ генеральнаго штаба и, кажется, находился въ походѣ за границею (когда войска наши снова двинулись въ чужіе краи, вслѣдствіе бѣгства Наполеона съ Эльбы).

спокойно думать не могу, и вы меня сокрушаете. Сашу и дѣтей обнимаю, домашнимъ и всѣмъ знакомымъ мой поклонъ и почтеніе. Сто разъ мысленно цѣлую ручки ваши. Оленинымъ, дядюшкѣ и тетушкѣ мое почтеніе. Поручите Николаю Ивановичу писать ко мнѣ. Еще разъ простите, будьте великодушны и укрѣпитесь душевно, и помышляя объ отсутствующемъ Никитѣ, вспомните, что я желаю приблизиться къ нему моею къ вамъ приверженностію. Константинъ."

***

„21 Мая 1815.

Съ часу на часъ ожидаю писемъ отъ Бахметева. Участь моя отъ него зависитъ, а отставка отъ военныхъ обстоятельствъ. Отправляюсь немедленно въ Каменецъ по первому письму генерала и оттуда буду писать къ вамъ и къ брату обо всѣхъ обстоятельствахъ. Но если вы меня удостоите отвѣтомъ, то пишите сюда. Сестра перешлетъ письмо, если меня здѣсь не застанетъ. Я готовъ къ отъѣзду, куда велитъ судьба, хоть въ армію. Но желалъ бы устроить сперва мои дѣла. Что сдѣлалъ Гнѣдичъ по моему письму? Хоть бы строчку написалъ! Скажите ему, что эта лѣность.... или лучше ничего не говорите! Я имѣю полное право на его снисходительность; его молчаніе меня оскорбляетъ; это похоже на холодность.... Здѣсь, конча мои дѣлишки, я буду совершенно покоенъ до новаго года. Если Бахметевъ позволитъ, то прилечу въ Петербургъ; по крайней мѣрѣ эта мысль меня болѣе веселитъ, нежели пребываніе и безплодная жизнь въ Каменцѣ. Впрочемъ, я ничего не желаю, и буду исполнять мой долгъ en véritable chevalier (46). Служить не тужить, по пословицѣ.

Бога ради, пошлите за Жуковскимъ и допросите его что̀ сдѣлалъ онъ съ бумагами. Если по первому зову не явится (онъ на это мастеръ, я знаю) въ такомъ случаѣ пошлите ему это письмо для улики. Оно, какъ фурія, пробудитъ спящую въ немъ совѣсть и лишитъ его сна и апетита. Шутки въ сторону, я его извинять болѣе не могу за лѣность и безпечность, на счетъ изданія. Какъ литтераторъ, онъ виноватъ, какъ человѣкъ, которому вы довѣряли по одному уваженію къ его дарованіямъ и рѣдкой его душѣ, онъ виноватъ еще болѣе. Что сдѣлали вы сами съ книгами? Говорили ли съ Костомаровымъ по его щету, а я вамъ буду долженъ около ста рублей; такъ мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ. Спросите его подробный щетъ. Не упускайте Мартынова: не для денегъ, для пользы наукъ, желательно, чтобы сочиненія Михаила Никитича находились въ рукахъ юношества. Еслибы г. Костомаровъ мнѣ написалъ, что̀ онъ сдѣлалъ и какъ! Но боюсь употреблять во зло его снисхожденіе".

***

„Радуюсь сердечно, почтенная и милая тетушка, что вы получили письма отъ Никиты; я къ нему пишу въ смыслѣ вашего письма, но совершенно противъ моей совѣсти, ибо издали судить о вещахъ не возможно съ нѣкоторою справедливостію. Онъ къ вамъ не пишетъ, что хочетъ оставить князя (47), слѣд. и не оставляетъ его. Что же касается до опасности военной, то она повсюду почти одинакова, и лучшая защита—Провидѣніе; а вамъ вѣра въ него необходимо нужна. Вы испытали это не одинъ разъ въ жизни, но имѣете утѣшеніе—сына, который своимъ поведеніемъ и успѣхами усладитъ ваши горести. На него щитать можно. Теперь обратите вниманіе ваше на другаго. Время безцѣнное проходитъ, любезная тетушка. Дай Богъ, чтобы Сашинька походилъ на своего

(46) Въ духѣ истиннаго рыцарства.

(47) Кн. Петра Михайловича Волконскаго?

брата и сердцемъ и умомъ. Я надѣюсь, что это сбудется. Изъ числа истинно прекрасныхъ дѣлъ, воспитаніе дѣтей вашихъ должно болѣе всего плѣнять добрыя сердца. Они васъ уважать будутъ. Они въ дѣтяхъ вашихъ благословятъ васъ.

Я ѣду въ Каменецъ послѣ завтра, если что не воспрепятствуетъ. Оставаться здѣсь болѣе не возможно. Будущей моей судьбы не знаю, знаю только, что мое здоровье совершенно разстроено. Надежда васъ увидѣть меня поддерживаетъ. Мы живемъ не въ такія времена, чтобы думать о щастіи и спокойствіи. Одно утѣшеніе остается исполнять долгъ свой. Спросите Алексѣя Николаевича, не получалъ ли онъ отвѣта отъ кн. Волхонскаго? Рѣшительнаго отвѣта. Если переводъ въ гвардію не удастся, Богъ съ нимъ. Я перенесу это огорченіе безъ дальнихъ усилій. Но признаюсь вамъ, что мнѣ пріятнѣе бы было получить два чина при отставкѣ, однимъ словомъ то, что̀ я заслужилъ. Неудачи по службѣ меня отвратили отъ нея совершенно. Простите, любите меня: ваше дружество мнѣ нужнѣе всего на свѣтѣ. Вы не знаете сами всего добра, которое мнѣ дѣлаете, милая тетушка. Сто разъ цѣлую ваши ручки. Изъ Москвы писать буду. Вамъ преданный Константинъ.

6 Іюня 1815 г.“

„Я пишу къ вамъ изъ Каменца, милая и почтенная тетушка. Я прибылъ сюда благополучно, былъ принятъ генераломъ ласково: и вотъ все что могу сказать о себѣ. Отъ васъ я давно не имѣю извѣстія, даже въ деревнѣ не имѣлъ. Петръ Михайловичъ (48), котораго я видѣлъ проѣздомъ въ Москвѣ, меня не много успокоилъ. Не имѣете ли письма отъ братца и что пишетъ онъ къ вамъ? Надѣюсь, что эта война не будетъ продолжительна, и вы въ скоромъ времени увидите ваше сокровище. Конечно путешествіе не будетъ ему вредно. О себѣ я ничего сказать не могу, кромѣ того, что я тяну день за день. По утру бываю у генерала, обѣдаю у него или съ нимъ у Поляковъ; а ввечеру читаю книгу, читаю глазами, потому что ничто нейдетъ въ голову, кромѣ путешествій въ Одессу и въ Херсонъ. Отгадайте зачѣмъ?—чтобъ купаться въ Черномъ морѣ. Не знаю, сбудется ли мое желаніе, и другое,—путешествіе къ Невѣ, гдѣ желалъ бы васъ найти въ полномъ здравіи и спокойствіи, съ Никитою, котораго я люблю отъ всей души.

13 Іюля 1815.
Каменецъ-Подольскъ“.

„Вотъ три недѣли какъ я въ Каменцѣ, и ни одной строчки отъ васъ не получилъ, ни отъ васъ, ни отъ сестры. А вы все что есть драгоцѣннаго у меня въ мірѣ. Къ симъ тремъ недѣлямъ прибавьте еще мѣсяцъ что я въ дорогѣ провелъ, и посудите сами о моемъ безпокойствѣ, почтенная тетушка. Вѣрите ли, какъ мнѣ грустно, особливо здѣсь, на краю свѣта и съ людьми незнакомыми, съ которыми ни о себѣ, ни о васъ говорить не могу. Бога ради, напишите ко мнѣ хоть одно слово, здоровы ли вы? здоровъ ли братецъ, и гдѣ онъ? Я полагаю въ Парижѣ, и вотъ къ нему письмо: я далъ слово писать къ нему изъ Каменца и хочу сдержать его. Долго ли я здѣсь останусь? и за чѣмъ я здѣсь? Не знаю. Генералъ мнѣ самъ предлагалъ ѣхать куда хочу и дастъ мнѣ бумагу для прожитья въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Ни на что не рѣшусь; и право не знаю, на что рѣшиться, тѣмъ болѣе, что я отвѣта еще не имѣю отъ Алексѣя Николаевича. Онъ вѣрно забылъ меня наравнѣ съ прочими.

(48) Дружининъ, пріятель Батюшкова, директоръ единственной тогда въ Москвѣ гимназіи.

Напомните ему, милая тетушка. О Гнѣдичѣ ни слова; я полагалъ, что если не сердце, то по крайней мѣрѣ разсудокъ можетъ шепнуть ему на ухо—не оскорблять друзей своимъ молчаніемъ. Но Богъ съ ними со всѣми! Останетесь вы, моя добрая, почтенная изъ всѣхъ женщинъ на свѣтѣ. Любите меня и не забывайте. Право, я достоинъ вашей снисходительной дружбы, я ее умѣю цѣнить, и что еще лучше, чувствовать вполнѣ. 1-е Августа 1815.“

***

„Августа 11 Каменецъ. 1815

Вчерашняя почта была щастлива для меня. Я получилъ ваши письма отъ 6 и 15 Іюня, письмо отъ сестрицы и наконецъ отъ Гнѣдича. Всѣ, слава Богу, здоровы, и мое безпокойство изчезло. Но никогда въ жизни моей я столько не страшился, не мучился въ безвѣстности. Слишкомъ два мѣсяца прошли, что ни отъ васъ, почтенная и милая тетушка, ни отъ сестрицъ не было писемъ. Два мѣсяца—два вѣка. Я хотѣлъ даже послать нарочнаго въ деревню. Генералъ предложилъ мнѣ на то унтеръ-офицера. Къ щастію эта почта привезла мнѣ пріятнѣйшія извѣстія и избавила меня отъ убытка. Теперь я спокоенъ. Веселъ ли? это не ваше дѣло, мое. Сто разъ цѣлую ручки ваши, милая тетушка за извѣстіе о Никитѣ. Онъ конечно въ Парижѣ и наслаждается плодами искусствъ. Вы сами желали, чтобы онъ увидѣлъ этотъ городъ; вотъ случай прекрасный увидѣть его во время пребыванія государя и быть при немъ. Такія мысли могутъ отчасти облегчить ваше безпокойство, а надежда на Промыселъ, который видимымъ образомъ покровительствуетъ слабымъ и невиннымъ отъ мала до велика, лучшею опорою вашею. Не мало я безпокоился и за Никиту. Вы себѣ представить не можете, какъ я его люблю и уважаю. Конечно, сбудутся мои надежды: изъ него будетъ человѣкъ достойный своихъ родителей. Въ такихъ людяхъ имѣетъ нужду общество. Съ радостію я воображаю минуту вашего свиданія и желалъ бы ускорить ее цѣною моей жизни, которая только вами и дышетъ. Новые совѣты ваши и заботы о печальномъ странствователѣ меня тронули до слезъ. Я не достоинъ ихъ, и еще бы болѣе былъ не достоинъ, еслибъ убѣдился вашею снисходительною логикою. Вы меня критикуете жестоко и вездѣ видите противурѣчія. Виноватъ ли я, если мой разсудокъ воюетъ съ моимъ сердцемъ? Но дѣло о разсудкѣ: я правъ совершенно. Ни отсутствіе, ни время меня не измѣнили. Если Всевышній не отниметъ отъ меня руки Своей, то я все буду мыслить по старому, не пожертвую никѣмъ для собственныхъ выгодъ, и остаюсь при старомъ моемъ письмѣ. Если Михайло Никитичъ любилъ меня, какъ ребенка, если онъ поручалъ меня вамъ, то онъ же не требуетъ ли отъ меня, еще строже, пожертвованій, нѣтъ, не пожертвованій, но исполненія моего долга, во всей силѣ? Шестью тысячами жить не возможно въ столицѣ. Если бы и возможно было, то я не могу и долженъ огорчить батюшку и навлечь на себя его гнѣвъ. Я знаю, что онъ будетъ противиться моему намѣренію. Но и это въ сторону: важнѣйшее препятствіе въ томъ, что я не долженъ жертвовать тѣмъ, что̀ мнѣ всего дороже. Я не стою ея, не могу сдѣлать ее щастливою съ моимъ характеромъ и съ маленькимъ состояніемъ. Это такая истина, которую ни вы, ни что на свѣтѣ не побѣдитъ конечно. Всѣ обстоятельства противъ меня. Я долженъ покориться безъ роптанія волѣ святой Бога, которая меня испытуетъ. Не любить я не въ силахъ. И послѣднія строки ваши меня огорчили. Это путешествіе мнѣ не нравится, милая тетушка. Я желалъ бы видѣть или знать, что она въ Пе-

тербургѣ съ добрыми людьми и близко васъ. Простите мнѣ мою суетную горесть. Съ вами, единственная женщина на свѣтѣ, съ вами только я чистосердеченъ, но и вамъ я боюсь открыть мое сердце. Право, очень грустно! Жить безъ надежды еще можно, но видѣть кругомъ себя однѣ слезы, видѣть, что все милое и драгоцѣнное сердцу страдаетъ—это жестокое мученіе, которое и вы испытывали: вы любили! Я долженъ бы отвѣчать съ нѣкоторымъ порядкомъ на ваше письмо; но лучшій отвѣтъ мое первое, которое я писалъ изъ деревни (49). Теперь скажу только то что̀ вы сами знаете, что не имѣть отвращенія и любить большая разница. Кто любитъ, тотъ гордъ. Что касается до службы, до выгодъ ея, то Богъ съ ними, съ ней! Для чего я буду теперь искать чиновъ, которыхъ я не уважаю, и денегъ, которыя меня не сдѣлаютъ щастливымъ? А искать чины и деньги для жены, которую любишь? Начать жить подъ одною кровлею въ нищетѣ, безъ надежды.... нѣтъ, не соглашусь на это, и согласился бы, еслибъ я только на себѣ основалъ мои наслажденія. Жертвовать собою позволено, жертвовать другими — могутъ одни злыя сердца. Оставимъ это на произволъ судьбы. Жизнь не вѣчность, къ щастію нашему, и терпѣнію есть конецъ.

Не знаю, будетъ ли конецъ моей разлукѣ съ вами. Я чувствую нужду быть при васъ, и иногда отдалъ бы все что имѣю за нѣсколько минутъ, за нѣсколько словъ вашихъ. Вовсе не знаю что со мною будетъ. Ни одного плана въ головѣ; живу день за день и говорю себѣ: я дѣлаю что должно; если это не утѣшаетъ, то поддерживаетъ по крайней мѣрѣ. Меня здѣсь ничто не удерживаетъ, могу ѣхать куда хочу, и остаться на мѣстѣ. Такъ цѣлые дни проходятъ, безъ книгъ, безъ общества. У васъ иначе; теперь Сашинька занимаетъ васъ, и мысль о Никитѣ. Радуюсь, что вы на дачѣ, что Жуковскій возмется кончить начатое дѣло, и благодарю васъ за Эмиліевы письма. Мнѣ больше не надобно экземпляровъ, и тѣ книги, которыя съ собою имѣю, мнѣ въ тягость: занимаютъ много мѣста, и читаю рѣдко; все перечиталъ что было со мною, а здѣсь ничего нельзя сыскать, кромѣ календаря. Я познакомился съ губернаторомъ г. Сенъ-Пріестомъ: онъ человѣкъ честный и добрый, какъ мнѣ кажется. У него есть и книги, постараюсь воспользоваться. Разсѣянія никакого. Мы живемъ въ крѣпости, окружены горами и жидами. Вотъ шесть недѣль что я здѣсь, а ни одного слова ни съ одной женщиной не говорилъ. Вы можете судить, какое общество въ Каменцѣ. Кромѣ совѣтниковъ съ женами и съ дѣтьми, кромѣ должностныхъ людей и стряпчихъ, двухъ или трехъ гарнизонныхъ полковниковъ, безмолвныхъ офицеровъ и цѣлой толпы жидовъ, ни души. Есть театръ, посудите каковъ онъ долженъ быть: когда идетъ дождь, то зрители вынимаютъ зонтики. Вѣтеръ свищетъ во всѣхъ углахъ и, съ прекрасными пьяными актерами и скрыпкою оркестра, производитъ гармонію особеннаго рода. Все играютъ трагедіи dans le grand style, рѣдко оперы. Вотъ вамъ Каменецъ, въ которомъ я сижу и думаю о васъ, милая и любезная тетушка. Всѣ мои радости и удовольствія въ воспоминаніи. Настоящее скучно, будущее Богу извѣстно, а протекшее наше. Простите, любите меня хотя не много. Сашиньку обнимаю отъ всей души. Къ Николаю Ивановичу писать буду. Бога ради напомните Алексѣю Николаевичу обо мнѣ. Я желалъ бы рѣшиться на что нибудь, и рѣшусь конечно въ сентябрѣ, не дождавшись перевода въ гвардію, которое награжденіе я оставлю для полученія моимъ внукамъ, если буду имѣть. Я испол-

(49) Этого письма мы не имѣемъ.

нилъ мой долгъ во всей силѣ слова, теперь имѣю право выбирать что хочу: и такъ отставку. Простите еще разъ, цѣлую ручки ваши. Константинъ.“

Напрасно я скитался,
Изъ края въ край, и грозный океанъ
Кругомъ меня роптал и волновался;
Напрасно я спѣшилъ отъ сѣверныхъ степей,
Холоднымъ солнцемъ освѣщенныхъ,
Въ страну, гдѣ Тирасъ бьетъ излучистой струей,
Сверкая между горъ, Церерой позлащенныхъ....
Напрасно: всюду мысль преслѣдуетъ одна
О милой сердцу, незабвенной,
Которой имя мнѣ священно,
Которой взоръ одинъ лазоревыхъ очей....
Меня мертвитъ и оживляетъ.

О память сердца! Ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня въ странѣ плѣняешь дальной:
Я помню голосъ милыхъ словъ,
Я помню очи голубыя,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власовъ.....
И образъ милой незабвенной,
Повсюду странствуетъ со мной
Хранитель-геній мой—любовью
Въ утѣху данъ разлукѣ онъ:
Засну ль? Приникнетъ къ изголовью
И усладитъ печальный сонъ.

Запросы Гнѣдичу и Оленину, на которые такъ нетерпѣливо ждалъ Батюшковъ отвѣта, касались вѣроятно до вторичнаго перемѣщенія его на службу въ Императорскую публичную библіотеку. Пылкость и нетерпѣливость въ немъ все усиливались. Нѣкто Герке (одинъ изъ воспитателей Веневитинова) жилъ въ Каменцѣ-Подольскѣ въ одно время съ Батюшковымъ. Онъ разсказывалъ намъ, что однажды за обѣдомъ холостыхъ людей поэтъ нашъ сидѣлъ задумавшись. Одинъ изъ офицеровъ какъ-то сказалъ, что у него есть вѣрное средство всякаго вылечить отъ самой сильной любви. „Какое?“ спросилъ Батюшковъ. „Вообрази, что у твоей красавицы разстройство желудка, и ты подлѣ нея...“ Батюшковъ вспыхнулъ, и сказалъ, что онъ не можетъ ему простить этихъ словъ, что тѣмъ оскорблены самыя святыя его чувства и что онъ требуетъ удовлетворить эту обиду кровью. Назначенъ былъ поединокъ; товарищи скоро успѣли помирить противниковъ.

„....О себѣ скажу вамъ, что я слава Богу здоровъ, по старому разумѣется; все таковъ же, какимъ вы меня знали въ Петербургѣ, ни умнѣе ни глупѣе! Вотъ вамъ и отвѣтъ на послѣднее письмо ваше. Это для васъ не загадка. Но сколько я благодаренъ вамъ за любовь вашу, почтенная тетушка. Она меня примиряетъ съ жизнію лучше, нежели безразсудный мой разсудокъ. Теперь скажу вамъ только, что я не знаю, скоро ли увижусь съ вами: моя судьба не во власти моей. Не знаю на что рѣшиться, и остаюсь въ службѣ вовсе для меня невыгодной, далеко отъ васъ. За чѣмъ? Такъ Богу угодно! Вотъ все что могу себѣ сказать утѣшительнаго. Если останусь въ службѣ, то ни за что не пріѣду въ Петербургъ, а проведу зиму въ Москвѣ и въ деревнѣ, а лѣтомъ отправлюсь къ водамъ съ генераломъ. Но я каждый разъ поморщусь, когда воображу себѣ эту перспективу. Скажите Гнѣдичу, что отъ него ни строчки не имѣлъ вотъ уже четыре мѣсяца, и его болѣе безпокоить не буду. Но такъ какъ я писалъ къ нему о дѣлѣ, отъ котораго зависитъ моя участь, отставка или продолженіе службы, то изъ учтивости отвѣчать надобно.

Октября 7, 1815 г.“

***

„Теперь я рѣшился: говорилъ съ генераломъ и подалъ просьбу въ отставку, которую отправлю послѣ завтра. Надобно быть моимъ совершеннымъ недоброжелателемъ, чтобы обвинить мой поступокъ. Въ ожиданіи перевода въ гвардію я потерялъ два года, въ бездѣйствіи, въ болѣзни и получилъ убытокъ. Теперь, выдетъ или не выдетъ это представленіе, Богъ съ нимъ! Я исполнилъ долгъ мой, пи-

салъ ко всѣмъ, кому могъ. Отъ Алексѣя Николаевича не имѣлъ ни строки съ самаго Петербурга. Я, кажется, не заслужилъ его молчанія. Вы знаете, какъ я ему преданъ и какъ его уважаю; знаете, сколько ему обязанъ. Тѣмъ болѣе имѣю право въ душѣ оскорбляться его хладнокровіемъ.

Писалъ къ вамъ съ двумя курьерами, просилъ прислать мнѣ деньги: если получили отъ Трубецкаго, то вышлите ихъ. Мой отъѣздъ отъ этого отчасти задержанъ. Но пришлите ихъ съ почтою, а не отдавайте курьерамъ въ руки, ибо они люди не надежные. Ни подъ какимъ видомъ не отдавайте имъ.

Вотъ все, что̀ я успѣлъ написать вамъ, почтенная и добрая тетушка, ангелъ мой хранитель.

4 Ноября 1815 г.
Каменецъ".

***

„Здѣсь былъ проѣздомъ флигель-адъютантъ Киселевъ([50]), который видѣлъ Никиту въ Берлинѣ, и сказывалъ мнѣ, что онъ здоровъ и сбирается въ Петербургъ. Это меня успокоило и обрадовало на его счетъ и за васъ. Можетъ быть, его пріѣздъ помѣшалъ вамъ писать; желаю отъ всего сердца и даже смѣю надѣяться. О себѣ вамъ скажу въ короткихъ словахъ, что я подалъ просьбу въ отставку и писалъ еще разъ къ А. Н., который меня вовсе забылъ. Ожидаю на дняхъ денегъ изъ деревни, и поѣду въ Москву, гдѣ я пробуду мѣсяца полтора, а оттуда въ деревню на весну. Служить я вовсе не въ состояніи: мое здоровье такъ разстроилось, что я съ трудомъ его поправлю, а въ службѣ никогда. Бахметевъ писалъ о моей отставкѣ къ министру; справьтесь, милая тетушка, что̀ сдѣлали съ моей бумагой; кн. Лобановъ конечно васъ увѣдомитъ. Я дождусь денегъ изъ деревни. Но дождусь ли я когда нибудь письма отъ васъ и буду ли покоенъ на вашъ счетъ? Кончу мое письмо поздравленіемъ съ вашими имянинами, которые я провелъ довольно грустно, безпрестанно думая о васъ. Здѣсь были балы и танцы въ этотъ день, и я такъ простудился, что шесть дней просидѣлъ дома, безъ книгъ и безъ общества; вы можете посудить, каково мнѣ было!

Кстати, изъ газетъ вижу, что Раевскій въ Петербургѣ. Узнайте, Бога ради, получилъ ли онъ мое письмо, и если Сережа ([51]) въ Петербургѣ, то попросите его, чтобъ онъ напомнилъ обо мнѣ Раевскому. Я знаю Сережу, онъ это вѣрно сдѣлаетъ съ удовольствіемъ. Я теперь не прошу о переводѣ въ гвардію, а желаю только, чтобъ при отставкѣ этого не позабыли. Впрочемъ, какъ Богу угодно. Это за тѣмъ, чтобы себя оправдать передъ вами. 12 Декабря".

***

17 Декабря 1815 г.

Три мѣсяца я не имѣю извѣстія отъ васъ, милая тетушка; но послѣднее письмо ваше меня утѣшило. Братъ уже дома, и такъ нечаянно! Это лучшее что̀ вы мнѣ могли сказать. Я зналъ отъ Киселева, что онъ отправляется курьеромъ изъ Берлина, но боялся къ вамъ писать объ этомъ, полагая, что братъ еще не пріѣхалъ, или могъ какъ нибудь задержанъ быть дорогою. Благодарю васъ за обѣщаніе прислать деньги; я получилъ оброкъ изъ деревни и пока не прожилъ его здѣсь по пустому. Спѣшу въ Москву, гдѣ проживу нѣсколько недѣль и оттуда въ деревню. Въ Петербургъ я не поѣду по многимъ причинамъ; главная вамъ извѣстна, но вѣрьте, что не ѣду для себя, а не для другихъ. Я даже поводу не подалъ негодовать на меня, это вы знаете со-

([50]) Нынѣ графъ Павелъ Дмитріевичъ.

([51]) Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ.

вершенно, и совѣсть моя спокойна. Скажу болѣе, милая тетушка: вы меня любите и отъ того ошибаетесь на счетъ многаго, особливо послѣдняго параграфа письма вашего. Я и прежнему не вѣрилъ. Vous voulez que tout le monde aye pour Rodrigue les yeux de Chimène ([52]), то есть ваши глаза. Желалъ бы вѣрить, но не могу. Что же касается до маленькихъ неудовольствій нѣкоторыхъ людей, то я приписываю его чему нибудь другому и могу сказать: безъ вины виноватъ! Горестно я провелъ этотъ годъ, но вынесъ бремя и скуки и болѣзни, и всего что вамъ извѣстно. Богъ даетъ и нетерпѣливому терпѣніе: вотъ вся моя надежда! Писалъ къ дядюшкѣ и благодарилъ его за посѣщеніе Раевскаго. Теперь все поздно. Я подалъ прошеніе въ отставку, и если служить не буду, то чинъ для меня то же что для васъ большой праздникъ. Не могу даже пріучиться желать чиновъ; это пусть останется между нами. Я честолюбивъ и суетенъ, но не понимаю, къ нещастію моему, или къ щастію. Вы за то меня и любите, милая моя тетушка, mon unique Chimène.

Отъ Олениныхъ я не получилъ отвѣту на нѣсколько писемъ и писать къ нимъ болѣе не буду. Je ne suis pas un garcon à me le faire dire deux fois ([53]). Впрочемъ я люблю ихъ не для протекціи: и это молчаніе болѣе оскорбительно моему сердцу, нежели выгодамъ. Служилъ и буду служить какъ умѣю; выслуживаться не стану, по примѣру прочихъ, но отъ службы меня вовсе отучили. Не спрашивайте меня что буду дѣлать въ Москвѣ или въ деревнѣ. Самъ не знаю что, но знаю, что дѣлаю мой долгъ, и это меня немного утѣшаетъ. Впрочемъ, поручаю себя Богу и вамъ. Цѣлую ручки ваши и кончу мое маранье, ибо вамъ теперь время дорого: лучше раздѣлить его съ милымъ братомъ, нежели читать то, что вы знаете".

Слѣдующія за симъ письма писаны изъ Москвы, куда Батюшковъ пріѣхалъ въ началѣ 1816 и гдѣ остановился, кажется, у Дм. Марк. Полторацкаго, брата Елизаветы Марковны Олениной. Служебное честолюбіе его было только отчасти удовлетворено: онъ получилъ владимірскій крестъ и перечисленъ въ гвардію, въ Измайловскій полкъ. Петръ Ивановичъ Полетика, служившій прежде при нашемъ посольствѣ въ Лондонѣ, пріятель Сѣверина и самъ членъ Арзамасскаго общества, обратилъ на Батюшкова вниманіе шефа Измайловскаго полка великаго князя Николая Павловича. Говорили о назначеніи Батюшкова въ адъютанты къ великому князю, и Батюшковъ, какъ увѣряютъ, сильно желалъ того; но это не состоялось. Однако Николай Павловичъ помнилъ поэта; когда въ 1817 г. вышло изъ печати собраніе его сочиненій, то въ именахъ подписавшихся особъ, припечатанныхъ въ концѣ книги, находимъ имя Николая Павловича. Позднѣе, по вступленіи на престолъ, онъ изволилъ назначить Батюшкову, уже больному, щедрую по тому времени пенсію. Батюшковъ въ Москвѣ въ 1816 году не перестаетъ заботиться о своемъ служебномъ положеніи. Вотъ что писалъ онъ къ А. И. Тургеневу:

„Знаете ли, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, что нѣсколько строчекъ въ письмѣ Жуковскаго меня до смерти перепугали. Я переведенъ въ гвардію: знаю. Но кто сказалъ вамъ, что я хочу продолжать военную службу? Конечно, не вы сами изобрѣли это въ *въ премудрости вашей*? Нѣтъ! По всѣмъ моимъ разсчетамъ я долженъ оставить службу, если захочу сохранить кусокъ насущнаго хлѣба и искру здоровья. И такъ прошу васъ и заклинаю не уничтожать моей просьбы, а стараться объ ней. Попросите генерала Си-

([52]) Вамъ хочется, чтобы всѣ смотрѣли на Родрига глазами Химены.

([53]) Я не мальчикъ, и не хочу, чтобъ со мною продолжали обращаться какъ съ мальчикомъ.

пягина или Данилевскаго. Оба меня знаютъ не съ худой стороны, особливо первый. Вотъ и письмо къ нему. Вручите его лично, запечатавъ, и скажите, чтò онъ рѣшитъ. Желаю быть надворнымъ совѣтникомъ, и *по болѣзни* служить Музамъ и друзьямъ, отслужа Царю на полѣ брани. Если Алексѣй Николаевичъ помнитъ еще меня (въ чемъ сомнѣваюсь: три раза писалъ къ нему и ниже лаконическаго отвѣта), то скажите ему о моемъ твердомъ намѣреніи итти въ отставку.

Еще разъ прошу *удостоить меня отвѣтомъ*, какъ можно скорѣе, и если у васъ руки полѣнятся, то заставьте писать Жуковскаго. Для дружбы все что въ мірѣ есть — даже отвѣтъ на письмо! Скажите ему, чтобъ онъ не унижался до эпиграммъ, и забылъ забвенныхъ вкусомъ, не его враговъ, а враговъ смысла, вкуса и всего прекраснаго.

Кстати о вкусѣ и прекрасномъ. Карамзинъ скоро будетъ у васъ. Онъ и здѣсь ходитъ

Entre l'Olympe et les abimes,
Entre la satire et l'encens [54]

Что же будетъ у васъ? Исторія его дѣлаетъ честь Россіи. Такъ я думаю въ моемъ невѣжествѣ. Ваши знатоки думаютъ иначе. Богъ съ ними! Я васъ обнимаю отъ всего сердца и прошу помнить Батюшкова".

Къ Е. Ѳ. Муравьевой онъ писалъ: Письмо ваше, милая тетушка, начинается упреками, за непостоянство и вѣтренность: но если бы вы за противное меня пожурили съ пользою, то это было бы правосуднѣе. Благодарю васъ за все чтò вы сдѣлали для меня: это капля въ морѣ малѣйшая, но я этого достоинъ по сердцу. Теперь долгомъ поставляю сказать вамъ, что я рѣшился на отставку, и прошу и заклинаю васъ стараться о ней, а не объ уничтоженіи моего прошенія. Благодарю Петра Ивановича за его дружество: мнѣ пріятно бы было оправдать его доброе мнѣніе; что же касается до лестной перспективы, которую вы мнѣ показываете, то я скажу вамъ откровенно avec la liberté d'un soldat qui aime la verité: [55] что я почелъ бы себя счастливымъ быть полезнымъ человѣкомъ при братѣ нашего царя; но не имѣя протекціи, состоянія и дерзости, не осмѣлюсь приносить одно усердіе и объявлять мои требованія; одинъ отказъ и промахъ сдѣлали бы меня несчастнымъ на долго. Спросите П. И., желаетъ ли великій князь меня имѣть при себѣ. Въ такомъ случаѣ, не смотря на слабость моего здоровья, я останусь въ службѣ. Въ противномъ случаѣ, ни за что, ибо во фрунтѣ я служить не могу (на силу ходить могу), а въ Каменцѣ при Бахметевѣ не остáнусь ни изъ чего, тѣмъ болѣе, что онъ самъ просился въ отпускъ, и передъ отъѣздомъ объявилъ мнѣ, что я у него никогда ничего не выслужу. Адъютантомъ я соглашусь быть въ военное время у храбраго генерала; въ мирное лучше заниматься своимъ дѣломъ, нежели безпрестанными бездѣлицами. Въ Никитиномъ письмѣ, которое прошу прочитать, я себя оправдывалъ, сколько умѣлъ. Еще разъ прошу отставки, одной отставки. Къ Алексѣю Николаевичу писать болѣе не буду: я ни одной строчки не получалъ въ отвѣтъ и полагаю, что я ему наскучилъ. Вамъ, милая, добрая тетушка, не наскучу ничѣмъ и никогда, ниже моею *вѣтренностію*, а цѣлую ручки ваши сто разъ, и обнимаю Сашу. Кончу письмо. Надобно одѣваться, и къ старой Пушкиной [56] отправляться обѣдать, гдѣ найду эксъ-министра и эксъ-поэта Дмитріева, который, не потерявъ важности, умѣ-

---

[54] Между Олимпомъ и пропастью, между сатирою и ѳиміамомъ.

[55] Съ непринужденностью военнаго человѣка любящаго истину.

[56] Натальѣ Абрамовнѣ Пушкиной, матери Алексѣя Михайловича, съ которымъ и съ его супругою Батюшковъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ.

етъ быть любезенъ. Меня очень ласкаютъ хозяева, и я имъ благодаренъ душевно. 20 Янв." (Москва)

***

Я пишу къ вамъ, почтенная тетушка, черезъ князя Вяземскаго ([57]), котораго вы знали въ Москвѣ, и который желаетъ имѣть счастіе вручить лично мое письмо и возобновить лестное для него знакомство. Вы увидите Николая Михайловича ([58]), съ которымъ я говорилъ о моихъ дѣлахъ, и просилъ его настоять объ отставкѣ моей.

Любезнаго Никиту обнимаю отъ всего сердца. Я хотѣлъ переслать къ нему его переводъ, но не успѣлъ еще перечитать; все равно, перешлю его съ почтою.

О себѣ ничего сказать рѣшительнаго не могу. Ничего не желаю, и ни на что не надѣюсь. Желаю одной отставки и свободы занимается книгами и мараніемъ бумаги. Блистательные проэкты ваши, почтенная тетушка, касательно моего честолюбія суть новое доказательство вашего ко мнѣ дружества; но я на нихъ считать не могу, а на дружество и любовь вашу ко мнѣ считать буду, какъ буду дышать."

***

„30 Января (1816 Москва)

Благодарю васъ, любезная тетушка, за письмо ваше отъ 18 Января и за приглашеніе въ Петербургъ. Вы знаете, что мнѣ нельзя покинуть Москвы безъ позволенія моего генерала или до полученія отставки, которую я ожидаю съ нетерпѣніемъ. Въ Петербургѣ у меня друзей кромѣ васъ нѣтъ, то-есть такихъ, для которыхъ бы ѣздить по тысячи верстъ; о службѣ еще не думаю, да и не думаю, чтобы когда вздумалъ. Вотъ все, что могу сказать о себѣ. Къ брату писалъ нѣсколько разъ и послалъ ему бумаги. Получилъ ли ихъ? Вчера, по старой памяти, я обѣдалъ у Мудрова en famille ([59]), и мы долго говорили о васъ съ его женой и Чеботаровой. Это семейство напомнило мнѣ всю старину."

***

„Вчера я получилъ письмо отъ Сипягина. Полагаю, что Тургеневъ вамъ сказывалъ о немъ. Оно успокоило меня, не совершенно: ибо и еще не кончено мое дѣло объ отставкѣ. Напомните Тургеневу.

Я спросилъ бы у васъ еще о чемъ нибудь; если меня поняли, то вѣрно напишите словечко. Сто разъ цѣлую ручки ваши и остаюсь вашимъ навсегда. Константинъ.

3 Марта. Москва (1816).

Скажите Тургеневу, что я очень благодаренъ ему за его дружбу ко мнѣ. Г. Уткина билеты розданы, и всѣ до послѣдняго съ рукъ сбуду. Я ручаюсь за это. Скажите Николаю Ивановичу, что я ему усердно кланяюсь."

***

„Вы упрекаете мнѣ мое нетерпѣніе, а забыли, что терпѣніе испытано двумя годами ожиданія; что я съ Парижа (1814) хочу оставить службу, рѣшительно хочу, ибо здоровье мое совершенно разстроено. Притомъ же служба такъ несчастлива (вы согласитесь со мною, что я вправѣ сказать это) и я вправѣ думать, что не могу быть полезенъ; ни къ чему не гожусь, и какъ *оный* добродѣтельный Стартанецъ, могу только воскликнуть: есть триста человѣкъ достойнѣе меня! И такъ ускореніемъ дѣла объ отставкѣ

([57]) Князя Петра Андреевича, который ѣздилъ тогда въ Петербургъ изъ Москвы, вмѣстѣ съ Карамзинымъ.

([58]) Карамзина, уѣхавшаго тогда въ Петербургъ, для представленія государю восьми рукописныхъ томовъ своей исторіи.

([59]) Семейнымъ образомъ. Мудровъ и Чеботаревъ—профессоры Московскаго университета; они напоминали Михаила Никитича Муравьева.

вы мнѣ истинно поможете. И дѣла мои домашнія требуютъ моего присутствія, и сестра, которая только мною дышетъ, а ѣхать отсюда не могу, не получа отставки."

***

„Бога ради, милая тетушка, выведите меня изъ хлопотъ. Прилагаю при семъ письмо брата моего Павла Алек. Шипилова. Изъ него увидите, что Гнѣдичь заложилъ мое имѣніе 1815 года, внесъ сумму, но до сихъ поръ не очищено въ ломбардѣ, и мнѣ не выдадаютъ разрѣшенія. Я писалъ нѣсколько разъ изъ Каменца, разъ десять по крайней мѣрѣ. Ни слова въ отвѣтъ! Прикажите кому нибудь вытребовать разрѣшеніе немедленно и доставить мнѣ его, или прямо на имя Павла Алексѣевича Шипилова въ Вологду. Или если есть возможность перезаложить въ Петербургскій ломбардъ тѣже выкупленныя Н. И. души 1815 года, то къ сему приступить. Боюсь просрочить: уже лѣто близко. Простите, что безпокою васъ. Но кого просить, скажите сами? Отвѣчайте, или, если вамъ некогда, прикажите кому нибудь отвѣчать; не буду покоенъ, пока это не кончится.

Если возможно перезаложить въ Петерб. ломбардѣ, то я доставлю немедленно вѣрющее письмо, на чье имя приказать изволите. 19 Марта 1816 г."

***

„Поздравляю васъ, любезная тетушка, съ наступающими праздниками. Можете посудить сами, желаю ли я провести ихъ весело вамъ и съ братцами. Сожалѣю крайне, что нѣсколько лѣтъ сряду судьба лишаетъ меня удовольствія быть съ вами въ сіи торжественные дни. Прошлаго года я жестоко былъ оторванъ отъ васъ около сего времени.

Видѣлъ вчера Карамзиныхъ у Дмитріева. Радуюсь душевно успѣхамъ Карамзина; онъ стóитъ того во всѣхъ отношеніяхъ; какъ вамъ благодаренъ и какъ относится о васъ и сказать не могу; скажу только, что это пріятно было моему сердцу. Крайне сожалѣю, что съ весною покинутъ они Москву. Я лишусь пріятнаго дому во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь у меня много знакомыхъ, но людей по сердцу очень мало.

Прошу покорно поздравить братцевъ съ наступающими праздниками. Никитѣ прошу сказать, что я не могу создать формуляра; что онъ оставался въ библіотекѣ, изъ оной отправленъ, куда? не знаю. Отыскать его, прибавить походы 1813 и 1814, дать подписать это Храповицкому, вотъ что сдѣлать, если можно, необходимо нужно. Храповицкой, я думаю, не откажется. А если посылать къ Бахметеву, то это продлится до осени, по крайней мѣрѣ. Я теряю терпѣніе. Всѣхъ отставляютъ кромѣ меня; болѣе полугода подалъ просьбу.

На Страстной въ Понедѣльникъ."

***

„Благодарю за извѣстіе объ отставкѣ. Ко мнѣ тоже писалъ Сипягинъ и Тургеневъ, но я до тѣхъ поръ покоенъ не буду, пока не увижу въ приказѣ. Вы спрашиваете меня чтó я намѣренъ съ собою дѣлать? Право, не знаю, и это говорю по совѣсти. Если что не воспрепятствуетъ, намѣренъ провести лѣто въ деревнѣ, а зиму въ Москвѣ. И здѣсь есть добрые и ласковые люди, а если поживу по долѣе, то постараюсь и болѣе полюбиться. Походами и разъѣздами я совершенно разстроилъ карманъ мой: вотъ что единственно меня затрудняетъ. Горестно мнѣ подумать также, что долго не увижусь съ вами, милая и добрая тетушка; ибо я въ Петербургъ не поѣду ни за что, развѣ по необходимой надобности, и молю Богу, чтобы ея не было. Въ службу не хочу входить, да и гдѣ безъ покровительства найду мѣсто?

Кат. Андр. Карамзина, у которой я провелъ вечеръ, просила меня засвидѣтельствовать вамъ ея душевное почитаніе. Достойная женщина, она чувствуетъ совершенно цѣну вашего дружества. Вѣрьте мнѣ, что мало у насъ на Руси семействъ столь достойныхъ уваженія, какъ семейство Карамзина, и для меня, здѣсь въ Москвѣ, домъ ихъ большая отрада."

Къ этому времени, когда, вышедши въ отставку изъ военной службы и зачислившись почетнымъ библіотекаремъ императорской публичной библіотеки, Батюшковъ сдѣлался совершенно свободенъ, относятся многія его произведенія: по крайней мѣрѣ именно тогда, въ 1816 году, стихи и проза его появляются чаще, нежели прежде, въ Вѣстникѣ Европы и въ Сынѣ Отечества. Ни въ одинъ годъ, за исключеніемъ 1810-го, Батюшковъ не печаталъ такъ много своихъ произведеній, какъ въ 1816 году. Въ мартѣ, въ IX книжкѣ Сына Отечества, помѣстилъ онъ безъ имени статью свою „Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи". Статья эта можетъ быть названа исповѣдью его убѣжденій: въ ней онъ какъ бы прощается съ молодостью и опредѣляетъ себѣ точку зрѣнія на разнообразныя отношенія жизни. Въ другихъ статьяхъ пытливая мысль его занята рѣшеніемъ существеннѣйшихъ вопросовъ просвѣщенія, словесности и нравственности. Значеніе его, уже не какъ военнаго человѣка, а какъ писателя, вполнѣ опредѣляется въ это время. Онъ избранъ членомъ общества любителей Россійской словесности при Московскомъ университетѣ и въ одномъ изъ засѣданій этого общества, въ іюлѣ 1816 годя, произноситъ рѣчь „О вліяніи легкой поэзіи на языкъ,"—вопросъ, въ то время занимавшій многихъ. Наконецъ онъ собираетъ свои сочиненія, и Гнѣдичъ въ Петербургѣ принимается за печатаніе ихъ, которымъ занимался, какъ кажется, очень долго.

Вотъ письмо Батюшкова въ Петербургъ къ А. И. Тургеневу:

„Для бѣдной Поповой вы до сихъ поръ ничего не сдѣлали, любезный Александръ Ивановичъ, и всѣ мои рифмы были напрасны ([60]). Такимъ образомъ вы отучите писать въ стихахъ и называть васъ защитникомъ красоты и бѣдности. Хочу попробовать *на прозахъ* говорить съ вами. Пришлите ей маленькое вспомоществованіе на имя В. Л. Пушкина. Если бы тысячу! Какъ бы я васъ благодарилъ!

Я пишу къ вамъ съ отъѣзжающимъ Иваномъ Матвѣевичемъ ([61]), который отправляется по извѣстному вамъ дѣлу. Онъ надѣется, что Александръ Ивановичъ приметъ живое участіе въ его судьбѣ и не откажется дать ему при случаѣ полезный совѣтъ. Какъ отецъ семейства, какъ человѣкъ, Иванъ Матвѣевичъ имѣетъ право на участіе сердецъ благородныхъ, на участіе людей подобныхъ вамъ, любезный Александръ Ивановичъ. Дѣло его правое. Если есть правосудіе, то оно должно быть на сторонѣ его. Ничего не скажу болѣе: вамъ пріятнѣе будетъ разговаривать съ любезнымъ и почтеннымъ вручителемъ сего письма, нежели читать мою плоскую прозу.

Кстати о прозѣ, и плоской. Скоро выдутъ въ свѣтъ мои сочиненія. Вамъ обрекъ я экземпляръ. Въ лѣсахъ я буду писать. *Авось*.... напишу что нибудь путное и достойное людей, которые меня любятъ, достойное васъ и Жуковскаго.

Мой усердный поклонъ ему, Д. Н. Блудову и М. А. Салтыкову, о которомъ я часто имѣлъ удовольствіе говорить здѣсь въ Москвѣ.

Не забывайте меня сельскаго жи-

([60]) См. посланіе къ А. И. Тургеневу:
О ты, который средь обѣдовъ,
Среди веселій и забавъ,
Сберегъ для дружбы кроткій нравъ,
Для дѣла—характеръ честный дѣдовъ.

([61]) Муравьевымъ-Апостоломъ, двоюроднымъ братомъ Михаила Никитича Муравьева.

теля, который васъ любитъ и уважаетъ. 4 декабря". (1816. Москва).

Уѣхавъ изъ Москвы въ декабрѣ 1816 года, Батюшковъ семь мѣсяцевъ сряду живетъ въ Вологодскомъ краю, у отца и сестеръ своихъ. Онъ занятъ между прочимъ устройствомъ хозяйственныхъ дѣлъ, получивъ, какъ кажется, незадолго передъ тѣмъ имѣніе покойной матери своей. Но деревенская жизнь не укрѣпила его здоровья. Въ іюлѣ 1817 года видимъ его въ Москвѣ больнаго; онъ писалъ оттуда къ Е. Ѳ. Муравьевой въ Петербургъ:

„Я къ вамъ прибѣгаю, любезная тетушка. У васъ есть вѣрно коммиссіонеръ: поручите ему сіи 2,600 для внесенія въ ломбардъ, по приложенной при семъ запискѣ. Скоро выдутъ сроки, и я боюсь, чтобы имѣніе не описали, чего Боже сохрани! Гнѣдичу и безъ того я надавалъ столько скучныхъ коммиссій, что боюсь обременить его и этою. Простите мнѣ великодушно, любезная тетушка, безпокойство, которое вамъ навлекаю; но право не къ кому прибѣгнуть. Чувствую и знаю, что вамъ не до моихъ хлопотъ. Я привезъ бы и самъ эти деньги въ Петербургъ, ибо въ скоромъ времени сбираюсь: но первое, не люблю путешествовать съ деньгами; второе, не знаю, дня моего выѣзда, а сроки по ломбарду приближаются. Если вамъ на это время не кого послать, то попросите брата Никиту: онъ вѣрно по дружбѣ не откажется, и все можно кончить въ четверть часа. Надѣюсь въ скоромъ времени обнять его и милаго Сашу, и поцѣловать ручку вашу, любезная тетушка. Простите, что пишу мало, за то наговорю вамъ съ три короба: я не даромъ молчалъ семь мѣсяцевъ въ деревнѣ. Весь вашъ Константинъ.

Іюля 3, 1817 г."

***

„Благодарю васъ за отдачу денегъ. Но не забудьте, кромѣ того, есть другой долгъ, и надобно внести проценты; сколько, по совѣсти не знаю. Боюсь просрочить. Прикажите справиться, Бога ради, и успокойте меня. Я все еще въ Москвѣ, цѣлый мѣсяцъ пролежалъ въ постелѣ. Теперь лучше, но все слабъ; хожу насилу, и кашлю, и нога болитъ. Нилова и Самарина у меня были и очень меня обрадовали, Вяземскій уѣхалъ. Но здѣсь у меня много такъ называемыхъ пріятелей, которые не забываютъ больнаго. Вы видите, что я не совершенно жалокъ, а что голова моя здорова, то скажу рѣшительно. И вотъ доказательство: все что вы знаете, что сами открыли, что я вамъ писалъ, и что вы писали про нѣкоторую особу, прошу васъ забыть какъ сонъ. Я три года мучился, долгъ исполнилъ и теперь хочу быть совершенно свободенъ. Письма мои сожгите, чтобы и слѣдовъ не осталось: прошу васъ объ этомъ. Съ вашими тоже сдѣлаю, тамъ гдѣ говорите о ней. Теперь дѣло кончено. Я даю вамъ честное слово, что я велъ себя въ этомъ дѣлѣ какъ честный человѣкъ, и совѣсть мнѣ ни въ чемъ не упрекаетъ. Разсудокъ упрекаетъ въ страсти и въ потерянномъ времени. Не себѣ, а Богу обязанъ, что онъ спасъ меня изъ пропасти. Когда нибудь поговоримъ объ этомъ; зимою, можетъ быть. Приготовьте мнѣ комнату на зиму. Если Москва не привлечетъ меня, то я буду у васъ. Теперь кромѣ васъ ничего въ Петербургѣ не имѣю. Если Оленины за что нибудь въ претензіи на меня, то они не правы. Не думаю, чтобы та особа меня любила; а если что нибудь и было похожее, то я конечно забытъ скоро: прошло два года. Вотъ все что могу сказать о себѣ. Еще разъ желаю съ вами увидѣться: при васъ только отдыхаю сердцемъ. Вы знаете, какъ мнѣ Петербургъ противенъ. Но для будущаго я плановъ не имѣю. Еслибъ была возможность имѣть мѣсто при миссіи въ Италіи, то я могъ бы на это пуститься; впрочемъ, воля Божія! Въ Петербургѣ жить не хочу и не буду.

Къ брату писать буду на будущей почтѣ. Я такъ еще слабъ, что малѣйшее усиліе мнѣ вредно, а Скюдери запрещаетъ. Н. И. ([62]) мой душевный поклонъ. Я виноватъ передъ нимъ: роздалъ его билеты и не могу собрать денегъ: все въ разныхъ рукахъ, и всѣ разъѣхались по дачамъ. Но я ручаюсь за эти деньги. Только что будетъ легче, соберу ихъ.

Пишите сюда; я еще недѣли три просижу дома. Теперь мнѣ сноснѣе, сижу за книгами, весь въ книгахъ. Простите, цѣлую ручку вашу.

6 Августа.

Если можно достать англійской фланели, то пришлите мнѣ, нужной сдѣлаете подарокъ, аршинъ 6."

Письму этому соотвѣтствуютъ шутливые стихи изъ посланія къ Жуковскому:

Все въ жизни измѣнило,
Что сердцу сладко льстило;
Все, все прошло какъ сонъ:
Здоровье легкокрыло,
Любовь и Аполлонъ!
Я сталъ подобенъ тѣни,
Къ смиренію сердецъ,
Сухъ, блѣденъ какъ мертвецъ;
Дрожатъ мои колѣни,
Спина дугой къ землѣ,
Глаза потухли, впали,
И скорби начертали
Морщины на челѣ.

***

Слѣдующее письмо къ Е. Ѳ. Муравьевой безъ означенія времени, но очевидно писано изъ Москвы же, въ августѣ или сентября 1817 года.

„Крайне сожалѣю, любезная тетушка, о томъ, что вы были не здоровы, и надѣюсь на Божью милость, что болѣзнь ваша пройдетъ. Теперь время осеннее, и надобно беречь себя. Вы писать изволите, что мнѣ Московскій воздухъ вреденъ; что въ деревню ѣхать не зачѣмъ и не должно; чтобы я не ѣздилъ также и въ Петербургъ съ больной головою. Бога ради разрѣшите мое сомнѣніе? Гдѣ же мнѣ жить прикажите? Я не могу подняться на облака, какъ въ Аристофановой комедіи дѣйствующія лица. Не ожидалъ отъ васъ, милая и любезная тетушка, столь строгаго приговора человѣку, который нѣсколько лѣтъ скитается изъ края въ край. Что касается до Тургенева обѣщаній, то это одни замки на пескѣ: я давно до нихъ не охотникъ. Просить и кланяться въ Петербургѣ не буду, пока будетъ у меня кусокъ хлѣба. Кланяться, чтобы отказали! Въ Италію желаю не для честолюбія, а для здоровья только: вы представить себѣ не можете, какъ оно у меня разстроилось. Но мѣста въ Италіи нѣтъ: я здѣсь узналъ это чрезъ Сѣверина. Тургеневъ по этой части ничего сдѣлать не въ силахъ; ѣхать мнѣ для пустяковъ не хочется, и такъ отложимъ все, и если можно, устроимъ путешествіе на Кавказъ, куда меня лѣкаря посылаютъ. Оно тѣмъ кстати, что вы мнѣ запретили въѣздъ въ Петербургъ, въ Москву и въ деревню. Я писалъ къ вамъ обстоятельно. У меня имѣнія кромѣ Ярославской и Вологодской губерній нѣтъ, вы это знаете. Вотъ каково себѣ сдѣлать репутацію безтолковаго человѣка! Мало цѣлой жизни на то, чтобы исправить ее. Но я лучше умру съ ней и съ дружбою вашею, которая для меня всего драгоцѣннѣе."

Батюшковъ ошибался, думая, что Тургеневъ не въ силахъ устроить ему путешествіе въ Италію. Человѣкъ этотъ, лѣнивый по природѣ, безпечный относительно самаго себя, былъ неутомимъ и настойчивъ, когда дѣло шло о помощи другимъ. Не будучи самъ писателемъ, онъ страстно дорожилъ успѣхами просвѣщенія вообще и словесности въ особенности. Не задолго передъ тѣмъ онъ выхлопоталъ пожизненную пенсію Жуковскому; теперь принялся развѣдывать въ многочислен-

([62]) Гнѣдичу. Вѣроятно говорится о билетахъ на полученіе *Опытовъ* Батюшкова, которые Гнѣдичъ печаталъ, кажется, на свой счетъ; въ это время, т. е., въ іюлѣ 1817., уже вышла въ свѣтъ первая, прозаическая часть *Опытовъ*.

ныхъ знакомствахъ своихъ, какъ бы доставить Батюшкову мѣсто въ Италіи. По всему вѣроятію для личныхъ переговоровъ по этому дѣлу, а можетъ быть и для того, чтобы наблюсти самому за печатаніемъ второй части своихъ *Опытовъ* (печатаніемъ первой онъ не былъ доволенъ), Батюшковъ осенью 1817 года побывалъ въ Петербургѣ, и оттуда 26 октября послалъ къ И. И. Дмитріеву эту вторую часть (Р. Арх. 1866, 1645). Кажется, что многіе листы, по требованію Батюшкова, были перепечатаны и книга поступила въ продажу только въ декабрѣ. Обѣ части, украшенныя изящными виньетами, работы А. Н. Оленина, продавались по 15 рублей.

Въ Петербургѣ, кромѣ Е. Ѳ. Муравьева и дяди его Павла Львовича съ ихъ семействами (онъ въ особенности любилъ и уважалъ супругу сего послѣдняго, Софью Евстафьевну, урожд. Пальменбахъ и отзывался о ней, что она Мих. Никит. Муравьевъ въ женскомъ платьѣ), Батюшкова окружили ласками и вниманіемъ пріятели его Арзамасцы. Онъ уже давно принятъ былъ въ члены этого литературнаго кружка и участвовалъ въ его граціозно-шаловливой дѣятельности сочиненіемъ остроумнѣйшихъ стиховъ, подъ названіемъ: „Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славенороссовъ“ (Лонгинова, Библ. Записки въ Современ. 1856, т. LVII); но до сихъ поръ, кажется, ему не приходилось бывать въ засѣданіяхъ Арзамаса. По заведенному обычаю, онъ выбралъ себѣ изъ вражескаго стана покойника для произнесенія сатирически-похвальнаго ему слова. Этимъ покойникомъ былъ секретарь Россійской академіи П. И. Соколовъ; а появленіе самаго Батюшкова въ Арзамасѣ было привѣтствуемо рѣчью Кассандры-Блудова. Арзамазское прозвище Батюшкова — Ахиллъ (намекающее на военную его службу) подало поводъ къ остроумнымъ сближеніямъ и шуткамъ. Въ этомъ обществѣ высокодаровитыхъ людей находился уже тогда 18-лѣтній юноша, Сверчокъ-Пушкинъ. Впрочемъ Батюшковъ ближе познакомился съ его зарождавшимся геніемъ на суботнихъ вечеромъ у Жуковскаго, который, еще не поступивъ къ Высочайшему двору, жилъ тогда вмѣстѣ съ Плещеевымъ въ Коломнѣ у Кашина моста и собиралъ у себя литераторовъ. Тутъ читались отрывки изъ рукописной поэмы Русланъ и Людмила, и она особенно занимала Батюшкова. Говорятъ, что, прочитавъ посланіе Пушкина къ Юрьеву (Поклонникъ вѣтренныхъ Лаисъ), онъ судорожно сжалъ въ рукѣ листокъ, на которомъ эти стихи были написаны, и проговорилъ: „О, какъ сталъ писать этотъ злодѣй!“ (Анненкова, Матер. стр. 55). Ниже мы помѣстимъ любопытный отзывъ Батюшкова объ Александрѣ Сергѣевичѣ. Пушкинъ необыкновенно уважалъ Батюшкова. Про стихи свои *Муза* (Въ младенчествѣ моемъ она меня любила) онъ говаривалъ, что особенно любитъ ихъ, потому что они напоминаютъ ему поэзію Батюшкова.

Вотъ двѣ записки Батюшкова къ А. И. Тургеневу, писанныя вѣроятно во время этой осенней жизни въ Петербургѣ 1817 года:

Записка (*1*). „Сію минуту получаю два экземпляра моихъ безсмертныхъ стиховъ. Одинъ отдаю Сѣверину, другой посылаю вамъ, еще сырой. Вы не можете сказать: *стихи его сухи.* И не скажете, ибо любите меня, Александръ Ивановичъ, если не за стихи мои, то за то, по крайней мѣрѣ, что я васъ люблю и преданъ вамъ всею душою. Усердно кланяюсь Николаю Ивановичу и прошу его не очень строго критиковать преданнаго вамъ и ему Рифмоплеткина.“

Записка (*2*). „К. Ѳ. посылала женщину къ Бутурлину, но эта дѣва ему не понравилась; ибо она не говоритъ по-русски, а Бутурлинъ не знаетъ по-нѣмецки. Но вы можете адресоваться къ окулисту Андерсу, если необходимо нужна женщина. У него есть годовая. К. Ѳ. ѣдетъ въ Прію-

тино, и не имѣетъ времени сама послать къ Андерсу. Я боленъ и сижу дома. Вашего превосходства покорнѣйшій

Ахиллъ многострадальный."

Пребываніе нашего поэта въ Петербургѣ было на этотъ разъ кратковременное. Объ опредѣленіи на службу въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ и о поѣздкѣ въ Италію только начались переговоры. Дворъ, а съ нимъ и большая часть вліятельныхъ лицъ въ это время уже находились въ Москвѣ, которая тогда впервые послѣ французскаго разоренія увидала у себя царское семейство, прогостившее въ ней слишкомъ полгода. 14 ноября 1817 г. Батюшковъ пишетъ въ Петербургъ къ Е. Ѳ. Муравьевой, вѣроятно уже изъ Москвы:

„Сожалѣю, что не могу быть при васъ; не знаю даже, могу ли имѣть надежду на близкое свиданіе съ вами. Снѣгъ падаетъ, путь устанавливается, и я готовлюсь къ отъѣзду въ деревню, не смотря на боль ноги моей. Въ снѣгахъ, но съ родными, которые всегда любезны сердцу моему, проживу скучную зиму, и если доходы мои дозволятъ, то пріѣду по веснѣ къ вамъ, либо отправлюсь на Кавказъ: тамошнія воды, говорятъ, полезны, а забота о здоровьѣ моемъ должна быть главнѣйшею моею заботою. Радуюсь душевно, что братецъ Никита пробиваетъ себѣ дорогу истиннымъ достоинствомъ личнымъ и трудами. Съ удовольствіемъ услышалъ, что онъ при Жомини, и для него работаетъ; но желаю и прошу его не все жить умомъ въ лагерѣ, танцовать болѣе, выѣзжать, веселиться, и писать по русски. Русскій языкъ его орудіе, твердите ему потихоньку, милая тетушка; орудіе къ славѣ—языкъ, а не сухая ученость, часто безплодная! Не сказывайте, что это мой совѣтъ. Высылайте его какъ можно чаще, и въ вихорь свѣтской. Qui n'a pas l'esprit de son âge et son âge a tout le malheur (63). Я говорю нарочно о братцѣ, въ полномъ увѣреніи, что не могу лучшаго подарка вамъ принести на имянины, какъ говорить о добромъ, миломъ и умномъ Никитѣ, съ вами, милая и любезная тетушка. О себѣ ничего не пишу ни хорошаго, ни худаго. Я довольно веселъ, выѣзжаю часто и ищу разсѣянія во всѣхъ родахъ, какъ рыба ищетъ воды. Занятія мои прерваны совершенно, но за то голова здорова. Я былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ видѣлъ васъ въ полномъ здравіи, еслибъ жилъ съ вами: но судьба мнѣ поперечитъ.

14 Ноября."

Надежда на Италію еще не пропала. Но прежде чѣмъ она осуществилась, прошло около года, и это неопредѣленное положеніе въ связи съ нездоровьемъ усиливало раздражительность поэта. Ему предстоялъ новой рядъ огорченій, заботъ и тревогъ. Въ декабрѣ 1817 г. скончался отецъ его. Батюшковъ поскакалъ туда, и 6 декабря писалъ къ Е. Ѳ. Муравьевой:

„Пьяный отъ холоду, заботъ и усталости, я прибылъ сюда благополучно, любезная тетушка, и спѣшу начертить вамъ нѣсколько строкъ несвязныхъ. Здѣсь не засталъ Теглева (64), который уѣхалъ въ Тихвинъ для какихъ то подрядовъ. Сестры въ деревнѣ съ маленькимъ братомъ: въ своей деревнѣ Ярославской. Иванъ Семеновичъ не здѣсь, а дома, и я рѣшился ѣхать прямо къ нему, не заѣзжая въ деревню батюшки, ибо въ ней домъ и все запечатано. Мѣра весьма благоразумная! Тамъ Павелъ Алексѣевичъ и Теглевъ съ сестрой учредили наскоро возможный порядокъ. Увѣдомьте объ этомъ Павла Львовича, къ которому не имѣю времени писать особенно,

---

(63) Кто не соотвѣтствуетъ своимъ умомъ своимъ годамъ, тотъ проводитъ истинно несчастливые годы.

(64) Вѣроятно, брата своей мачихи.

и скажите ему и тетушкѣ мой душевный поклонъ. Скажите дядюшкѣ, что я до сихъ поръ еще не успѣлъ ничего сдѣлать, ибо никого не засталъ на мѣстѣ, что̀ меня очень безпокоитъ. Скакать по стужѣ снова не очень забавно. Если будете писать ко мнѣ, о чемъ прошу и надѣюсь, то адресуйте письмо въ Устюжну; къ 14 числу буду здѣсь обратно, или ихъ мнѣ перешлютъ. Денегъ еще не могу возвратить вамъ, ибо ни съ кѣмъ еще не видался. Сашу очень крѣпко обнимаю и цѣлую. Никитѣ мой душевный поклонъ. Надеждѣ Евграфовнѣ также; прошу не забывать всѣхъ домашнихъ и знакомыхъ, а ваши ручки очень нѣжно цѣлую, любезная тетушка. Пожелайте мнѣ здоровья и счастія; бодрости довольно. Простите."

Этою бодростью дышатъ нижеслѣдующія письма 1818 года. По смерти отца онъ становится представителемъ семьи и обнаруживаетъ большую дѣятельность по устройству дѣлъ семейныхъ. У зятя своего Шипилова (человѣка, литературно-образованнаго и, кажется, помѣщавшаго стихи въ журналахъ того времени) онъ беретъ на свое попеченіе его сына и опредѣляетъ его въ благородный пансіонъ при С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. Малолѣтные братъ и сестра, рожденные отъ втораго брака его отца, составляютъ отнынѣ предметъ его нѣжнѣйшихъ попеченій. Въ самыхъ отношеніяхъ къ дворовымъ людямъ, къ крѣпостнымъ крестьянамъ выказывается благородная, любящая душа поэта. Касательно личныхъ своихъ дѣлъ, онъ весь преданъ будущему, одушевляясь надеждою упрочить свое общественное положеніе видною службою въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ при Неаполитанскомъ посольствѣ и ожидая всего лучшаго отъ пребыванія въ свѣтломъ краю Италіи. До самой осени продолжаются переговоры о поступленіи его на эту новую службу. Въ этихъ ожиданіяхъ и сборахъ, Батюшковъ съ своимъ, хотя на время оправившимся, но въ сущности потрясеннымъ, здоровьемъ, совершаетъ громадные переѣзды, способные подѣйствовать разрушительно и на самую крѣпкую натуру. Въ началѣ этого 1818 года (замѣчательнѣйшаго въ его жизни) до Великаго поста видимъ его въ Вологодской деревнѣ; потомъ онъ въ Петербургѣ (какъ показываетъ письмо его къ И. И. Дмитріеву, отъ 22 февр. въ Р. Архивѣ 1866, стр. 1646), за тѣмъ въ Москвѣ, затѣмъ въ Одессѣ, осенью опять въ Вологодской деревнѣ и въ Петербургѣ, а къ концу года въ Вѣнѣ на пути въ Неаполь. Не одну тысячу верстъ проскакалъ онъ, прежде чѣмъ достигъ желаемаго—благословенной лазури Неаполитанскаго неба. Все это читатели увидятъ изъ писемъ самаго Батюшкова. Онъ писалъ сестрѣ Александрѣ Николаевнѣ:

Ѣду сію минуту въ Москву, оттуда въ Одессу. Черезъ Москву ѣду нарочно съ тѣмъ, чтобы отдать брата въ пансіонъ. Если тебѣ нельзя, то пришли его въ коляскѣ, на своихъ, съ людьми надежными; вели имъ остановиться на хорошемъ постояломъ дворѣ и отыскать меня въ домѣ Московской гимназіи, у директора оной, Петра Михайловича Дружинина. Мнѣ будетъ пріятно увидѣться съ тобою; но скажу чистосердечно, что въ Москвѣ, по пріѣздѣ Государя, будетъ такъ шумно и столько хлопотъ будетъ у меня, что лучше поберечь себя и тебя, а тѣ деньги, которыя издержишь въ Москвѣ, употребить на брата. Вотъ мой совѣтъ чистосердечный. А тебѣ совѣтую проводить Помпея до Ярославля и тамъ пожить съ сестрою, или взять ее въ деревню до тѣхъ поръ, пока не устроятся ихъ дѣла; ей необходимо узнать васъ и привыкнуть къ вамъ. Брату изготовь бѣлье нужное и поболѣе. Человѣкъ ему, полагаю, не будетъ нуженъ, но, если бы нянька его согласилась годъ пробыть въ Москвѣ, то это было бы не худо. Впрочемъ, не могу ничего сказать

рѣшительнаго, не видавшись съ содержателемъ пансіона. О деньгахъ за пансіонъ не безпокойся: я заплачу за полгода; но изъ тѣхъ, кои даны тебѣ Ив. Сем., пришли мнѣ, на издержки, платья и пр. дай серебреную ложку, это водится; и все, что придумаешь. Людямъ, ѣдущимъ съ братомъ, именемъ моимъ закажи пить, и скажи, чтобы вели себя исправно. Прости, болѣе писать не въ силахъ. Все укладывался, лошади готовы, и я уже заранѣе усталъ: такъ захлопотался! Сестрамъ усердно кланяюсь.

С.-Пб. 11 Мая 1818.“

Въ Москву Батюшковъ пріѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ воспользоваться наступившимъ теплымъ временемъ для поправленія здоровья. Въ случаѣ, если не состоится опредѣленіе на службу въ Неаполѣ, онъ рѣшился ѣхать въ Крымъ. Мы увидимъ въ послѣдствіи, какое роковое значеніе въ его жизни имѣлъ этотъ Крымъ. Теперь онъ не попалъ туда. У начальника своего по императорской публичной библіотекѣ, онъ испросилъ увольненіе для проѣздки на Югъ слѣдующимъ письмомъ:

„Вашему превосходительству извѣстно, что я утратилъ мое здоровье на службѣ: три войны и тяжелая рана разстроили его совершенно. Медики совѣтуютъ мнѣ лечиться купаньемъ въ морской водѣ и воздухомъ Тавриды. Осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вамъ, милостивый государь, съ моею усерднѣйшею просьбою, объ увольненіи меня изъ императорской библіотеки въ отпускъ на пять мѣсяцевъ. Но, желая употребить въ пользу оной и самое путешествіе, покорнѣйше прошу васъ дать мнѣ какое нибудь порученіе для отысканія древностей или рукописей на берегахъ Чернаго моря, въ мѣстахъ, исполненныхъ воспоминаній историческихъ. Порученіе вашего превосходительства выполню съ ревностью и точностью, сколько позволятъ мое здоровье и обстоятельства. Надѣюсь, что вы, милостивый государь, не отрините усерднѣйшей просьбы человѣка, который пламенно желаетъ быть полезнымъ по мѣрѣ силъ своихъ и способностей.

Марта 1818 г.

С.-Петербургъ.“

Пріѣхавъ въ Москву, въ половинѣ мая 1818 года, Батюшковъ писалъ къ Е. Ѳ. Муравьевой:

„Пишу къ вамъ, сидя за столомъ Никиты, который поѣхалъ обѣдать къ Гуркѣ. Брата засталъ я въ вожделѣнномъ здравіи, и можете посудить сами, любезная и почтенная тетушка, сколько ему обрадовался. Съ нимъ провожу все свободное время; но остановился не у него, боясь его стѣснить, а у К. М. Полтарацкаго, у коего цѣлый домъ. Дружинина не засталъ здѣсь. Онъ въ Калугѣ, но скоро возвратится. Я дождусь его и отправлюсь далѣе. Никита съ своей стороны желаетъ нетерпѣливо воротиться въ Петербургъ и тоскуетъ объ васъ. День ото дня мое уваженіе къ нему возрастаетъ: дружба моя и привязанность давно одинаковы. Вы можете быть счастливы такимъ сыномъ. Однѣ молитвы: будьте здоровы, берегите себя для дѣтей вашихъ. Впрочемъ, не узнаю Москвы. Дворъ ее оживилъ удивительнымъ образомъ. Простите, что сокращу письмо мое: безпрестанно ѣзжу и переѣзжаю, и хлопочу о пенсіонѣ для брата“.

Въ слѣдующемъ за симъ письмѣ замѣтно нѣкоторое колебаніе и тревога за будущее.

„Покорнѣйше благодарю васъ, любезная и почтенная тетушка за то, что вспомнили о моихъ имянинахъ, которые я, въ жизни моей, ни разу не праздновалъ. Этотъ день я провелъ у Д. М. Полторацкаго, гдѣ былъ большой и длинный обѣдъ и гдѣ Никита присутствовалъ. Онъ бодръ и веселъ: о чемъ ему скучать и сокрушаться? У него нѣтъ никакихъ несчастій и, имѣя такую

мать, какъ вы, и столько даровъ Провидѣнія, можно ли роптать на Него и называть себя несчастливымъ? У него же разсудокъ слишкомъ здравъ; вы это лучше моего знаете. Цѣлые дни мы проводимъ вмѣстѣ или у него, или у Полторацкихъ, или на улицѣ. Сегодня я обѣдаю у Никиты и вмѣстѣ поѣдемъ въ садъ дворцовый, если дождь не уймется. О себѣ сказать ничего не могу: къ досадѣ моей Петръ Михайловичъ еще не воротился изъ Калуги, и я не могу выѣхать изъ Москвы, не кончивъ съ нимъ переговоровъ о маленькомъ братѣ, что меня разстроиваетъ. Здѣсь деньги и время (двѣ вещи, которыми я научился дорожить) между пальцевъ проходятъ. Разстоянія ужасныя, и каждое свиданіе похищаетъ цѣлые часы. Спѣшу оставить Москву и прямо въ Одессу пробраться. Скюдери, съ которымъ я вчера видѣлся и другіе бывшіе въ Крыму, увѣряютъ, что воды и грязи истинно цѣлебны. Какъ бы то ни было, самое путешествіе приноситъ пользу, и мы съ Никитой часто говоримъ: еслибъ маменька вздумала съѣздить въ Кіевъ и въ Полтаву! Какую бы пользу принесла вамъ дорога и перемѣна мѣста! Но это все пустые разговоры; по крайней мѣрѣ они докажутъ вамъ, что мы говоримъ болѣе о васъ, нежели о другихъ предметахъ. Цѣлую ручку вашу, любезная тетушка, и прошу любить меня, хотя вполовину моего. Сашу, милаго брата, обнимаю усердно и крѣпко. Прошу писать ко мнѣ. Всѣмъ домашнимъ усердно кланяюсь. Скажите Н. М. Карамзину и Катер. Андревнѣ, что письма ихъ вручены исправно: прошу имъ усердно, очень усердно поклонитеся. Тургеневу поклонъ и прошу напомнить всѣмъ знакомымъ, особенно Корсакову, съ которымъ знакомство столь пріятно и разлука столь тягостна. Если у васъ есть свободное время, то здѣлайте милость увѣдомляйте меня о вашемъ безцѣнномъ для насъ здравіи, et donnez moi je vous prie de temps en temps des nouvelles de Petersb. afin que je puisse m'en aller en Crimée. Parlez un peu à Tourguenef qui a plus de solidité dans l'esprit qu'on ne pense, si le plan qu'on me propose vaut la peine de s'en occuper? C'est une grande question pour moi! S'il la juge convenable, sous plusieurs rapports, engagez le, ma chere tante, à s'interesser à moi. Je sais qu'il me veut du bien. Il m'a parlé dans le temps d'une commission pour les pays étrangers, d'une charge qu'on pouvait créer pour moi, et qu'un autre avait solicitée. Ne pourrait on pas y revenir? En tous cas je me fie à lui. ([58]) Прощайте, до будущей почты, и любите меня, милая тетушка; я же никого не люблю, кромѣ васъ, или, лучше сказать, ничего не люблю такъ, какъ васъ.

Константинъ.

Четвергъ“.

Тургеневъ и безъ напоминаній хлопоталъ о своемъ пріятелѣ, какъ видно изъ слѣдующаго письма къ нему Батюшкова:

„Вчера, сидя у Никиты за письменнымъ столикомъ и готовясь къ отъѣзду въ Крымъ, получилъ письмо ваше, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ. Я изумился прочитавъ его. У меня, у Никиты руки опустились. Но я въ мигъ рѣшился, ибо пишете *вы*, *вы* того желаете. Между тѣмъ входитъ Жуковскій, только что пріѣхавшій изъ Бѣлева. Онъ напираетъ съ доводами, съ доказательствами, и мы

(61, Прошу васъ, сообщайте мнѣ отъ времени до времени вѣсточку изъ Петербурга, дабы я могъ съѣздить въ Крымъ. Поговорите съ Тургеневымъ (онъ гораздо разсудительнѣе нежели о немъ думаютъ; стоитъ ли обращать вниманіе на сдѣланное мнѣ предложеніе. Это важный для меня вопросъ. Если онъ считаетъ, что предложеніе выгодно во многихъ отношеніяхъ, то скажите ему, милая тетушка, чтобы онъ занялся мною. Знаю, что онъ желаетъ мнѣ добра. Когда то онъ говорилъ мнѣ объ одномъ порученіи въ чужіе краи, о должности, которую можно бы для меня устроить и которой кто-то другой просилъ. Нельзя ли опять подумать объ этомъ? Во всякомъ случаѣ я на него полагаюсь.

рѣшились. Жуковскій пишетъ письмо къ Государю. Вотъ онъ сидитъ тамъ за столикомъ, полуодѣтый.... а я за другимъ, въ ожиданіи письма. Оно готово. Если что за нужное найдете поправить, воля ваша! И имя мое припишите сами. Если успѣю, то перепишу; можетъ быть, рѣшитесь отдать безъ поправокъ.

О себѣ скажу вамъ, что я дѣлами былъ задержанъ въ Москвѣ. Время мнѣ дорого: только въ іюлѣ можно купаться въ морѣ, слѣдственно я долженъ спѣшить въ Крымъ. Но Жуковскій уговариваетъ дождаться отвѣту. Какъ бы то ни было, отвѣтъ пришлите на имя Петра Михайловича Дружинина, который мнѣ вручитъ здѣсь, или отправитъ въ Одессу, по моему адресу. Не стану говорить вамъ о моей душевной признательности: ѣду благодарить вашу матушку за такого сына, а Никиту обниму за К. Ѳ. Простите! Душевно кланяюсь Николаю Ивановичу.

Еще есть время приписать: Жуковскій не кончилъ. Перечитавъ письмо ваше о лестныхъ обѣщаніяхъ графа(65), разсуждаю, что теперь все зависѣть будетъ отъ одного Государя, который для меня становится на сей разъ Провидѣніемъ. Вы устроите все къ лучшему: теперь и сердце почти обѣщаетъ успѣхъ. Какъ хотите, опредѣляйте. Чинъ мнѣ по совѣсти слѣдуетъ. Еслибъ я просился въ отставку, то отставили бы капитаномъ, ибо я прослужилъ цѣлую кампанію и еще года два въ одномъ чинѣ. Мнѣ доставалось въ полковники. Но Богъ съ нимъ, съ чиномъ! C'est le cadet de mes soucis(66). Лучше для чужихъ краевъ званіе камеръ-юнкера, если можно, и если это ничего не стоитъ, тѣмъ болѣе говорю лучше, что я въ маленькомъ чинишкѣ. Жалованье всего нужнѣе, и чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше. *Досугъ*, свобода: вотъ еще важное дѣло! Впрочемъ, если графъ найдетъ, что я со временемъ буду ему пригоденъ, пусть употребитъ! Я умѣю писать по русски, разумѣю нѣсколько языковъ, и въ лагерѣ пріобрѣлъ нѣкоторую опытность. Впрочемъ вы мнѣ лучшій судья: вы лучше знаете, на что гожусь и на что не гожусь.

Замѣчаніе. Безъ Сѣверина мы не обойдемся. Поговорите съ нимъ чистосердечно. Я знаю его дружбу ко мнѣ: онъ и теперь столь усердно поможетъ, какъ и прежде (67). Онъ все заготовилъ, признайтесь сами. Вы щастливѣе другихъ, не потому ли, можетъ быть, что трудно кому нибудь превзойти васъ въ добротѣ, точно такъ какъ княгиню Голицыну, Авдотью Ивановну (68), въ красотѣ и пріятности. Вы оба никогда не состарѣетесь: вы душою, она лицомъ. Это не я говорю: Жуковской, который все утро съ книгопродавцемъ Поповымъ просидѣлъ въ Сандуновской банѣ (69), и уговаривалъ его не продавать дурныхъ книгъ. Ей, ей, они тамъ встрѣтились!

Не пишу къ графу, ибо вы не хотѣли сего. И на что ему мои пустыя фразы? Если онъ желаетъ мнѣ добра и сдѣлаетъ мнѣ добро, то собственное сердце его скажетъ ему *спасибо*, краснорѣчивѣе нежели я сказать могу.

---

(65) Т. е. гр. Каподистріи, управлявшаго тогда министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

(66) Это послѣдняя изъ моихъ заботъ.

(67) Относится, можетъ быть, къ тому, что Сѣверинъ черезъ П. И. Полетику (находившагося съ нимъ вмѣстѣ въ Лондонѣ въ 1814 году) хлопоталъ о назначеніи Батюшкова адъютантомъ къ великому князю Николаю Павловичу. Теперь Сѣверинъ особенно могъ быть полезенъ Батюшкову по службѣ и связямъ своимъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

(68) Супругу князя Сергія Михаиловича Голицына, которая тогда жила въ Петербургѣ и прослыла *ночною княгинею* (Princesse Nocturne), ибо проводила цѣлыя ночи напролетъ въ отборномъ обществѣ умныхъ и замѣчательныхъ людей.

(69) Извѣстныя въ Москвѣ Сандуновскія бани, близъ Кузнецкаго моста, не за долго передъ тѣмъ открылись и прославились только что введеннымъ тогда въ обыкновеніе искусственнымъ дождемъ.

Но, если прикажете, писать буду. Вручаю это помело Жуковскому.

(*Приписка Жуковскаго*). Вотъ что мы положили: Батюшковъ остается въ Москвѣ до перваго отъ тебя отвѣта, слѣдственно tout au plus (70) на двѣ недѣли. Твой отвѣтъ долженъ рѣшить, куда ему ѣхать, въ Петербургъ или въ Одессу. Съ его письмомъ ты являешься къ Капо д'Истріи, сказываешь ему, что Батюшковъ, ѣхавшій для поправленія здоровья въ южную Россію, для морскихъ бань, которыми можно пользоваться только въ іюлѣ мѣсяцѣ, рѣшился однако, въ надеждѣ на его (К. д'И.) явное желаніе дѣйствовать для пользы его (Бат.), пожертвовать двумя недѣлями драгоцѣннаго времени, и что слѣдовательно скорый и рѣшительный отвѣтъ необходимъ! Каподистрія не замедлитъ, а ты тотчасъ эстафету къ Батюшкову въ Москву. *Моя мысль*: отдать экземпляръ Батюшкова сочиненій Капо д'Истріи: онѣ будутъ документомъ и его способностей въ *мирномъ* родѣ, не въ одномъ *военномъ*. Моя *исповѣдь*: Тургеневъ лучшій изъ людей! Письмо его къ Батюшкову тронуло и обрадовало Жуковскаго, который обнимаетъ его съ новою благодарностію.

(*Рукою Батюшкова*). Впрочемъ, если письмо многорѣчиво, а не краснорѣчиво (что и намъ кажется), то поправьте, перемѣните. Но оно дѣльно, это главное, и изъ него можно составить записку (71).

Не знаю, останусь ли здѣсь до 25. Жуковской рѣшитъ. (*Рукою Ж.*) Останется. Жуковскій.

(*Рукою Б.*): На всякій случай отвѣтъ адресуйте къ Дружинину".

***

Тогда, въ 1818 году, сообщенія между Москвою и Петербургомъ происходили по дорогѣ еще даже не мощенной, и письма доходили не раньше недѣли. Батюшковъ не дождался условленнаго извѣщенія и уѣхалъ изъ Москвы, написавъ Тургеневу и Е. Ѳ. Муравьевой слѣдующія письма:

„Я вручилъ Жихареву письмо къ вамъ и письмо на имя Государя, которое вы, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, переправьте какъ угодно. Самъ же я рѣшился немедленно отправиться въ Одессу, вопреки Жуковскому, который совѣтовалъ остаться въ Москвѣ и ожидать отвѣту вашего. Ванны морскія мнѣ необходимы, и время дорого. Только въ іюлѣ можно купаться: потому-то я поспѣшилъ. Но отсутствіе мое изъ Москвы не помѣха. Въ Одессѣ я буду черезъ семь дней, и тамъ дождусь вашего письма. Если почтете за нужное быть мнѣ въ Петербургѣ, то Бога ради увѣдомьте меня. Одно ваше слово *пріѣзжай* заставитъ меня летѣть къ вамъ: съ удовольствіемъ покину Одессу, море и Крымъ. Въ Одессѣ дождусь вашего письма. Пишите прямо туда на мое имя, въ канцелярію гр. Ланжерона; пишите и рѣшите мою судьбу; она въ добрыхъ рукахъ, она въ рукахъ заботливой дружбы и зоркой опытности. Опытности вашей повѣряю себя совершенно, предстатель мой! Боюсь одного только, боюсь, чтобъ вы меня не слишкомъ хвалили графу, и не дали ему обо мнѣ высокаго понятія, которое при первомъ свиданіи можетъ изчезнуть. Не потеряйте и вы ко мнѣ уваженія за то, что я желалъ быть названъ камеръ-юнкеромъ: не суетность это, а разсчетъ, можетъ быть и вздорной. Это званіе при миссіи дастъ мнѣ нѣкоторое уваженіе, на которое въ маломъ чинѣ я не имѣю права. Въ Италіи это не будетъ для меня смѣшно: здѣсь смѣшно и глупо, ибо я не суетенъ, не знатенъ и не богатъ. На чинъ всегда имѣю право, ибо прослужилъ кампанію; но я чины не уважаю для себя; я вовсе безъ честолюбія и твердо увѣренъ, что чинъ не украситъ ни прозы моей, ни сти-

(70) Самое большее.
(71) Письма этого (къ Государю?) мы не имѣемъ.

ховъ. Еще разъ повторю: я всѣмъ буду доволенъ; имѣю въ виду одно— Италію. Въ этомъ словѣ заключается для меня многое: независимость, здоровье, стихи и проза. Шесть тысячъ или около того жалованья и шесть тысячъ своего дохода, дадутъ мнѣ способъ поддержать себя довольно пристойно. Просите гр. рѣшить мою судьбу. Отказъ *рѣшительный* легче проволочки. Въ Одессѣ у меня передъ глазами Таврида и полезное для ума и здоровья путешествіе, для котораго я уже многимъ пожертвовалъ.

Къ 20 іюня я буду въ Одессѣ. Желаю найти тамъ письмо ваше, въ которомъ вы напишите: „*поѣзжай въ Крымъ, Богъ съ тобой!*» или «*пріѣзжай немедленно въ Петербургъ*, дѣло въ шляпѣ!“.

Простите, любезнѣйшій, почтеннѣйшій изъ людей. К. Б.

Жуковскій ѣдетъ завтра.

13 іюня.“

(Москва 1818).

„Признаюсь въ моей слабости: письмо ваше и Александра Ивановича меня обрадовало. Онъ пишетъ такъ сладко, что я склонился всѣмъ сердцемъ, написалъ письмо къ Государю и отправилъ: онъ конечно читалъ вамъ его. Не нахожу словъ благодарить его. Чѣмъ заслужилъ я стараніе друзей моихъ, не знаю. Но знаю, что я люблю ихъ: они меня примирили съ жизнію. Жуковскій совѣтовалъ остаться и ожидать здѣсь отвѣта, на что я не согласился, ибо здоровье мое есть главное мое попеченіе. Еслибы это дѣло не удалось, и я пропустилъ лѣтніе дни, единственное время для купанья въ морѣ! Но, если вы напишите: *пріѣзжай*, то я все брошу и прилечу изъ Одессы въ шесть дней. Иванъ Матвѣевичъ уже тамъ и ожидаетъ меня. Пишите ко мнѣ Бога ради, и адресуйте прямо въ канцелярію его сіятельства графа Ланжерона. Черезъ двѣ или три недѣли желаю получить рѣшеніе судьбы моей, ибо, если ничего не успѣемъ, то я совершу мое путешествіе по Крыму и стану отыскивать древности. Мое намѣреніе непоколебимо. Одна Италія можетъ оторвать меня отъ Тавриды, ибо она согласнѣе съ моими выгодами во всѣхъ отношеніяхъ: и для карману, и для здоровья, и для честолюбія. Прочитайте то, что̀ я писалъ къ Тургеневу и, если найдете что пустое, то уничтожьте. Тургеневъ лучше моего знаетъ что̀ мнѣ выгодно и нужно. Съ Жуковскимъ я говорилъ о себѣ, онъ вамъ перескажетъ мои слова. Впрочемъ поручаю себя вамъ во всемъ. Кредитивъ адресуйте въ Одессу золотомъ т. е. червонцами, чѣмъ меня очень обяжетс. Можетъ быть, не воспользуюсь онымъ, если будутъ деньги. Судьбу маленькаго брата рѣшилъ: Петръ Михайловичъ нашелъ пенсіонъ по видимому изрядный. Къ осени его привезутъ. Попросите отъ себя, любезная тетушка, Дружинина, чтобъ онъ не оставилъ брата: ваши слова дѣйствительнѣе моихъ. Онъ привыкъ уважать васъ. Милаго Сашу цѣлую. Если Гейденъ у васъ и возьмется за его воспитаніе, то можно васъ поздравить. Съ Эвенсомъ не могли сладить. Онъ нерѣшителенъ, но я всетаки сожалѣть не перестаю. Эвенсъ рѣдкой человѣкъ, и Ипполитъ ([72]) прекрасный молодой человѣкъ; его сообщество могло бы быть полезно брату по многимъ отношеніямъ, въ чемъ Никита согласенъ со мною. Не успѣете ли современемъ перетянуть его къ себѣ? Иванъ Матвѣевичъ долженъ вамъ уступить его совершенно.

Оленинымъ мой душевный поклонъ. Карамзинымъ скажите, что я искалъ ихъ слѣдовъ въ Москвѣ, и каждый шагъ здѣсь напоминаетъ мнѣ о нихъ. Гнѣдичъ возвратится въ Петербургъ.

([72]) Ипполитъ Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, убитъ въ дѣлѣ подъ Устиновкою 9 янв. 1826 года.

Онъ веселъ и какъ ни въ чемъ не бывалъ; радуюсь этому душевно: въ 35 лѣтъ о пустякахъ стыдно сокрушаться. Простите, любезная тетушка, поручаю вамъ благодарить Тургенева, вы краснорѣчивѣе меня: скажите ему все что чувствуетъ мое сердце, исполненное къ нему чистѣйшей благодарности. Если увидитесь съ Уваровымъ, то напомните обо мнѣ и скажите, что изъ Одессы буду писать.

13 іюня."

Батюшковъ ѣхалъ вмѣстѣ съ троюроднымъ братомъ своимъ, Сергѣемъ Ивановичемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, отправлявшимся въ свои Полтавскія деревни и къ отцу своему въ Одессу. Оба молодые люди были исполнены надеждъ, и будущность рисовалась имъ въ разнообразныхъ краскахъ; между тѣмъ одному изъ нихъ до полнаго умопомѣшательства оставалось всего четыре года, и другому восемь лѣтъ до позорной смерти на висилицѣ. Путешественники остановились въ Полтавѣ, откуда Е. Ѳ. Муравьева и Тургеневъ получили отъ Батюшкова слѣд. письма:

„Я выѣхалъ изъ Москвы съ Сережею. Здѣсь нѣтъ Матвѣя ([73]), онъ съ княземъ Репнинымъ въ губерніи; ожидаютъ его сегодня. Иванъ Матвѣевичъ, вѣроятно уже поѣхалъ въ Одессу, и я его тамъ увижу. Бричка моя сломалась: вотъ что задержитъ меня здѣсь лишніе часы. Никиту оставилъ я въ добромъ здоровьѣ. Онъ желаетъ нетерпѣливо быть у васъ, и пора! Съ нимъ провелъ я послѣдніе дни неразлучно, и въ первые видѣлся безпрестанно, и для васъ и для себя, любезнѣйшая тетушка: для себя, ибо люблю его какъ душу. Онъ выростетъ Михайломъ Никитичемъ, нашъ милый братъ Никита. Съ этой стороны вы осчастливлены. Будьте здоровы, Бога ради и утѣшьте здоровьемъ вашимъ брата, а меня письмомъ. Ожидаю вашихъ приказаній въ Одессѣ. Если почтете нужнымъ, то, бросивъ все, полечу въ Петербургъ, къ вамъ на дачу. Пріятно мнѣ будетъ провести послѣдніе дни въ Россіи съ вами. Простите, что пишу мало, несвязно. Мы тащились по такой грязи и дождю, о какихъ я и понятія не имѣлъ. Ѣхали день и ночь: устали несказанно! Двѣнадцать часовъ спали здѣсь мертвымъ сномъ и еще не отдохнули! Пишите въ Одессу и рѣшите: ѣхать ли въ Крымъ? Оставляю вамъ рѣшить это. Изъ Крыма труднѣе выѣхать, чѣмъ изъ Одессы. Въ Одессѣ я буду на одномъ мѣстѣ, а въ Крыму стану путешествовать. Но, если въ теченіе трехъ или четырехъ недѣль, судьба моя рѣшится, то не лучше ли ожидать рѣшенія въ Одессѣ до половины іюля, къ 10 или ранѣе?"

***

„Пишу къ вамъ на походѣ, на лету, изъ Полтавы, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ. Спѣшу сказать, что я сдѣлалъ большую глупость (если это глупость только!): въ письмѣ моемъ забылъ сказать, что опредѣленъ или причисленъ къ импер. библіотекѣ въ началѣ текущаго года, въ званіи почетнаго библіотекаря. Если нужно, то прибавьте и это. Впрочемъ, это одно пустое званіе, и можетъ быть не пустымъ, въ случаѣ желанія быть полезнымъ библіотекѣ, которое я имѣю, доколѣ не перемѣню Россіи на Италію.

Немедленно отправлюсь въ Одессу, гдѣ буду ожидать нетерпѣливо вашихъ совѣтовъ, которые на сей разъ назову приказаніями. Напишите: „пріѣзжай", и я, покинувъ все, черезъ семь дней, по полученіи письма вашего, явлюсь въ Петербургъ. Въ ожиданіи онаго, стану купаться въ морѣ, которое, по словамъ Еврипида, лѣчитъ всѣ болѣзни. Рѣшите мою судьбу, напишите: „ожидай отвѣта моего въ Одессѣ" или "пріѣзжай въ Петербургъ." Въ Тавриду не поѣду, доколѣ

([73]) Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола.

не прояснится судьба моя: туда надобно ѣхать съ спокойнымъ духомъ, безъ суетныхъ надеждъ и желаній; въ противномъ случаѣ, только тѣломъ буду на берегахъ Салгира, а сердцемъ во Флоренціи или въ Римѣ, или въ Неаполѣ. Таврида есть *mon pis-aller* (74). Но если бы Италія не удалась, то Крымъ въ ненастное время осени будетъ моимъ убѣжищемъ, и бѣдныя развалины обоихъ Херсонисовъ замѣнятъ мнѣ развалины великолѣпнаго Рима, какъ Яковлевъ замѣнялъ вамъ Тальму. Покрайней мѣрѣ воздухъ Байдары замѣнитъ мнѣ воздухъ Нисы и Флоренціи, а воздухъ для меня главное дѣло. Путешествіе идетъ мнѣ въ прокъ: я здоровъ, и твердо увѣренъ, что купанье въ морѣ меня вылѣчитъ отъ ревматизмовъ.

Еще нѣсколько словъ о моемъ дѣлѣ. Оставляю все на волю вашу. Ищите для меня лучшаго, приличнѣйшаго *мнѣ*, и вѣрьте, что все приму съ благодарностію, даже мѣсто пономаря при Неаполитанской миссіи, если оно достанется мнѣ изъ рукъ вашихъ и по желанію вашему. Вамъ весело дѣлать добро; мнѣ весело быть вамъ благодарнымъ. Я это сказалъ какъ-то лучше вашей почтенной матушкѣ. Такія истины, сказанныя въ глаза, все-таки походятъ на лесть. Какъ бы то ни было, я любилъ васъ, и это вы знали, прежде нежели желали мнѣ дѣлать добро: вы любовь умѣли превратить въ благодарность.

Жуковскому мой поклонъ. Утѣшьте злодѣя: скажите ему, что баллада изъ Шиллера прелестна, лучшій изъ его переводовъ, по моему мнѣнію; что переводъ изъ Іоганны мнѣ нравится, какъ переводъ мастерской, живо напоминающій подлинникъ; но размѣръ стиховъ странный, дикій, вялый: ссылаюсь на маленькаго Пушкина, которому Аполлонъ далъ чуткое ухо. Но Горная пѣсня и весь IV N мнѣ не нравится (73). Онъ напалъ на дурное, жеманное и скучное. Вотъ моя исповѣдь. Но обнимите его за меня очень крѣпко: это ему пріятнѣе моей критики и можетъ быть, умнѣе.

Поклонитесь Уварову. Если дѣло пойдетъ на ладъ, то онъ конечно первый будетъ радъ моему путешествію и замолвитъ слово. Не могу утаить передъ вами, сколько я ему благодаренъ! Сколько я ему обязанъ за его вниманіе и снисхожденіе! Онъ ободрялъ меня, какъ поэта и человѣка, хвалилъ меня прежде чѣмъ узналъ, и узнавъ, конечно полюбилъ. Ему обязанъ я лучшими минутами въ вашемъ Питерѣ, и воспоминаніе объ нихъ сохраню долго въ умѣ и въ сердцѣ.

Салтыкову напомните обо мнѣ. Бога ради не забудьте: я его люблю и уважаю. Карамзинымъ скажите, что я живъ, то-есть преданъ имъ всей душою. Николаю Ивановичу скажите тоже, и если можно, тѣмиже словами. Всему Арзамасу поклонъ. Простите до Одессы. К. Б.

Здѣсь нашелъ я дождь и грязь и скуку. Кн. Рѣпнинъ разъѣзжаетъ по губерніи. Ожидаютъ его сегодня, и кн. С. Волхонскую изъ Москвы: вотъ здѣшнія новости. Дождь и грязь мѣшаютъ мнѣ осмотрѣть могилы, гдѣ 27-го сего мѣсяца совершатъ панихиду. Мѣста истинно важныя для Исторіи! Въ глазахъ моихъ тощій памятникъ, столбъ изобрѣтенія Томонова и красивая площадь. Жаль, что памятникъ не на самомъ полѣ сраженія. Впрочемъ такое урочище имѣетъ ли нужду въ памятникѣ? И вы имѣете ли нужду въ моихъ критическихъ замѣчаніяхъ?

Согласны ли вы были переговорить съ Сѣверинымъ; хотите ли, чтобъ я написалъ къ нему, скажите чистосер-

(74) Моя крайность.

(73) Говорится объ извѣстныхъ тетрадкахъ: Für Wenige (Для немногихъ), которыя выходили номерами.

дечно. Признаюсь вамъ, мнѣ хотѣлось бы писать къ нему.

Ожидаю на все вашего отвѣта въ Одессѣ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ, какъ ожидаютъ доброй вѣсти. Впрочемъ, чтобы ни было, ввѣряю себя дружбѣ и святому Провидѣнію. Мнѣ можно позавидовать со стороны, ибо это сказалъ отъ искренняго сердца. Много ли людей на свѣтѣ вѣрятъ дружбѣ и Провидѣнію?

***

Кончу мое несвязное маранье, пожелавъ вамъ счастія и здоровья. Вручите это письмо К. Ѳ. и поцѣлуйте у нея за меня ручку. Если она на дачѣ, то перешлите къ ней поскорѣе."

„Письмо ваше я получилъ въ Одессѣ или въ русской Италіи, почтеннѣйшій изъ людей и изъ человѣковъ. Все, что вы дѣлаете, прекрасно, и молю Провидѣніе да увѣнчаетъ успѣхомъ благія начинанія. Напишите, свисните впору, и я очутюсь у васъ, отъ береговъ Чернаго моря на берегахъ Невы; ибо во всякомъ случаѣ долженъ буду возвратиться къ вамъ: одной благодарности сердечной для того достаточно. Кромѣ отправленія (въ случаѣ удачи), мнѣ нужны будутъ наставленія и совѣты Сѣверина. Не шутка на долго отправиться изъ родины! Надобно мнѣ и свои дѣла устроить, да и съ Жуковскимъ поспорить кой о чемъ. Отъ сюда я отправлюсь въ Крымъ, на сихъ дняхъ, если купанье въ морѣ недостаточнымъ окажется. Но вы смѣло адресуйте письма ваши на мое имя въ Одессу, въ канцелярію г. Ланжерона. Правитель оной мнѣ знакомый человѣкъ и отправитъ немедленно, а если надпишете на пакетѣ: *нужное*, то и еще скорѣе отправитъ. Въ Крыму все любопытно. Здѣсь недавно я бродилъ по развалинамъ Ольвіи: сколько воспоминаній! Если успѣю, то опишу сіи священные остатки, сію могилу города, и покажу вамъ въ Петербургѣ. Je ne vous ferai pas grace d'une ligne (76). Я срисовалъ все, что могъ и успѣлъ. Жалѣю, что нашъ Карамзинъ не былъ въ этомъ краю. Какая для него пища! Можно гулять съ мѣста на мѣсто съ однимъ Геродотомъ въ рукахъ. Я невѣжда, и мнѣ весело. Что же должны чувствовать люди ученые на землѣ классической? Угадываю ихъ наслажденія.

Одесса пріятный городъ. Море здѣсь какъ море, и *немного* пріятнѣе ледяного залива Финскаго. Здѣсь найдете всѣ націи, и всего болѣе соотечественниковъ Тасса и Серакапріоли. Азіятцевъ множество. Театръ лучше Московскаго и едва ли не лучше Петербургскаго. Здѣсь кн. Зенеида, у которой я просидѣлъ утро. Здѣсь Гурьевъ; его еще не видѣлъ, но увижу: послушать его въ Одессѣ любопытно. Жаль, что нѣтъ здѣсь Николая Ивановича pour le mettre en train (77).

Но жара здѣсь, говорятъ, несносная отъ полудня до самаго вечера. Я не могу пожаловаться, и часто, какъ Горацій, гуляю по солнцу; особенно люблю sulla placida marina la fresc'aura respir (78), и Сенпри, у котораго живу, не можетъ надивиться способности моей гулять во всякое время, и утромъ, и въ зной, и ночью. Впрочемъ нынѣшній годъ хуже прошлаго, и торговля скиѳскою пшеницею идетъ плохо. Въ Италіи урожай, и всѣ здѣсь плачутъ. Вотъ какъ трудно Провидѣнію угодить на всѣхъ! А мы поэты хотимъ всѣмъ и каждому понравиться, мы всѣ, начиная отъ Хвостова до Жуковскаго, котораго обнимаю отъ всего сердца. Онъ давнымъ давно у васъ и съ вами: завидую ему и вамъ.

Иду утѣшиться въ Cantatrice villane, которыхъ музыка прелестна. Завтра примусь за чтеніе и купанье.

Простите, будьте здоровы, веселы

(76) Не дамъ вамъ пощады ни на строчку.
(77) Чтобы завести его.
(78) При тихомъ морѣ вдыхать свѣжій воздухъ.

и счастливы. Братцу вашему мое усерднѣйшее почтеніе. Благодарю его за извѣщеніе, очень благодарю! Весь вашъ и навсегда. К. Б.

12 Іюля.

Одесса.“

***

„Отвѣчаю на письмо ваше, любезная и почтенная тетушка, изъ Одессы, гдѣ я очутился послѣ утомительной дороги: дожди ее совершенно раззорили отъ Москвы до самаго Кременчуга. Здѣсь встрѣтили насъ жары и прелестная погода. Я началъ купаться; будетъ ли польза, не знаю. Отъ дороги я усталъ и все еще слабъ. Здѣсь нашелъ я графа С. При и живу въ гостепріимномъ его домѣ. Онъ ко мнѣ ласковъ по старому и все дѣлаетъ, чтобы развеселить меня, возитъ по городу, въ итальянскій театръ, который мнѣ очень нравится, къ иностранцамъ, за городъ на дачи. Одесса—чудесный городъ, составленный изъ всѣхъ націй въ мірѣ и наводненъ Итальянцами. Итальянцы пилятъ камни и мостятъ улицы: такъ ихъ много! Коммерція его создала и питаетъ. Не нахожу словъ изъяснить вамъ мою душевную признательность за письмо ваше и ваши обо мнѣ попеченія. Желаю успѣха вамъ и Петербугскимъ друзьямъ. Вы угадали, что не изъ Москвы, а отъ васъ поѣду въ Италію: могу ли уѣхать, не простясь съ вами и съ Никитой? И такъ, если меня опредѣлятъ къ миссіи, то отпишите ко мнѣ, и я немедленно отправлюсь. Адресуйте письмо на мое имя въ канцелярію г. Ланжерона въ Одессу: отсюда перешлютъ его въ Крымъ, если я туда поѣду, что́ легко можетъ случиться; ибо здѣшнія ванны для меня недостаточны, и безъ Козловскихъ грязей едва ли могу обойтиться. Если опредѣлятъ меня къ миссіи, то пришлите мнѣ денегъ изъ моихъ, тысячу рублей и болѣе, адресуя въ Одессу, такъ какъ и письма на мое имя; отсюда С. При перешлетъ ко мнѣ, гдѣ буду находиться я. Гдѣ бы ни былъ, немедленно отправлюсь въ Петербургъ можетъ быть прямо, не черезъ Москву, смотря по обстоятельствамъ и по удобности дороги. Я васъ увѣдомлялъ, что брату нашелъ пансіонъ въ Москвѣ и его отдадутъ въ сентябрѣ. О сестрѣ маленькой ничего рѣшительнаго сказать не могу. Она въ Ярославлѣ, въ пансіонѣ, и я просилъ Александру Николаевну взять ее на нѣсколько мѣсяцевъ къ себѣ, а потомъ совѣтоваться съ вами, почтенная тетушка. Ее отдать надобно въ монастырь или въ институтъ въ Петербургъ на нашъ счетъ. Опека можетъ удѣлить 2,500 на воспитаніе, чего будетъ достаточно на первый случай. Вотъ все, что́ я могу донести вамъ заочно, и болѣе самъ ничего не знаю. Надѣюсь на святое Провидѣніе, Которое сиротъ никогда не покидаетъ. Мое дѣло — дѣлать возможное; мой долгъ это, а впрочемъ воля Божія.

Пишу ко всѣмъ, если успѣю, сегодня, ибо завтра идетъ почта очень рано. Я еще новъ въ городѣ и не знаю, какъ управиться съ купаньемъ, съ жарами и съ визитами: одно мѣшаетъ другому. Къ досадѣ моей разстроилъ желудокъ, и докторъ запрещаетъ купаться. Вы скоро увидите брата: обоймите его за меня, и скажите ему, что я его люблю и уважаю. Горе ему, если онъ не знаетъ, сколько я его люблю и желаю, и надѣюсь быть любимымъ. Напрасно упрекаетъ меня въ эгоизмѣ: я такъ думаю, что эгоисты бываютъ здоровѣе моего; впрочемъ боюсь себя хвалить передъ вами. Прошу васъ беречь себя, это главное, беречь себя для дѣтей, и для меня, если я хотя немного того стою въ глазахъ вашихъ. Здѣсь я нашелъ Корсакова. Онъ у меня былъ сію минуту. Я радъ былъ говорить съ нимъ о Луниныхъ, которымъ онъ былъ преданъ. Здѣсь Новосильцевъ, знакомецъ Карамзиныхъ, которымъ прошу обо

мнѣ напомнить. Благодарите за меня Тургенева: я пишу къ нему сегодня. Но зачѣмъ таятъ они отъ Уварова! Къ чему эти осторожности? Уваровъ не будетъ просить за меня князя (79), зная, что это не впору. Лучше бы объявить ему, и онъ бы присоединилъ свой голосъ. Впрочемъ, я заочно не могу давать совѣтовъ и все оставляю вамъ и Тургеневу, который дѣятеленъ для добра и друзей. Жуковскій теперь у васъ, поклонъ ему душевный. Вы не пишите ко мнѣ о Гейденѣ, у васъ ли онъ и что дѣлаетъ братъ? Иванъ Матв. кажется расположенъ перевесть Ипполита въ Лицей Одесскій къ abbé Nicole. Здѣшній Лицей хвалятъ. Евенсомъ И. М. не очень доволенъ. Но по совѣсти, Эвенсъ дѣлалъ все что могъ. Къ несчастію характеръ его не отвѣчаетъ его душѣ, уму и просвѣщенію. Онъ часто бываетъ боленъ, и это вредитъ ему. Но, главное дѣло, и это засвидѣтельствуетъ вамъ братецъ, Ипполитъ у Эвенса не избалованъ и изъ рукъ его выйдетъ чистъ и непороченъ: а это *главное дѣло*! Гдѣ живете вы, тетушка? На дачѣ ли? Оставьте для меня комнату, если мнѣ воротиться надобно. Отъ васъ поѣду въ дальнѣйшій путь. Брату скажите, что къ нему писать буду. Жаль, что его нѣтъ здѣсь, на землѣ классической, гдѣ бились Святославъ, Суворовъ и гдѣ созидались храмы Ахиллу—его герою. Я недавно былъ на могилѣ Ольвіи: нашелъ множество медалей, вазъ, обломковъ и дышалъ тѣмъ воздухомъ, которымъ дышали Мелезійцы, Аѳинцы Азіи. Геродотъ не выходитъ изъ рукъ моихъ. Это все для Никиты пишу: пусть у него слюнки текутъ, какъ говоритъ пословица. Пусть онъ мнѣ позавидуетъ. Одинъ видъ Чернаго моря, прекраснѣйшаго изъ морей, по словамъ Геродота, приводитъ въ восхищеніе меня, невѣжду; что было бы съ нимъ? Ему-то надобно ѣхать въ Грецію. Онъ ученъ по *ихнему*. Сію минуту иду къ княгинѣ Зенеидѣ (80) съ С. При: она здѣсь поселилась, и все у ногъ ея. Она, говорятъ, поетъ прелестно и очень любезна. Здѣсь ожидаютъ княгиню Софью Григорьевну Волконскую. Польскихъ барынь множество. Простите, цѣлую ручку вашу.

12 іюля, Одесса.

Напомните обо мнѣ Карамзинымъ, Оленинымъ, Уварову и Павлу Львовичу, и Софьѣ Естафьевнѣ мое душевное почтеніе и сердечный поклонъ прошу сказать".

А. Н. Оленину Батюшковъ послалъ слѣд. отчетъ о своемъ путешествіи.

„Я пишу къ вашему превосходительству изъ Одессы, куда я прибылъ около 10 іюля. Отъ Москвы до Кременчуга дорога была ужасная: грязь по ступицы, совершенно малороссійская. Отдохнувъ въ Николаевѣ, я отправился въ Ильинское, помѣстье Кушелева-Безбородки, т. е. въ древнюю Ольвію, и осмотрѣлъ любопытные остатки или могилу сего города. У меня было письмо къ эконому помѣстья отъ графа А. Г. Безбородки и отца его графа Г. Кушелева. Если встрѣтитесь съ ними, м. г. Алексѣй Николаевичъ, то поблагодарите за меня. Письма ихъ доставили мнѣ способъ осмотрѣть Ольвію и окрестности. Я снялъ планъ съ развалинъ, или, лучше сказать, съ урочища, и видъ съ Буга. Рисовать я не мастеръ, но сіи виды для меня будутъ полезны: они пояснятъ мое описаніе, если когда нибудь вздумается мнѣ привесть въ порядокъ мои записки, которымъ желаю успѣха, т. е вашего одобренія, столь лестнаго моему сердцу и само-

(79) Александра Николаевича Голицына.

(80) Волконской.

любiю. Для васъ сохранилъ урну, найденную въ развалинахъ рыбакомъ. Вотъ ея исторiя: одинъ изъ рыбаковъ селенiя рылъ яму и заступомъ ударилъ по черепицѣ; продолжалъ рыть и вынулъ изъ земли большой сосудъ, покрытой. Полагая, что въ немъ монеты, разбилъ его. Въ первомъ сосудѣ былъ прахъ на днѣ и другой сосудъ, во второмъ третiй. Всѣ три грубой работы и глины. Сей послѣднiй доставлю вамъ на память обо мнѣ. Въ немъ управитель Ильинскаго подносилъ вино рабочимъ людямъ; лучше же ему быть въ кабинетѣ вашемъ. Но такiе сосуды здѣсь не рѣдкость: ихъ находятъ повсюду, даже въ поляхъ, гдѣ конечно Римляне стояли лагеремъ. При томъ сохраню для васъ двѣ медали: одну изъ нихъ подарилъ мнѣ г. Бларамбергъ, у котораго прекрасное, единственное въ своемъ родѣ собранiе медалей, обломковъ и статуй. Вы его знаете, онъ шуринъ г. Розенкампфа. Здѣсь въ Одессѣ я пользуюсь его благосклонностiю и кабинетомъ. Жаль, что онъ не публикуетъ его!—Въ Ольвiи отрыли трубу, которая болѣе двухъ тысячь лѣтъ лежала въ землѣ. Она служила водопроводомъ, и странное дѣло! изъ нея еще струится вода въ Бугъ. Адмиралъ Грейгъ прислалъ изъ Николаева чиновника осмотрѣть ея форму, мѣру и положенiе. Одно колѣно сей трубы я взялъ съ собою и постараюсь привезть; не угодно ли вамъ будетъ поставить ее въ библiотеку или въ вашъ кабинетъ? Медалей я не покупалъ по двумъ причинамъ,—первое потому, что не смѣлъ покупать и оскорбить чрезъ то хозяевъ помѣстья, которые, можетъ быть, дорожатъ ими; второе потому, что боялся ошибиться и заплатить дороже по невѣденiю цѣнъ и самаго достоинства медалей. Разрѣшите мнѣ, покупать ли для библiотеки вещи, и какую сумму можно употребить на покупку оныхъ? Переписка въ такомъ случаѣ безъ уполномочiя затруднитъ меня: вамъ извѣстно, что слѣпой случай доставляетъ дешевыя и драгоцѣнныя вещи, его то упустить и не должно! Впрочемъ не думайте, чтобы потребны были великiя суммы. У антикварiевъ покупать не должно, но у жителей. Бога ради, разрѣшите мнѣ сей вопросъ, ибо я намѣренъ ѣхать въ Крымъ, гдѣ жатва большая! Здѣшнее купанье мнѣ не достаточно. Лекаря посылаютъ въ Эвпаторiю; сентябрь желаю употребить на развалины и, если угодно будетъ судьбѣ, весь октябрь. Я невѣжда, но усерденъ. Если усердiе можетъ отчасти замѣнить науку, то я привезу вамъ что нибудь изъ Крыма. Будучи въ Ольвiи, я сожалѣлъ, что вы, милостивый государь, не посѣтили сего края: берегà Чернаго моря, берегà, исполненные воспоминанiй и гдѣ каждый шагъ важенъ для любителя исторiи и отечества. Здѣсь жили Греки, здѣсь бились Суворовъ и Святославъ. Жалѣю, что А. Н. Ермолаевъ ([81]) не доѣхалъ до сихъ мѣстъ; вотъ поприще достойное его обширныхъ и точныхъ свѣдѣнiй. Онъ бы здѣсь расхаживалъ, какъ дома. Одна Ольвiя достойна бы была его вниманiя. Поляки ее безпрестанно посѣщаютъ и *обираютъ*. Лучшее все вывезено, но мѣсто, священное мѣсто, любопытно. Греки умѣли выбирать мѣста для колонiй своихъ, и роскошные соотечественники Аспазiи могли не жалѣть здѣсь о берегахъ своего Милета. Изъ мертвой Ольвiи, я прiѣхалъ въ лучшiй изъ городовъ нашихъ, Одессу, гдѣ нашелъ г. Сенъ-При, который недавно послалъ вамъ любопытныя рукописи для библiотеки. Онъ меня давно знаетъ и любитъ; но если вы поблагодарите его за меня, за его ко мнѣ ласки и гостепрiим-

([81]) Ученые труды Ермолаева мало извѣстны въ нашей печати. Рисунки совершеннаго имъ въ началѣ XIX вѣка археологическаго путешествiя по Россiи хранятся въ императорской публичной библiотекѣ.

ство, то чувствительно обяжете. Г. Ланжерону я вручилъ письмо кн. Голицына, и надѣюсь имѣть фирманы въ Крымъ. Здѣсь И. М. Муравьевъ и кн. Зен. Волконская, пріѣхали для моря. Простите, кончу мое маранье, ибо знаю, что время дороже вамъ древностей и моего болтанія. Цѣлую ручку у м. г. Елисаветы Марковны; всѣмъ домашнимъ мое почтеніе и поклонъ. Алексѣю Алексѣевичу совѣтую учиться по-гречески и ѣхать въ Крымъ. Ивану Андреевичу прошу обо мнѣ напомнить и лѣнивому Гнѣдичу сказать, что я къ нему писать буду. Здоровъ ли Сергѣй Семеновичъ? ([82]). На будущей почтѣ я писать и къ нему собираюсь; прошу покорнѣйше сказать ему, что я сохранилъ въ памяти его благосклонное дружество, и увѣрить его въ моей вѣчной признательности. Гдѣ находится гр. Румянцевъ и какъ писать къ нему? Если удостоите меня отвѣтомъ, то покорнѣйше прошу адресовать на мое имя въ канцелярію г. Ланжерона; отсюда перешлютъ исправно письмо ваше, которому я обрадуюсь болѣе нежели медалямъ Пантикапеи и такъ называемой могилѣ Митридатовой.

Преданный вашъ слуга К. Б.
17 іюля 1818 г.
Одесса.

Р. S. С. И. Муравьевъ выѣхалъ вчера въ Петербургъ. Я не успѣлъ писать съ нимъ, и пишу съ почтою; ему прошу поклониться и сказать Papataci при первомъ свиданіи. Это шуточка изъ Итальянской оперы, которая здѣсь процвѣтаетъ вмѣстѣ съ пшеницею, Ришельевскимъ лицеемъ и торговлею. Племянникъ вашъ здоровъ; я вчера видѣлъ почтеннаго Николя, который имъ очень доволенъ. Лицей въ цвѣтущемъ состояніи, и дѣти здѣсь счастливы: они въ хорошихъ рукахъ. Дай Богъ здоровья аббату, который изготовитъ полезныхъ людей для государства: онъ неусыпенъ, и метода его прекрасная".

([82]) Уваровъ.

***

Къ Е. Ѳ. Муравьевой, отъ 20 іюля изъ Одессы:

„Сюда наѣхало множество Поляковъ, и я, право противъ воли моей, познакомился со всѣмъ почти городомъ, такъ что и купаться некогда, только по ночамъ и успѣваю кое-что прочитать. У графа С. При есть книги и все что нужно для меня. Вы себѣ представить не можете, какъ онъ ласковъ и добръ: все дѣлаетъ, чтобы удержать меня здѣсь, даже лошадей верховыхъ оставилъ для меня. Александръ Ивановичъ сообщилъ мнѣ записку Г. К. Д. И такъ, дѣло мое рѣшено, любезная тетушка. Я отправлюсь въ Петербургъ и буду у васъ къ 10 сентября. Ѣду чрезъ Москву, чтобы увидѣться еще съ Дружининымъ".

***

Къ А. И. Тургеневу:

„Въ письмѣ вашемъ требуете вы, чтобы я сказалъ мое мнѣніе о Лицеѣ. Скажу вамъ по совѣсти: Лицей есть лучшее украшеніе Одессы, точно такъ какъ Одесса лучшій городъ послѣ столицъ. Я видѣлъ дѣтей въ классахъ, за столомъ, видѣлъ ихъ спальни, и не могъ налюбоваться порядкомъ, чистотою. Въ первый разъ видѣлъ я дѣтей учащихся по новой методѣ, подъ руководствомъ молодаго человѣка, недавно пріѣхавшаго изъ Парижа. Николь увѣряетъ, что метода сія полезна. Но его собственная метода преподаванія латинскаго языка удивительна. Въ шесть мѣсяцевъ дѣти сдѣлали успѣхи невѣроятные! Дѣти, до сего едва умѣвшія читать по-русски! Вообще метода преподаванія языковъ, основанная на сорокалѣтней опытности, должна быть совершенна. Въ вышнихъ классахъ есть воспитанники отличные; но сіи, по большей части,

уже были приготовлены домашнимъ воспитаніемъ. Не стану хвалить Николя: вы его знаете; я видѣлъ его мало, но смотрѣлъ на него съ тѣмъ почтеніемъ, которое невольно вселяетъ человѣкъ, посѣдѣвшій въ добрѣ и трудахъ. Онъ безпрестанно на стражѣ: живетъ съ дѣтьми, обѣдаетъ съ ними, больница ихъ возлѣ его спальни. Я говорилъ съ родственниками дѣтей: всѣ просвѣщенные и добрые люди относятся о немъ съ благодарностію. Спросите у кн. С. Г. Волхонской: ея дѣти тамъ, а голосъ матери всегда краснорѣчивъ и силенъ, и—*справедливъ*, прибавляю. Я видѣлъ нѣкоторыхъ родственниковъ въ Москвѣ, и привезъ ихъ письма къ дѣтямъ. Всѣ хвалили Лицей и благодарили за него правительство и Провидѣніе, и для нихъ, по перепискѣ дѣтей, успѣхи ихъ были очевидны. Но аббатъ, слышу стороною, и судя по письму вашему, имѣетъ недоброжелателей. Не удивляюсь ни мало: добро *даромъ* не дѣлается. Лицей имѣетъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Но за то, въ защиту, общественное мнѣніе или по крайней мѣрѣ доброе мнѣніе людей просвѣщенныхъ. Все, что узнаю касательно Лицея, сообщу вамъ изустно при первомъ свиданіи; теперь не могъ удержаться и не сказать вамъ, что первое впечатлѣніе было мнѣ пріятно. Вы сами съ удовольствіемъ увидѣли бы дѣтей *степныхъ*, говорящихъ по латынѣ, готовящихъ себя на пользу государства, здѣсь, въ землѣ новой и едва вышедшей изъ пеленъ. Самое имя *Ришелье*, благодѣтеля сего края, пріятно слуху истиннаго патріота, и должно быть счастливымъ знаменованіемъ для сего училища. Дай Богъ, чтобы министерство просвѣщенія поддержало лучшее свое произведеніе, и дало ему способы усовершенствоваться. Но произведеніе сіе дышетъ аббатомъ. Надобно быть здѣсь, чтобы удостовѣриться въ истинѣ моихъ словъ. Безъ страсти и безъ предразсудка объявилъ вамъ мое мнѣніе, основанное на внутреннемъ убѣжденіи, что Лицею надобно пожелать здравія и долгоденствія, для пользы и славы Россіи, для пользы и славы вашего министерства. Исполнилъ долгъ мой: сказалъ, что зналъ и какъ умѣлъ.

Не спрашиваю у васъ извѣстій о Сѣверинѣ, ибо не дождусь отвѣта. Страшусь за него: онъ—съ твердою душою, но здоровьемъ не герой, а надобно и здоровье, чтобъ перенесть несчастіе ([83]). Я знаю это опытомъ. Къ гр. К. d'I. писать буду изъ Петербурга; сообщу вамъ письмо мое. Поклонитесь усердно всѣмъ нашимъ, и не забывайте Бат. Не забудете: ибо человѣкъ всегда съ удовольствіемъ вспоминаетъ о тѣхъ, которымъ былъ полезенъ. Обнимаю васъ и Жуковскаго, отъ всего сердца обнимаю. Простите.

3 августа
Одесса.

Ожидаю сегодняшней почты, которая можетъ быть принесетъ мнѣ указъ объ опредѣленіи и письмо ваше, почтенный и любезный Александръ Ивановичъ. Получа ихъ, отправлюсь немедленно въ Петербургъ, черезъ Москву. Надѣюсь быть у васъ къ первому сентября, а если запоздаю, то по крайней мѣрѣ къ десятому. Мнѣ совѣтуютъ отправиться отсюда: выиграю чрезъ то около 300 сотъ червонцовъ, увижу Грецію и прямо могу очутиться въ Неаполѣ. Но за то не увижу васъ и не прощусь съ К. Ѳ! И такъ, ожидаю вашего рѣшительнаго письма, чтобъ итти за подорожною. Между тѣмъ, купаюсь въ морѣ, читаю повѣсти Геродота о Черномъ морѣ и смотрю итальянскую оперу.“

Къ Е. Ѳ. Муравьевой и сыну ея, отъ 3 августа:

„Прошу тебя, милый Никитинька,

([83]) Кончину супруги. Сличи напечатанное въ собраніи сочиненій Батюшкова письмо его къ Тургеневу отъ 30 іюня 1818 года.

поговори съ Роспини; выпиши у него всѣ книги объ Италіи, и вручи мнѣ реестръ. Также карты новыя и древнія, и все что зоркіе твои и опытные очи сыщутъ любопытнаго о землѣ *Сципіоновой* и *Аріостовой*. Reichard у меня есть. Жингене и Сисмонди есть. Нѣтъ ли исторіи Неаполя, краткой, но вѣрной? Нѣтъ ли новѣйшихъ записокъ о правленіи, торговлѣ, войнахъ и пр? Снаряди меня *умомъ*, милый братъ. Въ Петербургѣ время мнѣ будетъ дорого. Ѣду къ вамъ, для васъ: car tout chemin mène à Rome.—183 червонца получилъ, любезная тетушка, черезъ консула англійскаго Эмса (⁸³). Благодарю васъ и сто разъ цѣлую ручку. Въ Крымъ не поѣду: 600 верстъ лишнихъ для грязей! Надѣюсь, что Неаполь меня вылечитъ безъ нихъ. Желалъ бы имѣть крылья, чтобъ быть у васъ. Будьте здоровы и любите меня. Мое желаніе и слава—быть любимымъ вами и Никитою".

Къ А. И. Тургеневу:

„Вчера пріѣхалъ въ Москву, чуть живъ отъ усталости. Сегодня видѣлъ Николая Ивановича, который мнѣ вручилъ старое письмо ваше и указъ. Ожидаю его появленія въ газетахъ, а васъ, прошу васъ, почтеннѣйшій зиждитель моего путешествія къ полямъ Сатурновымъ, увѣдомьте меня хотя строчкой, съ первою почтою. Письмо ваше еще застанетъ меня здѣсь. Не прежде 9 сентября намѣренъ выѣхать или къ себѣ въ деревню, или прямо въ Петербургъ. Если ѣхать въ Италію, то пора. Осень на дворѣ и слякоть, и грязь, и ревматизмы. Я буду писать изъ Петербурга подъ руководствомъ вашимъ къ графу К. Д. (⁸⁴). Ив. Ив. Дмитріевъ сказывалъ мнѣ вчера, что и Сѣверинъ отправился съ нимъ, о чемъ крайне сожалѣю. Завтра мы проводимъ вечеръ у Дмитріева съ Николаемъ Ивановичемъ, который вамъ за меня благодаренъ. Будьте здоровы и помните вашего Б. уставшаго отъ дороги и не читавшаго еще Каченовскаго. Адресуйте на имя Дружинина.

26 августа 1818".

(Москва).

***

„Письмо ваше отъ 3 сентября получилъ сегодня, т. е. 10. Благодарю за увѣдомленіе, очень благодарю. Когда появится въ газетахъ? Приготовлю все. Я къ вамъ явлюсь къ концу сего мѣсяца, неся въ маленькомъ сердцѣ моемъ много признательности къ вамъ доброму человѣку. Не въ Неаполѣ жить, а вамъ быть признательнымъ: вотъ мое сладострастіе. Скажите Вяз. и еще другое сладострастіе: сдѣлаться достойнымъ дружбы достойныхъ людей.

Я знаю Италію, не побывавъ въ ней. Тамъ не найду счастія: его нигдѣ нѣтъ; увѣренъ даже, что буду грустить о снѣгахъ родины и о людяхъ мнѣ драгоцѣнныхъ. Ни зрѣлища чудесной природы, ни чудеса искусства, ни величественныя воспоминанія не замѣнять для меня васъ и тѣхъ, кого *привыкъ* любить. Привыкъ! Разумѣете меня? Но первое условіе *жить*, а здѣсь холодно, и я умираю ежедневно. Вотъ почему желалъ Италіи и желаю. Умереть на батереѣ прекрасно; но, въ тридцать лѣтъ, умереть въ постелѣ ужасно, и право мнѣ что-то не хочется. И потому-то спѣшу къ вамъ, чтобъ отъ васъ въ октябрѣ отправиться въ Вѣну. Надѣюсь, что мнѣ позволятъ ѣхать pian pianino (⁸⁶).

Въ ожиданіи лучшаго, слушать бу-

(⁸⁴) Каподистрія, отправившійся тогда на Ахенскій конгрессъ.

(⁸³) По всякой дорогѣ можно доѣхать до Рима.
(⁸⁶) По тихоньку.

ду сегодня переводъ ([87]) Мерзлякова, у котораго много пламенныхъ стиховъ и *другаго прочаго*. Ни слова не скажу о переводѣ, напечатанномъ въ *Сынѣ Отечества*. Я согласенъ съ мнѣніемъ Греча, изложеннымъ въ точкахъ. Поздравляю Академію: преузорочно! „Часть открытыхъ *пухлыхъ грудей*!... „Но хотя взору преграждаетъ путь, „однако не можетъ остановить страст„ной мысли... (Страстная мысль, хо„рошо, но далѣе:)... Мысль дерзаетъ „сквозь *густоту* одежды проклады„ваться въ *укутанны* части"... Харчевенной слогъ. Лапотникъ! И какое мѣсто въ Тассѣ! Чудесное! Здѣсь-то Тассъ именно великъ слогомъ; ибо Армида его не достойна эпопеи, кокетка, развратная, прелестница: но слогъ, ее укутавшій, даетъ ей прелесть неизъяснимую. Что же она въ русскомъ переводѣ? Молчу, молчу, но право иногда своимъ голосомъ скажешься. Воейковъ пишетъ гекзаметры безъ мѣры, Жуковскій (!?!?!?!) пятистопные стихи безъ рифмъ, онъ, *который* очаровалъ нашъ слухъ и душу и сердце... Послѣ того мудрено ли, что въ Академіи такъ переводятъ?

Читалъ и вылазку или набѣгъ Каченовскаго, набѣгъ на вкусъ, на умъ, на славу. Не гнѣвайтесь: Каченовскій дѣлаетъ свой долгъ, Карамзинъ свой. Онъ пишетъ 9-ю часть Исторіи. Вотъ лучшій краснорѣчивѣйшій отвѣтъ. Но Каченовскому я отпѣлъ что думалъ: того ли мы ожидали отъ васъ? Критики, благоразумной критики, не пищи для Англійскаго клуба и Московскихъ пучковъ. Укажите на ошибки Карамзина, уличите его, укажите на мѣста сомнительныя, взвѣсьте все сочиненіе на вѣсахъ разсудка. Хвалите отъ души все прекрасное, все величественное, безъ восклицаній, но какъ человѣкъ глубоко-тронутый([88]). А вы что дѣлаете? Нѣтъ, вы не любите ни его славы, ни своей собственной, ни славы отечества. И мало писателей любятъ ее! Мы всѣ любимъ себя, свои стихи и прозу; за то и насъ не любятъ. Но я люблю васъ, любя свои стихи: вотъ мое достоинство. Обнимаю васъ, вашего почтеннаго братца, за которымъ гнался по Москвѣ въ день его выѣзда, и не успѣлъ обнять. Обнимаю, обнимаю Жуковскаго, котораго браню и люблю, люблю и браню. Мерзлякову сегодня покажу письмо ваше. Бога ради отвѣчайте мнѣ немедленно: *пріѣзжай*. Адресъ мой *въ Череповцѣ, Новгородской губерніи*. Намѣренъ послѣ завтра туда отправиться, и если получу письмо ваше, то немедленно пущусь въ Петербургъ. Будьте здоровы и счастливы, и не читайте худой прозы и худыхъ стиховъ, кромѣ моихъ, разумѣется".

***

„Бога ради, отыщите мнѣ Келера. Николай Ивановичь ([89]) не могъ найти его безъ васъ, какъ ни старался. Келеръ мнѣ нуженъ. Я съ ума схожу на Ольвіи. *Сверчокъ* ([90]) что дѣлаетъ? Кончилъ ли свою поэму? Не худо бы его запереть въ Геттингенъ и кормить года три молошнымъ супомъ и логикою. Изъ него ничего не будетъ путнаго, если онъ самъ не захочетъ. Потомство не отличитъ его отъ двухъ однофамильцевъ, если онъ забудетъ, что для поэта и человѣка должно быть потомство. Кн. А. Н. Голицынъ ([91]) Московскій промоталъ 20 тысячъ душъ въ 6 мѣсяцевъ. Какъ ни великъ талантъ *Сверчка*, онъ его промотаетъ, если.... Но да спасутъ его Музы и

([87]) Освобожденнаго Іерусалима; другой переводъ—А. С. Шишкова.

([88]) Извѣстно, какъ отозвался Батюшковъ на появленіе въ печати Исторіи Карамзина:

И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижаль твою читалъ!

См. его письмо съ этими стихами въ Р. Архивѣ 1866, стр. 653.

([89]) Тургеневъ.

([90]) Прозвище Пушкина въ Арзамасѣ.

([91]) См. о немъ Р. Архивъ 1866, стр. 901 и 902.

молитвы наши!—Напомните обо мнѣ Карамзинымъ, и усердно, особенно поклонитесь Катеринѣ Андреевнѣ. Везу ей гостинецъ: пусть угадаетъ какой!—Что дѣлаетъ Вяземской? Вы о немъ ни слова не промолвили.—Два письма вручите Г. и К. Ѳ.“

Слѣдующія двѣ записки къ Тургеневу писаны, кажется, уже въ Петербургѣ, передъ самымъ отъѣздомъ въ чужіе краи:

„Келеръ написалъ любопытную книгу о Тавридѣ. Вчера Гейденъ сказывалъ мнѣ, что она у васъ находится. Уступите мнѣ ее, Бога ради! Если нѣтъ, то промыслите у кого нибудь изъ ученой братіи нѣмецкой. Вамъ всякій служить готовъ, а мнѣ она необходимо нужна. Собираю всѣ матеріялы и *собираюсь*.

Пришлите книженокъ французскихъ. Новостей на четверть часика. Я очень боленъ, и сижу на мѣстѣ неподвижнѣе Россійской Академіи“.

***

„Благодарю за VI № „Для немногихъ,“ который прочиталъ съ удовольствіемъ, и за Сегюра. Возвращая его, скажу мимоходомъ: какъ мой умъ (по словамъ А. И. Тургенева) ни мелокъ и ни поверхностенъ, а все-таки не доволенъ мелкими стихами нашего Жуковскаго и мелкою философіею Сегюра. Но разсказъ въ Сегюрѣ и описанія въ Жуковскомъ прелестны: вотъ сходство между ними. Поищемъ разницы: Сегюръ выписался, Жуковскій никогда не выпишется,—если мы не задушимъ его похвалами.

Азъ худый и сердитый.

Къ И. И. Дмитріеву писали изъ Петербурга въ Москву, отъ 22 ноября 1818 года:

„На сихъ дняхъ почтенный нашъ Константинъ Николаевичъ отправился въ Неаполь. Онъ увезъ съ собою любовь и преданность всѣхъ его знающихъ, оставя намъ искреннее о себѣ сожалѣніе. Голубое Итальянское небо, классическая земля и доброе его сердце доставятъ ему утѣшеніе и счастіе, котораго онъ достоинъ!“

Приложенiе къ Русскому Архиву 1867 года.

ЮРНАЛЫ

и

КАМЕРЪ-ФУРЬЕРСКIЕ ЖУРНАЛЫ

1695—1774 годовъ.

МОСКВА.
Типографiя Т. Рисъ, у Мясницкихъ воротъ, д. Воейкова.
1867.

ЮРНАЛЫ И КАМЕРЪ-ФУРЬЕРСКІЕ ЖУРНАЛЫ.

Обнародованіе матеріаловъ для Русской Исторіи было одною изъ заботъ яснаго и положительнаго ума въ Бозѣ почивающаго Императора Николая.

Съ 1853-го года, по Его повелѣнію, вслѣдствіе доклада Графа Дмитрія Николаевича Блудова, издавались многотомныя собранія Юрналовъ и Камеръ Фурьерскихъ Журналовъ; въ послѣднее включены перепечатки съ изданныхъ прежде описаній коронацій трехъ Императрицъ.

Эти собранія чрезвычайно рѣдки въ полномъ составѣ. Ихъ печаталось только 102 экземпляра (за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, которыхъ напечатано 200); по мѣрѣ изданія томовъ—они раздавались или разсылались за границу Членамъ Императорской Фамиліи; очень немногіе дарились самымъ приближеннымъ къ Императору особамъ.

Я пользовался 4-мя экземплярами:

Одинъ, очень полный, находится въ Императорской публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. Другой, очень полный (не переплетенный) въ Московскомъ Музеѣ. Третій, менѣе полный, поступилъ тоже въ Московскій Музей съ библіотекою Императрицы Александры Өеодоровны. Четвертый, тоже не совсѣмъ полный, пріобрѣтенъ недавно мною въ Москвѣ.

Дабы облегчить трудъ тѣмъ лицамъ, которыя пожелаютъ заняться выписками изъ этого замѣчательнаго и важнаго собранія и чтобы публикѣ дать возможность слѣдить за ссылками,—я составилъ настоящій перечень, назначивъ каждой книгѣ надлежащій номеръ; число осьмушекъ и страницъ каждаго номера даетъ возможность увѣриться въ полнотѣ или неполнотѣ свѣряемаго экземпляра.

Главная редакція обоихъ изданій была возложена графомъ Блудовымъ на Аѳанасія Ѳеодоровича Бычкова, который приготовлялъ текстъ Юрналовъ и примѣчанія къ нимъ; текстъ Камеръ-Фурьерскихъ Журналовъ приготовлялъ Борисъ Михайловичъ Федоровъ, но главнымъ редакторомъ былъ также Аѳанасій Ѳеодоровичъ; мы слышали, что у него составленъ указатель именъ и предметовъ ко всѣмъ томамъ, доселѣ изданнымъ, изъ коихъ послѣдній у меня означенъ 78-мъ.

С. Соболевскій.

1867.
Москва.

Я буду очень благодаренъ всѣмъ тѣмъ — которые, чрезъ Чертковскую библіотеку, благоволятъ или пополнить мнѣ мой экземпляръ, или указать способы къ пополненію онаго.

Въ моемъ экземплярѣ недостаетъ по списку:

Номеровъ 6-го, 7-го, 8-го, 9-го, 10-го.
Рисунковъ къ номеру 34-му, изчисленныхъ въ приложеніи А.
Рисунковъ къ номеру 40-му, изчисленныхъ въ приложеніи Б.
Номера 63-го съ слѣдующими къ нему девятью рисунками.
Номеровъ 73-го, 74-го, 75-го, 76-го, 77-го, 78-го.

ЮРНАЛЫ.

ОБОРОТЫ ЗАГЛАВІЙ И ЗАГЛАВНЫХЪ ОСЬМУШЕКЪ — БѢЛЫЕ.

1. *Заглавіе*: Походные и путевые журналы императора Петра I-го, 1695, 1696, 1697, 1698, 1699, 1700, 1701, 1702, 1703, 1704, 1705, 1706, 1707 и 1708 годовъ. Изданные по современному списку.
Двѣ осьмушки съ предувѣдомленіемъ на трехъ страницахъ.
Другое заглавіе: Юрналъ въ путномъ шествіи 203 года.
Юрналъ на страницахъ 1 — 38. (6 *Мая* 5 — 29 *Октября*).
Еще заглавіе: Примѣчанія къ походному журналу 1695 года.
Примѣчанія на страницахъ 3—23.
2. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1696 года. Санктпетербургъ. 1853.
Второе заглавіе: 204 го года юрналъ.
Юрналъ на страницахъ 1—34. (*Мая 5—17 Сентября*).
Еще заглавіе: Примѣчанія къ походному журналу 1696 года.
Примѣчанія на страницахъ 3—20.
3. *Заглавіе*: Юрналъ 205-го года.
Юрналъ на страницахъ 1—27 (*9 Марта—9 Сентября*).
4. *Заглавіе*: Юрналъ 206-го года.
Юрналъ на страницахъ 1—41 (7 *Января* — 25 *Августа*).
5. *Заглавіе*: Юрналъ 207-го и 208-го годовъ, (1698—1699).
Юрналъ на страницахъ 1—9 (4 *Ноября*—5 *Сентября*).
6. *Заглавіе*: Юрналъ 1700-го года.
Юрналъ (*Февраля 18—Декабря 8*) *на страницахъ* 1—10.
7. *Заглавіе*: Юрналъ 1701-го года.
Юрналъ (*Генваря 31—Октября 1*) *на страницахъ* 1—8.
8. *Заглавіе*: Юрналъ 1702-го года.
Юрналъ (*Апрѣля 23—Декабря 4*) *на страницахъ* 1—3.
9. *Заглавіе*: Юрналъ 1703-го года.
Юрналъ (*Февраля 1—Ноября 23*) *на страницахъ* 1—7.
Другое заглавіе: Дополненіе.
Дополненіе на страницахъ 11—16.
10. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1704 года. С.-Петербургъ 1854.
Второе заглавіе: Юрналъ 1704—года.
Юрналъ (*3 Марта—19 Декабря*) *на страницахъ* 1—13.
Заглавіе: Дополненіе. Поденная записка или журналъ воинскаго и инаго поведенія, 1704-го года Генваря съ 1-го числа. (*Особая осьмушка*).
Рукопись, съ которой напечатана „Поденная записка *и прочее. На страницахъ* 15 — 16.
Поденная записка: (*Февраля 26—Октября 5*) *на страницахъ* 17—83.
Приложенія къ поденной запискѣ или журналу 1704-го года. (*Страница 85*).
Приложеній десять, *касающихся сраженія подъ Нарвою*, *на страницахъ* 87—145.
Оглавленіе на страницахъ 147—148.

11. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1705 года. С.-Петербургъ. 1854.
Второе заглавіе: Юрналы 1705-го года.
Юрналъ I на страницахъ 1—19 (*Февраля 18—Декабря 19*).
Юрчалъ II на страницахъ 21—26 (*Февраля 18—Октября 13*).
12. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походные журналы 1706, 1707, 1708 и 1709 годовъ. С.-Петербургъ. 1845.
Второе заглавіе: Юрналы 1706-го года.
Юрналъ I на страницахъ 1—13 (*Генваря 23—Декабря 29*).
Юрналъ II на страницахъ 15—20 (*Апрѣль—Декабря 1*).
13. *Заглавіе*: Юрналы 1707-го года.
Юрналъ I на страницахъ 1—8 (*Апрѣль 30—Генварь 6*).
Юрналъ II на страницахъ 9—14 (*Февраля 22—Декабря 3*).
14. *Заглавіе*: Юрналы 1708-го года.
Юрналъ I на страницахъ 1—31 (*Генваря 6—Декабря 26*).
Юрналъ II на страницахъ 33—34 (*Генваря 6—Марта 20*).
15. *Заглавіе*: Юрналы 1709-го года.
Юрналъ I на страницахъ 1—24 (*Генварь—Декабря 19*).
Юрналъ II на страницахъ 25—26 (*Сентября 27—Октября 14*).
16. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1710 года. С.-Петербургъ. 1854.
Второе заглавіе: Юрналъ 1710-гогода.
Третья осьмушка: Юрналъ 1710-го года *и прочее.*
Юрналъ на страницахъ 1—24 (*Марта 21—Декабря 20*).
17. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1711 года С.-Петербургъ. 1854.
Второе заглавіе: Юрналы 1711-го года.
Третья осьмушка: I. Сей журналъ напечатанъ *и прочее.*
Юрналъ I на страницахъ 1—41. (*Генваря 1—Декабря 29*).
II. Пять походныхъ и путевыхъ журналовъ *и прочее*, страница 43.
Эти пять журналовъ на страницахъ 45—96.
Реляція о Прутскомъ походѣ *на страницахъ* 97—98.
III. Помѣщенные въ этомъ разрядѣ два походные *и прочее.*
Эти два походные журнала на страницахъ 101—108.
18. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1712 года С.-Петербургъ. 1854.
Второе заглавіе: Юрналъ 1712-го года.
Третья осьмушка: 1 „Юрналъ“ 1712 года, заключающій въ себѣ *и прочее.*
Юрналъ I на страницахъ 1—50. (*Генварь 31—Декабря*).
Юрналъ II на страницахъ 51—58 (*Генварь—Ноября 3*).
Юрналъ III на страницахъ 59—66 (*Мая 13—Ноября 30*).
19. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1713 года. С.-Петербургъ. 1854.
Второе заглавіе: Юрналы 1713-го года.
Третья осьмушка: I. „Юрналъ“ 1713 года напечатанъ по тремъ *и прочее.*
Юрналъ I на страницахъ 1—53.
Юрналъ II на страницахъ 55—59.
Юрналъ III на страницахъ 61—64.
20. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1714 года С.-Петербургъ. 1854.
Второе заглавіе: Юрналы 1714-го года.
Третья осьмушка: I. Сей „Юрналъ“ 1713 года напечатанъ *и прочее.*
Юрналъ I на страницахъ 1—9. (*Генварь 1—Апрѣля 23*).
Юрналъ II на страницахъ 11—19 (*Генварь 1—Май 6*).
Юрналъ III на страницахъ 21—47 (*Май 20—Сентябрь 9*).
Юрналъ IV на страницахъ 49—81 (*Май 9—Декабрь 28*).

Еще Юрналъ IV на страницахъ 83—151 (*Генварь 24—Декабрь 31*).
Юрналъ V на страницахъ 153—159 (*Генварь 17—Ноябрь 28*).
О Юрналѣ VI на страницѣ 161 (*послѣдней*).

21. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1715 года С.-Петербургъ. 1855.
Второе заглавіе: Юрналы 1715-го года.
Третья осьмушка: I. Сей „юрналъ" 1715 года, писанный собственною рукою государя *и прочее*.
Юрналъ I на страницахъ 1—6. (*Іюль 6—Августъ 22*).
Юрналъ II на страницахъ 9—29 (*Генварь 1—Ноябрь 24*).
Юрналъ III на страницахъ 31—36 (*Генварь 1—Май 27*).
Юрналъ IV на страницахъ 37—42 (*Генварь 16—Ноябрь 6*).
Юрналъ V на страницахъ 43—80 (*Генварь 1—Декабрь 31*).

22. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1716 года. С.-Петербургъ. 1855.
Второе заглавіе: Юрналы 1716-го года.
Третья осьмушка: I. Сей „юрналъ" 1716 года *и прочее*.
Юрналъ I на страницахъ 1—12. (*Іюнь 29—Сентябрь 5*).
Юрналъ II на страницахъ 13—55 (*Генваря 27—Декабрь 31*).
Юрналъ III на страницахъ 57—105 (*Генварь 1—Декабрь 31*).
Юрналъ IV на страницахъ 107—110 (*Февраль 11—Іюль 7*).

23. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1717 года. С.-Петербургъ. 1855.
Второе заглавіе: Юрналы 1717-го года.
Третья осьмушка: I. Слѣдующій за симъ „Юрналъ" 1717 года *и прочее*.
Юрналъ I на страницахъ 1—31. (*Генварь 1—Іюль 28*).
Юрналъ II на страницахъ 33—36 (*Генварь 20—Декабрь 15*).

24. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1718 года. С.-Петербургъ. 1855.
Второе заглавіе: Юрналы 1718-го года.
Третья осьмушка: I. Сей „юрналъ" морской кампаніи 1718 года *и прочее*.
Юрналъ I на страницахъ 1—4. (*Іюль 16—Августъ 29*).
Юрналъ II на страницахъ 5—20 (*Іюль 6—Октябрь 3*).
Юрналъ III на страницахъ 21—25 (*Іюль 6—Августъ 1*).
Юрналъ IV на страницахъ 27—32 (*Генварь 15—Декабрь 8*).
Юрналъ V на страницахъ 33—36 (*Іюль 6—Августъ 8*).

25. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1719 года. С.-Петербургъ. 1855.
Второе заглавіе: Юрналы 1719-го года.
Третья осьмушка: I. Сей „юрналъ", содержащій въ себѣ морскую кампанію *и прочее*.
Юрналъ I на страницахъ 1—21. (*Іюнь 9—Августъ 21*).
Юрналъ II на страницахъ 23—109 (*Май 31—Октября 28*).
Юрналъ III на страницахъ 111—113 (*Генварь 19—Февраль 15*).
Юрналъ IV на страницахъ 115—124 (*Генварь 19—Ноябрь 30*).
Юрналъ V на страницахъ 125—131 (*Генварь 19—Декабрь 18*).

26. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1720 года. С.-Петербургъ. 1855.
Второе заглавіе: Юрналы 1720-го года.
Третья осьмушка: „Юрналъ" 1720 года писанъ *и прочее*.
Юрналъ I на страницахъ 1—44. (*Генварь 1—Ноябрь 27*).
Юрналъ II на страницахъ 45—51 (*Генварь 20—Октябрь 14*).

27. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1721 года. С.-Петербургъ. 1855.
Второе заглавіе: Юрналы 1721-го года.
Третья осьмушка: I. Слѣдующій за симъ „юрналъ" 1721 года *и прочее*.
Юрналъ I на страницахъ 1—. (*Мартъ 16—Май 19*).

Юрналъ II на страницахъ 1—11 (*Генварь 1—Сентябрь 5*).
Юрналъ III на страницахъ 13—59 (*Июль 30—Августъ 11*).
Юрналъ IV на страницахъ 61—76 (*Августъ 31—Ноябрь 3*).

28. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1722 года. С.-Петербургъ. 1855 года.
Второе заглавіе: Юрналы 1722-го года.
Первая осьмушка: I. Слѣдующій за симъ „юрналъ„ 1722 года писанъ собственною *и прочее*.
Юрналъ I на страницахъ 1—19 (*15 Июля—24 Октября*.)
Юрналъ II на страницахъ 13—70 (*1 Генваря—19 Ноября*).
III. *Пять неполныхъ журналовъ на страницахъ* 71—133.
Страницы 135—136: Приложенія къ походному журналу 1722-го года.
Приложенія на страницахъ 137—194. (*Мнѣнія на военномъ совѣтѣ подъ Дербентомъ, эстракты изъ мнѣній и изъ постановленій военныхъ совѣщаній, выписки изъ указовъ и прочее*).

29. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1723 года. С.-Петербургъ. 1855.
Второе заглавіе: I. Юрналы 1723-го года.
Третья осьмушка: Слѣдующій за симъ „Юрналъ" 1723 года *и прочее*.
Юрналъ I. на страницахъ 1—29. (*Генварь 1—Октябрь 16*)
Юрналъ II на страницахъ 31—41 (*Марта 3—Декабря 18*.)

30. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1724 года. С.-Петербургъ. 1855.
Второе заглавіе: Юрналы 1724-го года.
Третья осьмушка: I. Слѣдующій за симъ Журналъ 1724-го года *и прочее*.
Юрналъ I. на страницахъ 1—25. (*Генваря 1—Декабря 27*).
Юрналъ II на страницахъ 27—39 (*Генваря 1—Февраля 15*).
Проектъ Церемоніала Коронаціи Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны *на страницахъ* 41—49.
Въ концѣ осьмушки: III. На бѣлыхъ страницахъ печатнаго и *прочее*.

31. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1725 года. С.-Петербургъ. 1855.
Второе заглавіе: Юрналы 1725-го года.
Третья осьмушка: I. Слѣдующій за симъ Журналъ 1725 года *и прочее*.
Юрналъ I на страницахъ 1—43. (*Генваря* 7—*Декабря* 28).
II. Приложенія къ походному журналу 1725-го года. *Страница 45*.
   1. Реляція о бракѣ Его Королевскаго Высочества Карла Фридриха Герцога Голштейно-Готторпскаго съ Ея Высочествомъ Цесаревною Россійскою Анною Петровною *на страницахъ* 47—53.
   2. Инструкція, какъ слѣдуетъ салютовать Государынѣ Императрицѣ, когда ея Величество изволитъ прибыть къ флоту *на страницахъ* 55—56.
III. Журналъ на страницахъ 57—58 (*Генварь* 1—*Ноябрь* 21).

32. *Заглавіе въ рамкѣ*: Походный журналъ 1726 года. С.-Петербургъ. 1855.
Второе заглавіе: Юрналы 1726-го года.
Третья осьмушка: I. Слѣдующій за симъ Журналъ 1726-го года *и прочее*.
Юрналъ I на страницахъ 1—37. (*Генваря* 1—*Декабря* 31).
Юрналъ II на страницахъ 39—46 (*Генваря* 1—*Ноября* 15).

КАМЕРЪ-ФУРЬЕРСКІЕ ЖУРНАЛЫ.

ОБОРОТЫ ЗАГЛАВІЙ И ЗАГЛАВНЫХЪ ОСЬМУШЕКЪ — БѢЛЫЕ.

33. *Заглавіе*: Журналъ Камеръ-Фурьерскій, 1726 года.
Второй листъ: Сей отрывокъ Камеръ-Фурьерскаго журнала, перваго по времени изъ извѣстныхъ доселѣ *и прочее.*
Журналъ на страницахъ 1—31.

33². *Заглавіе:* Записка о кончинѣ Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны и о вступленіи на престолъ Государя Императора Петра II Алексѣевича.
Еще осьмушка: Сія записка находится *и прочее.*
Записка на страницахъ 1—4.

34. *Заглавіе*: Описаніе коронаціи Ея Величества Императрицы и Самодержицы Россійской Анны Іоанновны, торжественно отправленной въ царствующемъ градѣ Москвѣ 28 Апрѣля, 1730 года.
Описаніе на страницахъ 1—72.
Къ этому описанію собраніе гравированныхъ на мѣди рисунковъ; они исчислены въ приложеніи подъ литерою А.

35. *Заглавіе*: Журналъ придворной конторы: 1734-го году на знатныя при дворѣ Ея Императорскаго Величества оказіи.
Второе заглавіе: За первый годъ изъ находящихся въ придворной конторѣ журналовъ времени царствованія Императрицы Анны Іоанновны съ оставленіемъ всѣхъ противъ правописанія ошибокъ подлинника.
Журналъ за Май—Октябрь на страницахъ 1—12 (*ошибкою вмѣсто* 12: 21.) Секретарь Ѳедоръ Яковлевъ.

35². *Заглавіе*: Журналъ придворной конторы 1734 года на знатныя при дворѣ Ея Императорскяго Величества оказіи.
Второе заглавіе: Экземпляръ съ исправленіемъ орѳографическихъ ошибокъ.
Журналъ на страницахъ 1—12.
За тѣмъ бѣлая осьмушка и примѣчанія на четырехъ страницахъ.

36. *Заглавіе*: Журналъ придворной конторы на знатныя при дворѣ Ея Императорскаго Величества окказіи, 1736 года.
Журналъ на страницахъ 1—46.

37. *Заглавіе*: Церемоніальный журналъ 1737 года.
Журналъ на страницахъ 1—50.

38. *Заглавіе*: Церемоніальный журналъ, 1738 года.
Журналъ на страницахъ 1—53.

39. *Заглавіе*: Церемоніальный журналъ, 1739 года.
Журналъ на страницахъ 1—73.

40. *Заглавіе*: Обстоятельное описаніе торжественныхъ порядковъ благополучнаго вшествія въ царствующій градъ Москву и священнѣйшаго коронованія Ея Августѣйшаго Императорскаго Величества Императрицы Елизаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія, еже бысть вшествіе 28 Февраля, коронованіе 25 Апрѣля 1742.
Описаніе на страницахъ 1—222.
Къ этому описанію собраніе гравированныхъ на мѣди рисунковъ; они исчислены въ приложеніи подъ литерою Б.

41. *Заглавіе*: Журналъ Троицкого походу „1742„-го году.
Второе заглавіе: За первый годъ царствованія Императрицы Елизаветы Петровны съ оставленіемъ всѣхъ противъ правописанія ошибокъ подлинника.
Журналъ на страницахъ 1—5.

41[2]. *Заглавіе*: Журналъ Троицкаго похода 1742 года.
Второе заглавіе: Экземпляръ съ исправленіемъ ороографическихъ ошибокъ.
Журналъ на страницахъ 1—3.

42. *Заглавіе*: Журналы церемоніальные, банкетные и походные 1743 года.
Второе заглавіе: Журналъ банкетный 1743 года.
Журналъ банкетный на страницахъ 1—24.
Журналы походные на страницахъ 25—39.

43. *Заглавіе*: Журналы походные и церемоніальные—банкетные, 1744 года.
Второе заглавіе: Журналы походные, 1744.
Журналы на страницахъ 1—120.
За тѣмъ двѣ осьмушки оглавленій.

44. *Заглавіе*: Церемоніальные, банкетные и походные журналы, 1745 года.
Второе заглавіе: Журналъ банкетный 1745 года.
Журналъ банкетный на страницахъ 1—150.
Журналы походные на страницахъ 151—182.
Дополненія на страницахъ 83—236 включительно.
За тѣмъ два оглавленія на двухъ осьмушкахъ.

45. *Заглавіе*: Журналы церемоніальный—банкетный, Камеръ-Фурьерскіе и путевые, 1746 года.
Второе заглавіе: Журналъ церемоніальный—банкетный *и прочее.*
Журналы 1—126 (Гоѳъ Штапъ-Квартирмейстеръ Михайло Марковъ, Камерѳуріиръ Сергей Нестеровъ).
Дополненія на страницахъ 126—130 включительно.
За тѣмъ оглавленіе на одной осьмушкѣ.
Между страницъ 4 и 5 гравированный планъ стола съ означеніемъ мѣстъ: Его Императорское Высочество, Ея Императорское Высочество.

46. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе, 1748 года.
Второе заглавіе: Камеръ-Фурьерскіе журналы, церемоніальные, походные и и банкетные, 1748 года.
Журналъ на страницахъ 1—78. (Гоѳъ-штапъ Квартирмейстеръ Михаіло Марковъ).
Дополненія съ оглавленіемъ на страницахъ 79—154 *включительно.*
Въ этихъ дополненіяхъ замѣчательные счеты и вѣдомости по хозяйству Двора. 1) вѣдомость о всѣхъ находящихся при Дворѣ чинахъ, 2) о суммахъ, придворной конторы, 3) и 4) о состояніи прихода и расхода, 5) указы Придворной Конторѣ, 6) сравнительная вѣдомость придворныхъ штатовъ въ 1739 и 1748 годахъ, 7) вѣдомость о жалованіяхъ, 8) сравненіе расходовъ при Аннѣ Іоанновнѣ и Елизаветѣ, 9) такая же вѣдомость отпускаемымъ столамъ и 10) о назначеніи аудіенціи Шведскимъ посламъ.
Затѣмъ оглавленіе всей книги на одной осьмушкѣ.
Между страницъ 4 и 5 рисунокъ: Планъ банкетному столу — 1748 году Генваря 1-го числа къ обѣденному кушанью.
Между страницъ 14 и 15 рисунокъ: Планъ банкетному столу—1748 году Февраля 10 дня въ вечернее кушаніе.
Между страницъ 32 и 33 рисунокъ: Чертежъ банкетному столу—Апрѣля 25 дня въ обѣденное кушанье 1748 году.

47. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе, 1749 года.
Второе заглавіе: Камеръ-Фурьерскій церемоніальный, банкетный и походный журналъ 1749 года, во время пребыванія Высочайшаго двора въ Москвѣ.
Журналъ на страницахъ 1—61 (Камеръ Ѳуриіръ Сергей Нестеровъ).
Дополненія на страницахъ 63—70.
За тѣмъ оглавленіе на одной осьмушкѣ.
Между страницъ 4 и 5 рисунокъ: 1749 году Генваря 1-го дня планъ столу и прочее.
Между страницъ 18 и 19 рисунокъ: По сему во время торжества коронованія.

48. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе, 1750 года.
Второе заглавіе: Камеръ-Фурьерскій церемоніальный и походный журналъ 1750 года.
Журналъ на страницахъ 1—156 (Гоѳъ Штапъ Квартирмейстеръ Михайло Марковъ).

49. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе 1751 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный, банкетный и походный журналъ 1751 года, представленный Гофъ-Штабъ-Квартирмейстеромъ.
Журналъ на страницахъ 1—131 (Гоѳъ-штапъ-Квартирмейстеръ Михайло Марковъ).
Дополненія по страницахъ 133—136 включительно. (Гоѳъ-Фурьеръ Иванъ Кирьяковъ).

50. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе, 1752 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный, банкетный и походный журналъ, 1752 года.
Журналъ на страницахъ 1—101 (Гоѳъ-Штабъ-Квартирмейстеръ Михайло Марковъ, Іванъ Скобельцынъ).
Дополненіе по страницахъ 103—108 включительно. (Гоѳъ-Фурьеръ Петръ Милорадовичъ).

51. *Заглавіе*: Журналы камеръ-фурьерскіе, 1753 года.
Второе заглавіе: Гофъ-штабъ-Квартирмейстерскій и Камеръ-Фурьерскій церемоніальный, банкетный и походный журналы 1753 года, во время пребыванія Высочайшаго двора въ Москвѣ.
Журналъ на страницахъ 1—77 (Гоѳъ Штапъ-Квартирмейстеръ Михаіло Марковъ).
Дополненія по страницахъ 79—97 включительно.
Между страницъ 26 и 27 видъ залы съ подписью: Съ подлиннаго копіевалъ архитекторскій ученикъ Иванъ Дуравовъ Маія 21 дня 1753 году.
Между страницъ 36 и 37 планъ залы.
Между страницъ 74 и 75 планъ стола съ надписью: pour 150 personnes.

52. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе 1754 года.
Второе заглавіе: Журналъ церемоніальный и банкетный.
Журналъ на страницахъ 1—117 (Гоѳъ-Штапъ Квартирмейстеръ Михайло Марковъ).
Дополненія по страницахъ 119—127 включительно.
Между страницъ 36 и 37 *гравированный рисунокъ стола безъ надписи.*

53. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе, 1755 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный, банкетный и походный журналъ, 1755 года.
Журналъ на страницахъ 1—120 (Гоѳъ Штапъ-Квартирмейстеръ Михайло Марковъ, Камеръ-Ѳуриіръ Сергей Нестеровъ).
Дополненія по страницу 128 включительно.

54. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе, 1756 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный, банкетный и походный журналъ, 1756 года.
Журналъ на страницахъ 1—92 (Камеръ Өуриіръ Сергей Нестеровъ).
Дополненія по страницахъ 93—134 *включительно*.
55. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе, 1757 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный и банкетный журналы, 1757 года.
Журналъ на страницахъ 1—125. (Камеръ Өуриіръ Сергей Нестеровъ, Камеръ Өуриэръ Іванъ Скобельцынъ).
Дополненія по страницахъ 127—163 *включительно*.
56. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе 1758 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный, банкетный и походный журналы, 1758 года.
Журналъ на страницахъ 1—169. (Камеръ Өуриэръ Василей Рубановской).
Дополненія по страницахъ 171—181 *включительно*.
Къ страницѣ 125 *на особомъ листѣ печатный планъ съ подписью*: въ Петергофѣ.
57. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе, 1759 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный, банкетный и походный журналы 1759 года
Журналъ на страницахъ 1—220. (Камеръ Өуриэръ Василей Рубановской).
Церемоніальный журналъ во время пребыванія въ Санктпетербургѣ Его Королевскаго Высочества Герцога Курляндскаго Карла, 1759 года. Съ 17 Апрѣля по 26 Іюля. *По страницу* 297 *включительно*. (Гофъ Фурьеръ Алюсовъ)
58. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе, 1760 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный и банкетный журналъ, 1760 года.
Журналъ на страницахъ 1—196. (Камеръ Өуриэръ Василей Рубановской).
59. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе, 1761 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный журналъ, 1761 года.
Журналъ на страницахъ 1—167. (Камеръ Өуриэръ Василій Рубановскій).
Дополненіе по страницахъ 169—172 *включительно*.
60. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе, 1761 года.
Второе заглавіе: Камеръ-Фурьерскій журналъ со вступленія на престолъ Императора Петра III-го. Съ сохраненіемъ орөографическихъ ошибокъ.
Журналъ на страницахъ 1—7.
Дополненіе на двухъ осьмушкахъ.
60². *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе 1761.
Второе заглавіе: Камеръ-Фурьерскій журналъ 1761 года со вступленія на престолъ Императора Петра III-го. Съ 25 Декабря 1761 года по 1-ое Января 1762 года.
Журналъ на страницахъ 1—7. (Камеръ Өуриэръ Василей Рубановской).
61. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе, 1762 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный и банкетный журналъ 1762 года, за время царствованія Императора Петра III-го.
Журналъ на страницахъ 1—48. (Камеръ Өуриэръ Василей Рубановской).
Дополненія по страницахъ 49—119 *включительно*.
62. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе 1762 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный Камеръ-Фурьерскій журналъ 1762 года за первый годъ царствованія Императрицы Екатерины второй, до отбытія въ Москву для коронаціи (Съ сохраненіемъ орөографическихъ ошибокъ).
Журналъ (*только за Августъ*) *на страницахъ* 1—7. (Камеръ Өуриэръ Крашенинниковъ).

62². *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе 1762 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный, банкетный и походный жувналъ 1762 года за первый годъ царствованія Екатерины второй. Съ 1-го Августа 1762 г.
Журналъ за Августъ — Ноябрь на страницахъ 1—56. (Камеръ Фуриэръ Герасимъ Крашенинниковъ).
Журналъ за Декабрь на страницахъ 57—75. (Камеръ Өуриэръ Василій Рубановскій).
63. *Заглавіе*: Описаніе вшествія въ Москву и коронованія Государыни Императрицы Екатерины II.
Второе заглавіе: Обстоятельное описаніе торжественныхъ порядковъ благополучнаго вшествія въ императорскую древнюю резиденцію, богоспасаемый градъ Москву, и освященнѣйшаго коронованія Ея Августѣйшаго Величества, всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія, великія государыни императрицы Екатерины вторыя, самодержицы всероссійскія, матери и избавительницы отечества, еже происходило вшествіе 13, коронованіе 22 Сентября, 1762 года.
Описаніе на страницахъ 1—304.
Оглавленіе на страницахъ 305—311.
Къ описанію коронованія Екатерины Второй принадлежатъ IX большихъ рисунковъ съ особымъ печатнымъ оглавленіемъ оныхъ.
64. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе, 1763 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный, банкетный и походный журналъ 1763 г.
Журналъ на страницахъ 1—259. (Камеръ Өуриэръ Василей Рубановскій.)
Дополненіе по страницахъ 261—265 включительно.
65. *Заглавіе*: Журналы Камеръ-Фурьерскіе 1764 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный, банкетный и путевой журналы 1764 года.
Журналъ на страницахъ 1—256. (Камеръ-Фуриэръ Герасимъ Крашенинниковъ).
Дополненіе: Журналъ—путешествія въ Нарву, Ревель, Ригу, Митаву и обратно въ Санктпетербургъ съ 20 Іюня 1764-го года по 25 Іюля 1764 года *на страницахъ* 257—352 *включительно.* (Гоѳъ-Фуріэра Ивана Купреанова).
66. *Заглавіе*: Журналъ Камеръ-Фурьерскій, 1765 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный Камеръ-Фурьерскій журналъ 1765 года.
Журналъ на страницахъ 1—257. (Камеръ-Өуриэръ Герасимъ Крашенинниковъ-Журавлевъ).
Дополненіе: Описаніе лагеря—при Красномъ селѣ *на страницахъ* 253—318 *включительно.*
67. *Заглавіе*: Журналъ Камеръ-Фурьерскій, 1766 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный Камеръ-Фурьерскій журналъ 1766 года.
Журналъ на страницахъ 1 — 270. (Камеръ-Фуриэръ Герасимъ Крашенинниковъ-Журавлевъ).
68. *Заглавіе*: Журналъ Камеръ-Фурьерскій, 1767 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный Камеръ-Фурьерскій журналъ 1767 года.
Журналъ на страницахъ 1—379. (Камеръ-Фуриэръ Герасимъ Журавлевъ).
Дополненія на страницахъ 381—396 *включительно.*
69. *Заглавіе*: Журналъ Камеръ-Фурьерскій, 1768 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный, банкетный и походный журналъ 1768 года.
Журналъ на страницахъ 1—260. (Камеръ-Фуриэръ Герасимъ Журавлевъ).
70. *Заглавіе*: Журналъ камеръ-фурьерскій 1769 года.
Второе заглавіе: Церемоніальный, банкетный и походный журналъ 1769 года.
Журналъ на страницахъ 1—263. (Камеръ-Фуриэръ Герасимъ Журавлевъ).

71. *Заглавіе*: Церемоніальный камеръ-фурьерскій журналъ 1770 года.
Журналъ на страницахъ 1—402. (Камеръ-Фуриэръ Герасимъ Журавлевъ).

72. *Заглавіе*: Журналъ бытности въ Россіи Его королевскаго Высочества Принца Прусскаго Генриха съ 1-го Октября 1770 года Генваря по 26-е число 1771 года.
Второе заглавіе: Журналъ прибытія въ Санктпетербургъ *и прочее*.
Журналъ на страницахъ 1—134 (Гофъ-Фурьеръ Левонтій Апелленскій).

72[2]. *Заглавіе*: Description d'une mascarade donnée à St. Petersbourg au Palais d'Hiver, lors du séjour du Prince Henry de Prusse en cette capitale. L'Original est de la propre main de L'Impératrice Catherine II.
Description и прочее на страницахъ 3—24.

73. *Заглавіе*: Камеръ-Фурьерскій журналъ 1771 года. Санктпетербургъ 1857.
Второе заглавіе: Церемоніальный камеръ-фурьерскій журналъ 1771 года.
Журналъ на страницахъ 5—527. (Камеръ-Ѳуриэръ Герасимъ Журавлевъ).

74. *Заглавіе*: Камеръ-фурьерскій церемоніальный, банкетный и походный журналъ 1772 года.
Журналъ на страницахъ 1—527. (Камеръ-Ѳуриэръ Герасимъ Журавлевъ).

75. *Заглавіе*: Камеръ-Фурьерскій церемоніальный журналъ 1773 года.
Журналъ на страницахъ 3—975. (Камеръ-Ѳурьеръ Журавлевъ).

76. *Заглавіе*: Камеръ-Фурьерскій журналъ 1774 года. Санктпетербургъ. 1864:
Второе заглавіе Камеръ-Фурьерскій журналъ 1774 года.
Журналъ на страницахъ 3—695. (Камеръ-Ѳуриэръ Журавлевъ).

77. *Заглавіе*: Церемоніалъ о принятіи Турецкаго посла, 1775 года.
Второе заглавіе: Церемоніалъ, сообщенный отъ церемоніальныхъ дѣлъ *и прочее*.
Третья осьмушка: Промеморія *и прочее*.
*Церемоніалъ на страницахъ*7—79. (Камеръ-Ѳуриэръ Герасимъ-Журавлевъ).

78. *Заглавіе*: Церемоніалъ, производимый во время пребыванія его Королевскаго Высочества прусскаго принца Генриха въ Санктпетербургѣ, въ канцлерскомъ домѣ, 1776 года.
Церемоніалъ на страницахъ 3—129. (23 *Марта*—22 *Іюня*. Гофъ-Фуриэръ Иванъ Кугорелковъ).

За 1727-й, 1728-й, 1729-й, 1730-й, 1731-й, 1732-й, 1733-й, 1735-й, 1740-й, 1741-й и 1747-й годы не сохранилось оригиналовъ ни въ придворной конторѣ, ни въ государственномъ архивѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ А.

РИСУНКИ КЪ КОРОНАЦІИ АННЫ ІОАННОВНЫ.

Портретъ Анны Іоанновны (не служитъ ли 1-мъ номеромъ?)
№ 2. Планъ церкви Успенія Богородицы.
№ 3. Изображеніе короны.
№ 4, № 5, № 6. (*На одномъ листѣ*) Скипетръ, мантія съ 231-мъ гербомъ, держава на подушкѣ.
№ 7*a*. Андрѣевская цѣпь.
№ 7*b*. Кресты и звѣзды Андрѣевская и Александровская.
№ 8, № 9, № 10, № 11. (*На одномъ листѣ*) Герольдъ, жезлъ Оберъ-маршала, жезлъ Оберъ-Гофъ-маршала, жезлъ Гофмаршала.
№ 12. Шествіе въ соборъ.
№ 13. Церемонія коронаціи Анны Іоанновны (внутренній видъ собора).
№ 14*a*, 14*b*, 19, 6*b* (*На одномъ листѣ*) Сосудъ, строчецъ, выходная корона, запонка мантіи.
№ 15, 16 (*На одномъ листѣ*) Медали.
№ 17. Планъ стола въ Грановитой палатѣ.
№ 18. Изображеніе транспарана.
№ 20. Обѣдъ.
№ 21. Фейерверкъ 30 Апрѣля 1730-го года.

И того, кромѣ портрета Императрицы, 14 листовъ разной величины.

Эти рисунки были гравированы на мѣди для *Описанія*, *изданнаго въ 1730-мъ году* (у Смирдина № 2694) и оттиснуты съ старыхъ досокъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ Б.

РИСУНКИ КЪ КОРОНОВАНІЮ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Безъ номера: Портретъ Елисаветы Петровны.
Подъ номеромъ 1. Тріумфальныя ворота.
2. Тріумфальныя ворота.
Безъ номера: Картины живописныя на воротахъ подъ № 2.
Подъ номеромъ 3. Тріумфальныя ворота.
4. Тріумфальныя ворота.
5. Шествіе въ Москву.
6. Карета съ солдатами.
7. Церемонія обнародованія.

8. Кресла.
9. Планъ Успенскаго собора.
10. Планъ дома.
11. 12, 13, (*на одномъ листѣ*). Жезлъ, жезлы, кресла.
14. 15, 27, (*на одномъ листѣ*). Жезлъ, жезлъ, шкапъ.
15. (*другой разъ*). Герольдъ въ уборѣ.
16. Панниръ.
17. 18, (на одномъ листѣ). Печать, мечь.
19. 20, (на одномъ листѣ). Мантія, аграфъ.
21. Держава.
22. Скипетръ.
23. Корона.
24. Жезлы.
25. Балдахинъ.
26. Процессія.

Номера 27 *на отдѣльномъ листѣ нѣтъ. Смотри выше съ № 13 и № 15.*

28. Сосудъ.
29. Церемонія коронованія.
30. Видъ на соборъ Успенскій.
31. Внутренность Грановитой палаты.

еще 31. Планъ верхнимъ сѣнямъ.
еще 31. Планъ Грановитой палаты.
еще 31. Планъ Столовой палаты.

32. Балдахинъ надъ трономъ.
33. Кресла въ Грановитой палатѣ.
34. Медали.
35. Меньшая корона.
36. Мантія—выткана изъ золота.
37. Фонтанъ. Рундукъ подъ покрышею.

еще 37. Фонтанъ. Рундукъ безъ покрыши.

38. Церемонія шествія въ Грановитую палату.
39. Церемонія шествія въ Аннингофскій.
40. Фасадъ придворной залы.

еще 40. Планъ придворной залы.

41. Андрѣевская цѣпь.
42. Александровскій орденъ.
43. Екатериненскій орденъ.
44. Планъ Грановитой палаты и столовъ.
45. Фейерверкъ и иллюминація.
46. Иллюминація.
47. Иллюминація.
48. Иллюминація передъ золотою рѣшеткою.
49. Иллюминація передъ золотою рѣшеткою.

И того, кромѣ портрета Императрицы, 50 листовъ, размѣромъ болѣе тѣхъ, кои находятся при коронаціи Анны Іоанновны.

Эти рисунки, гравированные на мѣди, были приложены къ *Обстоятельному описанію, изданному въ 1744-мъ году* (у Смирдина № 2695) и вновь оттиснуты съ тѣхъ же досокъ.

СОДЕРЖАНІЕ

РУССКАГО АРХИВА

ЗА 1867 ГОДЪ.

Указатель личныхъ именъ упоминаемыхъ въ Русскомъ Архивѣ 1867 года.

Помѣщенныя въ Русскомъ Архивѣ 1867 года „Записки Дмитрія Борисовича Мертваго“ напечатаны съ особымъ счетомъ страницъ и снабжены отдѣльнымъ отъ сего указателемъ.

ЖИЗНЬ И ДѢЯНІЯ КНЯЗЯ Г. А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО.

Сочиненіе гр. А. Н. Самойлова (*).

Глава VIII.

Князь Григорій Александровичъ, пребывая въ столицѣ, былъ ежедневно занятъ по волѣ монархини дѣлами государственными, тѣмъ болѣе, что оныя были затруднительны. Швеція, воспретя флоту нашему, назначенному въ Архипелагъ, пройти чрезъ Зундъ, объявила войну и устремила всѣ морскія и сухопутныя свои силы на Россію. Прусскій король, будучи еще принцомъ, во время пріѣзда его въ Петербургъ, ощутилъ въ пріемѣ ему оказанномъ холодность и отъ сего будучи исполненъ личнаго неудовольствія, по возшествіи на престолъ, искалъ случая при первыхъ обстоятельствахъ поддержать враговъ Россіи. Война съ Турками и союзъ нашъ съ Австріей подали ему случай обнаружить свою непріязненность, для чего и предпріялъ движеніями войскъ своихъ понудить союзника нашего императора Іосифа II-го или прекратить съ Турками войну или отвлечь отъ Дуная къ Эльбѣ главныя его силы. Англинское правительство питало неудовольствіе на Россію за составленный въ 1778-мъ году вооруженный неутралитетъ, по которому эскадра наша, крейсируя въ сѣверномъ океанѣ, защищала торговлю Американскихъ Штатовъ, и столько ихъ симъ подкрѣпила, какъ сіе всему свѣту извѣстно, что противъ желанія Англіи сіи Великобританскія колоніи остались утвержденными въ ихъ свободѣ и независимости.

Сіи обнаруживающіяся тогда замѣшательства удержали кн. Григорія Александровича въ Петербургѣ до Апрѣля мѣсяца (1789). По взятіи Очакова и по соединеніи обѣихъ армій подъ одно начальство, князь былъ облегченъ въ средствахъ для поддержанія достоинства Россійской имперіи. Онъ представилъ государынѣ, что изъ южныхъ армій можно отдѣлить нѣсколько войскъ и учредить резервной корпусъ въ Бѣлоруссіи, который заставитъ сеймы Польскіе успокоиться и оградитъ государство отъ покушеній Прусскаго двора, имѣвшаго изъ дали виды на Курляндію. Между тѣмъ другія силы обращены будутъ къ Швеціи, противъ коей великая Екатерина желала явить себя сколь твердою, не менѣе и великодушною, какъ то весь свѣтъ увидѣлъ изъ произшествій той войны и изъ обстоятельствъ учиненнаго въ Верелѣ мира. Сверхъ того, князь Григорій Александровичъ имѣлъ людей благопріятствующихъ ему въ Англинскомъ парламентѣ, на сторонѣ противной кабинету Сентъ-Жемскому, и по симъ причинамъ долженъ былъ нѣсколько замедлиться.

Но предварительно до отъѣзда своего отправилъ онъ генерала князя Репнина для принятія начальства надъ Украинскою арміею; Екатеринославская же оставалась подъ командою артиллеріи генерала Меллера-Закомельскаго. А пріѣхавъ къ арміи, князь открылъ кампанію походомъ подъ Бендеры, и событія сей кампаніи явили въ немъ мудраго военачальника. Австрійскіе генералы, бывшіе подъ главнымъ его начальствомъ,

(*) См. выше стр. 1203.

наипаче отдавали ему должную справедливость.

Предварительно же отправивъ знатное количество войскъ для составленія резервнаго корпуса въ Бѣлоруссію, фельдмаршалъ сталъ главною квартирою въ мѣстечкѣ Каушанахъ. Корпусъ генерала Суворова, отправленный на Берлатъ, долженъ былъ подкрѣплять корпусъ Австрійскій 30 т., бывшій подъ командою генерала отъ кавалеріи принца де Саксъ-Кобургскаго. Генералъ князь Репнинъ съ главными силами Украинской арміи долженъ былъ слѣдовать къ Рябой Могилѣ и далѣе противъ Сераскира Измаильскаго, который былъ тотъ самый храбрый Турецкій капитанъ-паша, начальствовавшій флотомъ Турецкимъ въ прошломъ году на водахъ Очаковскихъ. Главный корпусъ Екатеринославской арміи, подъ командою генерала князя Долгорукова, былъ назначенъ для надзиранія крѣпости Бендеръ и для покоренія крѣпости Акермана или Бѣлграда, лежащаго при устьѣ Днѣпра, который городъ взятъ былъ при личномъ присутствіи князя Григорія Александровича въ день его имянинъ 30-го числа Сентября. Покореніе сей крѣпости фельдмаршалъ хотѣлъ произвесть безъ штурма, но принудить оной къ сдачѣ, дабы, такимъ средствомъ явя примѣръ кротости, заставить гарнизонъ Бендерскій помыслить о жребіи, ему предстоящемъ и рѣшиться на покореніе безъ кровопролитія, что было и исполнено по желанію его какъ съ Акерманомъ, такъ въ послѣдствіи и съ Бендерами.

Еще оставался корпусъ въ окрестностяхъ Очакова для обладанія Гаджибеемъ и для связи съ гребнымъ флотомъ, который вдаль береговъ долженъ былъ направляться къ устію Днѣпра. Онымъ корпусомъ начальствовалъ генералъ-поручикъ Гудовичъ и крѣпостью Гаджибейскою безъ дальнихъ препятствій овладѣлъ.

По такимъ распоряженіямъ дѣйствіе началось. — Генералъ Суворовъ, въ соединеніи съ Австрійцами, разбилъ при Фокшанахъ 34 т. Турецкой корпусъ, и пошелъ къ Римнику, гдѣ 100 т. Турецкую армію, бывшую подъ начальствомъ верховнаго визиря, разбилъ и разстроилъ весь его планъ, состоявшій въ томъ, чтобы находящійся при Римникѣ немногочисленный корпусъ Австрійскій разбить, потомъ совокупиться самому съ войсками Измаильскаго сераскира, о коемъ вышеупомянуто, и совокупными съ нимъ силами принудить Россійскія арміи оставить Молдавію и Бессарабію и удалить оныя за Днѣпръ, дабы чрезъ таковые успѣхи имѣть потомъ средство лишить насъ всѣхъ выгодъ прежней кампаніи.

Но планъ верховнаго визиря предусмотрѣніемъ и распоряженіемъ фельдмаршала былъ уничтоженъ. Генералъ Суворовъ, въ сходство генеральной диспозиціи, предускорилъ Турокъ какъ при Фокшанахъ, такъ и при Рымникѣ, напавъ на визиря и разбивъ его прежде, нежели онъ успѣлъ съ великимъ превосходствомъ своей арміи атаковать принца Кобургскаго. А генералъ князь Репнинъ движеніемъ, ему назначеннымъ, отрѣзавъ сераскиру Измаильскому путь къ соединенію съ верховнымъ визиремъ, принудилъ его силою оружія и движеніями своими отступить къ Измаилу. Въ семъ случаѣ бригадиръ Орловъ, отецъ нынѣшняго генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова, оказалъ блистательную храбрость: въ виду арміи, съ 3,000 козаковъ, атаковалъ онъ 7,000 конницы Турец-

кой, опрокинулъ ее и гналъ до самаго Турецкаго ретраншамента.

Между тѣмъ какъ сіи дѣйствія съ двухъ фланговъ операціонной линіи нашей происходили, генералъ-поручикъ Самойловъ получилъ повелѣніе, оставя главную квартиру, бывшую еще въ Каушанахъ, идти съ авангардомъ, имъ командуемымъ, къ Кишеневу въ соединеніе съ генералъ-поручикомъ Кречетниковымъ, который имѣлъ повелѣніе отдѣлясь отъ Украинской арміи и оставя корпусъ войскъ для наблюденія Измаила подъ командою генералъ-поручика Михельсона, слѣдовать съ силами своими къ вышереченному мѣсту. Генералъ-поручику Самойлову предписано было учредить маршъ его такимъ образомъ, чтобы онымъ Бендерскому гарнизону сдѣлалъ демонстрацію; вслѣдствіе чего генералъ-поручикъ, оставя пѣхоту тянуться по горѣ, самъ съ легкими всѣми бывшими при немъ войсками, командуемыми Орловымъ (о коемъ упомянуто), Платовымъ и Исаевымъ, спустился съ высотъ, приближаясь къ Бендерамъ; и коль скоро Турки выслали противъ сихъ войскъ изъ города свою конницу въ нѣсколькихъ тысячахъ состоящую, то онъ ихъ атаковалъ, поразилъ и опрокинулъ назадъ въ городъ, при чемъ немалое число взято въ плѣнъ, между коими были чиновники и одинъ изъ ближнихъ родственниковъ сераскиру Бендерскому, который будучи вѣжливостію генералъ-поручика Самойлова обласканъ, открылъ ему за важную тайну сіе: что сераскиръ и другіе трехъ-бунчужные паши, а равно и все войско и жители Бендерскіе, наклонны сдать крѣпость сію на капитуляцію; но сераскиръ и паши просятъ о томъ, дабы сдача сія такимъ образомъ устроена была, чтобы имъ за оную не лишиться головъ. Вслѣдствіе сего извѣстія генер.-пор. Самойловъ, не продолжая марша своего до Кишинева, остановясь подъ Бендерами, репортовалъ о семъ фельдмаршалу, отправя въ главную квартиру плѣннаго чиновника. Фельдмаршалъ, одобря остановленіе авангарднаго корпуса, вслѣдствіе открытыхъ обстоятельствъ, повелѣлъ главнымъ корпусамъ Екатеринославской и Украинской армій двинуться къ Бендерамъ и расположиться къ осадѣ сей крѣпости, куда и главная квартира была перенесена. Въ то время генералъ-поручику Гудовичу предписано было остановиться съ корпусомъ войскъ его на лѣвомъ берегу Днѣстра противу Бендеръ, а 50 т. лодокъ козаковъ Черноморскихъ проведены были въ верхъ по Днѣстру отъ Акермана къ Бендерамъ. Такимъ образомъ городъ сей былъ обложенъ и стѣсненъ со всѣхъ сторонъ. Но сераскиръ хотѣлъ сдѣлать послѣдній опытъ защищенія или сопротивленія; онъ выслалъ всю свою конницу, довольно сильную, противу того мѣста, гдѣ стоялъ генералъ-поручикъ Самойловъ, который, позволивъ Туркамъ отдѣлиться отъ ретраншамента Бендерскаго, атаковалъ ихъ и сей разъ, опрокинулъ ихъ и загналъ въ ретраншаментъ. Послѣ сего единственнаго подъ Бендерами кавалерійскаго дѣла, чрезъ нѣсколько дней гарнизонъ сей крѣпости сдался на капитуляцію, для приведенія коей въ исполненіе назначены были генералъ князь Долгоруковъ и дежурный генералъ-поручикъ Энгельгардтъ. Покореніемъ крѣпости Бендерской сія кампанія, повсемѣстно благоуспѣшная, была окончена.

Называю оную кампанію повсемѣстно благоуспѣшною потому, что

въ теченіе оной, Севастопольскій флотъ, знатно усиленный, вышелъ въ море, атаковалъ Турецкой флотъ, угрожавшій дессантомъ полуострову Таврическому, и хотя оный былъ гораздо превосходнѣе и многочисленнѣе Россійскаго, но принявшій надъ симъ флотомъ по повелѣнію князя команду контръ-адмиралъ Ушаковъ разбилъ его, сжегъ два корабля Турецкіе и имѣлъ надъ нимъ поверхность совершенную.

Съ ключами покореннаго города отправленъ былъ къ государынѣ подполковникъ Валерьянъ Зубовъ, а съ подробнымъ донесеніемъ о трофеяхъ и также о всѣхъ побѣдахъ сей кампаніи, на сушѣ и на водахъ выигранныхъ, отправленъ былъ правитель фельдмаршалской канцеляріи бригадиръ Василій Степановичъ Поповъ.

Здѣсь необходимостію почитаю присовокупить нѣкоторое извѣщеніе о семъ знаменитомъ чиновникѣ, который съ самаго почти начинанія князя Григорія Александровича управлять важнымъ постомъ государственнаго и военнаго чиностоянія, былъ при немъ сотрудникомъ, пріобрѣлъ его совершенную довѣренность, могъ угадывать высокія мысли его, могъ постичь великія его соображенія во всемъ ихъ пространствѣ, и обширный кругъ всѣхъ писменныхъ дѣлъ по военному управленію, по инспекціи войскъ, по гражданской части и по новоустрояемымъ городамъ и областямъ, вмѣщалъ въ своемъ понятіи, успѣвая неутомимою дѣятельностію своею во всѣхъ тѣхъ частяхъ. Первоначально сей самый постъ правителя канцеляріи занималъ Василій Степановичъ у князя Василія Михайловича Долгорукова-Крымскаго, при которомъ съ офицерскаго чина, занимая мѣсто письмоводителя, служилъ съ замѣченною ревностію; но когда князь Василій Михайловичъ, будучи главнокомандующимъ въ Москвѣ, преставился, то Василій Степановичъ, служившій при немъ въ чинѣ капитана, получилъ со всѣми бывшими при главнокомандующемъ военными чиновниками повышеніе въ награду и произведенъ маіоромъ. Князь Григорій Александровичъ, выискивая людей способныхъ, имѣлъ его на замѣчаніи въ числѣ такихъ и, испрося высочайшее соизволеніе, принялъ его къ своей канцеляріи и нашелъ въ немъ всѣ достоинства, соотвѣтственныя быстрому ходу идей своихъ. Съ того времени по кончину покорителя Тавриды, довѣренность его къ нему увеличивалась, и заслуги его сдѣлались замѣчательны императрицѣ, которая въ послѣдствіи, приближа его къ кабинету своему, возвысила по достоинству, пожаловала помѣстьями и по кончину свою его отличала, а нынѣ вѣнценосный внукъ, шествуя по стопамъ великой праматери, вызвалъ его изъ отставки и препорученіемъ важныхъ государственныхъ частей отдалъ справедливость заслугамъ его долговременнымъ и полезнымъ для государства.

Императрица за дѣйствія сей кампаніи изъявила всѣмъ особливые знаки высочайшаго благоволенія. Главнокомандующій на югѣ соединенными арміями и всѣми сухопутными и морскими силами получилъ на золотомъ блюдѣ шпагу, драгоцѣнно съ лаврами украшенную бриліантами, а на краяхъ же блюда вырѣзана слѣдующая надпись: *Главнокомандующему на югѣ сухопутными и мор-*

скими силами. 1789 года (*). Сверхъ того, присланъ князю отъ государыни лавровый вѣнецъ съ богатымъ бриліантовымъ кокардомъ, и наименованъ онъ великимъ гетманомъ императорскихъ козацкихъ войскъ.

Герой, ознаменовавшій себя въ сію кампанію во всемъ блескѣ при Римникѣ, Александръ Васильевичъ Суворовъ получилъ 1-го класса военный орденъ, шпагу, осыпанную бриліантами, титулъ графа и проименованіе Римникскаго. Всѣ прочіе начальники получили по мѣрѣ заслугъ принадлежащія награды.

Въ исходѣ сего года еще, съ окончаніемъ вышеописанныхъ дѣлъ, главнокомандующій перенесъ главную квартиру въ Яссы. Здѣсь онъ былъ принятъ отъ бояръ Молдаванскихъ со всѣми почестями и съ особливою приверженностію къ нему, ибо они знали князя Григорія Александровича еще отъ прежде бывшей войны и тогда же полюбили его за ласковое обхожденіе и благопривѣтливость.

Кампанія, наступившая 1790 года, по Сентябрь мѣсяцъ были бездѣйственна. Главнокомандующій, соображаясь съ обстоятельствами внѣшними, оставаясь при успѣхахъ прошлогоднихъ выгодъ, надъ непріятелемъ одержанныхъ, ожидалъ развязки событій. Выше уже сказано, что кабинеты Берлинской и Сентъ-Жемской возбудившіе Турковъ, а потомъ Шведовъ противъ Россіи, еще устроивали новыя пружины, чтобъ сдѣлать перевѣсъ на ихъ сторонѣ; они видѣли, что Порта сдѣлала уже новыя потери невозвратныя и что всѣ усилія Швеціи, а особливо на морѣ, обратились ей во вредъ; почему и положили отвлечь Австрійскія силы отъ Дуная, чтобы Порта, совокупля всѣ свои войска, растянутыя по теченію Дуная отъ Измаила до Бѣлграда Стольнаго (Стулъ — Вейсенбурга), отразила Россійскія арміи, овладѣвшія Бессарабіею и Молдавіею. Для сего король Прусскій подвинулъ войска свои къ Австрійскимъ наслѣдственнымъ землямъ, почему императоръ Іосифъ былъ принужденъ большую часть арміи своей подъ командою фельдмаршала Лаудона отъ Босніи и Сербіи, гдѣ у него театръ войны съ Турками происходилъ, обратить въ Моравію и Богемію, оставя не болѣе 20 т. подъ командою принца Саксенъ-Кобургскаго для подкрѣпленія Россіи. Вскорѣ за симъ безпокойства, въ Австрійскихъ Нидерландахъ усилившіяся, преогорчили царствованіе Іосифа II-го, который въ сихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ скончался. Преемникъ его эрцъ-герцогъ Леопольдъ, монархъ миролюбивый, желая не имѣть препонъ къ достиженію титла Римскаго императора, рѣшился съ королемъ Прусскимъ заключить миръ, и прекратить брань съ Турками. Прусскій дворъ, въ единодушіи съ Англійскимъ, мнилъ, что сими успѣхами пользуясь, могутъ они угрозами принудить Россію къ своимъ требованіямъ; но величіе духа и мудрость Екатерины Великія обратила въ ничто всѣ замыслы соперниковъ ея славы. Она въ Верелѣ заключила съ Густавомъ III-мъ миръ безъ соучастія постороннихъ державъ, явясь великодушной побѣдительницею, и обратя громы свои отъ сѣвера къ западу, вдругъ имѣла въ Курляндіи до 60 т. человѣкъ готоваго войска, и противъ Англіи флотъ изъ 33 линейныхъ кораблей, тѣхъ самыхъ, кото-

(*) Оное блюдо наслѣдниками кн. Г. А. Потемкина Таврическаго отдано въ Московской Успенской соборъ.

рые въ 4-хъ морскихъ сраженіяхъ одержали надъ Шведскимъ флотомъ побѣды. Къ подкрѣпленію сего флота было еще въ готовности 10 кораблей и сильная гребная флотилія, и такимъ образомъ великая монархиня съ твердостію непоколебимою готовилась принять враговъ своихъ.

Князь Григорій Александровичъ, по соображенію съ вышереченными произшествіями, долженъ былъ не начинать никакихъ значительныхъ дѣйствій и движеній до Сентября мѣсяца, а употребя время на наблюденіе за непріятелемъ, старался приводить войска свои въ лучшее состояніе и усиливать оба Черноморскіе флота. Но при разрѣшеніи недоразумѣній о внѣшнемъ положеніи дѣлъ, рѣшился онъ ознаменовать и сію кампанію важными дѣлами; то есть покорить Измаилъ и, овладѣвъ устьями Дуная, совокупить всѣ выгоды введеніемъ гребнаго флота въ Дунай. Для сего отправилъ онъ къ крѣпости Киліи, при устьи рѣки сей стоящей, авангардной корпусъ подъ командою генералъ-поручика Самойлова. Для подкрѣпленія сего предпріятія отряжены были другія войска, а главное надъ всѣми начальство ввѣрено было генералу артиллеріи барону Меллеру-Закомельскому, который для покоренія ретраншамента сей крѣпости отрядилъ генералъ-поручика Самоилова, что̀ имъ было при упорномъ сопротивленіи Турокъ съ успѣхомъ совершено.

Но сіе при Киліи счастливое начало имѣло печальныя для всѣхъ войскъ и для фельдмаршала послѣдствія. Любимый и уважаемый генералъ, баронъ Меллеръ, увлеченный своимъ хладнокровіемъ и усердіемъ къ службѣ, будучи въ форменномъ генерала артилерійскаго сертукѣ съ шитьемъ, имѣя наономъ звѣзды Андреевскую, Георгіевскую и Владимірскую, подъѣхавъ на ружейной выстрѣлъ къ крѣпости, рекогносцируя лично, гдѣ бы учредить батареи, былъ пораженъ ружейною пулею изъ крѣпости, и отъ оной раны чрезъ нѣсколько дней сей искусный генералъ, усердный сынъ отечества и добродѣтельный мужъ, скончалъ славное поприще жизни своей, предавъ сыновьямъ своимъ качества, отличающія ихъ служеніе отечеству. Командованіе же по немъ принялъ старшій генералъ-поручикъ Гудовичъ, который и принудилъ гарнизонъ Киліи сдаться на капитуляцію.

Послѣ сего флотилія наша гребная, подъ командою контръ-адмирала Де Рибаса, двумя устьями Дуная, вошла въ сію рѣку. Эскадра изъ лодокъ канонерскихъ и Запорожскихъ чрезъ Килійское устье, а другая эскадра, состоявшая изъ шкунъ, полакръ, ботовъ, дупельтъ-шлюбокъ, галеръ и батарей, вошла Сулинскимъ проливомъ или устіемъ, яко способнѣйшимъ по глубинѣ фарватера для такихъ судовъ. Контръ-адмиралъ при семъ введеніи въ Дунай флотиліи началъ тѣмъ, что овладѣлъ непріятельскими батареями, Сулинскій проходъ защищавшими; предъ коими оставя флотилію, пріѣхалъ самъ въ Килію для совѣщанія съ генераломъ Гудовичемъ о принятіи мѣръ къ зимовкѣ гребнаго флота; а между тѣмъ капитанъ 1-го ранга Ахматовъ, увидѣвъ на правомъ берегу Дуная при Тульчѣ во множествѣ непріятельскія суда, атаковалъ ихъ и сжегъ; и донесъ о томъ контръ-адмиралу, который велѣлъ немедленно капитану 2-го ранга Литкѣ учинить такой же поискъ надъ непріятельскими судами, находившимися при замкѣ Исакчи. И сіе такъ же совер-

шено было безъ дальныхъ препонъ. Такимъ образомъ всѣ устья и берега Дуная до самой крѣпости Измаила были очищены. А за симъ немедленно, хотя время было и позднее, фельдмаршалъ опредѣлилъ нанесть Портѣ чувствительный ударъ взятіемъ Измаила и тѣмъ увѣнчать настоящую кампанію. Для сего первоначально предписалъ генералъ-маіору Голенищеву Кутузову съ одной, а генералъ-порутчику Потемкину съ другой стороны, приближась къ оной крѣпости, дѣлать на оную демонстраціи; контръ-адмиралу Де Рибасу повелѣлъ приближиться съ флотомъ къ сей же крѣпости, истребить суда непріятельскія при оной бывшія и городъ бомбардировать. При исполненіи Де Рибасомъ перваго пункта сего приказанія произошло жаркое дѣло у флотилии съ непріятельскими судами, которое кончилось наконецъ тѣмъ, что непріятельскія суда были или взяты или истреблены, при чемъ отличили себя Черноморскіе козаки.

Расположа такимъ образомъ первыя движенія къ покоренію Измаила, фельдмаршалъ предписалъ генералъ-порутчику Гудовичу, чтобы и главныя его силы, въ Киліи бывшія, подвинуть къ Измаилу и приступить къ формальной осадѣ города, у коего уже всѣ комуникаціи пресѣчены; но какъ время было позднее и наступалъ декабрь мѣсяцъ, то князь Григорій Александровичъ, увѣренный въ геніи героя Рымникскаго, въ благонадежности войскъ нашихъ на сего непреоборимаго въ предпріятіяхъ генерала, и въ страхѣ, который Турки къ имени его ощущали, разсчелъ для скораго исполненія сего подвига не пріобщать другихъ средствъ, какъ дать только повелѣніе Александру Васильевичу совершить оной. А поелику генер.-порутчикъ Гудовичъ пожалованъ былъ въ то время генералъ аншефомъ за покореніе Киліи; то, отозвавъ его отъ сего начальства, препоручилъ ему предпріятіе на крѣпость Анапу, что за Кубанью, въ Абхазіи, на берегу Чернаго моря, а побѣдоносному своему сотруднику графу Суворову Римникскому поручилъ завоеваніе Измаила, повелѣвъ генералъ-порутчику Самойлову начальствовать корпусомъ подъ Измаиломъ, бывшимъ въ командѣ у генералъ-маіора Кутузова. Суворовъ совершилъ сіе дѣло съ быстротою своею обыкновенною, и про него можно было сказать тогда что про Кесаря: *пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.* Не стану описывать, сколь штурмъ сей былъ кровопролитенъ, сколь отчаянно защищались Турки, съ какимъ мужествомъ преодолѣли Русскіе герои всѣ усилія враговъ. Въ реляціи и въ журналахъ о семъ многократно возвѣщено было. Но скажу только, что надобно было имѣть духъ Россіянъ, дабы, съ 14 т. регулярныхъ войскъ на штурмъ сей употребленныхъ и съ 12 тысячъ спѣшенныхъ козаковъ, покорить холоднымъ оружіемъ 40 т. гарнизону, защищаемаго стѣнами и батареями, на коихъ было слишкомъ 400 орудій, и что изъ сего гарнизону только 10 т. взято въ плѣнъ; протчіе или пали отъ меча побѣдителей, или въ водахъ Дуная погибли. Естьли въ семъ кровопролитномъ дѣлѣ имя Суворова ободряло духъ Россійскихъ воиновъ, то оно же и низвергало трепещущихъ его непріятелей.

Послѣ сей побѣды графъ Александръ Васильевичъ прислалъ къ фельдмаршалу рапортъ, слѣдующаго лаконическаго содержанія: *„Народы и стѣ„ны пали предъ престоломъ ея им„ператорскаго величества. Штурмъ*

„былъ кровопролитенъ и продолжите-„ленъ. Измаилъ взятъ, съ чьмъ имью „вашу свѣтлость поздравить".

Фельдмаршалъ въ своемъ донесеніи къ императрицѣ, отдавая всю справедливость завоевателю, назвалъ гарнизонъ сей крѣпости арміею. Сія черта правоты князя Григорія Александровича опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ авторовъ, кои не краснѣя возвѣстили, яко бы князь Григорій Александровичъ завидовалъ славѣ сего побѣдоноснаго своего сотрудника; да и самая медаль, выбитая въ воспоминаніе сего завоеванія Измаила, доказываетъ, что князь Григорій Александровичь представилъ о семъ дѣлѣ въ надлежащемъ видѣ и достоинствѣ. Правильнѣе было бы судить, что онъ старался представить подвиги Суворова во всемъ ихъ блескѣ, какъ то было и въ протекшемъ году по одержанной при Римникѣ побѣдѣ. Симъ, какъ фельдмаршалъ, главнокомандующій изъявлялъ, какихъ можетъ ожидать себѣ наградъ, будучи орудіемъ всѣхъ успѣховъ Россійскаго оружія и всѣхъ надъ Турками побѣдъ, подъ главнымъ его распоряженіемъ на сушѣ и на водахъ одержанныхъ.

И такъ кампанія сія по предположенію фельдмаршала кончилась сильнымъ пораженіемъ Турокъ въ Измаилѣ и овладѣніемъ плаванія по Дунаю; но Порта, при понесеніи толикихъ язвъ, подкрѣплялась еще надеждою на союзниковъ своихъ и еще напрягала силы, чтобъ испытать счастіе войны въ слѣдующемъ году. Между тѣмъ замѣшательства вышереченныхъ кабинетовъ понудили фельдмаршала отправиться въ Петербургъ, куда прибылъ онъ въ началѣ 1791-го года, оставя при отбытіи своемъ главное надъ арміями начальство старшему генералу князю Репнину.

Въ сей послѣдній свой пріѣздъ онъ принятъ былъ отъ императрицы съ особенными знаками высочайшей милости и съ большимъ уваженіемъ отъ публики, что произвело въ князѣ желаніе ознаменовать пребываніе свое доставленіемъ какъ дому императорскому, такъ и всѣмъ вообще праздиества, которое бы имѣло нѣчто необыкновенное, великое и достопамятное и получа на сіе отъ государыни соизволеніе, онъ далъ въ своемъ Таврическомъ дворцѣ пиръ для двора, для знатнѣйшаго общества и для народа, на которомъ искусство, великолѣпіе, утонченный вкусъ и избыточество во всемъ соспоривали въ преимуществахъ. Сей праздникъ *(въ память взятія Измаила)* столь былъ изященъ и составленъ былъ изъ такихъ перемѣнъ и всякаго рода представленій и увеселеній, что занималъ нѣсколько времени какъ публику, такъ и издателей вѣдомостей описаніемъ онаго; здѣсь не объясняю о учрежденіи сего пиршества, потому что издано было объ ономъ и напечатано подробное описаніе.

Между тѣмъ, какъ и выше сказано о причинахъ побудившихъ князя Григорія Александровича ѣхать въ столицу, онъ старался по возможности дѣйствовать умомъ своимъ и внѣшними связями, чтобы успокоить предпріимчивыхъ политиковъ, управлявшихъ кабинетами Берлинскимъ и Сентъ Жемскимъ. Онъ зналъ, что Порта не понимала политики сихъ кабинетовъ, что возбужденія, отъ сихъ дворовъ въ ней произведенныя, клонились не для ея, но для собственныхъ ихъ выгодъ; и потому она упорствовала приступить къ предложенію Россіи мира, котораго и самъ князь Григорій Александровичь не инако желалъ какъ съ тѣмъ, чтобъ

Молдавію сдѣлать независимою отъ Порты (*). Послѣдствія обнаружили, что политика Англіи клонилась къ тому, чтобы принудить Россію войтить съ нею по прежнему въ связи; Пруссія жъ, имѣя въ виду своемъ новый раздѣлъ Польши, возбуждала Поляковъ противъ Россіи, тщася произвесть тѣмъ негодованіе на Поляковъ въ императрицѣ; и на семъ то предположеніи Пруссія оказывала виды непріязненности къ Россіи. Но въ самомъ дѣлѣ, хотя и казалось, что готовилась вторгнуться въ Курляндію, однако такой рѣшимости не имѣла; Порта же, не проникнувши ихъ политики, отдала себя имъ въ руководство.

Тутъ къ статѣ привести примѣръ, сколь сильно дѣйствуетъ краснорѣчіе, на истиннѣ основанное. Извѣстный свѣту господинъ Фоксъ, соперникъ Питта, оспоривалъ въ нижней каморѣ Англинскаго парламента намѣреніе Великобританскихъ министровъ воевать противъ Россіи, столь сильно и убѣдительно, что одержалъ въ пользу рѣчи своей большинство голосовъ оной каморы. Великая Екатерина, имѣя особливый даръ награждать каждаго по приличію, въ изъявленіе отличности достоинству г-на Фокса, приказала бюстъ его помѣстить между бюстами Демосѳена и Цицерона на Царскосельской колоннадѣ.

Между тѣмъ князь Григорій Александровичъ не оставлялъ безъ принятія участія въ попеченіи о приготовленіи средствъ къ отпору Пруссіи, естьли она на самомъ дѣлѣ вознамѣрится противъ Россіи объявить войну; такъ же не терялъ изъ виду и тогдашняго положенія Польши (*).

А какъ господинъ Факнеръ, другъ славнаго Питта, пріѣхалъ тогда въ Петербургъ, съ уполномочіемъ отъ Прускаго и Англинскаго кабинетовъ для разрѣшенія недоумѣній оныхъ дворовъ въ отношеніи Россіи; то онъ желалъ имѣть по сему предмету съ княземъ Григоріемъ Александровичемъ объясненіе, чего и самому князю желалось. При семъ-то случаѣ князь Григорій Александровичъ доказалъ ему излишность и неполезность требованій Англіи. Онъ изъяснилъ ему всѣ тѣ средства, коими Россія въ состояніи удержать Прускаго двора наглость; онъ не сомнительными доводами доказалъ, сколь непредолима твердость императрицы и что никакія угрозы не могутъ надъ нею подѣйствовать, но напротивъ того, паче утвердятъ въ достиженіи ея предмета. Сіе свиданіе имѣло вліяніе на умъ г-на Факнера; онъ увѣрился, что Россія далѣе Днѣстра завоеваній за собою удержать не пожелаетъ, почему Англія ослабила требованія свои и не столько уже возбуждала враговъ противъ Россіи.

По симъ-то обстоятельствамъ князь Григорій Александровичъ пробылъ въ столицѣ долѣе нежели военныя обстоятельства главнаго надъ арміями на-

(*) Князь Григорій Александровичъ весьма сего желалъ; тѣмъ паче, что привязанность Молдавскихъ вельможъ, къ нему оказанная, и заслуги имъ явленныя императрицѣ, подавали ему надежду быть защитникомъ и покровителемъ сей страны.

(*) Здѣсь, по извѣстности обстоятельствъ, смѣю открыть, что князь, сдѣлавшись гетманомъ козачьихъ войскъ, за непремѣнное полагалъ, при совершеніи мира съ Турціею, возвратить Россіи отъ Польши, безъ соучастія протчихъ державъ, десять полковъ Украинскихъ, уступленныхъ ей Петромъ Великимъ, которые составляли Кіовію, Подолію и Волынію, чтобъ имѣть съ тѣмъ право именоваться гетманомъ обѣихъ странъ Днѣпра.

чальства ему позволяли; но въ продолженіе послѣдняго пребыванія его въ Петербургѣ, не понятно отъ чего, пришло ему въ мысль странное воображеніе, что онъ доживаетъ свой вѣкъ; а потому, чтобъ заглушить или развлечь мрачность сего воображенія и разсѣять мысль о близкой его кончинѣ, онъ вымышлялъ заниматься увеселеніями и учреждать пиршества, такъ что въ столицѣ ни о чемъ не мыслили болѣе какъ о составленіи веселостей; но сіе, равно какъ и занятіе дѣлами государственными толико важными, не уничтожало въ князѣ Григоріѣ Александровичѣ скучныхъ предчувствованій и погружало его не рѣдко въ задумчивость неразвлекаемую.

Вскорѣ получено было извѣстіе отъ генерала Гудовича о покореніи штурмомъ Анапской крѣпости; а за онымъ и отъ генерала князя Репнина о выигранной имъ надъ визиремъ генеральной баталіи при Мачинѣ (*), послѣдствіемъ коей было отъ визиря предложеніе о мирѣ и о учрежденіи конгресса. Сіи обстоятельства понудили фельдмаршала не отлагая отправиться къ арміи; но на пути, который совершалъ онъ въ самые лѣтніе жары, почувствовалъ онъ въ себѣ слабость, и будучи въ Кременчугѣ и въ Николаевѣ, облегчалъ себя прохлаждающими банями; за всѣмъ тѣмъ здоровье его приходило постепенно въ упадокъ.

Прибывши въ Молдавію, князь Григорій Александровичъ нигдѣ не останавливался, а проѣхалъ прямо въ Галацы. Между тѣмъ верховный визирь, собравъ арміи 180 т., стоялъ на правомъ берегу Дуная противу Браилова, и на предложенія свои о мирныхъ переговорахъ ожидалъ учрежденія конгресса. Утвердительно сказать не можно, но казалось, что князь Григорій Александровичъ не инако могъ быть склоненъ къ миру, какъ принудя Турокъ къ отреченію отъ Молдавіи и къ облегченію участи Валахіи (*), чего по состоянію силъ верховнаго визиря и требовать еще не совмѣстно было; почему можно заключать, что князь не положительно рѣшителенъ былъ на принятіе мирныхъ предложеній. Въ такомъ будучи намѣреніи, трактовалъ онъ всѣ вѣжливости верховнаго визиря съ равнодушіемъ и съ самымъ неуваженіемъ.

Въ одномъ случаѣ, когда присланный отъ верховнаго визиря чиновникъ предложилъ ему отъ имени визиря, чтобы оставить во власти Турецкой оба берега Днѣстра, то князь такъ разгорячился, что, выгнавъ сего чиновника изъ комнаты, послалъ визирю сказать: что ежели отъ него впредъ послѣдуютъ подобныя предложенія, то всякія съ нимъ сношенія будутъ прерваны. Всѣ ожидали послѣ сего происшествія разрыва, но напротивъ того на другой день визирь прислалъ инаго чиновника къ князю съ извиненіемъ за невѣжество перваго, поясняя, что онъ за сіе будетъ лишенъ жизни, для чего и просилъ, чтобъ для удостовѣренія благоволилъ бы князь прислать кого разсудитъ,

(*) Симъ происшествіемъ опровергается мнѣніе одного сочиненія, будто покореніе Измаила способствовало къ миру. Какъ же могло оно способствовать, когда послѣ сего Турки открыли еще кампанію и было генеральное сраженіе съ верховнымъ визиремъ?

(*) Выше объяснено, что князь имѣлъ сильное желаніе сдѣлать сіи двѣ области не зависящими отъ Порты, и такимъ образомъ открыть Россійскимъ арміямъ во всякое время свободный путь къ Дунаю.

дабы тотъ былъ зрителемъ казни оскорбившаго его чиновника; но князь просилъ визиря о помилованіи онаго.

При сихъ начальныхъ сношеніяхъ о мирѣ князь Григорій Александровичъ почувствовалъ болѣзнь свою усиливающеюся, и для врачеванія себя положилъ отъѣхать въ Яссы; а прибывши въ мѣстечко называемое Гужи, назначилъ полномочными для Ясскаго конгресса генералъ-порутчика Самойлова, контръ адмирала Де Рибаса и статскаго совѣтника Лашкарева.

По пріѣздѣ своемъ въ Яссы князь Григорій Александровичъ, не смотря на то, что болѣзнь его начала усиливаться гораздо въ высшей степени, не покидалъ отправленія возложенныхъ на него препорученій и готовилъ все, дабы на случай прекращенія переговоровъ съ Турками, тотчасъ дѣйствовать противъ нихъ наступательно. Но, приходя болѣе въ изнеможеніе, онъ переѣхалъ сперва въ деревню Кукуталъ, въ 15-ти верстахъ отъ Яссъ отстоящую, потомъ въ ближайшую къ Яссамъ деревню и наконецъ возвратился въ Яссы. Болѣзнь его увеличивалась сколько сама по себѣ, но болѣе отъ того, что онъ не токмо не берегъ себя, но даже какъ бы нарочно изыскивалъ средства противъ выздоровленія своего, употребляя въ пищу самыя жирныя и докторами запрещенныя ѣствы; а въ то время когда испарина и самый потъ приходили, онъ выливалъ на голову склянокъ по 10-ти одеколонь, и былъ въ безпрерывномъ неудовольствіи духа. Въ заключеніе всего вознамѣрился онъ отъѣхать для пользованія въ новозастроенный имъ городъ Николаевъ, отправился въ путь, и прибывъ на первую отъ Яссъ станцію, сперва былъ спокоенъ; потомъ почувствовалъ столь сильную тоску, что, не смотря на бывшій большой туманъ, рѣшился продолжать путь свой, который совершалъ въ открытой коляскѣ. Отъѣхавъ не болѣе 10-ти верстъ отъ станціи, узналъ, что полковникъ Боуръ, посыланный отъ него къ императрицѣ, возвратился и настигъ его на дорогѣ. Почему приказалъ онъ полковнику Боуру ѣхать впередъ, найтить удобное мѣсто, на коемъ изъ козачьихъ дротиковъ, покрытыхъ плащами, сдѣлать для него шатеръ, и наслать въ немъ травы, чтобы отъ томленія чувствуемаго имъ можно было успокоиться, что было г. Боуромъ исполнено.

Князь, подъѣхавъ къ устроенному для него шатру, чувствовалъ еще столько силъ, что самъ, безъ помощи людей, приподнялся изъ коляски, и когда хотѣлъ идти, объятъ былъ слабостію, и въ глазахъ его померкъ свѣтъ. Дошедъ къ приготовленному одру [который предопредѣленіемъ рока былъ его одръ смертный], возлегши на подстланную траву, успѣлъ только выговорить слѣдующія незабвенныя слова: *Прости, милосердая мать-государыня*! и съ тѣмъ испустилъ великій духъ свой. Здѣсь былъ рубежъ исполинскаго его шествія къ немерцающей славѣ.

При семъ трогательномъ зрѣлищѣ находилась старшая племянница его графиня Александра Васильевна Браницкая, уважаемая имъ болѣе всѣхъ кровныхъ во все теченіе его жизни, по горячности ея и по добродѣтелямъ, коими она отъ самой юности жизнь свою украсить старалась (*).

(*) Сія почтенная особа нынѣ имѣетъ достоинство штатсъ-дамы двора ея императорскаго величества, но по большей части пребываніе свое имѣетъ въ местечкѣ Бѣлой Церкви. По смерти князя

Кромѣ ея, при кончинѣ князя Григорія Александровича находились: возведенный подъ покровительствомъ князя за заслуги отечеству въ чинъ интенданта-флота бригадирскаго ранга г-нъ Фалѣевъ, который въ болѣзни князя не хотѣлъ его оставлять; и еще (какъ выше сказано) возвратившійся изъ Петербурга полковникъ Боуръ, да докторъ N N. съ малымъ числомъ служителей. Племянники же его генералъ-поручтики Самойловъ и Энгельгардтъ, за крайне тяжкою болѣзнію, коею тогда были одержимы, оставались въ Яссахъ.

И такъ 5-го октября 1791-го года сей главный вождь Россійской имперіи, повелитель сухопутныхъ и морскихъ силъ, завоеватель и преобразователь обширныхъ предѣловъ, великій среди браней, въ совѣтѣ и въ чертогахъ царскихъ, скончалъ достопамятную жизнь свою на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ, въ той странѣ, въ коей онъ всѣмъ повелѣвалъ, гдѣ имя его сколь страшно было сопротивнымъ, толико любезно защищаемымъ.

Тѣло фельдмаршала возвращено было въ Яссы, гдѣ по высочайшему повелѣнію отданъ былъ послѣдній долгъ христіанской со всѣмъ приличіемъ сану его возвышенному; а бренные останки по волѣ же монархини препровождены были въ Херсонъ. Сердце, положенное въ золотую урну, повелѣно было погребсти подъ престоломъ, а гробъ въ срединѣ церкви святыя Екатерины, воздвигнутой имъ въ крѣпости, вкругъ коей погребены знаменитые чиновники, положившіе животъ за отечество въ продолженіе сей войны, подъ начальствомъ сего основателя Херсона и флота Черноморскаго.

Сверхъ того государыня назначала соорудить изваянное изображеніе его и воздвигнуть оной памятникъ на марморномъ пьедесталѣ въ полукружіи арсенала, построеннаго имъ противъ той церкви въ средоточіи самой крѣпости; но послѣдовавшая кончина сей великодушной монархини не допустила совершить намѣренія ея въ воздаяніе заслугъ князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго.

Есть ли сіе и не исполнилось, однакожъ Херсонъ, Николаевъ, Екатеринославль, Таврида, Тамань и многія населенныя страны пребудутъ живущими вѣчно памятниками героя Таврскаго.

Извѣстіе о кончинѣ князя Григорія Александровича получила императрица съ горестію непомѣрною: достойнства покойнаго, всѣ подвиги его для государства подъятые, выгоды оному доставленныя, сильная приверженность къ высочайшей особѣ представились ей во всемъ ихъ пространствѣ. Печаль ея величества столь велика была и продолжительна, что спустя нѣсколько мѣсяцевъ, уже послѣ заключенія мира, по прибытіи въ Петербургъ старшаго его племянника генералъ-поручтика Самойлова, горесть ея была въ той же самой мѣрѣ, какъ прежде; къ тому же тягость дѣлъ при преклонномъ вѣкѣ государыни увеличивалась, и многія возложенія, бывшія на покойномъ фельдмаршалѣ, обратились къ собствен-

---

Григорія Александровича, дяди своего и благотворителя, она употребила избытки наслѣдства отъ него полученнаго на богоугодныя приношенія и на облегченіе страждущаго человѣчества; обязанная почтеннымъ семейством, утѣшается тѣмъ, что можетъ дѣлать добро и помогать требующимъ ея помощи, а потому отъ всей тамошней страны любима и уважаема.

нымъ трудамъ ея. Сія великая монархиня изволила сама сознать, что она потеряла въ немъ друга-сподвижника, ревностнаго исполнителя высокихъ ея намѣреній, и словомъ такого человѣка, который по уму и сердцу ея былъ единственнымъ и преданъ ея высочайшей особѣ во всемъ пространствѣ совершенной приверженности.

Глава IX.

Присовокупленіе.

О видѣ внѣшнемъ, о свойствѣ, нравѣ и склонностяхъ героя сей исторіи.

Предавъ въ описанной мною исторіи дѣянія сего знаменитаго мужа, долгомъ почитаю изобразить его наружный видъ и свойства душевныя представить такими красками, въ которыхъ бы безпристрастные современники его увидѣли бы подлинное сего великаго мужа изображеніе.

Князь Григорій Александровичъ былъ росту великаго, такъ что въ кругу особъ, при дворѣ тогда бывшихъ, равномѣрно и въ собраніи генералитета подъ начальствомъ его служившаго, онъ по возносящейся выше прочихъ главѣ своей могъ быть замѣченъ и узнаваемъ изъ дали. При семъ имѣлъ всѣ совершенства тѣлесной стройности и благообразнѣйшія черты лица, почему и почитался, а особливо въ цвѣтущихъ лѣтахъ молодости, красивѣйшимъ мущиною своего времени. Лице имѣлъ продолговатое, полное, чело возвышенное, округлое, носъ соразмѣрно протяженной, орлиной, брови возвышенныя, пріятно выгнутыя, глаза голубые, полные, не впалые, взглядъ острый, вдаль-зрящій, ротъ небольшой, пріятно улыбающійся, органъ голоса ясной и звонкой, зубы ровные, чистые и здоровые, бороду острую, нѣсколько посрединѣ раздвоенную и вверхъ приподнявшуюся; шею соразмѣрную сложенію тѣла; цвѣтъ лица бѣлый, оттѣненный свѣжимъ румянцемъ, который въ молодыхъ его лѣтахъ являлъ въ наружности много пріятнаго и привлекательнаго; волоса имѣлъ свѣтлорусые, нѣсколько завивающіеся, мягкіе; грудь возвышенную при довольно широкихъ плечахъ, которыя, по привычкѣ его держать голову нѣсколько наклоненною, казались приподнявшимися; но когда онъ являлся предъ войскомъ на лошади, или при парадахъ и другихъ церемоніялахъ, тогда бюстъ его имѣлъ всѣ образцовыя совершенства; равномѣрно и всѣ части тѣла его исполнены были статности и стройности.

Поступь его была мужественная, осанка величественная, ухватки привлекательныя, и когда только онъ желалъ явить важность сана своего, тогда какъ въ тѣлодвиженіяхъ, такъ и въ разговорѣ знаменовалось величіе его; равномѣрно, коль скоро желалъ онъ нравиться нѣжному полу, то никто не могъ имѣть ни дару его къ сему, ни способностей, ни пріятности его къ представленію себя. Но никто не умѣлъ скорѣе его устрашить холоднымъ пріемомъ или взглядомъ претительнымъ, естьли онъ находилъ въ томъ нужду.

При сихъ наружныхъ совершенствахъ, коими природа его столь щедро одарила и которыя открыли ему первую стезю къ достиженію возвышенія; онъ какъ въ юности своей, такъ и въ лѣтахъ возмужалыхъ, достигнувъ высочайшаго счастія, былъ неизмѣняемо благосерденъ и добръ, не памятозлобенъ, не мстителенъ, лю-

билъ дѣлать добро общее и частное; щедръ въ раздаваніи наградъ, величавъ и не уступчивъ противу сановитыхъ чиновниковъ и снисходителенъ къ низшимъ: прощалъ слабости, не оскорбляющія человѣчества, извинялъ поползновенія, не вредящія общему благу, но не терпѣлъ и удалялъ отъ себя зловредно-порочныхъ; оставлялъ въ забвеніи личныя оскорбленія, любилъ ближнихъ, любилъ отечество и ко всему природному Русскому, національному былъ пристрастенъ.

При таковыхъ врожденныхъ склонностяхъ, обладалъ качествами души великой, твердой и непоколебимой; ежели же иногда и уступалъ обстоятельствамъ, но никогда не выпускалъ изъ виду своего, того, чего хотѣлъ достигнуть и, постепенно стремясь къ обдуманному имъ предпріятію, доходилъ къ исполненію онаго. По сему то достиженіемъ на высочайшую степень честей и достоинствъ, онъ никому изъ современниковъ своихъ не былъ обязанъ. Самъ онъ проложилъ себѣ путь умственно, чтобъ украсить природныя дарованія познаніями, чтобъ возвысить умъ глубокомысліемъ и изслѣдованіемъ всеобщихъ свѣдѣній; чтобъ, приспособя себя къ званію человѣка государственнаго, приближиться къ степенямъ трона, узнать свойства великія Екатерины, постигать премудрыя ея намѣренія, изучать высокаго ума ея соображенія и пріобрѣсть довѣренность единственной сей монархини, дабы, возвысясь выше всѣхъ сверстниковъ своихъ, употребить высочайшую сію довѣренность въ пользу отечества, во славу государства и, боготворя царицу свою, превознести славу имени ея выше всѣхъ царей земныхъ.

Для сего-то предмета, все отечественное предпочиталъ онъ иностранному; для сего обдумалъ планъ восточной системы, обратилъ всѣ напряженія мыслей къ полуденному предѣлу Россіи, чтобъ по волѣ государыни своей быть зиждителемъ многихъ градовъ, образователемъ обширныхъ странъ, строителемъ на Черномъ морѣ флота, орудіемъ освобожденія Греціи и очищенія Европы отъ невѣжества магометанскаго, въ чемъ онъ отъ части успѣлъ, покоря Тавриду и поставя Россію въ положеніе готовности къ освобожденію Царяграда.

Кажется, что для совершенія сихъ намѣреній, онъ не заимствовался образцами иностранной политики, ни примѣрами древней и новой исторіи; но имѣя въ виду труды Петра Великаго и его начинанія, зная, колико императрица желала подражать генію сего образователя отечества, онъ въ угодность монархинѣ шелъ по чертежамъ сего премудраго императора, приспособляя средства приличествовавшія тогдашнему положенію имперіи: а посему всѣ дѣлопроизводства и устроенія полуденныхъ губерній были ввѣрены ему одному. Но въ дѣла сѣверныхъ предѣловъ государства, кромѣ какъ по части воинской, онъ не вмѣшивался, развѣ какъ государынѣ угодно было приглашать его къ совѣту; относительно же Балтійскаго флота, то изъ уваженія къ высочайшей особѣ великаго князя Павла Петровича, яко генералъ-адмирала, онъ не позволялъ себѣ входить ни въ малѣйшее до распоряженій онаго клонящееся участіе. По каковой причинѣ, чтобъ по увеличенію Черноморскаго флота не имѣть недостатка въ оберъ-офицерахъ, онъ завелъ было въ Херсонѣ Морской кадетской корпусъ и училища Штурманское и Корабельной Архитектуры, изъ ко-

ихъ много вышло во флотъ весьма достойныхъ офицеровъ.

Что князь Григорій Александровичъ былъ храбръ, то сіе доказалъ онъ при первомъ своемъ появленіи на театрѣ военномъ, при Хотинѣ, въ сраженіи при Гуробалѣ, въ Банатѣ и въ другихъ сраженіяхъ во время первой войны; но будучи фельдмаршаломъ уже, онъ всегда являлъ въ опасностяхъ хладнокровіе, присутствіе духа и неустрашимость. Первымъ доказательствомъ того служитъ сіе, что при начальной рекогносцировкѣ подъ Очаковомъ, подлѣ самаго его убитъ ядромъ генералъ-маіоръ Синельниковъ; но князь не оставилъ довершить начатое имъ обозрѣніе положенія крѣпости. Въ подобныхъ случаяхъ, верхомъ или пѣшій, князь Григорій Александровичъ бывалъ всегда при знакахъ и звѣздахъ, отличающихъ его отъ всей свиты. Не однократно, подъ крѣпостями, при открытіи траншей и при устроеніи батарей, бывалъ онъ тамъ, гдѣ ядра и пули летали, предшествуя многимъ послѣдователямъ, имѣя сертукъ съ шитьемъ, со знаками отличій и шапку или фуражку съ большимъ бѣлымъ перомъ; за нимъ носили складной столъ, стулъ и телескопъ, въ который онъ смотря, съ спокойнымъ духомъ дѣлалъ свои замѣчанія.

Однажды подъ Бендерами, при такомъ случаѣ, непріятель изъ крѣпости произвелъ пальбу, и ядро большаго калибра упало близъ его, такъ, что князь осыпанъ былъ землею; но отъ сего не сдѣлавъ ни малаго движенія, продолжалъ свои наблюденія и, примѣтя тревогу окружающихъ его, сказалъ: „Что это? не ужели вы думали "что по насъ и стрѣлять не будутъ?" потомъ велѣлъ узнать, какого калибра было упавшее ядро.

Подъ Очаковымъ въ траншеи пріѣзжалъ онъ нерѣдко, и однажды будучи въ апрошахъ, увидя вставшихъ предъ нимъ солдатъ, сказалъ съ начальническою ласковостію: „Слушайте, ребята, приказываю вамъ однажды навсегда, чтобъ вы для меня не „вставали, а отъ Турецкихъ ядеръ не „ложились бы никогда". Словомъ сказать, что онъ ни въ какомъ случаѣ не оказывалъ себя безъ присутствія духа и бодрости.

Къ сооруженному имъ Черноморскому флоту имѣя пристрастное ревнованіе, послѣ Кинбурнскаго дѣла, 1787-го года въ ноябрѣ мѣсяцѣ изъ Елисаветграда пріѣхалъ въ Херсонъ, и для обозрѣнія преобразованной имъ гребной флотиліи, бывшей отъ части въ водахъ Очакова, отправился туда на большомъ нарочно для него сдѣланномъ 16 весельномъ катерѣ, поднявши на немъ штандартъ. Прибывъ къ флотиліи, далъ повелѣніе нѣкоторымъ галерамъ и канонерскимъ лодкамъ подойти подъ крѣпость, сжечь стоявшія тамъ Турецкія суда или сдѣлать призы. Во время сего предпріятія, катеръ, на которомъ князь Григорій Александровичъ находился, подходилъ весьма близко къ крѣпости, такъ что ядра падали и далѣе мѣста, гдѣ лавировалъ катеръ; послѣ успѣшнаго окончанія сего нападенія, князь на катерѣ своемъ отправился въ проливъ Кинбурнской и, подъ выстрѣлами Гасанъ-Пашинскаго замка, смотрѣлъ на укрѣпленія въ зрительную трубку и благополучно возвратился къ флотиліи. Тогда флотскіе офицеры узнали, что главнокомандующій фельдмаршалъ сухопутною и морскою силою знакомъ съ воинскимъ огнемъ и стихіи морской не страшится.

Въ продолженіе Очаковской осады, князь Григорій Александровичъ пред-

пріялъ однажды осмотрѣть расположенный вкругъ крѣпости Россійскій флотъ, и на томъ же самомъ своемъ катерѣ, великолѣпно золотомъ и богатыми около зонтика бахрамами украшенномъ, отправился съ праваго фланга арміи съ моря въ Кинбурнской проливъ; при немъ тогда находились князь Репнинъ, принцъ Де Линь, графъ Браницкій, принцъ Де Нассау-Сигенъ и графъ Д'амасъ. Въ продолженіе плаванія катера, онъ смотрѣлъ въ зрительную трубку, положа онную на плечо графа Д'амаса; но лишь только вошли въ Кинбурнской проливъ, какъ Турки открыли канонаду съ Гасанъ-Пашинскихъ батарей и съ крѣпости. Ядра перелетали даже чрезъ катеръ, а картечи едва не досягали онаго. Сверхъ того Турки по замѣчаніямъ о особахъ, бывшихъ на катерѣ, начали бросаться изъ крѣпости на суда и отваливать въ покушеніи на оной; однакожь скорость, съ которою онъ плылъ, снятіе съ якоря и быстрое движеніе, нашею флотиліею сдѣланное, равномѣрно какъ открытыя канонады съ батарей лѣваго фланга нашей арміи, такъ же движеніе войскъ на ономъ флангѣ, для обращенія вниманія непріятельскаго произведенное, отвлекли Турокъ отъ намѣренія ихъ и не допустили совершить дерзостнаго покушенія. Между тѣмъ катеръ прибылъ благополучно къ лѣвому флангу нашей арміи. При семъ необыкновенномъ случаѣ никто изъ спутниковъ его не замѣтилъ въ князѣ Григоріѣ Александровичѣ ни малѣйшаго безпокойства и измѣненія духа.

Какъ изъ описанія жизни его, такъ и изъ дѣлъ имъ произведенныхъ, изъ образованій имъ устроенныхъ познаѐмъ, что онъ имѣлъ обширный умъ, глубокомысленное понятіе и самое пылкое воображеніе, по коимъ находилъ онъ скорыя и непреткновенныя средства преодолѣвать препятствія. Природному дару конечно должно сіе отнести, но не менѣе старался онъ пріуготовить себя ученіемъ, равно какъ упражненіемъ во время уединенія, которому онъ осудилъ было себя, по несчастномъ случаѣ лишенія глаза.

Нельзя однакожъ сказать, чтобы проходя науки изнурялъ онъ себя великимъ прилежаніемъ; напротивъ того, казавшись почти всегда незанимающимся и разсѣяннымъ, онъ имѣлъ толь твердую память, что читанное имъ единожды удерживалъ на всегда въ числѣ своихъ знаній, отъ чего многія науки, художества и даже ремесла были ему подробно и совершенно свѣдомы, такъ что онъ славился у иностранцевъ универсальностію своихъ познаній: могъ многое предпринимать и производить въ дѣйство, въ чемъ показалъ опыты; ибо, какъ всѣмъ извѣстно, особенными его попеченіями заведены и въ совершенство доведены при немъ были у насъ фабрики: стеклянная, зеркальная, суконная, на коей дѣлали сукна, не уступающія ни красотою ни добротою Англинскимъ; чулочная, которая и донынѣ существуетъ въ Екатеринославѣ, и кожевенная въ его помѣстьи; стеклянная жъ нынѣ существующая фабрика обязана его попеченіямъ совершенствомъ своимъ.

Князь Григорій Александровичъ былъ въ высочайшей степени любитель свободныхъ изящныхъ художествъ; въ архитектурѣ предпочиталъ огромное и величественное. Сіе видимъ въ оставшихся послѣ его зданіяхъ: онъ не любилъ взмащивать многіе этажи одинъ на другой; но желалъ, чтобъ зданіе его имѣло вы-

соту и обширность не одного этажа, и смотря на оныя видится, что пылкое его воображенiе и огромные замыслы не вмѣстимы были въ тѣсныхъ стѣнахъ. Всѣмъ протчимъ красотамъ сего художества предпочиталъ онъ легкость и простоту Iоническаго ордена.

Живопись и скульптуру любилъ въ ихъ совершенствахъ, и никогда никто не обманулъ его въ оныхъ, а отличныхъ художниковъ уважалъ и старался доставлять имъ поощренiя.

Музыкѣ не учась, судилъ объ ней какъ знатокъ, любилъ въ оной все важное и возвышенное; многихъ музыкантовъ и виртуозовъ имѣлъ на своемъ иждивенiи и въ ободренiе доставлялъ имъ покровительство. Онъ имѣлъ собственный оркестръ огромный и усовершенствованный, не рѣдко посвящалъ часы на слушанiе концертовъ и хоровъ, въ покояхъ его даваемыхъ; при сихъ случаяхъ онъ былъ обществененъ, любилъ, чтобы многiе приходили; не рѣдко давалъ балы, а особливо бывая въ краяхъ имъ управляемыхъ, и когда всѣ веселились, тогда или наслаждался зрѣлищемъ общаго удовольствiя, или занимался игрою въ шахматы, въ которой былъ знатокъ.

Онъ желалъ имѣть въ своемъ вѣденiи Академiю Художествъ. Покойный графъ Завадовскiй, свѣдавши сiе, сказалъ князю, что въ этомъ онъ не встрѣтитъ препонъ; но на сiе получилъ слѣдующiй отъ князя отвѣтъ: „Я увѣренъ, что государыня мнѣ въ „этомъ не откажетъ; но сiе самое уморитъ Ивана Ивановича Бецкаго; пускай онъ умретъ своею смертiю, тогда еще время будетъ".

Въ словѣ отечественномъ князь Григорiй Александровичъ былъ свѣдущъ и углублялся въ изслѣдованiи языка; витiевъ и поэтовъ уважалъ, и изъ современныхъ людей, въ семъ отличавшихся, предпочиталъ другимъ Василiя Петровича Петрова, прославившаго себя совершенствомъ перевода съ Латинскаго текста на Россiйскiй языкъ Виргилiевой Энеиды. Изъ литераторовъ особливо уважалъ Ивана Никитича г. Болтина, которому далъ идею и просилъ сдѣлать возраженiе на сочиненную Леклеркомъ Россiйскую исторiю. Друженъ былъ къ покойному Евграфу Александровичу Черткову, за то что сей никогда не уступалъ ему въ спорахъ.

Князь Григорiй Александровичъ, какъ по собственнымъ чувствованiямъ, такъ и по образу мыслей великой государыни, не входилъ никогда въ таинственныя общества, славившiяся мистичествомъ; но имѣлъ истинное уваженiе къ догматамъ и обрядамъ вѣры, многихъ духовныхъ особъ почиталъ и отличалъ, а въ вышней степени былъ друженъ съ митрополитами Гаврiиломъ и Платономъ.

По мѣсту, занимаемому имъ, князь конечно не чуждался щедротъ великiя монархини, и для поддержанiя званiя своего не устранялся богатствъ; но не простиралъ видовъ къ прiобрѣтенiю великихъ помѣстiевъ. Жалованное ему воеводство Кричевское обмѣнилъ онъ съ княземъ Ксаверiемъ Любомирскимъ, придавъ ему знатную сумму, на воеводство Смѣлянское, бывшее тогда подъ владѣнiемъ Польши; и сiе, какъ кажется, сдѣлалъ по тремъ причинамъ: 1-е чтобъ при удобномъ случаѣ вступить въ сословiе Польскихъ магнатовъ и правами ихъ воспользоваться. 2-е что Смѣлянское воеводство было погранично Екатеринославской губернiи, и подавало ему способность пользоваться выгодами такой близости. 3-е что оное

воеводство изобиловало строевымъ корабельнымъ лѣсомъ, который могъ онъ обратить для сооружаемаго въ Херсонѣ флота. Но впрочемъ князь Григорій Александровичъ, естьлибы желалъ, могъ бы въ Екатеринославской и въ Таврической губерніяхъ получить обширнѣйшія и лучшія дачи и населить ихъ по примѣру многихъ; но напротивъ того, казалось, что онъ о своихъ выгодахъ и не мыслилъ; а при покореніи Тавриды получилъ въ удѣлъ долину Байдарскую, мало значущее, но прекраснѣйшее мѣсто около Судака къ Черному морю и назвалъ было оное Темпейскою долиною.

Однакожъ, какъ доходовъ получаемыхъ имъ, такъ жалованья и дарованныхъ огъ императрицы немалыхъ суммъ, никогда для жизни его не доставало; онъ имѣлъ всегда долги, которые сколь ни уплачивалъ, но оныхъ болѣе накоплялось, потому что любилъ строиться, держалъ музыку, дѣлалъ пиршества и въ домашней жизни былъ не бережливъ, оставляя попеченіе о своихъ дѣлахъ тѣмъ людямъ, на которыхъ безъ ограниченія во всемъ полагался. Денегъ же при себѣ никогда не нашивалъ и давать ихъ изъ рукъ своихъ не любилъ; но былъ щедръ, любилъ дѣлать вспоможеніе и просящимъ собственно отъ него помощи не отказывалъ, давая имъ или записки на полученіе денегъ или отсылая къ тѣмъ людямъ, у коихъ самъ заимствовался деньгами. Къ приближеннымъ своимъ и къ служителямъ былъ добръ, милостивъ, благодѣтеленъ и не премѣнчивъ къ нимъ въ привязанности.

Князь Григорій Александровичъ, будучи еще въ лѣтахъ цвѣтущей молодости, при первомъ времени возвышенія своего, любилъ являться въ публику въ пристойномъ, но великолѣпномъ убранствѣ, при чемъ послѣдовалъ общему вкусу или модѣ и не оставлялъ украшаться драгоцѣнностями, коихъ отъ щедротъ императрицы имѣлъ на миліоны. Портретъ императрицы, жалованный ему, былъ обдѣланъ 4-мя большими и 4-мя меньшими бриліантами, стоившими по тогдашней цѣнѣ болѣе 300 т. руб. Эполетъ состоялъ изъ семи солитеровъ, кои занимали все плечо его, и когда присовокупить къ онымъ звѣзды, ордена, шпагу, вѣнецъ жалованные, то все вмѣстѣ составитъ сумму не частнаго лица. При торжествахъ и церемоніялахъ онъ, одѣваясь во вкусѣ высшаго щегольства, любилъ украшаться оными, являя, что все то получилъ отъ щедротъ монархини. Но тогда, когда бывалъ онъ у себя, занимаясь дѣлами или въ дорогѣ, или для успокоенія, то вовсе не любилъ одѣваться, бывая обыкновенно или въ форменной шинелѣ, или въ шлафоркѣ, не причесаннымъ, въ чулкахъ не подвязанныхъ и въ туфляхъ: въ такомъ костюмѣ нерѣдко совершалъ быстрые свои переѣзды отъ сѣвера на югъ. Зимою онъ ѣзжалъ въ открытыхъ саняхъ, съ неокутанною головою и грудью, хотя бы иней и вьюга занесли его снѣгомъ: онъ пренебрегалъ всякія суровости воздуха и не любилъ нѣжиться. Табакерокъ и часовъ никогда не нашивалъ, первыхъ потому что не употреблялъ табаку, а послѣднихъ для того, какъ самъ говаривалъ, что и безъ оныхъ могъ узнавать время и не пропустить нужнаго ему часа. Но сими вещами любилъ дарить окружающихъ его.

Князь Григорій Александровичъ, имѣя по сану своему и разнымъ должностямъ многочисленнѣйшій штатъ, содержалъ домъ свой великолѣпно, и-

мѣя въ ономъ все рѣдкое и драгоцѣнное. Столъ его состоялъ изъ лучшихъ и рѣдкихъ яствъ, но онъ къ нимъ не былъ пристрастенъ и блюда Русскія предпочиталъ иностраннымъ. Стерляжья уха, осетры и другія лучшія рыбы, ветчина, жирныя птицы, приготовленныя національно, составляли любимыя его блюда; для десерту: моченыя яблоки, соленыя груши и сливы, иногда кислая капуста, рѣдька, морковь, клюква предпочтены имъ были самымъ ананасамъ. Къ странности князя должно причесть, что нерѣдко такое простое блюдо стоило ему дороже иностранныхъ рѣдкостей. Къ напиткамъ крѣпкимъ онъ вовсе не имѣлъ склонности, любилъ имѣть въ домѣ своемъ самыя лучшія и рѣдкія вина, но всякимъ питіямъ предпочиталъ хорошіе кислощи, коихъ, естьли кто даривалъ ему нѣсколько бутылокъ, то тѣмъ его обязывалъ.

Въ общежитіи, съ приближенными своими, онъ былъ непринужденъ и не терпѣлъ излишней чинности, чрезъ что всѣ предъ нимъ были искренни. Иногда любилъ онъ слушать остроумные пересказы дневныхъ новостей, а въ веселый часъ любилъ и самъ разсказывать шуточное. Но въ дѣлахъ не терпѣлъ ни болтливости ни хвастовства, въ намѣреніяхъ же важныхъ былъ столь скроменъ, что никто не могъ хвалиться вывѣдываніемъ его тайны; въ сихъ обстоятельствахъ онъ былъ непроницаемъ и самыми приближенными. Онъ не могъ терпѣть излишняго самонадѣянія тѣхъ людей, кои на благорасположеніе его уповали. Однажды нѣкоторый чиновникъ, желая показать себя значущимъ при князѣ, въ торжественный день при многочисленномъ собраніи, когда князь, причесавшись въ пріемной комнатѣ, пошелъ въ свою уборную (въ каковомъ случаѣ онъ не любилъ быть со многими) и когда за княземъ пошли двое изъ его ближнихъ, которымъ сіе дозволено было; то и тотъ чиновникъ, желая показать всѣмъ протчимъ, что и онъ къ князю близокъ, послѣдовалъ за нимъ въ уборную изъ пріемной комнаты. Князю непріятна была сія наглость; но какъ онъ былъ въ веселомъ духѣ, то чтобъ не обидѣть его чувствительно, сказалъ вошедшему въ уборную тому чиновнику, назвавъ его по имени и отечеству: „N. N—подите, посмотрите кто „есть въ той комнатѣ, да не приходите назадъ мнѣ о томъ сказывать“.

Нѣкоторые писатели, а особливо иностранные, отзываются о князѣ Потемкинѣ какъ о сластолюбивомъ обожателѣ женскаго пола. Но естьли позволено о семъ разсуждать, то и я скажу, что въ семъ обстоятельствѣ онъ былъ не свыше слабостей человѣческихъ, и былъ при томъ мущина прекрасный и по всѣмъ отношеніямъ привлекательный. Да кто же изъ великихъ людей не подверженъ былъ сей страсти? Но склонности князя Потемкина къ прекрасному полу были самыя благородныя, не соблазнительныя, не производящія разврата; естьли онъ иногда имѣлъ сокровенныя связи, то не обнаруживалъ оныхъ явно; не тщеславился, подобно многимъ знаменитымъ людямъ, своими метресами, и не заставлялъ чрезъ нихъ искать у себя защиты и покровительства.

Сей незабвенный сынъ отечества любилъ въ немъ все отечественное! То истинно, что Петръ Великій, преображая цѣлую націю, для скораго перелома въ народѣ грубой привязанности къ суевѣрію и для немедленнаго введенія просвѣщенія, долженъ былъ принять образцы иностранные въ

обычаяхъ и въ одѣяніи; на тотъ разъ сіе было необходимо и произвело пользу ощутительную. Но все, введенное Петромъ Великимъ отъ иностранцовъ, было просто и не принужденно, а особливо въ разсужденіи одежды и устройства войскъ. Изъ сего въ послѣдствіи родился совершенный воинскій педантизмъ; послѣ войны съ Пруссіею, подражаніе Прусскимъ войскамъ ввело въ нашу армію букли, косы, пудру, лакировку, вытяжку и многія такъ сказать кукольныя занятія, изнурявшія совершенно воина, отнимавшія у него здоровье и время отдохновенія, похищающія скудное жалованье на предметы прихоти начальниковъ, сверхъ того подвергало каждаго солдата строгимъ взысканіямъ за упущеніе тѣхъ ничтожествъ; и войска получили такой чужеземной и неприродной Россіянину видъ, что и самъ образователь нашъ Петръ Великій не узналъ бы тогда своего творенія. Къ сожалѣнію пристрастіе къ сему щегольству вышнихъ начальниковъ сдѣлало изъ сего родъ военной науки и воинской обязанности среди самыхъ браней. Князь Григорій Александровичь, зная совершенно духъ народный, вѣдая, что поддержать оный должно доставя воину выгоды, уваженіе, непринужденность и сбереженіе здоровья, рѣшился произвесть реформу, отмѣня щегольство, сколь суетное, не менѣе того отягощающее солдата во всѣхъ отношеніяхъ, для чего представя о семъ предметѣ императрицѣ свое мнѣніе, открылъ всѣ родившіяся отъ введенія щегольства неудобства и невыгоды для солдатъ; изъясняя, что Спартанцы и Римляне непобѣдимы были не отъ щегольства и принужденности, что прямая дисциплина основана на здравомъ разсудкѣ; въ заключеніе сказалъ сіи незабвенныя слова: „солдатской туалетъ долженъ быть таковъ — какъ всталъ то готовъ.“ Такимъ образомъ испрося у императрицы высочайшее разрѣшеніе, произвелъ преобразованіе, отбросилъ все излишнее и изнуряющее солдата; и тѣже воины, съ головами остриженными, безъ буколь и безъ Прусскихъ косъ, безъ лакированныхъ ремней, не стянутые и не шнурованные, въ мундирахъ удобныхъ и покойныхъ, въ украшеніяхъ приличныхъ и единообразныхъ, казались красивѣе и величественнѣе, а на полѣ брани явились бодрѣе, свѣжѣе, и можно сказать, что не машинально, но по чувству и усердію храбрыми и непоколебимыми. Рекруты, не тратя времени на изученіе туалета и принужденной вытяжки, выучась стрѣлять, становились въ строй и не различались мужествомъ отъ старыхъ воиновъ.

Подобное сему чувство уваженія ко всему отечественному и народолюбленіе были причиною, что двери въ домѣ его были всегда отверзты для простолюдиновъ всякаго промысла и званія: онъ любилъ входить съ ними въ разсужденія и вопросами своими заставлялъ ихъ объясняться откровенно; въ такомъ множествѣ случаевъ, удерживалъ онъ въ твердой своей памяти все, что къ свѣдѣніямъ его было нужно и для общаго блага полезно. Нерѣдко занимался онъ бесѣдованіемъ съ старообрядцами, позволялъ нѣкоторымъ изъ нихъ читать себѣ ихъ старыя книги, вникалъ въ ихъ разумѣніе и дѣлалъ свои замѣчанія. Симъ привлекъ ихъ въ Екатеринославскую губернію, возвратя изъ Польши и изъ Молдавіи нѣсколько тысячь семействъ, бѣжавшихъ изъ Россіи въ началѣ прошедшаго

столѣтія и усыновилъ ихъ къ церкви тамошней епархіи.

Предъ послѣднею эпохою жизни своей, получа начальство надъ флотомъ Черноморскимъ, онъ не оставилъ, чтобъ не вникнуть въ познаніе сей части государственнаго служенія; сколь ни обширна часть сія, но для быстраго его понятія и острой памяти не многаго стоило труда пріобрѣсть самонужнѣйшія свѣдѣнія; и въ продолженіе послѣдней съ Турками воины, получая отъ командовавшаго корабельнымъ флотомъ контръ-адмирала Ушакова о баталіяхъ, имъ одержанныхъ надъ Турецкимъ флотомъ, рапорты съ чертежами сраженій, князь Григорій Александровичь безъ посторонняго посредства могъ судить какъ о дѣйствіяхъ флота и каждаго корабля, такъ и о томъ, что̀ бы можно было при положеніи флота въ сраженіи произвести къ лучшему успѣху. Въ познаніи названій лѣсовъ, изъ коихъ составляются части корабля и въ наименованіи корабельныхъ снастей онъ достаточно былъ свѣдущъ: сіе посмерти его засвидѣтельствовалъ бывшій флота адміралъ Иванъ Логиновичь Голенищевъ-Кутузовъ, который съ удивленіемъ о семъ расказывалъ. Между протчимъ замѣтить должно, что по его мнѣнію, корабельной мастеръ полковникъ Аѳонасьевъ сostроилъ первые фрегаты толстостѣнные, на коихъ поставя артиллерію большаго калибра, можно во время сраженія дѣйствовать оными съ выгодою въ линіи кораблей. Первый изъ сихъ фрегатовъ былъ названъ Григорій Великія Арменіи. Также по его изобрѣтенію, о чемъ и выше упомянуто, перестроены суда для дѣйствія противъ Турокъ тѣ самыя, которыя для путешествія государыни приготовлены, и его попеченіемъ построены канонерскія лодки, защитившія на Лиманѣ славу Херсона.

Князь Григорій Александровичь, будучи всегда занятъ мыслями о дѣлахъ имъ производимыхъ, не рѣдко казался скучнымъ, развлеченнымъ и неприступнымъ; но сіе думали одни не знавшіе его; напротивъ того, онъ мгновенно отъ углубленныхъ думъ переходилъ въ веселое расположеніе духа, чего при свойствѣ неприступнаго человѣка никогда не встрѣчается.

Но что онъ былъ благосердъ и великодушенъ, то сіе тѣмъ подтверждается, что во все время возвышенія своего и могущества у престола, онъ никого не сдѣлалъ несчастнымъ; никакого лица никакой фамиліи не гналъ; и имѣя многихъ враговъ, не старался и не искалъ имъ мстить: но, напротивъ того, многимъ изъ нихъ съ безпристрастіемъ отдавалъ справедливость по заслугамъ, оказаннымъ отечеству, и старался, когда то отъ него зависѣло, доставить выгоды и высочайшія награды. А ежели ему говорили, что такой-то ищетъ и старается ему вредить, то въ такихъ случаяхъ онъ отвѣтствовалъ: „чтожъ онъ можетъ мнѣ сдѣлать“? и оставлялъ сказанное ему безъ замѣчанія и безъ всякаго вниманія.

По симъ-то чертамъ благосердія и правоты виденъ въ немъ былъ духъ великій, съ коимъ онъ жилъ и скончался, оставя злословящимъ его укоризну совѣсти и утвердя на вѣкъ воспоминаніе признательныхъ; по чему и нѣтъ сомнѣнія, что справедливое потомство не откажетъ ему въ достоинствѣ истиннаго сына отечества и въ имени великаго человѣка.

Конецъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕВАСТОПОЛЬЦА (*).

«Странная судьба Русскихъ: видѣть дальше сосѣдей, видѣть мрачнѣе и смѣло высказывать свое мнѣніе — Русскихъ, этихъ нѣмыхъ, какъ говоритъ Мишле».

„Знаете ли вы старую сказку, сударыня: это необыкновенная сказка, только ужъ слишкомъ меланхолическая" ([1]).

И я разскажу вамъ одну старую сказку черезъ-чуръ меланхолическаго свойства. Все это дѣйствительно обратилось въ невѣроятную старину. Такъ бѣжитъ время, такъ бѣжимъ мы сами!

Въ 1783 году, контръ-адмиралъ Мекензи отправился, по высочайшему повелѣнію, изъ Таганрога въ Крымъ, съ цѣлію отыскать бухту, удобную для устройства военнаго порта. Херсонезская бухта, извѣстная еще и древнимъ, представила всѣ необходимыя къ тому условія, имѣя около 10 верстъ въ длину, почти вездѣ около версты въ ширину и отъ 5 до 20 саженъ въ глубину, съ самыми незначительными рифами, мѣстахъ въ двухъ-трехъ.

Кажется, это самая первая бухта въ мірѣ. Адмиралъ Мекензи, обозрѣвъ ее, основалъ тогдаже портъ на мѣстѣ бывшаго татарскаго селенія Ахтіяра ([2]) и назвалъ его Севастополемъ.

Что дало поводъ къ этому названію, рѣшить трудно. Севастополь значитъ по русски „городъ досточтимаго" т. е. Бога, или императора. Греческое σεβαστός, какъ и латинское augustus, досточтимый, священнѣйшій, — придавалось въ древности только однимъ богамъ; но въ 16 году по Р. Х. эпитетъ augustus перенесенъ, особымъ постановленіемъ сената, и на царствовавшаго тогда императора Октавіяна. Тоже самое отнеслось и къ греческому переводу augustus — σεβαστός. На Кавказѣ, въ мѣстахъ нынѣшней Аваріи, находился древній городъ Севастополь, который могъ быть „городомъ досточтимаго Зевса" (тамъ былъ и храмъ Зевсу) и городомъ одного изъ Августовъ. Вѣроятно этотъ-то Севастополь и далъ имя нашему, которое взято, можетъ быть, безъ всякой особенной мысли.

Такъ родился этотъ военный портъ, сначала весьма не важный.

Въ 1787 году, императрица Екатерина посѣтила Севастополь и, катаясь по рейду на шлюпкѣ, проплыла отъ Инкерманскихъ высотъ до пристани, названной ея именемъ, но утвердившейся въ народѣ подъ именемъ Графской, потому что ее строилъ графъ Войновичь. Близь этой пристани былъ и домикъ, не большой каменный, въ одинъ этажъ, гдѣ жила государыня, въ слѣдствіе чего онъ получилъ величественное названіе Екатерининскаго дворца. Этотъ домикъ стоялъ до послѣднихъ дней осады и разрушенъ только при нашемъ отступленіи, болѣе собственными нашими снарядами и пожаромъ. Очерка его, кажется, нигдѣ не сохранилось. Извѣстный художникъ Тиммъ, владѣющій такимъ бойкимъ карандашомъ и бывшій при Великихъ Князьяхъ въ Севастополѣ, съ начала осады, имѣлъ плохихъ

(*) Мы думаемъ, что всякое свидѣтельство очевидца о славной осадѣ Севастопольской, при всей неизбѣжной односторонности личнаго наблюденія и исключительности личнаго мнѣнія, будетъ имѣть цѣну на вѣсахъ послѣдующей, безпристрастной исторіи, и потому считаемъ полезнымъ закрѣпить печатью и эти попавшіе къ намъ въ руки отрывки, тѣмъ болѣе, что взглядъ автора ихъ на нѣкоторые предметы вполнѣ своеобразенъ и независимъ. *П. Б.*

([1]) Гейне.

([2]) Ахтіяръ — по русски Бѣлый Утесъ. Татары до сихъ поръ зовутъ Севастополь Ахтіяромъ. — Адмиралъ Мекензи, въ послѣдствіи, построилъ на одной высотѣ, близь впаденія Черной рѣчки въ бухту, хуторъ, который и названъ Мекензіевымъ, а потомъ и самая гора, гдѣ былъ хуторъ, получила прозваніе Мекензіевой.

руководителей и мало могъ воспользоваться такимъ драгоцѣннымъ случаемъ и средствами, которыя были ему предоставлены.

При Екатеринѣ же построены въ Севастополѣ первыя укрѣпленія и снабжены орудіями. Тогда основанъ черноморскій флотъ.

Довольно долго Севастополь глядѣлъ незавиднымъ городкомъ. Онъ становится на степень замѣтнаго и дѣятельнаго города только при послѣднихъ командирахъ черноморскихъ портовъ: Грейгѣ и Лазаревѣ.

Грейгъ былъ человѣкъ необыковенныхъ способностей, но страстный и слабый. Трудно узнать у насъ что нибудь настоящее о человѣкѣ, даже и недавно умершемъ. Мы нестерпимо-равнодушны къ отечественной исторіи, да и ко всему. Сколько погибло страницъ, не озаренныхъ никакимъ свѣтомъ! И Грейгъ — одна изъ такихъ страницъ. У насъ все кончается пустѣйшей реляціей, не имѣющей никакой физіономіи, или щедушной статейкой въ энциклопедическомъ лексиконѣ, обыкновенно дифирамбическаго свойства, гдѣ выведутъ перечень разнымъ пустякамъ, упомянутъ обо всѣхъ повышеніяхъ чинами, часъ въ часъ, а яснаго очерка лица, его характера нѣтъ какъ нѣтъ: и не спрашивайте!

Грейгъ, сколько я могу судить по всему, что̀ я слышалъ о немъ въ Севастополѣ и Николаевѣ, имѣлъ чрезвычайные замыслы. Стоитъ взглянуть на 47 огромныхъ чертежей по предмету укрѣпленія Севастополя, сдѣланныхъ подъ руководствомъ Грейга и нынѣ хранящихся въ Николаевской библіотекѣ, чтобы судить что это былъ за человѣкъ. Линіи этихъ укрѣпленій, имъ начертанныя, совершенно совпадаютъ съ тѣми (покрайней мѣрѣ въ главномъ), какія указала наука и практика его потомкамъ, когда пришлось выдерживать натискъ четырехъ націй. Что, если бы послушали *тогда* Грейга и укрѣпили городъ такъ, какъ онъ начерталъ?....

Но увы! Остались только одни чертежи, и то неизвѣстные нашему равнодушію. Объ нихъ нигдѣ и не упомянуто.

Разныя печальныя обстоятельства, злоупотребленія по казеннымъ подрядамъ, наводненіе флота Греками до того, что греческій языкъ въ каютъ-кампаніяхъ вытѣснялъ русскій и еще коекакія вещи, пока остающіяся подъ завѣсой — заставили Грейга подать въ отставку. Попросту сказать: онъ палъ. Его управленіе представляетъ только легкій и небрежный абрисъ, можетъ быть, во многомъ безукоризненный; но дабы ему сдѣлаться картиной, необходимо было прикосновеніе другой, болѣе рѣшительной кисти. Доки, водопроводы, библіотека: это были не конченные эскизы, которые попались по счастію въ руки человѣка, способнаго ихъ дорисовать.

Этотъ человѣкъ былъ Лазаревъ, характеръ преимущественно ровный, какіе всего нужнѣе въ жизни, безъ всякихъ чрезвычайныхъ способностей, но твердой, крѣпкой воли: достаточно взглянуть на его портретъ, эту извѣстную сутулую фигуру, сбитую какъ кремень; даже на движеніе этой руки, держащей неизбѣжную морскую трубу.

Лазаревъ началъ съ уничтоженія во флотѣ Грековщины-Грейговщины, какъ тогда выражались Иные Греки, чтобы удержаться, перестроились въ Русскихъ: такъ изъ Егораки вышелъ Егоровъ, изъ Кутраки Кутровъ, изъ Ендагури — Ендагуровъ.... Инымъ, впрочемъ, удалось остаться и съ греческими окончаніями.

Потомъ закипѣли работы по укрѣпленію береговъ; выстроены батареи: Павловская, Николаевская (обѣ въ 1837), Михайловская, 4-й номеръ, оборонительная стѣнка по южной сторонѣ, окончены Доки, построены Театръ и Собраніе. Въ заключеніе, украсилась Библіотека (3), изящнѣйшее зданіе Севастополя, замѣчательная въ особенности по отдѣлкѣ внутри и порядку, въ ней за-

(3) Русскій Худож. Листокъ 1855, № 26.

веденному. Я нигдѣ не видалъ такой мебели и такихъ стеколъ въ окнахъ, какія были тамъ. Скажу одно, что вся мебель, всѣ громадные шкапы, столы и даже самыя двери были цѣльнаго краснаго дерева и чрезвычайной работы.

Севастополь росъ не по днямъ, а по часамъ.... Но, между тѣмъ, кто зналъ объ этомъ? Скажите на милость, много ли разъ слышали вы на школьныхъ лавкахъ имя Севастополь? Кто изъ насъ, 15 лѣтъ тому назадъ, думалъ и представлялъ себѣ, что тамъ, на югѣ Россіи, есть первая въ мірѣ бухта, живетъ семья лихихъ моряковъ, и ими правитъ необыкновенный дѣятель, подъ рукою котораго все такъ и кипитъ, вращаются и крѣпнутъ удивительныя силы. Точно во снѣ, въ далекомъ таинственномъ мірѣ, за моремъ-окіяномъ, „яко зерцаломъ въ гаданіи", рисовалось иногда что-то такое и долетали кой-какіе звуки; но никому не было дѣла до отдаленныхъ, заморскихъ событій.... Городокъ росъ и крѣпчалъ, безучастно со стороны Россіи, и выработалъ свой особенный, безпардонный характеръ; но никогда бы не выработать ему этого характера, если бы онъ не былъ такъ изолированъ, если бъ его не бросили. По счастію, его бросили, и это пренебреженіе къ нему всей Россіи обратилось ему во благо.

Самыя женщины Севастополя, рыночныя бабы, отличались смѣлостью и чувствомъ человѣческаго достоинства. Я видѣлъ самъ, какъ уже въ наше время, одна баба прибила палкой офицера, приставленнаго смотрѣть за рынкомъ въ Сѣверной балкѣ, прибила по случаю какакой то незаконной выходки съ его стороны.

Крѣпко трещали флотскіе кутежи и высоко летали пробки. Говорятъ, одинъ Нахимовъ выпилъ въ это время столько марсалу, что можно бы было вымыть три раза три палубы трех-дечнаго корабля. И что́ всего забавнѣе: говорятъ, онъ же самъ объ этомъ разсказывалъ, употребляя приведенное сравненіе (4). Крымскій народъ зналъ о кутежахъ безпардоннаго городка и когда грянула осада, говорилъ, что это „по грѣхамъ Севастополю, палъ огнь и жупелъ, какъ на Содомъ и Гоморъ."

И вотъ, неожиданныя событія выдвигаютъ впередъ всѣхъ именъ это незнаменитое имя, и оно облетаетъ весь свѣтъ, такъ что, подъ конецъ, не осталось уголка, гдѣ бы не говорили о Севастополѣ. Едва ли было событіе, въ которомъ принималъ такое энергическое участіе рѣшительно цѣлый свѣтъ. Съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ждалъ каждый Европеецъ, занесенный Богъ вѣсть куда, на какой нибудь самый послѣдній островокъ Тихаго океана, — ждалъ рѣшенія участи этого, уже знаменитаго тогда, города, и всѣ сердца вздрогнули разомъ, когда часъ его пробилъ.

*

Нечего разсказывать о томъ, какъ началась послѣдняя восточная война.

Мы были къ ней не готовы ни съ какой стороны. Не говорю уже о разстроенныхъ финансахъ, о крайне плохомъ состояніи крѣпостей и фортовъ Чернаго и Балтійскаго морей, въ особенности перваго (5); о недостаткѣ хорошихъ путей сообщенія; но главный и существенный предметъ въ веденіи войны—солдаты, были только красивы на парадахъ и больше ничего. Мы хлопотали единственно о ихъ блескѣ, о разныхъ фокусахъ въ маршировкѣ и ружейныхъ пріемахъ, а что́ дѣлалось въ

---

(4) Все это привожу какъ слухъ Что́ касается до моихъ личныхъ наблюденій, я видѣлъ Нахимова на веселѣ, во всѣ наши встрѣчи, только одинъ разъ. За его столомъ я не видывалъ ничего кромѣ легкихъ винъ, сотерна, хереса и т. п. Но и до тѣхъ онъ, сколько я могъ замѣтить, почти не дотрогивался.

(5) См. статью въ 7 номерѣ Воен. Сборника 1858: „Дѣйствія на Днѣпровско-бугскомъ Лиманѣ", стр. 149—153, 155—156.

это время съ другими европейскими войсками, какія улучшенія вводились въ нихъ, объ этомъ едва ли знали по наслышкѣ. Невѣроятно, до чего дошли требованія выправки, до чего изломался, изуродовался солдатъ въ эту несчастную эпоху, какъ извратились всѣ служебныя понятія въ немъ и въ командующихъ. Все сосредоточилось въ смотрахъ, въ подготовленномъ оптическомъ обманѣ глазъ. Только и думы было, что о смотрахъ. Безъ смотровъ не было спасенія. Солдатъ заботился только о томъ, что требовалось на смотру: *чистота*, *выправка*, *темпы*, но что-либо дѣйствительно-необходимое для войны, какъ напр. „стрѣльба въ цѣль" представлялось ему ничѣмъ инымъ, какъ прихотью ближайшаго начальства: ибо онъ зналъ очень хорошо, по опыту, что смотръ (т. е. главное, къ чему стремились) сходилъ съ рукъ бо̀льшею частію безъ всякой стрѣльбы. Мало этого, онъ считалъ стрѣльбу въ цѣль какъ бы наказаніемъ, потому что начальство, употребляя все время на изученіе одного необходимаго на смотрахъ, занимало солдатъ стрѣльбою въ тѣ часы, которые были предоставлены имъ для отдыха, и смотрѣло на это сквозь пальцы, т. е. ходи, или не ходи иной солдатъ на такую стрѣльбу; и были доки, умѣвшіе лавировать такъ, что имъ приходилось являться на смотръ, не сдѣлавъ въ году формально ни одного выстрѣла. Отсюда родилась поговорка, что солдаты учатся стрѣлять только на смотру. Да еслибъ, наконецъ, иной ближайшій начальникъ и вздумалъ обратить серьезное вниманіе на стрѣльбу, онъ бы остался при одномъ желаніи, потому что число выдаваемыхъ патроновъ было недостаточно для практики: 3 патрона круглымъ счетомъ на человѣка въ годъ. Уже самая эта ограниченность въ выдачѣ патроновъ свидѣтельствовала очень ясно, что это не нужно, а есть что то другое... И это другое было отыскано и доведено до изумительнаго, неповторяемаго въ вѣкахъ совершенства. Точность выправки дошла до того, что иные начальники говорили: „Подай впередъ корпусъ тѣла между 5-ю и 6-ю пуговицей!", отъ чего этихъ господъ прозвали костоправами. Въ ружейныхъ пріемахъ нашли возможность кокетства и граціи; при маршировкѣ требовали уха въноскѣ. Любовь къ симметріи дошла до того, что попробуй иной офицеръ, во время маневровъ, выдвинуть свою батарею на выгодное мѣсто, даже присовѣтуй только,—онъ сейчасъ становится врагомъ начальника, нарушителемъ чего то такого, до чего нельзя касаться даже и мыслію. Говорить о томъ, что никакой на свѣтъ строй, съ самыхъ древнихъ временъ, не походилъ на наши боевые порядки — значило терять репутацію хорошаго офицера и всѣ выгоды по службѣ. Но главный предѣлъ желаній это былъ *церемоніальный маршъ*, эти сколоченныя части, эти шеренги какъ три струны, — въ моментъ, когда они равняются съ начальникомъ. Церемоніальный маршъ породилъ великихъ артистовъ и поэтовъ этого дѣла. При видѣ сформированнаго такимъ образомъ дивизіона или взвода, начальникъ, когда солдаты проходили мимо него церемоніальнымъ маршемъ, восклицалъ восторженно, ударяя въ тактъ по ляжкѣ и забывая все на свѣтѣ: „разъ-два! иди смѣло! играй носкомъ! вали стѣной! руби землю! печатай!" Церемоніальный маршъ полковыми колоннами называли „зрѣлищемъ боговъ". Дѣйствительно, нужно было время и невѣроятныя усилія сколотить колонну въ 2500 человѣкъ такъ, чтобы все это двигалось какъ натянутыя струны. Маршъ полковыми колоннами былъ апоѳеозою учебнаго шага; къ нему подготовляли исподволь и имъ завершались лѣтнія занятія. Но разумѣется, при такихъ нечеловѣческихъ требованіяхъ, какъ ни хлопочи, вѣчно можно было придраться, найти иную струну не струною. И были начальники, которые при самомъ идеальномъ исполненіи, все-таки ругались и распекали. Съ такими была одна снаровка: если производящій смотръ ѣдетъ

на правый флангъ, то поѣзжай на лѣвый; а ѣдетъ на лѣвый, поѣзжай на правый: иначе непремѣнно распекутъ!

Легко понять что доведеніе войскъ до этого неслыханнаго блеску и чистоты въ ружейныхъ и другихъ пріемахъ, требовало неизбѣжной суровости обращенія. Надъ всѣми оцѣпенѣвшими массами войскъ висѣлъ вѣчный Дамокловъ мечъ—зуботычина и шпицрутенъ. Наказаніе вошло въ плоть и кровь солдатскаго ученья, стало просто и невозмутительно ни въ какихъ размѣрахъ и варіаціяхъ. Одинъ ротный командиръ бился, бился со своей ротой, въ ожиданіи смотра, и никакъ не получалъ желаемаго результата. Вдругъ его озарила счастливая мысль: онъ скомандовалъ 1-й шеренгѣ повернуться на лѣво кругомъ и дать въ зубы 2-й шеренгѣ; потомъ 2-й шеренгѣ дать въ зубы 1-й, затѣмъ: 2-я шеренга налѣво кругомъ дай въ зубы задней! и т. д. И это было выполнено безъ замедленія, очень просто, какъ ни въ чемъ не бывало. Но неизвѣстно, принесло ли пользу.

Теперь не мѣшаетъ сказать, сколько солдатъ получалъ жалованья. Окладъ рядоваго армейца 2 руб. 70 коп. сер. въ годъ; гвардейца 4 р. 50 к. въ годъ и 90 коп. сер. на именины. Это, по армейству, почти то же, что̀ получалъ солдатъ Петра Великаго (т. е. около полутораста лѣтъ назадъ) именно: 6 рублей въ годъ, но тогда (1722 годъ, Сѣверная Пчела 1852, № 257) ведро вина стоило рубль, пудъ говядины 55 коп., пудъ коровьяго масла 1 руб. 91 к., а черезъ 125 лѣтъ ведро вина 4 р. сер.; пудъ говядины 4 руб., сер. пудъ масла 6 руб. сер. (6).

Спрашивается: какъ же тутъ существовать? не то, что ѣсть и пить — на это отпускался ротнымъ командирамъ особый провіантъ—а имѣть хоть мыльцо, мѣлокъ, щеточку, нитку, иголку и тьму тьмущую мелочей, необходимо-потребныхъ солдату? Отсюда развилось житье на шерамыгу, какъ нибудь, путемъ различныхъ безпорядковъ, впрочемъ вообще весьма свойственныхъ Россіи.

Судите же, послѣ всего сказаннаго, что̀ это была за армія. Изъ всѣхъ этихъ страшныхъ массъ, доходившихъ, говорятъ, до полутора милліона штыковъ и сабель, необходимо однако же исключить одну, хоть и значительную, но неподвижную часть настоящей арміи, армію безъ фокусовъ и темповъ: это армія Кавказская, которой было тогда 270 тысячъ — истинно великолѣпныхъ солдатъ. Но изъ этой арміи мы не могли взять ни одного штыка; напротивъ, какъ увидятъ ниже, посылали къ ней подкрѣпленія изъ Крыма.

Однако же, все-таки, страшныя массы могли бы что-нибудь сдѣлать, если бы ихъ двинули вдругъ, даже по дурнымъ дорогамъ. Война могла постепенно ставить ихъ на настоящую ногу, что̀ послѣ и вышло. Но, въ роковыхъ судьбахъ тогдашней Россіи было обстоятельство, которое парализировало и съ этой стороны всякую возможность устава: мы были избалованы старой (болѣе всего турецкой) славой, и намъ казалось, что двадцати тысячъ Русскихъ довольно противъ *сорока* тысячъ какихъ бы то ни было басурманъ. Повѣрятъ ли, что многіе весьма почтенные и неглупые люди тогдашняго времени раздѣляли это странное мнѣніе цѣлой націи (*).

До какой степени неудачливо дѣйствовала наша Дунайская армія, это вы

(6) Въ 1860 году я прицѣнялся ко всему этому въ одномъ губернскомъ городѣ средней полосы Россіи: фунтъ коровьяго масла стоилъ 20 к. сер. (пудъ 8 рублей) фунтъ конопляннаго 13 к. сер., фунтъ говядины 5 и 7 коп. (2 руб. и 2 80 к. пудъ), десятокъ яицъ, въ маѣ, 5 и 6 коп. сер.

(*) Авторъ упускаетъ изъ виду, что такое мнѣніе утверждалось на многочисленныхъ опытахъ прошедшей Русской военной исторіи, что оно есть своего рода могущественная сила, и что ослабленіе его также вредно, какъ и излишнее увлеченіе имъ. *П. Б.*

знаете. Я не стану распространяться объ этомъ, потому что имѣю предметомъ Крымъ и Севастополь.

*

Севастополь глядѣлъ тогда очень мирно. Моряки не думали о близкой грозѣ, ходили въ театръ, покучивали въ собраніи, „становясь нерѣдко на экваторъ" и должая неизмѣнному своему угощателю Томасу ([7]). Начальникъ главнаго морскаго штаба разгуливалъ по Севастополю въ своемъ черномъ пальто, посмѣиваясь и пошучивая. Трудно сказать, ждалъ онъ или не ждалъ къ себѣ непріятеля. Изъ поведенія его, въ самомъ началѣ, этого нельзя было замѣтить вовсе.

Въ это время, въ Севастополѣ, выступали изъ ряда прочихъ двѣ личности, съ которыми я долженъ васъ познакомить—это Корниловъ и Нахимовъ. Собственно, на первыхъ порахъ, дѣйствовалъ и былъ замѣтенъ только одинъ Корниловъ, но нѣсколько позже обстоятельства выдвинули рядомъ съ нимъ и адмирала Нахимова.

Корниловъ занималъ тогда должность начальника штаба черноморскаго флота при главномъ командирѣ портовъ, старомъ адмиралѣ Б., который уже давно мало значилъ въ томъ краю, и только числился и носилъ свой важный титулъ ([8]). Все значилъ при немъ всякій приближенный, на ту пору Корниловъ, человѣкъ ловкій, способный, довольно образованный, но сухой. Была минута (начало осады Севастополя) когда удивлялись его дѣятельности, но все-таки это была не любовь (*). Быстрые, рѣзкіе глаза его постоянно сверлили окружающихъ, сообщая сердцу чувство какого-то зноба и холода ([9]).

Корниловъ давнымъ давно мѣтилъ въ командиры портовъ и даже дѣйствительно могъ быть хорошимъ командиромъ, покрайней мѣрѣ лучше его не было. Государь зналъ это и, говорятъ, послѣ перваго свиданія съ нимъ въ П.-бургѣ (24 февр. 1850 года), сказалъ кому-то: „вотъ у меня наслѣдникъ Лазарева!" Это, безъ сомнѣнія, дошло до Корнилова.

По смерти Лазарева Корниловъ вызвался ([10]) пріѣхать въ П.-бургъ: онъ разсчитывалъ на аудіенцію у государя, чтобы окончательно снискать его вниманіе. Разсчетъ былъ, разумѣется вѣренъ, даже превзошелъ ожиданія: онъ имѣлъ не одну, а двѣ аудіенціи, именно 29 февраля и 22 марта 1852. Однако Корниловъ уѣхалъ въ Севастополь тѣмъ же начальникомъ штаба. Б—а пожалѣли. Всѣ три аудіенціи записаны въ памятной книжкѣ Корнилова ([11]).

Въ концѣ 1852 года Корниловъ снова вызвался князю Меншикову пріѣхать въ Петербургъ, и тутъ государь лично сообщилъ ему о возникающихъ несогласіяхъ съ Турціею.

Воротясь въ Николаевъ тѣмъ же начальникомъ штаба, Корниловъ началъ работать еще сильнѣе. Его видятъ почти постоянно въ Севастополѣ. Онъ готовитъ снаряды, дѣлаетъ смотры флоту, пишетъ томы приказовъ, а въ февралѣ

([7]) Стать на экваторъ, значило—кутя, обезденежить. Говорятъ, въ Черномъ морѣ существовало между нашими моряками какое то «экваторіальное общество» кутилъ, не платившихъ долги.—Томасъ держалъ гостинницу до нашего времени.

([8]) Носилъ его до 1860 года, въ которомъ скончался (Москов. Вѣдомости, 1860, № 36).

(*) Читая эти и дальнѣйшія умозаключенія автора о Корниловѣ и Нахимовѣ, мы невольно припоминаемъ стихи Пушкина, когда онъ говоритъ о славѣ: «Какъ огненный языкъ, она по главамъ избраннымъ летаетъ..... Но намъ ужъ то чело священно, надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ!» Лучшимъ опроверженіемъ одностороннихъ отзывовъ автора послужитъ помѣщаемое ниже современное письмо о кончинѣ доблестнаго адмирала Корнилова. *П. Б.*

([9]) Портретъ въ «Матерьялахъ для исторіи обороны Севастополя» Жандра, и въ Худ. листкѣ 1854, № 6.

([10]) Жандръ стр. 28.

([11]) Все это въ вышеупомянутой книгѣ Жандра.

слѣдующаго 1853 года ѣдетъ, при Меншиковѣ, въ Константинополь; потомъ, уже одинъ, въ Аѳины, гдѣ осматриваетъ остатки древней архитектуры ([12]), и наконецъ возвращается въ Николаевъ, въ исходѣ марта.

Войною уже сильно пахло. Черное море курилось отъ дыма пробныхъ выстрѣловъ. Едва только прибылъ князь Меншиковъ обратно изъ Константинополя, Корниловъ послалъ въ крейсерство первую практическую эскадру ([13]), подъ командою вице-адмирала Нахимова.

Теперь нѣсколько словъ о немъ.

Нахимовъ былъ самый простой морякъ, извѣстный въ то время только въ одномъ Севастополѣ; честная, добрая душа, „Алексѣй-Божій-Человѣкъ,“ небольшой, нѣсколько тучный, небрежный и грязноватый въ одеждѣ и въ быту, съ полнымъ невыразительнымъ лицомъ, слегка соннымъ и сопѣвшимъ; съ тихими, голубыми глазами, которыя никогда не могли угрожать: странный, ужасно неопредѣленный характеръ, какого еще не бывало, но рѣшительно безъ всякихъ талантовъ. Все что̀ можно сказать объ немъ вдругъ и подумавши: „не глупый человѣкъ, добрая душа!“ — и только. Такая фигура и свойства были облечены въ довольно-неопрятный сертукъ и штаны. Впрочемъ сертукъ постоянно украшался эполетами, которые, точно также постоянно, были моложе чиномъ и старше Чернаго моря. При осадѣ Севастополя адмиралъ одинъ-одинешенекъ щеголялъ въ сертукѣ и въ эполетахъ. Впрочемъ мнѣ случилось однажды видѣть его въ шинелькѣ изъ люстрина, тоже довольно невѣроятнаго фасона.

Необыкновенная доброта адмирала нарушалась иногда, хоть и рѣдко, какимъ-то шумнымъ вихремъ безтолковыхъ криковъ, которыхъ, въ сущности, никто не боялся, и которые ровно ничего не значили. Онъ даже, временами, представлялся жестокимъ и закатывалъ матросамъ неопредѣленное количество линьковъ; но рѣшительно всегда безъ злобы, а такъ, изъ рутины. Сегодня приметъ васъ очень грубо, не знаетъ вашей фамиліи, глядитъ на васъ тупо, а завтра бросится со всѣхъ ногъ (точно спохватившись), становить вамъ стулъ, ухаживаетъ какъ за любовницей. Почти всегда откажетъ съ перваго раза, и даже нашумитъ, но потомъ непремѣнно отмякнетъ и уступитъ: только не останавливайтесь, идите на проломъ, безъ всякой церемоніи. На третьемъ словѣ, если вы не выскочили сразу изъ комнаты отъ дикаго крику и топотни (а коли вы попроще званіемъ, напримѣръ какой нибудь мѣщанинъ, онъ васъ собственноручно возметъ за хохолъ) — на третьемъ словѣ, вы уже видите, что у него нѣтъ характера. Энергическій человѣкъ могъ выпросить у него что̀ угодно, даже Севастополь, въ который онъ посадилъ столько хлопотъ и крику.

Само собою разумѣется, масса служащихъ, все-таки, по человѣчески, подавалась въ ту сторону, гдѣ было больше чести и простоты (ибо ничто на свѣтѣ не сильно задавить въ человѣчествѣ окончательно его человѣческихъ инстинктовъ). Изъ всѣхъ начальниковъ, занимавшихъ болѣе или менѣе видные посты въ Севастополѣ, Нахимовъ былъ самый простой и естественный въ обращеніи съ подчиненными. Если я упомянулъ о нѣкоторыхъ неровностяхъ его нрава, о дикихъ крикахъ и тому подобномъ, это было въ немъ только исключеніемъ изъ общаго правила. Обыкновенно онъ глядѣлъ добренькимъ. Иной разъ ему и приходила блажь прикинуться генераломъ какъ надо быть, но это не удавалось: природа отказала ему въ генеральскихъ свойствахъ. Сколько ни пробовалъ, ничего не могъ онъ сдѣлать по этой части, и наконецъ, въ отчаяньи, махнулъ рукой: „не выходитъ!“ и остался чѣмъ-то въ родѣ.... матроса. Я беру слово на удачу,

---

([12]) Жандръ.

([13]) Корабли: Двѣнадцать Апостоловъ, Святославъ, Гавріилъ, Варна, Селафаилъ и Ягудіилъ. Фрегаты: Коварна, Кулевчи и Флора.

какое поближе. Нахимовъ не былъ похожъ ни на кого и ни на что. Это было нѣчто совсѣмъ особенное въ своемъ родѣ: „Павелъ Степановичъ Нахимовъ“ — Алексѣй Божій-человѣкъ, и только. Онъ представляется мнѣ еще въ видѣ Голландскаго мызника, съ кружкой пива и удочкой, въ полосатой голландской курткѣ изъ толстаго тика.... вечернее солнце бросаетъ мягкій лучь на его большой и добрый лобъ, съ клочками свѣтлыхъ волосъ; вокругъ зеленая травка, по которой ползаютъ бѣлокурые, пузатые мальчуганы; какъ хорошо и тихо!

> Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
> Для оной жизни былъ рожденъ!

Но оная жизнь не выпала ему на долю. Мало ли какія случаются перестановки! Судьба, fatum, назовите какъ угодно, вложила мысль въ голову его родителей, помѣщиковъ Смоленской губерніи, отдать его въ морской корпусъ, и онъ сдѣлался морскимъ офицеромъ. Радъ не радъ, годишься или не годишься — служи на палубѣ! Впрочемъ Нахимовъ не задавалъ себѣ никогда подобныхъ вопросовъ по этой части.

Сначала ему сильно не везло. Физіономія его была не изъ такихъ, которыя могли нравиться въ Балтійскомъ флотѣ. Онъ перемѣстился въ Черное море и затерялся въ черноморскихъ рядахъ; послуживалъ, сѣкъ матросовъ такъ какъ была тогда на это Лазаревская мода, или духъ времени; совершалъ морскіе вояжи, и наконецъ, какъ водится, достигъ до адмиральскаго чина. Съ этимъ чиномъ, обыкновенно, всѣ измѣняются; но онъ какъ мы видѣли, не измѣнился — и это было *первое обстоятельство*, которое привлекло къ нему подчиненныхъ. Около него чувствовали себя теплѣе, и къ этой теплотѣ, какъ зимой къ огоньку, жались всѣ и отогрѣвали остынувшіе члены. Это былъ не мудрый да теплый уголокъ, можетъ быть просто изба, въ сравненіи съ блестящей, но нетопленой палатой.

Корниловъ, возвышавшійся надъ всѣми образованіемъ, умомъ и талантами, никогда и не думалъ состязаться въ чемъ бы то ни было съ Нахимовымъ. Да и никому, изъ мало-мальски вникавшихъ въ дѣло, не приходило и въ голову ставить ихъ на одну доску. Еслибы не Севастополь, не особая прихоть судьбы, можетъ быть, не тайные пути Провидѣнія, — вы бы и не слыхали объ имени Нахимова, хоть его и любили Черноморцы. Оно погасло бы, не сіяя даже и въ ихъ памяти.

*

Мы видѣли, что Нахимовъ отправился крейсеровать съ первою практическою эскадрой. Досталось же этой первой эскадрѣ на орѣхи! Павелъ Степановичъ, попавъ въ море, становился невыносимъ: не смѣй заходить въ портъ, умирай и пропадай въ смерчахъ и шквалахъ! Кромѣ свойственной ему честности, съ какою онъ исполнялъ всевозможныя порученія начальства, было одно чисто-эгоистическое обстоятельство, заставлявшее его предпочитать море сушѣ: Нахимовъ чувствовалъ себя на палубѣ несравненно легче и вальготнѣе, чѣмъ на паркетѣ чьей-нибудь залы. Свѣтскости и ловкости не спрашиваютъ никакой, ужасающихъ высокихъ лицъ не видно, женщинъ (передъ которыми онъ робѣлъ въ особенности) — также. И вотъ онъ загуливался въ своемъ любезномъ морѣ.

Крейсерство первой эскадры содержалось между Херсонесомъ и Босфоромъ. Сверхъ того крейсеровали у восточнаго берега — отрядъ контръ-адмирала Новосильскаго ([14]) и, въ виду Севастополя, вторая практическая эскадра вице-адмирала Юрьева ([15]).

([14]) Фрегатъ Мидія, корветъ Калипсо, бриги: Тезей, Меркурій, Эндиміонъ, Аргонавтъ и тендеръ Поспѣшный.

([15]) Корабли: Три Святителя, Парижъ, Чесьма, Уріилъ, Ростиславъ и Храбрый. Фрегаты: Сизополь, Кагулъ и корветъ Пиладъ.

Всѣ эти крейсерства принесли мало пользы. Въ концѣ іюля (1853) отряды собрались опять на Севастопольскій рейдъ, исключая нѣкоторыхъ немногихъ судовъ, продолжавшихъ крейсеровать у Босфора и у Кавказскихъ береговъ.

Здѣсь — отдохновеніе, промежутокъ бездѣйствія на цѣлый мѣсяцъ, стоянка на экваторѣ, Томасъ; а Севастополь и не думаетъ укрѣпляться, о поправкѣ дорогъ нѣтъ и помину...

Между тѣмъ въ Петербургѣ нашли нужнымъ перевезть 13 пѣхотную дивизію изъ Крыма въ Анапу и Новороссійскъ, для временной экспедиціи, вмѣстѣ съ Кавказскими войсками противъ Натухайцевъ. Объ этомъ сообщено Меншикову отношеніемъ военнаго министра отъ 19 августа, за № 969 ([16]). Флоты Англіи и Франціи уже начали въ тихомолку готовиться къ выступленію изъ Средиземнаго моря! Черезъ двѣ недѣли 8 сентября (бумага о Натухайцахъ пришла въ Севастополь 26 августа) князь Меншиковъ получилъ новое повелѣніе: перевезти 13-ю пѣхотную дивизію, съ ея артиллеріею, изъ Севастополя въ Сухумъ-Кале. Это бросились исполнять и потратили на перевозку войскъ цѣлый мѣсяцъ. Всякихъ расходовъ, напрасной траты людей и лошадей—было бездна. Разумѣется, всѣмъ дѣломъ управлялъ Корниловъ, который оставилъ намъ въ своихъ запискахъ слѣдующія черты о Сухумской экспедиціи ([17]): „Пришлось выбрать пунктъ для размѣщенія войскъ по гребню прибрежья, за коимъ лѣсъ и болото, и потомъ уже большая дорога, и опять лѣсъ и болото. Какъ то пойдутъ эти несчастныя войска и сколько изъ нихъ дойдетъ!"

Когда эскадры, перевозившія 13-ю дивизію въ Сухумъ, воротились домой,—стало извѣстнымъ, что турецкое правительство предписало своимъ крейсерамъ, въ случаѣ встрѣчи съ Русскими, послѣ $^9/_{21}$ октября, атаковать ихъ. Почему, отряду Нахимова ([18]), назначенному снова крейсеровать въ Черномъ морѣ (между Крымомъ и Анатоліею) даны нѣкоторыя особенныя инструкціи ([19]), но военныхъ дѣйствій, „безъ повелѣній высшаго начальства" не начинать, развѣ Турки начнутъ сами. Замѣтьте, что манифеста о войнѣ еще не было. Севастопольское начальство, видя нерѣшительные пріемы въ П.-бургѣ, стало распоряжаться прямо отъ себя, что́ называется, въ свою голову. Извѣстно, что военныя дѣйствія открылись безъ манифеста: именно 11 октября 1853 подъ Исакчи, гдѣ убитъ капитанъ Верпаховскій. Манифестъ послѣдовалъ 23 октября...

Нужно было случиться, что Нахимовъ вышелъ изъ Севастополя именно въ этотъ день, т. е. 11 октября, когда мы, задранные Турками, могли бы сказать, что война не на бумагѣ, а фактически уже началась,—и брать спокойно призы. Еще бы одинъ день ([20]), и Нахимовъ зналъ бы объ этомъ. Но тутъ-то и начинаются для него тайныя указанія совсѣмъ иныхъ путей. Невидимая Рука, отведя отъ намѣченнаго Ея перстомъ человѣка нѣсколько пустыхъ призовъ, повела его къ другой наградѣ, которая ему и не снилась. А какъ сердился и кричалъ бѣлокурый добрякъ, когда Турки сновали у него подъ носомъ, а онъ не смѣлъ дать по нимъ ни одного вы-

---

([16]) Жандръ, стр. 56.

([17]) Часть войскъ, при которыхъ былъ Корниловъ, высадилась по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, не прямо въ Сухумъ-Кале, а въ Анакрію.

([18]) Корабли: Ягудіилъ, Храбрый, Чесьма, Императрица Марія. Фрегаты: Коварна, Кулевчи, Кагулъ. Бриги: Эней, Язонъ и пароходофрегатъ Бессарабія. (Жандръ стр. 26. Недостаетъ Святослава, который потомъ Нахимовъ отсылаетъ, на стр. 28).

([19]) Эти инструкціи можно видѣть въ подробности у Жандра

([20]) Черезъ день пришло извѣстіе о битвѣ подъ Исакчи.

стрѣла! Онъ чуть не выдралъ изъ себя послѣднихъ жиденькихъ волосъ!..

12 октября получено въ Одессѣ извѣстіе о стычкѣ нашихъ съ Турками, и кн. Меншиковъ съ Корниловымъ, находившіеся тамъ, немедленно отправились въ Николаевъ. У Корнилова сильно зудѣли руки подраться и, какъ онъ по всѣмъ вѣроятностямъ надѣялся, разбить басурманъ. Повернувшись въ Николаевѣ одной ногой, онъ былъ другою въ Севастополѣ, чтобы взять 4 парохода, и летѣть съ ними яко бы „для рекогносцировки турецкихъ береговъ", но собственно для того, чтобы свободнѣе распоряжаться въ морѣ и, въ случаѣ битвы, поспѣть на мѣсто, не смотря ни на какой вѣтеръ. Ему нужно было только участвовать, и онъ бы сталъ, по своимъ талантамъ, въ центрѣ всеобщаго вниманія и удивленія. Это могло выйти даже совершенно естественно, само собой, какъ вышло въ послѣдствіи на стѣнахъ Севастополя, при началѣ осады. Если Нахимовъ при Корниловѣ, даже и послѣ Синопа, былъ почти не виденъ, что жъ онъ былъ бы во время боя при Корниловѣ до Синопа! Есть много вѣроятностей утверждать, что будь Корниловъ при Синопѣ—тогда бы капутъ Нахимову: мы бы не знали этого имени. Разумѣется, Корниловъ билъ на это, билъ спокойно, не хлопоча и не ожидая никакихъ особенныхъ препятствій. Все было не только въ его талантахъ, но въ его рукахъ. Онъ могъ приказывать Нахимову шутя, могъ всегда отослать его въ Севастополь. Корнилова не могло заботить нисколько, что Нахимовъ разгуливаетъ въ морѣ: онъ зналъ, что одному Нахимову ничего не сдѣлать. Другія же эскадры постоянно держались вдали, а эскадра Новосильскаго сидѣла въ Севастополѣ вслѣдствіе разсчетовъ того же Корнилова, дабы можно было, въ случаѣ надобности, тотчасъ взять эту эскадру и идти съ нею и съ пароходами противъ Турокъ.

18 октября онъ послалъ къ Нахимову разрѣшеніе начать военныя дѣйствія. Отправлено парусное судно, фрегатъ Коварна, которая ныряла, ныряла въ морѣ, ища Нахимова, а онъ продолжалъ драть на себѣ волосы.....

Но тутъ-то собственно и начинается великолѣпная игра въ шахматы на огромной доскѣ, на какой рѣдко кому случалось игрывать. Хотя и скрыты дивные ходы, все-таки можно видѣть, какъ безсильны иной разъ человѣческіе разсчеты, передъ иными разсчетами.

Прежде всего, когда Корниловъ, летая съ пароходами въ Черномъ морѣ и разыскивая Турокъ, воображалъ, что онъ одинъ, что ему никто не помѣшаетъ, — кн. Меншикову пришла мысль также пуститься въ море, и онъ написалъ къ Корнилову (20 октября) слѣдующее:

„Ежели вы дѣйствительно узнаете о выходѣ турецкаго флота изъ Босфора, то неукоснительно дайте мнѣ знать, съ назначеніемъ пункта соединенія съ вами" ([21]).

Корниловъ, въ эту роковую для него минуту, открылъ уже турецкій флотъ. Боясь, чтобы князь Меншиковъ, если отправить къ нему извѣстіе съ отдѣльнымъ пароходомъ, не разошелся въ морѣ съ эскадрой, и кромѣ того, не имѣя достаточнаго запаса угля, онъ самъ пустился въ Севастополь. Къ Нахимову же полетѣла, съ пароходомъ Херсонесъ (23 октября) слѣдующая записка: „Спѣшу извѣстить ваше превосходительство, что, слѣдуя для осмотра турецкаго берега съ эскадрою пароходовъ, я открылъ весь турецкій флотъ, въ положеніи, о которомъ командиръ парохода вамъ доложитъ..... Если вамъ удастся предупредить Севастопольскую эскадру ([22]) и застать непріятеля на якорѣ подъ его крѣпостями, то блокировать его до соединенія, — и тогда, съ Божіею помощью, можетъ повториться знакомое вамъ Наваринское сраженіе" ([23]).

([21]) Жандръ, стр. 80.

([22]) Разумѣлась эскадра Новосильскаго, находившаяся тогда въ Севастополѣ.

([23]) Жандръ, стр 81.

Когда Корниловъ прибылъ въ Севастополь, онъ нашелъ князя Меншикова спокойнымъ, а можетъ и успокоилъ. Свѣтлѣйшій князь, бывшій въ это время начальникомъ главнаго морскаго штаба, предоставилъ дѣйствовать одному Корнилову и тогда (28 октября, въ самый день прибытія Корнилова въ Севастополь) грянулъ такой приказъ по эскадрѣ:

„Получивъ приказаніе г. начальника главнаго морскаго штаба вступить въ командованіе эскадрою, бывшей подъ флагомъ контръ-адмирала Новосильскаго, съ присоединеніемъ пароходовъ *Владиміръ* и *Одесса* и брига *Эней*, и слѣдовать для открытія и истребленія турецкаго флота, вышедшаго изъ Босфора, буде оный перешелъ паралель Инады, я объявлю объ этомъ для свѣдѣнія, кому слѣдуетъ..... и что сего же числа ночью, или со свѣтомъ, я намѣренъ сняться.“

Такъ кн. Меншиковъ съ Корниловымъ приступали уже къ рѣшительнымъ военнымъ мѣрамъ (Корниловъ посылался для истребленія турецкаго флота), *а манифеста о войнѣ все еще не было!* Въ самомъ приказѣ Корнилова, говорится подъ-конецъ: *такъ-какъ манифеста о войнѣ нѣтъ“*.... Манифестъ привезенъ въ Севастополь 30 или 31 октября, уже по отбытіи Корнилова съ эскадрой. Нахимовъ получилъ его съ пароходомъ Бессарабія 1 ноября.

Корниловъ летитъ.... Вдругъ ночью, того же дня (29 октября) ударилъ сильный противный шквалъ. Вся ночь была бурная, съ нѣсколькими шквалами. Слѣдующіе три дни таже исторія: дождь, градъ и шквалы...

5 ноября, съ разсвѣтомъ, *Владиміръ* ([24]) увидѣлъ „6 большихъ судовъ“, которыя были ничто иное, какъ часть турецкаго флота, открытаго Корниловымъ еще прежде, до ухода въ Севастополь, и составлявшаго теперь предметъ его исканій. Но какъ то случилось, что эти 6 судовъ показались ему эскадрой Нахимова. Нужно было явиться именно такому числу ([25]). Корниловъ, безъ сомнѣнія, пошелъ бы къ этой эскадрѣ, и тогда бы все разоблачилось; но тутъ мелькнулъ передъ нимъ пароходъ, признанный непріятельскимъ. Захотѣлось взять призъ, и потому, отложивъ предполагаемое свиданіе съ Нахимовымъ, погнались за пароходомъ. Онъ былъ взятъ и сильно избитъ ([26]). Возня съ нимъ заняла всю ночь и слѣдующій день, а это были, въ общемъ разсчетѣ, роковыя сутки. Партія въ шахматы была проиграна!

Затѣмъ, не видя Турокъ, и притомъ нуждаясь въ топливѣ (да тутъ еще призъ!) Корниловъ рѣшился смахать въ Севастополь. Но что̀ дѣлать съ кораблями Новосильскаго, которые въ углѣ не нуждались и могли очень легко выждать возврата Корнилова въ морѣ?.. Но также легко они могли случайно или не случайно, соединиться съ Нахимовымъ и разыграть ту увертюру, исполненіе которой Корниловъ предоставлялъ собственно себѣ. Задумываться нечего: отдать приказъ по эскадрѣ, чтобы она шла въ Севастополь, — и приказъ отданъ ([27]). Какъ приняли этотъ странный приказъ, неизвѣстно, но дѣлать нечего: Новосильскій, скрѣпя сердце, поворотилъ домой. 5 ноября онъ сошелся нечаянно съ Нахимовымъ; они вздохнули другъ о другѣ, выпили по чаркѣ-другой марсалу и разстались. Къ разсвѣту 6-го Новосильскій вышелъ изъ виду эскадры Нахимова. Нахимовъ былъ брошенъ совершенно одинъ и..... пошелъ къ Синопу!

Я думаю, что всякій, кто не можетъ быть равнодушенъ къ успѣху русскаго

([24]) На немъ былъ Корниловъ

([25]) Собственно съ Нахимовымъ было 7 большихъ судовъ, но седьмое можно было предполагать за горизонтомъ.

([26]) Это былъ Первазъ-Бахри (Морской Вьюнъ). Худ. Лист 1854, № 2.

([27]) Жандръ, стр. 97

дѣла, въ высшей степени заинтересованъ этой минутой. Всякаго деретъ по кожѣ пріятный морозъ, и всякому хотѣлось бы въ эту славную минуту быть на палубѣ корабля „Императрица Марія“, подлѣ добродушнаго адмирала Нахимова, который служилъ свою службу отечеству безъ малѣйшихъ видовъ, которому и во снѣ не снились приказы, подобные отданному сейчасъ эскадрѣ Новосильскаго.

11 числа ноября эскадра подошла къ Синопу ([28]) на разстояніи двухъ миль, и увидѣла тамъ 12 военныхъ непріятельскихъ судовъ и 2 транспорта. Но выдержавъ передъ тѣмъ (8 ноября) сильную бурю и отославъ въ Севастополь для починки поврежденные корабли „Святославъ“ и „Храбрый“, Нахимовъ не рѣшился съ остальными судами вступить въ бой и потому, вылавировавъ изъ Синопскаго залива, онъ отправилъ въ Севастополь бригъ „Эней“— просить помощи. Эта помощь къ нему уже летѣла: *цѣлая эскадра Новосильскаго!* Начальникъ главнаго морскаго штаба приказалъ Корнилову съѣздить въ Николаевъ. Когда Корниловъ скрылся, явились избитые бурей корабли „Святославъ“ и „Храбрый!“ (прибыли на рейдъ 11 ноября). Князь Меншиковъ немедленно приказалъ эскадрѣ Новосильскаго сняться ту же минуту съ якоря и идти на помощь къ Нахимову. 12 го Новосильскій выступилъ, а 16-го утромъ эскадры его и Нахимова соединились. На другой день послѣ этого, 17 ноября, прибылъ изъ Николаева въ Севастополь Корниловъ и летомъ полетѣлъ въ море на пароходѣ *Одесса.*

Въ полдень 18 ноября съ „*Одессы*“ увидѣли Русскій флагъ на форъ-брамъ-стеньгѣ корабля „Императрица Марія“.... Нѣсколько минутъ послѣ, огибая Синопскій полуостровъ, *Одесса* услышала пальбу. Русскія ядра летѣли черезъ перешеекъ и пѣнили море. Это былъ заключительный, финальный гулъ побѣды: Синопскій бой грянулъ ([29])! Только *два часа* опоздалъ Корниловъ! Какой урокъ! Когда, кипя и терзаясь, стоялъ онъ на палубѣ своего парохода, вперивъ глаза въ побѣдоносный пламень и дымъ, его люди, по неудержимому движенію сердца, крикнули съ вантовъ своимъ товарищамъ-сподвижникамъ Нахимова „ура!“ и оттуда загремѣло въ отвѣтъ такое же „ура!“ потрясшее воздухъ. Корниловъ присоединилъ къ общимъ кликамъ и свой голосъ и прокричалъ Нахимову: ура!

Такая-то драма разыгралась передъ Синопомъ 18 ноября 1853 года.

Можетъ быть, вы спросите о стратегическомъ значеніи этого боя? Увы, тутъ слѣдуетъ быстрое и грустное разочарованіе. Мнѣ тяжело вносить въ лѣтопись эти холодныя, разочаровывающія строки — въ такую минуту, когда я плачу сладкими слезами. Синопскій бой, въ стратегическомъ смыслѣ, былъ не бой въ правильной соразмѣрности воюющихъ силъ, это былъ разгромъ, le massacre de Sinope, какъ называютъ Французы. Въ доказательство довольно привести сравнительную таблицу судовъ и батарей, бывшихъ въ дѣлѣ: у насъ 6 кораблей (три 84-хъ и три 124 пушечные) 2 фрегата и, подъ конецъ, три парохода, всего 11 судовъ. На каждомъ изъ кораблей у насъ были 68-ми фунтовыя пушки; а у Турокъ ни одного корабля, 7 фрегатовъ, 3 корвета и 2 парохода, всего 12 судовъ, гдѣ самый большой калиберъ орудій доходилъ только до 32-хъ англійскихъ фунтовъ (на трехъ фрегатахъ и одномъ корветѣ); остальныя суда имѣли пушки отъ 12 до 24 русскихъ фунтовъ. Средній вѣсъ снарядовъ одного нашего борта относился къ таковому же турецкому какъ 22 къ 9.

Пароходъ Таифъ, состоявшій подъ командой одного Англичанина Следа, ко-

([28]) Синопъ въ Р. Худ. Лист. 1854 № 7 и 1855, № 27.

([29]) Бой начался въ половинѣ десятаго, и черезъ полтора часа весь непріятельскій флотъ и береговыя батареи были уничтожены.

торый назывался у Турокъ Мушаверъ-паша ([30]), сейчасъ увидѣлъ невозможность сопротивленія и, пользуясь нерасторопностью нашихъ судовъ, ушелъ.

Но какъ бы то ни было, разбитіе въ дребезги Синопскаго флота произвело чрезвычайный эффектъ. Насъ били на Дунаѣ. Намъ нужно было хоть что нибудь въ родѣ побѣды. Турецкій адмиралъ Османъ-паша взятъ въ руки живьемъ и отправленъ въ П.-бургъ, какъ звѣрокъ на показъ. Нахимовъ опоясался его шашкой, и вычинивъ какъ можно скорѣе корабли, снялся съ якоря и полетѣлъ въ Севастополь.

Тамъ ожидали его съ дѣтскимъ трепетомъ восторга. Ура, самое громкое, какое только гремѣло когда либо на Крымскихъ берегахъ, грянуло на встрѣчу побѣдителю громчѣй Синопскихъ пушекъ. Во многихъ глазахъ сверкнули слезы. Самъ свѣтлѣйшій привѣтствовалъ на пристани своего „стараго пріятеля", и долженъ былъ выслушать очень спокойно, хоть и съ нѣкоторой улыбкой, какъ „ловкій молодой человѣкъ" Нахимовъ, тутъ же, съ оника, отпустилъ ему что-то о матросскихъ курткахъ у Турокъ, а молва, державшая уже ухо востро въ отношеніи изрѣченій новорожденнаго великаго человѣка, спѣшила подхватить эти слова и разнести въ народъ...

Это происходило 22 ноября. Часъ пробилъ. Капиталъ былъ нажитъ, оставалось жить одними процентами. Всякій знаетъ, какъ не трудно перебиваться въ жизни человѣку, на котораго толпа смотритъ уже, какъ на генія, и всякій въ запуски торопится заявить ему свою долю удивленія, такъ сказать, погрѣть руки у этого священнаго огня. *Вчера* еще надъ нимъ могли подтрунивать, но *сегодня* публиковано въ газетахъ, что онъ геній—и все трунившее прижалось; всѣ смѣлые, безцеремонные языки сочли благоразумнымъ умолкнуть. Сколько недовѣрчивости было наканунѣ, столько же снисхожденія теперь, даже чуть ли не больше. Гдѣ то сказано, что нѣтъ ничего глупѣе людей, столпившихся вокругъ какого либо предмета, чтобы ему удивляться..... И вотъ вездѣ только и кричали: Нахимовъ! Нахимовъ! Слава его, какъ слава Байрона, выросла въ одинъ день. Вездѣ добивались его портрета, и уже знали, что онъ чудакъ и никому не позволяетъ снимать ([31]). Московскіе студенты, по случаю совпаденія чиселъ боя съ именинами брата Нахимова, бывшаго инспекторомъ Московскаго университета въ лучшее его время, знаменитаго Платона Степановича,—написали Синопскому герою стихи, начинавшіеся такъ:

Въ ноябрѣ, взглянувши въ святцы,
Вспомнимъ мы Синопскій бой:
Нашъ Платонъ Степанычъ, братцы,
Братъ Нахимову родной.
Здравствуй, адмиралъ почтенный,
Богатырь и молодецъ!
Дядя! братъ твой незабвенный
Былъ студенческій отецъ ([32])!....

Исторія этого брата, еслибъ ее написать съ толкомъ, объяснила бы много чертъ нашего Севастопольскаго героя. Они разъиграли одну и ту же роль, только на разныхъ подмосткахъ. Кто не знаетъ, *что* былъ за человѣкъ этотъ пресловутый Платонъ Степановичъ! Это былъ лучшій инспекторъ перваго изъ университетовъ Россіи и при томъ въ лучшее время этого университета! Еще донынѣ нельзя тронуть въ Московскомъ университетѣ память этого страннаго, необъяснимаго созданія. Все самое честное и самое горячее встанетъ поголовно, подымется буря. Кажется, что беззатѣйнѣе карьеры университетскаго инспектора? Но явленіе такого инспектора, какъ Нахимовъ, было какъ-

([30]) Портретъ въ Худож. Листкѣ 1855, № 27.

([31]) Снятъ кое-какъ въ Худ. Листкѣ 1855, № 25.

([32]) Авторъ М. А. Стаховичъ. Москвитянинъ 1854. кн. 6-я. 18 Ноября—св. Платона.

то замѣчено всѣми, и его имя перейдетъ въ вѣка.

. . . .

Павелъ Степановичъ рѣшительно не зналъ, куда ему дѣться съ такимъ тяжелымъ грузомъ славы. Его просто задавили, притиснули этой махиной; онъ во всю жизнь не помнилъ такихъ мучительныхъ минутъ; онъ кланялся, извинялся, краснѣлъ какъ дѣвушка и говорилъ самыя необыкновенныя вещи... Наконецъ сжалились, немного отвалили камень, и дни потекли за днями.

Трудно сказать, гдѣ больше надѣлалъ шуму этотъ мудреный Синопскій бой: у насъ или въ Европѣ. „Les coups de canon de Sinope ont retenti douloureusement dans le coeur de tous ceux qui, en Angleterre et en France, ont un vif sentiment de la dignité nationale" ([33]), писалъ императоръ Наполеонъ нашему государю. Все поднялось. Столкновеніе съ Европой сдѣлалось неизбѣжно.

Еще за три дня до Синопской битвы ($^{15}/_{27}$ ноября) союзные флоты Англіи и Франціи (адмиралъ Дундасъ и Гашеленъ) прошли Дарданельскій проливъ и спустя мѣсяцъ послѣ этого $\frac{\text{(22 декабря)}}{\text{3 генваря}}$ явились въ Черномъ морѣ, на перекоръ существовавшимъ договорамъ, и дали знать въ Севастополь, что они, въ слѣдствіе предписанія ихъ правительствъ, не намѣрены допускать оскорбленій Оттоманской имперіи со стороны Русскихъ, почему и приглашаютъ нашихъ адмираловъ отвести свои эскадры въ портъ, въ продолженій 15-ти дней, въ противномъ же случаѣ угрожали принудить ихъ къ тому силою. Это были военныя дѣйствія безъ объявленія войны.

Увѣдомленный о томъ кн. Меншиковымъ, гр. Нессельродъ отнесся къ министру иностранныхъ дѣлъ англійской королевы, лорду Кларендону, слѣдующей депешей:

„Императоръ находитъ себя вынужденнымъ протестовать противъ декларации, къ нему адресованной и ни въ какомъ случаѣ не можетъ признать ея законности. Онъ будетъ ожидать—прежде, нежели рѣшится на какое либо движеніе—минуты, когда адмиралы обоихъ флотовъ приведутъ въ исполненіе свою угрозу и станутъ лицемъ къ лицу съ нашими кораблями" ([34]).

Между тѣмъ, $^{19}/_{31}$ генваря, королева Викторія объявила парламенту о необходимости открытія военныхъ дѣйствій. Вскорѣ за тѣмъ наши посланники оставили Парижъ и Лондонъ ([35]), а также и посланники Англіи и Франціи—Петербургъ.

Послѣ тщетныхъ дипломатическихъ переговоровъ, императоръ Наполеонъ, въ которомъ заключалась конечно вся суть оппозиціи русскимъ силамъ, рѣшился написать нашему государю то письмо, нѣсколько строкъ котораго я привелъ уже выше. Въ немъ выражено желаніе склонить государя къ миру. Государь отвѣчалъ извѣстнымъ письмомъ; но ничего изъ этого не вышло, а потому 28 февраля (11 марта), декретомъ императора Наполеона, опредѣленъ составъ Восточной арміи, простиравшейся до 40 тысячъ человѣкъ, взятыхъ изъ гарнизоновъ Франціи и Алжира. Это были лучшія ея войска. Всѣ свободные пароходы и болѣе 200 судовъ, нанятыхъ правительствомъ, перевезли эту армію на турецкій берегъ. Французскія войска встрѣтились съ англійскими въ Галлиполи, и тутъ грянула знакомая тѣмъ и другимъ пѣсня: *Malbrouch s'en va-t-en guerre*! Французы пѣли слова, а тѣ под-

---

([33]) Т. е. Выстрѣлы Синопа болѣзненно отозвались въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кто въ Англіи и во Франціи чувствуетъ живо національное достоинство.

([34]) Eugène Pick, Les Fastes de la guerre d'Orient. Paris, deuxieme édition, 1856, стр. 37, замѣтка внизу.

([35]) Баронъ Брунновъ выѣхалъ изъ Лондона 3-го февраля 1854 г., а Киселевъ изъ Парижа 6-го того же мѣсяца по новому стилю.

хватывали припѣвъ: *mironton*, *mironton*, *mirontaine*!

Конечно тѣ и тѣ глядѣли другъ на друга съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Чего не дѣлаетъ политика! То, что кажется не сближаемо какъ противоположныя электричества, какъ совершенно разные полюсы, сходится и запѣваетъ общую пѣсню! Это было, впрочемъ, только второе въ исторіи сближеніе англійскихъ солдатъ съ Французами, во имя одной мысли, чтобъ идти не другъ противъ друга, а рука объ руку. Но такъ какъ это сближеніе было все-таки насильственное, какъ бы сверхъестественное, то и не обошлось въ послѣдствіи, безъ нѣкоторыхъ не совсѣмъ пріятныхъ столкновеній. Между двумя союзными арміями бѣгала постоянно черная кошка.

$^{8}/_{20}$ марта (1854) Франція, Англія и Турція заключили между собою слѣдующій союзный трактатъ:

„Ея величество королева соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи и его величество императоръ Французовъ, будучи приглашены его высокостью (Sa Hautesse) султаномъ противудѣйствовать враждебнымъ намѣреніямъ его величества императора всея Россіи, касательно территорій Оттоманской порты и независимости султана, — ихъ величества, убѣжденные въ томъ, что существованіе Оттоманской имперіи въ настоящихъ границахъ необходимо для политическаго равновѣсія Европы и будучи готовы оказать его высокости султану помощь, которой онъ проситъ, съ цѣлію охранить его границы, ихъ величества и его высокость султанъ находятъ благовременнымъ согласовать свои намѣренія на сей конецъ и условиться о способахъ, какимъ образомъ и въ какихъ формахъ, должна быть оказана упомянутая помощь. Съ этою цѣлію ихъ величества назначили своихъ уполномоченныхъ (посланниковъ Англіи и Франціи), а султанъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, кои, сообщивъ другъ другу свои кредитивныя грамоты, признанныя законными и въ надлежащей формѣ, постановили слѣдующее:“

„1. Ея величество королева Великобританіи и его величество императоръ Французовъ, давъ уже повелѣніе, согласно желанію султана, сильнымъ дивизіямъ своихъ флотовъ двинуться къ Константинополю, съ тѣмъ, чтобы ассюрировать свое покровительство оттоманскому флагу и территоріи, ихъ величества обязуются настоящимъ трактатомъ помогать его высокости султану, въ самыхъ значительныхъ размѣрахъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, противъ враждебныхъ покушеній Россіи, отпуская надлежащее количество войскъ“.

„Войска сіи будутъ направляемы ихъ величествами къ тѣмъ пунктамъ Оттоманской имперіи, кои укажетъ необходимость. Его высокость султанъ приглашается оказывать войскамъ, которыя будутъ къ нему посылаемы ихъ величествами, такой пріемъ и уваженіе, какимъ обыкновенно пользовались въ продолженіи извѣстнаго времени въ турецкихъ водахъ морскія силы Англіи и Франціи.“

„2. Договаривающіяся стороны приглашаются взаимно сообщать одна другой, безъ потери времени, обо всякомъ предложеніи Россіи, полученномъ которою нибудь изъ сторонъ, прямо или не прямо, касательно прекращенія непріязненныхъ дѣйствій, перемирія или мира. Сверхъ того султанъ приглашается не заключать никакого перемирія и не вступать ни въ какія негоціаціи о мирѣ, а равно и не заключать предварительныхъ условій мира съ Россіею, не предупредивъ другія договаривающіяся стороны и не получивъ на то ихъ согласія.“

„3. Если же цѣль настоящаго трактата будетъ достигнута заключеніемъ трактата о мирѣ, ихъ величества, королева Англіи и императоръ Французовъ, примутъ мѣры, чтобы вывесть изъ турецкихъ владѣній свои морскія и сухопутныя силы, кои были употреблены для достиженія цѣли настоящаго трактата;

и всѣ крѣпости и позиціи, занятыя войсками Англіи и Франціи въ территоріи оттоманской, будутъ переданы правительству султана въ теченіи...... дней, считая со дня размѣна ратификацій трактата, который положитъ конецъ настоящей войнѣ.“

„4. Заключенный же нынѣ трактатъ будетъ ратификованъ и ратификаціи размѣнены тотчасъ, лишь только сіе можетъ имѣть мѣсто, въ теченіи ..... недѣль, считая со дня подписи онаго уполномоченными“ ([36]). (Слѣдуютъ подписи).

Ровно черезъ недѣлю послѣ этого ($^{16}/_{28}$ марта) Франція и Англія объявили войну Россіи. Надлежало ожидать скорой встрѣчи Русскихъ съ союзными арміями, но эти союзныя арміи, по прибытіи на мѣсто (въ концѣ апрѣля) оставались безъ всякаго дѣйствія цѣлые два мѣсяца. Потомъ ихъ начинаютъ передвигать изъ города въ городъ, перевозятъ на судахъ, дѣлаютъ имъ смотры, а дѣйствій все-таки никакихъ. Подобное, довольно опасное состояніе войскъ приводило въ недоумѣніе всѣхъ, исключая главнокомандующаго французской арміи, маршала Сентъ Арно ([37]) и можетъ быть еще весьма немногихъ. Маршалъ, прибывшій къ арміи въ самыхъ первыхъ числахъ мая, зналъ причину бездѣйствія. Онъ привезъ ее съ собою съ береговъ Франціи. Причина эта была—мысль о Крымской экспедиціи, родившаяся въ чьей-то смѣлой головѣ гораздо раньше, нежели обыкновенно думаютъ. Брошюра, приписываемая неизвѣстно почему принцу Наполеону ([38]), говоритъ, что эта мысль явилась на свѣтъ около іюля мѣсяца (1854), но теперь можно положительно доказать, что она явилась раньше. Маршалъ С. Арно зналъ что-то такое еще у себя дома, на берегахъ Франціи, въ апрѣлѣ.

За три дня до отъѣзда изъ Марселя ($^{15}/_{27}$ августа) маршалъ пишетъ къ брату своему: „Вся политика, я въ этомъ увѣренъ, не на Востокѣ: она тамъ, куда устремлены гигантскія усилія Франціи и Англіи“ ([39])....

Нѣсколько дальше, въ томъ же письмѣ, онъ называетъ по имени это таинственное тамъ: „Крымъ! ты говоришь о Крымѣ! это сокровище (c'est un joyau), о которомъ я грежу день и ночь и надѣюсь, что благоразуміе не воспретитъ мнѣ отнять его у Русскихъ... Но не будемъ загадывать впередъ; надо еще потолковать съ Турками“ ([40])!

Это послѣднее, очевидно, приписано для нѣкотораго замаскированія дѣла и какъ бы испугавшись, что много сказалъ. 3 іюня (н. ст.) онъ пишетъ къ зятю Форкаду еще яснѣе: „Я умираю отъ жажды—видѣть Севастополь, потому что онъ представляется мнѣ пунктомъ, откуда, можетъ быть, придется кое что начать“ ([41]).

Въ слѣдующемъ письмѣ къ тому же, и отъ того же числа, онъ говоритъ: „Крымъ былъ моею любимою мечтою; я блѣднѣлъ, разсчитывая на него и создавая разные планы... Но я видѣлъ, что̀ значитъ нагрузка и выгрузка войскъ и скажу рѣшительно: чтобы сдѣлать высадку въ Крымъ, нужны продолжительныя приготовленія, нужно̀ цѣлую кампанію; можетъ быть 100 тыс. человѣкъ и полное участіе флотовъ Франціи и Англіи; сверхъ того болѣе тысячи купеческихъ транспортовъ.“ ([42]).

Эта послѣдняя замѣтка также подозрительна. Для маршала не было ничего невозможнаго. Къ тому же мы ви-

---

([36]) Pick, 51, 52, 53.

([37]) Портретъ въ Русск. Худ. Л. 1854, 28.

([38]) De la conduite de la guerre d'Orient. Expédition de Crimée, mémoire adressé au gouvernement de s. m. l'empereur Napoléon III par un officier-général.

([39]) Lettres du maréchal de Saint-Arnaud. Paris, 1855, T. II, p. 416.

([40]) Стр 217.

([41]) Стр. 431.

([42]) Стр. 433.

димъ впослѣдствіи, что высадка совершилась вовсе не со ста тысячами, а при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находились союзныя арміи съ самаго начала, даже чуть ли не при менѣе выгодныхъ.

Во всѣхъ письмахъ маршала много такихъ переходовъ и оговорокъ, но еще больше хвастовства и фанфаронства, пересыпаннаго всякой домашней болтовнею. Трудно понять, какъ все это мирилось въ маршалѣ... Онъ неимовѣрно много работалъ и понималъ плохое состояніе русскихъ укрѣпленій, и вообще наши безпорядки, несравненно лучше, чѣмъ кто-либо изъ союзныхъ военачальниковъ. Не безъ страха Русскій человѣкъ, знающій близко свою родину, въ особенности тогдашнее ея состояніе, долженъ читать хоть бы эти строки маршала, въ письмѣ его къ женѣ: „Лишь только я высажусь въ Крыму и Богъ пошлетъ намъ нѣсколько часовъ штилю—кончено: я владѣю Севастополемъ и Крымомъ" ([43])! Кто не знаетъ, что мы обязаны славной одиннадцатимѣсячной обороной Севастополя, этой выручающей страницей послѣднихъ грустныхъ дней,—смерти взбалмошнаго маршала?

Но я забѣгаю впередъ. Высадка еще далеко. Французскія войска передвигаются съ мѣста на мѣсто; но сколько ни хитрили, сколько ни говорили солдатамъ эффектныхъ рѣчей, армія не выдержала: въ нѣкоторыхъ батальонахъ послышались крики неудовольствія. Пришлось дать этимъ недовольнымъ какую нибудь работу.

„Въ Добруджѣ должны еще находиться Русскіе, пишетъ С. Арно къ Канроберу: велите ихъ прогнать и постарайтесь выиграть какое нибудь дѣло къ нашему національному празднику. Мнѣ кажется, всего лучше поручить это дѣло Эспинасу" ([44]).

Недовольныхъ оказалось очень довольно: цѣлыхъ три дивизіи (1 я, 2-я и 3 я). Передъ тѣмъ, какъ имъ выступать, въ 5-й дивизіи, стоявшей въ одномъ мѣстѣ съ ними, около Варны, открылась холера, сообщившаяся и выступающимъ войскамъ.

Я разскажу здѣсь объ этомъ бѣдственномъ походѣ, который остался никому неизвѣстенъ, разскажу отчасти потому, что онъ имѣетъ связь съ Крымской экспедиціей. Читатель увидитъ, здѣсь и много разъ послѣ, что въ эту страшную войну не одни мы подвергались уронамъ и ошибкамъ.

21 іюля, Эспинасъ командующій 1-ю дивизіею (10,500 чел.) двинулся изъ Мангаліи. Въ то же время генералъ Юсуфъ былъ высаженъ съ первымъ полкомъ зуавовъ въ Кюстенджи, откуда онъ долженъ былъ направиться къ Добруджѣ, дѣйствуя въ авангардѣ Эспинаса.

Жаръ былъ невыносимый (21 іюля 30 /°, а потомъ 33). Съ утра 21 къ вечеру 22 іюля пройдено только 26 верстъ. Войска двигались до крайности тихо, по поясъ въ травѣ. Кромѣ этой травы не замѣчалось никакой другой растительности. Видъ грустный и пустынный. Нигдѣ слѣда человѣческихъ работъ. Единственныя живыя существа были стаи коршуновъ и дикія лошади. Впрочемъ, изрѣдка попадались пастухи и табунщики, а вдали тянулись отступавшія казацкія сотни. Изнурительный жаръ, смѣняемый ночью холодами, болотныя испаренія и недостатокъ хорошей воды—развели въ войскахъ холеру, сначала дѣйствовавшую слабо. Генералъ Юсуфъ, дойдя до Качарлыка (въ концѣ іюля), не рѣшился продолжать движенія и воротился назадъ, не успѣвая зарывать труповъ. Эспинасъ, слѣдовавшій

([43]) Стр. 436, 449, 452.

([44]) Національный праздникъ значитъ — Fête de l'Empereur, 15 августа. Эспинасу дѣлаютъ предложеніе, какъ генералу, содѣйствовавшему успѣху переворота 2 декабря. Въ 1858 году онъ сдѣланъ министромъ внутрен. дѣлъ и обществен. безопасности, а черезъ годъ, въ 1859 4 іюня, убитъ при Мадженте.

тѣмъ же путемъ, какъ то разошелся съ Юсуфомъ, и прибывъ въ Качарлыкъ на роздыхъ, нашелъ тамъ брошенныхъ и умирающихъ зуавовъ 1-го полка. Колонна Эспинаса тотъ же часъ пошла назадъ, на прежній бивакъ и достигла до него въ крайнемъ изнеможеніи. Холера открылась въ размѣрахъ, приводившихъ въ отчаяніе. На другой день (31 іюля), бросивъ больныхъ на бивакѣ, Эспинасъ двинулся въ Кюстенджи и нашелъ тамъ генерала Юсуфа.

Въ это время прибылъ Канроберъ и нѣсколько оживилъ войска, приготовивъ имъ въ Мангаліи, на пути ихъ отступленія, свѣжіе продукты, вино и кофей. Однако до 9 августа 1-я дивизія несла почти однѣ и тѣ же потери. Только на высотахъ близь Коварны положеніе ея измѣнилось къ лучшему.

2-я и 3-я дивизія шли тѣмъ же путемъ до Базарджика. Онѣ потеряли менѣе вслѣдствіе мѣръ принятыхъ ихъ начальниками. Однакоже, общая убыль всѣхъ трехъ дивизій простиралась до 7 тысячъ человѣкъ. Приложивъ къ этой цыфрѣ убыль въ Варнѣ и другихъ мѣстахъ, оказалось всего 14 тысячъ. Вотъ какой сюрпризъ приготовилъ маршалъ вмѣсто побѣды къ національному празднику!

Многіе думаютъ, что этотъ несчастный походъ есть ничто иное, какъ демонстрація. Это предположеніе довольно вѣроятно. Едва войска были отправлены и вниманіе обратилось къ Добруджѣ, какъ въ Константинополѣ начались совѣты. Маршалъ въ своихъ письмахъ упоминаетъ о совѣтѣ 28 (н. ст.) іюля ([45]), когда 1-я дивизія, шедшая впереди всѣхъ, находилась около Качарлыка). Брошюра французскаго генерала (приписываемая принцу Наполеону) говоритъ о совѣтѣ 10-го августа (н. ст. ([46]). Но авторъ прибавляетъ: „если намъ не измѣнила память.“ Можетъ статься, что это одинъ и тотъ же совѣтъ. Покрайней мѣрѣ описанный въ брошюрѣ довольно любопытенъ, и я приведу здѣсь весь этотъ разсказъ, за неимѣніемъ другихъ источниковъ.

На совѣтѣ присутствовали: маршалъ С. Арно, лордъ Рагланъ, Канроберъ, Броунъ, Боске, Мартемире, принцъ Наполеонъ; адмиралы: Дундасъ, Гашеленъ и, кажется, Чернеръ.—„Маршалъ, какъ президентъ совѣта, объявилъ всѣмъ о предполагаемой экспедиціи, выставляя сопряженныя съ нею выгоды для политики англо-французской. Затѣмъ анализируетъ планъ въ томъ видѣ, какъ онъ присланъ изъ Парижа ([47]). Оставалось выбрать пунктъ для высадки, произвесть ее подъ покровительствомъ артиллеріи эскадръ, идти на Русскихъ, которые вѣроятно захотятъ рѣшить дѣло оружіемъ, разбить ихъ, за тѣмъ идти на Севастополь и взять его съ разу. О количествѣ дѣйствующихъ силъ у Русскихъ, а равно о гарнизонѣ города и объ его укрѣпленіяхъ съ сухаго пути, положительныхъ свѣдѣній не имѣлось. Впрочемъ, извѣстія, собранныя изъ разныхъ источниковъ, согласовались въ томъ, что неодолимыхъ препятствій нѣтъ, и вообще — ничего особенно серьознаго. Русская армія только что понесла значительныя потери на Дунаѣ. Разбить ее въ Крыму было еще легче, потому что силы Русскихъ не были здѣсь сосредоточены, и Русскіе не ожидали атаки. Высадка въ Крыму и взятіе Севастополя довершили бы, въ глазахъ цѣлаго свѣта, пораженіе Россіи и вырвали бы у ней миръ,—цѣль, къ которой стремились королева Викторія и императоръ Наполеонъ.“

„Такъ-какъ Австрія склонилась на сторону Турокъ и принудила кн. Горчакова отступить, то на Дунаѣ уже нечего было дѣлать. Необходимо было перемѣнить мѣсто дѣйствія. Крымъ, конечно, представлялъ болѣе опасностей, но за то, съ другой сторо-

([45]) Стр. 45.

([46]) Стр. 35.

([47]) Къ 29-му іюля присланъ уже планъ! Нужно было время, чтобъ его составить и переслать на востокъ. Изъ одного этого можно заключить, что мысль экспедиціи родилась совсѣмъ не въ іюлѣ. Брошюра называетъ планъ подробнымъ, обстоятельнымъ.

ны, имѣлъ хорошій климатъ и многія иныя весьма осязательныя выгоды.“

„Всѣ взоры обратились на лорда Раглана. Онъ казался озабоченнымъ, и его лицо, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, выражало недовѣрчивость къ успѣху предпріятія.“

„Онъ сталъ возражать, ссылаясь на недостаточныя свѣдѣнія о русскихъ силахъ и укрѣпленіяхъ Севастополя съ сухаго пути. Карты не представляли никакихъ точныхъ указаній. Дороги, рѣки и естественныя препятствія были неизвѣстны. Это было плохое поле битвы. Англійскій главнокомандующій упиралъ въ особенности на малочисленность союзной кавалеріи, между тѣмъ какъ Русскіе были богаты отличными лошадями. Партія слишкомъ неровная.“

„Вице-адмиралъ Гашеленъ возражалъ съ большою энергіею. По его мнѣнію, экспедиція, предпринятая на такихъ условіяхъ, была похожа на авантюру. Союзныя силы казались ему недостаточными. Эскадры конечно могли покровительствовать высадкѣ, но нельзя было сказать навѣрное; удержатся ли они, сколько нужно, въ морѣ, по причинѣ равноденственныхъ вѣтровъ, которыхъ возвращеніе близко. Можетъ быть, имъ придется, въ концѣ сентября, искать гдѣ нибудь безопасной стоянки, дабы избѣгнуть яростныхъ бурь, столь свойственныхъ Черному морю. Тогда сухопутная армія будетъ предоставлена самой себѣ; это одна изъ непріятныхъ случайностей, которая можетъ выйти совершенно гибельной. Климатъ Крыма не похожъ на климатъ одинакихъ съ нимъ широтъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду сосѣдство моря и присутствіе горныхъ хребтовъ. Крымъ, южная оконечность Россіи, представляетъ резервуаръ климатическихъ неровностей этого обширнаго государства. Случалось, что Севастопольская бухта замерзала. Если не удастся взять Севастополь сразу, то, для чести Франціи и Англіи, должно будетъ предпринять осаду. Кто скажетъ, чѣмъ кончится тогда экспедиція? Возраженіе лорда Раглана касательно недостатка свѣдѣній о полевыхъ силахъ Русскихъ и объ укрѣпленіяхъ Севастополя съ сухаго пути весьма серьозно. Всѣ эти соображенія не позволяютъ адмиралу подать голосъ въ пользу экспедиціи.“

„Маршалъ С. Арно отвѣчалъ кратко, но энергически. Онъ повторилъ свои доводы еще настойчивѣе, чѣмъ въ первый разъ, и въ заключеніе сослался на всеобъемлющій (très compétente) авторитетъ императора.“

„Послѣ него говорилъ принцъ Наполеонъ почти три четверти часа. Мы должны сказать, что онъ выразилъ сколько свою мысль, столько же и генерала Боске и герцога Кембриджскаго, съ которыми переговорилъ наканунѣ.“

„Принцъ опровергалъ безусловно какъ идею, такъ и исполненіе плана. Авторитетъ императора, конечно, имѣлъ свою силу; но императоръ, находясь въ Біаррицѣ, не могъ видѣть всѣхъ затрудненій, которыя оказываются вблизи, на практикѣ. Разстояніе, раздѣляющее его отъ театра войны, создаетъ миражи. Онъ правъ, какъ наслѣдникъ имени, съ коимъ связаны славныя военныя преданія; онъ правъ, намѣреваясь возвратить Франціи прежнее мѣсто между народами и отмстить за прошедшее. Но нельзя начинать съ того, чѣмъ кончилъ Наполеонъ 1-й. Вторгнуться въ предѣлы Россіи — значитъ предоставить себя на волю случая. Маршалъ самъ сознается въ этомъ. Нѣтъ положительныхъ свѣдѣній ни о климатѣ, ни о средствахъ страны, ни о силахъ непріятеля внѣ и внутри Севастополя, а равно и объ его укрѣпленіяхъ, которыя могутъ быть столь же значительны съ суши, какими представляются съ моря. Едвали адмиралы рѣшатся подставить свои корабли подъ жерла 600 орудій, охраняющихъ портъ и бухту, а потому никакъ нельзя разсчитывать на приступъ съ помощью эскадръ, которыхъ назначеніе сражаться съ кораблями, а не со стѣнами. (Адмиралы дѣлаютъ одобрительный знакъ.“)

„Настоящее поле битвы для союзныхъ армій — все-таки Дунай, а за нимъ Прутъ. Они увидѣли бы себя въ краю богатомъ и плодоносномъ, среди сочувствующаго имъ народонаселенія и опирались бы на значительную рѣку и на нѣсколько крѣпостей. Такое поле битвы одинаково удобно для наступленія и ретирады. Торжествующая турецкая армія могла бы служить серьозной помощью. Деморализованные неудачами и ошибками своихъ генераловъ, Русскіе едва

ли бы избѣгли окончательнаго пораженія. Сверхъ того, этотъ планъ представляетъ еще и тѣ выгоды, что союзники могли бы обойтиться безъ Австріи. Присутствіе ихъ на границахъ Венгріи, въ 60 льё отъ Польши, доставило бы имъ полное господство въ разныхъ отношеніяхъ. Война управляла бы дипломатіей, предписывая законы Вѣнѣ и Берлину. Еще не ушло время привести такой планъ въ исполненіе. Медленность, съ какою Русскіе очищаютъ княжества, есть обстоятельство, за которое можно еще ухватиться. Если же Крымская экспедиція, не смотря на возраженіе лицъ, коихъ мнѣніе само по себѣ есть уже авторитетъ, рѣшена, то необходимо подумать о настоящемъ планѣ дѣйствій, а объ немъ то и не было рѣчи. Говорили о подробностяхъ, о частяхъ, а цѣльнаго плана совокупныхъ дѣйствій представлено еще не было." „Высадиться въ Крыму съ сѣвера или съ юга, разбить Русскихъ и идти на Севастополь—это не есть еще планъ серьозной кампаніи. Прежде всего должно запереть Русскимъ Крымскій полуостровъ, отрѣзать Севастополь отъ имперіи, а князя Меншикова отъ резервовъ, которые могутъ подойти къ нему съ Дуная. Для этого нужно занять предварительно Перекопскій перешеекъ, посадить тамъ двѣ дивизіи въ неприступныхъ позиціяхъ, подъ прикрытіемъ артиллеріи пароходовъ. Потомъ занять Симферополь, правительственный центръ Крыма, и тѣмъ упрочить за собою полученіе провіанта, одежды, квартиръ и фуража на всѣхъ пунктахъ полуострова. Послѣ этого можно идти на Севастополь, взять его или обложить. Безъ этихъ предварительныхъ распоряженій, Крымская экспедиція была бы дѣйствительно похожа на авантюру, какъ выразился адмиралъ Гашеленъ. Въ заключеніе, по всей вѣроятности, насъ ожидала зимняя кампанія, на чужой почвѣ, то есть, чистое безумство."

„Маршалъ возразилъ рѣзко и позволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько явственныхъ намековъ на мысли и весьма извѣстныя отношенія принца къ нѣкоторымъ лицамъ (48). Принцъ прервалъ его и сказалъ, что выбираетъ друзей по своему усмотрѣнію. Что же касается до образа мыслей, онъ основываетъ ихъ на интересахъ Франціи и національныхъ преданіяхъ первой имперіи, въ чемъ никто, кромѣ его самаго, ему не судья."

„Генералъ Канроберъ объявилъ себя въ пользу экспедиціи. Онъ изложилъ подробно результаты своей рекогносцировки къ юго-западнымъ берегамъ Крыма. Высадка на южную сторону Севастополя была возможна, но высоты укрѣплены и представляютъ сильныя препятствія. Съ палубы Фуріуса онъ и его товарищи ясно видѣли Русскій лагерь, заключавшій, какъ надо полагать, до 25 тыс. человѣкъ. На Сѣверной сторонѣ, между однимъ значительнымъ фортомъ (49) и рѣкою Бельбекомъ, стоялъ другой лагерь, тысячъ въ 6 человѣкъ. Высадиться можно было на западномъ берегу Евпаторіи, посреди ровной мѣстности, гдѣ виднѣлись развалины какого то стараго укрѣпленія. Оттуда союзная армія могла дойти до Севастополя въ три - четыре дни, не давъ кн. Меншикову сосредоточить свои войска и серьозно воспротивиться нашему движенію. Дѣйствуя такимъ образомъ, мы имѣли нѣкоторыя вѣроятности разбить Русскихъ, а будучи разбиты, они бы, конечно, оставили Севастополь. Но что будетъ, если крѣпость хорошо вооружена и не сдастся? спросилъ лордъ Рагланъ. Маршалъ отвѣчалъ, что тогда должно будетъ штурмовать сѣверныя укрѣпленія, занятіе которыхъ откроетъ путь и на южную сторону города. Если же Сѣверъ представитъ значительныя препятствія, то перейти на Югъ и начать правильную осаду, при содѣйствіи эскадръ, кои найдутъ хорошую стоянку подъ берегами, преимущественно въ балаклавской бухтѣ, уже осмотрѣнной адмираломъ Лайонсомъ."

„За тѣмъ стали говорить о мелкихъ подробностяхъ экспедиціи, которая, наконецъ, одобрена большинствомъ голосовъ. Лордъ Рагланъ, не смотря на свои основательныя возраженія, подалъ голосъ въ пользу высадки. Генералъ Боске также. Противъ экспе-

(48) Разумѣлись отношенія принца къ Полякамъ и Венгерцамъ. Принцъ въ особенности былъ друженъ съ графомъ Браницкимъ.

(49) Константиновская батарея.

диціи были: вице-адмиралы Гашеленъ и Дундасъ, герцогъ Кембриджскій и принцъ Наполеонъ" ([50]).

Если послѣдній дѣйствительно хлопоталъ въ пользу Венгерцевъ и Поляковъ (которыхъ представители толпились въ союзномъ станѣ) то этимъ содѣйствовалъ тогдашнему настроенію мыслей императора, который выказывалъ какіе то разсчеты на Славянъ. Кто знаетъ, что̀ это за разсчеты и сколько въ нихъ искренности. Скорѣе всего этимъ прикрывались какіе-либо другіе планы. Императоръ съ давнихъ поръ заявляетъ великодушное поползновеніе возстановить Славянскія государства, подпавшія чужеземному игу; но вѣроятно, онъ сойдетъ съ трона, а никто не увидитъ осуществленія его великодушныхъ мыслей. Какъ бы то ни было, Мицкевичь, когда Наполеонъ былъ еще президентомъ, получилъ приглашеніе прибыть въ Елизейскій дворецъ. Знаменитый поэтъ (который всегда увлекался наполеонизмомъ) повелъ длинную и кудрявую рѣчь, но принцъ ея не дослушалъ и, отвернувшись, съ кѣмъ то заговорилъ. Мицкевичь растерялся и ушелъ домой, совершенно убитый такимъ невниманіемъ принца. Практическіе люди говорили ему: „Не унывай! Все это ровно ничего не значитъ. Даже, напротивъ, скорѣе поведетъ къ благопріятнымъ результатамъ, нежели внимательное выслушаніе рѣчей".... Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней Мицкевичу дали мѣсто библіотекаря въ Арсеналѣ и тогда же сообщили по секрету, что правительство будетъ имѣть случай обратиться къ нему за болѣе важными услугами. Въ началѣ Крымской кампаніи Мицкевичъ былъ призванъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, и ему дали порученіе, котораго тайну, какъ выражались въ древности, „онъ унесъ въ могилу" ([51]).

Принцу Наполеону могли быть сообщены разсчеты императора на Славянъ, и принцъ могъ дѣйствовать съ этой стороны, на Востокѣ, совершенно искреннимъ образомъ, не понимая самъ сущности задачи. А задача была — какъ можно болѣе скрыть Крымскую экспедицію, и разсѣять всеобщее вниманіе по разнымъ радіусамъ. Кажется, первоначально, одинъ маршалъ зналъ что̀ такое дѣлается и для чего всѣ эти пустыя передвиженія войскъ, смотры, Добруджа. Когда все установилось на свои мѣста, когда пробилъ урочный часъ (кажется нѣсколько опоздавшій, позатянутый) маршалъ погналъ приготовленія на почтовыхъ. Французамъ такіе сборы были не въ диковинку, но Англичане никакъ не могли поспѣвать. Маршалъ ссорился съ ними, хлопоталъ и надрывался до невѣроятности, проводилъ цѣлые дни на конѣ и разстроилъ свое здоровье. „Сильно плохо, пишетъ онъ къ сестрѣ отъ 18 августа н. ст., но я перебьюсь, потому что имѣю душу, которая не труситъ ни въ какомъ случаѣ"([52]). Но въ самомъ дѣлѣ онъ струсилъ, почувствовавъ, что силы его гаснутъ съ каждымъ часомъ... Разстаться съ исполненіемъ такой мысли! Исчезнуть, не сдѣлавъ ничего при подобныхъ средствахъ! Въ этихъ потрясающихъ для него минутахъ, въ этомъ исчезновеніи силъ маршала въ то самое время, когда дѣло экспедиціи только что закипѣло — таится великій смыслъ событія. Маршалъ палъ для славы Франціи необходимою жертвой. Только его болѣзненная, можно сказать, безумная энергія двинула въ ходъ эту сложную, не совсѣмъ устроенную машину. А благополучный исходъ всего этого—есть дѣло чисто случайное. Иди все обыкновеннымъ путемъ, будь здоровъ маршалъ—мысль объ экспедиціи осталась бы, покрайней мѣрѣ въ томъ году, одною только мыслію. Замедлись мало-мало приготовленія—и было бы поздно. Притомъ, *почти всѣ* были противъ экспедиціи, покрайней мѣрѣ сильно ея боялись. Мар-

([50]) Стр. 35—42.
([51]) Московскія вѣд. 1860, № 35.

([52]) Стр. 465.

шалъ въ здоровомъ состояніи могъ и самъ осмотрѣться... Но тутъ онъ метался въ своихъ настойчивыхъ приказаніяхъ и никого не хотѣлъ слушать. Онъ умиралъ... онъ бы умеръ, если бъ его не поддержалъ благоуханный мускусъ ожидаемыхъ побѣдъ! Это были чрезвычайныя мгновенія французской исторіи. Маршалъ перевезъ армію, выигралъ первое сраженіе и закрылъ глаза. Больше не хватило силъ. Монитёръ отъ 11 октября н. стиля (1854) говоритъ такъ объ этомъ событіи: „Мы знали, что онъ боленъ и сильно страдаетъ, но кто могъ думать, что смерть уже тутъ, такъ близко, и что человѣкъ властенъ ее видѣть и забыть, или, скорѣе, приказать ей подождать у двери? Силою воли маршалъ вырвалъ у смерти нѣсколько дней, нѣсколько часовъ. Какіе дни, какіе часы! Дни прибытія въ Крымъ, часы Альминской битвы!"

*

Взглянемъ теперь, что́ дѣлаетъ нашъ любезный Севастополь.

Мы оставили его только что послѣ Синопской битвы. Цѣлый мѣсяцъ чинились поврежденныя суда. Потомъ, часть флота крейсировала у Кавказскихъ береговъ, а часть стояла на рейдѣ, совершенно готовая къ бою. Въ концѣ декабря (1853) Корниловъ, за болѣзнію Нахимова, вступилъ въ командованіе всѣмъ флотомъ. Впрочемъ, Нахимовъ и самъ готовъ былъ во всякое время передать Корнилову книги въ руки. Впослѣдствіи, подстрекаемый разнымъ народомъ, онъ нерѣдко вооружался противъ нѣкоторыхъ распоряженій Корнилова, шумѣлъ и топалъ, но тутъ же, по обыкновенію, приказывалъ подать гичку ([53]) и мчался на корабль „Константинъ", чтобы наговорить кучу извиненій и разныхъ необыкновенныхъ вещей, которымъ Корниловъ только улыбался.

Хотя изъ всѣхъ, служившихъ въ Севастополѣ, Корниловъ былъ дѣйствительно самый способный для управленія флотомъ и всѣмъ, однако и онъ былъ далеко не то, что́ требовалось тогда Севастополю. Требовался новый, ясный лучъ для озаренія этого хаоса; а имъ то не могъ быть Корниловъ, всосавшій въ себя съ колыбели стародавніе русскіе порядки. Онъ видѣлъ пользу въ постоянной, съ утра до ночи, бюрократической вознѣ, въ безконечныхъ приказахъ, гдѣ все начиналось большею частію не съ того конца. Не только не усматривалось перваго плана картины, не было ровно никакого плана, системы и порядка. Напримѣръ (перейдемъ прямо къ Севастополю): никто бы не могъ объяснить ни тогда, ни теперь, съ какой цѣлью стали строить прежде всего батареи ([54]), по рейду, а не озаботились укрѣпленіемъ южной стороны и другихъ открытыхъ воротъ. Посылали корабли пугать Черкесовъ, а матросское вооруженіе оставалось даже до нашего времени въ древнемъ младенческомъ состояніи, при самыхъ неслыханныхъ ружьяхъ съ кремнями, при какихъ-то дреколіяхъ временъ Очакова... Ужъ нечего говорить объ устройствѣ печей для литья бомбъ и ядеръ, которыя до конца привозились изъ Кіева (!), хотя и былъ человѣкъ, предлагавшій съ этой стороны свои безкорыстныя услуги. Нечего и говорить объ исправленіи дорогъ, хоть бы подъ самымъ Севастополемъ...

Слѣдуя книгѣ Жандра, можно указать, какого рода работы были сдѣланы въ Севастополѣ до приближенія роковаго момента.

Только въ февралѣ (1854) убивъ понапрасну цѣлыхъ три мѣсяца, обратили вниманіе на южную сторону и заложили 4, 5 и 6-й бастіоны. Въ мартѣ,

([53]) Особый родъ длинной и узкой лодки, чрезвычайно быстрой на ходу. Въ гичкахъ обыкновенно ѣздятъ адмиралы и капитаны.

([54]) 12-апостольская, Парижская и Святославская. Освящены 6 генваря 1854.

почему-то, снова бросились на сѣверную сторону и приступили къ постройкѣ, близъ Константиновской батареи, башни Мортелло, которая впослѣдствіи получила названіе Волоховой, потому что ее строилъ отставной поручикъ Волоховъ.

Въ это время въ первый разъ заговорили о возможности высадки непріятеля на Крымскій берегъ... Англійскіе и французскіе пароходы стали показываться очень часто въ виду Севастополя и вызывали нашихъ на гонку. Это была единственно только гонка. Мы не поймали ни одного Англичанина, ни одного Француза; упражнялись только на Туркахъ. Пароходъ „Владиміръ" все-таки обратилъ вниманіе нашихъ Европейскихъ противниковъ своими смѣлыми крейсировками и эволюціями. Имя его стало извѣстно въ союзныхъ арміяхъ. „Русскій флотъ не игрушка, если судить о немъ по Владиміру" ([55]) пишетъ С. Арно своему брату.

Капитанъ Бутаковъ, командиръ „Владиміра" необыкновенно ловкій и расторопный морякъ. Его искусство управлять пароходомъ равнялось искусству ладить съ людьми. Онъ былъ извѣстенъ кн. Меншикову, очаровалъ и покорилъ потомъ и Горчакова, былъ друженъ съ Нахимовымъ, выражалъ уваженіе Сакену, любезничалъ и съ тѣми, кто писалъ реляціи и свои домашнія записки. Не ушелъ отъ его глаза, глядѣвшаго съ виду очень просто, и немудрый художникъ, который могъ черкнуть въ своемъ походномъ альбомѣ изображеніе хоть бы гонки Владиміра за Первàзъ-Бахрú... И въ П.-бургѣ знали храбраго капитана и сдѣлали его, черезъ годъ, губернаторомъ Николаева.

Въ маѣ начали крейсировать корабли и фрегаты (до тѣхъ поръ, въ новомъ году, крейсировали одни пароходы). Корниловъ угощалъ морскими эволюціями своихъ сухопутныхъ пріятелей, разныхъ генераловъ и полковниковъ изъ 6-го корпуса. Сухопутные, въ свою очередь, такъ же не оставались въ долгу и отплачивали морякамъ блистательными смотрами, въ родѣ Московскихъ и П.-бургскихъ. При этомъ въ особенности отличался К. Засматриваясь на своихъ баснословныхъ солдатъ, какъ артистъ своего дѣла, онъ нерѣдко восклицалъ къ окружающимъ: „вы посмотрите, что я съ одними штуцерными надѣлаю!" А этихъ штуцерныхъ было у него всего на все около 300 въ цѣлой дивизіи ([56]). Невинная душа его не знала, что такое количество есть совершенный нуль въ сравненіи съ цѣлыми штуцерными полками, существующими давнымъ давно въ англійской и французской арміи. Къ сожалѣнію, не одинъ К. такъ думалъ. Всѣ плохо знали о штуцерахъ иностранныхъ войскъ. Мечтанія наслаждавшихся Севастопольскими смотрами летѣли за облака. „Молодцы, ребята! Да мы ихъ шапками закидаемъ!" Эта стереотипная фраза стародавняго русскаго богатырства, ничего не значущая теперь, засѣла въ насъ глубоко и отражалась на всѣхъ лицахъ, когда, при громкихъ звукахъ трубъ и литавръ, „сколоченныя линіи какъ три струны"—великолѣпно проходили мимо... А между тѣмъ, близъ того самаго мѣста, гдѣ производились эти пышные смотры, уже чертился невидимою рукою пространный квадратъ необъятнаго кладбища, которое скоро должно было поглотить всѣхъ этихъ молодцовъ, какъ одного человѣка.

Да, морозъ подираетъ по кожѣ при мысли, какимъ страшнымъ незнаніемъ омрачены мы были тогда! Иногда угощавшіе смотрами, да и тѣ, которые были угощаемы, переносились съ холмовъ Севастополя на корабль „Константинъ" и тамъ, за хорошимъ обѣдомъ, разсуждали о предстоящей высадкѣ. Между прочими лицами бывалъ и Тотлебенъ, тогда еще скромный и неизвѣстный подпол-

([55]) Стр. 451.

([56]) Въ началѣ войны мы имѣли по одному стрѣлковому батальону на корпусъ и по 96 штуцерниковъ въ каждомъ полку.

ковникъ ([57]). К., неизбѣжное лицо на этихъ обѣдахъ, всегда чрезъ-мѣру выпивавшій, имѣлъ обыкновеніе подтрунивать надъ Тотлебеномъ и его оборонительными стѣнками. „А что, въ самомъ дѣлѣ, не срыть-ли ихъ намъ, генералъ?" спросилъ однажды Корниловъ. „Я ужъ объ этомъ думалъ, отвѣчалъ совершенно серьозно К., и намѣренъ объясниться съ кн. Меншиковымъ. Тутъ всего лучше идти на чистоту!"

Весь іюнь прошелъ въ крейсерствахъ и частію нѣкоторыхъ работахъ по батареямъ. Флотъ былъ поставленъ на отличную ногу, исключая крайне плохаго вооруженія матросовъ, о чемъ я уже сказалъ выше. Вѣроятно, кн. Меншиковъ съ Корниловымъ писали объ этомъ въ П.-бургъ, но не получали отвѣта.

10 іюля окончена постройкой и освящена Малахова башня. Имя Малахова кургана и потомъ башни, а наконецъ и герцога Малаховскаго, происходитъ отъ одного немудраго штурманскаго офицера, Александра Ивановича Малахова, который имѣлъ привычку сильно заливать за галстукъ, какъ всѣ штурмана, и въ такомъ положеніи уходилъ спать въ кусты, на курганъ, гдѣ впослѣдствіи, изгнанный изъ флота, открылъ даже лавочку, или харчевню. Весь Севастополь зналъ Малахова съ его харчевней и курганомъ, и скоро послѣдній былъ окрещенъ его именемъ ([58]).

И такъ на южной сторонѣ все-таки кое-что явилось до высадки. Она не была до такой степени обнажена, какъ обыкновенно воображаютъ. Но это были, въ сущности, только чертежи укрѣпленій, а не самыя укрѣпленія; можетъ быть, много-много, фундаментъ батарей, а никакъ не батареи. Подробную вѣдомость обо всѣхъ тогдашнихъ укрѣпленіяхъ можно видѣть въ книгѣ Жандра на стр. 158. Число всѣхъ орудій на прежнихъ и вновь воздвигнутыхъ батареяхъ было—761.

*

На разсвѣтѣ 14 іюля показались передъ Севастополемъ три непріятельскихъ парохода, и за ними 9 кораблей. Это была рекогносцировка Канробера. Пароходы прошли къ мысу Лукуллу и дѣлали по дорогѣ промѣръ. Весь Севастополь не безъ страха слѣдилъ за ихъ движеніями, и можетъ быть, сердце его билось... Чтобы броситься да возвесть на южной сторонѣ настоящія батареи! Не тутъ-то было. Русскій человѣкъ долго носитъ въ себѣ свое завѣтное авось!

Между тѣмъ всѣ были убѣждены въ неизбѣжности высадки. Кн. Меншиковъ давно писалъ объ этомъ въ П.-бургъ и просилъ подкрѣпленій; но ему отвѣчали, что войскъ у него слишкомъ довольно для отраженія перваго натиска.

Наконецъ кн. Меншиковъ, утомясь напрасной перепиской съ Петербургомъ, рѣшился послать своего сына курьеромъ къ кн. Горчакову, съ просьбою о помощи. Тогда кн. Горчаковъ возвращался съ арміей во своя си. Не имѣя уполномочія отдѣлить отъ себя какую бы то ни было часть войска, кн. Горчаковъ, еслибъ только находился въ обыкновенномъ настроеніи духа, ни за что бы не далъ ни дивизіи, ни полка, ни даже одного солдата, но тутъ вдругъ махнулъ рукой, и сказалъ: „ну, была не была!" — и помощь замиравшимъ отъ страха Севастопольцамъ двинута: цѣлая 16-я дивизія, стоявшая тогда на границахъ Трансильваніи, въ мѣстечкѣ Окнахъ ([59]).

Союзныя эскадры, 250 судовъ французскихъ, англійскихъ и турецкихъ,

---

([57]) Онъ принадлежалъ къ южной арміи и присланъ княземъ Горчаковымъ.

([58]) Слышалъ отъ старыхъ моряковъ въ Севастополѣ.

([59]) Выступила изъ Оконъ 13 іюля (1854), по ближайшему распоряженію барона Остенъ-Сакена, и шла обыкновеннымъ маршемъ до Тирасполя, а потомъ посажена на подводы. 1-я бригада (полки Сузд. и Влад.) прибыла на Альму 23 августа.

отправились съ десантомъ изъ Варны и Бальчика 23 августа (4 сентября ([60]).

Въ минуту отбытія маршалъ С. Арно отдалъ своимъ войскамъ слѣдующій приказъ.

„Солдаты!

„Вы отправляетесь представить собою прекрасное зрѣлище твердости, спокойствія и энергіи, среди удручающихъ обстоятельствъ, которыя надо забыть.

„Часъ пришелъ сразиться и побѣдить. Непріятель не дождался насъ на Дунаѣ. Его, упавшія духомъ и пораженныя болѣзнями шеренги медленно влачатся оттуда. Можетъ быть, само Провидѣніе хотѣло такимъ образомъ избавить насъ отъ бѣдствій въ этомъ гибельномъ климатѣ и призвало насъ въ Крымъ, страну здоровую, какъ и наша, и въ Севастополь, опору могущества Русскихъ, подъ стѣнами котораго мы должны дорогою цѣною купить миръ и, вмѣстѣ, право на возвращеніе къ своимъ очагамъ. Предпріятіе великое и достойное васъ! Вы его осуществите, съ помощью самыхъ громадныхъ распоряженій, морскихъ и сухопутныхъ, какія когда либо существовали.

„Союзные флоты, съ ихъ тремя тысячами пушекъ и двадцатью пятью тысячами матросовъ, вашихъ соревнователей и товарищей, доставятъ на землю Крыма англійскую армію, храбрость которой такъ чтили ваши предки; потомъ дивизію отборныхъ турецкихъ солдатъ, которые спѣшатъ отличиться передъ вашими глазами, и наконецъ армію французскую, которую я имѣю право и гордость назвать цвѣтомъ всѣхъ союзныхъ армій.“

„Я вижу во всемъ этомъ болѣе чѣмъ залогъ успѣха, я вижу—самый успѣхъ.

„Господа генералы, начальники частей, офицеры всякаго оружія! Вы раздѣлите и вдохнете въ сердца вашихъ солдатъ ту довѣренность, которою мое къ вамъ преисполнено.

„Скоро на стѣнахъ Севастополя мы будемъ привѣтствовать три союзныхъ знамени нашимъ національнымъ крикомъ: да здравствуетъ императоръ!“

26 августа (7 сент.) Французы были на высотѣ Змѣинаго острова и бросили якорь, въ ожиданіи Англичанъ, которые подошли только 28 августа (9 сентября).

Съ этихъ поръ начинаются опаздыванія Англичанъ, выводившія изъ терпѣнія маршала.

28 августа, французскія суда, въ соединеніи съ англійскими и турецкими, снялись съ якоря и пошли къ OSO, при попутномъ вѣтрѣ и ясномъ небѣ.

29 августа (10 сент.), утромъ французскій паровой корветъ „Примоге“ съ генералами Канроберомъ, Мартемире, Тьерри, Бизо, контръ-адмираломъ Буэ-Вильоме и полковниками Трошю и Лебёфомъ; англійскій корабль „Карадокъ“ съ генералами лордомъ Ргланомъ, Бургоиномъ и Броуномъ; англійскій корабль „Агамемнонъ“ съ контръ-адмираломъ Лайонсомъ, и корабль „Сампсонъ“, назначенный для охраненія предыдущихъ,—произвели окончательную рекогносцировку береговъ Крыма, отъ Херсонеса до Евпаторіи, и нашли, что лучшее мѣсто для высадки есть плоскій берегъ между Альмой и Евпаторіей, близъ урочища, названнаго на картѣ Старымъ Укрѣпленіемъ (Vieux-Fort, Old-Fort).

Всѣ эти корабли были усмотрѣны въ Севастополѣ въ 6-мъ часу утра 29 августа. Именины Государя-Наслѣдника. 30 августа (нынѣ царствующаго Государя Императора) тогда шефа Бородинскаго полка, праздновались великолѣпно въ лагерѣ полка, близъ Сѣвернаго укрѣпленія: гремѣла музыка, а вечеромъ зажглись плошки. Въ это время замѣтили точно такую же иллюминацію на морѣ, противъ Евпаторіи, на прибывшихъ туда корабляхъ непріятеля. Что значили эти огни, до сихъ поръ не извѣстно. Какъ будто это была огненная перекличка: „здравствуй!“—„здравія желаемъ!“

Черезъ два дни послѣ этого, именно 1 сентября, въ 10-мъ часу утра, увидѣли на горизонтѣ густой дымъ паро-

([60]) Брошюра франц. генерала стр. 43. Pick., стр. 75.

ходовъ ([61]); зрѣлище представляло большой движущійся городъ, съ дымными трубами фабрикъ и заводовъ. Это былъ знаменитый флотъ съ десантомъ. Разсказываютъ такое происшествіе: комендантъ города, генералъ-маіоръ Кизмеръ, сѣдой какъ лунь, вбѣжалъ, запыхавшись, къ кн. Меншикову и донесъ, что съ мыса Лукулла видятъ флотъ съ 5000 вымпеловъ ([62]). Меншиковъ уставилъ на него глаза: „кто это тебѣ сказалъ?" — Вотъ записка!—Въ этой запискѣ стояла такая краткая фраза: „Съ S. O. 70 вымпеловъ." Т. е. съ Зюйдъ-Оста 70 вымпеловъ. Комендантъ принялъ S. O. за цыфру 50, и прибавивъ къ ней 70, насчиталъ 5 тысячъ.

Что происшествіе съ пятью тысячами вымпеловъ дѣйствительно было, это несомнѣнно; но когда именно, передъ высадкой, или немного прежде, я рѣшить не берусь. Преданія Севастопольскихъ моряковъ относятъ его ко времени высадки. Я старался добиться подтвержденія въ офиціальныхъ, или хоть въ печатныхъ, документахъ. Одна книга Жандра наводитъ на слѣды этого роковаго для Кизмера Зюйдъ-Оста. Непріятельскій флотъ. лавировалъ къ Севастополю при этомъ вѣтрѣ 17 апрѣля ([63]). 1 сентября флотъ шелъ на румбъ ONO; но кромѣ этого получено тогда же кн. Меншиковымъ увѣдомленіе, что мимо Тарханкута прошло 70 непріятельскихъ судовъ ([64]), но вѣтеръ не обозначенъ.

Наши войска стояли въ это время въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1-я бригада 14-й пѣх. дивизіи г. м. Моллеръ, съ 3-ю и 4-ю легкими батареями 14-й арт. бригады—частію близь Камышевской бухты, частію на Куликовомъ полѣ (противъ 4-го бастіона); 4 резервныхъ батальона 13-й п. дивизіи—впереди 4-го, 5-го и 6-го бастіоновъ; 16-я п. дивизія, только что пришедшая, и три ея батареи—на Альмѣ; 2-я бригада 17-й п. дивизіи съ 4-ю и 5-ю легкими батареями 17-й арт. бригады; 12-я коннолегкая батарея полковника Бернадоса; 4 батареи резервной бригады 13-й п. дивизіи—на Сѣверной сторонѣ; одинъ батальонъ Бородинскаго егерскаго полка съ 6-мъ стрѣлковымъ батальономъ—на Бельбекѣ; 9-й саперный батальонъ на Корабельной, близь Ушаковой балки; гусары, уланы, казаки и ихъ батареи — большею частію въ окрестностяхъ Севастополя, за южной стороной; Лейхтенбергскій гусарскій полкъ—близь Георгіевскаго монастыря.

Сначала мы ожидали высадки у Казачьей или Песочной бухты, потомъ — у Качи. Послѣднее одержало верхъ, и на Качѣ сдѣлали 2—3 эполемента, и 2 раза производили примѣрные маневры. Почему-то воображалось, что непріятель непремѣнно попадетъ въ какой то треугольникъ: стрѣлки во рву, артиллерія изъ лѣсу картечью, а пѣхота ура на штыки! Но и такіе маневры въ оба раза не удались. Говорили, что все перепуталъ начальникъ 14-й дивизіи, генералъ М.

Много было напрасныхъ мытарствъ и переходовъ войскамъ, расположеннымъ около Альмы. Ихъ поминутно передвигали съ мѣста на мѣсто, что̀ называется пороли горячку. Это выражено въ современныхъ стихахъ такимъ образомъ:

От Такила до Альмы,
Отъ Альмы къ Каракіату,
Постоянно ходимъ мы
На погибель супостату.
Пусть же вѣдаютъ враги
Нашу удаль боевую:
Мы истопчемъ сапоги....

Получивъ въ $8^1/_2$ часовъ вечера того же 1 сентября извѣстіе, что непріятельскій флотъ становится на якорѣ близь Евпаторіи, кн. Меншиковъ спѣшилъ сосредоточить войска на рѣкѣ Альмѣ.

2-я бригада 17-й п. дивизіи (Бородинскій и Тарутинскій егерскіе) ночевала у селенія Мамашая, а на другой

([61]) Жандръ, стр. 175, 186.

([62]) Число слишкомъ невѣроятное.

([63]) Жандръ, стр. 151.

([64]) Жандръ, стр. 187.

день (2 сентября) направилась къ Альмѣ и стала „на позицію." Такъ великолѣпно выражались; но собственно, позиціи никакой не было: кто сталъ фронтомъ сюда, кто туда, и всякій распоряжался по своему усмотрѣнію.

Въ ту же ночь, съ 1 на 2 сентября, къ 1-й бригадѣ 16-й п. дивизіи (Владим. и Суздальскій пѣхотные) присоединился одинъ изъ ея егерскихъ полковъ, именно В. К. Михайла Николаевича, который кратко звали полкомъ его высочества. Изъ Симферополя прибылъ гусарскій гросъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго полкъ.

Всей арміи, какъ на Альмѣ, такъ и въ Севастополѣ было: 47 сухопутныхъ батальоновъ (тутъ же морскіе стрѣлковые), 16 эскадроновъ кавалеріи и 96 орудій, что съ казаками составляло не болѣе 33 тысячъ. Включая сюда морскіе экипажи, получимъ общую цыфру, близкую къ 50 тысячамъ (65).

Высадка союзниковъ произошла такъ:

Прежде всего, вечеромъ 1/13 сентября, три пароходо-фрегата отдѣлились отъ флота и вошли въ Евпаторійскую (Калашитскую) бухту. Полковники Трошю и Стель вышли на берегъ, подъ парламентерскимъ флагомъ, и потребовали сдачи города. Евпаторія сдалась безъ выстрѣла и вскорѣ занята французскими войсками.

Въ ночь съ 1/13 на 2/14 сентября, остальная часть флота отплыла къ югу и стала противъ селенія Тузлу (66). Въ 2½ часа утра двѣ ракеты съ корабля Ville-de-Paris, служили сигналомъ къ изготовленію десанта. Суда двинулись къ берегу. Въ 7 час. утра четыре вооруженные шлюпа подошли и стали: два противъ узкаго перешейка, отдѣляющаго озеро Камышлы́ (Кизлярское) отъ моря, и два другіе сѣвернѣе, противъ Кордона № 20. Къ послѣднимъ присоединились: еще одинъ фрегатъ и два парохода. Всѣ эти суда имѣли назначеніе способствовать десанту и охранять его въ случаѣ нужды. Флотъ выстроился въ нѣсколько линій противъ дебаркаціоннаго пункта и бросилъ якорь. На судахъ 1-й линіи (красный флагъ) находилась 1-я французская дивизія; на судахъ 2-й линіи (бѣлый флагъ)—2-я франц. дивизія; на судахъ 3-й линіи (синій флагъ) 3-я франц. дивизія. Такіе же флаги были воткнуты на берегу, для означенія мѣста, гдѣ собираться каждой дивизіи. Между тѣмъ адмиралъ Дундасъ отплылъ съ 4-ю дивизіею къ устью Качи, для произведенія тамъ демонстраціи десанта.

Англійскія суда заняли мѣста влѣво отъ французскихъ. Турки стали въ арьергардѣ.

Въ 7 часовъ и 10 минутъ (67), съ корабля Ville-de-Paris поданъ сигналъ начать десантъ. Французы стали садиться въ шлюпы. Каждый пароходъ бралъ на буксиръ по 8—и болѣе шлюпокъ. Въ 10 часовъ пароходы прибуксировали къ берегу болѣе 80 шлюпокъ: это былъ первый отрядъ, ступившій на нашу землю. Въ 11-мъ часу одинъ французскій батальонъ занялъ высоту вправо и впереди малаго озера и дорогу отъ Кордона № 20 въ Камышлы́; а три батальона стали впереди и лѣвѣе этого озера, на дорогѣ отъ того же Кордона къ селенію Тузлу.

Замѣтьте: это было 2 сентября, день вступленія Французовъ въ Москву! (*)

Англичане начали высадку въ 10 часовъ (68) и по мѣрѣ выхода на берегъ,

(65) Русскій Инвалидъ 1856, № 264.

(66) Всѣ эти подробности заимствованы частію изъ упомянутой статьи Р. Инв. (1856, 264) частію изъ брошюры франц. генерала и сочиненія Пика: Les fastes de la g. d'Orient. Болѣе подробныя свѣдѣнія можно найти въ книгѣ Буэ-Вильоме: Batailles de Terre et de Mer. 1855.

(67) Такъ у Буэ-Вильоме. У Пика: въ 8 часовъ безъ 10 минутъ.

(*) Такъ Тильзитскій миръ подписанъ въ день Полтавской баталіи, а послѣдній Парижскій миръ 1856 года въ день вступленія Русскихъ въ Парижъ въ 1814 году. *П. Б.*

(68) Они, какъ водится, замѣшкались и тутъ: «въ 10 часовъ (пишетъ одинъ изъ ихъ офицеровъ:

двигались вправо и пристраивались къ Французамъ съ лѣваго ихъ фланга.

Полевая артиллерія высаживалась на особенныхъ шаландахъ, коихъ изготовлено въ Константинополѣ 40. Каждая поднимала два орудія съ лошадьми, съ прислугой и зарядными ящиками. Репетиціи въ Варнѣ показали, что черезъ 15 минутъ послѣ того, какъ шаланда коснулась берега, привезенная на ней артиллерія можетъ дѣйствовать.

Высадка окончена совершенно благополучно $^{3}/_{15}$ сентября. Въ тотъ же день вычислено точное количество союзныхъ войскъ, коихъ оказалось 62 тысячи человѣкъ: 28 т. Французовъ, 26 т. Англичанъ и 8 т. Турокъ, но во всѣхъ этихъ войскахъ было замѣтно смутное безпокойство ([69]).

Англійскія войска не отличаются большимъ порядкомъ и опытностью въ походахъ: они оставили на корабляхъ свои палатки и отъ того сильно страдали ночью. На бѣду пошелъ дождь и подулъ крѣпкій, съ порывами, вѣтеръ. У Французовъ были не только палатки, но и теплыя одѣяла.

Разсказываютъ, что этотъ вѣтеръ остановилъ выгрузку артиллеріи, и союзники сильно боялись нашего нападенія...

Между тѣмъ болѣзнь маршала значительно усилилась, но не такія были минуты, чтобы лежать въ постелѣ. Онъ бодрился и этимъ повредилъ себѣ еще болѣе.

$^{4}/_{16}$ сентября онъ писалъ къ военному министру о высадкѣ, но ни слова не упомянулъ о своей болѣзни, и, кажется, думалъ, что во Франціи объ ней не знаютъ, или знаютъ вовсе не то, что̀ было на самомъ дѣлѣ; тогда какъ зоркое око давнымъ давно слѣдило за здоровьемъ маршала больше, чѣмъ всякая жена, и въ карманѣ одного генерала уже лежалъ потершійся пакетъ „о назначеніи преемника главнокомандующему восточной арміи, въ случаѣ его смерти.“

Того же $^{4}/_{16}$ сентября отданъ войскамъ слѣдующій приказъ маршала:

„Солдаты!

„Вы жаждете встрѣчи съ непріятелемъ въ продолженіи 5 мѣсяцевъ: онъ теперь передъ вами! Мы идемъ показать ему нашихъ орловъ. Готовьтесь къ трудамъ и лишеніямъ кампаніи, которая будетъ тяжела, но не продолжительна и поставитъ въ глазахъ Европы репутацію Восточной арміи въ уровень со всѣми, стоящими на первомъ планѣ въ военныхъ лѣтописяхъ.

„Вы не допустите, чтобы солдаты союзныхъ съ нами армій, ваши товарищи по оружію, превзошли васъ въ мужествѣ и стойкости при встрѣчѣ съ непріятелемъ, въ твердой непоколебимости при перенесеніи тяжелыхъ испытаній, которыя васъ ожидаютъ.

„Вы будете постоянно помнить, что мы ведемъ войну не противъ мирныхъ жителей Крыма, которые столько намъ преданы и которые, будучи охранены и успокоены нашей дисциплиной и полнымъ уваженіемъ къ ихъ религіи, не замедлятъ съ нами соединиться.

„Солдаты! Въ эту минуту, когда ваши знамена водружаются на землѣ Крыма, вы — надежда Франціи. Черезъ нѣсколько дней вы будете ея гордостью. Да здравствуетъ императоръ!“

Можетъ быть, вамъ покажется страннымъ, отъ чего я не привожу здѣсь русскихъ приказовъ. Казалось бы, эти приказы для меня ближе французскихъ. Но это единственно такъ кажется, а на дѣлѣ выходитъ иначе. Я не могъ добиться этихъ приказовъ никакими усиліями. Ближе всего искать ихъ въ тогдашнихъ „приказахъ Крымской арміи.“ Но эти послѣдніе печатались (сначала даже писались) небрежно, собирались также кое-какъ, и теперь едва ли есть гдѣ нибудь полный ихъ экземпляръ. У Французовъ и Англичанъ все это давнымъ давно напечатано во ста мѣстахъ и вошло въ записки первыхъ дѣйствующихъ лицъ.

Letters from Head-Quarters) у Французовъ было высажено 6 тысячъ человѣкъ, а у насъ только — семьдесятъ. По русскому показанію: высадка непріятеля произошла у селенія Кантугана.

([69]) Брошюра французскаго генерала, стр. 44.

Съ $^4/_{16}$ по $^7/_{19}$ сентября союзники выгружали осадную артиллерію и составляли диспозицію для движенія къ Альмѣ. Въ эти дни они терпѣли недостатокъ въ водѣ и дровахъ. $^7/_{19}$ войска тронулись.....

Въ тотъ же самый день (7 сент.) съ нашей стороны велѣно произвести рекогносцировку, для чего направлены съ позиціи, занятой войсками еще 2 сентября,—далѣе, за Альму, полки Тарутинскій и Бородинскій, при 4-й легкой батареѣ 17-й артил. бригады и при конно-легкой 12-й батареѣ полковника Бернадоса. Кромѣ того: гусарскій гросъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго полкъ, 9 сотенъ казаковъ и Донская конноартиллерійская батарея №4 ([70]). Весь отрядъ состоялъ подъ командой генерала Кирьякова.

Перейдя мостъ черезъ Альму, полки Тарутинскій и Бородинскій остановлены въ лощинѣ, передъ горой, на самой невѣроятной позиціи. Веймарскій гусарскій полкъ проскакалъ дальше.

Командиръ 4-й легкой батареи подполковникъ Кондратьевъ, не видя никакой возможности дѣйствовать въ лощинѣ, выѣхалъ, никого не спрашиваясь, на бугоръ и едва успѣлъ построить батарею, какъ къ нему подскакалъ офицеръ съ словами: „непріятель! непріятель!" ([71]) Вдали дѣйствительно маячила какая-то кавалерія, въ бѣлыхъ мундирахъ. Рѣшили, что это англійскіе кирасиры... Вдругъ выпалило 1-е орудіе, потомъ 2-е, 3-е, 4-е и 5-е. Кондратьевъ бросился къ нимъ и спросилъ: „кто стрѣляетъ?" и видитъ, что этимъ распорядился Кирьяковъ. Тутъ же со всѣхъ сторонъ раздались крики: „стой! свои! свои!" Дѣйствительно, мнимые англійскіе кирасиры оказались Лейхтенбергскими гусарами ([72]), которыхъ послали на фуражировку, нѣсколько раньше. Гусары были въ бѣлыхъ кителяхъ. Пущенныя ядра произвели въ ихъ рядахъ смятеніе и даже ранили офицера и солдата (которому командиръ батареи далъ послѣ 100 цѣлковыхъ). Халецкій наскакалъ на Кондратьева съ обнаженной саблей, но тотъ выхватилъ свою... Они рѣшили: послѣ рекогносцировки драться на дуэли, которая, впрочемъ не состоялась. Халецкій извинился передъ Кондратьевымъ, въ присутствіи многихъ офицеровъ, и тѣмъ кончилась эта невѣроятная въ лѣтописяхъ XIX столѣтія рекогносцировка.

Отрядъ Кирьякова воротился назадъ, за рѣку Альму, и сталъ на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ уже собралась вся наша армія. Она состояла изъ 42$^1/_2$ батальоновъ пѣхоты, а именно: 16 батальоновъ 16-й пѣх. дивизіи, 12 батальоновъ 17-й, 8 батальоновъ 14-й, 4 батальона 13-й резервной бригады, 6-й стрѣлковый батальонъ, морской стрѣлковый батальонъ и двѣ роты саперъ. Кромѣ того 16 эскадроновъ кавалеріи, 11 казачьихъ сотенъ, 7 пѣшихъ (72 орудія) и 3 конныхъ (24 орудія) батарей ([73]).

Мѣсто, занятое нами, представляло много выгодъ, но ими не умѣли воспользоваться.

Едва занялась заря, мы стали ожидать боя. Войскà стояли въ своихъ густыхъ колоннахъ, гдѣ послѣ каждое ядро пронизывало ряды отъ перваго до восьмаго. Мало этого: солдаты были въ каскахъ и въ ранцахъ.

Едва разсѣялся туманъ, какъ наши замѣтили движеніе въ рядахъ непріятеля, вытянутаго въ двѣ линіи, паралельно рѣкѣ Альмѣ, съ орудіями въ интервалахъ.

([70]) Въ Рус. Инв. 1856, № 268, прибавлена 5-я легкая батарея 17-й арт. бригады, но не была ли эта батарея съ другимъ гус. полкомъ, о которомъ я скажу ниже?

([71]) Это было часу въ 6-мъ вечера.

([72]) Полный титулъ: полкъ великаго князя Николая Максимиліановича.

([73]) Русскій Инвалидъ 1856, № 264. По другимъ источникамъ, моряковъ было два батальона, по 450 чел. въ каждомъ. Однимъ командовалъ капит лейт. 38 экипажа Рачинскій, другимъ капит. лейт. 35 эк. Манухинъ.

Центръ занимала 3-я франц. дивизія, подъ командой принца Наполеона. Лѣвое крыло (Англичане, подъ начальствомъ генераловъ Леси-Эванса и Броуна) приходилось прямо противъ моста. Сюда же примыкалъ и генералъ Канроберъ съ 1-ю дивизіею. Правое крыло (74) (2-я франц. дивизія генерала Боске и 4 т. Турокъ) загибалась къ дорогѣ. Резервы (4-я франц. дивизія, 5-я англійская и 4 т. Турокъ) помѣщались за центромъ. Кавалеріи у непріятеля всего на все было: два эскадрона Французовъ и 4-й и 17-й англійскіе кавалерійскіе полки.

Въ бинокль можно было считать орудія: по 6 въ каждомъ интервалѣ.

Въ 4 часа утра непріятель ударилъ генералъ-маршъ. Это слышали у насъ и—сердца замерли. Въ $6^1/_2$ часовъ 2-я французская дивизія двинулась, въ густой колоннѣ, къ рѣкѣ, но потомъ по приказанію маршала остановилась, дабы подождать Англичанъ. Въ 10 часовъ началось общее движеніе колоннъ (75). Они подавались къ рѣкѣ, не измѣняя фронта; потомъ укоротили шагъ, и въ это время правый флангъ непріятеля (дивизія Боске) сталъ обходить занимаемыя нами высоты. Бригада д'Отмара пошла на селеніе Альма-Тамакъ, а бригада Буа тронулась по берегу моря, къ устью Альмы, и перешла рѣчку по узкой отмели, по поясъ въ водѣ. Двѣ батареи, слѣдовавшія позади, не могли тутъ проѣхать и повернули къ д'Отмару, на Альма-Тамакъ, гдѣ бродъ былъ мельче. Въ 12-мъ часу бригада Буа стала подыматься къ намъ на высоты (около маяка и нѣсколько правѣе (76), по тѣмъ самымъ тропинкамъ, которыя наканунѣ признаны нами непроходимыми ......

(74) Отъ нихъ правое; выше, отъ нихъ лѣвое

(75) Русскій Инвалидъ 1856, № 268. Никъ, стр. 88, 89 и нѣкоторые другіе источники.

(76) Отъ нихъ правѣе.

НА НОВЫЙ 1855 ГОДЪ.

Стоимъ мы слѣпо предъ Судьбою:
Не намъ сорвать съ нея покровъ!
Я не свое тебѣ открою,
Но бредъ пророческій духовъ.

Еще намъ далеко до цѣли:
Гроза реветъ, гроза растетъ,
И вотъ, въ желѣзной колыбели,
Въ громахъ, родится новый годъ!

Черты его ужасно строги:
Кровь на рукахъ и на челѣ;
Но не однѣ войны тревоги
Несетъ онъ міру на землѣ!

Не просто будетъ онъ воитель;
Но, исполнитель тяжкихъ каръ,
Онъ совершитъ, какъ поздній мститель,
Давно обдуманный ударъ.

Для битвъ онъ посланъ и расправы.
Съ собой несетъ онъ два меча:
Одинъ—сраженій мечь кровавый,
Другой сѣкиру палача.

Но для кого?.... Одна ли выя,
Народъ ли цѣлый обреченъ?
—Слова не ясны роковыя,
И смутенъ замогильный сонъ.

Ѳ. Тютчевъ.

Въ началѣ 1855 года намъ довелось услышать эти стихи въ одномъ тѣсномъ пріятельскомъ кружкѣ; но они были весьма мало распространены, почти вовсе не ходили по рукамъ, какъ другія тогдашнія произведенія, и до сихъ поръ мы не встрѣчали ихъ въ печати. Между тѣмъ стоитъ перенестись мыслію къ злосчастной эпохѣ Альмы и Инкермана, стоитъ вспомнить напряженіе всей Европы, тогдашнюю общественную и политическую духоту, чтобы понять, какой животрепещущій смыслъ имѣло это стихотвореніе для того времени. Нельзя не признать за нимъ высокаго *историко-литературнаго* значенія. Мы испросили

у автора обязательнаго дозволенія закрѣпить печатью эти удивительныя въ ихъ поэтической чуткости строфы. *П. Б.*

КОНЧИНА АДМИРАЛА КОРНИЛОВА. (*)

Пишу тебѣ, другъ мой подъ свистомъ бомбъ и ядръ и опишу тебѣ смерть нашего Владиміра Алексѣевича! Поклонись отъ всѣхъ насъ его супругѣ, скажи ей, что намъ близка ея потеря, что всѣ мы поражены горестью, что Россіи потеря Корнилова чрезвычайно важна, что государь понимаетъ это также: ибо за нѣсколько часовъ до смерти нашего адмирала, во время самаго боя, флигель адъютантъ былъ присланъ къ Владиміру Алексѣевичу сказать: «Если суждено Севастополю погибнуть, то я одного прошу у Бога для себя и Россіи, чтобы Онъ сохранилъ тебя». И дѣйствительно въ послѣдніе дни Владиміръ Алексѣевичь явился въ такомъ величественномъ, такомъ геройскомъ видѣ, что стяжалъ справедливую славу великаго человѣка. Я тебѣ писалъ уже, какъ мастерски взялъ онъ на себя великую отвѣтственность, которую не понимали другіе! Въ минуту опасности 14-го сентября Корниловъ выросъ какъ исполинъ среди бѣдъ: самовольно вмѣшался онъ въ распоряженія сухопутнаго начальства, принялъ вполнѣ управленіе морскимъ вѣдомствомъ и началъ распоряжаться, какъ диктаторъ. Всѣ увидѣли въ немъ отмѣченаго божественнымъ перстомъ человѣка. Старшіе повиновались ему безъ упрека, младшіе принимали его слово съ энтузіасмомъ: «Царь надѣется, что мы отстоимъ Севастополь» говорилъ онъ войскамъ, объѣзжая оборонительную линію 15-го сентября. Не вѣрьте отступленію, тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ отступленіе, и если я самъ прикажу отступить: коли меня!» И всѣ съ восторгомъ обѣщали ему скорѣе умереть, чѣмъ отступить. Съ разсвѣтомъ 5-го октября непріятель открылъ сильный огонь по нашимъ батареямъ, которыя отвѣчали ему мастерски; воздухъ сгустился отъ дыму, солнце обозначалось блѣднымъ мѣсяцемъ. Дѣятельный и рѣшительный адмиралъ поскакалъ на бастіонъ № 4, центръ нашей позиціи, и мы, его приближенные, едва могли поспѣвать за нимъ. Ядра и бомбы летѣли на 4-й бастіонъ одна за другою, а Корниловъ съ сверкающимъ взглядомъ подходилъ къ каждому орудію, вдохновлялъ каждаго человѣка. Потомъ мы поѣхали по линіи, съ 4-го на 5-й бастіонъ; тамъ Ильинскій командовалъ бастіономъ, и увидя его говорилъ ему: «Ваше превосходительство, за чѣмъ вы ѣздите по бастіонамъ? Вы доказываете тѣмъ, что вы въ насъ не увѣрены; я васъ прошу уѣхать отсюда, я вамъ ручаюсь,—я исполню свой долгъ».—На эти слова, исполненныя боязни за жизнь адмирала, онъ отвѣтствовалъ среди ядръ и бомбъ: «А за чѣмъ вы хотите мѣшать мнѣ исполнить свой долгъ? мой долгъ видѣть всѣхъ». И онъ былъ правъ: дѣйствительно ему надо было показаться войскамъ, которыя принимали его съ энтузіасмомъ, и вотъ почему мы не очень убѣждали его возвратиться. Замѣтивъ, что на 5 бастіонѣ нѣтъ воды для питья, онъ послалъ меня позаботиться объ

(*) Копія съ этаго частнаго письма была прислана профессору Пименову, когда онъ занятъ былъ компанованіемъ памятника Корнилову; (изъ памятника одному, какъ извѣстно, вышелъ въ послѣдствіи *памятникъ тремъ адмираламъ*, въ проектѣ Пименова). *П. П.*

водѣ, и когда я возвратился донести ему, что отправилъ по нѣскольку бочекъ воды на каждый бастіонъ, то засталъ его дома за чаемъ. Вскорѣ пріѣхалъ къ нему князь Меншиковъ, и вмѣстѣ съ княземъ онъ поѣхалъ къ графской пристани. Князь отправился на сѣверную, а мы снова на 4-й бастіонъ. По дорогѣ адмиралъ разослалъ Шестакова и Скарятина съ порученіями, такъ что при немъ оставался я одинъ. На 4-мъ бастіонѣ, мы встрѣтили полковника генеральнаго штаба Попова, для первыхъ распоряженій въ случаѣ штурма 4-го бастіона. Адмиралъ оставилъ Попова на Театральной площади, а самъ поѣхалъ вокругъ Южной бухты, на бастіонъ 3-й, а отъ туда на Малаховый курганъ. Признаюсь, мнѣ весело было ѣхать рядомъ съ нимъ. На 3-мъ бастіонѣ ядра и бомбы сыпались какъ градъ, но адмиралъ тихо и спокойно говорилъ съ каждымъ. Я свято вѣрилъ въ его счастливую звѣзду; я былъ спокоенъ, доволенъ даже перекрестнымъ огнемъ, чрезъ который мы проѣзжали. На Малаховомъ курганѣ мы сошли съ лошадей. Я вскорѣ почувствовалъ, какъ бы ударъ въ правую ногу выше колѣна; упалъ — это была контузія, отъ которой я почти совершенно оправился, доказательствомъ чего служитъ то, что 6-го числа я несъ адмирала нашего изъ Михайловской церкви вокругъ Петропавловской, до могилы въ склепъ Михаила Петровича (*). Нѣсколько разъ предлагалъ я Владиміру Алексѣевичу ѣхать домой, но какой-то злой духъ удерживалъ его: «Постойте, говорилъ онъ, мы поѣдемъ еще къ тѣмъ полкамъ (Бутырскому и Бородинскому), а потомъ госпитальной дорогой домой». Наконецъ въ ½ 12 мы пошли къ лошадямъ....... и онъ упалъ; лѣвая нога у самаго живота была оторвана. «Отстаивайте же Севастополь", сказалъ онъ намъ офицерамъ, взявшимъ его на руки. Мы положили его за брутстверомъ, между орудіями, и скоро онъ обезпамятовалъ. Ни крика, ни стона его не слышалъ никто. Когда пришли два медика, за которыми я послалъ въ ближайшій перевязочный пунктъ, и я увидѣлъ, что они не знаютъ какъ приняться за дѣло, я поскакалъ въ госпиталь, и сказалъ Комаровскому. Сей часъ лучшій хирургъ Лаврентьевъ и носилки были отправлены за Владиміромъ Алексѣевичемъ, а я поѣхалъ съ его же порученіями къ Нахимову и Моллеру. Послѣ меня, адмирала понесли въ перевязочный пунктъ, гдѣ онъ причастился Святыхъ Таинъ. „Скажите моимъ сыновьямъ, сказалъ онъ священнику, чтобы они служили вѣрно царю и отечеству". А. А. Поповъ былъ при немъ послѣднія минуты, и сказалъ мнѣ слѣдующее: „Когда Истоминъ хотѣлъ успокоить его надеждою выздоровѣть, адмиралъ сказалъ: „Нѣтъ, нѣтъ, туда гдѣ Михаилъ Петровичъ!" Потомъ онъ говорилъ: „Спаси, Господи, царя и Россію, сохрани Севастополь и Черноморскій флотъ!"—Передавъ порученія Попову, онъ прибавилъ: „Кланяйтесь всѣмъ, скажите какъ пріятно, сладко умирать, когда совѣсть чиста". — Львовъ пришелъ сказать ему, что Англичане дѣйствуютъ только двумя орудіями. Онъ закричалъ: *Ура!* и вскорѣ умеръ.

6-го числа вечеромъ всѣ суда спустили флаги, и погребальная церемонія тронулась. Это была мрачная церемонія; сумерки освѣщенные факе-

(*) Лазарева.

лами и полетами бомбъ, горесть всѣхъ окружающихъ, все гармонировало одно съ другимъ. Ни слова, ни звука не было слышно, кромѣ треска бомбъ и свиста ядръ, кромѣ оглушительнаго грохота пушекъ. Адмирала положили рядомъ съ гробомъ Михаила Петровича. Міръ праху твоему, добрый нашъ начальникъ!

(*Сообщено П. П. Петровымъ*)

ОБЪ ОСМОТРѢ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

***Инструкція**, написанная М. Л. Магницкимъ во время его попечительства для Д. М. Макшеева при отправленіи его на ревизію гимназій и училищъ Казанскаго учебнаго округа.*

А. Предметы осмотра для лучшаго порядка раздѣлите вы по роду ихъ на три части, а именно: нравственные, учебные и хозяйственные.

Въ нравственомъ управленіи обратите вы особенное вниманіе: а) на свойство и поведеніе лицъ начальствующихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, надзирающихъ за оными и преподающихъ науки. Вы обязаны удостовѣриться основательнымъ образомъ въ ихъ правилахъ, образѣ жизни, наружномъ поведеніи и добромъ или дурномъ мнѣніи о нихъ города, въ которомъ они живутъ; б) на подчиненность и почтеніе учителей къ ихъ начальству, ибо примѣтно вообще изъ дѣлъ, что во многихъ мѣстахъ строптивость подчиненныхъ и слабость, или ненадежность на самихъ себя, либо неблагоповеденіе начальниковъ привели служебный порядокъ въ разстройство; в) на свойство и пользу, которыя приносятъ почетные смотрители: ибо извѣстно, что во многихъ мѣстахъ званія сіи сдѣлались единственно убѣжищемъ отъ дворянскихъ выборовъ и наполнены, по представленію ненадежныхъ мѣстныхъ начальствъ, неприличнымъ образомъ; г) на нравственность воспитанниковъ, въ которой обязаны вы удостовѣриться: 1) испытаніемъ ихъ чрезъ законоучителя въ знаніи закона Божія, 2) непремѣннымъ удостовѣреніемъ въ отправленіи ими обязанностей религіи, 3) узнаніемъ—исполняются ли предписанія начальства точнымъ образомъ въ разсужденіи чтенія Священнаго Писанія, 4) разсмотрѣніемъ каталога библіотеки, 5) личнымъ надзоромъ въ продолженіи нѣкотораго времени за поведеніемъ ихъ въ классахъ и внѣ оныхъ въ продолженіи цѣлаго дня и 6) посторонними свѣдѣніями отъ лицъ благонадежныхъ въ городѣ.

Вы обязаны по сей части замѣтить, не отвлекаются ли учители отъ должнаго надзора за воспитанниками заведеніемъ у себя собственныхъ пенсіоновъ, или многими уроками въ городѣ, часто къ единой ихъ личной выгодѣ и подрыву учебныхъ заведеній клонящимися: ибо позволительно и полезно было бы, чтобъ пенсіоны и пенсіонеры находились при гимназіяхъ для содержанія только воспитанниковъ, а не для особеннаго ученія внѣ казенныхъ заведеній.

Вы обязаны обратить равное по сему предмету вниманіе на частные повсюду пенсіоны и удостовѣрясь въ нравственности оныхъ тѣмиже способами, кои выше указаны для заведеній казенныхъ, представите мнѣ подробное свѣдѣніе объ ихъ духѣ, свойствахъ ихъ начальниковъ и вникните особенно, не къ одному ли прибытку частныхъ лицъ заведены и существуютъ они, сообщивъ мнѣ нужныя свѣдѣнія объ ихъ содержателяхъ,

основанныя на актахъ, кои каждый изъ нихъ имѣть о себѣ долженъ.

Б. По учебной части обязаны вы сверхъ правилъ для визитаторовъ, въ общемъ постановленіи данныхъ, удостовѣриться: а) науки преподаются ли по классическимъ книгамъ, отъ правительства утвержденнымъ, б) учители ненадежныхъ правилъ не заражаютъ ли въ какомъ либо видѣ преподаванія учащимся; в) тетради учениковъ не заключаютъ ли чего либо доказывающаго отступленіе отъ цѣли добраго воспитанія, и наконецъ г) ученики могутъ ли испытаніемъ ихъ при васъ и отчасти вами самими доказать, что ученіе преподавалось всегда непрерывно въ порядкѣ.

Желательно, чтобы вы испытаніе воспитанниковъ въ нравственности и ученіи не ограничили вопросами въ классѣ, но приказавъ быть нѣкоторымъ изъ нихъ къ себѣ по одиночкѣ изъ разныхъ классовъ и возрастовъ, занялись испытательнымъ съ ними разговоромъ.

В. Ежели были гдѣ починки и поправки казенныхъ домовъ, вы обязаны удостовѣриться въ ихъ исправности и точномъ на нихъ употребленіи отпущенныхъ суммъ.

Г. По части полицейской должны вы а) удостовѣриться въ порядкѣ содержанія дѣлъ совѣта гимназіи, дабы видѣть, что оныя производятся въ установленномъ для нихъ порядкѣ совѣщанія; б) осмотрѣть команды, при училищахъ состоящія, и удостовѣриться, получаютъ ли оныя положенную имъ одежду, содержаніе и жалованье и состоятъ ли онѣ изъ людей надежныхъ.

Во всё продолженіе врученнаго вамъ дѣла имѣете вы вести для бо́льшей точности журналъ всѣмъ вашимъ дѣйствіямъ, который и представите мнѣ вмѣстѣ съ отчетомъ въ поручаемомъ вамъ осмотрѣ.

Выѣзжая изъ каждой губерніи имѣете вы отправлять ко мнѣ журналъ и отчетъ вашъ по осмотру оной.

ПАМЯТНЫЯ ЗАМѢТКИ ВОЛОГЖАНИНА.

(Вологда въ 1812 году, Сперанскій, Магницкій, Трощинскій, Макшеевъ, Монаковъ, Каразинъ, Словцовъ и др.).

Выше сего помѣщенная инструкція дана, въ 1820 году, попечителемъ Казанскаго учебнаго округа Михаиломъ Леонтьевичемъ Магницкимъ состоявшему при немъ и бывшему тогда коллежс. ассесоромъ *Дмитрію Михайловичу Макшееву* при отправленіи его на ревизію учебныхъ заведеній въ губерніяхъ Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской и Симбирской. Подобную же инструкцію получилъ вѣроятно и тит. сов. Розановъ которому поручено было обозрѣть учебныя заведенія въ Оренбургской, Астраханской и Кавказской губерніяхъ. Въ первой книжкѣ Казанскаго Вѣстника за 1821 годъ, въ отчетѣ объ учебномъ состояніи императорскаго Казанскаго университета и его округа съ Іюля 1819 до Іюля 1820 года упомянуто, что Макшеевымъ порученіе его къ тому времени было окончено. Университетъ Казанскій 17 Января 1821 года праздновалъ *первое лѣто своего обновленія:* въ слѣдствіе предварительной ревизіи Магницкаго, нашедшаго Казанскій университетъ въ крайнемъ упадкѣ, университетъ этотъ по высочайшему повелѣнію отъ 14-го Іюля 1819-го года, подвергся преобразованію.

Дмитрій Михайловичъ Макшеевъ, уроженецъ Вологодской губерніи изъ старинной дворянской фамиліи, получилъ первоначальное воспитаніе въ первомъ С. Петерб. кадетскомъ корпусѣ при гр.

Ангальтѣ, къ памяти котораго онъ всегда благоговѣлъ; за тѣмъ, вышедши изъ корпуса для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ, онъ жилъ нѣкоторое время у секретаря Россійской Академіи Соколова, который самъ занимался съ Макшеевымъ русскимъ языкомъ. Въ гражданской службѣ служилъ онъ не долго; по выходѣ въ отставку съ чиномъ надворнаго сов., въ 20 годахъ нынѣшняго столѣтія, онъ занимался сельскимъ хозяйствомъ въ родовомъ своемъ имѣніи, верстахъ въ трехъ отъ Вологды (Верхнемъ Осановѣ). Тяжебное наслѣдственное дѣло по смерти тестя его сенатора Рязанова (см. Р. Ар. 1866, стр. 1331), было причиною частыхъ его отлучекъ какъ въ Петербургъ, такъ и въ Саратовскую губернію, гдѣ находилось имѣніе жены его. Досуги свои посвящалъ онъ сельскому хозяйству и чтенію, владѣя прекрасною библіотекою русскихъ и французскихъ книгъ, пополняемою имъ ежегодно. Онъ занимался также переводами на русскій языкъ нѣкоторыхъ французскихъ книгъ. Такимъ образомъ напечатанъ былъ имъ переводъ Священной Исторіи Де-Саси. Предполагая ко 2-му изданію этой книги на русск. языкѣ приложить рисунки, Макшеевъ открылъ въ Вологдѣ литографію. Въ этой литографіи предполагалось заготовить нѣсколько картинъ къ новому (отдѣльному) изданію сочиненія преосв. Иннокентія: „Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа", передѣланнаго и исправленнаго съ значительными дополненіями нашимъ знаменитымъ духовнымъ витіею; образцы этихъ рисунковъ привозилъ я съ собою къ преосвященному въ Харьковъ въ 1842 году; но новое изданіе этого сочиненія пр. Иннокентія не вышло тогда въ свѣтъ, не пропущенное духовною цензурою. Когда нѣсколько ранѣе этого, въ 1838 году, была не пропущена къ 2-му изданію священная исторія Красноцвѣтова, уже пріобрѣтенная отъ автора книгопродавцемъ Плюшаромъ, приготовившимъ для нее большое число дорого стоившихъ ему политипажей, то Дм. Мих. имѣлъ черезъ цензора и родственника своего Петра Алексан. Корсакова (умершаго въ Апрѣлѣ 1844 года), предложеніе дозволить Плюшару пользоваться его печатнымъ и одобреннымъ духовною цензурою переводомъ Свящ. Исторіи Де-Саси, чтобы перепечатывать изъ него, подъ заготовленныя картины, изложеніе изображенныхъ на нихъ событій изъ Священ. Исторіи; назначенная Макшеевымъ цѣна показалась для Плюшара дорога, и книгопродавецъ нашелъ для себя выгоднѣйшимъ изготовить новый текстъ для картинъ.

Испытавъ на опытѣ по тяжебнымъ дѣламъ медленность производства ихъ въ присутственныхъ мѣстахъ, Макшеевъ въ началѣ 30 годовъ написалъ проэктъ преобразованія судебной части въ нашемъ отечествѣ и представилъ его чрезъ тогдашняго министра юстиціи на высочайшее усмотрѣніе. Проэктъ этотъ былъ ему потомъ возвращенъ чрезъ того же министра юстиціи съ объявленіемъ ему благоволенія отъ императора Николая. Предполагаемое Макшеевымъ преобразованіе имѣло въ виду нѣчто похожее на вводимое нынѣ новое устройство судебной части съ выборными по жребію присяжными засѣдателями. Проэкту предшествовала яркими красками набросанная картина тогдашнихъ злоупотребленій въ судебныхъ мѣстахъ, касавшихся судейскаго произвола и вызвавшихъ народныя поговорки: „до Бога высоко, до царя далеко", или: „не бойся суда, а бойся судьи", и т. п. Макшеевъ еще готовилъ къ изданію въ свѣтъ передѣлку весьма замѣчательнаго сочиненія, изданнаго въ Марсели 1779 года, подъ названіемъ Testament spirituel ou derniers adieux d'un père mourant à ses enfans (Духовное завѣщаніе, или послѣднее прости умирающаго отца его дѣтямъ). Сочиненіе это написано однимъ благочестивымъ семьяниномъ не задолго до его кончины для дѣтей, для которыхъ среди тогдашняго французскаго общества считалъ онъ выше всѣхъ сокровищъ

міра раскрытіе того, что нужно знать человѣку объ обязанностяхъ къ самому себѣ, ближнимъ и Богу; — оно изложено языкомъ сердца и дѣлится на три части сообразно троякимъ нашимъ обязанностямъ. При передѣлкѣ Макшеевъ пополнялъ свой трудъ изъ другихъ франц. сочиненій, въ особенности изъ Флёри Traité du choix et de la méthode des études (Разсужденіе о выборѣ и методѣ въ занятіяхъ), 1784 г. Этотъ трудъ, не оконченный Макшеевымъ и прочтенный мною въ рукописи, озаглавленъ былъ имъ: *Объ охраненіи дѣтей отъ искушеній міра.*

Воспитаніе дѣтямъ своимъ давалъ Макшеевъ многостороннее и основательное: кромѣ новыхъ языковъ франц., нѣмец. и англійскаго, двѣ старшія дочери его хорошо знали латинскій; для упражненія ихъ въ этомъ послѣднемъ и лучшаго его усвоенія нѣкоторые отдѣлы Всеобщей Исторіи преподавалъ я, по просьбѣ Макшеева, дочерямъ его на латинскомъ языкѣ. Стихотворныя произведенія дочери Макшеева, нынѣ вдовы В. Д. Б., помѣщались въ тогдашнихъ литературныхъ журналахъ конца 30 и начала 40 годовъ. (См. объ ней Рус. Арх., 1865 года стр. 1397). Единственный сынъ Макшеева, Сергѣй Дмитріевичъ, окончившій курсъ въ С. Петербур. университетѣ, находясь на должности Вологодскаго губерн. прокурора, скончался осенью 1866 г., оставивъ по себѣ многочисленное семейство; его любили всѣ за его доброту и справедливость; онъ былъ преданнѣйшимъ и признательнѣйшимъ изъ моихъ учениковъ. На помѣщеніе въ Рус. Арх. инструкціи Магницкаго его отцу получилъ я письменное его согласіе. Я просилъ было отъ него доставленія въ Рус. Арх. выборки изъ писемъ Магницкаго къ его отцу и бабушкѣ, а также нѣсколькихъ любопытныхъ бумагъ, сохранившихся въ копіяхъ у отца его отъ времени управленія Магницкимъ Казан. учеб. округа; но служебныя занятія не дали Макшееву возможности исполнить мою просьбу, такъ какъ письма могли быть посылаемы только въ извлеченіяхъ, съ исключеніемъ изъ нихъ семейныхъ дѣлъ, а на извлеченіе изъ нихъ Сер. Дм. не удосужился.

Покойный Дм. Мих. Макшеевъ женатъ былъ, какъ сказано выше, на дочери сенатора Рязанова, Елиз. Дмитр. Объ ней и сестрѣ ея упоминается въ Душеполез. Чт. 1862 г. за Апрѣль, въ статьѣ Ник. Вас. Сушкова: „Замѣчательныя явленія духовной жизни". Д. М. Макшеевъ скончался въ 1849 году.

Инструкція Макшееву представляетъ собою яркую черту въ исторіи Русскаго просвѣщенія при Александрѣ 1-мъ. Эта исторія нашла себѣ трудолюбиваго изъискателя въ М. И. Сухомлиновѣ, который помѣстилъ уже начало своего труда въ особыхъ приложеніяхъ къ Жур. Мин. Нар. Прос. 1865 (№ 10) и 1866 (№№ 4 и 11). Кромѣ Сухомлинова, о Магницкомъ, какъ попечителѣ Казанскаго учебнаго округа, сообщаютъ довольно свѣдѣній: 1) Ѳеоктистовъ въ брошюрѣ своей: „Матеріалы для Исторіи Просвѣщенія въ Россіи, Магницкій", 1865 г. (первоначально въ Рус. Вѣстн. 1864 г. № 7 и 8). 2) Н. А. Поповъ въ статьѣ: „Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани" въ Рус. Вѣстникѣ 1859, № 17, 3) И. И. Лажечниковъ въ статьѣ: „Какъ я зналъ Магницкаго" въ Рус. Вѣстн. 1866 № 1; 4) Казанскія извѣстія 1820 г. и Казанскій Вѣстникъ за 1821—1826 годы; 5) Дѣло проф. Солнцева, помѣщенное въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета за 1861 годъ, 6) Книга Барона М. А. Корфа: „Жизнь графа Сперанскаго", 1861 г. 7) Рѣчь Магницкаго въ Казан. универ. 15 Сентября 1825 г. въ Московскомъ Телеграфѣ 1826 года № 6, III стр. 142 — 143; она же перепечатана въ Чтеніяхъ Моск. Общест. Исторіи 1861, кн. IV, стр. 161—167, гдѣ также находится мнѣніе Магницкаго о наукѣ Естеств. права, стр. 157—159;—во 2 кн. Чтеній за 1864 г. доносъ Магницго на Кеппена, издателя Библіографи-

ческихъ Листовъ, при чемъ также помѣщены и объясненія Кеппена. Есть еще въ IV кн. Чтеній Общ. за 1861 г. отношеніе Магницкаго къ С. Петербур. митропол. отъ 24 Мая 1824 г. объ уничтоженіи одного богохульнаго выраженія въ перев. Новаго Завѣта на персидскій языкъ. 8) Въ статьѣ Ж. М. Н. Пр. за 1867 г., Май: *О приготовленій учителей для гимназій и прогимназій*, В. В. И. (Игнатовича) о дѣйствіяхъ Магницкаго противъ попеч. Уварова и С. Петерб. Педаг. Инст. на стр. 572 и слѣд. 9) Въ Сборникѣ постановленій по Мин. Нар. Пр., томъ 1-й, постановленія, заключающіяся подъ № № 357, 374, 383, 419, 445, 454, 459 и 466. 10) Два письменныя мнѣнія Магницкаго, одно о преподаваніи естественнаго права въ университетахъ, другое о логикѣ проф. И. И. Давыдова, помѣщены мною въ Рус. Арх. 1864 г.

Эти два документа, равно какъ и инструкція объ осмотрѣ учебныхъ заведеній, получены мною отъ покойнаго Д. М. Макшеева. Сближеніе Магницкаго съ Макшеевымъ послѣдовало въ Вологдѣ, куда былъ посланъ Магницкій на жительство въ 1812 г., въ тоже время, какъ тогдашній другъ его М. М. Сперанскій отправленъ былъ въ Нижній Новгородъ (откуда потомъ, въ томъ же году, переведенъ въ Пермь).

Въ Вологдѣ въ 1812 году жили: кн. П. А. Вяземскій, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, весьма чтимый нашими масонами Осипъ Алекс. Поздѣевъ (¹), Капкины, проф. Московскаго университета Христіанъ Шлецеръ (сынъ знаменитаго академика нашего и ученаго изслѣдователя Русской исторіи Августа Шлецера), извѣстнѣйшій Московскій врачь Рихтеръ (авторъ исторіи медицины въ Россіи) и др.

Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива, помѣщенныя въ Рус. Арх. 1866 (стр. 218 — 255) представляютъ намъ живую картину изъ исторіи незабвеннаго 1812 года, и если письма къ П. А. Вяземскому гр. Милорадовича, К. Н. Батюшкова (²), Н. М. Карам-

(¹) Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ прибылъ съ семьею въ Вологду въ 1812 году и провелъ время до 1816 года частію въ Вологдѣ, частію въ небольшемъ имѣніи своемъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ. Слышалъ я это отъ дочери его Л. О. Ш., которой теперь принадлежитъ это имѣніе по наслѣдству. Она сказывала мнѣ, что бумаги по смерти отца хотѣли было они истребить, боясь отвѣтственности за принадлежность его къ масонскому обществу. Но въ послѣдствіи нашли они случай препроводить эти бумаги къ другу Поздѣева, Фонъ-Визину. Вологодскіе бывшіе масоны весьма чтили и чтутъ память Поздѣева Онъ сблизился съ Алек. Серг. Волоцкимъ (бывшимъ въ Вологдѣ директоромъ училищъ съ 1810 по 1824 г.), также съ здравствующимъ и теперь 90 лѣтнимъ старцемъ А. С. Б.; послѣдній любилъ приводить иногда въ разговорахъ любимыя поговорки Осипа Алексѣевича. (на пр. «кстати сказанное слово-серебряное, а во время смолчанное — золотое»). Помню, какъ разъ зашла бесѣда съ А. С. Б. о томъ, всегда ли нужно говорить такъ, какъ понимаешь дѣло, или хорошо иногда и промолчать, не высказавъ вовсе своего мнѣнія; А. С. Б. вмѣсто отвѣта привелъ анекдотъ, слышанный имъ отъ Поздѣева: въ древности одинъ Азіатскій царь совѣтнику, слишкомъ много говорившему, приказалъ зашить ротъ, а совѣтнику, все молчавшему, приказалъ разрѣзать ротъ. — Поздѣевъ былъ руководителемъ въ масонствѣ покойнаго министра вн. д. гр. С. С. Ланскаго, въ бумагахъ котораго, нынѣ хранящихся въ Москов. Публ. Музеѣ, находится собраніе любопытныхъ писемъ къ нему Поздѣева.

(²) К. Н Батюшковъ, родившійся въ Вологдѣ (1787), провелъ въ ней почти четверть вѣка въ тяжкомъ душевномъ недугѣ до кончины своей въ 1855 г. и погребенъ въ Прилуцкомъ монастырѣ. Батюшковъ не любилъ Вологды и до болѣзни своей. Не таковы были къ ней чувства воспитателя его, Мих Ник. Муравьева (род 1757 окт. 25, ум. 1807 іюля 29). Укажу на мѣста, гдѣ говорится о Вологдѣ и близкихъ ему въ Вологдѣ лицахъ. Для ссылокъ на сочиненія его беру изданіе 1819 года въ 3-хъ томахъ. Въ первомъ томѣ третье стихотвореніе: *Эклога* (А. В. О. ...ву), 1771 года. Оно написано къ Алексѣю Васильевичу Олешеву, отцу Василья Алексѣевича, передавшему по смерти имѣ-

зина, Д. И. Сѣверина, П. В. Мятлева, Н. Ѳ. Граматина, В. Л. Пушкина, проф. Хр. Шлецера, А. И. Тургенева и другихъ лицъ съ одной стороны превосходно передаютъ образъ мыслей и чувствъ, коими одушевлены были вообще Русскіе люди, то съ другой эта переписка переноситъ насъ въ мирный городокъ на сѣверѣ Россіи въ ту пору, когда онъ оживленъ былъ прибытіемъ въ него нѣсколькихъ семействъ избраннаго Московскаго общества.

Тогда же въ Спасоприлуцкій монастырь, находящійся въ трехъ верстахъ отъ Вологды, привезена была изъ Москвы святыня: Патріаршая, Соборная, Троицко-Лаврская и нѣкоторыхъ другихъ монастырей ризницы съ Патріаршей библіотекой, дѣлами Московской консисторіи и Синодальной конторы. Помѣщены они были для храненія въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ находится весьма чтимая Вологжанами икона Св. Ди-

---

нія свои кн. Анд. Ив. Горчакову. (См. въ статьѣ моей о Мельгуновѣ, Рус. Арх. 1865 г., стр. 1476, 1477) Начало стихотворенія:

Пастушьи пренія впервые воспѣваю
И сельски божества со страхомъ призываю
Помедли, Вологда, останови на часъ
Потокъ поспѣшныхъ волнъ, чтобы свирѣли гласъ
Раздался, по твоимъ носясь струямъ прозрачнымъ.

Нужно замѣтить, что имѣніе Олешева—Ермолово, въ 12 верстахъ отъ г. Вологды, находится на берегу р. Вологды. Стихотвореніе это написано 14-лѣтнимъ Муравьевымъ.

8-е стихотвореніе озаглавлено: *Путешествіе*. Въ немъ описывается дорога отъ Вологды черезъ Новгородъ до Петербурга и начинается оно такъ:

Прости, спокойный градъ, гдѣ дни мои младые
Подъ сѣнью родины сны красили златые.
Я твой мѣняю кровъ на пышный Петрополь.
Но память мнѣ твою съ собой унесть позволь.
Ахъ! память жизни сей толь сладко проведенной,
Съ нѣжнѣйшимъ изъ отцовъ, съ сестрою несравненной.
Уже церквей твоихъ сокрылися главы,
О Вологда! Поля лишенныя травы
Являютъ сентября дыханіе сурово:
Но насъ повсюду ждетъ друзей свиданье ново.
Тебѣ обязанныхъ сердца, родитель мой,
И въ путешествіи сопутствуютъ съ тобой,
Въ гостепріимный кровъ, кровъ сельскій приглашаютъ
И старца сѣдины цвѣтами украшаютъ.

Въ этихъ строкахъ онъ вспоминаетъ двоюродную сестру свою Муравьеву, бывшую въ замужествѣ въ Вологдѣ за А. М. Брянчаниновымъ.

Девятое стихотвореніе: *Сельская жизнь* написано въ видѣ посланія къ Аѳанасью Матвѣевичу Брянчанинову, извѣстному Вологодскому помѣщику въ концѣ прошлаго столѣтія:

Такъ, Бранчаниновъ, ты проводишь дни спокойны,
Соединяя вкусъ съ любовью простоты:
Изъ лиры своея изводишь гласы стройны
И наслаждаешься хвалами красоты.

Въ этомъ стихотвореніи воспоминается поэтомъ рѣка Лухта въ имѣніи Брянчанинова Ѳоминѣ, верстахъ въ 30 отъ Вологды.

Имя другой усадьбы, въ которой жилъ А. М. Брянчаниновъ, въ двухъ или даже менѣе верстахъ отъ Вологды, Нижнее Осаново, встрѣчается у Муравьева въ его *Эмиліевыхъ письмахъ* въ фамиліи одного изображаемаго имъ лица (стр. 140): «Я пишу тебѣ съ Марсова поля, изъ ставки общаго нашего знакомаго *г. Осанова*.»

Первое изъ писемъ Муравьева, озаглавленныхъ имъ *Обитатель предмѣстья*, отъ 2 авг. 1790 года, начинается изображеніемъ мѣстности, живо напоминающимъ подгородную усадьбу Брянчанинова Осаново:

„Не выѣзжая изъ города, пользуюся всѣми удовольствіями деревни, за тѣмъ что живу въ предмѣстьи. Я вижу жатву изъ окошка“, и пр.

Подлинное посланіе Муравьева А. М. Брянчанинову хранится у его внуковъ.

Въ трехъ письмахъ, помѣщенныхъ въ 3-мъ томѣ (246—251 стр.), и имѣющихъ предметомъ описаніе пути отъ Вологды къ Архангельску, первое начинающееся такъ: „скорое движеніе по полямъ ровнымъ и сіяющимъ снѣжною бѣлизною приближаетъ насъ къ Вологдѣ“, и пр. имѣетъ содержаніемъ своимъ: изображеніе историческаго значенія г. Вологды, о р. Вологдѣ, о строеніяхъ городскихъ, объ городскомъ обществѣ; заключающіяся въ немъ похвалы А..., по всему вѣроятію, относятся къ А. М. Брянчанинову.

митрія Прилуцкаго, бывшая съ Іоанномъ III въ походѣ его въ 1503 году на Казань. Ровно за годъ, именно въ Сентябрѣ 1811 года, церковь эта вся обгорѣла и едва изъ нея спасена была изъятая изъ пламени однимъ монастырскимъ служителемъ икона преподобнаго Димитрія, высоко чтимая Вологжанами ([3]). Привезенная въ этотъ обгорѣлый и еще не возобновленный храмъ, Московская святыня ввѣрена была Московскимъ архіепископомъ Августиномъ особому попеченію двухъ лицъ: 1) протоіерея Московскаго Архангельскаго собора Алексѣя Шумилина (принявшаго потомъ монашество съ именемъ Авраама, бывшаго архимандритомъ Златоустовскаго Московскаго монастыря, и скончавшагося въ Ярославлѣ въ 1836 г., въ санѣ Ростовскаго и Ярославскаго архіепископа 1824 — 1836; ему сопутствовалъ въ Вологду 2) ректоръ Московской Духовной Академіи архимандритъ Симеонъ, въ послѣдствіи тоже Ростовскій и Ярославскій архіепископъ (отъ 1821 до 1824 года). Московская святыня оставалась въ Прилуцкомъ монастырѣ въ теченіи слишкомъ двухъ мѣсяцевъ съ 3 Октября до 12 Декабря. Есть и теперь въ монастырѣ этомъ письменные

([3]) Икона эта писана преподобнымъ Діонисіемъ Глушицкимъ, лично знавшимъ Димитрія Прилуцкаго. День встрѣчи въ обители изъ Казанскаго похода этой иконы, 3 іюня 1503 года, доселѣ въ теченіи 364 лѣтъ чтится ежегодно крестнымъ ходомъ изъ Вологодскаго Софійскаго собора въ Прилуцкій монастырь съ участіемъ всего городскаго духовенства. (Въ Вологдѣ кромѣ собора и двухъ монастырей находится 40 церквей). Великое множество богомольцевъ сопровождаютъ этотъ крестный ходъ на разстояніи почти пяти верстъ отъ собора до монастыря. Бывали крестные ходы, въ которыхъ участвовали и сами преосвященные; особенно торжественный ходъ былъ въ 1847 году; проживавшій на покоѣ въ Прилуцкомъ монастырѣ преосв. Ириней, по отправленіи ранней литургіи въ Вологод. соборномъ храмѣ, въ полномъ облаченіи сопутствовалъ крестному ходу отъ собора до монастыря, и около стѣнъ монастырскихъ этотъ ходъ былъ встрѣченъ другимъ изъ обители преп. Димитрія, сопровождаемымъ Вологод. епископомъ Евлампіемъ, тоже въ полномъ облаченіи. При встрѣчѣ крестныхъ ходовъ совершена была литія, и оба они вступили въ обитель, послѣ чего литургію отправлялъ преосв. Евлампій.

Основатель монастыря въ 1371 году преп. Димитрій Прилуцкій былъ современникомъ Димитрія Донскаго, который уважалъ его за святость жизни и просилъ быть воспріемникомъ одного изъ своихъ сыновей. Преп. Сергій Радонежскій былъ другомъ Димитрія Прилуцкаго.—Кромѣ основателя монастыря въ этой Прилуцкой обители почиваетъ преп. Игнатій, принявшій предъ смертію въ темницѣ монашество и схиму: это былъ родной племянникъ Іоанна III, сынъ Угличскаго князя Андрея Васильевича; вмѣстѣ съ братомъ своимъ Димитріемъ томился онъ въ узахъ, какъ невинная жертва властолюбія Іоаннова, въ одной изъ башенъ, окружающихъ по угламъ стѣнъ монастырь. Домашняя икона, принадлежавшая преп. Игнатію, всѣхъ скорбящихъ Божіей Матери, находится въ церкви Вологод. тюремнаго замка, и какъ чудотворная, весьма чтится мѣстными и окрестными жителями.

Прилуцкимъ называется монастырь отъ того, что построенъ на излучинѣ (лукѣ) р. Вологды; Спасскимъ, онъ наименованъ отъ главнаго храма во имя Христа Спасителя (1 авг.). Описаніе этого монастыря помѣщено мною въ Вологод. губ. вѣд., когда я былъ ихъ редакторомъ; подробнѣйшее описаніе монастыря принадлежитъ П. И. Савваитову помѣстившему его предварительно въ Маякѣ 1844 года (Томъ XVII) и кромѣ того издавшему его отдѣльно. Множество грамотъ, найденныхъ П. М. Строевымъ въ архивѣ монастыря во время его археологической поѣздки по Россіи, помѣщено въ Актахъ Археогр. коммиссіи. Въ недавнее время по архивнымъ документамъ разныхъ годовъ XVII столѣтія (1605—1619) найдено неизвѣстное составителямъ Исторіи Рос. Іерархіи во сто саженяхъ разстояніемъ отъ Прилуц. монастыря существованіе Николаевскаго женскаго монастыря, тамъ, гдѣ теперь находится приходская церковь Николаевская Валушинская, или „Николаевская что на Валухѣ"; первыя свѣдѣнія объ этомъ открытіи сообщены во 2 № Вологод. Епарх. Вѣд. 1862 года неутомимымъ изыскателемъ и знатокомъ мѣстныхъ церковныхъ древностей, учителемъ Вол. Семин. Н. Суворовымъ.

памятники, свидѣтельствующіе о томъ потомству. Преосвященный Ириней, архіепископъ Иркутскій, проведшій на покоѣ въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ семнадцать лѣтъ (1831—1848), возобновляя для своего жительства тѣ кельи, въ которыхъ жили въ 1812 года лица, доставившія въ Прилуцкій монастырь Московскую святыню, на косякѣ окна нашелъ стихи, писанные карандашемъ однимъ изъ духовныхъ лицъ, прибывшихъ изъ Москвы, Угрѣшскимъ игуменомъ Павломъ. Стихи эти возобновилъ преосвященный Ириней чернилами и обвелъ клеймомъ для сохраненія въ потомствѣ. Вотъ они:

Въ то время, въ грозную для церкви ту годину,
Какъ новый Юліанъ, въ надменности своей,
Безбожною рукой коснулся алтарей,
(Разбойникъ, взявъ царя подложную личину)
Какъ сорванъ крестъ Христовъ съ Ивановской главы,
Какъ града жители отъ буйствъ врага страдали,
(Ихъ крыло рубище—тирана вѣчный стыдъ),
Въ то время въ сихъ стѣнахъ спокойно пребывали
Игуменъ и архимандритъ:
Одинъ монастыря Угрѣшскаго Николы,
Другой святителя, что̀ въ Греціи глаголы
Въ желѣзныя сердца златые изливалъ,
И Златоустомъ свѣтъ котораго назвалъ.
О, адскихъ замысловъ коварный исполнитель!
Прерви змѣиный тонъ, Парижанинъ Лессепсъ (4)!
Насъ гласомъ матернимъ Москва къ себѣ зоветъ.
Прости, священная обитель!
Какъ ты покоила, какъ ты хранила насъ,
Такъ да покоитъ Богъ тебя на всякій часъ

На кровлѣ, надъ монастырскимъ корпусомъ, гдѣ помѣщаются эти кельи, остался и еще памятникъ той эпохи: это три урны со цвѣтами и въ средней изъ нихъ изображеніе Всевидящаго Ока среди цвѣтовъ, съ подписью 1812 г. а подъ годомъ двустишіе, относящееся къ монастырю:

Безбѣдно Богъ меня въ сей лютый годъ хранилъ.
Москвѣ разсѣянной убѣжищемъ я былъ.—

Въ Запискахъ бывшаго настоятеля и префекта Перервинской семинаріи, въ послѣдствіи Высокопетровскаго архимандрита Лаврентія, напечатанныхъ въ Маякѣ (1842, XI), излагаются весьма любопытныя подробности отправленія святыни изъ Москвы, переселенія Московскаго архіепископа Августина во Владиміръ, и перечисляются между прочимъ нѣкоторыя духовныя лица, ѣхавшія въ Вологду, съ которыми, послѣ сопутствія до Владиміра архіепископу, архим. Лаврентій соединился въ Ярославлѣ. „Здѣсь (т. е. въ Ярославлѣ), говоритъ Лаврентій, нѣкоторые изъ выѣхавшихъ съ нашимъ церковнымъ обозомъ, уже начали имѣть нужду въ деньгахъ; зная, что у меня есть деньги, хотя я и недавно пріѣхалъ, начали просить у меня пособія. Я, не смотря на то, что̀ будетъ съ Москвою, одолжалъ по немногу деньгами тѣхъ, которые просили меня. Всего же во всю дорогу передавалъ: Чудовскаго и Знаменскаго монастырей казначеямъ 800 рублей; Угрѣшскому игумену Павлу 200 руб.; проповѣднику Академіи іеромонаху Дамаскину 200 руб.; Саввина Сторожевскаго монастыря іеромонаху Меѳодію 600 руб.; Новоспасскому архимандриту Амвросію 1500 рублей. Деньги сіи, по пріѣздѣ въ Москву, чрезъ нѣсколько времени съ благодарностію мнѣ отъ всѣхъ возвращены“. Съ драгоцѣнною утварью Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря отправилась въ Вологду игуменья этого монастыря Трифена. Чудотворная икона Владимір. Б. Матери стояла тогда въ Вологодскомъ каѳедральномъ соборѣ. Архимандритомъ Спасоприлуцкаго монастыря

(4) *О Лессепсѣ* см. Вѣстн. Европы 1813 г., № 1, статью: *О пребываніи въ Москвѣ Французовъ.* Авторъ ея называетъ Лессепса *исправляющимъ должность интенданта провинціи* и говоритъ, что предпринятыя имъ мѣры къ обузданію своеволія Французовъ при безчеловѣчномъ грабежѣ Москвы, не достигали своей цѣли и оставались безполезными.

былъ въ 1812 году Ѳеофилактъ Ширяевъ, а преемникомъ его съ 1814 года перемѣщенный сюда изъ Вологодскаго Свято-духоваго монастыря ректоръ Вологодской семинаріи Гавріилъ, оставившій по себѣ память въ семинаріи устройствомъ прекраснаго хора пѣвчихъ изъ семинаристовъ, а въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ устройствомъ сада, который и до сего времени привлекаетъ къ себѣ многихъ Вологжанъ, пріѣзжающихъ сюда какъ водою, такъ и сухимъ путемъ. Гавріилъ въ послѣдствіи былъ архіепископомъ Одесскимъ и Харьковскимъ, предмѣстникомъ знаменитаго нашего духовнаго витіи преосв. Иннокентія. Было время въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда ожидали прибытія на покой въ Прилуцкій монастырь преосвященнаго Гавріила: въ письмахъ къ роднымъ своимъ въ Вологду онъ изъявлялъ желаніе поселиться на покой въ Прилуцкомъ монастырѣ. Но это не сбылось. Изъ Одессы преосвященный Гавріилъ перемѣщенъ былъ на Тверскую каѳедру (5).

На архіерейской Вологодской каѳедрѣ находился въ 1812 году столь извѣстный ученому міру Евгеній Болховитиновъ, въ послѣдствіи митрополитъ Кіевскій. (6) Николай Ѳедоровичъ Остолоповъ авторъ Словаря древней и новой поэзіи и литераторъ того времени служилъ въ Вологдѣ по министерству юстиціи (7). Съ

---

(5) Архіепископъ Гавріилъ до монашества носилъ имя Василія, фамилія его Розановъ; род. 1781 г. 26 янв. въ селѣ Рожествинѣ Костромской губерніи, обучался сначала въ Костромской, а потомъ въ Троицко-лаврской семинаріи; началъ службу свою по духовно-учебному вѣдомству профессоромъ Костром. семинаріи, гдѣ потомъ исправлялъ должность инспектора. Онъ пріѣзжалъ на побывку въ Вологду въ 1810 году для свиданія съ дядею своимъ, ректор. Вол. семин. архим. Ѳеофилактомъ, и тогда же обратилъ на себя вниманіе Вологод. преосв. Евгенія (Болховитинова). Въ 1811 году поступилъ онъ въ Александроневскую лавру и принялъ монашество. Здѣсь обратилъ онъ на себя особенное благосклонное вниманіе С.-Петерб. митроп. Амвросія. 1 дек. 1811 года онъ назначенъ былъ архиманд. Вологод. Спасокаменнаго монастыря и инспект. Вологод. семинаріи, вскорѣ переведенъ былъ въ Святодуховъ монастырь, находящійся въ самой Вологдѣ. А какъ въ 1813 году преосв. Евгеній перемѣщенъ былъ на Калужскую каѳедру, и въ тоже время выбылъ въ С.-Петербургъ на череду священнослуженія дядя Гавріила архим. Ѳеофилактъ, то управленіе Прилуцкимъ монастыремъ было поручено ему, также и управленіе Вологод. семинаріей, которой и дѣлается онъ ректоромъ съ 1814 по 1819 года, т. е. до времени его вызова на череду священнослуженія въ С.-Петербургъ. Въ 1821 году рукоположенъ онъ въ Орловскаго епископа (1821—1828). Въ Одессѣ святительствовалъ онъ 11 лѣтъ (1837—1848), да до того въ Екатеринославлѣ болѣе 8 лѣтъ (1828—1837); а потому перемѣщеніе его въ Тверь въ 1848 году изъ благодатнаго климата Южной Россіи, съ которымъ онъ свыкся, казалось ему весьма не легкимъ, что видно изъ прощальнаго слова его съ Одесс. паствою, тогда же напечатаннаго въ Кіевскомъ Воскрес. чтеніи.— Преосв. Гавріилъ былъ членомъ Одесскаго общества любителей исторіи и древностей: любовь къ историческимъ занятіямъ заимствовалъ онъ отъ преосв. Евгенія во время совмѣстнаго съ нимъ жительства въ Вологдѣ; также точно впослѣдствіи Евгеній, будучи митрополитомъ Кіевскимъ, внушилъ преосв. Иннокентію страсть къ историч. изысканіямъ, съ которою пр. Иннокентій и прибылъ на каѳедру Вологодскую. Труды Гавріила изданы въ двухъ томахъ, первый изд. въ 1848 г. и заключаетъ въ себѣ проповѣди; вторый напечатанный въ 1854 г заключаетъ въ себѣ его историческія изысканія о южномъ краѣ Россіи, впервые появившіяся въ свѣтъ въ Запискахъ Одесскаго общ. люб. ист. и древ. Уволенный въ мартѣ 1857 г, по прошенію, на покой въ Тверской Колязинскій монастырь, онъ скончался 8 сент. 1858 г. Очеркъ жизни его помѣщенъ протоіереемъ Серафимовымъ въ V томѣ Запис. Одесс. общ.

(6) О пр. Евгеніи Болховитиновѣ, съ рожденія котораго исполнится въ декабрѣ этого года столѣтіе, какъ объ епис. Вологод. и Устюж, см. въ нашей статьѣ о Мельгуновѣ, Рус. Арх. 1865 г., стр. 1491, прим. 9.

(7) Н. Ѳ. Остолоповъ до 1812 года служилъ въ Вологдѣ губернскимъ прокуроромъ, а съ 1815 до 1819 вице-губернаторомъ (Р. Арх. 1866, стр.

преосвященнымъ Евгеніемъ и Остолоповымъ не замедлили сблизиться кн. Вяземскій и Нелединскій-Мелецкій, какъ видно изъ драгоцѣнныхъ для потомства выдержекъ изъ Остафьевскаго Архива. Губернаторомъ въ Вологдѣ въ 1812 году былъ богатый Вологодскій помѣщикъ *Николай Ивановичъ Баршъ*, сынъ адмирала Екатерининскихъ временъ Ивана Яковлевича Барша(*) и Екатерины Владиміровны, урожденной кн. Долгорукой, сестры столь извѣстнаго Москвѣ кн. Юрія Влад. Долгорукаго. Для семейства адм. Барша и его сына служилъ усыпальницею Прилуцкій монастырь, по близости котораго за р. Вологдой находится село Ивановское, принадлежавшее Баршамъ, со многими прудами, выкопанными по распоряженію Н. И. Барша въ то время, какъ онъ былъ Вологод. губернаторомъ. Сестра Никол. Ив. Барша, уважаемая всѣми въ вологдѣ вдова Анна Ивановна Ѳедорова, скончалась въ 30-хъ или 40-хъ годахъ этого столѣтія, доживъ до глубокой старости. Село Ивановское нынѣ принадлежитъ гг. Виленскимъ.

Съ осени 1812 года Вологда стала наполняться плѣнными Французами. Вспомнимъ изъ нихъ двухъ замѣчательныхъ лицъ; это были: 1) Графъ Сегюръ, сынъ извѣстнаго при Екатеринѣ II французскаго посланника при нашемъ дворѣ и авторъ книгъ о походѣ Наполеона въ Россію и исторіи Петра Великаго, котораго Сегюръ былъ съ дѣтства восторженнымъ почитателемъ. Изъ Вологды переведенъ былъ гр. Сегюръ въ Саратовъ (О плѣнѣ графа Сегюра въ Запискахъ гр. Комаровскаго см. Рус. Арх. 1867 г. стр. 768). 2) Докторъ Сентъ-Урсенъ, оставившій благодарныя воспоминанія во многихъ Вологжанахъ своимъ медицинскимъ искусствомъ. Сентъ-Урсенъ купилъ для себя въ Вологдѣ домикъ съ садомъ въ части города, называемой Козленою. Когда онъ получилъ позволеніе возвратиться во Францію, то подарилъ этотъ домикъ женщинѣ, занимавшейся его домашнимъ хозяйствомъ, пока онъ жилъ въ Вологдѣ. Жалкое положеніе плѣнныхъ Французовъ, страдавшихъ отъ холода и терпѣвшихъ недостатокъ въ обуви и одеждѣ, при свирѣпости тогдашней зимы, подвигало сердца Вологжанъ и Московскихъ гостей къ благотворительности. Кромѣ указанія на это въ письмѣ пр. Шлецера и объяснительныхъ къ нему примѣчаніяхъ кн. Вяземскаго (2 № Рус. Арх. 1866 г.), есть также свидѣтельство объ этомъ въ путешествіи А. Заблоцкаго въ Англію, описаніе котораго подъ названіемъ *Воспоминанія объ Англіи* помѣщено въ Отеч. Зап. 1849 года, томъ LXII. Описывая свою переправу изъ Кале въ Англію, онъ говоритъ: „Въ часъ по полудни, мы были у пристани, гдѣ почтовый французскій пароходъ ожидалъ двухъ курьеровъ — французскаго и англійскаго. Дожидаясь отправленія парохода, мы встрѣтились съ полицейскимъ коммиссаромъ, который тотчасъ узналъ, что мы Русскіе. Завязался разговоръ; оказалось, что полицейскій коммиссаръ Дифенбахъ, родственникъ извѣстнаго Берлинскаго хирурга, принадлежалъ къ большой арміи Наполеона, былъ, при переправѣ черезъ Березину, взятъ въ плѣнъ въ Германіи и отправленъ въ Вологду; нашъ знакомецъ вспоминалъ съ благодарностью о гостепріимствѣ Вологодскихъ помѣщиковъ, которые, какъ онъ говорилъ, часто давали ему *бумашка, пять рублей*". Это признательное воспоминаніе полицейскаго коммиссара въ Кале черезъ 36 л. о благотворительности къ нему Вологодскихъ дворянъ должно быть сладостно

---

243) Сынъ его, Ѳед. Ник., ученикъ моего отца, служилъ въ Вологдѣ съ конца 40-хъ годовъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ, а въ 50 хъ годахъ скончался въ Сибири, командуя какимъ то полкомъ въ чинѣ генералъ-маіора.—Внукъ Остолопова, тоже Николай Ѳедоровичъ служитъ теперь Вологод. губ. судебнымъ слѣдователемъ; онъ при мнѣ поступилъ въ Вологод. гимназію, по окончаніи гимназ. курса довершилъ свое образованіе въ С.-Петерб. унив. по юридическому факультету.

(*) Этотъ Баршъ въ одно время съ шуриномъ своимъ, участвовалъ въ Морейской Экспедиціи 1769—1774 г. *П. Б.*

сердцу тѣхъ изъ Вологодскихъ помѣщиковъ, которые еще доживаютъ теперь дни свои, живо вспоминая грозную и славную для насъ эпоху, отодвинувшуюся теперь отъ насъ слишкомъ на полстолѣтіе ([8]).

Въ Вологду приходила въ то время почта только разъ въ недѣлю; съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали всѣ полученія газетъ и вѣстей изъ Петербурга. Покойный отецъ мой расказывалъ, что каждый почтовый день стояла куча народа около лавки купца Коровникова, получавшаго газеты; въ числѣ слушателей были и плѣнные Французы, коченѣвшіе отъ русскаго мороза; отцу моему, возвращавшемуся изъ гимназіи мимо этой лавки, не разъ приходилось переводить для Французовъ газетныя извѣстія о бѣгствѣ Наполеона изъ Россіи.

Въ этотъ достопамятный для Вологды годъ прибылъ въ нее М. Л. Магницкій, поселившійся въ отдаленной зарѣчной части города, называемой Фрязиновымъ. И его, и Сперанскаго, подозрѣвали тогда въ сношеніяхъ съ врагами отечества. Встрѣчая общее къ себѣ народное нерасположеніе, Магницкій весьма дорожилъ радушнымъ пріемомъ, который ему оказывали въ домѣ Вологодской помѣщицы II. И. Макшеевой. А потомъ, получивъ въ 1816 году прощеніе въ одно время со Сперанскимъ, онъ изъ Воронежа (куда назначенъ былъ вицегубернаторомъ) и изъ Симбирска (куда переведенъ былъ губернаторомъ) переписывался съ Макшеевой и сыномъ ея, Дмитріемъ Михаиловичемъ и пригласилъ его къ себѣ на службу, какъ скоро, по сближенію своему съ кн. А. Н. Голицынымъ, былъ назначенъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа.

Пока Магницкій жилъ въ Вологдѣ, Сперанскій, зная, что онъ нуждается въ средствахъ для существованія, препровождалъ къ нему чрезъ Петра Григорьевича Масальскаго денежныя вспомоществованія, на что есть указанія въ книгѣ: *Дружескія письма графа М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому*, писанныя съ 1798 по 1819 годъ, изданныя въ 1862 году сыномъ Масальскаго Константиномъ Петровичемъ съ историческими поясненіями. Въ письмѣ отъ 29 мая 1812 г. Сперанскій спрашиваетъ Масальскаго: „Не слыхалъ ли чего нибудь о Магницкомъ? Если нужны ему деньги, прошу перевесть на мой счетъ“? (стр. 24). Оправдательное письмо Сперанскаго къ государю, писанное изъ Перми въ апрѣлѣ 1813 года и пересланное имъ дочери для передачи въ собственныя руки Александра I-го, имѣло послѣдствіемъ то, что императоръ, получивъ его въ іюнѣ или августѣ 1814 г. по возвращеніи изъ заграницы, позволилъ Сперанскому переселиться въ сельцо его Великополье, бывшее въ 10 верстахъ отъ Великаго Новгорода, между тѣмъ какъ Магницкій продолжалъ оставаться въ Вологдѣ. Въ письмѣ отъ 4 февраля 1815 г. къ П. Г. Масальскому Сперанскій говоритъ: „Я боюсь, чтобъ нечаянный возвратъ (государя императора изъ-за границы) не заставилъ насъ сожалѣть о времени, и чтобъ пріятель нашъ съ отчаянія не напалилъ еще какой нибудь грамоты, коею повредитъ себѣ, а можетъ быть и мнѣ“. Издатель писемъ добавляетъ отъ себя: „дѣло здѣсь идетъ о письмѣ Сперанскаго, которое онъ просилъ отца моего отправить въ Вологду къ Магницкому“. Отсюда видно, что Сперанскій поддерживалъ еще переписку съ Магницкимъ, хотя пылкій характеръ послѣдняго заставляетъ его опасаться какой нибудь рѣшительной выходки со стороны пріятеля. Въ слѣдующемъ письмѣ къ Масальскому отъ

([8]) О плѣнныхъ Французахъ въ Вологдѣ см. въ Рус. Арх. 1866, стр. 237. — Кромѣ кометы 1812 года, наводившей ужасъ на простой народъ, современники передавали и о другихъ небесныхъ явленіяхъ, особенно въ сѣверныхъ городахъ Вологод. губ, таково на пр. явленіе въ это время на небѣ, усмотренное въ уѣздн. городѣ Яренскѣ: четыре серпообразныя луны съ увѣнчевающимъ ихъ крестомъ.

14 марта 1815, онъ называетъ Магницкаго *страдальцемъ своимъ*. Масальскій получилъ отъ Сперанскаго двѣ довѣренности: одну на аренду, другую на продажу дома. Сперанскій, говоря о вырученныхъ Масальскимъ деньгахъ и о сохраненіи у себя изъ нихъ пяти тысячь рублей въ уплату пересланныхъ Масальскимъ Сперанскому изъ собственныхъ, прибавляетъ!.. „Изъ остальныхъ прошу перевесть въ Вологду къ страдальцу моему (который, я чаю, нуждается) тысячу рублей. Сіе можно сдѣлать безъ всякаго письма чрезъ кого нибудь, хотя бы онъ и не зналъ, отъ кого идутъ деньги" (67 стр.). Въ письмѣ къ Масальскому отъ 11 мая 1815, Сперанскій опять напоминаетъ о Магницкомъ: „Не забудьте, ради Бога, Вологодскаго страдальца; я достовѣрно знаю, что онъ крайне нуждается въ деньгахъ. Какъ скоро дойдутъ мои арендныя деньги, то прошу васъ къ нему отправить по прежнему назначенію тысячу рублей; по крайней мѣрѣ на первыя нужды" (71 стр.). Отъ 4 апрѣля 1816, онъ пишетъ:... „Францъ Ивановичъ (Цейеръ) мнѣ расказывалъ и о пособіяхъ вашихъ М. Вамъ самъ Богъ за сіе воздастъ". (78 стр.). Здѣсь видна большая осторожность Сперанскаго, который въ одномъ изъ писемъ проситъ Масальскаго отправить деньги къ Магницкому безъ всякаго письма, а въ послѣдней изъ приведенныхъ нами выдержекъ называетъ Магницкаго только одною заглавною буквою его фамиліи.

30 августа 1816 года послѣдовалъ указъ императора Александра I-го, коимъ повелѣвалось: тайн. сов. Сперанскому быть Пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а д. ст. сов. Магницкому Воронежскимъ вице-губернаторомъ. Магницкій покинулъ Вологду и переѣхалъ въ Воронежъ, гдѣ онъ впрочемъ оставался не долго, будучи перемѣщенъ губернаторомъ въ Симбирскъ. Видно, что онъ не переставалъ переписываться съ Сперанскимъ: одно изъ писемъ къ нему Сперанскаго Магницкій помѣстилъ въ Москвитянинѣ 1843, IV; письмо писано Сперанскимъ изъ Пензы 23 ноября 1817 года и живо характеризуетъ различіе въ характерѣ и образѣ дѣйствій того и другаго. Сперанскій хвалитъ *блистательныя*, *рѣзкія* и *вѣрныя* черты, коими Магницкій началъ свое управленіе Симбирскою губерніею; но тутъ же прибавлено: „не отвѣчаю за послѣдствія, и кто можетъ ихъ угадать!"

Но съ 1818 года послѣдовала размолвка между Магницкимъ и Сперанскимъ, какъ видно изъ писемъ послѣдняго къ П. Г. Масальскому; въ письмѣ отъ 26 ноября 1818 года, Сперанскій говоритъ: „Крайне сожалѣю, что М. Леонтьичъ такъ рѣзко съ вами разошелся; но онъ такъ разошелся и разойдется наконецъ и со всѣми. *Со мною это давно уже кончено!* Богъ съ нимъ! Вы можете всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, сказывать, что онъ для меня человѣкъ совершенно посторонній и симъ окажете мнѣ по нѣкоторымъ соображеніямъ не маловажную услугу. Вредить ему никогда не буду, и оборони Боже! но *никакого участяя въ судьбѣ его принимать я не могу*; если бы предсталъ къ тому случай, дѣлать всякое добро ему радъ, но не по особенному, а по общему чувству." (стр. 114) Въ письмѣ изъ Пензы же отъ 24 декабря 1818 года Сперанскій пишетъ Масальскому: „Что принадлежитъ до разсказовъ Магницкаго, они вовсе не имѣютъ никакого основанія. Въ Москвѣ я за васъ съ нимъ поссорился; а здѣсь при свиданіи не помню даже, чтобы какой либо, былъ вопросъ. Онъ не солгалъ, но вѣроятно принялъ свои мысли и свои слова вмѣсто моихъ. Впрочемъ всѣ мои съ нимъ сношенія давно уже кончились, и даже, при свиданіи здѣсь, мы не болѣе двухъ часовъ были согласны. Неужели умы и сердца старѣются съ лѣтами? Видно, такъ!"

Извѣстно, что въ 1819 году послѣдовало назначеніе Сперанскаго генералъ-губернаторомъ Сибири. Въ то же время Магницкій, снискавшій особенное расположеніе тогдашняго министра духов-

ныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, перешелъ на службу въ учебное вѣдомство: онъ назначенъ былъ членомъ главнаго училищъ правленія и потомъ попечителемъ Казанскаго университета и его учебнаго округа. И. И. Лажечниковъ въ названной мною выше статьѣ своей о Магницкомъ, у котораго подъ начальствомъ служилъ онъ директоромъ Пензенской гимназіи и пользовался особенною его довѣренностію (что̀ видно изъ порученія обревизовать Саратовскую гимназію) говоритъ о свиданіи своемъ съ М. М. Сперанскимъ въ 1821 году въ Пензѣ, куда онъ заѣзжалъ по дѣламъ своего имѣнія, на обратномъ пути съ генералъ-губернаторства Сибирскаго въ Петербургъ: при свиданіи съ нимъ И. И. Лажечникова, Мих. Мих. предложилъ ему нѣсколько вопросовъ о Пензенской гимназіи, но ни слова не сказалъ о покровителѣ и начальникѣ Лажечникова Магницкомъ (⁹). Дѣйствительно, когда Магницкій снова палъ и находился въ удаленіи сначала въ Ревелѣ, а потомъ въ Одессѣ (гдѣ и кончилъ дни свои) Сперанскій, будучи близокъ къ покойному императору Николаю Павловичу, не оказалъ никакого вліянія на судьбу Магницкаго; не знаемъ точно, видѣлся ли онъ съ нимъ въ 1837 году въ Одессѣ (¹⁰), посѣтивъ ее въ одно время съ наслѣдникомъ престола, нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ. А между тѣмъ Магницкій по смерти Сперанскаго (скончавшагося 11 февраля 1839 года) написалъ „Думу на гробѣ“ его, которая долго ходила по рукамъ ненапечатанная. По смерти Сперанскаго, какъ мы ни дорожили прочесть сколько нибудь удовлетворительныя печатныя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ государственномъ дѣятелѣ, явилась слишкомъ черезъ два года съ половиною въ XI кн. Москвитянина за 1842 годъ весьма скудная и неточная біографія его: это переводъ изъ нѣмецкой заграничной Аугсбургской газеты Allgemeine Zeitung. Это побудило Магницкаго отправить для напечатанія въ Москвитянинѣ написанную имъ біографію „бывшаго благодѣтеля и друга своего“, какъ называетъ онъ Сперанскаго, хвалясь *сорока-лѣтнею* съ нимъ дружбою (¹¹). Пробѣжавъ съ нетерпѣливымъ любопытствомъ „Думу“ Магницкаго, я отправилъ 4 кн. Москвитянина 1843, въ

(⁹) Сперанскій, по возвращеніи его съ Сибирскаго генералъ-губернаторства въ Петербургъ, видался съ Магницкимъ, хотя бывшимъ въ это время попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, но жившимъ въ Петербургѣ по званію члена главнаго правленія училищъ: вотъ на это указаніе самого Сперанскаго въ запискѣ къ Христофору Іоакимовичу Лазареву отъ 25 мая 1823 года: „съ Михайломъ Леонтьевичемъ я прощусь сегодня, заѣхавъ къ нему“, (стр. 57 и 58 книги: Письма гр. Сперанскаго къ Х. І. Лазареву, Спб. 1864). Сперанскій прощался съ Магницкимъ, передъ отъѣздомъ къ дочери своей Фроловой-Багрѣевой въ Черниговъ, которой мужъ былъ тамъ губернаторомъ. 27 мая выѣхалъ тогда Сперанскій изъ Петербурга, какъ мы знаемъ это изъ письма его къ Аракчееву отъ 26 іюня, 1823 г. (См. Корфа. т. II, стр. 291, прим.).

(¹⁰) Корфа, біогр. Сперанскаго, т. II, стр. 352. Въ «Думѣ своей на гробѣ графа Сперанскаго», о которой въ слѣдъ за симъ говорится въ статьѣ моей, Магницкій пишетъ: «Въ бытность его (Сперанскаго) въ Одессѣ не за долго до смерти, радостно воспоминалъ онъ, какъ, въ присутствіи ихъ императорскихъ величествъ, съ удовольствіемъ внималъ ему Тотъ, Который самъ будетъ нѣкогда законодателемъ 50-ти народовъ; и расказывалъ, что Государь Цесаревичь, вездѣ гдѣ послѣ встрѣчалъ его, всегда искалъ заводить съ нимъ разговоръ о семъ плѣнившемъ его предметѣ....» Изъ этихъ словъ Магницкаго, можно съ большою вѣроятностію заключить, что онъ указываетъ на собственный разговоръ со Сперанскимъ, вспоминавшимъ въ бесѣдѣ съ нимъ недавніе уроки законовѣдѣнія, которыя онъ имѣлъ счастіе давать Вѣнценосному Ученику своему.

(¹¹) «Потомство съ безпристрастіемъ и *сорокалѣтняя* дружба сквозь слезы ихъ (т. е. дѣла Сперанскаго) разсматриваютъ.» (См. 4 N. Москвит. 1843 года, стр. 482.)

которой она помѣщена была, къ тестю моему А. А. Монакову, бывшему сослуживцу и величайшему почитателю Сперанскаго, знавшему лично Магницкаго, указавшему мнѣ въ свое время на невѣрности и пробѣлы переводной съ нѣмецкаго статьи о Сперанскомъ. Вотъ что написалъ онъ на поляхъ печатной Думы Магницкаго.

Къ словамъ Думы: „При воцареніи государя Александра I нашелся онъ (т. е. Сперанскій) управляющимъ коммиссіею снабженія Петербурга хлѣбомъ; неизвѣстна причина сей необычайной выходки въ его службѣ (стр. 484)“ Монаковъ добавилъ „Извѣстна мнѣ“. Къ дальнѣйшимъ словамъ Магницкаго: „Но полагать надобно, что онъ принялъ сіе мѣсто только для перехода изъ канцеляріи послѣдняго генералъ-прокурора и пр. (стр. 484)“, Монаковъ приписалъ: „то же да не такъ: Сперанскій въ одно и тоже время былъ герольдомъ Андреевскаго ордена, экспедиторомъ въ канцеляріи генералъ-прокурора и правителемъ канцеляріи о снабженіи резиденціи припасами. Александръ I, до вступленія на императорскій престолъ, былъ президентомъ этой коммиссіи. Сперанскій бывалъ у него еженедѣльно съ докладами. По возшествіи Александра I на престолъ, не болѣе какъ черезъ недѣлю, эта коммиссія уничтожена. Жалованье Сперанскимъ получаемое по званію правителя, 2000 рублей, обращено ему въ пансіонъ, и онъ сдѣланъ экспедиторомъ государственнаго совѣта съ званіемъ статсъ-секретаря и съ обязанностію быть правителемъ канцеляріи тайнаго сов. Трощинскаго по особымъ порученіямъ. Повидимому, Магницкій не зналъ Сперанскаго до тѣхъ поръ, какъ они оба вдругъ поступили къ гр. Кочубею въ департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, одинъ директоромъ, а другой начальникомъ отдѣленія—въ 1803 году. Я зналъ тогда Магницкаго.“

Къ концу некролога Сперанскаго, написаннаго Магницкимъ, Монаковъ приписалъ карандашемъ: „Скудна біографія! Но можетъ быть тому причиною настоящій бытъ біографа, не позволяющій ему распространяться въ повѣствованіи. Если онъ правъ и другъ Сперанскаго, какъ же такой сановникъ не возстановилъ его“ ([12])? Въ письмѣ, при которомъ Магницкій препроводилъ въ редакцію Москвитянина Думу свою, обѣщалъ онъ еще подѣлиться съ публикою свѣдѣніями изъ портфеля своего о Сперанскомъ; но обѣщанія своего не выполнилъ.—Послѣ Думы, напечатанной, какъ сказано, въ 1843 году, обстоятельнѣе, или лучше сказать, точнѣе познакомились мы съ постепеннымъ прохожденіемъ службы Сперанскаго изъ печатнаго формулярнаго его списка, приложеннаго въ концѣ книги: „Правила высшаго краснорѣчія“, изданной профессоромъ С.-Петерб. духовной академіи Вѣтринскимъ, въ 1844 году.

Считаю не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о покойномъ *Алексѣѣ Алексѣевичѣ Монаковѣ*, совмѣстной его со Сперанскимъ службѣ и привести нѣкоторые изъ сохранившихся въ памяти моей разсказовъ его о давно минувшемъ времени, а также сообщить отзывы его

(12) Въ концѣ книги: Письма графа М. М. Сперанскаго къ Х. І. Лазареву, Спб. 1864 напечатана снова Дума Магницкаго при гробѣ гр. Сперанскаго. Надобно полагать, что въ этой книгѣ напечатана она съ первоначальнаго рукописнаго ея списка, не подвергшагося еще окончательному пересмотру отъ Магницкаго, который, при доставленіи ея въ Москвитянинъ, сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя исправленія и дополненія.—Замѣчу здѣсь кстати, что въ первомъ изъ числа 32 писемъ и записочекъ Сперанскаго къ Лазареву (стр. 5) должна быть ошибка или во времени, или въ мѣстѣ, откуда послано письмо; въ началѣ его значится, какъ напечатано въ книгѣ: Пенза, 16 генваря, 1816 г.; а между тѣмъ извѣстно, что только 30 января 1816 года состоялся высочайшій указъ о назначеніи Сперанскаго Пензенскимъ губернаторомъ. Въ январѣ 1816 года Сперанскій находился еще въ Новгородскомъ помѣстьѣ своемъ Великопольѣ, а не въ Пензѣ.

о М. М. Сперанскомъ и Дмитріѣ Прокофьевичѣ Трощинскомъ, которыхъ Монакову доводилось близко знать.

А. А. Монаковъ родился въ Вологдѣ 5 Февраля 1781 г., учился до 8 лѣтъ въ тамошнемъ главномъ народномъ училищѣ и жилъ пенсіонеромъ у дѣда моего I. Ѳ. Фортунатова ([13]). 8-ми лѣтъ съ отцемъ своимъ, бывшимъ секретаремъ Вологодской гражданской палаты, переселился онъ въ Архангельскъ, гдѣ и окончилъ курсъ ученья въ тамошнемъ народномъ училищѣ въ слишкомъ раннемъ возрастѣ: ему тогда было 11 лѣтъ отъ роду.

Поступивъ вскорѣ на службу въ Архангельскія губернскія присутственныя мѣста (сначала въ гражданскую палату, и потомъ въ губернское правленіе), въ 1798 г. Мокаковъ переѣхалъ на жительство въ Петербургъ. Отецъ Монакова поступилъ на службу въ коммиссію при постройкѣ Михайловскаго замка ([14]) (гдѣ нынѣ Инженерная военная академія) подъ начальство графа Тизенгаузена; онъ имѣлъ квартиру въ зданіи при этомъ дворцѣ, который тогда оканчивался постройкою; Алексѣй же Алексѣевичъ Монаковъ перемѣщенъ былъ въ концѣ 1798 года изъ Архангельскаго губернскаго правленія на службу въ канцелярію тогдашняго генералъ-прокурора П. В. Лопухина и нашелъ уже Сперанскаго въ этой канцеляріи, куда сей послѣдній поступилъ почти за два до того года при кн. Алексѣе Борисовичѣ Куракинѣ, узнавшемъ Сперанскаго, какъ домашняго его секретаря и учителя его дѣтей. Надобно было изумляться, разсказывалъ Монаковъ, съ какою необычайною быстротою и точностію Сперанскій исполнялъ разнообразныя порученія кн. Куракина по перепискѣ его: иногда вдругъ по десятку писемъ къ разнымъ лицамъ и объ разныхъ предметахъ поручалось ему отъ кн. Куракина; безъ малѣйшаго промедленія они бывали готовы вчернѣ. Извѣстно, что Лопухина въ должности генералъ-прокурора смѣнилъ въ Іюлѣ 1799 г. Александръ Андреевичичъ Беклешовъ, въ свою очередь потерявшій это мѣсто въ Февралѣ 1800 года и замѣщенный Петромъ Хрисанѳовичемъ Обольяниновымъ. Недовольный Беклешовымъ, Павелъ I приказалъ новому генералъ-прокурору уволить немедленно всѣхъ прежнихъ чиновниковъ генералъ-губернаторской канцеляріи. Но Сперанскій и Монаковъ остались при своихъ мѣстахъ. Съ возшествіемъ на престолъ Александра I-го 12 Марта 1801 года является важнымъ лицомъ въ государственномъ управленіи Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій: онъ былъ назначенъ тогда начальникомъ удѣловъ, главнымъ дирек-

---

([13]) Объ I. Ѳ. Фортунатовѣ въ Рус. Арх 1865 г. стр. 1482 и 1469.

([14]) На фронтонѣ Михайловскаго замка начертаны были слова изъ Св. Писанія: *дому Твоему подобаетъ святыня, Господи, въ долготу дней*. По кончинѣ Павла I-го, какъ сказывалъ Монаковъ, кто-то сосчиталъ число этихъ буквъ и нашелъ, что ихъ столько же, т. е. 48, какъ и число лѣтъ Павла при его кончинѣ. Подобнымъ образомъ по кончинѣ Александра I-го, какъ скоро сдѣлались извѣстными слова императрицы Елисаветы Алексѣевны изъ письма ея къ импер. Маріи Ѳеодоровны: «нашъ *Ангелъ* на небесахъ», приводились слова изъ Апокалипсиса: «и посла мірови *Ангела* кротости»; славянскія буквы этого текста составляютъ по счисленію 1777, а это есть годъ рожденія Александра I-го. Кромѣ того складывали цифры чиселъ: 1777 (годъ рожденія), 1801 (годъ возшествія на престолъ) и 1825 (годъ кончины Александра I-го): сумма этихъ цифръ 48 есть число лѣтъ жизни Александра I-го. Складывая цифры чиселъ мѣсяцевъ, считая ихъ по порядку съ Января, и дней рожденія Александра I-го 12 Декабря (т. д. 1+2+1+2), возшествія его на престолъ 12 Марта (+3+1+2) и кончины его 19 Ноября (+1+1+1+9), получаемъ въ общемъ итогѣ 24, число лѣтъ царствованія Александра I-го. Присоединяя къ году его рожденія (1777) цифры мѣсяца и дня его рожденія (12+12) находимъ 1801, годъ возшествія его на престолъ. Въ ту пору увлеченія мистическими ученіями, любили заниматься подобными выкладками.

торомъ почтъ, докладчикомъ и главнымъ редакторомъ при лицѣ государя. (Корфа, жизнь Сперанс., I, 89). Въ томъ же Мартѣ послѣдовало перемѣщеніе въ канцелярію генералъ-прокурорскую Сперанскаго и Монакова. Послѣднему было тогда только 20 лѣтъ отъ роду; онъ былъ взятъ къ Трощинскому изъ канцеляріи генералъ-прокурора за его твердый и красивый почеркъ. Монаковъ впрочемъ былъ уже тогда женатъ: онъ женился 19-ти лѣтъ отъ роду (23 Сент. 1800 года). Онъ дѣлается близкимъ, какъ бы домашнимъ, человѣкомъ у Трощинскаго, который въ первое время царствованія новаго государя былъ, по словамъ его, *менторомъ* молодаго императора.

Каждое утро, когда убирали и пудрили голову Трощинскому, что̀ тогда продолжалось по-долгу, Дмитрій Прокофьевичъ диктовалъ Монакову доклады, которые слѣдовало ему везти къ государю императору. Монаковъ же постоянно принималъ отъ него портфель по возвращеніи его изъ дворца, и когда самъ Трощинскій не былъ никуда отозванъ къ обѣду, онъ оставался у начальника своего обѣдать. За обѣдомъ у Трощинскаго постоянно были по нѣскольку человѣкъ изъ близкихъ ему лицъ, всего чаще сначала Беклешовъ, замѣнившій Обольянинова въ генералъ-прокурорской должности, а послѣ размолвки его съ Трощинскимъ ([15]), чаще другихъ гр. А. Р. Воронцовъ. За обѣденнымъ столомъ всегда сидѣли только два женскихъ лица: домохозяйка Трощинскаго, Парасковья Васильевна (фамиліи ея не упомню), жена одного титулярнаго совѣтника и дочь ея воспитанница Трощинскаго, тогда дѣвочка лѣтъ десяти отъ роду. Не смотря на всѣ заискиванья вельможныхъ лицъ въ Парасковьѣ Васильевнѣ, они отъ нея ничего не могли вывѣдывать, потому что Трощинскій не любилъ и не имѣлъ привычки сообщать ей что-либо относящееся до государственной службы. Съ подчиненными своими Трощинскій, по словамъ Монакова, былъ необыкновенно привѣтливъ и вѣжливъ: давая порученіе написать что либо, онъ обыкновенно говорилъ къ лицу, къ которому относился: „не поставьте себѣ въ трудъ написать для меня“..... Просителямъ, имѣвшимъ до него надобность и обращавшимся къ нему, онъ постоянно говорилъ: „будьте благонадежны, будетъ сдѣлано для васъ все, что можно“, и вообще никому на словахъ не отказывалъ. — Въ числѣ автографовъ, выставленныхъ для публики въ императорской С. Петербургской библіотекѣ, есть подпись Александра I-го отъ 1801 года; это рескриптъ, съ чернымъ по краямъ бумаги ободкомъ по случаю траура, писанный рукою Монакова. Когда наступало время коронаціи и Трощинскій отправился за государемъ въ Москву, онъ взялъ съ собою туда и Монакова. Монаковъ говаривалъ часто, что только одинъ разъ во всю жизнь довелось ему быть въ Москвѣ; но видѣть ее онъ не могъ, будучи постоянно занятъ письменною работою по порученію Трощинскаго; а если и выѣзжалъ онъ къ кому изъ Московскихъ аристократовъ по приглашенію на обѣдъ, то все таки знакомиться съ Москвою ему не приходилось, потому что онъ отправлялся обыкновенно въ гости въ присылаемой за нимъ каретѣ; а расхаживать и прогуливаться по Москвѣ было ему некогда. Три ночи передъ коронаціей онъ не раздѣвался, будучи постоянно наготовѣ по разнымъ конфиденціальнымъ порученіямъ Трощинскаго; всю послѣднюю ночь на 15 Сентября (1801) онъ запечатывалъ подарки къ коронаціи, заготовлнемые въ величайшемъ секретѣ. Самъ Монаковъ 15 Сентября всемило-

([15]) Честолюбіе Беклешова и Трощинскаго, являвшихся къ императору въ одно и тоже время съ докладами, было одною изъ причинъ ихъ размолвки, какъ это видно изъ записокъ гр. Комаровскаго: Рус. Арх 1867 года стр. 561 и 562. О ссорѣ Беклешова и Трощинскаго см. также въ Запискахъ Державина, стр. 439.

стивѣйше пожалованъ въ коллежскіе ассесоры, имѣя отъ роду еще 20 лѣтъ, и сверхъ того получилъ денежное награжденіе. Онъ разсказывалъ, что ко дню коронаціи онъ переписывалъ на-бѣло, по порученію Трощинскаго, указъ о дарованіи свободы крестьянамъ отъ зависимости помѣщиковъ. Хотя указъ этотъ предполагалось обнародовать въ самый день коронаціи; но онъ обнародованъ не былъ, и исполненіе этаго достославнаго дѣянія предоставлено было по неисповѣдимымъ путямъ Промысла нынѣ благополучно царствующему Государю Императору Александру II-му. Къ статьѣ Богдановича въ 1 книгѣ Вѣстника Европы за 1866 г.: „Первая эпоха преобразованій императора Александра I“, приложены драгоцѣнныя извлеченія изъ засѣданій за 1801 г. особаго неоффиціальнаго, или негласнаго комитета при особѣ Александра I-го, состоявшаго изъ Н. Н. Новосильцова, кн. Адама Чарторыскаго, гр. Павла Александров. Строганова и гр. Викт. Пав. Кочубея; въ пятое засѣданіе этого комитета, 23 Іюля, государемъ заявленъ былъ проэктъ кн. Зубова относительно крестьянъ и положено было на него представить письменныя замѣчанія; въ концѣ шестаго засѣданія заговорили опять о проэктѣ Зубова; но Новосильцовъ извинился тѣмъ, что не успѣлъ всего еще прочесть (стр. 179, ibid). Это происходило до времени коронаціи; но не видно отсюда, чтобъ въ комитетѣ заготовленъ былъ проэктъ указа о свободѣ крестьянъ, переписанный Монаковымъ на-бѣло къ 15 Сентябрю. Послѣ коронаціи крестьянскій вопросъ подвергся преніямъ въ трехъ послѣдовательныхъ засѣданіяхъ 4, 11 и 18 Ноября, чему и были они исключительно посвящены (стр. 185 и слѣд. ibid). Большая часть совѣтниковъ государевыхъ боялась уничтоженія крѣпостнаго состоянія; изъ числа членовъ комитета, убѣжденія царя раздѣлялъ только гр. П. А. Строгановъ. Изъ автобіографическихъ служебныхъ Записокъ Державина видно, что и онъ, подобно тому какъ адмиралъ Мордвиновъ, гр. Растопчинъ и другіе государственные люди, раздѣляя предубѣжденія того времени, находилъ освобожденіе крестьянъ вреднымъ для государственной безопасности; черезъ 11 лѣтъ послѣ этого, Карамзинъ, во многомъ опережавшій свое время, находилъ дарованіе крестьянамъ свободы преждевременнымъ, что и старался онъ подробно развить въ своей Запискѣ о древней и новой Россіи, написанной для государя. Въ ней выражалъ онъ сомнѣніе: „будутъ ли земледѣльцы счастливы, освобожденные отъ власти господской, но преданные въ жертву собственнымъ порокамъ, откупщикамъ и судьямъ безсовѣстнымъ“. Теперь нѣтъ болѣе акцизно-откупной системы (съ 1 Января 1863 г.), вводится гласный судъ, немздоимный, справедливый и равный для всѣхъ. Стало быть, нѣтъ болѣе мѣста важнѣйшимъ опасеніямъ Карамзина. А то, чего пламенно желалъ Александръ I, чему положилъ онъ нѣкоторое начало въ Россіи указомъ 20 Февраля 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ, довершено манифестомъ Александра II, послѣдовавшимъ почти ровно черезъ 58 лѣтъ послѣ этого указа, 19 Февраля 1861 г. Александру I привелось только сдѣлать первый опытъ личнаго освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей власти, въ Остзейскихъ губерніяхъ (1816 года въ Эстляндской, а въ 1818 г. въ Лифлянд. губерніяхъ); но крестьяне этого края, не имѣя собственностію ни клочка земли, принуждены тѣмъ, при дарованіи имъ личной свободы, находиться въ тяжкой зависимости отъ владѣльцевъ, на земляхъ которыхъ они живутъ. Справедливо замѣчаетъ біографъ гр. Блудова, Е. П. Ковалевскій: „самое дѣло отъ этого замедленія выиграло, потому что развившіяся понятія и измѣнившіяся обстоятельства дали возможность привести его въ исполненіе на иныхъ началахъ, чѣмъ оно приведено въ прибалтійскихъ губерніяхъ“. Исполнились завѣтныя мечты, нашего великаго поэта, А. С. Пуш-

кина, за 40 лѣтъ до того имъ высказанныя:

«Увижу ли, о друзья, народъ неугнетенный,
И рабство, павшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ—свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?»

Трощинскій потерялъ свое сильное значеніе при Александрѣ I съ учрежденіемъ министерствъ; его оттѣснили люди, близкіе къ императору съ дѣтства, члены негласнаго комитета, о коемъ говорено выше. Манифестъ 8 Сентября 1802 года объ учрежденіи министерствъ былъ сочиненъ безъ всякаго участія Трощинскаго и даже подготовленъ въ тайнѣ отъ него, такъ какъ онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ этого новаго порядка управленія государствомъ и упорно защищалъ коллегіальную администрацію, бывшую при Екатеринѣ II-й. А потому онъ остался сначала только главнымъ директоромъ почтъ и членомъ государственнаго совѣта, но вскорѣ за тѣмъ получилъ въ управленіе министерство удѣловъ и чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. А потому г. Богдановичъ въ своей исторіи императора Александра I-го называетъ Трощинскаго умнымъ, опытнымъ, но *отсталымъ* дѣльцомъ (Вѣст. Евр. 1866 года I кн. 157 стр.). „Молодые любимцы, люди благонамѣренные, каждый — по своему, но неопытные, раздѣляли страсть къ нововведеніямъ государя, столь же благонамѣреннаго, столь же мало опытнаго, столь же не знавшаго страны своей“, говоритъ Богдановичъ, описавъ предварительно личность каждаго изъ этихъ молодыхъ сановниковъ. Во 2 кн. Вѣстника Европы за 1867 г. недавно явилось нѣсколько любопытныхъ замѣтокъ о Д. П. Трощинскомъ въ отрывкѣ изъ записокъ Н. В. Сушкова о временахъ царствованія Александра I-го. Н. В. Сушковъ служилъ при Дм. Прок. и зналъ его по 1822 годъ. Подробности объ немъ, приводимыя мною изъ разказовъ тестя моего и сообщаемыя г. Сушковымъ, относятся къ разнымъ періодамъ жизни Ттощинскаго: А. А. Монаковъ былъ близокъ къ Трощинскому, когда этотъ послѣдній находился въ апогеѣ политической дѣятельности и значенія въ государственномъ управленіи. Д. П. Трощинскій скончался 26 Февраля 1829 года на 76 году отъ рожденія. Сперанскій съ сент. 1802 г. получилъ новое назначеніе: по учрежденіи министерствъ, онъ оставилъ Трощинскаго и поступилъ къ мин. внут. дѣлъ гр. Кочубею.

Изъ расказовъ тестя моего о 1801 годѣ помню еще, по какому случаю узналъ онъ *Василья Назаровича Каразина*. Вскорѣ по вступленіи моемъ въ канцелярію генералъ прокурора, сказывалъ онъ, Сперанскій подводитъ къ столу, за которымъ я сидѣлъ, незнакомаго мнѣ человѣка, съ просьбою дать листъ бумаги и перо незнакомцу, который и написалъ: *Василій Каразинъ*. Нужно было знать почеркъ руки Каразина для сличенія съ почеркомъ записки, подброшенной въ кабинетъ государя, о внутреннемъ положеніи современной Россіи. Каразинъ запискою этою не только сдѣлался извѣстенъ Александру, но и сталъ близкимъ къ нему лицемъ, получивъ дозволеніе имѣть безъ доклада входъ въ кабинетъ государя; но пристрастное участіе его въ дѣлѣ Надаржинской было причиною того, что онъ лишился довѣрія царскаго, былъ уволенъ въ 1804 г. отъ должности правителя главнаго правленія училищъ и получилъ повелѣніе оставить Петербургъ. Онъ поселился тогда въ Харьковѣ, къ открытію въ которомъ университета Каразинъ весьма много содѣйствовалъ, убѣдивъ дворянство тогдашней Слободско-Украинской губерніи къ пожертвованію 600,000 рублей для этой цѣли. Изъ записки своей государю Каразинъ сообщилъ небольшой отрывокъ въ 1 книжкѣ Вѣстника Европы 1813 года въ 8 примѣчаніи, приложенномъ имъ въ числѣ другихъ къ рѣчи его, произнесенной 13 янв. 1813 г. въ торжественномъ собраніи Филотехническаго

общества: *О необходимости въ настоящихъ обстоятельствахъ усилить домоводство.* Это 8 примѣчаніе у Каразина начинается такъ: „что авторъ рѣчи знаетъ границы, не воображая (въ изступленіи какомъ-то) всѣ фабрики на свѣтѣ переводить въ Россію, и уничтожать естественныя причины къ сношенію народовъ между собою, то доказывается слѣдующимъ мѣстомъ изъ бумаги его, въ концѣ марта мѣсяца 1801 г. препровожденной къ одной великой особѣ". Далѣе Каразинъ въ приводимомъ имъ отрывкѣ изъ записки своей сообщаетъ, какъ возвышается непомѣрно цѣна сыраго матеріала въ обработанномъ видѣ, доходя даже до 800 процентовъ сверхъ истинной цѣны матеріала. — Монаковъ разсказывалъ, что Каразинъ, попавъ въ случайные люди, не любимъ былъ многими знавшими его лично, за рѣзкость тона и заносчивость, какія онъ дозволялъ себѣ; его обыкновенно называли: Карамзинъ безъ *мыслей.* Нѣчто подобное говорилъ иногда о себѣ и самъ Каразинъ друзьямъ своимъ: „Э, господа! вы, кажется смѣшиваете меня съ Карамзинымъ! Между нами одна маленькая разница въ буквѣ *мыслѣте*".

Каразинъ былъ на сторонѣ защитниковъ крѣпостнаго права. Въ 3 кн. Чтеній въ общ. Исторіи и древн. Рос. за 1861 годъ помѣщено писанное въ 1810 году Каразинымъ практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ, или соглашеніе сей подчиненности со всеобщими началами монархическаго правленія и государственной полиціи, также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества (стр. 135—176),—письмо одного человѣка ....ской губерніи къ своему губернатору. На первомъ листѣ этого сочиненія написано рукою В. Н. Каразина: „Сей списокъ, изготовленный большею частію собственною рукою, представляю его сіятельству князю Адаму Адамовичу Чарторыскому, въ доказательство моего глубочайшаго почтенія и полной довѣренности къ его просвѣщенію и его сердцу". Весьма любопытны приложенныя въ той же книгѣ Чтеній записка Анастасевича о В. Н. Каразинѣ и замѣчанія къ ней редактора этого повременнаго изданія О. М. Бодянскаго. Но самая подробная біографія Каразина принадлежитъ г. Данилевскому, помѣстившему ее въ своемъ Украинскомъ сборникѣ, вышедшемъ въ свѣтъ въ прошедшемъ году. Каразинъ скончался 4 ноября 1842 года ([16]).

Съ уменьшеніемъ прежняго значенія Трощинскаго при Александрѣ 1-мъ, Монаковъ не долго оставался на службѣ въ его канцеляріи. Въ февралѣ 1803 года

([16]) Въ Украинскомъ сборникѣ Данилевскаго кромѣ біографіи Каразина помѣщены еще жизнеописанія двухъ извѣстныхъ уроженцовъ Малороссіи. Сковороды (замѣчательнаго малороссійскаго христіанскаго философа) и Гр. Ѳед. Квитки, извѣстнаго въ литературѣ подъ именемъ Основьяненки. Почти за годъ до кончины сего послѣдняго, именно въ іюлѣ 1842 г., имѣлъ я случай познакомиться съ нимъ у одного изъ его сослуживцевъ: Григ. Ѳедор. занималъ тогда мѣсто предсѣдателя уголовнаго суда въ Харьковѣ. Онъ сказывалъ мнѣ тогда, что Священная Исторія для простолюдиновъ, написанная имъ, по совѣту преосв. Иннокентія Харьковскаго, не была пропущена духовною цензурою. Первымъ цензоромъ у Квитки была супруга его Анна Григорьевна, пережившая его девятью годами. — Въ большомъ обществѣ за обѣдомъ у имянинника, Квитка, сидѣвшій подлѣ меня, не былъ слишкомъ разговорчивъ; за то послѣ обѣда въ бесѣдѣ съ нимъ глазъ на глазъ, отвелъ я душу, выслушавъ отъ него множество забавныхъ анекдотовъ, которые передавалъ онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Успѣхи литературные его очень занимали, особенно пріятно было ему получать благодарности изъ разныхъ концовъ Россіи за его повѣсти; не за долго до свиданія нашего получилъ онъ въ такомъ родѣ очень лестное письмо изъ Немирова. Къ Успенской ярмаркѣ готовилась тогда постановка на Харьковскомъ театрѣ новой его піэсы, которую онъ считалъ лучшимъ изъ своихъ драматическихъ произведеній.

Квитка жилъ тогда въ Харьковѣ за Лопанью

опредѣлилъ его Трощинскій губернскимъ почтмейстеромъ въ Архангельскъ, откуда въ іюлѣ 1804 перемѣщенъ онъ былъ къ такой же должности въ Новгородъ, гдѣ и оставался по октябрь 1810 года. Приведу разсказъ Монакова о другѣ Сперанскаго *Петрѣ Андреевичѣ Словцовѣ*, съ которымъ нечаянно онъ познакомился въ началѣ 1809 года въ Новгородѣ. Этотъ разсказъ показываетъ, что Сперанскій не одному бывшему сослуживцу своему Магницкому не хотѣлъ или не могъ пособить, находясь въ близкихъ отношеніяхъ къ государямъ. Тоже было и съ Петромъ Андреевичемъ Словцовымъ. Словцовъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Земляницынымъ отправленъ былъ въ Александроневскую семинарію, при рекомендательномъ письмѣ тогдашняго Тобольскаго преосвященнаго Варлаама Петрова къ брату его С.Петербургскому митрополиту Гавріилу. Хотя Словцовъ вступилъ въ Александроневскую семинарію въ 1789 году, слѣдовательно нѣсколько ранѣе Сперанскаго, отправленнаго въ нее изъ Владиміра съ товарищами своими въ январѣ 1790 года; но онъ и Андрей Ивановичъ Шестаковъ были ближайшими сотоварищами Сперанскаго. Дружбу съ тѣмъ и другимъ сохранилъ онъ до смерти. А. И. Шестаковъ пережилъ товарищей и друзей своихъ ([17]). Словцовъ въ 1793 году поступилъ преподавателемъ философіи въ Тобольскую семинарію, въ которой онъ прежде воспитывался. Прошло не болѣе года, какъ произнесенная Словцовымъ проповѣдь въ Тобольскомъ каѳедральномъ соборѣ найдена была заносчивою, тотчасъ же отобрана отъ него мѣстными властями и отправлена въ Петербургъ. Словцовъ былъ вытребованъ къ отвѣту въ Петербургъ, гдѣ его оправдали, а взведенное на него обвиненіе приписано было недоразумѣнію мѣстныхъ Тобольскихъ властей. Словцовъ опредѣленъ даже наставникомъ краснорѣчія въ С.Петербургскую духовную академію. Но въ 1808 году снова Словцовъ за что-то отправленъ въ Сибирь съ назначеніемъ въ штатъ Сибирскаго генералъ-губернатора. Посланный для обозрѣнія Забайкальскаго края, онъ обратилъ на себя вниманіе тогдашняго сибирскаго генералъ-губернатора Ивана Борисовича Пестеля, который, ѣдучи въ Петербургъ, довезъ Словцова до Новгорода и былъ въ полной надеждѣ исходатайствовать ему прощеніе. Это было въ началѣ 1809 года, и къ этому времени относится знакомство Монакова со Словцовымъ, ожидавшимъ въ Новгородѣ съ часу на часъ дозволенія прибыть въ Петербургъ. Словоохотливый Словцовъ провелъ однажды вечеръ до глубокой ночи у Монакова и принесъ ему письмо для отправленія его съ почтою въ Сибирь.

Какъ же велико было удивленіе Монакова, когда, пробудившись на слѣдующее утро, онъ получилъ почтовую рапортичку объ отъѣздѣ Словцова тою же ночью въ Сибирь, немедленно по полученіи эстафета отъ генералъ-губернатора Сибирскаго: онъ видно не могъ исходатайствовать ему прощенія. Да и Сперанскій тогда могущественный и считавшій Словцова *страдальцемъ*, не оказалъ пособія въ этомъ случаѣ Словцову, хотя этотъ послѣдній и предварялъ его письменно о томъ просьбою, какъ это можно видѣть изъ двухъ писемъ Сперанскаго къ Словцову отъ 18 января и 5 февраля 1809 года, которыя вмѣстѣ съ письмомъ его же отъ 22 іюля 1808 года и письмомъ отъ 3 октября 1829 года помѣщены въ X книжкѣ Москвитянина 1844 года. Сперанскій вскорѣ послѣ ссылки Словцова, въ письмѣ отъ 22 іюля 1808 года, укрѣпляетъ друга своего въ терпѣніи: „Великая разность, другъ мой, идти путемъ умозрѣнія и путемъ дѣйствительнаго терпѣнія“, пишетъ онъ къ Словцову и рекомендуетъ ему Ѳому Кемпійскаго, изъ котораго приводитъ на французскомъ языкѣ небольшую выдержку, приспосо-

([17]) Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Андрей Ивановичъ Шестаковъ былъ еще живъ въ Вяткѣ

бительную къ душевному состоянію Словцова. Письмо отъ 18 января 1809 года онъ начинаетъ такъ: „Письмо ваше, любезный Петръ Андреевичь, съ извѣстіемъ о возвратѣ вашемъ сюда, много меня обрадовало. Нельзя еще теперь опредѣлить ни надеждъ вашихъ, ни страховъ: ибо всё съ вами случающееся не входитъ въ обыкновенные человѣческіе расчеты." Въ этомъ же письмѣ Сперанскій выражаетъ желаніе, чтобъ Словцовъ въ Москвѣ или гдѣ нибудь дождался Пестеля, чтобъ въ Петербургъ пріѣхать вмѣстѣ. Изъ разсказа Монакова видно, что Пестель дѣйствительно довезъ Словцова до Новгорода. Письмо Сперанскаго отъ 5 февраля 1809 года, начинающееся словами: „самъ ты видишь, любезный мой *страдалецъ*, что *трудно противъ рожна прати*, лучше покориться, бросить всѣ замыслы и ничего не надѣяться, не желать и не мыслить, какъ токмо о *единомъ*", это письмо, какъ должно полагать, получено Словцовымъ въ Новгородѣ, потому что въ немъ указываетъ Сперанскій Словцову на письмо свое, вѣроятно отъ 18 января 1809 года, говоря, что онъ найдетъ его у почтъ-директора (Московскаго) Ключарева и совѣтуетъ съ нимъ познакомиться: „онъ, можетъ быть, утѣшитъ и нѣсколько подниметъ упадшій твой духъ силою вѣры", пишетъ Сперанскій Словцову. Разсказъ Монакова о знакомствѣ со Словцовымъ въ Новгородѣ вполнѣ уясняетъ эти два письма Сперанскаго. Извѣстно, что Словцовъ потомъ не выѣзжалъ изъ Сибири и тамъ окончилъ дни свои 28 марта 1843 года. Предложеніемъ о населеніи части Якутскаго края, Словцовъ обратилъ на себя вниманіе правительства; въ 1815 году получилъ онъ мѣсто директора Иркутскихъ училищъ, а въ 1819 году назначенъ визитаторомъ Сибирскихъ учебныхъ заведеній и оставался въ этой должности до 1829 года, т. е. до упраздненія ея, такъ какъ по новому уставу учебныхъ заведеній 8 декабря 1828 года Сибирскія училища подчинены были мѣстнымъ гражданскимъ губернаторамъ. Письмо Сперанскаго къ Словцову отъ 3 октября 1829 года имѣетъ цѣлію увѣдомить его о назначеніи ему за службу полнаго пенсіона, по ходатайству министра нар. просв. князя Ливена.

Кромѣ этихъ четырехъ писемъ помѣщены еще въ Москвитянинѣ а) (1845 г., III, 41—45) письмо Сперанскаго къ Словцову изъ Перми отъ 6 августа 1813 года, представляющее замѣчательный богословскій трактатъ и б) (1844 г. кн. III, стр. 140) письмо Сперанскаго къ Словцову изъ Иркутска отъ 24 іюля 1820 года, съ посылкою ему на память часовъ и Библіи. „Посылаю вамъ, любезный Петръ Андреичъ, время и вѣчность: часы и Библію", такъ Мих. Мих. начинаетъ письмо свое къ товарищу и другу, покидая Сибирь. Письмо это, равно какъ и прочія къ Словцову письма Сперанскаго, исполнено глубокаго религіознаго настроенія.—Всѣ эти шесть писемъ въ хронологическомъ порядкѣ, доставленныя отъ гр. М. Т., помѣщены въ 12 книжкѣ Душеполезнаго Чтенія за 1866 годъ. Противъ пермскаго письма сдѣлано невѣрное замѣчаніе: „это письмо было напечатано, но съ значительными пропусками, въ Москвитянинѣ 1845 года." По тщательной мною провѣркѣ съ копіею письма этого, списаннаго мною изъ Москвитянина, не оказалось ни малѣйшаго пропуска. Кромѣ того, всѣ прочія пять писемъ хотя и помѣщены были гораздо ранѣе въ Москвитянинѣ, но этого не оговорено въ Душеполезномъ Чтеніи ([18]). Письма эти къ редактору Москвитянина доставлены были Иваномъ Порфирьевичемъ Помаскинымъ. Отъ него же доставлены были біографическія извѣстія о

([18]) Точно также въ 1 №. Душеполез. чтенія за 1867 г. помѣщено доставленное въ редакцію отъ гр. М. В. Толстаго письмо Новгородскаго и С. Петербург. митрополита Михаила къ одному вольнодумцу и не оговорено, что оно уже было напечатано во 2 книжкѣ Москвитянина за 1842 годъ.

Словцовѣ (Москв. 1844 г., V, стр. 385—387), а потомъ въ томъ же журналѣ помѣщены и дополнительныя извѣстія о Словцовѣ, сообщенныя Г. И. Спасскимъ ([19]), бывшимъ редакторомъ Сибирскаго Вѣстника (Москв. 1844, VI, 220—225) и еще однимъ 30-лѣтнимъ пріятелемъ Словцова изъ Красноярска (Москв. 1845, V, стр. 156—163). Не смотря на три вышеупомянутыя статьи въ Москвитянинѣ, знакомящія съ жиз-

([19]) Григ. Ив. Спасскій издалъ между прочимъ древнюю Сибирскую лѣтопись. Къ сожалѣнію издана она по списку не совсѣмъ вѣрному. При личномъ знакомствѣ моемъ съ Спасскимъ, съ которымъ довелось мнѣ сойдтись у родственника его, проф. Моск. унив. И. И. Давыдова, я сообщилъ ему о болѣе вѣрномъ спискѣ, хранившемся въ библіотекѣ Вологодской гимназіи, которымъ нужно бы было Спасскому воспользоваться, еслибъ онъ предпринялъ новое изданіе Сибирской лѣтописи. Списокъ этотъ утраченъ былъ изъ библіотеки Вологодской гимназіи при переноскѣ библіотеки во время пожара 1848 года, угрожавшаго опасностію дому гимназіи. Въ библіотеку Вологодской гимназіи взятъ былъ этотъ списокъ такъ называемый у Карамзина Строгановской лѣтописи изъ Яренскаго уѣзднаго училища, куда онъ былъ пожертвованъ однимъ изъ мѣстныхъ жителей: вспомнимъ, что жители Яренска, равно какъ и сосѣдняго Сольвычегодска, гдѣ жили Строгановы, торговали съ Сибирью. Видно, что рукопись эта была списана не ранѣе второй половины 18-го столѣтія, потому что событія доведены въ ней до 1759 года. Въ рукописи Спасскаго изъ знаковъ препинанія, по свидѣтельству его, находятся только точки; въ Яренской рукописи совсѣмъ нѣтъ знаковъ препинанія. Лѣтописецъ рук. Спасскаго говоритъ о трудѣ своемъ: «содѣявшаяся во дни и роды наши и о прочихъ вещахъ кійждо изложихъ по словамъ, да не трудомъ вся обрящутся“. А по Яренской рукописи это мѣсто читается такъ: «идеже содѣяся во дни и роды наша и о прочихъ вещахъ киждо изложихъ по главамъ, да трудомъ вся обрящу ей». Дѣйствительно, рукопись Сибирской лѣтописи по Яренскому списку раздѣляется на 33 главы и упоминаемое въ Яренскомъ спискѣ *главамъ* понятнѣе, тѣмъ *словамъ* у Спасскаго.

Далѣе у Спасскаго: «О царствѣ же Сибирскомъ и о княженіяхъ написахъ *отъ* лѣтописца татарскаго; достовѣрно испытахъ, еже добрѣ и нѣсколько повѣдаша ми явѣ. Слагалъ сей лѣтописецъ въ лѣто 7145 (1637), Сентября въ первый день». Мѣсто это въ Яренскомъ спискѣ таково: «о царствѣ же Сибирскомъ и о княженіяхъ написахъ съ лѣтописца Татарскаго, достовѣрными мужи испытохъ, еже добрѣ повѣдающи, *явѣ и некоснено сіе описуется въ книзѣ сей главами подробно.* Сія лѣтопись Сибирское царство и княженіе и взятіе его въ Тобольску градѣ писано въ лѣто 7145 Сентября въ 1 день». Порядокъ расположенія рукописи Спасскаго и Яренской не одинаковъ: у Спасскаго начинается она съ населенія нѣкоторыхъ городовъ, а Яренскій списокъ начинается съ общаго обозрѣнія Сибирскаго царства. Есть разнорѣчіе въ собств. именахъ, на пр., у Спасскаго — *Сейбохта,* въ Яренскомъ — Сынболда; — у Спасскаго: думчій Кучумъ, въ Яренскомъ: думной Татаринъ Кучума. Одни мѣста въ рукоп. Спасскаго полнѣе, другія въ Яренскомъ; напр.: въ Яренск. рук. нѣтъ грамоты царя къ Строгановымъ, приводимой на 23 стр. печатной рукоп., за то у Спасскаго нѣтъ 16 главы Яренскаго списка, содержащей въ себѣ повѣщеніе великому государю о взятіи Сибирскаго царства.

Въ статьѣ своей: *Извѣстіе о новонайденной лѣтописи Сибирской* помѣщенной въ XIII ч. издававшагося имъ (1821 г.) Сибирскаго Вѣстника, Спасскій, увѣдомляя о найденной имъ рукописи XVII вѣка въ 57 страницъ, для изданія которой подъ именемъ Сибирской лѣтописи, графъ Н. П. Румянцевъ доставилъ Спасскому средства, говоритъ о разныхъ спискахъ Сибирской лѣтописи, и выражаетъ желаніе, чтобъ эти списки были собраны, разсмотрѣны и въ одной лѣтописи, признанной наилучшею, были означены всѣ отмѣны, прибавленія и поясненія.

Хорошо бы было, еслибъ утерянный изъ библіотеки Вологодской гимназіи Яренскій списокъ, можетъ быть хранящійся у какого нибудь собирателя древнихъ рукописей, былъ снова настоящимъ владѣльцемъ его или внесенъ въ какое либо общественное книгохранилище, или же изданъ, по крайней же мѣрѣ указано было печатно на всѣ разнорѣчія его съ лѣтописью Сибирскою, чему представилъ я только нѣкоторые примѣры.

нію Словцова, онѣ представляютъ только матеріалъ для біографіи его и заключаютъ нѣсколько значительныхъ противорѣчій одна другой; настоящей же біографіи Словцова мнѣ не удалось читать.

Въ Октябрѣ 1810 года Монаковъ опредѣленъ по высочайшему повелѣнію къ С. Петербургскому почтъ-директору по особымъ порученіямъ, а въ слѣдующемъ году перешелъ на службу въ почтовый департаментъ, въ которомъ и оставался до 1816 года. Съ выходомъ въ отставку, онъ купилъ себѣ имѣніе въ Вологодской губерніи и переселился на жительство въ Вологду. Сначала думалъ было Монаковъ ввести въ имѣніе свое раціональное сельское хозяйство, но встрѣтивъ противорѣчіе крестьянъ, онъ всю землю въ купленныхъ имъ имѣніяхъ оставилъ въ ихъ пользованіе съ обязательствомъ половину собираемаго хлѣба по существующимъ цѣнамъ отдавать владѣльцу: на этомъ правѣ въ Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ находились тогда съ давнихъ поръ въ Вологодской губерніи такъ называемые ***половники***, жившіе на земляхъ, принадлежавшихъ не только дворянамъ, но также купцамъ и мѣщанамъ. Монаковъ въ это время занимался восполненіемъ собственнаго образованія, такъ рано имъ оконченнаго въ народномъ училищѣ. Будучи почти самоучкою, онъ занялся образованіемъ дѣтей: меньшаго сына самъ приготовилъ въ 1832 году въ 4-й классъ преобразованной тогда по уставу 1828 года Вологодской гимназіи, а для того, чтобъ готовить сына изъ латинскаго языка, онъ и самъ учился въ тоже время этому языку. Не получивши солиднаго образованія и обязанный въ этомъ отношеніи начитанности, онъ всегда отличался способностію къ быстрому рѣшенію ариѳметическихъ вычисленій. Во время службы почтмейстеромъ въ Новгородѣ онъ познакомился съ учителемъ тамошней гимназіи Елепевымъ, узналъ отъ него начала алгебры и такъ называемый Нютовъ биномъ, а это навсегда укрѣпило въ немъ правило для извлеченія квадратныхъ и кубичныхъ корней. На счетахъ рѣшалъ онъ быстро и вѣрно задачи на всѣ 4 ариѳметическія дѣйствія; это умѣнье онъ передалъ между прочимъ и старшему сыну своему, который воспользовался уроками отцовскими для службы по государственному контролю: за способности свои и усердіе по службѣ онъ былъ отличаемъ тогдашнимъ государственнымъ контролеромъ и употребленъ для составленія счетныхъ уставовъ по разнымъ вѣдомствамъ; къ сожалѣнію сынъ этотъ рано умеръ, именно въ 1836 году. Для трехъ дочерей своихъ, за исключеніемъ гувернантокъ, обучавшихъ новымъ языкамъ, Монаковъ былъ единственнымъ наставникомъ; у дѣтей его не было ни одного печатнаго руководства, но все ограничивалось тетрадками, въ которыя заносились въ послѣдовательномъ порядкѣ вопросы, обнимавшіе предметы преподаванія. До позднихъ лѣтъ Монаковъ любилъ заниматься обученіемъ дѣтей грамотѣ, обучалъ ей жившихъ съ нимъ внуковъ и внучекъ своихъ, также дѣтей прислуги, а въ лѣтнюю пору, когда доводилось ему жить въ деревнѣ, дѣтей крестьянскихъ, не занятыхъ еще полевыми работами. Вышедши въ отставку въ 1816 г., онъ принималъ на себя обязанности служебныя только по просьбѣ и выбору членовъ общества, въ которомъ онъ жилъ: такимъ образомъ въ 1830 году былъ онъ главнымъ блюстителемъ для прекращенія въ Вологдѣ впервыя тогда появившейся эпидиміи холерной; дѣйствовалъ онъ самоотверженно, неутомимо и энергически; но нажилъ себѣ довольно враговъ, потому что и самъ, не боясь ни мало эпидеміи и сохраняя только, въ видѣ предосторожности, строгую діэту въ пищѣ, входилъ въ домы заболѣвшихъ, и побуждалъ къ томуже помощника своего и врачей, боявшихся посѣщать больныхъ по чувству самосохраненія, такъ какъ холера въ то время считалась весьма заразительною. Врачи, скучая такими

настояніями Монакова и желая отъ нихъ избавиться, положили въ засѣданіи холернаго комитета оцѣпить домъ Монакова и не выпускать изъ него самаго блюстителя, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ, посѣщая страждущихъ эпидеміею, можетъ служить проводникомъ болѣзни въ другіе домы. Тогдашній Вологодскій губернаторъ Ник. Петров. Брусиловъ, не смотря на то, что всегда былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Монакову, согласился съ мнѣніемъ прочихъ членовъ холернаго комитета, такъ какъ самъ онъ очень боялся эпидеміи и потерялъ тогда отъ нея жену свою Катерину Лонгиновну (урожденную Гофманъ) ([20]).

Съ 1840 года по избранію дворянства служилъ Монаковъ посредникомъ по дѣламъ межеванія въ Вологодскомъ уѣздѣ, и оставался въ этой должности десять лѣтъ до Мая 1850 года, когда лишился онъ зрѣнія и памяти вслѣдствіе паралича. Онъ пересталъ видѣть то, что находилось у него передъ глазами, а видѣлъ предметы, находившіеся у него со стороны, или съ боку; не помнилъ того, что̀ не за-долго съ нимъ случилось, а очень хорошо и подробно передавалъ то, что̀ было съ нимъ давно и въ особенности въ эпоху служенія при Трощинскомъ. Въ томъ же 1850 году, окруженный дѣтьми и внуками, праздновалъ онъ семейно 23 Сентября пятидесятилѣтіе своей свадьбы. Тогдашній преосвященный Вологодскій и Устюжскій Евлампій почтилъ его посѣщеніемъ въ этотъ знаменательный день, до котораго доживаютъ столь не многіе изъ семейныхъ людей.

Еще десять лѣтъ прожилъ Монаковъ и утративъ умственныя способности, которыя у него были далеко не рядовыя, онъ часто скучалъ жизнію. „Теперь не живу я, а прозябаю“, говаривалъ онъ. Ежедневное утѣшеніе находилъ онъ въ посѣщеніи храма Господня, да оживалъ при воспоминаніи далекаго прошлаго. Какъ дитя, обрадовался онъ, когда въ 1850 или 1851 году довелось ему получить въ рукописи оправдательное письмо Сперанскаго къ императору Александру I-му, писанное въ Январѣ 1813 года въ Перми; это письмо давалъ Монаковъ читать всѣмъ и каждому. Наконецъ онъ дожилъ до выхода въ свѣтъ біографіи Сперанскаго, написанной М. Н. Лонгиновымъ и помѣщенной въ двухъ Октябрскихъ книжкахъ Рус. Вѣстника 1859 г. Не за долго до смерти его читала ему старшая дочь его эту біографію; съ живѣйшимъ любопытствомъ слушалъ онъ ее, по мѣстамъ прерывалъ, распространяясь о лицахъ и событіяхъ хорошо ему извѣстныхъ. 1 Марта 1860 года достойный старецъ скончался, переживъ жену свою только двумя съ небольшимъ годами. Память у Монакова была необыкновенно острая: онъ служилъ живою справочною книгою законовъ Русскихъ, выходившихъ съ конца прошлаго столѣтія; къ нему часто обращались многіе за совѣтами и справками, что̀ особенно необходимо и важно было въ ту пору, когда до изданія въ 1833 году Свода Законовъ, имѣвшіе тяжебныя дѣла находились въ полной зависимости отъ секретарей присутственныхъ мѣстъ, нерѣдко продававшихъ цѣною золота свое знакомство съ законами и употреблявшихъ иногда тѣ или другія ссылки на узаконенія, смотря по тому, что̀ было выгоднѣе для ихъ кармана. Не отказывая никому въ совѣтахъ, онъ высказывалъ мнѣнія свои прямо, не взирая на лица, чѣмъ, равно какъ страстію своею къ спорамъ, наживалъ себѣ много враговъ. Впрочемъ, если онъ не боялся нимало наживать себѣ враговъ, то съ другой стороны и самъ онъ былъ

([20]) Н. П. Брусиловъ издавалъ въ 1805 г. ежемѣсячный Журналъ Россійской словесности. Онъ былъ губернаторомъ въ Вологдѣ съ 1820 по 1834 г. почти въ течени 15 лѣтъ. Составленный имъ и напечатанный *Опытъ описанія Вологодской губерніи* 1833 года былъ удостоенъ почетнаго отзыва академіи наукъ по случаю присужденія Демидовскихъ премій.

не злопамятенъ. Когда въ 1841 году прибылъ въ Вологду губернаторомъ (изъ предсѣдателей Черниговской казенной палаты) Ст. Григ. Волховскій, служившій подъ начальствомъ Монакова въ почтовомъ департаментѣ, то на первомъ представленіи ему чиновниковъ и дворянъ Вологодскихъ узналъ онъ въ посредникѣ Монаковѣ своего стараго знакомаго и сослуживца и оставивъ его у себя послѣ общаго представленія, въ началѣ пріятельской съ нимъ бесѣды отнесся къ нему съ такими словами: „если я при обыкновенныхъ моихъ способностяхъ достигъ такого мѣста и чина, то вы бы, Алек. Алек., служа постоянно, давно были бы министромъ“ (21).

Знакомя съ личностію Монакова, преисполненнаго преданности православной церкви, самодержавію и народности, не излишнимъ считаю въ заключеніе привести нѣсколько строкъ изъ записки его ко мнѣ, при которой возвратилъ онъ мнѣ взятую у меня книгу: Слова и рѣчи на высокоторжественные дни Иннокентія ректора духовной академіи Кіевской, (впослѣдствіи архіеп. Одесскаго и Таврическаго): „Это проповѣди политическія; но такія, которыя надобно бы усвоить каждому проповѣднику и каждому преподавателю исторіи царствъ и народовъ. Въ истинѣ понятій, разсужденій, цѣли и духѣ направленія этихъ поученій убѣждаетъ насъ и сама природа и священное писаніе. Христіане-ли, Іудеи-ли, Магометане-ли, язычники-ли мы, должны согласиться, что самодержавные цари суть представители Царя царей на земли, — исполнители всемогущаго Его Промысла, опекуны народовъ.“

Монаковъ дожилъ до того времени, когда начались подготовленія къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Онъ душевно этому радовался, не переставая вспоминать о переписанномъ имъ на-бѣло, но не приведенномъ въ исполненіе распоряженіи.

Возвращаюсь къ Магницкому, по поводу инструкціи котораго Макшееву началъ я мои замѣтки. Мнѣ доводилось говорить объ немъ съ людьми, близко его знавшими въ разныя эпохи его жизни. Отзывы объ немъ были разнообразны. Всего менѣе печатныхъ объ немъ извѣстій за то время, когда жилъ онъ въ новомъ удаленіи изъ Петербурга, сначала въ Ревелѣ, а потомъ въ Одессѣ. Находясь въ Ревелѣ, онъ сблизился въ 1832 г. съ учителемъ Русскаго языка въ тамошней гимназіи, Андреемъ Ив. Бюргеромъ и принялъ участіе въ его ежемѣсячномъ журналѣ „Радуга“. Статьи Магницкаго узнать можно по витіеватому, восторженному языку, по остротамъ и насмѣшкамъ надъ философіею. Подъ статьями своими въ Радугѣ Магницкій подписывался „М. Простодумовъ, помѣщикъ села Спасскаго, Саратовской губерніи“. Со второй книжки Радуги начинаются статьи Магницкаго „Отломки отъ философскаго мозаика степнаго отшельника“. Имъ предшествуетъ письмо Магницкаго къ редактору: „Почтенный редакторъ Радуги! Съ необыкновенною радостью получилъ я первую книжку вашего журнала... Живя въ уединеніи, въ отдаленномъ пріютѣ моемъ, безпристрастно наблюдаю я за ходомъ ума человѣческаго и того, что̀ называется нынѣ *просвѣщеніемъ*, т. е. за *направленіемъ наукъ и литературы по духу времени!..* Вижу, какъ цѣпь мудрости человѣческой отвязываютъ отъ небеснаго звѣна ея, и бросаютъ *на по-*

---

(21) Степ. Григ. Вальховскій въ концѣ 1851 г. перемѣщенъ былъ изъ Вологды губернаторомъ въ новооткрытую тогда Самарскую губернію. Въ послѣдствіи онъ былъ сенаторомъ въ С. Петербургѣ, гдѣ и скончался. Супруга его Катерина Петровна (урожденная Фонъ-дер-Флитъ) пережила его нѣсколькими годами и умерла въ прошломъ году въ іюлѣ во время эпидеміи въ Петербургѣ. — Степ. Григ. происходилъ изъ дворянъ Черниговской губерніи и обучался въ Москов. универ. благ. пансіонѣ при Антонѣ Антонов. Прокоповичѣ-Антонскомъ, къ памяти коего, подобно другимъ питомцамъ этого пансіона, благоговѣлъ.

праніе языковъ; какъ духъ невѣрія распространяетъ владычество свое на всѣ науки и литературу; какъ нравственная холера ея простирается къ намъ, по широкому пути склонности нашей подражать всему иноземному, отъ покроя жилета до образа мыслей и чувствъ. Смотрю изъ-за кулисъ на сцену міра и вздыхаю! Вокругъ раздается одно эхо, механически повторяющее бредни чужеземныя, рабское имъ подражаніе, лепетаніе безтактное, *грубые списки* съ сочиненій *по крайней мѣрѣ оригинальныхъ...*" Въ окончаніи письма Магницкій говоритъ: „Пора показать... что по выраженію Бакона, одна религія есть *ароматъ, предохраняющій науки отъ гніенія.* Подвизайтесь на благо церкви и царей, и всѣ люди благонамѣренные, христіане искренніе, друзья порядка, законности и полезнаго просвѣщенія къ вамъ присоединятся добрыми желаніями и полезными трудами".

Въ своихъ Отломкахъ отъ филос. мозаика Магницкій говоритъ: „Нѣмотствованіе Сократовъ и Платоновъ что значитъ передъ нѣсколькими строками символа вѣры, каждому христіанскому младенцу извѣстнаго? Умолкли ораторы, онѣмѣла мудрость человѣческая. Самъ Богъ сказалъ *не мудрымъ*: *шедше научите.* Чему и на что учить, ежели бы прежніе учители были хороши?.." „Мудрость языческая, столь удивительная и превосходная предъ человѣками — безуміе предъ Богомъ, она *земна*, *бѣсовска*, по слову великаго учителя языковъ." Далѣе показана невозможность соединенія вѣры съ философіею. „Всегда враждебная положительному вѣроисповѣданію и правительству, по характеру, нравамъ, роду правленія разныхъ странъ принимала она (философія) разные виды. *Холодно-богохульная* въ Англіи, *затѣйливо ругательная* во Франціи, *грубо-чувственная* въ Испаніи, *теософо-иллюминатская* въ Германіи, она ничего не изобрѣла и не могла изобрѣсть новаго, но только постоянно облекала разныя древнія и грубыя *ереси* новыми, болѣе, или менѣе. затѣйливыми, смотря по вѣку, личинами. Сіе легко можетъ быть доказано параллельнымъ сводомъ древнихъ расколовъ со всѣми главнѣйшими ученіями такъ названныхъ философовъ отъ Спинозы до Канта, Фихте, Шеллинга, Круга и Гегеля. Вотъ почему всегда былъ и будетъ безполезенъ трудъ людей искренно желающихъ примирить философію съ религіею, ученіе божественное съ расколами, тьму со свѣтомъ. Алкоранъ гораздо ближе къ христіанству нежели сіи непримиримыя съ нимъ секты".

„Всѣ ученія философскія, будучи *отрицательны*, или что одно и тоже *разрушительны*, имѣютъ общимъ началомъ: *господство человѣка*; а какъ скоро человѣкъ признаетъ себя *самовладыкою*, то онъ тѣмъ самымъ есть уже бунтовщикъ противъ всякой власти, отъ Бога установленной; —*бунтовщикъ же только ненавидѣть можетъ*; — слѣдовательно, *общее чувство*, философскими ученіями рождаемое, есть *ненависть.* Да и кто въ томъ усомнится, вспомнивъ царство философіи и подъ видомъ разныхъ французскихъ революцій?—Кто усомнится, взглянувъ на то, что̀ дѣлали они въ теченіи послѣднихъ сорока лѣтъ и еще недавно подъ глазами нашими вокругъ насъ?..."

Простодумовъ разсматриваетъ паутину въ микроскопъ, при помощи котораго она представляется шестьнадцатитысяченитной веревкой. Потомъ разсуждаетъ онъ объ микроскопическихъ открытіяхъ. Паукъ говоритъ Простодумову: „Увидишь, что кровь животныхъ состоитъ *изъ живыхъ шариковъ*, найдешь въ сей жизненности ея разгадку: vis vitalis; изъясняю: почему запрещено ѣсть кровь животныхъ, почему кровь Авелева могла точно вопіять на братоубійцу, почему кровавыя жертвы всемірно приносились и въ законѣ Моисеевомъ установлены", и проч. Отсюда объясняется, почему Магницкій никакъ не хотѣлъ, чтобъ пустили ету кровь въ предсмертной его болѣзни. Четвертую статью свою Магницкій оканчиваетъ рѣшительнымъ утвержденіемъ, что Кеплеръ не такъ думалъ о планетахъ какъ огласили

то люди, послѣдователями его себя ложно именующіе.

Въ 5-мъ Отломкѣ передаются между прочимъ думы философа во время прогулки его въ Царскосельскомъ саду объ императорѣ Александрѣ I; онъ представляетъ себѣ, что̀ могло занимать мысли Александра I-го во время уединенныхъ его прогулокъ по Царскосельскому саду. Философъ, углубленный въ свои думы, незамѣтно подходитъ къ фонтану, извѣстному подъ именемъ Молочницы; тутъ встрѣчаетъ онъ простолюдина, пришедшаго тудаже за водой; простолюдинъ объясняетъ философу значеніе изваянія Молочницы, разбившей свой кувшинъ. Время въ размышленіяхъ пролетаетъ для философа незамѣтно; наступаетъ часъ обратнаго отъѣзда въ Петербургъ; спутницею его является таже дама, съ которою онъ ранѣе ѣхалъ отъ Петербурга до Царскаго Села: она разсказываетъ ему, какъ скучно провела она время въ Царскомъ Селѣ, отъ того, что она не нашла дома тѣхъ, къ кому пріѣзжала изъ Петербурга. Философъ объясняетъ дамѣ, что „*совсѣмъ нѣтъ времени*, что мы промежутокъ разныхъ явленій мѣряемъ особеннымъ вершкомъ, *счетомъ нашихъ мыслей*, и называемъ временемъ“. Любопытно сопоставить эти думы Магницкаго съ думами Карамзина въ письмахъ его изъ Царскаго Села, напр. въ 350-мъ письмѣ къ Дмитріеву.

Мы слышали, что участіе Магницкаго въ Радугѣ было поводомъ къ разнымъ затрудненіямъ со стороны цензуры. Хотя въ началѣ покровительствовалъ этому журналу тогдашній министръ нар. просв. кн. Карлъ Андреевичъ Ливенъ, пріобрѣтшій отъ Бюргера по экземпляру Радуги для всѣхъ учебныхъ заведеній министерства; но преемникъ его, Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, состоявшій къ Магницкому въ непріязненныхъ отношеніяхъ еще съ того времени, какъ онъ былъ сочленомъ его по главному правленію училищъ, находилъ слишкомъ рѣзкими сужденія этого изданія о корифеяхъ нѣмецкой литературы и философіи. Бюргеръ, еще въ то время лютеранинъ, но сознававшій, что въ православіи находится истина, которую тщетно искалъ онъ у нѣмецкихъ философовъ, не докончилъ изданія и въ 1833 году, прощаясь съ подписчиками, увѣдомилъ ихъ, а также и тогдашнихъ своихъ единовѣрцевъ, что онъ принимаетъ православіе, что̀ и послѣдовало 6 августа 1833 года. Изъ Ревеля онъ перешелъ правителемъ дѣлъ въ канцелярію генералъ-губернатора Остзейскихъ губерній Головина, но не могъ долго при немъ оставаться по непріязни бывшихъ его единовѣрцевъ — лютеранъ. Все это слышалъ я отъ самого Бюргера, съ которымъ довелось мнѣ прожить въ Петрозаводскѣ съ ноября 1852 г. по іюнь 1860 года: онъ служилъ тамъ старшимъ совѣтникомъ губернскаго правленія. А. И. Бюргеръ, уже находясь на службѣ при хозяйственномъ отдѣленіи Св. Синода, возобновлялъ изданіе Радуги съ ея прежнимъ направленіемъ, и выдалъ въ 1864 — 1866 г. всего 15 книжекъ. Нынѣ изданіе это снова прекратилось.

Въ числѣ статей Магницкаго, которыя не могли быть помѣщены Бюргеромъ въ журналѣ его, находилась вызванная взятіемъ въ 1831 г. Варшавы и озаглавленная: „Взглядъ на приступъ Варшавскій съ нравственной стороны“. У меня сохранилась она въ копіи, къ сожалѣнію въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не совсѣмъ полной и точной. Сколько мнѣ извѣстно, она не была нигдѣ напечатана, хотя и ходила по рукамъ. Въ ней восторженными похвалами Магницкій превозноситъ подвиги фельдмаршала Паскевича и русскаго войска. Въ началѣ указываетъ онъ на то, что еще въ первую французскую революцію Варшава служила средоточіемъ мятежныхъ происковъ якобинцевъ; онъ ссылается въ подтвержденіе на отчетъ, публикованный тогда во Франціи, въ которомъ обозначено, что 60 милліоновъ франковъ послано было тогда изъ Франціи въ Варшаву на поддержку польскихъ бунтовщиковъ. Далѣе говоритъ онъ о постоянномъ дѣй-

ствіи Франціи на поддержаніе враждебныхъ отношеній Польши къ Россіи.

Отличаясь въ молодости свободомысліемъ и страстію къ либерализму, Магницкій дѣлается потомъ религіознымъ до мистицизма и фанатизма, а подъ старость, какъ слышалъ я отъ лицъ, знавшихъ его въ Одессѣ, онъ уже въ простотѣ сердца принималъ истины откровенной религіи и строго держался ученія православной вѣры. Кромѣ Св. Евангелія, любимыми его книгами были Четьи Минеи и вообще сочиненія Св. Димитрія Ростовскаго. Онъ уже строго осуждалъ въ другихъ увлеченія мистицизмомъ и всякія другія уклоненія отъ чисто-православнаго ученія; такимъ лицамъ выставлялъ онъ въ примѣръ для подражанія простоту вѣры поселянъ, и при этомъ нерѣдко повторялъ: „намъ бы нужно побольше мужицкой вѣры.“ Одному лицу долго, прожившему передъ тѣмъ въ Италіи и восхищавшемуся величіемъ католическаго богослуженія, онъ замѣтилъ „все это представляется вамъ à la fleur d'orange, между тѣмъ какъ высокая простота нашего православнаго богослуженія несравненно выше внѣшней обстановки католической церковной службы“.

Изъ примѣчанія, приложеннаго Магницкимъ къ его „Взгляду на міозданіе“ (Москвит. 1843, XI) узнаёмъ, что въ теченіи двухъ или трехъ лѣтъ занимался онъ въ Одессѣ астрономіею у *Алексѣя Ивановича Макарова*, который, послѣ высшаго обученія въ политехнической школѣ, при Наполеонѣ, „послѣ знаменитаго астрономическаго путешествія съ первоклассными математиками Франціи, послѣ преподаванія высшей математики въ одномъ изъ высшихъ Петерб. заведеній, какъ *Фонтенель Одесскій*, угощалъ иногда старыхъ своихъ пріятелей астрономическими бесѣдами и даже наблюденіями, на своемъ приморскомъ балконѣ.“

Въ то время, какъ Магницкій доживалъ дни свои въ Одессѣ, бывшій покровитель его князь А. Н. Голицынъ, въ очаровательномъ имѣніи своемъ Гаспрѣ, близь Ялты, съ 1842 года доживалъ также свою богатую воспоминаніями жизнь, о которой, какъ слышно, остались весьма любопытныя записки ([22]). Михайло Леонтьевичъ въ 1824 г. перешелъ на сторону враговъ князя Голицына. Это лежало на совѣсти Магницкаго, и онъ прибѣгнулъ къ помощи третьяго лица, прося за прошлое христіанскаго прощенія; въ отвѣтъ Магницкому князь поручилъ ему передать, что *стараго онъ не помнитъ*. Передавшій мнѣ это, сблизившійся въ Одессѣ съ Магницкимъ года за полтора до его смерти, кн. Ю. А. Д., хотя и не назвалъ по имени человѣка, примирившаго Магницкаго и

([22]) Біографич. подробности о Голицынѣ помѣщены въ 1 т. Слов. дост. людей Русск. земли, въ 1847 году Бантышъ-Каменскимъ, лично знавшимъ кн. А. Н. Голицына. см. стр. 415—428. Пользуюсь настоящимъ случаемъ исправить небольшую ошибку въ имени проповѣдника, изъ надгробной проповѣди котораго приведенъ въ концѣ біографіи отрывокъ. Онъ названъ протоіереі Покропинъ, а слѣдовало Накропинъ. Этотъ священникъ, Андрей Накропинъ, родился въ Петрозаводскѣ, былъ сынъ тамошняго мѣщанина, прибывшаго туда изъ Ростова и занимавшагося огородничествомъ, а потому и въ Петрозаводскѣ извѣстнаго подъ именемъ Ростовца, или огородника. Андрей Накропинъ съ 1813 года обучался въ Олонецкой гимназіи, окончилъ въ ней полный курсъ ученья, изучилъ основательно нѣмецкій языкъ, занимался переводами съ него книгъ, преимущественно религіозно-мистическаго содержанія; по прибытіи въ Петербургъ сдѣлался извѣстенъ члену Св. Синода, Москов. митрополиту Филарету; и хотя училищное начальство Петрозаводска склоняло Андрея Накропина къ вступленію на учебное поприще, на мѣсто одного изъ уѣздныхъ учителей, онъ предпочелъ предложенное ему митроп. Филаретомъ вступленіе на духовное поприще; былъ посвященъ въ санъ іерея, сначала служилъ въ Петербургѣ въ домовой церкви Т. Б. Потемкиной, а потомъ поступилъ въ священники домовой церкви имѣнія Ал. Ник. Голицына въ Гаспрѣ и былъ духовникомъ князя предъ его кончиною.

кн. Голицына, но можно догадываться, что едва ли это не былъ Александръ Скарлатовичъ Стурдза. Магницкій и Стурдза въ Одессѣ очень часто видались. Сходство религіознаго направленія и преданность къ православію безъ сомнѣнія содѣйствовали къ скрѣпленію взаимной между ними связи.

Магницкій, по непріязненнымъ своимъ отношеніямъ къ кн. Воронцову, былъ на нѣкоторое время удаляемъ на жительство изъ Одессы въ Херсонъ(23), а какъ онъ въ способахъ существованія былъ не богатъ, то друзья его и въ особенности А. С. Стурдза, не оставляли его безъ содѣйствія. Предсмертную болѣзнь свою переносилъ Магницкій съ величайшимъ терпѣніемъ, говоря окружавшимъ лицамъ: *„это Богъ наказываетъ меня за грѣхи мои“*. Когда пользовавшій его врачь совѣтовалъ пустить ему кровь и надѣялся отъ этого на его выздоровленіе, Магницкій никакъ не согласился на это, оставаясь вѣренъ убѣжденію, о которомъ говорено было мною выше. Магницкій скончался въ томъ же году, какъ и кн. Ал. Ник. Голицынъ, т. е. въ 1844. Магницкій оставилъ послѣ себя жену, родомъ француженку (24). Въ Одессѣ же въ это время жилъ и женатый сынъ его, перешедшій туда, какъ говорили мнѣ, въ таможенное вѣдомство изъ военной службы. По смерти Магницкаго Стурдза (25) почтилъ память его особою объ немъ статьею, вошедшею въ 1850 году въ изданную имъ книгу съ біографическими свѣдѣніями о кн. Сергіи (въ монашествѣ Аникитѣ) Ширинскомъ-Шихматовѣ, кн. Алек. Ник. Голицынѣ, В. А. Жуковскомъ, Н. В. Гоголѣ, Н. М. Карамзинѣ, И. Н. Инзовѣ и другихъ замѣчательныхъ лицахъ.

Около того же времени кончилъ дни свои въ Одессѣ Дегуровъ (или Дюгуровъ), столь близкій къ Магницкому, по совмѣстной службѣ ихъ членами главнаго правленія училища. Оба они преслѣдовали вмѣстѣ съ Руничемъ профессоровъ С.-Петерб. унив. Арсеньева, Галича, Германа, Раупаха и ректора университета Балугьянскаго.

Дегуровъ, родомъ французъ, при началѣ французской революціи былъ книгопродавцемъ и издателемъ книгъ въ Парижѣ; въ послѣдствіи примкнулъ къ сторонѣ Робеспьера и былъ, какъ сказывали мнѣ, секретаремъ его. Съ паденіемъ Робеспьера, Дегуровъ едва избѣгъ смерти; онъ долженъ былъ искать спасенія въ какомъ-то сѣновалѣ; здѣсь подъ кучами соломы спрятался онъ отъ преслѣдованія французскихъ жандармовъ, отыскивавшихъ его; они заходили и въ тотъ сѣновалъ, гдѣ лежалъ Дегуровъ. Отъ страха Дегуровъ совершенно посѣдѣлъ, въ тѣ часы пока укрывался отъ преслѣдователей своихъ, какъ передалъ мнѣ это человѣкъ хорошо знавшій Дегурова (А. В. Б.). За тѣмъ онъ спасся бѣгствомъ въ Англію, женился на Англичанкѣ и отсюда однимъ русскимъ княземъ вывезенъ былъ въ Рос-

(23) Поводомъ къ удаленію Магницкаго изъ Одессы въ Херсонъ служилъ, какъ говорятъ, доносъ Магницкаго на кн. Воронцова. А въ первое время пребыванія своего въ Одессѣ Магницкій сошелся съ кн. Воронцовымъ, управлявшимъ Новороссійскимъ краемъ съ 1823 года. Сочиненіе свое — Краткое руководство къ дѣловой и государственной словесности, напечатанное въ Москвѣ въ 1835 году, Магницкій посвятилъ ему. Пенсія, назначенная Магницкому за 30-лѣтнюю его службу, составляла 6000 руб. асс. Но едва ли не производилось съ него взысканія по начету казенныхъ суммъ за время управленія Казанскимъ уч. округомъ.

(24) Такъ слышалъ я отъ кн. Ю. А. Д., знавшаго и Магницкаго и жену его; П. В. Сушковъ въ соч. о Москов. Унив. Благор. пансіонѣ, говоритъ и о М. Л. Магницкомъ; жену же его называетъ онъ Англичанкою.

(25) Во 2 кн. Чтеній Моск. Общ. Исторіи и Древн. за 1864 г. вслѣдъ за біографіею Каподистріи, написанною Стурдзою, сообщены біографическія свѣдѣнія о самомъ Стурдзѣ, составленныя Диктіадисомъ; но подробнѣйшая біографія Стурдзы, написанная іеромонахомъ Анфимомъ, помѣщена въ 4 №. Странника въ 1864 годъ.

сію. Первое время извѣстенъ онъ у насъ былъ подъ именемъ Гуръ; за тѣмъ прибавилъ онъ къ фамиліи своей показывающую дворянское происхожденіе частицу де, а въ послѣдствіи сталъ называться Дегуровъ, нѣкоторое время служилъ въ Харьковскомъ университетѣ профессоромъ Исторіи, Географіи и Статистики, потомъ перемѣстился профессоромъ французской литературы въ Педагогическій институтъ и изъ него въ С.-Петерб. университетъ. Съ удаленіемъ Раупаха и Балугьянскаго изъ университета, представилась Дегурову возможность совмѣстить въ себѣ съ каѳедрою французской литературы и каѳедру всеобщей исторіи; вмѣсто же Балугьянскаго до 1820 года исправлялъ должность ректора проф. Е. Ф. Зябловскій, а съ этого года до 1835, т. е. до выхода своего въ отставку, былъ Дегуровъ по избранію профессоромъ, и ректоромъ университета. Не зная русскаго языка, онъ преподавалъ исторію на латинскомъ языкѣ съ дополнительными объясненіями по французски. Съ избраніемъ его въ ректоры университета онъ, оставаясь заслуженнымъ профессоромъ исторіи при университетѣ, лекцій болѣе не читалъ самъ; а вмѣсто его преподавали исторію всеобщую Роговъ и Крыловъ, изъ которыхъ перваго за то снабжалъ онъ французскими книгами изъ своей обширной библіотеки. Къ составленію каталога ея приглашалъ онъ меня въ 1831 году; но будучи студентомъ университета и занятый сверхъ того частными уроками, порученія его принять я не могъ. Во все время студентской моей жизни, въ теченіи почти четырехъ лѣтъ (1830—1833) я только слышалъ три слова русскія, произнесенныя разъ Дегуровымъ при нежданномъ посѣщеніи имъ камеръ казеннокоштныхъ студентовъ; увидѣвъ трубку для куренія табаку, которое строжайше было воспрещено намъ, казеннымъ студентамъ, обратясь къ студентамъ, не понявшимъ его французскаго вопроса, онъ сказалъ: „Кому эта труба?“ Очень часто нужно было ему имѣть переводчиковъ для объясненія съ тѣми студентами, которые не говорили ни по французски, ни по латыни. Дюгуровъ, уволенный отъ службы съ пансіономъ, пожелалъ было помѣститься на родинѣ своей, Франціи, но при сохраненіи за нимъ пансіона за службу не было ему то дозволено императоромъ Николаемъ Павловичемъ. А потому избралъ онъ для жительства своего Одессу и перевезъ туда библіотеку свою, богатую въ особенности франц. и англійс. книгами; не задолго до смерти желалъ онъ ее продать, какъ слышалъ я это отъ И. З. П., служившаго тогда чиновникомъ при гр. Воронцовѣ. Приведу названія нѣкоторыхъ сочиненій Дегурова: 1) De la civilisation des Tatars Nogaïs dans le midi de la Russie Européenne, 1816, Charkow.

2) Mémoire sur l'état actuel de l'hôpital imperial des pauvres malades à St. Petersbourg. 1817.

3) De la direction donnée à l'enseignement dans les universités, St. Petersb. 1823. (Въ этой рѣчи Дегурова, произнесенной имъ на университетскомъ актѣ 28 февраля 1823, говорится о необходимости религіознаго направленія при преподаваніи наукъ).

Магницкій былъ родной внукъ извѣстнаго при Петрѣ Великомъ Леонтія Филип. Магницкаго, сочинителя первой нашей Ариѳметики и бывшаго учителемъ математики въ навигаторскихъ классахъ на Сухаревой башнѣ. Учился Михаилъ Леонтьевичь въ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ и кончилъ курсъ наукъ съ полнымъ успѣхомъ въ концѣ царствованія Екатерины II-й: на доскѣ заведенной въ 1791 году, на которой записывались золотыми буквами имена воспитанниковъ отличныхъ по успѣхамъ и поведенію, имя Магницкаго записано третьимъ. На той же доскѣ значится изъ литераторовъ нашихъ подъ 13 №: Василій Жуковскій, подъ 24 №. Павелъ Свиньинъ, подъ 47 Степанъ Шевыревъ.

Карамзинъ удостоивалъ стихи молодаго Магницкаго помѣщеніемъ въ альманахѣ своемъ Аониды. Въ 1-й книжкѣ Аонидъ на 1796 годъ помѣщено два стихотворенія, съ подписью подъ каждымъ М. Мгнцк.: одно изъ нихъ Ночь (стр. 250—252), грустнаго настроенія, въ немъ юный поэтъ между прочимъ воспѣваетъ свѣжую могилу своего друга; другое стихотвореніе къ пятилѣтней дѣвочкѣ М*В*Н* (стр. 253—256). Во 2-й книжкѣ Аонидъ на 1797 годъ помѣщено также два стихотворенія, но уже съ полною подписью *М. Магницкой*. Одно Соловей (стр. 68—69), другое – Поэзія (стр. 209—221). При послѣднемъ издатель Аонидъ, Карамзинъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Читатели конечно съ удовольствіемъ простятъ молодому автору неисправность риѳмъ за многіе хорошіе и сильные стихи, которые они найдутъ въ семъ сочиненіи". Замѣтно, что то и другое стихотвореніе писаны подъ вліяніемъ Державина, въ особенности его Водопада. Вотъ какъ, между прочимъ, въ стихотвореніи Поэзія, Магницкій относится къ Державину:

Д**нъ! сильный духъ, безсмертный,
Орелъ россійскихъ славныхъ странъ!
Ни смерти громы разъяренны,
Ни буря пламенна временъ,
Не сокрушатъ твоихъ колоссовъ,
Въ которыхъ ты величье Россовъ,
Волшебнымъ изваялъ рѣзцомъ.
Друзья людей, тобой воспѣты,
Какъ пламень сыплющи кометы,
Освѣтятъ вѣчности чертогъ,
Твой Водопадъ великолѣпный,
Подъ мракомъ дальнѣйшихъ временъ и проч.

Стихотвореніе Поэзія оканчивается воспоминаніемъ о Румянцевѣ, тогда уже умершемъ:

„Но монументъ великолѣпный,
Поэзіей сооруженный,
Порывъ вѣковъ остановитъ,
Надъ бурей смерти разсмѣется
И въ блескѣ слава разнесется;
Румянцевъ вѣчно будетъ жить!

Въ 3 кн. Аонидъ на 1798—1799 годъ вѣроятно принадлежатъ Магницкому на стр. 321—324: Стихи графу Суворову-Рымникскому на пріѣздъ его въ Вѣну, съ подписью М. М. Вѣна, марта 15, 1799. Магницкій жилъ въ это время въ Вѣнѣ, куда отправился онъ въ 1798 на службу при нашемъ посольствѣ. Въ 1801 году переведенъ онъ былъ изъ Вѣны въ Парижъ къ посольству нашему.

Есть еще указаніе на стихотвореніе Магницкаго, отдѣльно напечатанное въ Москвѣ 1796, въ IV т. Сопикова Опыта Россійской библіографіи, подъ № 11435; стихотв. это озаглавлено: Вицеканцлеру А. Б. Куракину, Михайла Магницкаго.

Магницкій отличался въ молодые годы особенною находчивостію и остроуміемъ. Когда онъ жилъ въ Парижѣ, состоя на службѣ при нашемъ посланникѣ гр. Марковѣ, французы признавали его русскимъ львомъ. Въ семействѣ Макшеевыхъ въ Вологдѣ въ 1812 году разсказывалъ онъ, какъ обратилъ онъ на себя вниманіе тогдашняго перваго консула. На одномъ оффиціальномъ пріемѣ членовъ дипломатическаго корпуса, въ числѣ другихъ находился и Магницкій при Марковѣ. Бонапарте, въ присутствіи всѣхъ, подаетъ ему кошелекъ, потерянный имъ на канунѣ въ одномъ домѣ, не пользовавшемся хорошею репутаціею. Съ одной стороны первой консулъ хотѣлъ выказать предъ всѣми гостями своими дѣятельность и исправность парижской полиціи, а съ другой онъ полагалъ привести въ смущеніе молодаго человѣка этою нежданностію. Но Магницкій, ни мало не смутившись, какимъ-то очень остроумнымъ и находчивымъ отвѣтомъ, котораго я теперь не припомню, заставилъ Бонапарте произнести о себѣ предъ присутствовавшими такія слова: „этотъ молодой человѣкъ далеко пойдетъ въ своемъ отечествѣ". Конечно это льстило самолюбію Магницкаго, и онъ слишкомъ черезъ десять лѣтъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о томъ, когда жилъ въ изгнаніи въ Вологдѣ. Впрочемъ изъ запи-

сокъ Флоровой-Багрѣевой, дочери Сперанскаго видно, что „Магницкій, постепенно возвышаясь, утратилъ отличавшую его живость и беззаботность, особенно же съ того времени, какъ сталъ имѣть личные доклады у государя“ (см. бар. Корфа Сперанскій ч. I, стр. 283).

По свидѣтельству лицъ, знавшихъ Магницкаго въ разныя эпохи его жизни, онъ имѣлъ привлекательную наружность и прекрасныя манеры: мнѣ доводилось слышать отъ одного Вологодскаго помѣщика (А. И. Бр.), пользовавшагося лѣтомъ 1832 года въ Ревелѣ морскими ваннами, что пріѣзжія туда наши дамы очень интересовались этимъ въ то время изгнанникомъ и не пропускали случая полюбоваться имъ во время прогулокъ.

Удаленный изъ Петербурга въ одинъ день съ Магницкимъ, Сперанскій далеко превосходилъ Магницкаго умственными способностями. У Магницкаго былъ умъ блестящій, но не столь глубокій и основательный, какъ у Сперанскаго; и образованіе у послѣдняго было гораздо многостороннѣе. Но что въ Сперанскомъ всего удивительнѣе, это — его неутомимая любознательность: когда въ 20-хъ годахъ (1826—1830) былъ онъ занятъ многообразными государственными дѣлами, то не переставалъ, однако, слѣдить за ходомъ религіознаго движенія въ Германіи, для чего выписывалъ нѣсколько повременныхъ иностранныхъ изданій духовныхъ, которыя постоянно находилъ у него тогдашній инспекторъ С.-Петерб. духов. Академіи, Иннокентій, передававшій мнѣ это въ послѣдствіи въ Вологдѣ. Да и характеръ у Сперанскаго и Магницкаго былъ, можно сказать, противоположный. Сперанскій старался сохранять постоянное, невозмутимое спокойствіе; онъ никогда не выходилъ изъ себя, какъ бы онъ ни былъ кѣмъ не доволенъ; только въ это время можно было видѣть у него легкій румянецъ на щекахъ. Подобнаго рода человѣка, отличающагося постоянною ровностію и спокойствіемъ характера, самъ Сперанскій называлъ *круглымъ человѣкомъ*(26). Магницкій напротивъ того былъ горячъ, вспыльчивъ и не властенъ обуздывать порывовъ своего гнѣва, чѣмъ и наживалъ себя много враговъ. Въ религіозномъ направленіи Сперанскаго и Магницкаго встрѣчается тоже замѣтное различіе: по философскому своему направленію Сперанскій въ бесѣдахъ съ близкими лицами о православіи былъ не чуждъ иногда индеферентизма: привожу объ этомъ свидѣтельство о себѣ самаго Сперанскаго въ письмѣ его къ имп. Александру I отъ 6 янв. 1816 года (Рус. Арх. 1867, стр. 417): „на пути, коимъ вело меня Провидѣніе въ вѣрѣ, пытли-

---

(26) Это передалъ мнѣ архіепископъ Ириней, перемѣщенный въ 1830 году съ Пензенской каѳедры на архіепископію Иркутскую, Нерчинскую и Якутскую, какъ *твердое* и *надежное лице*, по смерти Мисаила Иркутскаго архіепископа. Предъ отправленіемъ своимъ въ Сибирь преосв. Ириней заѣзжалъ въ Петербургъ и здѣсь видѣлся съ Сперанскимъ, которому хорошо была знакома Сибирь, куда отправлялся Ириней, а также Пенза, откуда онъ прибылъ. Отдавая должную справедливость необыкновеннымъ способностямъ Сперанскаго къ государственной службѣ и неутомимому его трудолюбію, преосв. Ириней не былъ однако же, подобно многимъ другимъ, безусловнымъ его почитателемъ: ему въ немъ не нравилась излишняя его страсть къ нововведеніямъ по иностраннымъ образцамъ, не всегда для насъ пригоднымъ.

Преосв. Ириней заслуживаетъ того, чтобъ когда нибудь поговорить объ немъ подробнѣе: у меня сохранилось болѣе 60 писемъ его ко мнѣ. Вотъ какъ отзывается объ Иринеѣ далеко не щедрый на похвалы Вигель въ запискахъ своихъ подъ 1823 годомъ, въ VI ихъ части, главѣ X (см. Рус. Вѣст. 9 № за 1865 годъ.

«Графъ (Воронцовъ), желая распространить въ сей полуазіатской странѣ (Бессарабіи) начала Европейскаго просвѣщенія, завелъ ланкастерскія школы взаимнаго обученія и весьма удачно поручилъ сіе дѣло ректору Семинаріи, архимандриту Иринею, человѣку пылкому, свѣдующему, исполненному святости безъ изувѣрства

вость разума часто ввергала меня въ изысканія болѣе тонкія, нежели основательныя". Не таковъ былъ Магницкій. Онъ часто доходилъ до другой крайности: до фанатизма и нетерпимости; это между прочимъ свидѣтельствуютъ рѣзкіе отзывы о философіи въ его сочиненіяхъ. Этимъ можно только отчасти объяснить поступокъ его съ кн. Голицынымъ, коимъ онъ былъ облагодѣтельствованъ: когда этотъ послѣдній, какъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, завѣдывавшій тогда и цензурою книгъ, не хотѣлъ внять представленію Магницкаго о вредѣ готовившагося къ выпуску въ свѣтъ перевода сочиненія пастора Госнера: Толкованіе Святыхъ Евангелій, и не желалъ остановить ихъ печатанія на русскомъ языкѣ, Магницкій увѣдомилъ о томъ Аракчеева и вообще перешелъ на сторону враговъ кн. Голицына.

*

Вѣрная оцѣнка дѣятелей, о которыхъ говорено было въ этихъ замѣткахъ, принадлежитъ позднѣйшему, болѣе безпристрастному потомству, по мѣрѣ отдаленія его отъ нашего времени. Можетъ быть, кое-что изъ сообщаемыхъ мною теперь замѣтокъ пригодится для будущаго правдиваго историка нашего времени, который прежде произнесенія рѣшительнаго приговора о дѣятеляхъ нашего времени, безпристрастно оцѣнитъ ихъ по сличеніи и взаимной провѣркѣ разныхъ объ нихъ свѣдѣній, дошедшихъ отъ современниковъ ([27]).

Ѳ. Фортунатовъ.

([27]) Опять привожу выдержку изъ записокъ Вигеля, но на сей разъ, чтобъ показать съ какою крайнею односторонностію отыскиваетъ онъ одно дурное въ современникѣ своемъ Магницкомъ. Это изъ VII части его записокъ, главы 1-й. «Въ вѣдомствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія министръ Шишковъ былъ не что иное какъ трупъ, гальванизированный Магницкимъ.

«Первые годы молодости своей Магницкій провелъ въ эпикурейской вѣрѣ и въ революціонномъ еще Парижѣ. Когда онъ возвратился въ отечество, то сперва вмѣсто трости носилъ якобинскую дубинку, съ серебряною бляхой и съ надписью: droit de l'homme. Потомъ онъ былъ самымъ усерднымъ Англоманомъ, а послѣ Тильзитскаго мира отчаяннымъ обожателемъ Наполеона, что́, кажется, было причиной ссылки его въ Вологду. Оттуда онъ назначенъ былъ Воронежскимъ вице-губернаторомъ, а вскорѣ потомъ губернаторомъ въ Симбирскъ. Въ это время онъ сильно присталъ къ мистицизму, и тѣмъ угодилъ министру, князю Голицыну, который испросилъ ему мѣсто попечителя Казанскаго университета, а по званію главнаго правленія училищъ держалъ его при себѣ въ Петербургѣ. Онъ совершенно управлялъ Голицынымъ; но предвидя скорое его паденіе, способствовалъ оному, войдя въ сношенія съ его противниками. Теперь въ рукахъ его находилась достаточная власть для преслѣдованій, и онъ воспользовался ею. Болѣе всего нападенія его направлены были на библейское общество, къ коему онъ принадлежалъ; вообще онъ нападалъ на все то, что́ самъ прежде исповѣдывалъ. Горе профессорамъ, которые на каѳедрѣ дерзнутъ выразить какую нибудь смѣлую мысль; горе писателямъ, если въ ихъ твореніяхъ ему покажется что нибудь двусмысленнымъ; горе цензорамъ, пропустившимъ то». Вотъ отзывъ Вигеля, недоброжелательно и желчно отзывающагося не объ одномъ Магницкомъ, а и о большей части выводимыхъ въ запискахъ его современниковъ. Не одинъ Вигель, а и позднѣйшіе наши писатели поставили себѣ цѣлію выставлять на показъ только темную сторону Магницкаго.

ДѢЛО О ДЬЯЧКѢ

Василіи Ефимовѣ, казненномъ въ Новгородѣ сожженіемъ за ложное чудо въ 1721 ([1]).

1.

1721 года іюля въ 14 день въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ противъ доношенія преосвященнаго

([1]) За сообщеніе этого дѣла, современный списокъ котораго хранится въ архивѣ министерства юстиціи, мы обязаны *Николаю Ивановичу Костомарову. П. Б.*

Ѳеодосія архіепископа великаго Новагорода и Великихъ Лукъ и архимандрита Александроневскаго монастыря (°) объявленный въ томъ доношеніи изъ Новагорода Ямской Новинской слободы церкви Пресвятыя Троицы дьячекъ Василій Ефимовъ допрашиванъ:

Въ прошломъ 720 г. августа въ 13 числѣ нѣкое будто чудесное видѣніе и слышаніе онъ дьячекъ въ Новгородѣ разгласилъ и въ нынѣшнемъ 721 году въ мартѣ, въ бытность его преосвященства въ Новгородѣ для подлиннаго о томъ объявленія, его архіерейству представленъ былъ, и по короткомъ отъ его преосвященства вопрошеніи повиновеніе во ономъ ему архіерею принесъ, и про все оное разглашеніе, какъ вымысломъ своимъ ложно учинилъ и многихъ суевѣрцами быти убѣдилъ, въ допросѣ своемъ, которой тогда при ономъ повиновеніи учиненъ, показалъ ясно.

Въ вышеозначенномъ августа 13 числѣ разгласилъ онъ и письменно объявлялъ такое вымышленное видѣніе: будто того августа къ 10 числу въ ночи видѣлъ онъ дьячекъ во снѣ пріѣхавшихъ къ оной церкви архіерея Іова и епископа Аарона, болярыню Анну и княгиню Марью Татеву, князь Андрея Хилкова, кн. Юрья Голицына и многій съ ними народъ, и будто образъ пресвятыя Богородицы Тихвинскія (что въ паперти) виденъ былъ въ верху каменныя церкви, и будто архіереи и народъ, ставши предъ церковью, начали молебствовать, и будто онъ, вскочивъ отъ сна, былъ отъ видѣнія въ ужасѣ и страхѣ великомъ, и будто въ ту ночь, пришедши въ церковь къ утрени, священникъ съ причетниками обрѣли веліемъ благоуханіемъ и благовоннымъ ѳиміамомъ оную исполнену, и будто въ помянутомъ августа 13 числѣ слышалъ колесницы хожденіе или громъ, и будто вскочивъ отъ того съ постели и отъ страха, въ окно къ церкви посмотрѣвъ, слышалъ пѣніе многихъ ликовъ, и будто отъ такова страха палъ на землю и былъ яко мертвъ, не разумѣвая пѣваемаго и будто на многъ часъ слышалося: „радуйся невѣсто неневѣстная“ и „аллилуіа“, и будто потомъ выбѣжавъ на улицу, видѣлъ надъ церковью лучи, и будто слышалъ издалека гласъ: „Владычице пріими молитвы рабъ своихъ“ и прочая.

И то де все онъ дьячекъ, затѣя умышленіемъ своимъ ложно, чего никогда не видалъ и не слыхалъ; а вымысля все то собою и умысливъ оное, купилъ вышеписаннаго августа въ 1 числѣ въ Новѣгородѣ на Торговой Сторонѣ въ Суровскомъ ряду водки кроповой золотника три у Новгородца посадскаго человѣка Ильи Иванова сына Рябова, которому сказалъ будто имѣетъ потребу послать тое водку къ нѣкоторому изъ Новгородскихъ дворянъ требователю Ивану Гавріилову сыну Брянцову; да у другаго Новгородца посадскаго человѣка Михаила Иванова сына Копина купилъ рослого ладону $^1/_4$ ф. и сказалъ ему такую жъ о томъ ладонѣ потребу какъ и про оную водку объявилъ, а вышеозначенный свой умыслъ имъ не объявилъ. И купивъ оное, принесъ (онъ) въ домъ свой, въ которомъ спряталъ въ собственномъ своемъ чуланѣ, гдѣ онъ спалъ, и потомъ августа къ 13 числу въ ночи, часу въ 3 или въ 4, вышелъ онъ изъ дому своего тайно, взявъ съ собою ка-

(°) Читатели Русскаго Архива припомнятъ дѣло по осужденію на тюремное заключеніе этого самаго архіепископа Ѳеодосія (Р. Ар. 1864). *П. Б.*

меннаго оной церкви подцерковья ключь, который у него въ домѣ содержался, и тѣмъ ключемъ отомкнувъ оное подцерковье, взошелъ изъ того подцерковья въ обрушившуюся каменную церковь (пролѣзши усмотрѣннымъ тогда свободнымъ мѣстомъ) и съ тое обрушившейся церкви вшелъ въ обрѣтающуюся близъ оной по подобію придѣловъ деревянную великомученицы Параскевы церковь (въ которую изъ оной обрушившейся церкви святыя иконы и прочія вещи вынесены) гдѣ и служба въ свои времена отправлялася. И въ той де деревянной церкви южныхъ дверей (которыми изъ оной каменной церкви входъ бываетъ) онъ, дьячекъ, предъ тѣмъ своимъ приходомъ съ вечера, послѣ вечерняго пѣнія (какъ оную церковь въ небытность пономарскую вмѣсто пономаря замыкалъ и внутрь какъ напредъ сего запоромъ закладывалъ) ея не заложилъ, дабы ему въ тое деревянную церковь тайно взойти было свободно, въ которую тѣми заложенными дверьми изъ оной каменной церкви тайно и вшелъ и съ собою внесъ вышеозначенную водку и ладонъ да въ домашней кадильницѣ горящіе уголья и сѣреную тростку, которою зажегъ свѣщу и положилъ на оное уголье ладонъ, поставилъ съ тѣмъ оную кадильницу посредѣ церкви, гдѣ оная кадильница и была, доколѣ наполнилася вся церковь благоуханія. А предъ образомъ Пресв. Троицы и двѣмя Богородичными (изъ которыхъ одинъ Умиленія, а другой Тихвинской) возжегъ большія свѣчи и покропивъ обрѣтающіяся при тѣхъ образахъ пелены и помостъ оною водкою, дабы было больше благоуханіе и побывъ въ той церкви съ часъ и усмотрѣвъ, что оная довольна уже благовонія наполнилась, вышелъ вышеозначенными дверьми въ оную каменную церковь, изъ которой спустился въ подцерковье, и оттоль вышелъ на улицу, а двери церковныя затворилъ, которыя остались безъ внутренняго укрѣпленія, чему опасному осмотру отъ людей за онымъ невѣдомымъ имъ случаемъ быть не чаялъ, а подцерковье по прежнему замкнулъ, чтобъ того его входу никто познать не могъ, и помянутую кадильницу снесши въ домъ свой положилъ на чуланъ тайно, чтобъ никто не нашелъ. И потомъ, вышедъ на улицу, пришедъ до двору тое церкви попа Никиты Георгіева и постучавъ сказалъ ему, чтобъ онъ шелъ скорѣе въ церковь, а за чѣмъ того не сказалъ; токмо тѣмъ своимъ въ необычное время приходомъ и зѣльнымъ стучаніемъ показалъ дознаваніе нѣкоего необычнаго случая. Чего ради онъ попъ вскорѣ изъ дома своего вышелъ и пришедъ онъ съ нимъ Васильемъ ко двору племянника своего тоя жъ церкви дьячка Михаила Кондратова (у котораго церковные въ небытность пономарскую содержались ключи) вызвалъ его съ тѣми ключами ко оной деревянной церкви, въ которую они попъ Никита и дьячекъ Михайло тогда и пошли, а онъ Василій, показавъ себя нѣмственна, остался отъ нихъ при той церкви.

И какъ де оные попъ и дьячекъ, отворивъ церковныя двери, увидѣли возженныя свѣчи, почувствовали необычное благоуханіе, поставили то за великое чудо, не осматривая вышеозначенныхъ дверей и ходили для объявленія о томъ мнимомъ чудѣ соборной церкви Премудрости Божіей ключарямъ Іоанну Іоаннову и Аверкію Іоаннову, которые къ той церкви съ ними и приходили и вышеобъявленное видѣвъ доносили преосв. Аарону епископу Корельскому и Ладожскому, который, услышавъ оное, къ той церкви выше-

означеннаго августа 13 пріѣхалъ самъ и его Василія о вышеписанномъ спрашивалъ; но онъ показалъ себя нѣма, въ такомъ намѣреніи, дабы оному вымышленному чуду большее придать утвержденіе. И вмѣсто словеснаго объявленія, которое будто за нѣмствованіемъ учинить ему было невозможно, показалъ онъ тое вышеписанную прелесть своеручнымъ письмомъ, въ которомъ вышеименованныя персоны означилъ слѣдующихъ ради причинъ: архіерея Іова, который митрополитомъ въ Новгородѣ былъ, чтобъ люди, которые въ честномъ воспоминаніи имя его имѣютъ, удобнѣе къ увѣренію онаго вымышленнаго чуда склонились; а епископъ Ааронъ, который тогда правленіе Новгородской епархіи содержалъ, дабы то притворное чюдо не было уничтожено; а болярыня Анна Головина и княгиня Татева того ради, что тотъ образъ умиленія Богородицы былъ въ домѣ у той княгини Татевой и по смерти ея приказанъ въ Новгородъ отправить оной Головиной, отъ которой въ помянутую церковь и отправленъ, а князь Хилковъ и Голицынъ воспомянуты потому, что Хилковъ оной Татевой племянникъ, а Голицына при вышеозначенной Головиной въ проѣздъ черезъ Новгородъ онъ Василій видалъ и за свойственника ей причиталъ. И тѣ де всѣ персоны ко единому мѣсту поименно онъ собралъ и многъ народъ имъ пріобщилъ для того, чтобы, видя они воспоминаніе ихъ, ложнымъ и прелестнымъ его видѣніемъ показуемое, были къ поданію на устроеніе церковное приклонны.

И съ тогожъ его прелестнаго дѣйства взята ко оному епископу за рукою его Васильевой копія, какова и въ той церкви оставлена, а подлинное руки его письмо взято оными ключарями.

И какъ де о вышеписанномъ за чудо вмѣняемомъ прещеніи народъ увѣдалъ, начали въ тое церковь приходить многочисленно и приходя пѣть молебны и давали неоскудную дачу, принимая оную прелесть за самую истину. И съ вышеписаннаго де его прелестнаго письма многіе отъ народа для извѣстія списывая имали себѣ копію; а онъ де Василій въ тогдашнее время показывалъ себя нѣма и не точію съ кѣмъ иными, но и съ домашними своими не говорилъ недѣли съ три; и потомъ, аки отступающей отъ него нѣмотѣ, началъ по малу поговаривать и со временемъ свободно сталъ говорить по прежнему; и когда кѣмъ о вышеозначенномъ былъ спрашиванъ, сказывалъ оное всѣмъ аки самую истину.

И въ томъ де своемъ вымышленномъ лукавствѣ онъ дьячекъ какъ въ Новѣгородѣ пришедъ въ раскаяніе вину свою оному преосвященному архіепископу принесъ, такъ и нынѣ св. синоду повиновеніе приноситъ, и объявляетъ оное безъ всякаго притвора по совершенной правдѣ. А про оной де его умыслъ и прелестныя дѣйства никто не вѣдалъ и въ совѣтѣ и согласіи о томъ съ нимъ не бывалъ, и никому про то онъ не сказывалъ, токмо въ пятокъ первыя недѣли прошедшаго въ семъ году великаго поста приносилъ онъ о томъ на исповѣди покаяніе отцу своему духовному церкви Фрола и Лавра (что̀ въ Новѣгородѣ) священнику Тихону Зотикову, которой ему за оной прелестной притворъ епитеміи не положилъ. А доношеніе о томъ архіерею отъ него отца его ду-

ховнаго было ль, про то онъ Василій не извѣстенъ.

2.

1721 марта 25 въ архіерейскомъ разрядѣ духовныхъ и приказныхъ дѣлъ, предъ судьею архимандритомъ Андроникомъ, попъ Тихонъ Зотиковъ объявилъ, что дьячекъ Василей сознавался ему въ своемъ преступленіи на исповѣди въ нынѣшнемъ 1721 г. въ великій постъ въ пятокъ 1 седмицы, и онъ попъ хотѣлъ было наложить на него епитимію; но онъ дьячекъ объявилъ ему, что за оное свое дерзновеніе имѣетъ онъ повсядневной въ нынѣшній великій постъ, кромѣ субботы и недѣли, также и въ мясоѣдъ, по три дни въ недѣли постъ, да сверхъ того во оные жъ дни, въ кои постится, читаетъ 12 псалмовъ и Богородиченъ акаѳистъ, на что онъ попъ его дьячка и благословилъ и въ удовлетвореніе ему поставилъ; а преосвященному архіепископу и до его архіерейства преосвященному епископу о томъ онъ попъ не донесъ, бояся положеннаго за объявленіе дѣтей духовныхъ показанныхъ ими грѣховъ истязанія, а больше простотой и недознаніемъ.

3.

1721 сентября 29 приговоръ свят. синода: дьячка отослать за такую продерзость и безстрашіе къ градскому наказанію въ юстицъ-коллегію съ такимъ указомъ, чтобъ оное наказаніе отъ юстицъ-коллегіи учинено ему было по его царскаго величества правамъ въ Новѣгородѣ при оной церкви, въ которой онъ вышеозначенную притворную ложь учинилъ, и о томъ наказаніи учинена была бъ прежде экзекуціи обычайная публикація, дабы всѣ про такое притворное и вымышленное чудо слышавшіе могли вѣдать, что оное ложно есть, и видѣли бъ чѣмъ за то оной лживецъ къ таковому народному соблазну виновный наказуется; и то видя имѣлъ бы всякъ въ такихъ вымыслахъ страхъ и впредь бы никто такой на Бога и Святыхъ Его и на иконы лжи произносить и вымышленнаго притворства чинить отнюдь не дерзалъ подъ вящею казнію. А по наказаніи опредѣлено бы было о немъ, какъ его царскаго величества права повелѣваютъ; а отца его духовнаго попа Тихона Зотикова, который такую важную причину, учиненной народу соблазнъ, отъ него на исповѣди слышалъ, а исправленія ему никакого не учинилъ и архіерею о томъ соблазнѣ и вымышленной лжи за истину пріемлемой (о чемъ для прекращенія такого соблазна, какъ и о намѣренномъ бунтѣ и разбоѣ духовномъ, по состоявшемуся въ прошломъ 708 году марта 19 дня его царскаго величества указу доносить повелѣно, должно было вскорѣ донести) не донесъ и тѣмъ недонесеніемъ размножаться тому соблазну попустилъ: лишить, за такое попущеніе и недонесеніе, священнослуженія съ конечнымъ всѣхъ іерейскихъ дѣйствъ отсѣченіемъ, да и прочіе священницы въ томъ опасеніе возъимѣютъ.

4.

19 октября 1721 г. дьячекъ отосланъ въ юстицъ-коллегію, а 4 декабря состоялся приговоръ: *велино* вышеписаннаго бывшаго дьячка Ефимова за ложное его воровское въ народѣ разглашеніе и за богопротивной притворъ якобы въ той церкви отъ святыхъ иконъ происшедшаго чуда, которое онъ нарядно произволомъ своимъ учинилъ, вмѣсто славы нанесъ хулу имени Божью, казнить смертію,

сжечь, понеже по испытанному взысканію и вопросамъ, какъ преосвященному Ѳеодосію архіепископу Великоновгородскому и Великолуцкому и архимандриту Александроневскому, також и въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ онъ воръ дьячекъ принесъ повинную и сказалъ *(слѣдуетъ повинная дьячка, какъ прежде)* а по уложенію 1 главы 1 ст. такихъ хульниковъ „кто возложитъ хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, или на рождьшую Его пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію, или на Честный Крестъ, или на Святыхъ Его угодниковъ, и про то сыскивати всякими сыски накрѣпко, да будетъ сыщется про то дóпряма, и того богохульника обличивъ казнити, сжечь", и по 22 гл. 13 ст.: „а которые воры чинятъ въ людехъ смуту, и затѣваютъ на многихъ людей, своимъ воровскимъ умышленіемъ, затѣйныя дѣла, и такихъ воровъ за такое ихъ воровство казнити смертію". А оной дьячекъ чрезъ тотъ свой воровской сплетенный промыслъ, что въ славу имени Божія приноситъ св. церковь, то онъ въ Троицѣ славимаго Бога, ангельскому пѣнію и церковному благочинію притворилъ ложное и составное вымысломъ свидѣтельство и къ святымъ иконамъ будто чудо, котораго не было и чинилъ тѣмъ затѣйнымъ ложнымъ чудомъ въ народѣ смуту, раздавалъ въ народѣ съ того своего блядословнаго воровскаго письма копіи, которыя принимаемы были отъ него за истину: того ради и приговорили его Василія и съ нимъ то письмо, которое отъ него о томъ лживомъ чудеси написано, въ Новгородѣ при той церкви, въ которой онъ затѣйное чудо учинилъ для показанія тамошнимъ всѣмъ обывателямъ, *сжечь*, дабы впредь другимъ такое ужасное дѣло ложно и притворно затѣвать и тѣмъ народъ возмущать было не повадно.

И о томъ св. правительствующему синоду коллегія та симъ доноситъ и о подобащей ему Василію по христіанской должности, яко осужденному на смерть, исповѣди, такожде и о собраніи отъ народа розданныхъ имъ писемъ святѣйшій правительствующій синодъ, что повелитъ?

Графъ Андрей Матвѣевъ.

5.

Дьячекъ Василій Ефимовъ былъ посланъ изъ Петербурга въ Новгородъ къ архіепископу, а изъ архіерейскаго разряда писано: декабря 29 числа по его императорскаго величества указу оной дьячекъ Василій въ Новгородѣ сожженъ, точію нѣкоторыя части его тѣла оставшіяся отъ несгорѣнія, а именно: головы съ шеею токмо однѣ кости и часть груди и рукъ съ перстами и съ тѣломъ, а въ лѣвой руки зажатаго о ономъ ложномъ чудѣ списка его дьячковой копіи часть, которой и вынять за крѣпкимъ отъ онаго жару тоя руки спѣпленіемъ невозможно, также и прочихъ костей немалое число, которыхъ подробну за горѣніемъ по большей части росписать не возможно, по приказанію свѣтской команды управителя ректмейстера Семена Глѣбова бывшимъ при сожженіи того тѣла на караулѣ урядникомъ Родіономъ Тимоѳеевымъ съ солдаты и съ женою его дьячковой собраны въ гробъ и отнесены тѣми караульными ко оной женѣ его въ домъ, о чемъ и присланными при письмѣ за рукою вышеобъявленнаго ректмейстера помянутыхъ караульныхъ съ допросовъ копіями свидѣтельствуется. А въ народѣ отъ того не безъ соблазна; чего для по у-

вѣдомленіи опредѣленный отъ святѣйшаго синода въ Новѣгородѣ провинціалъ-инквизиторъ, оные остатки во гробѣ запечатавъ, поставилъ въ притворѣ церковномъ до полученія опредѣлительнаго о томъ изъ святѣйшаго синода указу.

6.

Изъ юстицъ коллегіи въ святѣйшій синодъ, мая 12 (1722).

Тотъ запечатанный гробъ съ тѣми оставшимися частьми сжечь на томъ же мѣстѣ, на которомъ тому дьячьку та казнь учинена была при провинціальномъ инквизиторѣ, отъ котораго тотъ гробъ запечатанъ при фискалѣ, а при томъ сженіи велѣть приставить караулъ и смотрѣть того накрѣпко, дабы тотъ гробъ съ тѣми оставшими частьми сгорѣлъ весь въ пепелъ; а ректмейстера Глѣбова, сыскавъ въ коллегіи юстиціи, допросить, оставшіяся того сожженнаго части чего-для означенному уряднику и солдатамъ въ гробъ собрать и въ домъ къ женѣ его отнесть велѣно, и въ какомъ намѣреніи то дѣлали, и съ кѣмъ и для чего тѣхъ оставшихся костей не велѣлъ на томъ мѣстѣ сжечь, и не имѣлъ ли съ кѣмъ о томъ въ народѣ какого разглашенія и допрося, пока онъ ректмейстеръ Глѣбовъ о всемъ томъ чистаго отвѣта не дастъ, держать его подъ карауломъ. Такожъ урядника Тимоѳеева и солдатъ, которые при томъ сженіи на караулѣ стояли въ Новгородскомъ провинціальномъ судѣ, каждаго порознь допрашивать, для чего они оставшихъ частей не сожгли и, во гробъ тѣ части склавъ, въ домъ жены его отнесли, и не имѣлъ ли съ кѣмъ ректмейстеръ о томъ въ народѣ согласія и въ какомъ намѣреніи то содержали и распрося держать ихъ подъ карауломъ. И тѣ ихъ распросы прислать въ Москву въ коллегію юстиціи, а ежели тѣ урядникъ и солдаты на кого покажутъ, что то дѣлано съ кѣмъ по согласіи, и тѣхъ потомужъ роспрашивать, а распрося держать подъ карауломъ, и тѣ ихъ распросы прислать въ Москву въ оную коллегію, о чемъ въ тотъ Новгородскій провинціальный судъ указъ посланъ, и о томъ о всемъ та коллегія святѣйшему правительствующему синоду симъ доношеніемъ отвѣтствуетъ.

ные дни; ученыя статьи профессоровъ университета по всѣмъ четыремъ факультетамъ; вступительныя лекціи новыхъ преподавателей университета; ученыя статьи кандидатовъ и студентовъ университета, одобренныя факультетами; извѣстія о новыхъ сочиненіяхъ профессоровъ, объ ученыхъ диспутахъ, о состояніи другихъ университетовъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ и т. под.

Въ *Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* за 1867 годъ, въ неофиціальномъ отдѣлѣ ихъ, были помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи:

а) *По отдѣлу наукъ историко-филологическихъ:* Переписка бар. Гр. А. Строганова съ Милошемъ Обреновичемъ въ 1817—1826 годахъ. *Н. А. Попова.* Историческія поминки по историкѣ. *С. М. Соловьева.* Письма русскаго путешественника (Карамзина). *Ѳ. И. Буслаева.* Николай Михайловичъ Карамзинъ. *М. Н. Лонгинова.*—Польскій примасъ въ минуты безкоролевья. *А. С. Трачевскаго.* — Русское населеніе по восточному склону Карпатъ. *Н. А. Попова.*—Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ. *В. О. Ключевскаго.*

в) *По отдѣлу наукъ юридическихъ*: Современное состояніе и значеніе политической экономіи. *С. С. Муравьева.*—Значеніе Карамзина въ исторіи русскаго законодательства. *Н. В. Калачова.* — Земскіе соборы на Руси. *И. Д. Бѣляева.* — Экономическія условія залога недвижимыхъ имуществъ въ частныя руки. *А. Н. Хоткевича.*

с) *По отдѣлу наукъ физико-математическихъ*: Обзоръ теоріи электричества. *А. Г. Столѣтова.* — Геологическія экскурсіи по губерніямъ Московсковской и Ярославской. *Г. Е. Щуровскаго.*—Отчетъ о геологической экскурсіи въ Костромской губерніи. *Н. Н. Викторскаго.*—Въ чемъ духъ естествовѣденія? *Н. А. Любимова.* — Первыя свѣдѣнія о флорѣ Костромской губерніи, со спискомъ растеній собранныхъ въ оной. *А. Н. Островскаго.*

д) *По отдѣлу наукъ медицинскихъ:* Введеніе въ общую терапію. *Д. Д. Зайковскаго.* — О нѣкоторыхъ патологическихъ измѣненіяхъ въ животномъ организмѣ, наблюдаемыхъ при отравленіи ртутью и ея препаратами. *Д. Д. Зайковскаго.*—О русской анатомической терминологіи. *Н. Д. Никитина.*

Московскія Университетскія Извѣстія выходятъ въ половинѣ каждаго учебнаго мѣсяца, съ исключеніемъ лѣтняго вакаціоннаго времени, по *девяти книгъ* въ годъ. Цѣна въ Москвѣ *три* рубля, съ доставкой на домъ или пересылкой въ другіе города *четыре* рубля. Подписка принимается *исключительно* въ книжномъ магазинѣ И. Гр. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго). Предъ подписавшимися въ другихъ мѣстахъ, хотя бы въ газетныхъ экспедиціяхъ, редакція не беретъ на себя отвѣтственности за недосланныя книжки. *Извѣстія* издаются подъ редакціей доцента Нила Александровича Попова. Редакціи газетъ и журналовъ, желающія получать *Московскія Университетскія Извѣстія* въ обмѣнъ на свои изданія, приглашаются высылать послѣднія на имя редактора *Извѣстій*, по слѣдующему адресу: Въ Москву *у большаго каменнаго моста, въ домѣ Грузинской царевны.*

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1868

(ГОДЪ ШЕСТОЙ)

принимается въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ на Мясницкой, № 7. Въ С. Петербургѣ у А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной.

Цѣна за годовое изданіе Русскаго Архива, состоящее изъ 12 выпусковъ, съ пересылкою и доставкою въ дома **ШЕСТЬ** рублей.

Иногородные подписчики обращаются съ своими требованіями *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1863 и 1864 по 5 р., 1865, 1866 и 1867 по 6 р. съ пересылкою. Желающіе получить *всѣ пять лѣтъ вмѣстѣ* высылаютъ 25 рублей, а выписывающіе при томъ и на 1868 годъ,—платятъ съ пересылкою 30 р.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **7** р.; *во Францію и Бельгію* **7** р. **50** к.; *въ Англію* **8** р.; *въ Швейцарію и Италію* **9** р.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**